

Посвящается
2000-летию Христианства
950-летию
Свято-Успенской
Киево-Печерской лавры

*Низкий поклон и сердечная благодарность
Предстоятелю Украинской Православной Церкви
Блаженнейшему митрополиту Киевскому
и всея Украины Владимиру,
Высокопреосвященнейшему митрополиту
Одесскому и Измаильскому Агафангелу,
наместнику Киево-Печерской лавры
Преосвященнейшему епископу Вышгородскому Павлу
за всестороннее содействие в создании книги,
а также доктору исторических наук, профессору,
академику Национальной академии наук Украины,
директору Института археологии П.П.Толочко,
генеральному директору Национального Киево-Печерского
историко-культурного заповедника С.П.Кролевицу,
директору Книжной палаты Украины,
доктору технических наук, профессору,
академику Международной академии
информатизации Н.И.Сенченко
и всем, кто причастен
к выходу книги.*

Игуменья Серафима

История Киево-Печерской Лавры

Книга 1

(XI — первая половина XIII в.)

Свято-Успенская Киево-Печерская лавра

Издательство «Мистецтво»

Киев 2001

ББК 86.372+63.3/4УКР/1
С 32

Игуменья Серафима
История Киево-Печерской лавры
Книга 1 (XI — первая половина XIII в.)
Историко-богословское исследование

В книге отражена панорама бытия одного из самых выдающихся центров всемирного Православия — Киево-Печерской лавры.

Издание освещает домонгольский период жизни лавры в церковно-историческом, богословском, социально-политическом, культурологическом и других аспектах.

Дизайн, компьютерная верстка
Леонид Брук, Марина Зенченко, Владимир Савиных

Фото
Евгений Калищук, Сергей Фрич

Главный редактор **Нина Прибега**

Редактор **Валентина Харченко**

Корректор **Светлана Гайдук**

Художественные редакторы
Николай Крепкий, Петр Буркут

Технический редактор **Светлана Гавриленкова**

- © Игуменья Серафима, 2001
- © Издательство «Мистецтво», 2001
- © Брук Л.Л., Зенченко М.Л.,
Савиных В.Е., дизайн, 2001
- © Калищук Е.Г., Фрич С.Ю., фото, 2001

И $\frac{0403000000-16}{207-2001}$ без объявления

ISBN 966-577-071-3

Вступление

Киево-Печерская лавра — великая святыня, имеющая всеправославное, всемирное значение. Отмечая ее 950-летний юбилей, необходимо во всей полноте осмыслить масштаб ее благодатной миссии в судьбе цивилизации. Зарождение в 1051 г. пещерной обители на днепровских склонах стало актом Божественного Промысла.

Трансцендентность феномена лавры коренится в основополагающем событии человечества — Пришествии в мир Бога Слова, Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа. Звезда Рождества Христова, воссиявшая на ночном небе Вифлеема более 2000 лет назад, зажгла неисчислимое множество благодатных лампад — христианских святынь, среди которых свет Киево-Печерской обители неповторимо светоносен и прекрасен. Юбилей монастыря неотделим от 2000-летнего юбилея Рождества Христова, сквозь призму которого мы воспринимаем все события истории Вселенной.

На заре Христианства грядущую славу лавры предвозвестил апостол Андрей Первозванный. Проповедуя в Скифии Евангелие, он взошел на холмы Днепра и возгласил, обращаясь к своим ученикам: “Видите ли горы сия? — яко на сихъ горахъ возсияетъ благодать Божия... и церкви многи Богъ въздвигнути иматъ”. Бытие Печерской обители было осенено благословением Божиим задолго до возникновения.

Провиденциальные мотивы создания лавры имеют глубокий Мариологический аспект. Свято-отеческая мысль гласит, что Киево-Печерская лавра, вслед за Афоном и Иверией, является уделом Божией Матери на земле. “Хощу церковь възградити Себе въ Руси, въ Києве... и въ ней хощу жити”, — приводит Киево-Печерский Патерик слова Царицы Небесной о соборном храме монастыря, нареченном в честь Ее Успения. Многочисленные знамения и чудеса сопровождали сооружение “боголепной, небеси подобной” Великой церкви Печерской. Это был первый Свято-Успенский храм на Руси, положивший начало общерусской традиции. Успенская семантика стала господствующей в отечественном храмоздательстве. “По образу и подобию” Печерской церкви создавались княжеские, епископские и монастырские соборы во всех градах и весях нашей Родины.

Залогом Своих неизреченных милостей Богоматерь оставила обители икону Успения: “Та наместная, рече, да будетъ”. Благодать Святого Духа, зримо почившая на иконе, была явлена иконописцам Печерской церкви, и среди них — юноше Алипию, впоследствии великому творцу иконописных шедевров Руси, основателю знаменитой киевской иконографической школы. Иконы преподобного Алипия славились особой силой чудотворений. Печерского изографа сравнивали с апостолом Лукой — создателем первых изображений Богоматери.

Архетипами Киево-Печерского монастыря были величайшие святыни Христианства: Афон, Гецсимания, пещерные обители Палестины, Египта, Греции. Духовность лавры созидалась на фундаменте всеправославного благодатного наследия и вобрала в себя все его непреходящее богатство: богословие, аскетику, культуру. Вместе с тем на этом базисе возрос новый духовный феномен, ни с чем не сравнимый. Лавра уникальна во всем. Уникален ее пещерный комплекс — подземная Фиваида. Неповторим фактор нетления и чудотворения столь многочисленного сонма мощей. Удивителен опыт ее исихии, ставшей академией подвижничества для всех последующих поколений иночествующих. Исключительна ее роль в становлении духовности, морали, государственности, культуры, искусства, просветительских, социальных и благотворительных начал огромного многоплеменного этноса — нации русов.

Средоточие святости, лавра взрастила великих угодников Божиих. Наставником подвижнической жизни для них был преподобный Антоний — воспитанник Афона, принесший на Русь благословение Святой Горы. Ученик аввы Антония, его сопостник и сомолитвенник, преподобный Феодосий создал на основе афонского исихазма и студиево-византийской аскетической традиции общежительный устав Киево-Печерского монастыря. “Отъ того же монастыря прияша вси монастыреве Рустіи уставъ”, — пишет Киево-Печерский Патерик. В анналы святости

преподобные и богоносные отцы наши Антоний и Феодосий вошли как создатели отечественной школы монашества, “первоначальники рускымъ мнихомъ”, а созданная ими обитель — как училище монашеского благочестия для всех, желающих служить Богу в ангельском чине. “Темъ же по чтенъ бысть монастырь Печерский, иже первее всех и честию выше всех”, — говорит летопись.

Глубокий синтез скитского созерцательно-отшельнического и киновиального, активно-созидательного направлений иноческого пути, нераздельно-неслиянно воплощенный в подвиге святых Антония и Феодосия, явил миру образец монашеского идеала, воспаряющего к Небу на могучих крыльях молитвы и добродетели. Идеал этот стал путеводной звездой для собратьев и духовных чад святой двоицы — иноков печерских: Никона Великого, Кукуши Преподобномученика, Григория Чудотворца, Николы Святоши, Матфея Прозорливого, Никиты Затворника, Пимена Постника, Марка Пещерника, Иоанна Многострадального, Онуфрия Молчаливого, Павла Послушливого, Никона Многотерпеливого, Арсения Трудюбивого и др. О величии подвига преподобных отцов красноречиво говорят сами имена этих “земных ангелов и небесных человек”.

Печерские иноки активно участвовали в церковной и общественной жизни страны. Домонгольская иерархия Киевской митрополии в основном формировалась из печерских постриженников. “Отъ того... монастыря Пречистыя Богоматери мнози епископи поставлени быша... и яко светила светлаа осветиша всю Рускую землю”, — говорит Патерик. Некоторые из них были перво-святителями нашей Церкви, как Иларион мних, первый митрополит всея Руси, избранный в 1051 г. на предстоятельство из русичей, и Ефрем, местоблюститель митрополичьего престола в 1091-1096 гг. Многие лаврские черноризцы находились в эпицентре важнейших церковных и общественных процессов, оказывали решающее влияние на формирование идеологических основ нации, внесли большой вклад в становление базисных гуманитарных институтов общества.

Именно из стен Печерского монастыря вышли первые отечественные богословы, агиографы, иконописцы, гимнографы. Здесь зарождались начатки древнерусской литературы, изобразительного искусства, юриспруденции, медицины, педагогики, благотворительности. До нас дошли имена гениальных деятелей Руси — печерских черноризцев: преподобных Нестора летописца, Алипия иконописца, Агапита врача, Илариона книжника, Григория творца канонов и многих других. Высокий дар проповедничества имел преподобный Феодосий, которого называют одним из крупнейших идеологов древнерусского государства.

Святая обитель за долгий исторический путь познала много скорбей, но предстательством Пречистой Богоматери — Игумении монастыря и молитвами чудотворцев Печерских победила все невзгоды и встречает свой юбилей обновленной и прекрасной. Сегодня, задумываясь над судьбами мира и Отечества, необходимо черпать силы от источника лаврской духовности, учиться жизни и спасению у святых угодников Печерских, взывать к ним о помощи и вразумлении. Благодать этого источника не иссякнет вовеки, как не иссякнет благоволение Богоматери к Своему благодатному уделу на земле — святой обители Киево-Печерской, “архимандритии всея Руския земли, еже есть лавра”.

Владимир,
*митрополит Киевский и всея Украины,
Предстоятель Украинской Православной Церкви,
Священноархимандрит Свято-Успенской
Киево-Печерской лавры.*

Киев, лавра, 2001 г.

Предисловие

Книга “История Киево-Печерской лавры”, созданная подвижническим трудом игуменни Серафимы, является ярким богословско-историческим исследованием. В ней воссоздана максимально полная картина одного из известнейших центров духовности и культуры всех восточных славян. Автором использовано большое число письменных источников (летописи, житийные сказания, церковные повести), а также многочисленные исследования предшественников, как церковного, так и светского характера. В результате столь кропотливой и многотрудной работы исследование обрело не только богословско-агиографическую полноту, но и научную глубину.

С особым душевным волнением представлены в книге жизнеописания преподобных печерских угодников, святых Антония и Феодосия. Это они, обогатившись опытом монастырского общежития Византии, сообщили Киево-Печерскому монастырю непререкаемый авторитет не только в церковной, но и в светской жизни. Не случайно монастырь уже в самом начале своей истории стал местом паломничества для богомольцев всей огромной страны. За советами к мудрым печерским старцам обращались также сильные мира сего, в том числе и великие киевские князья. Ярослав Мудрый возвел на митрополичий престол Киева первого печерского подвижника Илариона, одного из образованнейших людей Киевской Руси, прославившегося знаменитым трудом “Слово о Законе и Благодати”.

Ярким явлением жизни Киево-Печерского монастыря, на чем особо останавливается автор исследования, была историческая письменность. Это летописи, агиографические и гимнографические произведения. В стенах монастыря создана одна из лучших древнерусских летописей “Повесть временных лет”, которая легла в основу всего последующего русского летописания. Ее автор, летописец Нестор, воспроизвел широкую картину славяно-русской истории от VI по начало XII в., используя для этого летописные труды своих предшественников, а также хроники греческих авторов. Этому же автору принадлежат житийные сказания о Феодосии Печерском, о святых князьях Борисе и Глебе. Большой вклад в печерское летописание внесли игумены Никон Великий, Иоанн, Поликарп. В начале XIII в. агиографические труды печерских книжников стали основой для создания Патерика — книги, которая как бы подытожила двухсотлетнюю историю Печерского монастыря.

Огромно и многолико культурное наследие Киево-Печерского монастыря. Его Успенский собор (или, как он еще именуется, Великая Печерская церковь), возведенный и украшенный при участии греческих мастеров, стал образцом для храмовых построек конца XI–XII вв. по всей Руси. В Печерском монастыре трудились известные иконописцы, в том числе и знаменитый художник Алимний (Алипий), прошедший школу греческих мастеров и творивший дивные образы, расхоронившиеся далеко за пределы Киева. На территории монастыря работали ювелиры, изготавливавшие церковную утварь, оклады богослужебных книг, кресты и панации. Археологические исследования выявили в пределах монастырских стен мастерские по производству мозаики и стекла, используемых при постройке храмов. Чрезвычайно интересны также сюжеты книги, рассказывающие о церковной поэзии и пении, о печерских “лещцах”, среди которых особой славой удостоился врач Агапит.

В продолжение всего исследования игуменния Серафима последовательно раскрывает всевозможное славянское значение Киево-Печерского монастыря. Он был началом и главой всем древнерусским монастырям, большинство из которых основано печерскими монахами. К нему стекались со всех концов огромной страны подвижники православной веры, и он же являлся своеобразной духовной академией, готовившей высших церковнослужителей для многих земель Киевской Руси. Как свидетельствует Владимирский епископ Симон, сам прошедший школу печерского подвижничества, из Киево-Печерского монастыря вышло 50 епископов. Многие из них, как Новгородский архиепископ Нифонт, стали выдающимися духовными авторитетами не только в пределах вверенных им епархий, но и всей Православной церкви Руси.

Особая глава посвящена месту и роли Киево-Печерского монастыря в становлении русской государственности. Игуменья Серафима подчеркивает тесную связь истории главной монашеской обители Руси с государственно-политическими процессами страны. Великие киевские князья Изяслав и Святослав Ярославичи приняли деятельное участие в строительстве монастыря. В свою очередь монастырь, благодаря высокому моральному и церковному авторитету его известнейших служителей, оказывал большую помощь княжеской власти в объединении восточнославянских земель в единое государство, а также в консолидации православной общности Руси. В летописях неоднократно отмечаются не только молитвенные посещения киевскими князьями Печерской обители, но также их встречи с игуменами для обсуждения важных государственных дел.

Тема Киево-Печерского монастыря в период его древнерусской истории не обойдена вниманием в отечественной историографии, о чем свидетельствует богатый справочный аппарат исследования. И все же можно с уверенностью утверждать, что монографических исследований, в которых бы Печерский монастырь был представлен всеобъемлюще, как явление духовной, культурной, политической и социальной жизни Киевской Руси, немного. Пожалуй, только две. Это Киево-Печерский Патерик начала XIII в. и “Описание Киево-Печерской лавры” 1826 г., выполненное киевским митрополитом Е.Болховитиновым. Книга игуменьи Серафимы третья в этом ряду. Разумеется, это современное исследование, основанное на всех имеющихся источниках, а также на научном опыте многих поколений историков.

Книга написана хорошим литературным языком, искренне и взволнованно. Все это дает основание надеяться, что она станет заметным явлением в богословско-исторической литературе и, безусловно, с благодарностью будет встречена читателем.

П.П.Толочко,
доктор исторических наук,
профессор, академик НАН Украины,
директор Института археологии,
действительный член Академии Европы.

Глава I

«Сказаніє, что ради прозвася Печерський монастырь»

Земле Русская, граде святыи!
Украшай твой дом,
в нем же Божественный
велии сонм святыи прослави.
Церковь Русская, красуйся и ликуй,
се бо чада твоя престолу Владычню
во славе предстоят радующеся.
Соворе святыи русских,
полче Божественный,
молитесь ко Господу
о земном отечестве вашем
и о почитающих вас любовию.
Новый дом Евфрафов,
уделе избранныи, Русь Святая!
Храни веру православную,
в ней же тебе утверждение.

(Тропарь всем святым,
на Руси просиявшим).

лагословен Господь Бог Израилев, Бог христианский, яко посети и сотвори избавление людем Своим (Лк. 1, 68), что не попустил до конца творению Своему идольским мраком одержимым быть. Ибо вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла. Помилował нас Бог, и воссиял в нас свет разума, чтобы познать Его», — говорит митрополит Киевский Иларион в своем бессмертном «Слове о Законе и Благодати»¹.

Этот свет, разогнавший смертоносную мглу греха и идолопоклонства, в котором пребывала языческая Русь, зажегся от Вифлеемской звезды, той «звезды с Востока» (Мф. 2, 2), что сиянием своим залила всю Вселенную, даровав людям радость надежды, тепло веры, торжество любви.

Как когда-то над ночным Вифлеемом, взошла она и над киевскими горами. Ее лучи осветили языческие дебри, преобразили душу полудикого народа, превратив его в «родь избрань, царское священіе, язык святъ, люди обновленія» (1 Пет. 2, 9).

Вот уже два тысячелетия, служа спасительным маяком человечеству, эта путеводная звезда ведет наш богоизбранный народ через тьму адовых препон к Вечной жизни и Правде.

«Рождество Христово — это постоянное присутствие в мире, в жизни, в человеческой истории и в наших судьбах Господа Иисуса Христа, — пишет в одном из своих трудов Блаженнейший Владимир, митрополит Киевский и всея Украины. — Для этого Он основал Свою Святую Церковь и ввел Евхаристию, в которой и заключается Его sacramентальная сущность»².

Сегодня, на пороге третьего тысячелетия, особо пристальным становится взгляд в необозримую панораму прошлого. Как никогда напряженно работает мысль, ища ответа на императивы современности. И от всего сердца идет к Богу молитва о будущем. Чтобы было оно счастливым и благодатным — для державы, для общества, для каждого человека.

Находясь у этого эсхатологического Рубикона и омысливая вехи отечественной истории, сознание вновь и

вновь возвращается к началу христианского периода, основополагающего в Домостроительстве ее бытия.

Промысел Божий преопределил нашей земле огласиться благовестием Евангелия еще в апостольские времена. Вскоре после сошествия Святого Духа по обетованию вознесшегося Господа, во время всемирной апостольской проповеди, Скифию посетил святой Андрей Первозван-

Крестовоздвиженская церковь на Андреевской горе. 1215 г. Не сохранилась.

ный. Это событие ознаменовало начало новой, христианской эры для нашей славянской прародины.

Вот как пишет об этой судьбоносной миссии апостола Христова Нестор Летописец в «Повести временных лет»:

«Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра... и приплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И... пришел и стал под горами на берегу. И... сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог многие церкви». И взошел на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу»³.

Святой апостол Андрей, преподав благословение сему месту, благословил тем самым первопрестольную столицу Киевской Руси задолго до ее появления, благословил на все века и предсказал ее великое будущее.

Произнеся свое боговдохновенное пророчество, Андрей Первозванный провидел славу Киева — колыбели трех могучих славянских народов, зрел духовным взором величие святынь этого нового Иерусалима и нового Константинополя, как справедливо называют нашу древнюю столицу. Вряд ли еще какая страна удостоилась столь знаменательного начала своей истории. Так два события — пришествие в мир Господа Иисуса Христа и благословение апостолом Андреем Первозванным нашей земли — сплелись воедино.

В своей «Повести временных лет» преподобный подвижник-летописец создает масштабную картину бытия народа и страны. Вместе с тем он охватывает зорким взглядом панораму всей Вселенной с ее необозримыми географическими пространствами. Словно гигантский свиток, разворачивается перед нами летопись мировых событий, начиная от создания человека, его грехопадения, искупительной жертвы Господа Иисуса Христа и останавливаясь на крещении русов святым равноапостольным князем Владимиром.

В его «Повести» все связано воедино: и всемирный потоп, и разделение земли между сыновьями Ноя, и строительство Вавилонской башни, и смешение языков, и происхождение племени славян от библейского Иафета. Рассказ о прошлом выступает здесь как общечеловеческая летопись, в которую органично вшиты страницы отечественной истории, ибо, по концепции Нестора, корни славянской нации тесно сплетены с корневищем родословного древа всего потомства Адама — рода людского.

Летописец рассказывает о христианском становлении и духовном возрастании славянских народов, подчеркивая огромную роль в деле их просвещения святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, совершивших перевод священных текстов на славянский язык: «И рады были славяне, что услышали слова о величии Божиим на своем языке»⁴.

Он отдает дань преклонения великим деятелям Киевской Руси, прославившим ее подвигами веры, трудами государственного строительства, военными походами. Это основатели Киева Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь; князья Аскольд и Дир, первыми из владетелей принявшие

*Апостол Андрей ставит крест на киевских горах.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

*Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

христианство; князья Олег, Игорь и Святослав, равноапостольные княгиня Ольга и князь Владимир, просветившие народ светом православной веры ⁵.

«Что же принесла нашему народу святая православная вера? — пишет Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир. — Прежде всего помогла ему «обрести бесценный бисер, Христа». Вера воздвигла по всей Руси святые Божии храмы и святые обители. В монастырях получила начало наша письменность. Здесь были открыты первые на Руси школы. Монахи-летописцы записывали историю нашего Отечества. Христианская вера наложила яркий отпечаток на древнерусские гражданские законы, смягчив языческую жестокость. Вера в нашем народе и обществе укрепила семейные устои, которых не было в язычестве с его многоженством. На протяжении всей истории вера содействовала просвещению, освящению и обновлению человеческих душ и сердец. Святая вера прославила и вознесла на небо сонмы святых угодников Божиих, наших соотечественников, молитвенников и предстателей за наш боголюбивый народ. Они молятся о нашей стране и о людях, они просят для нас у Бога милосердия и помогают нам в нашем церковном и патриотическом служении» ⁶.

Крещение Киевской Руси летописец ставит во главу угла исторического здания государства, видя в этом при-

общение нации через универсальность Закона Божия к общечеловеческому единству: «Мы же, христиане всех стран, где веруют во Святую Троицу, во единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа» ⁷.

Благодать, осенившая наших предков, принесла с собой духовное преображение и обновление, по слову святого апостола Павла: «Не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим. 12, 2). Еще до преподобного Нестора об этом обновлении писал в «Слове о Законе и Благодати» митрополит Киевский Иларион: «И подобало Благодати и Истине над новыми народами воссиять. Ибо не вливают, по словам Господним, вина учения нового, благодатного в мехи ветхие... Но новое учение — в новые мехи, новые народы, «и обое соблюдется» (Мф. 9, 17). Так и есть. Ибо вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла... и мы со всеми христианами славим Святую Троицу» ⁸.

Святитель Иларион подчеркивает особую роль в деле крещения Руси равноапостольного князя Владимира: «Он заповедал по всей земле своей креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы открыто и громгласно славилось во всех городах имя Святой Троицы и все были христианами: малые и великие, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простолюдины, богатые и убогие. И ни один

Крещение князя Владимира.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

человек не противился его благочестивому повелению... так как благоверие в нем соединено было со властью. И в одно время вся земля наша стала славить Христа со Отцем и Святым Духом». Митрополит Иларион называет князя апостолом и впервые в истории Церкви провозглашает его святым, говоря, что Бог удостоил просветителя Руси славы и почестей небесных. Святитель обращается к нему с молитвой: «Помолися Господу о земле своей и людях, над которыми ты благоверно владычествовал»⁹.

Церковный и жизненный путь митрополита Илариона — один из самых прекрасных плодов духовного обновления Киевской Руси. Прошло всего несколько десятилетий после ее крещения, как уже взошли обильные всходы, появилось новое поколение, не просто приобщившееся к Богу, но сподобившееся драгоценных даров премудрости и Богопознания. Появились первые богословы, благовестники, мученики, исповедники, составившие благодатный лик Воинствующей Церкви. Церкви, обогатившейся кровью невинно убиенных Бориса и Глеба, прославленной чудесами преподобных подвижников и праведных угодников Божиих, озаренной знаменами особого благоволения Господня.

Одним из таких знамений промысла Божия о молодой национальной Церкви стало избрание на киевский престол, доселе возглавлявшийся присылаемыми из Византии митрополитами-греками, первого предстоятеля из коренного народа. Вот эту Церковь — юную поросль вселенского Православия, сначала немногочисленную и гонимую, а затем стремительно разросшуюся, раскинувшую свои епархии на огромных просторах от Галича и Новгорода до Тмутаракани, получившую государственный статус и государственную поддержку, украсившуюся соборами, храмами и монастырями, повелел Бог возглавить святителю Илариону.

«Повесть временных лет» это событие датирует 1051 годом: «Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ, русина, въ святой Софьи, собравъ епископы»¹⁰. «Избрание Илариона на кафедру митрополии Киевской составляет знаменательное явление, — пишет историк Церкви митрополит Макарий (Булгаков). — В первый раз обнаружилась мысль, что и наша отечественная Церковь может сделаться независимую в собственном управлении, нимало не нарушая ни своего уважения к Константинопольскому патриарху,

ни догматов православия, ни канонов церковных... Многозначительное по внутреннему смыслу избрание митрополита Илариона совпадает еще с другим важнейшим событием — основанием Киево-Печерской лавры, которая имела величайшее влияние на состояние нашей Церкви: способствовала распространению ее пределов, дала ей многих достойных иерархов, передала богослужебный и иноческий устав Студийский, послужила образцом для прочих наших обителей и содействовала вообще самым благотворным образом нравственному воспитанию народа»¹¹.

Выбор Ярослава Мудрого был не случаен. Желая огрadyть свое заметно усилившееся в церковном, политическом и военном значении княжество от влияния Византии, великий князь избрал на митрополичий престол «русина» — старшего священника загородной дворцовой церкви «презвитера» Илариона¹². Об этом пишет сам Иларион в «Молитве»: «Я, милостию человеколюбивого Бога... изволением Его рукоположен и настован чрез благочестивых епископов в великом и богохранимом граде Киеве, чтобы быть мне в нем митрополитом, пастырем и учителем»¹³.

Богослов и проповедник, историк и философ, государственный деятель и один из виднейших церковных иерархов домонгольского периода, Иларион был человеком энциклопедического ума и высоких духовных дарований. Еще до архиерейской хиротонии он прославился знаменитой проповедью «Слово о Законе и Благодати», произнесенной, как полагают, за два года до этого, на Пасху, в кафедральном соборе Святой Софии¹⁴.

Большая часть «Слова» посвящена актуальному для новопросвещенного христианского сознания мировоззренческому вопросу о соотношении двух Заветов: Ветхого и Нового. Взаимоотношение это рассматривается Иларионом в символических схемах христианского богословия, в последовательном проведении символического параллелизма. Ряд образов заимствован из византийской богословской литературы. Однако сам подбор этих традиционных символических противопоставлений оригинален. Илари-

он создает собственную патриотическую концепцию всемирной истории. Эта концепция замечательна и дает ему возможность осмыслить историческую миссию Русской Земли. Иларион настойчиво выдвигает вселенский, универсальный характер Христианства, Нового Завета («благодати») сравнительно с национальной ограниченностью Ветхого Завета («закона»).

«Особенное значение в противопоставлении Нового Завета Ветхому Иларион придает моменту национальному. Ветхий Завет имел временное и ограниченное значение. Новый же Завет вводит всех людей в вечность. Всемирная история представляется Илариону как постепенное распространение Христианства на все народы мира, в том числе и на русский. Рассказав о вселенском характере Христианства... Иларион свободно и логично переходит затем ко второй части своего «Слова», сужая тему, — к описанию распространения Христианства по Русской Земле: «Се бо уже и мы с всеми христианами славим Святую Троицу». Русь равноправна со всеми странами: «Вся страны благий Бог наш помилова, и нас не презре, въсхоте и спасены в разум истинный приведе». Русскому народу принадлежит будущее, принадлежит великая историческая миссия: «И събытсья о нас языцех* реченное: открыет Господь мышцу Свою святую предо всеми языки и узрят вси конци земли спасение еже от Бога нашего» (Ис. 52, 10). Патриотический и полемический пафос «Слова» растет по мере того, как Иларион описывает успехи Христианства среди русских. Словами Писания Иларион приглашает всех людей, все народы хвалить Бога. Патриотическое воодушевление Илариона достигает высшей степени в третьей части «Слова», посвященной прославлению Владимира Святославича... За третьей, заключительной, частью в некоторых рукописях следует молитва к Владимиру. «И донеле же стоит мир, — обращался Иларион в ней к Богу, — не наводи на ны** напасти, искушения, ни предай нас в руки чуждых, не прозовется град Твой пленен и стадо Твое пришельци в земли несвоей». Была ли эта заключительная молитва Илариона органической частью «Слова» или она была составлена отдельно — не совсем ясно, но во всяком случае она едина со «Словом»... Соединение богословской мысли и политической идеи создает жанровое своеобразие «Слова». В своем роде это единственное произведение»¹⁵.

Иларион был духовником князя и в силу этого оказывал на него значительное влияние не только в религиозном, но и в государственном аспектах. Он являлся ближайшим сподвижником Ярослава в деле просвещения народа, создания библиотек, распространения училищ. Он занимался также государственными и правовыми вопросами, принимая участие в создании свода законов — «Правды Русской». Особенно велика его роль в упорядочении церковного устройства. В преамбуле церковного Устава Ярослава сказано: «А се азъ, князь великий Ярославъ, сынъ Володимировъ... сгадаль есмь съ митрополитомъ Киевским и всея Руси Илариономъ, сложихомъ греческыи Номоканонъ»¹⁶.

* Народы.

** Нас.

Но не только этими выдающимися качествами Илариона руководствовался князь в своем выборе. Зная, что «епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержен» (Тит. 1, 7-8), Ярослав искал кандидата на митрополичий престол прежде всего благочестивого и духовного.

Часто посещая летний дворец села Берестова и отдыхая в тиши густых березовых лесов, которые и дали название загородной княжеской резиденции, Ярослав любил бывать на богослужениях в церкви святых Апостолов¹⁷, построенной еще князем Владимиром вскоре после своего крещения. Здесь Ярослав имел возможность видеть великие подвиги пресвитера Илариона, который, стремясь к нравственному совершенству и богомыслию, часто удалялся от придворного шума и суеты в особо избранное им место на Берестовой горе, возвышавшейся над Днепром и поросшей дремучим лесом, для беспрепятственного уединенного общения с Богом. Эта тяга к аскетическим подвигам является одним из бесспорных доказательств того, что Иларион, «муж благ, книжник и постник», как пишет о нем преподобный Нестор, был к тому времени уже монахом. «За эти-то, без сомнения, достоинства смиренный пресвитер по воле князя и избран собором епископов прямо в митрополиты, приняв предварительно пострижение от преподобного Антония», — говорит владыка Макарий (Булгаков)¹⁸. Сам Иларион свидетельствует о себе: «Аз... мних и пресвитер»¹⁹. Лаврское предание утверждает также, что Илариона постриг преподобный Антоний Печерский. Об этом говорит одна из редакций послания Симона к Поликарпу из рукописного Киево-Печерского Патерика.

Для нас драгоценен рассказ преподобного летописца о том, как Иларион «хожаше с Берестоваго на Днепр, на холм, где ныне ветхий монастырь Печерский, и ту молитву творяше, бе бо ту лес велик. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя с Берестоваго, отпеваше часы и моляшеся ту Богу втайне. Посем же Бог князю вложи в сердце, и постави его митрополитом в святей Софьи, а си печерка тако оста»²⁰.

Одинокая, спрятанная в вековых зарослях леса пещера преподобного Илариона, орошенная его слезами и озаренная светом праведных молитв, стала первым ростком, возле которого в скором времени возрос прекрасный «духовный луг»²¹, явилась краеугольным камнем обширнейшего пещерного города — Киево-Печерской лавры. Как небольшое семя, брошенное, по евангельской притче, в благоприятную почву, всходит и дает сторичный плод, так и эта пещера, в которой впоследствии поселился пришедший из Афона преподобный Антоний, взрастила целый сонм подвижников, каждый из которых принес Господу обильные плоды добродетели. И недаром преподобный Нестор в своей летописи начинает рассказ об Иларионе такими словами: «И се, да скажемъ, что ради прозвася Пе-

черьский монастырь». Этим Нестор ясно указывает на первого монаха, первого пещерного жителя обители.

Церковное предание отождествляет его с преподобным Иларионом схимником, мощи которого почивают в Дальних пещерах²². Это подтверждается и лаврским преданием. Действительно, мощи преподобного Илариона издавна лежали облаченными не в схимническое, а в святительское одеяние — в голубую митрополичью мантию. В каноне преподобным отцам Ближних пещер имя Илариона схимника поставлено наряду с именем Михаила, первого митрополита Киевского, мощи которого с 1103 г. по 1730 г. находились в Антониевых пещерах. Однако некоторые современные церковные историографы отделяют личность святителя Илариона от личности преподобного Илариона схимника²³.

Степенная книга и многие древние рукописи называют Илариона святым. В каталоге архиереев из новгородской Софийской библиотеки пишется о нем: «Преставился в лето 6579 и положен в Печерском монастыре, и крайней ради его добродетели бысть свят и чудотворец предивен. Сей святыи Иларион митрополит первее начат копати пещеру»²⁴. Но «ни в одном из известных нам рукописных наших месяцесловов XIII, XIV и последующих веков имя митрополита Илариона не встречается»²⁵. Если же исходить из лаврского предания, которое отождествляет его с Иларионом схимником, почивающим в Дальних пещерах, то память его — 21 октября и 28 августа, в день Собора преподобных отцев, в Дальних пещерах почивающих.

Церковное служение митрополита Илариона было недолгим. Всего через несколько лет, еще до смерти князя Ярослава в 1054 г., он, по преданию, оставляет кафедру и снова возвращается к уединенной монашеской жизни, приняв схиму. В Печерском монастыре Иларион схимник занимался летописанием, а также переводом и перепиской книг, ибо «бъше бо и книгам хытр писати, сии по вся дни и нощи писааше» под началом «великоумнаго Никона»²⁶.

Наследие святителя Илариона грандиозно. Он — первый предстоятель нашей Поместной Церкви из русичей. Как духовник и сподвижник князя Ярослава Мудрого, он имел прямое отношение ко всем достижениям Ярослава «золотого века»: строительству митрополичьего собора Святой Софии по образу и подобию константинопольского Софийского собора, Златоверхой Благовещенской церкви на городских воротах, монастырей в честь святого Георгия Победоносца, который был им освящен 26 ноября 1051 г., и святой Ирины. «И ины церкви ставляше по градом и по местам... и радовашеся Ярослав, видя множество церквий»²⁷. Чрезвычайно важным является то, что Георгиевский собор был предназначен для «настоноования ново-ставимым епископам»²⁸ Киевской митрополии, т. е. имел патриаршие функции. Святитель Иларион идеологически обосновал значение столицы Руси как «нового Константинополя», как удела Пресвятой Богородицы, говоря в обращении к князю Владимиру о его сыне Ярославе: «Он и славный град твой Киев обложил величием, как венцом, и предал народ твой и град святой всеславной скорой по-

*Возведение святого Илариона на предстоятельство.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

мощнице христиан Богородице, Которой создал и церковь на великих воротах в честь первого праздника Господня — святого Благовещения, так что приветствие архангела Деве можно приложить и к сему граду. Деве сказано было: Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою (Лк. 1, 28). А граду можно сказать: благоверный граде, Господь с тобою»²⁹.

Святитель Иларион, по согласованию с князем, установил дни освящения Софийского собора — 4 ноября и храма святого Георгия — 26 ноября ежегодно праздновать во всей митрополии. Это должно было укрепить идеологическое обоснование Киева как нового Константинополя.

При митрополите Иларионе повсеместно открывались училища, библиотеки, школы, процветали искусства, возрастало книжное учение. Именно при нем национальная Церковь достигла высшего авторитета. Благодаря его деятельности Церковь и власть пребывали в состоянии идеального сосуществования, так называемой «симфонии», когда Церковь освящала и благословляла деяния власти, а власть все свои устремления согласовывала с Церковью во благо страны и народа. Митрополит Иларион всего себя отдал на служение родной земле, способствовал утверждению величия Святой Руси, которая при нем стала «ведома и слышима всеми четырьмя концами земли».

Важным деянием святителя было создание, совместно с Ярославом Мудрым, церковного Устава, в котором византийское церковное право было приспособлено к условиям и потребностям религиозной жизни древнерусского государства. В истории он известен как Ярославов Устав. «Теперь очевидно, что Ярославов Устав есть не повторение Устава Владимирова, а его продолжение и подробнейшее раскрытие и представляет собою шаг вперед в истории нашего церковно-гражданского законодательства»³⁰.

В правление Илариона состоялось упорядочение богослужения с учетом национальных особенностей, при ориентации на наследие вселенской Церкви. Так, в первый год своего настоноования он приглашает из Греции лучших певцов-доместиков для введения демественного пения: «Отъ нихъ же начать быти в Русей земли ангелоподобное... и самое красное демественное пение, въ похвалу и славу Богу и Пречистой Его Матери, и всемъ святымъ»³¹.

Позднее, наряду с греческим и болгарским, появились киевский, знаменный и другие распевы, составившие славу отечественного церковного певческого наследия. Мит-

рополиту Илариону, таким образом, принадлежит честь создания певческих основ славяно-русского уставного круга богослужения, а вместе с ним и зачатков национальной музыкальной культуры.

Реформа святителя Илариона имеет прямое отношение к Киево-Печерской лавре. Ученик преподобного Феодосия Печерского, domestик Стефан создает в монастыре клирос по греческому уставу. История сохранила имена монастырских клирошан — канонархов Геронтия и Леонтия. Можно предположить, что domestик Стефан имел контакты с митрополичьим «двором domestиков», построенным при Иларионе за Десятинной церковью для приглашенных греческих учителей.

Митрополит Иларион создал первый русский Катехизис — «Православное исповедание веры», в котором боговдохновенно изложил догматы Православия. «В своем «Исповедании веры», — пишет современный церковный исследователь, — святитель Иларион дает как образец прекрасного выразительного слова, так и завершённую богословскую идею догматов Православной Церкви»³². По догматической безупречности и силе слова «Исповедание» Илариона стоит выше, чем фундаментальные «Большой Катехизис» Лаврентия Зизания и «Православное исповедание Церкви Восточной» Петра Могила.

Он написал гениальное «Слово» — первое дошедшее до нас авторское литературное произведение³³. «Уцелевшие сочинения митрополита Илариона приводят к мысли, что он писал гораздо больше. Невозможно допустить, чтобы человек, мало упражнявшийся в сочинениях, мог вдруг написать такое художественное Слово и выразиться с такой богословской точностью, какой отличается его исповедание веры. Может быть, со временем кому-либо посчастливится открыть еще некоторые творения нашего знаменитейшего писателя XI в.»³⁴. Илариону усвоятся «Поучение о пользе душевной ко всем православным христианом», «Поучение об отвержении мира», «Наказание к отречшимся мира Христа ради», «Поучение о безмолвии»³⁵ и др.

Он был первым агиографом, создав житие князя Владимира — неподражаемую «Похвалу кагану нашему Владимиру». О влиянии трудов митрополита Илариона на развитие славянской литературы говорит, например, тот факт, что «Слово» было использовано в Сербии в XIII веке иеромонахом Дометианом при составлении житий сербских святых Симеона и Саввы. Творчество Илариона оказало влияние и на русско-армянские культурные связи³⁶.

«Молитва» Илариона делает его одним из первых отечественных гимнографов. Под названием «В нашествие иноплеменных и за бездождие и в смертоносие и за всяко прошение» она была широко известна в древности и постоянно переписывалась в Службениках, Требниках, Канонниках. Митрополит Макарий (Булгаков) пишет о том, что Иларион мог быть причастен к составлению службы святой княгине Ольге³⁷.

Святой Иларион стоял у истоков отечественного богословия, создав стройную и блестяще обоснованную богословско-историческую концепцию бытия христианской

державы. Онтологическая ценность его философских воззрений бесспорна³⁸.

Современные ученые в результате исследований пришли к выводу, что Иларион причастен к летописанию. Стилистика древнего Извода 1037-1039 годов настолько аутентична особенностям стилистики трудов Илариона, что некоторые знатоки относят Извод к его авторству³⁹.

Громадность дарований святителя Илариона, его твердая патриотическая позиция и стремление к упрочению статуса Киевской митрополии вызвали у его преемников-греков настороженность. Сменивший его грек митрополит Ефрем заново освятил собор Святой Софии. По мнению исследователя А.Поппэ, «это было сделано именно в связи с деятельностью в нем... прежнего митрополита»⁴⁰. Митрополичья цензура старалась изъять его имя из летописей. Так, из официальной хронологии имя Илариона почти исчезло. Даже в таком сугубо церковном деле, как приглашение из Греции певцов-domestиков, летопись видит лишь заслугу князя: «Веры ради христолюбивого Ярослава», хотя предельно ясно, что это сделал предстоятель Церкви Иларион. Не мог Ярослав, суровый и во многом жестокий воин, человек более ратный, чем утонченный в искусствах и церковной идеологии, сделать столько свершений в этих сферах без влияния и помощи своего духовника, чьи таланты на поприще богословия, философии, культуры, науки воистину грандиозны. Илариону принадлежит честь основополагающего участия в событиях «золотой эпохи» Ярослава Мудрого. Он — их соавтор и вдохновитель⁴¹.

И, наконец, преподобного Илариона можно по праву назвать первым подвижником Киево-Печерской лавры. В древнерусских исторических источниках возникновение монастыря прямо связывается «с деятельностью митрополита Илариона... Таким образом, зарождение обители освящается авторитетом наивысшего в то время церковного деятеля русского народа»⁴². Ископав «пещерку малу» и освятив это место молитвенными подвигами и аскетическими трудами, святой Иларион благословил его на все века быть богозданной пещерной обителью монахов.

Господь сподобил Илариона прозреть особую святость этого места, избранного свыше, и указать на него своим преподобным преемникам, всем, кто стремился к сугубому Богоугождению.

Так началась история Киево-Печерской лавры. Поднималась заря второго тысячелетия по Рождестве Христовом, в которое Русь вошла уже просвещенной светом христианской веры. И от светоносных лучей Вифлеемской звезды на склонах днепровских круч затеплилась благодатная лампада одной из величайших святынь всемирного Православия.

Ссылки и примечания к главе I

1. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона // БТ. 1987, № 28, с. 316.
2. Рождественское послание митрополита Киевского и всея Украины Владимира архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Украинской Православной Церкви, 1994/95 г. // Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). Собр. сочинений. Т. 3: Слова и речи. К., 1997, с. 399.
3. Літопис руський / Пер. з давньоруської Л.Є.Махновця. К., 1989, с. 3. Захария Копыстенский в «Палинодии» (ч. III, разд. I, артик. I) утверждает, что «на той горе в Киеве, где стоял (апостол Андрей), которую зовут ныне Вздыхальною, якобы от того, иж на ней з учнями своими от трудов отдохнул... того ж часу и церковь Воздвижения честнаго Креста была поставлена, где и теперь есть, як и повесть и до сих дней обносится о той церкви и о той горе». См. также «Синописис» Иннокентия Гиззеля: «Крест водрузи на месте, идеже посем церковь Креста Господня сооружися» (Киевский Синописис. К., 1823, с. 21).
4. Літопис руський. С. 15; Голубинский Е.Е. Святые Константин и Мефодий — апостолы славянские // БТ. 1985, № 26, с. 91-155; БТ. 1986, № 27, с. 5-60.
5. См.: Кизилев Ю.А. Историческое мировоззрение авторов Повести временных лет // Вопросы истории. 1978, № 10, с. 73.
6. Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). Собр. сочинений. Т. 2: Проповеди. К., 1997, с. 341-342.
7. Прошин Г. «Се повести временных лет» // Как была крещена Русь. М., 1989, с. 17.
8. Иларион, митрополит. Слово о Законе и Благодати // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1 / Под ред. проф. А.Пономарева. С.-Пб., 1894, с. 67.
9. Иларион, митрополит. Слово о Законе и Благодати / Изд. и предисл. О.М.Бодянского // ЧОИДР. М., 1848, кн. 7, с. 40. «Говоря о времени причисления св. Владимира (да и других древнерусских святых) к лику святых, надо, очевидно, различать практическое, так сказать «стихийное», почитание от формальной канонизации, сопровождавшейся внесением имени в церковный синодик (напр., преп. Феодосий Печерский был внесен в синодик только в 1108 г.). В этом смысле св. Владимир едва ли был канонизирован ранее 2-й пол. XIII в. Так, волынский князь Владимир Василькович, родившийся в 1240 г., получил в крещении имя «Иоанн»; это значит, что имя «Владимир» тогда еще не было внесено в святцы» (Назаренко А.В. Комментарии // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 2, с. 604, комм. 25).
10. Літописне оповідання про початок Печерського монастиря // Абрамович Д.І. Києво-Печерський патерик. К., 1931, с. 195 (далее: Патерик). См.: Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. К., 1987, с. 192-196. А.Поппэ не исключает факта возможного пребывания Илариона на святой горе Афон (Поппэ А. Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // История СССР. 1970, № 3, с. 116).
11. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 127.
12. Почти все исследователи единодушны в мнении, что этот шаг был направлен на отделение от Константинопольской Церкви и являлся разрывом с Вселенским патриархатом на почве ухудшения отношений между Киевом и Царьградом. Ухудшение это, возникшее по ряду серьезных военно-политических и экономических разногласий, разразилось кровопролитной войной 1043 года. Никоновская летопись прямо говорит о «бранях и нестроениях», предшествовавших избранию митрополита-русина.

«Но предположение это не может быть признано основательным: Ярослав имел войну с греками в 1043 г.; через три года... был заключен мир и от него до постановления Илариона прошли целые пять лет... Между тем или пред самым постановлением или после... Ярослав женил своего любимого сына Всеволода на греческой царевне... Указанное обстоятельство располагает нас думать, что постановление Илариона не имело своим следствием... недоразумения и неудовольствия с греками...» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1901, т. 1 (1-я пол.), с. 297-299).

«Эпизод с постановлением на митрополичью кафедру русского церковного деятеля Илариона... вряд ли можно квалифицировать как проявление антивизантийских настроений» (Толочко П.П. Київська Русь. К., 1996, с. 286).

В силу примирения между двумя православными столицами назначение Илариона не выглядит как действие, направленное на антиканонический разрыв с Матерью-Церковью. Избрание Илариона собором епископов, все из которых, кроме Новгородского епископа Луки Жидяты, были греческого происхождения, подтверждает эту гипотезу. Безусловно, стремление к автокефалии, столь явно поддержанное великокняжеской властью Киева, вызвало настороженность Константинопольского патриарха, который позднее все же признал и утвердил выбор собора епископов Киевской митрополии. См.: Соколов П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. К., 1913, с. 51-52.

«Захария Копыстенский в Палинодии своей говорит, что сам Иларион по посвящении своем посылал к Константинопольскому патриарху Михаилу Керуларию просить себе благословения и утверждения на своем престоле и получил оное» (Євгеній (Болховітін), митрополит. Вибрані праці з історії Києва. К., 1995, с. 85). Владыка Макарий (Булгаков) пишет: «Как смотреть на избрание и поставление нашего митрополита? То и другое совершилось вполне законно, и летописец выразился, что Сам «Бог князю вложи в сердце» поставит митрополитом Илариона... Для соблюдения единства с Царе-

градскую Церковь оставалось только, по избрании и рукоположении Илариона в митрополиты, испросить ему благословение и утверждение от Цареградского патриарха. Сделано было и это. И в том же году... прибыли к нам из Греции три певца со своими семействами, чтобы научить русских демественному пению — знак, что церковная связь с Константинополем у нас не прерывалась или, по крайней мере, возобновилась, и избрание Илариона нимало не изменило отношения к нам Цареградского патриарха» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 129-130).

13. Молитва митрополита Киевского Илариона / Перевод со слав. яз. и прим. А.Белицкой // БТ. № 28, с. 342. В несколько измененном виде «Молитва» была позднее включена в Службу на Новолетие 1 сентября. В церковном и гражданском обиходах она активно использовалась вплоть до XVI в. Иван Грозный просил святителя Гурия в покоренной царскими войсками Казани читать молитву, «творение митрополита Илариона за царя и за все православие». Грозный также велел читать эту молитву в Москве и других городах. Об этом пишет прот. А.В.Горский в комментариях к публикации памятника (Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. М., 1844, ч. 2, с. 29).

14. «Слово»... представляет собой праздничную пасхальную проповедь. По всей вероятности, эта проповедь была произнесена 26 марта 1049 года, именно в этом году праздник Пасхи совпал с праздником Благовещения. Пасхальные мотивы, основные в проповеди Илариона, дополнены в ней прямым упоминанием Благовещения, и это совпадение усилило как философскую, так и историческую идею «Слова» (Иларион. Слово о Законе и Благодати / Составление, вступ. статья, перевод В.Я.Дерягина. Коммент. В.Я.Дерягина, А.К.Светозарского. М., 1994, с. 10).

Однако эта точка зрения является далеко не бесспорной. «Некоторые ученые считают, что «Слово» было написано и произнесено Иларионом перед князем Ярославом, его семьей и двором в Софийском соборе. Вероятнее всего, это случилось при торжественном освящении главного на Руси митрополичьего храма. В последнее время установлено, что Софийский собор был построен, расписан фресками и освящен до 1032 года, что позволяет считать временем создания «Слова о Законе и Благодати» конец 20-х — начало 30-х годов XI столетия» (Котляр М.Ф. История України в особах: Давньоруська держава. К., 1996, с. 84-85).

15. Лихачев Д.С. Литература Руси XI — начала XIII веков // Лихачев Д.С., Вагнер Г.К., Вздорнов Г.И., Скрынников Р.Г. Великая Русь: История и художественная культура X-XVII века. М., 1994, с. 27-28.

16. Бенешевич В.Н. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно Русской Церкви до эпохи Петра Великого. Пг., 1915, с. 78; Шапов Я.Н. 1) Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 330-331; 2) Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. М., 1971, т. 31, с. 71-76; 3) Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976, с. 86. «Вряд ли можно сомневаться в том, что Иларион принимал самое активное участие в составлении Правды Русской... В старшей части этого свода, которая называется Правдой Ярослава, имеются очевидные текстовые схождения с церковным уставом Ярослава» (Иларион. Слово о Законе и Благодати / Сост. В.Я.Дерягин. С. 7).

17. «Повесть временных лет» пишет об этой церкви как храме св. Апостолов, не уточняя, в честь кого она была освящена — двенадцати апостолов или св. Петра и Павла. О том, что церковь св. Апостолов с. Берестова была Петропавловским храмом, высказывают предположение: Захарченко М.М. Киев теперь и прежде. К., 1888, с. 37; Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 38, 147. См. также: Киевские святыни. М., 1895, с. 34; Православные русские обители: полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. С.-Пб., 1910, с. 570. Что касается села Берестово, то из письменных источников известно, что уже при князе Владимире оно было «большим и обустроенным двором. Не теряет оно своего значения и в последующие века. Под 1073 г. Киевский стол даже назван «столом Берестовым». С 70-х гг. XI ст. тут размещался Спасский или Германец (по имени первого игумена) монастырь, который просуществовал, как минимум, до 1240 г.» (Патерик Киево-Печерский за редакцією, написаною 1462 року по Різді Христовому печерським ченцем Касяном // Упорядкувала, адаптувала укр. мовою, склала примітки та додатки І. Жиленко (далее: Патерик Киево-Печерський). К., 1998, с. 226-227, прим. 9).

18. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 130. О том, что Иларион был духовником князя, пишет Е.Голубинский (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 299).

19. ГИМ. Синод. собр., № 591, с. 203.

20. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962, т. 1, стб. 155-156. Сведения об Иларионе, содержащиеся преимущественно в Начальной летописи, крайне скудны (см. статью этой же летописи под 1037 г., стб. 151-152). «Благодаря летописям мы основательно знаем год создания Дальних пещер. В 1051 г. была выкопана «печерка двухсаженная» (около 5 м длиной). Однако, к сожалению, невозможно точно установить местонахождение этой части современных Дальних пещер. Мы лишь предполагаем, что этот участок находится возле погребения Феодосия» (Хведченя С.Б. Старовинні карти розкривають таємниці лаврських печер. К., 1991, с. 12).

21. Вспомним творение византийского монаха Иоанна Мосха «Луг духовный», написанное в начале VII века, — знаменитый агиографический труд, рассказывающий об иноческих добродетелях и святых подвижниках. См.: Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад, 1915.

22. Пам'ятки мови та письменства давньої України. К., 1930, т. 4, с. 49. Почти все лаврские и киевские путеводители дореволюционного периода единодушно называют мощи преп. Илариона схимника, находящиеся в Дальних пещерах, мощами Илариона, «бывшаго первымъ митрополитомъ русскимъ изъ числа русскихъ» (Модест (Стрельбицкий), архиепископ. Краткие сказания о жизни и подвигах святых отцов Дальних пещер. К., 1862; Указатель святыни и священных достопамятностей Киева. К., 1898, с. 109.; Титов Ф., протоиерей. Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры и других

святых и достопримечательностей города Киева. К., 1911, с. 85; Филарет (Гумилевский), архиепископ. История Русской Церкви. Харьков, 1849, ч. 1, с. 126). «В древних святцах имени митрополита Илариона не было потому, почему не было и других имен преподобных отцов Дальних пещер. Их имена доселе не помещены в святцах. Они чтятся местно. И св. мощи преп. Ефрема, епископа Переяславского, долгое время считались мощами просто преп. Ефрема. То же самое было и с мощами Михаила, первого митрополита Киевского... В древности все святители погребались по чину монашескому, часто они принимали на себя схиму, и потому могли быть смешиваемы с именами других св. иноков, не имевших епископского сана. Митрополит Иларион принял монашество от преп. Антония, как сказано в его житии, и если он скончался в 1067 году и принял на себя схиму, то он мог быть сожителем преп. Феодосия, который... был начальником ветхого монастыря, или нынешних Дальних пещер. Митрополит Иларион мог отказаться от управления паствою прежде своей кончины, чтобы остальные свои дни провести в иноческих подвигах там, куда он удалялся на молитву, когда еще был священником села Берестова, и где он принял монашество — в Дальних пещерах. Потому представляется вероятным мнение, что св. мощи преп. Илариона схимника суть действительно мощи св. митрополита Илариона» (Киево-Печерский Патерик. К., 1903, с. 195).

23. «Не отвергаем, что митрополит Иларион действительно погребен в Киево-Печерском монастыре, как свидетельствует и Гербиний... но признавать за несомненное, будто мощи преподобного Илариона схимника, покоящиеся в Феодосиевой пещере, суть мощи именно митрополита Илариона, нет основания. Напротив, есть основание думать, что это мощи другого Илариона, который во дни преподобного Феодосия подвизался в Киево-Печерском монастыре и «по вся дни и ноши писаше книги в келии у блаженнаго Феодосия» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 460, прим. 18). См.: Андроник (Трубачев), игумен. Святая Русь. Хронологический список канонизированных святых, почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской Православной Церкви (IX — сер. XIII в.) // Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2, с. 653. Игумен Андроник датирует кончину святителя (как он его называет) Илариона 1053 г. и память его усвояет 21 октября и 28 сентября, в Собор Ближних пещер; кончину же преп. Илариона схимника, «в Дальних пещерах почивающего», он относит к 1066 г. и память его усвояет 21 октября. Но в Соборе Ближних пещер нет имени Илариона. См.: Православный церковный календарь (УПЦ). 1999, с. 88.

24. Книга степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оных до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича / Сочинена трудами митр. Киприана и митр. Макария; Напечатана под смотрением Герарда Фридерика Миллера. М., 1775, ч. 1, с. 223; РНБ. Софийск. № 1478. Сб. № 230. 1-я пол. XVI в.

25. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 460, прим. 19.

26. Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд. подг. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон; Под ред. С.И.Коткова. М., 1971, с. 100. Случилось это, вероятно, осенью или зимой 1053 года. Когда в феврале 1054 года скончался Ярослав, его отпевали священники. Отсутствие митрополита на княжеском погребении могло говорить либо о его смерти, что вызывает сомнения, ибо умолчание о кончине такого знаменитого лица, как Иларион, малопонятно, либо об удалении с кафедры. См.: Повесть временных лет / Подготовка текста Д.С.Лихачева. Перевод Д.С.Лихачева и Б.А.Романова. Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 108 (далее: ПВЛ).

Что касается его дальнейшей судьбы, то остальные версии основываются только на предположениях, ибо об Иларионе история больше не сохранила никаких свидетельств. «Логично предположить, что Иларион после своего низложения удался туда же, откуда был призван на пост главы Русской Церкви — в Киево-Печерский монастырь» (Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987, с. 199). Ряд исследователей, начиная от М.Приселкова (См.: Приселков М.Д. 1) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. С.-Пб., 1913, с. 181-184; 2) Нестор Летописец. Пг., 1923, с. 22; 3) Митрополит Иларион, в схиме Никон, как борец за независимую Русскую Церковь // Сб. статей, посвящ. С.Ф.Платонову. С.-Пб., 1911), склонен считать, что Иларион постригся в схиму и игуменовал в Печерском монастыре под именем Никон Великий. Эта гипотеза подвергнута обстоятельной критике Д.Лихачевым. В частности, Лихачев писал: «Перед нами представители разных убеждений, хотя сходных в их отношении к грекам и в церковном вопросе» (Лихачев Д.С. 1) Историко-литературный очерк // ПВЛ. Т. 2, с. 95; 2) Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975, с. 84).

Эта версия также опровергается ближайшим знакомством с церковными канонами древнерусской эпохи. Находясь на кафедре, епископы, как правило, ктиторствовали над своими монастырями, делали вклады, назначали настоятелей, но не управляли жизнью и бытом братии как игумены. Возглавление архиереями монашеских обителей было совершенно не свойственно традициям раннего периода истории нашей Церкви. (См.: Казанский П.С. История православного русского монашества, от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1855). Ученик Никона Нестор ясно указывает на иерейский сан своего наставника: «Презвитеру тому сушу» (Патерик. С. 29). К тому же Никон не имел пострижения в великий ангельский образ — схиму, что оправдывало бы изменение имени Илариона. Об этом, упоминая других схимников, молчат и лаврское предание, и письменные памятники ее истории.

27. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 66; Евгений (Болховитинов), митрополит. Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. К., 1825, с. 25-31, 41-46.

28. РНБ. Погод. № 59. Пролог на сентябрь-февраль. 2-я пол. XIV в.; Погод. № 60. Пролог на март-апрель. Нач. XIV в.; Филарет (Гумилевский), архиепископ. История Русской Церкви. М., 1850-1851, т. 1, с. 155, прим. 264.

29. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 65.

30. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 257; Шапов Я.Н. Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси. М., 1972, с. 178-306.

31. Рукавіцина Є.В. «Грамматика»... М.Ділецького з бібліотеки митрополита Євгенія // Український археографічний щорічник. Вип. 2: Український археографічний збірник. К., 1993, т. 5, с. 65. «До Ярослава уставщиками церковного пения у нас были люди от славян болгарских» (Тальберг Н. История Русской Церкви. Джорданвиль, 1959, т. 1, с. 41). См.: Історія української культури. К., 1994, с. 626.

32. Игнатия (Петровская), монахиня. Опыт литургического богословия в трудах русских песнотворцев // Альфа и Омега. М., 1997, № 2 (13), с. 285; Игнатия, монахиня. Труды русских песнописцев в Киевский период // БТ. № 28, с. 230-245. «Исповедание» митрополита Илариона представляет собой свободную композицию по тексту «Написания о правой вере» Михаила Синкелла, перевод которого встречаем в «Изборнике Святослава» 1073 г., а затем в несколько иной редакции — в ПВЛ. Сравнение всех трех вариантов «Написания» Михаила Синкелла (по «Изборнику», «Исповеданию» Илариона и ПВЛ) показывает, что «митрополит Иларион либо сам знал греческий и самостоятельно сделал перевод, либо пользовался другим, неизвестным нам переводом, так как фразы, заимствованные из «Написания», в «Исповедании веры» отличаются лексическим своеобразием» (Молитва митрополита Киевского Илариона // БТ. № 28, с. 343, прим. 120). Архиепископ Филарет (Гумилевский) пишет, что «Исповедание» могло быть написано Иларионом как доказательство каноничности своей позиции, своего «правoverия» перед патриархией (Филарет (Гумилевский), архиепископ. Обзор русской духовной литературы. Чернигов, 1869, т. 1, с. 9).

33. «Слово» отличается высоким настроением, красивым и профессиональным стилем, богатством образов, сравнений и библейской символики; искренность тона и чувств ставит его в ряд заметных образцов ораторского искусства» (Єфремов С. Історія українського письменства. К., 1995, с. 84).

34. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 180.

35. Иларион, митрополит. Слово 1-е, 2-е, Исповедание веры // Творения святых отцов в русском переводе с прибавлениями духовного содержания. М., 1844, кн. 2, с. 285, 293; Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. С.-Пб., 1842, с. 618; Строев П.М. 1) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке тайного советника, сенатора... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1829, с. 288; 2) Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археологической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. М., 1848, с. 153, 166, 580; Там же. С. 153, 408. Сочинения, приписываемые митр. Илариону, см.: Поучение о пользе души — Яцимирский А. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV-XVII вв. С.-Пб., 1906, с. 145-147 (ПДПИ. № 162); Слово к брату столпнику — Петровский М. Поучение, приписываемое Илариону, митрополиту Киевскому // Учен. зап. имп. Казан. ун-та. 1865, т. 1, кн. 1, с. 57-79. Правда, в большей части рукописей поучения эти усваиваются «вообще святому Илариону или преподобному Илариону, под именем которого (кто бы он ни был) встречаются в наших рукописях и многие другие поучения» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 179).

36. Русская Православная Церковь. 988-1988. Очерки истории I-XIX вв. М., 1988, вып. 1, с. 13; Петровский М. Иларион, митрополит Киевский и Доментин, иеромонах Хилендарский // ИОРЯС. 1908, т. 13, кн. 4, с. 81-133; Туницкий Н.Л. Хилендарский отрывок «Слова к брату столпнику» с именем Илариона, митрополита Киевского // Сб. статей в память столетия Московской Духовной Академии. Сергиев Посад. 1915, ч. 1, с. 375-482; Розов Н.Н. К изучению русско-армянских культурных связей древнего периода (митрополит Иларион и католикос Нерсес Шнорали) // Литературные связи. Ереван, 1973. Т. 1: Русско-армянские культурные связи: Исследования и материалы. С. 62-77.

37. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 58.

38. «Богословская образованность Илариона была настолько велика и настолько православна, что считалась безупречной даже для... православия XIX века» (Идейно-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986, ч. 2, с. 17). «Митрополиту Илариону свойственна широта исторического кругозора, определяя который, он намного превзошел даже отца диалектики Гегеля» (Там же). О философском наследии Илариона см.: Горський В.С. Історія української філософії. К., 1996, с. 34-35.

39. Лихачев Д.С. Великое наследие. С. 67-68; Котляр М.Ф. Історія України в особах: Давньоруська держава. С. 85.

40. Византийский временник, 1971, т. 31, с. 71.

41. Собравший в 1015 г. варягов на битву с собственным отцом из-за неуплаты Новгородом податей Киеву, кровью подавивший восстание новгородцев против варяжской дружины и умертвивший «лучших мужей» Новгорода, посадивший в 1035 г. в «порубь» брата Судислова в Пскове, Ярослав не отличался особой церковностью. За 25 лет своего княжения в Новгороде он ничем себя не проявил на поприще искусств и книжности. Лишь в Киеве произошел тот всплеск необыкновенной религиозной и культурологической активности, который составил славу «золотого века» Ярослава. Здесь явно прослеживается влияние на князя могучей личности Илариона, которого по праву следует назвать соавтором всех начинавший Ярослава Мудрого во время его великого княжения.

42. Ісіченко Ю.А. Патерик Києво-Печерський у літературному процесі кінця XVI — початку XVIII ст. на Україні. К., 1990, с. 27.

Глава II

ПРЕПОДОВНЫЙ АНТОНИЙ

Святыя Горы великих отцев,
отче Антоние, стопам последовал еси,
и яко бесплотен в плоти подвизався,
образ многим добродетелию явился еси.
Отонудуже и даров чудес от Христа
сподобился еси, исцеляти
Преподовный Антоний
человеков различныя недуги.
Моли спастися душама нашим.

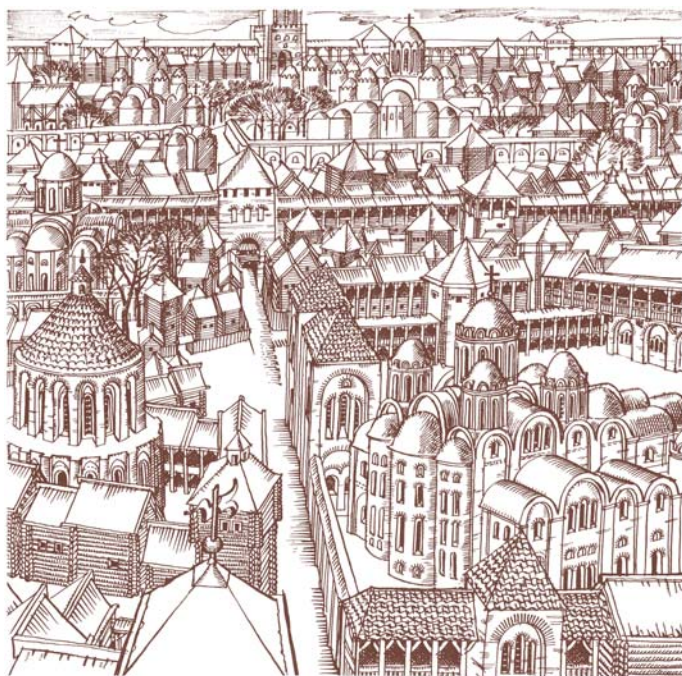
(Стихира из службы праздника
преподовному Антонию).

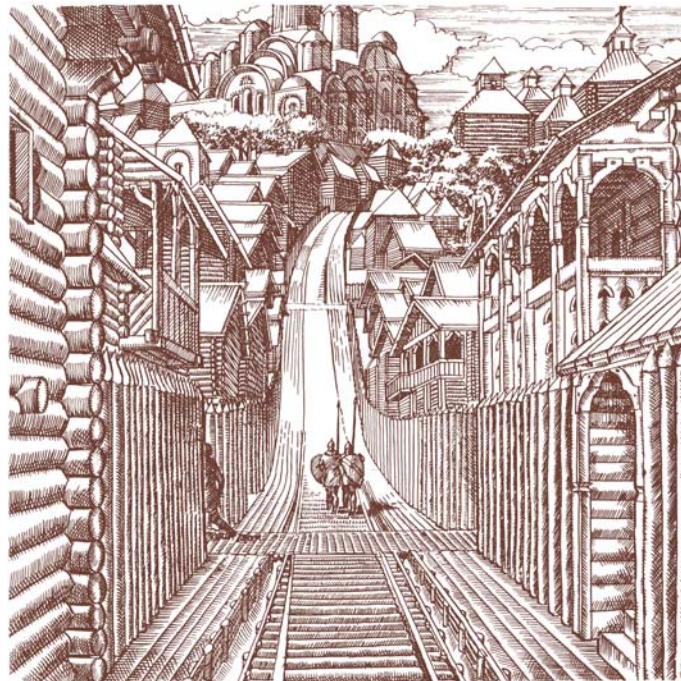
о пыльной дороге, ведущей к околицам княжеского села Берестова, шел одинокий путник. Убогое темное одеяние и надвинутый на глаза куколь обличали в нем монаха. Усталость походки обнаруживала утомление уходящего дня. Солнце уже спряталось за киевскими холмами, оставшимися далеко позади. Лишь изредка прощальный его луч, выскользнув из-за отрогов и блуждая по долине, слабо ударял в плечи инока, а затем, затевшись в складках мантии, бессильно затихал.

Странник, прежде чем прийти сюда, обошел почти весь Киев и его окрестности. Поднимался на Гору — укрепленный валами, крепостными стенами и мощными башнями великокняжеский замок с дворцом князя, дворами бояр, дружины и челяди. Обошел Ярославов город — совсем недавно построенные Великий двор и митрополию, испещренные храмами, владычными и монастырскими сооружениями. Перекрестившись на кресты надвратной Благовещенской церкви, а затем влившись в пеструю толпу, заполнившую площадь близ собора Святой Софии, смиренно дивился его величественной красоте. Обозревал стоящий неподалеку Георгиевский мужской монастырь, построенный князем Ярославом в честь своего небесного покровителя святого великомученика Георгия и освященный новоизбранным митрополитом Киевским Иларионом; посещал Десятинную церковь, при которой существовала небольшая обитель во имя Пресвятой Богородицы, основанная еще князем Владимиром.

Через Михайловские ворота, ограждавшие город с юга, странник поднимался к Михайловской горе, приютившейся близ Днепра, чтобы осмотреть монастырь святого Архангела Михаила. На этой горе, называвшейся дотопе в народе Чертовым Беремищем, когда-то стоял Перун и совершались идольские жертвоприношения. Первый митрополит Киевский Михаил в ознаменование победы Христи-

Верхний город.

Город Ярослава.

анства над язычеством построил здесь деревянную церковь в честь своего небесного покровителя Архистратига Божия Михаила и основал монастырь, населив его привезенными с собой корсунскими монахами-греками.

Затем странник, выйдя через Западные городские ворота на оживленный тракт Дорогожичи, или Дорожище, и потратив полдня пути, пришел в загородное местечко Вышгород, где на правом берегу Днепра, на высокой горе, называемой Спасщина, стоял монастырь во имя Преображения Господня с церковью Спаса, который также основал святитель Михаил и заселил иноками-греками¹.

Однако неустроенность иноческой жизни в этих обителях, их отдаленность от строгих аскетических идеалов не могли удовлетворить путника-монаха. Они столь мало походили на монастыри Святой Горы Афон, откуда он недавно вернулся, что на ум невольно пришло сожаление об оставлении им этого Богом хранимого места. И лишь благословение афонского старца-игумена, вот уже второй раз отправлявшего его на Русь для особой духовной миссии, заставляло инока неумоимо странствовать по родной земле в поисках подходящего уголка для уединенного монашеского жительства.

Сейчас странник спешил затемно попасть в Берестовский лес. Он хорошо знал это место, ибо много лет назад имел возможность жить и подвизаться здесь. Тогда, при первом своем поселении, он избрал для жилья древнюю варяжскую пещеру, вместительную и имевшую полуобвалившиеся от давности разветвленные ходы². Но безмолвие пустынного прервали нестроения в Киевском княжестве. Он оставил обжитую пещеру и вновь возвратился на Афон, где в послушании у своего игумена провел еще несколько десятков лет³.

Теперь же Антоний — так звали странника, — совершив утомительное и бесплодное обхождение существующих в Киеве монастырей и не найдя ничего по своему

сердцу, спешил на Берестову гору, к пещере Илариона. Сюда его влекла не только слава подвигов святителя-молитвенника. «Крутые берега Днепра живо напомнили Антонию высокий обрывистый берег над морем, а пещерка Илариона — его любимую пещеру на Афоне»⁴.

Антоний с детства избегал мирской суеты. Родился и вырос Антипа — так звали Антония до пострижения — в городе Любече, что в 40 верстах от Чернигова. Это был небольшой, но шумный и оживленный ввиду близости к столице удельного княжества, часто посещаемый князьями для важных государственных дел городок. Название его постоянно встречается в древних летописях. Антипа, «яже в нь измлада вселися страх Божій», очень рано начал подвижническую жизнь в пещере, которую ископал в молодости близ Любеча⁵.

Прослышав о подвижниках Византии, откуда на Русь пришло Христианство, Антипа возгорелся желанием узреть великие православные святыни Востока. Несмотря на молодость, он предпринимает длительное путешествие в Константинополь. Византийская столица славилась монастырями, из которых самой знаменитой была основанная в 463 году Студийская обитель. Пребывая в Константинополе, Антипа, вероятно, не только слышал об этой обители, но и бывал в ней.

Но пестрота столичной жизни и здесь вынудила Антипу продолжить путь в поисках удаленного от суеты уголка для молитвы. И лишь Афон — Святая Гора, одинокий и почти безлюдный полуостров, окруженный безбрежной гладью Эгейского моря, доставил ему то, чего он так упорно искал. Божественный удел Богоматери, монашеская цитадель, недостижимая для буйной мирской молвы, Афон показался Антипе земным раем. Здесь, в одной из обителей, он был принят в монастырское братство и вскоре пострижен в монашество с именем Антоний, в честь родоначальника иноческого жития преподобного Антония Великого⁶.

Антоний Великий — столп Православной Церкви. Знаменитый отшельник египетской пустыни, он подвизался

в конце III — начале IV в. Поселясь в пещере на берегу Нила, Антоний жил в безмерных лишениях и трудах, борясь с диаволом, совершая чудеса, наставляя иноков ко спасению. Он также участвовал в борьбе с ересями и расколами. За высочайшие добродетели он причислен к лику святых отцов Церкви. Преподобный Антоний создал школу аскетизма, на все века оставив пример иноческого подвижничества. Его творения оказали огромное влияние на становление монашеской жизни во всем христианском мире.

Приняв имя в честь этого преподобного, Антоний, который на Афоне от многих слышал о его житии и подвигах, возгорелся усердным желанием подражать своему духовному покровителю⁷. Он всецело «посвятил себя подвижничеству и поселился в одной тесной пещере, высеченной в обрывистой скале над морем. Здесь он начал вести строгую отшельническую жизнь под руководством старца Феоктиста, игумена ближайшего к пещере Вознесенского монастыря, на том месте, где теперь стоит Есфигмен, и скоро показал такие успехи в духовной жизни, что удивлял собою даже старых афонских монахов».

Однако новопросвещенная Русь, пребывавшая в стадии становления, требовала духовной помощи и наставничества. Лаврентьевская летопись пишет, что игумен, «научивь (Антония) чернечьскому образу, рече ему: иди в Русь паки, и буди благословение отъ Святыя Горы, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть»⁸.

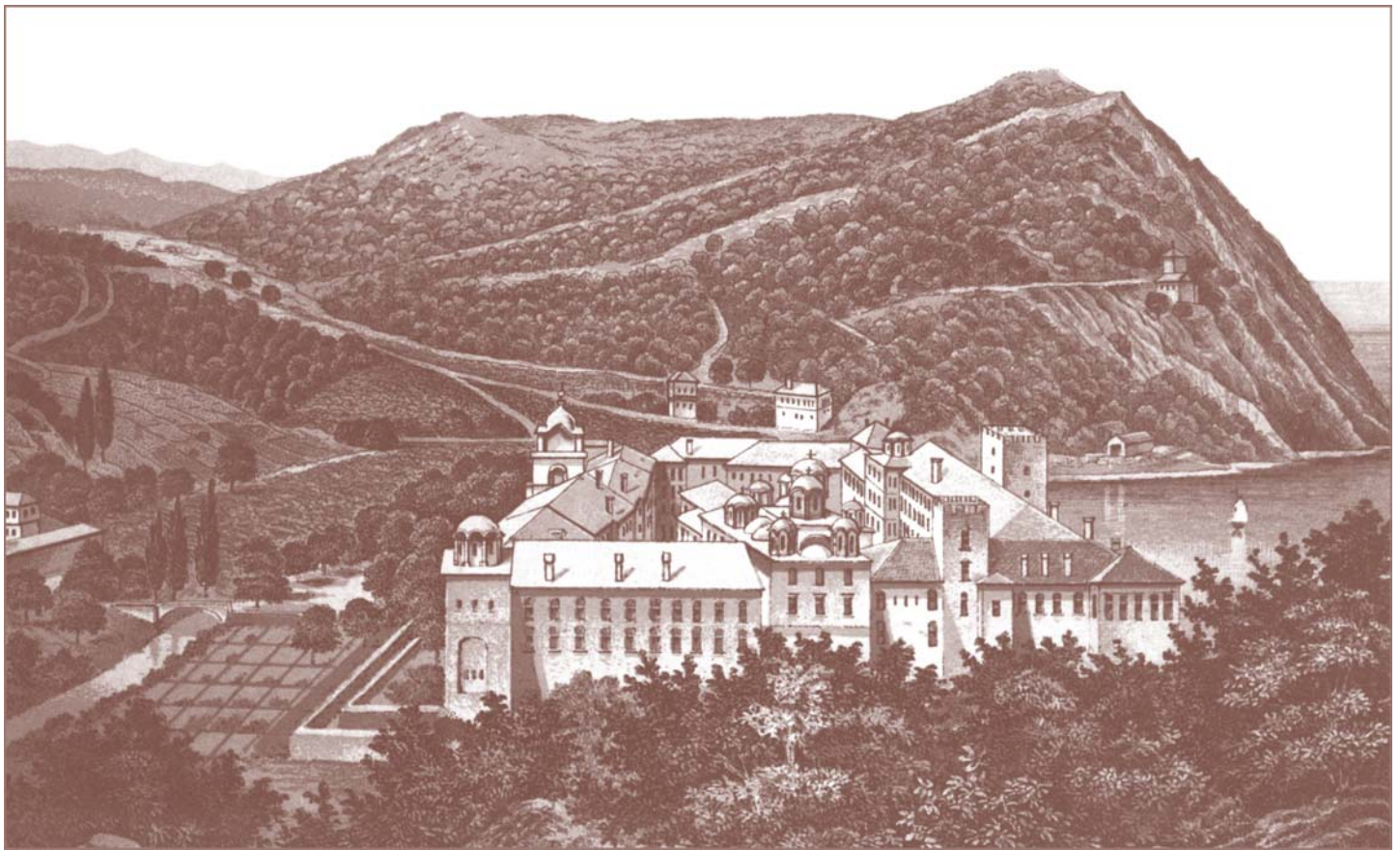
В первый свой приход на Русь Антоний почти не встретил ни в Киеве, ни в других княжеских уделах общезительных монастырей по образцу тех, которые он видел в Константинополе и на Афоне. Ему попадались лишь вотчинные обители, заселенные небольшими монашескими общинами, живущими практически без устава, с еще неупорядоченным внутренним устройством⁹. Если греческие монастыри и лавры, которыми так славилась Византийская империя, имели стройные уставные правила, восходящие к IV веку и составленные такими столпами, как Василий Великий († 379), Пахомий Великий († 348), Савва Освященный († 532), Феодор Студит († 826), то Русь в этом отношении представляла собой еще дикое неспаханное поле.

Обойдя столичные монастыри, Антоний, как пишет Нестор Летописец, «не възлюби ни единого, Богу ни хотящу, и поча ходити по дебрьемь и горам, ища, где ему Богъ показаль бы»¹⁰. По сказанию Печерского Патерика, Антоний избрал Берестову гору, вселился в древнюю варяжскую пещеру и пребывал там в великом воздержании.

Изменение политической обстановки на Руси в связи с кончиной князя Владимира, кровавая борьба за престол, вероломное убийство Святополком братьев Бориса и Глеба заставили Антония покинуть окрестности Киева. Он снова устремился на Афон, и, вероятно, не один, а с теми, кто искал душевного покоя и спасения от мирских бурь и страстей.

На Афоне тогда было много наших соотечественников. В первые десятилетия XI в. на Святой Горе уже существо-

Есфигмен.

вал русский Свято-Успенский монастырь Ксилургу. Ему была присуща «высокая степень материально-духовной культуры»¹¹. Но Антоний предпочел уединиться в скальной пещере неподалеку от Есфигмена, где пребывал его духовник игумен Феоктист, у которого он в молодости научился высокой науке иночества, живя «в покорении же и в послушании, яко всем радоватися о нем»¹².

С восшествием на киевский престол Ярослава Мудрого внутриполитическая смута утасла. Наступило время созидания. Благочестивый князь, как свидетельствует летописец, «преизлиха» любил монашество. При нем «черноризцы почаша множитися и монастыреве починаху быти». Божий промысел повелел Антонию оставить Афон и возвратиться в родную землю.

«И бысть отъ Бога возвешение игумену. «Пусти, — рече, — Антонія в Русію, яко требую его». Призвав же его и рече ему: «Антоніе, иди паки въ Русію, Богу тако хотящу...». Благословив его, отпусти и рекъ ему: «Иди с миром»¹³.

Вот это благословение афонского старца и привело Антония в Киев. Он вернулся на место прежних своих подвигов, но поселился не в варяжской пещере, а в пещере Илариона, расположенной неподалеку. Совсем недавно в ней еще подвизался благочестивый пресвитер села Берестова. После избрания на митрополичий престол важные церковные и государственные дела лишили святителя Илариона возможности уединиться здесь. В одной из рукописных редакций Киево-Печерского Патерика сохранилось чрезвычайно интересное свидетельство о духовной связи

между этими подвижниками. В своем «Послании» к иноку Поликарпу епископ Владимиро-Суздальский Симон, в молодости много лет проведенный в Киево-Печерском монастыре и прекрасно осведомленный о его жизни и истории, рассказывает о «Житии святого Антония», ходившем в лаврском обиходе. Этот памятник, к сожалению, исчез в вихре истории¹⁴. Авторы Печерского Патерика постоянно ссылаются на него. В творениях Симона и Поликарпа он упоминается семь раз. Вот о чем пишет Симон: «Илариона же митрополита и* сам чель еси въ житіи святого Антонія, яко от того пострижень бысть и тако священства сподоблень»¹⁵.

Святитель Симон управлял Владимиро-Суздальской епархией в 1214-1226 годах. Со времени преставления преподобного Антония прошло всего лишь около полутора столетия. И в устных преданиях старцев, и в рукописных творениях, еще не тронутых огнем татарского разорения, хранилось много ценных сведений, не дошедших до нас. Отвергать аутентичность подобных свидетельств, как это сделал Голубинский, причем в присущей ему категоричной форме, значит отказаться от доверия к тем крохам истины, в опосредованной форме воссоздающим исторические реалии прошлого, которые в качестве народного предания как раз и требуют пристального внимания и уважения. Гипотеза о пострижении Илариона Антонием была, например, без оговорок принята таким фундаментальным исследователем в церковно-исторической науке, как митрополит Макарий (Булгаков)¹⁶.

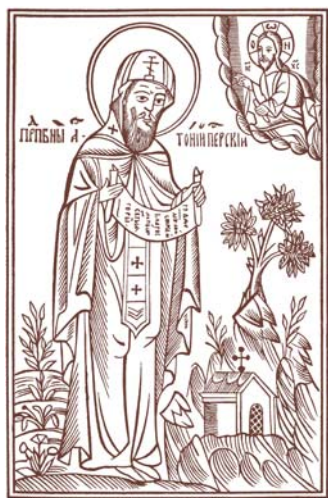
* Здесь: я (т. е. фраза в русском переводе звучит так: «Об Иларионе же митрополите я сам читал в Житии святого Антония...»).

Обретя себе пристанище в пещере Илариона, афонский странник первым долгом сотворил коленопреклонную молитву, ибо по христианским законам каждое важное дело требует молитвенного обращения к Богу с просьбой о помощи и благословении. «И нача молитися Богу со слезами, глаголя: «Господи! Утверди мя в месте семь, и да будет на месте семь благословенъе Святыя Горы, и моего игумена, иже мя постригалъ»¹⁷.

Эта коленопреклонная молитва преподобного старца, сотворенная в глубокой ночной тиши и сопутствуемая лишь шумом вековых деревьев да всплеском полусонной днепровской волны, криком ночных птиц и шелестом ручья неподалеку, огненной струей вознеслась к Небесам и низвела на место сие благодать Пресвятого Духа, озарила его неземным и тихим Фаворским светом. Лампада, возженная здесь когда-то святителем Иларионом, не угасла. Ее огонек вновь затеплился в двухсаженной пещерке, обжитой пришельцем из Афона преподобным Антонием.

Несмотря на полную отдаленность отшельника от мира, о нем узнали, ибо, как говорит Евангелие, не может укрыться город, стоящий на вершине горы (Мф. 5, 14). К этому понуждал сам образ его жизни, схожий с подвижничеством древних палестинских и египетских отцов-пустынников, ибо он, «моля Бога, ядый хлеб сух, и то через день, и воды в меру вкушая, копая пещеру, и не давая себе упокоя день и ночь, в трудах пребывая, в бдении и молитвах»¹⁸. Киево-Печерский Патерик сравнивает его с преподобным Антонием Египетским, говоря о великой славе берестовского отшельника, собиравшей к нему множество посетителей: «И прослу* якоже Великий Антоний, и приходяще к нему просяху от него благословения».

Прошло несколько лет после поселения здесь святогорца. Сменилась княжеская власть — после смерти Ярослава в 1054 г. стал княжить его сын Изяслав. Многие изменилось в Киеве. И за это короткое время молва об Антонии обошла все окрестности: «Прославлен бысть в Русьей земли...

Из лаврскогo Акафиста 1625 г.

И уведанъ бысть всеми великий Антоний и почитаем всеми». Даже князь Изяслав сразу после восшествия на престол пришел со своей дружиной к смиренному старцу за благословением, нарушив шумным посещением его молитвенное безмолвие.

Древний Патерик в житии Антония Египетского рассказывает об учениках и последователях преподобного старца, сподобившихся его духовного руко-

водства. К печерскому затворнику также начали приходить люди, жаждущие его наставничества. Вскоре в пещере собралось несколько боголюбивых иноков, объединенных стремлением к суровому воздержанию и подвижничеству. В числе их был и один священник, по имени Никон. «Ревностно проходя степени иноческих добродетелей, подражая во всем наставнику и учителю своему»¹⁹, он удостоился особого доверия старца Антония, который поручил ему управление братией. Сам же Антоний, храня глубокое смирение, не принимал на себя сана священства и не желал носить звание игумена²⁰. Приходящих же пустынников, по благословию аввы** Антония, постригал преподобный Никон, которого Нестор Летописец называет за его высокую духовную жизнь Великим.

«Если преподобный Антоний, как свидетельствует Нестор, сам не постригал никого, не имея священного сана, а всех, приходивших к нему, предоставлял постригать Никону как пресвитеру, то следует, что и Илариона Антоний постриг не непосредственно, а чрез посредство Никона, и значит, Никон находился уже вместе с Антонием в 1051 г.»²¹.

История Православной Церкви знает немало примеров, когда сильные мира сего оставляли дворцы и палаты для скудного и скорбного монашеского жития. Преподобный Иоанн Дамаскин († 780) был правителем Багдада, доверенным лицом могущественного багдадского халифа, но ради Господа отверг суетную власть и ушел подвизаться в пустынную обитель простым монахом. Еще более удивителен пример преподобного Арсения Великого († 450). Первый вельможа императора Феодосия Великого, воспитатель наследников византийского престола цесаревичей Аркадия и Гонория, он отрекся от знатности и ушел в египетскую пустыню. Современник Антония Великого, Арсений не меньше его потрудился в постничестве и воздержании. Он уединился в затворничестве и всю оставшуюся жизнь провел в беспримерных духовных подвигах.

Добровольная нищета Антония Печерского пленила сердца некоторых богатых сановников князя Изяслава. Это были Варлаам, сын, как предполагают, «первого у князя в боярах» воеводы Яня Вышатича, и Ефрем, княжеский евнух, любимец Изяслава, пользовавшийся особым влиянием при дворе. «Решившись в душе променять богатство и почести мирской жизни на скромную жизнь иноков»²², они поселились в пещерной обители и приняли от рук Никона монашеский постриг.

* Прослыл.

** «Авва — арамейское слово, переводимое как «отец». На востоке аввами называются настоятели монастырей и вообще уважаемые старцы-подвижники» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992, стб. 19).

Но «враг всякого добра и ненавистник святых подвижников, диавол задумал было разрушить... пещерное селение праведников, для чего употребил все силы, чтобы озлобить и разжечь гневом сердце князя против печерских иноков-подвижников». Отец Варлаама, узнав о пострижении сына, «со множеством слуг прибыл в пещеру с яростью, разогнал богоизбранное Антониево стадо, сына своего блаженного Варлаама извлек из пещеры, сорвал с него монашеские одежды и, облекши его в светлые боярские одеяния, насильно отправил в свои палаты»²³.

Князь же, как пишет Патерик, «разгневался зело и повеле единого от них привести... дерзнувши таковая сотворити. И великого Никона приведоша. Князь же, со гневом воззрев на Никона, глагола ему: ты ли еси остриг..? Никон же отвеща: благодатию Божиею аз есмь острегий их повелением Небесного Царя и призвавшего их Иисуса Христа на таковый подвиг». Удивительный диалог! Князь во всемогуществе и блеске — и нищий монах. Налитые кровью глаза властителя — и светлый взгляд инока, сияющий на изможденном от постничества лице. Люди, облеченные властью, часто забывают о своей бренности и о

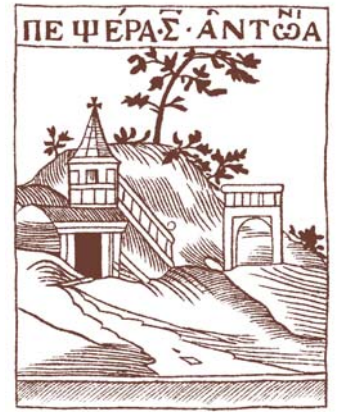
Печать князя Изяслава-Димитрия Ярославича.

той Божественной власти, которая гораздо могущественнее их. Изяслав разразился угрозами: «На заточение посю ты и сущия с тобою, и пещеру вашу раскопаю»²⁴. Князя в последующие времена иногда приводили свои угрозы в действие — вспомним игумена Иоанна, брошенного в темницу Святополком Изяславичем, архимандрита Поликарпа, осужденного Изяславом Мстиславичем; умерших под жестокими пытками преподобных Феодора и Василия, казненных Мстиславом Святополковичем; преподобного Григория Чудотворца, утопленного в Днепре Ростиславом Всеволодовичем, и т. д.

Но на сей раз Господь не попустил разорения обители. Княгиня, в памяти которой еще свежи были воспоминания о тяжелых бедствиях, постигших землю ляхов, из которой она была родом, за изгнание польским князем Болеславом черноризцев, упростила супруга не причинять зла отшельникам. Очевидно, рассказ княгини произвел на князя отрезвляющее действие, ибо он освободил Никона и отправил слуг на поиски старца Антония, чтобы вернуть его в пещеру. Так окончилось это противостояние царства земного и Царства Небесного, не всегда, увы, заканчивающееся без жертв.

Пустынники после этого испытания еще теснее сплотились вокруг своего духовного пастыря. Вернулся насильно уведенный отцом Варлаам. Это была уже крепкая об-

щина, не боявшаяся трудностей и лишений, научившаяся бороться против диавола. Все иноки жили в пещерах: «Ископаша пещеру велику, и церковь, и келія, яже суть и до сего дни въ пещере под ветхым* монастырем»²⁵. Игуменом обители стал Варлаам, ибо преподобный Антоний, «с радостью замечая в этом молодом еще подвижнике высокие добродетели и необычайное благочестие, считал его вполне способным руководителем братии»²⁶.

Пещера преподобного Антония. Гравюра 1623 г.

Никона Великого уже не было рядом с ними — он ушел в Тмутаракань, спасаясь, очевидно, от гнева Изяслава, который никак не мог забыть неслыханной дерзости мужественного инока²⁷. В спутники Никон взял инока из киевского монастыря святого Мины, родом болгарина, с которым отправился к Черному морю. Придя «над море», они разлучились — иннок-болгарин ушел в Константинополь, а Никон в Тмутараканское княжество. Впоследствии Никон устроил в Тмутаракани обитель Пресвятой Богородицы, во всем подобную Печерскому монастырю.

Давно мечтая о безмолвном уединении, старец Антоний поселился в пещере, которую выкопал возле соседней горы на расстоянии ста десяти сажен от первой: «Иде в гору и ископа пещеру, яже есть под новым монастырем». Это место получило название Ближних пещер. «Изгоняя, по Евангельскому слову, диавола постом и молитвою и прочими добродетельными трудами: бдением, постом, бесчисленным коленопреклонением, он никогда не оставлял своей пещеры. Вся жизнь его была непрерывной бранью с миродержителем тьмы века сего»²⁸. Преподобный Антоний посвятил себя сугубым подвигам поста, молитвы и безмолвия, уйдя в затвор на долгие годы.

Перед этим старец собрал братию для прощальной беседы и наставления. Он стремился преподавать не только уроки внешнего благоустройства обители. Гораздо больше его волновало духовное устройство монастыря, что, собственно, и является главным в закладке прочного фундамента будущности. Мысль его не раз возвращалась к Афону и Константинополю, к тем прославленным монастырям, которые он сподобился посетить и которые по высоте иноческого доброделания являлись непревзойденным идеалом общежительного мо-

* Старым. Имеются в виду Дальние пещеры.

нашествия. Вся его молитва, вся боль отеческого сердца были об этом, «едином на потребу» (Лк. 10, 42).

«Братия!» — обратился старец к духовным своим чадам. В голосе, во всем благодатном облике этого великого труженика-аскета чувствовалось глубокое волнение. Иноки с трепетом внимали авве, ибо это был священный момент, подобный моменту благословения патриархом Иаковом своих сыновей (Быт. 49, 1-2). Отшельники понимали, что сейчас их духовник и учитель скажет те слова, которые станут определяющими на все времена для обители и низведут на нее благословение Божие. Старец произнес: «Се Бог нас совокупил. И вы от благословения есте Святыя Горы, им же мене игумен Святыя Горы постриже. Аз же вас постригох. И буди благословение на вас, первее от Бога и Пречистыя Богородицы, второе от Святыя Горы»²⁹. Эти слова стали духовным завещанием преподобного основателя Киево-Печерского монастыря, в котором он призвал своих учеников твердо следовать аскетическим идеалам Афона, черпать из этой неиссякаемой сокровищницы святоотеческого наследия великие духовные богатства и строить по образцу святогорского монашества всю свою жизнь. И сколько будет стоять Антониева обитель — столько ее бытие будут осенять судьбоносное напутствие и благословение преподобного аввы.

Вечерело. Куполами зазолотились, озаренные закатом, верхушки деревьев. Старец, изможденный, как тень, стоял перед братией на пригорке, выпрямившись во весь свой высокий рост. Ветер рвал полы его старенькой, выцветшей мантии. Из-под куколя, низко закрывавшего лоб, лучился взгляд глубоко запавших глаз. Впалые щеки резко очерчивали скуластость продолговатого, изрытого морщинами лица. Клин когда-то черной, как смоль, а теперь густо тронутой сединой бороды не в силах был скрыть старческих складок шеи. Руки, покрытые бороздами вен, крепко сжимали посох. Внешность говорившего обличала суровость его подвига, подчас превосходящего человеческие силы. Однако в его облике не сквозило ни тени немощи — наоборот, светилась властная сила всепобеждающего духа. Негромкий глуховатый голос также был исполнен силы.

Казалось, даже природа, внимая проречению, замерла в эти сакраментальные минуты. Дерзкий ветер, дунувший с реки, вдруг притих. Замолчала, словно задумалась, шумная акация. Спрятались птицы. И лишь Днепр дышал полной грудью — живой, но молчаливый свидетель благовенных слов святого отшельника.

В стороне от группки черноризцев стоял молодой инок. Его отличала худая, бедная одежда. Легкий наклон головы, опущенной к плечу, обнаруживал душевное смирение. Вместе с тем взгляд широко раскрытых глаз, устремленных на авву, был трепетен и доверчив. Статный, сильный в плечах, крупноголовый, с густыми рыжеваты-

ми кудрями, в которых запутался ветер, инок был бы похож на былинного богатыря, если бы не изрешеченная заплатами мантия. Несмотря на молодость, лицо его обрамляла густая, лопатой, борода. Большой широкий лоб хранил печать незаурядного характера и ума. Внешность его контрастировала с ликом старца. Такие разные, они стояли друг против друга — наставник и ученик, духовный отец и духовный сын... Но что-то в них было общее, выделявшее из круга собратьев. Зоркий взгляд мог бы заметить внутреннюю светоносность этой «не от мира сего», удивительной двоицы.

Молодого черноризца звали Феодосий. Одним из первых, совсем юным, пришел он в пещерный монастырь, но за годы, прошедшие с тех пор, превзошел всех аскетическими добродетелями. Минует еще несколько лет, и Феодосию суждено будет стать распространителем святогорских заветов преподобного Антония не только в родной обители, но и во всей необъятной матушке-Руси.

Киево-Печерская лавра стала первой обителью Руси, основанной на духовном фундаменте Афона. Позднее на нашей земле появились другие скиты* и киновии**, основанные выходцами из Афона и испытавшие его сильное влияние: Святогорский монастырь на Вольни³⁰, Коневская обитель близ Валаама, Нуромская в Вологодском крае, Комельская близ Белоозера, скит преподобного Нила на реке Сорке, Вознесенский монастырь преподобного Саввы Вишерского, Нямецкая лавра в Молдовалахии³¹ и мн. др. Однако в полной мере духовная мощь святого Афона воплотилась в его первенце на Руси — Киево-Печерском монастыре, который стал путеводной звездой для всего отечественного монашества.

В скором времени к новому месту затворничества преподобного Антония начали во множестве приходить благочестивые христиане, и на Ближних пещерах возникла вторая пещерная община — «Новый монастырь», в отличие от первого — «Ветхого» монастыря. Всего же великий угодник Божий провел в затворничестве, по преданию, более сорока лет: «Иде в гору, ископа пещеру, яже есть под новым монастырем, и в ней скончав живот свой, жив в добродетели лет сорок, не исходя из пещеры, в ней же лежат честные мощи его, чудеса творяще и до сего дне»³².

Преподобному Антонию пришлось претерпеть еще одно испытание. Изяслав, в своем суетном стремлении затмить Печерскую обитель, вознамерился построить богатый и пышный монастырь в честь святого Димитрия Солунского, имя которого носил в крещении. Властитель с помощью великокняжеской казны хотел достичь того, чтобы не Антониева обитель, а Димитриевский монастырь получил первенствующее значение на Руси: «Хотя сотворити свой монастырь выше Печерского, надеясь на богатство». Затем, явно с той же целью, он забирает в новопостроенный монастырь преподобного Варлаама: «Выведе Вар-

* Скит — «пустынная, уединенная обитель, где живут монахи, препровождая время в молитве, Богомыслии, рукоделии и прочих делах милости духовной и телесной» (Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1898, с. 607).

** Киновия (греч. — общежитие) — общежительная иноческая обитель.

лаама на игуменьство къ святому Дмитрею»³³. Княжеский монастырь, стоявший в центре столицы, в так называемом «городе Изяслава», действительно затмил убогую пещерную обитель, спрятанную в непроходимом лесу, сросшуюся с холмами и оврагами, наполовину врытую в землю. Да и монашеская жизнь в них была совсем разной. Один имел изобилие во всем, другой — крайнюю скудость. «Сколько скорби и печали, — говорит преподобный Нестор, — понесли они от тесноты места сего, ведает один Бог. Пищею их был ржаной хлеб и вода... ели сваренную зелень. Для содержания себя занимались рукоделием... Затем в урочный час собирались в церковь, служили часы и литургию. По окончании ее, вкусив мало хлеба, трудились каждый в своей келье»³⁴.

Но не богатством и покровительством сильных мира сего живут православные святые! «Мнози бо манастыреве отъ князь и боляр и отъ богатства поставленіи, но не суть таковіи, каковіи суть поставленіи слезами и пощеніем, молитвою и бденіем. Антоній не име злата и сребра, но стяжа слезами и пощеніем», — восклицает Нестор. Изяславов монастырь через несколько десятков лет, в 1128 году, запустел и прекратил свое существование³⁵. Благословение же и молитвы преподобного Антония, а также высочайшая духовность святого Афона, принесенная им на нашу землю, явились теми краеугольными камнями, которые легли в основу прочного и незыблемого фундамента Киево-Печерского монастыря, выстоявшего под ударами сокрушительных катаклизмов и сохранившего первенство духа.

Подвиги старца Антония привлекали к нему все большее число людей, ищущих его благодатного руководства. Число братии возросло сначала до двенадцати, а затем до двадцати человек. Тесная пещерная церковь уже не могла

вместить собиравшихся на общую молитву иноков. Тогда игумен испросил у Антония благословения построить наземный храм. «И поставиша церковицу малу над пещерою во имя Святыя Богородицы Успения».

Праздник Успения Пресвятой Богородицы чрезвычайно чтли в нашей земле, да и во всем православном мире. Храм монастыря Ксилургу на Афоне, в котором жили иноки из Руси, носил название Свято-Успенского. В Константинополе прославился Свято-Успенский монастырь, основанный Вселенским патриархом Алексием (1025-1043), откуда на Русь по благословению преподобных Антония и Феодосия был при-

Прорис с древней иконы.

везен Алексиево-Студийский Типик — знаменитый Студийский устав. И теперь эта скромная церковка, срубленная братией над пещерой, также нареклась Свято-Успенской. Позднее на славянских землях появилось много других монастырей и храмов, освященных в честь Успения Божией Матери: Почаевская лавра, Псково-Печерский монастырь, Троице-Сергиева лавра, соборы в Новгороде, Ростове, Чернигове, Владимире, Галиче, Рязани, Львове, Москве... Но на все времена самой великой святыней, нареченной в честь Успения Пресвятой Богородицы, останется Киево-Печерская лавра, начавшаяся с этой маленькой бревенчатой церковки.

Вскоре число иноков вновь увеличилось. Храм оказался тесен. Пещерная трапеза также была чрезвычайно мала. Появилась настоятельная необходимость выходить из земляных катакомб наверх, строить настоящий большой монастырь. Для этого нужна была земля, которой иноки не имели, а купить по своей бедности не могли. Тогда преподобный Антоний обратился с просьбой к князю Изяславу: «Христолюбивый княже! Бог умножает братию, место же мы имеем тесное... Благоволи дать нам гору, которая находится над пещерою»³⁶. Князь поспешил исполнить просьбу старца, авторитет которого был столь велик, что даже сильные мира сего вынуждены были с ним считаться. Сразу после этого «игумен и братия заложиха церковь велику и монастырь, оградиха столпием и келии поставиша многи, и церковь поставиша и украсиша иконами. И оттоле начашеся звати Печерский монастырь, понеже жили черноризцы прежде в пещере»³⁷.

Священное писание гласит: «Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим 3, 12). Каждое благое христианское дело встречает сопротивление диавольских сил. Так случилось и с преподобным Антонием. В 1069 г. старец вновь пережил сильное гонение. Он вынужден был прервать свое затворничество, ибо ему угрожала опасность либо темничного заключения, либо даже казни. Летопись повествует об этом так: «В то время выпало Изяславу придти от Ляхов. И начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава... и Святослав, прислав за Антонием, ночью забрал его в Чернигов. Антоний же, придя в Чернигов, избрал Болдину гору и, выкопав пещеру, поселился тут. И существует пещерный монастырь Пресвятой Богородицы на Болдиных горах до сего дня»³⁸.

Недовольство киевского правителя тлело с 1068 года, когда преподобный Антоний предсказал поражение войск Ярославичей в битве с половцами на реке Альте. На Русь неотвратимо надвигалось Божие наказание за отступление от христианской морали, и преподобный отшельник явился как бы новым пророком Илией, неустрашимо обличающим неправедные действия сильных мира сего. Первым признаком государственной нестабильности явилось междоусобное соперничество между братьями Ярославичами — Изяславом, Святославом и Всеволодом за киевский престол. Смута усилилась народным восстанием, вспыхнувшим после разгрома княжеских дружин половцами.

Гравюра из Патерика 1661 г.

Киевляне изгнали Изяслава и избрали на престол его племянника, Полоцкого князя Всеслава. Изяслав возвратился в Киев с помощью чужеземцев-поляков. Его сын Мстислав со страшной жестокостью расправился с повстанцами: около семидесяти человек было казнено, многих он приказал ослепить³⁹. В числе преследуемых оказался и печерский старец. Его пришлось спасать от гнева Изяслава, который не мог простить Антонию лояльности к сопернику. Неправедное гонение было столь велико, что земляк преподобного и его почитатель, Черниговский князь Святослав, был вынужден глубокой ночью тайно отвезти его из Киева в свою вотчину. Старца приютила родная Черниговщина.

Но в жизни человеческой все происходит по промыслу Божию. На Болдыных горах, где Антоний поселился в выкопанной для себя пещере, произошло великое чудо явления иконы Пресвятой Богородицы. Молясь однажды в ночи, преподобный увидел на одном из еловых деревьев, густо растущих на горе, необыкновенное сияние, которое исходило от спрятанной в ветвях иконы Божией Матери. «На месте явления иконы он основал обитель в честь Успения Богородицы. Явленная икона и монастырь названы Елецкими, потому что икона сия найдена на ели»⁴⁰. Захария, епископ Черниговский, еще прежде известного агиографа, святого Димитрия Ростовского, писал: «Пришовши Антоний до Чернигова пещеры в горах болдынских выкопал и в них мешкал, и там збудовася мурованая святого Илии пророка церковь»⁴¹.

Слава о подвигах преподобного Антония скоро распространилась по всей округе и привлекла к нему многих черниговчан, жаждающих подвизаться с ним в безмолвии. «Князь Святослав Ярославич, благодетельствуя этим под-

вижникам, в том же 1069 году рядом с пещерой, выкопанной Антонием, при скате горы основал небольшой храм во имя святого пророка Илии. Пробыв в Чернигове, преподобный Антоний снова возвратился в киевскую пещеру, но монастырь, оставленный им, стал постепенно расти и увеличиваться. Пещеры, выкопанные Антонием, привлекали новых боголюбцев, которые, одушевляясь примером великого подвижника, стали распространять здесь монашескую жизнь»⁴².

Скорее всего, правдолюбивый старец, так раздражавший верховную власть, и остался бы в Чернигове, где его никак не хотели отпускать (черниговчане и поныне с особой любовью почитают своего святого земляка), но «не угодно было Богу, чтобы сей всесветлый светильник, светозарное солнце... в ином граде, кроме Богоспасаемого града Киева... просвещал». Князь, и без того не любимый народом, понял, что его положение шатко. Изгнание преподобного усугубило неприязнь киевлян к Изяславу. Скорей всего, именно это обстоятельство заставило князя послать в Чернигов посольство с просьбой о возвращении Антония. «Кроткий и смиренный Антоний... возвратился к братии своей, которая в его отсутствие напоминала овец, не имущих пастыря»⁴³.

Бог, прославляемый во святых Своих, подает им дары Духа Святого: «Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцеления... иному чудотворения, иному пророчества, иному различение духов...» (1 Кор. 12, 8-10). Преподобный и богоносный отец наш Антоний получил от Бога всю полноту благодатных дарований Святого Духа. Преизобильные дары Боговедения, мудрости, чудотворения, исцеления, пророчества, изгнания бесов и даже повеления стихиями природы, явленные в его житии, прославили его как великого угодника Божия. К нему можно отнести слова, сказанные Нестором Летописцем о преподобном Феодосии, его духовном сыне: «Яко Моисей с горы Синайския, душею сияя паче лица Моисеова»⁴⁴. «Нового тя Моисея, отче, познахом, страстей победителя. Яко же бо он, древле Амалика победив, люди изведе, ты же, отче, множество монашествующих в землю обетования райского привел еси»*, — воспевают святая Церковь.

Князь Всеслав с сыновьями в «поруби». Миниатюра Радзивилловской летописи.

Князя Всеслава освобождают из «поруби». Миниатюра Радзивилловской летописи.

* Стих 8 песни канона преподобному Антонию Печерскому.

Пламенная молитва аввы Антония низвела с неба огонь на место, предназначенное для строительства Великой «Богонареченна церкве» в честь Успения Пресвятой Богородицы, показав старца вторым Илией (3 Цар. 18, 38). Словно Гедеон (Суд. 6, 37-40), он низвел на это место в одну ночь росу, а в другую сушу, помолясь Богу: «Господи, аще обретох благодать пред Тобою, да будет по всей земли роса, а на месте, идеже волиши освятити, да будет суша»⁴⁵. Подвигами и чудотворениями он уподоблялся преподобному Антонию Великому. Его предстательство избавляло от неминуемой смерти, как это было с варяжским воеводой Шимоном, погибавшим на поле брани. Старец врачевал неисцелимые болезни, о чем пишет Киево-Печерский Патерик в житиях черноризцев Дамиана, Исаакия, Агапита и других. Велик был и пророческий дар аввы. В тяжелом для Руси 1068 г. он предсказал русским князьям поражение от половцев. Преподобный Антоний изгонял бесов, как это видно из жития Исаакия Затворника; избавлял всех, обращавшихся к нему, от страстей и душевных бед, как об этом пишет житие Иоанна Многострадального; испрашивал у Бога своим духовным чадам предсмертное покаяние и прощение грехов, о чем говорит Патерик

в житии Эразма Печерского, и даже спасал грешников, приговоренных к адским мукам, от вечного мучения, что явствует из повествования о внезапно умершем нерадивом ученике старца Онисифора.

«Прославим же вседаровитого Человеколюбца Бога за дарование столь великого чудотворца преподобного Антония, первоначальника иночествующим в нашей земле русской! — восклицает агиограф святитель Димитрий Ростовский. — Ни одному человеку невозможно описать всех его деяний. Это доступно только Самому Сердцеведцу, знающему безвестная и тайная. Тот Сам начертал пространное житие преподобного отца нашего Антония в книгах живота вечного. Нам же следует усердно молить сего чудотворного первоначальника, чтобы и мы, соделавшись участниками его благонадежного обетования, сподобились по его ходатайству окончить жизнь в покаянии и помиловании от Бога, да обрящем имена наши написанными в книге живота вечного вместе с именем преподобного Антония, как имена детей и отца, по благодати и человеколюбию Господа Иисуса Христа, Которому с Его безначальным Отцем и Единосущным Духом честь, слава, хвала и царство ныне и присно и в бесконечные веки. Аминь»⁴⁶.

Из Патерика 1702 г.

Ссылки и примечания к главе II

1. Мощи первого Киевского митрополита Михаила, по преданию, с 1103 г. почивали в Ближних пещерах лавры. С 1730 г. и до второй мировой войны они находились в Свято-Успенском соборе лавры (Титов Ф., протоиерей. Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры. С. 48). «Предание это могло сохраниться в продолжение веков даже устно... а еще удобнее в той надписи, которая... от лет древних постоянно находилась над ракой святителя... Из этой надписи узнаем, что первосвятитель скончался в 992 г. и погребен был в Десятинной церкви; потом, около 1103 г., при печерском игумене Феокисте мощи его, обретенные нетленными, перенесены в Антониеву пещеру...» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 28; Толстой М.В. История Русской Церкви. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1991, с. 31). «Предание говорит, что первый наш митрополит Михаил основал на одной из гор киевских монастырь и церковь (деревянную) во имя своего ангела, Архистратига Михаила, неподалеку от того места, где прежде стоял Перун, а иноки, прибывшие с митрополитом, основали монастырь Спасский близ Вышгорода на высокой горе, доселе называемой по бывшему монастырю Белый Спас или Спасщина. Супрасльская летопись свидетельствует, будто сам святой Владимир в 996 г. создал вместе с Десятинной церковью и монастырь при ней во имя Пресвятой Богородицы. Дитмар упоминает о бывшем в Киеве монастыре святой Софии, который сгорел в 1017 г. и, следовательно, устроен был, по крайней мере, к концу жизни святого Владимира, если не прежде. В царствование Ярослава, который любил черноризцев «до излиха», они еще более начали умножаться... При сооружении Киево-Софийского собора Ярослав... создал два монастыря в Киеве: один мужской во имя своего ангела — Георгия, другой — женский во имя ангела своей супруги — Ирины» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 101-102).

2. «Под Киевом всегда было пещер очень много. По свидетельству летописи, в этих пещерах варяги скрывали имущество, награбленное во время набегов» (Живописное обозрение русских святых мест: Киево-Печерская лавра. Одесса, 1894, с. 20). «В то далекое время, когда Днепр стал великим торговым путем «из варяг в греки», очевидно, некоторые из пещер использовались торговыми людьми, в частности варягами, как склады и перевалочные пункты для товаров» (Петренко М. Правда про печери і мощі Києво-Печерської лаври. К., 1959, с. 5). См. также: Малышевский И. Варяги в начальной истории христианства в Киеве. К., 1887, с. 24-25; Петров Н.И. Историко-топографические очерки Древнего Киева. К., 1897, с. 52; Толочко П.П. Тайны киевских подземелий. К., 1971. «По поводу того, что это подземное сооружение было первоосновой Дальних пещер, достаточно заметить только одно: оно не сообщалось с основным лабиринтом еще в XVII ст. Таким образом, Дальние пещеры не могли иметь его своей первоосновой» (Патерик Киево-Печерский. С. 226, прим. 6).

3. Статья Патерика «Нестора мниха обители монастыря Печерського, сказание, что ради прозвася Печерський монастырь» указывает на то, что приход Антония в Киев состоялся при князе Владимире: «Въ княженіе самодръжца Рускыя земля, благовернаго великаго князя Владимира Святославича, благоволи Богъ явити светилника Рустей земли и наставника иночествующим» (Патерик. С. 16). «Данная статья, без сомнения, происходит из Жития Антония. Кроме Густинской летописи, известна в Хронографе и поздних русских летописях. Впервые введена туда, очевидно, в изводе 1423 г. Аналогичная дата стоит в печатных патериках, в Четых Минеях преп. Димитрия Ростовского. В Густинской летописи второй приход св. Антония в Киев отнесен к 1027 г.» (Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври XI-XIII ст. Києво-Печерська лавра, 1995, с. 55, прим. 1). См.: Густинская летопись // ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 261; Димитрий (Туптало), архиепископ. Книга житий святых... на три месяца четвертыи: июнь, июль, август. К., 1705, с. 456.

«В части северно-восточных изводов сообщение о приходе преп. Антония перенесено на 1037 год — к информации об основании Ярославом Мудрым монастырей» (Патерик Киево-Печерский. С. 225, прим. 2). См.: Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Л., 1982, т. 37, с. 67; Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий археологической комиссии за 1907 г. С.-Пб., 1908, вып. 20, с. 287.

В Кассиановской второй редакции Печерского Патерика впервые появляется повторенное следующими редакциями утверждение о двухразовом приходе преп. Антония в Киев. Скорее всего, в использованном летописном первоисточнике, который также был источником Густинской летописи, уже существовало объединение этих двух версий. Ведь в этом памятнике первый приход святого Антония отнесен к 1013 году: «Пришел впервые в Киев преподобный отец наш Антоний из Святой Горы и вселился в пещеру Варяжскую» (Густинская летопись // ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 261). «Житие преп. Антония» не могло, разумеется, описать поселение преп. Антония в пещерке Илариона, ибо она не существовала. Так появилась версия о первом его поселении в т. наз. Варяжской пещере... Время ее основания неизвестно... Дальше, под 1017 годом, в Густинской летописи читаем: «Этим же летом преп. Антоний... ушел назад в Святую Гору» (Густинская летопись. С. 266). И далее, под 1027 годом: «Преподобный Антоний снова пришел в Киев из Святой Горы» (Там же). Отсюда возникла чрезвычайная путаница в вопросе об основании лавры: его относят то к 1013, то к 1051 году... Однако, по нашему мнению, в данном случае в этом вопросе мы должны положиться на самого преп. Нестора... и его предшественников в печерском летописании, которым А.А.Шахматов приписывает создание указанной статьи — преп. Никона и игумена Иоанна, которые относили поселение преп. Антония в пещере ко времени после 1051 года...» (Дива печер лаврських / Відп. ред. В.М.Колпакова, упорядник І.В.Жиленко. К., 1997, с. 13-14).

4. Основание и устройство Киево-Печерского монастыря и его первые подвижники // Киев и его святые. М., 1912, с. 32. М.Приселков считает, что сам Иларион указал Антонию местонахождение своей пещеры (Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. С.-Пб., 1913, с. 171). «Тяжело сказать, почему преп. Антоний избрал именно это место. М.Д. Приселков справедливо замечает, что если бы святому необходимо было безлюдие, он ушел бы глубже в чашу, а не остался так близко от Берестова. Вероятнее всего, этот выбор возник под влиянием тогдашнего митрополита Илариона, который прекрасно понимал, насколько необходим не до конца еще христианизированной стране такой человек» (Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври XI-XIII ст. С. 58, прим. 7).

5. Патерик. С. 16. Мирское имя Антония, равно как и год его рождения (около 983), помещены в летописях Переяслава Суздальского и Супрасльской (Летописец Переяслава Суздальского, составленный в начале XIII века. М., 1851, с. 45;

Шахматов А.А. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1888, март, с. 141). «Любеч (Любец) принадлежит к числу доисторических городов Руси, существовавших уже перед прибытием варягов — летопись под 882 г.; при Олеге он был в числе главных городов, в которых сидели его «велиции князи»... В последующее время он не играл никакой политической роли, оставаясь постоянно пригородным... имел известность только тем, что близ него была «вся жизнь» черниговских князей, т. е. их села с сельскохозяйственными заведениями, — Ипатьев. летопись под 1148 и 1149 гг. В историческом отношении Любеч известен, во-первых, сражением Ярослава с Святополком в 1016 г., во-вторых, большим съездом князей «на устроенье мира» в 1097 г.» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 569, прим. 2). В 1870 г. в Любече у входа в пещеру Антипы был поставлен памятник преподобному Антонию. К этой пещере, месту его подвигов, был установлен с 1874 г. ежегодный крестный ход. См.: Память преподобного и богоносного отца нашего Антония Печерского // Афонский Патерик. М., 1897, ч. 2, с. 78, прим.

6. «Человеколюбивый же Господь възложи сему ити въ страну Гречьскую и тамо острышися... и достиже царствующаго града. И въ святую гору доиде» (Патерик. С. 16). См.: Путеводитель по святой Афонской горе. Одесса, 1902, с. III-V. М.Приселков допускает, что Антипа постригся в болгарском монастыре Афона (Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 169). Существует версия, что Антипа был пострижен в Иверском грузинском монастыре (Кирион, епископ. Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910, с. 83-95).

7. О преп. Антонии Великом см.: Лобачевский С. Святой Антоний Великий (его жизнь, писания и нравственно-подвижническое учение). Одесса, 1906, с. 139-195; Древний Патерик, изложенный по главам. Перевод с греческого. М., 1899, с. 11; Антоний Великий. М.: Сретенский монастырь. 1998. Преподобный Нестор прямо сравнивает Антония Печерского с египетским пустынножителем (Патерик. С. 17). На Руси житие Антония стало известно почти сразу после ее христианизации. Его имя упоминается в «Повести временных лет» под 1074 г. (ПлДР. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978, с. 198). Житие Антония Великого было одним из существенных источников для Нестора Летописца при составлении агиографического труда о первоначальном бытии Киево-Печерского монастыря. Следы его влияния обнаруживаются, в частности, в Несторовом Житии преп. Феодосия. На него ссылались и другие авторы Киево-Печерского Патерика (Архангельский А.С. К изучению древнерусской литературы. Творения отцов Церкви в древнерусской письменности. С.-Пб., 1888, с. 13-15; Шахматов А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. 1896, т. 1, с. 65; Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском Патерике, как историко-литературном памятнике. С.-Пб., 1902, с. 131, 158).

8. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 67; Основание и устройство Киево-Печерского монастыря и его первые подвижники // Киев и его святыни. С. 31; Русский биографический словарь. С.-Пб., 1896, т. 2, с. 212.

9. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 556-559.

10. Літописне оповідання про початок Печерського монастиря // Патерик. С. 196, 10. Статья эта, как считал А.Шахматов, происходит из летописного свода 1073 г., составителем которого был преподобный Никон Печерский, и в свою очередь дополнена печерским игуменом Иоанном, опиравшимся на Житие преп. Антония. Ученый смог реконструировать ее древний текст (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий археологической комиссии за 1907 г. С.-Пб., 1908, вып. 20, с. 257-289, 587-592). Сведения, содержащиеся в летописной статье, отличаются от данных, приводимых Нестором в Житии преп. Феодосия. Каченовский и др. представители т. наз. скептической школы на основании этих разночтений отказывали Нестору — создателю Жития преп. Феодосия в авторстве летописи (Каченовский. О баснословном времени в российской истории // Уч. зап. имп. Моск. ун-та. 1833, ч. 1, № 2, отд. 3, с. 278-298; Скромненко С. [Строев С.М.]. Кто писал ныне нам известные летописи? // Сын Отечества и Северный архив. 1835, ч. 47, № 3, с. 161-174; Казанский П. 1) Еще вопрос о Несторе. Можно ли думать, что писатель Жития преподобного Феодосия Печерского и летописи, известной под именем Несторовой, есть одно и то же лицо? // ВОИДР. 1849, кн. 1, отд. 1, с. 23-30; 2) Критический разбор свидетельств Патерика печерского о летописи Нестора // Там же. 1850, кн. 7, отд. 1, с. 1-16).

«Данная статья очень рано, едва ли не в конце XIII ст., вошла в состав Патерика, на первых порах ничем не отличаясь от летописной. Однако в 1462 г. она подверглась существенной переработке при написании... Кассианом своей второй редакции Патерика. В частности, в статье появилось дополнительное начало, которое свидетельствует о двухразовом приходе преп. Антония в Киев... Источником для составления этой редакции, как видно, была все та же Печерская летопись. Следующая метаморфоза произошла со статьей 1051 г. уже в XVII ст., когда, главным образом на ее основе, было создано новое житие преп. Антония, которое и доныне известно в печатных Патериках» (Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври XI-XIII ст. С. 56-57).

Кассиановская вставка начиналась словами: «В княжение самодръжца Руския земли, благовернаго великаго князя Владимира Святославича, благоволи Бог явити светилника Рустеи земли и наставника иночествующим, яже о нем... сказаніе». И была озаглавлена: «Нестора, мниха обители манастыря Печерьскаго, сказаніе, что ради прозвася Печерьскый манастырь» (Патерик. С. 16-20).

11. Афон, Россия и культурно-просветительная деятельность Афона среди русского народа // Афон. Значение святой Афонской горы в деле создания и распространения духовной культуры на Руси. Париж, 1959, с. 42. Сохранились акты русского монастыря Ксилургу 1030, 1048 и 1070 гг., а также опись от 14 декабря 1142 г. «В этой описи перечислены... русские книги, включая и русский номоканон» (Там же; Акты русского на святом Афоне монастыря. К., 1873). См.: Соловьев А. История русского монашества на Афоне. Белград, 1938; Дмитриевский А. Русские на Афоне. С.-Пб., 1895.

12. Нестора, мниха обители манастыря Печерьскаго, сказаніе, что ради прозвася Печерьскый манастырь // Патерик. С. 16. Что касается Есфигмена, то Голубинский подвергает эту версию, возникшую уже в поздние века, беспощадной критике. Впрочем, мнения разделились. Часть исследователей склонна к более бережному отношению к этому преданию (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 31, 32, 279; Антонин, архимандрит. Заметки поклонника Святой Горы. К., 1864, с. 293-296; Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1846 г. епископа Порфирия Успенского. К., 1877, ч. 2, отд. 1, с. 244). Другие издания отвергают эту гипотезу (Путеводитель по святой горе Афонской.

С.-Пб., 1863, с. 154, прим.; Акты Русского на святом Афоне монастыря. С. 5-6). Такой обстоятельный изыскатель, как В. Григорович-Барский, вообще не слышал на Афоне об Есфигменском предании (Второе посещение святой Афонской горы Вас. Григорович-Барского. С.-Пб., 1887, с. 224-225.)

Однако Церковь не может отвергать древних преданий, видя в них золотые крупницы истины. Вот почему почти все книги о лавре повторяют сведения и о пещере над морем, где жил Антоний, и об имени его старца — Феокист. В сороковых годах XIX в. в Есфигмене была составлена служба преп. Антонию и его жизнеописание на греческом языке. С тех пор монахи-греки показывали паломникам и гору Самара, находящуюся в получасе ходьбы от монастыря, и пещеру преп. Антония с храмом, освященным в его честь, который построен в русском стиле (Григорович В. Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877; Стадницкий А. Дневник студента паломника на Афон. К., 1886), и даже старинную фреску в монастырском храме, изображающую старца Феокиста и преп. Антония. Примечательно, что фреска с изображением Афона находится и в Киево-Печерской лавре, в храме Всех Святых.

Современные церковные историки с доверием относятся к афонскому преданию. См.: Леонид, архиепископ. Афон в истории русского монашества // БТ. 1970, № 5, с. 5-24; Августин (Никитин), архимандрит. Крещение Киевской Руси и рукописное наследие Афона // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция. М., 1989, с. 253-259.

13. Патерик. С. 17. «В середине XI в. Святая Гора стала настоящим оазисом совершенного... благочестия, в сравнении с общим упадком нравственности духовенства в континентальной Греции. Усовершенствованию церковного устройства на Афоне способствовали официальные меры византийского императора Константина Мономаха (1046), который выпроводил с полуострова светских обитателей-мирян, закрепил за монашеской общиной новый дисциплинарный устав и, наконец, утвердил и укрепил духовную юрисдикцию местного церковного самоуправления под патронатом (фактически инвеститурой) императорской власти. Антонию было чему поучиться, и потому множество заветных впечатлений он охотно перенес на древнерусскую почву, как, напр., опыт устройства отшельнического (исихастского) монастыря, целиком полученный на Афоне. Следы афонского влияния прослеживаются и в духовной деятельности ближайших последователей печерского аввы» (Лаврський альманах: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури (Збірник наукових праць). К., Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 1999, вип. 1, с. 56-57).

14. Утраченные Житие Антония и Печерская летопись были созданы в Печерском монастыре в XI ст. См.: Шахматов А.А. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1888, март, с. 105.

15. Послание смиренного епископа Симона Владимирьского и Суждальского к Поликарпу, черноризу Печерскому // Патерик. С. 102-103.

16. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 130.

17. Літописне оповідання про початок Печерського монастиря // Патерик. С. 196.

18. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 68.

19. Житие преподобного отца нашего Никона, игумена Печерского // Киево-Печерский Патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры. Одесса, 1903, с. 122. Никон пришел к Антонию «именно уже пресвитером, если вместе и не монахом; бывший по своему сану, без сомнения, духовником братства, следовательно лицом важнейшим после самого Антония, и, может быть, поэтому называемый великим» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 573).

20. Жизнь преподобного Антония Печерского. К., 1889, с. 8. «Преп. Антоний не принимал сана священства, оставаясь простым монахом, и можно думать, что он был человек неграмотный, а это более, хотя вовсе и не решительно, говорит за его происхождение из мещано-крестьянства, чем боярства» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 570, прим. 1).

21. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 465, прим. 82.

22. Житие преподобного отца нашего игумена Варлаама, бывшего прежде в пещере еще до создания монастыря Печерского, потом же игумена монастыря святого Димитрия великомученика // Киево-Печерский Патерик. К., 1903, с. 76-79. «В 1060 г. Никон по поручению Антония постриг в иноки... Варлаама, а в 1061 г. — ...Ефрема» (Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. К., 1992, с. 11). Одни исследователи считают, что под «первым у князя в боярах» нужно подразумевать «Ивана Творимирича, о котором летопись говорит под 1043 г.» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1. (2-я пол.), с. 573, прим. 5). Другие видят в нем Яня Вышатича, как, напр., Карамзин во 2-м томе своей «Истории Государства Российского». По версии современных историков, Варлаам «принадлежал к старинному роду, представители которого занимали наивысшие должности при дворе Рюриковичей. Отец Варлаама, Янь Вышатич (1016-1106 гг.), был киевским тысяцким и воеводой. При конце жизни он поселился в Печерском монастыре и был одним из главных информаторов Нестора Летописца. Его отец Вышата, тоже тысяцкий и воевода, известен своим мужественным поведением во время несчастливой похода Владимира Ярославича на греков в 1043 г. Он был сыном новгородского посадника Остромира-Иосифа, по заказу которого в 1056-1057 гг. была написана самая древняя из датированных древнерусских книг — прославленное Остромирово Евангелие. Отец Остромира — новгородский посадник Константин, сын легендарного Добрыни, родного дяди и воеводы великого князя Владимира Святославича. Т. обр., Варлаам был дальним родственником княжеской семьи» (Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. К., 1997, с. 17). Если обратиться к лаврскому преданию, то оно считает Варлаама представителем рода Вышатичей, а не Творимиричей. См.: Киево-Печерская лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии. К., 1886, с. 65.

23. Житие преподобного отца нашего Ефрема, епископа Переяславского, принесшего устав Студийский, по желанию святого Феодосия // Киево-Печерский Патерик. С. 80.

24. Патерик. С. 33.

25. Там же. С. 18. «Что касается... формы Антониевых пещер, то в существе она была та же, какую имеют пещеры в настоящее время, т. е. они состояли из подземных галерей (в летописи «улиц») с маленькими кельями в боках и с большим или меньшим количеством расширений галерей в комнаты (церковь, трапеза, и, может быть, для иных каких-либо потреб). Но став из жилых помещений кладбищами и потом подвергшись засыпанию от обвалов и реставрациям, они должны были более или менее изменить свою программу» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-пол.), с. 653, прим. 3).

26. Киево-Печерский Патерик. С. 78.

27. По мнению М.Приселкова, Никоном была недовольна также и митрополичья кафедра (Приселков М.Д. Нестор Летописец. Пг., 1923, с. 23).

28. Киево-Печерский Патерик. С. 16. Преп. Антоний переселился в другую пещеру около 1061 г. (Дива пещер лаврских. С. 14).

29. Патерик. С. 18. Как пишет историк православного Востока епископ Порфирий (Успенский), преподобный Антоний на Афоне глубоко изучал святогорские традиции для внедрения их в родном Отечестве (Порфирий (Успенский), епископ. Восток христианский. Афон. С.-Пб., 1892, ч. 3, с. 7).

30. Основанный до 1064 г. См.: Поппэ А. Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // История СССР. 1970, № 3, с. 116. Исследователь не исключает факта возможного пребывания на Афоне самого митрополита Киевского Илариона. См. также: Тодорович Н.И. Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской иерархии. Почаев, 1893, с. 167.

31. Основанные преподобными Арсением Коневским († 1447), Сергием Нуромским († 1412), Саввой Вишерским († 1461), Иннокентием Вологодским († 1521), Нилом Сорским († 1508), Паисием Величковским († 1794). См.: Афонский Патерик. Ч. 1, с. 263, 343, 515; ч. 2, с. 229; Житие молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847.

32. Патерик. С. 18. «...И туда сошло к нему много братии на сожительство, как пишет Сильвестр Косов в Патерике своем. Всего пребывания Антониева в пещерах Косов, согласно рукописным Патерикам, полагает 40 лет, а Славянский печатный Патерик считает сие число лет его пребывания только в Дальней пещере, а в Ближней же 16 лет. Но Нестор в летописи своей сорокалетнее уединение его полагает уже в Ближней пещере... По печатному Славянскому Патерику и Никоновой летописи кончина его означает в 1073 году, июля 10, от рождения 90 лет. Следовательно, переселение его в новую пещеру было бы в 1033 году. Но сие несогласно с временем основания первого Печерского монастыря на Дальних пещерах и отшествия оттуда преподобного Антония» (Євгеній (Болховітінов), митрополит. Вибрані праці з історії Києва. К., 1995, с. 275).

«Доселе еще никто не объяснил удовлетворительно, как понимать те 40 лет, которые, по летописи, будто неисходно провел в этой пещере преп. Антоний (разные мнения о сем см. у Казанского, в «Истории русского монашества». Прилож. 1, с. 195-197). Но неизвестно, почему доселе не обращено внимания на свидетельство Татищева: «О летах его (Антония) во уединении в древнейших — 8, а в иных — 40 положено, что неосторожностью повреждено, и последнее со обстоятельством сходно быть не может» (Истор. Росс. 2, с. 111, прим. 256). Если допустить, что преп. Антоний, сдав настоятельство Варлааму, а за ним преп. Феодосию (1057 г.), поселился в новой пещере около 1060 г., то до вынужденного удаления своего в Чернигов в 1069 г. он точно находился в этой пещере, не выходя из нее, ровно 8 лет» (Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2, с. 468, прим. 114.)

«Можно предполагать, что в подлиннике стояло четырнадцать, что... сходится с вероятным временем пребывания во второй пещере, и что из этого четырнадцать по ошибке явилось четыредцать» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 581).

33. Патерик. С. 19. Дмитриев монастырь находился в «городе Изяслава» на Старокиевской горе, в районе нынешней Владимирской горки. В 1108-1113 годах в нем был построен Михайловский Златоверхий собор, давший впоследствии новое название этой обители (Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 21-24). «Сильвестр Косов, Польского своего Патерика на стр. 56 в примечаниях к житию преп. Феодосия говорит, что монастырь Дмитриев был недалеко от Печерского, и в его время видно было только место его» (Євгеній (Болховітінов), митрополит. Вибрані праці з історії Києва. С. 276). Голубинский пишет, что неподалеку от Печерской обители находился приходский храм, носящий имя св. Дмитрия, который путают с монастырем князя Изяслава (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 298).

34. Киево-Печерская лавра // Указатель святыни и священных достопамятностей Киева. КПЛ, 1898, с. 6.

35. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 88, 131; Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн., 2, с. 171. Однако Голубинский утверждает, что в Лаврентьевской летописи под ликвидацией в 1128 году церкви св. Дмитрия подразумевался находившийся неподалеку от Печерского монастыря приходский Дмитриевский храм, а не Изяславов монастырь (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви, Т. 1 (2-я пол.), с. 298). С ним не согласен протоиерей П.Лебединцев (Лебединцев П. Дмитриевский монастырь, устроенный в Киеве великим князем Изяславом Ярославичем, его судьба и местность // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. К., 1879, кн. 1, с. 30). Современные историки солидарны

с митр. Макарием и П.Лебединцевым. См.: Асеев Ю.С. Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве // Советская археология. 1961, № 3, с. 291-296; Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 24-26.

36. Житие преподобного и богоносного отца нашего Антония, основателя святой Киево-Печерской лавры // Киево-Печерский Патерик. С. 12-13. «М.Д.Приселков справедливо предполагает, что Печерский монастырь первоначально находился на земле, принадлежавшей Антонию» (Шапов Я.Н. Церковь в Древней Руси (до конца XIII в.) // Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И.Клибанов. М., 1989, с. 43). Как видим, это не так: вся земля в окрестностях Берестова принадлежала великокняжеской семье. Скромный уроженец Любеча не мог иметь ни в Киеве — столице государства, ни в Берестове — владении великих князей, собственной земли. Десятилетиями странствуя и живя вне пределов родины, он не был связан «куплями житейскими» (2 Тим. 2, 4). Игнорируя церковное предание, секулярные историки в своих гипотезах иногда заходят слишком далеко.

37. ПВЛ. Ч. 1, с. 307. «Синописис Киевский и Славянский печатный Патерик в житии преподобного Феодосия приписывают сие устроение Феодосию в 1062 году, а Нестор — Варлааму» (Евгений (Болховитинов), митрополит. Указ. соч. С. 276). «Построение этого монастыря в летописи преподобный Нестор приписывает игумену Варлааму, а в житии преподобного Феодосия — сему последнему. Естественно предпочесть сказание летописи, как сочинения позднейшего, в котором Нестор мог сам исправить прежнюю свою неточность. Но говоря, что монастырь совершен при Варлааме, летопись отнюдь не говорит, чтобы при нем же последовало и переселение в монастырь братии из пещер. Потому нельзя не верить сказанию жития преподобного Феодосия, что это переселение совершилось уже при его игуменстве, а именно в 1062 г. Может быть, около того самого времени, как монастырь был уже выведен в черне, преподобный Феодосий и сменил на игуменстве Варлаама и докончил постройки. Кальнофойский, неизвестно почему, утверждает, будто построение монастыря окончилось в 1058 г.» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 466, прим. 97).

38. Літопис руський. С. 118.

39. Полонська-Василенко Н. Історія України. К., 1995, т. 1, с. 134-135; Толочко П.П. Народные движения на Руси // Древняя Русь. К., 1987, с. 230-236.

40. Празднества Пресвятой Богородице в честь Ея чудотворных икон // Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ея икон. С.-Пб., 1909, с. 132. «Как описывает архимандрит черниговского Елецкого монастыря Иоанникий Галатовский в книге Скарбница, эта икона во время княжения в Чернигове князя Святослава Ярославича явилась на дереве ели, на горах Болдиных, близ Чернигова, в 1060 г. 6 февраля» («Месяцеслов» в прибавлении к Тверским Епархиальным ведомостям. 1907, февраль, вып. VI, с. 65).

Очевидно, это ошибка, ибо во всех источниках годом удаления Антония из Киева называется 1069-й. Создание же Елецкого Свято-Успенского монастыря напрямую связано с событием обретения чудотворной иконы, явленной преподобному Антонию. Однако даже митр. Макарий датирует основание Елецкой обители 1060 годом (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 174). Т. обр., этот вопрос остается открытым.

41. В предисловии к Елецкому синодику. См.: Православные русские обители. С.-Пб., 1910, с. 521; Смоличев П. Чернигов и его околицы великокняжеских времен // Чернигов и Северное Левобережье. К., 1928, с. 142-143.

42. Православные русские обители. С. 521-522. «Следующее сообщение об Ильинском монастыре датируется 1649 годом, когда началось восстановление древних храмов. Наиболее информативные документы с описанием черниговских подземелий датируются XVIII-XIX веками. Протяженность черниговских пещер, которые, как и лаврские, называются Антониевыми, составляет 340 метров. Они расположены на 4 подземных уровнях-этажах. Нижний и наиболее древний ярус пещер залегает на глубине 12 метров от поверхности земли. Центрами второго яруса являются подземные церкви Антония и Феодосия Печерских. Их стены облицованы кирпичом, а высота потолка достигает 8,5 м. На третий ярус черниговских пещер ведет узкая лестница с кирпичными ступенями, подземные коридоры соединяются с небольшой часовней. Четвертый ярус включает пещерную церковь Николы Святоши и келию Антония. В целом устройство черниговских пещер очень напоминает лаврские киевские катакомбы. Высота и ширина пещер, расположение крипт и келий — все в них абсолютно аналогично» (Хведченя С. Киево-Печерская лавра: пещеры, легенды, клады. К., 1999, с. 37).

43. Киево-Печерский Патерик. С. 16.

44. Патерик. С. 89.

45. Там же. С. 7.

46. Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. М., 1910, кн. 11, месяц июль, с. 283-284.

Глава III

Преподобный Феодосий

Монахов множества
наставника тя почитаем,
отче наш Феодосие,
твоею бо стезею воистину
право ходити познахом.
Блажен еси, Христу работав,
и вражию обличил еси силу,
ангелов собеседниче,
преподобных сопричастниче
и праведных.
С ними же молися Господеви
помиловатися душам нашим.

(Стиховная стихира из службы
преподобному Феодосию).

реподобный Антоний Египетский среди множества учеников имел одного, особенно ревностно подражавшего ему в подвигах. Звали его Павел. За простоту и нищету духовную он получил имя Препростой*. Когда Павел впервые пришел в египетскую пустыню, старец не пожелал принять его, видя неопытность пришельца. Но Павел проявил необыкновенное терпение. Несколько дней он провел у пещеры аввы без еды и питья под палящим солнцем, смиренно ожидая милости старца, и преподобный Антоний, удивившись его стойкости и прозрев его особое избранничество, взял Павла в ученики. Впоследствии Павел Препростой достиг такой духовной высоты, что авва Антоний сам иногда обращался к нему за советами ¹.

Кроме Антония Великого и Павла Препростого, вспомним других древних отшельников и их учеников, вместе подвизавшихся и вместе прославленных Богом: преподобных Варсануфия Великого и Иоанна Пророка (VI в.), Доротея и Досифея Палестинских (VII в.), Михаила и Афанасия Афонских (X в.). Православная Церковь Руси чтит память преподобных Сергия и Германа Валаамских (XIV в.), Савватия и Зосимы Соловецких (XV в.), Сергия и Никона Радонежских (XV в.); других святых старцев и их учеников, из которых первые основывали отдаленные скиты и монастыри на безлюдных островах или в непроходимых лесах, а вторые развивали и продолжали дело своих духовных отцов и наставников.

В агиологии Православной Церкви присутствует такой феномен, как святая «двоичность» христианского подвига угодников Божиих. Богослов Павел Флоренский писал: «...Собранность двух или трех во Имя Христово, со-вхождение людей в таинственную духовную атмосферу около

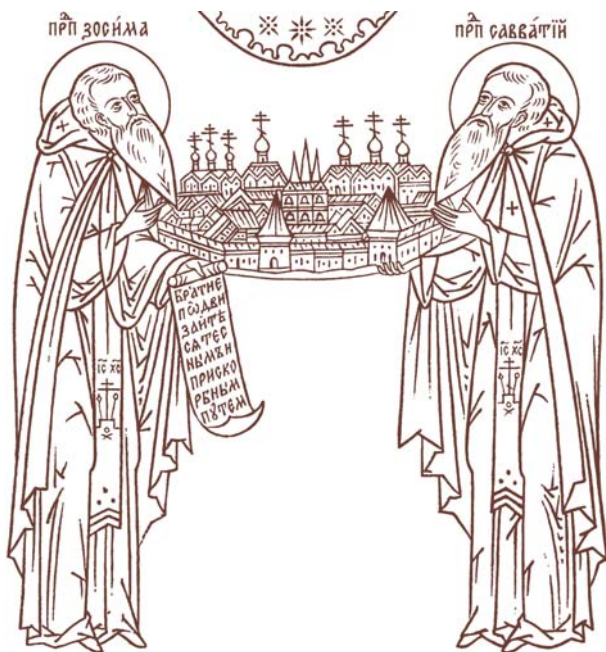
Преподобные Сергий и Герман Валаамские.

Христа, приобщение Его благодатной силе претворяет их в новую духовную сущность, делает из двух частиц Тела Христова живое воплощение Церкви» ².

Киево-Печерский монастырь также строился по этому принципу. Авва Антоний, ископав уединенную пещеру на склонах Берестовой горы и собрав небольшое число отшельников, положил начало обители. Продолжил дело своего учителя в устройении лавры и более того — в устройении всего отечественного монашества преподобный и богоносный отец наш Феодосий Печерский.

Когда старец Антоний жил еще в Иларионовой пещере, пришел к нему юноша из далекого Курска, по имени Феодосий ³. Преподобный Антоний тогда еще не был прославлен, и о его пещерной обители почти никто не знал. Юноша с трудом нашел это скрытое от людских глаз место. Сколько препятствий пришлось ему преодолеть, прежде чем прийти сюда! Но его вел всемогущий промысел Божий.

Старец удивился молодости Феодосия, в столь раннем возрасте пожелавшего возложить на себя великие подвиги пещерного жития. Вот уже почти месяц, как юноша тайно ушел из дома в поисках спасительного пристанища для своей души. В Киев его привела слава здешних монастырей, самых богатых и известных на Руси. Но в столичных монастырях его не приняли, «видевше отрока проста и ризами худыми облечена». Услышав же о суровом пещерном подвиге преподобного Антония, Феодосий, по словам Патерика, «окрылатев умом, устремился к пещере и... пад, поклонился ему со слезами...». Старец первоначально не хотел принимать его: «О чадо, видиши ли пещеру сию, скорбную сушу, место тесно. Ты же юн еси, не имаша терпети скорби на месте сем».

Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие.

* Слав. — Препростый. Память преподобного Павла Препростого совершается Церковью 7 марта и 4 октября по ст. стилю.

Но как Павла Препростого не остановил отказ египетского пустынножителя, так и Феодосия не остудило предостережение берестовского отшельника: «Видь, честный отче, яко... Христос Бог приведе мя к твоей святости». Мольбы юноши, горячо желавшего посвятить себя трудному подвигу самоотречения, заставили Антония уступить. «И глагола ему блаженный Антоний: Благословен Бог, чадо, укрепивый тя!» Старец повелел Никону постричь юношу и облечь его в монашеские одежды: «И по обычаю святых отец остригь его и облече его в мнишескую одежду, в лето 6540, при князи благочестивем Ярославем Владимеричи»⁴.

Юный монах с великим усердием принялся за исполнение иноческих обетов, во всем стремясь подражать духовному отцу своему Антонию. «Воздержанием и постом он смирял душу, а бдением и рукоделием утруждал тело, так что и преподобный Антоний, и блаженный Никон дивились его благонравию, смирению, покорности, бодрости и крепости и прославляли о сем Бога»⁵. Жили эти три подвижника в едиnodушии и Божественной любви. По выражению летописца, это были три светила, сиявшие величием христианского духа и разгонявшие диавольскую тьму постом и молитвой.

Прошло четыре года. Ничто не нарушало уединения отшельников. Тишина и безмолвие ночных бдений сменялись энергичным ритмом неустанных дневных послушаний. Изредка преподобный Антоний принимал посетителей, приходивших к нему за советом и благословением. Однажды в берестовский лес пришла женщина. Судя по богатому одеянию, она была из боярского сословия. Посетительница настойчиво просила пропустить ее к старцу⁶. Лицо ее, изможденное от трудного и долгого пути, выражало сильную скорбь. Старец с любовью благословил ее и начал с ней беседу.

Не сразу женщина решилась открыть ему боль своего сердца. Но затем из ее сбивчивого горестного рассказа старцу стало ясно, что она — мать Феодосия, тайно ушедшего из дома несколько лет назад. Все эти годы она упорно искала любимого сына и теперь пришла, чтобы повидать его и удостовериться, что он жив. Старец, видя, что свидание матери с сыном будет нелегким, попросил ее прийти на следующий день, чтобы подготовить Феодосия к неожиданной встрече.

Феодосий сильно смутился, узнав о том, что мать сумела найти его. Это был не первый его уход из родного дома. Драма взаимоотношений матери и сына продолжалась уже много лет и нанесла обоим острые душевные раны. Мать Феодосия чрезвычайно любила сына. Раннее сиротство еще более привязало ее к нему.

Родился Феодосий в городе Василеве, нынешнем Василькове, пригороде стольного Киева. Родители его, как пишет Патерик, «въ вере христьянстей живуща и всяким благочестием украшена». Священник «сердечными очима прозре, яко хошет измлада Богу датися, Феодосием того нарече»*. С самого детства Феодосий был отмечен печатью Духа Святого: «Отроча же растяше... и благодать Божия бе на нем и Духъ Святыи измлада вселися въ оны». Отец Феодосия был тиуном** великого князя. Вскоре князь отправил его в Курск, городок Черниговского княжества, на службу к своему наместнику. Когда Феодосию было 13 лет, он лишился отца, оставшись сиротой⁷.

Юноша рано обособливается от мирских развлечений и начинает вести, по мнению окружающих, довольно странный образ жизни: одевается в рубище, работает со слугами в поле, предпочитает бедняцкую среду кругу богатых сверстников. Такому пренебрежению к социальным благам своего статуса способствовало углубленное христианское воспитание отрока. Мать не жалела денег на обучение сына, а оно, как известно, состояло тогда из чтения священных книг и изучения Писания.

О знаниях, полученных Феодосием, можно судить по тогдашнему уровню книжности и просвещения в древнерусском государстве. После крещения на Русь из Византии и Болгарии хлынул целый поток историко-богословских и литературно-философских творений. Феодосий сформировался как личность в блистательную эпоху Ярослава Мудрого, когда широководная река знаний с особой жадностью впитывалась благоприятной почвой народного самосознания. Книги богословско-догматической тематики возглавляло тогда начертание православной веры преподобного Иоанна Дамаскина. Священное Писание — Евангелие, Апостол, Псалтирь были представлены в переводе святых Кирилла и Мефодия болгарской редакции. Библейская тема была преподана в книге Шестоднев экзарха Болгарского Иоанна, нравоучительная — в Стословце Геннадия Константинопольского, Лествице Иоанна Лествичника, сочинениях Мефодия Патарского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Феодора Студита и многих других знаменитых византийских авторов. Широкое хождение имели сборники Златоуструй и Пчела, одним из составителей которых был преподобный Максим Исповедник. Они содержали избранные цитаты из Священного Писания, изречения отцов и учителей Церкви, а также светских писателей. Таким образом, Феодосий имел возможность изучить весь круг церковно-общественных наук. Его дальнейшая просветительская деятельность показывает, что в юности он получил фундаментальное и разностороннее образование. Нестор Летописец говорит:

* Феодосий — Богом данный (с греч.).

** Тиун — «дворецкий, домовый управитель, особая должность при князьях» (Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989, т. 3, ч. 2, стб. 961).

«...Въскоре извъче все божественное писаніе, якоже всем чюдится о премудрости и разуме... и о скором его ученіи».

Во время обучения «Феодосий узнал о великих подвижниках христианского монашества и, будучи исключительным, высокоизбранным сосудом Божиим, принял в своем детском сердце твердое намерение стать их подражателем»⁸.

Однажды в Курск пришли странники, отправлявшиеся на богомолье в святой град Иерусалим. Можно представить себе, как загорелось сердце благочестивого отрока, узнавшего о возможности посетить место земной жизни Спасителя! Забыв обо всем, он устремился вслед за паломниками⁹, и лишь через три дня мать смогла настигнуть беглеца. Подвергнув его побоям, она заковала ослушника в цепи. Таковы были в те времена методы воспитания! С тех пор отчуждение между сыном и матерью, горячо любившей, но не понимавшей его, еще более возросло. Особенно раздражало ее ежедневное посещение отроком храма Божия и выпекание им просфор для литургии, из-за чего он ходил весь в ожогах, «очернившись от жжения пещнаго». Мать запретила Феодосию это занятие, которое, по ее представлениям, позорило их род. В ход было пушено все: и ласки, и угрозы.

Тогда сын, не в силах вынести этого постоянного насилия над своей душой, вновь уходит из дома. Поселившись недалеко от Курска у знакомого священника, он с радостью отдается любимому делу прислуживания в храме и выпекания просфор. Но и здесь мать находит его и с побоями возвращает назад.

Наместник Курска, покровительствовавший Феодосию после смерти его отца, чрезвычайно полюбил смиренного и трудолюбивого отрока и взял его к себе в услужение. Однажды во время праздничного приема во дворце наместника мать обнаружила на одежде Феодосия следы крови. Сняв ее, она с ужасом увидела на теле сына тяжелые железные вериги, впившиеся в кожу и натершие ее до крови. В гневе мать вновь подвергла Феодосия побоям, а юноша, привыкший к терпению и послушный воле родительской, опять перенес это испытание с кротостью и благодушием.

Однако душевное одиночество Феодосия все более возрастало. Он давно уже не принадлежал миру, не принадлежал отчужденному дому, не принадлежал сословию, в кото-

Из лаврского «Анфологиона» 1619 г.

ром родился и вырос. Мука непонимания его со стороны родных и близких все более усиливалась. Наконец, последние сомнения юноши унесли услышанные им в церкви за богослужением слова Евангелия: «Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин» (Мф. 10, 37). Феодосий в третий раз уходит из дома и вслед за купеческим обозом достигает Киева, чтобы поселиться в одном из местных монастырей. Но пришельца не принимают в богатых княжеских монастырях, гнушаясь его худой одеждой и сильным истощением. Вот тогда-то промысел Божий и привел его в убогую пещерную обитель преподобного Антония¹⁰.

Однако слепая родительская любовь и здесь настигла подвижника. Когда на следующий день мать пришла к пещере, преподобный Феодосий не пожелал к ней выйти. И лишь ее отчаянные вопли и угрозы лишиться себя от великого горя жизни заставили Феодосия нарушить монашеское безмолвие. Минута их свидания была трагичной. Увидев изможденное постом и самоизнурением лицо сына, мать залилась слезами. Она просила Феодосия вернуться домой, обещала полную свободу в его действиях, только чтобы они были вместе. Мысль о разлуке была для нее нестерпима.

Блаженный затворник ответил ей: «О мать! Если хочешь меня видеть, останься в Киеве и постригись в женском монастыре, и тогда, приходя сюда, будешь иногда видеть меня. При этом ты и сама получишь спасение. Если же не сделаешь так, истинно говорю тебе, больше не увидишь лица моего». Преподобный Антоний также увещевал ее позаботиться о спасении души. По молитвам преподобных Антония и Феодосия она смирилась, покаялась и постриглась в Свято-Николаевском женском монастыре, который находился неподалеку от Берестова¹¹.

Драма сына и матери, борьба Божественного и земного на ниве человеческого сердца, расторгающего естественные узы родства во имя всецелого посвящения Богу, преследует каждого, кто избирает иноческий путь. Вспомним преподобных Феодора Освященного, Пимена Великого, Симеона Столпника и других угодников Божиих, переживших в юности ту же борьбу. Например, рассказ из Древнего Патерика о встрече преподобного Пимена Великого с матерью в египетской пустыне почти совпадает с повестью Нестора Летописца о встрече преподобного Феодосия с отыскавшей его родительницей. Повесть эта была составлена со слов самой матери Феодосия. «Мати же его исповеда сіе единому от братіа, именем Феодору, иже бе келарь при отци нашем Феодосіи. Аз же от него вся... слышав... и вписах сіе на память всем...» — пишет Нестор¹².

Преодолев это испытание, Феодосий еще более укрепился духом в противоборстве с миром, плотью и дьяволом. Отшельники, число которых увеличилось до 12 человек¹³, полюбили его за кротость, смирение, трудолю-

бие, великую простоту и в то же время мудрость не по возрасту. Его отличало беспрекословное послушание духовному отцу своему преподобному Антонию. Под опытным руководством старца Феодосий вскоре достиг блаженного бесстрастия и чистоты духа.

Когда Никон, в результате княжеских репрессий, ушел из обители в Тмутаракань, то вместо него авва Антоний поставил пресвитером Феодосия. Удостоившись благодати священства, Феодосий усугубил свои подвиги. Он служил братии чем мог, считая себя последним из всех. Днем

носил воду и рубил дрова, строил келии, работал в огороде, а ночи посвящал славословию Божию. Тайно помогая братии, Феодосий во время их сна молот зерно на муку, так что, просыпаясь, каждый находил свое зерно смолотым.

Часто глубокой ночью Феодосий выходил из пещеры на вершину холма и там горячо молился, читая при свете огарка Псалтирь. При этом для изнурения плоти он обнажался до пояса, отдавая себя на растерзание оводам и комарам, тучами слетавшимся на огонек свечи. От их укусов тело добровольного мученика иногда все покрывалось кровью, но он стоял на молитве неподвижно до самого рассвета. Этот вид подвижничества, как один из способов умерщвления греховности плоти, был известен давно и имел многих последователей. Например, святые Савва Вишерский и Никита Столпник специально уходили в болота и отдавали себя укусам целых стай комаров, стремясь через эти страдания исцелиться от плотских страстей. Ибо, как пишет святой Исаак Сирин, «если не будет исцелена страстная часть души, то душа не приобретает здравия. Кто подвигами препобедил страсти, тот пусть знает, что приобрел он душевное здравие»¹⁴.

На службу Феодосий всегда приходил первым. Уходил же из храма самым последним, совершая богослужения с благоговением и сердечным умилением.

«Вскоре после посвящения Феодосия преподобный Антоний, собрав в пещере 12 иноков из братии, поставил им в игумены блаженного Варлаама, а сам ушел подвизаться в другую выкопанную им пещеру. Тогда, почтенный иерейским саном, благоговейный отец наш Феодосий, оставшийся в Антониевой пещере вместе с блаженным игуменом Варлаамом, сообща поставили над пещерой небольшую церковь в честь Пресвятой Богородицы, предназначив ее для общей братской молитвы»¹⁵.

Когда Варлаам перешел по повелению князя в Свято-Димитриев монастырь, оставшиеся без игумена чернориз-

цы начали просить преподобного Антония о поставлении им настоятеля. «Кого же вы хотите?» — спросил преподобный. «Кого хочет Бог, Пресвятая Богородица и ты, честный отче», — ответили иноки. Антоний сказал: «Тот, кто среди вас более всех послушлив, кроток и смирен, пусть и будет игуменом». Тогда братия «блаженного отца Феодосия игуменом себе нарекоша»¹⁶. Братство пещерной обители состояло тогда из двадцати человек.

Став игуменом, преподобный Феодосий не изменил прежнего образа жизни, помня слова Евангелия: «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугой, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф. 20, 26-27). С тех пор, пишет Нестор Летописец, место это начало процветать молитвами угодника Божия, ибо, несмотря на молодость, Феодосий достиг духовной высоты «мужа совершенна». Премудрый Соломон говорит: «Не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется, ибо — мудрость есть седина для людей и беспорочная жизнь — возраст» (Прем. Сол. 4; 8-9). Феодосий доказал делом истинность этих слов.

Число иноков при новом игумене начало стремительно возрастать и вскоре увеличилось до ста человек. «По причине значительного увеличения числа братий, — пишет Житие святого Феодосия, — пещера, а также церковь оказались слишком тесными для общей молитвы. Преподобный Феодосий избрал место, находившееся невдалеке от пещеры, достаточно обширное для возведения на нем монастырских стен, и вознамерился построить здесь обитель. С благословения преподобного Антония он испросил это место у князя Изяслава и затем при помощи Божией вскоре соорудил на нем просторную деревянную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. Затем он возвел монастырские стены и, построив достаточное число келий, переселился с братией в новую обитель»¹⁷.

Как истинный пастырь, полагающий душу за овец (Иоан. 10, 15), Феодосий все силы отдавал делу спасения вверенных ему Богом иноков. Он поучал их: «Молю вас, братия, будем подвизаться в посте и молитве, попечемся о спасении, не оскверним души своей, но пойдем по пути Господнему, ведущему нас в небесное отечество»¹⁸.

Блаженный игумен собственным примером показывал, как необходимо достигать нравственного совершенства. Однажды накануне престольного праздника в поварне закончилась вода и не на чем было приготовить праздничную трапезу. Келарь обратился с просьбой к братии помочь носить воду, но желающих не нашлось. Тогда преподобный Феодосий принялся сам носить воду. Увидев это, иноки устыдились и все вместе быстро наносили воды для поварни. В другой раз обнаружился недостаток в дровах. Келарь попросил игумена прислать на помощь кого-либо из «праздных» — свободных от послушания — для порубки дров. Преподобный ответил: «Вот я празден», — и, повелев братии идти на обед, сам отправился с топо-

Из лаврского «Службника» 1629 г.

ром в лес. Поступок игумена пристыдил нерадивых. Тотчас все принялись за работу и нарубили столько дров, что хватило их весьма надолго.

Зная, как велики дьявольские козни против монашествующих, преподобный Феодосий неустанно бдел над духовным состоянием своих учеников. Ночью он совершал обход братских келий и, если слышал творимое молитвенное правило, прославлял Бога. Если же вместо молитвы из окон доносился шум праздного разговора, он уходил опечаленным. На следующий день игумен вызывал к себе виновных, обличал их и налагал на них епитимию*¹⁹.

Все упование возлагая на Бога, Феодосий с благодушием переносил скорби и искушения, которые претерпевала Печерская обитель, и учил этому братию. Однажды вечером к игумену пришел эконом с извещением об оскудении монастырской казны и об отсутствии денег на покупку хлеба для утренней трапезы. Преподобный отправил его со словами: «До утра еще далеко. Посему подожди, брат, ибо Господь печется о нас». Сам же встал на молитву. Эконом пришел вторично. Видя его неотступность, Феодосий приказал купить хлеба в долг. Вдруг к игумену явился светлый юноша в воинских доспехах. Он молча отдал Феодосию золотую гривну и удалился. Игумен тотчас вызвал привратника и спросил, не приходил ли кто-нибудь за это время в монастырь, но оказалось, что ворота были крепко заперты. Утром Феодосий передал деньги эконому и поставил его не быть малодушным. Познав благодать Божию, брат пал на колени и просил прощения за свое маловерие.

В другой раз обитель вновь постигло оскудение, так что создалась угроза голода. Преподобный обратился с горячей молитвой к Подателю всех благ Господу. Внезапно боярин Иоанн сделал монастырю богатое пожертвование. Он прислал три воза с продуктами.

Однажды к игумену пришел старший пекарь с жалобой на то, что в амбаре окончились все припасы муки. «Иди и тщательно осмотри житницу, — сказал ему преподобный. — Может быть, ты найдешь все-таки немного муки и нам ее хватит до тех пор, пока Господь снова не попечется о нас». Однако пекарь возразил, что он не только осмотрел амбар, но и вымел его, найдя в углу лишь не-

сколько горстей отрубей. Игумен вторично послал его в житницу, сказав: «Верь мне, чадо, что Бог может и эти отруби превратить в муку, подобно тому, как при пророке Илии Он из одной горсти муки сотворил столько, что вдова питалась ею все голодное время (4 Цар. 2, 1-15). И теперь Его могущество снова поможет сотворить из недостатка избыток». Пекарь исполнил послушание преподобного. Он вернулся в амбар и с ужасом увидел, что пустое прежде помещение ломится от переполняющей его муки. Прибыв к настоятелю, он рассказал ему об увиденном. «Иди, брат, — кротко ответил преподобный, — и не говори никому об этом. Сию милость нам послал Бог по молитве святых отцов наших».

Несмотря на бедность монастыря, преподобный старался всегда благотворить нуждающимся, иногда делясь последним, по слову Евангелия: «Давайте, и дастся вам» (Лк. 6, 38). Однажды в обитель пришел священник одного из киевских храмов, прося вина для литургии. Игумен приказал церковному экклесиарху** исполнить его просьбу. Однако брат, опасаясь, что не останется вина для монастырских потребностей, отлил священнику очень мало. Феодосий, узнав об этом, велел отдать все оставшееся вино и пристыдил брата. В тот же вечер домоправительница князя Всеволода прислала в монастырь несколько больших сосудов с вином. Так Господь вознаградил крепкую веру Своего угодника.

Преподобный оказывал большую помощь бедным. Если он видел нищего и убогого, то всегда плакал от сердечной скорби. Чужое горе и несчастье он воспринимал очень обостренно. Однажды к нему обратилась бедная вдова, искавшая защиты от несправедного судьи. Не зная игумена в лицо, она, встретив Феодосия, приняла его за одного из простых монахов. «Что тебе надобно от игумена? Он человек грешный», — сказал ей преподобный. «Грешен он или нет, не знаю, — ответила вдова, — только слышала, что многих избавил от напастей и помог в печали. Потому и пришла получить помощь в споре с несправедливым судьей». Преподобный, скрыв от нее свое имя, пообещал ее просьбу передать игумену. Сам же, прервав все дела, пошел в город к судье и защитил вдову от причиненной ей обиды.

Поистине святой отец наш Феодосий «бысть вдовицам заступник и сирым помощник и убогим заступник, и вся приходящая уча и утешая, убогим же подавая еже на потребу и на пищу». Для нуждающихся преподобный Феодосий устроил особый двор с трапезой и приютом, на содержание которого Печерский монастырь уделял десятую часть всех своих доходов. Здесь же для них по благословению Феодосия была построена церковь, чтобы больные и страждущие, немощные и калеки могли получить, кро-

* Епитимия (греч. — запрещение) — церковное наказание.

** Экклесиарх — особое должностное лицо в восточных монастырях, призванием которого является наблюдение за порядком в храме.

ме телесного, еще и душевное врачевание²⁰. Храм этот был освящен во имя святого первомученика и архидиакона Стефана — отца диаконии*, первоначальника социального служения Церкви. Кроме этого, каждую субботу, по благословию преподобного Феодосия, из Печерского монастыря для заключенных в темнице узников посылались возы с хлебом, мукой и прочими пожертвованиями.

Смирению его не было границ. Одежду он носил самую ветхую и убогую, скрывая под ней жесткую власяницу. Весьма показателен для свидетельства о необычайном смирении преподобного следующий случай. Однажды его пригласил князь Изяслав в одну из своих загородных резиденций. Когда Феодосию пришла пора возвращаться, Изяслав повелел слуге отвезти его в монастырь в княжеской повозке.

По дороге слуга, видя, что инок одет в худое рубище**, согнал его с повозки со словами: «Ты, черноризец, всегда празден, а я в постоянных трудах. Теперь я отдохну в повозке, а ты правь конем». Преподобный тотчас беспрекословно уступил место возничему, а сам весь путь прошел пешком, лишь иногда садясь на коня для отдыха.

Бояре и знатные горожане, еще издали завидев Феодосия, правившего повозкой, слезали с коней и с почтением кланялись преподобному. Видя это, слуга смутился и оробел. Когда же при подъезде к обители вся братия вышла навстречу игумену и поклонилась ему до земли, слуга еще более испугался, поняв, какого мужа он оскорбил. Но преподобный обошелся с ним весьма ласково, велел накормить, одарить и отпустил его с миром. Так высоко было смиренномудрие печерского игумена.

Как-то раз к преподобному пришел князь Изяслав, которого Феодосий пригласил к монашеской трапезе. Князь, вкушая скудное угощение игумена-аскета, был поражен его необыкновенным вкусом. «Что это значит? — спросил князь старца. — Дом мой полон всяких благ мира, но никогда я не вкушал в нем пищи с такой сладостью, как здесь». Смиранный игумен ответил: «У нас все дела совершаются с благословением Божиим. А твои слуги, когда работают, ссорятся, ропщут и клеветуют друг на друга, приставники же бьют их, и так все заражается грехом. Оттого и еда твоя бывает не в сладость».

Печать Студийского монастыря. X-XI вв.

Пещера преподобного Феодосия. Гравюра 1623 г.

С посещением князя связано еще одно чудо преподобного. Однажды Изяслав пробыл у печерского игумена до самого вечера. Феодосий пригласил князя в храм на вечернее богослужение, а ключарю велел приготовить для гостей угощение из меда. Но оказалось, что мед давно окончился, и даже сосуд, в котором он находился, стоит в кладовой перевернутым вверх дном. Преподобный вторично послал ключаря в кладовую, сказав ему, что по вере в милость Божию он найдет сосуд полным до краев. Так и случилось. Меда хватило не только для князя и его спутников, но и для всей братии.

Заботясь об отдыхе иноков, большую часть своего времени проводивших на богослужении или в келейной молитве, блаженный Феодосий постановил в полдень закрывать ворота для посетителей, чтобы братия могла опочить от трудов. Однажды к воротам подъехал князь Изяслав, пожелавший зайти к игумену. Он слез с коня (ибо чрез святые врата принято входить в обитель только пешком. Никто, даже всемогущий властитель страны, не имел права нарушить этот обычай. Традиция эта сохранилась в лавре до сегодняшнего дня) и начал стучать в ворота. Привратник ответил ему, что не имеет права отворять до вечерни, ибо, по повелению игумена, никто из прихожан не должен нарушать покоя братии, пусть это будет сам князь. Инок сразу узнал князя в настойчивом посетителе, но не испугался его гнева. Оставив врата закрытыми, он позвал игумена. Изяслав, увидев Феодосия, начал укорять его. Кроткий игумен ответил: «Ради того, княже, сделано сие, дабы братия могла отдохнуть от трудов ночного псалмопения. Твое же непрестанное усердие к Пресвятой Владычице нашей Богородице благо и многополезно для твоей души».

Видя великие добродетели святого Феодосия, диавол ополчился на него со всей силой адской злобы. «Многу же скорбь... злий дуси творяху ему в пещере... еще же и раны наносяще, якоже о святем Велицем Антоніи пишеться... Кто бо не почюдится блаженному сему, иже в такой темней пещере пребывая единь, множества полковъ невидимых бесовъ не убоася, но крепко стоя, яко храбр и силен»²¹.

Однажды после вечернего пения в пещере Феодосий сел, желая немного отдохнуть. Вдруг раздался страшный вопль. Казалось, в пещере собрались полчища бесов: одни ездили на колесницах, другие били в тимпаны, третьи иг-

* Диакония — служба милосердия первохристианской Церкви.

** Рубище — «изодранная, ветхая одежда» (Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. С. 558).

рали на свирели. От их шума содрогалась вся пещера. Преподобный не испугался, но, оградив себя, как оружием, крестным знаменем, начал петь Псалтирь. Землетрясение и шум тотчас прекратились. Но когда после молитвы он опять сел отдохнуть, вновь послышались шум и голоса бесчисленных бесов. Преподобный, встав, снова начал петь, и опять шум прекратился. Так много дней и ночей беспокоили его злые духи, не давая ему заснуть хоть немного. Это продолжалось до тех пор, пока преподобный, при помощи благодати Божией, окончательно не победил их и не получил над ними такую власть, что они уже не осмеливались приблизиться к тому месту, где преподобный стоял на молитве.

В помещении, где пеклись хлебы, бесы постоянно досаждали братии своими кознями: рассыпали муку, проливали квас, приготовленный для хлебов, и творили много других неприятностей. Старший пекарь рассказал о кознях демонов игумену. Тогда преподобный отправился в пекарню и, затворив двери, пробыл там до утрени на молитве. С того времени бесы навсегда оставили это место.

Прорис с древней иконы.

Пришел однажды к настоятелю брат из монастырского подворья и рассказал, что в хлеве, куда загоняли скот, появились бесы. Они причиняли большой вред, не давая скоту есть. Многократно священники читали молитву и окропляли хлев святой водой, но ничто не помогало. Тогда преподобный, подкрепившись молитвой и постом, отправился на подворье. С наступлением вечера он вошел в хлев, затворил за собою двери и пробыл там в молитвенном предстоянии до утра. С тех пор нечистые духи больше не дерзали приближаться к хозяйственному двору.

Преподобный Феодосий не только сам побеждал бесовскую силу, но и других учил, как избавляться от нее. Если он узнавал, что кто-либо из братии страдал от бесов, то увещевал не уходить с того места, где инока постигла брань, но ограждать себя твердым упованием и призывать Бога для победы над ними. Преподобный так поучал братию по поводу козней диавольских: «Сначала и со мной случалось подобное. Раз ночью, когда я пел в келии обычные псалмы, вдруг передо мной явился черный пес, и притом так близко, что я не мог сотворить земного поклона. Долго стоял он так, и я уже хотел его ударить, как вдруг он исчез. Меня охватил такой страх и трепет, что я намеревался бежать с того места. Немного придя в себя

от ужаса, я начал усердно молиться и класть частые поклоны. С тех пор я совершенно перестал бояться бесовских наваждений, хотя бесы иногда и являлись перед моими глазами».

Один из иноков, Иларион, рассказывал следующее: «Много зла мне делали в келии нечистые духи. Когда я ложился ночью спать, вдруг являлось множество бесов. Одни волокли меня по земле; другие же, подняв стену, говорили: задавим его стеною. Подобное они проделывали все ночи. Я, не в состоянии терпеть это, рассказал обо всем преподобному Феодосию, намереваясь переселиться в другую келию. Преподобный ответил мне: «Нет, брат, не уходи, чтобы бесы не могли похвалиться победой над тобой и сказать, что ты бежал от них. Если уйдешь, бесы с той поры будут делать тебе еще больше зла, как получившие власть над тобою. Усердно молись в своей келии, и Бог, видя твоё терпение, поможет тебе победить их». Но я вновь сказал преподобному: «Молю тебя, отче, позволь перейти в другую келию. У меня нет никаких сил оставаться более на старом месте, ибо там живет множество бесов». Тогда преподобный, осенив меня крестным знаменем, сказал: «Иди, брат, в свою келию. Лукавые демоны больше не посмеют причинить тебе никакого зла». Я с верой принял слова святого Феодосия и, поклонившись, вышел. С того времени злые духи уже не осмеливались приближаться к моей келии, будучи навсегда прогнаны молитвами преподобного Феодосия», — закончил свой рассказ Иларион ²².

Для укрепления духа Феодосий возложил на себя высший аскетический подвиг — затворничество. Каждый год во время Великого поста он затворялся в пещере, предаваясь безмолвию и богомыслию ²³. Следует отметить, что традиция сугубого подвижничества и удаления в затвор во время великопостных покаянных дней восходит еще к преподобному Савве Освященному. Но когда из-за многолюдства братии уединение стало невозможным, преподобный Феодосий начал в посту уходить за пределы монастыря, в село Лесники, где на высоком холме, напоминающем ему родное Берестово, выкопал пещеру, «яже бе в сокровенном месте». Здесь, в полном одиночестве, подвижник проводил весь пост, возвращаясь в монастырь в конце Вербной недели ²⁴.

Его бдение достойно преклонения. Он никогда не спал лежа: «Коли хотящу ему опочинуть, то сед на стуле и тако мало поспав, вставше паки на ночное пение и поклонение». В этом он уподоблялся Виссариону Великому, который почти совсем не спал, подражая бесплотным ангелам. Каждую ночь блаженный Феодосий обходил с молитвой весь монастырский двор, «молитву творя и тою ограждаяся, яко градом твердым, и стрегий, да не вшед змій лукавый пленит кого от ученик его». Патерик пишет: «Темже по вся нощи моляшеса съ слезами: «Владыко, яко Ты еси нас совокупиль въ место сіе, и аще угодно есть святей Твоей милости еже жити нам въ нем, буди намъ помощникъ и

податель всем благым, се бо въ имя святаго Матере Твоея възграждень бысть дом сій»²⁵.

Вкушал преподобный только сухой хлеб и вареное зерно без масла. Однако никто не видел его в трапезной печальным или изможденным. Он был всегда светел и радостен лицом, светясь Божественной благодатью.

Все эти подвиги аскетического добротолубия, превосходящие человеческие силы, роднят печерского праведника с величайшими отцами монашества древних веков: Пахомием Великим, Макарием Великим, Онуфрием, Пафнутием, Пименом и особенно Феодосием Великим († 529), основателем киновийного устава, которого Церковь именует «общих житий начальником». Нестор пишет о печерском игумене: «...Близственне еже своему тезоименитому Феодосію, Ерусалимскому архимандриту... Сіа бо оба равно подвижно* поживше и послужиста... Богоматере»²⁶. Их жизненный путь имеет много общего. Оба приняли пострижение в юности, уйдя из отчего дома под влиянием призыва Евангелия. Оба учились науке иноческого самосовершенствования у опытных старцев. Оба жили в пещерах, из которых потом создали обширные лавры**. Оба воспитали сонмы учеников. Оба ввели в обиход обителей общежительные уставы. Оба боролись за правоверие. Оба были крупнейшими идеологами своего времени.

Мудрость в управлении братией уподобляет Феодосия Печерского настоятелям знаменитых монастырей Синая, Палестины и Афона: преподобным Иоанну Лествичнику, игумену Синайской обители; Савве Освященному, основателю Палестинской лавры и создателю церковного Ти-

пикона; Афанасію Афонскому, игумену Афонской лавры и создателю общежительного монашеского устава Святой Горы.

Афанасий Афонский был учеником преподобного Михаила Малеина. Через несколько лет жизни под духовным руководством старца он ушел в отдаленную пустынную келью для безмолвного уединения. В 961 году Афанасий строит лавру с церковью во имя Пресвятой Богородицы, приютом для странников, больницей и другими богоугодными заведениями. Лавра преподобного Афанасия просияла великими чудесами. Здесь происходили неоднократные явления Пречистой Богородицы, объявившей Себя Экономиссой, или Игуменьей, этого монастыря. Вот что пишет Афонский Патерик: «Когда святой Афанасий строил свою лавру, попущением Божиим случилось, что в один год сделался в ней такой неурожай и голод, что братия разошлась. Остался один только Афанасий, и притом без куска хлеба. Как ни был силен в подвигах и тверд в духе терпения святой Афанасий, но голод превозмог — он решил оставить лавру. Наутро Афанасий вышел на дорогу и в пути провел уже два часа, как наконец силы его истощились. Вдруг некая Жена показалась идущей ему навстречу. «Откуда здесь женщина, когда вход женщинам сюда невозможен», — удивился он. «Куда ты, старец? — спросила Она, повстречавшись с ним. — Я знаю твою горе и желаю тебе помочь». Афанасий рассказал Ей беду свою. «И этого не вынес ты? Ради куска хлеба бросаешь обитель, которая должна быть славною в роды родов? Где же твоя вера? — продолжала Она. — Воротись, Я тебе помогу. Все

* Здесь — подвижнически.

** Лавра (греч. лаврос — широкий, многолюдный) — в древности столица больших монашеских колоний, состоящих из множества отдельных келий и скитов под управлением одного настоятеля. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь вместе для богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняли строго безмолвие. Жизнь в лаврах была намного труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые оно появилось в Египте и Палестине. В настоящее время имя лавры употребляется у нас в смысле почетного названия. В Российской империи из почти девяти сот (по состоянию на 1910 год) обителей только четыре имели статус лавры: Свято-Успенские Киево-Печерская и Почаевская в Украине, Троице-Сергиева под Москвой и Александро-Невская в Санкт-Петербурге. Это положение сохраняется и сейчас.

тебе будет с избытком даровано, только не оставляй лавру, которая прославится и займет первое место между всеми возникшими здесь обителями». — «Кто же Ты?» — спросил Афанасий. «Та, имени Которой ты посвящаешь свою обитель, Которой вверяешь судьбу ее. Я — Матерь Господа твоего. Видишь ли этот камень? Ударь в него жезлом и тогда узнаешь, Кто говорит с тобой. Знай, что с этой поры Я навсегда остаюсь домостроительницей* твоей лавры». Афанасий ударил камень, и из трещины его тотчас вышел ключ воды. Пораженный чудом, святой Афанасий обернулся, чтобы броситься к ногам Божественной Незнакомки, но Ее уже не было. С той поры этот целительный ключ струится донныне на расстоянии двух часов ходу от лавры. В память явления Божией Матери на этом месте воздвигнута церковь. Впоследствии в лавре была устроена икона Пресвятой Богородицы Экономиссы. Икона изображает Ее сидящей на престоле с Предвечным Младенцем. С правой стороны престола — святой Михаил, с левой — святой Афанасий»²⁷. До нынешних дней лавра Афанасия Афонского является одним из самых известных центров православного монашества.

Преподобный Афанасий прославился введением на Святой Горе общежительного монашеского устава, составленного на базе древнейших уставов Пахомия Великого, Василия Великого, Саввы Освященного, а также на базе Студийского Типикона, ибо до этого на Афоне преобладало пустынножизненное, индивидуальное житие — его предшественник, преподобный Петр Афонский, как и многие другие святогорцы, подвизался уединенно, в пещере. С тех пор характерными для афонского монашества являются специальные скитские аскетические установления — тот синтез отшельнического и общежительного уставов, которым так славится Святая Гора с ее неповторимыми традициями. Преподобный Афанасий, таким образом, стал «устроителем святогорского общежительного монашества»²⁸.

Он был почти современником преподобного Антония Печерского²⁹, который, подвизаясь на Афоне, бывал в его лавре и видел благолепие уставного братского жития. Ученик преподобного Антония игумен Феодосий, по благословению своего старца, начал предпринимать активные действия по введению монашеского устава в Печерской обители. Первым делом он послал одного из иноков в Константинополь к преподобному

Икона явления Богородицы святому Афанасию.

Ефрему, который незадолго до этого отправился из Киево-Печерской обители на Восток для изучения монастырских традиций Греции и Палестины. «Получив на сие благословение преподобного Антония, Ефрем посетил Константинополь и Палестину, обошел места восточных подвижников, познакомился с их жизнью и, возвращаясь на родину, переписал устав монашеского жития в святом Студийском монастыре»³⁰.

Параллельно Феодосий предпринял поиски списков Студийского устава среди греческих священнослужителей, составлявших тогда немалую часть киевского духовенства. В то время с митрополитом Георгием из Греции прибыло несколько монахов, и в их числе — инок Михаил из константинопольского монастыря Студитов, имевший у себя список общежительного Студийского устава³¹. «Сняв копию... и сличив между собою два списка, преподобный Феодосий повелел прочитать устав пред братиею и ввел его в своей обители»³².

«И уставы, — пишет Нестор, — в монастыри своем, како пети пеня манастырьскаа и поклоны како держати, и чтеніа почитати, и стояніе въ церкви, и все учреждение церковное, и на трапезе седаніе, и что яденіе в кыя дни, все съ установленіем Феодосіи изьобреть, предасть манастыру своему»³³. Из этого видно, что введенный преподобным Феодосием устав был полным, т. е. вмещал как

* По-греч. — экономиссой.

правила монашеского быта и поведения, так и порядок церковных служб. Несомненно и то, что этот устав был общежительный, а не своекоштный, как ранее на Руси³⁴. Общежительное монашество гораздо ближе стояло к евангельским идеалам самоотречения. К этому и стремился преподобный Феодосий, в одном из поучений говоривший братии: «Созвала нас благодать Святого Духа и молитва Пресвятой Богородицы в эту обитель для единодушия и единоумия и единой воли». Как тут не вспомнить о первохристианских временах, когда, по слову апостола, у иерусалимской общины неопитов «бе сердце и душа едина, и ни един же что от имени своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща» (Деян. Ап. 4, 32).

Именно первохристианский идеал был образцом для преподобного игумена, говорившего своим ученикам: «Несть лепо нам, братіе, инокомь сущим и отвергшимся мирьских, собраніе паку творити имению в келии своеи. Како возможем молитву чисту приносити Богу, сокровища имению держаще в келии? Тем же, братіе, довольни будем о уставных пешись одеждах наших, о пици, предложенней на трапезе от келаря, а в келии имети ничтоже, да тако съ всяким усердием и всею мыслию молитву свою чисту приносим къ Богу»³⁵.

Преподобный Феодосий потому и избрал Студийский устав, что тот был крайне строг, запрещал всякое стяжание и сурово регламентировал жизнедеятельность монастыря. Для более тщательного надзора за духовной жизнью

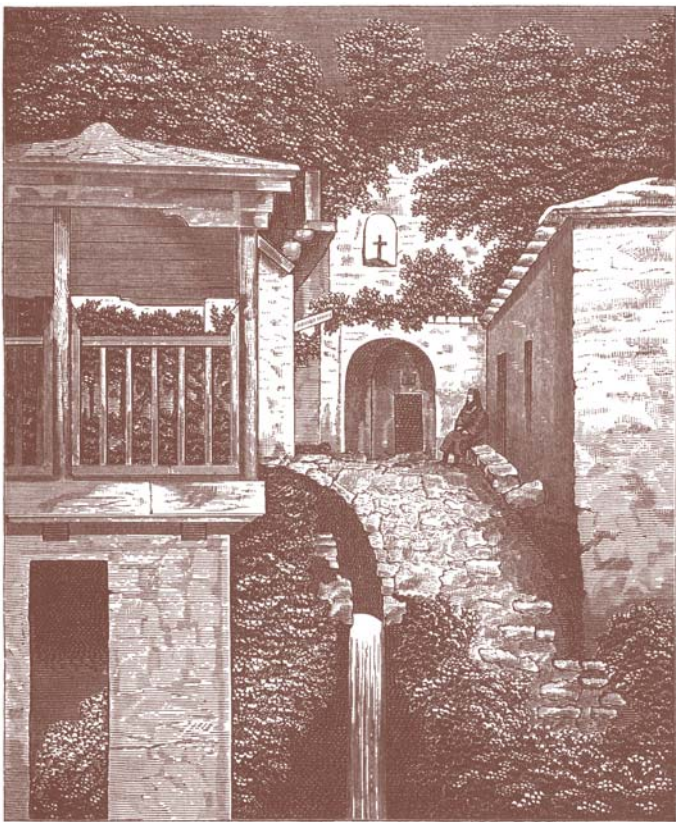
Преподобный Ефрем приносит из Царьграда Студийский устав.
С гравюры 1702 г.

братии у игумена появились помощники: domestik, отвечавший за церковное богослужение; экклезиарх, смотревший за церковной утварью и имевший у себя в подчинении пономарей; эконо, которому была поручена вся монастырская казна и имущество; келарь, заведовавший просфорней, пекарней и трапезной; вратарь, постоянно находившийся при вратах обители, и другие. Доместиком преподобный Феодосий поставил Стефана³⁶, своего ближайшего помощника и ученика, келарем — Феодора, который впоследствии сообщил Нестору Летописцу много ценных сведений об авве, экономе — Анастасия, имя которого несколько раз упоминается в житии Феодосия.

Все поступающие в обитель проходили как бы четыре ступени. Новоначальные, взятые на испытательный срок, носили еще мирскую одежду и учились азам духовной жизни. Далее, после принятия в монастырское братство, игумен облакал их в иноческое одеяние и налагал на них определенное послушание. Если Феодосий видел в этих послушниках усердие к иноческим трудам и молитве, то постригал их в мантию. Те же, кто были особенно ревностны к подвигам и стяжали блаженную чистоту сердца, удостоивались пострижения в великий ангельский образ — схиму*³⁷.

Все в обители совершалось только по благословию игумена и освящалось молитвой, во исполнение слов Священного Писания: «Сеяй о благословении, о благословении и пожнет» (2 Кор. 9, 6). Когда наступало время для церковной службы, экклезиарх приходил к преподобному и испрашивал у него благословения перед тем, как стучать в било**. Также и пекарь, начиная работу, сначала брал у святого Феодосия благословение, затем клал три земных поклона перед алтарем, зажигал от церковной лампы свечу, разводил ею огонь в печи и замешивал тесто. Пищу же, приготовленную без благословения, старец велел уничтожать как оскверненную грехом.

Однажды в монастырь благочестивыми жертвователями были принесены белые пышные хлебы к празднику святого великомученика Димитрия Солунского. Преподобный Феодосий благословил келарю подать их к вечерней

Колодец святого Афанасия. Афон.

* Схима — сугубый монашеский чин, «великий ангельский образ», подразумевающий полное отречение от мира.

** Било — деревянная или металлическая доска, ударами в которую верующие созывались на богослужение в те времена, когда еще не употреблялись колокола. Отсюда выражение в богослужебных книгах и древнем уставе: стучать в било, бить в клепало и проч.

трапезе. Но келарь, видя, что братии на ужин собралось совсем мало, ибо почти все ушли на вечерню в Свято-Дмитриев монастырь, пожалел резать хлеба и решил приберечь их на следующий день. Наутро игумен, придя к обеду, обнаружил послушание келаря. Он приказал собрать уже нарезанные хлеба и выбросить их в реку, сказав послушнику: «Лучше было бы тебе не заботиться о завтрашнем дне и сделать, как повелено. Господь всегда печется о нас. Он дал бы все необходимое на сегодня, и даже больше того!» Для исправления оступившегося брата он наложил на него епитимию.

По уставу, введенному преподобным Феодосием, иноки должны были пребывать в постоянных трудах во избежание пагубной праздности, расслабляющей душу и тело. Каждый брат сам должен был для себя молоть зерно, носить в трапезную воду и дрова, работать в монастырском огороде. Патерик пишет: «Еще же и рука своима делааху... и паки дело свое кождо имеяше. И... по вся дни трудящися, пребываху въ любви Божией». Так было и на заре христианского монашества. Первые монахи не только содержали себя исключительно трудами собственных рук, но и считали себя обязанными кормить нищих, помогать страждущим, больным и увечным³⁸.

Днем неустанно трудясь, черноризцы ночное время проводили на молитве. Заутреня в Печерской обители начиналась в полночь³⁹.

В келиях братии не позволялось иметь ничего своего: ни пищи, ни одежды, ни тем более каких-либо непопозволенных по уставу вещей. Ревнуя о полной нестяжательности, игумен обходил келии и, если обнаруживал нарушение устава, выносил все ненужное за порог и приказывал бросать, как бесовскую часть, в огонь. В отношениях братии между собой преподобный заповедовал соблюдать смирение и почтение к старшим. Монахи должны были встречать друг друга поясным поклоном, сложив руки на груди.

Если какой-либо брат подвергался искушению от диавола, преподобный убеждал его не ослабевать в борьбе, твердо противостоять козням врага и укреплял его силой своей молитвы. Если по немощи иннок уходил из обители, не выдержав строгости монашеского жития, Феодосий сильно скорбел и со слезами молился о нем Богу. Когда же заблудший сын возвращался под кров отчий, святой с радостью принимал его раскаяние и вновь приобщал к числу братии.

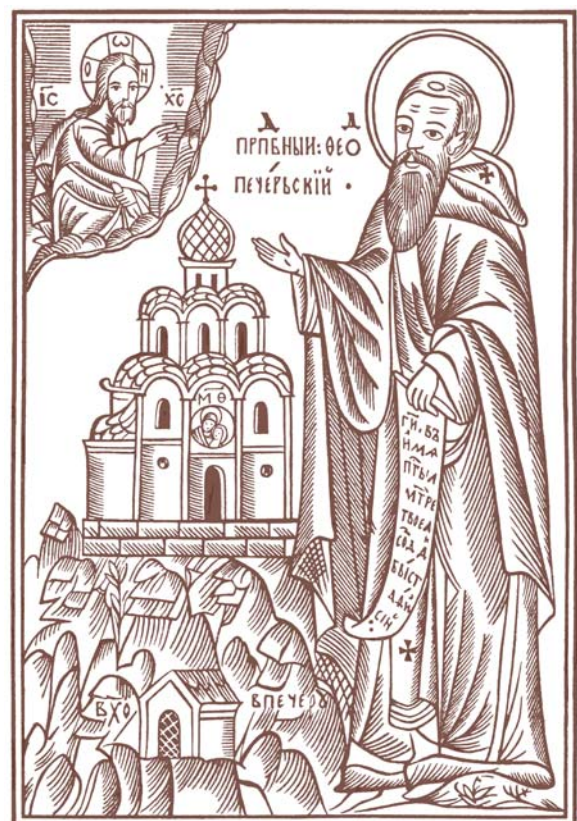
Один из черноризцев отличался большим непостоянством. Он часто покидал монастырь, но, когда возвращался, игумен с радостью принимал его и молился о заблудшем, чтобы Бог сподобил его окончить дни в стенах обители. Однажды этот брат пропадал особенно долго, но все-таки возвратился. Милостивый авва с любовью принял его и ввел в свое богоизбранное стадо. Благодарный иннок предложил игумену деньги, заработанные им во время странствования. Но преподобный, испытывая его, сказал:

«Если хочешь быть совершенным, брось их в печь, ибо эти деньги — плод послушания». Брат тут же сжег свои деньги. С тех пор он неотступно пребывал в обители.

Заботливо следя за нравственным состоянием иноков, преподобный много времени уделял наставлению своих духовных чад. Когда игумен поучал братию, то говорил тихо, смиренно, с мольбой. Когда обличал нерадивых, из глаз его лились слезы. Он всегда во время богослужения произносил для иноков проповеди в храме. Если по какой-либо причине он не мог присутствовать в церкви, то поручал читать поучения преподобному Никону, который к тому времени возвратился из Тмутаракани. Иногда же обязанность чтения душеполезных книг игумен возлагал на domestика Стефана.

Следует отметить, что Студийский устав вменял монахам в обязанность постоянное чтение святоотеческих творений и других духовных книг, а также их переписку. «Должно знать, что в те дни, в которые мы свободны, — пишет Студийский устав, — собираются братия в книгохранительную комнату и берет каждый книгу и читает до вечера; перед клепанием же... все приходят и возвращают книги по записи»⁴⁰. В келье преподобного Феодосия работала мастерская по переписке и переплету книг, причем нити для них прядял сам игумен, Никон переплетал их, а переписывал Иларион схимник, добившийся в этом большого искусства.

Таким образом, по благословию преподобного Феодосия, в Печерской обители формируется одна из первых отечественных библиотек⁴¹, ведется чрезвычайно важная работа по аккумулярованию духовных знаний.

Из лаврского Акафиста 1625 г.

Преподобный Феодосий был боговдохновенным богословом, талантливым и многогранным церковным писателем. В памятниках древнерусской литературы сохранились отрывки из оглашений печерского игумена, которые он произносил, как правило, в Великом посту.

«Должно знать, что на павечерницах святой Четыредесятницы, — регламентирует Студийский устав, — бывает оглашение братьям или от настоятеля, или от старейших и искуснейших в слове»⁴². В поучении «О терпении и любви», которое было написано преподобным Феодосием для чтения на богослужении часов в среду третьей недели Великого поста, читаем: «Итак, братья мои, держа между собой любовь истинную, воспримем закон чистый благого Бога нашего, и заповеди его непорочные соблюдем, подвизаясь в бдении и молитвах, непрестанно молясь за весь мир, да получим Царство Небесное о Христе Иисусе, Господе нашем». В слове «О терпении, и о любви, и о посте», написанном для чтения в четверг третьей великопостной недели, преподобный обличает нерадение некоторых иноков, которое выражалось в нарушении монашеского устава. Он говорит: «Ныне же я, недостойный, в уме держа заповедь благого Владыки, так говорю вам: лучше ведь нам от трудов своих кормить убогих и странников, а не пребывать в праздности, переходя из келии в келию. Мы же того не делаем. И если бы не сошла на нас благодать Божия и не кормила бы нас через боголюбивых людей, то что бы делали мы, глядя на свои труды? Скажем ли, что ради нашего пения, или за наш пост, или бдение все это приносят нам? Да не уподобимся тем строптивым, которые чрева ради пали в пустыне. Не возьмем в голову бесовских помышлений, которые всевают в сердца наши неподобное, не дающее нам хвалу воздавать Богу. Не о всех нас слова сии, но о тех, которые втайне ропшут. И как же мне не стенать и не тужить, возлюбленные мои, слыша все это между вами! Чего мы лишились, братья мои и отцы? Или что принесли от имений своих в место сие? Или я чего требовал от вас, принимая в обитель? Молю вас от всей души, возлюбленные мои, чтобы не пребывали мы в двоедушии — да не прогневаем благого Владыку, Который так о нас заботится и подает нам все в изобилии, не помня о немощах наших»⁴³.

Неустанными проповедническими трудами печерского игумена была создана отечественная школа аскетической риторики. «Эти поучения и наставления сложились в целую систему монашеской морали»⁴⁴.

Но не столько суровыми правилами, сколько собственным примером преподобный игумен вел иноков к высотам духовного совершенства. Его равноангельная жизнь являлась мериллом праведности не только для пещерной братии, но и для монахов других обителей, которые, взирая на великие добродетели святого, спешили ввести в свою жизнь его строгие уставные требования, ибо видели их несомненную пользу для нравственного возрастания.

Из Патерика 1702 г.

Знатные и богатые монастыри, некоторые из которых возникли гораздо раньше пещерной обители, теперь признали ее духовное первенство и начали перенимать те ценные ее особенности, которыми она прославилась на весь мир. «Отъ того же монастыря переяша вси монастыреве уставъ, темъ же почтень есть монастырь Печерський старее всехъ», — пишется в летописи⁴⁵.

Введение в Киевской митрополии Студийского Типикона, получившего к XI веку общецерковное признание и распространение (что видно из истории храмов и монастырей Греции, Афона, Царьграда, Южной Италии, Малой Азии и других областей Византийской империи), имело огромное значение не только для Руси, но и для других славянских земель, для которых Киево-Печерская лавра стала учительницей монашеской жизни, светочем духовности и путеводителем к высотам нравственного совершенства.

Это деяние преподобного Феодосия, с которым наша летопись напрямую связывает духовное старейшинство Печерской обители, ставит его на одну ступень с великими столпами православия, святыми отцами Церкви Христовой, и делает его «первоначальником общего жития монашеского на Руси»⁴⁶, незабвенным Аввой всего отечественного монашества.

Ссылки и примечания к главе III

1. Жизнь пустынных отцев. Творение пресвитера Руфина. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1898, с. 108-111.
2. Флоренский П., священник. Столп и утверждение истины. М., 1914, с. 421. См.: Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Перевод с греческого. М., 1994; Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. Калуга, 1895, с. 7-19; Патерик Афонский. М., 1897, ч. 2, с. 5-58; Валаамский монастырь и его подвижники. С.-Пб., 1864; Соловецкий Патерик. С.-Пб., 1873; Толстой М. Патерик Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1892.
3. «Когда прибыл сюда Феодосий, с точностью не известно. На основании известий начального летописца и преп. Нестора, должно думать, что это было в начале княжения Изяслава, вероятно, в 1055-1056 г.» (Малинин В. Преподобный Феодосий, основатель Киево-Печерского монастыря. К., 1902, с. 16). Митрополит Макарий (Булгаков) также относит это событие к 50-м гг. XI в.: «Это было, разумеется, отнюдь не прежде 1051 г.» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 150). Во время прибытия в Киев Феодосий был еще очень молод. Печатная церковнославянская редакция Патерика уточняет: «Имел 23 года». Киевские монастыри отвергли его, «видевше отрока простоту». Преподобный Антоний говорит ему: «Ты же юнь еси» (Патерик. С. 28). «Принимая, что Феодосий пришел к Антонию 18-20-летним юношей в 1055-56 г., мы получим, что он родился в 1035-1038 г.» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 579, прим. 2).
4. Патерик. С. 29. Дата пострига — 6540 г., или 1032 г. по новому летоисчислению, оспаривается исследователями. В летописи под 6540 годом Ярослав только «нача ставити грады» на Руси, еще не будучи полноправным властителем великого княжества Киевского, которое ему предстояло почти два года завоевывать. Антоний в это время, по летописи, был на Афоне, и его вселение в пещеру Илариона состоялось почти через два десятка лет. В древних редакциях Печерского Патерика (до Кассиановских) указания на год пострижения Феодосия вообще нет. Впервые оно появилось в Кассиановской I редакции, составитель которой, вероятно, вычислил эту дату, отняв от 1073 г. — года смерти преп. Антония — 40 лет, в течение которых старец безвыходно пребывал в пещере. Постриг, действительно, состоялся до переселения отшельника в новую пещеру, но, как уже говорилось выше, цифра 40 является ошибочной (Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике, как историко-литературном памятнике. С.-Пб., 1902, с. 74).
5. Киево-Печерский Патерик. С. 25; Киево-Печерская лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии. К., 1886, с. 3.
6. «Через четыре года (следовательно, около 1054 г.) пришла в Киев мать Феодосия» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 150).
7. Патерик. С. 22. «Преп. Нестор, очевидно, не знавший имени родителей преп. Феодосия, обычным житийным приемом выражается о них, что они «жили в христианской вере и украшались всяческим благочестием» (Малинин В. Преподобный Феодосий, основатель Киево-Печерского монастыря. С. 12). «Что отец Феодосия был чиновник, видно из того, что он переселился из Василева в Курск, «князю тако повелевшю». Немногочисленные в древнее время чиновники городские были посадники или житийным слогом «властелины градов» и при них тиуны... Так как отец Феодосия не был посадником или властелином града, что ясно дает знать Нестор («ни оть властелинь градъ пастуха и учителя инокиимъ»), то остается думать, что он был тиуном княжим» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 574, прим. 2). «А теперь перенесемся на родину основателя Киево-Печерской лавры Феодосия — в город Васильков. Здесь обнаружено несколько пещер, в том числе подземелье, которое могло быть пещерной церковью Антония и Феодосия Печерских. Рядом обнаружены остатки древнего пещерного монашеского скита. Письменные источники утверждают, что с конца XIII до середины XVIII века эта территория принадлежала Киево-Печерскому монастырю» (Хведченя С. Киево-Печерская лавра: пещеры, легенды, клады. К., 1999, с. 50). О житии Феодосия см.: Чаговец В.А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. К., 1901; Бельченко Г.И. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Одесса, 1902.
8. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 575.
9. «Уже в правление Ярослава были люди, совершавшие и желавшие совершать путешествия к святым местам: таков был преп. Антоний Печерский, которому «вложи Богъ в сердце въ страну ити», т. е. за границу, к заграничным святым местам; таков был преп. Феодосий Печерский, который в юности своей покушался совершить путешествие в Иерусалим. Игумен Даниил, бывший в святом Граде в начале XII в., говорит о целой многочисленной дружине русских, бывших одновременно с ним в Иерусалиме на поклонении. При преп. Ефросинии Полоцкой, во второй половине XII в., в Иерусалиме был особый русский монастырь св. Богородицы, неизвестно когда явившийся, но обязанный давать пристанище русским поклонникам. Принадлежащее той же второй половине XII в. «Вопрошание» Кирика Новгородского прямо и ясно дает знать, что поклоннические путешествия в Иерусалим были тогда весьма многочисленны» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 875).
10. «В княжие монастыри, как богатые, могли стремиться люди, заинтересованные... в их богатстве; в Печерский монастырь шли бедняки и те из богатых людей, которые искренно и решительно отрекались от мира... и не только не искали в монастыре обогащения, но и сами приносили туда... все, что могли и имели. Ясно, что братию Печерского монастыря составляли люди, сильные духом, ревнители высокого иноческого подвига, способные и готовые переносить всякие случайности необеспеченной жизни, вольный и невольный голод, холод, нищету. Если постигало их какое-либо жизненное испытание, не обходящее и уединенную иноческую келью, то истинные иноки искренно и смиренно благодарили Бога за это испытание, как посланное для их душевной пользы или для укрепления их терпения, или для вразумления, или для

заглаждения вольных и невольных грехов. Такого раба Божия нечем смутить, бессильна против него и угроза. В этом смысле истинное иночество, каковым было иночествование самого преп. Феодосия... представляло из себя громадную нравственную силу... Значение этой силы возрастает, когда мы принимаем во внимание высоту христианского идеала, воодушевлявшего великого подвижника и все Киево-Печерское иночество» (Малинин Н.В. Преподобный Феодосий, основатель Киево-Печерского монастыря. С. 6).

11. Свято-Николаевская женская обитель находилась близ Аскольдовой могилы (Закревский Н. Описание Киева. М., 1868, т. 2, с. 744; Сементовский И. Киев, его святыня, древности, достопримечательности. К., 1864, с. 133). О ней есть упоминание в летописях. В 1113 г. князь Мстислав Владимирович перестроил монастырские деревянные здания, и около этого времени, вероятно, монастырь был преобразован из женского в мужской. Преемником этой обители стал Киево-Пустынный Николаевский монастырь, перенесенный сюда с Аскольдовой могилы — т. наз. «Малый Николай» (Фундуклей И. Обзорение Киева в отношении к древностям. К., 1847, с. 69; Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России. С.-Пб., 1899, с. 232).

12. Патерик. С. 31-32. «Мать, стоя за дверью, жалобно кричала им (преп. Пимену и его брату): «Увижу ли я вас, дети мои любезные!» Слыша это, авва Анувий взошел к авве Пимену и сказал: «Что нам делать с этой старицей, так плачущей у дверей?» Вставши, авва Пимен пошел к двери, приблизился, не выходя из кельи, к матери и, услышав, что она плачет с великим воплем, сказал ей: «Что ты так плачешь?» Она, услышав голос его, начала со слезами вопить еще громче: «Хочу вас видеть, дети мои!» Пимен говорит ей: «Здесь ли хочешь видеть нас, или в том мире?» Она отвечала: «Если не увижу вас здесь, дети, увижу ли там?» Пимен отвечает ей: «Если решишься не видеть нас здесь, то там увидишь». Тогда она с радостью ушла...» (Древний Патерик, изложенный по главам. С. 53-54).

13. Патерик. С. 36. «...В летописи — 12, а по житию преп. Феодосия — 15» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 466, прим. 96).

14. Святоотеческие наставления о молитве и трезвении. М., 1889, с. 352.

15. Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней святителя Дмитрия Ростовского. Каменец-Подольск, 1907, месяц май, с. 133. Но «Житие» Феодосия относит строительство наземной обители ко времени игуменства не Варлаама, а именно Феодосия: «Въ мало время възгради църкъвь на месте томъ въ имя Святыхъ и Преславныхъ Богородица и Приснодевица Мария, и оградивъ, и постави келие многы, и тыгда преселися от пещеры съ братиею на место то, в лето 6570» (Успенский сборник XII-XIII вв. С. 88-89).

16. Пвл. Ч. 1, с. 307.

17. Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней святителя Дмитрия Ростовского. Месяц май, с. 134. «Преподобный Феодосий в это время имел около 25 лет» (Малинин В. Указ. соч., с. 18). О возрасте Феодосия см. также пространные изыскания Голубинского, который относит поставление Феодосия на игуменство к 1062 г., когда, по его подсчетам, Феодосию было около 24-27 лет (История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 576-579). Софийская летопись датирует поставление Феодосия в настоятели 1057 годом. «О поставлении Феодосия игуменом в 1057 г. говорит одна из... летописей — Софийская, а прочие времени этого поставления не определяют» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 467, прим. 99).

18. Киево-Печерский Патерик. С. 30.

19. См.: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины / Изд. подг. С.Смирнов // ЧОИДР. С.-Пб., 1912, кн. 3, с. 38; Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси. М.: Издательство Московской Патриархии, 2000, с. 32, 34-35.

20. Лавра — училище христианской жизни. К., 1911, с. 16.

21. Патерик. С. 39-40.

22. Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней святителя Дмитрия Ростовского. Месяц Май, с. 153-155. Нестор слышал этот рассказ от самого Илариона: «И се паки той же черноризецъ Ларионъ исповеда ми» (Патерик. С. 49). Таким образом, выясняется, что инок «Ларионъ» и митрополит Киевский Иларион — не одно и то же лицо. Не мог великий святитель искушаться бесами, как новоназначенный послушник, да и дожить ему до конца XI в. (когда Нестор писал житие Феодосия и собирал сведения у братии, в т. ч. у Илариона) было бы очень трудно — в 1051 г., ко времени своего настоятельства, он уже был, несомненно, средовеком. Нестор не стал бы скрывать происхождения черноризца Илариона, если бы знал о его знаменитом прошлом. К тому же из контекста Жития видно, что «Ларионъ» не имел священного сана.

23. «Идеже честное тело его положено бысть, ту же затворяшеса един до вербныхъ недели» (Патерик. С. 39).

24. «Впоследствии здесь был основан Глинецкий монастырь» (Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. С. 21). В синодальный период он был преобразован в Богородичный скит при Киево-Братском монастыре. «Скит этот находится в урочище Церковщина, в 15 верстах от Киево-Печерской лавры, вниз по Днепру, между селами Пироговым, Лесниками и Ходосовкой. На этом месте у озера Глумец в древности стоял пещерный Глинецкий или Глуменский монастырь, основанный вскоре после построения Великой Печерской церкви в 1089 г. В 1240 г. обитель была разорена татарами... На долгое время преданы были забвению и пещеры — вся местность покрылась густым лесом. В XVI в. урочище Глинец с «руинами муровыми» принадлежало Киево-Софийскому наместничеству, передавшему его Выдубицкому монастырю. При секуляризации монастырских земель и имений в 1781 г. урочище отошло в казну. На это место обратил свое внимание ректор Киевской академии и настоятель Киево-Братского монастыря Иннокентий (Борисов). По его ходатайству

урочище в 1835 г. было передано во владение Киево-Братского монастыря. В 1900 г. здесь и возник скит. Достопримечательностью Церковщины являются древние пещеры в холме, у подножия которого с южной стороны находятся пруды, питающиеся ключами, один из коих носит название колодца преп. Антония. При расчистке пещер найдено множество костей, более 50 человеческих черепов и одна неистлевшая часть тела. Большинство их имело свежий вид и цвет. Открыто было много иноческих келий и усыпальниц, в которых сохранились иноческие одежды и вещи древнего афонского образца, как-то: параманы, аналавы, сандалии, пояса с изображением Успения Божией Матери и других святых ликов. Найдены при раскопках пещер огарки восковых свечей и др. священные предметы. Для сохранения пещер своды их укреплены. Возобновлена и древняя пещерная церковь, которая была освящена 21 августа 1905 г. в честь преп. Феодосия Печерского» (Православные русские обители. С. 587-589).

«За Китаевскою пустынью, между селениями Пирогово и Лесниками... находятся так называемые Пироговские пещеры, известные издавна, как можно видеть из надписей, наскобленных на стенах... Устройством и расположением своим пещеры сии совершенно похожи на... пещеры в лавре: такие же узкие улицы, такие же тесные келии по бокам оных и с таким же сборным местом для молитвы... На стенах пещерных келий еще доселе сохранились выпуклые кресты, довольно искусно нарезанные на глине, — быть может, по бедности отшельников заменявшие иконы» (Святые и священные достопамятности в окрестностях Киева. К., 1898, с. 207-208).

25. Патерик. С. 63.

26. Там же. С. 21. См.: Житие преподобного отца нашего Феодосия Великого // Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. М., 1904, кн. 5: январь, с. 310-332.

27. Афонский Патерик. Ч. 2, с. 26-27.

28. Настольная книга священнослужителя. М., 1992, т. 1, с. 17; Древние иноческие уставы. М., 1892, с. V-VIII.

29. Преподобный Афанасий преставился в 1000-1001 г., за несколько десятков лет до прибытия преп. Антония на Афон.

30. Киево-Печерский Патерик. С. 80. Из этого явствует, что заслуга введения иноческого устава на Руси принадлежит не только преп. Феодосию, но и духовному учителю его — преп. Антонию. «Т. обр., горячее желание игумена Феодосия получить... Студийский устав целиком можно поставить в прямую зависимость от знакомства любецкого паломника с обиходной богослужебной практикой святогорских черноризцев... Так или иначе, но первичным адресом печерской миссии был, как это по всему видно, именно Афон» (Лаврский альманах: Киево-Печерська лавра в контексті української історії та культури. Вип. 1, с. 57).

31. «Летописец и Нестор не одинаково говорят о приобретении Феодосием Студийского устава. Первый пишет: «И нача (Феодосий) искати правила чернецьскаго, и обретеся тогда Михаил чернець манастыря Студійскаго, иже бе пришесть из Грекъ с митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернець Студійских, и обреть у него и списа»... Нестор пишет: «Посла единого от братія в Костянтинъ градъ к Ефрему скопцю, да весь устав Студійскаго монастыря исписав пришесть ему; он же преподобнаго отца нашего повеления ту абие и створи, и весь уставъ монастырскій исписав посла блаженному отцу нашему Феодосію» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 582, прим. 2). «Приход митрополита Георгия в Киев, как правило, датируется ок. 1068 г. Эта же дата, если судить по Патерикону, была и в Печерской летописи» (Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври. С. 61). А.Назаренко датирует прибытие митр. Георгия на кафедру 1062 г. (Назаренко А.В. Архиеереи Русской Православной Церкви (кон. X — сер. XIII вв.) // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 663).

32. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 156. Макарий считает, что преп. Ефрем переслал Студийский устав преп. Феодосию около 1063 г. (Там же. С. 133). «В чем состояли подробности этого устава — с точностью определить не можем, потому что сам преподобный Феодор Студит не написал для своего монастыря устава, а списки Студийского устава составлялись уже впоследствии, частью на основании катехизических слов к братии и краткого завещания преподобного Феодора Студита, преимущественно же на основании того порядка, какой он завел в своей обители... Следовательно, хотя и дошел до нас один весьма драгоценный список Студийского устава на славянском языке еще от XII в., но признать его за копию с того самого устава, какой принят был преподобным Феодосием Печерским для его обители, нет основания, особенно когда известно, что означенный список представляет собою перевод Студийского устава собственно в том виде, как он начертан был патриархом Алексием (1025-1043) для... основанного им в Константинополе Богородичного монастыря» (Там же. С. 156).

Другой церковный автор пишет: «Типиконом Студийским был... тот, который преподобный Феодосий Печерский перенес в Киев около 1065 года. Но это... не есть Студийский Типикон в чистом его виде, а так называемый Типикон патриарха Константинопольского Алексия. Этот патриарх был вначале иноком Студийского монастыря и, понятно, ревновал о его славе. В 1034 году он основал около Константинополя монастырь в честь Успения Богородицы и... положил в основание его Студийский устав, но с некоторыми изменениями и дополнениями, воспользовавшись отчасти Уставом Великой церкви (имеется в виду Константинопольский собор Святой Софии. — Авт.) и сложившимися правилами монашеского общежития. С этого Алексиево-Студийского Типика преподобный Феодосий Печерский и переписал устав Печерского монастыря» (Настольная книга священнослужителя. 1992, т. 1, с. 11-12).

Греческий оригинал Алексиево-Студийского устава считается утраченным. Самым древним его списком является рукопись из собрания Синаодальной библиотеки. Ныне она находится в Московском государственном историческом музее. Этот уникальный памятник датируется 70-ми гг. XII ст. и опубликован лишь частично (См.: Ищенко Д.С. 1) Старейший русский список Студийского устава // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966; 2) «Устав Студийский» по списку XII в. (фрагменты) // Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 114; 3) Церковные и монашеские уставы // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 2; 4) Малоизвестное поучение Феодора Студита в древнерусском переводе // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982). «Скорее всего, Печерский устав был продуктом собственного творчества святого, созданным на основе двух вариантов устава, творений преп. Феодора и идей печерского игумена. На это, в частности, указывает то, что преп. Феодосий не исключал пребывания на территории монастыря прихо-

жан, даже женщин, что категорически запрещалось Студийским уставом. И все же главные установления преп. Феодора были сохранены неизменными. Этот устав — один из самых суровых в христианском мире... Вся дальнейшая жизнь преп. Феодосия связана с борьбой за точное исполнение установлений монастырского устава» (Жиленко И.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври. С. 62).

33. Патерик. С. 19-20. О суровости Студийского устава можно судить по исследованиям магистра богословия Московской духовной академии схиархимандрита Иоанна (Маслова) († 1991). Он, в частности, пишет: «Кроме воздержания в пище и питии, уставом предусматривалась во время поста усиленная молитва с поклонами. Так... полагалось ежедневно 240 земных поклонов: во время чтения часов и светильничных молитв — 60, на вечерне — 100 и на утрени — 80. Однако следует отметить, что в русских уставных статьях о поклонах имелось несколько предписаний, но в большинстве из них указывалось по 300, иногда по 400 ежедневных поклонов» (Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси. М., 2000, с. 21).

34. «В... виде келлиотства или особножительства и перешло к нам монашество от греков и в этом виде исключительно существовало... до Феодосия Печерского. Преп. Феодосий ввел в своем монастыре общежительный или истинный монашеский устав... Письменных записей Студийского устава... преп. Феодосий имел две: краткую запись, сделанную в самом Студийском монастыре, и подробный устав патр. Алексия. Необходимо думать, что с первой или без первой был им приобретен, переведен на славянский язык и введен в Печерском монастыре второй, как устав полный и настоящий... Разделяясь на две части, устав патр. Алексия содержит в первой части — устав, или типик церковного богослужения, во второй — устав, или правила жизни монахов» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 608).

35. Патерик. С. 55.

36. «Нестор называет Стефана то еkkлесиархом, то domestikом, и весьма возможно, что... в его время оба названия означали одну и ту же должность или обе должности соединились в одном и том же лице» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 587, прим. 1).

37. «Следовательно, преп. Феодосий различал великую и малую схиму, между тем как преп. Феодор Студит не допускал такого различия — знак, что устав Студийский, принятый преп. Феодосием, уже не совсем тот, какой первоначально завещан преп. Феодором Студитом его обители» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 157). Феодор Студит пишет в завещании игумену: «Да не даси кому оно, еже глаголют мал образ, та же великий: образ бо един есть, яко же и крещение» (Феодор Студит. Огласительные поучения преподобного и богоносного отца нашего Феодора Исповедника, игумена обители Студийской / Пер. с греч. Паисия (Величковского). М., Козельск. Оптина пустынь, 1853, с. 283). Чин монашеского пострижения со времен преп. Феодосия Печерского почти не изменился. Об этом можно судить по характеру вопросов преп. Антония новопоступившему боярскому сыну Варлааму (Патерик. С. 32-33) и особенно по чину пострига, совершенному ангелами над преп. Пименом Многоболезненным (Там же. С. 180-181).

38. Казанский П. История православного монашества. Ч. 1, с. 12.

39. Нестор в рассказе об обретении мощей преп. Феодосия пишет, что мощи были раскопаны в полночь при ударе била: «яко же услыша било церковное заутреніи» (Патерик. С. 80).

40. Запись устава Студийского монастыря // Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 781.

41. Белевцев И., протоиерей. Образование Русской Православной Церкви // БТ. № 28, с. 81.

42. Запись устава Студийского монастыря. С. 780.

43. Златоструй. Древняя Русь. X-XIII вв. / Сост., ком. Кузьмина А.Г., Карпова А.Ю. М., 1990, с. 156-158.

44. Сто русских философов. М., 1995, с. 273. Так, чрезвычайно интересно «Почтение преподобного Феодосия Печерского келарю», где святой подчеркивает сакральную высоту каждого монастырского послушания: «Брате, се от руки Христовы и от престола славы Его приемлеша сию службу... Аще сию службу... с душевною приязнию исправиши, щадит ти ся праведный венец... Аще ли уклониши сердце твое преобидети что монастырское или окрадиши что и себе притяжати и сбирати, а не манастыреви, будет ти сий ключь, опаляяй душу твою zde и в будущий век... Внимай себе, брате, и службе своей, да спасет тя Господь ото всех молитвами Святыя Богородицы» (Почтение, Слово къ келарю святого Феодосия, игумена Печерьскаго монастыря въ Кыеве // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, прилож., с. 549).

45. Патерик. С. 198.

46. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 69.

Глава IV

«СЛОВО, ЕЖЕ КОГДА ОСНОВАННА БЫСТЬ ЦЕРКВИ ПЕЧЕРСКАА»

Ангельскому житию ревнующе,
в молитве и псалмопении
присно пребываєте, богомудри;
сего ради бысте храмы Святаго Духа,
иже обогати вас нетлением и чудесы,
да молитє о душах наших.

(Стихира на Хвалитех.
Служба преподовным Печерским).

Лествицу видевшє отцы священнейшии,
от горы святыя Печерския к небеси
утверждену, на ней же Божия Мати
положи Свое селение и ангельския лики
со святыми по ней к Небеси восхождаху.
Тех стопам последовали есте, аки
безплотнии, и возшедше ведением
и деянием, ныне предстоите
Святей Троице, идеже помяните
и нас, покланяющихся мощем
вашим, превлаженнии.

(Богородичен стиховны великой вечерни.
Служба преподовным Печерским).

вященное Писание гласит, что каждая человеческая душа, просвещенная христианским крещением, есть храм Духа Святого: «Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас» (1 Кор. 3, 16). Грехи и немощи человеческого естества оскверняют и омрачают храм души. Добродетели же украшают его, и чем они возвышеннее, тем душевный храм светлее и прекраснее.

Борьба с греховными страстями и стяжание добродетелей — основные обеты иноков. Для того они и избирают «тесный и узкий путь, ведущий в жизнь», чтобы не совершила сердце, как предупреждает Евангелие, «широкая и пространная дорога, ведущая в пагубу» (Мф. 7, 13-14).

Молитва, непрестанный труд, пост, лишения, добровольная нищета — все это было тем строительным материалом, из которого пещерные отшельники созидали здание святости духа. Парадоксальность их подвига состояла в том, что чем темнее и теснее были их подземные келии — пещеры, тем светонеснее становились их души, очищенные покаянием и озаренные лучами Святого Духа. «Каждый человек призван явить собой образ и подобие Божие в мире. И чтобы помогать людям в этом, необходимо самому быть таким образом и подобием, чистым и совершенным. Чтобы дать кому-то, нужно иметь. Чтобы просветить кого-то, нужно самому быть светлым. Чтобы очистить кого-то, нужно самому быть чистым», — пишет Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир¹.

«Пусть чистота живет в ваших членах; будем настраивать себя на благородные мысли, будем блистать делами света, украсим себя чистой жизнью, чистым сохраним тело — храм обитания Духа», — поучает святитель Иоанн Златоуст.

И потому глубоко закономерным явилось, наряду с домостроительством душ богоспасаемых иноков, созидание ими Храма. Этот таинственный процесс храмостроения, процесс сотворчества в нем земного и небесного обрел в строительстве Печерской церкви зримое воплощение, тем более, что церковь посвящалась Божией Матери — покровительнице монашества, Игумении иноческих обителей. В нем раскрылась желанная гармония бытия, когда воля Божия совпала с волей человеческой, когда земное и небесное переплелось столь органично, что сформировалось в единое деяние, в котором зодчими стали и трансцендентный, и бранный миры.

Нищие духом отшельники, срубив поначалу деревянную церковку с частоколом вокруг, не помышляли о строительстве большой каменной церкви, во всем довольствуясь малым. Но величие миссии Печерского монастыря, предопределенной свыше, вызвало вмешательство Неба.

«Сказание о святой чудотворной церкви Печерской Успения Пресвятой Богородицы» епископа Владимиро-Суздальского Симона, написанное в XIII веке, так и говорит: «...да разумеють вси, яко Самого Господа промыслоть и

волею, и Его Пречистыя Матере молитвами... создася богослепная, небеси подобная великаа церковь Печерская, архимандрития всея Руския земли»².

Предшествовало этому чудо. Уже давно иноки заметили, что на высокой горе, которая отделяла село Берестово от монастыря, происходят таинственные явления: то «столп огнь явися от земли до небеси», то «богопоказанный свет», то «церковь у облака суща», то «пламень великъ зело». Знамения эти удостаивались видеть как черноризцы, так и миряне: «Се же не единъ, ни два видеста, но мнози людие».

Особенно «изрядным» было чудо, когда «въ едину ночь слышаша гласъ бесчисленно поющих». Прихожане, жившие близ монастыря, вышли из своих домов «и на высоте месте ставше, смотряху гласа того. Сяше бо и светъ великъ над манастырем, и се видеша множество инокъ, исходящъ от ветхыя церкви и грядуще на нареченное место, носяху же икону святыя Богородица». Икону сопровождали певчие со свечами в руках: «Ти же въ следъ идуще, пояху, вси в рукахъ свещи имуща горяща, предъ ними же идяше преподобный отецъ ихъ и наставникъ Феодосіе». Свидетели этого чуда поняли, «яко ангеломъ сице явльшимся быти». Придя на гору, ангелы «пеніе и молитву сотворше, возвращахуся вспяты, и внидоша паки поюще въ ветхую церковь».

Нестор Летописец, рассказывавший об этом событии в жизнеописании святого Феодосия, вспоминает случай из жития преподобного Саввы Освященного, которому ночью на молитве также явился «столпъ огнь до небеси». Придя на место явления, святой Савва «обрете в нем пещеру» с храмом Пресвятой Богородицы и «сотвори ту манастырь славень». В благоговейном умилении Нестор Летописец восклицает: «Тем же лепо есть намъ съ божественнымъ патриархомъ Іаковомъ рещи*, яко есть Господь на месте семъ, и есть свято место се, и несть ино, но се домъ Божій и врата небеснаа» (Быт. 28, 17)³.

Видение библейского праотца Иакова, которое вспоминает Нестор, прообразовало воплощение от Пречистой Девы Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа. Книга «Бытие» пишет: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба, и вот, ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней... Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь на месте этом! И убоялся, и сказал: как страшно место сие! Се не иное что, как дом Божий, се врата небесная» (Быт. 28, 12-17). Этот библейский текст всегда произносится в Паремиях праздничных богослужений в честь Пресвятой Богородицы.

Преподобный Нестор подчеркивает, что богонареченное место на вершине Берестовой горы, куда ангелы со свечами и пением восходили с иконой Пресвятой Богородицы, является домом Пречистой и небесными вратами, отверстыми для неизреченной благодати Божией.

Однажды к преподобным Антонию и Феодосию пришли из Царьграда греческие зодчие: «Придоша от Царе-

* Сказать.

Из Патерики 1702 г.

града мастера четыре церковни, мужіе богати вельми, в печеру къ великому Антонию и Феодосію»⁴. Они сказали, что прибыли в Киев по поручению своей Царицы, Которая повелела им построить в Печерском монастыре церковь. Вызвав их во дворец, находящийся в пригороде Константинополя — Влахерне⁵, Царица вручила им золото на три года строительства, а также ковчег с мощами семи мучеников: Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора в основание храма. Причем греки узнали в Антонии и Феодосии двух приближенных Царицы, предстоявших у Ее трона. Государыня сказала, что храм этот будет носить Ее имя и что царской заместницей в нем будет чудотворная икона Успения Божией Матери⁶.

Приняв с благоговением из рук Царицы чудотворную икону, византийские мастера спросили, каковы будут размеры и вид храма. Государыня ответила: «Для меры послала Я пояс Сына Своего». Когда же зодчие вышли из дворца, им явилась в небесах дивная по красоте церковь, по образу и подобию которой они должны были построить храм в честь Царицы.

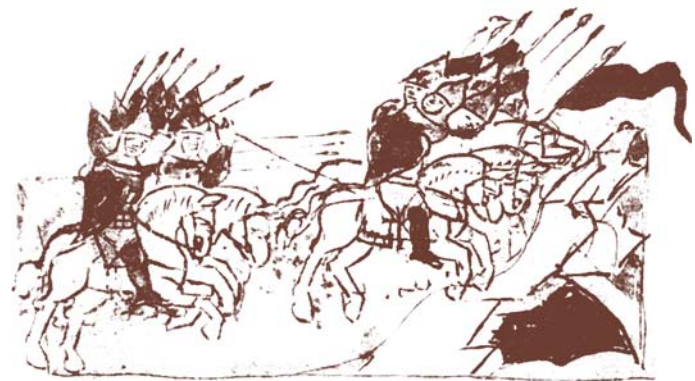
Преподобные Антоний и Феодосий весьма удивились рассказу греков, возразив, что никто из них не был в это время в Царьграде. Зодчие ответили: «Царицыно золото мы получили от вас при многих свидетелях»⁷. Тогда все иноки прославили Бога и Его Пречистую Матерь, уразумев, что именно Она, Царица неба и земли, благословила строительство Своей церкви в Печерской обители.

Преподобный Антоний обратился с горячей молитвой к Богу, дабы Господь ниспослал знамение во указание места для храма. «И в тую ночь, молящуся ему, явился ему Господь глаголя: обрель еси благодать предо Мною». В ночном видении он был извещен, что наутро по всей земле выпадет роса, а на месте церкви будет сухо. Так и случилось. Тогда святой Антоний, подобно библейскому Геденону, испросил повторения чуда, но с тем, чтобы на месте церкви выпала роса, а кругом было сухо. На рассвете следующего дня вся площадка, указанная свыше для храма, блистала, как руно орошенное (Суд. 6, 38), крупными бриллиантами росы.

Затем предстояло измерить основание церкви. Вспомнив слова Божией Матери: «Для меры послала Я пояс Сына Своего», преподобный Антоний взял для этого золотой пояс, подаренный обителю одним из его духовных чад, варяжским воеводой Шимоном. Пояс много лет украшал образ Распятия в домашней церкви Шимона. Изгнанный когда-то соплеменниками из своего отечества, варяжский воин в скорби молился у Распятия и вдруг услышал глас, повелевавший ему идти на Русь и взять с собой пояс и венец от Распятия. Исполняя повеление Господа, Шимон снарядил корабль и отплыл, подобно Аврааму, в неведомую обетованную землю. В море его настигла штормовая буря. Корабль начал тонуть. Когда уже не было надежды на спасение, Шимон взмолился к Богу и вдруг узрел в небесах чудную церковь. Голос свыше прорек ему, что он останется невредим и в будущем сподобится участвовать в строительстве этого святого храма, в котором и будет погребен.

Приехав на Русь, варяжский воин стал служить ратником в дружине князя Всеволода. Перед походом на половцев Шимон, прослышав о святости преподобного Антония, пришел к нему за благословением. Старец предсказал поражение русских дружин в этой битве, как Божию кару за грехи князей. Шимон слезно просил у преподобного молить о своем избавлении. Антоний сказал благочестивому воеводе, что он будет спасен, а после создания в Печерском монастыре Великой церкви удостоится погребения в ней.

Пророческие слова Антония сбылись. В битве с половцами на реке Альте в 1068 году княжеские дружины потерпели сокрушительное поражение и много богатырей

Разгром русских князей половцами в 1068 г.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

полегло на поле брани⁸. Был тяжело ранен и варяжский воевода. Умирая от ран, он обратил свой взор к небу со словами: «Господи, избавь меня от горькой смерти молитвами Пречистой Твоей Матери и преподобных Антония и Феодосия Печерских!» Вдруг ему явилась в вышине прекрасная церковь, от которой исходило сияние. Увидев это знамение милости Божией, Симон воспрянул духом. Получив исцеление от ран, он в добром здравии вернулся домой. В благодарность за чудесное избавление Симон принес в дар Печерской обители драгоценный пояс в 50 гривен золота и золотой венец, взятые им с Распятия.

Полностью переродившись душой «чюдесь ради бывающих отъ святою Антоніа и Феодосіа», знатный варяжский воевода перешел из католичества в православие: «Иже бывъ прежде Варягъ, ныне же благодатию Христоваоу христианинь... оставивъ латынскую буюсть и истинне веровавъ со всею домою своим, яко до 3000 душъ и съ іереи своими»⁹. Преподобный Антоний нарек ему православное имя Симон: «Чадо, отселе не наречется имя твое Симонъ, но Симонъ будеть имя твое».

Именно золотой пояс Симона стал той мерой, которой преподобный Антоний в присутствии всей братии измерил фундамент Великой церкви. «Въ третій же день, ставше на месте том, помолышеся и благословив место, и измериша златымъ поясомъ широту и долготу»¹⁰. После этого старец, подобно пророку Или (1 Цар. 18, 37-39), воздел руки и сотворил пламенную молитву к Богу. «И въздвигъ руце на небо Антоній, рече великимъ гласом: послушай мене, Гос-

поди, днесь, послушай мене огнем, да разумеют вси, яко Ты хотяи сему» (3 Цар. 18, 37). Вдруг с грохотом разверзлись небеса, сверкнул сильный огонь и выжег на месте фундамента глубокий ров, истребив на нем «вся древа и терніе... Сущи же съ святыми от страха падоша яко мертви». Видя это чудо, в котором Бог Сам подготовил основание церкви, иноки воздали Ему хвалу и благодарение.

В заключение «Сказания о святой чудотворной церкви Печерской» святитель Симон пишет: «Ее строитель, и мастер, и художник, и творец — Бог. Разумейте, братия: Отец свыше благословил ее росю и столпом огненным, Сын даровал меру Своего пояса, Святой же Дух огнем невещественным фундамент выжег, на котором Господь соорудил церковь сию, и врата ада не одолеют ее».

По учению святых отцов, человек, трудолюбиво создающий в душе храм Всевышнему Богу, может еще при своей земной жизни стать богоносцем, войти в лик угодников Божиих. Когда же подвижник достигает совершенства, или, как образно говорит Священное Писание, когда колос созревает и начинает приносить плод, наступает жатва.

«Благословив чудесно место и начало здания церковного во святой Печерской обители, преподобный Антоний начал и сам готовиться к отшествию к церкви нерукотворенной, вечной, пребывающей в обителях небесных. И Царица, явившись во Влахерне, преуказала каменноздателям: «Сеи Антоний, благословивший вас на дело, сам отходит на вечный покой. Феодосий же отойдет после него на второе лето». Преподобный Антоний, чувствуя приближение отшествия, утешал чад своих, обещая, что и по разлучении от тела он не оставит того святого места, в коем подвизался, но всегда будет посещать его, заботясь и помогая живущим в нем и обращающимся с верой к нему... И отошел в жизнь вечную, десятого июля, в лето от создания мира 6581, а от Рождества Христова 1073, от рождения же в 90-е, в княжение Святослава Ярославича, князя Киевского, в царствование Романа Диогена, царя греческого. Честные мощи преподобного первоначальника обители были положены тогда в пещере, в которой он скончался. Но, как сам преподобный удалялся от глаз человеческих, молясь Богу в тайне и уединении, так и мощам своим испросил дарование быть удаленными от людей»¹¹.

В Киево-Печерском Патерике, переизданном в лавре в 1999 г., пишется: «Ибо подобало нашему русскому законодателю сподобиться равного дарования с израильским. Некогда, при жизни Моисея, когда он принес с горы Синайской закон Израилю, во свете великого сияния, народ не

Рукоять варяжского меча. X-XI ст.

Из Патерика 1702 г.

мог смотреть на него. Так не могли видеть и преподобного отца нашего Антония, живущего в пещере, во свете добрых дел его, когда принес он закон Русской земле с горы Афонской. Сокрыты от лицемерия мощи почившего Моисея, израильского законодателя, — так же сокрыты и мощи преподобного отца нашего Антония, русского законодателя, и видеть нам их доселе чудесно возбраняет Бог, дивный во святых Своих. Многие, дерзнувшие раскопать место, на котором положено честное тело преподобного Антония, были наказаны огненным попалением и телесными болезнями, доколе не покалялись в своем дерзновении. Но если мощи преподобного Антония удалены от нашего зрения, то помощь его всегда с нами и близка всем, призывающим его. Мощи его творят неиссякающие чудеса, помогая всем с верой притекающим к честному гробу преподобного. Особенно же отгоняют от людей тьму бесовскую, и воистину, свет светится во тьме пещерной гробницы преподобного, и сего света тьма никогда не погасит, исчезнув от блистания его.

Честные мощи избавляют и от различных недугов, поражающих не только тело, но и душу, как это испытал на себе святой Иоанн Многострадальный. Три года борясь с бездной нечистоты, много пострадав, томимый поползновением ко греху, пришел он ко гробу преподобного Антония и молился перед ним день и ночь, и услышал голос: «Иоанн, Иоанн, тебе надо затвориться здесь в пещере, чтобы через молчание и удаление от людей утихла брань, и Господь поможет тебе». Иоанн сделал так, и благодатью Божией, по молитвам преподобного Антония, был спасен и не победили его нечистые телесные страсти, хотя и вооружились на него почти в продолжение тридцати лет, как пишется в житии его.

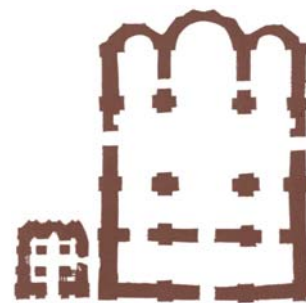
Преподобный не оставил, по обещанию своему, сего святого места. Заботясь о нем, он по кончине своей явился с преподобным Феодосием в Константинополе, где уговорился с греческими иконописцами о написании святых икон для церкви Печерской, и дал им довольно золота, как и в начале строителям, и послал их в Киев, в свой Печерский монастырь к блаженному Никону, который был тогда игуменом, как и описано в сказании об украшении Печерской церкви.

Верен преподобный отец наш Антоний и в том надежном обещании своем, в котором помогает почитающим его, упокоевающимся в сем святом месте, оканчивать жизнь в покаянии и сподобляться помилования. Чудесно сбылось это на блаженном Эразме, черноризце Печерском. Сей инок отдал золото свое на украшение Печерской церкви и скорбел о том. Когда же он впал в лютую болезнь и был при кончине, то, находясь семь дней без чувств, не мог скончаться. И вот на восьмой день явился ему преподобный Антоний с Феодосием и сказал: «Я молился о тебе Богу, и Бог даровал тебе время для покаяния». Эразм выздоровел и принес совершенное покаяние. Скончавшись через три дня, он получил помилование и сподобился быть причтенным к лику святых.

Прославим и мы Вседарователя Человеколюбца за дарование столь великого чудотворца, первоначальника иночествующих в земле нашей. Других многочисленных дел его ни один человек не может описать или поведать, и известны они только Сердцеведцу, ведающему все безвестное и тайное. Его язык есть трость книжника скорописца, и Он пространнее всех написал житие отца нашего Антония в книгах жизни вечной. Мы не нашли прочих книг о преподобном Антонии, утерянных во многих бранях, а могли собрать о нем только небольшое. Надо нам прилежно молить сего чудотворца, чтобы и мы, принятые в благонадежное его обещание, по его ходатайству о нас, сподобились окончить в покаянии жизнь нашу и быть помилованными, если и случится нам быть виновными в каком-нибудь грехопадении, сделанном по немощи человеческой. Молитесь, чтобы найти имена наши написанными в книгах жизни вечной, вместе с преподобным Антонием, как имена детей с отцом, благодатью и человеколюбием Начальника спасения нашего Господа Иисуса Христа, Которому со Безначальным Его Отцом и единосущным Его Духом подобает честь, слава, хвала и держава, ныне и присно, и в бесконечные веки. Аминь»¹².

Проводив в последний путь своего духовного отца, преподобный Феодосий продолжал вместе с братией прилежно трудиться над созиданием храма Успения Пресвятой Богородицы. «Он ежедневно приходил туда, тщательно наблюдал за работами и, насколько возможно, помогал строить, работая вместе с каменщиками»¹³. Сам князь Святослав, сменивший на престоле изгнанного им Изяслава, проникся важностью этой идеи. Он принимал участие в закладке церкви, собственноручно копая ров для фундамента, и пожертвовал значительную по тем временам сумму в сто гривен золота. О том, что это была акция общецерковного значения, свидетельствует участие в торжестве закладки храма высшей иерархии. Вместо Киевского митрополита Георгия, находившегося в тот период в Византии, закладку церкви освятил епископ Юрьевский Михаил, как пишет об этом Лаврентьевская летопись под 1073 годом¹⁴.

Преподобному игумену помогали в богоугодных делах его сподвижники: Стефан domestik, усердный хранитель церковного устава и красноречивый проповедник; Дамиан пресвитер, достославный служитель престола Божия, удостоенный дара исцеления и потому названный Целебником; Агапит, врач безмездный, исцелявший самые тяжелые недуги; Григорий Чудотворец, своей молитвой изгонявший бесов; Исаакий Затворник, возлюбивший на себя подвиг юродства, и многие другие угодники Божии. Преподобный Нестор пишет: «Та-

Успенский собор Печерского монастыря. План.

ких черноризцев совокупил Феодосий, которые, как звезды, сияют в земле русской. Одни из них были великие постники, другие отличались бдением, третьи коленопреклонением для молитвы. Одни принимали пищу через день или два, другие питались только хлебом с водою, иные вкушали вареную зелень, а иные и невареную. Младшие покорялись старшим... с послушанием великим. Равно и старшие имели любовь к младшим, наставляли их, как возлюбленных чад... Такова была любовь в братии той, таково воздержание!»¹⁵

История сохранила имена лишь немногих из более чем ста иноков, состоявших под игуменством Феодосия. Это Исаия, впоследствии епископ Ростовский; Никон, получивший за святость и особые труды имя Великий; Иеремия, помнивший крещение Руси и имевший от Бога дар предвидеть грядущее и прозревать тайны сердец; Матфей Прозорливый, удостоившийся необыкновенных видений, и другие достойные сподвижники этого богоносного отца.

Некоторые к тому времени уже почил о Господе, как преподобный Варлаам, один из первых насельников монастыря и первый игумен печерского братства. Перейдя по повелению князя Изяслава в Свято-Димитриев монастырь, он совершил паломничество в Иерусалим, а затем через некоторое время в Константинополь. Обойдя монастыри Царьграда и сделав приобретения церковной утвари, он на обратной дороге «впаде въ недугъ лють» и, достигнув города Владимира-Волынского, умер в Святогорском монастыре. Отходя в вечность, Варлаам заповедал перенести тело свое в Печерскую обитель и там совершить погребение, а все иконы и утварь отдать преподобному Феодосию. Его воля была исполнена, и «допровадивша тело его, положиша въ манастири блаженнаго Феодосіа, на десной стране* церкви, идеже и доньне есть гробъ его»¹⁶. Князь Изяслав после кончины преподобного Варлаама поставил игуменом Димитриева монастыря печерского инока Исаию.

Завершая свой жизненный путь и оставляя сонм учеников и последователей, блаженный Феодосий мог вместе с пророком сказать: «Се аз и дети, еже ми дал есть Бог» (Ис. 8, 18)¹⁷.

Вслед за апостолом Павлом преподобный мог засвидетельствовать: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный» (2 Тим. 4, 7-8).

Еще несколько лет назад Бог явил знамение великой святости Феодосия через некоего христоролюбивого прихожанина монастыря, видевшего ночью «светъ пречюдень... над манастирем блаженнаго, и... преподобнаго Феодосія в свете том... пред церковью стояща, руце же на небо воздевшу и молитву к Богу прилежну творящу». Видел он и небесный огонь, снисшедший в виде пламенной дуги на место основания собора: «Пламень бо великъ зело... ста,

идеже блаженный отецъ нашъ Феодосіе церковь назнамена»¹⁸. Это было предвестием того, что храм души светочного праведника исполнен огня Божественной благодати, что сердце его готово к восшествию в чертоги Церкви Торжествующей — Небесной. Подобное видение было игумену монастыря святого Архангела Михаила Софронию, который, возвращаясь ночью в свою обитель, видел над Феодосиевыми пещерами необыкновенный свет. Уразумев святость аввы Феодосия, он прославил Бога.

Кончина блаженного Феодосия последовала на пасхальной неделе, в дни, когда вся земля ликует, воспевая победу жизни над смертью: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ!» Вернувшись в Вербное воскресенье из сорокадневного затворничества, в котором он обычно пребывал по случаю Великого поста, преподобный вместе с братией встретил светлый праздник Пасхи. Летописец, который был свидетелем праведной кончины аввы Феодосия, с благоговением пишет о последних днях его жизни: «...дождавшись великого дня Воскресения Господня и по обычаю отпраздновав его светло, он впал в недуг. И разболелся, и болел пять дней. Не в силах ходить, он велел вынести себя во двор. И вынесли его в санях, поставив их перед церковью. И тогда повелел он собрать всю братию. И ударили в било, и собрались все. И он сказал: «Братия и отцы, и чада мои! Се отхожу от вас, ибо явил это мне Господь в пору поста, когда я был в пещере. Кого хотите игуменом поставить себе, чтобы я дал благословение ему?» Они сказали: «Ты еси отец нам всем и учитель. Потому кого изволишь, тот и будет нам отцом и игуменом, и мы будем слушать его, как тебя». Отец же наш Феодосий сказал: «Без меня назовите, кого вы хотите... от старших и до меньших». Они тогда отступили немного от церкви и, посоветовавшись, послали сказать: «Кого изволит Бог и твоя честная молитва, и кто люб тебе — того назови». И Феодосий промолвил им: «Если от меня хотите игуменство принять, то поставлю вам игумена, но не по своему велению, а по благословию Божию». И назвал он им Иакова пресвитера. Братии же это было не любо, и они сказали: «Он не тут постригся». Ибо Иаков пришел из Альты**». И стали просить Стефана доместика, который был учеником Феодосия, говоря: «Сей вырос под рукою твоею и тебе послужил...» Сказал им тогда Феодосий: «Се я по Божию повелению нареку вам Иакова, а вы свою волю сотворить хотите». Но, послушав их, он назначил им Стефана... и благословил, и сказал ему: «Чадю! Се передаю тебе монастырь. Береги его прилежно, и как я установил в нем службы — так и ты исполняй. Правила монастырские и устав не изменяй, а делай все по закону, по чину монастырскому».

И после этого братия отнесли преподобного в келию и возложили на одр. Он же был весьма слаб. А когда наступил шестой день, пришел к нему князь Святослав с сыном своим Глебом. И сказал ему Феодосий: «Се отхожу от

* Правой стороне.

** Из Альты — т. е. из Переяславского Борисоглебского монастыря на реке Альте.

мира сего и передаю тебе монастырь под опеку... А игуменство я поручаю Стефану. Не давай его в обиду». И князь, поцеловав его на прощание, обещал заботиться о монастыре.

Когда же пришел седьмой день, Феодосий начал изнемогать. И призвал он Стефана и братию, и стал говорить им: «Если по отшествии от этого мира я буду угоден Богу и примет меня Бог, то монастырь будет возрастать и в нем будут прибавляться черноризцы. Если же после моей кончины монастырь станет беднеть черноризцами и потребностями монастырскими, то знайте, что я не угоден Богу». И когда он это говорил, плакали братья, молвя: «Отче! Моли о нас Господа. Ибо ведаем мы, что Бог не оставит труда твоего». И пробыли братья у него всю ту ночь».

Так описывает последние дни праведника Лаврентьевская летопись, уделяя в статье под 1074 г. рассказу о его преставлении гораздо больше внимания и места, чем всем важнейшим государственным событиям на Руси за истекший период.

Возлежа на одре, «на нем же николиже лежаше» во всю свою подвижническую жизнь, преподобный творил неустанную молитву о братии, о всех своих духовных чадах. Он предсказал день и время своей кончины. Душа его зывала к Богу словами Псалмопевца: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!» (Пс. 56, 8-9).

На рассвете субботнего дня святой Феодосий снова послал за братией. Когда иноки собрались, он, прощаясь, с любовью облобызал каждого. Они же горько рыдали, предвидя скорую потерю своего доброго пастыря. Святой сказал им: «Дети мои любезные и братья! Я отхожу к Владыке моему Господу Иисусу Христу. Вот вам игумен, которого вы избрали — почитайте его как духовного отца, слушайте его и по его повелению творите все богоугодное. Бог же пусть Сам благословит вас и избавит от наветов лукавого. Да сохранит Он в вас до последнего издыхания твердую и непоколебимую веру и любовь друг ко другу. Молю вас — похороните меня в том одеянии, в котором я нахожусь, и положите тело мое в ту пещеру, где я пребывал Великим постом. Не оmyвайте моего убогого тела. Пусть никто из мирских людей не видит моего погребения».

После этих слов преподобный всех отпустил, не оставив при себе никого. Один из иноков, который постоянно ему служил, просверлив скважину в двери, тайно лицезрел авву в последние минуты его жизни. Преподобный, поднявшись с одра и пав ниц, со слезами молил милостивого Бога о спасении души своей. В молитве он призывал всех святых и более всего Пресвятую Владычицу Богородицу, которой вверял свое стадо и обитель. Вдруг умирающий узрел некое видение. Он поднял глаза к небу и воскликнул: «Благословен Бог! Если так, то уже не боюсь, но с еще большей радостью отхожу от сего мира».

«Каким дивным видением утешил Господь верного слугителя Своего перед его кончиной — осталось неведомым. Всего вероятнее, святой игумен узрел будущую славу основанной им Киево-Печерской лавры, дивных светильни-

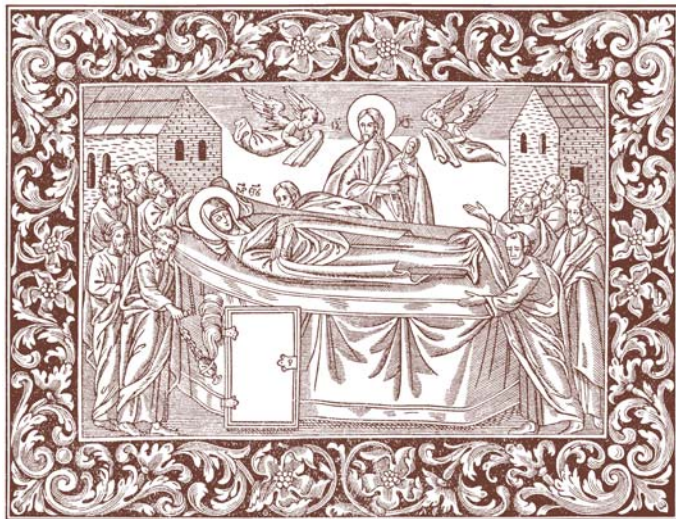
*Преставление преподобного Феодосия Печерского.
Из Строгановского лицевого подлинника.*

ков духа, возгоревшихся в ней: питателя голодных преподобного Прохора Лебедника, претворявшего горечь дикой травы в сладость пшеничного хлеба; смиренного слугу братии преподобного Марка Гробокопателя, по чьему слову восставали мертвые; просветителя заблудших преподобного Григория Чудотворца, любовью обращавшего на путь правды воров и грабителей; ревнителя чистоты преподобного Моисея Утрина, целящего одержимых блудной страстью, и еще многих славных угодников Божиих, чьи нетленные мощи опочили в ближней Антониевой и дальней Феодосиевой пещерах. Возможно, в последнем земном прозрении преподобный Феодосий созерцал и все великолепное древо русского монашества, красу и опору Святой Руси»¹⁹.

Потом, сложив крестообразно руки на груди, он предал душу свою Богу и присоединился к лику святых отцов. Это произошло в 1074 г., 3 мая, в субботу, как и предсказал преподобный, после восхода солнца. Горько оплакав кончину аввы, братья отнесли его в церковь и совершили молитвы и песнопения о преставившемся.

О кончине праведника тотчас узнали прихожане. Они начали толпами собираться у монастырских врат в ожидании начала погребения. Но иноки, затворив врата, никого не пускали в обитель, ибо хотели предать погребению тело преподобного в отсутствие мирян, как он сам завещал. Внезапно небо покрылось тучами. Пошел сильный дождь. И лишь только народ разошелся, снова засияло солнце. Тогда братья вынесли из церкви тело преподобного и с честью погребли его в пещере.

В момент смерти святого Феодосия князь Святослав находился неподалеку от Печерского монастыря. Вдруг он увидел над обителью огненный столб, простиравшийся от земли до неба. Догадавшись о кончине аввы, князь сказал присутствовавшим: «Сегодня преставился от земли к небу

Успение Пресвятой Богородицы. Из лаврского Евангелия 1697 г.

преподобный Феодосий». Он послал узнать о преподобном и, когда удостоверился в его смерти, много плакал.

В год преставления блаженного Феодосия по его молитвам монастырское хозяйство переживало необычайный подъем. Поля дали прекрасный урожай, а стада — большой приплод. Видя это, братия вспомнили обещание своего духовного отца и прославили Бога.

Благодатные дары святого ознаменовались многими чудесами, которые он творил по усердной молитве всех, призывавших его на помощь.

Однажды князь Святослав сильно прогневался на своего боярина. Опальному грозила темница. Боярин же усердно молился Богу и призывал на помощь преподобного Феодосия, взывая: «Знаю, отче, что ты свят. Вот, я в беде, будь милостив — избавь меня своей молитвой к небесному Владыке». Когда боярин уснул, ему явился во сне преподобный и сказал: «Что ты так печалишься? Если телом я отлучился от вас, то душою всегда пребываю с вами. Завтра князь без всякого гнева призовет тебя и снова возвратит тебе прежний чин». Боярин вострепнулся и воочию увидел близ двери выходившего из комнаты преподобного. Предсказанное святым Феодосием сбылось, и боярин с этого времени стал питать еще большую любовь к Печерскому монастырю.

Собираясь в путь, некий человек принес в монастырь ковчежец серебра и отдал его на хранение знакомому иноку, по имени Конон. Об этом узнал инок Николай и по бесовскому наущению украл ковчежец. Возвратившись, Конон не нашел в своей келии серебра. Опечаленный, он стал со слезами молиться Богу, призывая на помощь преподобного Феодосия. Заснув после молитвы, Конон увидел явившегося ему святого Феодосия, который сказал: «Серебро это взял по диавольскому внушению инок Николай и скрыл в пещере. Иди и возьми свое, никому не говоря об этом». Обрадованный инок встал, затеплил свечу и отправился в указанное место. Найдя похищенное, он возблагодарил Бога и преподобного Феодосия.

Один клирик соборной киевской Софийской церкви сильно занемог. Все тело его пылало от внутреннего жара.

Придя в чувство, он помолился Богу и угоднику Его Феодосию, прося облегчить страдания. Едва он уснул, как увидел во сне преподобного, который, подавая ему жезл, сказал: «Возьми и ходи с ним». Проснувшись, больной почувствовал, что жар в теле его слабеет и болезнь прекращается. Он пошел в Печерский монастырь и рассказал братии, как исцелился от болезни по молитвам преподобного Феодосия. Иноки прославили Бога, даровавшего такую благодать Своему угоднику²⁰.

Стефан, сменивший преподобного Феодосия на игуменстве, управлял монастырем четыре года. Достойный ученик великого аввы, он был молитвенником и постником. Но ему не хватало, может быть, тех качеств, которые необходимы для многопечительной должности игумена, что и подвигло преподобного Феодосия предпочесть ему Иакова пресвитера. В истории он известен под именем «Иаков мних». Это был один из крупнейших мыслителей древней Руси. Иаков создал жизнеописания первых русских святых — равноапостольного князя Владимира и страстотерпцев Бориса и Глеба. Его творения отличались высоким уровнем богословского и философско-литературного дара. Этому выдающемуся человеку преподобный Феодосий и хотел, по Божию изволению, поставить игуменом²¹. Но братию смутило, что Иаков был пришельцем из другого монастыря. Очевидно, Иаков переехал в Киев по приглашению самого преподобного Феодосия, сумевшего создать за годы своего настоятельства в Печерской обители оазис просвещения, культуры и науки.

Черноризцы, отвергнув волю блаженного, подверглись за это наказанию, ибо вскоре в обители начались искушения: «Ненавидяй же добра враг... смятение сотвори в них, яко... крамолу съчинити, Стефана убо от игуменства отгнаша»²². Это было весьма несправедливо, ибо, «будучи великим подвижником, он особенно заботился о созидании святой церкви... Заботился Стефан и о других строениях монастырских. По благодати Божией и молитвам преподобных Антония и Феодосия игумен Стефан скоро устроил церковь, оградил новое место и перевел сюда братию из ветхого монастыря, а старый монастырь, охраняемый немногими оставшимися иноками, был назначен для по-

Изображение ковчега и хранящегося в нем Пояса Пресвятой Богородицы.

гребения усопших. Кроме этого, преподобный Стефан установил, чтобы в монастыре всегда совершалась Божественная литургия о упокоении братии и блаженных ктиторов*»²³.

При нем огромное храмовое строение было вчерне окончено, выведены купола, поставлен надглавный крест. Строительство собора возобновилось на следующий год после преставления преподобного Феодосия. Летопись пишет под 1075 г.: «Почата бысть църкы Печерская надъ основаниемъ Стефаньмъ игуменьмъ... и коньчана бысть на третие лето, месяца июлия 11 днь»²⁴. Братию преподобный Стефан переселил в новый монастырь на Антониевых пещерах, ближе к соборному храму, после чего «Ветхий» монастырь стал функционировать как усыпальница. Вероятно, именно переселение черноризцев с насиженных келий стало поводом для «крамолы». Преподобный Стефан вынужден был с горечью в душе оставить родную обитель. Князь Святослав, которому авва Феодосий заповедал блюсти монастырь, был уже покойным и потому не мог защитить Стефана, а вернувшийся на престол Изяслав, злобясь на печерского игумена за лояльность к своему сопернику, способствовал его изгнанию²⁵.

Но это случилось не без промысла Божия, ибо Стефану суждено было основать новый монастырь в честь и славу Пресвятой Богородицы. Пользуясь большим авторитетом среди многих знатных сановников, Стефан с их помощью основал неподалеку от Печерской обители, в урочище Клов, что находилось на другом отроге Печерской горы, монастырь во имя Положения Ризы Божией Матери во Влахерне. Ибо, быв свидетелем чудесного основания Великой Печерской церкви «и видевь преславная чудеса, како мастери придоша, икону носяще, и царицино видение еже во Влахерне поведаша, и сего ради самъ Влахернскую церковь на Клове създа»²⁶. Это деяние достойного ученика основателей лавры, который был соучастником «преславных чудесъ» при закладке ими храма и лично общался с византийскими зодчими, принесшими из Влахерны икону Божией Матери, является лучшим свидетельством истинности Симонова «Сказания» не только как церковно-агиографического, но и как подлинно исторического документа.

Соорудив на Клове каменную церковь, Стефан «бе вся лета праздникъ сътворяя светел Свѣтей Богородици

месяца июля въ 2 день», ибо это был храмовой праздник Ризоположенского Влахернского храма в Константинополе²⁷. Таким образом, духовные традиции вселенского Православия обрели достойное продолжение в деяниях печерских иноков через созданные ими святыни Киева — второго Константинополя.

В Кловском монастыре Стефан ввел устав Печерской обители, во всем руководствуясь поучениями своего почившего аввы Феодосия. Святость и подвижничество преподобного Стефана вскоре возвели его на степень высшего служения Церкви. В 1091 году он был рукоположен Киевским митрополитом Иоанном в епископа Владимиро-Вольнского²⁸.

После Стефана черноризцы избрали на игуменство Никона — как первого по старейшинству и подвигам среди братии, от которого сам авва Феодосий и первый игумен обители Варлаам приняли пострижение. К тому же преподобный Никон уже имел опыт настоятельства. Во время гонения и удаления из обители он устроил в Тмутаракани монастырь во имя Пресвятой Богородицы, во всем подобный Печерскому²⁹. Авторитет Никона в Тмутараканском княжестве был очень велик. После смерти в 1067 году князя Ростислава он по просьбе жителей полуострова предпринял важную дипломатическую миссию — отправился во главе посольства в Чернигов к князю Святославу с просьбой отдать на княжение в Тмутаракань его сына Глеба³⁰. Возвращаясь из Чернигова, Никон посетил Печерский монастырь, где произошла радостная встреча с преподобным Феодосием и другими подвижниками, с которыми он столько лет пробыл в разлуке. Феодосий умолял Никона не оставлять его, и поэтому по окончании посольской миссии Никон вернулся в Печерскую обитель³¹. Их единодушие было настолько велико, что Феодосий, отлучаясь из монастыря, поручал братию Никону. Часто игумен просил Никона произносить проповеди в храме и поучать братию, ибо преподобный Никон был весьма премудр и искусен в слове. Когда Никон переписывал книги, Феодосий трудился вместе с ним, изготавливая нити для переплета. Однако в 1073 г., после смуты, во время которой Киевский князь Изяслав был изгнан родным братом Святославом, Никон, любивший безмол-

Встреча преподобных Никона и Феодосия. Из Патерики 1702 г.

* «В византийской и древнерусской церковной истории ктиторами назывались создатели храмов или монастырей. Причем не только создателю, но иногда и его потомству присваивались права и привилегии, напр. право погребения в обители и проч.» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Стб. 2115).

Гравюра из лаврского Евангелия 1637 г.

вие и удалявшийся мятежей, вновь ушел в Тмутаракань, где и застало его известие о кончине преподобного Феодосия. В сильной скорби Никон вернулся в Печерскую обитель, в которой пребыл затем неисходно до самой смерти.

Игуменство преподобного Никона ознаменовалось окончанием возведения соборной Свято-Успенской церкви. Сначала дела по строительству шли плохо. «Господь прогневался на Печерскую обитель, поддавшуюся наущению диавольскому и обнаружившую дух своеволия, изгнавшую своего прежнего достойного игумена Стефана и неоднократно роптавшую на нового игумена, преподобного Никона. Чтобы вразумить непокорных, попиравших главные свои иноческие обеты смирения и послушания, Господь лишил обитель на известное время Своей милости»³².

Патерик сохранил одно из свидетельств своеволия братии. Преподобный Никон, свято исполняя традиции, заповеданные монастырю аввой Феодосием, благословил в пятницу первой недели Великого поста испечь к трапезе белые хлебы с медом и маслом ради «такового въздержанія, и яко добрым подвижником потрудившимся в тую неделю». Но келарь, «преслушание творя, солга, рекий, яко муки не имам на сотворение таким хлебом. Но обаче не презре Богъ труда и молитвы преподобных своихъ, и да пакы не разорится уставленное блаженным Феодосіемъ». Ибо, еще прежде начала обеда, вдруг кто-то из благодетелей монастыря привез целый воз таких хлебов. «Се же видевше, братія прославиша Бога и святаго Феодосіа, чудящися, како Богъ всегда печется ими, подая имъ вся, яже на потребу, молитвами преподобнаго отца их и наставника Феодосіа». Через два дня келарь начал месить тесто на хлебы из той муки, которую он припрятал от игумена Никона, но вдруг в тесте обнаружилась жаба, попавшая туда из кипятка, приготовленного для замеса, и «оскверни иже от преслушания сотворенное дело»³³. Тогда все поняли, что Сам Бог, по молитвам угодника Своего Феодосия, вразумляет слушников, и принесли покаяние.

Пять лет продолжалась полоса неудач, в течение которых стройка стояла неподвижно³⁴. Это закономерно, ибо и храмоторчество душ иноков, и созидание ими церковного здания являлись единым неразрывным процессом, в котором любое нарушение Божественной гармонии болезненно сказывалось на результатах.

«Но не оставили Печерскую обитель своим ходатайством пред Богом преподобные Антоний и Феодосий. Они

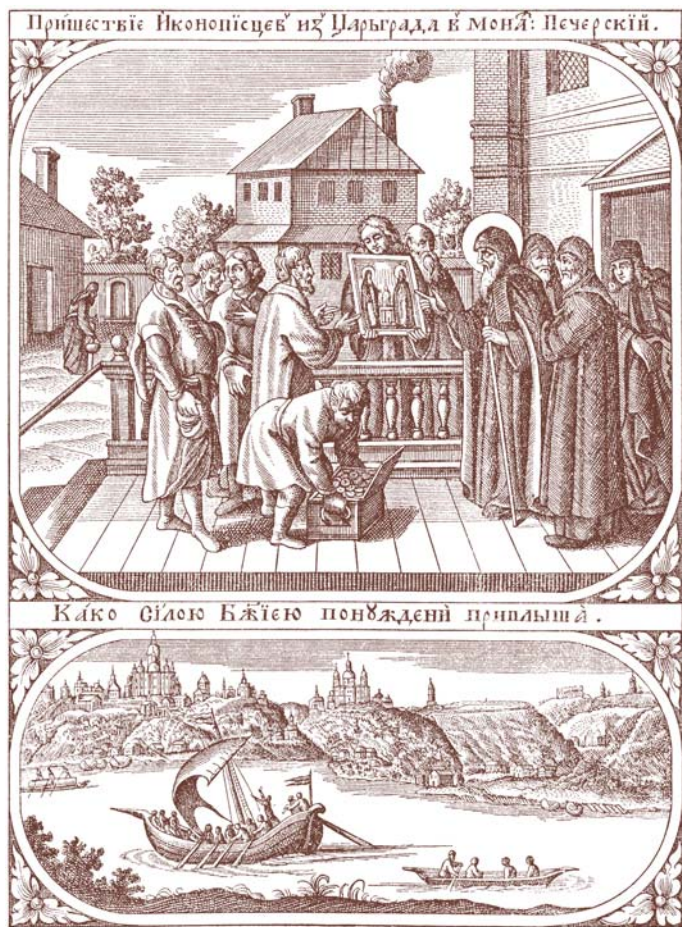
умолили Господа претворить гнев на милость. Господь снова послал Свою помощь в построении церкви — и работы в ней закипели. Это было в 1083 году, когда из Царьграда пришли в обитель иконописцы, чудесно нанятые преподобными Антонием и Феодосием, а греческие купцы пожертвовали на украшение церкви мозаику»³⁵.

Святитель Владимиро-Суздальский Симон в своем «Сказании об иконном украшении церкви Печерской» так описывает эти события:

«По прошествии десяти лет с того времени, как волею Пречистой Матери Божией присланы были из Константинополя строители церкви Печерской, пришли к игумену Никону из того же Константинополя иконописцы и обратились к нему с такою удивительною речью: «Покажи нам тех, которые договаривались с нами относительно иконописного украшения церкви. Хотим с ними сосчитаться, так как при уговоре они показали нам маленький храм для иконописного украшения, а эта церковь очень велика. Иначе возьмите от нас данное при уговоре золото и мы возвратимся в Царьград». Выслушав иконописцев, игумен спросил: «Каковы на вид были договаривавшиеся с вами?» Иконописцы, указав черты их внешнего вида, прибавили, что один из них назывался Антонием, а другой Феодосием. Тогда игумен отвечал им: «О дети, невозможно показать их, ибо уже десять лет прошло с тех пор, как они отошли к Богу и ныне непрестанно молятся за нас, охраняя эту церковь, оберегая свой монастырь и заботясь о подвижающихся в нем».

Ужаснулись такому ответу иконописцы. Они привели свидетелей, при коих происходил уговор, и сказали игумену: «В присутствии этих людей названные иноки договаривались с нами и в их присутствии мы получили золото, а ты не хочешь нам показать их. Если они уже скончались, покажи нам их образ». Тогда игумен пред всеми вынес икону преподобных Антония и Феодосия. При виде образа иконописцы поклонились до земли и сказали: «Это воистину они. И мы веруем, что они живы по смерти и могут помогать и защищать обращающихся к ним». При этом свидетели — купцы — принесли в дар обители мозаику, привезенную для продажи. А иконописцы «...начаша каятися своего съгрешения». Вот что они рассказали о своем прибытии:

«Когда мы приплыли в ладье к городу Каневу, то вдалеке на возвышении увидели большую церковь и спросили, чья она. Нам отвечали: Печерская, которую вы должны украсить. Мы, недовольные тем, что церковь так велика, решили немедленно плыть назад. Однако ночью поднялась страшная буря, и ладья наша пошла вверх по реке против течения, увлекаемая как бы некоей посторонней силой. Встав поутру, мы очутились у Триполья. Страх напал на нас, и мы весь день размышляли, что это значит, ибо за одну ночь, не гребя, мы проплыли такой путь, который обыкновенно проплывает за три дня. Следующей ночью мы снова увидели эту церковь и в ней наместную икону Пресвятой Богородицы, от которой исшел глас: «За-

Из Патерики 1702 г.

чем вы напрасно противитесь воле Сына Моего? Если ослушаетесь Меня и поплывете вниз, Я возьму вас и поставлю в церкви Моей. Знайте, что, постригшись, вы окончите жизнь в сем монастыре, и Я вам дам Свою милость в будущем веке, по молитвам Антония и Феодосия». Встав поутру, мы все-таки поплыли прочь, но, при всех наших стараниях, ладья не только не двигалась вниз, а, напротив, плыла вверх против течения. После долгих и тщетных усилий мы, наконец, образумились и покорились воле Божией, и очень скоро наша ладья чудесным образом оказалась у стен монастыря». Все слышавшие прославили Господа, Пречистую Его Матерь и преподобных Антония и Феодосия», — заканчивает свой рассказ святитель Симон³⁶.

Пять лет трудились иконописцы над росписью церкви. И скольких чудес за это время они были свидетелями! Вот одно, наиболее поразительное. Когда иконописцы украшали алтарь мозаикой, внезапно на горнем месте* изобразился образ Пресвятой Богородицы.

«Пока удивленные иконописцы взирали на образ, яркое сияние осветило его... На их глазах из уст Богоматери вылетел белый голубь, поднялся вверх к образу Спасителя и там стал невидим. Неожиданно он опять явился из уст Спасителя и стал перелетать от одного образа к другому, садясь к изображенным святым то на руку, то на голову, и, подлетев наконец к наместной иконе Богоматери,

скрылся за этой иконой. Все в благоговейном страхе пали ниц, поняв, что Господь сподобил их видеть действие Святого Духа в церкви.

Так Господь помогал украшать церковь, как помог прежде построить ее. Сама Богоматерь и преподобные Антоний и Феодосий принимали в сем участие своими молитвами и предстательством пред Господом»³⁷.

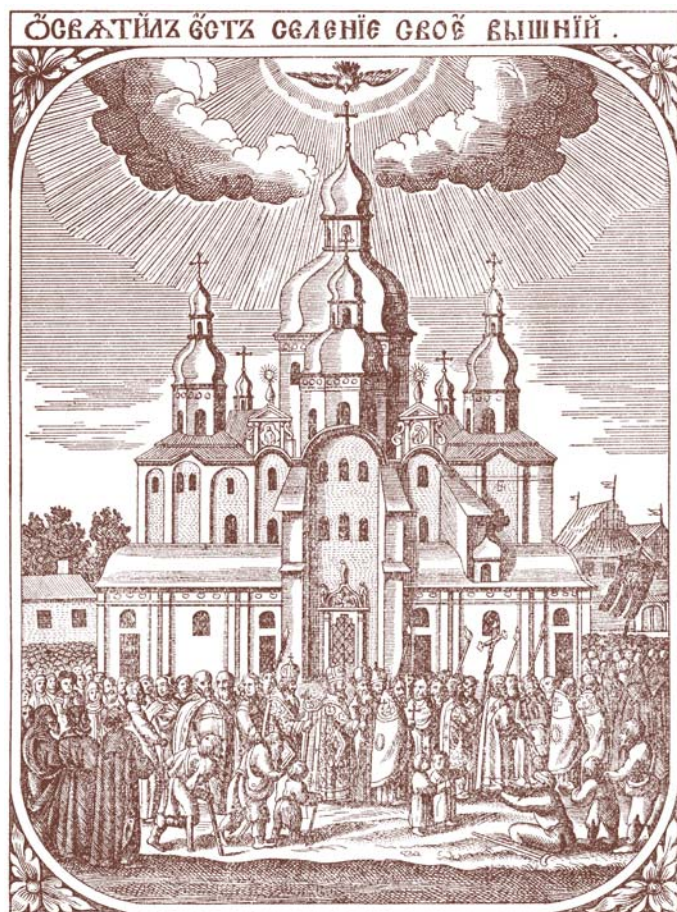
Внутренняя отделка церкви длилась пять лет, до самой кончины игумена Никона. Вместе с греческими иконописцами над украшением храма трудились печерские иноки Алипий и Григорий. Преподобный Алипий с юных лет подвизался в иконописании. Его еще мальчиком привели родители в Печерскую обитель к греческим мастерам для обучения иконному делу. Работая с ними, юноша сподобился быть свидетелем великого чуда, когда в алтаре на горнем месте изобразился образ Пречистой Богородицы и Дух Святой в виде голубя засвидетельствовал особую святость и величие Печерской церкви. Все это оставило в его душе неизгладимый след. Повзрослев, он принял решение облечься в ангельский чин — монашество. По окончании мозаичных и иконописных работ игумен Никон совершил постриг Алипия. Можно предполагать, что тогда же, в 1087 г., были пострижены и греческие иконописцы, о которых святитель Симон пишет, что они «...жизнь свою скончавша въ Печерскомъ монастыри... въ мнишескомъ житіи, и суть положени въ... притворе»³⁸.

Стремясь к святости и духовному совершенству, Алипий непрестанно трудился над своей душой, «не давая себе день и ночь покоя, ибо ночью пребывал в бдении, творя молитвы и поклоны; а при наступлении дня со всяким смирением, нестяжанием, чистотою, терпением, постом, любовью, Богомышлением принимался за работу. Игумен, видя такие добродетели преподобного иконописца, возвел его на степень иерейства»³⁹.

Господь преумножил таланты Алипия, даровав им силу гениальности, ибо иконописный дар подвижника славился во всей Руси. Лучший из отечественных мастеров-иконографов, Алипий написал дивные по красоте иконы, многие из которых имели благодать чудотворения. Этим он уподобился святому евангелисту Луке, создавшему первые чудотворные образы Пресвятой Богородицы⁴⁰. При таком богатстве дарований он отличался полной нестяжательностью, трудясь для братии и храма безвозмездно. Житие его повествует, что он исцелял больных, как, например, было с одним боярином, страдавшим неизлечимым недугом — проказой, которого Алипий утешал помазанием его ран иконописными красками. В благодарность за это потомки боярина оковали золотом кивот** над престолом в Успенской церкви. А одно из чудес преподобного, когда семь икон, заказанных ему киевским вельможей для строящейся на Подоле новой церкви, сами собой изобразились на

* «Место за престолом в алтаре, где ставится на возвышенности кафедра епископа» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Стб. 662).

** Кивот, киворий — «купол над престолом, поддерживаемый колоннами, подобно древним надгробным памятникам. Символизирует, что престол есть место распятия и положения тела Христова» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Стб. 1266).

Освящение Свято-Успенского собора. Из Патерика 1702 г.

досках⁴¹, всколыхнуло весь Киев. Молва о нем дошла до самого князя Владимира Мономаха. После пожара, уничтожившего Подол, иконы Алипия остались неповрежденными, что еще более умножило их славу. Владимир Мономах, почитая чудотворную силу этих святых икон, послал одну из них, с изображением Пречистой Богородицы, в Ростов, в построенную им церковь, где и там она просияла чудесами.

Самым зримым свидетельством святости преподобного является его предсмертное чудо, когда он получил заказ от благочестивого печерского прихожанина написание наместной иконы Успения Пресвятой Богородицы к престольному празднику обители. Внезапно разболевшись, Алипий не смог написать икону к указанному сроку. В скорби душевной он начал молиться Господу и вдруг узрел светлого ангела, пришедшего к нему в келию и вставшего за работу. Написав икону, ангел стал невидим. Утром прихожанин и его домочадцы «с радостью поспешили в церковь со свечами и кадилами и, видя икону, сияющую как солнце, пали ниц, поклонились ей и лобызали ее с веселием»⁴².

Образ, написанный по молитве святого Алипия ангелом, обрел великую духовную силу. Это роднит его с чудотворной иконой Успения из Влахерны, ибо появление обеих сопровождалось дивными знамениями милости Бо-

гоматери и обе предназначались как «наместные» в богозданную Свято-Успенскую церковь.

В Печерской обители прославился иконописанием преподобный Григорий. Его иконы, как и иконы Алипия, были известны далеко за пределами Киева и находились в храмах других княжеств⁴³.

Под духовным руководством мудрого и просвещенного игумена Никона, сумевшего привлечь к работе над украшением храма лучшие творческие силы, собор Печерской обители получил художественную законченность и стал образцом церковного зодчества на Руси, символом Божественной гармонии и непревзойденным эталоном эстетических исканий века.

«В 1088 году, через пятнадцать лет по своем основании, церковь была готова к освящению. Она отличалась необыкновенным великолепием и красотой, преизящно была украшена снаружи и внутри. Стены ее и иконостас блистали золотом, разноцветной мозаикой и прекрасной иконной живописью; пол состоял из разнovidных камней, расположенных узорами, главы были позлащены, а крест на главном куполе был сделан из чистого золота. Недаром очевидцы: преподобный Нестор Летописец, преподобный Поликарп, преподобный Симон, епископ Суздальский, называли ее церковью «боголепной», «небеси подобной»⁴⁴.

Вот как ее описывает составитель Киевского Синописа: «Сія же небеси подобная церковь... вся бо отъ злата мусією*, сиречь камнями позлащенными, узорами и пестротинами различными предивно бѣше высаждена, и иконами прекрасно росписана. Помость церковный весь такожде отъ различныхъ шаровъ каменіями и всякими узорами бѣсть насажденный; главницы** же позлащенны бѣху, а крестъ на версе*** церкве великія ваги**** от самага злата соделанный поставленъ бѣсть»⁴⁵.

Красота ее архитектурного облика сочеталась с Божественной красотой Святого Духа, осенявшего чудотворные фрески и иконы собора. Многие из икон и предметов утвари: нерукотворенный запрестольный образ Пресвятой Богородицы, восседающей на троне в предстоянии ангелов; Влахернская икона Успения Пресвятой Богородицы; наместная икона Успения, написанная преподобным Алипием; жертвенник, украшенный золотыми поясом и венцом от варяжского Распятия; златокованный киворий над престолом в алтаре, пожертвованный в благодарность за исцеление преподобным Алипием неизлечимого недуга, и другие олицетворяли молитвенное горение и усердие к святые преподобных основателей обители Антония и Феодосия, подвижников-иноков и благочестивых прихожан монастыря.

Поистине соборный храм обители строился всенародно, ибо в его создании принимали участие все слои населения, независимо от социального и имущественного ста-

* Мозаикой.

** Купола.

*** На вершине.

**** Большого веса.

туса. Это были великие князья, жертвовавшие земли и большие суммы золотом, воины и бояре, ремесленники и купцы, крестьяне и иноки, приносившие в дар кто родовые святыни, кто труд, кто молитвы. Приношения храму сопровождалось знамениями и чудесами, как, например, было с боярином Иоанном и сыном его Захарией, которые пожертвовали на каменный придел во имя святого Иоанна Крестителя две тысячи гривен серебра и двести гривен золота — огромную по тем временам сумму, а сами постриглись в Печерском монастыре; с черноризцем Эразмом, который «имеа богатство много, и все, еже имеа, на церковную потребу истроши, и иконы многы окова...». Поистине храм этот был благоприятной жертвой Богу от всей древнерусской земли!

Игумену Никону, так много потрудившемуся над украшением Успенского храма, не суждено было увидеть его освящение. В 1088 году он преставился. Господь забрал его в Свои чертоги, где вместе с преподобными Антонием и Феодосием он удостоился предстоять небесному престолу в храме славы Божией.

Освящение собора состоялось на следующий год при игумене Иоанне. Оно было приурочено к празднику Успения Пресвятой Богородицы. Как и строительство храма, его сопровождали многие дивные знамения благоволения Господня.

Когда встал вопрос сооружения престола, возникла проблема изготовления каменной плиты на его верх. Во всем Киеве не нашлось мастера, который мог бы ее сделать⁴⁶. Тогда, по совету с братией, игумен решил заменить каменную плиту деревянной. Но митрополит решительно возражал, чтобы на престоле такого величественного и богато украшенного собора верхняя плита была деревянной. Игумен с братией были в великой печали. Накануне дня, назначенного для освящения, иноки пришли в новую церковь служить по обычаю вечерню и заметили лежавшую у алтарной преграды каменную плиту и столбы для престола. Они поспешили сообщить об этом митрополиту, и тот немедленно распорядился, чтобы готовились к освящению. Так и осталось неизвестным, откуда и как попала плита в запертую церковь. «Не обретесе делатель ея на земли, — замечает по этому поводу преподобный Симон, епископ Суздальский, — но Самъ Делатель Небесный и Промыслитель всехъ благъ сотвори ту и положи на

Из Патерики 1661 г.

предложеніе Своему пречистому Телу и честной Крови, изволивъ на той Трапезе, юже Самъ дарова, въ дому Матери Своея за весь міръ по вся дни закалаемъ быти».

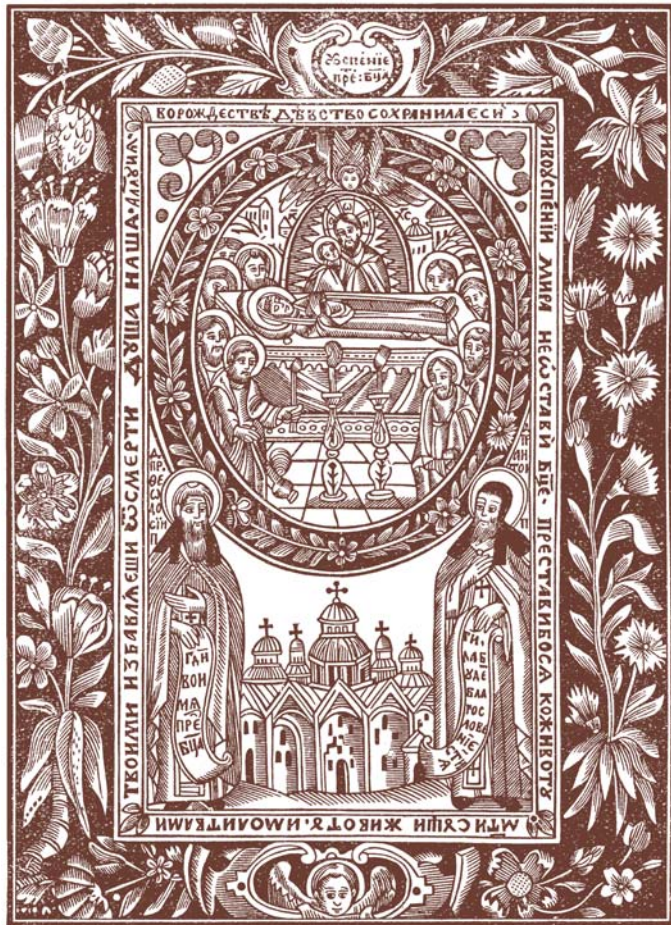
Наступил канун праздника Успения Пресвятой Богородицы — день освящения церкви. «Митрополит очень скорбел, что в таком торжестве не будет участвовать ни один архиерей, кроме него самого, так как за дальностью расстояния он не мог никого известить. И вот когда митрополит намеревался идти уже в церковь, к нему неожиданно прибыли четыре епископа: Иоанн из Чернигова, Исаия из Ростова, Антоний из Юрьева и Лука из Белгорода. «Чего ради прибыли вы?» — спросил у них удивленный митрополит. «Посланные тобой к нам юноши, пришедши, объявили, чтобы мы были готовы к литургии на 14 августа, так как тогда будет освящаться церковь Печерская, и мы по твоему слову здесь», — ответили епископы. Антоний же Юрьевский при этом рассказал еще, что он до вчерашнего дня был болен; в прошедшую же ночь вошел к нему черноризец и сказал: «Завтра освящается церковь Печерская, будь и ты там»; и тотчас он стал здоров. Митрополит стал искать тех людей, которые их звали — и вдруг внезапно раздался голос: «Исчезоша испытующии испытания» (Пс. 23, 7). Всех объял ужас. Митрополит же простер руки к небу и воскликнул: «О Пресвятая Госпоже Богородице! Якоже в Свое преставление* апостолы от конец вселенныя собрала еси, так и ныне на освящение церкви Своея собрала еси наши сослужебники. Благослови убо нас на дело сие и помози нам славы ради Сына Твоего»⁴⁷.

Во время совершения крестного хода вокруг собора также произошло чудо. Обойдя трижды храм, служащие

Гравюра из Патерики 1661 г.

* Т. е. успение. См. иконографию праздника Успения.

Успение Пресвятой Богородицы.
Из Патерики 1661 г.

подошли к запертой двери и запели псалом «Возьмите, врата, князи ваши» (Пс. 63, 7). Изнутри ответствовало молчание, ибо устроители торжества забыли оставить в церкви певчих. Вдруг в абсолютно пустом и запертом на все двери храме раздалось чудное ангельское пение. Невидимый хор подхватил слова псалма: «Кто есть Сей Царь славы», — и допел его до конца. Войдя в церковь, священнослужители начали прилежно искать удивительных певчих, но «ни единь человек обретется». Тогда все прославили Бога, вспомянув слова апостола: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Римл. 11, 33-36).

В молитвенном восторге и благоговении автор повествования — епископ Симон восклицает: «Что сего, братие, чуднее? Прошедь убо книги ветхаго и новаго закона*, нигдеже убо таковых чудесь обрящещи о святых церквах, якоже о сей... Блаженъ и трблаженъ сподобивыйся в той... быти, яко оставленіе приимет грехом и мзды небесныя не погрешит. Добро убо зело водворятися въ той святей и божественей церкви...» В этих словах выражена сила сыновней любви всех печерских иноков к святыне. «Сея же зиж-

дитель, и хитрец**, и художник, и творец — Бог»⁴⁸, — завершает свое «Сказание» святитель Симон.

Необыкновенная сила «Сказания», его боговдохновенность, императив чуда делают это творение древнерусской книжности гениальным. Автор с дерзновением низводит Небо на землю и возводит земное к Небесным, акцентируя первенство Божественного начала в деле храмостроительства, доминирование в нем Фаворской энергии Пресвятой Троицы. Подчеркивая прямое участие в сем деянии Пречистой Игумении — Девы Богородицы, ангельских сил и святых угодников, архипастырь раскрывает таинство органичного единства Церкви Воинствующей и Церкви Торжествующей⁴⁹, которые составляют одно мистическое тело, единый богозданный организм. Кажущаяся апокрифичность Симонова «Сказания», вовлечение в исторический процесс надмирных сил лишь усиливают значение этого документа, который свидетельствует о Божием промысле в путях создания трансцендентного феномена под названием «Святая Русь».

Для духовного становления нации необходим был символ, воплощавший, как некогда Иерусалимский храм для богоизбранного библейского народа, чаяния об идеальном «граде небесном», нерукотворенном вместилище благодати. «Освятит есь селение Свое Вышний», — воспел пророк и псалмопевец Давид скинию*** Господа Саваофа. В Новом Завете Господь наш Иисус Христос призвал Своих последователей созидать храм Духа Святого в душе и сердце. Печерская Успенская церковь, созданная по предопределению Пресвятой Троицы и молитвами Пречистой Богоматери, воздвигнутая «не серебром и золотом, но слезами и пощением» великих подвижников Антония, Феодосия и их преподобных учеников, воплотила в себе, по мысли святителя Симона, эkkлeзиологическую глубину ветхозаветного и новозаветного Священного Писания.

Для Святой Руси — нового богоизбранного удела в славянском мире, для Киева — нового Иерусалима, как справедливо его называют за обилие православных святынь, Печерский храм стал тем же, что и храм Соломона для земли обетованной.

Ни одна церковь в древней Руси не удостоилась столь возвышенного и благоговейного почитания, как соборная церковь Печерской обители. Это подтверждает история, подтверждают агиографические памятники и государственные летописи, в которых только она одна получила священное название «архимандритии всея Рускыя земли!»

* Т. е. Старого и Нового Завета.

** Мастер.

*** Скиния — место общественного служения, походный храм богоизбранного народа. См. кн. Исход.

Ссылки и примечания к главе IV

1. Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). Собр. соч. Т. 3: Слова и речи. К., 1997, с. 22-23. В духовной среде, в среде христианского подвижничества аскеза пещерного жития есть весьма распространенный способ богоугождения и борьбы со страстями, восходящий еще к Ветхому Завету, о чем, напр., говорит подвиг пророка Илии и на что указывает, как на высшее избранничество, апостол Павел: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11, 38). В Египте, Сирии, Палестине, на Афоне и в других оазисах монашества существовали тысячи пещер, действовали целые пещерные монастыри и скиты, густо населенные отшельниками. В безжизненной и суровой Заиорданской пустыне было множество обитателей, скрывавшихся в труднодоступных горных массивах, испещренных, подобно пчелиным сотам, неисчислимым количеством пещер, число пустынников в которых достигало 14 тысяч. В Крыму, еще в первые века Христианства, существовали горные пещерные обители. «Особенно много пещерных монастырей возникло в период иконоборчества. В Сицилии, Малой Азии, Грузии, Крыму и др. окраинах Византийской империи иконопочитатели вырубали в скалах или выкапывали в земле труднодоступные для преследователей обители-крепости, духовные твердыни Православия» (Лебедев Л., протоиерей. Крещение Руси. М., 1987, с. 61). Интересен случай создания монастыря в огромной естественной пещере. Это знаменитый в Греции монастырь «Великая пещера», находившийся в северном Пелопоннесе. Некоторые из этих великих святых, как, напр., монастырь св. Георгия Хозевита в Палестине, остатки двадцати четырех византийских монастырей в местности Метеора в центральной Греции, построенных на остроконечных вершинах отвесных скал, пещера св. Петра Афонского на Святой Горе, скит св. Антония в Египте, монастыри св. Георгия Победоносца и св. Климента в Крыму, действуют поныне (См.: Святая Земля. Париж, 1961; Спутник паломника по святым местам. Париж, 1968; По Святой земле. М., 1997; Святая гора Афон. М., 1998).

2. Патерик. С. 1.

3. Там же. С. 64-65. Д. Абрамович, указывающий среди первоисточников Патерика древнюю житийную литературу и, в частности, жизнеописание преп. Саввы Иерусалимского, проводит с ним прямую параллель. «В Житии Саввы Освященного, — пишет он, — которым немало пользовался Нестор, читаем: «В... ночь блаженный Сава... хожаше... поя Псалтырю, и виде... столп огненъ, стоящъ на земли, его же верхъ тшашеся въ небо. Видевъ же... и радостенъ быв, помышляше глаголаная о лествици, показавъшися Иякову, яко страшно место се, несть се... но домъ Божий. И пребывъ молитвою въ томъ месте до зорь, възыде съ страхъ и трепетомъ, идеже бе огненный столпъ, и обрете пещеру велику и чюдну церковь, имущую образъ Божий на всточьныи стране, олтарь богозданъ...» (Патерик. С. 216-217, прим. 68). Вспомним также эпизод из Жития преподобного Феодосия Великого о чудесном обретении подвижником места для основания будущей лавры. Знамением того, что место это свято и небесным промыслом определено как «дом Божий», стало самовозгорание кадила в руках преподобного (Жития святых... святителя Димитрия Ростовского. Май, с. 318-319).

4. Патерик. С. 5.

5. Влахерна — одна из морских пристаней Константинополя, его пригород. В 408-450 гг. святая Пульхерия, сестра императора Феодосия Младшего и супруга императора Маркиана, построила здесь храм в честь Пресвятой Богородицы, в котором находились погребальные пелены Богоматери, присланные из Иерусалима архиепископом Ювеналием. Историк церкви Никифор Каллист пишет, что император Маркиан и императрица Пульхерия не жалели средств для Влахернского храма, который «был чудно величествен и блистал самыми драгоценными украшениями» (Иконы и храмы Божией Матери. Покров Ее в жизни святых, в судьбах Константинополя и Афона // Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы. М., 1904, с. 217). В царствование императора Льва Великого (457-471 гг.) во Влахерне был воздвигнут храм в честь Положения Ризы Пресвятой Богородицы. «Чудотворную силу ризы Богоматери испытали на себе в 626 г. персы и авары, в 673 г. и 716 г. сарацины, а в 866 русские язычники Аскольд и Дир. Во время осады Царьграда неприятельскими войсками риза Богоматери, при пении священных песнопений и слезных молитвах народа, была принесена на берег моря и, едва коснувшись воды, море, дотоле тихое, вдруг взволновалось, поднялась буря и сокрушила неприятельский флот. Аскольд и Дир стремились покорить Византию, но, пораженные чудом, сами были покорены Иисусу Христу. Они кончили жизнь свою под покровом христианской веры» (Земная жизнь Пресвятой Богородицы / Сост. С. Снегирева. С.-Пб., 1898, с. 83). Во Влахернском храме служил преподобный Роман Сладкопевец (V в.), сподобившийся видения Пречистой Девы и получивший от Нее благодать боговдохновенного песнотворчества. В X в. святой Андрей, Христа ради юродивый, и ученик его Епифаний были свидетелями явления в этом храме Покрова Пресвятой Богородицы. Святой Церковь в честь этого события установлен праздник Покрова, столь чтимый в нашей земле (Поселянин Е. Богоматерь / Издано по благословению блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Владимира. К., 1996, с. 100-101).

Таким образом, Влахерна является для православного мира символом удела Богоматери. Византолог Д.Айналов считал Печерский Свято-Успенский собор преемником харизмы знаменитого Влахернского храма (Айналов Д.В. История древнерусского искусства. К.; Пг., 1915, вып. 1, с. 246).

6. «...Та наместнаа, рече, да будетъ» (Патерик, С. 6). «Наместьныи иконы — местные, находящиеся по обеим сторонам царских врат» (в иконостасе. — Авт.) (Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989, т. 2, ч. 1, стб. 303). Следует сказать, что существует еще одно значение этого слова: «Наместникъ — заместитель, представитель светской или церковной власти» (Там же. Стб. 302). Лаврское предание так и трактует: «...дала нам эту святую икону, говоря: она да будет наместницею» (Киево-Печерский Патерик. С. 61), акцентируя передачу Богоматерью иконы как знак Ее прямой власти над монастырем. Вспомним афонский обычай, доселе соблюдающийся в некоторых святогорских монастырях, о делегировании игуменских прав настоятелем обители чтимой иконе Богоматери вплоть до соответствующих изменений в церковном и монашеском уставах, с изменением титула «настоятель» на «наместник», т. е. с провозглашением настоятельницей, игуменией Самой Божией Матери (Афонский Патерик. Ч. 2, с. 5-58).

7. Киево-Печерский Патерик. С. 61.

8. «Прійдоша Половци въ силе тяжче на Рускую Землю. Собраша же ся на нихъ Ярославиче... и прійдоша въ пещеру ко преподобному отцу нашому Антонію, по благословенію ити на Половцевъ. Преподобный же Антоній провиде на нихъ гневъ Божій, и прослезився прорече имъ: «Яко имате победени быти, и мнози отъ васъ остріемъ меча, друзіи же в воде истоплени

будуть, останцы же въ плененіе пойдут»... Князи же не послушаша преподобного Антонія, но, исполчившеся, пойдоша ношію на Половцевъ; но гневомъ Божиимъ побеждены быша християне отъ Половцовъ...» (ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 270-271).

9. Патерик. С. 5. Шимон был племянником варяжского князя Якуна Слепого. См. Лаврентьевскую летопись под 6532 (1024) годом: «И възративъся Ярослав; приде Новгороду, и посла за море по варягы, и прииде Якунь (Акунь) с Варягы, и бе Якунь слепъ...» Некоторые исследователи вместо «слепъ» читают «съ лепъ», т. е. красив, пригож собой (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 646; Крымский А. Древне-киевский говор // ИОРЯС. Т. 11, кн. 3, с. 396).

10. Патерик. С. 7. «Мера церкви... ширина ее в 20 поясов, долгота в 30, высота стены в 30, а с верхом в 50. Все сие обстоятельно описано в польском и славянском Патерике Печерском» (Евгеній (Болховітін), митрополит. Вибрані праці з історії Києва. С. 278). По мысли М.Мурьянова, длина пояса составляла 4 римских фута, или 1,18 м (Мурьянов М.Ф. Золотой пояс Шимона // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. М., 1973, с. 193).

11. Киево-Печерский Патерик. С. 17-18.

12. Патерик Печерский или Отечник. Издание КПЛ. К., 1999, с. 20-23. См.: Патерик или отечник Печерский, содержащий жития святых преподобных отцов наших, просиявших в пещере... К., 1661. «Известны одиночные древнерусские погребения в келиях. Так, напр., был погребен препод. Феодосий Печерский. Наверное, то же можно сказать и о преп. Антонии. Со смертью последнего святого связан таинственный рассказ, относящийся к устному преданию монастыря. Дело в том, что ни раннее, ни позднее печерское летописание не описывает смерть преп. Антония. Дата его смерти — 7 мая 1073 (по некоторым версиям — 1072) г., а также память святого (10 июля) — происходят, наверное, из древнего монастырского помянника. Э.Лясота так передает рассказ инока, водившего его по пещерам, о погребении преп. Антония: святой перед смертью созвал братию и попросился со всеми. А затем земля обвалилась, отгородив его от остальных. Черноризцы стали откапывать это место, но из земли вырвался огонь. Когда же они отошли и стали копать левее, оттуда прорвался сильный поток воды. «Тератургима» относит историю с водой и огнем не ко времени смерти, а к случаю, когда мощи хотели украсть... Во всяком случае, монастырская традиция донесла до нашего времени запрет преп. Антония тревожить его погребение. И на протяжении веков никто даже не пробовал расчищать завал по дороге к его келии...

В предисловии к изданию Патерика 1661 г. находим такой текст к погребению святого: «...рассказывают: святой... Антоний почивает в Риме, куда (якобы) перед смертью он пришел и преставился. И подтверждают это тем, что Нестор святой в летописании не написал года, месяца и дня его смерти. А если бы, — говорят, — тело его было покладено в пещере, то его не только можно было бы видеть, но и перенесено оно было бы, как Феодосиево. Ибо не надлежит говорить, что тело его является неприступным из-за света, который якобы из гроба выходит. Поскольку более святою, чем он, является святая великомученица Варвара, тело которой, однако, можно в Киеве увидеть.

Это надругательство — лишь от предположений, а не от фактов. Но чтобы не думали торжествовать, отвечаем на это утверждение: если тела отца Антония не было в пещере, ибо Нестор святой в летописи об этом не написал, то и тел святых верховных апостолов Петра и Павла не было бы в Риме, поскольку об этом не написано в Деяниях Апостольских. Однако чего нет в одной книге, то обыкновенно находится в другой: и Нестор святой кроме летописания досконально житие преподобного отца нашего Антония в иной книге отдельной написал, которая, вмещающая его житие достойное, находится во многих разделах патериков печерских, в древности написанных, но через вражеские грабежи до нас не дошла. Однако прочел ее известный повествователь Симон святой, епископ Владимирский и Суздальский. И описал то время — год, и место, и день преставления преподобного первоначальника, и описал погребение его, которое было у нас в пещере, а не в Риме. Бог одаривает святых Своих различными дарами. Нетленное тело святой великомученицы Варвары Он дал нам здесь видеть и прославлять, также и других святых. Однако иных святых славу всю Он переносит на Небо, по мольбе их самих. Ибо святое тело великого законодателя Израилева Моисея ангелу Своему похоронить заповедал... Также и святой великомученицы Екатерины тело повелел похоронить ангелам на Синайской горе. И есть бесчисленное множество святых, мощи которых не явлены. Так и честное тело преподобного отца нашего Антония, который под спудом в земле пребывать изволил, Бог Вседаровитый к ним приобщил. Однако и без писания Симонова знаем, что это произошло в пещере, ибо при гробе его происходят различные чудеса, в первую очередь — в изгнании бесов. Знаем: не только светом, но и палящим огнем и скорой смертью наказаны были те, кто покушался раскопать гроб его. Что касается Рима — то нет ни таких писаний, ни чудес...» (Жиленко И.В. История печер Киево-Печерської лаври // Дива печер лаврських / Відп. редактор В.М.Колпакова, упорядник И.В.Жиленко. К., 1997, с. 14). Здесь мы, очевидно, встречаемся с отголосками униатской пропаганды XVII ст. Вышеуказанное свидетельство позволяет нам констатировать, что не только в древности, но и в XVII в. пристальное внимание к личности аввы Антония как «первоначальника» отечественной исихии не угасало. Более того, его имя, как знамя, пытались использовать даже инославные идеологи.

13. Жития святых... святителя Димитрия Ростовского. Май, с. 160.

14. «В Густинской летописи данная статья отнесена к 1071 г., как и смерть преп. Антония. Однако это, очевидно, поздняя правка, осуществленная на основании другой летописной информации, взятой, в частности, у Барония» (Жиленко И.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври. С. 66).

15. Літопис руський. С. 115.

16. Патерик. С. 44. См. службу преп. Варлааму: «Возвращаясь отъ Константина града, отшель еси душею во светящий градъ Царя Небеснаго; мощи же своя оставил еси въ монастыре Святыхъ горы, яже заповедал еси перенести въ пещеру, идеже ныне лежатъ нетленны, точашія источникъ чудесь приснотекущій» (Служба преподобным Печерским. К., 1855, с. 26). Монастырь города Владимира-Волынского, в котором умер преп. Варлаам, называется Успенским Святогорским Печерским монастырем (Хойнацкий А., протоиерей. Патерик Вольно-Почаевский. М., 1888, с. 46. Он же датирует смерть Варлаама 1065 годом. См.: Там же, с. 22). «Остатки Святогорского монастыря и доселе существуют в с. Зимном, где указывают церковь, построенную св. Владимиром. Это церковь Святогорского монастыря, в котором и теперь еще находится пещеры, оправдывающие древнее наименование его печерским» (Там же, с. 47, прим. 1). См.: Краткие сведения о монастырях Волынской епархии, в настоящее время не существующих // Волынские Епархиальные Ведомости. 1867, № 3; Вертоградов В. Православная церковь в Галиции // БТ. 1999, № 30, с. 254.

17. Вспомним случай из жития печерского угодника, святителя Новгородского Нифонта. Ему явился авва Феодосий со свитком в руке, на котором было начертано это изречение пророка Исаии: «Се аз и дети, яже ми дал есть Бог» (Патерик. С. 98).

18. Патерик. С. 63-64.

19. Владимир (Иким), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Слова в дни памяти особо чтимых святых. Издательство Московской Патриархии, 1998, с. 418.

20. Жития святых. Май. С. 162-166. «Чин погребения в пещерах достаточно существенно отличается от обычного... обряда и происходит из Студийского устава. Умершему обмывали открытые части тела (не раздевая) и, сложив руки на груди, накрывали лицо, смотреть на которое потом никому не позволялось. (Именно поэтому в наше время лики мощей обыкновенно никому постороннему не показывают). Потом его клали на доску и без гроба закладывали в специально выкопанную локулу. Локула со стороны пещеры закрывалась иконой либо замуровывалась. Вообще по Студийскому уставу необходимо через несколько лет после погребения, когда кости почившего очистятся от плоти, вынуть его и перенести в специальную костницу. Но в Печерском монастыре эта традиция прервалась еще в древнерусское время, возможно, из-за большого количества нетленных останков» (Дива печер лаврских. С. 14).

21. «...По словам летописца, не быв постриженником Печерского монастыря, пришел (Иаков. — Авт.) в него с Альты, т. е., вероятно, из Переяславского монастыря Бориса и Глеба, построенного на месте убийства первого. Предположение, что этот пресвитер Иаков есть одно и то же лицо с... мнихом Иаковом, совершенно вероятно» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 743).

22. Патерик. С. 77.

23. Киево-Печерский Патерик. С. 69.

24. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пгр., 1916, т. 1, с. 251-252. В Воскресенской и Лаврентьевской летописях дата окончания Стефанова строительства — 11 июля, в Радзивилловской — 3 июля. Вероятно, тогда же, летом, и был изгнан преп. Стефан.

25. Об этом пишет М.Д.Приселков (Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 216).

26. Патерик. С. 11; Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. К., 1982, с. 108-109; Асеев Ю.С., Харламов В.О., Мовчан И.И. Дослідження архітектури Кловського собору в Києві // Археологія. 1979, вип. 30. Изяслав, преследовавший Стефана, недолго просидел в Киеве. 3 октября 1078 г., т. е. буквально через несколько месяцев после изгнания Стефана, он был убит в битве с крамольным князем Олегом, сыном Святослава. Стефан мог бы вернуться в Печерскую обитель, но, создав свой монастырь, он остался верен ему, да и огромное строительство, начатое им на Клове, требовало всецелой отдачи. К тому же в Печерском монастыре уже настоятельствовал Никон, к которому Стефан относился с почтением как к старейшине печерского братства.

27. Патерик. С. 77; Иконы и храмы Божией Матери. Покров Ее в жизни святых, в судьбах Константинополя и Афона // Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы. М., 1904, с. 218-219.

28. Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. К., 1827, т. 1, ч. 1, с. 403. В «Историческом исследовании об епископах Волынской Епархии» проф. Уводский отмечает, что Стефан не мог быть рукоположен ни митрополитом Иоанном I, ни Иоанном II, умершим в 1090 г. Вероятнее всего, хиротония состоялась при митрополите Иоанне III (Волыньские Епархиальные Ведомости. 1867, № 1, с. 11). Монастырь Кловский Влахернский (или «Стефанеч» в древнерусском обиходе) во время нашествия половцев в 1096 г. подвергся разрушению. В 1108 г. каменный храм монастыря был завершен: «В се же лето кончаша верх святяя Богородица на Клове, заложеней Стефаном игуменом печерским» (ПВЛ. С. 187). Это случилось уже после смерти преп. Стефана, который преставился в 1094 г. В 1744 г. на месте монастыря был построен Кловский дворец. Впоследствии в нем размещалось епархиальное женское училище с домовою церковью во имя Влахернской Божией Матери (Указатель святых и достопримечательностей Киева. К., 1871, с. 185).

29. О Тмутаракани см.: Новицкий В. Древнее Лукоморье // Записки Историко-Филологического отдела. 1929, кн. XXIV, с. 29-40. Голубинский предполагает, что Никон был из боярского сословия: «Никон, возвратившись в Печерский монастырь, «вся своя благая» предал блаженному Феодосию. Это обстоятельство и удаление его из Киева в обществе монаха-боярина наводят на мысль, что и сам он был по происхождению из бояр» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 589, прим. 2). С этим не согласен Д.Абрамович: «В Житии Феодосия спутник Никона называется не «боярин», а «болгарин», и это, кажется, настоящее прочтение оригинала» (Патерик. С. XV). Однако в пользу аристократического происхождения этого крупного мыслителя древней Руси красноречивее всего говорят его великолепная образованность и обширная историко-литературная деятельность. Успенский сборник пишет о спутнике Никона как о «боярине». «Слово «болгарин» — результат ошибки, которая впервые появляется в некоторых списках Кассиановской II редакции» (Патерик Киево-Печерский. С. 232, прим. 42). И.Мальшевский предполагал, что Никон происходил из тмутараканских бояр, хотя образование получил в Киеве (Мальшевский И. Евреи в Южной Руси и Киеве в X-XII вв. // ТКДА. 1878, № 6, 9, с. 447).

30. Тмутараканский князь Ростислав Владимирович умер «месяца февраля в третий день и положен бысть в церкви Пресвятой Богородицы в Тмутаракани» (Літопис руський. С. 103). Летопись пишет, что он был отравлен греками, убоявшись его могущества, ибо он брал дань с касогов и других окрестных племен и имел сильное влияние на политику региона. Но в Чернигове князя Святослава могло не оказаться к прибытию тмутараканского посольства, ибо в это время он с прочими Ярославичами участвовал в кампании против Всеслава Брючиславича, князя Полоцкого. Пленив «месяца иуля в 10 день» Всеслава, Ярославичи возвратились из Смоленской земли домой. Тогда-то преподобный Никон и выполнил свою миссию, встретившись со Святославом.

31. «Преп. Никон не мог так просто решить вопрос: возвратиться или нет в Киев, поскольку оставил город не по собственному желанию. Но, вероятно, преп. Феодосий сделал все для его возвращения, в чем ему, скорее всего, помогли драматические события, которые не нашли отображения в житии, но известны нам из летописи и других частей Патерика. Возможно, возвращению преп. Никона благоприятствовала позиция печерского игумена в период первого изгнания Изяслава из Киева в 1068-1069 гг.» (Патерик Киево-Печерский. С. 233-234, прим. 70).

32. Создание Великой Успенской церкви. К., 1901, с. 21.

33. Патерик. С. 59-60.

34. М.Д.Приселков считает, что причиной этой паузы был перерыв в отношениях с Грецией (Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 218).

35. Создание великой Успенской Церкви. С. 21-22. «Одной из основных особенностей византийского искусства X-XII вв. следует считать усилившиеся художественные контакты Византии с другими странами. Это во многом определило характер искусства рассматриваемого периода. В те годы роль византийского художественного творчества для западного, русского и грузинского искусства была особенно велика. Константинопольских художников приглашают оформлять мозаиками храмы Венеции и Сицилии. На Русь... приезжают архитекторы, фрескисты, мозаичисты из разных городов империи, в том числе и из столицы. В Киевское... княжество привозят иконы и рукописи из Византии» (Лихачева В.Д. Изобразительное искусство // Культура Византии. Вторая половина VII-XII в. М., 1989, с. 481).

36. Киево-Печерский Патерик. С. 62-63. «Егда, рече, придохомъ въ Каневъ в лодіахъ, и се видехомъ церковь сію на высоте. Въпросихом же сущих с нами, кая си есть... и реша: «Печерськаа, ей же вы есте писци». Разгневавъши же ся, хотехом бежати внизи. Въ ту же ночь бысть буря велика на реце. Заутра же вставше, обретохомся близъ Треполя... В другую же ночь видехом сію церковь и чудную икону наместную, глаголящу намъ: «человеци, что всуе мететеса... аще бежати въсохщете, вся вы въземше... поставлю в церкви Моеи... ту в монастыри Моем остригшися и животь свой скончате» (Патерик. С. 10-11). Поверье об этом чуде сохранялось в народе до самого конца XIX века (Лашкарев П. Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты. К., 1898, с. 231).

37. Создание Великой Успенской церкви. С. 25-26.

38. Патерик. С. 11. «При игумене Никоне (после 1084 г.) родители привели его (Алипия. — Авт.) в монастырь для обучения иконописи. Юноша помогал греческим мастерам и учился у них, принимал участие в росписях интерьера Успенского собора. В 1087 году, после окончания работ, был пострижен Никоном в монахи» (Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. С. 26). См. также: Успенские М.И. и В.И. Заметки о древнерусском иконописании. С.-Пб., 1901, с. 5.

«Интересным... является вопрос о погребении 12 братьев-строителей. Дело в том, что в Патерике описаны лишь четверо из них. Поэтому, как правило, считается, что тут погребены не только строители, которые возводили Успенский собор, но и художники, которые его расписывали. На это указывает и подпись к их мошам, приведенная в «Тератургиме»: «Маляров двенадцати останки, одни целые, другие — распались, почивают. Эти церковь Пресвятой Богородицы, посланные от Нее из Влахерны, как от Царицы... в Киеве в монастыре печерском построили» (Дива печер лаврських. С. 18).

39. Киево-Печерский Патерик. С. 99.

40. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин женский монастырь, 1994, с. 28; Изображения Божией Матери и святых Православной Церкви. М., 1996, с. 323; Православная икона. Канон и стиль: к богословскому рассмотрению образа. М., 1998, с. 394.

41. «И инь некто мужь христолюбець от того же града Киева церковь себе постави и въсхоте сътворити церкви на украшение великих иконъ: пять Деисуса и две наместней» (Патерик. С. 175). Это говорит не только о большом мастерстве Алипия, но и о создании им самобытной национальной иконописной школы, сломавшей гегемонию византизма в области церковного искусства, ставшей вровень с византийской и даже вступившей с ней в конкурентную борьбу за заказы.

42. Киево-Печерский Патерик. С. 104.

43. Ровинский Д. История русских школ иконописания // Записки императорского Археологического общества. С.-Пб., 1856, т. 8, с. 138.

44. Создание Великой Успенской церкви. С. 27-28.

45. Киевский Синописис. К., 1823, с. 65.

46. «Беря во внимание большую площадь... (престола. — Авт.) в Великой церкви (ок. 4 м²), действительно могли возникнуть трудности с исполнением такого заказа» (Патерик Киево-Печерський. С. 224, прим. 1).

47. Создание Великой Успенской церкви. С. 29-30. «Священа бысть церкви Печерская святая Богородица монастыря Феодосиева Иоанъмъ митрополитъмъ, и Лукою Белгородьскимъ епископъмъ, и епископъмъ Ростовьскимъ Исaiемъ, и Иоанъмъ Чьрниговьскимъ епископъмъ и Антониемъ Гурьевьскимъ... при благовернемъ князи Всеволоде, държавнемъ Руськыя земля... игуменьство държашю Иоану» (Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1, с. 236).

48. Патерик. С. 8-9.

49. Имеются в виду «церковь земная и Небесная... К первой принадлежат все истинно верующие на земле, подвизающиеся здесь в борьбе с врагами спасения; к последней — те верующие, которые кончили уже земное свое поприще и торжествуют теперь на небе вместе с св. ангелами» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Стб. 2328).

Глава V

Києво-Печерський Патерик

Спасти хотя всех, премилосердный Христос Бог наш других вас отцев Египта, Фиваиды и Палестины на Руси прояви, да вами многих вразумит и покажет вашим житием путь ко спасению.

В сем вы потрудившеся, добре преуспесте, сущих в неведении Евангельстей истине неленостно поучая, к правоверию приводя и к хранению Божиих заповедей и богоугодному житию, Богу Помощнику песнь поюще:
Аллилуиа.

(Акафист всем преподобным Печерским. Кондак 10).

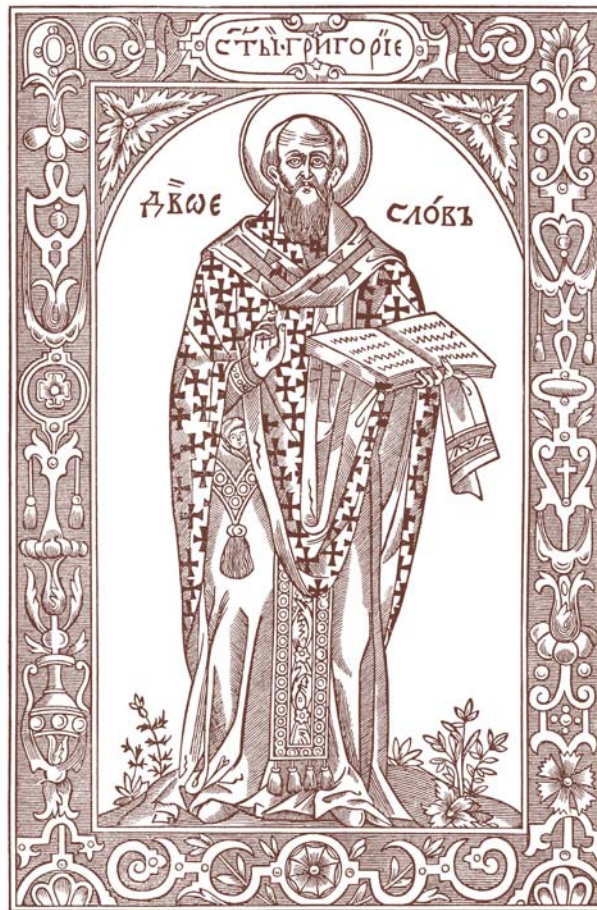
оминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их», — пишет апостол Павел (Евр. 13, 7). Зная, какое важное значение для укрепления в добродетели имеет духовное наставничество, апостол Христов призывает верующих молитвенно поминать тех, кто житием своим являл благой пример правды Божией. Ибо поминовение имени праведника низводит на молящегося великую благодать, побуждает предстоящего Господу в небесной славе ходатайствовать за того, кто молится о нем. Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир пишет: «Воля Господа такова, чтобы мы, обращаясь к святым, общались с ними и соединялись в Нем, а размышляя об их святости, думали о своей жизни, цели и призвании. Возможность общения со святыми в единой христианской семье в вере и любви, в чистоте и святости, в молитве — это дар Божий, за который необходимо благодарить Господа»¹.

Поминание угодника Божия вызывает благоговейное желание подражать его вере, подвигу, учению, что чрезвычайно важно для христианина, «ищущего драгоценных жемчужин» (Мф. 13, 46). В осознании необходимости духовной преемственности в Церкви апостол Павел обращается к своей пастве: «...умоляю вас: подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16), оставив нам это завещание как вечный императив.

Святой апостол не только жизнью, но и самой мученической кончиной явил пример подражания Христу в крестоношении и смерти, «смерти же крестной» (Фил. 2, 8). В первые века Христианства, во время гонений, неисчислимы сонмы мучеников засвидетельствовали своими страданиями верность Господу. Их поминовение сначала в катакомбах и других местах тайных собраний христиан, а затем повсеместно на просторах Римской империи переросло в молитвенное почитание и последующую канонизацию. Мартирологи* и синодики** стали основой для святцев. Сам Господь прославил Своих угодников, даровав их мощам благодать чудотворений.

Иноки также являются добровольными мучениками, ибо самораспятие и крестоношение — одни из главных аскетических обетов. Иноческий чин дал Церкви многих угодников Божиих, память о которых сохранялась в веках и передавалась из уст в уста.

Духовные наставления отцов монашества и предания об их подвигах собирались в особые сборники — Патерики***, или Отечники, многие из которых дошли до наших дней и являются неиссякаемыми сокровищами духа, как, например, Древний Патерик, куда вошли сказа-

Святитель Григорий Двоеслов. Из лаврского Служебника 1620 г.

ния о преподобных Антонии Великом, Арсении Великом, Пимене Великом, преподобных Сарре, Синклитикии и других подвижниках и подвижницах Египетской пустыни².

Затем появились творения историков монашества Палладия Еленопольского († 430, «Лавсаик»), Кассиана Римлянина († 435, «Об устройстве общежитий»), Феодорита Кирского († 457, «История боголюбцев»), Кирилла Скифопольского († 560), Григория Двоеслова († 604, «Диалоги о житии и чудесах италийских отцов и о бессмертии души»), Иоанна Мосха († 622, «Лимонарь****, или Луг духовный») и других авторов³, составившие основу для Синайского, Скитского, Азбучного или Алфавитного Патериков, Добротолюбия, Пролога***** и других аскетических сборников⁴.

Киевская Русь после принятия Христианства, вместе с духовным достоянием Византии, восприняла все неисчерпаемое богатство древней Святой Соборной и Апостольской Церкви, с особой жадностью впитав ее агиографическое, а также аскетическое наследие. Широкое распространение получили у нас жития Николая Чудотворца, Антония Великого, Георгия Победоносца, Иоанна Златоуста, Саввы Освященного, Алексия человека Божия и других святых угодников. В монашеской среде была хорошо извест-

* Мартиролог (от греч. мартирос — мученик и логос — слово) — сборник повествований о мучениках за Христа.

** Синодик (от греч. синодикос — соединяемый) — «книга, в которую... вносят имена умерших для вседневного поминовения при священнослужении» (Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. С. 600).

*** Патерик (греч. — отечник) — «книга, содержащая в себе жития святых отцов, которая по Уставу церковному читается между службами, особенно за трапезою в монастырях» (Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. С. 411). Традиция постоянного употребления Патерика за церковным богослужением и во время совершения братской трапезы говорит о сильнейшем влиянии этого феномена агиографии на устав, быт и все стороны жизни православного монашества.

**** Лимонарь (греч.) — цветник.

***** Церковно-дидактический сборник, составленный по годовому кругу.

на византийская патериковая литература, а также трактаты Мефодия Патарского, Геннадия Константинопольского, Антиоха Иерусалимского, главы о молитве Анастасия Синаита, собрание более ста поучений Ефрема Сирина (Паренезис), сборник из 124 слов Феодора Студита, «Лествица» Иоанна Синайского и другие творения святых отцов монашества.

«Уже в первых древнерусских рукописях, в частности в Изборнике 1076 г., находим следы знакомства с патериками, а концом XI ст. датируют древнерусский список... Синайского Патерика... Усвоение патериковой литературы Византии было важным фактором развития оригинальной восточнославянской агиографии, готовило почву для появления собственного монастырского эпоса Киевской Руси»⁵.

Глубоко закономерно, что эпос этот возник в Печерской обители — колыбели наставничества и училище благочестия древнекиевского государства. Столь великий и славный сонм печерских аскетов-отшельников своими подвигами не мог не вызвать всеобщего почитания. А обилие чудес от мощей праведников не могло не привести к их всецерковному признанию.

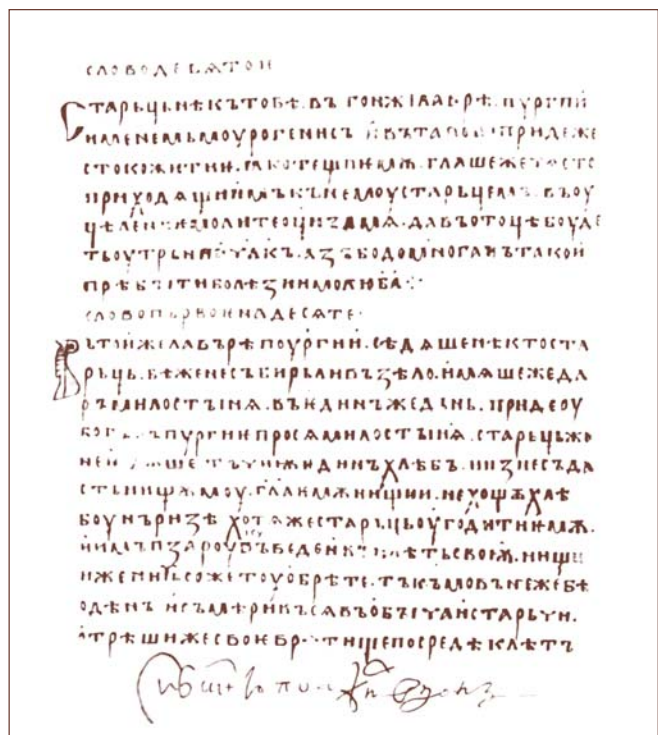
Афонская традиция и Студийский устав, положенные во главу угла иноческой жизни в Печерском монастыре, способствовали духовной преемственности между «архимандритией всея Русския земли» и прославленными обителями Востока, преемственности аскезы и науки самосовершенствования. Этому способствовала и постоянная ориентация на святоотеческое наследие, пронизывавшая все стороны жизни монастыря. По благословию преподобного Феодосия в храме постоянно читались поучения отцов монашества — то Никоном и Стефаном доместиком, то самим аввой. Многие иноки, как видно из житий Дамиана Целебника, Никиты Затворника, Григория Чудотвор-

ца, Николы Святоши и других, имели келейные библиотеки, которые создавали собственным трудом, переписывая книги или меняя на них изделия своих рук. В обители царило почтительное отношение к книге, что, кстати, культивировал и Студийский устав, предписывавший монахам неопустительное посещение читальни и тщание к изучению творений отцов Церкви.

Являясь признанным центром книжности и летописания, Печерская обитель обладала обширной библиотекой, составленной как из греческих рукописей, принесенных из Константинополя и Афона преподобными Антонием, Ефремом и Варлаамом, так и из книг, переписанных из лучших книжных собраний страны черноризцами Иларионом, Никоном и другими иноками, при участии самого аввы Феодосия, о чем повествуют многие исторические источники, воссоздавая картину кропотливого собирания в обители памятников богословия, хронографии, литературы и науки. Здесь осуществлялся перевод византийских рукописей, что видно на примере приобретения и перевода игуменом Феодосием одной из редакций Студийского устава, полученного им от клириков митрополичьего греческого двора. Располагалась библиотека Печерского монастыря, как и книжное собрание в Софии киевской, «на полатех» — церковных хорах, о чем свидетельствует Патерик, говоря о книгах греческих мастеров, прибывших расписывать Свято-Успенскую Печерскую церковь, что они «на полатех блюдомы». Большую фамильную библиотеку Святославичей пожертвовал в монастырь Никола Святоша. Значительную часть лаврского собрания книг составляли пожертвования и других иноков, многие из которых были знатными и просвещенными людьми. Если учесть, что, по подсчетам Б.Сапунова, книжный фонд Руси в домонгольский период составлял 130-140 тысяч томов рукописных книг, то можно получить представление о библиотеке Печерского монастыря — крупнейшем, наряду с Киево-Софийским, собрании книжных сокровищ государства⁶.

Арабский путешественник XVII в. архидиакон Павел Алеппский, посетивший Киево-Печерскую лавру в 1651 г., видел фрагменты знаменитой древней монастырской библиотеки. Ему встречались книги, писанные на пергаменте, возраст которых насчитывал 500 лет.

Вместе с тем монастырь сам сформировался в авторитетный историко-литературный центр, создавая эпические хронографические полотна и духовно-нравственные трактаты.

Патерик Синайский. Киев, конец XI в.

Лествица. Киев, первая половина XII в. Инициал «Н».

«Во главе всех тогдашних писателей... русских стоит митрополит Иларион, как по времени, так и по внутреннему достоинству своих писаний», — пишет владыка Макарий (Булгаков) ⁷. О литературной деятельности святителя Илариона мы можем судить по списку его сочинений середины XV в. (ГИМ. Синод. собр., № 591, л. 203). В этом сборнике, содержащем, кроме творений Илариона, также Историческую палею, «Откровение» Мефодия Патарского и сочинение о литургии, надписанное именем Григория Богослова, в единственном известном доньше списке находится первоначальная и полная редакция Слова о Законе и Благодати. Профессор МДА протоиерей Александр Васильевич Горский обнаружил и в 1844 г. впервые по этому памятнику опубликовал знаменитое Иларионово «Слово», а также следующие за ним Молитву и Исповедание веры. Ученый убедительно доказал, что цикл этот принадлежит одному автору, назвавшему себя в заключительной приписке: «Аз милостию человеколюбиваго Бога мних и пресвитер Иларион изволением Его от богочестивых епископов священ бых и настолован в велицем и богохранимом граде Кыеве, яко быти в немь митрополиту, пастырю же и учителю. Быша же си в лето 6559, владычествующе благоверному кагану Ярославу сыну Владимиру, аминь». «И эта атрибуция подтверждается древней традицией: в многочисленных списках одно из сочинений этого цикла — Молитва надписана именем митрополита Илариона. А она настолько близка — по своему содержанию и стилю — к Слову о Законе и Благодати, что долгое время считалась заключительной его частью. В настоящее время безусловно принадлежащими митрополиту Илариону считаются: Слово о Законе и Благодати, Молитва и Исповедание веры, переписанное в Синодальном сборнике вслед за символом веры... Кроме перечисленных, в рукописной книжности бытовал еще ряд религиозно-нравоучительных сочинений, надписанных именем «святого Илариона», и в числе их «Слово к брату столпнику», в заголовке которого в качестве автора иногда называется «Иларион, митрополит Киевский». Принадлежность их... перу Илариона еще ждет своего доказательства: до сих пор внимание исследователей привлекает исключительно Слово о Законе и Благодати, а также Молитва Илариона. И объясняется это, конечно, тем, что первое из названных — первое Слово русской литературы — отличается исключительной, первостепенной важностью идейно-политического содержания и совершенством формы. Поэтому в наши дни Слово о Законе и Благодати привлекает пристальное внимание не только филологов — языковедов и литературоведов, но и историков общественной мысли, философии и эстетики. Основой идейно-политического содержания Слова... является апология Русской земли, влившейся — после принятия Христианства — в семью европейских народов в качестве равноправного ее члена. Слово... превращается в развернутый и восторженный панегирик крестителю Руси, а также его сыну — Ярославу» ⁸. Академик Д.С.Лихачев выдвинул гипотезу о том, что Иларион был причастен к летописанию, участвуя в создании т. наз. Сказания о распро-

странении Христианства на Руси — одного из источников начальной русской летописи ⁹.

Не чужд писательского дара был, как предполагают, и преподобный Антоний Печерский. Несколько древних произведений дидактического характера, а также перевод жития святителя Григория, епископа Омиритского († 552), приписывают «святому Онтонию, игумену Печерскому, что в Кыеве» ¹⁰.

В монастыре творил один из первых летописцев Руси — преподобный Никон. А.Шахматов выдвинул гипотезу о том, что Никон является автором летописного свода, составленного около 1073 г. Исследователь, наблюдая характер летописных статей, отметил их соотнесенность с данными биографии книжника и нашел, что, например, киевские события излагаются в летописи с позиций очевидца в годы, когда Никон пребывал в Кыеве, а события в Тмутаракани — в годы его тмутараканской ссылки. Исследования привели ученых к выводу, что гипотетически восстанавливаемый свод 1073 г. является продолжением древнейшего свода 1037 г., который Д.С.Лихачев условно называл Сказанием о распространении Христианства на Руси ¹¹. По этой гипотезе, Никон придал хронологическим записям форму погодных статей, став, т. обр., создателем присущей именно древнерусской историографии погодной структуры летописания.

Когда же Никон начал работу над летописным сводом? По одной из версий — в 1067 г., после окончания дипломатической черниговско-тмутараканской миссии и возвращения в Печерский монастырь ¹². Через шесть лет работа была почти завершена. Однако события марта 1073 г., когда обострилась междоусобная борьба за киевский трон между Ярославичами, заставили Никона вновь покинуть печерское братство: «Великий же Никонь, видевь таково смятеніе въ князях сущих, отъиде с двема черноризцема въ преже реченый островъ, идеже бе манастырь съставивь». Два спутника Никона могли быть не только его келейниками, но и сподвижниками в деле книгописания. Наверняка они продолжили традиции книготворчества и в далекой тмутараканской земле. О том, что записи Никона прервались весной или летом 1073 г., говорит то обстоятельство, что в летописи ничего не сказано о смерти святого Антония, который преставился в начале июля. Исходя из этого, можно конкретизировать время ухода Никона из Кыева и прекращения работы над сводом. Это апрель-июнь 1073 г. Вдали от родины книжник не прекращал исторических исследований. Не исключена возможность, что там он собирал дополнительный материал.

Тмутаракань и ранее много дала ему в деле воссоздания исторического полотна Руси X — первой половины XI вв. Большую пользу принесло ему общение с находившимся здесь с 1064 г. воеводой Вышатой, свидетелем многих ключевых событий в жизни государства. Под влиянием рассказов Вышаты родились новгородские предания о призвании на Русь варягов и др., рассказ о войне Кыева с Царьградом в 1043 г. По мнению Д.Лихачева, Никон впервые изложил «варяжскую» легенду, высказав предположе-

ние, что князь Игорь был сыном Рюрика, «призванного» новгородцами. «Возможно, Никон ввел в летопись версию о крещении Владимира Святославича не в Киеве, а в Корсуни (Херсонесе), легенду о том, как Ольга перехитрила греческого императора, рассказ об основании Киево-Печерского монастыря»¹³. Став в 1078 г. настоятелем Печерской обители, преподобный Никон из-за многопопечительной игуменской должности уже не мог сам вести летописные записи. Да и строительство собора отнимало очень много времени. Однако именно теперь открывался широкий простор для его культурологических начинаний. За десять лет Никонова игуменства в обители были созданы иконописная и мозаичная мастерские, полностью окончен интерьер собора, с новой силой заработал скрипторий. По благословию просвещенного игумена Нестор написал «Чтение о Борисе и Глебе», Житие преподобного Феодосия Печерского. Именно при Никоне расцвели таланты Нестора, Алипия, Иоанна — преемника старца на поприще игуменства и летописания, и других. «Трудно сомневаться в том, чтобы летописный труд, предпринятый святою обителью, не стал под непосредственное заведование Никона. Никон мог сделаться главным редактором летописи, ему же мы вправе приписать некоторые вставки, сделанные в переписанный им, или под его наблюдением, Древнейший летописный свод, который лег в основание дальнейшего летописания Киево-Печерского монастыря»¹⁴.

Роль Никона в летописании огромна. Он не только продолжил древние летописные своды, но и глубоко переработал саму концепцию государственной идеи. Характер-

ным для работы Никона было то, что, пользуясь историческим материалом, он записывал и свои собственные наблюдения. «Безусловно, никто кроме него не мог внести такие подробности из истории Тмутаракани, как, напр., рассказ о борьбе за княжение между Ростиславом Владимировичем и Глебом Святославичем, или рассказ об отравлении князя Ростислава греческим наместником. Пользуясь местным материалом, он внес запись про двоеборство Мстислава с Редедей. К слову, эпизод этот позднее был использован автором «Слова о полку Игореве». Наверное, с тмутараканским периодом жизни Никона связана и запись о сборе дани с полян хозарами, а также рассказ о доблестном Мстиславе и его смерти. Не вызывает сомнений и то, что Корсунскую легенду Никон мог записать именно в Тмутаракани, географически связанной с причерноморским краем. В ней нашли место и подробности о самом городе Корсуни и исторические известия о пребывании в нем Киевского князя Владимира Святославича. Никон ввел в летопись череду рассказов о первых русских князьях, о принятии Ольгой Христианства, походах на Царьград. Скорее всего, Никон пользовался и болгарскими источниками, что дало ему возможность описать события прошлых лет, связанные с борьбой русичей против болгар и греков. Этот материал Никон мог получить от инока-болгарина из монастыря Мины... Вот почему в летописи так подробно и красочно рассказывалось о походах русских князей против Византии и ничего не сообщалось о походах на восток и юго-восток к берегам Каспийского моря, о которых мы знаем из других источников. Судьба свела Никона с сыном воеводы Вышаты княжеским дружинником Янем, который вместе с черниговским князем Святославом победил Изяслава и водворился в Киеве, где в 80-х гг. стал тысяцким. Безусловно, рассказы Яня и еще ранее самого Вышаты пригодились летописцу для его исторического труда. Пребывание Никона в Киеве отразилось на летописи — он описывает восстание киевлян 1068 г., обличает княжескую междоусобицу. Интересно, что события 1062-1066 гг. в его сочинении отсутствуют, вероятно, потому, что в это время Никона в Киеве не было. Это наводит на мысль, что летописец помещает лишь тот материал, который считает проверенным и важным. В этом и есть заслуга Никона как историка. По мысли Д.С.Лихачева, Никон «дал не только церковную историю Руси, но и ее светскую историю», в то время как сам являлся церковным деятелем. ...Общность идейных направлений в произведениях Илариона и Никона дала повод некоторым исследователям считать, что после оставления митрополичьей кафедры в Киеве Иларион принял схиму под именем Никона в Печерском монастыре... «Слово» Илариона и Печерская летопись Никона написаны явно разными авторами. Хотя в них есть и созвучные места, произведения отличаются по форме, стилю, своему предназначению... Понятно, что Никон и Иларион пребывали в Печерском монастыре одновременно. И если бы это было одно и то же лицо, то Патерик... должен был об этом рассказать... Посему не будем окрадывать свою историю. Ведь

Преподобный Никон. Из Патерика 1702 г.

много было на Руси книжников и летописцев, но не все имена сохранились, а те, которые нам оставила история, надо изучать и помнить. В связи с этим не следует отождествлять такие выдающиеся личности, как митрополит Иларион и печерский игумен Никон Великий»¹⁵.

Никон выступал не только как бытописатель, но и как вдумчивый аналитик. Исследователь древнего Киева ученый М.Каргер пишет: «Ему — скромному печерскому летописцу — наша историческая наука обязана замечательной по своей целостности и правдивости реконструкцией облика древнейшего города, который для самого летописца был далеким историческим прошлым»¹⁶.

Вскоре после преставления преподобного Антония в Печерской обители было создано его Житие. Академик А.Шахматов считает, что оно написано в 1073 г. Его автором также мог быть Никон — один из первых и самых любимых учеников афонского старца, свидетель его подвигов и хранитель наставлений. Знаменательно, что в этом произведении впервые появились жизнеописания и других подвижников печерских, «аще и вкратце реченна»: преподобных Моисея Угриня, Дамиана, Иеремии, Матфея, Исаакия, Агапита. Труд Никона уже тогда создавался по законам патерикового жанра, был агиографическим сборником, послужив важным источником для всех последующих житийных творений писателей-печерян. По сути, это была первая попытка создания Киево-Печерского Патерика. Впоследствии в агиографический свод печерского монастыря Основной и последующих (Кассиановской и др.) редакций вошли сведения из этого памятника о пострижении преподобным Антонием пресвитера Илариона — будущего Киевского митрополита, сказания о Евстратии Постнике, Моисее Угрине, о чуде при закладке Свято-Успенского собора, о «варяжской» пещере и др. Патерик испещрен ссылками на несохранившееся Житие Антония, — некоторые авторы пишут, что сами его «чли»¹⁷. Создав Житие учителя и наставника, Никон, наряду со своим сподвижником и постриженником Иларионом, стал основателем отечественного агиографического жанра. Вообще роль Никона как писателя, идеолога, культурного деятеля очень велика. Он всегда находился в тени таких светил, как преподобные Антоний, Феодосий, Нестор, святитель Иларион, хотя внес в культуру Древней Руси не меньший вклад. Именно он был основателем знаменитого лаврского скриптория, объединив в деле создания книг наиболее талантливых черноризцев во главе с игуменом Феодосием: «Многажды же великому Никону... строашу книги, и блаженому въскрай его сидящу и прядущу вервие еже на потребу таковому делу». При нем начали функционировать в обители различные творческие мастерские. Он взрастил уникальный талант Алипия иконописца. Он довел до конца строительство шедевра древнерусской архитектуры — Свято-Успенского собора Печерской обители.

Влияние Никона распространялось не только на культуру. Он являлся, наряду с преподобным Антонием, первым идеологом исихазма на Руси, теоретизируя наследие аввы и облакая его в форму дидактических трактатов. Со-

временные исследователи доказали принадлежность его перу нескольких древнерусских сочинений нравственно-аскетического характера¹⁸. Можно смело сказать, что Никон Великий являлся в какой-то степени учителем самого преподобного Феодосия, принявшего от его рук монашеский постриг. Придя в обитель несмелым юношей, Феодосий всего через несколько лет проявляет блестящие богословские, философские, литературные дарования, позволяющие называть его одним из образованнейших людей своего времени. Столь фундаментальный базис ему мог дать в то время только преподобный Никон. Теплую братскую дружбу и теснейшее единодушие эти два великих человека сохраняли всю свою жизнь.

Наконец, именно Никон воспитал «от младых ногтей» гениальный писательский талант Нестора Летописца, первые труды которого появились в период его настоятельства. Нестор испытал очень сильное влияние Никона как интерпретатора истории, получив от него, вероятно, саму идею «Повести временных лет». «Бесспорно доказано авторство преподобного в отношении летописного текста «Повести временных лет» 1055-1073 гг. Никону принадлежат и многочисленные предыдущие рассказы... Заслуга Никона в том, что он первый создал систематическое изложение... истории»¹⁹.

В Печерском монастыре жил другой известный писатель XI века — Иаков мних, тот самый, которого преподобный Феодосий, ценя за высокую образованность и красноречие, благословил перед смертью на игуменство, ибо по Студийскому уставу игумен обязан поучать братию и быть весьма сведущим в писаниях. «По-видимому, к 1074 году, когда Феодосий рекомендовал Иакова на свое место, главные сочинения пришельца «с Лытца» были достаточно хорошо известны»²⁰. Иаков создал такие знаменитые произведения, как «Память и похвала князю русскому Владимиру» и «Сказание о Борисе и Глебе»²¹. Творчески переработав текст древнего жития князя Владимира, Иаков интерпретировал событие крещения Руси с патриотических позиций, высказав отличавшуюся от официальной версии греческого митрополичьего двора точку зрения на обстоятельства крещения и роль в них равноапостольного князя. Здесь писатель солидарен со святителем Иларионом и его концепцией богоизбранничества Руси. В «Похвале» князю Владимиру ощущается сильное влияние «Слова о Законе и Благодати». В житийной части Иаков использовал летописный рассказ древнейшего свода 1039 г.

Опираясь на свидетельства черноризца Иакова, наука подвергла сомнению достоверность официального летописного варианта. «Память и похвала Владимиру» монаха Иакова есть... драгоценный для нас исторический памятник... Она сообщает нам новое, величайшей важности известие, что Владимир ходил на Корсунь не перед крещением и не для него, а на четвертый год после него и, следовательно, для других причин. Наконец, ее хронологические указания... имеют свое очень важное значение», — пишет академик Е.Голубинский²².

Другое не менее знаменитое творение Иакова — «Сказание страстей и похвала объ убьении святыю мученику Бориса и Глеба». В нем он повествует о мученической кончине святых братьев, погребении их в Вышгороде и чудесах от их святых мощей. В нем помещена высокопоэтическая «Похвала» страстотерпцам. Оно также содержит немало ценнейших исторических сведений о той эпохе, является источником многих гипотез, альтернативных официальной летописи. Это произведение печерского писателя «служило одним из любимейших чтений для наших предков, как свидетельствуют многочисленные списки, доселе сохранившиеся»²³.

Н.Ильин пишет, что Сказание «несомненно вышло из стен Киево-Печерского монастыря, прошло через редакцию Феодосия, если только не составлялось по его указаниям»²⁴. Гипотезу Ильина о создании Сказания в стенах Киево-Печерского монастыря поддерживает А.В.Поппэ²⁵.

Иаков мних известен также своей перепиской с Киевским митрополитом Иоанном II (1077-1089). О высоком авторитете черноризца говорит тот факт, что великий князь Изяслав избрал его своим духовником. Сохранилось нравоучительное послание «некоего отца к духовному сыну» — великому князю Димитрию, как в святом крещении именовался Изяслав, подписанное «многрешным чернцом Иаковом», в котором некоторые исследователи видят печерского писателя Иакова мниха²⁶.

В летописании также трудился игумен Иоанн. «Около 1095 г. печерский игумен... на основе Никоновского свода 1073 г. составил новый, так называемый Начальный свод. При его подготовке автор использовал также «Житие Антония», корсунскую легенду, княжеский помянник Десятинной церкви, «Паримийник», Новгородский летописный свод, «Палею» и другие источники»²⁷.

Иоанн продолжил дело своего предшественника и учителя Никона Великого. Исследователи предполагают, что Иоанн пользовался в первую очередь Новгородским сводом 1079 г. «Игумен начал свое произведение с описания страшного половецкого опустошения родной земли в 1093 г., когда было убито сотни людей и сотни уведено в плен. Книжник считал причиной этой беды кару за грехи князей и их дружинников... Иоанн осуждает княжескую междоусобицу. Летописец призывает князей жить «в добре», чтобы сподобиться вечной жизни. Он видит в княжеской власти силу, которая должна охранять державу от врагов. Иоанн рассказывает о временах Аскольда и Дира, о Новгороде, откуда были изгнаны варяги и приглашены братья Рюрика... После смерти Рюрика власть перешла к его сыну Игорю, который вместе с воеводой Олегом начал расширять владения. Летописец описывает, как, захватив Смоленск, Рюрик вышел к Днепру и изгнал из Киева Аскольда и Дира... Оставив Корсунскую легенду... летописец изображает князя Владимира как человека языческих наклонностей. ...В 1093 г., после смерти Всеволода, киевский престол занял Святополк Изяславич. Политическая ориентация нового князя отличалась от предыдущей, что сказалось и на отношении к нему Печерского

монастыря. Смелость летописца, обличавшего княжеское сребролюбие и насилие, не прошла мимо внимания князя, и он отправил Иоанна в город Туров. ...Великий Никон и его последователь Иоанн были не только известными церковно-политическими деятелями, но и выдающимися книжниками второй половины XI ст. На основании именно их литературно-исторических произведений... Нестор закончил летопись, которая использовалась многими летописцами последующих поколений. Поэтому, когда идет речь о знаменитой «Повести временных лет», рядом с именем Нестора почетное место должны занять имена печерских игуменов Никона Великого и Иоанна»²⁸.

В творчестве Иоанна впервые проступают этико-дидактические тенденции в интерпретации исторических событий. М.Приселков отметил, что Иоанн «впервые предложил своеобразное построение прошлой истории Русской земли, а в построении этом он видел не удовлетворение исторической любознательности, а научение современникам от прошлого»²⁹. При игумене Иоанне авторитет монастыря значительно возрос. Важнейшие его деяния — освящение в 1089 г. Свято-Успенского собора, перенесение в 1091 г. мощей преподобного Феодосия, организация помощи бедноте в период «соляной» блокады Киева. Эти громкие события как бы отодвинули на задний план составление Начального свода, что стало, однако, не менее весомым событием в жизни страны. Исследователи Древней Руси — А.Шахматов, М.Приселков, Б.Рыбаков и другие единодушны в высокой оценке исторического труда игумена Иоанна³⁰.

Писателем был, по мнению ученого XIX в. архимандрита Леонида, и ученик преподобного Антония Ефрем, титулярный митрополит Переяславля Южного, впоследствии местоблюститель Киевского престола. Проживая некоторое время в Константинополе «в едином монастыри», Ефрем по благословиению аввы перевел с греческого и переписал Студийский устав для новосозданной пещерной кинувии. Не будет смелым предположить, что наряду со списком устава Ефрем переводил для лавры и другие святоотеческие творения. Здесь, в Царьграде, вдали от родной обители, воспитанник старца Антония мог написать и его житие (о чем мы уже говорили выше), не только и не столько ностальгируя, сколько, может быть, стремясь распространить в Византии опыт русской аскезы. Позднее Ефрем вернулся на родину и, будучи высокообразованным, знатного происхождения человеком, привлек к себе внимание священноначалия. Грекофил, он был благосклонно принят греческим митрополичьим двором и возведен на одну из важнейших кафедр — титулярную митрополию Переяславля Южного. В статье 1089 г. «Повести временных лет» рассказывается об активной строительной и благотворительной деятельности святителя Ефрема, описывается его внешность: «Бе скопец, высок телом». В статье 1091 г. упоминается участие Ефрема в перенесении мощей преподобного Феодосия, причем он назван первым среди иерархов (Киевская кафедра, в связи со смертью митрополита Иоанна III, была тогда вдовствующей). Несмотря на скудость данных о Ефреме, архимандрит

рит Леонид считал его автором цикла сочинений, посвященных архиепископу Николаю Мирликийскому, одному из наиболее почитаемых на Руси святых. В этот цикл входят «Житие и деяние иже во святых отца нашего Николы архиепископа Мирликийского, чудотворца и заступника роду христианского» (начинающееся: «Во дни прежняя благоволи Бог възскати писания...») и Сказание о его посмертных чудесах: «Чудеса и деяния иже во святых отца нашего Николы» (начинающееся: «Добро бо есть нам Божие писание к вам проповедати...»). Некоторые из чудес, по предположению архимандрита Леонида, были написаны самим Ефремом, в то время как Житие и Сказание он перевел с греческого³¹. Сделать это Ефрем мог по просьбе старцев Печерской обители для вклада в монастырскую библиотеку, как он ранее сделал это со Студийским уставом.

Почитание святителя Николая на Руси носило повсеместный характер. Рядом с Киево-Печерским монастырем функционировал женский монастырь в честь Николая Чудотворца, в котором приняла пострижение мать преподобного Феодосия. В Киево-Софийском соборе, по аналогии с Константинопольским Софийским собором, было настенное изображение угодника. Здесь же находилась и китная икона чудотворца, широко прославившаяся в конце XI в. после чуда с киевским младенцем, утопшим в Днепре и спасенным святым Николаем — мокрого, но живого и невредимого ребенка неожиданно обрели у подножия этого образа. Произошло это, по промыслу Божию, во время перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бар: «Слышав же о чудесах великого архиерея и чудотворца Николы, бывших во времена та в Барстем граде, егда пренесены честныя его мощи тамо из Мир; к тому же и во граде Киеве во оны же дни — чудо той великий отец сотвори: утопшее отроча пред образом своим в церкви святыя Софии обрести дарова, мокроте водней от него истекающей»³².

Житие разделено на 40 глав. В 33-й главе описывается чудо святителя Николая, совершившееся в Царьграде при патриархе Михаиле Керуллари (1043-1059), в 34-й главе помещен рассказ о чуде во времена императора Константина (неизвестно — Мономаха, 1042-1055, или Дуки, 1059-1067). Архимандрит Леонид считает, что Ефрем Каженик проживал в Царьграде с 1055 по 1082 г. В 40-й главе составитель повествует о киевском чуде, соотнося его с событием перенесения мощей святителя в Бар. Перенесение это состоялось в конце 1090-х гг. Ефрем к тому времени уже вернулся в Киев — летопись под 1089 г. говорит о нем уже как об архиерее. Знаменательно, что еще одно чудо святителя Николая на Руси, происшедшее в княжение того же великого князя Всеволода I Ярославича (чудо над женщиной из Дорогобужа), зафиксировано в борисоглебских Сказаниях Иакова мниха и Нестора Летописца³³. В конце XI — начале XII в. в Киево-Печерском монастыре преподобным Григорием, творцом канонов, был составлен канон на перенесение мощей святителя Николая³⁴.

Именно Печерский монастырь стоял у истоков древнерусской литературы, ядром которой была, конечно же,

агиография. Персонифицируя народный образ святости, писатели-печеряне заложили фундамент отечественной этической мысли, способствовали воспитанию многих поколений русичей в идеалах христианской нравственности. Их задачей, по выражению В.Ключевского, было «представить в биографических чертах моральные парадигмы»³⁵.

Велика богословская ценность их трудов. Она тем более очевидна, что опиралась на личный опыт подвижничества и Богоуподобления благоговейных авторов, многие из которых сами впоследствии были прославлены Церковью в лике святых.

Автором целого ряда богословско-полюемических, дидактических и аскетических трудов был преподобный Феодосий Печерский.

Преподобному Феодосию приписывалось более двадцати произведений, «однако с достаточным основанием можно считать его автором двух посланий, восьми поучений и одной молитвы»³⁶. О популярности творчества печерского игумена можно судить как по большой распространенности его произведений, так и по фактам их проникновения в литературу славянских стран. Прежде всего следует отметить нравственно-аскетические трактаты преподобного, облеченные в форму синаксарных «оглашений» и предназначенные для произношения на великопостных богослужениях.

В церковной практике Византии такой вид богослужбной гомилетики использовался довольно часто, особенно в монастырях, что видно из истории константинопольской Студийской обители. Например, Оглашения преподобного Феодора Студита были широко известны в православном мире и, конечно же, на Руси³⁷. Феодосий Печерский избрал их ориентиром в своей проповеднической деятельности. Знаменательно, что в древнерусской книжной среде ходили списки поучений Феодосия Печерского, надписанные именем Феодора Студита, древнейший из которых восходит к середине XV в. (РГБ. Собр. Румянцева, № 406).

Большинство исследователей относят к творчеству святого Феодосия поучения «о терпении и о любви», «о терпении и о любви и о посте», «о терпении и о милостыне», «о терпении и о смирении», «о хождении к церкви и о молитве», «о душевной ползе» (начинающееся: «Аз грешный и ленивый, погребый свой талант в земли...»), «о душевной ползе» (начинающееся: «Тем убо аз ныне дръзнух се писати вам...») и Слово «к келарю». Пять из них входят в вышеупомянутый пергаменный сборник XV в., а также читаются в более поздних списках. «Поучение к келарю» обнаружено в сборнике XIV в. (РНБ. Соф. собр., № 1262), других списках XIV-XV вв.³⁸.

Поучения святого Феодосия — это глубокие и эмоциональные пастырские воззвания к иночествующим, сохраняющие свою актуальность и для современного монашества. Преподобный напоминал братии о высоком предназначении иноческого служения и призывал к неустанной борьбе с греховностью плоти.

Преподобному Феодосию не были чужды и общественные проблемы. Он всем сердцем откликнулся на беды и

нужды людей, радел о повышении их нравственности, простым и понятным словом стремясь пробудить христианское самосознание народа. Известны два поучения его к мирянам. Одно из них — «О казнях Божиих» — было написано, вероятно, по случаю бесславного поражения русских войск на р. Альте в 1068 г.³⁹ В нем Феодосий обличает соотечественников, подвергшихся наказанию Божию, в нечестии и призывает их к покаянию.

В противовес расширившейся пропаганде инославия он пишет сочинение «О вере варяжской», которое адресует великому князю Изяславу⁴⁰. В период бурной активизации папской политики на восточнославянских землях послание преподобного Феодосия было весьма своевременным и отражало позицию всей полноты Православия⁴¹. В этом послании преподобный предостерегает верховную власть от пренебрежения к родной вере и призывает укреплять с помощью святой Православной Церкви духовность народа. В другом послании к Изяславу, в ответ на его «вопросание» о праздновании «недели» и соблюдении поста в среду и пятницу, печерский игумен поучает князя хранить каноны Церкви, соблюдать постные дни и умножать благочестие⁴².

Преподобный Нестор свидетельствует о существовании нескольких, не дошедших до наших дней, посланий Феодосия Печерского к князю Святославу. В одном из них, «великом зело», Феодосий грозно обличает князя за нарушение крестной присяги и изгнание Изяслава, родного брата, с киевского престола. Это послание имело большой общественный резонанс и вызвало яростный гнев князя, намеревавшегося бросить Феодосия в темницу. Лишь авторитет печерского настоятеля в народе охладил злобу Святослава, вспомнившего, вероятно, о последствиях изгнания своим предшественником преподобного Антония в 1069 году⁴³. Это говорит о силе бескомпромиссного и правдивого слова Феодосия, что позволило историографам назвать смиренного печерского игумена крупнейшим идеологом XI века.

Преподобный Феодосий был также творцом церковных молитвословий. Одно из них доньяне, хоть и в несколько измененном виде, употребляется в Церкви. Это разрешительная молитва*, которая вкладывается в руки усопших. Написал ее преподобный по просьбе своего духовного сына — варяга Шимона. Епископ Владимиро-Суздальский Симон, живший в XIII в., уже тогда отмечал ее общецерковное употребление. Другая молитва сохранилась в харатейной Псалтири 1296 г. под заглавием: «Молитва святого Феодосия Печерскаго за вся христианы»⁴⁴. В ней святой угодник возносит Богу прошение за весь род человеческий, призывая предстательство Пресвятой Богородицы.

Преподобный Нестор в «Житии Феодосия» приводит его молитву за Печерскую обитель и ее иноков:

«Владыко, яко Ты еси нас совокупил в место сие, и аще угодно есть святей Твоей милости еже жити нам в

нем, буди нам помощник и податель всех благ. Се бо во имя Святыя Матере Твоея вознаграден высть дом сей, мы же в Твое имя собранн. И Ты, Господи, соблюди нас и сохрани от всякого совета лукаваго врага и сподоби нас получити вечную жизнь, присно же влагай в сердца наша страх Твой, яко да наследим благая оная, яже уготована преподобным»⁴⁵.

Автором многих церковных молитв и канонов был печерский инок Григорий, живший в конце XI — начале XII века. Его имя упоминает Поликарп в житии Никиты Затворника. «В иноке Григории определяется большой художник, по существу поэт духовный, берущий воспоемое им событие с широких духовных позиций, проводящий глубокие параллели, которых он не страшится, с событиями и именами великих святых Нового и Ветхого Заветов. Преподобный Григорий проявляет себя как зрелый богослов, являющийся провозвестником величия своей родины. Не случайно, по-видимому, при жизни еще снискал он имя «творца канонов». Это — большой поэт, владевший свободно церковнославянской речью, пластично и образно выражающий высоту христианского учения, глубоко и правильно оценивающий период Киевской Руси, ее историю, ее великих деятелей и подвижников»⁴⁶.

Филарет, архиепископ Черниговский, известный церковный историк XIX века, называет Григория преподобным и относит к его творчеству службы равноапостольному князю Владимиру и преподобному Феодосию Печерскому. Когда в 1095 г. на Руси был установлен праздник в честь перенесения мощей святителя Николая, вскоре возникла служба в честь этого события. Е. Голубинский с большой долей вероятности относит ее к авторству печерского песнопевца. Архиепископ Филарет допускает, что иноку Григорию принадлежит и канон великомученику Георгию на 26 ноября⁴⁷.

Некоторые исследователи приписывают ему канон на перенесение мощей святых Бориса и Глеба. К сожалению, имя преподобного Григория в рукописях нигде не упоминается, а время составления отдельных канонов вызывает споры исследователей. Так, служба князю Владимиру имеет три редакции разных эпох. Списки службы на перенесение мощей Бориса и Глеба встречаются с XV в., старший список службы на перенесение мощей святителя Николая был найден в Обиходе церковном первой половины XIV в. Следы протографов в данной ситуации найти практически невозможно. Гораздо лучше обстоит дело со службой преподобному Феодосию Печерскому. Она читается уже с XII в. в стихирах (РНБ. Соф. собр., № 384, 1156-1173 гг.; № 96, XII в.), Минее месячной (ГИМ. Синод. собр., № 166, XII в.) и других сборниках⁴⁸.

Охватывая эпоху домонгольского периода, скажем еще о нескольких самобытных писателях-печерянах. Это черноризец Феодос Грек, печерский настоятель с 1142 по 1156 г., автор перевода послания папы Льва к Констан-

* «Так называется молитва, священником читаемая в конце последования над телом усопшего. В ней испрашивается разрешение, т. е. прошение грехов, соделанных усопшим. Обычай этот начался от времен Феодосия Печерского, вложившего разрешительную грамоту в руки варяжского князя Шимона» (Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. С. 539-540).

тинопольскому патриарху Флавиану и, как полагают некоторые исследователи, создатель «Феодосьева поучения». Он был влиятельной фигурой в церковных кругах Киева, дружил с киевским митрополитом Михаилом, тесно сотрудничал с Николой Святошей. На него, как авторитетного канониста, ссылался святитель Новгородский Нифонт⁴⁹.

Новгородский архиепископ Нифонт († 1156), печерский постриженник, был выдающимся деятелем XII века. «Он оставил значительное творческое наследие. В.Н.Татищев считал, что Нифонт продолжил летопись Нестора, над которой работал также игумен киевского Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестр... Евгений Болховитинов также считал Нифонта летописцем и полагал, что он продолжил работу Нестора и Сильвестра после 1116 г.»⁵⁰. Святитель Нифонт сильно пострадал от великокняжеской власти, борясь с антиканоническим назначением Изяславом II на митрополичий престол Климасмолятича. По предположению Д.Лихачева, Нифонт был инициатором составления в 1136 г. Софийского временника — новгородской летописи с антикняжеской направленностью. Именно поэтому при создании новгородского свода «Повесть временных лет», с которой начинался предшествовавший «временнику» княжеский свод Всеволода Мстиславича, была заменена Начальным сводом. Нифонт является автором ответов на «Вопрошание» Кирика Новгородца, диакона и доместика новгородского Антониева монастыря, создателя математического трактата и канонических вопросов («Вопрошание Кирика, иже воспроси епископа Нифонта и инех», 1136 г.). По характеру общения архипастыря с Кириком явствует, что сей ученый муж, один из первых математиков Руси, был духовным сыном и учеником Нифонта. Ответы святителя адекватны и глубоко мудры. Годы правления архипастыря в Новгороде стали периодом культурного расцвета⁵¹.

Летописцем был и киево-печерский архимандрит Поликарп (1164-1182), выдающийся церковно-политический деятель XII века. Б.А.Рыбаков доказал его авторство в отношении свода 1141-1171 гг.⁵²

Автором описания паломничества на Афон был архимандрит Киево-Печерского монастыря Досифей († 1219), совершивший путешествие на святую Гору в первой четверти XIII века. Его труд носил форму ответов на вопросы об Афоне и жизни святогорцев. Архимандрит Досифей пристально изучал устав и обычаи афонских иноков, весь уклад святогорской жизни. Он оставил подробное описание всего, что видел. К сожалению, из его труда сохранился лишь небольшой отрывок. Досифей пишет: «Послушники живут по воле и благословию старца. А братья, живущие отдельно по своим келиям, держат... такое правило: прочитывают половину Псалтири и по шестьсот молитв «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Сверх того полагают от трех до пяти сот поклонов. Но всякий час, ходя, лежа и делая рукоделие, беспрестанно говорят с воздыханием сердечным: «Господи Иисусе Христе!» Не умеющие грамоте совершают семь тысяч молитв

Иисусовых, кроме поклонов и церковного правила. Святогорцы держат молчание и бегают молвы. Всякому брату надобно в келье иметь иконостас или крест и пред ним совершать условленное правило. Не умеющий читать должен служить рукоделием, повиновением к службе с отсечением своей воли»⁵³. Кроме того, «преподобный Досифей... принес с Афона чин пения двенадцати псалмов»⁵⁴. Кальнофойский в «Тератургиме» свидетельствует о нетлении мощей архимандрита Досифея.

Путешествие лаврского настоятеля на Афон является еще одним важным свидетельством того, что связь Печерской обители со Святой Горой всегда была очень тесной и приносила богатые духовные плоды.

Паломничество к святым местам Востока считалось на Руси одним из важных духовных подвигов. В те времена наши соотечественники довольно часто посещали Царьград, Афон, Иерусалим. Среди пилигримов было немало печерян. Это преподобные Антоний, Ефрем, Варлаам, да и святой Феодосий в юности едва не стал паломником — ему помешала мать, вернувшая отрока с полдороги. Впечатления от посещения всемирных святынь Православия записывались в «Хождения» — красочные повествования об увиденном и услышанном. Автором древнейшего русского Хождения был игумен одного из черниговских монастырей Даниил, посетивший в начале XII в. Палестину. «По косвенным данным можно полагать, что Даниил был постриженником Киево-Печерского монастыря, а затем игуменом какого-то монастыря на Черниговской земле. Возможно, он возглавлял небольшую группу русских паломников. По пути из Руси Даниил останавливался в Константинополе, Эфесе, на острове Кипр. В самой Палестине он провел 16 месяцев, жил в монастыре святого Саввы под Иерусалимом, побывал в... Иерихоне, Вифлееме, Галилее, на Тивериадском озере. Подробные описания святых мест превратили «Хождение» Даниила в ценнейший источник сведений для последующих паломников. ...«Житие и хождение» Даниила получило широкое распространение в древнерусской письменности; известно более ста списков его начиная с XV в.»⁵⁵.

Такое созвездие талантливых и самобытных авторов говорит о сосредоточении в Печерской обители лучших интеллектуально-творческих сил страны, о создании в ней мощного гуманитарного центра.

Именно на этой плодородной почве смог возрасти прекрасный «Луг духовный», наполненный цветами дивной красоты и райского благолепия. Это — Киево-Печерский Патерик, удивительный памятник нашей старины. Несколько веков создавался этот величавый эпос. Начало свое он берет от древней летописи.

Летопись Киевской Руси, вмещавшая хронологию основных государственных событий, очень много времени посвятила Печерской обители, уделяя ей подчас больше внимания, чем всем другим субъектам национальной истории, раскрывая ее как духовную доминанту исторического процесса. Летопись по праву можно назвать отправной точкой Киево-Печерского Патерика — единственного

в агиографическом жанре произведения, столь тесно переплетающегося с хронологией и идеологией становления целого этноса.

Сохранившиеся редакции летописи включают статьи, в которых говорится о том, как возник и получил свое название Печерский монастырь, о пришествии на Русь из Афона святого Антония, о подвигах святителя Киевского Илариона, преподобных Никона, Дамиана, Иеремии, Матфея, Исаакия и других угодников печерских, о событиях, связанных с болезнью и преставлением преподобного Феодосия и с наречением на игуменство Стефана, об обретенных святых мощей преподобного Феодосия и перенесении их в Свято-Успенский собор, о чудесном явлении огненного столпа над обителью и т. д. В летописи помещены сведения, касающиеся основания и постройки Великой монастырской церкви, ее освящения, погребения в ней знатных лиц государства. Здесь повествуется о смерти игумена Никона, почитании князьями монастырских святых, всецерковном торжестве канонизации преподобного Феодосия и др.⁵⁶

Автором многих статей летописи был преподобный Нестор. Этот гениальный древнерусский писатель стал первым собирателем бесценных сведений о жизни и подвигах богоносных печерских отцов.

Преподобный Нестор сподобился поступить в обитель еще при авве Феодосии и быть принятым этим добрым пастырем в его словесное стадо, о чем он сам пишет в летописи под 1051 г.: «Феодосию же живушу въ манастири и правящу добродетельное житіе иночское, и примающу всякого приходящаго к нему, приидох же и азъ к нему, худый и недостойный азъ рабъ Несторъ, и пріять мя, тогда леть ми сушу 17 от рождения моего»⁵⁷. Нестор причисляет себя к духовным чадам и ученикам преподобного Феодосия. «Азъ же грешный и недостойный рабъ его и ученикъ Несторъ»⁵⁸, — пишет он о себе. Печерская обитель стала для юноши школой жизни, преподала ему высокую науку аскезы и обогатила познанием книжной премудрости. Знаменательно, что взрастила этот уникальный талант именно лавра — светоч культуры и просвещения Киевской Руси.

Игумен Стефан сподобил Нестора иноческого пострижения, а вскоре и диаконского сана. Восприняв ангельский образ — монашество, Нестор «с каждым днем усиливал свои подвиги, усугублял добродетели, умерщвляя все плотские страсти»⁵⁹.

Могучий талант и обширная ученость инок-летописца сочетались в нем с необыкновенным смиренномудрием. Он писал о себе: «...не бех достоинъ, грубъ сыи и неразумичень... и не бех учень никоеиждо»⁶⁰. В этом Нестор подражал авве Феодосию, который был для него образцом

подвижничества, а также другому своему наставнику — игумену Никону, под непосредственным руководством которого он приобщился к книжному делу и летописанию.

Но самое главное — молодой черноризец через подражание печерским угодникам приобщился к высотам духа, к святости, пошел по узкому и тесному пути подражания Христу. Вот почему, наверное, свои первые писательские опыты Нестор, больше известный науке как историк, начинал в области агиографии. Этому благоприятствовала особая атмосфера стремления к святости, которая царил в Печерской обители.

В 80-х годах XI столетия, при игумене Никоне, Нестор пишет изумительное по поэтичности и нравственной силе «Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба»⁶¹, в котором пророчески предостерегает о губительности братоубийства и разрушительности удельной междоусобицы и воспекает подвиг князей-страстотерпцев, открывших своей мученической кончиной Мартиролог Святой Руси.

«Чтение о житии» — не просто агиографическое произведение. Это большое историческое полотно, глубоко патристичное по содержанию, совершенно по-новому рассматривающее обстоятельства крещения Руси как акт миропасительного Божественного промысла, предопределенного еще от основания Вселенной. Недаром Нестор начинает «чтение» с отрывков из книги Бытия, повествующих о сотворении мироздания. Совсем иначе, чем в официальной митрополичьей летописной версии, видится Нестору роль в этом событии равноапостольного князя Владимира, который, по концепции печерского летописца, еще до крещения был высоконравственным и праведным человеком, за что и получил, подобно Евстафию Плакиде — глубоко почитаемому в народе персонажу византийской агиографии — сугубую благодать.

Задачей Нестора являлось раскрытие идеала святости христианской души. Мученический подвиг юных братьев Бориса и Глеба вызвал неудержимую волну всеобщего народного почитания, несмотря на сдержанность и осторожность греческого митрополичьего двора. Князья-страстотерпцы стали первыми святыми, канонизованными ново-созданной Церковью Руси. В 1072 году их мощи были торжественно перенесены митрополитом Киевским Георгием, епископами Петром Переяславским и Михаилом Юрьевским в храм, посвященный их имени⁶². Летопись упоминает среди присутствовавших на празднике настоятелей монастырей игумена Печерской обители Феодосия. От него или же от его ученика Стефана Нестор мог узнать все подробности этого события. В Печерской обители весьма почитали подвиг жертвенной любви юных братьев. Об этом говорит как прибытие преподобного Феодосия на праздник перенесения их мощей, так и создание Иаковом пресвитером их «Жития». Стимулировать борисоглебскую тему в творчестве Нестора мог игумен Никон, остро переживший братоубийственную смуту 1073 г., когда младшие Ярославичи восстали на старшего брата и изгнали Изяслава из Киева. Никон тогда, «видя таково смяте-

не въ князех сухих, отъиде... въ... островъ» Тмутаракань. Вот почему Нестор обратился именно к этой теме, волновавшей тогда умы многих русичей.

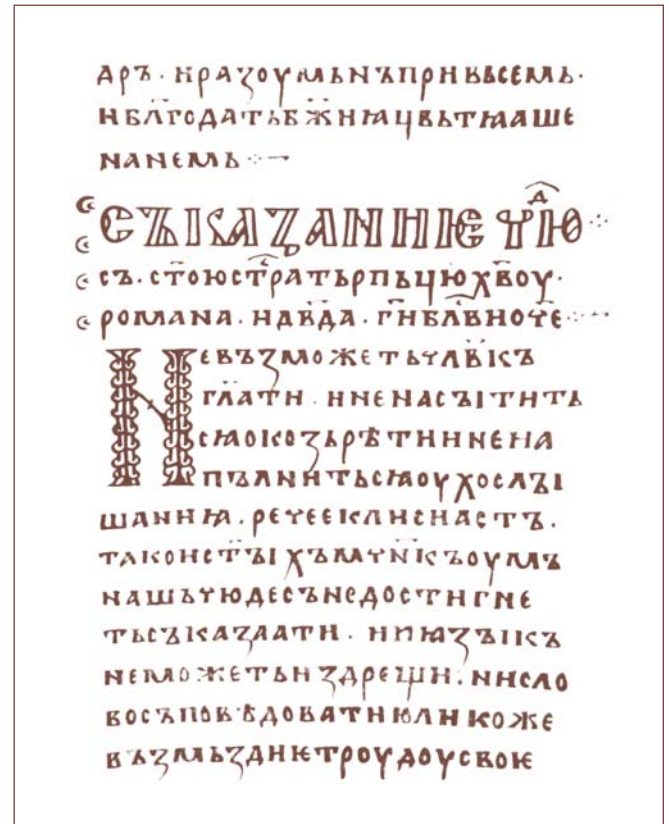
«Чтение о житии» несколько уступает по литературным достоинствам творению красноречивого Иакова. Очевидно, это было первое произведение, вышедшее из-под пера Нестора, «пробный камень» его писательского таланта, хотя уже здесь проступают признаки особого богословско-философского подхода, исследовательской зоркости этого труженика истории, использующего в создании своих полотен глобальные эсхатологические параллели и пропускающего все сквозь призму библейских истин.

Удачный агиографический опыт позволяет Нестору приступить к давно желанной цели — составлению Жития аввы Феодосия⁶⁵. Будучи прекрасно знаком с восточными памятниками агиографии, в частности с житием преподобного Феодосия Великого, Нестор понимал, насколько необходимо создание жизнеописания основателя отечественного монашества преподобного Феодосия Печерского: «...исперва списавшу ми о житіи и убіеніи... Бориса и Глеба, понудихся и на второе исповеданіе... Вспоминающе ми о житіи преподобнаго... не списану ни от кого... печалію въ вся дньи одержим бых и моляхся Богу, да сподобить мя вся по ряду написати о житіи угодника». Осознавая, как велика будет востребованность его труда для нравственно-аскетического воспитания последующих поколений иноков, Нестор пишет: «Да и по нас сущіи черноризци, приимше писаніе и почитающе, и тако видяще мужа доблестъ, въсхвалять Бога и угодника Его прославляюще на подвигъ укрепятся».

Начиная Житие, Нестор прямо сравнивает печерского игумена с отцами первоначального монашества: «Тако бо подражаа святого прьвоначальника черьнечьскому образу великаго Антоніа, близъствене еже своему тезоименитому Феодосію, Ерусалимскому архимандриту». При этом он цитирует Древний Патерик. В летописном рассказе о перенесении мощей преподобного Феодосия Печерского Нестор снова подчеркивает его духовное преемство с древними подвижниками: «Отцемъ наследникъ бьвъ, последовавъ ученью ихъ и нраву ихъ, въздержанію их, и правило ихъ правя. Паче же ревноваше Великому Феодосію нравом и житьем»⁶⁴.

Создавая свой труд, агиограф опирался на жизнеописания святых Антония Великого, Феодосия Великого, Саввы Освященного, Феодора Эдесского, Иоанна Златоуста, Симеона Столпника, Вячеслава и Людмилы чешских, использовал тексты сборника «Лавсаик», Египетского Патерика и других аскетических произведений.

Ориентируясь на общепринятые каноны житийного жанра, Нестор вместе с тем показывает себя добросовестным историком и применяет новаторские агиографические методы. Он «принадлежал к младшему поколению монастырской братии, а потому в основу Жития легли рассказы старших братий. Как и позднее, в работе над «Повестью временных лет», преподобный Нестор отнесся к этим источникам чрезвычайно тщательно: в тексте выде-

Успенский сборник. XII в.

лено происхождение едва ли не каждого приведенного рассказа. Производился, несомненно, и критический отбор источников, на что указывает их немногочисленность»⁶⁵.

Автор проявляет строгий биографический подход, тщательно собирая сведения о детских и юношеских годах Феодосия, для чего общается с теми, кто знал мать Феодосия и помнил ее рассказы, в частности, с иноком Феодором, келарем в Феодосиево игуменство. Это делает труд Нестора уникальным для нашей агиографии, впервые встретившейся с очень интересной темой отроческого становления героя и возрастания его во Христе.

Сведения, полученные от игуменов Стефана и Никона, черноризцев Анастасия, Феодора, Илариона-книжника и других, которых Нестор застал уже маститыми старцами, позволили ему скрупулезно восстановить картину первоначального бытия обители, а также собрать по крупницам драгоценное наследие преподобного Феодосия — его поучения к братии, молитвы, наставления: «Се бо, елико же быша о блаженемъ и велицемъ отъци нашемъ Феодосіи, испытываа слышахъ отъ древнихъ мене отецъ, бывшихъ в то время, тожде исписахъ»⁶⁶. Труд писателя насыщен многими ценными психологическими наблюдениями и бытовыми деталями, помогающими воссоздать сквозь житийный ореол индивидуальные личностные черты игумена Феодосия. Этими дорогами для нас подробностями изобилуют рассказы современников аввы, бережно переданные в «Житии» его составителем. Все это еще раз подчеркивает достоверность труда Нестора, что придает ему большую научно-историческую ценность.

Бог прославил авву Феодосия многими знаменами и чудотворениями, как при жизни, так и после преставления. Нестор, не довольствуясь монастырским преданием,

собирал свидетельства от очевидцев этих чудес — игумена Михайловского монастыря Софрония, воеводы Яня Вышатича и жены его Марии, бояр, княжеских слуг и прихожан, ибо каждое из этих описаний дышит живым чувством сопричастности. Нестор приводит, например, молитву Софрония, вырвавшуюся из восторженного сердца михайловского игумена при виде небесного света, озарившего обитель: «О, колико благостыня Твоя, Господи, яко показаль еси таковъ свѣтильникъ въ мѣсте семъ святемъ, преподобнаго сего мужа, иже, тако светяся, просвѣщаетъ монастырь свой!»⁶⁷.

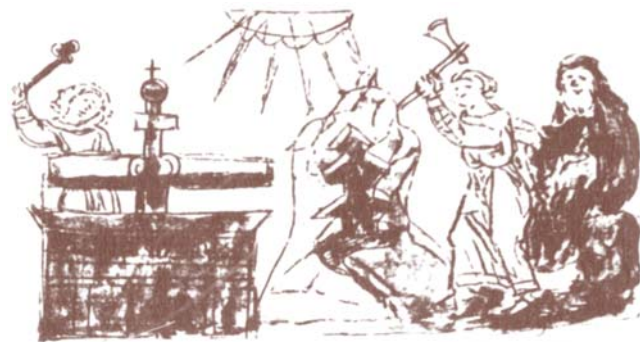
За великую любовь Нестора к блаженному Феодосию Господь сподобил его быть свидетелем обретения драгоценной святости — святых многоцелебных мощей аввы, что произошло спустя 18 лет после преставления преподобного: «В лето 6599 собрашася пречистыя Печерскыя лавры множество иночествующихъ съ наставникомъ игуменомъ — советъ сътвориша еже принести мощи преподобнаго Феодосіа»⁶⁸. Обретение было приурочено к престольному празднику Успения Пресвятой Богородицы. За несколько дней до праздника было приготовлено место в правом приделе и сооружена каменная рака*.

Первым, увидевшим честные мощи, был Нестор. Летописец рассказывает: «Пришел я к игумену, и он мне сказал: «Идем, чадо, к преподобному Феодосию»... Был вторник. Поздним вечером я взял с собою двух братьев и, пришедши к пещере и помолившись, с пением псалмов мы приступили к работе.

Проработав до полуночи, мы не могли найти святых мощей и начали сильно скорбеть и плакать... И затем стали копать с другой стороны. Ударили в било к заутрени, а мы все, не переставая, копаем. Вдруг чувствую, что достиг гроба; великий страх напал на меня, и я начал восклицать: «Господи, помилуй меня ради преподобного Феодосия!» Сейчас же послал к игумену. Когда пришел игумен, я

Преподобный Нестор. Рис. XIX в.

Обретение мощей преподобного Феодосия при первых ударах била. Миниатюра Радзивилловской летописи.

еще прокопал землю, и мы увидели святые мощи, нетленно почивающие. Возложив мощи на одр, мы вынесли их из пещеры»⁶⁹.

Обретение мощей преподобного Феодосия было ознаменовано дивными чудесами. В ту ночь, когда Нестор с братией раскопали погребение святого, многие видели необычайный свет над пещерой Феодосия, распространявшийся до Успенского собора.

Как когда-то Успение Пречистой Богородицы собралось из разных стран апостолов для участия в Ее погребении, так и сейчас, в канун престольного праздника обители, многие ученики и духовные чада преподобного Феодосия сподобились участвовать в торжестве обретения его святых мощей. Среди них был и епископ Владимиро-Волынский Стефан, ближайший ученик Феодосия и преемник его на игуменстве, который в это время по внутреннюю свыше находился в Киеве.

«Блаженный Стефан слышал о благочестивом намерении пещерной братии относительно перенесения священных останков преподобного Феодосия, но не знал, когда именно намеревались они его совершить. Вдруг однажды ночью он увидел лучезарную зарю, сияющую во мраке над пещерой Феодосия. Не медля, сел он на коня и вместе с учеником своим Климентом, кловским игуменом, отправился в Печерскую обитель. Дорогой им показалось, что множество свечей горит около пещеры. Но лишь только успели они приблизиться к ней, как свет прекратился и прежний мрак ночи обьял пещеру. Тогда уразумел Стефан, что это было видение, сподобившее его видеть свет Божественной славы от честных мощей духовного отца и учителя его»⁷⁰.

Свидетелями ночного чуда над Печерским монастырем были многие благочестивые киевляне: «Видеша три столпы, яко дуги зареніи ставше... на верхъ церкви...»⁷¹. Наутро вся столица пришла в движение и люди толпами двинулись к Печерской обители. По изволению свыше прибыло в монастырь и много иерархов: Ефрем из Переяславля, Стефан из Владимира-Волынского, Иоанн из Чернигова, а также владыки Марин Юрьевский и Антоний Поросский. Для участия в торжестве перенесения мощей собрались игумены всех окрестных монастырей с множе-

* Рака — «гробница, особо устрояемое вместилище, куда полагаются мощи усопших праведников» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2, стб. 1948).

Преподобный Стефан. Из Патерика 1702 г.

ством иноков. Иерархи возглавили крестный ход к пещере преподобного, и «при громадном стечении народа, с зажженными свечами и воскурением фимиама торжественно перенесли честные мощи в Великую лаврскую церковь, которая в момент перенесения наполнилась необычайным светом и благоуханием»⁷². Произошло это торжество в канун Успения Пресвятой Богородицы, 14 августа 1091 года, в четверг, в первый час пополудни. «И тако праздноваша светло тот день», — восклицает Нестор.

Народное предание сквозь века сохранило память о перенесении мощей преподобного. Вот что пишет лаврский паломник XIX века: «Подле святых врат доселе существует церковь преподобного Феодосия, некогда деревянная, ныне же каменная, которая сооружена была в память перенесения мощей его из пещеры в лавру, ибо на этом месте остановились с честной ракой иноки для отдохновения и поставили ее на обрубок дерева, хранящийся под престолом храма»⁷³. «В тогданнее время, — пишет другой паломник, — место это было покрыто лесом и гроб преподобного был поставлен на пень одного дерева, который в новоустроенной церкви был оставлен под святым престолом. В 1833 году, при возобновлении нынешней Феодосиевской церкви, под святым престолом действительно был найден большой кубический обрубок... не развалившийся от старости, который по-прежнему был оставлен на своем месте»⁷⁴.

Праздник обретения мощей преподобного и богоносного отца нашего Феодосия стал особым днем на Руси. С

этого момента началось всецерковное поминание праведника. А в 1108 г., при Киевском князе Святополке Изяславиче, по ходатайству печерского игумена Феоктиста и по благословию митрополита Никифора, имя преподобного Феодосия было вписано в синодик — святцы. «Митрополит повелел также во всех епископиях вписать Феодосия в синодик. И все епископы с радостью вписали и поминают его на всех торжественных службах Божиих», — свидетельствует Киевская летопись⁷⁵. Святая Православная Церковь обрела еще одного молитвенника, а Отечество наше — еще одного великого предстателя пред Богом вместе с благоверными равноапостольными князьями Владимиром и Ольгой и страстотерпцами Борисом и Глебом⁷⁶. Празднование памяти преподобного Феодосия совершалось в день его преставления — 3 мая. В некоторых позднейших святцах под 14 августа помещено второе празднование — в день перенесения его мощей. Поминание имени святого Феодосия производилось во всех соборных и кафедральных храмах Киевской митрополии за каждым богослужением во время возглашения литии*⁷⁷.

Вероятно, именно возрастающее церковное и народное почитание преподобного побудило игумена Никона благословить Нестору создать его Житие. К этому подвигло и отсутствие письменных памятников о любимом авве, отчего Нестор «печалю въ вся дньи одержим бых». Через восемь лет после преставления Никона Великого его преемник игумен Иоанн благословил Нестору как ближайшему ученику и сподвижнику в книжническом деле участвовать в раскопках пещерной келии святого (а этой чести мог сподобиться только самый приближенный к настоятелю инок — духовный сын или келейник): «Пришед бо игумен, рече ми: гряди, чадо, въ печеру къ преподобному отцю нашему Феодосию...» Так прослеживается цель побудительных мотивов, приведшая к созданию Феодосиева цикла в творчестве Нестора.

Писатель также поместил пространный рассказ о Феодосии в своем летописном своде. Сведения о преподобном помещены в «Повести временных лет» под 1051, 1073, 1074 гг. В статье под 1091 г. повествуется о перенесении мощей святого. Статья под 1108 г. рассказывает о внесении его имени во всецерковный синодик для поминания «на соборех».

Перенесение мощей преподобного Феодосия. Из Патерика 1661 г.

* Лития — часть всенощного бдения накануне больших праздников в православном церковном богослужении.

Кульминацией агиографического творчества Нестора стала его «Похвала преподобному отцу нашему Феодосию» — возвышенный гимн, исполненный поэтической красоты и боговдохновенности⁷⁸. «Похвала» была написана как Пролог, ибо несет в себе признаки этого жанра. Украшением ее является акафистное* молитвословие в честь святого.

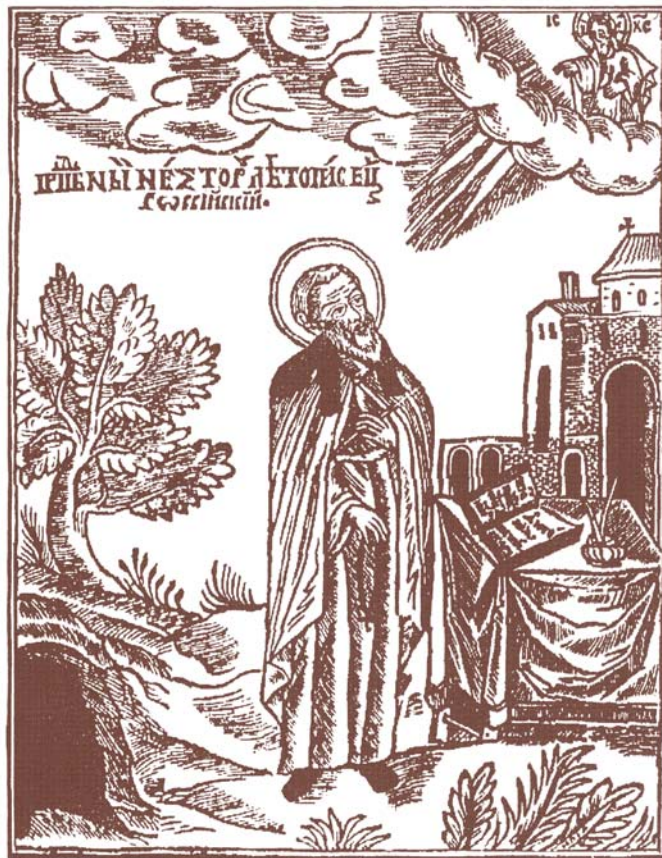
**Радуйся, просвещенне Руския земли,
ибо яко денница всю землю Рускую просвети!
Радуйся, вождю и правителю и наставниче
мнишескому житію!
Радуйся, начальниче и поборниче,
поспешителю и пособниче хотящим спастися!
Радуйся, умноживый стадо словесных овецъ
в дому Божія Матере!
Радуйся, насадителю винограда Христова,
нести въ страны той, ни места, идеже не бысть
Лоза винограда твоего!
Радуйся, дому Пречистыя Матере Божія строителю,
его же созда и величеством украси
и в дар Богородицы принесе!
Радуйся, источнице сладкый!
Радуйся, пастырю и учителю!
Радуйся, столпе огненный! Радуйся,
земный ангеле и небесный человеце,
рабе и слуго Пречистыя Божія Матере!
Радуйся, отче Феодосіе, наша похвала и великолепие!
Лавра твоя хвалитса о тебе, и в концех вселенныя
славно бысть нареченіе ея», —
пишет гимнограф⁷⁹.**

В заключение Нестор в умиленном молитвенном прошении восклицает: «Тем же, о честнаа главо, святыи отче, преподобне Феодосіе, не прогневайса на мя грешнаго, но помози о мне, рабе твоем, да не осудит мене в день пришествія Своего Господь наш... Молиса за нас и за мя, раба твоего Нестора, избавленным нам быти от сети неприязнины, и от противнаго врага съблуди нас твоими молитвами о Христе Иисусе, Господе нашем».

Феномен Житія Феодосія — многосоставного, сложного по конструкции, разнопланового произведения — заключается в том, что автор выступает здесь не только как историк, писатель, проповедник, но и как гимнограф, церковный поэт, наравне с такими известными творцами канонов и песнопевцами, как митрополит Киевский Иоанн I и печерский инок Григорий. Благодаря Нестору в отечественной литературе возникает классически безупречный тип «Житія», в которое органично вплетены исторические, биографические, нравоучительные и гимнографические элементы.

Житие Феодосія Печерского стало заметным событием в духовной жизни страны. Следы его влияния встречаются в агиографической литературе всех последующих веков. Так, заимствования из Житія присутствуют в жизнеописаниях преподобных Авраамія Смоленского (XIII в.), Сергия Радонежского (XV в.) и мн. др.

Богословская глубина, философская масштабность, яркий литературный дар и та Божественная искра, кото-

**НЕСТОРЪ Пишѣ Житіа и лета, трудя акаф:
въ Книги животѣ, брѣчюгь на Нѣтѣ вписана.**

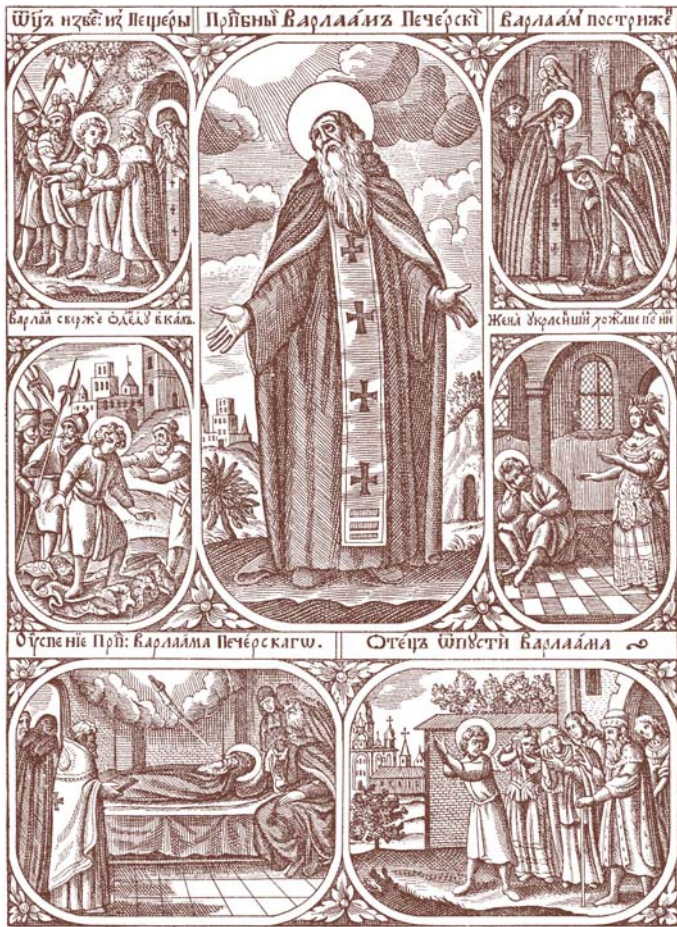
*Преподобный Нестор Летописец.
Из Патерики 1661 г.*

рую называют Боговдохновенностью, ставят Несторово творение в один ряд с общепризнанными мировыми агиографическими шедеврами. Это свидетельствует о преемственности и непрерывном взаимообогащении духовных традиций Вселенского Православия.

Вместе с преподобным Феодосием Нестор прославляет его сподвижников, составивших светоносное созвездие первоначальников печерских. Во главе их — Никон, которого Нестор называет Великим, благоговей к памяти своего мудрого и просвещенного наставника. Немецкий ученый Л.К. Гетц в книге по истории Киево-Печерской лавры (Пассау, 1904) отмечает, как много сделал Никон для развития монастыря. Именно Никон, по мнению историка, завел обычай хоронить иноков в пещерах, позаимствовав его в Тмутаракани. Преподобный Никон воспитал многих подвижников, являясь старейшим по сану и пребыванию в обители. Он постриг преподобных Феодосія, Варлаама, Ефрема, Агапита, других первоиниоков печерских, духовно опекал затворников Исаакія и Никиту⁸⁰.

Под его началом сформировался талант Нестора Летописца и Алипия иконописца. В свое игуменство блаженный Никон преумножил славные традиции просветительства и культуры, которые принял от преподобного Феодосія. При нем завершились работы по строительству Свято-Успенского собора. Погребен игумен Никон в Ближних пещерах. Церковь отмечает его память 23 марта и 28 сентября.

* «Неседальное», особо торжественное.

Преподобный Варлаам. Из Патерики 1702 г.

Нестор восхищается подвигом преподобных Варлаама и Ефрема, оставивших богатство и славу княжеского двора ради жизни в темных и тесных пещерах. Нестор подробно описывает события, связанные с пострижением Варлаама. Мы словно воочию видим приезд с пышной свитой, «въ славе велице», боярского сына к пещере старца Антония. Видим, как Варлаам умоляет отшельника облечь его в ангельский чин, несмотря на предостережение старца о больших скорбях иноческого пути, как земным поклоном прощается со свитой и отрекается от мира. Мы сопереживаем самоотверженному юноше, которого отец, «снемъ с него святую мантию... и облече въ одежду славну и светлу, якоже есть лепо вельможам», насильно увозит домой, запирает в светлице и приставляет «отроки блюсти его, да не отыдет; повеле же и жене его украситися въ утварь всяку на прельщениіе... и служити пред нимъ рабъ множество».

Но Варлаам в душе своей уже умер для мира. Его не смогли прельстить ни уговоры родителей, ни плач жены, ни предупредительность челяди. Он снял с себя боярскую одежду и надел простую свиту. Три дня не вкушая никакой пищи, он непрестанно творил молитву. Домашние, видя непреклонность Варлаама, поняли, что он уже всецело принадлежит Богу, и были вынуждены отпустить его. Во дворе поднялся «плачь великъ, яко по мертвем. Раби плачущися господина своего... и жена, мужа лишаящися, горьче рыдающи; отецъ и мати сына своего плакастася, яко отлучашеся от них, и тако вси съ плачем провождаху его».

Вернувшись в обитель, избранник Божий проводил равноангельную жизнь, подражая в подвигах своему духов-

ному отцу авве Антонию. Узкая и темная земляная келия заменила ему богатые боярские палаты. Пламенея духом, Варлаам возрастал в добродетелях и в скором времени достиг высокой степени иноческого устроения, так что мог не только сам спастись и духовно совершенствоваться, но и вести к спасению других. Господь возвел его на свещник пастырского служения — по благословию преподобного Антония святой Варлаам был поставлен игуменом пещерной обители. Время его настоятельства ознаменовалось строительством наземной церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы и других монастырских сооружений. Энергичная деятельность молодого игумена привлекла внимание великого Киевского князя Изяслава Ярославича. Задумав основать монастырь в честь своего святого Димитрия Солунского, он пригласил для этой цели преподобного Варлаама как мужа, прославленного в добродетелях и опытного в духовном руководстве. На новом поприще блаженный показал себя рачительным пастырем словесного стада, за весьма короткое время собрав иноческую общину и соорудив необходимые монастырские строения.

Горя желанием организовать жизнь в своей обители по образцу лучших монастырей Востока, преподобный Варлаам предпринял паломничество в Святую Землю: «Отыде въ святый град Іерусалим и тамо походивъ святаа места, възвратися въ манастырь свой. И паку, по времени некоем, иде въ Костянтинъ град, и ту походивъ вся манастыря». Сделав приобретения книг и утвари, блаженный Варлаам «такъ поиде въ свою страну». По дороге он заболел: «Въпаде въ недугъ лють... и доиде града Володимера и вниде въ манастырь тут сущій близъ града, иже нарицают его Святаа Гора, и тут успе с миром о Господе, житію конецъ прїятъ». Перед кончиной святой Варлаам заповедал перенести свое тело в Печерский монастырь. «И тако допроводивша тело его, положиша въ манастыри блаженаго Феодосїа, на десной стороне церкви, идеже и донныне есть гробъ его»⁸¹. Мощи преподобного Варлаама покоятся в Ближних пещерах.

Память его 28 сентября и 19 ноября. В 1691 г., стараниями лаврского архимандрита Варлаама Ясинского, на Ближних пещерах был создан храм в честь преподобного игумена Варлаама.

Много скорбей перенес и преподобный Ефрем. Князь из-за его пострижения подверг разорению пещерную обитель, грозя бросить отшельников в тюрьму. Но горнило испытаний только закалило дух подвижников. «О сем радуйтесь, поскорбевши теперъ немного... от различных искушений; дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее... золота, к похвале и чести и славе, в явлении Иисуса Христа», — пишет апостол Петр (1 Пет. 1, 6-7).

По благословию преподобных Антония и Феодосия Ефрем посетил святые места Константинополя и Палестины и принес оттуда Студийский устав. Согласно мнению некоторых исследователей, он мог быть причастным к созданию агиографического цикла, посвященного святителю Николаю. Вполне вероятно и то, что Ефрем мог быть

автором Жития преподобного Антония. Вскоре «скончался блаженный Петр, епископ Переяславский, и волею Божиею, по желанию великого князя Всеволода Ярославича, преосвященным митрополитом Киевским Иоанном на свободную епископскую кафедру был назначен преподобный Ефрем, слава о великих подвигах, богоугодной жизни и высоких добродетелях которого распространилась весьма широко. Приняв архиерейский сан, Ефрем с особенным усердием начал устраивать в своей епархии церкви Божии. Трудом и заботами святителя Ефрема был устроен прекрасный каменный храм во имя Архистратига Божия Михаила. Кроме того, им устроены были церкви во имя святого Феодора и апостола Андрея Первозванного. Ефрем участвовал в перенесении нетленных мощей преподобного Феодосия Печерского. Добродетельную жизнь святитель Ефрем окончил мирной блаженной кончиной»⁸². Память преподобного празднуется 28 января и 28 сентября. Мощи его почивают в Ближних пещерах.

Почтен святительским саном был еще один печерский черноризец — преподобный Исаия. После преставления блаженного Варлаама «князь Изяславъ... избравъ единого от братіа, иже въ чрънецьском житіи просіавша, Ісаію наречема... игумена постави у святого Димитрея въ своем монастыри», — пишет Нестор. После смерти Леонтия, епископа Ростовского, преподобный Исаия был поставлен епископом этого северного города: «Иже и послеже добрых ради нрав его поставлен бысть епископомъ Ростову граду»⁸³. Придя в Ростов и найдя здесь многих новокрещенных, но не утвержденных в вере, преподобный Исаия

начал свою многоплодную деятельность. Он ходил по городам и селам ростовской и суздальской земли, учил и убеждал местных жителей православно веровать во Святую Единосущную Троицу. Святитель был милостив к убогим, сирым и вдовицам. Алчущим он был питатель, печальным — утешитель, бедным — помощник и заступник. Когда при князе Всеволоде Ярославиче было назначено освящение Свято-Успенской церкви Киево-Печерского монастыря, то Иоанн, митрополит Киевский, решил пригласить на это освящение многих епископов. Но по дальности расстояния он не успел этого сделать. «И вот ко многим епископам явились посланные Богом ангелы и возвестили о дне освящения. Об этом чудесном явлении ангелов рассказывал митрополиту Киевскому сам преподобный Исаия. После этого события преподобный Исаия пробыл на престоле Ростовском еще один год. Он успел обратиться к Богу много неверных, воздвиг церкви и в добром исповедании скончал свое житие в лето от создания мира 6598, от Рождества же Христова 1190, месяца мая 15 дня»⁸⁴.

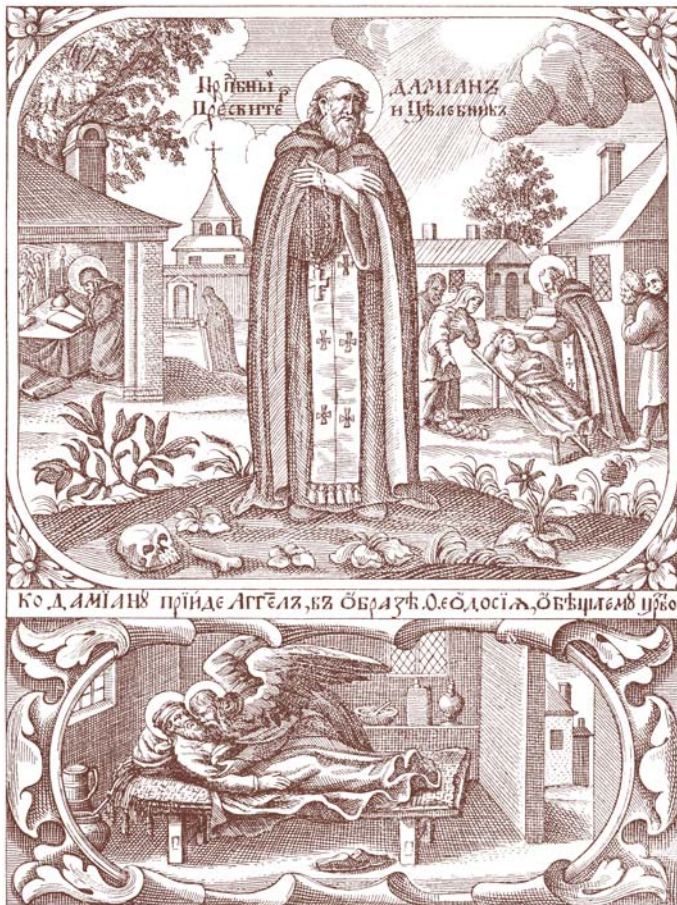
Нестор Летописец прославляет подвиги преподобного Дамиана пресвитера. Досточудный Дамиан жил в Печерской обители во время игуменства преподобного Феодосия. Он был великим постником и воздержником, вкушая до самой смерти только хлеб и воду. За свои добродетели он был удостоен от Господа дара исцеления. Когда в монастырь кто-либо приносил больного ребенка или поверженного в недуг прихожанина, авва Феодосий отсылал его к пресвитеру, и тот, сотворив молитву над болящим, помазывал его освященным елеем. По благодати Божией все, обращавшиеся к преподобному Дамиану, уходили от него в добром здравии.

Перед своим преставлением Дамиан заболел и слег. Готовясь к отшествию в вечность, он со слезами молился Богу: «Господи мой Иисусе Христе, сподоби мя быть причастником славы святых Твоих угодников и с ними получить Царствие Твое, и не отлучи меня, Владыко, от наставника и отца моего, преподобного Феодосия, но сопричти мя с ним лику праведников Твоих». Внезапно у его одра предстал блаженный Феодосий. Любезно приветствуя Дамиана, авва сказал: «Чадо, Господь послал известить меня, что ты получишь исполнение молитвы твоей и будешь со святыми наследником Царствия Небесного. И когда Господь Бог повелит тебе покинуть этот мир и позовет к Себе, мы останемся неразлучными с тобой не только здесь, но и там, на небесах».

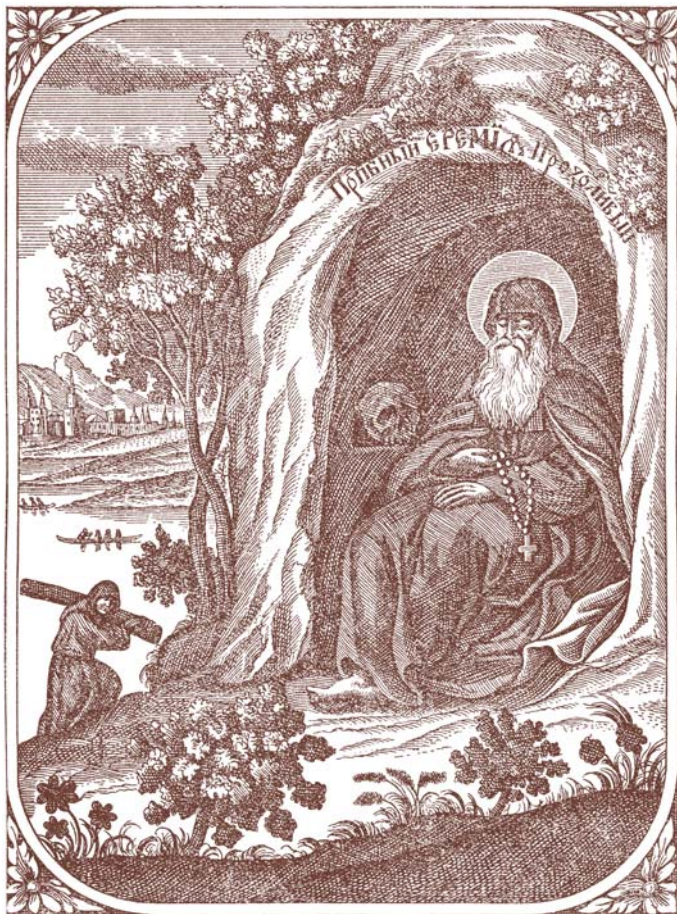
Сказав это, преподобный Феодосий стал невидим. Так как говоривший с ним не входил через дверь и не выходил из нее обратно, Дамиан понял, что это было видение. Он сразу послал келейника за преподобным Феодосием. Когда игумен пришел, болящий встретил его с великой радостью и спросил: «Отче, сбудется ли то, что ты обещал мне в видении?» Игумен отвечал: «Не ведаю, чадо, о каком обещании ты говоришь». Тогда больной рассказал ему о своей молитве и о чудном явлении ему мужа в образе преподобного. Слыша это, боговдохновенный Феодосий восхвалил Бога и, прослезившись, сказал: «Ей, чадо! Сбудется

Преподобный Ефрем. Из Патерика 1702 г.

Преподобный Дамиан. Из Патерики 1702 г.

Преподобный Иеремия. Из Патерики 1702 г.

обещанное тебе, ибо это ангел явился тебе в моем образе. Я же, грешный, как могу быть обещаелем славы, которая уготована праведникам?»

После посещения аввы Дамиан возрадовался духом и утвердился в надежде. Собрав братию, он попросился со всеми и в добром исповедании предал с миром душу в руки Господа. Игумен повелел ударить в било, чтобы сошлась вся монастырская братия, «и тако съ великою честію и пеніем погребоша честное тело угодника»⁸⁵.

За помощь страждущим и болящим преподобный Дамиан получил имя Целебника. Погребен он в Ближних пещерах. Память его совершается 28 сентября и 5 октября.

Среди первых иноков обители Нестор упоминает также преподобного Иеремию Прозорливого. Он жил в пещерах вместе с преподобным Антонием и его сподвижниками, и хотя был глубоким старцем, но в подвигах ревностно подражал великому авве. Иеремия помнил крещение Руси и славные времена князя Владимира. За свою равноангельскую жизнь он удостоился от Бога дара прозорливости и предвидения будущего. Если в ком из братьев он видел греховный помысел или нечистое намерение, то обличал его наедине и наставлял беречься от диавольских наваждений. С особенным вниманием он относился к тем из иноков, кто замышлял по бесовскому наущению оставить монастырь и вернуться к мирской жизни. Приходя к такому брату, преподобный обличал его, утешал и увещевал твердо противостоять пагубному искушению. Проречения старца о будущем всегда сбывались. Когда он предсказывал какие-либо события, благие или скорбные, все знали, что так и случится. Преподобный Иеремия мощами своими почивает в Ближних пещерах. Память 28 сентября и 5 октября⁸⁶.

Даром прозорливости обладал и преподобный Матфей. Ему было дано видеть козни бесов, различать их коварные замыслы и врачевать через их изобличение недуги братии.

Однажды, находясь в храме, он увидел, что среди черноризцев ходит бес «в образе Ляха, в луде»*. В полах плаща он держал липкие цветы. Обходя братию, он доставал их и бросал на того, кто был ему нужен. У инока, к которому прилипал цветок, тотчас ослабевало внимание к богослужению и терялось усердие к молитве. Найдя удобный предлог, он вскоре уходил из храма в свою келию и засыпал до отпуста, не возвращаясь в церковь. Иноки, к которым не приставал брошенный цветок, были тверды в молитве и стояли неподвижно до конца утрени. Об увиденном старец рассказал братии, и с тех пор все остерегались выходить из храма раньше положенного срока.

У блаженного Матфея был обычай уходить из церкви после богослужения последним. Однажды, в предрассветный час, покинув позже всех храм по окончании утрени, он шел в келию. Утомившись, старец сел опочивать под билом**. Вдруг он увидел, что во двор монастыря через ворота заходит большая толпа во главе с бесом, горделиво восседающим на свинье. Старец спросил: «Куда вы идете?»

* Т. е. в образе чужеземца, «чужака», врага. Из этого видно, как негативно тогда русичи воспринимали ляхов, столько зла принеших Отечеству. В «луде» — воинской мантии, плаще.

** Под колокольней, где вместо колоколов висели била.

Бес, сидевший на свинье, ответил: «По Михалю Тобельковича». Старец, осенив себя крестным знаменем, ушел. Когда рассвело, Матфей послал келейника на поиски брата, сказав: «Иди, узнай, есть ли Михаль в келии?» Келейник вернулся со словами: «Давеча сбежал за монастырскую ограду после заутрени». Старец в назидание поведал о своем видении игумену и всей братии.

Преподобный Матфей был свидетелем праведной кончины аввы Феодосия. Несмотря на старость, он застал еще времена игуменства Стефана и Никона. Однажды, молясь в храме, он поднял взор, чтобы посмотреть на Никона, и, к ужасу своему, увидел на игуменском месте осла. Он понял, что настоятеля нет в храме. Когда старец рассказал о своем видении Никону, часто из-за многопечительных дел оставлявшему богослужение — в обители тогда кипели большие работы над интерьером собора, — блаженный игумен стал внимательнее относиться к церковной молитве и неопустительно посещать храм Божий.

Сподобившись многих других видений, благодатный прозорливец «почил в старости добре в монастыри своемъ»⁸⁷. Честные мощи его пребывают в Ближних пещерах. Память святого совершается 28 сентября и 5 октября.

Патерик пишет еще об одном чудотворении преподобного Матфея, о котором умолчал Нестор Летописец. Старец участвовал вместе с игуменом Никоном Великим, преподобными Исаией, впоследствии епископом Ростова, Агапитом врачом, Исаакием Затворником и другими в исцелении прельщенного Никиты Затворника, из которого отцы изгнали беса. Нестор не написал об этом потому, что сам был среди них. Это характеризует печерского летописца как человека необыкновенного смирения и скромности. Воспевая подвиги отшельников, он ни слова не говорил о себе. Лишь впоследствии, почти через полтора столетия, о чудесном исцелении Никиты Затворника Нестором и другими отцами поведал еще один автор Патерика — черноризец Поликарп.

Как золото высокой пробы испытывается в огне, так и душа настоящего подвижника закаляется в горниле искушений, подчас невыносимых для слабой человеческой природы, но побеждаемых всемогущей силой Божией. Повествуя о подвигах еще одного из древних отцов, преподобного Исаакия, Нестор Летописец акцентирует внимание на его тяжелейшем противоборстве с силами зла. Сатана, дерзнувший искушать в пустыне Самого Господа (Лк. 4, 1-13), всегда противоборствует угодникам Его. С особенной силой он восстает против затворников, стремящихся один на один противостать ему и бросить вызов его злобе. Иногда его коварство достигает цели. Но подобно золоту, которое после огня становится светлее и чище, душа подвижника еще более закаляется в огне испытаний, очищается от «ветхого человека» и просвещается светом благодати.

Исаакий пришел в Печерскую обитель из смоленских краев, из города Торопца. В миру он был богатым купцом, но, «помыслив быти мних», раздал свое имущество нужда-

Преподобный Матфей. Из Патерика 1702 г.

ющимся и пришел в пещеру к преподобному Антонию, умоляя его о пострижении. Авва с любовью принял его, возвел в иноческий чин «и нарече имя ему Исакий, бе бо ему мирское имя Чернь». Приняв монашество, Исаакий начал вести предельно суровый образ жизни. Он затворился в тесной и узкой пещере, «яко чотыри лакоть* суши, и ту моляше Бога со слезами. Снедь же его бе просфора едина, и то чрезъ день, и воды в меру пияше. Приносяше же ему великий Антоніе и подаваше ему оконцемъ, елико рука вместишься, и тако приимаше пищу». Плоть свою он изнурял ношением жесткой и колючей власяницы. Однако, не довольствуясь этим, он надел поверх нее козий мех. Шкура животного была неотделанной и мокрой и ссохлась на его теле. Бдение Исаакія было непрестанным. Он ни-

Видение преподобного Матфея Прозорливого. Миниатюра Радзивилловской летописи.

* Лакоть — локоть, т. е. длиной в четыре локтя, что составляет около двух с половиной метров.

*Прельщение Исаакия.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

когда не спал лежа или на боку, но лишь изредка забывался коротким сном сидя.

В таких подвигах он провел семь лет, «на свет не исходя». Однажды после вечернего правила и полунощницы Исаакий, почувствовав изнурение и слабость сил, погасил свечу и присел отдохнуть. Внезапно в пещере вспыхнул яркий, нестерпимый для глаз свет, подобный солнечному, и к нему приблизились два юноши, лица которых также излучали ослепительный блеск. Они сказали ему: «Исаакий! Мы ангелы, а за нами грядет Христос с ангельскими ликами». Затворник, поднявшись, увидел множество таких же существ с солнцеобразными лицами. Один из них сверкал больше всех, и от него исходили лучи. «Исаакий! Вот Христос, — услышал он. — Падши, поклонись ему». Не оградив себя крестным знаменем и не призвав имени Божия, подвижник совершил непростительную ошибку — он вышел из своей пещеры, которая была так мала, что не позволяла сотворить поклона, и в пещерном коридоре упал ниц, воздавая поклонение не Богу, а сатане, принявшему вид «ангела света» (2 Кор. 11, 14). С этой минуты диавол получил власть над душой инока. «Наш ты, Исаакий!» — завопило все полчище бесов, приняв свой обычный безобразный вид. Нечистые духи, потащив свою жертву в пещеру, во множестве окружили его, так что и келия, и весь пещерный коридор наполнились ими до отказа. Старший из них, которому инок поклонился как Христу, приказал играть в бубны, дудки и гусли и плясать с Исаакием. Много часов это бесовское сборище играло, скакало и плясало с несчастным, измучив его и доведя до полного изнеможения. Надругавшись над затворником, бесы поутру исчезли.

Преподобный Антоний, придя днем к Исаакию с просфорой, сотворил по обычаю молитву у его оконца и возвал к нему: «Благослови, отче Исаакие». Не услышав ответа, преподобный подумал, что он преставился, и послал за игуменом Феодосием с братией. Когда открыли вход в пещеру и вынесли Исаакия на поверхность, он действительно не подавал признаков жизни. «И рече игумень Феодосий, яко от бесовьскаго действия сіе бысть ему».

Преподобный Антоний, как истинный врач душ и телес, начал неотступно служить болящему, который был настолько расслаблен душой и телом, что не мог ни встать, ни сесть, ни повернуться набок, ни промолвить какого-

либо слова, «но нем и глух лежа». Однако вскоре из-за гонения, воздвигнутого на обитель князем Изяславом, авве пришлось уйти в Чернигов. Исаакия же забрал к себе в келию игумен Феодосий. Несчастный был весь покрыт пролежнями, в которых завелись черви. Феодосий прилежно служил ему, омывал и лечил его раны, «и молитву творяше над ним день и ночь». Два года длилась болезнь Исаакия. Но и здесь проявилось чудо: ни разу не вкусив за это время пищи и не выпив глотка воды, он, однако, не умер от голода.

На третий год Исаакий начал говорить и понемногу вставать на ноги. Он ходил «аки младенец», вновь учась каждому движению. Храм он не хотел посещать, и его туда приводили насильно, пока он не возымел навыка к церковной молитве. Затем он понемногу стал посещать монастырскую трапезную, где его сажали отдельно от братии. Пред Исаакием клали хлеб, но он не прикасался к нему. Ему вкладывали хлеб в руки, но безрезультатно. Игумен Феодосий говорил: «Не кладите ему в руки хлеб, пусть лежит — он сам должен научиться есть». Так делали в продолжение недели. Больной же, глядя на вкушающих братьев, стал понемногу брать хлеб и так научился есть. «И сим образом избави его великий Феодосіе от козни діавола и от прелести* его».

После выздоровления Исаакий снова начал вести суровую подвижническую жизнь. Он говорил: «Ты смог прельстить меня, диавол, когда я был один в пещере. Отныне буду вести брань против тебя не в затворе, а в братстве, чтобы победить твою силу благодатию Божией». Он облачился во власяницу, а поверх нее надел тесную свиту, чтобы грубая ворсистая ткань терзала его тело. Трудился блаженный на самом тяжелом послушании — в поварне, помогая братии и делая всю черную работу. В храм Исаакий приходил прежде других, терпеливо и неподвижно выстаивая длительные монастырские богослужения. Обувь его была настолько ветхой, что зимой в лютые морозы его ноги примерзали к каменному полу, но он «не подвизаше ногами, дондеже отпояху утреню». Сразу после службы он шел в поварню, зажигал огонь, носил дрова и воду, не давая себе ни минуты отдыха. Когда на рассвете монастырские повара приходили на послушание, все необходимое для них было уже приготовлено. Так непрерывным трудом и молитвой он смирял себя, борясь с диаволом.

Однажды некий из поваров, также именем Исаакий, насмехаясь, приказал блаженному поймать и принести к нему ворона. Он, поклонившись до земли, вышел из кухни, взял птицу в руки и принес ее повару. Видя это, братия ужаснулись и рассказали обо всем игумену. С тех пор иноки начали чтить его, но преподобный, не желая человеческой славы, стал юродствовать. Он причинял неприятности то игумену, то братии, то мирянам, за что ему приходилось часто терпеть побои. Приняв подвиг юродства, Исаакий снова затворился в Антониевой пещере, «в ней же и прежде был». Его духовный отец, авва Антоний, к тому времени уже преставился. Блаженный начал собирать во-

* Прельщения.

круг себя юных сыновей монастырских прихожан и облачать их в монашеские одежды. За это от игумена Никона он принимал наказание, а от родителей их — биение и даже раны. Ходя в рубище, едва скрывавшем наготу, он мужественно переносил холод и стужу, не давая себе послабления ни днем, ни ночью.

В одну из ночей святой Исаакий зажег в пещерной печи огонь. Ветхая печь сильно разгорелась, и пламя начало вырываться через щель наружу. Не имея чем прикрыть щель, преподобный встал босыми ногами на пламя и потушил его, оставшись невредимым от огненной стихии. «И иное многа поведаху о нем, а иное сам видех», — пишет Нестор Летописец.

Господь даровал Своему угоднику такую силу над бесами, что он вмениял их, как мух, ни во что, осмеивая их козни. Нечистые духи неоднократно причиняли ему пакости и говорили: «Ты наш, Исаакий, ибо нашему князю воздал поклонение». Он отвечал им: «Князь ваш бесовский есть Антихрист, а вы его слуги. Хотя вы и прельстили меня однажды, ибо я не знал ваших козней и лукавства, но теперь, силой Господа моего Иисуса Христа и молитвами преподобных отцов Антония и Феодосия, буду побеждать вас». С этими словами Исаакий осенял себя крестным знамением, и бесы исчезали.

Стремясь испугать его страхованиями и привидениями, они часто являлись в пещере в виде множества людей с кирками и заступами в руках, говоря: «Сейчас мы раскопаем эту пещеру и погребем тебя здесь». Иные же кричали: «Уйди отсюда, Исаакий, ведь тебя хотят закопать в землю». Он отвечал им: «Если бы вы были людьми, то пришли бы днем, но так как вы — тьма, то и являетесь во тьме». Творя крестное знамение, он тотчас прогонял их. Иногда злые духи устрашали его в виде животных — медведей, львов, змей, жаб, мышей и других зверей и гадов. Но, не в силах причинить ему зло, они с яростью кричали: «О Исаакий! Ты победил нас». Блаженный отвечивал: «Вам удалось прельстить меня в образе Иисуса Христа и ангелов, чего вы недостойны, а теперь вы являетесь в истинном своем образе — в виде зверей и скотов, змей и всяких гадов, каковы вы на самом деле».

С тех пор бесовские ухищрения вовсе прекратились, «яко же и сам поведаше» Нестору Летописцу. Три года бесы искушали его, ведя против него ожесточенную брань. Остальное время жизни победивший их Исаакий посвятил созерцанию и отшельничеству, усугубив подвиги поста и бдения.

Перед своей кончиной Исаакий впал в болезнь и был изнесен из пещеры в монастырь. Через восемь дней он отошел ко Господу. Игумен Иоанн и братия «погребоша его честно съ святыми отъци в пещере»⁸⁸.

Вспомним о случае, происшедшем с другим лаврским отшельником, преподобным Никитой, также дерзнувшем, не имея духовного опыта, затвориться в пещере. Преподобный Исаакий тогда был еще жив. Ни уговоры отцов, ни предостережения игумена Никона, напоминавших Никите о прельщении Исаакия, не охладили порыва молодого инока. И когда Никита пал, святому Исаакию снова при-

ІСАКІЙ *никоушнѣнъ бѣ въ тмѡнѣ влицѣ свѣта,*
бѣнѣтвомъ мѡрѡтн горнѣи взыка по велѣ лѣта

Преподобный Исаакий. Из Патерики 1702 г.

шлоось прервать подвиг безмолвия, чтобы молитвой урочевать заблудшего и изгнать из него беса, о чем пишет в житии преподобного Никиты черноризец Поликарп. Так духовная сила, приобретенная в ожесточенной борьбе с врагами рода человеческого, помогла блаженному Исаакию спасти душу прельщенного собрата. На житие Исаакия, как образец подвижничества, указывает Поликарп и в рассказе о преподобном Агапите.

Мощи Исаакия Затворника находятся в Ближних пещерах. Память его — 14 февраля и 28 сентября. В 1711 г. часть его святых мошей была перенесена в город Торопец, место его рождения, игуменом Кудина монастыря Иосифом и водворена в Благовещенской церкви⁸⁹.

Повесть о преподобном Исаакии, вместе с жизнеописанием преподобного аввы Феодосия и других подвижников, получила большую популярность на Руси, будучи пространно изложена Нестором в летописном своде, что облегчало, в отличие от специализированных агиографических сборников, доступ к житиям печерских угодников самым широким слоям населения. Следует отметить, что блаженный Исаакий Печерский был первым святым на Руси, воспринявшим подвиг юродства.

Нестор Летописец упоминает в своих творениях многих других печерских черноризцев: Илариона схимника, трудолюбивого переписчика книг; Анастаса эконома, свидетеля многих чудотворений аввы Феодосия; Феодора келаря, хорошо знавшего мать Феодосия и поведавшего Не-

сторю много ценнейших сведений о детстве и юности аввы. Среди первых печерских подвижников летописец отмечает любимого ученика преподобного Феодосия — доместика Стефана, принявшего после преставления аввы игуменский жезл. По его благословию Нестор был возведен в сан диакона. Просвещенный и наделенный даром слова, игумен Стефан был одним из учителей гениального древнерусского писателя.

Рассказ о «святых блаженных первых черноризцах Печерских, иже в дому Пречистыя Божия Матере въ божественных добродетелех просиявших, въ пощении же и въ бдениі и въ прорицаниі дара, въ святем монастыри Печерском», Нестор поместил в летописи под 6582 (1074) годом. Воздавая им дань благоговейного почитания, летописец говорит, что они «сияють и по смерти, яко светила», молясь Богу о насельниках и прихожанах родной обители. Нестор отмечает стремление к подражанию их святости и в своих собратиях, «...иже и донныне добродетельное житъе живутъ, обще вси вкупе, в пеньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу Богу всемогущему, и Феодосиевами молитвами съблюдаеми, Ему же слава въ веки, аминь»⁹⁰.

Завершив цикл, посвященный преподобным отцам печерским, Нестор в 1110-е годы, на закате своей жизни, предпринимает эпохальный труд о бытии державы, Церкви и народа в круговороте всемирной истории — «Повесть временных лет»⁹¹. В основу «Повести» лег так называемый Начальный свод. Творчески переработав его, Нестор дописал большое историко-философское вступление, в котором, используя византийские, восточнославянские и западноевропейские памятники, в частности хроники Георгия Амартола и Георгия Синкелла, а также церковное предание, творения святых отцов, документальные и фольклорные источники⁹², создал целостную онтологическую картину жизни человечества и в ее разрезе — жизни Киевской Руси. Масштабность этого исторического полотна грандиозна. Вместе с тем все в «Повести» Христоцентрично, все пронизано идеей искупления и спасения мира Богочеловеком.

Опоэтизивовав сухие и краткие сведения Начальной летописи, Нестор обогатил повествование о Древней Руси народными апокрифами, дружинными песнями, былинными и фольклорными сказаниями, воспевающими красоту родной земли и силу народного духа. Заслуга Нестора в том, что он впервые ввел в летопись государственные

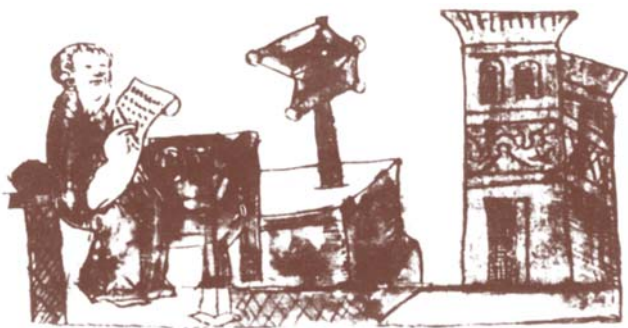
акты Руси — тексты военных договоров, церковных и экономических переговоров и другие документы, правдиво раскрывающие политическую ситуацию X-XI столетий⁹³.

Анализ показывает, что это «выдающееся произведение эпохи, выражающее философию истории»⁹⁴, не имеет аналогов в современной ей европейской историографии. Его уровень на порядок выше средневекового исторического и литературно-философского горизонта. Несомненная заслуга «Повести» в том, что богословско-этическая концепция автора, рассматривающего политический процесс в разрезе эсхатологии и подвергающего его строгому суду христианской морали, интерпретирующего его как акт Домостроительства Божия, стала достоянием широких народных масс, вошла в тайники народной души, укоренилась на века и оказав решающее влияние на становление национальной идеологии. Это не просто летопись, не просто документ прошлого. Исповедуя принцип мессианской роли славянского этноса в лице наиболее высоконравственного племени полян, или русов, от которых «стала есть» наша Родина, печерский писатель создал народный эпос, равного которому по глубине и силе ни до, ни после не было.

Пожалуй, наивысшим достоинством «Повести» является то, что это произведение, будучи сюжетно и хронологически обращенным в прошлое, одновременно откликалось на жгучие современные социально-политические и нравственные проблемы, было по своей философской концепции нацелено на будущее. «Внимательное и чуткое око Нестора заметило приближение эпохи удельной раздробленности еще тогда, когда начали еле-еле появляться ее первые, невидимые еще абсолютному большинству признаки. Эгоизму и корыстолюбию князей и бояр, их пренебрежению общерусскими интересами книжник смело и открыто противопоставлял животворную и благородную идею восточнославянского единства»⁹⁵.

Воспевая победу Христовой веры над языческим идолослужением, автор прославляет благовестившего Евангелие в Скифии апостола Андрея Первозванного, равноапостольных просветителей Руси Кирилла, Мефодия, Ольгу и Владимира, внося в «Повесть» весомый агиографический элемент. Нестор и здесь верен себе, проповедуя принцип всецелого очищения и преображения личности через постоянную борьбу, стяжание добродетелей и озарение ее благодатью Духа Святого, о чем он раньше писал в своих агиографических творениях, особенно в Житии преподобного Феодосия.

Ставя во главу угла идею преображения нации через обновление, по апостолу Павлу, каждой человеческой души и истребления в себе ветхого человека, достижения нравственного совершенства и подражания Христу, Нестор на примере великих отечественных святых — князя Владимира, мучеников Бориса и Глеба, преподобных Антония, Феодосия и других печерских угодников раскрыл величественный образ богоподобия и святости, сделав это, как никто другой, и не столько в силу своей гениальности, сколько по причине собственной аскетической работы над стяжанием Святого Духа.

*Нестор Летописец.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

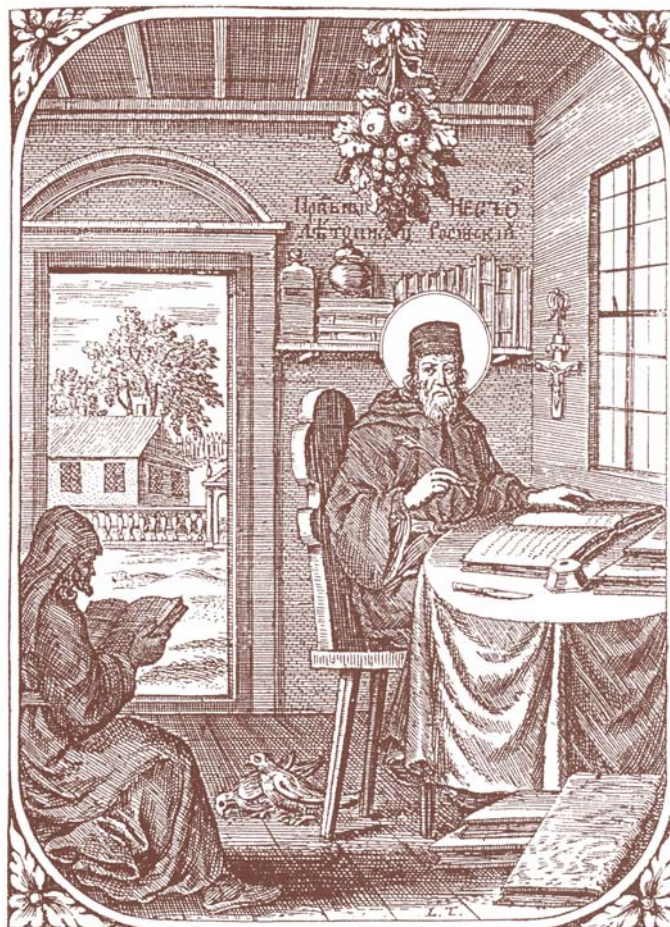
Позднее именно авторская редакция «Повести» составит основу ценнейшего источника информации о Киево-Печерском монастыре — «Летописца старого Ростовского», работа над которым велась в Суздальском Свято-Димитриевском подворье лавры. Вместе с Житием Антония эти памятники станут стержневыми осями Киево-Печерского Патерика⁹⁶.

Господь, Которому преподобный Нестор посвятил все себя в непрестанном подвижническом служении, почтил его многими благими дарованиями и осенил Своей милостью. Еще при жизни угодник Божий прославился чудотворениями и исцелениями, что видно на примере изгнания им беса из Никиты Затворника. Дожив до глубокой старости, маститый труженик мирно почил, пополнив в небесных селениях вместе со святыми Антонием и Феодосием лик преподобных отцов, о чем удостоверяет нас нетление его честных мощей, донныне почивающих в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры⁹⁷. Память святого совершается 28 сентября и 27 октября.

Летопись Нестора стала ядром всех последующих летописных сводов. Его концепции на столетия определили направление не только отечественной, но и общеславянской исторической мысли. Идеологические корни его философско-исторического мышления по сей день питают пытливые молодые побеги познания. «Повесть временных лет» переведена на языки: немецкий (1812 г.), чешский (1864), датский (1869), латинский (1884), венгерский (1916), шведский (1919), румынский, польский и др. Этические парадигмы гениального писателя, воплощенные в жизнеописаниях его святых современников — носителей вечно живых заповедей Евангелия, — составили нравственный идеал народа, побудили бесчисленные поколения людей следовать их заветам, явленным в «нетленной красоте... духа» (1 Пет. 3, 4). Знаменательно, что идеал этот, выраженный столь ярко и мощно, явлен преимущественно через подвиг печерских отшельников. Сказание об отцах печерских является такой же доминантой «Повести временных лет», как и сказание о крещении Руси князем Владимиром. Повествование о Печерской обители — одна из самых светлых страниц летописи. Оно окрашено теплым эмоциональным чувством благоговейного автора. Внутренний облик подвижников-аскетов, раскрытый им со всей силой незаурядного таланта, заставляет вспыхивать в ответ самые зачерствелые сердца, преображаться «обновлением ума» (Рим. 12, 2).

Наследие преподобного Нестора всегда будет актуально. Всегда люди, ищущие истину, будут утолять духовную жажду из этого животворного источника, преклоняясь перед подвигом отшельников печерских, о которых Нестор писал:

«Народы и страны удивляются отцам сим, ибо просияли они, как звезды на тверди небесной, явились исполнителями заповедей Божиих, приняли от Святого Духа дар прозрения и были учителями Божественного слова. Стекаются сюда цари, поклоняются князья, припадают вельможи, трепещут сильные, ужасаются иноязычные, видя в

НЕСТОРЪ ПИШЕ ЖИТІА І ЛѢТА, ПРѢЖДА СЕ:
Ѧ КНИГѢ ЖИВОТѢ Ѧ ВѢЧНОСТѢ НА ПѢТѢ ВПИСА СЯ.

Преподобный Нестор. Из Патерика 1702 г.

лавре небесных жителей, непрестанно поющих ангельскую песнь и водворяющихся вместе с ангелами»⁹⁸.

Нестору Летописцу вторит еще один известный писатель домонгольского периода — епископ Владимиро-Суздальский Симон, который в послании к Поликарпу, черноризцу Печерскому, так пишет о преподобных отцах: «Въ истинну глаголю ти, брате Поликарпе, где слыша сих дивнейших бывших в том святем монастыри Печерском чюдесь? Что блаженнейши сих отцев, иже в конца вселенныа просиявше подобно лучам солнечным? О них же достоверно поведаю...»⁹⁹.

Именно епископу Симону, вслед за Нестором, история обязана сохранением бесценных сведений о Печерской обители и ее подвижниках, ибо «после... начала, положенного летописцем, дальнейших повествований о чудотворцах печерских не являлось в продолжение около ста с четвертью лет. Наконец, в первой половине XIII века... написаны были два собрания повестей о них, которые и составили собственно Патерик Печерский»¹⁰⁰. Их авторами были епископ Симон и печерский черноризец Поликарп.

Святитель Симон был постриженником Киево-Печерского монастыря. По настоянию великого князя Всеволода Большое Гнездо он был поставлен игуменом Рождество-Богородичного монастыря города Владимира-Залесского¹⁰¹. Авторитет Симона приблизил его к великокняжескому двору — он был духовником супруги князя Всево-

лода. В 1214 году, по представлению сына Всеволода Большое Гнездо князя Юрия, он был поставлен первым епископом новооткрытой Владимирской кафедры, отделенной от Ростовской епархии. Лаврентьевская летопись называет его блаженным, милостивым и учительным. Симон имел влияние не только на церковные, но и на государственные дела в северо-восточной Руси: поддерживал политику князя Юрия Всеволодовича, выступал за укрепление власти Мономаховичей и возвышение Владимиро-Суздальского княжества¹⁰². В Спасо-Преображенском соборе г. Переяславля епископ Симон совершил обряд посвящения в воины юного князя Александра, будущего Александра Невского¹⁰³. Во время пребывания на кафедре епископ Симон прославился храмостроительством. При нем были построены великолепные соборы во Владимире и Суздале. Преставился святитель 22 мая 1226 г., приняв перед кончиной великий ангельский образ — схиму¹⁰⁴. Погребен он был в Свято-Успенском кафедральном соборе г. Владимира, а впоследствии перенесен в киевские лаврские пещеры, где его мощи нетленно почивают и поныне. Он причислен к лику святых. Память его совершается 10 мая и 28 сентября.

Епископ Симон был известным литературным деятелем своей эпохи. Основные его труды — повествование «О създаніи... церкви Печерския» и «Послание смиренного епископа Симона Владимирскаго и Суждальскаго к Поликарпу, черноризцю Печерському» с девятью новеллами о жизни и подвигах одиннадцати угодников печерских: преподобных Онисифора, Евстратия Постника, Никона Сухого, Кукши Исповедника, Пимена Постника, Афанасия Затворника, Николы Святоши, Эразма, Арефы и Тита. Они и стали ядром Киево-Печерского Патерика. Первое повествование, посвященное созданию лаврского собора, было написано не ранее 1222 года, когда великий князь Юрий Всеволодович начал строить каменную церковь в Суздале, о которой упоминает Симон, а второе «следует отнести ко времени между 1225-1226 гг.»¹⁰⁵.

Кроме этих произведений, вошедших в Киево-Печерский Патерик, Симон, по мнению исследователей, создал несколько трудов исторического и дидактического характера¹⁰⁶.

В посланиях к Поликарпу Симон пишет о своем благоговейном почитании преподобных Антония и Феодосия и рассказывает о подвигах их учеников, пользуясь при этом как монастырским преданием, так и, как он сам свидетельствует, Житием Антония Печерского (на которое постоянно ссылается), Житием Феодосия Печерского, Ростовской летописью, монастырским Синодиком. Частые ссылки на Несторово жизнеописание преподобного Феодосия Печерского впоследствии способствовали его включению в последующие редакции Патерика, а многочисленные упоминания Жития преподобного Антония помогли ученым реконструировать состав и содержание этого памятника. В числе источников писателя были и первые русские летописные своды. Часть из утраченных в Батыево нашествие летописей поддается восстановлению именно на ос-

нове свидетельств в сочинениях Симона, не имеющих аналогов в сохранившемся летописном фонде. Агиограф также использует переводные святоотеческие памятники, такие как «Паренезис» Ефрема Сирина, «Лествица» Иоанна Лествичника, Скитский и Синайский Патерики, Пролог и другие. Его сказания испещрены фразами: «Якоже во Отечнице писано», «пишет блаженный Иоанн, иже в Лествицы». Осведомленность о роли варяга Шимона в жизни обители говорит о его общении с потомками Шимона, осевшими на Суздальщине¹⁰⁷. Вероятнее всего, автор опирался также на ранее существовавший сборник житий печерских угодников, размещавшийся в «Житии Антония» или другом утраченном памятнике XI-XII веков¹⁰⁸.

О добросовестности составителя говорит то, что он почти везде указывает источники своей информации. Об одних лицах и событиях, например, об Арефе и ужасной смерти Евагрия, он говорит, как очевидец; о других, как об Эразме, он слышал от очевидцев. Об исцелении Вавилы при гробе Афанасия Затворника ему рассказали лица, которые узнали об этом от самого Вавилы. В некоторых рассказах — об Онисифоре, Кукше, Пимене, Николе Святоше — он ссылается на живые и общеизвестные предания, сохранявшиеся в Печерской обители. В других ссылается на синодики монастыря, на иконы, книги, облачение и иные реликвии, принадлежавшие героям его повествования.

В сущности, рассказы о чудотворцах печерских, собранные в Сказаниях Симона к Поликарпу, можно с полным основанием атрибутировать как собственно Патерик со всеми признаками жанра. Одним из них является, например, своеобразная эпистолярная форма повествования. Симон опирался, очевидно, на традицию Синайского Патерика, в котором автор обращается к своему адресату Софронию Софисту: «...преподношу тебе, верное мое чадо, а через тебя и всем...» Вместе с тем это творение явно расширяет узкие рамки житийного канона, иногда даже ломает их, ставя во главу угла не жанровую идеализацию, а историческую и психологическую достоверность. Такой подход придает труду святителя-книжника большую ценность, ибо во всей реальности воссоздает картину жизни обители, выпукло очерчивает характеры его насельников, приближая к нам их образы и актуализируя ту нравственную борьбу, которую они постоянно вели и в которой с Божией помощью побеждали.

Святитель начинает рассказ о монастыре не с описания подвигов отшельников и славных событий, а парадоксальным образом акцентирует внимание на негативной стороне монастырской жизни, что, вполне естественно, всегда имело место. Он повествует о смерти некоего монаха, ученика преподобного Онисифора, который «не истинною подражаше житію того святаго, постникъ сый являяся лжею и целомудръ ся творя, в тайне же ядый и піа и скверно живый... Се же утаися духовнаго того мужа, и ни един же от братіа сего разуме. В един же день, здравъ сый, напрасно* умре. Не можаше же ни единый телеси его приблизитися смрада ради... и не можаху пенія над ним со-

* Напрасно (слав.) — внезапно.

творити». Несчастливого усопшего, отпев, погребли в пещерной усыпальнице, но смрад заполнил все пещеры и сделал несносным пребывание в этих окрестностях не только людей, но и зверей: «Яко же и безсловесным бегати тоя пещеры». Пресвитеру Онисифору явился преподобный Антоний с грозным повелением извергнуть «такового скверного, и нечистаго, и беззаконнаго, и многогрешнаго» из усыпальницы святых отцов. Пресвитер спросил, почему, несмотря на дар прозорливости, Господь скрыл от него истинное поведение ученика, и услышал в ответ: «На показаніе всемь согрешающимъ и не кающимся бысть се, да видевше, покаются».

Когда же игумен Пимен, узнав о видении, приказал с бесчестьем выбросить зловонный труп на поругание, тогда вновь старцу Онисифору явился преподобный Антоний со словами: «Не могу преступити обета моего, еже к вам обещахся, яко всякъ положенный zde помилован будет, аще и грешен есть. Молих бо ся Господу Богу и Пречистой Его Матере, да ни единь от сего монастыря осужден будет в муку». Игумен Пимен, которому преподобный Онисифор возвестил об этом, начал со слезами просить Господа о помиловании брата, ибо явление преподобного Антония вселило в него упование на милость Божию по молитвам великого угодника. Придя со всей братией в пещеру, игумен с радостью уразумел, что молитва его услышана, ибо «злосмрадїе никако же слышашесе», и «обоняша вси благоуханїа»¹⁰⁹.

В этом повествовании Симон поучает о пагубности греха, неизбежности суда Божия, непреложности евангельских слов: «Нет ничего тайного, что не стало бы явным» (Лк. 8, 17). Вместе с тем здесь впервые возник феномен поручительства преподобных основателей монастыря за монастырскую братию, предстательства за своих духовных чад пред Богом, избавляющего даже грешников от геенского огня и спасающего их души от вечной гибели. Этим автор подчеркивает особую святость и благодатность обители, имеющей таких молитвенников, ее исключительное значение среди других православных святынь. В эмоциональном порыве святитель восклицает: «...аз грешный епископ Симон, тужу и скорблю и плачу, да бых положен был в божественной той земле и малую отраду приял бы многих моих грехов, молитв ради святых отец!» В другом своем послании к Поликарпу Симон пишет: «Ты сам знаешь власть святительства моего. Кто не знает меня, грешного епископа Симона, не видит красоты соборной церкви владимирской и другой церкви, суздальской, которые мною созданы? Сколько имеется городов и сел, сколько десятины собирают по всей этой земле — и всем сим владеет моя худость. И это все оставил бы! Истину говорю тебе, что всю эту славу и честь ни во что бы вменил, и если бы мне вместо мусора быть подметаемому в Печерском монастыре и попираемому людьми, или как одному из нищих находиться пред вратами святой той лавры — это лучше было бы мне временной моей чести. Ибо один день в доме Божией Матери лучше тысячи лет, и я желал

бы в нем пребывать, чем жить в селениях грешников» (Пс. 83, 22).

В чем же причина возникновения этого сюжета? Почему объектом повествования у Симона становится не праведный отшельник, а «многогрешный» отступник иноческого устава?

Здесь проявился личностный аспект. Об адресате епископа, черноризце Поликарпе, шла худая молва. Инок Киево-Печерской обители, он не довольствовался своим положением и искал высоких церковных должностей. Он то едет в Ростов, то навещает Симона во Владимире. Сначала ему удалось получить место игумена суздальского монастыря святых Космы и Дамиана. Затем он смог добиться назначения на игуменство в привилегированный столичный монастырь святого Димитрия, но, не удержавшись в нем, вынужден был возвратиться в Печерскую обитель. Греховное самолюбие и тщеславие толкнули его на противодействие и непослушание игумену и эконому, подстрекательство против монастырских порядков, нерадивое отношение к иноческому уставу.

Пользуясь связями в мирской среде, он через княгиню Анастасию-Верхуславу, дочь великого князя Всеволода Большое Гнездо, которая обещала «до тысячи серебра издержать» на его возвышение, начал домогаться назначения на епископскую кафедру в Юрьев, Смоленск или Новгород. Княгиню поддержал ее брат, князь Юрий Всеволодович.

Узнав об этом, Симон был чрезвычайно встревожен, ибо Поликарп являлся одним из его духовных чад. Существует даже вероятность того, что они были в родстве между собой¹¹⁰. Святитель адресует ему грозное обличительное послание, в котором укоряет своего ученика за поведение, несовместимое с чином монашества: «Брат! Сядь в безмолвии, собери ум свой и скажи себе: О убогий иноче! Не оставил ли ты мир ради Господа? Не избавят тебя от муки черные ризы, если живешь не по-чернечьски. Великий стыд объемлет меня за тебя. Кто помилует тебя, когда сам ты себя погубил? Довольно, брат, и того, что ты сделал по своей гордости. Теперь тебе следует оплакивать то, что, оставив святой монастырь и преподобных отцов Антония и Феодосия, взялся ты игуменствовать... Для чего ты хотел выйти из святой и блаженной обители Печерской, где так удобно всякому желающему спастись?»

Чтобы убедить Поликарпа в том, что он, попав в печерское братство, удостоился величайшей чести, наставник раскрывает общецерковную значимость киевской святыни: «Из этого, брат, Печерского монастыря Пречистой Богородицы много епископов было поставлено, осветивших подобно светильникам всю Русскую землю святым крещением, как и апостолы от Самого Господа Христа Бога нашего во вселенную посланы были. Первый — Леонтий, епископ Ростовский, великий святитель, которого Бог прославил нетлением, и он явился первым престольником. Его неверные, много мучив, убили. И это — третий гражданин Святой Руси, который с оными варягами* увенчался от Христа, пострадав за Него.

* Варягами — христианами Феодором и Иоанном, замученными киевскими язычниками в 983 г.

Об Иларионе же митрополите я сам читал в житии святого Антония, что от того он получил пострижение и так сподобился священства.

После них были: Никола и Ефрем — в Переяславле, Исаия — в Ростове, Герман — в Новгороде, Стефан — во Владимире, Нифонт — в Новгороде, Марин — в Юрьеве, Мина — в Полоцке, Никола — в Тмутаракани, Феоктист — в Чернигове, Лаврентий — в Турове, Лука — в Белгороде, Ефрем — в Суздале. И если хочешь узнать о всех, прочти старый Летописец Ростовский, в котором их всех более тридцати, а с теми, которые и до нас грешных жили, думаю, около пятидесяти.

Разумей же, брат, каковы слава и честь монастыря сего, и устыдись, и покайся. Избери тихое и спокойное житие, к каковому Господь и призвал тебя»¹¹¹.

Сочинение Симона не было частным посланием. Через него он обращается ко всем поколениям иноков, напоминая о святости монашеского обета. Видя общую тенденцию к забвению святоотеческих идеалов, червоточиною начавшему разъедать иноческие порядки, святитель напоминает о былой славе «архимандритии всея Руския земли», о подвижничестве ее великих основателей и их учеников.

Прославляя их богоугодное житие, автор Патерика, тем не менее, правдиво описывает неизбежные падения и слабости, сопровождающие иноков на поприще спасения. Почти половина его героев — те, кто подвергся действию бесовских искушений и преодолел их. Этим автор усиливает назидательный уклон послания, адресуя каждую из своих повестей конкретной немощи ученика. Поучая духовного сына, мудрый наставник показывает на опыте предшественников, что такое постоянная невидимая брань*. Персонифицируя в их деяниях евангельские принципы добротолубия, агиограф добивается особой силы и убедительности в раскрытии смысла спасения.

Житие за житием, пример за примером, перед его учеником выстраивается своеобразная лестница, состоящая из ступеней духовного совершенства. В этом Симон перекликается со знаменитым автором «Лествицы», синайским игуменом Иоанном († 649), впервые классифицировавшим нравственно-психологические аспекты добра и зла, создавшим глубоко обоснованную систему преодоления многочисленных греховных состояний души противоположными им христианскими добродетелями.

Житийный цикл епископа Симона начинается с повести «О блаженем Евстратии Постнице». Он был киевлянином. Раздав свое имение неимушим, Евстратий «прииде в пещеру» и просиял подвигами поста и послушания: «Бысть же постникъ и послушникъ ко всем». В награду за великие добродетели преподобному Евстратию, как сильному духом и достигшему совершенства, был ниспослан высший венец — мученичество за Христа. Попав в 1096 г., при разорении половцами обители, в плен и будучи продан ими

Преподобный
Евстратий Печерский.
Прорись с древней иконы.

иудеям в Корсунь**, инок проявил мужество и твердость в исповедании Православной веры. Ужасные условия содержания привели к смерти всех его товарищей по плену, которых было «числом 50: от монастырских работников 30, от Киева 20». Все они «изомроша от глада». И лишь Евстратий выжил: «останних единъ живъ, бе бо постъникъ от младых ноготь».

Исповедник Христов остался верен Господу даже до смерти, «смерти же крестной» (Фил. 2, 8). Он был распят на кресте в самый день Пасхи Христовой. Претерпевая крестные муки, блаженный «благодаряше Бога на немъ и жив бысть 15 дний».

Как апостол Андрей Первозванный, святой Евстратий проповедовал со креста Евангелие и обличал нечестие иудеев. «Слышав же сѧ Жидовинь, яко распять сый поносит ему, и възем копіе, прободе его, и тако предаст душу свою Господеву». В этом преподобномученик также уподобился Христу, «Его же прободоша» (Ин. 19, 37). Мучитель Евстратия увидел чудо: «Душу преподобнаго, носиму на колесници огнени, и кони огнени», — подобно восшествию на небо Илии пророка. С небес прогремел глас, воззавший: «Се добрый гражданин небесного града».

Тело страдальца было брошено в море. Но и здесь от его мощей произошло «множество чудесъ», видя которые, мучители покаялись и крестились. Тот же нечестивец, который кощунственно распял Евстратия на кресте, сам был повешен во время восстания корсунских христиан против наместника города, тайного иудея, покровительствовавшего единоверцам.

Так святой Евстратий***, как добрый воин Подвигоположника Христа, мужественно победил диавола и увенчался нетленным венцом мученичества. «С тех пор, — обращается святитель Симон к Поликарпу, — в печерском помяннике он зовется «Протостратор****». Память преподобномученика Евстратия отмечается Церковью 28 марта и 28 сентября. Святые мощи его покоятся в Ближних пещерах. В Крыму, в лесистом верховье т. н. Монастырской балки, существует храм преподобного Евстратия Печерского, созданный братией Инкерманского мужского монастыря в 1995 г.¹¹².

В том же 1096 г. попал в плен к половцам и другой печерский монах, как пишет Симон в слове «О смиреннем и многотерпеливем Никоне». Он отличался смиренномудри-

* См. творения преподобных Ефрема и Исаака Сиринов, Никодима Святогорца, святителей Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, других аскетических писателей.

** Корсунь — древний Херсонес.

*** Добрый воин (с греч.).

**** Правильнее «Протостатор» — первоподвижник (с греч.).

ем, хотя и «бе от великих града» — происходил из семьи, которая была в числе первых в Киеве по богатству. Некий христороубец из Киева выкупил «многы пленники», но Никон, предавший всего себя промыслу Божию, отказался изменить свою участь. Даже его родственники, принеся в стан к кочевникам «богатства много», не смогли поколебать твердость духа добровольного мученика. Половцы, видя, что не смогут получить за него деньги, «начаша мучити мниха вельми немилостивно». В течение трех лет он был постоянно подвергаем мукам: «На огни пометаем, ножи разрезаем... от глада и от жажды скончаваем», вкушая скудную пищу через два, а то и три дня. Зимой он мерз на лютом морозе, летом изнывал на жгучем степном солнце, но с терпением переносил страдания, «благодаряше Бога о всех сих, и моляшеся безпрестани... Се же все творяху ему окаяннии Половцы, да даст на собе искупъ многъ. Онъ же глаголаше к ним, яко Христос избавит мя туне* от рукъ ваших». Преподобному Никону явился в видении блаженный Евстратий, с которым он был пленен, возвестил о своей мученической кончине и предрек, что «въ третій день имаши въ монастыри быти, молитвь ради святыхъ Антоніа и Феодосіа и святыхъ черноризецъ». Пленник возвестил о видении своим мучителям: «Яви бо ми ся братъ

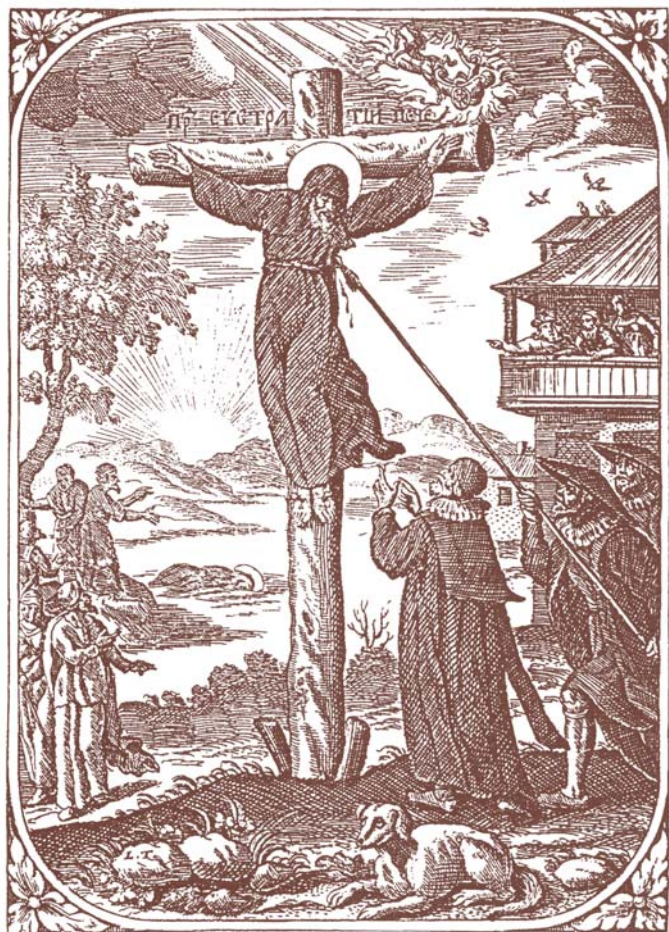
Половцы берут в плен русичей.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

мой, его же продасте... на распятіе... Тако бо ми рече святыи Герасим, яко въ третій день имаши въ монастыри быти...» Никон, помнивший погибшего собрата еще послушником, называет его старым именем Герасим. Мученическая кончина Герасима-Евстратия еще более укрепила его бывшего друга Никона в крестоношении.

Половчанин — хозяин пленника, — узнав о видении, подрезал ему на ногах сухожилия, ибо думал, что тот готовится к побегу, а также поставил возле него крепкую вооруженную стражу. Но на глазах у стражи Никон на третий день, как и предсказал ему святой Евстратий, стал невидим. В это время послышался глас: «Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних» (Пс. 148, 1). Преподобный же Никон оказался в Печерской церкви, в которой в это время шло пение причастного стиха. Инокіи, увидев своего собрата, собрались возле него, расспрашивая, как ему удалось вырваться из плена. «Он же исперва хотя утаити преславное тое чудо. Видевше же на нем железа тяжка и раны неисцелны, и все тело съгнувшесе ранами, и самага сущаго въ узах, и еще крови каплющи от перерезанія лыстов** — и не яша веры». Тогда Никон открыл им всю правду. В память о своем чудесном избавлении страдалец хотел остаться в оковах, но игумен настоял на том, чтобы он снял их с изможденного муками тела. Оковы эти иноки перековали на утварь для алтаря Печерской церкви.

Через некоторое время половчанин, мучивший Никона, пришел в Печерскую обитель. Здесь он увидел своего бывшего пленника и, пораженный, рассказал игумену и братии о его чудесном избавлении. Половчанин остался в монастыре, принес покаяние и крестился со всем своим родом, «и бысть мних, и ту живот свой скончаша в покаяніи, работающе пленнику своему». После смерти инок-половчанин был погребен, как и вся братия, в пещере.

Святитель Симон, назидая Поликарпа, пишет ему, что Никон имел много других иноческих добродетелей и получил от Господа дар чудотворений. Он едва ли не повторил судьбу своего собрата по мученическому подвигу — блаженного Евстратия, ибо когда его хозяин — половчанин, содержащий пленника под стражей, смертельно заболел, то в злобе приказал распять Никона над своей могилой. Никон, прозревая его последующее покаяние, «помолился и исцели» его, «собе же избави горкыя смерти». В

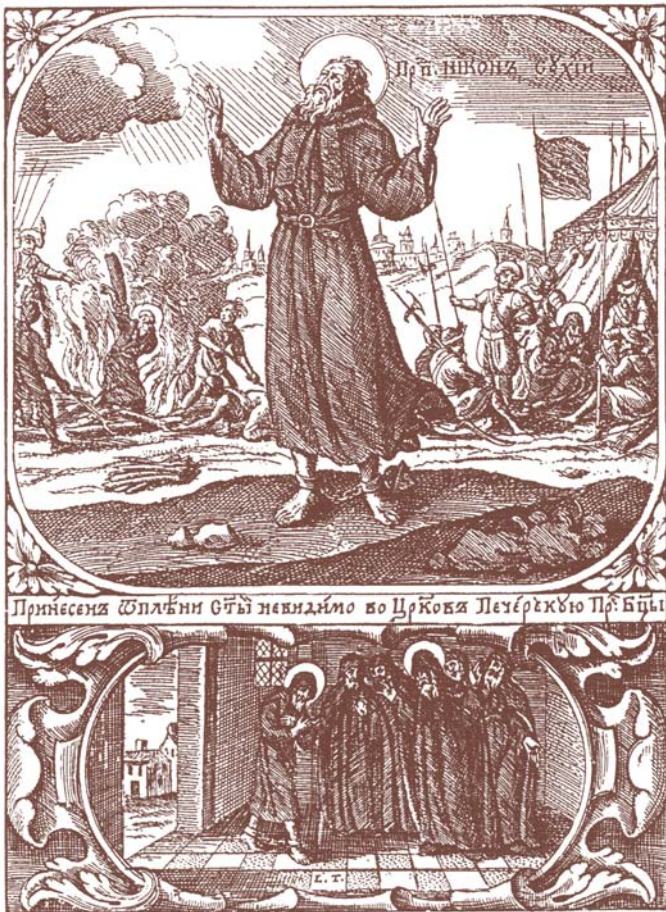

ЕВСТРАТІЙ Крѣтъ въ смѣрти Наслабѣдникъ мѣнѣа:
Днѣнь жнзньи сонаслабѣдникъ съ Хрѣтомаъ воцѣнѣа

Преподобный Евстратий. Из Патерики 1702 г.

* Даром.

** Сухожилий.

НИКОНЪ на невидѣма Бѣга члѣ въ плѣннѣ,
Невидѣмшъ изъбавленъ: видѣтъ егѡ нѣтъ.

Преподобный Никон. Из Патерика 1702 г.

плену случилось и другое чудо: «разболевшимся некогда пленником от глада... заповеда им блаженный не вкусити ничто же от поганых, сам же, съи в узах, молитвою вся исцели и бежати сътвори невидимо». Симон пишет, что в монастырском синодике Никон именуется Сухим, ибо «истекъ кровію и изгнивъ от ранъ и исхну».

«Как возмогу, брате, — обращается к своему ученику святитель, — исповедать деяния этих святых мужей, живших в честном и блаженном монастыре Печерском, ради добродетельного жития которых язычники крестились и становились монахами — из-за подвига мученика Христова Евстратия евреи крестились, а из-за страстотерпца Никона половцы стали черноризцами. Много и другого о них слышал ты от меня, грешного и худшего из епископов, недостойного даже подножия этих черноризцев. Ибо это о них сказано Господом: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Матф. 5, 16). Мы сподобились иметь наставников, равных бесплотным ангелам, великих молитвенников и ходатаев ко Творцу, увенчанных мученическими венцами»¹¹³.

Память преподобного Никона Сухого, в Ближних пещерах почивающего, — 28 сентября и 11 декабря.

Подвигом мученичества прославил Бога и преподобный Кукша, проповедовавший Христианство в далеком северном залесском крае среди вятичей. Многих из них он просветил святым крещением, творя великие чудеса: «Бesy

прогна, и дождь съ небеси съведе, и озеро исъсуши, и многа чюдеса сътворивъ». Язычники после тяжких истязаний умертвили преподобного Кукшу вместе с его учеником.

В то же время в Печерском монастыре подвизался блаженный Пимен, нареченный Постником. Он имел от Бога дар исцеления недужных и провидения будущего, предсказав за два года до смерти свою кончину «и многа ина пророчествовав». Провидев убиение блаженного Кукши, находившегося далеко от обители, он однажды среди церкви Печерской громко воскликнул: «Брат наш Кукша в этот день убит». И, сказав это, блаженный Пимен почил в один день со святым Кукшей¹¹⁴.

Мошами своими преподобные почивают в Ближних пещерах. Память святых Кукши и Пимена Постника совершается в один день — 27 августа, а также в праздник собора преподобных отцов Ближних пещер — 28 сентября.

Повествование о Кукше и Пимене завершает первый, «мученический» цикл Симона, в котором он приводит жития тех угодников Печерских, которые прославили Бога мученичеством и исповедничеством. Святитель недаром выделил их жизнеописания в один блок, возглавив им свое «Сказание». Этим он хотел показать нерадивому ученику, что монашество является подвигом крестоношения и жертвенности во имя Господа, стремился подвигнуть наставляемого, а также всех, кто возложил на себя этот крест, к подражанию мужественным страстотерпцам. «Не буду больше многоглаголив, рассказывая тебе о святых, — гроз-

КѢКША Крѣтъ некрѣныхъ, по вѣнцѣхъ дѣстъ Глѣвъ,
ПІМІНЪ ПОСТНИКЪ прозрѣвъ то, видѣ инѣмъ во
Слѣвъ.

Преподобные Кукша и Пимен. Из Патерика 1702 г.

но обращается святитель к Поликарпу. — Если не помогут тебе мои слова, то «еще от мертвых кто воскреснет, не имеши веры» (Лк. 16, 31).

Это предостережение предваряет рассказ «О святем Афанасіи Затворнице, иже умерь и паку въ другій день оживе», как бы подкрепляясь конкретным примером.

Инок Афанасій, «живый свято и богоугодно... болезь много, умре». Его приготовили к погребению и оставили в келии. Никто не пришел к нему, «и пребысть мертвый весь день не погребень, бе бо убогъ зело, и не имеа ничтоже, и сего ради небрегом бысть. Ночью игумену явился ангел и укорил его за то, что «человекъ Божій сей два дъни непогребень» из-за своей бедности. Утром игумен, собрав всю братию, «прииде къ умершему и обретоша его седяща и плачуща. Ужасошася, яко видевша того оживша...». На расспросы братии он ничего не отвечал, повторяя беспрестанно: «Спасайтесь». Но иноки настаивали, и воскресший сказал: «Если поведаю вам, не поверите мне и не послушаете меня». Тогда черноризцы клятвенно обещали сохранить все, сказанное им.

«Он же рече им: имейте послушаніе во всем къ игумену и кайтесь на всякъ часъ, и молитесь Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери и преподобнымъ Антонію и Феодосію, да скончаєте животь свой зде и съ святыми отци погребены быти сподобитесь в пещере». Афанасій сказал братии, что это — больше прочих добродетелей, и если кто исполнит вышереченные заповеди, будет воистину блажен. Затем преподобный Афанасій затворился в пещере и пребывал в ней неисходно 12 лет, «никогда... не видя солнца, и плачася не преста день и ночь, ядыше бо мало хлеба и воду поскуду піаше, и то чрезъ день»¹¹⁵.

Перед кончиной преподобный призвал всю братию и, повторив данные прежде советы о послушании и покаянии, почил с миром о Господе. Честные мощи его положены были в пещере, в которой он подвизался. От мощей затворника происходило много чудес. Брат Вавила много лет был безнадежно болен. Принесенный к мощам святого Афанасия, он приложился к ним и получил исцеление. С этого момента Вавила больше никогда не болел. Он потом сам рассказал братии, что ему, возлежавшему на одре и «вопиюще от болезни», явился преподобный Афанасій со словами: «Прииди ко мне и исцелю тя». И тогда все уразумели святость затворника. Мощи святого почивают в Ближних пещерах. Память его — 28 сентября и 2 декабря.

«Ты же, брат и сын, — обращается святитель к Поликарпу, — не последуй маловерным, ибо пишу не ради них, «но да тебе приобретаю» (Мф. 18, 15). Совет же тебе даю: утвердись благочестием в том святом монастыре Печерском, не желай власти игуменской или епископской, и достаточно тебе будет для спасения, если окончишь жизнь свою в нем».

Подкрепляя, как всегда, свои наставления конкретным примером из житий печерских угодников, епископ Симон приводит жизнеописание князя Святоши, отрекшегося от княжеской власти и постригшегося в Киево-Печерской обители.

АФАНАСІЙ мръкъ ѡжн, ѡ добръѣ ѡ затворѣ .
Свѣдѣнъ плоть оумерцѣлѣти, воспріѣ жнзнь горѣ

Преподобный Афанасий Затворник. Из Патерики 1702 г.

Подвиг преподобного Николы Святоши явился одним из самых прекрасных примеров богоподражания на Руси.

Обстановка в то время в стране была очень тревожной. В летописи пишется, что в июне 1096 года половецкий хан Боняк напал на Киев, разоряя все на своем пути. «И придоша на монастырь Печерьскыи... и поставиша стяга два пред враты монастырьскими...» В это время иноки после заутрени почивали. «Безбожные же сынове Измаилеви высекоша врата монастырю и поидоша по кельямъ, высекающе двери, и изымаху аще что обретаху в кельи; посем... придоша к церкви, и загогша двери, и влезше в притвор у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери...»¹¹⁶. Чтобы впредь обезопасить себя от набегов, иноки начали укреплять «столпіе» вокруг обители, ибо западная часть монастырского ограждения, за которой находились дремучие берестовские леса и не было никаких природных преград, была весьма ненадежной. Встал вопрос и о замене деревянных врат на каменные. В 1106 году, по благословению игумена Феоктиста (1103-1113), инициатора активного строительства в монастыре, были заложены каменные врата и надвратная церковь в честь Пресвятой Троицы. А через два года, в 1108 году, состоялось ее освящение. Скорей всего, оно было приурочено к храмовому празднику Пресвятой Троицы.

Средства на церковь пожертвовал князь Святослав (Святоша, в крещении — Панкратий, в монашестве — Николай), сын удельного князя Черниговского Давида Святославича и внук великого князя Киевского Святослава Яро-

славича. Оставив «жену, детей и мирскую известность», он отрекся от княжеского титула и привилегий¹¹⁷. «Блаженный и благоверный князь Никола Святоша, — свидетельствует летопись, — остави славу и богатство, честь и власть княжения земного мимотекущего, Царства ради небесного, вечного (аки древле Индийский царевич Иоасаф) и перешедь в Печерский монастырь». В 1106 году «...пострижесе Святослав сын Давыдовъ, внук Святославль, месяца февраля в 17 день», — пишет Нестор Летописец¹¹⁸. На Руси это был первый случай, когда владетельный потомок Рюрика оставил княжение и ушел в монастырь. «Сеи блаженный и благоверный князь Святоша, именем Николае, помысли убо прелесть житіа сего суетнаго, будущаа же блага и Царство небесное бесконечно — остави... вся и пришед в Печерський монастырь, и бысть мних, в лето 6614», — пишет епископ Симон.

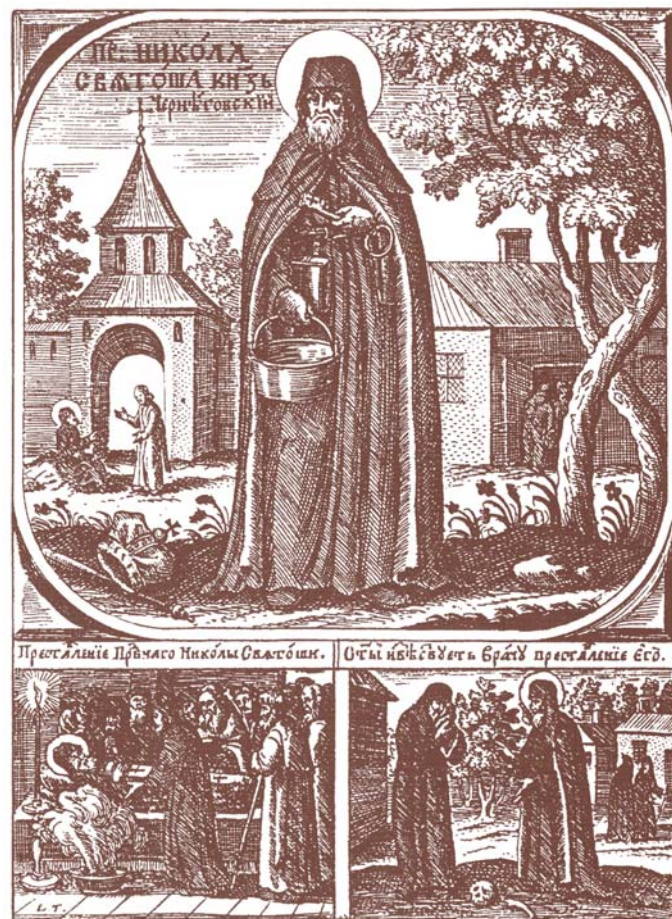
В обители инок-князь выполнял самые тяжелые послушания: работал в поварне, рубил дрова и носил их на плечах по крутым склонам вверх в монастырь. Узнав о таких трудах Николая, братья его, князья Изяслав и Владимир, хотели его удалить от них, но сей истинный послушник со слезами просил князей позволить поработать хотя бы еще один год на братию. Он трудился в поварне в продолжение трех лет со всяким прилежанием и благоговением. После этого испытания он был приставлен охранять монастырские ворота, где пробыл три года, никуда не выходя, кроме церкви. Отсюда он был взят для служения при трапезе.

Так, пройдя благочинно все степени послушания и показав себя искусным в добродетелях, Святоша начал, по совету игумена, безмолвствовать в келии, внимая спасению своему в тишине духа, озаренного Божественной благодатью. Симон пишет, что келия, «зовома Святошина, донныне есть», а также огород, «его же своима рукама насади».

Никогда он не был празден, но всегда в руках своих имел рукоделие, а в устах молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Ничего не вкушал он, кроме пищи от общей монастырской трапезы, и то весьма немного.

Все свое богатство Святоша «на потребу странним и нищим подаваше, и на церковна строение». Так, на его средства была построена надвратная церковь с оградой, а при ней лечебница для больных и немощных монахов¹¹⁹.

Никола Святоша был крупной величиной в культурной жизни общества. Как и его отец, князь Давид Черниговский, — известный гуманист и популярный политик¹²⁰, Святоша любил книги и не жалел средств на их приобретение. Традиция книгособиранчества шла еще от деда Святоши, князя Святослава Ярославича, который, как пишет летопись, «разными драгоценными священными книгами наполнил свои клети». Святоша, унаследовавший богатейшую библиотеку Святославичей, пожертвовал ее Печерскому монастырю, чем весьма пополнил это уникальное книжное собрание домонгольской Руси. Святи-

**НІКОЛА ПОВАРЪ, СЛАБЫ НАМЩЕНЪ, СВЯТОША:
Кнѣзъ ВРАТАРЪ, НѢО КНѢЗН ШВЕРДОША .**

Преподобный Никола Святоша. Из Патерики 1702 г.

тель Симон в XIII веке еще пользовался книгами из собрания Святоши. Он пишет Поликарпу: «Суть же книги его многыа донныне». Князь-инок и в монастыре пополнял библиотеку новыми вкладками. Известно, что по просьбе Святоши монах Феодосий (Феодос грек) сделал перевод с греческого языка послания папы Льва к Константинопольскому патриарху Флавиану. Один из просвещеннейших людей эпохи, Святоша, по мнению исследователей, сам был автором некоторых рукописей¹²¹.

Даже в мантии инока князь Святоша участвовал в идеологической и политической жизни страны, оказывая значительное влияние на происходящие процессы. Например, во время весьма опасного конфликта черниговских князей Ольговичей с великим Киевским князем Всеволодом в 1142 году он выступил как миротворец¹²². Его имя еще при жизни стало легендарным. Он был поистине совестью нации.

Господь ниспослал угоднику Своему дар чудотворения.

С особой силой этот дар проявился в исцелении преподобным своего друга — лекаря Петра. Житие пишет: «Имея же блаженный князь Святоша, еще въ княженьи сый, лечьца хитра* вельми, именем Петра, родом Сирианина**, иже прииде с ним въ монастырь». Но, видя вольную нищету князя, который уже больше не мог давать ему содержание, Петр ушел от него и поселился в Киеве, «врачюя мно-

* Лекаря искусного.

** Сирийца.

гь». Часто посещая Святошу и «видя сего въ мнозе зло-страданіи и безмернем пошеніи», лекаръ увещевал его оставить беспримерные подвижнические труды, которые могли стать причиной тяжкого недуга обессиленной постом плоти и из-за которых его братья-князья и бывшая челядь «велику укоризну» имели от окружающих. «Какой убо князь сие сотвори — блаженный ли отець твой Давыдь, или дедь твой Святослав, или кто въ болярех, разве Варлаама, игумена бывша зде?» — укорял его сириец. Это он делал по наущению братьев преподобного, часто беседуя с ним либо в поварне, либо у монастырских врат. Святоша с кротостью отвечал ему, что благодарен Господу за возможность служения блаженным черноризцам печерским.

Преподобный часто болел, но не позволял лечить себя, надеясь на Божественное врачевание от Господа. Всякий раз, когда Петр, приготовив лекарства, приходил к нему, он «прежде пришествіа его здравъ бываше». Случилось однажды заболеть самому лекарю. Преподобный просил его не принимать лекарств, возложив упование на милость Божию. Но сириец, надеясь на врачебное искусство, не исполнил благословение святого и «мало живота не погреша», сделав себе хуже. «Молитвою же святаго исцеле». В следующий раз, когда Петр снова заболел, блаженный приказал ему три дня не принимать никаких лекарств, сам же молился о его здравии. Лекаръ, исполнив послушание Святоши, на третий день выздоровел.

Однажды, призвав к себе Петра, преподобный «глаголя ему остришися» — принять постриг, ибо через три месяца, «рече, отхожу света сего». Святоша таким образом иносказательно предрек ему приближающуюся кончину. Петр пал пред ним на колени и со слезами умолял не покидать его одного в этом мире, изъявляя готовность самому умереть за своего друга и наставника. Святоша показал тогда Петру место в пещере, которое он себе приготовил на случай смерти, и обратился к нему с вопросом: «Кто из нас больше возлюбит это место?» Тот с рыданием отвечал: «Знаю, что если ты захочешь, то сможешь умолить Господа, дабы он продлил жизнь твою, меня же положи здесь». Приняв по благословию блаженного постриг, врач пребывал три месяца в постоянной слезной молитве. Никола же утешал его, говоря: «Брат Петр, хочешь ли, чтобы я взял тебя с собою?» Постриженный с плачем отвечал: «Хочу, чтобы ты позволил мне умереть за тебя, ты же оставайся здесь и молись за меня Богу».

Тогда преподобный, предвидя его скорое отшествие, сказал: «Дерзай, чадо, и будь готов, ибо на третий день отойдешь ко Господу». Петр, причастившись Божественных и животворящих Христовых Таин, с миром предал дух Богу.

Святой Николай подвизался «добрым подвигом» (2 Тим. 4, 7) еще 30 лет, никуда не выходя из своего затвора, «дондеже преставился въ вечный живот». В день преставления праведника «мало не весь град» собрался воздать ему последнее целование. Упокоился Святоша 14 октября 1142 г. и был с великой честью погребен в Антониевых пещерах, на месте, собственноручно приготовленном для погребения¹²³. Память угодника Божия совершается 14 октября и

28 сентября. В черниговских Антониевых пещерах Свято-Ильинского монастыря есть подземный храм в честь преподобного Николы Святоши. Он расположен на четвертом ярусе пещерного лабиринта. Этим черниговчане воздали дань благоговеиного почитания своему великому земляку.

Узнав о смерти Святоши, братья его, князья Изяслав и Владимир, весьма опечалились, что лишились такого великого молитвенника. Изяслав с мольбой просил у игумена дать ему на благословение и утешение крест от парамана умершего брата, возглавницу, которую он клал под голову, и кладку, на которой творил коленопреклонения. Игумен «дасть ему, рекъ: по вере твоей буди тебе». Изяслав принял дары с великой честью и пожертвовал на монастырь три златницы в знак смирения и благодарности.

Случилось через несколько месяцев Изяславу заболеть. Болезнь оказалось смертельной. У одра князя собрались его домочадцы, ожидая кончины. Приподнявшись с одра, умирающий попросил воды из Печерского колодца. Тотчас был послан гонец в лавру. Игумен, передав для князя воду, которой предварительно омыли гроб преподобного Феодосия, дал вместе с тем и власяницу преподобного Николы Святоши. Но еще прежде, чем посланный принес воду и власяницу, князь, который перед тем потерял дар речи, вдруг заговорил.

Он начал звать: «Идите скорее за город, навстречу преподобным отцам Феодосию и Николе». Когда же посланный вошел в дом, князь снова возопил: «Никола, Никола Святоша!» После того как больному дали испить воды из колодца святого Феодосия и облекли в Святошину власяницу, он сразу выздоровел. С тех пор Изяслав всегда, когда болел, надевал власяницу преподобного и непременно исцелялся от недуга. Надевал он ее и на войну, и ничто не могло повредить ему. Но однажды, согрешив, он не посмел надеть ее и был убит в сражении. Погребли князя, по его просьбе, во власянице Николы Святоши¹²⁴.

«И паки обрящу к тебе слово, — вразумляет святитель Симон Поликарпа. — Что ты таковое сделал? Богатство ли оставил? — но не име его. Славу ли? — но не постиг ея, но от убожества пришел зде в славу и принял все благое. Помысли о сем князе — сего же ни единъ князь в Руси сотвори, волею бо никто не вниде в чернечество. В истинну сей больший всех князей Русских». Симон приводит отрывки из поучений Иоанна Лествичника и аввы Евагрия о покаянии и смирении, присовокупляя от себя грозные обличительные слова: «Вчера пришел еси в чернечество и уже епископству хочещи, и не покоряся всех смирити хочещи, мудрствуещи высокая, гордо повелевая, сопротивно отвещавая. Света отступи и в тьму дался еси, жизнь отверг и муку себе вечную уготовал еси, приял оружіе от врага и въ свое сердце вонзил еси. Воспряни, брате, и разумей о своем житіи, яко опасно».

Столь гневные слова были обращены к Поликарпу не напрасно. Они предваряли рассказ об иноке, во многом повторившем ошибки Поликарпа, но перед смертью принесшем покаяние в своих грехах и получившем прощение от Господа и Пресвятой Богородицы.

БРАЗМЪ украси́и Чрковъ невозмо́газ оумре́ти
До́ндеже пріа́тъ вре́мя дшѣ оукра́и́ти.

Преподобный Эразм. Из Патерики 1702 г.

Был черноризец в Печерском монастыре, именем Эразм, — рассказывает епископ Симон. — Он имел большое богатство и все отдал на украшение храма, оковав золотом и серебром много икон, которые «донныне суть у вас над олтарем». Когда же он обнищал, то все стали пренебрегать им. Эразм впал от этого в отчаяние. Дьявол начал внушать ему, что он не получит награды за пожертвованное на церковь богатство и что лучше было бы раздать его нищим. Не уразумев вражеского искушения, инок начал жить в нерадении и небрежении о своем спасении, проводя время бесчинно. За это он навлек на себя лютую болезнь, которая лишила его дара речи и зрения. Восемь дней находился он при смерти.

К нему собрались все иноки и, видя столь тяжкую кончину, изумлялись, говоря: «Горе душе брата сего, ибо в ленности жил он и в грехах, а ныне душа его видит нечто скрытое от нас и мятется, не в силах выйти из тела».

Вдруг Эразм поднялся, как будто никогда не болел, и начал говорить к собравшимся: «Отцы и братия! Воистину, как вы знаете, грешен я и не успел принести покаяние. Но ныне явились мне преподобные отцы Антоний и Феодосий и сказали: «Мы молились о тебе Господу, и Он даровал тебе время для покаяния». Потом увидел я Пречистую Деву Богородицу с Предвечным Богомладенцем на

руках и с сонмом всех святых. Она сказала мне: «Эразм! Так как ты украсил церковь Мою и возвеличил ее иконами, то и Я прославлю тебя в Царствии Сына Моего, ибо нищих всегда имеете с собой, а церковь Мою не везде имеете. Восстань, покайся и прими великий ангельский образ, а на третий день Я возьму тебя к Себе, ибо ты возлюбил благолепие дома Моего».

Эразм исповедал перед всеми свои грехи и принял схиму, а на третий день в добром исповедании отошел ко Господу. Память преподобного Эразма — 24 февраля и 28 сентября. Мощи его покоятся в Ближних пещерах¹²⁵.

«Об Эразме слышал я от свидетелей и очевидцев этого чуда, блаженных старцев печерских, — пишет Симон Поликарпу. — Знай же, брат, что имение твое, пожертвованное на монастырь, не всуе потрачено, ибо у Бога все изочтено, даже до медницы. Ожидай от Бога милости трудов ради своих — двое дверей сделал ты в святую Великую Печерскую церковь Пресвятой Богородицы, и Она да отверзет тебе «двери милости Своея»*, ибо служащие в этой церкви всегда молятся: «Господи, освяти любящих благолепие дома Твоего и тех прослави Божественною Твоею силою»**.

Далее святитель приводит рассказ из Синайского Патерики о добродетельном юноше, который был златарем*** и, получив от некоего патриция золото на изготовление драгоценного креста для церкви, тайно добавил свое золото, чтобы Господь принял его лепту на святыню и вменил ему это как пожертвование на храм. Узнав о поступке благочестивого юноши, патриций усыновил его и сделал наследником всех своих богатств.

«Ты же, — поучает святитель Поликарп инок, — если истратил имение во славу Божию и Пречистой Его Матери, не погубишь мзды своей (Мф. 10, 42). Ведь сам ты говорил мне: «Все, что имею, на церковные нужды отдам, чтобы не досталось вора́м или чтобы не истребил пожар». Я же тогда приветствовал доброе твое намерение. Но если случится тебе быть окраденным, не смутись и не похули Бога, но благодари Его о сем, возглашая с праведным Иовом: «Господь даст, Господь и отнимет» (Иов 1, 21). Послушай, что я расскажу тебе о черноризце Арефе».

Жил в Печерском монастыре инок Арефа, родом половчанин. Он, вопреки уставу и чину монашескому, тайно держал в келии много денег и отличался такой скупостью, что никогда не подавал милостыни нищим и сам умирал от голода. Однажды ночью воры украли все его имение. Арефа впал в такую скорбь, что едва не погубил себя. Он начал несправедливо обвинять братий и нападать на них с укоризнами. «Мы же все молились о нем, чтобы он исправился, но он никого не хотел слушать», — пишет Симон, который был очевидцем этих событий. Блаженные старцы печерские увещевали и утешали его, говоря: «Возвези на Господа печаль твою и Той ты препитаеш» (Пс. 54, 23). Арефа в ответ досаждал им жестокими словами. В скором времени он впал в тяжкий недуг и был уже близок к смер-

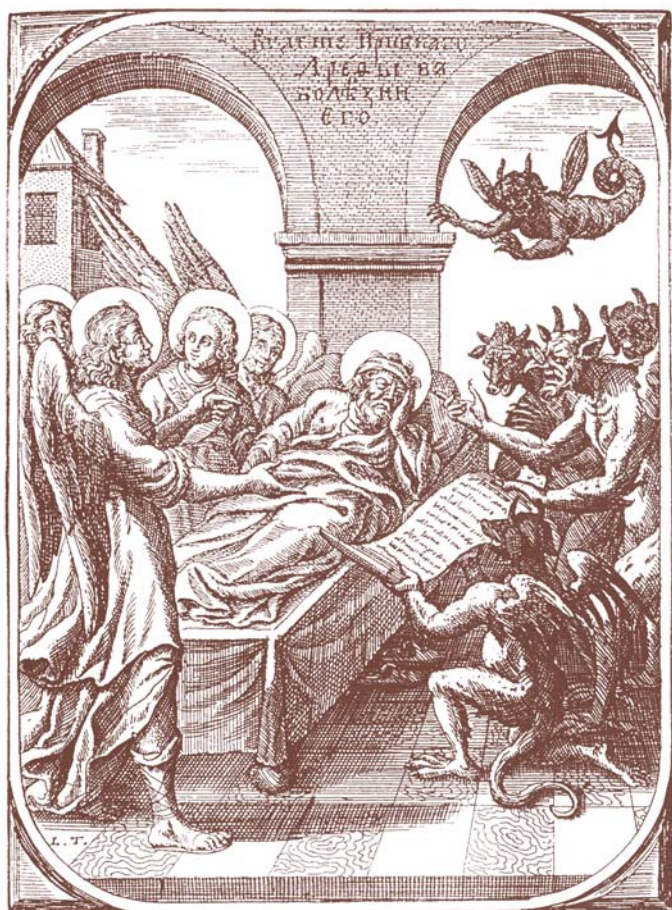
* Тропарь на полунощнице.

** Из заамвонной молитвы.

*** Золотых дел мастером.

ти, однако не оставил ропота и хулы. Но человеколюбивый Господь, хотящий всем спастись и в разум истинный прийти, явил на нем Свою великую милость. Однажды больной, лежа на одре, начал звать громким голосом: «Господи, помилуй! Господи, спаси! Господи, согрешил я! Все это — Твое, и не жалею ни о чем».

Оправившись от болезни, Арефа поведал нам, — говорит Симон, — о страшном видении: пришли к нему ангелы, а затем и бесы, и начали спорить между собой об украденном богатстве. Ангелы не смогли оправдать инока из-за его грехов ропота и хулы. Тогда бесы сказали несчастному: «Не восславил ты Бога, но похулил Его, и поэтому теперь ты наш и нам предан на муку». Ангелы же восстали: «О окаянный человек! Если бы ты возблагодарил Бога о похищенном у тебя богатстве, то это вменилось бы тебе в милостыню, как некогда праведному Иову. Ибо милостыня, если она идет от сердца, есть великое дело пред Богом. Лишившись поневоле богатства, ты претерпел искушение от диавола, который смог вовлечь тебя в хулу. Благодарный же человек все, что с ним случается, предает воле Божией, и это вменяется ему в милостыню». «Вот тогда я, — с трепетом говорил собравшимся инокам Арефа, — и начал кричать: «Господи, помилуй!.. Господи, все это Твое, и не жалею ни о чем». Бесы тотчас исчезли, а ангелы возрадовались».

АРЕФА ДАДЕТЬ ШЕВЪТОМЪ ТЯГМН, СЛАВЪ КЪУ:
ИДЪЖЕ ТЯТЪ НЕКРАДЕТЪ, ПРЯТЬ СЛАВЪ МНОГЪ

Видение преподобного Арефы.
Из Патерики 1702 г.

«Мы же, — пишет Симон, — прославили Бога, а блаженные старцы-подвижники, рассудив о чуде, сказали: достойно и праведно есть за все благодарить Господа».

Арефа, просвещенный вразумлением от ангелов, совершенно изменился. Если прежде никто не мог отвратить его от хулы, то теперь он непрестанно звал словами Иова: «Господь даст, Господь и отнимет. Как Господу угодно, так да и будет. Буди имя Господне благословенно во веки!» (Иов 1, 21).

Память блаженного Арефы, почивающего в Ближних пещерах, отмечается 24 октября и 28 сентября, в день собора отцов Ближних пещер.

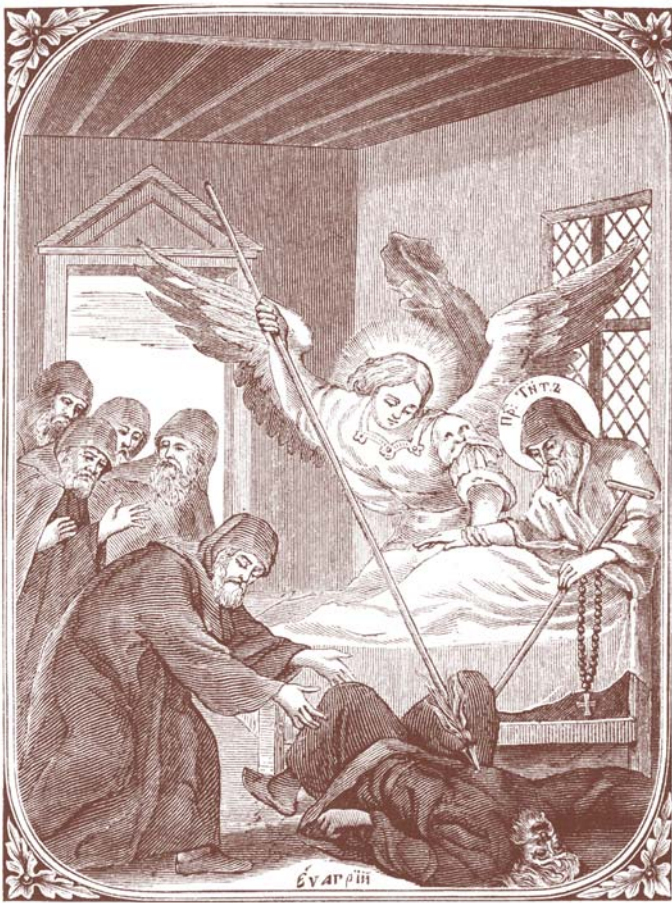
«Если тебе недостаточно этого примера, — обращается святитель к Поликарпу, — то вспомни святого старца из Патерики, который молился Богу, чтобы напали на него разбойники и забрали его имущество, и когда они пришли, безропотно все им отдал. Вот, брат, различными сказаниями и примерами наставлял я тебя, ты же проси у Бога, чтобы Он сподобил тебя окончить жизнь в монастыре, и будь в послушании у игумена Акиндина¹²⁶.

Ибо три добродетели, о которых говорил Афанасий Затворник, есть более всех остальных. Послушай еще об одном чуде, которое я сам видел. Жили в Печерском монастыре два духовных брата — пресвитер Тит и диакон Евагрий. Имели они друг ко другу единомышленную и нелицемерную любовь, так что все дивились их братолюбью. Но ненавидящий добро диавол, который «рыкает, яко лев, ища кого поглотить» (1 Пет. 5, 8), посеял между ними такую вражду и ненависть, что из единомышленников они сделались непримиримыми врагами. «Многажды же братия моливше, еже смириться има меж собою, они же и слышати не хотяху. Егда же стояше Евагрий въ церкви, идущу Титови с кадилницею, отбегаше Евагрий фиміама; егда же ли не бежаше, то миноваше его Тить, не покадивъ. И пребыста много время въ мраке греховнем».

Доходило до того, что они дерзали во вражде душевной участвовать в совершении Божественной литургии и причащаться святых Христовых Таин. Братия неоднократно умоляли их помириться, но безрезультатно. Закоснев во гневе, они продолжали грешить, «на се врагу вооружившу их».

Случилось Титу сильно заболеть. Находясь при смерти, он начал раскаиваться в своем преступлении и горько плакать, «и посла съ умилениемъ къ діакону, глаголя: прости мя, брате, Бога ради, яко гневахся на тя. Сей же жестокими словесы проклинаше его». Братия, видя Тита умирающим, силой привели Евагрия в келию бывшего друга. Больной с большим трудом приподнялся с одра и пал к его ногам, говоря со слезами: «Прости меня, отче, и благослови». Но ожесточенное сердце Евагрия не смягчилось. «Он же, немилостивый и лютый, отвержся пред всеми нами, глаголя: николи же* хошу с ним прощения имети, ни в сій векъ, ни въ будущій». Сказав эти страшные слова, Евагрий вырвался из рук братии, чтобы уйти, но внезапно упал. Когда хотели поднять его, то увидели, что он безды-

* Никогда.

Видение преподобного Тита.

ханен. «Мы не могли, — пишет святитель Симон, — ни согнуть его рук, ни закрыть уст и очей. Он закаменел, как будто давно умер». А Тит встал с одра совершенно здоровым, словно никогда и не болел.

«Мы же, — сокрушается Симон, — ужаснулись внезапной смерти Евагрия и с большим плачем погребли его таким, каким он был в момент смерти — с открытыми очами и устами и распростертыми руками». На расспросы братии Тит отвечал, что во время болезни ему явились ангелы. Отступив от грешника, они плакали о гибели его души. Видел он и бесов, радующихся его гневу. Поэтому и послал он за диаконом, чтобы испросить прощение. Когда же Евагрий, приведенный в его келию, произнес богопротивные слова непощения, пресвитер узрел грозного ангела с пламенным копьем в руках, поразившего насмерть нечестивца, а его поднявшего с одра и исцелившего от болезни.

Далее епископ Симон приводит изречение из «Паренезиса» преподобного Ефрема Сирина о том, что умирающие во вражде обрящут неумолимый суд Божий.

«От нея же и ты, брате, блюди, не дай же места гневливому бесу, — поучает наставник Поликарпа, врачуя его духовные немощи, — да и тебе сохранить Господь от всякого гнева. Той бо рече: да не зайдет солнце в гневашем (Мф. 5, 22). Ему слава со Отцем и со Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь»¹²⁷. Память преподобного Тита, почивающего в Ближних пещерах, совершается 27 февраля и 28 сентября.

В отличие от «многогрешного» ученика преподобного Онисифора, получившего, несмотря на тяжкие грехи, спасение по молитвам святых Антония и Феодосия, Евагрий

погиб, ибо нарушил главную Божию заповедь — о любви. Начав свое Послание с рассказа об отступнике иноческого устава, мудрый духовник закончил его также не житием праведника, а печальной историей о страшной гибели заблудшего черноризца. Как искусный врач употребляет при сильной болезни сильные лекарства, так и Симон прибег к горькому, но отрезвляющему средству, преподав Поликарпу, да и всем, подвижающимся в иночестве, спасительный урок неотвратимости праведного суда Божия.

Епископ Симон в своем труде постоянно подчеркивает, что Печерская обитель есть «святое и честное» пристанище спасения. Как море, оно «не держит в себе гнилого, но измещет вонь». Рассказом о Тите и Евагрии, дидактизм которого выходит за узкие рамки исихии и поднимается до высот всехристианского, всечеловеческого главенства любви, святитель заканчивает послание к Поликарпу.

Сочинения архипастыря отличаются разнообразием и широтой писательской палитры. Это и Слова, близкие к поминальным записям (жития преподобных Кукши и Пимена), повести-маририи (о «Евстратии Постнице» и Никоне «многотерпеливом»), развернутые житийно-исторические полотна (о князе Святоше), краткие агиографические зарисовки постатейной структуры, схожие с лаконичными рассказами древних Патериков, и т. д.

Культурная среда, в которой творил книжник, существенно отличалась от среды первохристианского периода Руси, когда создавали свои произведения Иларион, Никон и Нестор. Единодушно признавая несомненные литературные достоинства Симонова творения, исследователи отмечают, что его появление «обусловлено в первую очередь зрелостью культуры древнерусского средневековья. В начале XIII в. завершается процесс освоения Русью новых форм культуры, жанровых систем, идеологических концепций в усвоении с традициями автохтонной цивилизации. Происходит перестройка знаковой системы воспринятой христианской культуры относительно к коренным культурным ценностям. Раскрытие Симоном места Печерской обители в духовной жизни тогдашней Руси показывает значение монастыря как символа культуры нового типа»¹²⁸. Культура эта зиждилась на фундаменте евангельской морали, воспевала торжество добра над злом, победу нового человека над ветхим через преодоление вражды любовью, во исполнение завещания святого апостола Петра: «...прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь. Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа» (2 Пет. 1, 5-8).

Святитель Симон достиг своей цели. Его Патерик стал настольной книгой не только для монашествующих, но и для всех христиан, явился «детоводителем ко Христу» (Гал.3, 24), мудрым учебником жизни.

Под влиянием наставлений духовника Поликарп в корне изменил свою жизнь. Примеры подвижничества и свя-

тости преподобных отцов оказали на него большое воздействие. Он стал истовым последователем заветов преподобных Антония и Феодосия. Побуждаемый благоговейной любовью к печерским угодникам, он стал собирать сведения о них и глубже изучать историю обители. Плодом его кропотливых трудов явилось послание к Акиндину, архимандриту Печерского монастыря¹²⁹.

«При Господнем содействии и подкреплении слова (Мр. 16, 20) обращаюсь, — пишет Поликарп, — к твоему благоумию, пречестный архимандрите всея Руси, отче и господине мой Акиндине. Да будет благоприятным твой слух, да возглаголю жития, деяния и знамения дивных и блаженных мужей святого Печерского монастыря, о которых слышал от епископа Владимирского и Суздальского, брата твоего, черноризца печерского, рассказывавшего мне, грешному, о святом и великом Антонии, начальнике русских монахов, и о святом Феодосии, и о житии и подвигах святых и преподобных отцев, скончавшихся в сем доме Пречистой Божией Матери. Да простит твое благоумие мое невежество. Немного рассказал я об этих великих чудесах, гораздо больше забыл от робости, стыдясь твоего благочестия. Понуждая себя написать о блаженных братиях наших, хотел я, чтобы и сущие после нас черноризцы узнали о неизреченной благодати Божией, осеняющей это святое место, и прославили Отца Небесного, показавшего такие светильники в земле русской».

В структуре послания выделено двенадцать относительно самостоятельных сюжетных частей. Некоторые рассказы сопровождаются духовно-аскетическими раздумьями. Так, в конце повести о Лаврентии Затворнике, во время пребывания которого в обители находилось тридцать подвижников, имевших власть над нечистыми духами, Поликарп восклицает: «Вот почему я написал тебе, господин Акиндин, да не покроются тьмою неведения дивные чудеса, знамения и подвиги тех блаженных и преподобных наших отцов. Да сподобит и меня Господь вместе с ними милости в день судный».

Поликарп начинает свой труд с повествования о преподобном Никите Затворнике, который подвизался в обители при игумене Никоне. Горя желанием сугубого богоугождения, но не имея духовного опыта, он затворился в пещере, хотя старец Никон не дал на это своего благословения.

«Чадо! Не полезно тебе, еще юному, находиться в праздности, — увещевал его игумен. — Лучше пребывай с братией, работая наравне со всеми, и ты не лишишься награды своей. Ты сам видел, как брата нашего, Исаакия пещерника, прельстили бесы, и лишь благодать Божия да молитвы преподобных отцов Антония и Феодосия спасли его». Никита с горячностью отвечал игумену: «Никогда, отче, я не буду прельщен. Я стремлюсь укрепиться для борьбы с бесовскими кознями и буду молить человеколюбивого Бога, чтобы Он подал мне дар чудотворения, как Исаакию Затворнику, который и доньше творит много чудес». Преподобный Никон пытался вразумить молодого черноризца: «Желание твое выше сил. Блудись, чадо, чтобы не пасть

тебе прежде вознесения. Гораздо лучше тебе служить братии. Послушай, и ты будешь увенчан от Бога».

Но Никита, охваченный рвением к затворническим подвигам, не внял вразумлению игумена и ушел в пещеру. Он предался суровым подвигам поста и бдения, никогда не выходя на свет Божий.

Однако вскоре за своеволие и самомнение инок был наказан — благодать Божия отошла от него, и бесы прельстили несчастного. «Во время бо пенія своего слышаше глась молящся с ним и обоняше благоуханіе неизреченно, и сим прельстися, глаголя в себе: аще бы сей не ангель былъ, не молился бы со мною, ни Духа Святаго обоняніе было бы».

Приняв этот губительный помысел, Никита стал прилежно молиться и просить: «Явись мне Сам, Господи, да разумно вижу Тебя». Тогда снова услышал он голос: «Не явлюсь тебе, ибо ты юн и можешь ниспасть, вознесишься». Затворник со слезами воскликнул: «Не прельщусь, Господи! Игумен научил меня не внимать прелести бесовской. Все же, что ты повелишь сделать, прилежно исполню». Тогда душепагубный змий полностью возобладал над иноком. «Невозможно человеку, во плоти находящемуся, увидеть меня, — сказал он, — но я пошлю ангела, чтобы он постоянно пребывал с тобой. Ты же исполняй волю его». Тотчас пред ним предстал бес в виде ангела, и Никита, упав, поклонился ему. «Отселе ты уже не молись, — внушал бес, — только читай книги, беседуя с Богом и подавая пользу прихожанам. Я сам буду молить Творца о твоём спасении». Затворник, прельстившись еще более, перестал молиться и начал непрестанно читать книги, видя рядом беса и думая, что за него молится ангел. К нему начали приходить люди, и он принимал их, беседуя с ними из Писаний и пророчествуя. Все дивились исполнению его предсказаний, и о нем начала распространяться слава как о великом праведнике.

Однажды он послал сказать князю Изяславу: «Сегодня в Заволочье убит князь Глеб Святославич. Скорее пошли

Святитель Никита, затворник Печерский.

своего сына Святополка на престол в Новгород». Через несколько дней действительно пришло известие об убийстве князя Глеба. С этого времени Никита прославился как предсказатель, и к нему начали приходить князь и бояре.

Он очень хорошо знал Писание Ветхого Завета, но о книгах Нового Завета не хотел и слышать: «Не можаше же никто стязатися с ним книгами Ветъхаго Закона, вся бо изусть умея: Бытіе, и Исход, Левыты, Числа, Судии, Царства и вся Пророчества по чину, и вся книги Жидовьскыя сведяше добре. Евангеліа же и Апостола, яже въ благодати преданныа нам... сих николи же восхоте видети, ни слышати, ни почитати, ни иному дасть беседовати... И бысть разумно* всемъ от сего, яко прельщенъ естъ от врага. И сего не терпяще преподобнии отци: Никонъ игумень, Іоанъ, иже по нем бысть игумень, Пимень Постникъ, Ісаиа, иже бысть епископъ граду Ростову, Матфей Прозорливецъ, Ісаакій святыи Печерникъ, Агапитель Лечець, Григорій Чюдотворецъ, Никола, иже бысть епископъ Тмутараканю, Нестерь, иже написа Летописецъ, Григорій, творецъ канонемъ, Феоктист, иже бысть епископъ Черниговскій, Онисифор Прозорливецъ, сии вси богоносци приидоша к прельщенному и помольшеся Богови, отгнаша беса от него».

Когда после этого исцеленного Никиту спрашивали о книгах Ветхого Завета, он говорил, что не читал их и даже не имел грамотности. «Сии же преблаженіи отци едва научиша его грамоте. И оттуду даст себя на воздержаніе и послушаніе и чистое и смиренное житіе, яко превзыти ему всех добродетелію. Его же последи поставиша епископомъ Новограду за премногую его добродетель. Иже и многа чюдеса сотворивъ: некогда бездождію бывшу, и помолився Богу, дождь с небесе свде, и пожар граду угаси. И ныне со святыми чтуть его, святаго и блаженаго Никыту»¹³⁰.

Память святителя Никиты 31 января, в день преставления, и 30 апреля, в день обретения мощей. Местное его почитание началось еще в XII ст. Всецерковная канонизация святителя состоялась в 1547 г. на московском соборе. Через одиннадцать лет, в 1558 г., были обретены его нетленные мощи, пребывавшие с тех пор в новгородском храме Святой Софии¹³¹.

С тех пор, как преподобные Исаакій и Никита подверглись обольщению в затворе, печерские старцы стали с осторожностью подходить в своей пастырской практике к благословению на этот вид аскетического делания. Поликарп сразу после жизнеописания преподобного Никиты приводит рассказ об иноке Лаврентии, который также, как и Никита, пожелал уйти в затвор: «По сем** иной некто братъ, именемъ Лаврентій, сей восхоте въ затвор внити. Сему же святыи отци отнудъ не повелеша сего сотворити. Сій же Лаврентій шедъ къ святому Дмитрію въ Изяславль монастырь и затвори себе». Но уход затворника в Димитриев монастырь произошел по Божию промыслу, дабы и здесь, в родственной Печерскому монастырю обители, просияла слава подвигов печерян. «И крепкаго ради его житія дарова ему Господь благодать исцеленія».

**ЛАВРЕНТІЙ, ЛАВРЫ СНАУ, НА ЗЕМАН ПРОСЛАВН:
ПРОСЛАВЛЕНЦЪ, ПРОСЛАВЛЕНЦЪ ВЪ НБѢ, ЧРЕМЪ СЛАВЫ.**

*Преподобный Лаврентий Затворник.
Из Патерики 1702 г.*

В монашеской жизни самыми тяжкими грехами являются послушание и самоволие. Лаврентий, хотя и стяжал бдением, пощением, слезами, коленопреклонениями и молитвой дар исцеления, но все же понимал, что ему недостает благодати Печерской обители и предательства ее великих угодников. Сам Господь явил ему это. К нему был приведен некий киевлянин, одержимый лютым бесом. Он легко мог, движимый бесовской силой, поднять огромное бревно, которое было не под силу нести десяти мужам. Лаврентий не сумел изгнать беса. «Пребывшу же ему много время неисцелевшу, повеле его затворникъ вести в Печерский монастырь».

Услышав об этом, бесноватый начал громко вопить: «К кому ты посылаешь меня? Я даже не смею приблизиться к пещере ради святых, возлежащих в ней. В той обители есть тридцать черноризцев, которых я боюсь. С прочими же я еще могу вести брань». Люди, которые силой влекли бесноватого в Печерскую обитель, зная, что он никогда не бывал в ней, начали спрашивать его об этих угодниках. Он назвал тридцать имен из числа печерского братства, которое тогда насчитывало 180 человек. Видя лютость беса, решили было закрыть страждущего в пещере, но он снова завопил: «Какая польза мне вступать в борьбу с мертвыми! Они теперь великое дерзновение имеют перед Богом, молясь о своих черноризцах и о всех, при-

* И стало понятно.

** После сего.

ходящих к ним. Но если хотите видеть мою силу, ведите меня в монастырь, ибо, кроме тех тридцати, с остальными я могу вступить в борьбу». В подтверждение своего бахвальства бес в страждущем начал говорить на еврейском, латинском, греческом и других языках, которых никто никогда не слышал. Но гордыня беса была посрамлена. Он не посмел даже приблизиться к Печерской обители и, прежде чем больного ввели во врата, оставил его. Возрадовавшись милости Божией, все пошли в соборную церковь, чтобы прославить Бога. Пришел туда и игумен со всей братией. Исцеленный не знал ни игумена, ни черноризцев, которых раньше называл. Взглянув на чудотворную наместную икону Божией Матери, он сказал, что с этим святым образом его встретили пред вратами тридцать черноризцев «и тако исцелех». Тогда все «славу воздаяху Богови и Пречистой Его Матери и блаженным угодникам Его»¹³². Мощи преподобного Лаврентия почивают в Ближних пещерах. Память его 29 января и 28 сентября.

Исцелениями и чудотворениями прославил Бога преподобный Агапит, ибо Печерский монастырь по праву был духовной лечебницей, где страждущие получали исцеление от недугов не только души, но и тела. Традиция врачевательства вела здесь свое начало от самого аввы Антония. Блаженный Агапит принадлежит к когорте первоинков печерских: «Бе некто от Киева пострижесе, именем Агапитъ при блаженнем отци нашем Антоніи, иже и последствоваше житію его ангельскому». Очевидец подвигов великого аввы, Агапит стремился во всем подражать ему, особенно в служении немощным и других делах милосердия. Старец Антоний скрывал свой дар чудотворения, употребляя общепринятые тогда методы лечения травами, и больные «здрави бываху молитвами его». Такой же путь врачевства избрал и Агапит. Если кто-нибудь из братии впадал в недуг, он приходил к больному и преданно служил ему, врачуя лечебным зелием и непрестанной молитвой. Если болезнь затягивалась, блаженный усиливал молитву, и Господь вознаграждал его веру исцелением брата. «И сего ради прозвань бысть Лечець, сему бо дарова Господь дарь исцеленія». Слава о монастырском врачевателе распространилась по всей округе, и многие, придя к нему, получали помощь.

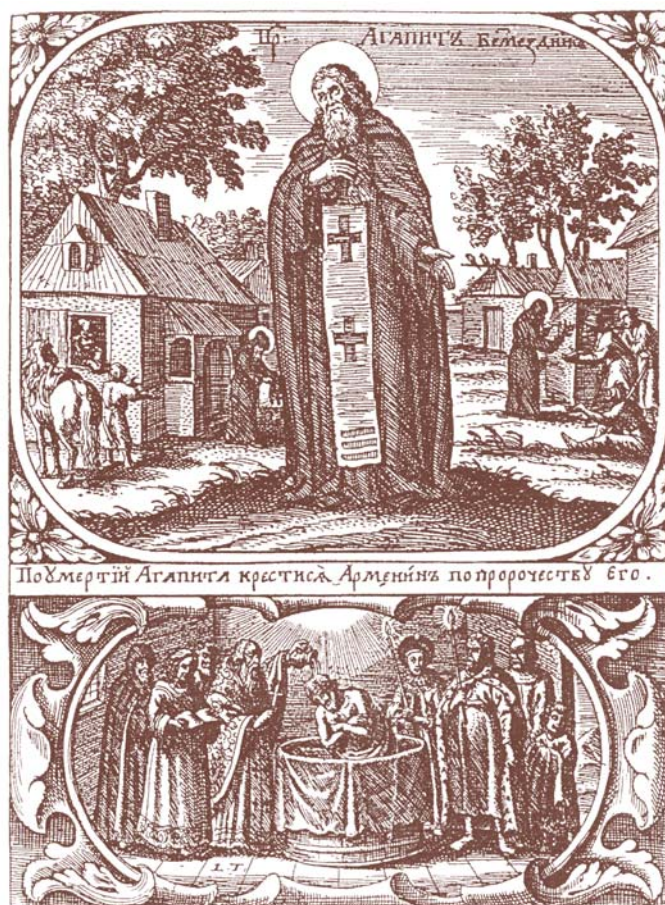
В то время в Киеве самым искусным врачом слыл некий армянин, который мог только по одному виду больного определить его недуг и время кончины. Однажды в обитель принесли безнадежно больного боярина князя Всеволода. Армянин предсказал ему смерть через восемь дней. Отчаявшись, боярин решил прибегнуть к последнему средству — силе молитв преподобного Агапита. И вера его не была посрамлена. Преподобный, помолвившись, дал ему вкусить «зелія, еже сам ядяше, и здрава сотвори его. И промъчесе о нем слава по всей земли той».

Посрамленный армянин, смертельный прогноз которого впервые не сбывся, был уязвлен завистью и решил отомстить святому. Испытывая силу врачевания Агапита, армянин послал в монастырь человека, осужденного на смерть, с приказанием выпить яд перед глазами инока. Бла-

женный, видя его умирающим, дал ему вкусить монастырской снеди и помолился о нем, избавив тем самым от неминуемой смерти. С той поры армянин еще более ополчился на святого и послал своих единоверцев отравить его. Но Господь, сказавший: «Аще что и смертное испиют — не вредит им» (Мр. 16, 18), и здесь посрамил нечестивца, ибо яд не причинил Агапиту никакого зла.

Вскоре после этого заболел опасным недугом Черниговский князь Владимир Мономах. Армянин долго лечил его, но не смог ничем помочь, только привел князя в худшее состояние. Находясь уже при смерти, Мономах послал гонцов к игумену Иоанну, прося его прислать Агапита в Чернигов. Блаженный Агапит, никогда не выходивший из обители, смиренно сказал игумену: «Если пойду к князю, то должен буду идти и к другим. Посему молю тебя, отче, позволь мне не выходить из стен монастырских ради человеческой славы, чтобы не преступить обета моего о пребывании в монастыре до последнего издыхания». Гонец, видя непреклонность инока, попросил передать князю хотя бы зелия от стола блаженного. По настоянию игумена Агапит исполнил эту просьбу. Как только князь вкусил зелие, болезнь тотчас оставила его.

Будучи в Киеве, Мономах пришел в Печерский монастырь к своему исцелителю, чтобы одарить его большим богатством. Агапит же, провидя это, тайно от всех скрылся. Тогда князь отдал принесенное золото игумену. Потом он прислал к блаженному своего боярина с многими да-

АГАПИТЪ РѢЧЬ, ЗЕЛІЕМЪ ЕНЪДНЫМЪ ИСЦѢЛѢШЕ:
ИСЦѢЛЕНЪ ХРЪТОМЪ, ИЖЕ ЦВѢТЪ ИБРАШНШ НАШЕ.

Преподобный Агапит. Из Патерики 1702 г.

рами. Преподобный сказал посланному: «О чадо! Никогда я не брал денег за исцеление, да не погублю мзды своей (Мф. 10, 42)». Боярин отвечал: «Отче, знает князь, что не хочешь ты вознаграждения, но молю тебя, утешь своего духовного сына, которому с Божией помощью даровал здравие — прими сей дар и отдай нищим». Агапит сказал: «Если так, то с радостью приму. Возвести пославшему тебя, чтобы и далее помогал он нищим, ибо ради сего Господь избавил его от смерти. Я же ничего не сделал. Усердно прошу князя не ослушаться меня, чтобы вновь не пострадать». Взяв золото, преподобный вынес его из келии и бросил за порог. Пришлось боярину отнести деньги к игумену Иоанну. Услышав о поступке Агапита, князь удивился, и «разумеша вси, яко рабъ Божій есть. Князь же не посме преслушаться старца и все имение свое издасть нищим, по словеси блаженаго».

После многих богоугодных трудов и подвигов заболел и сам безмездный врач. Армянин пришел к нему и, торжествуя над его немощью, начал испытывать его врачебное искусство, спрашивая, каким снадобьем лечится тот или иной недуг. Блаженный кротко отвечал: «Тем снадобьем, какое укажет Господь — Врач душ и телес». Армянин с кичливостью сказал своим друзьям: «Он ничего не понимает в этом». Взяв преподобного за руку, он предсказал ему смерть на третий день, уверяя, что слова его непреложны, иначе он готов сам пойти в монастырь. Блаженный с укором возразил ему: «В этом ли состоит твое искусство, чтобы предугадывать смерть, а не помогать? Если ты искусен, то возвращай к жизни, а если не владеешь сим, то не дерзай предсказывать, ибо Господь возвестил мне, что я отойду через три месяца». Но армянин продолжал пререкаться с иноком, говоря, что тот сильно изнемог и посему конец его близок. В это время к Агапиту принесли некоего недужного. Блаженный тотчас встал, словно совсем не болел, взял свое снадобье, употребляемое им в пищу, и показал его армянину со словами: «Вот зелие врачевания моего, виждь и разумей». Лекарь с удивлением отвечал: «Зелие это не из наших. Вероятно, оно из Александрии». Преподобный Агапит дал больному снадобье и, помолвившись, исцелил его.

Желая угостить лекаря, преподобный предложил и ему свое снадобье, кротко сказав: «Чадо, вкуси, что Бог послал, ибо мы, иноки, убоги и не имеем ничего другого». Но армянин отказался под предлогом четырехдневного поста, который он соблюдал в этом месяце. На вопрос Агапита, какой он веры, лекарь ответил: «Разве ты не слышал обо мне? Я армянин». Блаженный Агапит разгневался и сурово сказал ему: «Как осмелился ты войти сюда и осквернить мою келию? Как мог прикоснуться к моей грешной руке? Уйди от меня, иноверный и нечестивый!»* Тот, посрамленный, ушел. А преподобный Агапит, немного поболевав, отошел через три месяца в вечную жизнь во Христе Иису-

се, Господе нашем. Мощи его пребывают в Ближних пещерах. Память безмездного инока-врача совершается 1 июня и 28 сентября.

После его преставления армянин пришел в Печерскую обитель и сказал игумену: «Я желаю оставить армянскую веру, чтобы трудиться в святом иноческом чине. Ибо мне явился блаженный Агапит, сказав: «Ты обещал принять монашеский образ, и если солжешь, то погубишь душу свою». И я верую, что он поистине свят. Если бы он хотел прожить долгую жизнь, то Бог не преставил бы его от мира сего. Господь даровал ему вечную жизнь, и знаю, что истинно по своей воле блаженный отошел от нас, желая Небесного Царствия. Умерев, он пребывает живым, вселившись в вечные обители». Армянин постригся в Печерской обители «и ту животь свой сконча въ добре исповеданіи»¹³³.

Обращаясь к архимандриту Акиндину, Поликарп пишет: «Это и много больше сделано святыми черноризцами, чье добродетельное житие я вспомнил. Дивлюсь, что до сих пор мало известны были великие подвиги святых отец наших Антония и Феодосия. Если такое светило угаснет через наше небрежение, то как от него лучи воссияют? Неужели о преподобных отцах и братиях наших можно сказать: «Несть пророка в своем отечестве» (Лк. 4, 24)? Как смогу описать, честной архимандрит, господин мой Акиндин, чудотворения святых и преподобных отцев, их подвиги, крепкое воздержание, послушание, прозорливость? О знамениях, вере и чудесах их я слышал от твоего черноризца, а моего господина, епископа Симона. Некоторым сказанное кажется сейчас невероятным из-за величия их дел. Виною этому неверию — я, грешный Поликарп. Но все, что сможет постичь мой ум и вспомнить память, напишу по повелению твоего преподобия, дабы и сущим после нас была польза, как и блаженный Нестор написал в летописи о преподобных отцах Дамиане, Иеремии, Матфее и Исаакие. В Житии святого Антония написаны, хоть и вкратце, все жития их. Если же я промолчу, то окончательно забудутся имена их и не будут помянуты, как было до сего дня. Это говорится в пятнадцатый год твоего игуменства. Не было же поминания их сто шестьдесят лет. Но ныне, благодаря твоей любви, тайное стало явным, и память боголюбцев, угодивших Богу, всегда чтима и прославляема. Для меня же украшаться ими — великая честь, и надеюсь ими исправить постыдные дела мои. Ибо, как сказал Господь, на небесах бывает радость и о едином кающемся грешнике (Лк. 15, 10). Тем более ангелы небесные веселятся о стольких праведниках, которые здесь пренебрегали плотским и, как бесплотные, все земное и житейское отвергли, вменив ни во что, да единого Христа приобрящут (Фил. 3, 8). Лишь одного Его они возлюбили и Ему всю волю свою предали, чтобы воспринять от Него обожение, и Он даровал им дары чудотворения, а в буду-

* В Печерском монастыре, еще с времен преподобного Феодосия, существовало суровое отношение к иноверию, распространившееся в столице подобно вирусу из-за либеральной политики князей. Многие иноверцы, подобно этому армянину, занимали тогда видное положение в обществе и негативно влияли на религиозную обстановку в государстве. Духовные язвы знатной верхушки, равнодушной к проблемам родной Православной веры, сурово обличал преподобный Феодосий в «Сказании о латынях». Но ситуация с тех пор мало изменилась.

ГРИГОРІЙ правды раднъ, жнзнь скончѣ водѣю :
 При источннцѣ жнзни, днсь прнчтѣнъ покою .

Преподобный Григорий. Из Патерики 1702 г.

шем веке прославит их неизреченной славой. Ибо без благодати Святого Духа и произволения свыше человек бес силен на земле. Посему и я, грешный Поликарп, трудясь по твоей, державный Акиндин, воле, написал о них.

Но повели мне, и расскажу тебе о блаженном и преподобном отце нашем Григории Чудотворце.

Сей блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь при преподобном отце нашем Феодосии «и от него научень бысть житію чернеческому, нестяжанію, послушанію и прочим добродетелем». Его молитва была столь сильна, что бесноватые, приводимые к нему для исцеления, еще издали кричали: «О Григорий, ты изгоняешь нас!» Чудотворец читал над больными заклинательные молитвы и освобождал их от бесовского плена.

Не терпя поругания, диавол задумал отомстить блаженному. Он навел на инокa грабителей, хотя Григорий ничего не имел, кроме книг. В одну из ночей воры подступили к келии преподобного и ждали, пока он уйдет на утреню. Но старец провидел их замыслы. Желая привести злодеев к покаянію, он стал молиться о них: «Боже, дай сон рабам Твоим, которые всеу пришли сюда, угождая врагу». На них сразу напал столь глубокий сон, что они спали пять суток, пока сам Григорий, призвав братію, не разбудил их, говоря: «Доколе будете всеу тратить время! Пора уже вам идти по домам». Но воры изнемогли от голода и не могли идти, пробыв без пищи столь продолжительное время. Накормив, блаженный отпустил их. Когда о нападении на келию Григория узнал городской наместник, то

приказал казнить разбойников. Узнав об этом, преподобный подарил ему несколько ценных книг из келейной библиотеки и освободил своих обидчиков. Прочие же книги Григорий продал и деньги раздал убогим, думая в себе: «Да не впадут снова в беду те, кого соблазнит мое имущество. Ибо сказал Господь: «Продавайте имущества ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе... сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает. Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк. 12, 33-34). Пораженные всем происшедшим, разбойники покаяться и, «пришедше в Печерський манастырь, вдашася на работу братію».

Блаженный Григорий, как и другие черноризцы, имел небольшой вертоград, в котором трудился над возделыванием сада и огорода. Однажды, по наущению диавола, к нему снова проникли воры. Но когда они, опустошив вертоград, собирались скрыться, вдруг их сковала полная неподвижность. Двое суток стояли они под бременем украденного, не в силах сдвинуться с места. Наконец, отчаявшись, они начали громко вопить: «Отче Григорие, отпусти нас! Мы покаемся в грехе своем и больше никогда не будем красть». На крик сошлись черноризцы и хотели вывести их со двора, но не могли. Блаженный Григорий, выйдя из келии, строго укорил воров за грех лихоимства, праздное времяпровождение и нежелание трудиться. Пленники со слезами просили у него прощения. Сжалившись, старец сказал: «Если будете работать и от трудов своих помогать другим, то отпущу вас». Они с клятвою отвечали: «Никогда, отче, не преслушаем тебя». Григорий сказал: «Благословен Бог! Отселе трудитесь на святую братію и на потребу монастыря». С тех пор они прилежно до конца своих дней работали в Печерском монастыре. Их потомки также стали монастырскими работниками, о чем свидетельствует Поликарп в своем послании.

Но диавол, злобясь на преподобного, дерзнул снова досадить ему. Он искусил трех нечестивых людей на обман. Придя к старцу, они сказали ему: «Отче! Один из нас осужден на смерть. Молим тебя, дай нам чего-нибудь, чтобы мы могли искупить его от смерти». Григорий, провидя исполнение этих слов, проникся жалостью к ним и прослезился. «Горе человеку тому, ибо пришел день его гибели!» — воскликнул старец. Они, желая скорее получить деньги, возразили: «Если ты дашь нам что-либо, не умрет». Преподобный сказал: «Если и получите, все равно умрет. Но на какую смерть осужден друг ваш?» Обманщики ответили: «Он должен быть повешен на дереве». — «Действительно, — сказал Григорий, — завтра он будет повешен». Сойдя в свою пещеру, в которой он обычно предавался безмолвию и молитве, старец вынес последние оставшиеся у него книги и отдал со словами: «Возьмите, и если они окажутся вам не нужны, возвратите». Удалившись оттуда, нечестивцы начали смеяться над ним, намереваясь продать книги и деньги присвоить себе. Более того, они решили ночью ограбить преподобного. С наступлением тьмы злодеи проникли в сад, закрыли пещеру, где чудотворец молился, и мнимый смертник, который обманывал старца,

полез на дерево, собирая плоды. Внезапно ветви обломились, и он полетел вниз. Зацепившись ожерельем за сук, несчастный повис в воздухе. Товарищи его, испугавшись, убежали, и он погиб от душения.

Между тем черноризцы, встревоженные отсутствием преподобного на утрене, пришли к его келии. Здесь их взору открылась страшная картина — на дереве висел мертвец. После долгих поисков старец был найден и оперт. Увидя друзей погибшего, стоявших в толпе, он повелел снять его, а им сказал: «Смотрите, как сбылась ваша ложь! Бог поругаем не бывает. Если бы вы не закрыли меня, то я помог бы ему и он не умер. Но сам диавол научил вас этому». Они упали в ноги блаженному, прося прощения. «Григорий же осуди их в работу Печерському монастырю, да тружасься, лебь ядятъ и довольни будутъ иных напитать от своих трудов. И тако ти скончаша животъ свой, и с чады своими работающе в Печерском монастыри рабами Пресвятыя Богородицы и учеников святого отца нашего Феодосіа».

Посрамленный диавол, видя, что не может досадить преподобному, ополчился на него со всей силой адской злобы. Он задумал нанести старцу последний удар. Случилось как-то одному из монастырских сосудов быть оскверненным попавшим в него нечистым животным. Григорий взял сосуд и спустился к Днепру, чтобы омыть его. В то же время сюда приехал князь Ростислав Всеволодович. Он намеревался посетить Печерскую обитель ради получения молитв и благословения, ибо собирался с братом Владимиром идти на войну против половцев. Слуги Ростислава, наущаемые диаволом, начали смеяться над преподобным и оскорблять его ругательствами. Прозорливец, провидя их смерть на войне, кротко сказал: «О чада! Если вы пришли искать молитв о себе, то зачем творите зло, неугодное Богу? Плачьте о своей гибели и кайтесь в согрешениях, чтобы получить прощение в день Страшного суда, ибо вы уже осуждены на потопление в воде вместе с вашим князем». Ростислав не внял предостережению святого. «Мне ли, умеющему хорошо плавать, ты предсказываешь смерть от воды?» — гневно закричал он. Не имея страха Божия, князь приказал связать старцу руки и ноги, повесить на шею камень и бросить в воду. Так мученически скончался печерский чудотворец. Иноки в течение двух дней безуспешно искали его, а на третий день обрели в келии с камнем на шее и связанными руками и ногами. Одежды преподобного были еще мокрыми. Он лежал, как живой, со светлым и ясным лицом. Все удивились чудесному обретению мощей страдальца в келии, к тому же запертой, и воздали хвалу Богу, дивному во святых Своих. Святые мощи были изнесены в Антониеву пещеру, где и донныне нетленно почивают, исцеляя тех, кто с верой и любовью поклоняется им. Память преподобного Григория совершается 8 января и 28 сентября.

Ростислав, ослепленный яростью и гневом, изменил свое первоначальное решение идти в монастырь за благословением. «И не восхоте благословенія, и удалися от

него; возлюби клятву* и прииде ему» (Пс. 108, 17). Брат же его, благочестивый Владимир Мономах, исполнил обет паломничества в обитель.

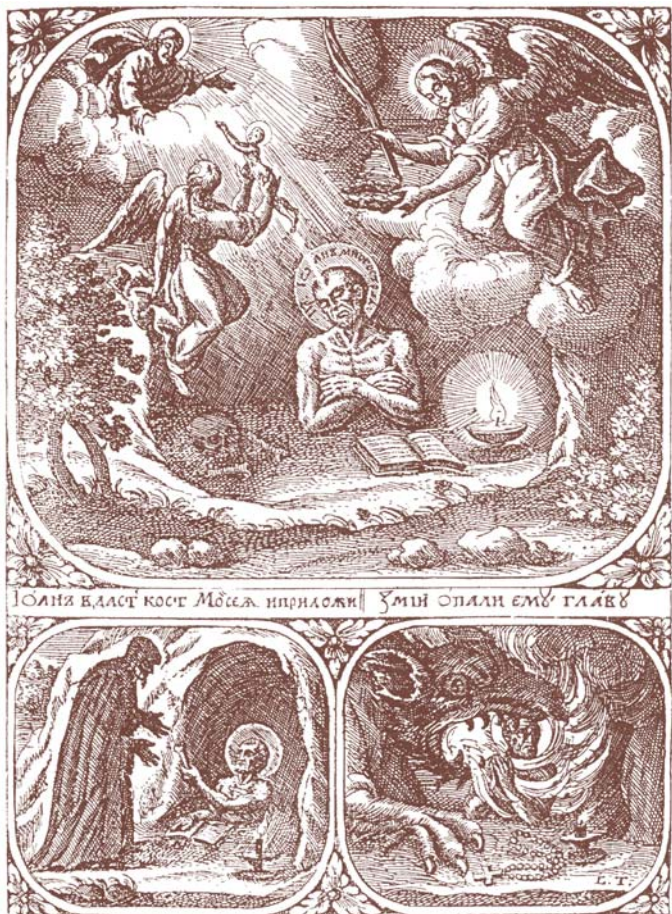
Во время битвы у Триполья на реке Стугне в 1093 г. князя были наголову разбиты половцами. «Владимиръ же прееха реку, молитвъ ради святыхъ и благословенія, Ростислав же утопе съ всеми своими вои, по словеси блаженнаго Григорія». Евангелие гласит: «Имже бо судомъ судите, судять вамъ, и в нюже меру мерите, возмерится вамъ» (Мф. 7, 2). Этим изречением Спасителя Поликарп заканчивает рассказ о святом Григории Чудотворце, присовокупляя обращение к обижающим ближних и предостерегая, на евангельских примерах, о неизбежности Божия наказания¹³⁴.

Монахи являются добровольными страстотерпцами, постоянно распиная плоть свою «со страстьми и похотьми» (Гал. 5, 24). Их подвиг не менее высок, чем страдания мучеников, а иногда даже более тяжок и изнурителен. В Египетском патерике, среди многих поучений святых пустынных, есть одно мудрое изречение Пимена Великого: «Человек никак не должен давать силы двум помыслам. Жить в Боге невозможно, если он сребролюбив и сластолюбив»¹³⁵. Вспомним также наставление Исаака Сирина († 550): «Страсти искореняются и обращаются в бегство непрерывным погружением мысли в Боге. Это — меч, умерщвляющий их. Кто желает видеть Господа внутри себя, тот прилагает усилие очищать сердце свое непрерывным памятованием о Боге, и таким образом, при светлости очей ума своего, часто будет он зреть Господа»¹³⁶.

Наставления эти в полной мере исполнил великий печерский подвижник Иоанн Многострадальный. Поликарп, начиная повествование об Иоанне, предваряет его небольшим экскурсом в библейскую историю и анализирует влияние грехопадения первого человека на греховное и страстное состояние человеческой природы. Поликарп смиренно относит к таковым и себя, каясь в прошлых прегрешениях. В пример мужественного противоборства миру, плоти и диаволу он приводит житие преподобного Иоанна, «иже заповеди непорочно сохранивъ, въ чистоте же соблюод тело свое и душу от всякия скверны плотския и душевныя».

Иоанн затворился в пещере и пребыл в ней тридцать лет, изнуряя тело беспримерным воздержанием, постом, ношением тяжелых железных вериг и другими подвигами. К нему часто приходил за наставлениями один брат, мучимый от диавола плотской похотью. Он просил у блаженного Иоанна молитв, чтобы Господь подал ему помощь в этой тяжелой брани. Преподобный учил его быть мужественным, крепиться, идти путем Господним не сворачивая. Но брат, изнемогший от бесовских борений вплоть до мысли ухода из обители, настойчиво говорил преподобному: «Поверь мне, отче, если не подашь мне послабления, то не смогу успокоиться, переходя из одного места в другое». Святой отвечал ему: «Почто хочешь отдать себя в снедь врагу? Почто уподобляешься мужу, который

* Проклятие.

Іоаннъ хранѣ дѣтвѣхъ, живѣ въ землю въкопѣа, зъ дѣтвѣнникомъ напернымъ жити подвижеле

Преподобный Иоанн Многострадальный.
Из Патерики 1702 г.

стоит на краю пропасти? Ибо когда внезапно придет дьявол, то без труда сбросит его в бездну, и будет падение его лютое, так что не сможет он восстать. Но если пребудешь в святом монастыре сем, то уподобишься мужу, стоящему далеко от пропасти, и враг хотя будет силиться увлечь тебя в пропасть, но не возможет одолеть. Господь да изведет тебя с помощью терпения твоего от рова страстей и от брения тины (Пс. 68, 15) и поставит на твердом камне ноги твои (Пс. 39, 3). Послушай, чадо, рассказ о том, что произошло со мной в юности моей. Много страдал я, томимый страстью блуда, и не могу перечесть всего, что сделано было мной ради спасения. По два или три дня, а иногда и по неделе, не вкушал я пищи, томил себя жадой и непрестанно бодрствовал. Однако, пробыв в таком злострадании около трех лет, я не нашел себе покоя.

Тогда, уйдя в пещеру преподобного Антония, я сутки простоял на молитве у его гроба. Вдруг услышал я голос преподобного: «Иоанн, Иоанн! Подобаает тебе затвориться здесь. Через безмолвие и одиночество брань упразднится, и Господь поможет тебе по молитвам угодников Своих».

Я же, брат, с того времени затворился в этом тесном и скорбном месте. Вот идет уже тридцатый год моего пребывания здесь. И лишь недавно почувствовал я облегчение, обретя покой. Все это время я боролся с греховными страстями и помыслами, жестоко изнуряя тело и скудной

пищей едва поддерживая в нем жизнь. Однако плотская брань не оставляла меня. Не зная, как далее поступить, ибо терпение начало уже оставлять меня, я возложил на нагое тело тяжкие вериги и доныне удручаю себя холодом и железом.

В Великом посту я выкопал глубокую яму и засыпал себя в ней, оставив только руки и голову. В таком злострадании, не в состоянии двинуть ни единым суставом, пробыл я весь пост, однако стремления плоти не угасли. Враг к тому же навел на меня различные страхования, желая изгнать из пещеры. Он поразил мои ноги страшной болезнью, так что они на дне ямы горели нестерпимым огнем. Жилы скорчились, кости ужасно ломило. Пламя болезни уже достигало утробы моей и загло все тело. Но я забыл обо всем и радовался душой, что смог соблюсти ее чистой от скверны, и желал лучше сгореть в болезненном огне Господа ради, нежели выйти из ямы.

Вдруг я увидел страшного и безобразного змея. Он извергал искры и пламя, сжигая меня. На протяжении многих дней он творил мне пакости, чтобы прогнать с того места. Когда же наступила ночь Пасхи, в самый праздник Воскресения Христова, лютый змей внезапно напал на меня и схватил в пасть голову и руки. Дыхание его опалило все мои волосы на голове и бороду, как ты видишь сейчас. Находясь уже в гортани страшилища, я возопил к Богу из глубины сердца: «Господи Боже, Спасе мой! Почто оставил мя еси! Ущедри мя, Владыко, яко един Человеколюбец. Спаси мя, грешного, едине безгрешне, избави от скверны беззакония моего, да не увязну в сетях вражиих во веки веков, избави от пасти врага сего, иже яко лев рыкает, хотя мя поглотити (1 Пет. 5, 8). Воздвигни силу Твою и приди спасти мя (Пс. 79, 3), блесни молнией Своей и изгони его, да исчезнет от лица Твоего».

Когда я окончил молитву, внезапно сверкнула молния и лютый змей бесследно исчез. Больше он никогда не появлялся. Пещеру же озарил Божественный свет, лучезарный, как солнце, и послышался глас: «Иоанн, Иоанн! Ты получил помощь — будь же внимателен, да не горше тебе будет и да не постраждешь в будущем веке».

Я, поклонившись, сказал: «Господи, почто Ты попустил мне так ужасно мучиться?». Глас прорек: «По силе терпения твоего Я испытывал тебя, дабы, искушенный огнем, ты стал чистым, как золото. Ибо свыше сил не попускаются человеку искушения, чтобы он не был поруган лукавым змием. Крепким и сильным рабам поручаются великие и тяжкие дела, а немощным и слабым — легкие. Знай же: при страстной брани, о которой ты молишься, обратиться за помощью к мощам преподобного, возлежащего напротив тебя, чтобы облегчилось блудное восстание. Ибо он сделал больше Иосифа* и может помогать бедствующим от этой страсти».

Не зная имени сего преподобного, я начал молиться: «Господи, помилуй меня!» Потом я узнал, что это был Моисей, угрин** родом. И сошел на меня свет неизреченный,

* Имеется в виду библейский Иосиф Прекрасный, прославившийся добродетелью целомудрия. См. кн. Бытие, гл. 39.

** Венгр.

в котором и ныне я пребываю, не требуя свечи ни ночью, ни днем. Те, кто достоин видеть тот свет, насыщаются им, приходя ко мне, и явно видят оное утешение, осветившее меня в ночь Воскресения Христова ради будущего вечного света. Мы же погубляем разум плотолобием, и нам, чуждым духовных плодов, Христос попускает терпеть страсти. Но, брат, прошу, помолись сему преподобному Моисею, и он поможет тебе».

Блаженный Иоанн взял часть мощей преподобного Моисея и приложил к телу брата. И сразу страсть угасла, плотские стремления омертвели, и с той поры он почувствовал облегчение. В радости святой Иоанн и его ученик воздали хвалу Богу, прославляющему святых Своих, которые богоугодным житием угождали Ему, а после смерти получили дары исцелений, обогатились нетленными венцами и сподобились Царствия Небесного. Ему же слава со Отцем и святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь¹³⁷.

Моши Иоанна Многострадального почивают в Ближних пещерах. Память святого 18 июля и 28 сентября. В Свято-Покровской Голосеевской пустыни, бывшем подворье Киево-Печерской лавры, расположен храм святого Иоанна Многострадального — на месте одноименной домово́й церкви, действовавшей до закрытия пустыни советской властью в 1926 г. Храм пользуется большим почитанием киевлян.

Вслед за житием преподобного Иоанна Многострадального Поликарп помещает во многом родственное по духу борьбы жизнеописание преподобного Моисея, того самого, от которого Иоанн и его ученик получили исцеление.

Святой Моисей Угрин был велик пред Господом твердостью духа и незыблемостью веры, которые помогли ему ниспровергнуть злодеяния коварного диавола. Он был духовным братом святого благоверного князя Бориса, убиенного вместе со святым Глебом на реке Альте Святополком Окаянным. Моисей и Георгий Угрины, юные братья-венгры, служили в свите князя Бориса. При убиении Бориса пострадал и Георгий. На шее у него была золотая гривна, подаренная князем. Нападавшие, прельстившись золотом, отрубили ему голову и сняли гривну. Спасся от гибели лишь один Моисей. Он бежал в Киев к Предиславе, сестре Ярослава Мудрого, и был у нее в услужении, скрываясь от преследований Святополка Окаянного. Ярослав Мудрый пошел войной на убийцу своих братьев, одолел его и занял великокняжеский престол. Однако Святополк, бежавший «в Ляхы, прииде пакис Болеславом и изгна Ярослава, а сам седе в Киеве». Возвращаясь в Польшу, Болеслав взял в плен сестер Ярослава Мудрого, бояр и челядь, «с ними же и сего блаженного Моисея ведяше окованна по руце и по нозе железы тяжкими, его же твердо стрежаху, бе бо крепок телом и красен лицом».

Увидев его, некая очень знатная, красивая и молодая полячка уязвилась к нему страстью и начала увещавать его лестными словами, говоря: «О человек! Зачем ты приемлешь такие муки, которых, имея разум, можно легко избежать?» Моисей отвечал: «Так угодно Богу». Тогда она ска-

зала: «Если ты покоришься мне, я освобожу тебя и сделаю знатным в ляхской земле, и владеть будешь мной и всей областью моею». Но блаженный, уразумев нечистоту ее помыслов, сказал ей: «Какой муж, покоровшись жене, поступил правильно? Первозданный Адам, покоровшись жене, был изгнан из рая. Самсон, одолевший всех силой, был женой предан иноплеменникам. Соломон, постигший глубину премудрости, поклонился, повинувшись жене, скверным идолам. Ирод, одержавший много побед, покоровился жене и отсекал главу Иоанну Предтече. Как же я, свободный от жены и не знавший ее от рождения, порабошусь ей?»

«Я искуплю тебя, — не переставала она увещавать его, — и сделаю славным, и будешь господином дома моего и мужем моим, и наследником всей власти». Но Моисей снова отверг ее притязания: «Знай, что не исполню желания твоего, ибо не хочу ни власти, ни богатства. Дороже мне чистота душевная и телесная. Да не погублю пятилетнего труда своего плена, претерплю до конца эти временные муки, чтобы ради них избавиться от вечных мук». Тогда она выкупила его за тысячу золотых, думая, что быстрее покорит пленника, если он станет ее рабом.

Сразу же приказав сбросить с Моисея цепи, госпожа велела одеть его в многоценные одежды и кормить дорогими яствами, с еще большим рвением соблазняя на блуд. Но блаженный, видя ее неистовство, пренебрег благами, сбросил с себя драгоценное одеяние, усугубил молитву и пост, принимая лишь хлеб и воду. Видя себя посрамленной, она решила уморить его голодом. Но Бог не оставляет угодников Своих, уповающих на Него. Он преклонил на милость одного из слуг госпожи, и тот тайно приносил Моисею пищу. Другие же из товарищей пленника уговаривали его: «Брат Моисей! Что возбраняет тебе жениться? Ты еще юн, а вдова сия жила с мужем только один год, красотой же превосходит всех. Богатство ее бесчисленно и власть велика. Даже князь не погнушался бы ею, а ты, пленник и раб, не хочешь быть ее господином! Ты боишься нарушить заповедь Христову, но разве не Сам Христос сказал: «Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будут оба в плоть едину» (Мф. 19, 5). Апостол говорит: «Лучше жениться, нежели разжигаться» (1 Кор. 7, 9), а вдовам повелевает вступать в повторный брак. Ты же, не имея чина монашеского и будучи свободен от обета целомудрия, зачем подвергаешь себя горьким и злым мукам? Ради чего страдаешь? Если ты и умрешь от беды этой, какую получишь пользу? Ведь и праведники Авраам, Исаак и Иаков имели жен, и Иосиф, сначала выдержавшись, потом все же женился. Кто не посмеется твоему безумию? Лучше тебе подчиниться жене сей, получить свободу и стать господином в доме ее».

Моисей отвечал им: «О братья и друзья мои! Вы желаете мне добра, но речи ваши хуже навета змия, нашептанного Еве в рай; принуждаете покориться жене, но знайте, что не приму ваших советов. Если же и случится умереть от уз и горьких мук, надеюсь получить от Бога милость. Ибо хотя многие праведники и спаслись с женами, но я, грешный, не могу спастись в браке. И если бы Иосиф со-

МОУСЕЙЪ ЭТОТЪ РАДНЪ ИЗВОЛНЪ ТЕРПѢТИ :
 БГОВИДЦЪ БИТЪ, ЧТЪ СЫНЪ ВЪСЫИДЕ БГЛЪ ЗРѢТИ .

Преподобный Моисей Угрин.
 Из Патерики 1702 г.

грешил с женой Пентефрия, то не царствовал бы потом. Бог, видя терпение его, даровал ему царство. С тех пор он во все роды прославляется как целомудренный. Я же ни царства, ни знатности, ни власти в земле Ляхской, ни почестей не желаю, но все отвергаю ради вышнего Царствия. Если останусь жив, то стану черноризцем. Ибо в Евангелии Христос сказал: «Всяк, иже оставит дом, или братию, или сестер, или отца и мать, или жену, или чад, или имение имени Моего ради, сторицею примет и живот вечный наследует» (Мф. 19, 29). Кого больше послушаю — Христа или вас? И апостол говорит: «Не оживившись печется о Господе, как угодити Господеву, а оживившись печется о мирских, как угодити жене» (1 Кор. 7, 32-33). Спрошу я вас: кому подобает мне служить, Господу или жене? Пишет апостол: «Рабы, слушайте Господ своих, но не во зло, а в благо» (Ефес. 6, 5). Уразумейте, что никогда не сможет красота женская прельстить меня или отлучить от любви Христовой».

Услышав об этом, госпожа, побуждаемая лукавым демоном, приказала посадить блаженного на коня и с пышной свитой возить по своим владениям, говоря ему: «Все это твое, делай с ним, что хочешь». Также и подданным говорила: «Это мой муж, а ваш господин». И они, встречая Моисея, кланялись ему, как господину. Но блаженный, посмеявшись безумию жены, сказал: «Всуе труждаешься, ибо не сможешь прельстить меня тленными благами мира сего и украсть духовное мое богатство». Она в ярости восклик-

нула: «Не знаешь ли, что ты продан мне и никто не избавит тебя от моих рук? Я не отпущу тебя живого, но после многих мук предам смерти». Моисей без страха отвечал: «Не боюсь никакого зла, ибо Господь со мною. Отселе, если Бог изволит, стану монахом».

Как раз в это время, по произволению Божию, пришел из Святой Горы инок-афонец, имевший иерейский сан. Он постриг блаженного в ангельский образ и, наставив его беречься от скверны, не поддаваться женской злобе и блюсти чистоту, удалился. Несмотря на розыски, черноризца этого нигде не могли найти. Тогда жена, потеряв все надежды свои, приказала мучить инок и наносить ему тяжкие раны. Его избивали железом, так что вся земля под ним покрывалась кровью. Мучители говорили ему: «Покорись госпоже своей и сотвори волю ее. Иначе на части раздробим все тело твое. Не надейся избавиться от страданий, после которых примешь ужасную смерть. Пожалей себя, сними монашеское рубище и снова облекись в многоценные боярские одеяния. Тогда избавишься от мучений». И отвечал Моисей: «Братия! Не медлите исполнять повеленное вам. Мне невозможно отречься от монашества. Никакие муки — ни огонь, ни меч, ни раны не возмгут отлучить меня от любви Божией (Рим. 8, 35) и сего великого ангельского образа. Этой же бесстыдной и помраченной жене, не только не убоявшейся Бога, но и позабывшей человеческий стыд, не покорюсь и окаянной воли ее не сотворю никогда».

В гневе и печали посрамленная жена послала гонцов к князю Болеславу со словами: «Сам ты знаешь, князь, что муж мой был убит на брани с тобою, ты же дал мне волю выбрать в мужья кого хочу. Я возлюбила одного из твоих пленников — красивого юношу. Заплатив за него много золота, я взяла его к себе в дом и отдала ему всю власть и все богатство свое. Но он вменил это ни во что. Ранами и голодом изнуряли его, но безрезультатно. Пять лет он был в плену, а шестой год находился у меня и претерпел много мук из-за своего упорства. Теперь же его постриг некий черноризец. Не знаю, что делать с ним. Что скажешь мне, князь, то и сотворю».

Болеслав приказал ей приехать вместе с Моисеем и усиленно принуждал пленника покориться, но напрасно. Разгневавшись, князь начал угрожать ему: «Бесчувственный, зачем ты отказываешься от стольких благ и чести и предаешь себя горьким мукам? Отныне знай, что пред тобой — либо жизнь, либо смерть. Если исполнишь волю госпожи своей, то получишь большие почести и власть, если же преслушаешь ее, то примешь казнь после долгих мучений». Затем Болеслав сказал жене: «Никто из купленных тобою пленников не должен быть свободным. Как госпожа над рабом, делай над ним, что захочешь, дабы и прочие рабы не дерзали ослушаться господ своих». Преподобный Моисей отвечал: «Не сказано ли Господом: какая польза человеку, если и весь мир приобрящет, душу же свою потеряет? Или какой выкуп даст за душу свою? (Мр. 8, 36-37). Зачем ты обещаешь мне славу и честь, когда сам скоро лишишься всего, что имеешь, и гроб примет тебя? И сия

скверная жена получит злую смерть». Все это впоследствии сбылось по проречению преподобного.

Госпожа, получив над рабом еще большую власть, привезла его домой и бесстыдно влекла на грех. Однажды она приказала привязать его к своему одру и начала обнимать и целовать, но не смогла ничего добиться. Блаженный сказал ей: «Все старания твои. Не считай меня безумным или неспособным ни на что. Лишь ради страха Божия гнушаюсь я твоей нечистоты». Она, неистовствуя, повелела наносить ему каждый день по сто ран, а затем приказала оскопить его. «Моисей же лежаше аки мертвь от теченія крови и мало дыханія в себе имый».

Болеслав, потакая посарамленной жене, воздвиг большое гонение на черноризцев в ляхской земле и изгнал их. Но Господь вскоре сотворил отмщение за Своих рабов. В одну из ночей князь внезапно умер. Все княжество сразу было охвачено мятежом. Ляхи восстали на своих епископов и бояр и умертвили их. Тогда же была убита и та бесстыдная жена.

Преподобный Моисей, оправившись от болезни, пришел в Киево-Печерский монастырь, украшенный мученическими ранами и венцом исповедничества, как победитель и храбрый воин Христов. С тех пор Господь даровал ему силу над страстями. Так, некий брат, боримый огнем блуда, пришел к преподобному с мольбой о помощи. Он просил: «Дай мне, отче, послушание для моего исцеления, и я буду выполнять его до самой смерти». Блаженный заповедал ему никогда, во всю жизнь свою, не разговаривать и не общаться с женщинами. Брат со смирением обещал исполнить сей обет.

«Святый же, имеа жезль в руце своей, бе бо не могый ходити от рань, симь удари его в лоно, и абие омертвеша уды его, и оттоле не бысть пакости брату. Се же вписано есть в житіи святаго отца нашего Антоніа, бе бо пришель блаженный въ дъни святаго Антоніа и скончася о Господе въ добре исповеданіи, пребывъ в монастыри леть 10, а въ плененіи страдавъ въ узахъ 5 леть, 6-е лето за чистоту. Помянух же и изгнаніе чернецовъ въ Ляхах ради постриженія преподобного. Сіе же вписано есть в житіи святаго отца нашего Феодосіа. Егда изгнанъ бысть святый отецъ нашъ Антоніе княземъ Изяславомъ Варлаама ради и Ефрема, княгыня его, Ляховица суши, возбрани ему, глаголющи: «Ни помысли, ни сотвори сего. Таковое бо сотворися некогда в земли нашей: некоей ради вины изгнани быша черноризци от пределов земли нашея, и велико зло содеяся в Лясах».

И сіе написахом о Моисеи Угрине и Іоанне Затворнице, еже содея ими Господь въ славу Свою, прославляя их, терпенія их ради, и дары чудотворія обогати. И Тому слава ныне и во веки вековъ. Аминь»¹³⁸.

Мощи преподобного Моисея Уग्रина почивают в Антониевых пещерах. Память святого совершается 26 июля и 28 сентября.

«Блаженны кроткие Блаженны алчущие и жаждущие правды. Блаженны милостивые» (Мф. 5, 5-7), — говорит

Восстание в Ляхской земле.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

Евангелие. История Киево-Печерского монастыря была частью истории государства. Бедствия и смуты не обходили стороной тихую обитель, всегда отвечавшую на них миссией миротворчества и милосердия. «В отличие от княжеских монастырей Древней Руси, Киево-Печерский был истинно народным и не раз доказал это, отстаивая интересы народа. Так, когда в конце XI в. киевский князь Святополк, по согласию с местными купцами, запретил ввоз в Киев соли из Галиции, с князьями которой он враждовал, и цены на соль поднялись, Печерский монастырь дал киевлянам соль из своих запасов бесплатно. Тогда же случился неурожай, и в Киеве было мало хлеба. Братия вновь пришла на помощь народу. В монастыре начали кормить бедных хлебом, который выпекал из лебеды монах Прохор»¹³⁹.

Поликарп предваряет рассказ о преподобном Прохоре размышлениями о природе общественных и политических катаклизмов. Он ориентируется при этом на сочинение преподобного Феодосия «О казнях Божиих». Также, как и святой Феодосий, он видит корень этих зол в нравственном падении народа. Казнь за греховность граждан Поликарп считает поущение Богом тирании: «Ибо делающаа злаа и неподобная дела предани будуть злым и немилостивым властелинам, грех ради наших, но ти не убежать суда: суд бо безъ милости не сътворшему милости» (Иак. 2, 13).

Автор обращает свой взор к временам великого Киевского князя Святополка II Изяславича (1093-1113). «Много насилія людемъ сотвори Святополкъ, дома бо сильных* до основанія без вины искоренивъ и именія многимъ отъемь, — с укоризной отмечает агиограф. — Сего ради попусти Господь поганым силу имети надъ нимъ, и быша брани многы от Половецъ... и усобица бысть в та времена, глад крепокъ, и скудость веліа... в Руской земли».

«Бысть же въ дъни тьи прииде некий человекъ от Смоленська къ игумену Іоанну, хотя быти мних, его же и постригъ, Прохора того именована», — продолжает Поликарп. Послушание и воздержание Прохора были безмерными. Подражая древним отцам, он держал столь строгий пост, что не вкушал даже хлеба, употребляя вместо него в пищу лебеду. Собирая ее в окрестностях обители, инок растирал ее на муку, «хлебъ себе творяше и симь питашеся». Летом он заготавливал лебеду на целый год, и хотя вкус травы был горьким, но Господь, видя «терпеніе его и великое въздержаніе, преложи ему горесть оную на сладость... И сего

* Здесь — вельможных, знатных.

ради прозвань бысть Лобедникъ, ибо николи же хлеба въкуси, разве просфоры, ни овоща никакова же, ни питія, но точію лободу* и воду».

Несмотря на предельную нищету, на которую обрек себя Прохор, он никогда не скорбел, «но всегда работаше Господеву радуся». Душу подвижника ничто не могло устрашить — ни голод, ни бесовские козни, ни смута, царившая кругом, ни нашествие врагов. Он жил, исполняя слова Господа: «Воззрите на птицы небесныя, яко ни сеютъ, ни жнутъ, ни в житницу собираютъ, но Отец ваш Небесный питаетъ их» (Мф. 6, 26). Его смирение было столь высоким, что он считал себя стяжателем и часто говорил сам себе: «Человече, в сію ночь душу твою истяжутъ от тебя ангели» (Лк. 12, 19), а приготованна лобода кому будет?»

Вскоре на Руси наступил «глад велик». Многим угрожала голодная смерть. Господь, желая прославить Своего угодника и спасти людей от ужасной смерти, умножил в то время произрастание лебеды, как никогда прежде. Блаженный «болій труд собе творяше в тыи дньи, собираа зеліе и своими рукама стираа, творяше хлебы и раздаваше неимущимъ и от глада изнемогающимъ». Хлеб, приготовленный иноком, был очень вкусен: «Светель и чистъ являшеся и сладокъ... яко с медомъ суще». Но те, кто тайно присваивал себе хлеб Прохора или пытался приготовить его из лебеды без его благословения, вкушали вместо сладости горечь.

Один из братьев, изнемогая от голода, начал красть хлеб у блаженного, но каждый раз в его руках он «горекъ паче меры являшеся». Инок стыдился открыть Прохору свой грех, на который его толкнула крайняя нужда. Однако вскоре нестерпимый голод и угроза смерти заставили брата рассказать обо всем игумену Иоанну, смиренно испрашивая прощение. Игумен, не поверив услышанному, приказал другому брату тайно взять у преподобного хлеб, но и он оказался непригодным для пищи из-за чрезвычайной горечи. Тогда игумен снова послал брата к Прохору, поручив испросить у преподобного его хлеб, а при уходе тайно взять другой хлеб, без благословения. Когда хлебы были принесены к игумену, один из них — тот, который был украден, — на глазах у всех изменился, почернел, как «персть»**, и стал горьким, а другой оставался светлым, мягким и вкусным, словно медовым. Слава об этом чуде быстро распространилась в народе, и все нуждающиеся стали приходить в обитель за помощью и пропитанием.

Между тем нестроения и вражда в Русской земле начали все более усиливаться из-за тяжкого преступления, совершенного княжеской верхушкой — вопреки присяге крестного целования, Владимиро-Волынский князь Давид, в сговоре со Святополком, вероломно ослепил Теребовльского князя Василька. Это привело к войне между Центральной и Западной Русью. Связи с Галицией, из которой в Киев привозили соль, прекратились, «и не бысть соли въ всеи Руской земли». Война довела простой народ до полного истощения. Люди «не имяху ни пшеницы, ниже соли» и были «в велицеи печали от глада и от рати».

Блаженный Прохор, сострадая нуждающимся, собрал из братских келий пепел и после усердной молитвы к подателю всех благ Богу начал раздавать его народу, «и всемъ бываше чиста соль, молитвами его». Чем больше он раздавал свою соль, тем более она умножалась, так что ее хватало не только для монастырских нужд, но и для раздачи прихожанам. Торжища опустели, торговцы солью потерпели сильный урон, ибо все люди устремились в Печерский монастырь, где соль раздавалась бесплатно. Озлобленные купцы пришли к князю Святополку с жалобой на Печерскую обитель и чернеца Прохора. Сребролюбивый князь задумал достигнуть сразу двух целей — успокоить купцов и нажить себе большие деньги за счет монастыря. Он приказал отнять соль у преподобного и перевезти ее на княжеский двор, где продавать втридорога. Предвкушая выгодную продажу, он лицемерно сказал купцам: «Ради вас ограблю сего монаха», хотя на самом деле стремился сосредоточить всю торговлю солью в своих руках. Когда соль была из монастыря перевезена на княжеский двор, князь с купцами лично пришел взглянуть на нее, но увидел только пепел. Святополк повелел одному из присутствующих ее попробовать, «и обретеса пепель въ устех его». Все несканно дивились этому чуду.

Между тем «множество народа, хотяше взимати соль у блаженнаго и уведавшѣ пограбленіе старца, проклинаяще сотворшаго сіе». Преподобный Прохор, утешая прихожан, посылал их на княжеский двор собирать выброшенный там пепел, ибо князь через три дня велел ночью высыпать его за ворота. Народ бросился собирать пепел, снова превратившийся в соль, и весть о чуде мгновенно распространилась по всем окрестностям. Город пришел в движение. Князь, узнав об этом, ужаснулся, боясь бунта и возмездия за свои злодеяния. Он начал расспрашивать о Прохоре, и ему рассказали о чудотворениях старца, кормившего хлебом из лебеды и солью из пепла всех обездоленных. «Се слышавъ князь и устыдевся о сотвореннем, и шедъ въ манастирь къ игумену Иоанну, покаася».

Ибо совесть преследовала Святополка не только за ограбление Прохора, но и за гонение на обитель, иноки которой «обличаше его несътъства ради и насилія». Дошло до того, что нечестивый властитель изгнал игумена Иоанна из монастыря и бросил его в темницу, находившуюся в его удельном городе Турове***. Лишь заступничество Владимира Мономаха, «его же убоався Святополк востанія на ся», заставило князя освободить печерского игумена.

Незлобивые и кроткие иноки, видя искреннее раскаяние князя, простили его. С тех пор Святополк «великую любовь нача имети къ святеи Богородици и къ святымъ отцемъ Антонію и Феодосію, черноризца же Прохора оттоле вельми чтяше и блажаше». Он понял, что старец воистину есть угодник Божий. Подобно Закхею (Лк. 19, 5-10), князь дал обет «не сотворити насилія никому же». Он просил у Прохора прощения, говоря: «Если я, по воле Божией, прежде тебя отоиду от этого мира, ты своими руками

* Лебеда в слав. транскрипции — «лобода».

** Земля.

*** В пределах нынешней Белоруссии.

Преподобный Прохор. Из Патерика 1702 г.

поклади меня в гроб, являя христианское незлобие. Если же ты престаишься прежде меня, я сам внесу тебя в пещеру и погребу с честью, надеясь получить от Господа прощение тяжкого моего греха, сотворенного пред тобою».

Старец, прожив после этого еще много лет в святости, богоугождении и чистоте духа, «разболелся, князю же тогда на войне сушу». Чувствуя приближение кончины, блаженный послал к нему сказать: «Приблизился час исхода моего из тела. Если хочешь исполнить свое обещание, приди, чтобы получить от Бога прощение грехов, и погребить меня. Если же замедлишь и я отойду без тебя, знай, что поход твой будет неудачным». Получив эту весть, Святополк немедленно оставил войско и поспешил в Печерский монастырь. В предсмертной беседе с князем преподобный много поучал его о милостыне и любви к ближним, напоминая о загробной жизни, будущем суде и вечных муках грешников. Преподав ему прощение и благословение, святой простился со всеми и, воздев руки к небу, предал дух свой Богу.

«Князь же, вземь святого старца и несе его в пещеру, и своима рукама въ гробъ положи. И по погребеніи блаженнаго поиде на войну, и многу победу сотворивъ на безбожныа Агаряны*... Се бо бысть Богом дарованьяна победа в Руской земли, по прореченію преподобнаго».

* Здесь — половцы.

С тех пор Святополк, отправляясь на войну, охоту или в другие походы, неизменно посещал Печерскую обитель и с особенным усердием молился перед чудотворным образом Пресвятой Богородицы, совершая поклонение мощам святых Антония, Феодосия, Прохора и прочих угодников Печерских. Княжение его, дотоле исполненное неурядиц и смуты, получило с той поры доброе благоустройство молитвами «Прохора и инех преподобных, с ними же буди всемь улучити милость о Христе Исусе, Господе нашем, Ему же слава съ Отцем и Святымъ Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь»¹⁴⁰.

Мощи Прохора Лебедника почивают в Ближних пещерах. Память его — 10 февраля и 28 сентября.

Далее Поликарп, продолжая «Послание», пишет: «Древних убо святых подражающе мы грешнии писанию... житія и чудеса богоугодна преподобных мужъ написаша... еже есть Патерик Печерський». Сопоставляя свой труд с древними аскетическими творениями отцов монашества, «еже мы почитающе наслаждаемся духовных тех словес», Поликарп со смирением пишет: «...несмы николи же обьходиль святых местъ, ни Иерусалима видех, ни Синайския горы». Отвергая витийство, «яко же обычай имуть хытрословесници симъ краситися», автор избирает путь простоты и правдивости: «Мне же да не буди похвалитися, но токмо о святем семь монастыри Печерском и в нем бывших святых черноризецъ житіем и чудесы, их же поминаю радуясь, желаю бо и азъ грешный святых тех отецъ молитвы».

Обращение автора к традициям раннехристианской агиографии вполне оправданно, ибо подвиги и чудеса печерских подвижников были не менее велики, чем подвиги преподобных Антония Великого, Феодосия Великого и других светильников древней аскезы. Здесь Поликарп приводит рассказ о Марке Пещернике, послушанием которого было погребать усопших братий. Он копал пещеры, выносил оттуда землю на своих плечах, готовил умерших к погребению, «по вся дни и по вся ноци тружаася». Марк не имел келии и жил, как авва Антоний, под землей в одной из свободных от погребений пещер. Если кто-либо предлагал ему плату за копанье могил, он сразу отдавал ее нищим, ибо имел обычай трудиться безвозмездно. Безмерно строгий пост, ношение вериг, бдение, милостыня ниспослала Марку дар Божественной благодати, творящей чудотворения. Даже мертвые слушались гласа его. Так, копая однажды пещеру для умершего брата, Марк изнемог от тяжелого труда и не смог закончить работу. Инок, принесшие покойного, начали роптать, что в узкой необработанной нише невозможно подготовить его к погребению и возлить елей, как подобает. Тогда Марк обратился к умершему и повелел ему самому подготовить себя к погребению. Покойный на глазах у всех возлил на себя крестообразно елей и снова возлег на одр, заставив ужаснуться окружающих.

Однажды Марку предстояло похоронить умершего брата, но пещера еще не была готова. Марк попросил друга

усопшего подойти к нему и сказать, чтобы он подождал до утра. Брат в недоумении отвечал: «Отче Марко, азъ и губою отрох* тело его, мертво суще, кому ми велишь глаголати?» Преподобный снова сказал: «Се место, видиши, некончано. Велю ти, иди и рцы** умрышему: глаголетъ ти грешный Марко — брате, пребуди еще сий день... донележе уготоваю ти место». Инок послушно отправился к умершему, над которым в это время братия творила отпевание, и передал ему просьбу Марка. Вдруг, к всеобщему изумлению, усопший открыл глаза. Душа его возвратилась в тело и пребывала в нем до утра. Утром друг его снова пришел к Марку, чтобы посмотреть, готова ли пещера. Гробокопатель отправил его назад со словами: «Шед рцы умрышему: глаголет ти Марко — остави живот сий временный и прииди на вечный, се бо место уготовано ти... Отдай же Богу дух твой, тело же твое съ святыми отцы zde да положено будетъ в пещере». Инок, придя к ожившему брату, передал ему повеление Марка. Тот смежил глаза свои и предал душу в руки Божию, и с честью был погребен в братской усыпальнице. Преславное чудо это повергло всех черноризцев, которые воочию видели происшедшее, в изумление и ужас.

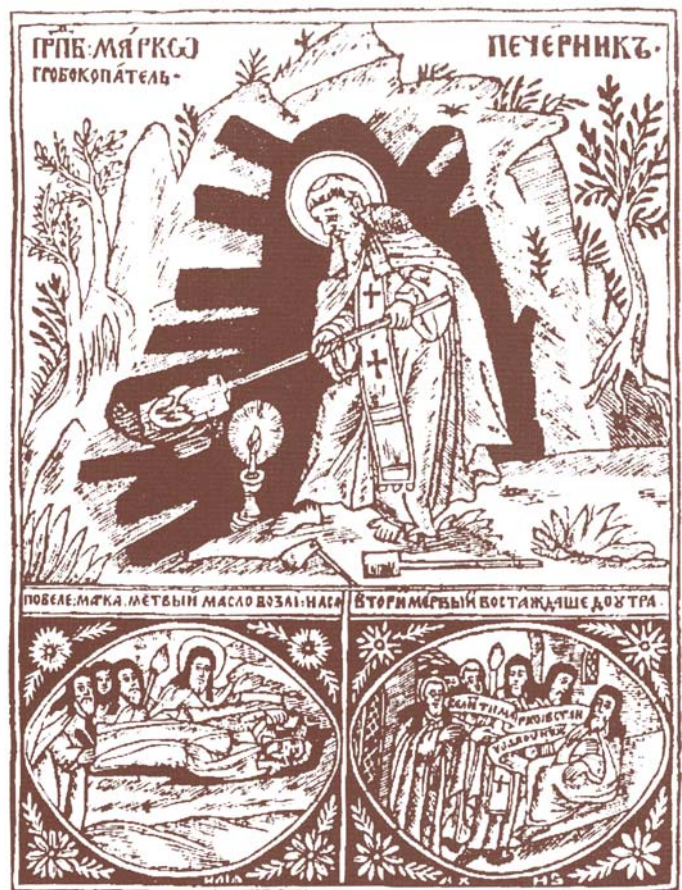
В то время в Печерской обители жили два брата, Иоанн и Феофил. Они были с юных лет соединены узами сердечной любви и единокровия. Братья упросили Марка устроить им одно общее место для погребения, чтобы не разлучаться и после смерти. Случилось старшему из них, Феофилу, отлучиться ради монастырских потребностей из обители. Младший, Иоанн, в его отсутствие заболел и преставился. Его погребли на приготовленном месте. Когда Феофил вернулся и узнал о смерти брата, то сильно опечалился. Взяв с собой нескольких черноризцев, он пришел в пещеру, чтобы попрощаться с покойным. Однако, увидев Иоанна лежащим на первом, более почетном месте, Феофил начал возмущаться и негодовать на Марка: «Почто его положил еси? Яко азъ старейший его есмь, ты же положишь его на моем месте». Пещерник со смирением поклонился ему и попросил прощения. Затем он обратился к покойному со словами: «Брате, востани, дай же место не умрышему, сам же ляг на нижнем месте». Иоанн тотчас, по приказанию Марка, встал и переменял место, заставив свидетелей этого страшного чуда ужаснуться и вострепетать.

Феофил упал к ногам преподобного с воплем о прощении: «Отче Марко, согреших, подвигнувъ брата с места. Молю ти ся, повели ему, да паки ляжетъ на своем месте». Святой Марк отеческими наставлениями уврачевал его духовную немощь и обличил грех ропота и гордыни, гнездившийся в его сердце. Он также предсказал Феофилу скорую смерть и попросил его позаботиться о спасении души. Придя в келию, согрешивший брат предался слезному покаянию. Он раздал все свое имущество, оставив себе лишь свиту и мантию, и стал готовиться к исходу души. Никто не мог остановить его плача или подвигнуть к послаблению сурового поста. Когда наступал день, он, умываясь

слезами, говорил: «Не знаю, доживу ли до вечера». Когда приходила ночь, он вздыхал: «Доиду ли до утра? Ибо многие, восстав от сна, не доживали до вечера, и многие, отходя ко сну, не просыпались больше. Как я могу надеяться на жизнь, если мне возвещена скорая смерть?»

Пребывая ежедневно в посте, плаче и сокрушении, Феофил чаял разлучения от тела. За долгие годы своего подвига он дошел до такого истощения, что «и составомъ его всем изочтенным быти. Мнози же, хотевше утешити сего, на большее рыдание приведоша. И от многого плача изгуби себе очи, и тако пребысть въ вся дни живота своего въ великом воздержаніи, Богови угождаа добрым житіемъ».

Преподобный Марк, предсказавший ему скорое отшествие, также начал предуготовлять душу свою к отходу в вечность. Предузнав свою кончину, блаженный призвал к себе Феофила и сказал ему: «Прости меня, брат, что я так сурово обошелся с тобой. Моли обо мне Бога, ибо я уже отхожу от мира сего. Если буду удостоен милости Божией, то не забуду о тебе, молясь, чтобы Господь сподобил нас обоих лицезреть Его и пребывать вместе с преподобными отцами нашими Антонием и Феодосием». Феофил с рыданием отвечал ему: «Почто, отче, оставляешь меня одного? Или возьми меня с собой, или даруй мне прозрение». Святой Марк начал утешать его: «Брат, не скорби. Потеряв

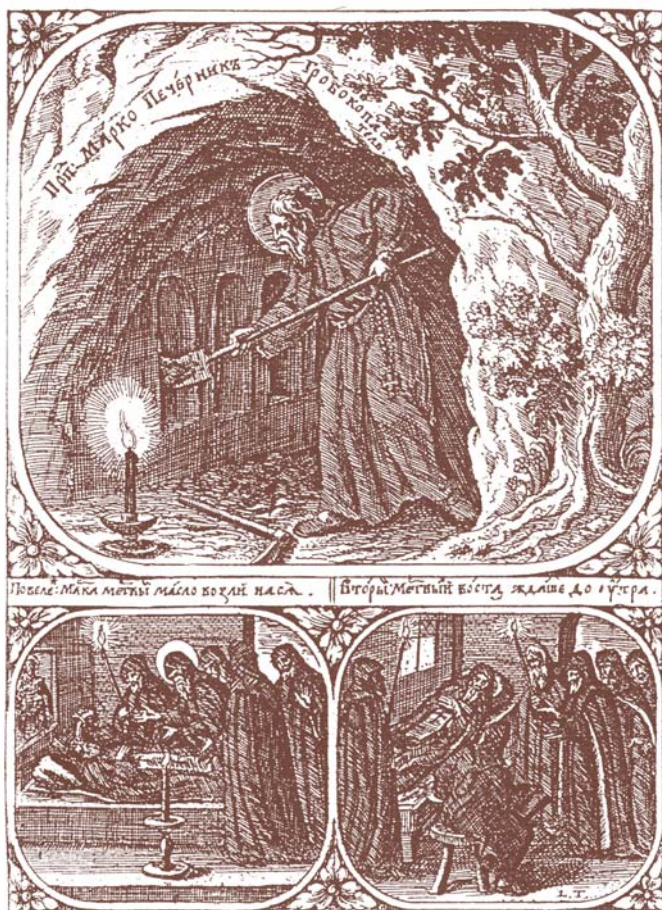

МАРКО ГЛАГОЛАЕТИ АРХАГГЕЛЪМЪ МРТВЫ ВОЗВЪЖАЮЩЕМЪ.
ФЕОФИЛЪ СНИМЪ ПОТОНЪ СЛЪЗЪ АДА ЮГШАЮЩЕМЪ.

Преподобный Марк Пещерник.
Из Патерики 1661 г.

* Отер губкой.

** Скажи.

МАРКО ГЛАГОЛЪ СЪТЪ АРХАНГЕЛЪСЪ МРТВЫХЪ ВОЗБЪЖДАЮЩЕ
 ФЕОФИЛЪ И НИМЪ ПОТОКЪ СЛЕЗЪ АДА ОУГЛАШАЮЩЕ

Преподобный Марк. Из Патерика 1702 г.

ради Бога телесное зрение, ты прозрел духовными очами, ибо, смилив гордыню, ты принес своей душе великую пользу, сердце же сокрушенное и смиренное Бог не уничтожит» (Пс. 50, 19). Феофил сказал ему: «Знаю, что согрешил в пещере и должен был умереть перед тобой за грех свой, когда ты воздвиг умершего брата моего. Но Господь ради святых твоих молитв даровал мне жизнь, ожидая моего покаяния. Ныне же прошу, возьми меня с собой или даруй мне прозреть». Преподобный Марк отвечал: «Нет тебе нужды видеть сей маловременный свет. Лучше проси у Господа, да подаст тебе возможность в вечности видеть славу Его. Смерти же не желай и не проси — она сама придет, хотел бы ты этого или нет. Знамением кончины твоей будет то, что за три дня до отшествия ты прозиришь телесными очами. Отойдя ко Господу, ты узришь на небесах свет и неизреченную славу». Вселив в него надежду вечного спасения, святой Марк преставился о Господе и был погребен в пещере, которую сам для себя приготовил.

Блаженный Феофил, скорбя о разлучении с духовным своим отцом, предался сугубому рыданию и еще более усердной молитве. «Имеяше же сосуд, и егда упражняеся в молитве, прихожаху ему слезы, и постави сосуд и над темь плакаше, и того наполнив слез за многа лета». Когда к нему вернулось зрение, он понял, что сбывается проро-

чество преподобного Марка, и стал прилежно молиться, чтобы благоприятны были Богу его слезы и покаяние. «Владыко человеколюбче, Господи Иисусе Христе, — взывал блаженный Феофил, — Ты не хочешь погибели грешников, ожидая их обращения, и знаешь немощи человеческого естества. Царю Пресвятый, Утешителю благий, здравие болящих, укрепитель изнемогающих, восстание падших, спасение грешников! Молюсь Тебе, удиви на мне недостойном милость Твою и излей на меня неисчерпаемую пучину Твоего благоутробия, да избавлюсь от воздушных мытарств и князь тьмы да не возобладает мною, молитвами угодников Твоих, великих отцов наших Антония и Феодосия, и всех святых, от века Тебе благоугодивших. Аминь».

Вдруг пред ним предстал ангел в образе прекрасного юноши. «Хорошо помолился ты, Феофил, — сказал небесный посланник. — Но не хвались слезами, собранными тобой в сосуд». Феофил увидел в руках ангела другой сосуд, гораздо больший своего, наполненный драгоценным миром*, несказанно благоухающим. «Вот они, слезы твои, которые ты от всего сердца изливал пред Господом. Все, что пролили глаза твои и что отирал ты рукой своей, или убором**, или рукавом, я собрал в этот сосуд и сохранил по повелению Владыки моего и Творца. Теперь я послан возвестить тебе о радости, ожидающей тебя, чтобы отошел ты с веселием к Сказавшему: Блаженны плачущие, яко тии утешатся».

Ангел стал невидим. Но сосуд с драгоценным миром не исчез, продолжая стоять перед изумленным Феофилом. Инок призвал игумена, рассказал о явлении ангела и показал ему два сосуда — свой, наполненный слезами, и ангельский, благоухающий миром. Умиравший заповедал излить миро на свое тело после преставления. На третий день блаженный Феофил с радостью отошел ко Господу. «И сего достолепно въ пещере положиша близь Марка Печерника, помазавше того от сосуда ангелова, яко всей пещере наполнитися благоуханіа, и слезный же сосуд на него возливаше».

«Ибо сеющий со слезами пожнет с радостью (Пс. 125, 5-6). Таковые получают о Христе утешение, Ему же слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь», — заканчивает свою повесть Поликарп¹⁴¹.

Мощи святого Марка покоятся в Ближних пещерах. Память его — 28 сентября и 29 декабря.

Преподобный Марк был погребен с большим медным крестом, который сохранился до наших дней. Византийской работы, строгий и аскетичный, он имеет изображения Спасителя, двенадцати апостолов, святых Феодора и Георгия. На поверхности креста есть углубление для святой воды. Он служил подвижнику определенной мерой для утоления жажды.

Известны случаи чудотворений от этой святыни. Так, в 1621 г. от него получил исцеление страдавший болезнью глаз знатный украинский вельможа, о чем пишет святитель Петр Могила¹⁴².

* Мир — святой елей.

** Убрус — плат, полотенце.

Следующее слово, о преподобных Феодоре и Василии, Поликарп начинает с изречения Иоанна Лествичника о любви к Богу, которая истребляет грехи стяжательства и сребролюбия и побуждает исполнять заповеди Божии. Тем более, что устав монашеский гласит: «Стяжание несть на пользу нам, но яко яда смертоносна отбегати же сего нужно и отгоняти»¹⁴³. Феодор в мирской жизни владел богатым именем. Услышав евангельское изречение Господа: «Кто не отречется от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 33), он раздал богатство нищим и стал черноризцем в Печерском монастыре. Блаженный Феодор поселился в варяжской пещере и здесь подвизался много лет в молитве, посте и безмолвии.

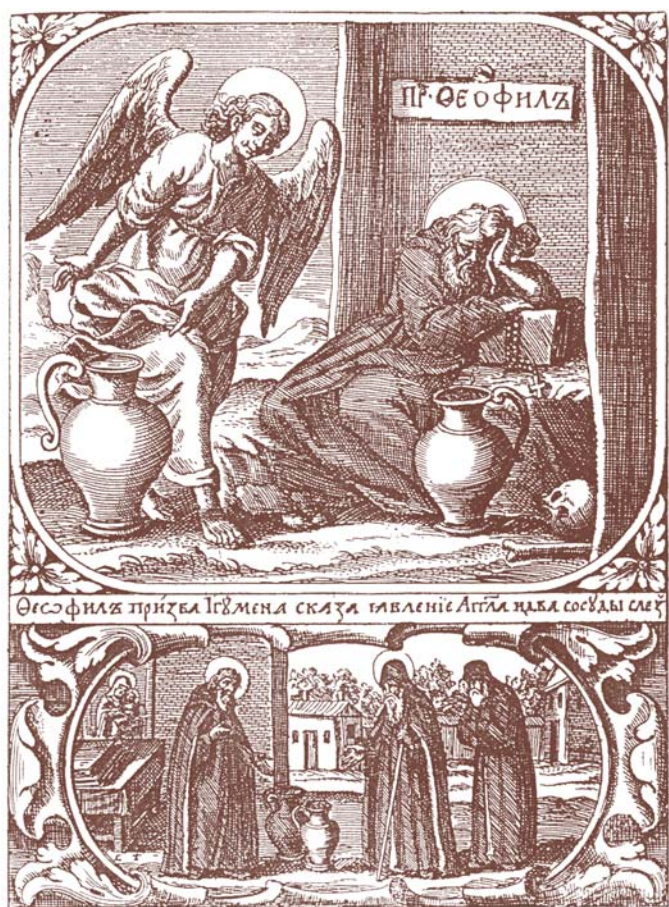
Дьявол, стремясь смутить инока, навел на него печаль о потере имения. Искушая преподобного, он разжигал в нем ропот на бедность иноческого жития и оскудение монастырской пищи. Феодор от скорби по поводу своей нищеты стал приходить в отчаяние. Еще не имея духовного опыта, он не смог противостоять лукавым помыслам, всеваемым врагом. Наконец, не в силах терпеть вражия помярчения, он обо всем рассказал своим друзьям-отшельникам. Среди них был черноризец по имени Василий. Сей инок достиг высокой степени совершенства. Желая утешить Феодора, он сказал ему: «Брат! Молю тебя, не погуби награды своей. Если хочешь возврата имения, я отдам тебе все свое имущество, только вмени в милостыню отданное тобою и отвергни эту греховную печаль. Вернув себе богатство, ты потеряешь Господа. Блудись от стяжательства, ибо сего не терпит правда Божия». Наставляя собрата, Ва-

силиий присовокупил сказание из Пролога о цареградском богаче, который впал в смертельную болезнь и, пожертвовав на церковь много золота, чудесным образом выздоровел. Однако вскоре он начал горевать за своим золотом и желать его возвращения. Один из друзей пытался образумить его, но безуспешно. Тогда он привел богача в храм, отдал ему свое золото и попросил отказаться от милостыни в его пользу, чтобы вместо заблудшего получить небесную награду. Тот, обрадовавшись, отказался от милостыни и взял золото, но, едва дойдя до порога храма, умер. Таким образом, богач потерял и деньги, и жизнь.

Слыша это, Феодор стал плакать о своем падении. Раскаиваясь в греховных помыслах, он благодарил Василия за вразумление. С тех пор между Василием и Феодором возросла и укрепилась любовь. Феодор преуспевал в исполнении заповедей Господних. Дьявол был жестоко пострадан.

Однако, не успокоившись, противник рода человеческого замыслил против Феодора иные козни. Однажды преподобный Василий был отправлен игуменом за пределы монастыря по некоему монастырскому послушанию. Дьявол, приняв его облик, пришел к Феодору якобы с целью беседы о пользе души. «Как живешь, брат, и как подвизаешься? — спросил мнимый Василий. — Прекратилась ли твоя брань с бесовской силой или доселе враг искушает тебя, принуждая к сребролюбию и возбуждая жалость об отданном имении?» Феодор, не зная, что перед ним бес, и думая, что беседует с братом, отвечал: «Твоими, отче, молитвами я преуспеваю в добре, ибо, утвержденный тобою, не слушаю более бесовских наветов. И сейчас, что ни повелишь мне, беспрекословно с радостью исполню, ибо твои наставления принесли моей душе великую пользу». Бес, почувствовав, что возымел власть над иноком, который в общении с ним не перекрестился и не помянул имени Господа, с дерзостью приступил к его оболщению. «Даю тебе, брат, второй совет, — сказал он. — Исполняя его, ты обрящешь душевный покой и получишь скорое воздаяние за пожертвованное имение. Проси в молитвах множества золота и серебра и ни в коем случае не позволяй, чтобы кто-либо, кроме меня, входил к тебе, сам же безвыходно пребывай в своей пещере». Феодор обещал с усердием выполнить послушание мнимого брата. Лукавый бес, торжествуя победу, удалился, но продолжал свою брань уже на невидимом фронте, посылая Феодору помыслы о возвращении богатства и побуждая его молиться об этом. Ночью он явился Феодору во сне в виде светлого и красивого юноши, как бы ангела, показывая ему утаенное место в пещере, наполненное сокровищами. Это видение являлось Феодору неоднократно.

Вконец ослепленный, инок начал искать в указанном месте клад и, действительно, нашел множество золота, серебра и драгоценных сосудов. После этого бес снова пришел к нему в образе Василия и сказал: «Где, брат, найденные тобою сокровища? Ибо ангел, явившийся тебе, уведомил и меня об обретении богатства». Но Феодор, охваченный страстью сребролюбия, не захотел показать Ва-

Преподобный Феофил. Из Патерика 1702 г.

силию клад. Бес торжествовал. Он начал тайно внушать ему помыслы о бегстве с сокровищами в другое место. Однако явные свои действия злокозненный враг облакал в личину благочестия. «Не говорил ли я тебе, брат Феодор, что вскоре ты примешь от Бога воздаяние за пожертвованное нищим имение? Вот теперь ты получил богатство, делай же с ним, что хочешь», — сказал мнимый Василий.

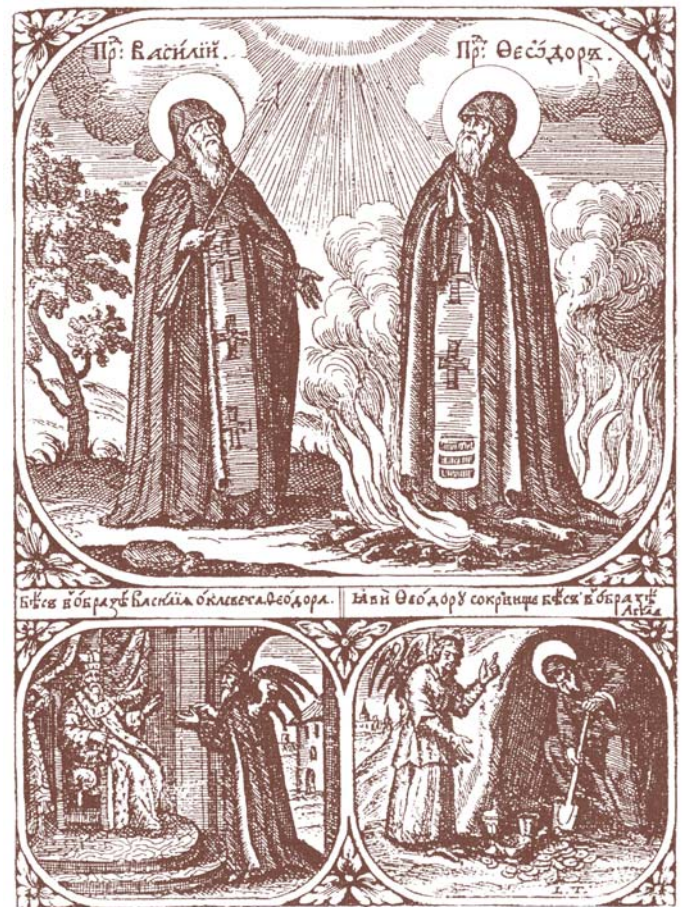
Инок, в душе которого заговорила совесть, отвечал: «Я просил его у Бога, чтобы снова раздать нищим, и думаю, именно поэтому Бог даровал его мне». Супостат начал возражать: «Блюдись, чтобы враг снова не подвинул тебя на скорбь о потере имения, как было с тобою прежде, ведь оно возвращено тебе вместо утраченного. Я повелеваю тебе взять этот клад и уйти с ним в другое место, в котором ты безбоязненно сможешь, приобретя землю, умножить свое богатство. А при отшествии в иной мир ты сможешь отдать его, кому захочешь, и оставить славу о себе. Спасись же и избежать козней лукавого можно не только здесь, но и там». Столь явное противоречие с монашескими идеалами смутило инока: «Не буду ли я, оставивший мир и все, что в мире (Ин. 2, 15), и давший обет окончить жизнь свою в сей пещере, посрамлен, став беглецом и мирским человеком? Если это угодно тебе, я все исполню, но только останусь жить в монастыре». Бес продолжал настаивать: «Здесь ты не сможешь утаить клад. Если о нем узнают, то заберут у тебя. Прими мой совет. Ведь если не было бы угодно небесам, чтобы ты имел стяжание, то ты не получил бы его».

Феодор, убежденный бесом, начал втайне от всех готовить сундуки и повозки, чтобы перевезти сокровища в другое место. Так бес надругался над отшельником, сумев прельстить его и «еже от Бога отлучити и святого места, и от дому Пречистыя и преподобных отец наших Антонія и Феодосіа».

Но человеколюбивый Господь, «не хотя ни единому погыбнути от сего святого места, и сего спасе молитвами святых». К тому времени в обитель вернулся преподобный Василий. Он сразу же пошел в пещеру к Феодору и с радостью приветствовал его: «Как пребываешь в Господе, брат, ибо я долго не видел тебя». Феодор удивился его словам: «Ты только вчера, как и во все прочие дни, был у меня, поучая о спасении. Ныне же я готов к уходу туда, куда ты повелел мне».

Изумленный Василий спросил: «Скажи мне, что означает сказанное тобою? Ведь я только сейчас возвратился и ничего не знаю. Не бесовское ли это прельщение? Молю, не утаивай ничего от меня ради Бога». Феодор с гневом отвечал ему: «Зачем ты искушаешь меня? И зачем смущаешь душу мою, говоря то одно, то другое? Я теперь не знаю, чему верить». После этого рассерженный Феодор прогнал от себя Василия.

Видя разрушение своих замыслов, бес снова пришел к отшельнику в образе Василия и сказал: «Омрачился я, окаянный, умом и сам не знаю, что говорил тебе. Но теперь я опомнился и, забыв твои досаждения, пришел к тебе с просьбой покинуть монастырь в эту ночь, взяв найденные

Ѡб Ѡдѣгѣ зде єсть огнѣмъ ннѣшннѣмъ злато ,
 КАСІІЛІИ ꙗкоже стѣрѣаннѣмъ копаніемъ злато .

Преподобные Василий и Феодор.
 Из Патерики 1702 г.

сокровища». Утром преподобный Василий, видя, что с братом творится неладное, привел к пещере монастырских старцев и вызвал оттуда Феодора для беседы. «Вот свидетели, — указал преподобный на старцев, — что меня не было три месяца, ибо я был послан игуменом по делам обители и сегодня только третий день, как нахожусь здесь. Ты же говоришь, что я постоянно бывал у тебя. Не бесовское ли это действие? Посему, когда снова придет к тебе тот, кто являлся ранее, не позволяй ему беседовать с собой прежде, чем он сотворит молитву Иисусову. Тогда сразу поймешь, что это бес». Затем преподобный Василий прочел запретительные молитвы против дьявола, призвал на помощь святых угодников и, наставив отшельника, удалился. Бес, видя, что его замыслы ниспровергнуты, больше не дерзал являться к Феодору. Инок после этого окончательно уверился в своем прельщении и больше ни с кем не разговаривал, прежде чем приходивший не призывал имя Господа Иисуса Христа. Тем самым преподобный Феодор преодолел искушение и укрепился в борьбе с дьяволом, который всегда с особой силой воюет против затворников.

Выкопав глубокую яму, инок спрятал в нее сокровище, и с тех пор «доныне никто же свесть, идеже сокровенно». Блаженный усердно молил Господа о полном забвении местонахождения клада. Милосердный Бог исполнил его прошение. Феодор больше никогда не вспоминал о кладе и не стремился к стяжанию. Чтобы не дать места праздности, от которой рождаются дерзость и нерадение, инок на-

ложил на себя тяжкие труды. Он поставил в пещеру жернова и начал работать на братию. Беря из амбара пшеницу, он молотил ее и отдавал на нужды монастыря, «вся ночи без сна пребываше, тружаяся в деле и молитве». Так он изнурял себя в продолжение многих лет, облегчая труд монастырских пекарей и нимало не стыдясь этой работы. В награду за подвижничество Господь даровал ему победу над страстью сребролюбия, и с тех пор богатство потеряло для него всякую привлекательность.

Однажды келарь, видя злострадание труженика, сожалел над ним и велел часть привезенного с полей зерна высыпать близ пещеры, чтобы избавить преподобного от необходимости носить его в свою келию издалека. Приняв от келаря пять возов зерна, Феодор собрал его в сосуды и начал молотить, поя наизусть Псалтирь. Утомившись, он решил немного отдохнуть. Внезапно раздался сильный грохот, подобный грому, и жернова стали двигаться сами собой. Блаженный, уразумев, что это бесовское действие, начал прилежно молиться. Затем он воскликнул: «Запрещает тебе Господь, вселукавый диавол!» Но бес не переставал двигать жернова. Тогда Феодор произнес: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, свергнувшего тебя с небес и давшего в поправление святым угодникам, повелеваю я, грешный, не прекращать молотить, пока не будет смолото все зерно, чтобы и ты поработал на святую братию». Затем инок встал на молитву. Бес не посмел преслушаться преподобного и за ночь перемолотил все пять возов ржи. Наутро Феодор послал к келарю сказать, чтобы он забрал муку. Келарь был поражен этим дивным чудом. Более того, когда забирали муку, ее количество оказалось удвоенным, ибо из того зерна вышло не пять, а десять возов муки. И сбылись на деле слова апостолов: «Господи! И бесы повинуются нам о имени Твоем» (Лк. 10, 17), а также изречение Самого Спасителя: «Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию* и на всю силу вражию» (Лк. 10, 19). Таким образом, бесы, хотевшие утратить блаженного, сами навлекли на себя узы работы и удалились в посрамлении, громко вопя: «Оставляем это место и больше никогда не появимся здесь».

Преподобные Феодор и Василий, для утверждения в добре, дали обет никогда не утаивать своих помыслов, но открывать их друг другу и все решать с богоугодной мудростью. Василий избрал путь безмолвия в пещере, а Феодор, который по старости уже не мог нести этот подвиг, решил поставить себе келию в Ветхом монастыре.

В ту пору в обители случился пожар. Для восстановления монастыря по Днепру был пригнан лес «на строение церкви и всем келиям, и извозником нанятым возити на гору». Феодор, чтобы не утруждать других, стал сам носить бревна с берега наверх. Но бесы, стремясь прогнать блаженного с этого места, начали снова, вопреки обещанию не появляться здесь, творить ему пакости и сбрасывать принесенные бревна вниз. Тогда Феодор сказал: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего вам вой-

ти в свиней, приказываю вам, грешный Его раб, перенести все бревна с берега наверх, чтобы братия, работающая в Господе, не утруждалась и могла устроить храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и келии для себя, и чтобы вы перестали творить пакости, уразумев, что на этом месте пребывает Господь». В ту же ночь бесы, связанные узами Феодорова заклатья, перенесли на гору все бревна. Этого леса было достаточно на устройство не только келии блаженного, но и храма с монастырскими постройками. Утром повозчики пришли на работу и не нашли на берегу ни одного бревна. Весь лес был аккуратно сложен в различных местах монастыря. В одном месте лежало то, что пригодно было для крыши, в другом — для помоста. Отдельно лежали длинные дубовые брусья для келий, носить которые было особенно трудно. «Се же дивно бысть всем видевшим и слышавшим, еже сотворися выше человеческой силы».

Свидетели чуда «прославиша Бога, творящаго предивнаа чудеса Своих ради угодник, якоже рече Господь: не радуйтесь, яко дуси** вам повинуются, радуйтесь же паче, яко имена ваша написана суть на небесех (Лк. 10, 20). Но се убо содея Господь въ славу Свою молитвъ ради святых отець наших Антоніа и Феодосіа».

Бесы снова потерпели посрамление. Почитаемые неверными как боги, они угодниками Христовыми были вконец пренебрежены, унижены и обесчещены. Бесам пришлось работать на них, как купленным рабам, то перемалывая зерно, тонося бревна на гору. Не терпя поругания, они вопили: «О злые и лютые супостаты Василий и Феодор! Мы не прекратим борьбы с вами и будем вести брань непрестанно до самой вашей смерти!». С того времени бесы, не зная, что блаженным готовится через терпеливое перенесение их нападения венец славы, начали побуждать злых людей погубить иноков. Слуги диавола «напрягоша лук свой, вещь горьку, но оружие их внидеть въ сердца их» (Пс. 36, 15). Так, повозчики, нанятые для перевозки леса, подали в суд на блаженного Феодора, требуя с него плату за то, что бревна оказались наверху. Неправедный судья, подкупленный ими, присудил иноку выплатить эти деньги, дерзнув сказать: «Пусть их помогут заплатить бесы, служащие тебе». Столь велика была досада бесов, погранных преподобными Василием и Феодором.

Не будучи в силах, однако, нанести инокам большого вреда, диавол воздвиг на них новую бурю. Он избрал своим орудием одного из княжеских советников, человека жестокого, свирепого и нечестивого. Придя под видом инокка Василия к этому боярину, прежде его знавшему, диавол сказал: «Феодор нашел большой клад из золота, серебра и драгоценных сосудов и хотел бежать с ним в другую местность, но я удержал его. Теперь же он юродствует и повелевает бесам то молотить зерно, то носить бревна, хотя сам великий грешник, ибо утаил от меня сокровища, чтобы потом скрыться с ними. Вам же ничего из клада не достанется». Боярин привел мнимого Василия к князю Мсти-

* Скорпионов.

** Духи.

славу Святополковичу. Бес, повторив сказанное, прибавил при этом: «Возьмите его скорее, пока он не успел бежать, и сокровища все достанутся вам. Если он не отдаст их, нанесите ему множество ран; если же и после этого не отдаст, предайте его тяжким мукам. Когда же и пыток будет недостаточно, то позовите меня, и я обличу его перед всеми, а также покажу место, где он спрятал клад».

Рано утром князь с множеством воинов ворвался в обитель, как будто он ехал на охоту или на пленение крепкого и сильного неприятеля, и схватил блаженного Феодора. Поначалу он с притворной ласковостью обратился к преподобному: «Отче, скажи, действительно ли ты нашел клад? Я разделю его с тобой, и ты будешь мне отцом». Феодор подтвердил это. Князь снова спросил: «Чей это клад и много ли в нем золота, серебра и драгоценных сосудов?» Феодор отвечал: «Житие преподобного Антония повествует, что пещера сия была варяжским хранилищем. Да и сосуда в ней — латинские, посему доселе называется она варяжской. Золота же и серебра в ней бесчисленное множество». Князь льстиво продолжал: «Почему бы тебе не отдать клад мне, сыну твоему? Я разделю его с тобой, и ты возьмешь себе все, что захочешь». Феодор сказал: «Мне не нужно золота, ибо я свободен от стяжательства. Я бы все отдал вам, рабам его, но не могу — Господь отнял у меня память о месте, где скрыты сокровища».

Разъяренный Мстислав крикнул слугам: «Монаха этого, отвергнувшего мои милости, приказываю оковать по рукам и ногам. Томите его три дня голодом и жаждой». Затем он снова начал пытать блаженного, однако инок отвечал одно: «Не знаю, где я скрыл его». Князь подверг Феодора страшным мукам, так что вся власяница его пропиталась кровью. Ничего не добившись, Мстислав приказал развести сильный огонь и, связав инока, подвесить его над ним, истязая пламенем и дымом. Многие дивились терпению сего святого мужа, ибо он пребывал в пламени, как в росе, и огонь даже не коснулся его власяницы.

Один из княжеских слуг рассказал властителю об этом чуде. Нечестивец в ужасе воскликнул: «Зачем ты губишь себя, утаивая клад, принадлежащий мне по праву?» Инок отвечал ему: «Истину говорю тебе, что по молитвам брата моего Василия я спасен был от пристрастия к найденному сокровищу и теперь не помню, где спрятал его, потому что Господь отнял у меня память о нем». Услыхав о Василии, князь приказал привести его к себе. Но отшельник, много лет не покидавший пещеры, отказался прийти во дворец, и тогда его привели силой. Князь обратился к нему со словами: «Все, что посоветовал ты мне сделать с этим злым старцем, я сделал, но безуспешно. Теперь ты будь свидетелем перед ним». Василий в недоумении спросил: «Что же я советовал тебе сделать?» Князь отвечал: «Ты уведомил меня о кладе, найденном Феодором. Но, как ни мучил я его, он не раскрыл тайны». Василий тогда воскликнул: «Теперь познал я, что это козни лукавого беса! Он прельстил вас, оболгав меня и преподобного Феодора. Ибо меня ты никогда не видел и не мог видеть, вот уже пятнадцать лет неисходно пребывающего в пещере». Предсто-

СПИРИДОНЪ И НИКОДИМЪ ЗЪ ВЪЛЫИ ГОТОВАЮЩА
КЛАДЪ ХРЪГОВЪ: ЗЪ ГЛАГОМЪ АНГЛАЪ СНЕДЪ СЛАВЫ ПРІАЩА

*Преподобные Спиридон и Никодим.
Из Патерика 1702 г.*

ящие заметили: «Ты при нас разговаривал с князем». Василий отвечал: «Вас всех прельстил лукавый».

Князь, разгневавшись, приказал мучить и его. Василия начали немилосердно бить, однако отшельник не только мужественно терпел пытки, но и обличал злочестивого Мстислава. Князь, буйный от выпитого вина и крови мучеников, схватил стрелу и ранил ею Василия. Преподобный вырвал стрелу из своей груди и бросил ее к князю со словами: «Этой стрелой ты сам уязвлен будешь», что впоследствии и сбылось по проречению святого.

Мстислав приказал бросить иноков в темницу, поместив их в разные места, чтобы утром снова предать их жестоким пыткам. «И в ту ночь оба скончались о Господе. И се уведавше братіа, пришедше, взяша тела мученней и погребоша их честно в пещере варяжской, в ней подвижастася, ту же и положени быста въ одежи кровавей и власеници, яже и доньне цела суши: ея бо постыдеса огонь, како сіа тленію причастится?»

Вскоре сбылось пророчество святого Василия — Мстислав Святополкович был застрелен на крепостной стене в городе Владимире-Волынском во время битвы с князем Давидом Игоревичем. Тогда, вспомнив о стреле, которой он ранил инока, князь сказал: «Вот сейчас я умираю из-за преподобных Феодора и Василия». Да сбудется реченное Господом: «Взявшие меч от меча и погибнут» (Мф. 26, 52). Святые же отцы приняли мученический венец от Господа, которому слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь¹⁴⁴.

Память святых преподобномучеников совершается 11 августа и 28 сентября. Мощи их в середине XVII в. были перенесены из Варяжских пещер в Антониевы, где и доныне почитают, источая чудотворения.

«Наша брань, — писал апостол Павел, — не против крови и плоти, но против... мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12).

Душа, победившая в этой борьбе, становится храмом Духа Святого. Начиная следующую главу, Поликарп приводит изречение Евангелия: «Братья, вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас» (1 Кор. 3, 16). Эти слова апостола исполнились на преподобных Спиридоне и Никодиме, просфорниках печерских, подвижавшихся при игумене Пимене Постнике (1132-1141). Неутомимые труженики, они с благоговением и страхом Божиим несли монастырское послушание, творя непрестанную молитву. Блаженный Спиридон, хоть и был из сословия простолюдинов — «не от града бо прииде в чернечество, но от некоего села», — научился в монастыре грамоте и выучил наизусть всю Псалтирь. «Повелением же игумена Пимина Постника печаше просхвурь, и с ним братъ некто, именем Никодимъ, ему единоумень и единомравень. Иже добре послужа... многа лета, чисто и непорочно совершивше свою службу». Богоугодной жертвой этих праведников была непрестанная молитва, которую они всегда имели в уме и сердце. Замешивая тесто, заготавливая дрова и выпекая священный хлеб для литургии, просфорники пели псалмы и так наизусть проходили за сутки всю Псалтирь.

Однажды огонь в пекарне переметнулся из печи на крышу и случился пожар. Спиридон «взем мантию свою, и закры устие печи, свите же своей завязавъ рукава... и ту наля воды... Братя же видеша дивную вещь, како не истече вода от свиты, ею же угасиша силу огнену». Так, по молитвам святых, не сгорела мантия в печи и не пролилась вода из свиты, которой было потушено разбушевавшееся пламя. Мощи святых почитают в Ближних пещерах¹⁴⁵. Память их совершается 31 октября, а также в день собора отцов Ближних пещер 28 сентября. «Православное изображение крестного знамения, коим преподобный Спиридон осенил себя в час отшествия к Богу, доселе сохранилось на его руке и обращает к истине многих старообрядцев»¹⁴⁶.

Храм Святому Духу непрерывно созидал в душе своей преподобный Алипий иконописец. Смирение, трудолюбие, полная нестяжательность, нищелюбие, благоговейная молитва и, конечно же, ниспосланный Богом гениальный дар иконописания возводят Алипия на ступень особого избранничества, которое он подтвердил всем своим творчеством, перешагнувшим земное тяготение и органично слившимся с небесным миром. Академик С.Аверинцев пишет, что на Руси существовало «труднообъяснимое, но от-

четливо ощущаемое равновесие между святыней образа и святостью иконописца, которые поручались друг за друга и в замкнутом круге такого поручительства давали свидетельство, которое для данной культуры преимущественно заслоняет место доктринальных разработок»¹⁴⁷.

Для Святой Руси это был второй апостол Лука, ибо, как и апостолу-иконописцу, ему открылись сокровенные тайны трансцендентной сущности Неба. Поликарп в послании к архимандриту Акиндину подробно перечисляет многочисленные подвиги и чудеса преподобного Алипия, очевидцем которых ему пришлось быть самому: «...азъ самовидецъ быхъ», «се при мне сътворися»¹⁴⁸. Автор не скрывает благоговейного восторга и преклонения перед этим ярчайшим светильником Богохранимой земли нашей, озарившим ее благодатным сиянием своих чудотворных икон. Иконой стало само житие его, в котором столь прекрасно отобразились образ и подобие Божества.

Заканчивается Патерик сказанием о преподобном Пимене Многоболезненном. Здесь автор, как бы подводя итог, подтверждает истинность неразрывной связи, теснейшего слияния земного и Небесного в бытии Печерской обители. Он приводит рассказ об удивительном, непостижимом действе пострижения преподобного Пимена собором святых ангелов.

Преподобный Пимен, как и многие другие печерские подвижники, воистину был мучеником ради Христа. Тяжелые страдания, ниспосланные ему, он переносил с доблестным мужеством, терпением и благодарностью.

Блаженный Пимен родился больным. Больным он и вырос. Но телесная немощь не дала в нем места немощи душевной. Он был чист от всякого порока. Много раз умо-

Преподобные Спиридон и Никодим. Прорись с гравюры XVII в.

лял он родителей отдать его в монастырь, но они не хотели расстаться с сыном. Однажды он тяжело занемог. Тогда родители наконец принесли сына в Печерскую обитель, «да исцелет молитвами святых». Болящий же не просил себе здоровья у Господа, но, напротив, молил о продолжении болезни, зная, что если он был бы здоров, то родители увезли бы его из монастыря.

Так как отец и мать не давали возможности сыну принять пострижение, то блаженный впал в великую печаль «и нача Богови молитися прилежно, да исполнить желаніе его». И вот в одну ночь, когда все спали, ему явились светлые ангелы, одни в образе прекрасных юношей, другие в образе игумена и братий, «носяще съ собою евангеліе, и свиту, и мантию, и куколь и все, еже на потребу постриганію». Явившиеся сказали ему: «Желаешь ли, чтобы мы постригли тебя?» Блаженный с радостью отвечал: «Ей! Бог послал вас! Исполните желание сердца моего». Тогда они начали предлагать вопросы, совершая все по порядку, как пишется в уставе иноческого пострижения: «Что пришел еси, брате, припадая к святому жертвеннику и къ святей дружине сей? Желаеши ли сподобитися мнишескому великому ангельскому образу?» Затем явившиеся постригли его в великий ангельский образ, «Пимена того нарекше», и облекли в мантию и куколь. Они вручили ему зажженную свечу со словами: «До 40 днй и ноцій сіа свеща да не угаснетъ». Совершив постриг, они ушли в церковь, волосы же его оставили завернутыми в убрусе на гробнице преподобного Феодосия.

Черноризцы, услышав глас пения, пришли в келию, где лежал блаженный. Однако в ней все спали крепким сном — родители больного, его домашние и слуги. Келию наполняло дивное благоухание. Болящий был исполнен радости и облечен в иноческую одежду. Иноки с удивлением спросили: «От кого, брат, ты принял пострижение? И что за пение слышали мы здесь?» Он отвечал: «Игумен, придя с братией, постриг меня. Власы же мои они взяли и отправились с ними в церковь».

Но собор оказался запертым. Тогда разбудили пономарей и спросили их, не входил ли кто в храм. Те отвечали, что никого не видели. Да и ключи от церковных дверей были только у еkkлесиарха. Найдя еkkлесиарха, иноки вошли в церковь и на гробе преподобного Феодосия увидели власы новопостриженного, лежащие в убрусе.

Тогда рассказали обо всем игумену. Игумен начал искать, кто бы мог постричь Пимена, но не нашел такового. Чудо с убрусом, найденным в запертой церкви на раке преподобного Феодосия, и с постригальной свечой, которая вместо нескольких часов горела сорок суток, всколыхнуло монастырь. Всем стало понятно, что это совершилось по промыслу и воле Божией, через святых ангелов. Игумен с братией рассуждали, можно ли вменить пострижение блаженного в уставное, и признали излишним повторять постриг, сказав ему: «Довольно, брат Пимен! Ты от Самого Бога получил иноческий образ и монашеское имя. Скажи только нам, каковы были постриг-

шие тебя?» Блаженный отвечал игумену: «Почто меня искушаешь, отче! Ты сам с братией, придя сюда, совершил надо мною то, что написано в книгах, а затем предрек мне, что я буду страдать от болезни всю жизнь, до тех пор, пока не придет время моего исхода. Тогда, наконец, мне ниспшлется здравие, так что я сам смогу нести одр свой. И теперь прошу, моли о мне, отче святой, да подаст мне Господь терпение нести крест тяжкого недуга». Слыша это, все оставили его с миром, ибо поняли, что над ним совершилось великое и преславное чудо благоволения Господня.

Крест преподобного Пимена был действительно очень тяжел. Телесные муки усугублялись душевными страданиями от немилосердия и черствости окружающих.

Даже служившие ему послушники гнушались его болезненным состоянием. С нерадением относясь к своим обязанностям, они оставляли его без еды иногда по два или по три дня. Но Пимен все терпел с радостью и непрестанно благодарил Бога.

Один из черноризцев, также страдавший неизлечимым недугом, был после пострижения помещен больничными братьями в келию Пимена для более удобного обслуживания обоих. Но и о нем небрегли нерадивые послушники, так что больные изнемогали от голода и жажды. Преподобный Пимен спросил болящего собрата: «Понеже гнушаются служащии нам, смрада ради бывающаго от насъ, то аще* восставить тя Господь, можеши ли пребывати въ службе сей?» Тот горячо обещал в случае исцеления преданно служить больным до самой своей смерти. Тогда блаженный Пимен исцелил его и наставил быть усердным в послушании, чтобы не навлечь на себя за немилосердие сугубого наказания. А нерадивые послушники, гнушавшиеся больными и морившие их голодом, сами впали в недуг.

Брат, которого исцелил преподобный, сначала прилежно выполнял все обязанности по уходу за больными, но потом и он вознерадел «и уклонься от Пимина, и сего алчна и жадна остави, смрада ради утробнаго». Наказание не замедлило — он был внезапно поражен горячкой и три дня не мог выйти из своей келии, горя нестерпимым внутренним огнем. Наконец, будучи не в силах стерпеть жажды, он начал звать о помощи. Иноки, услышав крик, пришли к нему и, видя его уже при смерти, рассказали о нем Пимену. Блаженный отвечал: «Что человек посеет, то и пожнет (Гал. 6, 7). Так как он оставил меня без пищи и воды, солгав Богу и презрев мою немощь, то и сам воспринял подобную участь. Однако Господь учит не воздавать злом за зло. Пойдите, скажите ему: вставай и иди — Пимен зовет тебя».

Когда пришедшие возвести это больному, он сразу почувствовал себя здоровым и сам, без посторонней помощи, пришел к преподобному. Блаженный обратился к нему с увещанием: «МалOVER! Вот, теперь ты здоров — смотри, не согрешай более! Не знаешь ли, что равное вознаграждение ожидает и больных, и прислуживающих им, ибо терпение убогих не погибнет до конца. Получая здесь

* Если.

скорбь и печаль, они обретут радость и веселие там, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Ради сего, брат, я все терплю. Бог же, Который тебя исцелил, может и меня поднять с одра болезни и исцелить недуг мой. Но я сам не желаю этого, ибо, как сказано, «претерпевший до конца спасен будет» (Мф. 24, 13). Лучше в сей жизни плоть моя подвергнется тлению, зато в будущей она пребудет нетленной. Здесь потерплю смрад, но там наслажусь неизреченным благоуханием. Великое счастье, брат, — церковное предстояние Богу в светлости, чистоте и святости, с воссыланием благоугодной и благоприятной песни Богу вместе с ангельскими силами, ибо церковь нарицается земным небом и стоящие в ней духовно пребывают на небесах. А это темное и смрадное мое помещение — не суд ли прежде суда и мука прежде бесконечной муки? Но достойно терпящие болезнь могут сказать: «Терпя потерпех Господа, и внят ми» (Пс. 34, 1). Утешая таковых, апостол пишет: «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же останетесь без наказания, которое всем обще, то вы — незаконные дети, а не сыны» (Евр. 12, 7-8). Увещевает нас и Господь: «В терпении вашем стяжите души ваши» (Лк. 21, 19).

Образумившись, исцеленный брат в корне изменил свою жизнь и с тех пор радушно и усердно исполнял долг святого милосердия. Доблестный же страдалец Пимен с благодушием нес крест болезни еще долгих двадцать лет. Когда приспело время его отшествия, он почувствовал себя здоровым. Праведник вспомнил предсказание постригавших и понял, что пришел час его исхода. Восстав от одра, он обошел все келии, смиренно кланяясь и прощаясь с братией. Придя затем к больным инокам, он особо попрощался и с ними, сказав с поклоном: «Друзья мои и братия! Встаньте и проводите меня!» Тотчас от них отступили все болезни, и они, исцеленные его молитвой, пошли вместе с ним в храм. В церкви преподобный Пимен причастился Божественных и животворящих Тайн Христовых. Затем, взяв свой погребальный одр, он понес его к пещере, хотя никогда в ней не был. Войдя в пещеру, Пимен поклонился гробу преподобного Антония и показал место, где желал быть упокоенным. Предстоящим он сказал: «Вот пришли за мной постригавшие меня». После этих слов он возлег на одр и с миром преставился ко Господу. Братия с великой честью погребли его в пещере близ гроба преподобного Антония.

Господь явил святость Своего угодника явлением трех огненных столпов над обителью: «Во время же преставления его явишася три столпы над трапезницею и отуду на верхъ церкви приидоша. О них же реченно бысть в летописи»¹⁴⁹. Мощи преподобного Пимена Многоболезненного пребывают в Ближних пещерах. Память его совершается 7 августа и 28 сентября.

Житием святого Пимена черноризец Поликарп заканчивает свой большой агиографический труд. По литературным качествам это произведение несколько уступает посланию Симона. Поликарп как бы держится в тени сво-

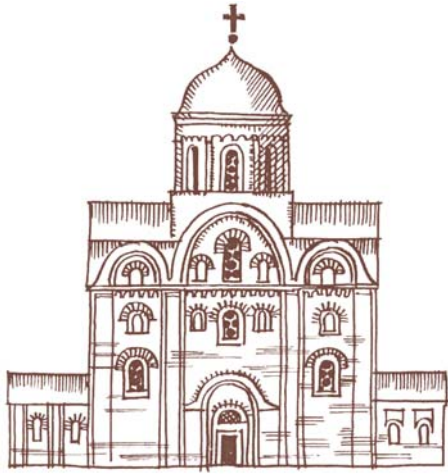

ПІМІНЪ ТѢЛОМЪ НЕМОЩЕНЪ, ДУХОМЪ БЪШЕ СІЛЕНЪ
ѿ АНГГЛѢВЪ ПОСТРИЖЕНЪ: ІО АНГГЛЪ КУНЕНЪ.

*Преподобный Пимен Многоболезненный.
Из Патерика 1702 г.*

его учителя, оставаясь более традиционным в структурном построении и эмоционально-дидактических приемах. «Но как сочинение историческое, судя по источникам, какими пользовался Поликарп, послание его может быть поставлено совершенно наравне с посланием святого Симона, и при единстве предмета и самых источников оба послания представляются как бы частями одного целого»¹⁵⁰. Поликарп обнаруживает основательное знание святоотеческих творений. Он широко пользуется «Лестницей» Иоанна Синайского и Прологом. Из отечественных источников он использует летопись Нестора, а также Жития Антония и Феодосия.

Весьма интересна судьба самого Поликарпа, которая приобрела житийные черты и стала частью печерского образа святости, над раскрытием которого он столь плодотворно трудился. Преподобный Поликарп был канонизован Церковью. Память его совершается 24 июля, а также 28 сентября, в день собора преподобных отцов, «в Ближних пещерах почивающих»¹⁵¹. «Житие» его гласит: «После блаженной кончины преподобного Акиндина вся братия Печерского монастыря единомысленно избрала своим игуменом преподобного Поликарпа, как мужа святого, достойного и способного держать кормило правления святой Великой лавры. Повсюду заговорили о благочинии и особенном порядке в лавре в игуменство Поликарпа. Многие из благородных и славных князей приходили к нему за советом и наставлениями, и многих он направлял к добродетельной жизни»¹⁵².

Церковь на Шекавице.
Реконструкция по рис. А. ван Вестерфельда.

Ипатьевская летопись пишет о преставлении в 1182 г. архимандрита Поликарпа: «В лето 6690... преставися... месяца июля въ 24... въ день... праздника Бориса и Глеба. И опряташа тело его, погребоша. По смерти же его бысть мятежь в монастыре... не могоша избрати собе игумена, и бысть скорбь братя, и туга, и печаль велья... Удариша братя в било, и снидошася в церковь, и почаша молбы творити ко святей Богородице: и се дивно бысть дело, яко едиными усты мнозе рекоша: послемся к Васильеву попови на Шековицу, абы былъ игумень и управитель стаду черноризци Феодосьева монастыря Печерьского. И пришедши, поклонишася Василью попови, и рекоша: мы, вся братя и черноризци, кланяемся тебе и хотим тя имети собе отца игумена. Попъ же Василей, в велице изуменьи бьвь... рече: ...игуменьства же ради что мыслите о моеи худости? Они же поемше и ведоша в монастырь... и приеха митрополить Микифоръ на пострижение его и Туровский епископъ Лаврентей, и Никола Полотский епископъ, и вси игумени. Постриже Микифоръ своею рукою, и бысть игумень»¹⁵³.

Этот неординарный случай, когда иноки избрали на игуменство простого иерея из киевского приходского храма на Шекавице, не имевшего монашеского стажа и опыта, а тем более пострижения, хотя и удивителен, но имеет идеологическую подоплеку в писаниях составителей Патерика. Завершая житие Пимена Многоболезненного, Поликарп пишет о чуде, которое произошло в обители в 1110-х гг. по пророчеству этого святого. Перед смертью Пимен предсказал, что при его погребении будут найдены останки трех монахов. Тот из них, кто не был при жизни пострижен в схиму по своей бедности — «небрегом бысть от братя нищеты ради, имъ же вменися въ грехъ», — будет возлежать в схиме, ибо «дела достойна показа... и сего ради дарова ему Господь схиму». Другой, который при жизни не хотел постригаться в великий ангельский образ, чтобы не нести тяжести обетов, а принял постриг лишь перед смертью, будет найден без схимы: «Таковымъ бо постриженіе скимное ничто же пользуетъ». Третий вел нерадивую и греховную жизнь, хотя и был пострижен. Схи́ма на нем, предсказал блаженный Пимен, останется нетленной «ему на обличіе и на осужденіе, яко недостойна образу». Так и случилось: «Обретоша, по словеси бла-

женнаго, три черноризци: единого всего истлевша, кколь же единъ цель бяше; два же мниха... иже убо въ схиме положенный, съ сего скима снята бысть и на другаго положена, иже бе не пострижень»¹⁵⁴. Братия изумилась этому чуду, уразумев, что Господь вершит праведный суд и воздает каждому по его заслугам, будь то нерадивый схимник или простой, но добродетельный человек, не сподобившийся пострижения.

Киево-Печерский Патерик, составителями которого явились черноризец Поликарп и его духовный наставник святитель Симон, впоследствии, в XVII ст., наряду с житиями основателей обители преподобных Антония и Феодосия и других святых угодников пополнился жизнеописаниями самих авторов.

И хотя при составлении их житий в Патерик вкралась ошибка — в реальности эти два писателя жили и действовали не в XII, а в XIII веке¹⁵⁵, — все равно церковное предание, опирающееся не столько на сухие даты и факты, сколько на мощные духовно-нравственные критерии, вправе было сделать их личности символом того образа святости, который они боговдохновенно воспевали. Для православных читателей, ищущих «доброго бисера» (Мф. 13, 45) и стремящихся к подражанию великим печерским праведникам, важно, в первую очередь, не то, в каком столетии подвизались оба автора и когда черноризец Поликарп был возведен в сан архимандрита, а то, как в своей жизни они воплотили Евангельские идеалы. Как и житие Нестора Летописца, канонизованного Церковью, их жизнеописания органично влились в лаврский житийный сборник, ибо они были благоговейными соотечественниками тех великих угодников, которых прославили в своих бессмертных творениях.

Оба агиографа заслуживают тем большего почтения, что именно их произведения создавались собственно как Патерик, согласно классическим законам жанра, хотя история не сохранила списков Патерика, в которых помещались бы лишь их творения.

В наиболее ранней рукописной редакции Патерика наряду с ними уже присутствуют летописные повествования печерских авторов XI — начала XII в. В Кассиановской редакции 1460 г. появляется Несторово Житие преподобного Феодосия, его «Слово о перенесении мощей преподобного Феодосия», летописные известия о пострижении Николы Святоши, о вписании в синодик имени аввы Феодосия, о видении и смерти печерского постриженника святителя Новгородского Нифонта, о преставлении игумена Поликарпа и избрании на его место иерея Василия и т. д.

Исторической науке известно огромное количество списков этого, одного из наиболее распространенных на Руси, эпоса, что говорит о его особой миссии, призванной возвещать славу Бога, дивного во святых Своих.

Образ святости, воплощенный в Патерике, вообрал в себя всю многогранность христианского духовно-нравственного идеала. Здесь и самопожертвование Исаакия Затворника, победившего дьявольскую силу, и трудолюбие Прохора Лебедника, чудеса которого уподобились Евангельскому чуду умножения хлебов, и смиренномудрие

Марка Пещерника, воскрешавшего мертвых, и достойный преклонения покаянный подвиг Афанасия Затворника, предугадавшего свою кончину, и борьба с грехом сребролюбия инока Эразма, пожертвовавшего все свое имущество на украшение Свято-Успенской церкви, и всепрощение Тита пресвитера, поправшего страсть гнева, и долготерпение Пимена Многоболезненного, сподобившегося пострижения от ангелов. Патерик «воплотил в себе тот моральный идеал, который веками по зернышку собирала и оберегала совесть нашего народа. Мудрость, милосердие, кротость, открытость, терпение, трудолюбие — вот главные его черты, венцом которого является Божественная любовь, недостижимая и всеохватывающая»¹⁵⁶. Это тот идеал, носителями которого были печерские угодники — митрополиты и послушники, князья и воины, бояре и купцы, простолюдины и смерды. Проявление его происходило на огромных территориях — от Афона, Царьграда и Корсуни до далекой северной земли вятичей, от Ляхского княжества до Тмутаракани. Оно не имело национальных ограничений, ибо было одинаково величественным в судьбе киевлян Ефрема и Варлаама, уроженца Смоленска Прохора, псковитянина Исаакия, венгров Моисея и Георгия, половчанина Арефы, грека Феодоса и других, входивших в одну христианскую семью, где «нет различия между Иудеем и Эллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его» (Рим. 10, 12). Этот идеал вместе с наследием святых равноапостольных Ольги и Владимира, страстотерпцев Бориса и Глеба, князей Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, а также других благочестивых дея-

Святитель Симон.

телей нашего Отечества стал символом его величайшего расцвета и воплотился в мистический феномен под названием «Святая Русь», который для всех последующих веков был олицетворением славы, чести и духовной мощи народа.

Мысль о Печерской обители как духовном центре Святой Руси красной нитью проходит через все содержание Патерика: черноризцы печерские — «светильники в Руской земли»; преподобный Антоний — «начальник Руским мнихом»; преподобный Феодосий — «архимандрит всея Руси и начальник», «светильник, трудоположник же и чудотворецъ въ земли Рустеи». Храм Успения Пресвятой Богородицы — «боголепнаа, небеси подобная, великаа... архимандритіа всея Руския земля, еже есть лавра». Печерская обитель «чинъ и устроєніе всемъ въ Руси монастыремъ предасть», и не только монастырям, но и епархиям, ибо отсюда «мнози епископи поставлени быша, яко же и от Самого Христа Бога нашего апостоли въ всю вселенную послани быша, и яко светила светлаа осветиша всю Рускую землю святымъ крещєніемъ». Подчеркивая особую миссию Киево-Печерской лавры во Вселенском Православии, Патерик прославляет подвиги «блаженейшихъ сихъ отцевъ, иже в концы вселенныа просиявше подобно лучамъ солнечнымъ», утвердив тем самым значение лавры как всемирной христианской святыни: «И въ концехъ вселенныа славно бысть наречєніе ея»¹⁵⁷.

Великий украинский историк М.С.Грушевский пишет: «...из всей нашей древней литературы ни одно произведение не имело такого успеха в постоянном упоминании, употреблении и лектуре не только монашеской, но и светской, как «Печерский Патерик»... Благодаря тому, что Печерский монастырь был наиболее сильным и прочным, пережившим все испытания переходного периода институтом, вместе с ним выжил и этот памятник его святости и провиденциальной роли... Он был сторожем печерской традиции, той сокровищницей, где оберегалось и сохранялось от забвения монастырское предание, распространявшееся среди паломников в таинственной полутьме печерских катакомб. С другой стороны, он становится близкой и дорогой, хорошо известной книгой для всех, кто хоть что-нибудь слышал о печерских сказаниях или после посещения обители, или из устных рассказов богомольцев, которые разносили это киевское предание по всем окрестным просторам... В сей книге они могли найти подтверждение и дополнение этих сказаний, очень популярных, очень дорогих для них, и не только по религиозным мотивам.

Были времена и даже долгие, на целые столетия, периоды, когда почти единственным реальным символом славной Руси, которая была «знаема и слышима всеми концами земли», как высказывается «Закон и Благодать», и продолжала жить в памяти и традициях, в поэтических и легендарных былинах, оставался Печерский монастырь с его бесконечными таинственными подземными переходами. По преданию, ими можно было пройти через всю землю до самого Иерусалима, а на север до Новгорода и в них

Гравюра из книги КПЛ
«Преподобного отца нашего аввы Доротея поучения». 1628 г.

лицезреть и даже соприкасаться с телами князей и богатырей, героев былин и песен, осиянных ореолом легенд, составлявших другой, неписанный Патерик... Обязанностью своей посетить эти реликвии считали все пилигримы, а особенно те, кому они давали больше, чем простое познание, откликаясь на их национальные, конфессиональные и, возможно, социальные, классовые чувства; все те, для кого эти пещеры, замурованные келии затворников были хранилищем не только старой славы, но и надежд на ее обновление, возвращение с теми былинными богатырями, которые до времени ожидают возможности вернуться и очистить правверную Русскую землю от всякой нечисти...

Ключом, мерилom, печатью той традиции... была сия заветная книга «Печерский Патерик» — единая, собственно, книга в непрерывном пользовании, переданная древней Русью... широким кругам масс. Она стала одной из основ киевской культурной и, в определенной мере, краевой и национальной традиции, фундаментальным камнем, который незыблемо перенес весь хаос... жизни. Разумеется, в старой литературе были более полезные и ценные вещи, но обстоятельства так сложились, что именно она осталась наследием древней Руси... Факт остается фактом, что это было самое любимое и неизменное в своей популярности произведение. Не «Слово о полку Игореве», не «Закон и Благодать», не «Летопись», а «Патерик» стал распространенным, вечно обновляющимся, а с началом книгопечатания — постоянно перепечатываемым произведением нашей древней литературы, «золотой книгой»... писательского люда, источником его литературного утешения и морального поучения. Благодаря этому он, как ни одно другое творение, имел столь глубокое влияние на этическое мировоззрение интеллигенции»¹⁵⁸.

Знатоки отдают дань восхищения этому шедевр мировой культуры, подчеркивая, что Патерик — «один из самых выдающихся памятников нашей письменности», «драгоценный бытовой памятник», «великолепный памятник духовной культуры»¹⁵⁹. С.Шевырев жалел, что рассказы Патерика, «где глубокая мысль веры приняла чудные образы поэзии», «не одушевили у нас ни одного художника», а М.Погодин не раз умолял поэта В.Жуковского взяться за перевод Патерика, чтобы он «воспел основание Печерской церкви, для которого Нестор и Симон представляют ему такие живые краски, такое богатое, полное расположение». О «поэтической прелести» Патерика говорил А.Пушкин.

Работа над составлением Патерика, которая велась на протяжении почти трех столетий лучшими умами Отечества, завершилась в тридцатые годы XIII века. Это было предгрозовое время, когда орды монголо-татар вели завоевательные походы, приближаясь к пределам Руси. Ей предстояло взойти на Голгофу и быть погребенной в руинах пожарищ. Батыево нашествие уничтожило Киевское государство, а вместе с ним и блистательную эпоху его «золотого века». Патерик стал лебединой песней этой эпохи, обреченной на гибель, но непрестанно воскресающей в прекрасных творениях нашей старины.

Доказательство бессмертия Патерика — его огромное влияние на жизнь последующих поколений. Наука атрибутировала около двухсот списков этого памятника. Существуют его многочисленные редакции XIV-XVII веков. Под его влиянием создавались Радонежский, Волоколамский, Вологодский, Псково-Печерский, Соловецкий, Волыно-Почаевский и другие патериковые сборники. Уже в XII веке его влияние испытал игумен Андрей, автор Жития преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца, а в первой половине XIII в. — инок Ефрем, жизнеописатель преподобного Авраамия Смоленского, которые заимствовали из Печерского Патерика, в частности из Жития аввы Феодосия, «даже некоторые выражения» и молитвы¹⁶⁰. Ефрем упоминает среди любимых книг святого Авраамия сочинения аввы Феодосия. Епифаний Премудрый в первой половине XV века, опираясь на Патерик, создает Житие Сергия Радонежского. В 1423 г. фрагменты из Патерика вливаются в большой Московский летописный свод. В 1553 г. митрополит Новгородский Макарий вносит Патерик в свой сборник Великих Четьих Миней. От-

Из лаврского Акафистника 1629 г.

рывки из печерского эпоса вошли в Алфавитный, или Азбучный Патерик — компилятивный свод славяно-византийских агиографических памятников, созданный на Соловках в XVII в. «Величайшее множество дошедших до нас списков Патерика свидетельствует, что он был самой любимой книгой наших предков»¹⁶¹. Произведения печерских писателей, и в том числе Патерик, получили широкую известность в Сербии, Болгарии, Грузии, Греции, Чехии, Польше, Армении и других странах. Так, в XIII в. труды печерян были использованы сербским иеромонахом Дометианом при составлении житий сербских святых Симеона и Саввы, а в XV ст. сербский Пролог пополнился службой преподобному Феодосию и его Житием. «Основанные по всей Сербии благочестивым князем Саввой монастыри переписывали устав Киево-Печерской обители»¹⁶².

Опираясь на традиции всеправославного агиографического наследия, Киево-Печерский Патерик по своим творческим достоинствам не только достиг одной из самых высоких в нем степеней, но и стал поистине шедевром мировой агиографии, расширив узкие рамки жанра библейской векторностью, былинной эпичностью, тонким психологизмом, богатством литературно-дидактических находок. В нем преломились и тесно переплелись две разные аскетические традиции — сурового, созерцательного отшельничества, которое исповедовали столпы египетско-сирийского монашества Антоний Великий, Ефрем Сирийский, Исаак Сирийский со своими духовными учениками, и деятельного духовно-просветительского служения Церкви, народу, обществу, исповедуемого отцами палестино-византийского монашества во главе с Саввой Освященным, Феодосием Великим и Феодором Студитом.

Эти два пути Печерская обитель, в лице преподобных Антония и Феодосия, соединила воедино, решив извечную полемику о предпочтительности того или другого, научив применять их оба в трудном деле спасения. Они равнозначно необходимы, как птице необходим взмах двух крыльев для взлета. Самоумерщвление, затворничество, полный отказ от общения с миром преподобного Антония и его последователей не противоречили принципам деятельного влияния на мир, благотворительности, миссионерства, просветительства преподобного Феодосия и круга его учеников, многие из которых оставили заметный след не только в монастырской и общецерковной, но и в политической, общественной, научной, культурной областях¹⁶³. Наоборот, эти две традиции дополняли и взаимообогащали друг друга, как видно из житий митрополита-аскета Илариона, шагнувшего из двухсаженной пещерки на кафедру предстоятелей всея Руси; преподобного Никона, подвизавшегося со старцем Антонием в безмолвии, а потом ставшего игуменом и развернувшего кипучую созидательную деятельность; преподобного Никиты, окрепшего и приобретшего азы духовного возрастания в строгом подвижничестве, а затем ступившего на стезю епископского служения. Впервые, наверное, в православном монашестве эти две струи слились столь органично и нераз-

Из лаврской Цветной Триоди 1631 г.

рывно, явив сложную науку евангельского совершенствования во всем ее многообразии, образовав полноводный поток духовного Иордана, в котором омылись и восприняли благодать спасения сонмы подвижников благочестия.

Киево-Печерский Патерик стал теми скрижалями, на которых для всех поколений христиан запечатлены высокие заповеди прославленных Боговидцев, преподобных и богоносных отцов наших Антония, Феодосия и всех чудотворцев печерских.

Ссылки и примечания к главе V

1. Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). Собр. соч. Т. 2: Проповеди. К., 1997, с. 18.

2. См.: Абрамович Д.И. Исследования о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. С.-Пб., 1902, с. 133-134, 136; Достопамятные сказания о подвижничестве святых отцов. М., 1845. «Подлинный греческий текст сего Патерика неизвестен. Известен только латинский его перевод, сделанный еще в VI веке... Описанный патриархом Фотием Патерик, по его замечанию, есть... свод так называемого «Великого Лимонаря» («Луга духовного»), в котором описываются жизнь и деяния Антония Великого и последующих подвижников IV и V веков» (Древний Патерик, изложенный по главам. Перевод с греческого. М., 1899, с. 5-7). Термин «Патерик» впервые встречается в VIII веке (Сергий (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М., 1875, т. 1, с. 197).

3. Палладий, епископ Еленопольский, был учеником св. Иоанна Златоуста. Долго путешествуя по странам Египта, Палестины и Сирии, он собрал сведения о монастырях и подвижниках и составил их описание, посвятив свой труд патрицию Лавсу, вельможе императора Феодосия Младшего, отчего сборник и получил такое название (См.: Лавсаик. С.-Пб., 1850). На утренях Великого поста Лавсаик ежедневно читается за богослужением, кроме суббот и воскресений. Это правило доныне соблюдается в св. Четыредесятницу как в славянском, так и в греческом Уставах (О еже како чтутся евангелия, и того толкования // Типикон. М., 1838, гл. 10, л. 19).

Преп. Кассиан является одним из основных идеологов аскетизма. Поучения преп. Кассиана Римлянина помещены в Добротолюбии, ч. 4 (Добротолюбие. М., 1895).

Феодорит, епископ Кирский, пишет в своем труде «История боголюбцев» о тридцати современных ему сирийских подвижниках (История боголюбцев, блаженного Феодорита. С.-Пб., 1853).

Кирилл Скифопольский описал жития палестинских подвижников Евфимия Великого († 473), Феодосия Великого († 529), Саввы Освященного († 531), Кириака († 557), Иоанна Молчальника († 557) и других. Его свидетельства поистине бесценны. Вот как, напр., он описывает жизнь пустынников: «Отшельники столь мало заботились о мирских вещах, что не имели ничего, кроме одежды. Постель их была не что иное, как рогожа. В келье еще находился сосудец с водою, которая служила и для питья, и для смачивания пальмовых прутьев. Не дозволялось никому разводиться огонь и вкушать вареное» (Кирилл Скифопольский. Жизнь и дела св. Евфимия Великого // Христианское чтение. 1824, гл. XV, с. 89-93).

Архиепископ Римский Григорий, составитель Римского Патерика, стал называться Двоесловом по заглавию своего агиографического труда «Диалоги», спустя 150 лет переведенного на греческий язык и получившего распространение в Восточной Церкви (См.: Святитель Григорий Двоеслов. Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань, 1858).

Иоанн Мосх вместе со своим учеником Софронием Софистом, впоследствии патриархом Иерусалимским, обошел почти все палестинские, сирийские и египетские монастыри. Ценность его описания тем более велика, что сохранила для нас живую картину аскетической жизни Востока, вскоре завоеванного мусульманскими ордами. Догматическая важность «Лимонаря» освящена высшим авторитетом Церкви — его главы были читаны на седьмом Вселенском соборе (см. четвертое и пятое деяния седьмого Вселенского собора). Творение Иоанна Мосха вызвало почтительную оценку преп. Иоанна Дамаскина (См.: Луг духовный Иоанна Мосха. М., 1853; Иоанн Мосх. Луг духовный. Троице-Сергиева лавра, 1915; в славян. пер.: Лимонарь. К., 1628 («во дворе Юва Борецкого, митрополита Киевского»)).

4. Азбучный, или Алфавитный Патерик составил основу почти всех славянских переводных патериков. См.: Алфавитный Патерик. Супрасль, 1791; Скитский Патерик по греческой рукописи патриаршей библиотеки XI-XII вв. в переводе В.Рожественского // Душеполезное чтение. 1861-1863; Пролог. М., 1877 (на слав. яз.); Маргарит. М., 1878; Митерикон. М., 1908; Игнатий (Брянчанинов), епископ. Отечник. С.-Пб., 1903; Помяловский И. Палестинский Патерик. 22 выпуска, 1885-1916; Гурьев В., протоиерей. Пролог в поучениях. М., 1912; Синайский Патерик / Изд. подг. Гольщенко В.С., Дубровина В.Ф. М., 1967; Добротолюбие. Сергиев Посад, 1992.

5. Ісиченко Ю.А. Патерик Києво-Печерський у літературному процесі кінця XVI — початку XVIII ст. на Україні. К., 1990, с. 24-25. См. также: Абрамович Д.І. Ізборник 1076 р. і патерики // Науковий збірник ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. К., 1931, т. 3, с. 11-15; Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952; Творогов О.В. Древнерусские четьи сборники XII-XIV вв. (Статья первая: Памятники агиографии) // ТОДРЛ. 1990, т. 44, с. 196-225.

6. Сапунов Б.В. Книга в России в XII-XIII вв. Л., 1978, с. 82; Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI-XVII века. М., 1992, с. 108. Однако И.Улукханов пишет о меньшем количестве книг — 85-100 тысяч (Улукханов И.С. О языке Древней Руси. М., 1972, с. 16). Архиепископ Филарет приводит длинный перечень этих книг (Филарет, архиепископ Черниговский. История Русской Церкви. Период первый. Харьков, 1849, с. 50-55). Церковный историк А.Доброклонский выделяет следующие разделы древнерусской литературы: 1) догматический, 2) нравоучительный, 3) исторический, 4) описательный, 5) канонический и 6) богослужебный. Каждый из упомянутых разделов содержит известные имена и сохранившиеся литературные памятники (Доброклонский А. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1883, вып. 1, с. 65-77). Литература Печерской обители охватывает, без сомнения, весь этот перечень, являясь ядром, главной составляющей древнерусского книжного наследия. Софийская библиотека, контролируемая митрополитами-греками и после смерти князя Ярослава Мудрого пребывавшая в забвении у его преемников, погрязших в братоубийственных смутах, не могла так развиваться, как печерская, не имела ясно выраженной патриотической направленности, чтобы стать национальной библиотекой государства. Недаром наиболее знаменитые древнерусские фолианты, дошедшие до наших дней, такие как Изборник Святослава и др., созданы в Лаврском и Новгородском скрипториях, а не в Софийском.

7. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 177.

8. Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д.С.Лихачев. Л., 1987, вып. 1, с. 200-201. «Последнее, как можно предположить, и ограничило распространение первоначальной редакции: авторитет князя Владимира в глазах потомков был несравненно выше, чем его старшего сына. Поэтому наибольшее распространение получила «усеченная» редакция Слова, в которой все, относящееся к деятельности Ярослава Мудрого, пропущено: она сохранилась в более чем 30-ти списках XV-XVII вв. и представлена фрагментом XII-XIII вв. Существует еще одна

редакция Слова... — «усеченно-интерполированная», представленная десятком-полтора списков XV-XVII вв. В ней заметно усилен богословский элемент... Памятник такой исторической значимости и столь сильного эмоционального звучания... не мог остаться незамеченным в литературе последующих веков — отечественной и зарубежной. Есть основания предполагать знакомство с сочинениями Илариона армянского писателя XII в. — католикоса Нерсеса Шнорали, влияние Слова обнаруживается на памятнике сербской литературы XIII в. — Житии Симеона и Саввы. Что касается русской письменности и литературы, то заимствования из Слова... отмечаются во многих и разнообразных памятниках, начиная с Летописи Ипатьевской, кончая припиской к Сийскому Евангелию 1339 г., написанному для Ивана Калиты, и похвальным словом Василию III. Известен случай использования ораторского приема Илариона в XVIII в. — в речи митрополита Платона по случаю Чесменской победы, когда он подошел к могиле Петра I, призывая его «восстать из гроба» и посмотреть на славные дела его преемников» (Там же, с. 202). По «харатейной рукописи» собр. А.И.Мусина-Пушкина Слово было известно Н.М.Карамзину (см. его *Историю гос-ва Российского*. С.-Пб., 1818, т. 1, прим. 110). Историки словесности и литературы пристально изучали творчество Илариона. О Слове писал С.П.Шевырев (Шевырев С.П. *История русской словесности*. М., 1860, ч. 2, с. 22-23), специальное исследование ему посвятил И.Н.Жданов (Жданов И.Н. *Слово о законе и благодати* и Похвала кагану Владимиру / Соч. И.Н.Жданова. С.-Пб., 1904, т. 1, с. 1-80). Ряд авторов polemизирует относительно идейно-политического содержания Слова, видя в нем антииудейские, антивизантийские и антиболгарские тенденции. Особенно остро политизирует содержание Слова М.Д.Приселков (*Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII в.* С.-Пб., 1913, с. 97-106). О сочинениях, обоснованно или необоснованно приписываемых творчеству Илариона, см.: Никольский Н. *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XII вв.)*. С.-Пб., 1906, с. 75-122.

9. Лихачев Д.С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.; Л., 1947, с. 70; Розов Н.Н. К вопросу об участии Илариона в начальном летописании // *Летописи и хроники*. М., 1974, с. 31-36. См.: *Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I* // Прибавл. к творениям св. отцов в русском переводе. М., 1844, ч. 2, с. 1-91; *Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И.Н.Царского* // ЧОИДР. 1848, кн. 7, № 11, с. 21-41; *Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому* // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. К., 1888, кн. 2, отд. II, с. 45-58; *Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. В копии нач. XIX в.* // *Записки имп. АН*. 1873, т. 72, приложение 5, с. 32-68; Покровский Ф.И. Отрывок Слова митр. Илариона о законе и благодати в списке XII-XIII в. // *ИОРЯС*. 1906, т. 11, кн. 3, с. 412-417; *Исповедание веры митрополита Киевского Илариона с записью о его поставлении* // *Памятники древне-русского канонического права*. Пг., 1920, ч. 2, вып. 1, с. 102-103; Розов Н.Н. *Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.* // *Slavia*. 1963, г. 31, р. 141-175.

Лит.: Калугин Ф.Г. *Иларион митрополит Киевский и его церковно-учительные произведения* // *Памятники древнерусской церковно-учительной литературы*. С.-Пб., 1894, вып. 1, с. 47-85; *Никопольская А.Б. Слово митрополита Киевского Илариона в позднейшей литературной традиции* // *Slavia*. Praha, 1928-1929, г. 7, s. 3-4, с. 549-553, 853-870; *Українські письменники: Біо-бібліографічний словник*. Т. 1: *Давня українська література (XI-XVIII ст.)* / Уклад Л.Махновець. К., 1960, с. 65-68; Розов Н.Н. 1) *Рукописная традиция «Слова о законе и благодати»* // *ТОДРЛ*. 1961, т. 17, с. 42-53; 2) *Из истории лингвистических публикаций литературных памятников XI в. (издание А.В.Горским «Слова о законе и благодати»)* // *Вопросы теории и истории языка*. Сб. в честь проф. Б.А.Ларина. Л., 1963, с. 270-278; 3) *Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати»* // *Slavia*, 1966, г. 35, s. 365-379; Мещерский Н.А. *К изучению языка «Слова о законе и благодати»* // *ТОДРЛ*. 1976, т. 30, с. 231-237; Молдаван А.М. 1) *Лингвотекстологический анализ списков «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона* // *Источниковедение литературы Древней Руси*. Л., 1980, с. 38-52; 2) *«Слово о законе и благодати»: (Сопоставление списков)* // *История русского языка: Исследования и тексты*. М., 1982, с. 227-261; 3) *Некоторые синтаксические данные «Слова о законе и благодати» в средневековых списках памятника* // *История русского языка: Памятники XI-XVIII вв.* М., 1982, с. 67-73.

10. Никольский Н. *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XII вв.)*. С.-Пб., 1906, с. 149-156. К авторству преп. Антония в отношении вышеназванных творений наука относится весьма осторожно. «...очень маловероятными оказываются... попытки исследователей XIX ст. приписать преп. Антонию целый ряд творений: «Слово святого преподобного отца нашего Антония, игумена Печерского, что в Киеве»; «Слово святого Антония. Поучения к каждому человеку и к христианам»; еще несколько произведений, подписанных именем преп. Антония; а также перевод жития преп. Григория Омиритского. На самом деле первые два произведения принадлежат к литературному наследию преп. Антония Великого, а перевод жития св. Григория вообще осуществлен не у нас, а в Сербии. Что касается других творений, то относить их к творчеству преп. Антония Печерского также нет никаких оснований» (*Патерик Киево-Печерский*. С. 226, прим. 5).

11. Даты событий начинают уточняться в летописи с 1061 г. — указываются год, число, а иногда и день недели, точное время происходящего. «Причины этого перелома в летописании заключаются в том, что Никон стоял на более высокой ступени исторического сознания» (Лихачев Д.С. *Историко-литературный очерк* // *Повесть временных лет*. Т. 2, с. 87). Идея погодной хронологии могла возникнуть у Никона, по мысли академика, под влиянием пасхальных таблиц, где указывались точные даты празднования Пасхи и делались короткие заметки о некоторых событиях.

12. Ткаченко М.В. *Печерські попередники Нестора Літописця* // *Лаврський альманах (Збірник наукових праць)*. Вип. 1: *Кієво-Печерська лавра в контексті української історії та культури*. К., 1999, с. 8.

13. *Словарь книжников*. Вып. 1, с. 280. Знатный род киевского боярина Вышаты, который прослеживается по летописям в продолжение семи поколений, играл выдающуюся роль в политической жизни Руси. Вышата был сыном новгородского посадника Остромира-Иосифа, заказчика знаменитого Остромирова Евангелия. Вышата участвовал в походах Ярослава Мудрого в качестве одного из главных воевод. Летопись пишет под 1043 г.: «...послал Ярослав Владимира, сына своего, на греков и дал ему воинов много, а воеводство поручил Вышате...» (*Літопис руський*. С. 93). Война с греками окончилась неудачей — морская буря разбила русский флот, часть княжеской дружины во главе с Вышатой была выброшена на берег и пленена. Лишь через три года, после перемирия, Вышата смог вернуться домой. Новое упоминание о Вышате встречаем под 1064 г., когда «бежал Ростислав, сын Владимира... в Тмутаракань, а с ним... и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского». Это — последнее известие в хрониках того времени о Вышате. В далеком полуостровном княжестве два выдающихся деятеля, Никон и Вышата, сблизилась друг с другом, как считает Д.Лихачев (Лихачев Д.С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.; Л., 1947, с. 103). Рассказы Вышаты воплотились в статьях Начального свода. Для Никона это был ценнейший источник событий не только XI, но и X в., т. как род Вышаты восходил к Свенельду, воеводе князя Игоря, а также к Добрыне, дяде крестителя Руси князя Владимира Святославича. Свидетельства Вышаты имели для летописи Никона такое же значение, какое позднее заняли в летописи Нестора свидетельства Яня Вышатича.

14. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С.-Пб., 1908, с. 424.

15. Ткаченко М.В. Печерські попередники Нестора Літописця. С. 8. См.: Приселков М.Д. 1) Митрополит Иларион — в схиме Никон — борец за независимую русскую церковь (Эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря) // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. С.-Пб., 1911, с. 188-201; 2) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. С.-Пб., 1913; 3) История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940, с. 24-26, 31-33.

16. Каргер М.К. 1) Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 22-23; 2) К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. 1955, т. 11, с. 59-71.

17. Патерик. С. 102. О Житии преп. Антония см.: Кубарев А. О Патерике Печерском // ЖМНП. 1838, ч. XX, № 10, с. 27 (полемизирует с концепцией церковнославянского печатного Патерика об авторстве Нестора); Шахматов А.А. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898, март, отд. 2, с. 113-114; Розанов С.П. К вопросу о Житии преподобного Антония Печерского // ИОРЯС. 1915, т. 19, кн. 1, с. 34-46 (выдвигает версию, что Житие было создано не в Печерской обители, а в тмутараканском монастыре Пресвятой Богородицы или же в Болдинском черниговском монастыре); Пархоменко В.А. В какой мере было тенденциозно несохранившееся древнейшее «Житие Антония Печерского» // ИОРЯС. Пг., 1919, т. 19, кн. 1 (резко политизирует и противопоставляет фигуры Антония и Феодосия как «представителей разных политических течений», что выразилось, по его мнению, в идеологической разновекторности их Житий); Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940 (строит свои выводы на теории противостояния Печерского монастыря и Софийской митрополии, утверждая, что Житие Антония, созданное прогреческой партией, было написано как попытка воспрепятствования канонизации преп. Феодосия); Жиленко И.В. Джерела та історія тексту Печерського патерика // Патерик Києво-Печерський. С. 185-187 (считает, что Житие Антония писал автор, враждебно настроенный к преп. Феодосию и самому Печерскому монастырю. Соглашается с С. Розановым о том, что оно создавалось вне стен обители, однако склоняется к выводу, что писали его адепты Антониевой партии во Влахернском монастыре преп. Стефана или в Димитриевом монастыре преп. Варлаама).

Сведения о памятнике столь скудны, что все эти теории могут основываться лишь на догадках. Крайне трудно найти твердую почву под любой из выдвинутых версий. Ведь, идя, напр., по т. наз. варяжскому следу в Житии Антония, можно прийти в суздальское лаврское подворье св. Димитрия, основанное святителем Ефремом, постриженцем преп. Антония, человеком, причастным, судя по переводу Студийского устава и предполагаемому переводу Жития святого Николая Чудотворца (см. ниже), к писательскому труду. Да и Летописец старый Ростовский, имевший тесную связь с Житием Антония (их соединяет, напр., имя митрополита Киевского Илариона), удостоверяет нас в этом. Ефрем не находился в Печерской обители при игумене Феодосии. Он действительно был грекофилом, долго живя в Царьграде и, возможно, бывая на Афоне. Его авторство, в силу этого, выглядит довольно убедительным. Можно, изыскивая противоречия, пойти по следу, ведущему к Димитриевскому киевскому монастырю преп. Варлаама, также постриженца аввы, к тому же как бы лишившегося любимой Печерской обители и вынужденного уступить игуменство преп. Феодосию. Однако политизация фигур основателей лавры, тенденциозное стремление опровергнуть лаврское предание и противопоставить личности святых друг другу неизбежно ведут в тупик.

Соглашаясь с тем, что Житие преп. Антония могло быть создано вне стен обители кем-либо из названных печерян или даже, напр., черниговским игуменом Павлом, мы все же отдаем предпочтение ближайшим ученикам аввы — святителю Ефрему или преп. Никону. Правды ради надо сказать, что Никон, в отличие от Ефрема, не был грекофилом, что явствует из его интерпретации событий, связанных с отравлением тмутараканского князя Ростислава Владимировича (ПСРЛ под 1066 г.), в котором он резко обвиняет греков. Ефрем был очень привязан к авве Антонию, ведь изгнание старца, по большому счету, произошло не столько из-за боярского сына Варлаама, сколько из-за него, Изяслава царедворца и «каженика». Житие Антония вполне могло быть создано в Царьграде, куда Ефрем уехал в длительное паломничество. Но вряд ли он мог, постоянно пребывая в отъездах из монастыря, быть хорошо знакомым с подвигами других печерских отшельников, жизнеописания которых помещены в вышеуказанном памятнике. Обратим внимание на то, что некоторые из них, как, напр., преп. Исаакий и Агапит, были пострижены старцем Антонием. Почти все они были первоинками пещерной обители, придя в нее еще до построения наземного монастыря, а таковых тогда постригал именно авва Антоний. Но — руками Никона Великого. Значит, их можно назвать постриженцами Никона. И авторство их житий логичнее отнести к Никону. Отбросив явно надуманную грекофильскую интерпретацию Жития Антония, в котором главенствует все-таки идея богоизбранничества Руси, можно свежим и незашоренным взглядом увидеть истинную картину благословенного Богом основания лавры, сопровождаемого логической цепью сакральных мотивов.

В корне их — Русь, ибо начало подвижничества Антоний полагает на Руси, ископав «печерку» на своей родине близ Любеча. Итак, Любеч — Царьград — Афон — Русь — «паки» Афон — Киев, мать градов Русских, и после скитаний по Киеву — Печерская обитель. Далее — пострижение Никонем княжеских сановников и изгнание старца Антония в Чернигов. Никон, приезжавший в Чернигов во главе Тмутараканского посольства, мог на месте узнать о всех перипетиях черниговского периода жизни аввы. Появление на печерском небосклоне преп. Феодосия не разрывает эту цепочку, а является ее логическим продолжением: авва принимает Феодосия, преп. Никон по его благословию постригает юношу, по благословию старца Феодосий получает сан пресвитера, по его же благословию братия поставляет Феодосия на игуменство. Затем авва, лично бывавший в Студийском монастыре, благословляет ввести игумену Феодосию в обители общежительный устав, параллельно благословляет одному из любимых своих духовных сыновей преп. Ефрему перевести этот устав на русский язык и прислать в Киев. Светские авторы, ища противоречия между святыми Антонием и Феодосием, игнорируют основополагающий принцип церковного и монашеского устройства, когда все начинания освящаются благословением и ничто в домостроительстве Божиим не происходит без него, а если происходит, то, как скверное и нечистое деяние, «измещается вон». Отвергая феномен благословения, светские исследователи неизбежно становятся на путь ошибок, из-за чего в их концепциях субъективные факторы получают преобладающий вес.

Преп. Никон мог написать житийный труд о преп. Антонии в первый свой уход из Тмутаракани для назидания тмутараканской Богородичной обители, которая во всем имела «приклад... в Печерский монастырь» (Патерик. С. 36), специально создаваясь по образу и подобию Свято-Успенской киевской святыни. Оставляя свое детище, Никон стремился запечатлеть в книге для тмутараканских иноков святость Печерского монастыря, заложить духовный фундамент их дальнейшего существования. Преемник Никона, печерский игумен Иоанн внес некоторые его труды, и в частности Житие Антония, в Начальный свод. Долгие годы агиографический сборник Никона, посвященный авве Антонию, оставался единственным источником сведений о жизни и подвигах печерян. Нестор Летописец, создавая Житие Феодосия, писал его не как альтернативу Патерику Никона, а как его дополнение, опуская то, что уже было подробно изложено его учителем, не считая нужным повторять общеизвестные факты. Тем не менее труд Нестора является логическим звеном в концепции Никона,

провозглашающим Русь в лице Печерской обители «ковчегом» благодати византийского, а значит Вселенского Православия. Нестор подчеркивает миссию учителя преп. Антония и ученичества преп. Феодосия, преемство благословения «на месте семь», «еже есть Дом Божий и врата Небесная». Сравним эпизод молитвы аввы Антония, заимствованный Нестором из сборника Антониева соотинника преп. Никона: «Да будет благословение на месте семь Святыя Горы и молитва моего старца, иже мя постригль» (Патерик. С. 17) с эпизодом благословения аввой юного Феодосия из Несторова Жития: «И тогда же бе слышалъ о блаженем Антоніи, живущем в пещере, и окрылатевъ же умою, устремился к пещере и пришед къ преподобному Анѣтонію, его же видевъ, пад, поклонися ему, съ слезами моляся ему, дабы приать былъ имъ. Великий же Антоніе глаголя: «О чадо, видиши ли пещеру сію, скръбну сущу, место тесно, ты же юнь еси, якоже мню, не имаеши трѣпети скръби на месте сем». Се же не токмо искушая и глаголаше, но и прозрачными очима прозре, яко нъ хотяше възградити место то и монастырь славень сътворити на събраніе множеству мних. Богодухновенный же Феодосіе отвеща ему съ умилением: «Вижьдъ, честный отче, яко промысленикъ всячьскихъ Христось Богъ приведе къ твоеи святости и спасти ми ся веля тобою, темъ же елико ми велиши творити, сътворю». И глагола ему блаженный Антоніе: «Благословень Бог, чадо, укрепивый тя на се тыщаніе. И се место, буди в нем» (Патерик, с. 29).

Как авва Антоний перед приходом на Печерскую гору получил благословение старца Афонской горы, так и будущий строитель лавры Феодосий был осенен благословением того, кем Сам Бог повелел ему «спасти ся». Развивая эту мысль, Нестор пишет: «Таже благословив его старец и повеле великому Никону пострижи его, презвитеру тому сущу и чръноризцю искусну... Отець же нашъ Феодосій весь предався Богу и преподобному Антонію» (Там же). Итак, благословение афонского старца, «иже... постригль» Антония, во всей полноте было получено юным Феодосием, которого «постригль» берестовский старец. Нестор прямо использовал концепцию Жития св. Антония для провозглашения особой миссии св. Феодосия.

18. Жиленко І.В. Повчання преп. Никона Великого... // Патерик Києво-Печерський. С. 290-292.

Примечательно, что в некоторых лицевых иконописных подлинниках Никон Великий изображается в схиме: «Сед, на главе схима, риза преподобническа» (БАН. Строгановское собр., № 66, л. 315, «левая страны», 4-й); «Сед, на плечах схима, риза преподобническа и патрахель, в левой руке книга, а другая благословенна» (РНБ. Собр. Погодина, № 1931, л. 129, 23 марта).

19. Кабанець Є.П. Історія печерської канонізації та стислі відомості про печерських святих // Дива печер лаврських. К., 1997, с. 59-60.

20. Златоструй. Древняя Русь. X-XIII вв. / Сост., ред. текст, ком. Кузьмина А.Г., Карпова А.Ю. М., 1990, с. 129. Действительно, изучение текста «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова мниха, сравнение его с другими источниками позволило исследователям установить его принадлежность к 70-м гг. XI в. (Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира. С.-Пб., 1898; Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 32-36, 43-51). Об Иакове мнихе см.: Погодин М.П. Иаков мних, русский писатель XI в., и его сочинения // ИпоРЯС. 1852, т. 1, с. 326-334; Бутков П. Разбор трех древних памятников русской духовной литературы // Современник. 1852, т. 32, отд. 2, с. 85-106; Тюрин А.Ф. Мнение о Иакове мнихе академика П.Г. Буткова // Там же. Стб. 81-95; Левитский Н. Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные // Христианское чтение. 1890, ч. 1, с. 370-421, 687-740; Демин А.С. Герменевтика писательского высказывания (на примере «Сказания о Борисе и Глебе») // Византия и Русь. М., 1989, с. 194-205.

21. «Память и похвала» дошла до нас в переделанном виде и сравнительно поздних списках, старший из которых находился в Мусин-Пушкинском сборнике 1414 г., сгоревшем в 1812 г. (остальные тринадцать датируются XV-XVII вв.). Заглавие во всех списках гласит: «Память и похвала князю русскому Владимиру: како крестился Володимир и дети своя крести и всю землю Рускую от конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Иаковом мнихом». Текст памятника состоит из трех частей: 1) Похвала Владимиру; 2) Похвальное слово Ольге; 3) Житие Владимира. Известна редакция, в которой отсутствует средняя часть. Митр. Макарий, И.И.Срезневский, Е.Е.Голубинский относят «Память» к XI в. и видят в ней древнейшее церковное сказание о Владимире. См.: Макарий (Булгаков). Три памятника русской духовной литературы XI в.: Иаков мних. 1) Память и похвала князю русскому Владимиру; 2) Житие блаженного Владимира; 3) Сказание страстей и похвала о убьеніи святыю мученику Бориса и Глеба // Христианское чтение. С.-Пб., 1849, ч. 2, с. 301-335, 377-407; Макарий (Булгаков). Еще об Иакове мнихе // ИпоРЯС. 1853, т. 2, стб. 145-157; Соболевский А.И. 1) Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. К., 1888, кн. 2, отд. 2, с. 7-12; 2) «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание» о св. Борисе и Глебе // Христианское чтение. 1890, ч. 1, с. 791-795; Срезневский В.И. Память и похвала князю Владимиру и его Житие по списку 1494 г. // Записки имп. АН по историко-филологическому отделению. С.-Пб., 1897, сер. 8, т. 1, № 6, с. 2-8; Бугославский С.А. К литературной истории «Памяти и похвалы князю Владимиру» // ИОРЯС. 1925, т. 29, с. 105-159; Зимин А.А. Память и похвала Иакова мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Ин-та Славяноведения АН СССР. М., 1963, № 37, с. 66-75.

22. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 745-746. О корсунской легенде см.: Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира // Сб. статей в честь В.И.Ламанского. С.-Пб., 1906, с. 16-18; Поппэ А.В. О причине похода Владимира Святославича на Корсунь в 988-989 гг. // Вестник Московского университета, серия ист., 1978, № 2; Мумриков А., диакон. «Память и похвала» мниха Иакова и корсунская легенда // БТ. 1989, № 29, с. 41-48.

23. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 196. Самый ранний из дошедших до нас список сказания находится в Успенском сборнике XII-XIII вв., где он озаглавлен: «В ть же день сказание и страсть и похвала святою мученику Бориса и Глеба». См.: Срезневский И.И. Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV в. С.-Пб., 1860; Житие святых мучеников Бориса и Глеба: 1) По харатейному списку XII в. с предисловием О.М.Бодянского. 2) По харатейному же списку XIV в. // ЧОИДР. 1879, кн. 1, январь-март, отд. 3, с. I-XVII, 1-31; Лопарев Х.М. Слово похвальное на перенесение мощей свв. Бориса и Глеба: неизданный памятник литературы XII в. С.-Пб., 1894; Бугославский С.А. Святые князья Борис и Глеб в древнерусской литературе. Ч. 2: Тексты // Киев. Унив. Изв., 1915, ноябрь-декабрь, с. 1-16; Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. к печати Д.И.Абрамович. Пгр., 1916; Бугославский С. Україно-руські пам'ятки XI-XVIII ст. про князів Бориса та Гліба: (Розвідка й тексти). К., 1928; Успенский сборник XII-XIII ст. / Изд. подг. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. М., 1971, с. 42-71; Сказание о Борисе и Глебе / Подг. текста, пер. и ком. Л.А.Дмитриева // ПЛДР. Начало русской литературы: XI — нач. XII в. 1978, с. 278-303, 451-456; Дмитриев Л.А. Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников. Вып. 1, с. 398-408.

24. Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник: (Опыт анализа). М., 1957, с. 183.

25. Поппэ А.В. 1) О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. 1966, т. 22, с. 24-25; 2) *Slavia Orientalis*. 1969, г. 18, № 3, с. 267-292; № 4, с. 359-382; 3) О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. München, 1973, t. 1, с. 6-29.

26. Иоанн II, митрополит. Правило церковное Иакову черноризцу // Русские достопамятности / ОИДР. М., 1815, ч. 1, с. 86-103; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 743; Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 195; Грушевський М. Історія української літератури. К., 1993, т. II, с. 77. Однако в связи с тем, что к настоящему времени выявлены списки послания к князю Димитрию с полным именем адресата — ростовского князя 2-й пол. XIII в. Димитрия Борисовича, атрибуция его Иакову мниху выглядит неубедительной (Прохоров Г.М. Иаков (XIII в.) // Словарь книжников. Вып. 1, с. 192-193). Скептицизм некоторых исследователей простирается настолько далеко, что они отказывают Иакову и в авторстве Сказания о Борисе и Глебе (Дмитриев Л.А. Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников. Вып. 1, с. 401; Творогов О.В. Иаков (XI в.) // Там же. С. 191).

27. Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. С. 23-24.

28. Ткаченко М.В. Печерські попередники Нестора Літописця. С. 10. Как и Никон, Иоанн пользовался свидетельствами современников, проявляя историчность в своем творчестве. Одним из информаторов летописца был Янь Вышатич. «В частности, в статье, которой, вероятно, завершался Начальный свод, в сетованиях по поводу возросшего влияния молодых дружинников и оскудения Русской земли отразились взгляды Яня Вышатича и его единомышленников» (Творогов О.В. Янь Вышатич // Словарь книжников. Вып. 1, с. 483-484). Ссылка печерского игумена в отдаленный Туров прервала работу над летописью. А после возвращения Иоанн благословил — может быть, по причине болезни, которая могла настичь его в ссылке, — продолжать летописание Нестору.

29. Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940, с. 32.

30. Шахматов А.А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. 1909, т. 13, кн. 1, с. 253; Приселков М.Д. 1) Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пг., 1923, с. 71-74, 78-86; 2) История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940, с. 34-36; Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания; Былины; Летописи. М., 1963, с. 245, 249, 254, 259 и др.; Творогов О.В. Иоанн (XI в.) // Словарь книжников. Вып. 1, с. 210.

31. Речь идет о т. наз. «ином» Житии, отличающемся от канонического жития Симеона Метафраста (X в.) и представляющем собой перевод греческого жития Николая, еп. Пинарского (VI в.). Тезоименитые святые оба подвизались в Ликийи, что привело к отождествлению их личностей еще в византийской агиографии — Житие св. Николая Пинарского стало надписываться как Ж. св. Николая Мирликийского. Так возникла особая, отличная от метафрастовской, редакция Ж. св. Николая Чудотворца. В отличие от «иной» редакции, переведенной на древнерусский язык в XI в., метафрастовская вошла в книжный обиход Руси значительно позднее. Ее перевод известен в списках начиная с XV в. (Творогов О.В. Житие Николая Мирликийского // Словарь книжников. Вып. 1, с. 168-169). Существуют две редакции «Ефремова», или «иноного», Ж. — Сокращенная (издана архим. Леонидом в серии ПДПИ, № 34) и Пространная (см. в Изд. ОЛДП, № 28). Фрагменты «Ефремова» цикла входят в состав таких ранних сборников, как Торжественник XII в., сборник со Златоуструем (РНБ. Ф. п. I. 46), сборники XIV-XV вв. Архимандрит Леонид атрибутировал как Ефремовы также: «Слово похвальное на перенесение мощей Николая Мирликийского» (нач.: «Се наста, братие, светлое празднество предивнаго отца нашего Николы...») и др. «Слова» на ту же тему (нач.: «Присно убо должны есмы, братие, праздники Божия творяще в честь держати...»), встречающиеся в рукописях XIV в. См.: Леонид, архимандрит. 1) Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. Исследования двух памятников древней русской письменности XI в. С.-Пб., 1881 (на обложке — 1882), с. 97-170 (ПДП, № 34); 2) Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мир-Ликийского Чудотворца: Памятник древней русской письменности XI в. / Труд Ефрема, епископа Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV в. библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 9). С.-Пб., 1888 (ПДПИ, № 72); Шляпкин И. Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношении к западным источникам. С.-Пб., 1881 (ПДП, № 19).

32. Некоторые памятники славянской письменности домонгольского периода // Москвитянин. М., 1843, ч. 4, № 12, с. 140-142. Интересно, что к концу XI или в нач. XII в. праздник перенесения мощей св. Николая в Бар-град уже существовал в Русской Церкви. Так, он означен в месяцеслове Евангелия 1144 г. (Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1855, отд. 1, с. 208, 263). В «Слове» на перенесение мощей проповедник подчеркивает, что оно последовало «в нынешняя времена, в нашу память, наши дни-лета, ...при цари греческом... Алексии Комнине..., а в лето русских наших князей, христолюбиваго и великаго князя нашего Всеволода в Киеве и благороднаго сына его Володимера в Чернигове» (Отдел рукописей Центральной научной библиотеки НАНУ. Сб. житий, Слов и проложных повестей. XVII в. П. 34 / Аа 173; Торжественник минейный. XVI в. П. 28 / Аа 106).

33. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 485, прим. 389. См.: Верещагіна Н.В. Перші загальнодержавні культи Київської Русі (святих Климента і Миколая) та їх відтворення у пам'ятках історії і культури Києва. Дисертація... канд. істор. наук. К., 1999; Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.

34. Игнатия, монахиня. Труды русских песнописцев в Киевский период // БТ. 1987, № 28, с. 236-237. «Имеются в службе перенесения и указания на время ее написания: живая реакция на то, что мощи святителя перенесены к латинянам. «Пастырь Христова стада, — взывает творец канона в 1-й песни 1-го канона, — ...иным овцам посылаещися, к латинскому языку, да вся удивити чудеса твоими...» и заканчивает: «...и о нас молися неспрестанно». А в заключительной 9-й песни свидетельствуется: «Благословен Господь Бог наш, яко прослави святителя во странах... в Мирех и в латинех вся исцелюща, и в Руси милостивно посещающа». См.: Доброклонский А. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1883, вып. 1, с. 96.

35. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 432.

36. Творогов О.В. Феодосий // Словарь книжников. Вып. 1, с. 457.

37. См.: Преподобный Феодор Студит. Огласительные поучения и завещание. Оптиная пустынь, 1872. Известны два сборника поучений преп. Феодора: Большой, состоящий из 254 Слов, и Малый, из 135 Слов. Новый виток известности оглашения получили после перевода с греч. на слав. язык 95 слов и завещания св. Феодора старцем Паисием Величковским. В XIX в. этот перевод был опубликован Оптиной пустынью. В сборниках поучений Феодора Студита имеются указания на время их провозглашения за богослужением: «Чтутся по отпусе утрени, на конце первого часа, по еже рещи

молитву: «Христе свете истинный». Начинаются же чести от 15 Ноемврия, иже есть первый день святых четьридесятницы Христова Рождества»; «В начале индикта (1 сентября по ст. стилю. — Авт.) начинаются оглашения чести на всяк день, до Честнаго и Животворящаго Креста, кроме праздника Богородична. По Честном же Кресте до 14 Ноемврия, по неделям точию. И совершившись до Завета Святаго, паки начинается книга от 15-го Ноемврия» (Там же. С.Х.). Сохранились четыре рукописных древнерусских сборника Огласительных слов св. Феодора из Московской Патриаршей библиотеки (Указатель для обозрения Московской Патриаршей ризницы и библиотеки. М., 1858, ч. 2, с. 144). См.: Виноградов В. К вопросу о литературных источниках, составе и происхождении древнеславянской группы поучений на Четьридесятницу // Библиографическая летопись. 1914, т. 1.

38. Первопроходцем в изучении творчества преп. Феодосия был А.Востоков. Он в 1842 г. опубликовал найденные им в сборнике середины XV ст. пять великопостных поучений аввы, о которых сказано выше (Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. С.-Пб., 1842, стб. 616). Впрочем, ученый не решился однозначно атрибутировать их как сочинения печерского игумена. Это сделал С.Шевырев (Шевырев С.П. История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846, т. 1, с. 45-47).

Впоследствии к творчеству преп. Феодосия стали относить и два предшествующих поучения, помещенные в том же сборнике и подписанные именем преп. Феодора Студита. Востоков не нашел их среди произведений Студита, да и в тексте этих поучений преп. Феодор упоминается в третьем лице, что позволило исследователю предположить авторство Феодосия (Востоков А.Х. Там же, стб. 615). Впервые эти два поучения были опубликованы П.Георгиевским (Георгиевский П. Христианство в понимании русских людей в домонгольский период. М., 1893, прилож., с. 1-3). Архиепископ Филарет также склоняется к мысли об авторстве преп. Феодосия (Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859, с. 11-12). С этой версией согласились В.А.Чаговец (Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. К., 1901, с. 52-63) и Г.П.Бельченко (Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Одесса, 1902, с. 45). «Однако дело усложняется тем, что первое из этих двух поучений не отвечает обычному стереотипу произведений преп. Феодосия, которые, как правильно указывал И.Еремин, создавались под сильным влиянием поучений преп. Феодора Студита, очень простых по изложению. Это же поучение написано в изысканном риторическом стиле» (Патерик Киево-Печерский. С. 290, прилож. 4; Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. 1947, т. 5, с. 165-166; Кара Н.В. Особенности цитирования традиционных текстов в поучениях Феодосия Печерского // Вестник ЛГУ. 1983, № 8. Вып. 2: История, язык, литература. С. 64-68).

Все поучения сборника датированы одним и тем же временем — третьей седмицей Великого поста, от среды до пятницы (в некоторых списках — субботы). И.В.Жиленко считает, что первое, спорное поучение написано Никоном Великим. «Наверное, преп. Никон в один из своих приездов в Киев, вероятнее всего в 1069-1073 гг., записал несколько проповедей преп. Феодосия, добавив к ним свою собственную. Так был создан определенный протограф, который... сохранился полностью только в вышеупомянутом сборнике» (Патерик Киево-Печерский. С. 290-292).

Филарет (Гумилевский) считает преп. Феодосия автором «Слова христолюбца и ревнителя по правой вере» — сочинения домонгольского периода (Филарет, архиепископ. Обзор русской духовной литературы. С.-Пб., 1884, с. 13-14). Действительно, Аничков отметил заимствование из этого памятника в поучении «о казнях Божиих» преп. Феодосия (Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. С.-Пб., 1914, с. 369-379 (Зап. ист.-филол. ф-та С.-Пб. унив., ч. 117). Однако современные исследователи считают гипотезу арх. Филарета «не выдерживающей критики» (Буланина Т.В. Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере // Словарь книжников. Вып. 1, с. 429). О приписываемых Феодосию Печерскому сочинениях см.: Сухомлинов М.И. Исследования по древней литературе // СОРЯС. 1908, т. 85, с. 85-88; «Наказание к детям духовным о пьянстве» — Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки) // ЧОИДР. 1912, кн. 3, отд. 2, с. 195-198.

39. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Обзор русской духовной литературы. С.-Пб., 1884, с. 12. Поучение «о казнях Божиих» частично входит в состав ПВЛ. См.: Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X — XI вв.). С.-Пб., 1906, с. 170-179.

40. «Слово святого Феодосия игумена Печерскаго монастыря о вере крестьянской и латыньской» (Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского. С. 171). Как полагают, оно было написано в 1069 г. Дошло до нас в составе сборников кон. XIV — нач. XV вв. (РНБ. Кир.-Белоз. собр., № 4/1081; РНБ. Соф. собр., № 1285), а также в ряде списков более позднего времени. «Это послание было использовано в летописи — в так называемом «исповедании веры», читавшемся уже в Начальной своде 1095 г.» (Словарь книжников. Вып. 1, с. 458). «В своих посланиях к Изяславу он решительно ополчается как против иудаизма, так и особенно против латинства... Мы уже говорили о попытках римской курии закрепить в Киевской Руси... Активизация папской дипломатии возрастает после разделения христианства и достигает апогея в последней четверти XI в. Внешним стимулом явились бурные события 1068-1069 гг. Вспыхнул бунт, был освобожден из заточения и провозглашен великим князем Всеслав Брячиславич, «Изяслав же бежа в Ляхы». Лишь несколько месяцев спустя, в 1069 г., он, при поддержке своего племянника и кузена — польского короля Болеслава Смелого, вернул киевский престол, поддав при этом под сильное воздействие католического духовенства. Это и побудило Феодосия обратиться к Изяславу с посланием, в котором приводится требование полного разрыва с Западом. ...Так Феодосий закладывает первый камень в основание церковной концепции «богоугодного властелина», занявшей господствующее положение в идеологии эпохи удельной раздробленности. Фактически он решает проблему церкви и государства. И это понятно. По мере углубления династического сепаратизма... церковь проникается централистскими тенденциями. Здесь... и кроется главная причина непримиримости древнерусской церкви к латинству в домонгольский период. Римская курия, прибегая к самым различным средствам, настойчиво добивалась подчинения Киевской державы папству. Так, папа Григорий VII пытался использовать факт вторичного изгнания князя Изяслава из Киева (1074 г.) для передачи великокняжеской власти его сыну Ярополку. Об этом свидетельствует папское послание от 17 апреля 1075 г. на имя Изяслава и его жены. Но этого как раз не хотела древнерусская церковь, которая со второй половины XI в. начала... вырастать в мощный фактор политической жизни страны. Ситуация требовала незамедлительного ограждения Руси от притязаний Рима, коренного пересмотра идеологических и вероисповедных принципов, сложившихся на почве кирилло-мефодиевской традиции и отразивших зависимость церкви от государства. Выход из положения нашел Феодосий: он первым использовал критику латинства для концептуализации стремлений... клира, для упрочения его верховенства над светской властью. Воззрения печерского игумена послужили отправной точкой церковной идеологии» (Замалева А.Ф., Зоц В.А. Мыслители Киевской Руси. К., 1981, с. 63-65). О послании см.: Августин. Poleмические сочинения против латинян, писанные в Русской Церкви в XI и XII вв. // ТКДА. 1867, № 6, с. 350; Мальшевский И.И. Доминиканец Ясек (Иакинф) Одровонж, мнимый апостол земли русской // ТКДА. 1867, т. 2, с. 47, 70; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских poleмических сочинений против латинян (XI —

XV вв.). М., 1875, с. 69-81; Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С.-Пб., 1878, с. 45-48; Еремин И.П. Из истории древнерусской публицистики XI века: Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латынях // ТОДРЛ. 1935, т. 2, с. 21-38.

41. Оксюк И.Ф. Первые столетия христианства на Руси и латинский Запад // БТ. 1987, № 28, с. 192-215; Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. М.; Л., 1959, с. 67. В домонгольской полемической литературе антиримской направленности («Стязание с латиной» митр. Георгия, Послание к антипапе Клименту митр. Иоанна II, два послания к князьям митр. Никифора, летописное слово Корсунянина к князю Владимиру) послание преп. Феодосия выделяется своей мощью и бескомпромиссностью.

42. «Впрошание Изяслава князя, сына Ярослава, внука Володимеря, игумена Феодосия Печерского монастыря». Дошло до нас в тех же списках, что и «Слово о вере крестьянской...». «Хотя А.А.Шахматов, А.И.Лященко, Г.П.Бельченко и некоторые другие сомневались в авторстве Феодосия (приписывая поучения Феодосию Греку), характер вопроса свидетельствует о написании памятника именно в ранний период русского христианства; к тому же оба списка указывают на Феодосия как автора и Изяслава Ярославича как адресата послания» (Словарь книжников. Вып. 1, с. 457-458).

43. «...вписа къ нему епистолю велику зело, обличая его... притьчами... и тако вписавъ, посла к нему. И яко прочте князь епистолю ту, разгневался зело и яко левъ рыкнувъ, и удари тою о землю... но не дерзну ниединого же зла сътворити тому» (Патерик. С. 67).

44. ГИМ. Синод. собр., № 235. Открыта и опубликована Ф.И.Буслаевым (Буслаев Ф. Палеографические и филологические материалы для истории писем славянских, собранные из XV рукописей Московской Синодальной библиотеки // Материалы для истории писем восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855, с. 23-29). См.: Харлампович К.В. О молитвах преп. Феодосия Печерского // ИОРЯС. 1812, т. 17, кн. 2.

45. Патерик. С. 63. Дана в сокращении и с незначительными изменениями орфографии. Наследие преп. Феодосия см.: Макарий (Булгаков). Сочинения преподобного Феодосия Печерского в подлинном тексте // Учен. зап. II отд. имп. АН. 1865, кн. 2, вып. 2, № 11, с. 193-224; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. проф. А.И.Пономарева. С.-Пб., 1894, вып. 1, с. 26-46; Яцимирский А.И. Из славянских рукописей: Тексты и заметки. М., 1898, с. 1-30; Никольский Н. Сербский список поучений о хождении к церкви и о молитве, приписываемый св. Феодосию Печерскому // Библиографическая летопись. С.-Пб., 1915, т. 2, отд. 2, с. 68-71; Еремин И.П. 1) Из истории древнерусской публицистики XI века (Послания Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах) // ТОДРЛ. 1935, т. 2, с. 21-38; 2) Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. 1947, т. 5, с. 159-184.

Лит.: Макарий (Булгаков). Преподобный Феодосий Печерский как писатель // Исторические чтения о языке и словесности II отд. имп. АН. 1854 и 1855 гг., 1856, с. 232-261; Срезневский И.И. Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанного преподобному Феодосию Печерскому // СОРЯС. 1867, т. 1, с. 34-43; Петров Н. Подлинность поучений преп. Феодосия Печерского о питии и чашах тропарных и о казнях Божиих // ИОРЯС. 1897, т. 2, кн. 3, с. 783-785; Шахматов А.А. 1) Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Там же. С. 795-844; 2) «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940, т. 4, с. 104-111; Лященко А.И. Заметки о сочинениях Феодосия, писателя XII в. // Отчет о состоянии училища при реформатских церквях за 1899-1900 г. С.-Пб., 1900, с. 24-26; Сперанский М.Н. К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур // ИОРЯС за 1921 г. 1923, с. 159-161; Висковатый К. К вопросу об авторе и времени написания «Слова к Изяславу о Латинях» // Slavia. 1939, г. 16, s. 4, с. 535-567; Українські письменники: Біо-бібліографічний словник. Т. 1: Давня українська література (XI-XVIII ст.). С. 187-192; Орешников А.С. К истории Начального летописного свода: (О составителе и времени составления «Почуения о казнях Божиих») // Тр. Моск. гос. ист.-архивн. ин-та. М., 1961, т. 16, с. 481-487; Гудзий Н.К. О сочинениях Феодосия Печерского // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963, с. 62-66; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 174; Почуения и молитва Феодосия Печерского / Подг. текста, перевод и ком. Н.В.Поньрко // БЛДР. Т. 1, с. 434-455, 535-538.

46. Игнатия, монахиня. Труды русских песнописцев в Киевский период // БТ. 1987, № 28, с. 234-235.

47. Филарет (Гумилевский), архиепископ. 1) Обзор русской духовной литературы. С. 23; 2) История Русской Церкви. Период первый. Харьков, 1849, с. 109; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 839.

48. М.Славнитский расчленил службу кн. Владимиру на три редакции. Старшие списки первой ред. относятся к XIII — XIV вв. (см. стихирари: РНБ. Соф. собр., № 85 и 157); старшие списки второй ред. — к XV в., третьей — к XVI в. М.Славнитский и И.Мальшевский считали, что служба кн. Владимиру не могла возникнуть в XI-XII вв., ибо канонизация князя произошла в середине XIII в. Однако Н. Никольский допускал, что служба могла быть составлена в конце XI — начале XII в. (время, когда жил и творил Григорий). Старший список службы на перенесение мощей св. Николая см.: ГБЛ. Собр. Румянцев, № 284. См.: Макарий (Булгаков). Выписки из Трефологиона XV-XVI в. // ИПОРЯС. 1857, т. 6, вып. 2, стб. 188-189; Славнитский М. Канонизация св. князя Владимира и службы его по памятникам XIII-XVII вв. // Странник. 1888, июнь-июль, с. 197-237; Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X — XIV вв.): Общее повременное обозрение. С.-Пб., 1863, ст. 31; Мальшевский И. Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля? // ТКДА. 1882, № 1, с. 52-64; Филарет (Гумилевский), архиепископ. Обзор русской духовной литературы. С.-Пб., 1884, с. 23; Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 48-63, 64.

49. Шахматов А.А. Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись // ИОРЯС. 1897, т. 1-2, с. 35; Грушевський М. Історія української літератури. Т. II, с. 76. «Единственный известный в настоящее время писатель из греков не митрополитов есть монах Феодосий, живший в Киеве в половине XII в. Несомненно принадлежащий сему Феодосию литературный труд есть перевод с греческого языка на славянский послания папы Льва I или Великого к Константинопольскому патриарху Флавиану о ереси Евтихия, сделанный по просьбе князя-монаха Николая Святоши. Но со всею и решительною вероятностью считаем мы произведением сего Феодосия «Слово о вере крестьянской и латыньской», которое усвоится нашими рукописями преп. Феодосию Печерскому... Мы не сомневаемся, что слово принадлежит нашему Феодосию и написано им или для того же Николая Святоши, что всего вероятнее, или для другого какого-нибудь князя, а преп. Феодосию усвоено после по недоразумению... Кирик в своем Впрошании к Нифонту (имеется в виду переписка новгородского домостика Кирика с архиепископом Нифонтом. — Авт.) ссылается на какого-то Феодоса. Так как Нифонт выставляет Феодоса своим современником, каковым был наш Феодосий, и так как он представляет его человеком, близким к митрополиту, то оказывается совершенно вероятным предполагать, что наш Феодосий был автором какого-то, пока неизвестного, канонического

сочинения. Наконец, мы со своей стороны имеем весьма большую склонность подозревать, что именно наш инок Феодосий был автором того жития св. Владимира, по которому последний посылал послов по землям для смотрения вер и из которого возникла повесть о его крещении, помещенная в летописи» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 859-860).

Некоторые современные историки видят в адресате автора «Слова о вере крестьянской» не Изяслава Ярославича, современника Феодосия Печерского, а князя Изяслава Мстиславича, современника Феодоса Грека (Висковатый К. К вопросу об авторе и времени «Слова к Изяславу о латынех» // *Slavia*. 1939, г. 16, s. 4, с. 535).

Однако И.Еремин отверг эту атрибуцию и обосновал принадлежность «Феодосьева вопрошания» преп. Феодосию Печерскому. «Епистолию» папы Льва I Флавиану о ереси Евтихия см.: PL, Parisiis, 1894, t. 54, col. 756-780. Феодос был также автором предисловия и послесловия к Посланию. В нем он поясняет, что благословил его на сей труд «кир*» Николай, а в заключение пишет: «Христолюбивому и богоугодному Святоши вечная память». Из этого явствует, что перевод был сделан для черниговского князя Святослава (Святоши) Давидовича, с 1106 г. — инока Киево-Печерского монастыря. Провозглашение «вечной памяти» Святоше отодвигает датировку перевода к 1140-м гг. (Святоша преставился в 1142 г.). Перевод сохранился в единств. списке (ГИМ. Собр. Уварова, № 1772 / 509, XV в.). Опубликован О.Бодянским (Бодянский О. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И.Н.Царского // ЧОИДР. 1848, год. 3, № 7, с. XV-XXII, 1-20). «Попытки приписать Феодосию Греку некоторые другие сочинения — Житие князя Владимира, поучение «о казнях Божиих», поучение в субботу сыропустную — не выдерживают критики» (Буланова Т.В. Феодосий Грек // *Словарь книжников*. Вып. 1, с. 459-460). Не доказано также тождество «Феодоса» из «Вопршания» Кирика (РНБ. С.-Пб., 1908, т. 6, ч. 1, стб. 38). Сведения о жизни и творчестве Феодоса зиждятся лишь на догадках. По одной из них, он приехал на Русь в свите митрополита Никифора (1104 г.). Заслуживает пристального внимания мнение А.Шахматова о том, что переписчик «Поучения святого Панкратия о крещении обеда и пития» Феодосий — это печерский монах, впоследствии игумен, Феодос, духовный сын Николы Святоши, в крещении Панкратия. См.: Яцимирский А.И. 1) Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе // ИОРЯС. 1899, т. 4, кн. 2, с. 438-441; 2) Феодосий Грек // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. С.-Пб., 1904, т. 41а, с. 911-912; Гетц Л.К. Киево-Печерский монастырь как культурный центр домонгольской России. Passau, 1904, с. 86-87; Келтуяла В.А. Курс истории русской литературы. С.-Пб., 1913, ч. 1, кн. 1, с. 675-680; Українські письменники. Т. 1, с. 186-187.

50. Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. С. 25; Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен. Кн. 1, с. 57.

51. Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права. С.-Пб., 1880, ч. 1, стб. 21-62 (РИБ, т. 6); Лихачев Д.С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // *Исторические записки*. М., 1948, № 25, с. 240-265; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 22-24, 27-29; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1961, т. 1, стб. 308-347; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962, т. 2, стб. 341, 383, 384; Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978, с. 179-180.

52. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 36-59. «После некоторого перерыва, где-то в 50-х гг., появляется новая Печерская летопись, которая охватывала 1141-1171 гг., а может, доходила и до 1182 г. Эта летопись была выделена в составе выдубицкого свода 1200 года, более известного как Киевская летопись, Б.А.Рыбаковым. Впрочем, по мысли исследователя, полный текст этого произведения находился и в руках составителей Никоновского свода. Автором летописи был архимандрит Киево-Печерский Поликарп, а инициатором возобновления летописания, возможно, его прещественник на архимандрии Акидин I. Однако основа летописи была заложена намного раньше, когда, еще до пострижения, преп. Поликарп был приближен к Святославу Ольговичу и некоторое время проживал со своим сюзереном в Новгороде. Б.А.Рыбаков допускает, что на манеру изложения Поликарпа повлиял известный новгородский книжник и математик Кирик. Не позднее 1139-1141 гг. молодой «попин» Поликарп начинает свою летописную работу, посвященную только сюзерену и его роду. Где-то между 1156 и 1163 годом он постригается в Печерском монастыре, где начинает вести новую Печерскую летопись, для которой использует свои предыдущие записи» (Патерик Киево-Печерский. С. 195).

53. Горский А.В. О сношениях Русской Церкви со святогорскими обителями до XVIII столетия // Прибавления к творениям святых отец. М., 1848, т. 6, кн. 1, с. 134-136; Казанский П.С. История православного русского монашества. С. 122; Просвирнин А., священник. Афон и Русская Церковь. ЖМП, 1974, № 3, с. 25. Однако советская историография перечеркнула саму фигуру печерского архимандрита Досифея. Г.Прохоров пишет, что киево-печерский настоятель с таким именем неизвестен и сочинение об Афоне принадлежало, возможно, игумену нижегородского Печерского монастыря Досифею, жившему на рубеже XIV-XV вв. (Прохоров Г.М. Досифей // *Словарь книжников*. Вып. 2, ч. 1, с. 198). Но, как известно, к тому времени сношения с Афоном были крайне затруднены, в отличие от 20-х годов XIII в., когда агония еще не охватила Византийское государство и Русь не была оккупирована монголо-татарскими ордами. О Досифее см. также: Українські письменники. Т. 1, с. 47.

54. Указатель святыни Киева. КПЛ, 1898, с. 124.

55. Творогов О.В. Даниил // *Словарь книжников*. Вып. 1, с. 109-110. См.: Житие и хождение Даниила Русьския земли игумена: 1106-1107 г. // Православный палестинский сборник. 1883, т. 1, вып. 3; 1885, т. 3, вып. 3; Хождение игумена Даниила / Подг. текста, пер. и ком. Г.М. Прохорова // ПЛДР. XII век. М., 1978, с. 24-115, 627-645; Глушакова Ю.П. О путешествии игумена Даниила в Палестину // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963, с. 79-87; Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания; Былины; Летописи. М., 1963, с. 115-124; Прокофьев Н.И. Русские хождения XII-XV вв. // Литература древней Руси и XVIII в. М., 1970; Білоус П. Паломницький жанр в історії української літератури / Відп. ред. О.Мишанич. Житомир, 1997.

56. «Летописная статья, помещенная в связи с сообщением об избрании в 1051 г. Илариона митрополитом, которая, вероятно, была написана Никоном, может с наибольшим основанием считаться зарождением Киево-Печерского Патерика» (Ісіченко Ю.А. Патерик Києво-Печерський у літературному процесі кінця XVI — початку XVIII ст. на Україні. С. 26-27). См. также: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С.-Пб., 1908, с. 444-447; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 90-91; Кузьмин А.Н. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 155-167; Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969, с. 52-53.

*Господин (с греч.).

57. Патерик. С. 20. «Нестор родился около 1056 г.» (Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. С. 22). Биографические данные, изложенные в летописной статье под 1051 г., существенно отличаются от того, что говорит о себе Нестор в житийном цикле Феодосия: «Пріать же бых въ нь преподобным игуменом Стефаном и якоже от того пострыжень и мнишескыя одежда сподоблень, паки же и на диаконьскый санъ от него възведенъ сый» (Патерик. С. 78). Комментарий к этим разногласиям см.: Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. С.-Пб., 1902, с. XVIII-XX.

58. Патерик. С. 83.

59. Киево-Печерский Патерик. С. 171.

60. Патерик. С. 20. И это не дань формальности, не калька с агиографических штампов. Православный творец, согласно учению святых отцов VII Вселенского собора, должен всецело ориентироваться на первообраз, борясь с собственной самостью, подчас заслоняющей подлинную сущность объекта творчества, искривляющей направление лучей Фаворского света благодати. Только смирение и добродетельное устройство души позволяет мастеру максимально чутко уловить воздействие божественной Фаворской энергии и преломить в незамутненной чистоте своей творческой индивидуальности волю Небесного Творца.

61. Успенский сборник XII — XIII вв. С. 71, 135; Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1915, с. 1-5. Старейший из сохранившихся списков «чтения» находится в Сильвестровском сборнике (ЦГАДА. Ф. 318, № 53) XIV в. См.: Чтение о житии и о погребении блаженную страсотерпцю Бориса и Глеба // Срезневский И.И. Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV в. С.-Пб., 1860, стб. 1-40; Бугославский С.А. Україноруські пам'ятники XI-XVIII ст. про князів Бориса та Гліба. К., 1928; Билярский П. Замечания о языке Сказания о Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи // Зап. имп. АН. 1862, т. 2, кн. 1, с. 109-120; Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я пол. XIV в.). М., 1985.

62. Повесть врем'яних літ. К., 1990, с. 285-287. Позднее почитание первых русских святых распространилось и на Византию. Паломник начала XIII в. новгородец Добрыня Адренкович (будущий Новгородский архиепископ Антоний) видел в Царьграде в соборе Святой Софии на правой стене у алтаря большую икону св. Бориса и Глеба, служившую, как он утверждает, образцом для тогдашних греческих иконописцев — т. е. являвшуюся иконописным подлинником Борисоглебских икон в Византии. Показывали ему как реликвию и большое богослужебное блюдо св. княгини Ольги, украшенное снаружи жемчугом, а внутри имевшее драгоценную камеею с изображением Христа Спасителя. Свои впечатления Добрыня описал в «Книге Паломник, сказание мест святых в Цареграде» (Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X — XIV вв.): Общее повременное обозрение и дополнения с палеографическими указаниями, выписками и указателями // ИОРЯС. С.-Пб., 1861-1863, т. 10, с. 171; Сахаров И.П. Исследования о русском иконописании. С.-Пб., 1849, кн. 2, с. 10). О возвращении Добрыни из Царьграда летопись пишет под 1211 г. (ПСРЛ. С.-Пб., 1841, т. 3, с. 31).

Житие Бориса и Глеба написано Нестором по византийскому канону жития-маририя. «Борис и Глеб выступают в Чтении как активные поборники христианских идеалов — братолюбия и смирения, а Святополк предстает как орудие дьявольских козней. Традиционный сюжет... в котором обычно мученик страдает от руки язычников или иноверцев, приобретает у Нестора совершенно иное, публицистическое звучание: Чтение осуждает междоусобную борьбу среди братьев — потомков Владимира. ...Чтение широко распространилось в древнерусской письменности, уступая, однако, в известности Сказанию о Борисе и Глебе (Иакова. — Авт.)» (Творогов О.В. Нестор // Словарь книжников. Вып. 1, с. 274-275). См.: Биленкин В. «Чтение» преп. Нестора как памятник «глеборисовского» культа // ТОДРЛ. 1993, т. 47, с. 54-64.

63. Житие Феодосия Печерского (Подг. текста, пер. и ком. О.В.Творогова) // БЛДР. Т. 1, с. 352-433, 532-534. Наиболее близким к авторской редакции считается список Жития из т. наз. Успенского сборника XII-XIII вв. Он вмещает, среди других, жития Бориса и Глеба и преп. Феодосия (Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971; Шахматов А.А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. 1896, т. 1, кн. 1). С.Бугославский датировал его началом XII в., связывая его создание с официальной канонизацией преп. Феодосия (Бугославский С.А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. 1914, т. 19, кн. 3, с. 174). С ним не согласен Д.Абрамович, который считает, что Житие было создано при игумене Никоне (Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. С.-Пб., 1902, с. IV-VI; Патерик. С. XII). А.А.Шахматов также датировал Ж. 80-ми гг. XI в. Правда, позднее он изменил свое мнение и согласился в последних работах с доводами С.А.Бугославского. Л.В.Черепнин и А.Г.Кузьмин относят Ж. к нач. XII в. (Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948, т. 25, с. 305-313; Кузьмин А.Г. О времени написания Нестором Жития Феодосия: (К вопросу об авторе Повести временных лет) // Вопросы литературы и методики ее преподавания. Рязань, 1970, с. 255-263). И.Жиленко считает, что «попытки датирования его... началом XII в. неоправданны, поскольку в тексте не отображены дальнейшие этапы канонизации преп. Феодосия — обретение мощей (1091 г.) и сама канонизация (1108 г.)» (Патерик Киево-Печерский. С. 184). Авторитетную аргументацию в пользу последней датировки выдвигает и А.Поппэ (Poppe A. Chronologia utwórow Nestora hagiografa // Slavica orientalis. 1965, г. 14, № 3, с. 287-305).

64. Патерик. С. 21, 207; с. 215, прим. 35. В Ж. обнаруживается влияние византийских и славянских агиографических памятников: житий св-х Иоанна Златоуста (Siefkes F. Zur Form des Zitierte Feodosija. Vergleichende Studien zur byzantinischen und altrussischen Literatur. Berlin; Zürich, 1970, s. 162), Саввы Освященного (преп. Савва также с юных лет подвизался в монашестве, подолгу жил в пещере, руководствовался наставничеством старца — преп. Евфимия, основал лавру на месте пещерного скита. Повествования о некоторых видениях и чудесах в Ж. преп. Феодосия имеют сюжетное или текстуальное сходство с аналогичными эпизодами Ж. преп. Саввы Освященного), Феодосия Великого (почти все вышесказанное относится к общности Житий преп.-х Феодосия Иерусалимского и Феодосия Печерского), Людмилы и Вячеслава чешских (Фет Е.А. Жития Людмилы и Вячеслава чешских // Словарь книжников. Вып. 1, с. 182), и др. См.: Абрамович Д.И. К вопросу об источниках Несторова жития Феодосия Печерского // ИОРЯС. 1898, т. 3, кн. 1, с. 243-246. Исследователи отмечают факты отражения в Ж. Феодосия Печерского многих мотивов Египетского Патерика и Лавсаика (Еремин И.П. 1) К истории древне-русской переводной повести // ТОДРЛ. 1936, т. 3, с. 37-57; 2) Патерики // История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 109-110; Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. С. 133-134).

65. Патерик Киево-Печерский. С. 184-185. Здесь И.Жиленко полемизирует с С.Бугославским, который считал Нестора ортодоксальным агиографом, «для которого историческая достоверность сообщаемых фактов на последнем плане» (Бугославский С.А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. 1914, т. 19, кн. 3, с. 177).

«...такое резкое утверждение, вызванное, в конечном итоге, необходимостью подтвердить вывод данного автора о различии особ Нестора агиографа и Нестора Летописца, является надуманным. У нас нет оснований для сомнений в достоверности фактического материала, изложенного в произведении» (Патерик Киево-Печерский. С. 185). См.: Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья / Отв. ред. В.А.Карпушин. М., 1982, с. 159-183.

66. Патерик. С. 78.

67. Там же. С. 42. «Преподобный Нестор-летописец обращает особое внимание на это свидетельство, усматривая в нем знамение сугубой милости Божией по отношению к нарождающейся Печерской обители. Однако судьба игумена Софрония покрыта плотной завесой тайны» (Кривенко Т.А. Сказание о преподобномучениках Зверинецких. К.: Изд. Свято-Троицкого Ионинского монастыря. 2000, с. 154). Янь Вышатич — сын воеводы Вышаты. Упоминается в ПВЛ под 1071, 1089, 1091, 1093 и 1106 гг. Дружинник черниговского, а с 1073 г. киевского князя Святослава Ярославича, он был почитателем Печерской обители. Возможно, участвовал в переселении, по просьбе Святослава, преподобного Антония в 1069 г. в Чернигов. При Всеволоде Ярославиче становится тысяцким. Князья почитали маститого воеводу, отличавшегося благочестием и набожностью. Это не удивительно — Янь был духовным сыном преп. Феодосия. По обетованию старца Феодосия Янь и его супруга Мария сподобились погребения в Свято-Успенском соборе, рядом с гробницей своего духовного отца. А.Шахматов, М.Приселков, Д.Лихачев считали, что рассказы Яня были использованы Никоном, Иоанном (составителем Начального свода) и Нестором в их исторических творениях (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С.-Пб., 1908, с. 443-444; 455-457, 531; Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940, с. 18-20; Лихачев Д.С. 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. 1945, т. 17, с. 209-211, 217-222; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 97-99, 108, 109, 140-143).

68. Патерик. С. 79.

69. Киево-Печерский Патерик. С. 48. «Данная статья принадлежит к творчеству преп. Нестора и по своему содержанию относится к распространенному типу агиографической литературы, которая описывает чудеса, сопровождавшие обретения мощей того или иного святого. Известны подобные описания как в составе житий святых, так и отдельно. Однако произведение Нестора существенно отличается от большинства из них своей точностью и логикой (оно не уступает археологическим отчетам нашего времени). Это стало особенно понятным после открытия в 1988 г. древней келии преп. Феодосия, которая исчезла из планов Дальних пещер в XVII ст. Автор этой работы обратила внимание, что отверстие в стене, через которое мы попали в келию — не простой обвал, а след человека, который копал тут за много лет до нас, но, уйдя немного вбок, попал не в келию, а стал разбивать высеченный в песчанике стол. Как пишет преп. Нестор, они, открывая мощи, сначала ушли в сторону и долго не могли до них добраться. Исследования новооткрытого проема натолкнули нас на вывод: преп. Феодосий был погребен не там, где показывают сейчас его «гроб», а именно тут, на полу, между столом и ложем, и, возможно, он был присыпан грунтом. Потом вход замуровали, почему преп. Нестору и пришлось пробиваться сбоку от кладки. Итак, у нас редкая возможность проверить точность описания древнего произведения. И выводы оказались абсолютно позитивными для преп. Нестора» (Жиленко И.В. Святі лаврські печери у XI-XIII ст. // Дива печер лаврських. С. 27).

70. Житие преподобного Стефана, епископа Волынского // Хойнацкий А., протоиерей. Патерик Воляно-Почаевский. М., 1888, с. 61-62.

71. Патерик. С. 80.

72. Киево-Печерский Патерик. С. 49.

73. Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. С.-Пб., 1846, с. 185. Храм этот был построен в XVII веке киевским полковником Константином Мокиевским (Петров Н. Киев. Его святыни и памятники. С.-Пб., 1896, с. 46).

74. Киевские святыни. М., 1895, с. 122.

75. Літопис руський. С. 162. «Под синодиком должно разуметь список святых, поминавшихся на литиях праздничных в молитве «Спаси, Боже, люди Твоя» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 388).

76. К тому времени уже существовало всенародное почитание этих святых. О повсеместном почитании князя Владимира говорят митрополит Иларион и Иаков мних; о почитании княгини Ольги свидетельствует факт торжественного перенесения ее мощей в Десятинную церковь в 1007 году. Мощи же князей Бориса и Глеба переносились в XI в. дважды: в 1020-е годы при митрополите Иоанне I в посвященную им церковь в Вышгороде, и в 1072 году, при большом стечении иерархов и игуменов, среди которых был и преп. Феодосий, в новую деревянную церковь, построенную князем Изяславом Ярославичем (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 677; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 385-420). О том, что перенесение мощей считалось на Руси большим церковным праздником, говорит, напр., факт установления в Киевской митрополии особого праздника в честь перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бар.

77. «Празднование памяти преп. Феодосия совершалось в древнее время, как и ныне совершается, в день его преставления — 3 мая (по старому стилю. — Авт.). В некоторых позднейших святцах под 14 августа записано перенесение его мощей 1091 года, в некоторых святцах XIII века под 31 мая записано перенесение мощей... наконец, есть немногие святцы, в которых он записан еще 11 января — в день его тезоименитства (а память вместо 3 ошибочно под 2 мая)» (Голубинский Е.Е. Там же. Т. 1 (2-я пол.), с. 389-390).

78. Одни исследователи датируют появление этого памятника XI-м, другие — XIII-м ст. Д.Абрамович считал, что «Похвала» написана после обретения и перенесения мощей св. Феодосия. Фрагмент: «Егда же умножишася греси наши и съвршишася безаконіа наша, и злоба наша Бога прогнева, и тогда Божиим попущением, грех ради наших, раздружишася домове божественей и монастыреве разорени быша, и гради пленени суть, и села опустеша от языка незнаема, от языка немилостива, от языка студа исполнена, ни Бога боащася, ни утробы человеколюбивы держаща. Тем же и еще от них в работе суще, и въ озлобленіи зле и въ томленіи люте», — исследователь относит к временам разорения Киева половецким ханом Боняком в 1096 г. (Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. С. 58-59).

Однако вряд ли о половцах можно было сказать как о «языке» (народе)不知名. Русский и половецкий народы жили бок о бок несколько сотен лет. Поэтому многие исследователи относят «Похвалу» ко времени после Батыева нашествия (подробнее об этой полемике см.: Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений.

С. 435-441; Патерик Киево-Печерский. С. 241). М.С.Грушевский и архимандрит Леонид (Кавелин) считали, что это произведение принадлежит к «Серапионовой эпохе» (Грушевский М.С. История української літератури. К., 1993, т. III, с. 239; Леонид (Кавелин), архимандрит. Два памятника древнерусской киевской письменности XI и XIII века // ЧОИДР. 1890, кн. 2).

И.Жиленко блистательно разрешила эту дилемму. Она пишет: «...вышеназванные противоречия достаточно просто объясняются при более детальном исследовании текста «Похвалы». Дело в том, что существующее сейчас произведение является соединением двух однотипных писаний. Ведь в тексте упомянуты как день появления «Похвалы» оба дня памяти преп. Феодосия Печерского — и день смерти (3 мая), и день перенесения мощей (14 августа). Сравн.: «В сій бо день учитель наш... преставился в жизнь вечную...»; и далее «...в день преставления твоего в любви собор собравши...». Но: «Сегодня нам, братие, следует духовно радоваться и веселиться... имея всегда пред очами нашими раку преподобного отца нашего Феодосия, в которую в сей день покладено было многострадальное и святое тело...». Оба использованных в компиляции произведения являются подражаниями (но не переработкой) короткой похвалы, помещенной св. Нестором в рассказе о перенесении мощей преп. Феодосия» (Патерик Киево-Печерский. С. 241).

79. Патерик. С. 90-91. Дано в сокращении и с незначительными изменениями орфографии. О Житии преп. Феодосия см.: Бодянский О.М. Житие Феодосия игумена Печерского, съписание Нестора: По харатейному списку XII в. Московского Успенского собора, с разнословами по многим другим // ЧОИДР. 1858, кн. 3, отд. 3, с. I-IV, 1-31; Житие... Феодосия, игумена Печерского. Съписание Нестора: По харатейному списку Московского Успенского собора буква в букву и слово в слово / С предисл. А.Попова // ЧОИДР. 1879, кн. 1, с. 1-10, 11-42 об.; Сборник XII в. Московского Успенского собора. Вып. 1 / Изд. под. набл. А.А.Шахматова и П.А.Лаврова // ЧОИДР. 1899, кн. 2, отд. 2, с. I-IV, 40-96; А. Treasury of Russian Spirituality / Comp. and ed. by G. P. Fedotov. London, 1952, p. 15-48 (первые Жития св. Феодосия на англ. яз.); Benz E. Russische Heiligenlegenden. Zürich, 1953, s. 82-156 (пер. Жития св. Феодосия на нем. яз.).

Лит.: Тимковский Р.Ф. Краткое исследование о патерике преподобного Нестора, летописца Российского // Зап. и тр. ОИДР. 1815, ч. 1, с. 53-74; Казанский П. 1) Еще вопрос о Несторе. Можно ли думать, что писатель Жития преподобного Феодосия Печерского и летописи, известной под именем Несторовой, есть одно и то же лицо? // ВОИДР. 1849, кн. 1, отд. 1, с. 23-30; 2) Критический разбор свидетельств Патерика печерского о летописи Нестора // Там же. 1850, кн. 7, отд. 1, с. 11-16; Шахматов А.А. 1) Несколько слов о Несторовом житии Феодосия // СОРЯС. 1896, т. 64, № 1; 2) Нестор летописец // Записки Наукового товариства ім. Т.Г.Шевченка. Львів, 1914, т. 117-118, с. 31-53; Лукьяненко А.М. О языке Несторова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков // Русский филологический вестник. Варшава, 1907, т. 58, № 3, с. 1-79; Бугославский С.А. Жития // История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, ч. 1, с. 326-332; Адрианова-Перетц В.П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // ТОДРЛ. 1964, т. 20, с. 46-51; Душечкина Е.В. Нестор в работе над Житием Феодосия: Опыт прочтения текста // Учен. зап. Тарт. унив. 1971, вып. 266, с. 4-15 (Тр. по рус. и славян. филол. Т. 18. Литературоведение); Толочко П.П. Нестор-літописець Київської Русі // Укр. іст. журнал. 1981, № 12, с. 27-31.

80. В результате научных исследований было доказано современными методами био-физико-химического анализа, что святые лавры обладают большой целительной силой. Так, «было замечено, что... защитный эффект от мощей святых проявляется намного значительнее после молитвенного обращения к ним. Становится очевидным, что энергия мысли, молитвы, Веры, та энергосила, которая исходит от святых мощей, действует на живые организмы на ядерном уровне организации материи. Результаты проведенных исследований позволяют предположить, что одна из причин чудотворных исцелений заключается в смене баланса химических элементов в теле человека под влиянием высших духовных энергий, что приводит к нормализации нарушенных обменных процессов и в результате — к исцелению организма. Исследования показали, что энергополе мощей не только защищает от радиации, но и снижает, смягчает ее негативное влияние, т. е. осуществляет пострadiационную реабилитацию. В этом мы убедились, проводя эксперименты в Киево-Печерской лавре в октябре 1986 г. Мы обратились к святому Никону Великому возле его мощей с молитвенным прошением... Абсолютно уникальный эффект был обнаружен в пещерах Киево-Печерской лавры, когда в мае 1986 г. мы вместе с сотрудниками отдела исследования пещер спустились в них, взяв с собой дозиметр. Нас заинтересовало — смогут ли святые мощи снизить уровень радиации, который в то время был в Киеве достаточно высоким. В пещерах он был ниже... Тогда, находясь у гробницы преп. Никона Великого, мы решили попросить святого (кто как мог: проговорив про себя молитву или своими словами) снизить радиацию. И в то мгновение... стрелка дозиметра поползла к нулю, уменьшив показания на 50 микрорентген. Мы были в шоке. Эффект повторился и возле других мощей» (Решетникова Т., канд. биол. наук. Современные исследования феномена святых мощей // Дива печер лаврських. С. 82).

81. Патерик. С. 34-35, 44. «Разговор идет о церкви Введения Пресвятой Богородицы в Ближних пещерах. Мощи преп. Варлаама действительно находились там вплоть до перенесения их во второй половине XVII ст. в новоископанную подземную Варлаамовскую церковь» (Патерик Киево-Печерский. С. 233, прим. 67). Храм в честь преподобного Варлаама есть и в пещерах Свято-Успенского Святогорского монастыря на Вольни (в с. Зимно) — месте, где он преставился (Монастыри. Энциклопедический справочник. М.: Изд. Московской Патриархии, 2000, с. 326). Там же действует источник св. Варлаама, ископанный, по преданию, самим преподобным. В 2001 г. над источником была возведена часовня в честь преп. Варлаама (Святогорський Свято-Успенський Зимненський жіночий монастир: 1000 р. К., 2001). Согласно современным исследованиям мощей, возраст игумена Варлаама составлял на момент смерти 35-40 лет (Дива печер лаврських. С. 92). Скончался он около 1065 г. (Там же. С. 53). Научные исследования пещер и мощей показали, что подземные святые, и в частности мощи св. Варлаама, обладают мощным бактерицидным действием. Микробы на чашке Петри чудесным образом пропадали после пятиминутного пребывания на раках печерских угодников. «Так, наблюдалось снижение общего микробного числа в 6-7 раз (на чашках, которые стояли на гробнице св. Агапита) и даже в 10 раз (на чашке с гробницы св. Варлаама)» (Там же. С. 85).

Интересно, что на некоторых иконописных подлинниках преп. Варлаам изображается в схиме (БАН. Строгановское собр., № 66, л. 315, «левая страны», 5-й).

82. Киево-Печерский Патерик. С. 81. Преставился св. Ефрем «около 1098 г., по летописным данным — 1096 г.» (Дива печер лаврських. С. 55).

83. Успенский сборник XII — XIII вв. М., 1971, с. 95. Кроме Жития Феодосия, Нестор вписал имя св. Исаии и в ПВЛ, где под 6596 (1088) г. сказано, что еп. Исаия участвовал в освящении церкви св. Михаила во Всеволодом (Выдубицком) монастыре при митрополите Иоанне; под 6597 (1089) г. — что он с собором иерархов во главе с митр. Иоанном освящал собор в Киево-Печерском монастыре (Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. С.-Пб., 1898, отд. 1, с. 373; Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969, с. 63, 75, 113). Позднее свидетельство Нестора вошли в Житие Исаии Ростовского (XV в.).

84. Киево-Печерский патерик. С. 82-83.

85. Патерик. С. 51-52; Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври. С. 26. Погребен был преподобный Дамиан рядом с аввой Антонием. В этом наиболее древнем секторе Ближних пещер покоятся мощи самых выдающихся подвижников обители: преподобных Агапита, Алипия, Нестора, Никона, Кукши, Григория и др. Очевидно, быть погребенными близ раки преподобного Антония считалось для иноков большой честью. Исцеления возле раки мощей преп. Дамиана Целебника продолжают по сей день. Пресса писала о чуде выздоровления паломника из Владивостока, у которого болели позвоночник и ноги. «Произошло что-то странное, — рассказывал потом исцеленный. — У меня серьезные проблемы с позвоночником. Уже много лет я живу с непрекращающейся болью в ногах. И когда вошел в келию Дамиана, вдруг почувствовал, будто что-то темное ушло медленно в землю, а ноги перестали болеть» (За помощью к святым // Одесские известия. 23 июня 1999 г.).

86. Патерик. С. 95; Жиленко І.В. Літописні джерела... С. 26. О Несторовом Житии преп. Иеремии и других первоначальных отцов вспоминает в послании к Акиндину черноризец Поликарп (Патерик. С. 133). Нестор поместил сказание об Иеремии в своей «Повести временных лет» под 1074 г. Общине летописца с древним старцем, помнившим крещение Руси, послужило для него, вероятно, источником многих живых свидетельств об этом историческом событии.

87. Патерик. С. 96-97; Жиленко І.В. Літописні джерела... С. 26-28. В летописной статье читается: «Единою ему стоящую на утрени, возвед очи свои, хотя видети игумена Никона, и виде осла стояща на игумени месте, и разуме, яко не всталъ есть игумень». В Феодосиевской редакции Патерика иначе: «Стоящую ему на заутренеи, возревъ, виде беса на игумене месте стояща»... (сравн.: ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т.1, с. 259). Интересно подано это место в редакции Иосифа Тризны: «...возвед очи свои, хотя видети игумена Никона, и виде преподобного Феодосия на игуменове месте стояща, и разуме, яко святыи Феодосий по обещанию своему всегда духом съ братиями пребывает, и похвали Бога» (Л. 196 об.).

88. Патерик. С. 185-189; Жиленко І.В. Літописні джерела... С. 28-31. Келия преп. Исаакия примыкала к главной пещерной магистрали Антониева подземного комплекса — т. наз. «Пещерной улице». «Такое название происходит от большого количества келий, которые называются собственно «пещерами». В этом рассказе помещено краткое описание келии преп. Исаакия. Она маленькая — «яко четыре лакоть» (т. е. 248 см, приблизительно 2,5 м). В келии обыкновенно близ входа делались два выступа, один из которых служил ложем и имел углубление... а противоположный — столом. В стене делались ниши для иконы или свечи» (Дива пещер лаврських. С. 109). «Согласно повествованию, преп. Исаакий был в затворе 7 лет, оставив его по болезни не позднее 1068 г. Из этого следует, что он должен был затвориться в 1061 г., т. е. сразу же после переселения преп. Антония из Дальних пещер и основания Ближних. Заболел святой, как уже говорилось, ок. 1068 г. и был парализован больше двух лет, выздоровев на третий, т. е. 1070-1071 г. В следующие 3-4 года, наверное, продолжалось выздоровление, поскольку дальнейшие деяния Исаакия относятся уже к игуменству св. Стефана (1074-1078). Вселение его в пещеру произошло уже при игуменстве преп. Никона Великого († 1088). Умер преп. Исаакий при игуменстве Иоанна» (Патерик Киево-Печерський. С. 268, прим. 1 к Слову 36). См.: Алексий (Кузнецов), архиепископ. Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое исследование. С.-Пб., 1913.

89. Указатель святыни Киева. С. 99. «...в «Полууставе» даны два дня памяти преп. Исаакия — 14 февраля и 27 апреля, что соответствует действительности. Дело в том, что в XVII ст. в лаврских пещерах было двое святых с этим именем. В издании Патерика 1661 г. день памяти обозначен 27 апреля. В исправленном синодом Патерике 1760 г. присутствует уже... 14 февраля» (Патерик Киево-Печерський. С. 282).

90. Жиленко І.В. Літописні джерела... С. 31. «Эта статья в Повести временных лет присоединена к статье 1074 г., но это механическое объединение. А.А.Шахматов считал, что она является продолжением статьи об основании Печерского монастыря. Однако это маловероятно... Тот же А.А.Шахматов доказал, что тут, как и в статье 1051 г., есть вставки. В частности, Иоанн исправил настоящее время, которое было в рассказе автора, современника «блаженного стада», на прошедшее, добавив при этом ряд повествований о них, которые связаны с временем после смерти преп. Феодосия» (Там же. С. 66). Д.И.Абрамович замечает: «В Арсеньевской редакции эта статья читается не целиком, а только про Дамиана и Иеремию» (Патерик. С. 219, прим. 95).

О превышающем человеческие силы подвижничестве отшельников говорят и современные исследования их мощей. «В результате исследования... мощей печерских святых установлено, что почти все они при жизни были очень изможденными, что происходит при длительном посте и тяжелом труде» (Дива пещер лаврських. С. 89). Исследования подтвердили чудотворную и целительную силу мощей. «Во время исследования обнаружено биомоторное (ускоряющее рост растений) и радиопротекторное (защищающее... от ионизирующей радиации) действие мощей, а также их бактерицидное, saniрующее влияние...» (Скарби Києво-Печерської лаври / Ред.-упоряд.: О.Коваль, Л.Ковальова, А.Гришин та ін. К., 1997, с. 68).

91. «Основанием для атрибуции является свидетельство Киево-Печерского патерика, в котором среди монахов, подвижавшихся в монастыре в XI в., упоминается «Нестор, иже написа летописец», а также наличие имени Нестора в заглавии ПВЛ по Хлебниковскому списку (XVI в.) летописи Ипатьевской: «Повесть временных лет черноризца Нестера Феодосьева манастыря Печерьскаго, откуда есть пошла Русская земля...» В старшем списке (Ипатьевском, нач. XV в.) имя Нестора опущено. Сомнения в принадлежности Нестору — агиографу ПВЛ — были высказаны уже в нач. XIX в., так как аргументация в пользу этой атрибуции была далеко не безупречной... Атрибуция ПВЛ Нестору не имеет все же неопровержимых доказательств, и сомнения в правомерности отождествления Нестора-агиографа с Нестором-летописцем продолжают возникать и в наше время» (Творогов О.В. Нестор // Словарь книжников. Вып. 1, с. 276-277).

«Повесть временных лет — принятое в науке название летописного свода, созданного в начале XII в. ПВЛ дошла до нас в двух редакциях, условно именуемых второй и третьей. Вторая редакция читается в составе летописи Лаврентьевской (рукопись РНБ, Ф.п. IV, № 2), летописи Радзивилловской (рукопись БАН. 34.5.30) и летописи Московско-Академической (ГБЛ. Собр. МДА, № 236), а также других летописных сводов, где данная редакция чаще всего подвергалась различным переработкам и сокращению. Третья редакция дошла до нас в составе летописи Ипатьевской (списки: Ипатьевский — БАН. 16.4.4, XV в., Хлебниковский — РНБ. Ф. IV. № 230, XVI в. и др.). Большинство исследователей считает составителем не дошедшей до нас первой редакции ПВЛ монаха Киево-Печерского монастыря Нестора... Исследования А.А.Шахматова позволили отказаться от господствовавших в науке первой половины XIX в. представлений о ПВЛ как летописи, составленной единолично Нестором: А.А.Шахматов доказал, что ПВЛ предшествовала другая летопись, так называемый Начальный свод, но Нестор существенно переработал его и дополнил изложением событий кон. XI — нач. XII в. ...Начальный свод до нас не дошел, но отразился в новгородском летописании, в частности, сохранился в составе летописи Новгородской первой младшего извода, в начальной ее части (до 1016 г.) и в статьях 1053-1073 гг. ...Согласно гипотезе А.А.Шахматова, Нестор,

перерабатывая Начальный свод, углубил и расширил историографическую основу... летописания: история славян и Руси стала рассматриваться на фоне всемирной истории, было определено место славян среди других народов, возводивших своих прародителей к потомкам Ноя. Таким образом, русская история вводилась в рамки традиционно христианской историографии. ...О редакциях ПВЛ и их соотношениях существуют различные суждения. По гипотезе А.А.Шахматова, первая редакция ПВЛ (Нестора) была создана в Киево-Печерском монастыре в 1110-1112 гг. После смерти покровительствующего монастырю князя Святополка летописание было передано в Выдубицкий Михайловский монастырь, где в 1116 г. игумен Сильвестр перерабатывает заключительные статьи ПВЛ... В 1118 г. по поручению новгородского князя Мстислава Владимировича составляется третья редакция ПВЛ» (Там же. С. 338-340).

Существуют разные гипотезы о дате составления первой редакции. А.А.Шахматов относил ее к 1110-1112 гг. (Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916, с. XV, XVIII, XXI и XLI). М.Д.Приселков указывает на 1113 г. (Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940, с. 42). С ним согласен Д.С.Лихачев. См.: Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку / Изд. Археографической комиссии. С.-Пб., 1872; Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / Подг. текста Д.С.Лихачева, пер. Д.С.Лихачева и Б.А.Команова; ч. 2. Приложение / Статьи и ком. Д.С.Лихачева. М.; Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»); Повесть временных лет / Подг. текста и ком. О.В.Творогова, пер. Д.С.Лихачева // ПЛДР. XI — 1-я пол. XII в. 1978, с. 22-277, 418-451.

Лит.: Шахматов А.А. 1) Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897, октябрь, отд. 2, с. 209-259; 2) О начальном Киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897, кн. 3, отд. 3, с. 1-58; 3) Начальный киевский летописный свод и его источники // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера. М., 1900, с. 1-9; 4) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С.-Пб., 1908; 5) Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. 1909, т. 13, кн. 1, с. 213-270; 6) Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916 (ЛЗАК. 1917, вып. 29); 7) «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940, т. 4, с. 11-150; Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А.Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС за 1921, 1923, т. 23, с. 45-102; за 1922, 1924, т. 24, с. 207-251; Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940, с. 16-44; Бугославский С. «Повесть временных лет»: (Списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть / Статьи и исслед. по ред. Н.К.Гудзия. М.; Л., 1941, с. 7-37; Еремин И.П. «Повесть временных лет»: Пробл. ее ист.-лит. изуч. // Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966, с. 42-97; Лихачев Д.С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 35-172; 2) Повесть временных лет // Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. М., 1979, с. 46-140; Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948, т. 25, с. 293-333; Алешковский М.Х. 1) «Повесть временных лет» та її редакції // Укр. іст. журн. 1967, № 3, с. 37-47; 2) Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969, с. 13-40; 3) К датировке первой редакции Повести временных лет // Арх. ежегодн. за 1968 г. 1970, с. 71-72; 4) Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977; Насонов А.Н. История русского летописания X — нач. XVIII в. М., 1964, с. 12-79; Творогов О.В. 1) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. 1974, т. 28, с. 99-113; 2) Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976, т. 30, с. 3-26; 3) Лексический состав «Повести временных лет»: (Словуказатели и частотный словник). К., 1984; Поппэ А. К вопросу об ультрамартовском стиле в Повести временных лет // История СССР. 1974, № 4, с. 175-178; Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975; Кизиллов Ю.А. Историческое мировоззрение авторов Повести временных лет // Вопросы истории. 1978, № 10, с. 61-78; Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет»: (Своеобразие и разновидности) // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филол., 1981, № 5, с. 13-21; Флоря Б.Н. Сказание о предложении книг на славянский язык: Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. 1985, t. 46 (1), s. 121-130.

92. Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исслед. и словарь. Т. 1. Текст. Пг., 1920; Строев П. О византийском источнике Нестора // Тр. и летописи ОИДР. 1828, ч. 4, кн. 1, с. 167-183; Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11 — 13 вв.). Пгр., 1922, с. 87; Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940, т. 4, с. 411-461.

93. Что касается фольклорно-былинных фрагментов «Повести временных лет», придающих ей неповторимый колорит, то здесь мы встречаемся, как пишет А.Гуревич, с «парадоксом средневековой культуры», рожденным встречей народной культуры с культурой «ученых», образованных людей, представителей интеллектуальной элиты, «взаимодействием фольклорных традиций с официальной церковной доктриной» (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1987, с. 13). У Нестора это вылилось в прекрасный сплав, который именно в силу взаимослияния народности и церковности стал гимном Руси.

94. Очерки истории русской этической мысли. М., 1976, с. 27.

95. Котляр М.Ф. Історія України в особах: Давньоруська держава К., 1996, с. 112.

96. «Авторская же редакция произведения, написанная самим Нестором Летописцем, до нашего времени не дошла. А.А.Шахматов считал, что летопись эта вскоре после редактирования исчезла, успев, правда, перед этим попасть в Галицию... Кроме этого, на основе именно авторской редакции «Повести временных лет» был создан при Димитриевском монастыре в Суздале т. наз. «Летописец старый Ростовский», который позже, вместе с житием преп. Антония, стал основой для написания главного источника по истории Печерского монастыря в древнерусское время — Печерского Патерика...» (Дива печер лаврських. С. 7-8).

97. «Кончина его последовала, вероятно, в 1114 году» (Тальберг Н. История Русской Церкви. Джорданвилль, 1959, т. 1, с. 28; Русская Православная Церковь. 988-1988. М., 1988, с. 13; Дива печер лаврських. С. 59). Скончался преп. Нестор в возрасте 60-65 лет (Дива печер лаврських. С. 92). Погребен он был в наиболее почетном месте — близ преп. Антония, вместе с самыми выдающимися печерскими подвижниками.

Существует предание о посещении преп. Нестором Волыни. Волыняне с почтением относятся к этому преданию. Вот что пишет автор Волынского Патерика: «Тем более драгоценны те особые черты, которые история сохранила об отношении преп. летописца к земле Волынской. Таково прежде всего известие о пребывании преп. Нестора в г. Владимире-Волынском «смотрения ради училищ и поставления учителей». Это было, как рассказывает сам летописец, в 1097 г., когда преподобный писал уже свою знаменитую «Повесть временных лет» (Татищ., т. II, с. 181). Без сомнения, как человека образованного и преданного науке, преп. Нестора интересовали школы владимирские, тем более, что это были школы, как известно, старейшие в Русском государстве. Но особенно, как нам думается, преп. летописец посещал пределы Волынские с другою, не менее

важную цель — именно для ознакомления с историей и историческими памятниками края. Известно, что еще задолго до общерусской летописи на Волыни, как и в Новгороде, существовала местная летопись Волынская (Ист. русск. литерат. Галахова, т. 1, с. 53-54). Знатки замечают, что эта Волынская летопись во многих местах даже целиком вошла в состав временника Несторова, вследствие чего, между прочим, и его повествование о событиях земли Волынской, как известно, составляет чуть ли не треть часть всего содержания Несторовой летописи. Само собою разумеется, что преп. летописец нигде не мог так познакомиться с волынскою историею, как в столице тогдашнего княжения Волынского — в г. Владимире-Волынском, и в особенности в Святогорском Владимирском монастыре, в котором, по мнению большинства исследователей, писана и Волынская летопись (Волын. Епарх. Вед. 1867, № 3, с. 51). А это, очевидно, еще более приближает преп. летописца к земле Волынской, поставляя его не только наряду с важнейшими ее посетителями, но и в числе первых ее историков, сохранивших для нас сведения о древних судьбах нашего края» (Хойнацкий А., протоиерей. Патерик Воыно-Почаевский. С. 64-65).

98. Киево-Печерский Патерик. С. 56 (из «Похвалы»).

99. Послание смиренного епископа Симона Владимирьскаго и Суждальскаго к Поликарпу, черноризицу Печерьскому / Патерик. С. 99.

100. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 759. «Решающим моментом в формировании текста Патерика считается появление посланий Симона и Поликарпа. Ведь именно произведения Симона и Поликарпа знаменуют окончательное утверждение патерикового жанра в отечественной литературе; каждое из них, по сути, является образцом этого жанра» (Ісіченко Ю.А. Патерик Киево-Печерський... С. 32).

101. «Вероятно, при самом основании сего... в 1197 г.» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 759). По предположению П.Г.Буткова, родился Симон ок. 1166 г. (Бутков П. Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском. С.-Пб., 1850, с. 10). К сожалению, круг источников, из которых представляется возможность узнать о Симоне, невелик. Это сочинения самого Симона, послания его ученика Поликарпа, скудные фрагменты летописи.

102. В своих творениях св. Симон говорил о высокой миссии наследников Мономаха в деле объединения русских земель. Он последовательно выступал за соблюдение династических законов. В кровопролитной войне наследников Всеволода Большое Гнездо за престол он поддерживал Юрия, который хотя и был младшим, но имел завещание отца на княжение. Липецкая битва 1216 г. даровала победу старшему, Константину. Юрий Всеволодович был вынужден уступить г. Владимир Константино и переехать в местечко Радилво Городок на Волге. Святитель отправился вслед за князем. В 1217 году он сопровождал Юрия в путешествии к брату во Владимир, где и состоялось примирение враждующих сторон. Юрий получил в удел Суздаль. Вместе с ним туда поехал епископ Симон. Только на закате своей жизни, когда после смерти Константина Юрий снова стал князем во Владимире, владыка Симон вернулся в кафедральный город.

103. Русская Православная Церковь. 988-1988. С. 19.

104. Ольшевская Л.А. Об авторах Киево-Печерского Патерика // Литература Киевской Руси. М., 1978, вып. 2, с. 13-18. Симон был деятельным строителем. В 1213 г. при его участии начал заново отстраиваться обрушившийся в 1204 г. ростовский Свято-Успенский собор. В 1222 г. он совершил закладку собора Рождества Пресвятой Богородицы в Суздале на месте старой, начавшей уже разрушаться, церкви, построенной около 1101-1102 г. Владимиром Мономахом. В день престольного праздника 8 сентября 1225 г. святитель освятил новопостроенный храм (Воронин Н.Н. 1) Политическая легенда в Киево-Печерском Патерике // ТОДРЛ. 1955, т. 11, с. 102; 2) Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. М., 1961, т. 1, с. 187). «...деятельность преп. Симона обозначена перестройкой в 1219 г. церкви Рождества Богородицы одноименного монастыря во Владимире» (Дива печер лаврських. С. 61). Ряд исследователей подвергает сомнению причастность Симона, умершего в 1226 г., к созданию Патерика, атрибутируя его епископу с таким же именем и правившему епархией в 1160-1172 гг. В.Яковлев провел огромную работу по сбору и систематизации материала о Симоне-печерянце. Ученый смог убедительно доказать, что среди событий и лиц упоминаемого периода есть такие, которые не могли иметь место в эпоху Симона I (Яковлев В.А. Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875).

«Поскольку в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры находятся мощи св. Симона, еп. Суздальского, это породило легенду о перенесении, согласно завещанию, останков святого из Владимира в Киев. Однако эта легенда оказалась ошибочной — во время реставрационных работ 1882-1884 гг. в Успенском Владимирском соборе было открыто погребение епископов, и среди них — могилу еп. Симона. Участник реставрационных работ протоиерей Александр Виноградов писал, что белокаменная гробница была белой и крепкой, а в щели плиты при свете свечи можно было видеть человеческие кости. В глубине ниши, под ее сводами, обнаружили надпись: «Мощи преосвященного епископа Симона. Преставился лета 6735 месяца мая 22». Значит, вне сомнений, в Киеве покоится другой человек. По мысли киевской исследовательницы Т. Себты, эта ошибка произошла потому, что св. Симон, еп. Владимирский, был принят за малоизвестного ростово-суздальского епископа конца XI — нач. XII ст. св. Симона, действительно погребенного в лаврских пещерах» (Патерик Киево-Печерський. С. 203; Себта Т. Два Симони і два Полікарпи // Людина і світ. 1996, № 6, с. 36-37).

105. Патерик. С. X.; Ольшевская Л.А. Симон // Словарь книжников. Вып. 1, с. 394-395. В.Истрин, Ф.Бубнер, Л.Ольшевская считают рассказ о сооружении Печерской церкви отдельным произведением Симона. «По своему жанровому содержанию Симоново «Сказание» приближается к патериковой традиции. Об этом свидетельствует выделение в его структуре отдельных новелл, связанных между собою общностью макросюжета. Характерный для патериков эпистолярный стиль выражен в неоднократном апеллировании к адресату, причем адресату сборному («И се вы, братіе, скажу...»; «что сего, братіе, чуднее...»), что может служить подтверждением независимости «Сказания» от... послания Поликарпу» (Ісіченко Ю.А. Патерик Киево-Печерський... С. 35-37). См.: Послание Симона к Поликарпу // Калайдович К.Ф. Памятники российской словесности XII в. М., 1821, с. 249-257; Поп Р. Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу // ТОДРЛ. 1969, т. 24, с. 93-100; Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI — XIII вв.). Пг., 1922, с. 203; Bubner F. Das Kiever Paterikon. Eine Untersuchung zu seiner struktur und den literarischen Quellen. Inaug. Diss... Augsburg, 1969, s. 26.

106. По мысли академика А.И.Соболевского, Симону принадлежит «Послание отъ Изосимы святаго ко дщери своеи Анастасии», изданное Невоструевым (ИОРЯС. 1909, т. XIV, кн. 1, с. 1-11). В «дщери Анастасии» академик видит духовную дочь Симона, княгиню Анастасию-Верхуслану, а имя «Изосима» воспринимает как производное от «Симон» либо считает его схимническим именем епископа. Датирует он послание 1225 г. В.Н.Татищев свидетельствует, что Симон принимал участие в летописании. Историк говорит, что сам пользовался списком Симоновой летописи (Татищев В.Н. История российской с самых древнейших времен. М., 1768, кн. 1, с. 58). Интересное мнение высказывает архиепископ Филарет:

«Симону надобно усвоить поучение, встречающееся в сборниках: «Повесть о муже святе» с таким началом: «Послушаемъ блаженнаго епископа Симона, кто есть мужъ святъ». По характеру поучение сходно с повестями о печерянах» (Филарет (Гумилевский), архиепископ. Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859, с. 44).

«Проф. Петухов в «Известиях отд. рус. языка», 1904 («Материалы и заметки из истории древнерусской письменности»), описывает вариант (из рукоп. Кирилло-Белозерского мон. XVII в.) послания епископа Симона «Преподобного отца Симона, епископа Владимирского и Суздальского — слово на поучение монахом зело полезно», адресованного некоему иноку Герасиму. По мысли проф. Петухова, он переработан из обыкновенного текста, но кто знает, не осветили бы вариации именно этого «зело полезного поучения» историю варианта Патерика, адресованного Поликарпу?» (Грушевський М. Історія української літератури. Т. III, с. 108, прим.).

107. Малышевский И. Варяги в начальной истории христианства в Киеве. С. 29; Сычев Н. На заре бытия Киево-Печерской лавры // Сборник статей в честь акад. Соболевского. Л., 1928, с. 289-294; Кузьмин А.Г. Летописные источники послания Симона и Поликарпа (К вопросу о «Летописце старом Ростовском») // Археографический ежегодник. М., 1970. Исследователи отмечают превалирование историко-психологического начала над условно-литературным в творчестве агиографа (Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 60; Федотов Г.П. Святые Древней Руси (X-XVII ст.). Париж, 1931, с. 54).

108. «В нем (Житии Антония. — Авт.) заключались, кроме драгоценных сказаний о самом Антонии, и «вся жития» других печерских подвижников, «аще и вкратце речена» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 211). «Разве эти произведения, связанные с авторством печерских постриженцев XIII в., действительно принадлежат своему времени, а не являются, в основе своей, продуктом печерского творчества более ранних времен?» (Грушевський М. Історія укр. літератури. Т. III, с. 108). См.: Поп Р. Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу // ТОДРЛ. 1969, т. 24, с. 93-100.

109. Патерик. С. 104-105. В печатном церковнославянском издании этот рассказ («Повесть оная о смердящем мертвецѣ») отсутствует. Митрополит Макарий (Булгаков) датирует это событие 1078 годом (История Русской Церкви. Кн. 2, с. 170).

110. «...Поликарп был или любимым учеником Симона по монашеству, или, что гораздо вероятнее, его близким родственником» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 759). «...Поликарп обыкновенно атрибутируется как будущий архимандрит Киево-Печерский (1232-1238, вероятно, и до 1240). Родственник или воспитанник постриженника лавры св. епископа Владимиро-Суздальского Симона, некоторое время он жил вместе с ним...» (Дива печер лаврських. С. 8). И.Жиленко считает, что Поликарп игуменствовал в киевском монастыре св. Димитрия (Патерик Киево-Печерський. С. 204). А.Назаренко возражает: «Димитриевский монастырь надо признать суздальским, т. как Владимирский епископ Симон говорит о Поликарпе: «...А не бы тебе принудил и князь, и аз» (Назаренко А.В. Комментарии // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 623, прим. 281). Если так, то на подворье Поликарп мог короче познакомиться с Житием Антония, Летописцем старым Ростовским и другими памятниками, хранившимися в суздальской обители.

Здесь мы сталкиваемся с явлением т. наз. симонии — использования денежного фактора при получении церковных должностей. «Пишет мне княгиня Верхуслава, — отчитывает Симон Поликарпа, — желая поставить тебя епископом либо в Новгород на Антониево место, либо в Смоленск на Лазарево место, либо в Юрьев на Алексиево место. «И если придется, я, — говорит, — до 1000 серебрянников потрачу ради тебя и Поликарпа». И сказал я ей: «Дочь моя, Анастасия! Не богоугодное дело ты надумала...» Сделал ли ты что-либо достойное епископства? Если бы ты был достоин такого сана, то я не отпустил бы тебя от себя, а собственноручно поставил себе сопрестольником на обе епископии, Владимирскую и Суздальскую, как того желал князь Георгий, но я ему запретил, видя твое малодушие. И если меня не слушаешь и, ища власти, искусишься на епископство или игуменство, будет тебе проклятие, а не благословение».

111. Патерик Киево-Печерський. С. 88. А.Соболевский считает, что Анастасия-Верхуслава жила во Владимире, в тамошнем женском Княгинином монастыре, построенном ее матерью, «Всеволжей», где Всеволжая скончалась также монахиней, — следовательно, в епархии Симона (Соболевский А.И. Послание епископа Симона // ИОРЯС. 1909, т. XIV, кн. 1, с. 2).

Что касается вышеупомянутых варягов, то «речь идет о двух варягах-христианах, отце и сыне, убитых 12 июля 980 г. киевскими язычниками за то, что отец не захотел отдать сына в жертву идольским богам. Святые погибли под развалинами своего дома, который, согласно свидетельствам преп. Никона, находился на месте будущей Десятинной церкви. Где-то после монголо-татарского нашествия мощи младшего варяга были перенесены в лаврские пещеры. Вероятно, они были найдены во время каких-то строительных работ на месте руин названной церкви, которая действительно стояла на месте христианского могильника довладимирского времени. В «Повести временных лет» имен святых нет. Однако в проложных статьях помещено имя младшего варяга — Иоанн. Несколько позднее появляется в источниках имя старшего варяга — Феодор» (Патерик Киево-Печерський. С. 245, прим. 24).

По версии игумена Андроника, святые Феодор и Иоанн пострадали в 983 г. (Андроник (Трубачев), игумен. Святая Русь. Хронологический список канонизированных святых, почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской Православной Церкви (IX — сер. XIII в.) // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 652).

«Так не со времени ли еще святого Владимира начали у нас чтить память (12 июля) первых христианских мучеников на Руси — варягов Феодора и Иоанна, вкусивших смерть во дни язычества Владимирова? По крайней мере, и сам Владимир, и киевляне, участвовавшие прежде в невинной смерти страстотерпцев, а теперь просвещенные истинною верою, имели к тому особенные, сердечные побуждения. И построение Владимиром Десятинной церкви на месте, где жили и пострадали за Христа эти мученики, не указывает ли уже на некоторое существование их в Киеве?» (Макарий (Булгаков), митрополит. Там же, с. 439, прим. 170). Очевидно, святитель Симон, называя Феодора, Иоанна и епископа Леонтия первыми «гражданами Русаго мира» — Святой Руси, имел в виду их мученический, исповеднический подвиг — смерть или мучение от рук язычников. Действительно, из всех почитаемых тогда на Руси святых только они претерпели мучение от врагов Христа. Преподобномученики Кукша, Евстратий и Никон Сухой тогда почитались лишь местно — в Киево-Печерской обители, и поэтому святитель Симон не считает еще возможным назвать их «гражданами Русаго мира». Но следует отметить, что официальная, так сказать, память варягов-мучеников встречается в Прологе, лишь начиная с XV века (Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. С.-Пб., 1842, с. 455).

112. Монастыри. Энциклопедический справочник. М.: Изд. Московской Патриархии, 2000, с. 343. См.: Патерик. С. 106-108. Исторический комментарий к рассказу о Евстратии, а также Никоне Сухом см.: Малышевский И. Евреи в Южной Руси и Киеве в X-XII веках // ТКДА. 1878, № 9, с. 474-484. По версии А. Шахматова, «Слово» о Евстратии могло появиться

не ранее 1087 года (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 276, прим.) и было использовано игуменом Иоанном при составлении летописного свода 1093-1095 гг. Ему возражает И.Жиленко: «События, описанные в словах о преп. Евстратии и Никоне, произошли после 1096 г. Поэтому вероятнее всего, главным источником информации для преп. Симона могла служить авторская редакция «Повести временных лет». На это, в некоторой мере, указывает логичное объединение информации о нападении половцев и пленении святых в Густинской летописи... Впрочем, в слове св. Симона о св. Евстратии должно было быть два источника. На это указывает путаница с именами — дальше, в слове о преп. Никоне, преп. Евстратий дважды упомянут под именем «Герасим». Существование двух имен является совершенно мотивированным, если допустить, что одно из них было мало-, а другое — великосхимническим. Вполне вероятно, что преп. Евстратий, пребывая в плену, успел перед смертью принять великую схиму (тайно?). В таком случае понятно, что в монастырском помяннике должно было сохраниться его малосхимническое имя (очевидно — Герасим, поскольку так называет его дальше преп. Никон Сухой), а в рассказе о мученическом конце святого, записанном преп. Нестором со слов некоего грека-корсунянина, использовано имя «Евстратий». Еще одним интересным моментом является использование в монастырском синодике по отношению к святому наименования «протостратор». Е.Е.Голубинский по этому поводу писал, что такого слова в греческом языке нет. Поэтому он атрибутировал его как неправильное прочтение слова «протостатор» — «первоподвижник». Однако С.Розанов писал, что это звание в Греции носил главный конюший... как считал данный исследователь, такое наименование должно было быть дано св. Евстратию греками... и должно было быть как-то связанным с его судьбой в Корсуни, как и вознесение души святого на колеснице... С.Розанов считал, что для того, чтобы о смерти святого и других рабов стало известно, преп. Евстратий должен был быть хорошо известным населению Корсуни. А поэтому, считает С.Розанов, он был в Корсуни «стратором» — конюшим... Все доказательства этого автора базируются на предположении, что день памяти св. Евстратия является днем его смерти. А поскольку из жития видно, что святой был распят на Пасху, это позволяет исследователю определить дату его смерти. Еще А.Шахматов указывал, что после 1050 г. Пасха выпадала на 28 марта в 1087, 1092 и 1098 гг. Итак, — делает вывод С.Розанов, — преп. Евстратий попал в плен в 1096 г., а убит был на Пасху 1098 г. Т. обр., святой был убит только через два года после пленения, а значит, у него было время стать известным среди христиан Корсуни еще до того, как он попал в руки еврея... Действительно, мы должны отметить, что собственно смерть большого количества плененных христиан и распятие их наставника иноверцем уже само по себе не могло не привлечь внимания корсунских христиан, даже если преп. Евстратий был для них просто неизвестным монахом. Отсюда — можно предположить и существование тогда в Корсуни определенного местного почитания святого» (Патерик Киево-Печерский. С. 247-248, прим. 1).

«...Тело же святого въ море ввержено бысть, идеже множество чудесь сътворяется. Поискани же быша верными святыя его мощи, и не обреты, не възхоте бо святыи от человекъ славы, но от Бога...» Весьма интересно, неизменными ли взяты св. Симоном из текста преп. Нестора заключительные слова повествования, где сказано, что местонахождение мощей преп. Евстратия неизвестно, или так было и в XIII в. Во всяком случае, позднее они были перенесены из Корсуни в Печерский монастырь, что, кстати, является дополнительным доказательством существования почитания святого в этом городе (иначе мощи вряд ли могли бы быть найдены через длительное время после смерти)» (Там же. С. 249, прим. 11).

Однако имя «Герасим» могло быть и мирским именем преподобномученика. В синодик черноризец мог быть вписан под двумя именами, ведь существовало, напр., в монастыре почитание князя Николы Святоши, Кукши Исповедника и др. под двумя именами, мирским и монашеским. Пострижение инока в Корсуни отнюдь не выглядит маловероятным. Само наречение ему очень редкого на Руси и весьма распространенного в Греции имени Евстратий говорит в пользу этой гипотезы. Что касается общения печерских летописцев с корсунскими христианами, то оно могло иметь место при уточнении последними, во время работы над летописными текстами, исторических данных о месте и времени крещения Руси, ибо летопись вмещает столь интересные и живые подробности корсунских событий более чем столетней давности, что передать их могло только местное городское предание. По крайней мере, версия об общении Нестора Летописца с корсунянами весьма вероятна. В отношении наименования «Протостратор» предположение С.Розанова явно надуманно. Здесь прав, скорее, Е.Голубинский. Очевидно, имя Евстратия было переписано в монастырски помянник из Корсунского синодика, где Евстратий был назван первоподвижником — протостатором — из 50-ти замученных корсунскими иудеями христиан. Протостатором могли именовать Евстратия и сами печеряне, ибо из лика монастырских преподобномучеников — Никола Сухого, Кукши Исповедника, в какой-то мере Моисея Утрина и др. — он был действительно первым — как по времени своего преставления, так и по беспримерности крестного подвига.

Резонанс, который вызвало распятие в Корсуни русича-христианина, был очень велик. Кровавое кощунство привело к восстанию корсунян против епарха — императорского наместника.

«Начиная от императора Констанция, а особенно при Константине II (в 339), Феодосии I (384), Грациане, Феодосии II (417), Иустиниане и т. д., евреям было запрещено владеть рабами-христианами. Но понятно, что на практике эти законы часто не исполнялись (чем и вызывалось их постоянное повторение), особенно в отдаленных провинциях, предоставлявших полный простор злоупотреблениям властей на этой почве в корыстных целях. В XI в., напр., (в 1009 г.) подобный факт был обнаружен даже в Западной Европе, именно в дел Гунцелина маркграфа Мейсенского, обвиненного королем Генрихом в том, что тот сам продавал рабов евреям. Таким обр., очевидно, что Евстратий, знавший закон, запрещавший евреям владеть христианами, возбуждал своих соотечичей не подчиняться еврею... Смерть Евстратия вызывает негодование среди христианского населения Корсуни, и его дело из личного становится общественным. Посылают донос императору, и тот назначает следствие. В результате процесса «обличен был нечестивый сей епарх и убиень бысть...». Так представляет себе конец этой истории житие. В действительности, по-видимому, дело обстояло несколько иначе. Убиение епарха, отнятие имений и повешение еврея, владельца рабов-христиан, показывает, что вряд ли тут был законный суд, а скорее самосуд толпы...» (Розанов С.П. К вопросу о житии преподобного Антония Печерского // ИОРЯС. 1914, т. 19, кн. 3, с. 40-41).

113. Патерик. С. 108-110. Основным источником рассказов о Евстратии и Никоне некоторые исследователи считают Житие Антония Печерского (Шахматов А.А. Житие Антония и Печерская летопись. С. 108-109), «...однако данное предположение является неверным, поскольку это произведение было составлено до 1096 г. Итак, вероятнее предположить, что источником как этого, так и предыдущего слова была все та же авторская редакция «Повести временных лет», известная Симону в составе «Летописца старого Ростовского»; упомянутый в тексте печерский синодик, а также устные сказания монастырской братии» (Патерик Киево-Печерский. С. 249, прим. 1).

В слове о Никоне св. Евстратий везде именуется Герасимом. Это еще раз говорит о том, что в лаврском обиходе он был больше известен под именем Герасим, и подтверждает версию о корсунском происхождении имени Евстратий.

Что касается известия Патерика о крещении семьи половецкого вельможи «со всем своим домом», то история также знает примеры обращения в Христианство членов ханских половецких фамилий. «В 1094 г. приняла крещение дочь хана Тугоркана и сделалась супругой вел. кн. Киевского Святополка. В 1108 г. крестились дочери двух других ханов... и одна

вышла за Юрия, сына Владимира Мономаха, а другая за Святослава, сына Олега Черниговского. В 1132 г. крестился в Рязани половецкий князь Амурат» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 142).

114. Патерик. С. 110-111. «Слово написано на основании монастырских преданий. Св. Симон отмечает, что существует множество преданий о преп. Кукше. Сам он по сути лишь напоминает Поликарпу о подвигах святого. Кукша — имя языческое. Монастырские предания сохранили его монашеское имя — Иоанн. Считается, что он сам сначала был язычником; возможно, происходил из вятичей и был одним из многих монахов-миссионеров, которые проповедовали христианство в Залесье. Вятичи — восточнославянское племя, которое проживало в среднем течении Оки, в т. ч. на территории будущего Московского княжества, и считалось самым отсталым в Киевской Руси. Оно дольше всех сопротивлялось христианизации, так что в здешних сельских районах типичные языческие погребения зафиксированы были не только во времена св. Кукши, но даже до XIV ст., а во многих местах — чуть ли не до XIX ст.» (Патерик Киево-Печерский. С. 249, прим. 1).

«Вятичи в царствование св. Владимира еще не входили целиком в состав Русской державы, они только платили дань нашим князьям, а в течение всего XI в. продолжали управляться собственными князьями. Это и могло служить препятствием для духовенства... С другой стороны, из слов летописца строго не следует, будто вятичи все... оставались совершенными язычниками... потому что, и приняв святую веру, многие по грубости могли сохранять древние свои суеверия, как нередко поступали и другие новообращенные язычники. Равным образом и выражение св. Симона, что Кукша «вятичи крести»... не значит того, будто Кукша крестил тогда всех вятичей, и прежде между ними вовсе не было христиан» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 23-24).

Преподобный Кукша погребен рядом с преподобномучениками и исповедниками печерскими — святыми Евстратием и Никоном Сухим. Здесь же возлежат другие выдающиеся печеряне — Агапит, Алипий, Нестор, игумен Никон. «Рассмотрев контингент погребенных в секторе С, можно предположить, что на территории еще действующего в то время подземного монастыря был создан своеобразный пантеон особенно заслуженных иноков обители. Тут же был погребен и сам преп. Антоний Печерский» (Дива печер лаврских. С. 23). Имя преп. Пимена Постника встречается в Патерике еще раз — о нем пишет преп. Поликарп в житии Никиты Затворника, называя его в числе чудотворцев, исцеливших во времена игуменства Никона прельщенного инока. Это говорит о том, что Пимен жил не позднее 1088 г. (года смерти игумена Никона), а не в начале или середине XII в., как считают многие историки. Путаница произошла потому, что Пимена Постника отождествляли с игуменом Пименом Постником (1132-1141). Таким образом, мученическая кончина преп. Кукши также относится к концу XI в., а не к середине XII в., как это утверждают некоторые исследователи, и в т. ч. митрополит Макарий.

«Что касается Кукши и его ученика, убитых во время их миссионерской деятельности у вятичей, то их смерть наступила не в середине XII в., а где-то на рубеже XI и XII вв. Гибель Кукши произошла в районе вятичского города Серенска» (Рапов О.М. Русская Церковь в IX — первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988, с. 344; Л. И. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей // ЧОИДР. 1862, с. 9-10; Недошивина Н.Г. О религиозных представлениях вятичей XI-XIII вв. // Средневековая Русь: Сб. статей в честь 70-летия Н.Н. Воронина. М., 1976, с. 49).

Морфологические, антропометрические и рентгенологические исследования мощей печерских преподобномучеников доказали правдивость лаврского предания. Так, согласно научному освидетельствованию, «преп. Никон Сухой при жизни перенес тяжелое воспаление левого коленного сустава. Это хроническое заболевание охватывало всю левую конечность... В. Гинзбург писал в 1939 г., что преп. Никон имел хронический остеомиелит, сопровождавшийся свищами и обильным гноем. Указанная характеристика в значительной мере отвечает данным Печерского патерика. Такое же совпадение имеет место при изучении мощей Кукши Священномученика. На черепе последнего найден линейный руб в области правой теменной кости, который имеет щелевидную форму — от острого рубящего предмета. Это повреждение не сопровождается признаками костной регенерации. Таким образом, вероятно, оно и было причиной смерти. По церковной традиции, преп. Кукша был убит язычниками во время проповеди вятичам Святой Веры — ему отрубили голову» (Дива печер лаврских. С. 89). «...никакого бальзамирования лаврских преподобных не проводилось. Лишь мощи преп. Кукши были, кажется, обработаны какими-то жидкими составами либо находились во влажной среде, что, вероятно, связано с продолжительным перевезением его тела из земли вятичей в Киев» (Там же. С. 91). Местное почитание преп. Кукши существовало еще с домонгольских времен (Маркелов Г.В. Святые древней Руси: Свод описаний. С.-Пб., 1998, с. 152). Сводный иконописный подлинник Филимонова подает иконописное изображение преп. Кукши и Пимена таким образом: «Кукша подобием: мало кудреват, брада доле Сергия Радонежскаго, ризы преподобнические и епитрахиль, в руках четки. Пимен: брада аки Антония Печерскаго, в клобуке и епитрахиль, ризы преподобническая» (Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века. Издание Общества древнерусского искусства под ред. Г.Д. Филимонова. М., 1874, с. 432). Согласно иконописным подлинникам, отражающим древнее церковное предание, Кукша и Пимен имели иерейский сан, потому что изображались в епитрахили. В ней же Кукша изображен и в Строгановском иконописном собрании (БАН. Строгановское собр., № 66, л. 319, «левые страны», 52-й).

115. Патерик. С. 111-112. Грозное предостережение Афанасия было предуказанием на «страшное несчастье и разорение, скоро постигшее Киев в 1169 г. и едва не разразившееся над Печерскою обителью» (Указатель святыни Киева. КПЛ, 1898, с. 91). Здесь имеется в виду разорение Киева войсками Андрея Боголюбского.

116. Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври. С. 36.

117. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые. Чернигов, 1861-1866. Октябрь, с. 223. «Знакомство с жизнью вратарника главных врат Киево-Печерского монастыря — князя Святослава, сокращенно Святоши (в крещении он получил имя Панкратия, в монашестве стал называться Николаем)... позволяет... получить определенное представление о связи между усиленным аскетизмом и теми изменениями, которые происходили в Киевской Руси. Детство Святоши проходило в семье Черниговского князя Давида Святославича, который старался приобщить к своему двору просвещенных людей. Его отец, как свидетельствуют разные исторические источники, старался избегать вражды и пользовался всеобщим уважением. Сын его Святослав (Святоша) согласно договору 1097 г. занял княжеский престол в Луцке. В это время (после достигнутого между князьями примирения на созванном Мономахом в 1097 г. съезде в Любече) людей потрясло известие о зверстве, совершенном Давидом Игоревичем, который был в союзе с Киевским князем Святополком, над Теробовльским князем Васильком. Чтобы покарать виновных, Переяславский князь Владимир Мономах, вместе с другими князьями, вынес решение, согласно которому Святополк должен был идти походом на своего союзника, Владимиро-Волынского князя Давида Игоревича. Святоша, как князь Луцка, поддерживал добрососедские отношения с Давидом Игоревичем, но, как сын Черниговского князя, вынужден был помогать союзнику последнего — Святополку. На этой почве возникла драматичная ситуация» (Уманцев Ф. Троїцька надбрамна церква Києво-Печерської лаври. К., 1970, с. 13-14).

Под давлением Мономахового договора Святоша вступил в борьбу с владими́ро-волинским соседом и изгнал его. Однако вскоре «Давыд... побеже к Половцамъ. И паки устрете Боняка, ему же дав дары, прииде с ними на Святошу, его же обступи в Луцку; Святоша же, не могий что сотворити, проси у Давыда мира и пусти его в Луцк, а сам упросися, да попусти его к отцу в Чернигов — и на том помиришася. И тако Святоша поиде ко Давыду Святославичу, отцу своему, на Чернигов...» (ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 284-285), лишившись, по сути, удела. Вероятно, именно под влиянием этих драматических коллизий и оформилось его желание пойти в монастырь.

118. ПВЛ. Ч. 1, с. 186. «Переходу Святоши в Печерский монастырь в 1106 г. благоприятствовало, скорее всего, то обстоятельство, что во главе его стоял игумен Феоктист, который был и епископом Чернигова (с 1113 г. — Авт.). Печерский монастырь находился в тесной связи с черниговскими князьями и пользовался их поддержкой... Святоша принес в дар монастырю свои вотчинные села Навоз и Пакуль, расположенные возле Днепра, вместе с окрестными землями» (Уманцев Ф. Указ. соч., с. 15). Князь Святоша имел семью — жену и дочь. Супруга его звалась, согласно Любецкому синодику, Анной и была, как считают историки, дочерью Святополка Изяславича (хотя в таком случае получается, что они состояли в родстве по линии деда). Имени дочери в источниках нет. Известно лишь, что она была первой женой князя Всеволода-Гавриила Мстиславича — в I Новгородской летописи под 1108 г. Святоша назван тестем Всеволода.

119. Об этом пишет Кальнофойский: «Врата и на них церковь св. Троицы заложил князь Николай Давидович Святоша и при ней основал больницу для больных и немощных монахов» (Кальнофойский А.Ф. Тератургима. КПЛ, 1638. Объяснение к плану, п. 37). Н.Закревский не соглашался с утверждением Кальнофойского. Однако недоверие к Кальнофойскому, которому, безусловно, были известны материалы, позднее безвозвратно уничтоженные несколькими крупными пожарами в лавре, хоть и имело иногда под собой почву, но в данном случае было неоправданно и привело Закревского на путь ошибок. Одной из них являлось, например, утверждение, что надвратная церковь «не старше конца XVII века» (Закревский Н. Описание Киева. К., 1868, т. 2, с. 68). Реставрационные работы, проводившиеся в Свято-Троицкой надвратной церкви в 1881-1883 гг., и, в частности, раскопки 1881 г., ставшие фактически первыми научными исследованиями лаврско-го зодчества (осуществлялись Киевским церковно-археологическим обществом), доказали древнерусский возраст сооружения. «Во время закладки трещин в южной стене юго-западного угла церкви рабочий случайно нашел небольшой четырехконечный крест, который состоял из трех пластин — двух медных по бокам и деревянной в центре. Дерево полностью сгнило, но медные пластины сохранились достаточно хорошо. Они были вызолочены, украшены орнаментальными узорами на эмали» (Лаврский альманах. Вып. 1, с. 20). П.Лашкарев, проводивший наблюдение за раскопками, атрибутировал крест как закладной при сооружении храма во времена Святоши (Лашкарев П.А. Остатки древних зданий Киево-Печерской лавры // ТКДА. К., 1883, т. 1, с. 122-124). Реликвия эта, известная как «крест Святоши», хранится ныне в фондах Киево-Печерского заповедника.

120. В «Слове о князьях», памятнике второй половины XII в., читаем о Давиде: «Князь этот ни к кому не имел вражды. Когда кто рать на него воздвигал, он рать ту покорностью своей усмирал. В Чернигове княжил он, в большом княжении, ибо старший был меж братии своей. Если кто кривду ему какую чинил, он вину на себя перелагал. Когда крест кому целовал, крепко держал слово; когда кто нарушал целование крестное, он и тогда клятвы не переступал. Братия, видя такое его беззлобие, слушались его, как отца, и покорялись ему, как господину своему. В великой тишине княжил он» (Слово о князьях // Художественная проза Киевской Руси XI-XIII веков. М., 1957, с. 238-239).

121. Так считает А.А.Шахматов (Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись. С. 35). Исследуя «Слово, писанное святым Феодосием мнихом», известное еще как «Феодосьево поучение», Шахматов обнаружил в одной из его редакций сведения, проливающие совсем иной свет на этот памятник. Эта редакция была озаглавлена: «Почтение святого Панкратия... списано Феодосием худым мнихом». Академик считает, что под именем Панкратия здесь обозначено христианское имя князя Святоши, а под «Феодосием мнихом» скрывается личность Феодоса Грека. Однако эта гипотеза «нуждается в дополнительной аргументации» (Буланина Т.В. Феодосий Грек (XII в.) // Словарь книжников. Вып. 1, с. 460).

122. «И послал к ним Всеволод брата своего Святошу Давидовича, говоря: «Братья мои! Возьмите у меня дружбой, что я вам даю... Больше не воюйте...» И они исполнили волю его» (Літопис руський. С. 195).

123. Патерик. С. 113-118; Уманцев Ф. Троицка надбрамна церква. С. 15. На некоторых иконописных подлинниках Никола Святоша изображается в схиме: «Подобием сед, в схиме, на схиме кресты, ризы преподобническа» (Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века. Издание общества древнерусского искусства под ред. Г.Д.Филимонова. М., 1874, с. 172, 14 октября); «Сед, в схиме, на плече клок, в правой руке ключ, а в левой котел, и бысть повар и вратарь, у ног лежит венец царский и держава» (РНБ. Собр. Погодина, 1931, л. 47 об., 14 октября). В монастыре долго еще были памятные места, связанные со Святошей. Так, в Слове «о божественемъ откровеніи» епископу Новгородскому Нифонту говорится о «Святошине месте» — седалище, — в храме Печерского монастыря (Патерик. С. 98). Что касается даты преставления преп. Николы Святоши, то ее «обыкновенно относят к 1142 или 1143 г. Это — результат простого вычисления. Поскольку он прожил в монастыре 36 лет, то 1106+36=1142» (Патерик Киево-Печерський. С. 251, прим. 7).

124. Князь Изяслав Давидович был убит в битве с половцами 6 марта 1161 г. и погребен в «отнем» храме св. Бориса и Глеба в Чернигове.

125. Патерик. С. 119-120. Преставился преп. Эразм в «1160 г. или близко к этому времени, во 2-й половине XII ст.» (Дива печер лаврських. С. 55). По антропометрическим данным, возраст преп. Эразма составлял 45-50 лет, рост — 1,72 м. Мощи его чудотворят. Так, Тератургима (1638 г.) пишет о нем: «Святой Эразм, монах чудотворный».

126. Патерик. С. 120-122. Подробнее о рассказе про благочестивого златаря из Синайского Патерика см.: Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике, как историко-литературном памятнике. С. 179-180. Преставился преп. Арефа «около 1195 г., по другим данным — перед 1190 г. (Дива... С. 53). Случай с нестяжательным старцем, отдавшим все свое имущество разбойникам, описан в сл. 394 Синайского Патерика. Когда грабители ушли, старец увидел на стене мешок, который был ими не замечен, и догнал их с просьбой забрать его. Удивившись добровольной нищете святого, разбойники покаяться (Синайский Патерик. М., 1967, с. 353).

127. Патерик. С. 122-123. Преставился преп. Тит в 1190 г. (Дива печер лаврських. С. 64). Вот что преподобные отцы учат о душевном мире:

Антоний Великий: «Сам Господь повелел нам искать мира, чтобы стяжать его» (Отечник, избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). С.-Пб., 1903, с. 18); «Если человек не

положит в сердце своем, что кроме его одного и Бога никого другого нет в мире, то не сможет обрести спокойствия в душе своей» (Там же).

Пимен Великий: «Отвергни оправдания и будешь спокоен в краткие дни земного странствия твоего» (Там же. С. 335).

Исаак Сирий: «Мир бывает следствием доброго порядка, а от мира рождается в душе свет, от света и мира проясняется ум» (Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископа христоролюбивого града Ниневи. Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1893, с. 401).

Исидор Пелусиот: «Нельзя быть непримиримым с примиряющимся, но даже, насколько от нас зависит, нужно примиряться и с непримиримыми» (Творения святого Исидора Пелусиота. М., 1860, ч. 2, с. 425).

128. Ісиченко Ю.А. Патерик Києво-Печерський. С. 40.

129. В конце XII — нач. XIII в. известны два архимандрита с таким именем. Здесь имеется в виду Акиндин II — киево-печерский архимандрит с 1203 по 1232 г. «Акиндин — преп., архимандрит печерский; память 28 августа. Моши его почивают в Киево-Печерской лавре» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1, с. 91). Однако в современных святцах нет имени архимандрита Акиндина (см.: Православный церковный календарь (УПЦ). 1998, с. 85, 114). «Определить с точностью, когда написано послание Поликарпово, сохранившееся... в рукописных Патериках Киево-Печерских, невозможно. Поликарп, по-видимому, сам дает для этого основания, когда, изложив жития Никиты Затворника, Лаврентия Затворника и Агапита врача, говорит Акиндину: «Се же речеся в пятнадцатое лето твоего игуменства, еже не бысть помяновено за 60 и 100 лет, ныне же твоя ради любве... слышана быша». Но в каком году Акиндин сделался игуменом, неизвестно: он упоминается только уже в сане игумена и архимандрита под 1231 г., когда присутствовал при рукоположении Ростовского епископа Кирилла. Равным образом, с какого времени начинать счисления этих 160 лет... он не означил. Некоторые полагают, что надобно начинать счисление с 1074 г., под которым преп. Нестор написал в своей летописи об отцах печерских... и отсюда заключают, что послание Поликарпа написано в 1234 или в 1235 г.» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 515, прим. 254). К 1234 г. относил создание Поликарпова труда С.Шевырев (Шевырев С.П. Обзорение русской словесности, преимущественно древней. М., 1846, с. 8). А.Шахматов считал, что период работы над сборником сосредоточен либо в промежутке между 1214-1226 гг. (время епископства Симона), либо в конце первой трети XIII в. (Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898, март, с. 114).

О судьбе черноризца Поликарпа мало что известно. «Возможно, что родина писателя — Ростов, где Поликарп был «самовидцем» чуда, связанного с иконой работы Алимпия Печерского... Выходец из Киево-Печерской лавры, Поликарп одно время игуменствовал в Козмодемьянском монастыре в Киеве, хотел «игуменити у святого Дмитрия» и мечтал о епископской кафедре, поддерживаемый княгиней Верхуславой, вдовой князя Ростислава Рюриковича, и ее братом — князем Юрием Всеволодовичем... Создатели печатной редакции Патерика 1661 г., поместившие в приложения жития Нестора, Симона и Поликарпа, указывали на существование родственных уз между последними двумя писателями... Очевидно, Поликарп был у Симона во Владимире: «Но аще был ты достоин такового сана, то не бых тебе пустил от себе, но своими руками съпрестолника ты себе поставил бых в обе епископии — Владимирию и Сюждалю»... Поликарп продолжил труд своего учителя, но, в отличие от него, прямо указал на то, что свои рассказы о печерских подвижниках он адресует большой аудитории читателей. Цель его сочинения — донести до «будущих чернецов» жития «светильников Русской земли» (Ольшешевская Л.А. Поликарп // Словарь книжников. Вып. 1, с. 370-371). См.: Викторова М.А. Составители Киево-Печерского патерика и позднейшая его судьба. М., 1863, с. 16-19; Кубарев А.М. О Патерике Печерском // ЖМНП. 1838, октябрь, с. 9.

В.Истрин называет Поликарпа книжным человеком, «обладавшим литературным талантом и интересом к писанию» (Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI-XIII вв.). Пг., 1922, с. 200).

130. Патерик. С. 124-127. «Страшному бедствию... подверглись два киево-печерские затворника, святые Исаакий и Никита: первому явился демон в виде Христа, второму — в виде ангела... Преподобный Григорий Синаит в наставлениях своих безмолвнику говорит: «Хочу, чтобы ты имел точное понятие о прелести, чтобы тебе сохраниться, чтобы ты в неведении, устремившись ко лжи, прикрытой личиной добра, не получил величайшего вреда и не погубил души своей» (Игнатий (Брянчанинов), епископ. Аскетические опыты. М., 1993, с. 47). «Относительно затворничества существует каноническое правило вселенского собора. Оно гласит: «Желающие... удалиться в затворы... сначала должны входить в монастырь и обучаться отшельнической жизни и в продолжение трех лет в страхе Божиим повиноваться начальнику обители и во всем, как подобает, исполнять послушание, и таким образом... испытываться... После этого еще один год пребывают вне затвора, чтобы намерение их обнаружилось вполне... По исполнении такового времени... пусть затворяются» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 654). Он же датирует пребывание Никиты на Новгородской кафедре 1096-1108 гг. (Указ. соч., т. 1 (1-я пол.), с. 672). Некоторые исследователи видят в житии Никиты отголоски богемильских споров. И.Малышевский считает, что «в деле Никиты Печерская обитель встречается с замыслом пропаганды со стороны тех жидов или жидовствующих, с которыми за несколько лет перед этим имел дело и сам Феодосий» (Евреи в Южной Руси и Киеве X-XII вв. // ТКДА. 1878, № 9, с. 474). По мысли Б.Бараца, книги «Жидовская» — это ходившие тогда среди киевских христиан Мидраши и Талмуд (Барац Б. Повести и сказания древней русской письменности, имеющие отношение к евреям и еврейству // Киевская старина. 1906, т. ХСII, с. 304-310). Д.Абрамович отмечает, что, «вероятно, среди печерского братства бывали богословские диспуты, в которых Никита часто ссылался на Ветхий Завет, и поэтому о нем пошла молва, что он близок к иудейским взглядам» (Патерик. С. 222, прим. 143).

Что касается предсказания затворника о преждевременной гибели Новгородского князя Глеба, то, действительно, этот добродетельный князь был убит в Заволочье (местность в бассейне Северной Двины) в начале 1078 г., после чего Изяслав Ярославич послал в Новгород на княжение своего сына Святополка. Преподобный Никита, как пишет летопись по Воскресенскому списку (ПСРЛ. М., 1962, т. 7, с. 9), был поставлен на Новгородскую кафедру в 1096 г., т. е. уже в зрелом возрасте, прожив в Печерской обители около 20 лет. Однако Новгородский иконописный подлинник описывает святителя Никиту как молодого человека: «Святитель молодой, безбородый, в шапке грибовидной, ризы камчатные» (Толстой М. Святые и древности Великого Новгорода. М., 1862, прилож., с. 9).

Жизнеописание Никиты до нас дошло во многих вариантах: 1) Житие из послания Поликарпа к архимандриту Акиндину, XIII в.; 2) Житие, написанное неизвестным автором в XVI-XVII вв., повествующее также об обретении его св. мощей и чудесах от них (Сборник проложных житий и повестей. Ок. 1700 г. Собрание Макария, митрополита Московского и Коломенского (Отдел рукописей Центральной научной библиотеки РАНУ). П. 25 / Аа 118, л. 165-197; 3) Житие, написанное игуменом Свято-Даниловы обители Иоасафом, позднее — Вологодским епископом (Сборник житий и полемических статей. XVI и XIX вв. Там же. П. 40 / Аа 168, л. 1); 4) Краткое житие, написанное неизвестным автором (Сборник житий, поучений и патериковых повестей. 1-я пол. XVII в. Там же. П. 30 / Аа 155, л. 74; Пролог на 31 января). Из Новгородских редакций известны житие, созданное в 1557-1558 г. монахом Антониева монастыря Маркеллом (написано еще до обретения

мошей св. Никиты), житие известного агиографа Зиновия Оттенского (XVI в.), а также священника Варлаама (Никольский Н. Сказания об обретении честных мощей святителя Никиты, Новгородского чудотворца // ИОРЯС. 1905, т. 10, кн. 2, с. 1-3; Барсуков Н. Источники русской агиографии. С.-Пб., 1882, с. 389-393).

В древневосточной аскетической литературе приводится очень много примеров обольщения подвижников диаволом под видом «ангела света», что называется на языке исихастов «прелестью», т. е. прельщением. Отечественная агиография, по примеру восточной, также очень много внимания уделяла описанию и развенчанию этого опасного духовного состояния (Леонид (Кавелин), архимандрит. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.) обще и местно чтимых. С.-Пб., 1891). Преставился св. Никита в 1109 г. «месяца января в 30 день, а весной начали расписывать святую Софию стяжанием святого владыки» (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С.-Пб., 1888, с. 119). Сравн. с Воскресенской летописью: «В том же году преставился архиепископ Никита, января в 15 и покладен был в Святой Софии, в приделе Иоакима и Анны» (ПСРЛ. М., 1962, т. 7, с. 22). О чудесах святителя Никиты пишет III Новгородская летопись под 1097 г.: «Прилежно моление за люди своя принося, овогда же граду запаление угасил еси». Мощи св. Никиты были обреты в 1558 г. совершенно нетленными, как и его облачение. Рака святителя в 1629 г. была окована серебром. В 1791 и 1846 г. раку обновляли. В 1943 г. мощи св. Никиты были вывезены в Литву, где хранились в храме св. ап. Филиппа (Янин В. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988, с. 175).

131. Различными путешественниками и паломниками Киево-Печерской лавры XVII ст. в лаврских пещерах упоминаются мощи св. Никиты. «На самом деле он упокоен в Новгороде, а значит, в пещерах находились мощи какого-то другого святого с тем же именем. Последний раз его мощи упоминались в планах пещер 1703 г.» (Дива пещер лаврских. С. 70). В лавре чтится его память 14 мая. Эта дата памяти помещена во всех церк.-слав. изданиях Патерика вплоть до правок XVIII в., когда ее заменили новгородской датой.

132. Патерик. С. 127-128. «Время жизни этого святого определить не так просто. Вряд ли это тот епископ Лаврентий, который упомянут в послании Симона, поскольку он жил во второй пол. XII ст. (упомянут под 1182 г. в Ипатьевской летописи), и, возможно, принадлежит к тем 20, которые, по словам св. Симона, были поставлены на епископство между временем написания «Летописца старого Ростовского» и Патерика. Указание же на затворничество святого в «Изяславовом» монастыре, по мысли А.А.Шахматова, ведет нас к концу XI ст., а значит, также укладывается в хронологические рамки «Повести временных лет», откуда мог попасть в послание Поликарпа рассказ об исцеленном в Печерском монастыре бесноватом. Согласно печатному Патерику 1661 г., св. Лаврентий умер в Киеве» (Патерик Киево-Печерский. С. 256, прим. 1 к Слову 26).

Однако лаврское предание говорит, что именно Лаврентий Затворник был поставлен епископом города Турова в 1182 г. (Указатель святыни Киева. КПЛ, 1898, с. 91). «Местное полесское сказание утверждает, что после смерти преп. Лаврентия его мощи почивали в Туровском Борисоглебском монастыре, а позднее были взяты в Киево-Печерскую лавру» (Дива пещер лаврских. С. 57).

133. Патерик. С. 128-132. Преставился преподобный Агапит около 1095 г. (Дива пещер лаврских. С. 50). Исследования мощей показали, что Агапит умер средовеком, имея 50-60 лет. По причине деформации правой стопы он хромотал (Там же. С. 89).

Рассказ о св. Агапите, «судя из указаний Поликарпа, основывается на Житии преп. Антония. Однако, как говорит в конце произведения автор, там сюжеты про отдельных святых — учеников Антония — даны очень коротко. Посему можно предположить, что, как на то указывал еще А.Шахматов, часть рассказа происходит из авторской редакции «Повести временных лет». В частности, это касается исцеления преп. Агапитом князя Владимира Мономаха, которое, согласно тексту жития, произошло между 1078 и 1094 годами, когда Владимир Всеволодович сидел в Чернигове. Упоминание игумена Иоанна, занимавшего настоятельство с 1088 г., сужает эти рамки до 1088-1094 гг. И так, данный сюжет имеет четкие хронологические ориентиры, которые ведут нас к авторской редакции «Повести». Что же касается сюжета об Армянине, то он, вероятно, основывается на монастырских сказаниях, об использовании которых (в передаче преп. Симона) Поликарп указывает в начале своего труда. Конечно, он мог собрать такие сказания и сам, и тогда его ссылки на них можно расценивать как способ придать своим словам больший вес» (Патерик Киево-Печерский. С. 256, прим. 2 к Слову 27).

Как известно, мощи преп. Агапита продолжают источать исцеления. Современные исследования доказали «био-физико-химическую природу их влияния на живые объекты... Результаты химических анализов показали, что даже после кратковременного пребывания возле мощей в зернах пшеницы изменяется состав некоторых химических элементов. Так, например, под влиянием мощей св. Агапита-исцелителя в химическом составе зерен состоялись такие изменения: количество цинка уменьшилось на 18%, а кальция и калия — увеличилось соответственно на 11 и 4%. Как известно, сдвиг баланса химических элементов, вызванный разными причинами в живом организме, как растительном, так и человеческом, отображается на направленности физиологических процессов — необратимо возникают альтернативные пути в метаболизме. Очевидно, в результате этих реакций у растений ускоряется или замедляется рост, у людей происходят исцеления» (Дива пещер лаврских. С. 83). В Киево-Покровском женском монастыре есть придел в честь преподобного Агапита Печерского, устроенный в престольном Свято-Покровском храме обители. По преданию, основательница монастыря великая княгиня Александра Петровна, в иночестве Анастасия († 1900 г.), часто молилась перед мощами преп. Агапита, прося исцелить ее от болезни позвоночника, и получила просимое. См.: Царственная инокиня. Одесса: Изд. Одесского Свято-Архангело-Михайловского монастыря. 1995.

134. Патерик. С. 134-138. «В основе патерикового сказания о смерти преп. Григория лежит авторская редакция «Повести временных лет». ...Что касается Жития преп. Антония, то оно вряд ли может быть источником этого слова, поскольку, как сказано в первой его фразе, святой был учеником преп. Феодосия Печерского» (Патерик Киево-Печерский. С. 257, прим. 1). «Погиб Григорий Чудотворец 25 мая 1093 г. Пострижен преп. Феодосием ок. 1064 г. Был великим книжником и собрал большую библиотеку... Однажды случайно попал на глаза дружинке Ростислава Всеволодовича, которая двигалась к Триполью (ныне село в Обуховском районе Киевской обл.), чтобы перейти путь половцам. Дружинники начали издеваться над чернецом... Он предвозвестил им скорую погибель, за что его утопили в Днепре. 26 мая 1093 г. русские войска потерпели сокрушительное поражение на р. Стугне (недалеко от вышеуказанного места), а сам Ростислав был смертельно ранен в голову и захлебнулся в реке. Эта, заранее предсказанная, трагедия получила большой резонанс в Киеве и расценивалась как Божия кара за кощунство. Когда Владимир Мономах велел похоронить своего брата в Софийском соборе, на алтарной стене Георгиевского придела, вблизи усыпальницы Ярославичей появилась обличительная надпись: «Месяца мая в 25 утоплен ГРГОРИИ (имя записано криптограммой) князь». Осквернение святыни и пренебрежение религиозными чувствами киевлян сыграло свою решающую роль в отторжении В.Мономаха от киевского наследия своего деда.

Иногда преп. Григория Чудотворца отождествляют с Григорием, творцом канонов... Однако Патерик различает этих двух тезок, отдельно вспоминая обоих в житии преп. Никиты Затворника» (Дива печер лаврських. С. 54).

135. Древний Патерик. С. 71.

136. Святые отцы о молитве и трезвении. М.: Издание Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. 1889, с. 313.

137. Патерик. С. 138-141. Преставился Иоанн Многострадальный в 1160 г. (Дива печер лаврських. С. 56). «А.А.Шахматов считал, что источником этого слова была авторская редакция «Повести временных лет». Написание сюжета преп. Нестором он относит к началу XII ст., поскольку преп. Иоанн 30 лет провел в пещере, где уже до того лежали мощи преп. Антония, который умер в 1073 г. Однако можно предположить, что, по крайней мере, часть рассказа написана со слов очевидца, причем преп. Симоном, поскольку Поликарп, который был намного моложе его, вряд ли мог найти кого-нибудь, кто в молодости лично знал преп. Иоанна» (Патерик Киево-Печерський. С. 258, прим. 1 к Слову 29).

О мощах Иоанна Многострадального интересные сведения приводит путешественник XVII в. Гийом Левассер де Боплан: «Тут показывают... святого Иоанна, которого видно только до пояса, а ниже он в земле. Здешние монахи рассказали мне, что упомянутый святой Иоанн, предчувствуя приближение смертного часа, сам приготовил для себя яму, но не в длину, как обычно, а в глубину. Когда же настало его время, к чему он издавна был готов, то, попросившись с братией, он начал спускаться в могилу, однако, по милости Божией, смог войти туда лишь по пояс, хотя яма и была достаточной глубины» (Дива печер лаврських. С. 43; Боплан Гійом Левассер. Опис України. К., 1990, с. 34-35). Это, пожалуй, единственный случай, когда углубление для погребения было не горизонтальным, а вертикальным, причем св. Иоанн явно ориентировался на ту глубину яму, в которой провел закопанным по плечи весь Великий пост. Она послужила прообразом его могилы. В таком виде его нетленные мощи сохранились до XIX ст., когда были положены в раку.

Среди записей св. Петра Могилы о чудесах, которые происходили в Печерской обители в нач. XVII ст., находится рассказ о попытке в 1629 г. осквернить мощи святого, осуществленной латинянином Лементовским. «Рассказал нам один из благородных, названный Ян Пиглавский, — пишет Петр Могила. — Он латинской веры. Пришел он со свитой своей в Печерский монастырь, ибо хотел увидеть пещеры и святыя мощи, много слыша о них преславного. «Когда мы вошли в пещеру святого Антония, осматривая святыя мощи, удивился я премудрым Божиим подвижникам и вышел, — говорил Ян. — По дороге в город один юноша, слуга Яна Мольского, Лементовский, вельми разболелся, так что еле мы смогли донести его до города. Болезнь охватила все его тело, особенно шею и плечи, как будто от растяжения жил и поражения костей.

...Мы же тогда поняли, что зло это произошло с ним из-за надругательства над святыми мощами... Он же, окаянный, начал рассказывать о своем злодеянии, которое совершил в пещере: «Все, что нам говорили иноки, я воспринимал как басни и относился к святым как к простым мертвецам. А когда вышел, увидел одного святого, которого зовут Иоанном Многострадальным, и помыслил: не потерплю этих русских басен, но обличу их фальшивые повести. И захотел оторвать ему голову, чтобы спрятать и надругаться. Вельми силясь, я не смог ничего сделать и ушел, оставив его целым, как и раньше. С тех пор эта лютая болезнь охватила мои плечи и шею».

Мы, слыша это, ужаснулись, ибо поняли причину его недуга: «Согрешил ты, окаянный, надругавшись над мощами блаженного, но кайся о своем злодействе и моли Бога, чтобы молитвами сего святого ты избавился от беды». Он тогда начал сильно вопить со слезами: «Согрешил я, Господи, согрешил, окаянный, совершив святотатство и дерзнув учинить зло мощам святого Иоанна Многострадального. Но каюсь, Господи, и признаю, что почивающие своими мощами в пещере есть истинно Твои угодники. Тебя же, о многострадальный, блаженный Иоанне, исповедую святым угодником Божиим и буду исповедовать, пока в теле живу. Молись за меня Богу, пред Которым ты ныне предстоишь, да избавит Он меня от лютой болезни сей, чтобы всем я мог проповедовать: «Истинна вера русская, которую я хулил, и истинных святых имеет. Прославляю веру русскую и почитаю вас, угодники Божии, и святыя мощи ваши!»

После этих слов он сразу исцелился. Встав, он немедленно пошел в пещеру, возблагодарил Бога и святых Его и много молился перед мощами. Мы же, видя это предивное и страшное чудо, пришли в трепет и прославили дивного во святых Своих Бога» (Петро Могила. Київські чуда // Жуковский А. Петро Могила й питання єдності церков. К, 1997, с. 258-259).

138. Патерик. С. 142-149. Митрополит Макарий считает, что Моисея постриг инок-афонец (История русской Церкви. Кн. 2, с. 113, 151). Однако Патерик не уточняет, о какой Святой Горе идет речь: «В ты же дньи прійде некто мних от Святыя Горы» (Патерик. С. 146). Волынские краеведы считают, что разговор идет о Святой Горе близ с. Зимно, где скончался преп. Варлаам (Святогорський Свято-Успенський Зимненський жіночий монастир. 1000 р. К., 2001). Действительно, волынская Святая Гора находится всего в десятке верст от Польши, в отличие от Афона.

По предположению А.А.Шахматова, повести про Иоанна Многострадального и Моисея Утрина были составлены в первую очередь (ЖМНП. 1898, № 3, с. 124). Кроме Георгия, преп. Моисей имел еще одного брата — преп. Ефрема Утрина, основателя Новоторжского Борисоглебского монастыря († 1053). Моисей попал в плен в 1019 г., после захвата Киева польским королем Болеславом, союзником Святополка Окаянного в борьбе с Ярославом Мудрым. Умер Болеслав в 1025 г. Т. обр., Патерик хронологически безупречно подает факты из жизни Моисея, который с 1019 по 1024 г. был в плену, а шестой год неволи провел в рабстве у ляхской боярыни. В 1025 г. она была убита восставшими слугами, и преподобный возвратился на Русь. Согласно Кассиановской редакции 1462 г., он пришел к преп. Антонию Печерскому в 1031 г. и жил в пещерной обители еще около десяти лет. Однако «инок не мог быть его учеником, поскольку сама печерская община возникает лишь в начале 1050-х гг. Утрина, скорее всего, следует считать первым насельником еще не заселенных Варяжских подземелий, до появления там пресвитера Илариона и преп. Антония» (Дива печер лаврських. С. 59). Согласиться с этим мнением нам позволяет факт полной безвестности Моисея среди поколения иноков конца XI — начала XII в., когда были еще живы некоторые современники преп. Антония, передававшие из уст в уста предания о первоначальниках и первоподвижниках печерских. Иоанн же, избрав местом проживания Антониевы пещеры, ничего не знал о таком великом угоднике Божиим, как Моисей, «иже более Иосифа сотвори» (Патерик. С. 141). Личность Моисея, т. обр., еще при жизни преп. Антония стала полуполюгендарной.

«Упоминание в предыдущем слове преп. Моисея заставило Поликарпа нарушить хронологический порядок своего рассказа (заимствованный из его основного первоисточника — авторской редакции «Повести временных лет») и подать информацию об этом святом, взятую, вероятно, из жития преп. Антония» (Патерик Киево-Печерський. С. 258, прим. 1 к Слову 30). «Из какой бы мы даты возвращения преп. Моисея не исходили, это произошло до действительного основания Печерского монастыря. Т. обр., преп. Моисей должен был еще где-то прожить несколько десятилетий — аж до 50-х гг. XI ст. Возможно, он поселился в каком-либо из монастырей Верхнего Киева или у своего брата Ефрема в Новоторжском монастыре, откуда вернулся в столицу после смерти последнего в 1053 г. Тогда он, согласно житию, прожив в Печерском монастыре 10 лет, умер здесь ок. 1063 г., т. е. еще при жизни преп. Антония» (Там же. С. 261). Однако исследование мощей преп. Моисея,

показавшее, что он умер еще молодым — в 30-40 лет, опровергает эту версию. Столь недолгий век инока был, очевидно, обусловлен плохим состоянием его здоровья из-за ран, полученных им в плену. Согласно житию, он в обители ходил с посохом: «Имеа жезль в руце своей, бе бо не могый ходити от... рань» (Патерик. С. 148). Рост его, согласно исследованиям (Дива... С. 92), был 1,73 м, что согласуется с житием, которое описывает его как статного и видного юношу. По кр. мере, ростом он был выше многих печерян. «Дива» пишут: «...в трех случаях можно говорить об абсолютном совпадении физических реалий: мощи преп. Моисея Угрина и Нестора Летописца отвечают агиографическим данным по своему возрасту, а преп. Никона Сухого — по болезненному поражению нижних конечностей» (Дива... С. 87).

Иконописный подлинник так описывает преп. Моисея: «Подобием бел, лицом чист, власы рус, брада невелика, аки Златоустаго, руса, на главе клобук черный, в руке четки, ризы преподобническия» (Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века. Издание общества древнерусского искусства под ред. Г.Д.Филимонова. С. 399, 26 июля).

Вернемся к политическим событиям 1015-1019 гг. Убийца св. Бориса и Глеба Святополк Окаянный был зятем польского князя (при конце жизни — короля) Болеслава Храброго, сына польского князя Мечислава (Мешка) I и внука польского князя Земомысла. См. «Повесть временных лет» под 6525 (1018) годом: «Болеслав бежал из Киева, захватив имущество и бояр Ярославых, и двух сестер его, Предиславу и Премиславу» (Літопис руський. С. 83. Случилось это зимой 1018-1019 гг.). О смерти Болеслава читаем в «Повести временных лет» (по Ипатьевскому списку) под 6538 (1030) годом: «В это время умер Болеслав Великий в Ляхах, и был мятеж большой в Ляхской земле, и восставше, люди убили... бояр своих, и был бунт у них» (Літопис руський. С. 87). Митрополит Макарий пишет: «В некоторых рукописных Патериках и в печатном сказано о Моисее Угрине: «Скончася о Господе... пребыв в монастыре лет 10, а в пленении страдав в узах 5 лет, 6-е же лето за чистоту». Но если Моисей Угрин был пленен в 1018 г. и оставался в Польше до смерти Болеслава — в 1030 г., как гласят и сами эти списки жития, то надобно полагать не шесть, а одиннадцать лет его пребывания в Польше. Посему справедливо следующее чтение Патерика... Арсениевской редакции: «Пребыв 10 лет в монастыре, 5 лет в плене страдав окован, 6 лет за чистоту страдав...» Так же сказано и в печатном Прологе (июля 26)» (Макарий (Булгаков). Указ. соч., кн. 2, с. 466, прим. 86). «Но, без сомнения, он не мог прийти в пещеру преподобного Антония прежде 1054 г. ...и не мог скончаться здесь в 1041 г., как показано в печатном Печерском Патерике» (Там же. С. 151).

Однако смерть Болеслава Храброго произошла 17 июня 1025 г. (о чем не знали древнерусские хронографы). После этого началась продолжительная борьба за королевский престол. Летописец ошибся, связав польское восстание, вспыхнувшее после кончины Болеслава, с более поздними бунтами в ляхской земле, которые постоянно происходили при его незадачливом преемнике Мечиславе II. Т. обр., вопрос о времени возвращения преп. Моисея в Киев до сих пор остается в плоскости дискуссий. А.А.Шахматов считает, что преп. Моисей мог вернуться на Русь в числе восьмиста пленных, полученных Ярославом в качестве отпусного (вена) за сестру свою, отданную замуж за польского короля Казимира. Летопись под 1043 г. пишет: «В се же время отдал Ярослав сестру свою Добронегу-Марию за Казимира, князя ляхского. И дал Казимир, вместо вена, людей восемьсот, которые пленены были Болеславом...» (Літопис руський. С. 94). Однако случилось это на самом деле осенью 1039 г. (См. там же). А.А.Шахматов считает, что брак этот состоялся в 1041 г. (Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 280). Во всяком случае, исследования подтверждают, что преп. Моисей был один из первых насельников лавры еще до возникновения в ней организованной монашеской кинонии.

139. Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. С. 16.

140. Патерик. С. 149-155. «По свидетельству Густинской летописи, Прохор Лободник умер в 1107 г.; ...а митр. Евгений откуда-то взял известие, что Прохор преставился 10 февраля 1103 г. По мысли А.Шахматова, предание (которым руководствовался Евгений) смешало дни смерти Пимена Многоболезненного (умер, по преданию, 7 августа, «в кое и служба ему поется с полиелеем») и Прохора Лободника (умер, по преданию, 10 февраля)» (Патерик. С. 224, прим. 162). Дату смерти преп. Прохора исследователи вычисляют по походу Святополка Изяславича против половцев в 1107 г. Летопись пишет: «В том же году пришел Боняк... и других князей много, и стали они возле г. Лубны. Святополк же Изяславич и Владимир Всеволодович и Олег Святославич и сын его Святослав, Мстислав Всеволодович, Вячеслав и Ярополк Владимировичи пошли на половцев в Лубны, в 6 часу дня перебрали через Сулу и кликнули на битву. Половцы же пришли в ужас и от страха не смогли даже стяг поставить, и побежали, хватая коней, а другие пешими побежали. Наши же стали сечь их, иных же руками хватать, и гнали их до реки Хорола... Оставили они и обоз свой, и взяли его русские вои месяца августа в 12 день и вернулись к себе с победой великой» (Літопис руський. С. 161-162).

Т. обр., победа эта произошла как раз накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы. Летопись пишет далее: «Святополк тогда пришел на заутреню в Печерский монастырь на Успение Пресвятой Богородицы, а братия приветствовала его с радостью великой» (Там же. С. 162). Князь без отдыха проделал неблизкий путь в Киев буквально за сутки с небольшим, чтобы успеть попасть на праздничную заутреню 14 августа, на Успение, и воздать благодарение Господу и Его Пречистой Матери. В победе русичей над половцами накануне Успения, столь чтимого на Руси праздника, нельзя не видеть промысла Божия и помощи Царицы Небесной. Однако не только поэтому Святополк прибыл на заутреню в Печерский монастырь, с которым раньше сильно конфликтовал. Густинская летопись дополняет эту статью «Повести временных лет» новыми фактами: «...и пошел на половцев. И се преподобный Прохор прислал к Святополку, оповещая его о скором преставлении своем и приглашая к себе, чтобы пришел и выполнил свой обет о погребении тела в пещере. Святополк же, немедленно оставив своих, вернулся в Печерский монастырь, где преподобный Прохор научил его бояться Бога и быть милостивым к людям, и благословил его, и обещал ему победу над агарянами, и тако преставился о Господе. Святополк же, по обещанию своему, сам понес в пещеру тело преподобного Прохора и похоронил его с честью, и вернулся к своим войм в лагерь...» (Густинская летопись // ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 287-288). Победа над половцами в 1107 г. была решающей. Она вместе с весенним походом русских князей 1103 г. окончательно подорвала могущество степных захватчиков, избавив Русь от перманентной военной опасности. К сожалению, «Повесть временных лет», претерпевшая множество правок, не сохранила свидетельств о духовничестве преп. Прохора над Святополком Изяславичем. А.А.Шахматов пишет: «Нельзя не признавать, что рассказ Поликарпа цельнее, чем сообщение «Повести временных лет»: прилежание Святополка к Печерскому монастырю поставлено в причинную связь с благословением Прохора, даровавшим Святополку победу; в «Повести временных лет» остается невыясненным, почему Святополк после победы у Лубен посетил Печерскую обитель, почему братия могла приписать эту победу именно молитвам св. обители и почему именно в этом случае летописец говорит об обычном прилежании Святополка к Печерскому монастырю» (Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1 // Летопись занятий археографической комиссии за 1916 год. Пг., 1917, вып. 29, с. 49).

Результатом примирения между Печерской обителью и князем стало два чрезвычайно важных события: присвоение монастырю звания архимандрии и канонизация преп. Феодосия в 1108 г. «Из-за... митрополии дело канонизации преп. Феодосия, на которую рассчитывали как преп. Никон, санкционируя написание Нестором жития святого, так и Иоанн,

организовывая обретение и перенесение мощей, не сдвинулось с места вплоть до 1108 г. Великий князь Святополк, который стал на тот момент большим благожелателем монастыря, решил этот вопрос волевым путем» (Патерик Киево-Печерский. С. 240, прим. 9).

Свидетельством духовного перерождения князя и его покаяния перед Печерской обителью становится закладка в том же 1108 г. нового храма в монастыре св. Димитрия Солунского, который мы можем смело назвать своеобразным подворьем Печерской лавры. Закладка его состоялась «месяца июля в одиннадцатый день» (Літопис руський. С. 162). В Никоновской летописи под 1109 г. помещено сообщение о небесном знамении над Михайловской церковью — явлении чудесной птицы (ПСРЛ. М., 1965, т. 9, с. 141). Однако храма как такового еще не было, разве что начали выводить его стены. Вспомним, что освящение церкви состоялось в 1114 г. (Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. К., 1997, с. 22). Исследователи считают, что возникновение этой записи связано с другим знамением — явлением огненного столпа над Печерской обителью (Там же). По крайней мере, связь между закладкой Святополком церкви, смертью преп. Прохора, победным походом на половцев и резкой переменой отношения князя к Печерскому монастырю очевидна. 1108 г. стал особым годом для Печерской обители. Летопись под сообщением о закладке собора св. Михаила, как бы продолжая предположение, пишет: «И закончили трапезу Печерского монастыря при Феоктисте-игумене...» Сразу же после этого идет известие о канонизации преп. Феодосия: «В се же лето вложил Бог в сердце архимандриту, игумену Печерскому Феоктисту доброе намерение: стал побуждать Феоктист Святополка князя вписать Феодосия в синодик. Поскольку Бог так велел, то Святополк был рад и обещал сделать это. Итак, зная житие его, стал Святополк возвещать о житии Феодосия и велел его вписать в синодик, что и сделал митрополит» (Літопис руський. С. 162).

Но откуда Святополк, доселе враждовавший с обителью, мог знать житие преп. Феодосия? Вероятно, от своего духовного отца Прохора. Очевидно, сам Прохор перед смертью просил князя о канонизации аввы. В связи с этим мы можем предположить, что назначение Феоктиста на настоятельство также могло произойти по протекции старца Прохора, как и возведение его в ранг архимандрита, что имело чрезвычайно важные последствия для Печерского монастыря. Именно об этом мог просить своего духовного сына князь Святополка преподобный Прохор Лебедник во время предсмертной с ним беседы. Вышесказанное может служить основанием для более точной датировки поставления Феоктиста на настоятельство. Это был не 1103 г. (Евгеній (Болховітінов), митрополит. Вибрані праці з історії Києва. С. 342; Патерик Киево-Печерський. С. 286), а 1108 г., согласно данным рукописного списка № 93 Киево-Печерского Патерика из церковно-археологического музея Киевской духовной академии (О игуменах Печерских отъ начала бывшихъ // Патерик. С. 210-211).

141. Патерик. С. 155-161. «Киево-Печерский монастырь в древнерусский период был чрезвычайно большим. Сотня насельников, собранная преп. Феодосием, могла считаться огромной не только для Руси, но и для Греции. Это стало причиной дальнейшего развития пещер как подземного кладбища, создания все новых, уже не жилых, а погребальных, приделов. Печерский Патерик донес до нашего времени рассказ о преп. Марке Пещернике, главным занятием которого было погребение братии. Как считают исследователи, в авторской редакции «Повести временных лет» именно он упомянут как помощник преп. Нестора во время поисков мощей преп. Феодосия. На эту мысль наводит фраза, приведенная в Патерике: «При сем изнесенъ бысть святыи отецъ нашъ Феодосіе от пещеры въ святую и великую церковь». Значит, вероятно, в «Повести временных лет» было указано имя преп. Марка и помещена была информация о нем, приведенная позднее преп. Поликарпом в своем послании» (Дива... С. 16).

«Антропометрические исследования позволили установить, что иноки, погребенные в Ближних пещерах, были преимущественно среднего и высокого роста, имели правильное строение и, как обычно, крепкое телосложение. Особенно привлекает к себе внимание развитие определенных групп мышц в зависимости от разновидностей занятий. Так, у преп. Марка Пещерника прекрасно развиты мышцы верхних и нижних конечностей...» (Там же. С. 90).

«Мы не знаем, в каких пещерах трудился св. Марк, поскольку в его житии это не указано. И в Ближних, и Дальних пещерах существует определенная часть ходов, выкопанных в древнерусское время, которые имеют очень много, в сравнении с другими, погребальных ниш — локул. Эти части пещеры выкопаны специально под подземное кладбище. В Ближних пещерах такой частью является основной пещерный коридор от мощей св. Меркурия и, как минимум, до придела бесноватых. В Дальних — ходы за храмом Благовещения» (Патерик Киево-Печерський. С. 264, прим. 4).

«Образ погребения был простым. Для умершего копали небольшую по размерам погребальную нишу (длиной ок. 2 м, шириной 0,5 м, высотой 0,5 м). Тело усопшего клали на доску, засовывали в нишу и закрывали деревянным шитом, а в более поздние времена замуровывали кирпичом. Такие своеобразные ниши-могилы располагались в два, а иногда в три ряда в стенах пещерных коридоров. Для погребений использовались изредка и келии-крипты — помещения гораздо больших размеров (длиной 4,3-5 м, шириной 1,5-2 м, высотой 1,35-1,5 м)» (Скарби Києво-Печерської лаври. С. 64).

Орудием труда у Марка была «рогалия», род мотыги — «специфический, вероятно, железный инструмент с острым концом. Использовался для копания пещер и позволял прокапывать очень узкие ходы. Продолговатые следы этого инструмента, который исчез где-то в XVII ст., можно увидеть на стенах и в наши дни» (Дива... С. 24, прим. 45). Татищев пишет: «Рогалия есть снасть такая, которая... в древности имела рог, насажен на палку, и оную вместо заступа употребляли к копанию земли» (Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен... Кн. 2, с. 441, прим. 302). Сравн. с польским: рогаль, рогалика. В Никоновском летописном списке вместо «рогалия» стоит «рогаль» (Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 3, ч. 1, с. 127). Нестор несколько раз упоминает об этом инструменте в слове на перенесение мощей преп. Феодосия. Так, готовясь к извлечению из земли святых мощей, он «пристроих въ семь дній рогалиа, им же копати». Рассказ летописца помогает нам воочию увидеть картину тяжелого труда гробокопателя, тем более, что в паре с Нестором работал сам Марк Пещерник. «Бяше же день вторникъ; въ вечеръ глубокоъ поясъ* съ собою два мниха, чюдна мужа в добродетелех...» — пишет Нестор. Чудотворения Марка уже тогда снискали ему, как видим, славу мужа, «чюдна» в иноческих подвигах. Перед началом работы гробокопатель обязательно читал молитву, как читали ее и на других монастырских послушаниях: «Приидохом въ пещеру, молитвы и моленія сотворше с поклоніем и псаломское пеніе певше, тажде прияхомся делу... Азь же възях рогалиа, начах прилежно копати» (Патерик. С. 80).

Чрезвычайно интересны древние граффити на стенах Антониевых пещер, найденные советскими исследователями на участке Нестора. «Он имеет сложную конфигурацию, состоит из нескольких прекрасно сохранившихся древнерусских келий. Все стены этого участка покрыты граффити — выцарапанными и вырезанными острым предметом надписями... Они стали настоящим открытием. Среди них есть надписи на старославянском, польском, армянском языках. Первые же исследования специалистов, в частн. доктора исторических наук С.Высоцкого, определили одну уникальную. Это граффити 1150 года. Аккуратно вырезанные в песчаные буквы, заполненные охрой, можно сравнить лишь с шедеврами, созданными выдающимися каллиграфами. Без сомнения, это был мастер своего дела. Он в совершенстве владел техникой уставного письма. Характер надписи, ее размеры, чистота исполнения свидетельствуют, что перед нами чудом уцелевшая объяс-

* Взят.

нительная запись начала XII ст.: «В лето 6658 ископахом место се на положение тела...» (Скарби Києво-Печерської лаври. С. 66). Как видим, печерские гробокопатели были высокоинтеллектуальными, книжными людьми, пользовавшимися заслуженным авторитетом.

142. Крест преп. Марка имеет размеры 235x165 мм. С XVIII ст. хранился в ризнице Успенского собора. О чуде 1621 г. пишет Петр Могила. «Лета 1621 князь Павел Курцевич пришел в Печерский монастырь, чтобы проведать мать свою, которая иночествовала в женском монастыре. Он был вельми болен глазным недугом. От болезни князь не только был почти слеп, но и еле мог двигаться. Братия святой обители, увидев, что он так страдает, сжалились над ним, особенно наместник о. Киприан. «Пан Курцевич! — сказали они ему. — Эта лавра чудотворная, и многие, с верой приходящие сюда, получают исцеления молитвами преподобных отцов наших Антония и Феодосия. И ты, хоть и принадлежишь не к нашей православной, а к латинской вере, попроси иерея, чтобы завтра совершил в пещере преподобного Антония Божественную службу. После литургии омой с верой глаза освященной водой от креста святого Марка Пещерника, лежавшего на раке его мошей, который многих силой Христовой исцеляет, и выздоровеешь». Когда он это услышал, то с радостью упросил о. Киприана совершить в пещере Божественную службу, а утром с благоговением отстоял святую литургию. Затем, помолвившись Богу и попросив помощи у святого Марка, омыл глаза свои освященной водой из Маркового креста и, приложившись к святым мощам, ушел. И сразу, в это же самое время, исчезла болезнь его, но видеть он еще не мог. Сев в свою карету, он поехал в Киев и, когда поднимался на гору, называемую Вздыхальница, снял повязку с глаз, ибо испытывал боль от света. Тут же прозрел он... и с тех пор зрение вернулось к нему и он стал здоровым. Тогда прославил он Бога и возблагодарил святого Марка Пещерника, молитвами которого получил исцеление» (Петро Могила. Київські чуда // Жуковський А. Петро Могила й питання єдності церков. С. 262).

Иконописное изображение преп. Марка соответствует его внешней «убогости» и простоте: «Сед, брада Феодосиева, на главе клобук черн, руки молебны...» (БАН. Строгановское собр., № 66, л. 319, «левые страны», 54-й); «Ризы преподобническиа, на плечах клобук и бос» (РНБ. Собр. Погодина, № 1931, л. 86, 29 декабря).

143. Евдоким, архимандрит. Иноки на службе ближним // Богословский вестник. 1902, декабрь, с. 577. Об изречении св. Иоанна Синайского см.: Абрамович Д. Исследование о Киево-Печерском Патерике. С. 182; Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. С.-Пб., 1995, с. 141.

144. Патерик. С. 161-171. На иконописных подлинниках преподобномученики изображаются вместе. У св. Василия «в правой руке стрела, другая простерта» (РНБ. Собр. Погодина, № 1931, л. 202 об., 11 августа). Кончина святых произошла в 1098 или 1099 г. Судить об этом можно по данным летописи. Ориентиром для историков служит запись в «Повести временных лет» под 1099 г. о смерти Мстислава. Лаврентьевская летопись пишет: «Пошел Святополк на Давида Игоревича в город Владимир и прогнал Давида в Ляхи. В этот же год убит был Мстислав, сын Святополков, во Владимире, месяца июня в двенадцатый день» (Літопис руський. С. 154). Густинская летопись пишет об этом событии под 1097 г.: «Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который недавно замучил за сокровища Василия и Феодора... Давид же Игоревич обступил град и... хотел его взять, но из города сильно оборонялись. В этой же битве застрелен был Мстислав Святополкович стрелой под сердце на забралах, где немедленно и умер, по пророчеству преподобномученика Василия Печерского, которого вместе с Феодором убил сей Мстислав» (Густинская летопись // ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 284). Однако митрополит Макарий датирует их смерть 1093 г. (История Русской Церкви. Кн. 2, с. 170). Это тем более странно, если учесть, что в житии упоминается о крупном пожаре в «Ветхом» монастыре. Вероятно, здесь имеется в виду разорение обители половецкими ордами хана Боняка в 1096 г. Т. обр., временные рамки переселения Феодора в «Ветхий» монастырь и его смерти от рук князя Мстислава четко вписываются в период с 1097 по 1098 г.

О ранах мученика говорит экспертиза его мошей, хранящих следы перелома большой и малой берцовых костей (Дива... С. 89).

Что касается Варяжской пещеры, то исследователи затрудняются достоверно определить ее первичные параметры. «Мешает этому археологическая неизученность и плохая сохранность этого памятника. Впрочем, габариты келий и галерей Варяжской пещеры указывают на переделки более поздних времен... Сейчас в Варяжской пещере сохранилось несколько келий и... погребений. Мощи преп. Феодора и Василия еще перед 1638 г. были перенесены в Ближние пещеры» (Дива... С. 105). «Во время археологических исследований 1986-1988 гг. в Варяжской пещере было обнаружено большое количество граффити. Некоторые из них датируются древнерусским периодом, но от них, к сожалению, сохранились лишь отдельные буквы. Особый интерес вызывает одна из поздних надписей, которая хорошо читается... В 1605 или 1617 г. (дата повреждена) автор надписи — иеродиакон Петр, узнав от некоего Артема «кашевара» о легендарном Варяжском кладе, самостоятельно провел в пещере раскопки, но ничего не нашел» (Там же. С. 105-106, прим. 32).

Историк Киева Н.Закревский писал о Варяжских пещерах, что в его время (1860-е гг.) они были в плохом состоянии и во многих местах обвалились, так что лаврское начальство начало рассматривать вопрос об их укреплении каменными контрфорсами (Закревский Н.В. Описание Киева. М., 1868, т. 1, с. 207-208. См. также: Петров Н.И. Историко-топографические очерки древнего Киева. К., 1897, с. 52). Некоторые исследователи считают, что в древности Варяжская пещера была не складом разбойников-варягов и не хранилищем для варяжского гарнизона, стоявшего в Берестове, а своеобразными катакомбами первых киевских варягов-христиан (Иконников В.С. Опыт русской историографии. 1908, т. 2, кн. 1, с. 139). Так, уже в 945 г. «мнози... беша Варязи Хрестеяни» (ПВЛ. Т. 1, с. 39). «Поэтому не исключено, что варяжская дружина, имея свою резиденцию при княжеском дворе в Берестове, имела тут и свою церковь, среди клира которой могли найтись подвижники, которые, как позднее Иларион, искали уединения для молитв. Иокимовская летопись рассказывает, что Святослав, потерпев в 971 г. поражение от греков на Дунае, «наипаче на презвитеры яряряся, якобы тии чарованием неким людей отвращают и в вере их утверждают, посла в Киев, повеле храмы христиан разорити и сожести». В связи с этими репрессиями против христиан, вероятно, запустела и Варяжская пещера» (Дива... С. 102; Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 111).

Действительно, среди первых киевских христиан были представители варяжской диаспоры. Так, русско-греческий мирный договор 945 г. был скреплен присягой, в которой со стороны Киева участвовали варяги-христиане: «И присягнул Игорь, и мужи его, сколько было язычников-русов. А христиан-русов водили присягать в церковь св. Илии... ибо это была соборная церковь, а много варягов и хозар были христианами» (Літопис руський. С. 30). Вспомним также о киевских первомучениках-варягах Феодоре и Иоанне, пострадавших в 983 г. Однако они принадлежали не к латинскому, а к православному обряду, посещая православный «соборный» Свято-Ильинский храм на Подоле. Клад же в Берестове содержал латинские сосуды. Если эти сосуды действительно были богослужебными, то напрашивается вывод, что в среде киевских варягов-латинян, служивших при дворе русского князя (а к таковым первоначально принадлежал и Шимон), существовала католическая община. Она могла быть походной, ибо в пределах Руси тогда не было латинских храмов. Впрочем, гипотеза

эта весьма спорна, ибо варяги, жившие в Русской земле, придерживались греческих обрядов. «Не к латинско-немецкому Западу, а к православно-византийскому Востоку обращалась Древняя Русь. К этому источнику обращались и представители западных народов, в частности варяги, бывавшие в Константинополе или служившие в дружине киевского князя» (Оксиук И.Ф. Первые столетия христианства на Руси и латинский Запад // БТ. № 28, с. 199. См.: Макарий (Булгаков), митрополит. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю Русской Церкви. С.-Пб., 1868; Фортинский Ф.Я. Крещение князя Владимира на Руси по западным известиям // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1888, кн. 2, отд. II; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980).

«Тератургима» описывает чудо от мощей преподобного Феодора, называя его дважды мучеником. Вот как рассказывает об этом чуде святитель Петр Могила: «В лето 1606... когда Димитрий-расстрига с ляхами пошел на Московское царство, один цирюльник, немец родом, пришел с множеством других воинов в Печерский монастырь и, зайдя в пещеру св. Антония, чтобы посмотреть на мощи, одному из святых тайно отрезал ногу от тела. Спрятав ее под одеждой, он пошел с ней в город и поместил ее в своем жилище на полке.

Когда пришла ночь и все легли спать, вдруг от этой полки засиял яркий свет. Хозяйка, проснувшись и подумав, что в доме пожар, начала от страха громко кричать: «Вставайте, горим!» Хозяин с домочадцами вскочили и, видя строение полным света, выбежали во двор, дабы посмотреть, откуда пылает огонь. С ними вышел и постоялец-хирург. Но, ничего не найдя, все вернулись в дом и легли спать, думая, что видели какое-то привидение. Перед полночью один из них проснулся и, также увидев свет, закричал, подобно хозяйке. Снова вскочив, все лицемерили этот свет, но, выйдя из дома для осмотра, опять ничего не увидели. Охваченные страхом и ужасом, они дивились видению. Когда начали в третий раз укладываться спать, от полки полились целые молнии света. Весьма уstraшенные, они подошли ближе и, увидев сухую ногу, отторгнутую от тела, еще более ужаснулись. С обретением ноги свет прекратился. Немедленно начали искать, кто бы мог принести ее. Хирург в страхе упал перед ними, говоря: «Я есть тот, кто согрешил пред Господом Богом, потому и случилось это откровение». И начал исповедоваться, как в пещере одному из святых оторвал ногу, творя надругательство и не веря в их святость. Сделал же сие для того, чтобы показывать ее другим и глумиться над русскими святыми.

Хозяин с женой и всеми домочадцами с великой честью взяли святые мощи, положили на постеленный в трапезе убрus и зажгли свечу. Когда наступил день, возвестили обо всем старейшин города. Они же, приняв под клятвой свидетельства хозяина дома и хирурга, взяли честные мощи и с честью понесли их в Печерский монастырь. Архимандритом тогда был Елисей Плетенецкий. Он с клиросом и всеми иноками вышел к ним навстречу и, взяв святые мощи, отнес их со свечами и кадилами в пещеру, где и положил их, привязав к святому телу, от которого они были отторгнуты, благодаря и слава Бога за предивное чудо, прославляющее печерских угодников» (Петро Могила. Київські чуда // Жуковський В. Петро Могила й питання єдності церков. С. 272).

145. Патерик. С. 171. Смерть преп. Никодима упомянута в древних источниках ок. 1139 г. (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 170). В выпечении просфор он подвизался 30 лет (Указатель святыни Киева. КПЛ, 1898, с. 90). Подтверждением столь долгого пребывания его на этом трудном послушании может служить экспертиза мощей. «Проведенные исследования позволили установить, что много печерских монахов болело ревматическими (артроз, артрит, напр.) заболеваниями... Так, у преп. Никодима просфорника замечено искривление спинных ребер, т. е. при жизни он был сутулым» (Дива... С. 90).

Знаменательно, что на одном из иконописных подлинников печерские просфорники изображаются схимниками: «Спиридон сед, Никодим надсед*, риза на обоих преподобническа, в клобуках черных и в схимах» (РНБ. Собр. Погодина, № 1931, л. 56, 31 октября).

146. Указатель святыни Киева. С. 97; О крестном знамении. Одесса, 1909, с. 11. «Не можем не заметить, что в то время у нас православные изображали на себе крестное знамение тремя перстами и пастыри Церкви крестообразно благословляли православных перстосложением именованным. Доказательством первой мысли служат мощи некоторых угодников Киево-Печерских, подвизавшихся в XI и в 1-й половине XII в. Правые руки преподобных Илии Муромца и Иосифа Многоболезненного имеют три первые перста соединенными, хотя неравно, а два последние, безымянный и мизинец, пригнутыми к ладони. У руки преподобного Спиридона три первые перста сложены совершенно ровно, а два последние пригнуты. Подобное же перстосложение представляют руки преподобного Алипия иконописца и Пимена Многоболезненного. Очевидно, что все эти угодники скончались с тем самым перстосложением, каким они хотели ознаменовать себя в минуту смерти» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 237-238; Обличение неправды раскольнической. М., 1745, л. 20-21; Филарет (Дроздов), митрополит. Беседы к глаголемому старообрядцу. М., 1835, с. 120; Филарет (Гумилевский), архиепископ. История Русской Церкви. М., 1850-1851, кн. 1, прим. 254).

147. Аверинцев С. Красота изначальная // Наше наследие. 1988, № 4, с. 26.

148. Патерик. С. 177. По мысли А.Шахматова, рассказ о Спиридоне и Алипии был изложен отдельно от других рассказов Поликарпа (ЖМНП. 1898, № 3, с. 124, прим.).

149. Патерик. С. 179-184. Проф. Л.К.Гетц полемизирует с акад. А.А.Шахматовым по поводу идентичности Пимена Многоболезненного и Пимена Постника, а также относительно времени смерти Пимена и Кукши. Шахматов относит это событие к 1110 г., а Гетц — к 1141.

Летопись пишет под 6618 (1110) годом о явлении не трех столпов, а одного (Летопись руський. С. 164). В «Повести временных лет» это событие приводится под 11.02.1111 г. Макарий (Булгаков) датирует смерть Пимена Многоболезненного 1139 г. (История Русской Церкви. Кн. 2, с. 170).

Исследования мощей преп. Пимена доказывают правдивость повести Поликарпа. «Преп. Пимен Многоболезненный имеет явственные дегенеративно-дистрофические изменения хребта. Разница аминокислотных показателей, изученных для определения древности погребения (в общей сумме аминокислот заключается большее процентное содержание аммиака, чем у других мощей), наталкивает на мысль, что их причиной является тяжелое прижизненное функциональное заболевание» (Дива... С. 89).

Иконописные подлинники (Сводный подлинник Филимонова 1847 г., с. 411, 7 августа; Строгановское собрание БАН. № 66, л. 312, «права страна», 24-й) изображают преп. Пимена Многоболезненного схимником: «...подобием сед, брада аки Николина, на главе куколь, сиречь схима».

150. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 379. «Большая опора Поликарпа на исторические и литературные источники, конечно, определялась не столько незаурядностью таланта агиографа, сколько иными

* Т. е. начинающий сидеть. Этим подчеркивается, что ученик св. Спиридона был моложе его годами.

принципами работы, условиями творчества второго «списателя» Печерского Патерика... Если задача Симона сводилась к литературной обработке монастырского эпоса в духе переводной патериковой традиции, то Поликарп стремился не просто передать устные рассказы учителя о печерских святых, но и согласовать их с летописными известиями по истории монастыря, а подчас основательно противопоставить официальной точке зрения летописца версию местного предания... Три отсылки к «Летописцу» содержатся в «словах» о Моисее Угрине, об Агапите и Пимене, причем в последнем случае у Поликарпа речь идет о трех столпах над церковью во время смерти святого, тогда как в Повести временных лет под 1110 г. упоминается о явлении лишь одного столпа над гробом Феодосия, игумена печерского, в церкви. Это расхождение можно объяснить либо тем, что Поликарп пользовался текстом летописи, отличным от известного, либо тем, и это вероятнее всего, что автор воспользовался монастырским преданием, где и «три столпа» должны были подчеркнуть особую святость печерского подвижника. Активность жизненной позиции Поликарпа, стремление не к простой регистрации событий агиографической истории монастыря, а к творческому переосмыслению их под углом зрения общей направленности патериковского свода, идейной и художественной, привели к острому социально-политическому звучанию многих его «слов» (Ольшевская Л.А. Поликарп // Словарь книжников. Вып. 1, с. 371-372).

Т.Копреева, видя взаимосвязь создателей Патерика Симона и Поликарпа «с теми церковно-политическими и социальными проблемами, которые волновали русское общество в первой четверти XIII в.», называет Поликарпа «церковным и социальным реформатором» (Копреева Т.Н. Инок Поликарп — забытый писатель-публицист Киевской Руси // Духовная культура славянских народов. Л., 1983, с. 72-73). Действительно, если епископ Симон выводит на своих страницах идеальный образ князя-народника, «надёжу» Руси, то Поликарп, не связанный узами вассальных отношений с княжеским миром, в резкой форме обличает нечестие князей Святополка Изяславича, Мстислава Святополковича, Ростислава Всеволодовича и других власть имущих — Болеслава, польской боярыни и т. д. Вместе с тем Поликарп лишен социальной бескомпромиссности, объективно оценивая деятельность благочестивых князей, напр., Владимира Мономаха. Позитивно оценивает он и нравственную перемену в душе прежнего обидчика обездоленных — князя Святополка, видя в этом благое воздействие Печерской обители.

Неровность моральных критериев в облике самого автора, самообличение придавало труду агиографа неординарность, разрушало общепринятую этикетность, что иногда принуждало редакторов Патерика «корректировать» авторское реноме по своему усмотрению (Копреева Т.Н. Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа: (Опыт реконструкции) // ТОДРЛ. 1969, т. 24, с. 113; Ольшевская Л.А. 1) Об источниковедческом аспекте изучения художественно-документальной литературы Древней Руси: (Типолого-текстологическое исследование списков Арсеньевской редакции Киево-Печерского патерика) // О художественно-документальной литературе. Иваново, 1979, с. 67-68; 2) Об авторах Киево-Печерского патерика // Литература Древней Руси. М., 1978, вып. 2, с. 13-28).

151. Православный церковный календарь (УПЦ). 1998, с. 77, 93. «Препод. Поликарп, второй печерский архимандрит, отличался строгой жизнью и духовной рассудительностью, внушая к себе уважение не только братии, но и князей и бояр» (Живописное обозрение русских святых мест. Киево-Печерская лавра. Одесса, 1894, с. 22).

152. Житие преподобного отца нашего Поликарпа, архимандрита Печерского, который написал жития святых и преподобных отец наших Печерских // Киево-Печерский Патерик. С. 175-177.

153. Літописне оповідання про обрання Печерського ігумена Василя // Патерик. С. 209; Літопис руський. С. 331-332.

154. Патерик. С. 184. «Следует подчеркнуть, что, вероятно, еще со времен преп. Антония Печерского в русских монастырях распространилась афонская погребальная традиция, когда через некоторый обусловленный период (как правило, три или семь лет) останки, т. е. кости усопших, вынимали... а затем перезахоранивали в специальном помещении — кимитирии, или усыпальнице. Этот обычай доныне сохраняется на Святой Горе. Следы подобного погребального ритуала недавно найдены в черниговских Антониевых пещерах. Много таких же костниц могло, в конечном итоге, существовать и в лаврских подземельях, но археологически эта гипотеза никогда не проверялась и исследователям известны лишь хранилища-склепы костей. Неоднородный цвет костных останков, и в первую очередь черепов... у афонитов считался необходимым обоснованием для раскрытия тайны посмертной участи души покойного, и тем самым — ее благодатности. Вообще, иноки Святой Горы сурово придерживались прямого понимания Адамова приговора: «Ты персть — и в персть возвратиши»; «в землю отыдеши, от нея же взят бых», — и, как свидетельствует святогорец иеросхимонах Сергей (Веснин, 1814-1853), сам Афон не знает опыта нетления, поскольку, благодаря постоянному поддержанию благочестия и неослабевающему духу веры, там никогда не требовалось разительных и чрезвычайных подтверждений Промысла Божия. Одновременно Святая Гора не только не отрицает, но с особым пиететом относится к нетленным телам праведников, мощи которых обреты не в одних лишь монастырях, но и скитах афонских.

Таким образом, в киевских пещерах могли ужиться оба погребальных обычая, как на это указывают ритуал перепогребения Феодосия Печерского в 1091 г., некоторые примеры из Печерского Патерика (описание костницы в житии Пимена Многоболезненного)... Следует сказать, что мелкий песок был найден на останках преп. Сисоя из Дальних пещер; выходит, что они также вынимались из земли. Отсюда, вероятно, и возникла печерская традиция распределения человеческих останков на нетленные и костные. Однако обе группы считались мощами, ибо первые служили для поклонения благочестивым паломникам, а от других брались мироточивые главы и другие чудотворные реликвии (в патериковом житии Иоанна Многострадального описано, как преподобный лечил телесные немощи «единой костью от мощей» Моисея Угрина). Вероятно, именно порядок выкапывания останков братии для перекладывания в специальные гробницы позволил печерским черноризцам открыть феномен нетления отдельных тел и после захоронить в открытых аркосолиях, а не локулах, как было ранее. Нововведение это вполне утвердилось в Ближних пещерах, а в Дальних, где подземный некрополь сформировался в послемонгольский период (XIII-XIV ст.), черноризцы, наверное, снова вернулись к афонской обрядовости. Тем более, что XIV ст. — это эпоха усвоения в русских землях, в том числе и в Украине, исихастского учения, духовного наследия святогорских старцев-отшельников» (Дива... С. 87-88).

155. «Стремление реконструировать биографии Симона и Поликарпа, стимулированное возрастом авторского начала в литературе барокко, становится причиной появления их житий в среде киевских книжников уже в XVII ст. Если в «Патериконе» Сильвестра Косова находим только отождествление автора послания Акиндину с персонажем... патериковой статьи «Действия после смерти Поликарпа, архимандрита Печерского», то в Патерике редакции Иосифа Тризны уже помещены специальные статьи «О блаженном Поликарпе, архимандрите святые великия царския лавры Печерския Киевския і о преставлении его» и «О блаженном Симоне епископе владимирском и суждалском, вкратце написася». Рассказ про Поликарпа строился преимущественно на материале так наз. Киевской летописи — статей за 1164-1182 гг. (ПСРЛ. Т. 2., с. 522-624), где говорилось о тогдашнем настоятеле Печерского монастыря, с которым и отождествлялся автор Патерика.

Добавлены были известия, взятые из ранних редакций Патерика... В рассказе же про Симона время его пребывания на Владимирской кафедре обозначалось 1214-м и последующими двенадцатью годами. Эклектичный характер житий в Патерике Иосифа Тризны привел к явной несогласованности между ними.

Попытка преодолеть эту несогласованность была совершена в «Патерике Печерском» (1661). Биография Симона выводится тут за реальные хронологические границы, а Поликарп и далее идентифицируется с печерским архимандритом, современником князя Ростислава Мстиславича (1159-1167), умершим 24 июля 1182 г.

С конца XIX ст. утверждается другая концепция. В первую очередь, снято было не подтвержденное письменными источниками отождествление Поликарпа — автора послания с Поликарпом — архимандритом Печерского монастыря, что позволило отказаться от соотнесения биографии Поликарпа с летописным сообщением 1182 г. Соответственно Симон идентифицируется как иерарх, который руководил Владимиро-Суздальской епархией между 1214 и 1226 гг., а не его тезка-предшественник. Этот взгляд отстаивал в книге «Древнекиевские религиозные сказания» (Варшава, 1875) В.Яковлев, его точку зрения разделяют Д.Абрамович, Т.Копреева, Л.Ольшевская, большинство авторов историко-литературных курсов. Послания Симона относятся к 1214-1226 гг. — времени его епископства, причем исследователи склонны сужать хронологические рамки их вероятного появления до 1222-1226 (для «Слова про построение Печерской церкви») и 1225-1226 гг. (для послания Поликарпу). Не намного позднее, или даже одновременно, должно было появиться и Поликарпово послание к Акиндину» (Ісиченко Ю.А. Патерик Києво-Печерський. С. 34-35).

«Второй автор Патерика — Поликарп — издавна отождествлялся печерскими агиографами с уже упоминавшимся нами печерским архимандритом Поликарпом I, который, без малейших сомнений, был погребен в пещере. Однако к написанию Патерика он отношения не имеет. Автор последнего — Поликарп — жил в пер. пол. XIII ст. Адресатом Поликарпового послания был архимандрит Акиндин II (а не I, который пребывал на этой должности 8 лет, и, т. обр., писать к нему в пятнадцатый год его архимандритства писатель никак не мог)... О том, настоящем авторе Патерика мы знаем, по сути, лишь то, что мимоходом о нем помещено в тексте: одно время Поликарп жил в Ростове с Симоном, затем переехал в Киев... В печатном церк.-слав. патерике написано, что св. Поликарп и св. Симон — родственники. ...Дальнейшая судьба писателя нам не известна, однако ясно, что он остался в Печерском монастыре, поскольку, именно как его чернец, обращается к игумену Акиндину в своем собственном послании. Существует гипотеза о том, что этот Поликарп позднее сам стал архимандритом Киево-Печерским. Действительно, преемника архимандрита Акиндина звали Поликарпом, хотя однозначно доказать, что речь идет об одной и той же личности, мы не можем. Этот Поликарп занимал архимандритию с 1232 г. Время его смерти неизвестно. Возможно, именно он руководил обителью в трагическом 1240 г., чем, в частности, Т.Себта объясняет отсутствие его мощей в пещерах (Себта Т. Два Симони і два Полікарпи // Людина і світ. 1996, № 6, с. 38) — вероятно, его останки следует искать в «...крипте убитых Батыем» (Патерик Києво-Печерський. С. 203-204).

О Патерике см.: Шевырев С.П. История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846-1858, т. 1-3; Вагилевич І.М. Замітки о руській літературі // Дневник русский. 1848, № 5, 6, 8; Пыпин А.Н., Спасович В.Д. Обзор истории славянских литератур. С.-Пб., 1879, т. 1; Пыпин А.Н. История русской литературы. С.-Пб., 1898, т. 1; Огоновский О.М. История литературы русской. Львів, 1887, т. 1, с. 15, 27, 287; Полевой П.М. История российской словесности от древнейших времен до наших дней. С.-Пб., 1900, т. 1; Франко І.Я. Южнорусская литература // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза, І.А.Ефрона. С.-Пб., 1904, т. 41, с. 302; Франко І.Я. Нарис історії україно-руської літератури до 1890 р. Львів, 1910, с. 22-23; Возняк М.С. Історія української літератури. Львів, 1920, т. 1, с. 162-172; Грушевський М.С. Історія української літератури. К. Львів, 1923, т. III; Поп Р. Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу // ТОДРЛ. 1969, т. 24; Копреева Т.Н. 1) Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа: Опыт реконструкции // ТОДРЛ. 1969, т. 24; 2) Инок Поликарп — забытый писатель-публицист Киевской Руси // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Л., 1983; Конявская Е.Л. Арсеньевская редакция Киево-Печерского Патерика // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1983, № 2; Жиленко І.В. Джерела та історія тексту Печерського Патерика // Патерик Києво-Печерський. С. 181-213.

156. Горський В.С. Святі Київської Русі. К., 1994, с. 169.

157. Патерик. С. 124, 20, 87, 1, 103, 91.

158. Грушевський М.С. Історія української літератури. К.; Львів, 1923, т. III, с. 113-114.

159. Пыпин А.Н. История русской литературы. С.-Пб., 1898, т. 1, с. 122; Покровский М.М. Русская история с древнейших времен. М., 1930, т. 1, с. 83-84; Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1, с. XII.

160. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 380-381. «...переходя к... жизнеописанию, Ефрем даже буквально повторяет молитву Нестора» (Там же. С. 382). См.: Житие преподобного Авраамия Смоленского // Православный собеседник. Казань, 1858, ч. 3, с. 136-148; Ефрем. Житие и терпение преподобного отца нашего Авраамия, просветившегося в терпении мнозе, новаго чудотворца во святых града Смоленска // ПЛДР. XIII век. М., 1981, с. 73.

161. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 763. См.: Еремин И.П. Патерики // История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 112-113; Федер В.Р. Сведения о славянских переводных патериках // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, с. 215-217.

162. Пархоменко І. До історії українсько-сербських духовних взаємин // Православний вісник. К., 2000, № 1, с. 68.

163. Весьма трудно согласиться с установившимся в современной историографии тезисом о незначительности, малопопулярности исихастской традиции преподобного Антония по сравнению с приобретшей широкое развитие традицией деятельного служения обществу преподобного Феодосия. Такие исследователи ссылаются на факты отсутствия в Патерике Жития Антония, на очень позднюю канонизацию отшельника, на скорое забвение в монастырской жизни его идеалов (Федотов Г. Святые древней Руси. Париж, 1989, с. 33; Горський В. С. Святі Київської Русі. С. 130, 132; Жиленко І.В. Патерик Києво-Печерський. С. 181-213). Но непредвзятый, освобожденный от идеологических призм взгляд, при доверии к преданию Печерской обители, и особенно при внимательном изучении текста Патерика, всегда сможет убедиться в равнозначности обеих традиций. Патерик, например, буквально испещрен упоминанием именно этой знаменитой двоицы, о которой с благоговением пишут все его авторы (см.: Патерик. С. 1-6, 8, 10-11, 13, 18-29, 30-32, 35, 86-98, 100, 103-106, 109, 112, 119, 123-125, 128, 132, 148, 154-155, 159-160, 164, 167, 174-175, 177, 179, 184, 186, 188-189, 193-194, 198, 201-204, 210).

Взгляд Церкви на подвиг и служение обоих святых может быть выражен словами Нестора Летописца из жития аввы Феодосия: «Сіа бо оба равно подвижно поживше и послужиста Владычици Богоматере, равно и възмездие от Тоя рождагося

всприимше и о нас молятся непрестанно къ Господу, о чадах своих» (Патерик. С. 21). Хотя здесь говорится о преп. Антонии Великом и Феодосии Великом, Нестор как бы проецирует сказанное на преп. Антония и Феодосия Печерских.

К сожалению, столь полное и органичное слияние двух этих путей наблюдалось в отечественном монашестве нечасто. Стремился к их слиянию и преподобный Сергей Радонежский. В дальнейшем они разошлись, и довольно далеко друг от друга, что видно из эпохи преп. Нила Сорского и преп. Иосифа Волоцкого, вызвавшей прискорбное противоречие между ними, выразившееся в искусственно подогреваемой политическими факторами полемике «иосифлян» и «нестяжателей». Именно опыт Печерской обители, ее бесценное наследие позволяют правильно ориентироваться в выборе современным монашеством пути спасения, постичь сложнейшую науку «невидимой брани». Малейшее умаление исихастской традиции преподобного Антония, как и нарочитое предпочтение церковно-общественного служения Феодосия, грешат абсолютной некомпетентностью в области монашеского «делания», незнанием его азов и предназначения. Два нераздельно-неслиянных духовных направления Печерского монастыря являются прекрасным идеалом православного иночества, воплощенным во всей полноте в жизни и деяниях братской семьи киево-печерских угодников.

О Патерике существует большая литература. До революции много потрудились на этом поприще А.М.Кубарев, преосвященный Макарий (Булгаков), А.А.Шахматов, Д.И.Абрамович и др. См.: Тимковский Р.Ф. Краткое исследование о патерике преподобного Нестора, летописца российского // Зап. и труды ОИДР. 1815, т. 1, с. 53-74; Кубарев А.М. 1) О Патерике Печерском // ЖМНП. 1838, ч. XX, № 10, с. 1-24; 2) О Патерике Печерском // ЧОИДР. 1847, кн. 9, отд. 1, с. 1-22; 3) Описание харатейного списка Патерика Печерского // Там же. С. 23-40; 4) О редакциях Патерика Печерского вообще, в ответ на статью «Обзор редакций Киево-Печерского патерика»... // ЧОИДР. 1858, кн. 3; Макарий (Булгаков), митрополит. Обзор редакций Киево-Печерского Патерика, преимущественно древних // ИОРЯС. 1856, т. 5, с. 129-167; Викторова М.А. 1) Киево-Печерский Патерик по древним рукописям в переложении на совр. рус. язык. К., 1870; 2) Составители Киево-Печерского патерика и позднейшая его судьба // Филологические записки. 1871, вып. 4; Георгиевский Г.П. Печатный Печерский патерик // Русское обозрение. 1893, № 5/6; Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. К., 1898, т. 2, с. 293-309; Шахматов А.А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // ИОРЯС. 1897, т. 2; Абрамович Д.И. 1) Несколько слов в дополнение к исследованию А.А.Шахматова «Киево-Печерский патерик и Печерская летопись» // ИОРЯС. 1898, т. 3; 2) Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. С.-Пб., 1902; ИОРЯС. 1901, т. 6, кн. 3/4; 1902, т. 7, кн. 1-4; 3) Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д.И.Абрамовича. С.-Пб., 1911; Абрамович Д.И. Киево-Печерский патерик. Вступ. текст, примітки. К., 1930; Goetz L.K. Das Kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. Passau, 1904.

Среди современных авторов см.: Перетц В.Н. 1) След украинского перевода Киево-Печерского Патерика // Перетц В.Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI-XVIII веков. Л., 1926, вып. 1; 2) Киево-Печерский Патерик в польском и украинском переводе // IV Международный съезд славистов: Славянская филология. М., 1958, сб. 3, с. 174-188; Воронин Н.Н. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. 1955, т. 11; Сердобольская Л.А. Отражение социальных противоречий в памятнике церковной идеологии начала XIII в. // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1958, т. 2; Білецький О.І. Патерик Києво-Печерський // Матеріали до вивч. іст. укр. літ. К., 1959, т. 1, с. 135-141; Адрианова-Перетц В.П. 1) Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // ТОДРЛ. 1964, т. 20, с. 41-71; 2) Сюжетное повествование в житийных памятниках XI-XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 96-107; Дуйчев И. Эпизод из Киево-Печерского Патерика // ТОДРЛ. 1969, т. 24, с. 89-93; Волкова Т.Ф. Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. 1979, т. 33, с. 228-237; Ольшевская Л.А. 1) Об авторах Киево-Печерского патерика // Литература Киевской Руси. М., 1978, вып. 2; 2) Киево-Печерский патерик: Автореферат канд. филол. наук. М., 1979; Конявская Е.Л. Арсеньевская редакция Киево-Печерского патерика // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1983, № 2; Павленко Г.І. Становлення історичної беллетристики в давній українській літературі. К., 1984; Ісіченко Ю.А. 1) Ранні редакції Києво-Печерського патерика і суспільно-політичний контекст // Вісник Харківського університету. 1986, № 284, с. 43-50; 2) Патерик Києво-Печерський у літературному процесі кінця XVI — початку XVIII ст. на Україні. К., 1990; Патерик Києво-Печерський. Упорядкувала, адаптувала укр. мовою, склала примітки та додатки І.Жиленко. К., 1998.

Глава VI

«Архимандритія всея Рускыя земли, еже есть лавра...»

... Да разумеют все, яко Самого Господа промыслом и волею, и Его Пречистыя Матери молитвою и хотением создася и совершиися боголепная, небеси подобная, великая церковь Богородичная Печерская, архимандрития всея Руския земли, еже есть лавра.

Святитель Владимиро-Суздальский Симон.

авра преподобного Афанасия Афонского начиналась с малой и тесной келии, спрятанной в глуши на одном из холмов Афона. Подвизаясь в ней, преподобный прошел все ступени Лестницы добродетелей и в подвигах восходил от силы в силу. Много претерпев скорбей и искушений, святой Афанасий сумел преодолеть козни диавола и укрепиться в благодати Божией, осенившей его дарами исцелений и чудотворений.

Со временем пустынное место стало наполняться иноками, ищущими духовного руководства этого опытного наставника добротолубия. На месте скромной келии возник целый монашеский городок с величественным храмом в честь Пресвятой Богородицы, множеством часовен, братских корпусов, больницы, богадельней и другими богоугодными заведениями. Сама Пресвятая Богородица пожелала быть Экономиссой* этого монастыря, явившись преподобному Афанасию и пообещав Свое заступничество. Преподобный ввел строгий устав в богослужебный и бытовой обиход обители, предприняв большой труд по его созданию на основе всего лучшего, что было в древних иноческих уставах и с учетом особенностей афонских традиций. Позднее устав святого Афанасия вошел во всеобщее употребление на Святой Горе.

Не удивительно, что этот знаменитый монастырь получил почетный титул лавры. Лаврами, в отличие от киновий — общежительных монастырей, назывались в древности разветвленные монашеские колонии из множества келий, скитов и пещер, которые были сосредоточены на определенной местности вокруг главного лаврского храма и управлялись общим для всех настоятелем — архимандритом. Например, в столице одной из таких колоний, Нитрии Египетской, расположенной на Нитрийской горе, было пятьдесят монастырей. Они были разбросаны на склонах и у подошвы горы, на вершине которой располагалась церковь. «Все пятьдесят обителей подчинялись одинаковым правилам и состояли под управлением одного аввы... В конце IV века в Нитрии жило до пяти тысяч иноков»¹. В местности Тавенна на берегу Нила подвизалось при авве Аммене, ученике Пахомия Великого, около трех тысяч отшельников.

В окрестностях Иерусалима, в Сорокадневной пустыне, преподобный Феодосий Великий основал в V веке лавру, объединявшую до тысячи пустынников. В начале VI века преподобный Савва Освященный создал в Иерихонской долине лавру и написал для нее свой известный устав. До сих пор на берегу реки Иордан стоит монастырь преподобного Герасима Иорданского, построенный на развалинах древнейшей в Палестине лавры Каламон (IV в.). В недоступном и суровом горном ущелье Хозева в конце V века возникла созданная сирийскими иноками пещерная Хозевитская лавра, расположенная в скале, нависающей над огромной пропастью. Отвесные склоны были

испещрены, подобно пчелиным сотам, сотнями пещер. В период расцвета в этой лавре подвизалось около пяти тысяч отшельников².

Впоследствии титул лавры стали получать самые значительные и прославленные монастыри, имеющие, как правило, архимандричье управление. Из огромного числа иноческих обителей, возникавших на протяжении веков в различных частях света, лишь считанные единицы удостоились иметь этот почетный статус. История их создания связана с жизнью и деятельностью святых отцов Церкви Христовой, великих основоположников исихазма.

Лавры выполняли особую миссию, становясь всеправославными центрами духовности, истинного вероучения, аскезы, благотворительности, просвещения. В бурном мире войн, расколов и ересей они являли образец стойкости в вере, выступая незыблемыми форпостами святого Православия.

Неустанно и упорно возделывая духовную ниву, преодолевая силы зла, ступень за ступенью восходя к вершинам добродетели, лавры становились благодатными сокровищницами Святого Духа, изливая Его животворный свет на весь окружающий мир во имя преображения и спасения душ человеческих.

Пещерская обитель, возникшая из двухсаженной пещерки в лесной глуши, не стремилась к почестям и признанию этого суетного мира. Наоборот, она искала безмолвия и безвестности, уйдя под землю, избрав самый суровый вид подвижнической жизни — пещерничество. Но востребованность ее духовности была столь велика, что всепобеждающий свет Христов, которым она изобиловала, вырвался наружу из земных недр и залил полноводными струями все окрестные земли, принеся обители славу архимандритии Святой Руси. В «Молитве» преподобным угодникам Печерским Церковь возглашает:

«Преподобнии и богоноснии отцы наши Антоние и Феодосие и вси преподобнии Печерстии, светила земная пресветлая, от темных мест пещерных в земли Русстей славно просиявши и сию многими светозарными ангелонравнаго вашего жития звездами онебесивши, всю же вселенную высоких добродетелей светлостью и чудес Божественных блистаньем удививши! Се вы ныне душами со Христом, Волнцем правды, превываете, и суще праведницы, просвещаетеся яко солнце во Царствии Небеснем. Тамо убо молитвенная ваша к Богу Свету лучи о отечестве своем простирающе, не забываюте и ны, присная ваша молитвенники, яко да во свете добродетельнаго вашего жития право ходяще, сподобимся зрети свет неприкосновенныя славы Божия, хваляще Его купно с вами в нескончаемые веки веков. Аминь»³.

Впервые в монашеских анналах святости появились не один, не два или несколько, а целый собор — около ста двадцати! — чудотворцев и праведников, украсивших, подобно блистательной россыпи звезд, небосклон церковный. В сонме этом представлены все виды аскетического подвижничества: пещерничество, юродство ради Христа,

* Экономисса (греч.) — хозяйка, настоятельница.

Собор преподобных отцов Киево-Печерских.

молчаливость, затворничество, ношение вериг, постничество, бдение и даже столпничество, если принимать как один из видов столпничества всеобщие стояния преподобного Феодосия на холме в молитвенном горении к Богу.

В Киево-Печерском Патерике отображена лишь малая часть подвига этих тружеников спасения. Многие навсегда остались безвестными. Многих, о которых не осталось письменных свидетельств, прославил Сам Бог, явив их чудотворные мощи, которые доныне почивают в Ближних и Дальних пещерах. Глубоко назидательны и красноречивы сами имена этих святых черноризцев: Лаврентий Затворник, Кукша Преподобномученик, Сергей Послушливый, Иоанн Многострадальный, Пимен Многоболезненный, Авраамий Трудолюбивый, Пимен Постник, Онуфрий Молчаливый, Онисифор Исповедник, Мардарий Нестязатель... Многообразны и дары святости, ниспосланные Печерским угодникам, что также видно из их имен: Григорий Чудотворец, Матфей Прозорливый, Дамиан Целебник, Агапит врач. Одним из таких даров является чудо мироточения от глав тридцати неизвестных подвижников, которое происходит в обители многие сотни лет.

Велика нравственная сила их подвига. Она оказала неоспоримое влияние на самосознание народа, сделав лучшими чертами национального характера веру, мудрость, надежду, милосердие, смирение, стойкость, мужественное бесстрашие, щедрую доброту. И, как венце всего, — святую всепобеждающую Любовь, высшим проявлением которой становится самопожертвование ради ближних. Этические принципы Печерской обители стали для Руси жи-

вым, воплощенным Евангелием, той закваской «чистоты и истины» (1 Кор. 5, 8), той «солью земли» (Мф. 5, 13) и «светом мира» (Мф. 5, 14), которые преобразили и вознесли к высотам Божественного идеала душу народную.

Авторитет Киево-Печерской обители во Вселенской Церкви был очень высок. К боговдохновенному гласу ее духовности прислушивались народы Византии, Болгарии, Сербии, Моравии, Польши, Венгрии, Армении, Иверии, Скандинавии и т. д. Исключительным было ее положение в Поместной Церкви, принявшей на общецерковном уровне ее не только монашеский, но и богослужебный устав и распространившей его на всю богослужебную жизнь⁴. По благословию Константинопольской патриархии и Киевской митрополии настоятели Печерского монастыря получили титул архимандритов, а обитель стала именоваться лаврой.

«В летописи по Ипатьевскому списку под 1108 г. игумен... Феоктист назван уже архимандритом»⁵. Этот выдающийся церковный деятель XII века смог путем влияния на великого Киевского князя Святополка II добиться не только архимандрии, но и канонизации преподобного Феодосия.

О печерском настоятеле Поликарпе как архимандрите Ипатьевская летопись пишет под 1174 годом⁶. Лишь в следующем, XIII, столетии архимандричье звание начали получать игумены других обителей — новгородских Юрьева монастыря (I Новгородская летопись упоминает об этом под 1226 годом) и Рождественского (в Лаврентьевской летописи под 1230 годом), ростовского Богоявленского (под 1261 годом) и других. Печерский игумен занимал всегда первое место в ряду прочих настоятелей. Говоря об игуменах, присутствовавших в 1072 году при перенесении мощей святых Бориса и Глеба, летопись перечисляет их в таком порядке: Феодосий Печерский, Софроний Михайловский, Герман Спасский, Николай Переяславский. Когда в 1115 году было второе перенесение мощей святых Бориса и Глеба, участвовали в нем, как пишет летопись, Прохор Печерский, Сильвестр Михайловский, Савва Спасский, Григорий Андреевский, Петр Кловский.

Архимандрит Феоктист первым из печерских настоятелей был удостоен архиерейства и возведен на одну из важнейших кафедр — Черниговскую. Ему принадлежит честь канонизации преподобного Феодосия и внесения его имени в общерусские святцы.

Архимандрит Поликарп «пользовался особым уважением» в народе. Скончался он в 1182 году, «и нетленные мощи его доселе почивают в киевских пещерах, служа живым свидетельством его добродетелей»⁷. О всецерковном авторитете архимандритов Печерского монастыря говорит тот факт, что иногда их поставление на настоятельство производилось первосвященниками Руси в присутствии нескольких архиереев. После преставления преподобного Поликарпа братией был избран архимандритом священник киевской церкви на Шекавице, простой, но проводивший богоугодную жизнь иерей Василий. Его постригли и

возвели на игуменство прибывшие в обитель митрополит Киевский и всея Руси Никифор, епископы Туровский Лаврентий и Полоцкий Николай⁸. Епископ Кирилл Туровский, талантливейший церковный писатель XII века, обратился к нему с посланием. Святитель Кирилл пишет: «Всечестной, богоблаженный Василий, поистине славный... архимандрит, великий для всех путеводитель к горнему... Ты спрашиваешь меня о великом и святом образе схимы, в который издавна желаешь облечься. Конечно, не по неведению вопрошаешь о сем... Ты в бельцах* и в иночестве вел жизнь богоугодную и душеполезную»⁹. Послание Кирилла Туровского подтверждает, что высота положения печерских настоятелей не являлась чисто титульной составляющей, а была следствием их неустанной работы над нравственным самосовершенствованием.

Даже те из них, кто не получил официальной канонизации, обладали даром чудотворения. Например, игумен Иоанн участвовал в исцелении Никиты Затворника. Он был инициатором и соучастником обретения святых мощей преподобного Феодосия. Из всех монастырей домонгольской Руси только Киево-Печерская обитель обладала такой святыней — мощами угодника Божия, что подтверждает ее особое предназначение, сугубое избранничество¹⁰.

Из преемников Василия достопамятны архимандриты Досифей и Акиндин. Досифей был ревностным распространителем афонского устава, для чего ездил на Святую Гору и принес оттуда некоторые богослужебные традиции, которым было суждено прочно укорениться в отечественном церковном обиходе. Для всеобщего ознакомления со святогорским укладом он описал жизнь афонских иноков. Это творение имело широкое хождение в монастырских кругах на Руси и принесло большую назидательную пользу.

Об архимандрите Акиндине II летопись упоминает под 1231 годом, говоря о его присутствии на хиротонии епископа Ростовского Кирилла. Святитель Симон, создатель Печерского Патерика, называет его «мужем святым». Именно по благословию архимандрита Акиндина черноризец Поликарп написал свой агиографический труд в память и назидание всем монашествующим. Господь прославил преподобного Акиндина нетлением мощей¹¹.

Неудивительно, что уже в XII веке Киево-Печерский монастырь получил титул лавры. В «Слове... о пренесении мощей святого преподобного отца нашего Феодосия» читаем: «В лето 6599 събрашася пречистыя Печерскыя лавры множество иночствующих... еже принести мощи преподобного Феодосия». «Похвала преподобному отцу нашему Феодосию» восклицает: «Лавра твоя хвалиться о тебе, и въ концех вселенныя славно бысть наречение ея»¹². Под «наречением» можно предполагать получение обителью звания лавры, которое прославило и возвеличило ее «в

концах вселенной», то есть во всех православных государствах, ибо это действительно явилось событием всеправославной важности и значения.

В документах домонгольской эпохи титул лавры в отношении к Печерскому монастырю звучит в послании епископа Кирилла Туровского к архимандриту Василию и в Сказании епископа Симона о создании Великой Свято-Успенской церкви, где святитель-печерянин с благоговейной любовью называет ее «архимандритией всея Руския земли, еже есть лавра...». Позднее, через многие десятилетия, статус лавры получили и другие большие монастыри: Чудов, Антония Римлянина, Кирилло-Белозерский, Глушицкий и т. д. Но первым это звание было присвоено Печерской обители. Все вышеназванные монастыри позднее лишились этого титула. Из домонгольских обителей его сохранила лишь Киево-Печерская лавра.

Определить, когда именно обитель преподобных Антония и Феодосия стала именоваться лаврой, очень непросто. История не оставила об этом прямых свидетельств. Однако «согласиться, будто имя архимандрии дал Киево-Печерской обители Андрей Боголюбский... в 1159 г., возведши ее вместе на степень лавры и ставропигии великокняжеской и патриаршей... мы не можем, несмотря на уцелевшую копию с мнимой грамоты Боголюбского»¹³. Грамота эта, в частности, гласит: «...ни какой власти надъ монастыремъ Печерскимъ и пределы его Архимандритства Печерского и Епархii его Архимандричей митрополитъ да не маеть, и имети не можетъ, и никто инший от мирскихъ князей, Бояр и Властей Русских и всякого чину... Дань в лето шестой тысячи шесть сот шестдесят седмого (1159), Индиктиона седьмого».

Печерская обитель имела особый статус в Церкви, вплоть до дарования ей, по лаврскому преданию, ставропигии**. О ставропигии первоначально упоминается в Несторовом житии преподобного Феодосия (Акакиевской редакции XV века). Житие пишет, что на смертном одре преподобный Феодосий заповедал великому князю Святославу блюсти независимый статус монастыря в Киевской митрополии. Отголоски этого находим в «Похвале преподобному отцу нашему Феодосию», где в молитве к авве сказано: «Да... въ свете семъ временнем богоугодно поживем, не обладани никым же, разве Пречистою Богородицею, якоже и преже»¹⁴.

Одним из знаков особого статуса монастыря как раз и явилось пожалование печерскому настоятелю архимандричьего сана, официально присвоенного ему, по мнению ученого А.Поппэ, летом 1171 года прибывшим из Константинополя митрополитом Киевским и всея Руси Михаилом III¹⁵.

Что касается Патриаршей ставропигии, то она была дарована лавре гораздо позднее, через несколько столе-

* В бельцах (слав.) — в белом, приходском духовенстве.

** «Ставропигиальные монастыри — управляемые не епархиальными архиереями, а непосредственно патриархом или св. синодом и пользующиеся особыми привилегиями. Название их взято из греческого языка, где ставрос значит крест и пигио — вбиваю. Это ясно указывает, что крест в этих монастырях водружали патриархи. Крест этот ставится позади престола» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2, стб. 2112).

тий. Грамота Андрея Боголюбского, как аргументированно доказал это митрополит Макарий, «не может быть признана подлинной... Надобно прибавить, что до нашествия монголов ни в летописях, ни в посланиях Симона и Поликарпа... ни в других каких-либо памятниках монастырь этот не называется нигде ставропигией»¹⁶. Более того, многие, особенно светские, историки выдвигают тезис об остром противостоянии Греческой Церкви и лавры, идущем еще от времен митрополита-русина Илариона, доходя до утверждения, что Печерская обитель возглавляла антивизантийскую оппозицию, выступая против узурпации Константинопольской патриархией церковной власти на Руси¹⁷. В таком случае ни о какой ставропигии, конечно же, не могло быть и речи.

Однако этот тезис явно гиперболизирован. Иначе митрополия не выдвигала бы на архиерейские вакансии в подавляющем большинстве лаврских постриженников, так что к концу XII века вся наша Церковь стала как бы огромным Печерским монастырем. Да и факт пострига, а затем возведения на настоятельство архимандрита Василия митрополитом-греком Никифором красноречиво говорит о нормальном взаимодействии митрополии и обители. Лавра в богословии, аскезе, богослужбной сфере, литературе, зодчестве, иконописи всегда опиралась на все то лучшее, чем была богата Вселенская Церковь. Многие византийские традиции получили распространение на Руси именно через принятие их Печерским монастырем, о чем красноречивее всего говорит факт вхождения в наш обиход Студийского устава. Греческие архитекторы, иконографы, доместики, писатели всегда были для лавры желанными учителями, и именно здесь для самых передовых византийских творческих начинаний были созданы максимально благоприятные условия, что и привело к рождению неповторимо прекрасного синтеза под названием лаврское искусство. Что касается вопроса об автокефалии Русской Церкви и ее борьбе с греческой церковной гегемонией, то и здесь лавра всегда четко действовала в соответствии со святыми канонами, даже ценой исповедничества. Об этом однозначно свидетельствуют события, связанные с самочинным назначением княжеской властью на митрополичий престол русина Клима Смолятича, во время которых Печерский монастырь твердо выступил на стороне Константинопольской патриархии.

Вместе с тем лавра, получив признание всего православного мира, от Европы до Азии, была, несомненно, истинно национальной святыней. Высокий патриотизм, активное участие в создании государственной идеи, боль за судьбы своей Церкви и страны, непрерывный созидательный труд во благо народа возвели Печерскую обитель на свещник «архимандритии всеа Руския земли», на котором ее свеча пламенно горит и поныне.

Одной из главных составляющих авторитета лавры была ее благотворительная деятельность. Служение Богу

означало для печерских черноризцев прежде всего служение ближним. Обитель стала первым на Руси институтом социальной помощи. Впервые в истории страны церковная социальная политика проявилась в благотворительности Печерского монастыря с беспрецедентным для средневековья принципом отчисления на ее осуществление десятины от церковных доходов. Это — актуальный пример для всех поколений! Преподобный Феодосий, выдающийся филантроп своего времени, который, как никто, остро «осознавал не только метаобщность Христианства, но и метаобщность человечества, обусловленность к милосердию, необходимую каждому»¹⁸, для организации регулярной помощи «нищим, и слепым, и хромым, и трудоватым», как пишет Патерик, строит целый двор с богоугодными заведениями и соответствующими службами. Делая акцент на духовное оздоровление, он созидает для них храм апостола диаконии* святого первомученика архидиакона Стефана, что само по себе глубоко символично.

Безусловно, этим исключительно важным деянием Церкви, в лице Печерской обители, первой в государстве заявила о необходимости регулярной, а не эпизодической, как было прежде, организации социальной помощи со специальной статьей финансирования — десятиной. Но тогда это был глас вопиющего в пустыне. Еще много, много веков государство оставалось безучастным к нуждам своих граждан, и лишь Церковь осуществляла эту чрезвычайно важную задачу.

Идеологом социального служения являлся преподобный Феодосий Печерский. Его призыв к милосердию в «Слове о долготерпении и любви» обращен ко всем христианам: «Надлежит нам кормить от трудов своих убогих и странников, а не оставаться в праздности... И если бы не помогала нам благодать Божия и не питала через нас боголюбивых людей, что сделали бы мы, смотря на труды свои? Скажем ли, что за наше пение, пост и бдение приносят нам все? Слыхали вы притчу... о мудрых и неразумных девах. Евангелие говорит: ...не принесшие в светильниках своих душ елея милостыни изгнаны будут из палат. И, выйдя, искать будут нищих, просящих милостыню, и не обретут, ибо затворились для них двери человеколюбия Божия. Неприлично нам, возлюбленные, удерживать только за себя посылаемое нам от Бога через боголюбивых жертвователей на пользу душевную и телесную, но должно подавать и иным требующим. «Лучше давать, — сказано, — нежели взимать» (Деян. 20, 35). «Блажен, — сказано также, — разумеваый на нища и убога: в день лют избавит его Господь» (Пс. 40, 2), и паки: «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут» (Мф. 5, 7)¹⁹.

Милосердие аввы было безграничным. «Аще убо видяше нища или убога, в скорби суща и в одежде худой, вельми скорбяше о том и со слезами того миловаше», — пишет Патерик.

Параллельно монастырь оказывал медицинскую помощь нуждающимся в ней. Медицинское обслуживание

*Диакония (греч.) — служение.

Преподобный Агапит.

осуществлялось здесь на самом высоком для своего времени уровне и было, конечно же, безвозмездным.

Базировалось оно «на лечении травами. В Печерском Патерике рассказывается о двух киевских «лечцах»-профессионалах конца XI — начала XII ст. — Агапите и Армянине, которые пользовались большой популярностью населения Киева... Знали на Руси и хирургическое лечение. Об этом рассказывают находки медицинских инструментов, в частности пинцетов и ножей»²⁰.

Сам основатель обители, преподобный Антоний, был сердобольным врачевателем душ и телес страждущих. Рассказывая о житии знаменитого монастырского «лечца» преподобного Агапита, Патерик подчеркивает, что учителем его в этом делании был авва Антоний: «Пострижися... Агапит при блаженнем отци нашем Антоніи, иже и последоваше житію его... Яко же бо онъ, великій, больныя исцеляше, и тако здрави бываху, тако и сій блаженный Агапитъ, ревнуа святому тому старцю, помагаше больным»²¹. Агапит был поистине народным врачом, служа самым бедным людям, не имеющим средств для лечения у других лекарей. Больные во множестве шли в Печерский монастырь, неся преподобному свои горести, беды и неизлечимые недуги. Для них он был последней надеждой. Житие пишет, что не было ни одного страждущего, кто не получил бы в обители исцеления. Слава о чудодейственной силе врачевания Агапита распространилась в столице и далеко за ее пределами: «И слышано бысть о немъ... и мнози болящии прихождаху к нему и здрави бываху».

Представим себе на миг окруженную вековым лесом обитель, широкая тропа к которой истоптана тысячами

ног. Неиссякаемым потоком бредет по ней вереница калек, нищих, недужных — тех, кого называют отребьем мира. Некоторых, самых немощных, везут и несут близкие. Ими заполнен не только обширный двор верхней обители — так называемый Стефанов, где можно получить кров и пищу, но и дворы Ветхих и Новых пещер.

Некоторые пристраиваются на паперти собора, прося у прихожан милостыню. Нищих никто не гонит, напротив, здесь к ним особое отношение, несмотря на шум и неприглядную пестроту, которые они привносят в размеренную монастырскую жизнь. Их обилие в удаленном от города монастыре поражает. Следует сказать, что неизменно, во все века существования лавры, здесь была подобная картина — ее дворы всегда, особенно в праздники, были заполнены нищими и увечными, о чем нам оставили свидетельства как церковные историки и писатели, так и классики литературы. Святитель Симон, ценя пребывание в Печерском монастыре выше всех благ мира, пишет: «Едину быти от убогих пред враты честныа тоя Лавры и сътворитися просителю — то лучше мы временныя сея чести». Из его слов мы видим, что основная масса «убогих» была сконцентрирована возле Святых врат. Толпились они и близ некоторых келий. Особенное столпотворение наблюдалось возле хибарки преподобного Агапита.

Любовь народа к печерскому исцелителю была горячей и искренней. Даже правящая верхушка избрала простого чернеца своим врачом. Этого не мог вынести придворный лекарь — «армянинъ родом и верою. Хытръ же бе врачеванію, яко таковъ не бе преже его»²². Он славился как непревзойденный диагност, «иже толико видево болящаго, познаваше и поведаше ему смерть, нарекъ ему день и часъ — никако же изменяшеся слово его». Однажды им был приговорен безнадежно больной боярин, «иже первый бысть у князя Всеволода». Может, это был Янь Вышатич, которого Всеволод очень ценил и сделал тысяцким. В отчаянии боярин приказал принести его к Агапиту, и — о чудо! — смерть отступила от своей жертвы. Преподобный не только вернул ему жизнь, но и полностью исцелил его, по слову Евангельскому: «На недужныя руки возложить, и здрави будутъ» (Мк. 16, 18). Тогда сам князь проникся к нему почтением и доверием. Для армянина это было чревато потерей богатой клиентуры. Да и не только для него — создалась угроза цеховым интересам привилегированных медиков столицы. Вся ярость корыстолюбивого лекаря обрушилась на святого. Он, преступив моральные законы, решил отравить черноризца. Однако яд не подействовал на угодника Божия, ибо, как сказал Спаситель, «аще и что смертно испіють, не вредитъ ихъ» (Мк. 16, 18).

Самым резонансным случаем помощи Агапита стало исцеление им князя Владимира Мономаха, княжившего тогда в Чернигове. Лучшие лекари во главе с армянином оказались бессильны, и лишь врачевание преподобного, к тому же заочное (!), спасло князя. Все эти чудеса так по-

действовали на армянина, что он изменился к лучшему, стал часто бывать в келии преподобного, а после его представления сам принял монашеский постриг в Печерском монастыре.

Врачевателями были преподобные Дамиан Целебник, Алипий иконописец, Пимен Многоболезненный, Лаврентий Затворник, Григорий Чудотворец и другие. Сам авва Феодосий служил больным и исцелял их своей молитвой, что видно из жития Исаакия Затворника.

Одним из известных филантропов домонгольского периода был князь-инок Никола Святоша. Благотворительность его была безгранична: «Аще и много имяше, но та вся на потребу странным и нищим подаваше, и на церковна строение». Одним из подвигов его было врачевание. Так, он неоднократно исцелял своего духовного друга лекаря Петра от тяжких недугов. После смерти Святоши чудотворная сила исцелений исходила от его мощей. Преподобный основал одну из первых в стране профессиональных лечебниц. Она располагалась недалеко от Стефанова двора и, весьма вероятно, лечила не только насельников лавры, но и подопечных богадельни. В верхней лавре сложился целый комплекс богоугодных заведений, вблизи Свято-Успенского собора, в котором через общение со святыней больные получали духовное здравие. Тот факт, что в лавре постриглись искусные княжеские лекари — армянин и Петр сириец, — подтверждает гипотезу о создании здесь профессионального центра медицины Киевской Руси. «Печерским лекарям были известны различные методы лечения. Они владели знаниями в области терапии, дерматологии и бальнеотерапии. Медицина в обители развивалась на основе народной лечебной практики, а также использования достижений зарубежных стран в этой области»²³.

Отсюда традиции медицины, гигиены и благотворительности распространялись по другим княжествам. Преподобный Ефрем, получив епископскую кафедру в Переяславле, устроил для народа «банное строение». Летописи, помещая известие об этом (Лаврентьевская под 1089-м и Ипатьевская под 1090-м гг.), присовокупляют, что при банях были созданы «больницы с врачами» с целью «всемь приходящим безмезднаго врачеванія».

Ефрем Угрин, брат преподобного Моисея Угрина, основавший близ города Торжка в Тверском княжестве Новоторжский Борисоглебский монастырь, построил при нем странноприимный дом. Святитель Ростовский Пахомий, печерский постриженник, «усердно пекся о сиротах, был весьма милостив к убогим и вдовицам, всеми способами утешал печальных»²⁴.

Ставленник и духовный сын святителя-печерянина Никиты Новгородского, преподобный Антоний Римлянин, в своем Рождество-Богородичном монастыре в Новгороде заложил каменную трапезу, «братию питая, еще же и сирот, и вдовиц убогих, и нищих питая»²⁵. Эти примеры можно продолжать бесконечно. Благотворительная трапеза функ-

ционировала и в Печерской обители. Во время голода 1097-1098 гг. в ней преподобный Прохор Лебедник кормил нуждающихся своим хлебом. Здесь же бедняки получали и соль, когда доступ ее в Киев прекратился из-за военных действий в Западной Руси.

Благотворительность лавры проявилась также в создании особого вида попечительства — помощи заключенным, во исполнение слов Спасителя: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира. Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 34-36). Каждую неделю по благословению аввы Феодосия иноки питали «суших в узах», посылая им целый воз продуктов. Осужденные получали патронат монастыря, его поддержку и заступничество.

Милосердие к падшим людям было отличительной чертой преподобного Феодосия. Он никогда не воздавал злом за зло. Однажды к нему привели разбойников, пойманных на одном из монастырских подворий. «Блаженный же, видевъ их связанных и в скорби сухих, сжалися зело и прослезився, повеле отпустить их и дати им ясти и пити». Накормив воров, он преподал им наставление «еже никого обидети и никому же зла сотворити». Более того, авва щедро одарил их «и тако с миром отпусти. Они же отъидоша, славяше Бога и блаженаго Феодосія». С тех пор, как пишет Житие, облагодетельствованные печерским игуменом преступники в корне изменили свою жизнь и бросили греховное ремесло, добывая хлеб честным трудом.

Нестор Летописец описывает еще одно событие, связанное с благотворным влиянием монастыря на преступный мир. В одну из ночей, «тьме сущи великой», храм обители подвергся нападению грабителей. Но «внезапу бысть чудо страшно: от земли взятыя церковь съ сущими в ней и възде на воздух», став недосыгаемой для злодеев. Они в страхе разбежались, а предводитель их с тремя своими по-

дельниками «пришед к блаженному отцю нашему Феодосію покаяться». Игумен, выслушав рассказ грабителей, «таже поучивъ их еже о спасеніи души, и тако отпусти их, славящих Бога и благодарящих о всех сих»²⁶.

Подобный случай произошел с Григорием Чудотворцем, которого хотели ограбить «тати». Они были пойманы и отправлены к «градскому властелину». Тот «повеле мучити татіе ти», но преподобный умолил отпустить их ценой подношения ему книг из своей библиотеки. Черноризец осудил не разбойников, а себя за хранение в келии ценных книг, ставших предметом соблазна. Он тут же продал их, деньги потратил на нищих и сам уподобился нищим, ибо это было единственное его богатство. Здесь с максимальной силой раскрылось величие христианской любви, которая «долготерпит, милосердствует... не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла» (1 Кор. 13, 4-5).

Церковь пыталась оказывать влияние на саму судебную власть, ибо та, кроме своего несовершенства, отличалась перманентной несправедливостью. Еще при митрополите Иларионе, первом подвижнике печерском, Церковь привлекалась к уложению сводов «Правды Русской». Под влиянием святителя в Уставе князя Ярослава расширилась, по сравнению с Владимировым Уставом, компетенция церковных судов, увеличился круг лиц, подведомственных церковному суду, были гуманизированы репрессивные меры, некоторые наказания заменены штрафами, введена в практику санкций церковная епитимия.

Митрополит Макарий пишет, что Устав Ярослава Мудрого, составленный при прямом участии святого Илариона, «представляет собою шаг вперед в истории нашего церковно-гражданского законодательства»²⁷. Церковь не оставляла своим вниманием соблюдение законности в государстве и в последующие века, что видно из ее контроля за соблюдением краеугольного в междукняжеских отношениях принципа «крестного целования»²⁸. Свой весомый авторитет Церковь употребляла для облегчения участи осужденных, восстановления справедливости, избавления от политической и судебной расправы. Печерская обитель была живым воплощением святой миссии милосердия. Преподобный Феодосий «многим заступникъ бысть пред князи и судиями, избавляя тех, не можаху бо в чемъ преслушаться его, ведяща его праведна суца и свята»²⁹. Именно к нему, потеряв последнюю надежду, пришла просить заступничества бедная вдова «от судии обидима», и получила его с великой для себя пользой. Даже после смерти преподобный Феодосий защищал несправедливо осужденных. «Чюдо святаго о болярине» из его Жития рассказывает о вельможе, впавшем в немилость, которому грозило заточение. По своей вере и молитвам к преподобному он был избавлен от беды.

В творениях преподобного Феодосия постоянно звучит призыв к исполнению заповеди о милосердии. Принцип благотворительности для монашествующих был выд-

винут еще Василием Великим, который считал его одним из главных критериев истинного монашества. В своем уставе Василий Великий законоположил монахам пребывать в непрестанных трудах не столько для удовлетворения собственных нужд, сколько для помощи нуждающимся. Египетские отшельники считали своим долгом оказывать милость неимущим. Святитель Иоанн Златоуст в 68 беседе на Евангелие от Матфея пишет о милосердии современных ему монахов, которые, неустанно работая, много благотворили бедным. Святой Исаак Сирий в «Слове об отречении от мира и житии монашеском» говорит:

«Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом? — Послужи милостыне. Когда внутри тебя обретается она, тогда изображается в тебе она святая красота, которую уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дела милостыни производит в душе общение с сиянием славы Божества»³⁰.

Нигде Богоподобное милосердие не проявилось на Руси с такой жертвенной самоотдачей, как в Печерской обители. Животворный свет лаврских благотворительных традиций донныне изливает на мир благостные лучи, подобно теплomu огню неугасимой лампы.

Одной из важнейших задач обители было просвещение. В него входило не только распространение знаний и книжного учения, но в первую очередь — просвещения духовного. В Житии Феодосия Печерского подчеркивается, что его совершенство не являлось плодом одной только книжной премудрости: «Се бо не избра от премудрых философ пастыря и учителя иноком, но да о сем прославится имя Господне, яко груб сый и невежда премудрь философъ показася»³¹.

Все мироздание в сознании русичей воспринималось как прекрасная книга, написанная всесовершенным Творцом. Философское видение живого Боготворчества в природе, историческом процессе, нравственно-психологической сфере мы постоянно встречаем в произведениях мыслителей того времени, деятельность большинства из которых была связана с Киево-Печерским монастырем. Это такие светила, как митрополит Иларион, Иаков мних, Никон Великий, Феодосий Печерский, Нестор Летописец и многие другие. Они внесли решающий вклад в становление древнерусской богословско-философской мысли, исповедуя главенство Слова — Того Божественного Логоса, Которым «вся быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть» (Ин. 1, 3). Такова была их «гносеологическая позиция, рассматривавшая познание как толкование истины, провозглашенной, но «сокровенной» в Слове»³².

Подчеркнутый логоцентризм печерских мыслителей не отрицал и аналитического пути познания трансцендентного. Акцентирование роли разума в этом процессе присуще ярко выраженной в деятельности Печерского монастыря тенденции к интеллектуализму. Это выражалось в своеобразном культе книги, присутствовавшем еще в уставе Феодора Студита и благодаря Феодосию Печерскому приобретшем силу иноческого законоположения на Руси. «Велика бывает польза от учения книжного, — пишет летописец-печерянин в Повести временных лет. — Книги нас наставляют на путь покаяния, ибо от слов книжных мы обретаем мудрость и воздержание. Они — реки, напоющие вселенную, источники мудрости. В книгах содержится неизмеримая глубина. Ими мы утешаемся в печали... Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские, и апостольские поучения, и жития святых отцов, получает большую пользу»³³.

Иллюстрацией отношения древних русичей к книге служит летописный рассказ о чуде с Евангелием. Язычники для доказательства истинности проповедуемого греческим архиереем православного вероучения требуют: «Книга, которая учит вашей христианской вере, пусть будет брошена в огонь, и если не сгорит — тогда познаем, что истинна вера ваша и велик Бог, проповедуемый тобою». Архиерей же, возложив упование на Бога, повелел разжечь перед всеми сильный огонь и, простерши руки к Небу, помолился, говоря: «Прославь имя Твое, Христе Боже!» И положил книгу на огонь, и не сгорела книга. Когда все дрова сгорели и огонь погас, нашли святое Евангелие целым и неповрежденным от пламени. Когда это чудо увидели люди — многие из них уверовали во Христа и крестились». Это повествование, которое приводят практически «все... авторы XVII ст., отсутствует в ныне существующем тексте Повести временных лет, но происходит, вероятно, из позднейшей печерской летописи»³⁴.

На Руси книга являлась предметом не только познавательным, но и сакральным, аккумулирующим в себе Божественную благодать и совершающим, как видно из вышеприведенного текста летописи, чудотворения. На этот высокий пьедестал ее вознесла деятельность гениальных мыслителей-печерян.

«Монастырская книга была главным инструментом культуры и одновременно святыней и настоящим сокровищем в буквальном понимании этого слова»³⁵. Благодаря многогранной просветительской работе печерской братии место книги в системе ценностей киево-русской культуры заняло очень высокие позиции. Сам процесс создания книги приобретал богоугодный смысл доброделания, что видно из житий преподобных Никона Великого, Илариона схимника и, конечно же, аввы Феодосия. Авторитет книги, освященный Церковью, нес в народные массы убеж-

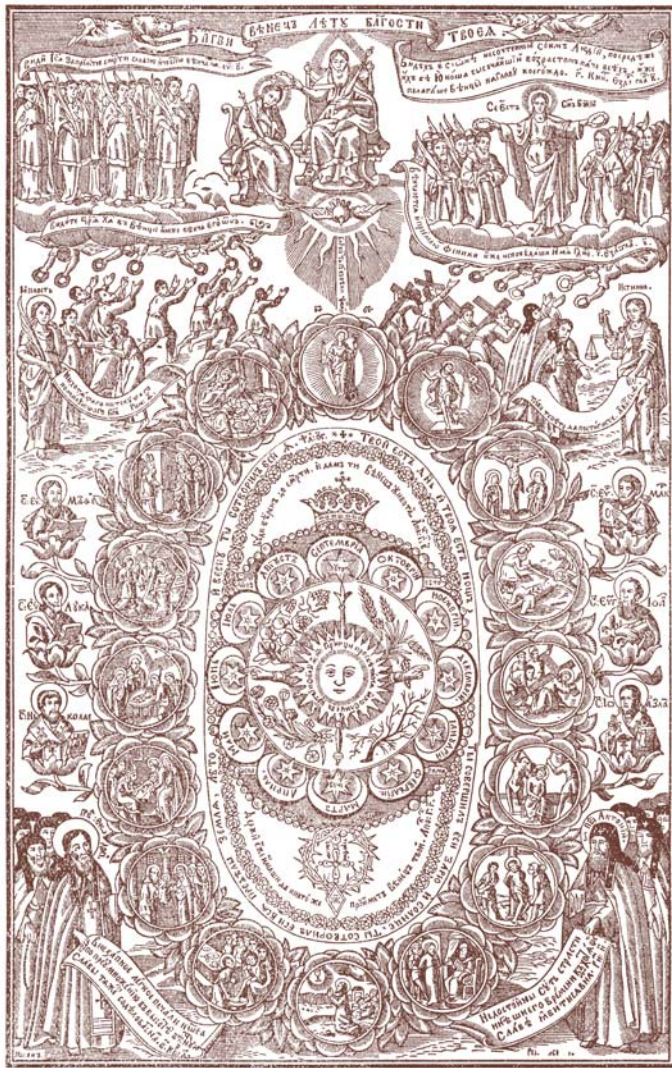

Преподобные Феодосий, Никон и Иларион в книгописной мастерской. Рис. XIX ст.

дение, что «книга — это вершина между всеми способами приобщения к Богу. Подобно древнерусским храмам, слово... указывает на безмерность Божественного»³⁶.

Печерская обитель воистину была величественным храмом Божественной Премудрости. Ее черноризцы напряженным и самоотверженным трудом строили духовный фундамент общества. «Именно им оно обязано возникновением письменной традиции изображения прошлого, что нашло свое воплощение в летописании»³⁷. Летописание, позволившее запечатлеть на скрижалях вечности историю нашего государства, является, наверное, главным свершением Печерской обители, возводит ее в ранг самой мощной культурно-просветительской величины Киевской Руси. «...Именно тут, в Печерском монастыре, во второй половине XI в. была основана отечественная история как наука; а методика исторического исследования и анализа, присущая нашим летописям и разработанная печерскими летописцами, просуществовала много столетий и была заимствована другими народами — москвитями, белорусами, литовцами, молдаванами»³⁸.

Обитель уже через двадцать лет после своего создания начала играть роль признанного центра образования, стала «своеобразной Академией и Университетом»³⁹ нашего государства. Об этом говорит много фактов. Спиридон просфорник, придя в обитель, был совершенно неграмотен. Он «нача учиться книгам, и извыче весь Псалтырь изусть». Необыкновенное прилежание к книгам, даже иногда во вред своему иноческому устройению, имел Никита Затворник. Григорий Чудотворец собрал ценную библиотеку рукописных книг. Дамиан пресвитер не спал «по вся нощи», зачитываясь книгами. Великолепным уровнем образованности обладал Григорий, творец канонов, о чем свидетельствует анализ его молитвенно-поэтического творчества. Хорошее знание книг проявляли преподобные Варлаам и Ефрем. Находясь в Константинополе, Ефрем пе-

Из лаврского Апостола 1695 г.

реписал по просьбе игумена Феодосия не только Студийский устав, но, как думается, и другие аскетические творения. Варлаам для приобретения книг ездил в Царьград, о чем пишет его Житие. Преподобный Стефан, с малолетства бывший в послушании у игумена Феодосия, получил такие глубокие познания, что ему было поручено отвечать за богослужебный устав и поучать братию в церкви, читая им святоотеческие творения. Однако лучшим подтверждением плодотворности печерского «университета» является жизнь и деятельность Нестора Летописца, который пришел в обитель неоперившимся юношей и под руководством игуменов Стефана и Никона достиг гениальных высот мудрости.

«Феодосий Печерский постоянно призывал иноков к духовному развитию, самообразованию. По его указанию в монастыре было переписано множество произведений византийских и болгарских писателей. В стенах Печерского монастыря воспитывались и собственные духовные писатели, проповедники, получали образование многие будущие епископы и другие священнослужители»⁴⁰. Это говорит уже о системе обучения, о своеобразном вместилище наук, по примеру монастыря святого Феодора Студита⁴¹. Весьма знаменателен в этой связи факт поездки на Волынь преподобного Нестора «смотрения ради учи-

лищ и поставления учителей», о чем пишет летопись под 1097 годом⁴². Не свидетельствует ли инспектирование Нестором учебных заведений Волыни об особом статусе Печерской обители как некоего высшего учебного и просветительского центра в стране, которому были даны полномочия для руководства образовательным процессом в общегосударственном масштабе?

Следы влияния Киево-Печерской лавры на этот процесс в различных регионах Руси видны в том, что монастыри Волыни и Галиции к концу XII в. почти все имели училища для детей и, более того, уделяли на учебные цели часть своих доходов⁴³. Памятником древнего просвещения в Червонной Руси является волынская летопись, известная под именем Ипатьевской, среди авторов которой мог быть, как считают исследователи, печерянин Нифонт, волынский Святогорский игумен, а впоследствии Новгородский архиепископ. Летописец удивляет читателя обширными познаниями в области Священного Писания, творений византийских, болгарских и русских святых отцов, истории. Он хорошо знаком с наследием греческой учености. Ипатьевский свод интересен и как литературный памятник — он блещет «необыкновенной живописью и стройностью языка и живописностью изображения»⁴⁴.

Свет учения распространяли и печерские миссионеры. Это видно на примере жития святителя Леонтия Ростовского, которого можно назвать одним из первых педагогов на Руси. Да и все святители-печеряне, куда бы ни посылало их на архипастырский подвиг священноначалие, сеяли в душах пасомых семена разума и благочестия, просвещая их светом истинного Богопознания.

Первым признаком системности наук является наличие библиотек и скрипториев. В Печерской обители имелись как общая монастырская библиотека, так и келейные собрания у множества черноризцев. Библиотека монастыря составляла тогда одно из лучших собраний страны, ибо пополнялась как личным трудом монахов-переписчиков, так и богатыми вкладами бояр, воевод и других знатных прихожан, «путем получения наследств от мирян или от монахов»⁴⁵. Судя по всему, из всех тогдашних монастырей только Печерская обитель была обладательницей такой библиотеки. Жемчужиной этого собрания явился, безусловно, вклад Николы Святоши. Князь-инок пожертвовал монастырю богатейшие книжные сокровищницы признанных библиофилов Руси — черниговских князей Давида Святославича, своего отца, и Святослава Ярославича, деда. Книги эти свято сохранились в обители на протяжении веков. Например, спустя почти столетие святитель Симон пишет в послании к Поликарпу, что «суть же книги его многыя и доныне».

Не на этих ли книгах из святошинского собрания возрастал сам святитель, талантливый писатель, становление которого происходило в стенах Печерской обители? Заслуга монастыря в том, что он был школой просвещенного и высокодуховного епископата для Киевской митрополии. Около шестидесяти печерских черноризцев стали

епископами и архимандритами, возглавив различные епархии и монастыри. География этого процесса охватывает все регионы Руси. Особенно много было печерян среди представителей высшей иерархии. Святитель Симон, «исчисляя епископов, из печерских постриженцев посвященных, говорит, что до его времени (1216 года) уже около 50 оных было»⁴⁶.

Симон пишет Поликарпу: «От того, брате, Печерскаго манастыря Пречистыа Богоматере мнози епископи поставлени быша, яко же и от Самого Христа Бога нашего апостоли въ всю вселенную послани быша и яко светила светлаа осветиша всю Рускую землю святым крещением»⁴⁷. Автор Патерика подчеркивает равноапостольный характер служения святителей-печерян.

Миссионерство, распространение Христовой веры на бескрайних просторах Руси, как одно из высших проявлений христианского долга, было изначально присуще Печерской обители. Не только епископы, но и простые иноки прославились равноапостольным подвигом евангельской проповеди. Печерский Патерик косвенно указывает на это, сравнивая преподобного Никона Великого и его спутника-«болгарина» с апостолами Павлом и Варнавой, «яко же пишеться въ Деяніи апостоль». Никон Великий много сделал для утверждения Христианства в далекой Тмутаракани, этой черноморской колонии Киевской Руси, которая, благодаря удачному географическому расположению, имела большое значение в международных контактах страны с Византией, Северным Кавказом и половецкими княжествами. Форпостом Православия он оставил после себя монастырь Пресвятой Богородицы, во всем подобный Печерской обители, который «бысть... славень»⁴⁸. Имя преподобного Никона доселе благоговейно чтится в Таманском крае, где печерский угодник провозглашен местночтимым святым.

Многие из печерян-миссионеров увенчали свой подвиг исповедничеством и мученичеством за Христа. Преподобный Кукша, трудясь над просвещением вятичей и радимичей, вошедших в состав древнерусского государства в конце XI века, был замучен ими вместе со своим учеником. Евстратий Постник, проданный половецкими захватчиками корсунским иудеям, мужественно исповедал пред ними свою веру и был распят на кресте. Но, видя великие чудеса страдальца, продолжавшиеся и после его смерти, многие из них раскаялись, уверовали во Христа и крестились. «Таким образом мученический подвиг преподобного Евстратия положил основание Христианства между хозарами-иудеями»⁴⁹.

Преподобный Никон Сухой послужил делу проповеди Евангелия среди половцев. Твердость и сила духа пленника настолько поразили кочевников, жестоко мучивших, но не сломивших его, что многие из них приняли крещение, а его бывший хозяин даже постригся в Печерской обители.

Миссионером был сам преподобный Феодосий. Он часто посещал еврейские кварталы Киева и ревностно проповедовал Православие среди иудеев. Впрочем, вся жизнь

его, как и жизнь прочих чудотворцев печерских, была живой проповедью Слова Божия.

Печерским постриженником мог быть преподобный Герасим Вологодский. «В 1147 году он пришел из Киева на берега реки Вологды и у ручья Кайсарова основал обитель с храмом Святой Троицы. Это было еще до начала города Вологды. Тогда здесь был глухой лес, а в лесу посад... Подвижник благочестия примером своей жизни и светлыми наставлениями озарил дикую страну и мирно почил 4 марта 1178 года»⁵⁰.

Повествуя о епископах, «всю Рускую землю святым крещением» просветивших, Симон пишет: «Первый — Леонтие, епископ Ростовский, великий святитель, его же Бог прослави нетлением». Он был, по выражению Симона, первопрестольник, то есть первый по хиротонии из святителей печерских. На кафедру он возведен был «не позже 1051 г., когда удостоился епископского сана и второй из постриженников преподобного Антония — Иларион, митрополит Киевский. Прибыв в Ростов, Леонтий, хотя еще нашел в нем следы Христианства после первых двух ростовских епископов Феодора и Илариона, которые, впрочем, вынуждены были удалиться из города от гонения язычников... но увидел также и глубокие следы язычества, почему решился на подвиг апостольский. Встречая

Святитель Леонтий Ростовский. Прорись с иконы XVII в.

упорное сопротивление, он обратил особенное внимание на детей, собирал их в церковь, наставлял в истинах спасительной веры и крестил. Закоренелые в язычестве родители с большим ожесточением подвергали его мучениям и побоям, но мученик Христов не ослабевал в своем труде. Однажды, когда они с оружием и дреколием собрались вокруг церкви, Леонтий, облекшись в святительские одежды, с крестом в руках и сопутствуемый освященным собором, явился пред ними, и язычники, пораженные чудным видением, поверглись на землю. Леонтий простер к ним слово, исполненное духа и силы — они уверовали во Христа и крестились. С того времени своим учением и чудесами Леонтий привлек ко Христу всех жителей Ростова, и хотя скончался в мире (прежде 1077 г.), но тем не менее заслужил венец мученический. Мощи святителя обретенны в 1164 г. нетленными и почивают в ростовской соборной церкви⁵¹. Ростовский летописец XIII века пишет о нем: «Леонтий святый, священный епископ, то просвети святым крещением град Ростов»⁵². Некоторые исследователи называют его писателем, предполагая, что именно он является автором «Поучения к попом» (РНБ. Собр. Погодина, № 31, XIV в.)⁵³. Весьма примечательно, что святитель большое внимание уделял обучению и воспитанию детей. Забота о подрастающем поколении, о нравственном просвещении детских душ является важнейшей задачей Церкви, и ее ревностно осуществлял добрый владыка.

Вторым из печерского диптиха* святителей Симон называет Илариона, митрополита Киевского и всея Руси, подчеркивая, что духовником митрополита являлся преподобный Антоний — по его благословию берестовский отшельник был пострижен в монашество. «Илариона же митрополита и сам чел еси въ житіи святаго Антоніа, яко от того пострижень бысть и тако священства сподоблень», — пишет епископ Симон. Действительно, подвижник-митрополит, предстоятель Церкви нашей, по праву принадлежит к лику чудотворцев печерских, украшая его подобно драгоценному бриллианту в царском венце.

Третьим у Симона назван Николай, епископ Переяславский, который управлял кафедрой в 1054-1072 годах⁵⁴. В Переяславле епископствовал и преподобный Ефрем. Переяславская кафедра была тогда титулярной** митрополией⁵⁵ и потому считалась одной из важнейших. Благая святительская деятельность печерского ставленника показала, что выбор этот был оправдан.

«Он управлял делами Киевской митрополии при простом, больном и некнижном митрополите Иоанне III»⁵⁶. На общецерковном уровне он прославился тем, что «установил 9 мая празднование в память перенесения мощей святителя Николая»⁵⁷, а также перевел с греческого его Житие. Это предание удостоверяется тем, что службу в честь перенесения мощей святителя Николая составил инок Пе-

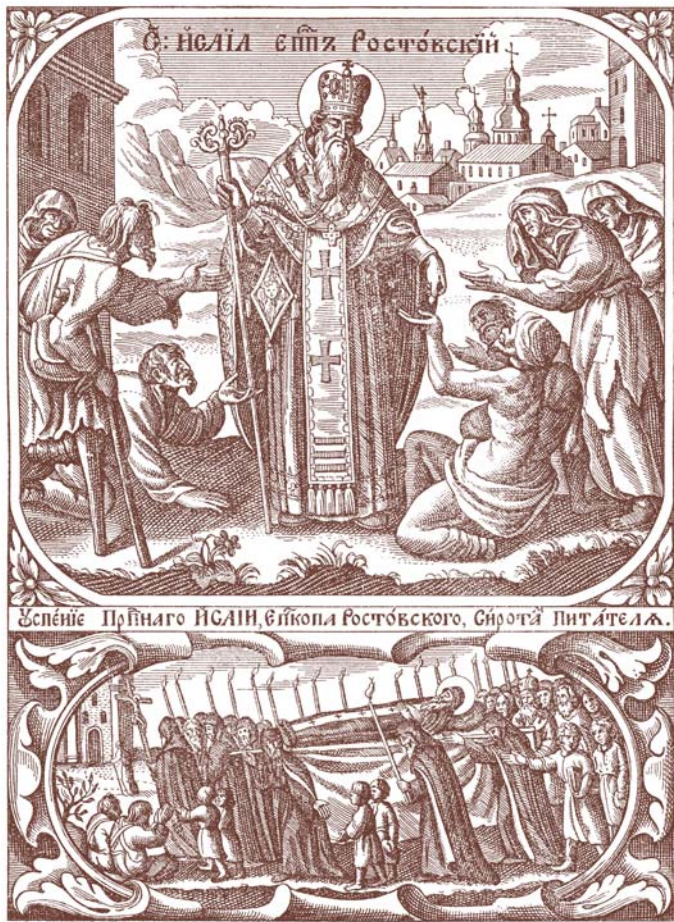
черского монастыря Григорий, творец канонов. Сделал он это, очевидно, по просьбе святителя Ефрема, который был его собратом по обители. За время правления преосвященного Ефрема в Переяславской митрополии было сделано очень много: построены кафедральный собор в честь Архистратига Михаила, храм святого апостола Андрея Первозванного, церковные здания, каменные бани. Город был обнесен крепостной стеной с храмом святого Феодора на вратах⁵⁸. В Суздале он создал подворье Печерского монастыря с храмом святого Димитрия, которое наделил селами⁵⁹. Повсеместно в городах и селах он строил богоугодные заведения.

«Святитель Ефрем участвовал в перенесении святых нетленных мощей преподобного Феодосия Печерского. Добродетельную жизнь свою святитель Ефрем окончил мирной блаженной кончиной и погребен был в новоустроенной им кафедральной церкви. Господь прославил святителя нетлением его мощей и даровал ему дар предстательствовать пред престолом Божиим за всех, обращающихся к нему с молитвой и в жизни своей подражающих блаженному его житию»⁶⁰. Ныне мощи преподобного Ефрема покоятся в Ближних пещерах. Память его отмечается 28 января. Летописи называют святителя преблаженным, дивным, чудотворным, многодобродетельным и святым мужем⁶¹.

Святой Ефрем, после преставления митрополита Иоанна III, некоторое время возглавлял Киевскую Церковь, являясь местоблюстителем первосвятительского престола на Руси. Так, он был первенствующим архиереем при общецерковном торжестве перенесения мощей преподобного Феодосия Печерского: «... събърашася епископи: Ефремы Переяславскыи, Стефанъ Володимерьскыи, Иоанъ Чьрниговскыи, Маринъ Гурьгевскыи, и игумени отъ вьсехъ манастирь съ чьрноризьци... и възвша мощи Феодосиевы...» За два года до этого в Печерской обители также происходило действо общецерковной значимости — освящение Свято-Успенского собора, которое совершил с собором иерархов митрополит Иоанн II. Теперь же во главе празднества мы видим Переяславского архипастыря. Однако священнодействия подобного масштаба и значимости возглавлялись только предстоятелями — вспомним события, связанные с перенесением в 10-х гг. XI в. мощей княгини Ольги митрополитом Леоном (Леонтием); обретением в 20-х годах XI в. мощей Бориса и Глеба митрополитом Иоанном I; перенесением в 1072 г. их мощей митрополитом Георгием и вторым перенесением мощей угодников в 1115 г. митрополитом Никифором I. Совершенно очевидно, что, первенствуя на торжестве обретения и перенесения мощей преподобного Феодосия Печерского, возглавляя на нем собор иерархов, митрополит Ефрем выполнял функцию предстоятеля. Патриархия, вероятно, до того как определилась с новым кандидатом на Киевский престол пос-

* Диптих — синодик, помянник.

** «Титулярными называются митрополиты или архиепископы, которые хотя и носят соответствующий сан, но не имеют в своем подчинении других епископов. Звание титулярного митрополита присваивалось патриархом и служило, как правило, индивидуальным отличием того или иного иерарха, не переходя непременно на его преемников» (Назаренко А.В. Комментарии // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 602).

Святитель Исаия. Из Патерика 1702 г.

ле смерти митрополита Иоанна III, благословила местоблюстителем в столице Руси святителю Ефрему.

В некоторых древних источниках есть свидетельства о поставлении святителем Ефремом на Новгородскую кафедру печерского черноризца Никиты Затворника⁶². Он же способствовал возведению на Владимиро-Волынскую епископию кловского игумена Стефана, протезируя выдвижение печерян на вакантные архиерейские должности. Святой Ефрем был вторым, после митрополита Илариона, предстоятелем Киевской Церкви из русинов и, что особенно отрадно, из печерян.

Вслед за блаженным Леонтием в Ростове подвизался святитель Исаия. Он принял пострижение в Печерском монастыре при преподобных Антонии и Феодосии, в 1062 г. был избран во игумена устроенного великим князем Изяславом Дмитриевского монастыря и в 1077 г. возведен на Ростовскую кафедру⁶³. Патерик пишет, что он имел «чюдотворіа дарь». Житие святителя Исаии, написанное во второй половине XIII века, гласит: «Блаженный Исаия... с юных лет оставил мир и, возлюбив Христа, пришел в Печерский монастырь, что в Киеве. И там постригся, оставив тленный мир и последовав преподобному Феодосию. Крепкий воин Небесного Царя, он превзошел многих собратий постом, молитвою и прочими добродетелями, проводя равноангельную жизнь и побеждая телесные страсти мужественным терпением». Житие, говоря о подвигах преподобного Исаии в Печерском монастыре, не упоминает, однако, о его участии в исцелении Никиты Затворника.

«По Божию промыслу приходит... Изяслав, сын великого князя Ярослава, в монастырь к преподобному Феодосию и просит у него блаженного Исаию в монастырь святого Дмитрия на игуменство. И преподобный Феодосий отдает ему сего блаженного как некий дар, и митрополит поставляет его на игуменство... в лето 6570 (1062). Блаженный, придя в обитель, стал истинным наставником для братии, как добрый пастырь, а не наемник, не заботящийся об овцах. И предал себя еще большему подвигу, ревностно наследуя апостольское житие, просвещая душу доброделанием, иссушая плоть, прилагая труды к трудам, напоая своим поучением души верных и приводя через свои великие добродетели к истинному Богопознанию.

Избранием Святого Духа он поставляется затем митрополитом Иоанном в епископа града Ростова, в лето 6585 (1077). И, достигши своего престола, видит там людей новокрещенных и не утвержденных в вере, как новонасаженный виноград, и напоевает их своим поучением, вырашивает сторичный плод добродетелей и приносит благовому Владыке, яко благий оный раб. Блаженный обходит города и веси в Ростовской и Суздальской земле, убеждая веровать во Святую Троицу: Отца и Сына и Святого Духа, и просвещает их святым крещением. Наставляя верных низвергать идолов, он укрепляет их быть нерушимыми и непоколебимыми в вере. Творя дело апостольства, он наследовал и апостольское житие».

Далее в житии описываются чудеса, связанные с освящением Великой Печерской церкви, — явление святому Исаии ангела с благовестием о предстоящем освящении, приплытие блаженного на ладье за одну ночь в Киев и, после торжества, перенесение его на «облацех» обратно в Ростов, где он оказывается в алтаре храма Пресвятой Богородицы. В житии не упоминается об его участии в освящении Свято-Михайловского храма Киево-Выдубицкого монастыря, зафиксированном в летописях под 1088 г.

«И добре упасши порученное ему стадо Христовых овец, блаженный преставился ко Господу, Его же измлада возлюбил. Тело его погребено было в храме Пресвятой Богородицы в Ростове. По многих летех, сгоревшей церкви деревянной, в лето 6672 (1164), копая ров каменной церкви, обрели гроб блаженного Исаии. Открыли и увидели ризы и мощи святого целые и нетленные, и прославили Бога и Его Пречистую Матерь»⁶⁴.

Преставился святой Исаия в 1089 или 1090 году. «Мощи святителей Леонтия и Исаии обретены нетленными в 1164 г. при копании рвов для закладки каменного соборного храма на месте сгоревшего дубового. Они почивают в Ростовском Успенском соборе: мощи святого Леонтия под спудом, в приделе, посвященном

Святитель Никита Новгородский.
Прорись с иконы XVI в.

его имени, а мощи святого Исаии открыто близ иконостаса, в серебряной раке. До нашествия ляхов в 1609 г. мощи святителя Леонтия почивали открыто в «золотой раке, единственной в России»⁶⁵. В 1164 г. Ростовским епископом Иоанном была составлена служба святителям Леонтию и Исаии⁶⁶.

В то же время, в 1078-1095 гг., в Новгороде подвизался епископ Герман, печерский постриженник⁶⁷. В 1096 г. его сменил на кафедре другой печерянин, преподобный Никита Затворник, тот самый, который, как пишет Патерик, по неопытности впал в диавольское прельщение и был исцелен молитвами братии. Преподобный Никита был поставлен в Новгород, возможно, святителем Ефремом — митрополитом Николаем, сменивший Иоанна III, упоминается в хрониках только с 1097 г.

Прибыв в епархию, самую обширную в Киевской митрополии, епископ Никита неустанными трудами привел ее к процветанию. Еще при жизни он был удостоен дара чудотворений. Несколько раз святитель спасал Новгород от

бедствий. Однажды во время сильной засухи он своей молитвой, подобно пророку Илии, свел дождь на исстрадавшуюся землю, а в другой раз остановил страшный пожар, истреблявший город. Преставился святитель Никита в 1109 году⁶⁸. Мощи его были обреты в 1558 году, однако чтить его в лике святых начали гораздо раньше, еще в XIII в. Аскетизм и подвижничество Новгородского святителя нашли отображение в древней иконографии — на одном из иконописных подлинников он изображен в схиме⁶⁹.

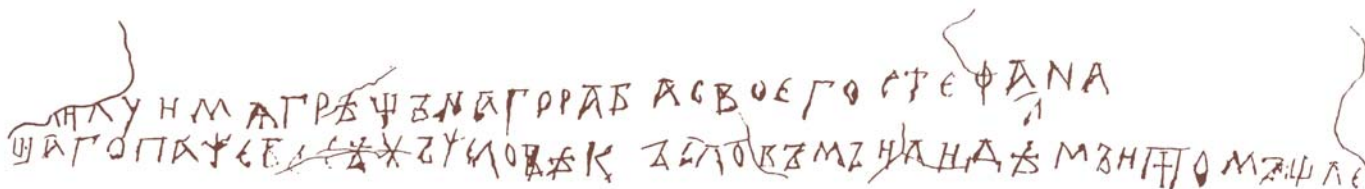
Около 1090 г. на Владимиро-Волынскую кафедру был избран Стефан, ученик преподобного Феодосия, до этого игуменствовавший в кловском Ризоположенском монастыре Киева. Святитель Стефан был участником торжества перенесения святых мощей преподобного Феодосия Печерского 14 августа 1091 года, которое возглавлял митрополит Ефрем. Святитель Ефрем местоблюстителем в это время на Киевской кафедре, ибо митрополит Иоанн III за несколько месяцев до этого, весной 1091 г., скончался. Вероятно, тогда и был хиротонисан Стефан — из контекста Несторова сказания о перенесении мощей преподобного Феодосия явствует, что Стефан находился еще в столице, просто не успев, видно, собраться в дальнюю дорогу⁷⁰. Нестор Летописец пишет: «Многия добродетели на успех словесному си стаду сотворив, их же ради обретесе достоин не увядаемаго славы венца, его же от начала... именем своим знаменова». Действительно, «Стефан» по-гречески означает «венец». В одном из печатных изданий Патерика под изображением преподобного Стефана помещен эпиграф:

**Стефан церкви Печерской венцемъ показася,
Соверши ей начало; венчающъ венчася**⁷¹.

Характеристикой духовного облика этого угодника Божия может служить редчайший памятник, дошедший до нас, — граффити Стефана, его собственноручная надпись, найденная на очищенной от наслоений штукатурке храма Архангела Михаила Киево-Выдубицкого монастыря. На северном фасаде церкви Михаила имеется большая древнерусская надпись, написанная в две строки. Эта надпись давно известна специалистам, занимавшимся изучением архитектуры древнего Киева. Еще в 30-х годах XX в. выдубицкую надпись показал студентам Киевского строительного института И.В.Моргилевский, в 1947 г. ее изучал Б.А.Рыбаков, а в 50 — 60-х годах — В.А.Богусевич и В.Н.Даниленко. Рыбаков читал граффити так:

**Господи, помилуй мя грешнаго рава своего Стефана
грешившаго паче всех человек словом
или делом и помышлением.**

Автор справедливо полагал, что в надписи идет речь об игумене Киево-Печерского монастыря Стефане, упо-

Граффити преподобного Стефана. Северный фасад Свято-Михайловского собора Выдубицкого монастыря.

минаемом в Киево-Печерском Патерике и летописи под 1074-1094 гг. Изучение надписи в натуре и рассмотрение особенностей ее написания позволяют полностью согласиться с чтением, предложенным Б.А.Рыбаковым. Правильным следует признать и отождествление автора надписи Стефана с игуменом Киево-Печерского монастыря, позже Владимирским епископом Стефаном. В пользу подобной идентификации свидетельствуют датировка надписи XI в. и ее монументальные размеры, соответствующие достоинству князя Церкви, каковым являлся Стефан»⁷².

Смирение, сокрушение, молитвенный призыв в надписи преподобного Стефана говорят о том, что он воистину «стяжал еси смирением высокая, нищетою богатая»*. Через древнюю надпись перед нашим взором как бы открылся «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пет. 3, 4), еще и еще раз доказывая, что ученик аввы Феодосия был «правилом веры и образом кротости, воздержания учителем» и добрым пастырем Христова стада. Недаром на одном из древних иконописных подлинников его изображают в схиме⁷³.

Добрый пастырь овец Христовых преставился 27 апреля 1094 г., «и тако по летех многих на приятие венца ко Христу Пастырей Начальнику отъиде», как говорит его Житие. Погребен он был в кафедральном соборе города Владимира-Волынского.

В те же 90-е годы XI столетия получили архиерейские хиротонии еще несколько печерских черноризцев. Среди них — Лука Белгородский⁷⁴. О нем, как о печерянце, пишет епископ Симон в послании к Поликарпу. Святитель Лука впервые упоминается в летописи под 1088 г. Он сослужил митрополиту Иоанну II и епископу Ростовскому Исаии при освящении Свято-Михайловской церкви Киево-Выдубицкого монастыря. В следующем, 1089 г. он вместе с теми же иерархами, а также Иоанном Черниговским и Антонием Юрьевским участвовал в освящении Свято-Успенского собора Печерского монастыря. Смерть помешала ему присутствовать в 1091 г. на празднестве перенесения мощей преподобного Феодосия. В Софийском соборе найдены фрагменты надписи о его преставлении: «Месяца августа в 22 день умре раб Божий Лука, епископ блаженный Белгородский»⁷⁵. Из этого мы можем заключить, что святитель преставился в 1090 г., ибо, как известно, перенесение мощей аввы Феодосия состоялось в престольный праздник Успения, т. е. раньше 22 августа. Слово «блаженный» указывает на почитание святителя как угодника Божия. К сожалению, больше ничего о епископе Луке не известно.

Перечисляя архипастырей — постриженников печерских, епископ Симон называет первыми из них Леонтия Ростовского и Илариона Киевского, «по сем же: Николае и Ефрем — Переяславлю, Исаия — Ростову, Герман — Новгороду, Марин — Юрьеву, Мина — Полотску, Никола — Тьму-

таракану, Феоктисть — Чернигову, Лаврентий — Турову, Лука — Белуграду, Ефрем — Суждалю». Святитель Ефрем Суздальский упоминается в летописях при князе Владимире Мономахе, т. е. в 1090-1100-х гг. Воскресенская летопись называет его пятым в диптихе Ростово-Суздальских епископов⁷⁶.

Епископ Марин Юрьевский пребывал на кафедре в 1091-1113 (?) гг. Эта датировка основывается специалистами на его участии в 1091 г. в торжестве перенесения мощей преподобного Феодосия Печерского. Летопись упоминает о нем также под 1095 г. в связи с драматическими событиями, связанными с началом

княжения Святополка II в Киеве. (Вспомним, что Патерик в сказании о Прохоре Лебеднике рассказывает о смуте, царившей при Святополке, и «бранях» с извечными врагами Руси — «агарянами», т. е. половцами). «В этот год, — говорит Густинский летописец, — пришли половцы в Юрьев и стояли возле него все лето, едва не взяли его, но Святополк выкупом добился с ними мира. Половцы отошли к реке Рось, а юрьевцы побежали из города и пришли в Киев. Святополк повелел тогда срубить им город на Витечевом горбу** и нарек его своим именем — Святополчградом. И велел епископу Юрьевскому Марину с юрьевцами сесть тут... и другим из прочих городов. А пустой Юрьев сожгли половцы»⁷⁷.

Вернуться в свой город епископ Марин смог, вероятно, только после 1103 г., когда половцы были разбиты дружинами Мономаха. Юрьев, расположенный на левом берегу реки Рось, был ключевым пунктом на подходе к Киеву (ныне — г. Белая Церковь). Юрьевские епископы занимали степень вторых — после Белгородских — викариев митрополита всея Руси.

Святитель Николай, о котором упоминает епископ Симон в послании к Поликарпу, занимал далекую Тмутараканскую кафедру. Он известен тем, что принимал участие в исцелении Никиты Затворника. Поставление его на тмутараканский престол могло состояться по протекции печерского игумена Никона, хорошо знавшего церковные нужды полуострова. Возможно, Николай даже некоторое время подвизался в Тмутараканской обители Пресвятой Богородицы и был в ней игуменом. Хиротония его могла состояться после 1078 г., когда умер великий Киевский князь Изяслав, конфликтовавший с Никоном, и когда Никон возглавил Печерский монастырь⁷⁸.

Митрополитом, рукоположившим Николая, был, скорее всего, Иоанн II (1077-1089), красноречивый и мудрый архипастырь. Летопись пишет, что «такого не было рань-

* Тропарь святителям.

** Топоним от названия правого притока Днепра Виты. Ныне — городище за 2 км на юг от с. Витачева Обуховского района Киевской обл.

ше на Руси и не будет»⁷⁹. Он, будучи греком, составил прекрасную службу святым страстотерпцам Борису и Глебу. Современник печерского песнопевца Григория, творца канонов, он наверняка был знаком и общался с ним, а может, и учился сложностям древнеславянского диалекта. Участвуя во многих акциях Печерской обители, он был ее почитателем. Именно он возглавил освящение лаврского Свято-Успенского собора. Много общего он мог иметь и с игуменом Никоном. Их роднила любовь к просвещению и культуре. Создатели Печерского Патерика называют его «святителем» и «блаженным»⁸⁰.

Отдельно скажем о тех епископах XI в., которые не упоминаются в писаниях авторов Патерика, но имена которых встречаются в летописях по случаю событий, связанных с Киево-Печерским монастырем. Это Юрьевский епископ Михаил, освятивший в 1073 г. закладку монастырского Свято-Успенского собора, Черниговский епископ Иоанн, участвовавший как в освящении Успенского собора в 1089 г., так и в перенесении мощей преподобного Феодосия, и епископ Поросский* (Юрьевский) Антоний, присутствовавший в 1089 г. на освящении Великой Печерской церкви, — о нем, кроме летописей, пишет Симон в «Сказании о священіи» лаврского собора. Обратимся к этому рассказу: «...Вопроси тех блаженный митрополить: что ради приидосте, не звани бывше?.. И отвеща Антоній, епископъ Юрьевский: «Азь бех боля, сея же ноши вниде чернець ко мне и глагола ми: заутра освящается церкви Печерьскаа, да будеши тамо. Якоже точію слышахъ — и тако здравъ бых, и се есмь под повеленію вашему». Святитель Антоний участвовал также в перенесении мощей аввы Феодосия. Летописи не называют его среди прибывших на празднество епископов, однако о нем упоминает Нестор в Житии преподобного. Трудно после вышеописанного не увидеть в этих иерархах людей, духовно очень близких Печерской обители и, скорее всего, ее постриженников⁸¹.

Начало XII века ознаменовалось новыми хиротониями печерских черноризцев.

Так, новоприбывший из Царьграда митрополит Никифор в 1105 г. хиротонисал сразу трех епископов, и все они были выходцами из лавры. «В се же лето, — гласит летопись, — митрополит поставил Амфилохия епископом во Владимир, месяца августа в 27-й день. В том же году поставил он Лазаря епископом в Переяславль, месяца ноября в 12-й день. В тот же год поставил Мину епископом в Полоцк, месяца декабря в 3-й день»⁸².

Рукописные святцы причисляют епископа Владимиро-Волынского Амфилохия к печерским подвижникам. Свя-

титель Амфилохий управлял своей паствой 17 лет. Скончался он в 1122 году. «В одном списке святцев, — пишет преосвященный Филарет, — сказано, что «святый Амфилохий в пещере преставися»⁸³.

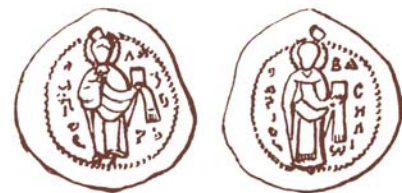
По преданию, он, как и преподобный Варлаам, завещал похоронить себя в Киево-Печерской обители. Память святителя Амфилохия совершается 28 августа, в день празднования памяти преподобных отцов, в Дальних пещерах почивающих, и 10 октября⁸⁴.

Тропарь святителю гласит:

«От мирскаго мятежа изшед, в пещерах Киевских Феодосия блаженнаго богомудренно вселился еси, святителю Христов отче Амфилохие. И отсюду во епископа богоспасаемей пастве Владимиро-Волынстей поставленный, в трудех, в дениих и пощениих свято подвизался еси. И тако достиг добродетелей совершенства, паки в пещеры возвратился еси, идеже и дух свой благочестно предал еси Господеву, к лику преподобных печерских причтен: с ними же молися Христу спастися душам нашим»⁸⁵.

О Переяславском епископе Лазаре известно гораздо меньше. Он был взят на кафедру из игуменов Киево-Выдубицкого монастыря⁸⁶. В годы его игуменства была построена и освящена Свято-Архангело-Михайловская церковь Выдубицкой обители. В ее освящении, вместе с митрополитом Иоанном II, приняли участие святители-печеряне Лука Белгородский и Исаия Ростовский, о чем пишет летопись под 1088 г. Это дает нам право предположить, что на игуменство Лазарь был поставлен из печерских иноков. Строил храм великий князь Всеволод Ярославич, почитатель Печерской обители, специально приезжавший с сыном Владимиром Мономахом на закладку Свято-Успенского собора. Свой «отний» храм Архангела Михаила он построил по его образцу⁸⁷. Вполне естественно, что и настоятеля князь мог взять из Печерской обители, подобно тому, как когда-то Изяслав, его брат, забрал в новосозданный «отний» монастырь Димитрия Солунского преподобного Варлаама.

О духовной связи Выдубицкого монастыря с Печерским свидетельствует граффити преподобного Стефана на стенах Михайловской церкви. Такую надпись мог сделать только один из ктиторов храма⁸⁸, каковым, очевидно, ее автор и являлся. Вполне возможно, что преподобный Стефан был духовником выдубицкого игумена. Наверное, Лазарь поступил в Печерский монастырь в годы Стефанова настоятельства, и с тех пор между ними сохранялись духовно близкие отношения. Преподобный Стефан, мудрый и деятельный ученик аввы Феодосия, наставник ино-

Печать епископа Переяславского Лазаря.

* Поросье — природно-исторический район в Киевском княжестве в междуречье Роси и Стугны с центром в г. Юрьеве.

Из лаврской Псалтири 1624 г.

чествующих, «князь Церкви», воспитал многих достойных чад Православия, среди которых — Нестор Летописец, Лазарь, епископ Переяславский, Климент, игумен Кловский, и др. Святитель Лазарь управлял епархией 12 лет. Преставился он, согласно Лаврентьевской летописи, 26 сентября 1117 г.

О епископе Мине Полоцком, в отличие от двух предыдущих владык, сохранились упоминания в письменных лаврских источниках. О нем пишет святитель Симон в послании к Поликарпу. Полоцк, столица племени кривичей и полочан, живших в бассейне реки Полоты* на северо-западных рубежах Руси, считался тогда одним из важнейших в стратегическом плане городов. Епархия в нем была основана еще при равноапостольном князе Владимире⁸⁹. «В Полоцке сидел в то время Глеб Всеславич, большой почитатель Печерского монастыря, который на свои средства построил в 1108 г. трапезную. Он и его жена внесли в... монастырь значительные вклады. Возможно, их связь с обителью и стала причиной избрания на эту кафедру именно печерского постриженника»⁹⁰. Преставился святитель Мина 20 июня 1116 г. За год до своей смерти он участвовал в перенесении мощей страстотерпцев Бориса и Глеба с братьями-печерянами Феоктистом, епископом Черниговским, и Лазарем, епископом Переяславским, а также другими архиереями. Погребен был Полоцкий архипастырь в церкви Всемилостивого Спаса⁹¹.

О Черниговском епископе Феоктисте древние источники упоминают довольно часто. Он с 1108 (1103?) г. являлся преемником игумена Иоанна на настоятельстве, став первым печерским архимандритом. Именно он добился для обители статуса архимандрии, чтокрепило ее первенствующее положение среди монастырей Руси. Огромная заслуга его в том, что он смог завершить процесс канонизации преподобного Феодосия, начатый еще несколько десятилетий назад. Феоктист известен как активный

строитель. При нем были сооружены в 1108 г. большая каменная трапеза и Свято-Троицкая надвратная церковь⁹², в следующем году он построил часовню над могилой инокини Евпраксии, сестры князя Владимира Мономаха. Монастырь был при нем обнесен каменной стеной. Под этим же 1108 годом сообщается об окончании «верха» над храмом Влахернского кловского монастыря — вероятно, не без помощи печерского архимандрита.

Митрополит Евгений (Болховитинов) пишет о том, что при печерском архимандрите Феоктисте были перенесены из Десятинной церкви мощи святителя Михаила, первого митрополита Киевского, в Антониевы пещеры⁹³.

Преподобный Феоктист упоминается в житии Никиты Затворника вместе с игуменом Никоном Великим, Пименом Постником и Иоанном, будущими настоятелями печерскими; преподобными Исаией и Николаем, впоследствии епископами Ростова и Тмутаракани, Агапитом, Онисифором Прозорливым, Григорием Чудотворцем, Исаакием Затворником, Матфеем Прозорливым, Нестором Летописцем и Григорием, творцом канонов. Поликарп пишет об изгнании ими беса из прельщенного Никиты. Господь в Евангелии предупреждал: «Сеи же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21). Отцы, собранные игуменом Никоном для исцеления несчастного собрата, имели особую духовную силу и власть над дьяволом как великие молитвенники и постники. Из этого мы видим, что Печерская обитель была воистину «горнилом для золота» (Пр. 17, 3), своеобразной кузницей кадров, где духовно росли и совершенствовались деятели Церкви Христовой, добрые пастыри, учителя и святители народа Божия.

Блаженный Феоктист стал епископом в 1113 г. и принял Черниговскую кафедру от печерянина Иоанна, с которым у него были духовно близкие, доверительные отношения. Их связывала любовь к Черниговщине, оба были тесно знакомы с семьей удельного князя Давида Святославича. Возможно, на смертном одре епископ Иоанн ходатайствовал о хиротонии печерского настоятеля. Феоктист прибыл в Чернигов «месяца января в 12-й день, а посажен на стол** в 19-й день. И рад был князь Давид Святославич и княгиня Феодосия, ибо он был отцом ее духовным. И бояре, и все люди радовались, ибо преемник его епископ Иоанн был немощен и не мог он служить, а лежал в болезни 20 и 5 лет. Потому-то князь и люди жаждали епископской службы, и радовались они, славя Бога», — пишет летопись⁹⁴. Феоктист был духовником не только княгини, но и всей семьи Святославичей. Именно под его

Печать святителя Мины Полоцкого.

* Сейчас — северная часть Витебской области в Белоруссии.

** Т. е. на престол, настолован.

влиянием Никола Святоша, сын князя Давида, пришел в 1106 г. в Печерский монастырь и именно от него, как игумена, принял иноческое пострижение.

Среди духовных чад блаженного Феоктиста были также Полоцко-Минский князь Глеб Всеславич, пожертвовавший средства на возведение трапезы Печерского монастыря, его супруга — княгиня Анастасия и отец Анастасии — Владимиро-Волынский князь Ярополк Изяславич.

Летопись сообщает о святителе под 1115 г., в связи с перенесением мощей святых Бориса и Глеба. Среди участников торжества он назван первым после митрополита в ряду прочих епископов. Здесь же присутствовал его преемник по настоятельству печерский игумен Прохор.

На кафедре архипастырь прославился большими преобразованиями и активной строительной деятельностью. Им был возведен величественный Свято-Успенский собор Елецкого монастыря — краса Черниговщины, во многом повторявший архитектурные черты Свято-Успенского собора Печерской обители⁹⁵.

Преставился святитель Феоктист 6 августа 1123 г., в один год со своим духовным сыном — Черниговским князем Давидом Святославичем.

Летопись, сообщая об упокоении архипастыря, пишет в следующей строке: «В се же лето поставили Симеона епископом в град Владимир»⁹⁶. Вспомним, что предшественником этого архиерея в Волынской епархии был святитель-печерянин Амфилохий. Епископ Симеон был «рукоположен из старцев печерских»⁹⁷. Он управлял церковной жизнью Волыни 13 лет. Почил владыка Симеон в 1136 г.⁹⁸

Печерянином был и святитель Туровский Лаврентий. О нем, как о печерском постриженнике, пишет епископ Симон в послании к Поликарпу. Летопись упоминает о нем под 1182 г., рассказывая о его присутствии на возведении в архимандричий сан священника Василия, избранного братией в настоятели Киево-Печерской лавры⁹⁹.

Особая роль в жизни Церкви принадлежит святителю Нифонту, архиепископу Новгородскому (1.01.1131 — 21.04.1156)¹⁰⁰. Житие его гласит, что он родился в семье благочестивых и добродетельных киевлян, живших на окраине столицы, и в святом крещении наречен был Никитой. Родители Никиты «жили праведно и большую милостыню из своего имущества подавали на церкви Божии и клир... Также и нищих и странников, и немощных жалели, и делали для них многочисленные трапезы... И всегда блаженные те родители ходили в храм Божий, молясь со слезами Богу и Пречистой Богородице, чтобы послал им Бог плод, ибо были бездетны. И услышал Бог чистую их молитву, и дал им плод, как в древности пророка Самуила — сего блаженного отрока»¹⁰¹.

Школой духовности и богомыслия стало для Никиты послушничество в Киево-Печерской лавре. Пребывание в обители наложило на его душу глубокий и неизгладимый след. Благоговейную любовь к печерским угодникам, и особенно к преподобному Феодосию, он сохранил на всю

Печать святителя Новгородского Нифонта.

свою жизнь. Игумен Тимофей (1124-1132) постриг его в ангельский чин и нарек ему имя Нифонт. «Подражая преподобным отцам, Нифонт богоугодно украшал себя молитвою, бдением, постом и всякими добродетелями»¹⁰².

Новгородская летопись под 1130 г. пишет: «В се же лето отрекся архиепископ Иоанн от Новгорода, и поставили архиепископа Нифонта, мужа святого и весьма богобоязненного. И пришел в Новгород месяца января в 1 день, на святого Василия, на обедню»¹⁰³.

Предстоятелем Церкви в то время был митрополит Михаил II¹⁰⁴. Святитель Нифонт очень многое сделал для епархии. Новгородцы любили своего архипастыря. Новгородский летописец пишет: «О сем знает каждый из нас — кто из епископов так украсил Святую Софию? Он расписал притворы, устроил иконостас, а снаружи покрыл известью и сделал свинцовую кровлю. В Пскове создал церковь Спаса на Завеличьи, а в Ладогe святого Климента»¹⁰⁵.

В годы епископства преподобного Нифонта были воздвигнуты: каменный храм во имя святого Иоанна Предтечи на Опоках (1132), деревянная церковь Пресвятой Богородицы и святого Георгия на Торговище (1833), каменный храм Успения Пресвятой Богородицы на Торговище и Свято-Никольская церковь на Яковлевой улице (1135), деревянные храмы в честь святых князей Бориса и Глеба в околотке, в каменном «граде», пророка Божия Илии и апостолов Христовых Петра и Павла на Холме, бессребреников Космы и Дамиана на Холопьеи улице (1146), Свято-Васильевская и Константино-Еленинская церкви (1151), храм святого Саввы¹⁰⁶. Некоторые из них, как Иоанно-Предтеченский и Свято-Успенский храмы, были сооружены иждивением благоверного Новгородского князя Всеволода-Гавриила, призвавшего в 1130 г. святителя Нифонта из Киева на кафедру в свой удельный город и весьма почитавшего его как истинного угодника Божия. Из монастырей в Нифонтово время упоминаются: Антониев, основанный еще в епископство Никиты Затворника, — владыка Нифонт рукоположил святого Антония Римлянина на игуменство; Воскресенский, Варварин женский, Бело-Николаевский, в котором в 1135 г. владыкой была заложена каменная церковь во имя Николая Чудотворца, Зверин Покровский женский, Свято-Пантелеимонов, которому около 1134 г. учредительной княжеской грамотой были пожертвованы угодья и земли; Свято-Успенский в Аркажах, основанный в 1153 г. духовным сыном святителя Нифонта игуменом Аркадием, впоследствии — Новгородским епископом. «В Пскове видим два монастыря: Спасский Завеличский, основанный в 1154 г. Новгородским епископом Ни-

фонтом на Завеличье с каменной церковью, и Спаский Мирожский на устье реки Мирожь, устроенный тем же епископом и игуменом Авраамием»¹⁰⁷.

Епископ Нифонт был знатоком литургики и канонического права. «Известны ответы блаженного Нифонта на вопросы Кирика, иеромонаха Новгородского Антониева монастыря, относящиеся к богослужению, совершению таинств и обрядов. Эти ответы в древности пользовались полным уважением всей Церкви и теперь служат для нас доказательством, что все существенное в догматах веры и совершении таинств сохранилось издревле неизменным, как непреложна сама воля Божия»¹⁰⁸. Нифонт был также причастен к летописанию. Чрезвычайно интересен тот факт, что Новгородский архипастырь, как и святитель Иларион, участвовал в уложении свода законов, формировал основы древнерусского церковно-гражданского юридического права, о чем говорят сохранившиеся грамоты 1134 и 1137 гг.¹⁰⁹.

Епископ Нифонт резко выделяется из ряда предшествующих епископов тем, что «принимает самое деятельное участие в земских делах новгородских, и не только новгородских, но даже и общерусских. Он призывал в Новгород для успокоения здешних волнений митрополита Михаила, в 1141 г. ходил в Киев с делегацией за новым Новгородским князем, в 1147 г. ходил к Юрию Долгорукому «мира деля»*, в 1154 г. ходил к тому же Юрию просить в Новгородские князья его сына. Что касается дел общерусских, то в 1135 г. он ходил в Киев мирить киевлян с черниговцами»¹¹⁰. Епископ Нифонт прославился как «муж самых строгих правил и непоколебимых убеждений», не побоявшись, например, выступить против Новгородского князя Святослава. «Когда этот последний решился вступить в незаконный брак, Нифонт не только сам отказался венчать князя, но запретил и в своей епархии венчать его... Нифонт имел у себя врагов, которые выдумывали на него разные клеветы... Но были и такие, которые защищали Нифонта, разделяли его убеждения, видели в нем ревнителя веры и правды, поборника всей земли Русской и говорили, что только по грехам своим новгородцы не удостоились иметь у себя гроб сего святителя, скончавшегося в Киеве»¹¹¹.

Врагов епископ Нифонт нажил своей непримиримой позицией в отношении нарушения канонов, что случилось на соборе, созванном в 1147 году великим князем Изяславом II для избрания на Киевскую митрополию Климента Смолятича.

Сделано это было без благословения и согласия Константинопольского патриарха, под нажимом великокняжеской власти: «В лето 6655 Изяслав постави митрополита Клима... Русина, особь с шестью епископы, месяца июля в 27»¹¹².

Избранник Изяслава, схимник Зарубинского монастыря Климент был человеком книжным, «философом», как называет его летопись¹¹³. Однако он не пользовался авто-

Печать епископа Новгородского Аркадия.

ритетом среди паствы, которой был до своего поставления практически неизвестен. Иерархи на соборе действовали под сильным давлением князя, стремившегося возвысить своего духовника.

Большинство епископов, шесть из девяти, поддержали князя. Против нарушения канонов выступили епископы Нифонт Новгородский, Косьма Полоцкий и Мануил Смоленский. «Нет того в законе, чтобы ставить епископам митрополита без патриарха. Митрополита должен ставить патриарх. А посему мы ни поклонимся тебе, ни сослужим с тобою, поскольку не взял ты благословения от Святой Софии и патриарха. Если же исполнишь то, благословившись у патриарха, тогда поклонимся тебе», — приводит их аргументы летопись¹¹⁴. Тогда князь и соборное большинство решились на беспрецедентный шаг — Климент был рукоположен возложением на него главы святого Климента, папы Римского. Самочинное поставление (не рукоположение, которое было все же каноничным — в хиротонии участвовало 6 архиереев) привело к схизме — расколу между Церквами-Сестрами, Константинопольской и Киевской. Впервые в истории отечественного Православия произошел трагический разрыв единого канонического церковного пространства.

«Климент старался примирить с собою протестовавших епископов. Особенно важно было для него признание Нифонта, пользовавшегося авторитетом и известного в качестве знатока канонов. После тщетных двухгодичных попыток было прибегнуто к силе. Епископ Мануил спасался тем, что скрылся. Святой Нифонт, при содействии великого князя, был привезен в Киев и заключен в Печерский монастырь. Патриарх Николай Музалон прислал одобрительную грамоту Нифонту и, возведя его в архиепископы, принял под свою непосредственную власть»¹¹⁵.

В августе 1149 года Изяслав был низвергнут Юрием Долгоруким. Долгорукий никогда не признавал законности Климента, который к тому же окончательно потерял авторитет тем, что дерзнул не помянуть Вселенского патриарха. Он изгнал Климента и освободил архиепископа Нифонта. Междоусобные распри между Изяславом и Долгоруким за киевский престол продолжались еще несколько лет, и каждый раз с возвращением Изяслава возвращался Климент. В 1155 году Долгорукий, после смерти Изяслава, окончательно утвердил свою власть над Киевом и сразу же обратился к патриарху с просьбой прислать на Русь митрополита. В 1156 году в Киев прибыл митрополит Константин. Блаженный Нифонт выехал из Новгоро-

* Деля — для, т. е. для мира.

да ему навстречу, однако по дороге заболел и скончался в Киево-Печерском монастыре. Это случилось в субботу пасхальной недели — как добрый знак воздаяния за все те скорби, труды и гонения, которые мужественный иерарх претерпел за истину Христову.

За три дня до смерти блаженный поведал братии такое дивное видение: «Пришел я после утреннего пения в келию. И вот показалось мне, что я нахожусь в святой Печерской церкви на месте Николая Святоши. Со слезами я стал молиться ко Пресвятой Богородице, дабы увидеть доброго строителя сей церкви, преподобного Феодосия. В церковь собралась многочисленная братия, и один, подойдя ко мне... ввел в алтарь и там показал мне святого Феодосия. Я же, видя его, в радости пал к его ногам и поклонился до земли. Святой отец, подняв меня, благословил и сказал: «Добре пришел еси, брате и сыне Нифонте! Отселе ты будешь с нами неразлучно». В руке своей преподобный держал свиток, который дал мне. Разгнув его, я прочитал: «Се аз и дети, яже ми дал есть Бог» (Евр. 2, 13). Придя в себя, я понял, что это посещение было от Бога».

Проболев после этого тринадцать дней, блаженный Нифонт с миром скончался о Господе, в восьмой день месяца апреля, в субботу Светлой Недели. «Тело его было положено в пещере преподобного Феодосия, духом же своим он предстоит престолу Владыки Христа, вместе с сим преподобным», — пишет Житие святителя ¹¹⁶.

Ныне мощи святого Нифонта, который был канонизован в XVI веке митрополитом всея Руси Макарием, покоятся в Антониевых пещерах. Память его отмечается 8 апреля, в день блаженной кончины, и 28 сентября ¹¹⁷.

Завершая рассказ о XII веке, скажем, что к когорте печерян, по мнению исследователей, относился и епископ Ростовский Нестор (упомянут в летописях под 1148 г., оставил кафедру в 1156-1157 гг.). Современники называли его святым ¹¹⁸. Археограф А.Г.Кузьмин считает его последним автором «Летописца старого Ростовского», содержавшего ценнейшую информацию о Киево-Печерской обители. Изгнанный Андреем Боголюбским из Ростова, Нестор вернулся в Киев, что дало А.Г.Кузьмину основания для гипотезы о печерском происхождении архипастыря, тем более, что тот был близок к святителю Нифонту ¹¹⁹.

Именно на «Летописец старый Ростовский» ссылается епископ Симон, перечисляя постриженников Печерского монастыря в архиерейском сане. Он пишет Поликарпу: «...аще хошеши вся уведати, прочти летописца старого Ростовьскаго, есть бо всех боле 30, а иже потом и до нас грешных, мню, близь 50. Разумей же, брате, колика слава и честь манастыря того» ¹²⁰. Действительно, не только XII, но и XIII век не оскудел архиерейскими хиротониями печерских подвижников.

В Ближних пещерах покоятся мощи святителя Меркурия Смоленского, который преставился в 40-х годах XIII ст. и завещал похоронить себя в родной обители. Меркурий был преемником Смоленского епископа Лазаря, упомина-

Святитель Нифонт. С лаврской гравюры.

емого в летописях под 1220 годом. Историк Церкви пресвященный Филарет (Гумилевский) пишет, что епископ Меркурий, «по преданию, до посвящения в сан святительский подвизался в Печерской обители, где... обрел себе и последний покой» ¹²¹.

Святитель Симеон, епископ Переяславский, также принял пострижение в Киево-Печерской лавре, как считает архиепископ Филарет. Он погиб в Переяславле, когда полчища монголов напали на город в 1239 году. Память его совершается в день собора преподобных отцов Киево-Печерских во вторую неделю Великого поста ¹²².

В Ростове с 1214 г. епископствовал святитель Пахомий, о котором Ростовская летопись пишет: «Сей блаженный епископ был избранник Божий и истинный пастырь, а не наемник; агнец, а не волк. Не собирал он богатств от чужих домов и не хвалился ими, но обличал грабителей и лихоимцев, усердно пекся о сиротах, был весьма милостив к убогим и вдовицам; смирен, кроток, исполнен книжного ученья, всеми способами утешал печальных... прежде 5 лет был добрым чернецом в Печерском монастыре, потом управлял черноризцами в монастыре святого Петра 13 лет. Наконец, 2 года держав епископию, отошел к Богу» ¹²³. Преставился святитель Пахомий в 1216 году. Погребение собрата совершал святитель Симон, автор Патерика.

Преемником Пахомия был черноризец Кирилл, настоятель Димитриевского Суздальского монастыря — подворья Киево-Печерской лавры. В 1218 г., как сообщает Лаврентьевская летопись, епископ Кирилл освятил Борисо-

глебский храм в Ростове, в 1224 г. — церковь Спаса в Ярославле. Святитель, как отмечает летописец, имел большую библиотеку, был богат «книгами... яко ни един епископ в Суждальстей области». После тринадцатилетних архиерейских трудов епископ Кирилл снова удалился в Свято-Димитриевское подворье «для высших подвигов, приняв схиму с именем Кириака»¹²⁴. Преставился схиепископ Кириак 17 апреля 1230 г., раздав предварительно все свое имущество нищим. К печерской братии, скорее всего, принадлежал и ростовский епископ Кирилл II, пребывавший на кафедре в 1231-1262 гг. Ранее он был настоятелем Владимирского Рождество-Богородичного монастыря, основанного святителем Симоном, автором Патерика. Интересна такая подробность: по случаю хиротонии епископа Кирилла, которая произошла в Софии Киевской в 1231 г., Печерский монастырь дал торжественный прием в трапезных палатах. На его хиротонии присутствовал печерский архимандрит Акиндин¹²⁵. Летописец так характеризует его: «Он ничем не отстал от прежних епископов Ростовских, святых Леонтия, Исаии и Нестора, последуя их нравам и учению, не только словом, но делом подавая пример. И все дивились ему, князья и вельможи и все жители Ростова, не только простцы, но и священники, и игумены, и весь чернецкий чин — все спешили из окрестных мест в город, в соборную церковь Святой Богородицы для того, чтобы послушать ученья его от святых книг и подивиться великолепию церкви, которую он дивно украсил... Уже в первое лето своего епископства он показал многие добродетели, как истинный святитель, а не наемник. Князьям, боярам и вельможам был он на успех, помогал обидимым, утешал печальных, миловал нищих, исполняя слово апостола: «Всеми бых вся, да всяко некия спасу» (1 Кор. 9, 22)»¹²⁶. Епископ Кирилл причислен Церковью к лику святых.

Добрый служителем алтаря был епископ Владимиро-Суздальский Симон, которому епархия обязана своим расцветом. Неоценим и драгоценен для Православия его агиографический труд о подвижниках Киево-Печерской лавры. Пример Симона, а также его благословение подвигли Поликарпа продолжить описание подвигов и чудес печерских угодников. Влияние творений Симона на общественное сознание, философскую и нравственную мысль, на идеологию было огромным. Можно сказать, что Симонов Патерик стал путеводителем жизни, учебником христианского воспитания для многих поколений. В нем во всей многогранности раскрыта красота преображенной Святым Духом христианской души.

К печерянам можно причислить и епископов, занимавших до хиротонии настоятельские места в подворьях лавры или близких к ней по духу обителях. При этом не обязательно, чтобы они были лаврскими постриженниками. Главное — в духовном родстве, в причислении себя к чадам великих отцов русского монашества. В связи с этим нельзя не упомянуть об одной коллизии, возникшей в XIII в. Митрополит Никифор в 1183 г. поставил в Ростов еписко-

пом Николая грека. Однако Владимиро-Суздальский князь Всеволод Юрьевич и народ не приняли его, аргументируя отказ тем, что «не избраша сего людие земли нашея». Паства единодушно пожелала иметь своим архиереем игумена монастыря Спаса на Берестове Луку. Летописец в связи с неприятием «гречина» резюмирует: «Несть бо достойно наскакати на святительский чин, но его же Бог позовет, князь восхошет и людие». Откуда же «князь и людие» смогли узнать о «богопризванном» берестовском подвижнике, ведь расстояние между Киевом и Ростовом весьма немалое? Ответ один — через подворья Печерской лавры, которыми связывались воедино отношения между столичной святыней и всем Ростово-Суздальским регионом. Да и сами Ростов, Владимир и Суздаль были вращены на почве лаврской духовности. Епископ Лука, хиротонисанный 11 марта 1184 г., был, как характеризует его летопись, «молчалив, милостив к убогим и вдовицам, ласков ко всякому — богатому и убогому, смирен и кроток; утешал печальных словом и делом; пас словесные овцы, как добрый пастырь, не лицемерно, с кротостию и рассмотрением, бодрствуя над ними и оберегая их день и ночь; победил мирскую похоть и диавола, укрепляясь оружием крестным». Преставился святитель Лука 10 ноября 1189 г.¹²⁷. Церковь причислила его к лику святых.

Не только северо-восток, но и запад Руси входили в орбиту влияния лавры. Форпостом этого влияния был Свято-Успенский Святогорский пещерный монастырь на Волыни, настоятели которого были желанными кандидатами на архиерейские кафедры окрестных епархий. Волынская летопись, отмечая христианские добродетели святогорцев, пишет под 6731 (1223) г.: «В годы княжения Даниила и Василька Романовичей такие были Владимирские епископы: Иоасаф, блаженный и преподобный святитель из святой горы, а потом... Василий из святой горы, ...а потом Косьма, кроткий, преподобный, смиренный...»¹²⁸.

По некоторым доказательствам мы можем судить и о причастности к кругу близких к лавре церковных деятелей епископа Кирилла Туровского, талантливейшего писателя, одного из самых крупных мыслителей домонголь-

Древние панации из ризницы Киево-Софийского собора.

ской Руси. Согласно проложному Сказанию XIII в., Кирилл родился в Турове, был «затворником», за великую ученость и златоустовский дар сподобился в 1169 г., по предложению князя и горожан, хиротонии во епископа. Туров не был чужим для лавры городом — здесь некоторое время пребывал сосланный Святополком II в последние годы XI в. печерский игумен Иоанн, сюда в 1182 г. был поставлен архиереем печерянин Лаврентий. Святитель Кирилл являлся его предшественником, трудясь на кафедре в 1169-1182 гг. Епископ Лаврентий присутствовал в 1182 г. на возведении в игуменский сан киево-печерского архимандрита Василия. Святитель Кирилл хорошо знал обоих, более того — преклонялся перед их добродетелями. Основательно знаком он был и с наследием преподобного Феодосия. Об этом можно судить по посланию Кирилла архимандриту Василию, которое, по сути, является свидетельством богословского диалога между двумя единомышленниками. Знаменитый туровский книжник подчеркивает в нем превосходство печерской духовности, употребляя для выражения своих чувств высокие эпитеты: «Всечестный, богоблаженный Василий, поистине славный и великий во всем мире архимандрит, ...путеводитель к горнему, душа, проникающая тонким умом своим во все богодуховные писания, вторый Феодосий, игумен печерский, хотя не по имени, но по делам и вере...» В самом надписании послания чувствуется благоговейное отношение автора к печерской святости: «Повесть Кирилла многогрешного мниха к Василию игумену Печерскому о белоризце человеце и о мнишьстве, и о душе и о покаянии».

Среди трудов Кирилла есть несколько богословско-аскетических творений: «Кирила мниха притча о человеческой души и о телеси и о преступлении Божия заповеди, и о воскресении телесе человека, и о будущем суде и о муке»; «Кюрила епископа Туровьскаго сказание о черноризьчьстемь чину, от вьтхаго закона и новаго: онаго образ носяща, а сего дела сьвършаающа», и т. д. Отраднo, что важным стимулом, двигателем великого писателя, творчество которого явилось одним из наивысших интеллектуальных достижений XI — XIII вв. — в гениальности он уступает лишь Илариону, — являлись духовные процессы, сконцентрированные в круге традиций лаврской исихии¹²⁹.

Печерские идеалы святости не только через книжное слово, но самим живым примером святителей-печерян распространились по всем пределам Руси. Возводя монастыри, строя при них богоугодные заведения и организуя помощь страждущим, участвуя в умиротворении враждующих и торжестве правосудия, учреждая летописание, способствуя народному просвещению, помогая в воспитании подрастающего поколения, архиерастыри несли в народ миссию добра и правды, распространяли Закон Христов, по слову апостола Павла: «Благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте» (2 Кор. 7, 14).

Киево-Печерская обитель стала для Руси Сионской горницей (Деян. 2, 1-4), откуда, осененные пламенем Духа Святого, во все концы нашей земли пошли с апостольской проповедью и апостольским служением святители Христовы. Убежденность в том, что архиерастыри, вышедшие из Печерской лавры, были святыми, хотя многие из них не канонизованы, присутствует во всех памятниках домонгольской исторической мысли, где принадлежность епископов к славному печерскому собору сразу же возводит их в особый ранг богоносных святителей¹³⁰.

Евангелие, говоря о Царствии Небесном, уподобляет его зерну, посаженному в землю, из которого произросло могучее и ветвистое древо (Лк. 13, 19). Печерский монастырь, возникший из двухсаженной пещерки, не только сам возрос в состояние лавры, но создал целую школу монашества и стал отцом многих монастырей, покрывших густой сетью всю землю нашу. «Преподобные Антоний и Феодосий были такие подвижники, которые не только подвизались сами, но сильны были вдохнуть ревность к подвигам и в других, которые образовали около себя собор подвижников. Преподобный Феодосий, человек исключительной силы духа, той силы, которая захватывает и покоряет, в состоянии был передать свою ревность и другим, создать школу учеников»¹³¹.

Одним из первых побегов этого древа стал Киевский Свято-Димитриев монастырь. При создании обители игуменом в ней был поставлен преподобный Варлаам. Его сменил преподобный Исаия. «С этого времени заметно особое отношение печерян к Димитриевскому монастырю. Стало обычным, что печерский игумен с братией посещает Изяславль монастырь на храмовой праздник — день святого великомученика Димитрия Солунского 26 октября. Когда при игуменстве Никона (1078-1088 гг.) печерскому иноку Лаврентию старшая братия не разрешила пойти в затвор, он затворился в Димитриевском монастыре. Наконец, в 1128 г. Димитриев монастырь окончательно перешел во владение Печерской обители»¹³².

В Киеве вскоре появился еще один монастырь, очень тесно связанный с лаврой. Это обитель Ризоположения Пресвятой Богородицы на Клове, или, по летописям, Стефанеч Кловский монастырь. Их роднила особая духовная

Святой апостол Павел.
Из лаврской Толковой
Псалтири 1697 г.

связь с Влахернским чудом — явлением Пресвятой Царицы греческим зодчим, получившим от Нее повеление строить Великую лаврскую церковь.

Стефанова обитель первой на Руси, задолго до Иверского и Новоиерусалимского монастырей патриарха Никона, скитов Вифания и Гефсимания митрополитов Московских Платона и Филарета, Ближней и Дальней пустынь преподобного Серафима Саровского, приняла имя в честь святыни Востока, по благословению преподобных отцов печерских. Этот прецедент положил начало одной из самых прекрасных традиций Православной Руси.

Преподобный Стефан сделал свой монастырь во всем подобным Печерской обители. Ученик и преемник Стефана Климент также весьма почитал ее, что видно из деятельного участия кловского игумена в обретении святых мощей преподобного Феодосия.

В окрестностях Киева, в селе Лесники, существовал пещерный скит, куда часто удалялся авва Феодосий, затворяясь в нем во время Великого поста. «На этом месте у озера Глумец в древности стоял пещерный Глинецкий или Глуменский монастырь, основанный вскоре после построения Великой печерской церкви в 1089 г.»¹³³. Урочище это получило название Церковщина. В дореволюционное время в Церковщине действовала древняя пещерная церковь в честь преподобного Феодосия Печерского. Достопримечательностью Церковщины является святой источник преподобного Антония Печерского. При раскопках пещер было обнаружено много мощей неизвестных подвижников. «Открыто было много иноческих келий и усыпальниц, в которых сохранились иноческие одежды и вещи древнего афонского образца: параманы, аналавы, сандалии, пояса с изображением Успения Божией Матери... Найдены толстые огарки свечей и другие священные предметы»¹³⁴. Нет сомнения, что обитель эта являлась скитом Печерского монастыря, придерживалась Студийского устава и афонских традиций.

Под значительным влиянием Печерской лавры находился Спасский на Берестове, или Германеч монастырь, основанный еще при жизни преподобных Антония и Феодосия черноризцем Германом, который в 1072 году стал в нем игуменом. В пользу этого говорит как самое близкое их соседство, так и то обстоятельство, что в летописях их игумены часто упоминаются рядом¹³⁵. В ставропигиальной грамоте Андрея Боголюбского эта обитель упоминается как одно целое с лаврой. То же самое можно сказать о Симеоновском монастыре, основанном в 1073-1076 годах близ Подола, в Копыревом конце, на горе Вздыхальнице. Этот монастырь был сооружен великим князем Святославом и был фамильным в роду Святославичей. Как известно, этот князь являлся ревностным почитателем преподобного Феодосия и был его духовным сыном. Несомненным представляется благотворное влияние преподобного Феодосия и на Святославов монастырь. Впрочем, это влияние простиралось на все обители не только столицы,

но и других городов и весей Киевской Руси, ибо Печерский устав очень быстро распространился на все стороны монашеской жизни в нашем отечестве.

Среди женских обителей Киева в близком духовном родстве с лаврой находились древний Свято-Николаевский монастырь, в котором постриглась мать преподобного Феодосия, и Андреевский, или Янчин монастырь, устроенный в 1086 году великим князем Всеволодом Ярославичем. В нем приняла пострижение дочь Всеволода Анна (Янка) и, собрав многих черноризиц, стала в нем игуменией. В 1106 г. здесь постриглась сестра Янки Евпраксия, которая после смерти в 1109 г. была погребена в Киево-Печерской обители¹³⁶.

Пещерным был Зарубский Свято-Успенский монастырь в Киевском княжестве. В летописи он упоминается под 1147 годом. Сравнительно недавно историко-археологическая наука пополнилась данными о древних Зверинецких и Китаевских пещерах в окрестностях Киева, раскопки в которых показали, что еще в домонгольский период в них существовала монашеская жизнь. Судя по граффити на стенах Зверинецких пещер, здесь в XII-XIII в. теплились отшельнические традиции Печерского монастыря. «Древние Китаевские пещеры расположены под горой, где, по преданию, находился загородный дворец великого князя Андрея Боголюбского, который в 1159 г. пожертвовал это место Киево-Печерской лавре»¹³⁷.

В Василькове, на родине преподобного Феодосия, археологами обнаружен небольшой пещерный комплекс с подземным сооружением, которое квалифицируют как вероятную подземную церковь. Подземный ход соединял ее с наземным храмом в честь преподобных Антония и Феодосия Печерских. Рядом были найдены остатки древнего пещерного монашеского скита. Предание и некоторые письменные источники относят его основание к XIII в.

По предположению историка И.М.Каманина, в Киеве, как подземные, пещерные начинались Межигорский, Кирилловский, Андреевский, Михайловский, Пустынно-Николаевский и Выдубицкий монастыри. Без всякого

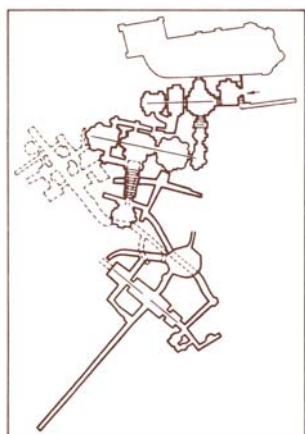

Из лаврского Акафистника 1654 г.

сомнения, идеалом пещерного подвижничества и побуждением к этому виду аскезы явился для них пример Киево-Печерской лавры и ее святых основателей — преподобных Антония и Феодосия.

Преподобный Антоний еще в ранней юности избрал отшельническую жизнь, ибо она давала ему возможность беспрепятственного общения с Богом. Древний Любеч с благоговением хранит предание о его безмолвном уединении в пещере, собственноручно выкопанной в окрестностях города. Пещера Антипы «позднее стала основой Любечского Антониева монастыря. Обитель была разрушена татарами в XIII ст. и возобновлена в 1694 г. иноками Ионой и Иннокентием (Иваном) Щирским, известным украинским гравером (ок. 1650-1714). Старинную пещеру, которую приписывают преподобному Антонию, засыпали в 1842-43 гг.; археологические раскопки в ней не проводились»¹³⁸. Черниговщина с особым почитанием относится к своему святому земляку. Памятником его молитвенных подвигов до сих пор остаются два монастыря в Чернигове: Троице-Ильинский и Успенский Елецкий.

«Троице-Ильинский монастырь расположен на Болдинских горах. Вид этого монастыря издали, особенно со стороны реки Десны, представляется очень живописным и напоминает Киево-Печерскую обитель. С возвышенностей монастыря открывается замечательный вид. Невдалеке от монастыря, в овраге, стоит, смиренно прижавшись к горе, небольшая церковь во имя пророка Илии. Немного дальше виднеется Елецкий монастырь». Преподобный Антоний, пребывая в изгнании на Болдине, выкопал здесь пещеру. «Слава о его подвигах скоро распространилась по всей окрестности и привлекла к нему любителей безмолвной жизни. Князь Святослав Ярославич, благодетельствуя этим подвижникам, в том же 1069 году рядом с пещерой, выкопанной Антонием при скате горы, основал небольшой монастырь. Пробыв в Чернигове, преподобный Антоний снова возвратился в Киевскую пещеру, а монастырь, оставленный им, стал постепенно расти и увеличиваться. Пещеры, выкопанные Антонием, привлекали новых подвижников, которые стали распространять их в различных направлениях»¹³⁹. По структуре своей ильинские пещеры очень напоминают лаврские. В них расположены три пещерные церкви — во имя преподобных Антония, Феодосия и Николы Святоши, пещерских чудотворцев.

План пещер Троице-Ильинского монастыря в Чернигове. XI ст.

По преданию, преподобному Антонию во время черниговского затворничества явилась Пресвятая Богородица в чудотворном Своем образе, обретенном на ветвях ели в пламени небесно-

го света. Случилось это на другом отроге Болдинской горы, в густом еловом лесу, куда старец часто удалялся для ночной молитвы. «Преподобный Антоний с помощью князя Святослава устроил каменную церковь на том месте, где явилась святая Елецкая икона»¹⁴⁰. Здесь возник монастырь, нареченный, как и лавра, Свято-Успенским. Он первоначально был подземным, о чем свидетельствуют древние лабиринты пещер, «по своему строению напоминающие пещеры Киевского Печерского монастыря... На стенах видны изображения крестов и надписи славянскими буквами»¹⁴¹. Игуменом в одной из этих обителей мог быть черниговский черноризец Павел, почитатель преподобных Антония и Феодосия, о котором упоминает Нестор Летописец в Житии Феодосия Печерского¹⁴².

Елецкая чудотворная икона Божией Матери.

В отличие от черниговских обителей, тмутараканский Богородичный монастырь, также основанный выходцем из Печерской лавры — преподобным Никоном, не сохранился. Исходя из того, что почти все монастыри, созданные пещерянами в честь Пресвятой Богородицы, были Свято-Успенскими, можно предполагать, что и этот был освящен во имя Успения Богоматери.

Успению Пресвятой Богородицы был посвящен Святогорский вольнский монастырь, основанный, по преданию, равноапостольным князем Владимиром. «Здесь и донныне хранится драгоценная святыня — благодатная икона Божией Матери, которой Константинопольский патриарх благословил царевну Анну на брак с Владимиром, оставленная блаженною четюю в наследие Зимненской церкви»¹⁴³. Монастырь этот находится сейчас в окрестностях

села Зимное на Волыни. «Это первый по времени основания монастырь в Волынской епархии. Предание говорит, что он сооружен в 1001 году святым князем Владимиром. Называется он еще «Печерским», так как в нем под главной верхней Успенской церковью расположены на протяжении нескольких десятков сажен пещеры, в которых некогда подвизались иноки монастыря»¹⁴⁴.

Святогорская пещерная обитель имела тесные отношения с Киево-Печерским монастырем. В ней останавливались печеряне, путешествовавшие в Царьград. В ней скончался преподобный Варлаам на обратном пути из Византии на родину. В половине XIII в. здесь, по преданию, игуменствовал Нифонт, впоследствии архиепископ Новгородский. Древнее фольклорное предание говорит, что святогорские пещеры тянутся с Волыни до самой Киевской лавры.

«По преданию, преподобный Варлаам способствовал миссионерскому освоению Волынских земель и основал там Корецкий Свято-Троицкий монастырь»¹⁴⁵, который существует и поныне. В Корецком ставропигиальном женском монастыре свято чтут память киево-печерских угодников и основателя обители — игумена Варлаама.

Подворьем Печерской лавры был Свято-Димитриевский монастырь в Суздале, построенный около 1096 г. митрополитом Переяславским Ефремом¹⁴⁶. Позднее он занял главное место среди обителей Суздаля. Так, в повествовании о нападении на Суздаль в 1237 году татар летопись пишет, что ими был сожжен монастырь святого Димитрия «и прочий», не тратя времени на их перечисление. О его первенстве свидетельствует тот факт, что димитриевский игумен Кирилл был в 1216 году удостоен архиерейской хиротонии. Историки предполагают, что именно в нем, а также в Космодамиановском Суздальском монастыре настоятельствовал печерский постриженник Поликарп, один из авторов Патерика¹⁴⁷. Митрополитом Ефремом была создана еще одна обитель. В 1089 году в Переяславле он построил Свято-Михайловский монастырь, который в народе так и назывался — Ефремов¹⁴⁸. Вспомним, что в Переяславле на реке Альте, там, где произошло убийство князей Бориса и Глеба, стоял Борисоглебский монастырь, насельник которого, мних Иаков, едва не стал в 1074 году настоятелем Киево-Печерской обители. Это говорит о древних связях переяславских монастырей с лаврой.

Влияние лавры распространялось и на Господин Великий Новгород, многие из епископов которого были печерскими постриженниками. Святитель Никита благословил преподобного Антония Римлянина на создание большого монастыря в честь Рождества Пресвятой Богородицы, первого из новгородских обителей. В 1131 году святитель Нифонт поставил Антония в нем игуменом. «Антониев монастырь несомненно был в Новгороде в период домонгольский первым по великолепию»¹⁴⁹. В нем преподобный Антоний ввел общежительный устав по образцу печерского. Доместик Антониева монастыря Кирик состоял в тесном духовном общении со святителем Нифонтом.

Историк церкви Е.Голубинский предполагает, что и новгородский Юрьев монастырь был построен пришельцами из Киева во главе с игуменом Кириаком¹⁵⁰.

В трех верстах к югу от Новгорода игумен Аркадий, впоследствии епископ Новгородский, построил в 1153 г., по благословию архиепископа Нифонта, деревянную Свято-Успенскую церковь и собрал при ней братию, основав мужской монастырь. В 1188 г. здесь была сооружена каменная церковь в честь Успения. Аркажский, как он назывался, монастырь также можно отнести к духовным всходам лаврского посева. Не случайно именно епископ Аркадий, духовный ученик святого Нифонта, явился распространителем почитания аввы Феодосия в новгородской земле. По его благословию для новгородской Софийской библиотеки был написан Стихирарь, содержащий стихиры преподобному Феодосию¹⁵¹. Явно, что и монашеская жизнь в Свято-Успенской обители в Аркажах ориентировалась на заветы святого Феодосия Печерского.

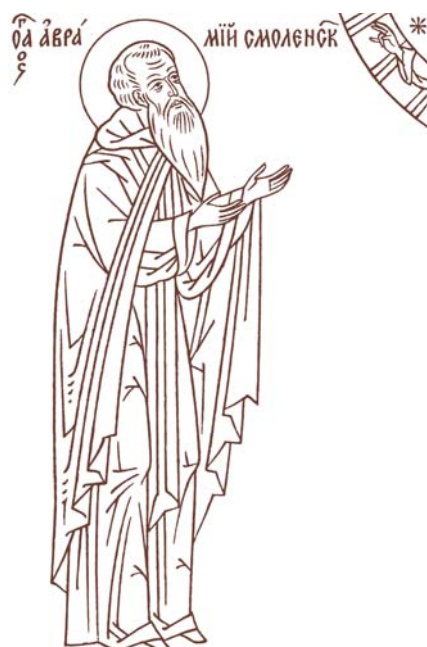
В Пскове, при церкви Спаса в Мирожях, построенной в 1154 г. святителем Нифонтом на так называемом Завеличье, в устье реки Мирожь, возник по его благословию мужской монастырь, созданный преподобным Авраамием. В обители, как драгоценная святыня, много столетий хранился простой деревянный потир, принадлежавший архиепископу Нифонту¹⁵². Это свидетельствует о нестяжании и смирении боголюбивого владыки.

В Ростове тринадцать лет возглавлял Свято-Петровский монастырь печерский постриженник Пахомий, духовник ростовского князя Константина, избранный в 1214 г. на Ростовскую кафедру. В Вологде монашеское подвижничество процветало в Свято-Троицкой Кайсаровской обители, основанной преподобным Герасимом близ ручья Кайсарова, впадающего в реку Вологду. Прибыв в эти дикие и малозаселенные края из Киева, инок Герасим «еще до зачала града Вологды» подвизался здесь, как и преподобный Кукша, в распространении света Христовой веры. В Торжке на тверской земле с 1036 г. действовал Борисоглебский храм, а позднее и монастырь, основанный преподобным Ефремом Угрином, братом печерского подвижника Моисея Угрина. «Здесь, в центре торговли новгородцев, псковичей и полуязыческих племен, Ефрем основал странноприимный дом, 12 лет посвятил христианской миссионерской деятельности и подвигу странноприимства... В 1038 г. Ефрем стал архимандритом...»¹⁵³.

В устье реки Верхняя Старица, впадающей в Волгу, в урочище Старый Бор, «в начале XII века из киев-

Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Реконструкция Г.Штендера.

ских пещер пришли два инок — Трифон и Никандр, построив себе келью, а затем и часовню... И в семидесятых годах XII столетия, при инокe Феодорите, начал созидаться монастырь Успения Пречистой Богородицы»¹⁵⁴. Этот монастырь известен тем, что в XVI веке в нем был настоятелем архимандрит Иов, впоследствии — первый предстоятель Русской Православной Церкви в сане патриарха.

В Смоленске существовал «вне града... за рекою» Печерский монастырь. На место, где он находился, указывает современное село Печоры, расположенное за 8 км от Смоленска¹⁵⁵. К духовным росткам печерского вертограда можно отнести и Ризоположенский монастырь, основанный преподобным Авраамием Смоленским, духовным учеником и почитателем преподобных Антония и Феодосия, о чем говорит его житие¹⁵⁶.

Во Владимире-Залесском великим князем Всеволодом Большое Гнездо был построен на прекрасном возвышенном месте близ реки Клязьмы монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. «Наделив эту обитель всеми средствами для содержания, князь желал, чтобы она, как находящаяся в столице великокняжеской, считалась старейшею в ряду прочих, почему и игумен ее, один из всех настоятелей средней полосы России, носил имя архимандрита, как на юге — игумен Киево-Печерский»¹⁵⁷. Настоятелем обители стал печерский черноризец, духовник княжеской семьи преподобный Симон, впоследствии — архипастырь Владимиро-Суздальской Руси, один из авторов Печерского Патерика.

Послание святителя Симона к Поликарпу, написанное не столько для него, сколько для всей паствы, свидетельствует о горячем стремлении епископа к распространению духовности лавры на все аспекты церковной, епархиальной и монашеской жизни в своем крае. Безусловно, теми же святыми побуждениями руководствовались и другие выдвиненцы Печерской обители. Всюду, куда бы ни направляло их послушание и служение Церкви, они распространяли традиции родной лавры. Святители-печеряне, созидавая в своих епархиях монастыри, строили их по образу и подобию лавры. Также и простые черноризцы-миссионеры, смиренные труженики благовестия, основывая в отдаленных землях монашеские общины, стремились к этому благому идеалу.

По подсчетам современных исследователей, «в Киевской державе существовало около 300 монастырей. Соответствующим было и число насельников — около 15000»¹⁵⁸. Всех их по праву можно назвать послушниками стольной лавры. Поистине не было ни одной епархии, ни одного, пусть самого отдаленного, уголка Руси, где не были бы зажжены лампы подвижнической духовности лавры, ее устава и традиций. Из темных недр киевских пещер свет печерской аскезы разлился по всей земле, стал достоянием Церкви Поместной и, конечно же, Церкви Вселенской.

Приоткрыв завесу грядущего, святитель Симон мог бы через даль веков увидеть, что и послемонгольская Русь,

несмотря на роковое опустошение и разорение, была богата печерскими традициями. Их носителями были пещерная Молчанская Рождество-Богородичная пустынь близ Курска, основанная печерянами в XIII веке, в которой вплоть до революции сохранялся строгий афонский устав; Печерский монастырь в Путивле, изрытый подземными галереями, ископанными бежавшими от татарского ига киевскими черноризцами; Успенский Дивногорский монастырь в Воронежской губернии с Ближними и Дальними пещерами, выкопанными, по преданию, в XII — XIII вв. выходцами из Киево-Печерского монастыря; Свято-Успенский Желтиков монастырь, созданный в 1394 г. печерским постриженником Тверским епископом Арсением, святыней которого был храм во имя преподобных Антония и Феодосия; Густинская обитель на Полтавщине; пещерная Мгарская Спасо-Преображенская обитель в Лубнах; Свято-Успенский монастырь в сорока верстах от Владимира на реке Яхроме, построенный в 1494 году иноком Киево-Печерской лавры Космой; Богородицкая Севская Плошанская пустынь на Орловщине, основанная киево-печерским иноком Прокопием; Брянский Свенский Свято-Успенский монастырь, созданный в 1288 году великим князем Черниговским Романом по случаю чудесного исцеления от Свенско-Печерской иконы Пресвятой Богородицы, написанной преподобным Алипием; Новгород-Северский пещерный Спасский монастырь; пещерные монастыри Дона и Оскола и многие другие¹⁵⁹.

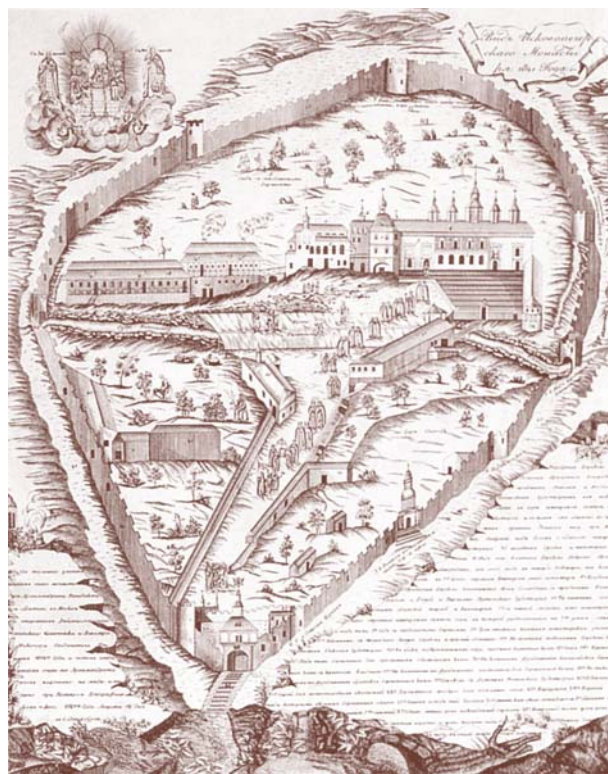
На Подолии бытует предание, что пещеры в древнем Лядовском монастыре, расположенном на скальной террасе стометровой горы, возвышающейся над Днестром, были ископаны преподобным Антонием Печерским. Среди трех пещерных церквей с. Лядова главная была Свято-Антониевской, в честь печерского угодника. Ниже по течению Днестра, в с. Бакота Каменец-Подольского района, также существуют руины скальной обители. Пещерные сооружения имели здесь два уровня. В скалах были высечены келии и двухэтажная подземная церковь, стены которой еще хранят следы росписей. Аналогично киевским пещерам в скальных коридорах имелись ниши (аркосоллии) для захоронений, закрывавшиеся каменными плитами. В Винницко-Браиловском монастыре также существовал подземный храм в честь святых основателей лавры. Пещеры с храмом преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских были найдены даже в Сибири, под кремлевским собором в Тобольске.

Печерскими иноками в XIII веке была основана Святогорская Успенская пустынь, расположенная на отрогах меловых скал близ реки Северский Донец. Пещеры пустыни во многом похожи на киевские. В них расположены три храма, один из которых освящен во имя преподобных Антония и Феодосия. Эта необыкновенно красивая, можно сказать, уникальная скальная обитель очень похожа на Киево-Печерскую лавру. В ней царят строгие афонские традиции и дух сурового аскетизма¹⁶⁰.

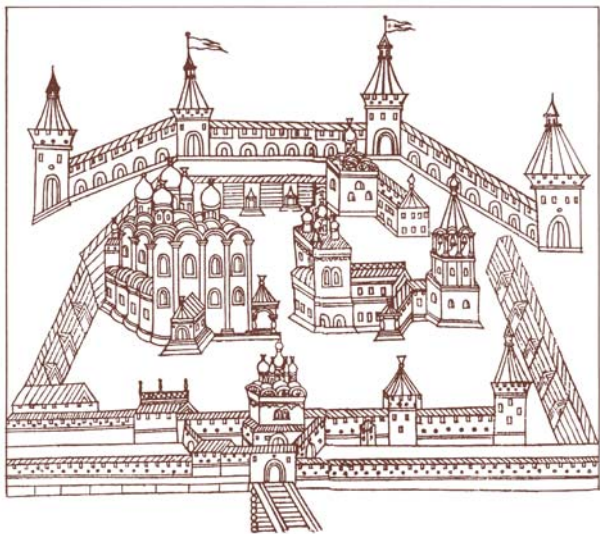

Пещерная церковь преподобных Антония и Феодосия при Святогорской пустыни.

В том же XIII ст. инок Киево-Печерской обители Марк поселился в «Богом зданной» пещере, в гористой местности к западу от Пскова. Здесь в конце XIV века возник Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. «Древнейший из храмов — Успенский собор ископан в горе. В центральной части храма помещается главная святыня обители — древняя чудотворная икона Успения Богоматери. Пять глав на скате кровли устроены по типу куполов Киево-Печерской лавры. Над входом в Успенский собор — большая Киево-Печерская икона Божией Матери. Южный придел собора освящен во имя преподобных Антония и Феодосия»¹⁶¹. Рядом с собором расположен вход в «Богом зданные» пещеры, представляющие собой семь длинных подземных галерей. В 1570 году в Псково-Печерской обители принял от рук Ивана Грозного мученическую кончину ее настоятель — преподобный Корнилий. Многие из насельников Псково-Печерского монастыря были известными архипастырями, а два — первосвященниками. Это патриархи Иоасаф († 1641) и Пимен († 1990).

Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь.

Макарьевский Желтоводский монастырь.

На берегу Днестра, в Молдавии, на скалистой возвышенности, стоит Свято-Успенский пещерный скит, который был основан «подобно другим пещерным обителям, высеченным в скалах, еще в XIII веке. В скиту два храма: один из них расположен на вершине горы, а другой, древний, устроен в скале»¹⁶². Из пещеры начинался скит Манявский, расположенный в живописном межгорье Карпат. «В XIII в. на этом месте существовал пещерный скит — Блаженный Камень, который разрушили татары. Вторично монастырь был основан в 1606 г. Иоанном Вышенским»¹⁶³ — афонским затворником и писателем-полемистом. В Крыму, в Бахчисарае, прямо в расщелине дикой скалы, стоит древний Свято-Успенский монастырь, также восходящий к XIII веку.

В 1329 г. инок Киево-Печерской лавры Дионисий, впоследствии архиепископ Суздальский и затем митрополит всея Руси, основал на правом берегу реки Волги Печерский Вознесенский монастырь. Памятником древней обители может служить слобода «Старые Печеры» в нескольких верстах от Нижнего Новгорода, ибо монастырь, пострадавший от оползня в 1597 г., был перенесен в другое место. Драгоценной святыней обители была Печерская икона Пресвятой Богородицы, написанная преподобным Алипием, которую святой Дионисий принес с собой из Киева. Из Печерской Вознесенской обители вышли выдающиеся подвижники — преподобные Евфимий Суздальский и Макарий Желтоводский. Создав в Суздале в 1352 г. монастырь Святого Спаса, преподобный Евфимий построил в нем монашескую жизнь по образцу Киево-Печерской лавры. Об этом говорит тот факт, что Спасо-Евфимиев монас-

тырь первым на Суздальщине принял общежительный устав. Неподалеку от этого места, на другой стороне реки, по благословию преподобного Евфимия был сооружен Свято-Покровский женский монастырь. Духовная дочь святителя Дионисия, черноризица Феодора основала близ Нижнего Новгорода Зачатьевский монастырь, в котором подвижницы «общее житие живяху». Учеником и постриженником святого Дионисия Суздальского, преподобным Макарием Желтоводским, или Унженским, были основаны три общежительных монастыря — Богоявленский Луховский на реке Луха, Свято-Троицкий Желтоводский при озере Желтые Воды и Макариевский Унженский — на правом берегу реки Унжи. Печерский постриженник преподобный Стефан Махрицкий, собрат преподобного Сергия Радонежского, основал в устье р. Махрищи, в 30 верстах от Троице-Сергиева монастыря, Свято-Троицкую обитель, а затем, уйдя в вологодские леса, создал в 1370 г. Авнежский Свято-Троицкий монастырь¹⁶⁴.

Прямая связь существует между лаврой и Свято-Успенской Серафимо-Саровской пустыней. И не только потому, что преподобный Серафим Саровский получил благословение на монашеские подвиги у киево-печерского старца Досифея. «До сих пор в Сарове сохранились пещеры, вырытые подвижниками еще до основания обители. В этих пещерах показывают вериги и железные кресты», — пишет исследователь XIX века¹⁶⁵. В главном Свято-Успенском соборе есть придел во имя преподобных Антония и Феодосия. В пещерах находится редкая святыня — подземный храм во имя Всех преподобных Киево-Печерских. Пожалуй, это единственный пещерный храм, освященный в их честь, на просторах бывшей Руси. Вплоть до разорения пустыни большевиками здесь, за тысячи верст от лавры, в вековых лесных дебрях совершалось монашеское богослужение святому и великому собору Печерских отцов.

Крепкую духовную связь киевская обитель имеет со Свято-Успенской Троице-Сергиевой лаврой. Сергиев монастырь в Радонеже стал продолжателем Богоуказанной миссии Свято-Успенской Киево-Печерской лавры и преемником ее монашеских традиций. Общение между этими двумя великими обителями было всегда живым и действенным. Примером этому служит пещерный Гефсиманский скит Троице-Сергиева монастыря. Недаром паломники, получая в пещерах скита исцеление от недугов, сравнивают их с киевскими пещерами святых Антония и Феодосия¹⁶⁶.

Прекрасной дочерью Печерского монастыря стала Свято-Успенская Почаевская лавра в Западной Украине, «ибо, по несомненному преданию, обитель Почаевская основана первоначально иноками Киево-Печерской лавры, бежавшими от нашествия Батыева»¹⁶⁷. Дикая скалистая гора стала местом отшельнических подвигов иноков, которые «принесли с собой строгий аскетический дух преподобных Антония и Феодосия Печерских. Из Киева благословили они все монашество, и Почаев одним из первых принял благословение их вместе с укладом, строем, характером

Саровская Свято-Успенская пустынь.

затворнической иноческой жизни, столь родственной жизни киево-печерских иноков. В народном сознании это родство облеклось в легенду о том, что между пещерами подвижников киевских и почаевских есть прямой подземный потаенный ход. Вот почему в честь этих великих святых освящена здесь и особая церковь. Она знаменует собой начало Христианства на Руси, корень его, привившийся в Киеве, питающий и Почаевский монастырь. В его храмах есть образы не только святых Антония и Феодосия, но и преподобных Киево-Печерской лавры XIII века.

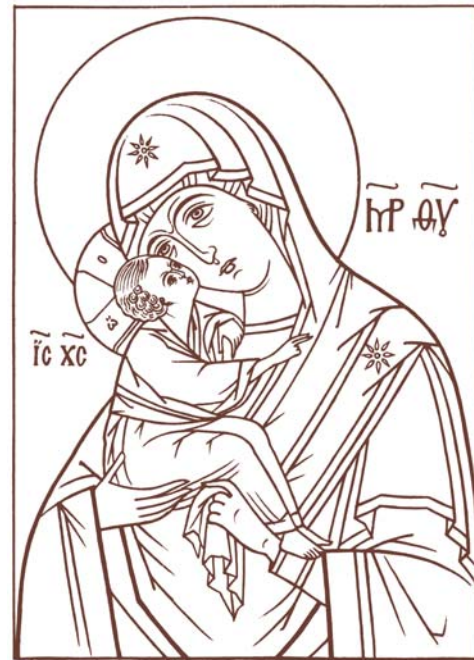
У истока многих обителей стоит чудо — явление Пресвятой Богородицы. Это явление, даруется оно одному избраннику или нескольким, становится как бы незримым краеугольным камнем, полагающим начало общежительной жизни монахов. Не обошло такое благоволение Матери Божией и той горы, которую облюбовали для себя киево-печерские иноки»¹⁶⁸.

Вернувшись к первоначальному значению слова «лавра», обозначающему большую общину скитов, пещер, келий и монастырей, сгруппированных на определенной местности вокруг главного лаврского собора и управляемых одним общим настоятелем, понимаем, почему Нестор Летописец назвал свою обитель «архимандритией всеа Руськыа земли». Лаврой Киево-Печерского монастыря стала вся страна, а ее скитами, пещерами и келиями явились многочисленные иноческие обители, разбросанные на необо-

зримых пространствах от Карпат и Днестра до вологодских и новгородских лесов, от степей Молдавии до побережья Кавказа, от Таврии до Сибири.

Игуменией этой святой Лавры благоволила стать Сама Пресвятая Богородица, являя над ней знамение Своего Покрова и заступничества. Величественный сонм подвижников вырастила эта Лавра — неисчислимый собор Всех святых, на Руси просиявших.

Поистине бескрайней и безбрежной обителью преподобных Антония, Феодосия и их богоносных собратьев является вся земля наших предков, которая, несмотря на разрушительные и братоубийственные войны, раздоры и разделения, навечно останется благодатным Божиим наследием под названием Святая Русь!

Икона Почаевской Божией Матери.

Почаевская лавра.

Ссылки и примечания к главе VI

1. Жизнь пустынных отцов. Творение пресвитера Руфина. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1898, с. XXXVIII.
2. Соколов И. Состояние монашества в Византийской церкви с половины IX до начала XIII века. Казань, 1894; Святитель Феофан Затворник. Патерик обители Саввы Освященного. М., 1891; По Святой Земле. М., 1997.
3. Молитвы, читаемые на молебнах. Пг., 1915, с. 154.
4. Смирнов С. Значение Печерского монастыря в начальной истории Русской Церкви и общества // Богословский вестник. 1896, т. 10. В Киево-Русской митрополии повсеместное распространение получили: Типикон Константинопольского собора Святой Софии — в кафедральных епископских храмах и Типикон Студийский печерской редакции — в монастырях, на которые ориентировались приходские, а часто и соборные, храмы (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 368-369). Уставы эти включали как дисциплинарные правила, так и богослужебные, причем в Студийском Типике первые превалировали над вторыми. Учитывая негласное соперничество митрополии и лавры, распространявшееся на области их влияния по всем регионам Киевского государства, можно предположить и соперничество двух уставов. Впрочем, Студийско-Печерская богослужебная традиция, практиковавшая аскетизм и лишенная пышной помпезности, не претендовала на завоевание кафедральных соборов, находя приверженцев в среде простого народа — низшего клира, монашествующих и рядовых мирян. Однако, учитывая колоссальный авторитет Печерского монастыря среди представителей аристократической элиты и высшей иерархии — многие из носителей архиерейского сана были печерянами, — можно предположить, что в периферийных княжествах и епископиях преобладание получил Студийско-Печерский Типик. Монголо-татарское нашествие и падение Киева нанесло Студийской богослужебно-литургической традиции непоправимый удар. Она умерла вместе с XIII веком. Со времени митрополитов Фотия и Киприана на Руси началось тяготение к Иерусалимскому уставу. «К XV ст. у нас были уже почти повсеместно распространены устав Иерусалимский и богослужебные книги к этому уставу» (Настольная книга священнослужителя. М., 1992, т. 1, с. 17; Дмитриевский А.А. Богослужение в русской церкви в первые пять веков // Православный собеседник. 1882, ч. 1, с. 232; Мансветов И.Д. Церковный устав (типик) — его образование и судьба в греческой и русской Церквах. М., 1885, с. 781).
Иерусалимский устав, утвердившийся ныне в Церкви, имеет всенощные бдения, на которых поется великое славословие и первый час соединяется с утреней. В Студийском же уставе всенощных бдений не было, в течение всего года совершались вечерня, полунощница и утреня, на которой не пелось великое славословие, а на воскресной утрени не было Непорочных — преп. Феодор заменил их пение степенями, которые он составил как перифраз псалмов 18 кафизмы. Интересную особенность Студийского богослужебного устава составляло право совершения проскомидии диаконом (Одинцов Н. Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века. С.-Пб., 1881, с. 66).
«Какой устав или какие уставы богослужения были в наших монастырях до преп. Феодосия Печерского, остается неизвестным... Взяв Студийский устав как целое, он ввел у себя не только ту его половину, которая касалась жизни, но и ту, которая касалась богослужения, т. е. вместе с Студийским уставом жизни он ввел у себя и Студийский устав богослужения» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 371). Алексиево-Студийский Типик, переведенный с греческого и внедренный Печерской обителью в литургический обиход Руси, излагал порядок богослужений по триоди постной, триоди цветной и месящеслову. Так, напр., литургия преждеосвященных Даров совершалась в Великом посту, согласно его предписаниям, ежедневно с понедельника по пяток, не исключая и пятка страстной седмицы (Сергий (Спаский), архиепископ Владимирский. Полный месящеслов Востока. М., 1876, т. 1, с. 120; Горский А.В., протоиерей, Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 3: Книги богослужебные. М., 1917, ч. 1, № 330, л. 10; Ищенко Д.С. 1) Старейший русский список Студийского устава (палеографическое описание) // Исследование источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 140-161; 2) Устав Студийский по списку XII в. // Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 109-110.
См. также: Никольский К., протоиерей. Обзорение богослужебных книг Православной Российской Церкви по отношению к Церковному уставу. С.-Пб., 1911; Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1. Киев, 1895, с. XII; Лисицын М., протоиерей. Первоначальный славяно-русский Типикон. С.-Пб., 1911; Иоанн (Маслов), схииерархмандрит. Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси. М., 2000, с. 12-15; Уставы о постах // ЧОИДР. 1912, кн. 3, отд. 2, с. 182; Смирнов С.И. Древнерусский духовник // ЧОИДР. 1914, кн. 2, отд. 3, с. 166-167.
5. Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. С. 24. М.Приселков считал, что именно за канонизацию преп. Феодосия Феоктист получил архимандритский сан (Приселков М.Д. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси. С. 320). И.Жиленко предполагает, что архимандритом Феоктист стал благодаря чрезвычайной благожелательности к Печерскому монастырю князя Святополка Изяславича, что случай этот был эпизодичным и юридически не подкрепленным патриаршей либо митрополичьей грамотой, ибо базировался лишь на устной договоренности между князем и митрополитом (Патерик Киево-Печерский. С. 319-320).
«После того как монахи были причислены к клиру и подчинены ведению епархиальных архиереев (IV Вселенский собор, правило 4), над ними учреждены были особые епархиальные чиновники... в каковые... поставлялись достойнейшие из числа игуменов, получившие титул архимандритов, что значит «начальник монастырей». С течением времени надзор за монастырями перешел от архимандритов к сакеллариям. Но само имя их сохранилось и начало быть даваемо как почетный титул игуменам старших и знаменитейших монастырей» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 708-709).
6. «Архимандрит печерский игумен» (ПСРЛ. С.-Пб., 1908, т. 2, стб. 568) Поликарп встречал вместе с митрополитом Михаилом в Киеве князя Романа Ростиславича, вокняжение которого обозначено в летописи под 1174 годом. Но дата эта оспорена современными исследователями, датирующими его 1171 годом (Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 188-189). «Такое сочетание двух названий — игумена и вместе архимандрита — употреблялось настоятелями некоторых знаменитых монастырей в Греции еще во дни VII Вселенского собора» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 500, прим. 65).
7. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 304. Диптих настоятелей см.: ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 6; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 709, прим. 3.

8. ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 126. Однако некоторые современные ученые отвергают участие епископа Полоцкого Николая в возведении Василия на игуменство. См.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 339, прим. 156.

9. Кирилл Туровский. Послание к Василию, архимандриту печерскому, XII столетия // Творения святых отцов в русском переводе с прибавлениями духовного содержания. М., 1851, ч. 10, кн. 4, с. 341.

10. «После мощей преп. Феодосия первые мощи в монастырях — мощи преп. Сергия Радонежского, обретенные в 1423 г.» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 723, прим. 1).

11. Указатель святыни Киева. С. 124. И хотя мощи св. Акиндина не сохранились (Дива печер лаврских. С. 71), тем не менее церковное предание чтит архимандрита Акиндина как угодника Божия. Полный православный богословский энциклопедический словарь пишет о нем: «...Преподобный, архимандрит Печерский, память 28 августа. Мощи его почивают в Киево-Печерской лавре» (Стб. 91). В церковном календаре нет памяти преп. Акиндина (Церковный календарь (УПЦ). 2000, с. 110), однако как дореволюционные, так и современные издания Печерского Патерика называют его «преподобным» и «блаженным» (Киево-Печерский Патерик. К., 1991, с. 175).

12. Патерик. С. 78-79, 91. Митрополит Макарий пишет: «...Лаврою назван тогда Киево-Печерский монастырь только дважды, сколько нам известно: в послании к киево-печерскому архимандриту Василию, которое... усвоится св. Кириллу Туровскому, и в самом начале сказания Симонова о создании Киево-Печерской церкви... Но не внесено ли имя лавры в оба эти сочинения позднейшими переписчиками и не поставлено ли оно вместо слова «монастырь», подобно тому, как в Похвальном слове преп. Феодосию он называется основателем Киево-Печерской лавры? Впрочем, принимая во внимание, что имя лавры (с греч. — целый квартал домов)... усвоилось обыкновенно монастырям, отличавшимся множеством зданий, многолюдством, равно и то, что также у нас впоследствии лаврами были называемы обыкновенно многолюдные монастыри — Чудов, Антония Римлянина, Кирилло-Белозерский, Глушицкий и др., можем согласиться, что и Киево-Печерскому монастырю еще в XII в. без всякой грамоты от Боголюбского за одно многолюдство могли приписывать имя лавры» (История Русской Церкви. Кн. 2, с. 500-501, прим. 70).

И.Жиленко, доказавшая, что существующий на сегодняшний день текст «Похвалы» составлен из двух отрывков — XII и XIII вв., пишет: «...Произведение, названное нами «Похвалой» XII в., написано не раньше второй пол. XII — нач. XIII в., поскольку тут уже упоминается титул лавры: «Лавра твоя хвалится о тебе, и в концех вселенныя славно бысть наречение ея». Как уже говорилось, это произведение было оглашено в день памяти перенесения мощей, причем тогда, когда мощи святого еще лежали в Великой церкви. ...Авторство «Похвалы» XII в. — неясно, хотя, конечно, весьма желательно соединить его с именем печерского архимандрита XII в. Поликарпа» (Патерик Киево-Печерский. С. 242).

13. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 302. См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. С.-Пб., 1829, т. 2, с. 69, прим. 151; Евгений (Болховитинов), митрополит. Описание Киево-Печерской лавры. К., 1831, с. 167-174.

14. Патерик. С. 93. В печатных изданиях, начиная с 1759 г., слова «не обладани никымже, разве Пречистою Богородицею, якоже и прежде...» были заменены на «хранимы и соблюдаемы Пресвятою Богородицею и тобою, преподобне отче Феодосіе». Д.Абрамович замечает: «Нельзя поверить, чтоб и прежде Печерский монастырь не был подсудствен предрержащей (т. е. светской. — Авт.) и духовной (митрополичьей. — Авт.) власти» (Патерик. С. 218-219, прим. 94).

«И се поручаю твоему благочестію святый сій монастырь... да не обладает имъ ни архіепископъ, ни инъ никтоже отъ клирикъ Софійских, точію да заведаетъ его държава твоя и по тебе дети твои и до последних роду твоему» (Макарий (Булгаков), митрополит. Обзор редакций Киево-Печерского Патерика, преимущественно древних // ИОРЯС. 1856, т. 5, с. 18). Мнения церковных историков о достоверности этого фрагмента в Житии преп. Феодосия разделились. Митр. Макарий считает его аутентичным (Там же. Стб. 149). «Бутков и Филарет — наоборот, причем их аргументы во многом повторяют «аргументы» правщиков XVIII ст. Кубарев, полемизируя с Макарием, отнес эту вставку аж к 1462 г., когда, по его мнению, создалась почва для такой яркой прокламации независимости монастыря. Однако, безусловно, автор не учел как древней традиции лаврского суверенитета, так и того, что следы пользования редакцией с данной вставкой видны еще в Арсениевской редакции 1406 г., хотя она оттуда была изъята» (Патерик Киево-Печерский. С. 237, прим. 109). Е.Голубинский называет ее «позднейшей припиской» (История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 380). С ним согласен Д.Абрамович: «В Успенском сборнике XII в. слов «и по сем прииде благочестивый князь Святославъ на посещение блаженнаго... и до последних роду твоему» совсем нет. Подробности об этом добавлении см. в моем труде «Исследование о Киево-Печерском Патерике», с. 75-77. В печатных церковнославянских изданиях, начиная с издания 1759 г., изъяты слова «и да не обладает им... до последних роду твоему», и вот почему: «Крайне невероятно, чтоб святый Феодосий, кроткий и смиренный муж, не хотел быть монастырю своему под послушанием Киевского архиерея, яко главного тогда... пастыря. Ибо после Печерский монастырь и был под митрополитом Киевским, а во время владения в Киеве польского Печерский монастырь был в ставропигии Константинопольского патриарха. С показанных же будто святого Феодосия слов можно заключить, что он желал быть монастырю своему неподвластным никакой духовной главе, но акибы безглавным» (Русское обозрение. 1893 г., т. III, с. 713). Изъято также и то место, которое читается немного далее» (Патерик. С. 217, прим. 74). См.: Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. С. 37; Шахматов А.А. Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись. С. 9.

Успенский сборник, как уже говорилось, наиболее близок к авторской редакции Несторова Жития. «Это дает нам возможность выделить поздние переработки текста. Первые из них были сделаны еще до того, как Житие стало неотъемлемой частью Патерика, — в XII ст. Они должны были поддерживать... претензии Печерского монастыря на независимость от Киевской митрополии, и самой интересной является, безусловно, вставка к рассказу о последних днях жизни преп. Феодосия, где сообщается о посещении святого князем Святославом, которому он заповедовал опекать монастырь вместо митрополита... Однако в авторской редакции этого фрагмента не было» (Патерик Киево-Печерский. С. 185). В Житии есть интересный эпизод, опровергающий, в какой-то мере, утверждение о противостоянии митрополичьего Софийского двора и лавры. Нестор упоминает об исцелении клирика «святыя великыя съборная церкве Софейская», которое произошло от мощей аввы. Значит, отношения между двумя якобы враждовавшими центрами Киевского Православия не только существовали, но и были довольно благожелательными. Более того, общение происходило на уровне клира, хотя многие клирики Софии, что видно на примере инока Михаила Студита из свиты митрополита Георгия, были греками.

15. Поппэ А. Митрополиты Киевские и всея Руси (988-1305 гг.) // Шапов Я.Н. Государство и Церковь Древней Руси X — XIII вв. М., 1989, с. 198. Способствовала этому и государственная власть (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 389; Шапов Я.Н. Государство и Церковь. С. 159-160).

16. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. Кн. 2, с. 303. «Грамота эта написана таким языком, каким писали в Киеве только к концу XVI-XVII в. под влиянием языка и владычества польского; здесь неоднократно встречаются выражения: на вечные часы, подлуг указания патриаршаго... на потом в роды и роды, мает или не мает быти инако, зрушити сию данину и под.; определяется даже Киево-Печерскому монастырю брать с одного села семьдесят грошей польских. В содержании грамоты еще более несообразностей. В первых строках ее говорится, что Андрей Боголюбский, как только начал княжить «в преименитом стольном городе Киеве», тотчас, по завещанию своего отца Юрия Долгорукого, дал эту грамоту Печерскому монастырю, а в конце замечено (не цифрами, а словами), что она дана в 1159 г. Но известно, что Андрей Боголюбский тогда еще не владел Киевом и что, овладевши им уже в 1169 г., никогда сам не княжил в Киеве. Далее говорится, что грамота дана за благословением Константинопольского патриарха «Кир Силивестра», между тем как патриархом в Константинополе был тогда Лука Хрисоверг. Еще далее Боголюбский объясняет, что он дал города Василев и Мическ с разными угодьями Киево-Печерскому монастырю, между прочим, для того, да не угасает свеча «у гроба святого отца нашего Феодосия и идеже мощи отца моего великого князя Юрия Владимировича лежат»; но Юрий Долгорукий погребен был не в Печерском монастыре, а в Спасском Берестовском, который был тогда самостоятельным монастырем. Киево-Печерской лавре грамотой подчиняются четыре монастыря: Пустынный-Николаевский киевский, Елецкий черниговский, Свенский под Брянском и Спасский Новгорода Северского, но над Черниговом Боголюбский никогда не имел власти, а Свенский монастырь под Брянском основан уже в 1288 г. сыном святого Михаила, князя Черниговского, Романом. Мы отнюдь не отвергаем, что Андрей Боголюбский мог дать Киево-Печерскому монастырю грамоту на обладание разными угодьями и самым городом Василевым, которым действительно впоследствии владела лавра; не отвергаем, что грамота эта могла сгореть во время пожара в 1590 г., как уверял тогда настоятель лавры. Но говорим только, что известная ныне копия с этой грамоты, снятая по просьбе Киево-Печерских властей в 1592 г. будто бы с другого, подлинного, списка, хранившегося в патриаршем константинопольском архиве, и засвидетельствованная патриархом Иеремией, не может быть признана подлинной: патриарх, по его собственным словам, поручал сделать справку в архиве своему логофету Иераксу и, не зная сам русского языка, при доверии к логофету, мог ненамеренно засвидетельствовать подложную грамоту» (Там же. С. 302-303).

Обратим внимание на то, что Андрей Боголюбский пишет о лавре и монастыре Спаса на Берестове как о чем-то едином, «идеже мощи... Юрия Владимировича лежат», подчеркивая при этом: «У гроба святого... Феодосия». Это говорит о том, что Спасский Берестовский монастырь не имел самостоятельности, подчиняясь Киево-Печерской лавре.

Как известно, лавра в шестидесятых годах XII века участвовала в межцерковных дискуссиях о посте в среду и пятницу, выступив против митрополита Константина II, стремившегося ввести константинопольскую традицию поста. Если бы она состояла в патриаршем управлении, то, безусловно, не шла бы вразрез с византийскими обычаями. В 1168 г. митрополит Константин осудил печерского архимандрита Поликарпа. Собор, созванный митрополитом, сделал это «без сношения с Цареградским патриархом... чего не могло бы быть, если бы монастырь Печерский считался патриаршей ставропигией» (Там же. С. 303).

17. См.: Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 294-299. «Вследствие... единства Русской Церкви с Византийскою сношения между Грециею и Россиею были непрерывные. Греки приходили к нам: одни — вместе с... митрополитами, другие — для богомолья, третьи даже переселялись сюда со своими семействами, чтобы обучать русских церковному пению; некоторые удаивались у нас и епископских кафедр. Русские, со своей стороны, также путешествовали в Константинополь, и одни проживали в тамошних монастырях (преп. Ефрем), изучая иноческую жизнь, другие (преп. Варлаам) покупали там иконы и церковную утварь, третьи списывали благочестивые книги и принесли в отечество, как принесен был по поручению преп. Феодосия Печерского устав Студийский. Брачные союзы наших князей с греческим двором служили новою связью между Грециею и Россиею даже в церковном отношении. Великий князь киевский Всеволод был женат на дочери греческого императора Константина Мономаха, и дочь этого князя, известная инокия Янка, путешествовала в Царьград и привела с собою оттуда нового митрополита (Иоанна III). Дочь князя Володаря выдана была в 1104 г. за греческого царевича, сына императора Алексея. Дочь Владимира Мономаха была за греческим царевичем Леоном» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 280).

18. Огородник I.B., Русин М.Ю. Українська філософія в іменах. К., 1997, с. 274.

19. Патерик Киево-Печерський. С. 295. «Люди, лишены средств к существованию... повсюду составляли нагрузку, которую брала на себя Церковь как организация, связанная своим происхождением с религией обиженных и угнетенных. Особый трактат о месте Церкви в обществе в XIII в. — Правило о церковных людях — посвящает немало строк перечислению благотворительных дел, требующих больших средств Церкви: «...Нищих кормление и чад мног, странньм прилежание, сиротам и убогим промышление, вдовам пособие, девицам потребы, обидным заступление, в напастях поможение, в пожаре и потопе; пленным искупление, в гладе прекормление, в худобе* умирая покровы и гробы» и пр. (УКВ, с. 45, 47, стб. ж)» (Щапов Я.Н. Церковь в Древней Руси (до конца XIII в.) // Русское православие: веки истории / Науч. ред. А.И.Клибанов. М., 1989, с. 40).

Весь спектр вышеуказанных благотворительных услуг оказывал, т. обр., и Печерский монастырь, являясь инициатором многих из них, что видно при прочтении Патерика. Здесь мы найдем и «нищих кормление», и призрение странников, и помощь вдовам, и искупление пленных (напр., преп. Григорий Чудотворец выкупил своих рабителей путем продажи книг), и «в гладе прокормление», что делал св. Прохор Лебедник, и многое другое.

20. Толочко П.П. Київська Русь. К., 1996, с. 320; Антоний, епископ. Общность традиции Церкви и медицины // Православний вісник (УПЦ). 1997, № 1, с. 28. Интересно, что на стенах участка преп. Нестора в Ближних пещерах исследователями найдены древние граффити, среди которых есть надписи на армянском языке. Изучением их занимались доктора наук П.Мурадян и Г.Григорян из Еревана (Скарби Киево-Печерської лаври. К., 1997, с. 66).

21. Патерик. С. 128-129; Фоменко К. Преподобный отец наш Агапит, безмездный врач. К., 1910, с. 4; Боявленский Н.А. Древнерусское врачевание в XI — XVII вв. М., 1960. Анализ мощей св. Агапита подтверждает его врачебную специализацию. В них обнаружена значительная концентрация марганца, брома, цинка и свинца, что говорит о постоянном контакте печерского «лечца» с лекарственными препаратами, изготовленными на основе веществ с этим химическим составом (Дива печер лаврських. С. 91). «Останки древнерусского лекаря Агапита сохранили следы брома, марганца, свинца и других химических элементов, которые с самых дальних времен употреблялись в медицине. Установлено, что рост его 166 см, умер он в возрасте ок. 60 лет. Время погребения Агапита — XI ст., что совпадает с летописными данными. Стало известно, что при жизни Агапит страдал артрозо-артритом... хромал на правую ногу» (Скарби Киево-Печерської лаври. С. 67-68).

* Здесь — нищете, бедности.

22. Патерик. С. 129. «В древнее время... у нас были лекари из иностранцев: Арабов, Армян, Греков, и может быть, Жидов, которые славились тогда искусством врачевания, — только у князей» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 863, прим. 1).
23. Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. С. 27, 29; Петренко М.З. Киево-Печерський державний історико-культурний заповідник. К., 1979, с. 17.
24. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 299; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 552; т. 1 (2-я пол.), с. 757.
25. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к печ. В.И.Гейман и др. М.; Л., 1949, № 103; Янин В.Л. Новгородские акты XII — XV вв. М., 1991, с. 354; Макарий (Мирослюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Т. 1-2. М., 1860, с. 455.
26. Патерик. С. 53, 57.
27. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 257; Шапов Я.Н. Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси. М., 1972, с. 178-306. Устав кн. Ярослава является древнейшим, вслед за Уставом кн. Владимира Святославича, юридическим кодексом Руси. «Если Устав св. Владимира определяет состав дел, подлежащих церковному суду, то Устав Ярослава формулирует конкретные казусы и определяет соответствующие санкции. ...Архетип Устава Ярослава относится к XI — нач. XII в. и восходит... к кодификационному акту, принятому кн. Ярославом совместно с митр. Иларионом в 1051-1053 гг. ...Подобно Уставу св. Владимира, Устав Ярослава содержит ссылку на греческий Номоканон, как на пособие в составлении кодекса. Если формулировки ряда казусов находят соответствие в византийском законодательстве, то налагаемые санкции не имеют ничего общего с византийской практикой членовредительных наказаний. Вместо этих наказаний в Уставе Ярослава выступают денежные штрафы... О санкциях в ряде статей говорится, напр., что виновный платит штраф духовной власти, «а князь казнит». Последние слова указывают, видимо, на роль княжеской власти в исполнении приговоров церковного суда. В ряде статей наряду с уголовным наказанием (штрафом) предусмотрена епитимия» (БТ. 1990, № 30, с. 334; Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904; Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. / Изд. подг. Я.Н.Шапов. М., 1976; Российское законодательство X — XX вв. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984). В «Правде» Ярослава были расширены права Церкви, касающиеся ее надзора за законностью. Так, духовному чину предоставлялось наблюдение за торговыми мерами и весами (Российское законодательство X — XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Изд. и ком. В.Л.Янина. М., 1984, с. 262-292; Янин В.Л. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода // Археологический ежегодник за 1976 год. М., 1977, с. 60-68. В соборных храмах размещались городские архивы, казна, метрическая палата, в которой хранились образцы мер и весов, как, напр., в Софии Новгородской (БТ. 1985, № 26, с. 272).
28. Толочко П. Общественно-политические отношения и «Русская правда» // Древняя Русь. К., 1987, с. 237.
29. Патерик. С. 71.
30. Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирианина слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911, с. 7.
31. Патерик. С. 22.
32. Горський В.С. Історія української філософії. К., 1996, С. 34; Бычко А.К. Народная мудрость Руси: Анализ философа. К., 1988; Адрианова-Перетц В.П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. 1974, т. 28, с. 3.
33. Літопис руський. С. 89-90.
34. Дива печер лаврських. С. 70. «После рассказа о походе 874 г. ...идет краткое изложение легенды о не тронутым огнем Евангелии, по-видимому, заимствованное из греческих хроник (у Скилицы или Зонары). Трудно судить, кому принадлежит это извлечение из рассказа Константина Багрянородного — древнерусским летописцам или составителям Никоновского свода» (Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989, с. 62).
35. Ричка В.М. Повсякденне життя монастирів Київської Русі // Український історичний журнал. 1995, № 5, с. 53.
36. Горський В.С. Святі Київської Русі. С. 160; Розов Н.Н. Книга Древней Руси XI-XIV вв. М., 1977; Сапунов Б.В. Книга в России в XI-XIII вв. Л., 1978; Верещагин Е.М. Христианская книжность Древней Руси / Отв. ред. О.Н.Трубачев. М., 1996.
37. Ричка В.М. Повсякденне життя монастирів Київської Русі. С. 53.
38. Патерик Киево-Печерський. С. 187.
39. Иларион. Жизнь и «Слово» // Иларион. Слово о Законе и Благодати / Сост. В.Дерягин. М., 1994, с. 7; Виноградов В. Житие древнерусских святых как источник по истории древнерусской школы и просвещения // Богословский вестник. 1915, т. 24, март-май.
40. Сто русских философов. М., 1995, с. 274.
41. «Монастырь Студийский при преподобном Феодоре и... после него был... монастырем нарочито ученым, часть братства которого нарочито посвящала себя наукам» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 725, прим. 3). «По примеру Греции явились и у нас грамотные и начитанные монахи, исполненные усердия и ревности поучать» (Там же. С. 731).
42. Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен. Т. 2, с. 181; Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. М., 1807, т. 1, с. 407. Многие исследователи, однако, считают автором этой записи некоего Василия, автора статьи об ослеплении кн. Василька. Вопрос этот так и остался спорным. См.: Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. С.-Пб., 1840, с. 224. Вольнское предание прочно усваивает эту поездку Нестору (Патерик Вольно-Почаевский. С. 64). Мы, конечно, можем все-таки усомниться, вслед за митрополитом Макарием, в авторстве Нестора (История Русской Церкви. Кн. 2, с. 177), однако это не в состоянии уменьшить заслуг Печерского монастыря в деле просвещения.
43. Татищев В.Н. История российская. Т. 3, с. 280.
44. Вертоградов В.С. Православная церковь в Галиции // БТ. 1990, № 30, с. 271.
45. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 737. «Нарочитые заботы о такой, т. ск., роскоши, как составление библиотек... могли иметь место единственно в монастырях строго общинножитных, где при отсутствии част-

ных доходов и даровом всех в пользу общины труде могло быть отделяемо известное количество братии написание книг. В последующее время библиотеки знаменитых монастырей Троицкого Сергиева, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Иосифо-Волоколамского и др. составлялись главным образом этим же путем» (Там же. С. 740).

46. Євгеній (Болховітін). Вибрані праці з історії Києва. С. 280. «Должно полагать, что в знаменитом Печерском монастыре вместе с монастырями княжескими наиболее постригались в монашество люди боярского происхождения и что монахи этого монастыря... отличались особенной строгостью жизни и особенным стремлением к книжности, составлявшей тогдашнее наше просвещение, что выдвигало их как кандидатов на епископские места. А могло быть и так, что монахам Печерского монастыря, происходившим из сословия боярского, была усвоена привилегия кандидатуры в епископы уже потому, что он был исключительно знаменитый монастырь» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 353-354).

47. Патерик. С. 102-103.

48. Там же. С. 36; Лаврський альманах. Вип. 1: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури. К., 1999, с. 7; Сысоев В. Очерки из истории Тмутараканского княжества. I. Преподобный Никон, игумен киево-печерский, угодник Тмутараканский (Таманский) // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Т. 1, с. 84-86.

49. Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 57.

50. Там же. С. 61; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4, прим. 117; Тальберг Н. История Русской Церкви. Джорданвилль, 1959, т. 1, с. 117.

51. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 137-138. «Настоящая миссионерская деятельность на Ростово-Суздальской земле началась с поднятием Киево-Печерской лавры, для которой она стала одной из главных задач. К сожалению, по сугубо политическим причинам ее участие в этих процессах до сих пор почти не изучено. Печерские миссионеры действовали в тесном содружестве с княжеской властью, что, в свою очередь, на столетия обусловило значительное влияние обители и ее культуры, в частности летописания, на этот регион» (Патерик Киево-Печерский. С. 303).

Вместе с тем И.Жиленко, вслед за М.Приселковым (Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 136-138), подвергает сомнению миссию в этих землях греческих епископов Феодора и Илариона. Но скорее здесь прав М.Брайчевский, который пишет: «Сведения о крещении якобы в конце X в. Суздальско-Ростовской земли... не соответствуют действительности. Однако сведения о ростовском епископе Феодоре, посвященном в сан при Владимире Святом, считаем достоверными. Он рукоположен ок. 990 г., но вскоре был вынужден бежать от неподатливых мерянских язычников; перебрался в Суздаль, но в 1010 г. вернулся в Ростов. В 1014 г. переехал в Киев, где и умер в 1023 г.» (Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989, с. 192).

Т. обр., Брайчевский подтверждает достоверность исторических данных из Жития св. Леонтия о миссии греческих иерархов в Залесье и «мирной», а не мученической кончине св. Леонтия, якобы убитого во время языческого восстания 1071 г., как считают некоторые исследователи, воспринимающие дошедший до нас список Жития как «инсинуацию» кн. Андрея Боголюбского (Патерик Киево-Печерский. С. 305; Воронин Н.Н. 1) Зодчество Северо-Восточной Руси XII — XV вв. М., 1961, т. 1-2, с. 25; 2) К вопросу о начале ростово-суздальского летописца // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965, с. 22; Насонов А.Н. История русского летописания XI — нач. XVIII века. М., 1969, с. 129).

Вопрос этот важен, ибо касается хронологии создания епархии в Залесском крае. Называя св. Леонтия первым, еп. Симон имел в виду, вероятно, не то, что он был первым епископом и первым просветителем Ростово-Суздальской земли, а первым «престольником» (Патерик. С. 102), архиереем из печерян. «Из источников... видно, что Леонтий не был ни первым крестителем, ни первым епископом ростовцев. По житию, он умер своей смертью, «с миром отойде» от жизни и был похоронен в ростовском Успенском соборе. Из текста летописей нельзя сделать вывод о том, что восстание, описанное в «Повести временных лет» под 6579 (1071) г., охватило самый Ростов. В источниках говорится, что оно охватило Верхнее Поволжье, а также район Шексны. Ростов же в связи с этим восстанием вообще не упоминается. Владимирский и Суздальский епископ Симон, на чье письмо Поликарпу, попавшее в Киево-Печерский Патерик, сослался Н.Н.Воронин, писал: «...Леонтий, епископ ростовский, великий святитель, его же Бог прослави нетлением, и се бысть первый престольник, его же невернии много мучивше, бивше, и се третий гражданинъ бысть Русаго мира, с онема варягами венчася от Христа, его же ради пострада». Да, действительно, Симон сравнивает Леонтия с варягами, убитыми в X в. в Киеве язычниками, но он не говорит, что Леонтий, так же как и варяги, был убит неверными, а только замечает, что язычники его долго мучили и били. Подтверждение этих слов можно найти в житии Леонтия, где говорится, что как только епископ вторично прибыл в Ростов и вновь стал проповедовать христианство, «абие устремишася невернии на святопомазанную главу, овии с оружием, а друзии с дреколием, яко изгнати из града и убити и. Епископ же нимало смутися, но паче укрепляше сушая с ним прозвитеры и диаконы». Таким образом, нет никаких оснований считать, что Леонтий был убит язычниками. В то же время следует признать, что он... много сделал в плане христианизации Ростовской земли» (Рапов О.М. Русская Церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988, с. 326-327). Голубинский пишет: «Что касается до того, что Греки успели сделать епархию Ростовскую до некоторой степени полугреческою, то в житии царевича Ордынского Петра, Ростовского святого, утверждается, что в полов. XIII в., когда ростовская кафедра уже давно перестала быть замещаемая Греками, в Ростовской соборной церкви на правом клиросе пели по-славянски, а на левом по-гречески» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 350, прим. 2).

Мощи св. Леонтия были обретены в 1164 г. (Филарет (Гумилевский), архиепископ. Обзор русской духовной литературы. С.-Пб., 1884, с. 34). Н.Воронин датирует их обретение 1161 г. (Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. 1962, № XXIII, с. 23).

52. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 195. О св. Леонтии см.: Слово в память святого Леонтия, епископа Ростовского // Православный собеседник. Казань, 1858, ч. 1, с. 420-431; Титов А. Житие св. Леонтия Ростовского // ЧОИДР. 1893, кн. IV; Толстой М. Древние святые Ростов Великого // ЧОИДР. 1847, кн. 2, отд. 1, с. 1-89. «Краткая редакция Жития, «Сказание о Леонтии Ростовском», была создана в 60-х гг. XII в. на северо-востоке Руси и опиралась на традиции и тексты раннекиевских житийных произведений о Борисе и Глебе (см.: Нестор. Сказание о Борисе и Глебе), Феодосии Печерском, а также «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Составитель Жития использовал ростовский соборный синодик, откуда взяты имена епископов ростовских XI в. Феодора, Илариона, Леонтия Ростовского и Исаии, а также местные летописные материалы... Отмеченное летописью под 1071 г. выступление ростовских противников христианизации трактовано в Житии как «победа» Леонтия Ростовского над местными язычниками... Житие было одним из наиболее популярных, читаемых произведений древнерусской литературы» (Филипповский Г.Ю. Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников.

Вып. 1, с. 159. См.: Филипповский Г.Ю. 1) Художественно-документальные жанры владимирской литературы 60-х гг. XII в. // Вестник МГУ. Филол., 1979, № 4, с. 37-44; 2) Жанры историко-легендарного повествования владимирской литературы второй половины XII в. Автореф. канд. дис. М., 1979).

53. Творогов О.В. Леонтий // Словарь книжников. Вып. 1, с. 229-230.

54. Патерик. С. 220, прим. 115. Датировка Д.Абрамовича неверна. Из домонгольских источников еп. Николай упоминается только в послании Симона к Поликарпу (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 463, прим. 43). «А.А.Шахматов считал, что в данном случае мы имеем дело с ошибкой св. Симона, поскольку Николай упомянут в летописи под 1072 г. не как епископ, а как игумен Переяславский. Таковую непонятную титулатуру М.Приселков объясняет тем, что на церемонии перенесения мощей св. Бориса и Глеба, которая тут описана, он был единственным некиевским игуменом. Однако, возможно, в источнике св. Симона Николай действительно был назван епископом. Впрочем, других известий об этом человеке — как епископе или как игумене — у нас нет» (Патерик Киево-Печерский. С. 244, прим. 26).

55. Учреждена она была в 60-х гг. XI в., что явилось следствием триумвирата Ярославичей. Одновременно была создана титулярная митрополия в Чернигове. После смерти Ефрема статус митрополии для Переяславской епархии был упразднен. То же произошло и с Черниговской митрополией при установлении в 1078 г. Всеволодом единовластия (Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. // Византийский временник. 1968, т. 28, с. 85-108; 1969, т. 29, с. 95-104; Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X — XIII вв. С. 56-62). Абрамович датирует пребывание св. Ефрема на кафедре 1089-1104 гг. (Патерик. С. 220, прим. 115).

Ефрем был поставлен епископом «после 1072 года... потому что тогда был еще Переяславским епископом Петр, и прежде 1089 года, потому что под этим годом читаем в летописи Несторовой: «В се же лето священа бысть церкы св. Михаила переяславская Ефремом, митрополитом тоя церкы, юже бе создал велику сущю, бе бо преже в Переяславли митрополю». Таким образом, преподобный Нестор... называет его митрополитом, но только митрополитом Переяславским, а не Киевским, и называет ради чести, ради того, что «был прежде Переславль митрополю», а не потому, что Ефрем был действительно митрополитом. Напротив, сам же Нестор свидетельствует, что в том же 1089 г., когда митрополит Ефрем освящал свою церковь в Переяславле, действительным митрополитом Киевским был Иоанн III. Нестор называет потом (в 1091 г.) Ефрема только епископом Переяславским. Достойно замечания, что и продолжатель Нестора, говоря о падении в 1123 г. церкви, созданной в Переяславле Ефремом, называет его также епископом Переяславским... Но некоторые из поздних летописей, неизвестно на каком основании, повествуют, что этот самый Ефрем-Скопец... был и митрополитом Киевским, что он не только в Переяславле, но и в своем городе Милитине и по иным своим митрополитским городам устроил безмездные больницы и бани для всех приходящих, чего прежде в Руси не бывало» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 133). «Последующие исследования показали правоту митр. Макария: свт. Ефрем... был митрополитом именно Переяславля и никогда — Киевским, т. е. общерусским» (Назаренко А.В. Комментарии // Там же. Кн. 2, с. 607, ком. 51).

56. Гальберг Н. История Русской Церкви. С. 43. И.Жиленко, вслед за митр. Евгением Болховитиновым, считает, что св. Ефрем после смерти киевского предстоятеля Иоанна III был местоблюстителем его престола (Патерик Киево-Печерский. С. 232, прим. 47). Скорее всего, он занимал эту должность де-факто.

57. Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 28; Євгеній (Болховітін), митрополит. Вибрані праці з історії Києва. С. 87.

58. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 89. Митр. Макарий пишет, что св. Ефремом был основан в Переяславле в 1089 г. Михайловский «Ефремов» монастырь (История Русской Церкви. Кн. 2, с. 174; Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. М., 1807-1815, т. 5, с. 79). «Под 1089 г. сообщается, однако, только о заложении митр. Переяславским Ефремом каменной кафедральной церкви в честь св. Архистратига Михаила; и в дальнейшем сведений о существовании монастыря при соборе нет» (Назаренко А.В. Комментарии. С. 610, ком. 77).

59. «...прежде 1096 г.» (Макарий (Булгаков), митрополит. Указ. соч., кн. 2, с. 167).

60. Житие преподобного отца нашего Ефрема // Киево-Печерский Патерик. С. 81.

61. ПСРЛ. Т. 1, с. 128; т. 2, с. 10.

62. Русская летопись по Никонову списку. С.-Пб., 1767-1792, ч. 1, с. 192; Книга степенная царского родословия, содержащая историю российской с начала оныя до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича / Сочинена трудами митрополита Киприана и митрополита Макария; напечатана под смотрением Герарда Фридерика Миллера. М., 1775, ч. 1, с. 229; ПСРЛ. С.-Пб., 1862, т. 9, с. 116, 125, 128.

63. В Житии святого Исаии Ростовского, составленном в XIII в., говорится, что Исаия был поставлен епископом граду Ростову в лето 6585 (1077) (Православный собеседник. 1858, ч. 1, с. 432, 438). Но Густинская летопись, составленная в XVII в., датирует поставление Исаии на кафедру 1080 г. (ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 276). Тверская летопись датирует хиротонию св. Исаии 6580 (1072) г. (ПВЛ. 1950, т. 2, с. 406; ПСРЛ. М., 1965, т. 9, с. 166). По Житию, Исаию рукоположил митр. Иоанн (II), но он предстоятельствовал в 1080-1089 гг., а до этого Церковью управлял митр. Георгий.

64. Барсуков Н. Источники русской агиографии. С.-Пб., 1882, с. 227-230.

65. Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 63, прим. 28.

66. Филарет, архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы. С.-Пб., 1884, с. 34; Игнатия, монахиня. Труды русских писателей в Киевский период // БТ. № 28, с. 239.

67. Назаренко А.В. Архиереи русской Православной Церкви // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 664. Преставился святитель Герман, как и Новгородский епископ Стефан, в Киеве (ПСРЛ. Т. 1, с. 78, 79, 90; т. 2, с. 6; т. 3, с. 179, 212, 213; Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые, чтимые всею церковью, или местночтимые. Чернигов, 1865, ч. 1, с. 173; Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 262; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (X — XVI вв.). М., 1986, с. 140). Епископ Амвросий (Орнатский) пишет, что св. Герман был до хиротонии настоятелем Спасского черниговского монастыря (История российской иерархии. Т. 1, с. 68). На Макариевском соборе 1549 г. начался процесс его канонизации (Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви. Сергиев Посад, 1894, с. 97). Прославлен как местночтимый новгородский святой — в общерусских святцах его памяти нет (Православный церковный календарь. Издательство Московской Патриархии. 1999, с. 77), как нет и в украинском месяцеслове (Православный церковный календарь (УПЦ). К., 2000, с. 112).

68. Св. Никита почил 30 января 1109 г. (Назаренко А.В. *Архиереи Русской Православной Церкви*. С. 664; Андроник (Трубачев), игумен. *Святая Русь. Хронологический список канонизированных святых... Русской Православной Церкви* // Там же. С. 655). И.Жиленко датирует его преставление 1107 г. (Патерик Киево-Печерский. С. 253, прим. 17). О чудесах св. Никиты в Новгороде см.: ПСРЛ. Т. 1, с. 109; т. 2, с. 3, 122, 179, 213. Житие святителя Никиты появилось довольно поздно — в XVI в., однако предание о нем жило в Новгороде крепко и устойчиво. Так, первая дошедшая до нас редакция, созданная в 1557 г. игуменом Хутынского монастыря Маркеллом, базировалась на сказаниях Киево-Печерского Патерика о постриге Никиты в Печерской обители, его пещерном затворничестве и последующем искушении, об изгнании из него печерскими отцами беса, о посвящении его на Новгородскую кафедру, прижизненных чудесах, блаженной кончине. Житие св. Никиты в редакции иг. Маркелла не имеет научной публикации. См. рукописи: ГИМ. Собр. Барсова, № 114, XVI в.; РНБ. Соф. собр., № 1492, XVI в.

69. БАН. Строгановское собр., № 66, л. 311, «правая страна», 14-й.

70. Летопись упоминает о св. Стефане как епископе Владимиро-Волынском именно в связи с его присутствием на обретении и перенесении в 1091 г. мощей преп. Феодосия Печерского (Летопис русский. С. 129). Епископ Амвросий (Орнатский) датирует в связи с этим его хиротонию 1091 г. (История российской иерархии. К., 1827, т. 1, ч. 1, с. 403). Проф. Уводский пишет, что преп. Стефан был рукоположен, вероятно, митр. Иоанном III (Волынские Епархиальные Ведомости. 1867, № 1, с. 11). Иоанн III руководил митрополией около года. Скончался он весной 1091 г. (Летопис русский. С. 127). Он, как известно, был «не книжен», к тому же сильно болел. Де-факто Киевской Церковью в это время управлял Переяславский митрополит Ефрем, ученик аввы Антония Печерского. Можно предположить, что, как и епископ Новгородский Никита, Стефан был хиротонисан святителем Ефремом.

71. Киево-Печерский Патерик. КПЛ, 1778, л. 121 об.

72. Высоцкий С.А. Надпись XI в. на стене церкви Михаила Выдубицкого монастыря в Киеве // *Средневековая Русь: Сб. статей в честь 70-летия Н.Н.Воронина*. М., 1976, с. 41, 43; Рыбаков Б.О. *Именные надписи XII ст. в Київському Софійському соборі* // *Археологія*. К., 1947, т. 1, с. 54; Быкова Р.П. *Михайловская церковь Выдубицкого монастыря в г. Киеве. Материалы обмера и исследования*. Т. 1, кн. 1, с. 21, прим. 2-3. *Архив Реставрационного управления при Госстрое СССР*; Богусевич В., Колесниченко Ю. *Напис на стіні* // *Вечірній Київ*. 11 січ. 1967 р.

Расчистка и закрепление штукатурки были выполнены художником-реставратором А.Ф.Ермо. «В 1972-1974 гг. в связи с исследованием древнерусских граффити церкви Михаила мы смогли изучить упомянутую надпись в натуре. Последние несколько лет выдубицкая надпись находилась под слоем побелки и была недоступна для чтения. Под нашим наблюдением надпись была расчищена... После предварительных работ стало возможным уточнить чтение надписи, удалось сфотографировать ее при боковом свете, хорошо выявляющем рельеф букв, изготовить прориси и т. д. Надпись сделана на розовато-коричневом цемяночном растворе, который во многих местах виден на сохранившейся западной части здания. Как показали последние архитектурно-археологические исследования памятника, западная часть здания (нартекс и лестничная северо-западная башня) была пристроена несколько позже к основному ядру храма, но в пределах 1070-1088 гг. ...Первоначальная длина строк надписи с учетом утраченных фрагментов: первая строка — 1, 49 м, вторая — 2, 01 м. Граффито написано буквами высотой 3,5 — 5,5 см и шириной 2 — 3,5 см. Т. обр., надпись относится к весьма крупным» (Высоцкий С.А. Там же. С. 44-45).

На западном фасаде церкви, справа от главного портала, находится еще одна ктиторская надпись: «Всеволожа», т. е. построенная Всеволодом.

73. РНБ. Собр. Погодина, № 1931, л. 145 об., 27 апреля. «Добрый пастырь Волынский скончался в своей епархии, во Владимире-Волынском, 27 апреля 1094 г. и здесь погребен, без сомнения, во Владимирском кафедральном соборе, среди общего плача всей паствы, на месте, именуемом ныне «Феодоровщина» или «Старая Кафедра», входившем некогда в состав г. Владимира и теперь отстоящем от него на расстоянии около 2-х верст. В этот же день Церковь совершает и его святую память» (Патерик Волыно-Почаевский. С. 62-63; Филарет (Гумилевский), архиепископ. *Русские святые, чтимые всею Церковью или местно: Опыт описания их*. Чернигов, 1861-1864). Сильвестр Косов считал, что преп. Стефан скончался в Кловском монастыре, но последующие издания Патерика исправляют эту ошибку (Киево-Печерский Патерик. КПЛ, 1778, л. 124 об.).

74. Д.Абрамович датирует его архиерейство 1088-1113 гг., ничем, как правило, не мотивируя свои заключения (Патерик. С. 220-221, прим. 115). А.Назаренко датирует его пребывание на кафедре 1088-1090 гг.

75. Высоцкий С.А. *Древнерусские надписи Софии Киевской. XI — XIV вв.* К., 1966, вып. 1, с. 45; Рыбаков Б.А. *Русские датированные надписи XI — XIV веков*. М., 1964, с. 19. *Древний Белгород* (ныне — поселок Белгородка под Киевом) — «одно из главных имений Владимира. В третий год после похода на Корсунь, в 991 г. ...Владимир заложил в Белгороде настоящий город, или крепость, и значительно умножил его население, вероятно, одновременно с тем, как водворить здесь епископа. «Бе бо, — говорит летописец, — любя град сей». В этом, не имевшем в гражданском отношении совершенно никакого значения городе Владимир учредил архиерейскую кафедру... затем, чтобы дать митрополиту как бы викария и помощника» (Голубинский Е.Е. *История Русской Церкви*. Т. 1 (1-я пол.), с. 337). От Киева Белгород отстоял за 10 верст. «Белгород градь малъ у Киева, яко 10 версть вдале», — пишет Лаврентьевская летопись под 1097 г. Однако Белгородская крепость имела большое оборонно-стратегическое значение: сюда сходились транспортные пути на Волынь и Галич — «въ Ляхы и Угры». Через Белгород шел торговый путь в Европу — «въ Немыци». Кафедральным храмом Белгородских епископов был большой шестистолпный трехапсидный собор святых Апостолов, построенный в 1197 г. по образцу Свято-Успенского собора Киево-Печерской лавры. Знаменательно, что на его освящении присутствовал «архимандрит Василий, печерский игумен» (Летопис русский. С. 364).

76. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. М., 1962, т. 7, с. 314. Д.Абрамович датирует его пребывание на кафедре 1090-1119 гг. (Патерик. С. 220-221, прим. 115). Послание Симона к Поликарпу см.: Патерик. С. 102-103. «Если только не тождествен Ефрему Переяславскому и Ростовская кафедра не пустовала, как считают М.Д.Приселков и А.В.Поппэ, в период ок. 1093 — ок. 1137 г., или не находилась в подчинении митрополитов Переяславских (Я.Н.Щапов), которые тем самым уже не были бы титулярными» (Назаренко А.В. *Архиереи... С. 666, прим.*). См. также: Амвросий (Орнатский), епископ. *История российской иерархии*. Т. 1, с. 240; ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 89.

77. *Густинская летопись* // ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 280. Датировка пребывания на кафедре — Д.Абрамовича (Патерик. С. 220-221, прим. 115). «Епископия Юрьевская учреждена была Ярославом в построенном им городе Юрьеве, который в наст. время есть местечко Белая Церковь, находящееся на р. Роси в 81 версте к юго-западу от Киева. В этом городке...

епископская кафедра, без сомнения, учреждена была им по одной из тех причин, по которым была учреждена Владимиром кафедра Белгородская, именно — чтобы дать митрополиту второго викария... чтобы доставить ему возможность без призыва других архиереев производить посвящения епископов» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 339). Подробнее о кафедре Юрьевской см.: Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли. К., 1891, с. 36-37. Макарий датирует смерть еп. Марина 1095 г. (История Русской Церкви. Кн. 2, с. 463), впрочем, без мотивации.

78. К сожалению, кроме писаний св. Симона и Поликарпа, имя Николая Тмутараканского больше нигде не упоминается. «Возможно, информация о его поставлении помещалась в авторской редакции «Повести временных лет» (Патерик Киево-Печерский. С. 246, прим. 26 к сл. 14). «Что касается Тмутаракани, этой отдаленной и загадочной колонии русских, находившейся на нынешнем полуострове Тамани, то... удельным князем, каковые после Владимира заботились о дальнейшем открытии епархии, был, и всего один, сын его Мстислав, так что открытие епархии Тмутараканской может быть усвоено только или ему (Владимиру Святославичу, равноапостольному князю. — Авт.) или сему Мстиславу» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 335). «Собственно... епархия Тмутараканская существовала еще до Владимира. Тмутаракань, как со всей вероятностью следует думать, составляла часть Руси Азовско-Таврической... Таврическим русским дал епископа патриарх Фотий, и этот-то епископ, как у нас есть решительная склонность предполагать, и есть позднейший Тмутараканский епископ» (Там же. Прим. 3).

79. Літопис руський. С. 127.

80. Патерик. С. 14, 15. Службу Борису и Глебу ему усваивает Филарет, архиеп. Черниговский (Обзор русской духовной литературы. С.-Пб., 1884, с. 15-16).

81. См.: Патерик. С. 81. И.Жиленко пишет об освящении Великой Свято-Успенской церкви: «В описании упомянуты епископы, которые, вероятно, все были постриженниками Печерского монастыря» (Патерик Киево-Печерский. С. 239, прим. 8). Михаил Юрьевский упоминается в летописи под 1072 г. в связи с перенесением мощей св. Бориса и Глеба. Иоанн Черниговский был хиротонисан «до 1087 г.» (Назаренко А.В. Архиереи... С. 667), умер в 1111 г. Он управлял епархией до глубокой старости. В том, что Иоанн — печерянин, удостоверяет выбор им себе преемника — печерского архимандрита Феоктиста. Летопись так характеризует епископа Иоанна: «Был Иоанн недужным, и не мог он служить, а лежал в болезни двадцать и пять лет» (Літопис руський. С. 170). Очевидно, и на перенесение мощей преп. Феодосия он прибыл, едва преодолевая немощь. Антоний Юрьевский упоминается в древних источниках только дважды, и оба раза — на печерских мероприятиях: в летописи — на освящении храма, в Житии Феодосия — на перенесении его мощей.

82. Літопис руський. С. 160. Митр. Никифор прибыл на Русь всего за полгода до описываемых событий — 6 декабря 1104 г.

83. Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) в жизнеописаниях «Русских святых» сообщает о нем следующее: «О святом Амфилохие... которого рукописные святцы поставляют между святыми печерскими подвижниками, летописи говорят нам только, что он хиротонисан в 1105 г. и скончался в 1122 г. В одном списке святцев сказано, что святой Амфилохий «в пещере преставился» (Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: Опыт описания их. Чернигов, 1863. Август, с. 110). Летопись сообщает: «Того же лета преставился Амфилофей Епископ Володимирский, и земля потрясая мало» (Никоновская летопись. С.-Пб., 1767, т. 1, с. 54; Летопись по Ипатскому списку. С.-Пб., 1871, с. 185, 206). «Ибо тогда было в обычае, чтобы все постриженцы Киево-Печерской лавры, как бы далеко промысел Божий ни заносил их от Киева, ничего так не желали, как быть погребенными в заветных пещерах, откуда они вышли... И многие действительно находили здесь вечный покой, а с сим и высшее небесное прославление в качестве преподобных печерских, как это, напр., известно о святителе Нифонте, еп. Новгородском († 1156), Симоне, еп. Владимирском († 1226), Меркурии Смоленском († 1239) и мн. др.» (Патерик Воыно-Почаевский. С. 68).

84. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые. Август, с. 100; Сергей (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. II, с. 227. Однако в современных месяцесловах его память отмечается только 10 октября (Православный церковный календарь. Издание Московской Патриархии. 1999 г., с. 73; Православный церковный календарь (УПЦ). К., 2000, с. 92).

85. Патерик Воыно-Почаевский. С. 72; Хойнацкий А., протоиерей. О святом Амфилохии печерском, епископе Владимир-Воынском // Воынские Епархиальные Ведомости. 1884, № 22.

86. Задолго до хиротонии, в 1088 г., в Выдубичах был освящен престольный храм, и летопись упоминает о Лазаре как игумене. Мы предполагаем, что выдубицкий настоятель, указанный под 1088 г., является тем же лицом, что и епископ Лазарь, упомянутый под 1105 г. Игумен Андроник (Трубачев) называет епископа Лазаря святым и отмечает, что он был до хиротонии «игуменом киево-зверинецким и выдубицким» (Святая Русь. Хронологический список канонизированных святых, почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской Православной Церкви // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 656). Это доказывается и тем, что преемником Лазаря на кафедре был Сильвестр, игумен Выдубицкий (летопись не указывает, откуда взят Лазарь на архиерейство). Лаврентьевская летопись пишет, что 1 января 1118 г. на место почившего Лазаря был поставлен игумен Выдубицкий обители Сильвестр, продолжатель летописи, «которая и заканчивается в Ипатьевском списке этим 1117 г.» (Літопис руський. С. 178, прим. 5). Напомним, что в 1117 г. Лазарь преставился. Его ученик Сильвестр не преминул записать в летописи дату упокоения своего наставника.

87. Вагнер Г.К. Искусство Древней Руси // Великая Русь: История и художественная культура. М., 1994, с. 87.

88. Надпись Стефана, хотя и содержит заметное отступление от подобных традиционных формул граффити киевского Софийского собора, в которых преобладает начальное «Господи, помози рабу Своему», а не «Господи, помилуй раба Своего», все же по функциональной принадлежности близка к ктиторским надписям Софии (Рибаков Б.О. Именні написи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. Т. 1, с. 54; Высоцкий С.А. Надпись XI ст. на стене церкви Михаила Выдубицкого монастыря в Киеве // Средневековая Русь: Сб. статей в честь 70-летия Н.Н.Воронина. С. 41).

89. «Полоцк, в наст. время ничтожный городишко, в древнее время был главным городом племени Полочан или Полоцких Кривичей; что Владимир считал его в числе важнейших городов, видно из того, что он отдал его в удел старшему сыну от Рогнеды и второму по старшинству между всеми сыновьями Изяславу: по всему этому есть вся вероятность усвоить открытие епархии Полоцкой именно Владимиру» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 334-335).

90. Патерик Киево-Печерский. С. 246.

91. Назаренко А.В. Архиеереи... С. 666. См. житие преп. Евфросинии Полоцкой. «В этом житии говорится, что во дни полоцкого князя Бориса, родного дяди Евфросинии, епископ Полоцкий Илия уступил ей для монастыря местечко Сельце, принадлежавшее архиерейскому дому, и, уступая, сказал: «Есть там церковь Всемилоушнейшего Спаса, идеже братия наша лежать, преже насъ бывшии епископи» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 463). Епископ Илия был преемником св. Мины (Назаренко А.В. Комментарии. С. 666).

92. Уманцев Ф. Троїцька надбрамна церква. С. 16; Нариси історії архітектури Української РСР. К., 1957, с. 39; Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л., 1961, т. 2, с. 370.

93. «При левой стене Великой соборной церкви перед иконостасом находятся в серебряной раке открытые мощи первого Киевского митрополита св. Михаила под сенью. В надписи при раке его на решетке изображено, что сей святитель преставился в 992 г., погребен был в Десятинной церкви; около 1103 г. при Печерском игумене Феокисте мощи его перенесены в Антониеву пещеру» (Вибрані праці з історії Києва. С. 342).

94. Літопис руський. С. 170.

95. Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове // Советская археология. 1974, № 2, с. 99, 102-104.

96. Літопис руський. С. 179.

97. Вертоградов В.С. Православная церковь в Галиции // БТ. № 30, с. 255; Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. К., 1827, т. 1, ч. 1, с. 404.

98. Вертоградов В.С. Православная церковь в Галиции. С. 255; Патерик Волыно-Почаевский. С. 11, прим. 2.

99. Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври XI-XIII ст. С. 50.

100. Назаренко А.В. Архиеереи Русской Церкви. С. 665.

101. Патерик Киево-Печерський. С. 311. Житие святого было создано около 1558 г. новгородским агиографом Варлаамом. Оно «базируется на информации Кассиановской П редакции Патерика с использованием других, не летописных источников, возможно, новгородского происхождения. Хотя, как ни странно, Варлаам не использовал местных летописей. Небольшое количество информации он постарался дополнить длинными риторическими оборотами и разнообразными вставками, которые не имеют отношения к святому. Потому информативное качество текста в общем невысоко, хотя тут мы находим и нечто неизвестное в патериковом житии и летописном тексте» (Там же). В списках XVI-XVII ст. известны службы св. Нифонта. Житие см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г.Кошелевым-Безбородько. С.-Пб., 1862, вып. 4, с. 1-9.

102. Киево-Печерский Патерик. С. 166. Информация о постриге св. Нифонта в Печерской обители во времена игумена Тимофея находится в печатном Печерском Патерике. На Нифонта, как на печерянина, также указывает св. Симон в послании к Поликарпу (Патерик. С. 103).

Существует предание о пребывании св. Нифонта в Византии, а затем на Волыни. «...Утвердившись в подвигах добродетели, блаженный Нифонт решился последовать стопам преп. Варлаама и подобно ему отправился на Восток с целью поклониться св. местам и в особенности узнать тамошние церковные уставы и обычаи, дабы, по примеру своего предшественника, сделать им надлежащее приложение на родине. Тогда, как видно из жития преп. Варлаама, Святогорский Волинский монастырь лежал на пути из Киева в Царьград и обратно. Надобно думать, что на обратном пути из Греции блаженный странник, по примеру своего предшественника, остановился в этом монастыре и, как человек образованный и, кроме того, искусившийся в опытах жизни и науке во время путешествия, был избран братиею монастыря и поставлен в игумена Святогорского. В справедливости этого в особенности удостоверяет нас свидетельство Татищева, который, между прочим, замечает, что преп. Нифонт продолжал летопись Нестора после Сильвестра (с 1116 по 1157 г.) и по преимуществу описывал события Волинские. Нет сомнения, что, сделавшись игуменом знаменитого Волинского монастыря, блаж. Нифонт, еще на востоке искусившийся следить за жизнью и обычаями края, должен был интересоваться и событиями, окружавшими его в земле Волинской. А при таком положении дела, взявшись продолжать летопись Нестора, он по необходимости должен был описывать то, что ближе всего видел, тем более, что, как мы заметили уже, для него был готовый путь в этом отношении, проложенный его святогорскими предшественниками, писавшими первоначальную летопись Волинскую» (Патерик Волыно-Почаевский. С. 78-79; Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые. Апрель. С. 90-91; Очерк истории Православной Церкви на Волыни // Волинские Губернские Ведомости. 1865, № 4, с. 30).

«В XII в. встречаем писания Нифонта, игумена Волинского, бывшего потом епископом Новгородским. Он, по мнению Татищева, продолжал Несторову летопись после Сильвестра (с 1116 по 1157 г.) и описывал по преимуществу происшествия волинские» (Вертоградов В.С. Православная церковь в Галиции // БТ. № 30, 1990, с. 271; Татищев В.Н. История российской с самых древнейших времен. М., 1768-1784. Кн. 1, с. 57). Митрополит Евгений (Болховитинов) также, вслед за В.Татищевым, считает, что преп. Нифонт был летописцем и продолжал работу Сильвестра (Евгений (Болховитинов), митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. С.-Пб., 1827, т. 2, с. 142, 143). Историк Церкви архиепископ Филарет Черниговский подчеркивает, что в Нифонтовых «ответах», описывающих греческие обычаи domestiку Кирику, «видится бывалый человек», лично посещавший Царьград (Русские святые. Апрель, с. 91).

103. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С.-Пб., 1888, с. 125. «Эти известия не противоречат одно другому, поскольку, по мартовскому календарю, 1 января еще был 1030 г. Как видно уже из первого сообщения новгородской летописи, св. Нифонт пришел на митрополию заслуженным и известным в церкви человеком» (Патерик Киево-Печерський. С. 312).

104. Он прибыл на Русь, как предполагается, незадолго до зимы, и поставление Нифонта, вероятно, было первым его административно-церковным деянием на Руси. Он, конечно же, не мог рекомендовать печерского черноризца на епископство, ибо совсем не знал его. Сделал это, скорее всего, благоверный князь Всеволод-Гавриил Мстиславич, внук Мономаха, княживший тогда в Новгороде (1117-1136). Князь Всеволод-Гавриил был близким родственником Николы Святоши — в I Новг. летописи под 1108 г. Святоша назван его тестем. Т. обр., рекомендовать Нифонта на новгородский престол мог Никола Святоша. Князь Всеволод-Гавриил умер в 1138 г. «Спустя 52 года по блаженном преставлении святого благоверного князя Всеволода-Гавриила мощи его были обретены нетленными» (Жития святых, изложенные по руководству святителя Димитрия Ростовского. Месяц Февраль. Рождества Богородицы Свято-Пафнутиев Боровский монастырь. 1998, с. 228). Князь Всеволод-Гавриил причислен к лику святых. Память его 11 февраля, 22 апреля и 27 ноября.

105. Новгородские и Псковские летописи // ПСРЛ. С.-Пб., 1848, т. 4, с. 10.

106. Новгородские летописи // Там же. 1841, т. 3, с. 6, 10, 11, 15, 18, 22, 42, 49, 123, 124, 213, 214; Ипатьевская и Густинская летописи // Там же. 1843, т. 2, с. 9, 19; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С.-Пб., 1888, с. 140.

107. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 321. «Различая Спасский Завеличский и Спасо-Мирожский монастыри в Пскове, высокопреосв. Макарий разделяет мнение еп. Амвросия, судя по всему, ошибочное. Речь идет об одной и той же обители, основанной либо одновременно с каменной церковью Спаса в Мирожях в Завеличье (при епископе Новгородском Нифонте, т. е. до 1156 г.), либо несколько позже...» (Назаренко А.В. Комментарии // Там же. С. 617, ком. 166). См.: Новгородские летописи // ПСРЛ. С.-Пб., 1841, т. 3, с. 4, 6-8, 10, 123, 124, 213-215; Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. Т. 2, с. 473; т. 5, с. 454.

108. Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 79; Евгений (Болховитинов), митрополит. Сведения о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту, епископу Новгородскому // Труды и летописи общества истории и древностей Российских. М., 1828, ч. 4, кн. 1, с. 122-129.

109. Имеются в виду грамоты, данные Новгороду благоверным князем Всеволодом-Гавриилом, и устав Новгородского князя Святослава Ольговича. «Соорудив на собственное иждивение каменную церковь во имя св. Иоанна... на Петрятином дворище, что на Опоках, с приделом во имя пророка Захарии и предназначив ей быть соборною, княжескою, благочестивый Всеволод... применительно к уставу св. Владимира, предоставлявшему духовному ведомству наблюдение за торговыми мерами и весами, дал (ок. 1134-1135 г.) означенной церкви грамоту... Кроме грамоты, данной церкви св. Иоанна Предтечи, Всеволод дал Новгороду еще другую (ок. 1135 г.), которой подтвердил церковный устав Владимиров, сделавши в нем небольшие дополнения и перемены. В этой новой грамоте после краткого вступления, где упоминается о... десятинах, шедшей с самого начала на церковь Десятинную в Киеве и Софийские соборы, Киевский и Новгородский, можно различить три части. Первая содержит определение касательно торговых мер и весов. Наблюдать за ними в Новгороде обязан владыка... Во второй части исчисляются суды церковные... В третьей части поименованы церковные люди, исключительно принадлежавшие суду епископа» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 259-260). Текст грамот см.: Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологическою комиссиею. С.-Пб., 1846, т. 1, № 3; Ириной (Клементьевский), архимандрит. Повесть о начале основания псковского Печерского первоклассного монастыря, взятая из древних летописцев, обретающихся в книгохранительнице оного монастыря. М., 1807, с. 94-98; АИ. 1841, т. 1, № 334; Новые списки церковно-уставных грамот новгородского князя Всеволода Мстиславича (XII в.) // Православный собеседник. Казань, 1861, т. 3, с. 221.

Однако современные историки считают, что анахронизмы, содержащиеся в грамоте церкви св. Иоанна Предтечи, позволяют датировать ее серединой XIII в. (Янин В.Л. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода // Археологический ежегодник за 1976 г. М., 1977, с. 60-68; Российское законодательство X — XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Изд. В.Л.Янина. М., 1984, с. 262-292). Грамоту князя Всеволода 1135 г. они считают компиляцией, возникшей в конце XIII в. (Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 89-93; Шапов Я.Н. Княжеские уставы и Церковь. С. 165-177).

Устав Новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. также относится к годам правления владыки Нифонта. Здесь, как и в предыдущих грамотах, прослеживается хоть и негласное, но весьма заметное корректирование архиепископом положений Владимирова устава. Так, десятина заменена в нем жалованьем архиерею деньгами и вещами, что способствовало упорочению статуса северной епархии по сравнению с другими епископиями Киевской митрополии. Князь «с этой целью назначает ему в год сто гривен кун из собственной княжеской казны и, кроме того, перечисляя разные погосты онежские, обонежские и бежицкие, указывает еще, по сколько с каждого из них должно идти для владыки денег; сколько, в частности, подносить ему при его объездах епархии и по сколько в некоторых местах брать ему пошлины с соляных варниц. Так что всего ежегодного дохода на долю владыки приходилось около 250 гривен кун» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 261). Текст устава Святослава см.: Устав новгородского князя Святослава // Русские достопамятности / ОИДР. М., 1815, ч. 1, с. 82-85; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2, прим. 267.

Статьи 6 и 7 дошедшего до нас устава 1137 г. представляют собой позднейшую приписку (вероятно, 1230-х гг.). Годовой доход Новгородской епархии по грамоте 1137 г. составлял 100 гривен кун (Российское законодательство X — XX вв. Т. 1, с. 230-232). Теперь понятно, почему святителю Нифонту удалось столь многого достичь и в деле благоустройства собора Святой Софии, и в деле храмоздательства.

110. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Кн. 1 (1-я пол.), с. 555.

111. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 297-299. «...В 6644 г. Святослав Ольгович, которого новгородцы ненадолго ввели к себе из Чернигова княжить, вторично женился, по Татищеву, на дочери Петрило, несмотря на сопротивление новгородского архиепископа Нифонта («не достоин ея поятия»); по Любецкому синодику ее имя было Екатерина, по Татищеву — Мария» (Літопис руський. С. 189-190, прим. 3).

112. Так пишут Лаврентьевская, IV Новгородская и Софийская летописи (ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 137; 1848, т. 4, с. 7; 1851, т. 5, с. 159).

113. «...При избрании кандидата в митрополиты было отступлено от обычаев греческих: в Греции не ставили в епископы монахов великого образа или схимников, каковым был Климент» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 306, прим. 2). О Клименте см.: Никольский Н.К. О литературных трудах митрополита Климента (Смолятича), писателя XII века. С.-Пб., 1892; Гранстрем Е.Э. Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом» // ТОДРЛ. 1970, т. 25, с. 20-28; Послание, написано Климентом, митрополитом русским, Фоме пресвитеру. Истолковано Афанасием мнихом / Перевод А.Ю.Карпова // Златоструй. С. 178-190. «Есть основания считать, что Климент получил высшее по тому времени образование в Константинополе. Схимник, одно время «молчальник», Климент не уходил и от активной политической борьбы... 27 июля 1147 г. Климент стал митрополитом. Однако положение его было неустойчивым. Он опирался только на князя Изяслава Мстиславича и мог находиться в Киеве, лишь пока тот занимал киевский престол. После смерти Изяслава в 1154 г. Климент оставляет Киев. Позже он, поддерживаемый то одним князем, то другим, еще несколько раз пытался вернуться на киевскую кафедру, но безуспешно. Междоусобицы, сепаратистские устремления князей вновь подчинили себе общерусские интересы» (Златоструй. С. 178).

«Название Смолятича дает повод думать, что Климент был родом из Смоленска, а не из Киева, как утверждает Татищев. Место Заруб находилось на правом берегу Днепра против устья Трубежа, где существовал переброд, или переправа, через Днепр на пути из Киева в Переяславль. Там доселе сохранилось село Зарубинца и недалеко от него деревня или хутор Монастырок, самым своим именем напоминающий о существующем здесь монастыре. В этом Монастырьке действительно

открыты пещеры, в которых и могли подвизаться иноки существовавшего монастыря. Впрочем, был и другой Заруб — село в стране Смоленской, откуда и мог быть выведен Климент Смолятич, если был там монастырь» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 495, прим. 2). О Зарубском монастыре см.: Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Зап. имп. АН. С.-Пб., 1865, т. 9, кн. 1, с. 1-88.

«Патроним Смолятич происходит от личного имени Смолята, а не от топонима Смоленск, от которого ожидалось бы производные Смолич или Смоляник» (Назаренко А.В. Комментарии. С. 623. ком. 271; Поппэ А. Митрополиты Киевские и всея Руси (988-1305 гг.) // Шапов Я.Н. Государство и Церковь Древней Руси X — XIII вв. М., 1989, с. 198). В Зарубских пещерах подвизался также Георгий, один из ученых черноризцев и книжников XII в. (Творогов О.В. Георгий (XII в.) // Словарь книжников. Вып. 1, с. 105).

Прибывший в 1156 г. из Византии митрополит Константин «испроверг», как неканоничную, «Климову службу» и запретил поставленных Климентом священнослужителей до тех пор, пока они не раскаются — дадут «рукописание» против бывшего митрополита.

Анализ литературного наследия Клим Смолятича (до нас дошло его послание, адресованное Фоме пресвитеру и «исколкованное» Афанасием мнихом) показывает, что стиль его был явно подражательским. Исследовавший памятник Н.К.Никольский установил, что большинство приведенных в тексте толкований буквально заимствовались из «Словес избранных» Григория Богослова и Изборника XIII в. Автор активно использовал труды Феодорита Кирского, Никиты Гераклийского и других византийских богословов. Правда, неясно, кто приводит эти сочинения, Климент или его «толкователь» Афанасий. В размышлениях Климента сильны элементы рационализма. Он умен и велеречив. Недаром ему в своем послании приходится оправдываться против обвинений в тщеславии и славолубии. «Климент, по-видимому, не был столь строгим стоиком, как, напр., Феодосий Печерский. Его рассуждения о славе выдают в нем человека, безусловно, властолюбивого. В то же время нельзя не заметить в его сочинении явно выраженной идеи нестяжательства. Климент ставит себе в заслугу полный отказ от всего, в том числе церковного имущества. Это не вполне обычно для XII века, когда крупные земельные владения... имели многие монастыри, в том числе Печерский» (Златоструй. С. 179-180. См.: Лавровский Л.Я. Послание митрополита Климента Смолятича к Фоме, пресвитеру смоленскому, как историко-литературный памятник XII в. Смоленск, 1894). Проповедуя идеи нестяжательства и скрыто полемизируя с новгородским владыкой Нифонтом, стремившимся придать вопросам материального обеспечения Церкви прочную основу, Климент популистски отвергает возможность содержания церковных структур за счет государственных и частных пожертвований, что в тогдашних условиях поставило бы под удар само их существование. В дальнейшем споры о «стяжании» неоднократно сотрясали Церковь — вспомним ожесточенную полемику «иосифлян» и «нестяжателей» в XVI в., синодальные реформы, направленные на секуляризацию церковного имущества в период Екатерины II, и т. д. Следует отметить, что в творениях святителя Нифонта так же четко выражена «нестяжательская» позиция. Он резко выступал против злоупотреблений на этом поприще (Памятники древнерусского канонического права. С.-Пб., 1908, ч. 1, стб. 16-17, 44).

Возвращаясь к литературному наследию Климента Смолятича, скажем, что исследователи относят к его творчеству «Поучения в Неделю всех святых» (Гранстрем Е.Э. Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом» // ТОДРЛ. 1970, т. 25, с. 20) и несколько пунктов Кирикова «Вопрошания» (Патерик Киево-Печерский. С. 316).

114. ПРСЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 29-30.

115. Тальберг Н. История Русской Церкви. Т. 1, с. 45; Зернин А.П. Об отношении Константинопольского патриарха к русской иерархии. С.-Пб., 1846, с. 43. Сохранился антиминос с титулом Нифонта как архиепископа (Срезневский И. Древние памятники русского письма и языка. С.-Пб., 1863, с. 30; Морозов Ф. Антиминс 1149 (6657) года // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества. 1915, т. 11, с. 204-208; Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI — XIV вв. М., 1964, с. 28). Нифонт «отличался знанием церковных канонов и... понимал 28 правил Халкидонского Собора о власти Константинопольских патриархов... Надобно сказать, что мысли Нифонта и его товарищей разделяли тогда... как духовные, так и миряне. Привычки считать Константинопольского патриарха главным блюстителем Православия, а Константинополь — как бы столицей Православия, многие... не могли без предубеждения смотреть на попытку вел. кн. Изяслава и не признать ее опасной не только для Церкви отечественной, но и для государства...» (Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2, с. 292). «...Никто из князей не сочувствовал намерению Изяслава, никто из них не сочувствовал мысли Изяслава ввести новый порядок поставления митрополитов... Летописи Ипатская и 1-я Новгородская, передающие протесты Нифонта, уверяют, что он не восставал против избрания кандидата в митрополиты из среды самих русских и самими русскими епископами, но, во-первых, против его самовольного посвящения последними без благословения патриарха, и, во-вторых, против того, что посвященный митрополит не искал вступить в общение с патриархом и оставался вне союза и в расколе с ним. Протестовавших епископов Климент старался примирить с собою... Но совсем другое дело было Нифонт. Епископ одной из главных и видных кафедр, человек весьма авторитетный... именно со стороны знания канонов церковных, в которых была здесь вся сила, он представлял с непризнанием митрополита такое для всех возражение против его законности, без устранения которого последняя вовсе не могла считаться бесспорной...» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 308-309).

116. Житие преподобного отца нашего Нифонта // Киево-Печерский Патерик. С. 169.

117. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые. Апрель, с. 98; Патерик Воыно-Почаевский. С. 79. Дата смерти взята из Киево-Печерского Патерика, но Ипатьевская летопись датирует преставление Нифонта 15 апреля (ПРСЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 79), а Новгородская летопись — 21 апреля (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С.-Пб., 1888, с. 443). «Это число 1156 года выпадало на субботу Великой седмицы. А 15 апреля была Пасха Христова. 8 апреля в том году было не субботой, а воскресеньем, причем на этот день приходилось Вербное воскресенье. Мы склонны считать более точной датой смерти святого свидетельство Ипатьевской летописи в той его части, которая указывает на субботу Великой седмицы. Поскольку этот день 1156 г. приходился на 21 апреля, то тем самым подтверждаются и данные новгородского летописания. В Ипатьевской летописи неправильная дата является, вероятно, результатом описки. Приблизительно такая же ситуация и в патериковом тексте, поскольку тут правильно указано, что святой умер на пасхальной неделе, но неправильно названо число, которое в тот год на эту неделю не выпадало. Это, наверно, побудило позднейших печерских авторов писать вместо «8» — «18», что отвечало среде пасхальной седмицы. Неурядицы, связанные с поставлением Климента, продолжались и после смерти св. Нифонта. В 1156 г. в Киев, по требованию других княжеских родов, прибыл новый... митрополит — св. Константин... Впрочем, судьба и канонического, и неканонического митрополитов была в общем схожей. Междукняжеские свары закончились решением не признавать ни Клим, ни св. Константина, а попросить прислать другого митрополита, что и было сделано. Св. Константин вскоре после этого умер в Чернигове. Клим же в последний раз упомянут под 6672 (1164) годом, когда Ростислав, недовольный присланным из Греции митрополитом

Иоанном, послал в Константинополь своего придворного... чтобы попытаться добиться для Климента канонического пощения. Однако, после многолетних раздоров, сила (и, возможно, общественная мысль Руси) были на стороне патриарха, и тот отказал... Дальнейшая судьба Климента неизвестна» (Патерик Киево-Печерский. С. 319).

118. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 165, 185, 195.

119. Кузьмин А.Г. Летописные источники послания Симона и Поликарпа (к вопросу о «Летописце старом Ростовском») // Археографический ежегодник. М., 1970, с. 91-92.

О том, что пострижение в Киево-Печерской обители являлось тогда критерием наивысших достоинств претендента на архиерейский престол, свидетельствует весьма любопытный факт присвоения себе статуса печерянина известным церковным авантюристом XII в. Феодором, или Феодорцем, как называет его летопись. Феодорец получил Ростовский престол неканоничным путем. Он был поставлен на кафедру Андреем Боголюбским в 1162 г. (Назаренко А.В. Архиереи Русской Православной Церкви. С. 666) и правил без благословения Киевского митрополита. Он настойчиво добивался в Константинополе митрополичьего сана и даже самозванно присваивал себе знаки митрополичьей власти, за что летопись называет его «белоклобучником» (Новгородские и Псковские летописи // ПСРЛ. С.-Пб., 1848, т. 4, с. 12). За действия, несовместимые с церковным званием, и зверскую жестокость над пасомыми Феодорец был осужден и казнен в 1169 г. Упоминание о его печерском (якобы) происхождении содержится в Никоновой летописи (Русская летопись по Никонову списку // Имп. АН. С.-Пб., 1767-1792, ч. 2, с. 184, 206).

120. Патерик. С. 103. «Летописец старый Ростовский, в котором исчислялось более 30 епископов, вышедших из Киево-Печерского монастыря... различен от всех ныне известных наших летописей, из которых ни в одной этого не находим. Он оканчивается гораздо прежде времени св. Симона († 1226), вероятно, около половины XII в.» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 470, прим. 147; Корсаков Д. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, с. 229; Шахматов А.А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». С.-Пб., 1899, с. 1-11). Голубинский пишет: «...Мы находим решительно невероятным допустить, чтобы в инородческом, безграмотном и до начала XIII века бескняжеском Ростове велась своя летопись... Всего вероятнее разуметь... диптих или синодик, т. е. поминальник Ростовской архиерейской кафедры, каковые синодики... назывались летописями, ибо в древнее время слово «летопись» употреблялось в довольно обширном смысле: запись на книге — летопись, подпись на иконе, на памятнике, на здании — летопись, и пр. Так как первые епископы Ростовские были из монахов печерских, то и могло войти в Ростове в обычай — записывать в поминальник имена всех архиереев, бывших из монахов Печерских» (Голубинский Е.Е. Указ. соч., т. 1 (1-я пол.), с. 199, прим.; Абрамович Д. Патерик, с. 221, прим. 116).

121. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые. Сентябрь-Декабрь. Чернигов, 1865, с. 105; Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей. С.-Пб., 1877, с. 587.

122. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые. С. 106.

123. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 185. «...Речь идет, надо думать, о монастыре св. Петра в Ростове, так как Пахомий был духовником Константина Всеволодовича, князя ростовского» (Назаренко А.В. Комментарии. С. 615, ком. 141). Время пребывания на кафедре — 10.11.1214—1216 (Назаренко А.В. Архиереи Русской Православной Церкви. С. 666).

124. Макарий (Булгаков), митрополит. Указ. соч., кн. 2, с. 310. А.И.Соболевский допускал, что в библиотеке еп. Кирилла находился ряд сохранившихся до наших дней рукописей, в т.ч. ценнейшая рукопись XII в. — Успенский сборник, содержащая авторскую редакцию Жития преп. Феодосия (Соболевский А.И. 1) Остатки библиотеки XIII в. // Библиограф. 1889, № 6-7, с. 144-145; 2) Остаток библиотеки XIII в. // Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. Т. 88, № 3. С.-Пб., 1910, с. 205-207). Материалы, хранившиеся в суздальском подворье, были главными источниками Патерика. О Кирилле см.: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку // ПСРЛ. М., 1962, т. 1, стб. 439, 442, 447, 452, 454.

125. Жиленко И.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври. С. 52; ПСРЛ. М., 1962, т. 1, стб. 453, 456-459, 465-469, 471-476.

126. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 165, 185, 195.

127. ПСРЛ. С.-Пб., т. 1, с. 165; т. 3, с. 127; Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 82.

128. Літопис руський. С. 379.

129. Изд.: Сухомлинов М.И. О сочинениях Кирилла Туровского // Рукописи графа А.С.Уварова. С.-Пб., 1858, т. 2 (текст вступ. статьи переиздан: Сухомлинов М.И. Исследования по древней русской литературе // СОРЯС. С.-Пб., 1908, т. 85, с. 273-349); Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. 1955, т. 11, с. 342; 1956, т. 12, с. 340; 1957, т. 13, с. 409; 1958, т. 15, с. 331-348. Лит.: Сухомлинов М.И. 1) Два семитические сказания, встречающиеся в памятниках русской литературы // Сухомлинов М.И. Исследования по древней русской литературе // СОРЯС. Т. 85. С.-Пб., 1908, с. 672-677; 2) О псевдонимах древней русской словесности // Там же. С. 441-493; Еремин И.П. 1) Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // ИОРЯС. 1925, т. 30, с. 323-352; 2) Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. 1962, т. 18, с. 50-58 (переизд.: Еремин И.П. Литература древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1968, с. 132-143).

130. Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. К., 1827, т. 1, ч. 1, с. 404. У А.В.Назаренко мы насчитали около 90 архиереев, занимавших различные кафедры Руси (кроме первосвятительской) в интересующий нас период — от сер. XI ст. до 1240 г. Печерян среди них, как видим, было больше половины (Назаренко А.В. Архиереи Русской Православной Церкви (кон. X — сер. XIII в.). С. 663-667). Лавра, т. обр., через своих постриженников оказывала решающее влияние на церковную жизнь домонгольской Руси.

«До чего же крепко было убеждение, что все архипастыри, вышедшие из Печерской лавры, должны быть святыми, можно видеть из того, что преемник святителя Амфилохия Симон тоже значится в некоторых памятниках «святым», хотя о признании его Церковью в числе святых ничего неизвестно» (Патерик Воыно-Почаевский. С. 69).

131. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 647.

132. Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 18. «В 1128 г. в Дмитриевском монастыре случилось довольно загадочное событие: «В се же лето преяша церковь Дмитрия печеряне и нарекоша ю Петра...» (Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку // ПСРЛ. М., 1962, т. 1, с. 299). О чем тут идет речь? Печерская братия не только захватила Дмитриевский храм, но и переосвятила его в честь св. Петра. Отчасти эту ситуацию объяснил еще П.Лебединцев (Лебединцев П. Дмитриевский монастырь, устроенный в Киеве великим князем Изяславом

Ярославичем, его судьба и местность // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. К., 1879, кн. 1, с. 30). Дело в том, что 27 декабря 1127 г. умер последний из сыновей Святополка-Михаила — Изяслав. Последней наследницей Изяславичей... осталась бездетная дочь Ярополка-Петра Анастасия, вдова князя Глеба Всеславича. Она... имела большую любовь к Печерскому монастырю, постепенно подарив ему все имущество, которое было в ее распоряжении. Итак, Анастасия, вероятно, и передала печерянам право владения Димитриевским монастырем. Но остается непонятным, зачем было новым владельцам переименовывать церковь св. Димитрия. Убедительный ответ на этот вопрос дал Ю.Асеев (Асеев Ю.С. Архитектура Древнего Киева. К., 1982, с. 93-95). М. Каргер вообще склонялся к мысли, что тут говорится о другой церкви св. Димитрия, которая будто бы существовала на Печерске (Каргер М.К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1961, т. 2, с. 265). Он (Асеев. — Авт.) обратил внимание на то, что относительно основания церкви св. Димитрия летописец употребил термин «поставил», что обычно относится к деревянным строениям, вместо «заложил» или «создал», как принято было говорить о каменных сооружениях. Таким образом, храм, сооруженный Изяславом около 1062 г., скорее всего, был деревянным. Каменная церковь св. Петра, которую начал возводить Святополк, осталась недостроенной. Но деревянная церковь Изяслава легко могла сгореть в одном из многочисленных пожаров, после чего... было естественным достроить Ярополкову церковь — и сделать соборной для своего монастыря» (Там же. С. 24-25).

133. Православные русские обители. С. 588-589; Евгений (Болховитинов), митрополит. Описание Киево-Печерской лавры. К., 1826, с. 63.

134. Православные русские обители. С. 589.

135. ПСРЛ. С.-Пб., т. 1, с. 78; т. 2, с. 6. «Монастырь был поставлен за городом, как и Печерский, и на земле того же самого села Берестова... ближе к городу от второй пещеры преп. Антония. А когда Печерский монастырь был перенесен на новое место... то он очутился в самом непосредственном соседстве: от стены Печерского монастыря до церкви Спаса... около 40-50 сажен» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 586).

136. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 88, 120, 121.

137. Петрова Т. Пещерные монастыри как явление русской духовной культуры // К свету. 1993, № 17, с. 93-95; Семеновский Н. Киевские пещеры, открытые в мае 1853 г. // Северная пчела. 1853. № 216; Каманин И.М. Зверинецкие пещеры в Киеве. Их древность и святость. К., 1914, с. 10-13.

138. Дива печер лаврських. С. 52.

139. Православные русские обители. С. 520-522.

140. Об иконе Богоматери Елецко-Черниговской // Благодеяния Богоматери роду христианскому чрез Ея святых иконы. М., 1891, с. 109.

141. Православные русские обители. С. 529. «Черниговский Елецкий монастырь был, согласно местной легенде, основан Святославом Ярославичем для преп. Антония Печерского на том месте, где ок. 1060 г. был обретен на дереве чудотворный образ Богородицы Елецкой. Монастырь, как и все украинские обители, пережил многочисленные разорения и обновления (среди его ктиторов был великий украинский писатель Лазарь Баранович), и его сооружения XVIII и последующих столетий сохранились до нашего времени. Святыней монастыря являются двухъярусные пещеры, похожие на киевские» (Патерик Киево-Печерский. С. 270, прим. 3).

142. «...Видяше бо его (Феодосия. — Авт.) мужа преподобна и праведна суща... яко же исповедаше... черноризец Павел, игумен сый от единого монастыря сущих области его (Святослава. — Авт.)» (Патерик. С. 67). Имеется в виду Черниговский удел Святослава, где в одном из монастырей игуменствовал черноризец Павел, духовный ученик преподобного Антония. О черниговских пещерах см.: Моця О.П., Руденюк В.Я. Кістниця в Антоніївських печерах в Чернігові (про деякі особливості християнської обрядності) // 1000 років Чернігівської єпархії. Тези доповідей церковно-історичної конференції. Чернівці, 1992, с. 32-33; Хведченя С. Киево-Печерская лавра: пещеры, легенды, клады. К., 1999, с. 36-37.

143. Патерик Вольно-Почаевский. С. 42.

144. Православные русские обители. С. 557. «У входа в эти пещеры имеется деревянная дверь. Сами пещеры имеют вид длинного, с разветвляющимися направлениями, узкого коридора (галереи)... Пол — земляной. Высота пещеры везде такая, чтобы пройти взрослому человеку... На стенах пещеры встречаются надписи... Самые пещеры пролегают на глубине 10 аршин... От сих пещер и сама Свято-Троицкая церковь, к ним прилегающая, именуется пещерною» (Тодорович Н.И. Город Владимир Вольнской губернии в связи с историей Вольнской иерархии. Почаев, 1893, с. 168).

145. Дива печер лаврських. С. 54. «Первый игумен Киево-Печерского монастыря Варлаам, совершая паломничество по святым местам в 1064 году, основал на северном полуострове Корецкого Тригорья женскую обитель, которая была посвящена Благовещению Пресвятой Богородицы. Эта обитель стала именоваться Корецким Благовещенским девичьим монастырем» (Свято-Воскресенский Троицкий Корецкий ставропигиальный женский монастырь. Корец, 1998, с. 5-6). Претерпевший разорение от полчищ Батыя монастырь был восстановлен во второй пол. XIII в. Владимиро-Вольнским епископом Василием и освящен в честь Успения Пресвятой Богородицы. «Возрожденная обитель со временем настолько укрепилась, что приняла участие в строительстве Почаевского монастыря, передав в его пользу в 1274 г. 221 тысячу золотых» (Там же. С. 7).

146. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 167. Другие исследователи, в частн. И.Жиленко, считают, что «этот монастырь был основан, вероятно, еще печерским постриженником святителем Исаией, на что указывает и его название — ведь святой до этого занимал должность игумена Димитриевского монастыря в Киеве. Т. обр., Суздальский Димитриевский монастырь с самого начала своего существования имел определенное отношение к Печерскому» (Патерик Киево-Печерский. С. 194). Здесь же велось летописание — создавался «Старый летописец Ростовский», источник важнейших сведений об истории Печерского монастыря.

147. Патерик. С. 100, 101; ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 115; Назаренко А.В. Комментарии. С. 623, ком. 281.

148. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 89; Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. Т. 5, с. 79.

149. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 595. «Что в монастыре было учреждено преп. Антонием общежитие, видно из того, что им была построена трапеза» (Там же. С. 632, прим. 2). О новгородской Антониевой обители см.: Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. Т. 5, с. 79. «...Шедше же братия ко архиепископу Нифонту с преп. Антонием, бе бо в то время ему святительский престол держашу... Святитель же Нифонт велми рад бысть благому совету их, бе бо любляше преподобного за премногую добродетель, и поставляет преподобного во дьяконы, потом же во священники, таже игуменом» (РНБ. № 758, л. 264-265).

- 150.** «...Если князь Всеволод начал строить в 1119 г. Юрьев монастырь прямо с игуменом Кириаком, то весьма возможно предполагать, что для княжеского монастыря игумен и монахи приведены были с юга из Киева» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 594-595). О юрьевских настоятелях см.: Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977, с. 136-149.
- 151.** РНБ. Софийск. № 384. Сводный каталог, № 54. Об Аркажском монастыре см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 39, 215.
- 152.** Первый настоятель псковского Спасо-Мирожского монастыря преподобный игумен Авраамий преставился 24 сентября 1158 г. В монастырской ризнице, как пишет граф М.В.Толстой, хранилась деревянная чаша, принадлежавшая святителю Нифонту (Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 88, прим. 5; Его же. Святые и древности Пскова. С. 67). О монастыре см.: Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 320; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 754.
- 153.** Словарь книжников. Вып. 1, с. 149. Предание усваивает Ефрему схимнический сан (Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. С.-Пб., 1882, стб. 195). См.: Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. Т. 3, с. 417; Православные русские обители. С. 433-434. Преп. Ефрем Угрин «возле г. Торжка основал сначала приют для прихожан, а потом — обитель и церковь св. муч. Бориса и Глеба, где прославился святой жизнью. Умер преп. Ефрем 28 января 1053 г. Его монастырь, названный Новоторжским Борисоглебским, просуществовал до нач. XX ст. и имел большие духовные традиции. Мощи св. Ефрема были обретенны в 1572 г.» (Патерик Киево-Печерский. С. 259).
- 154.** Православные русские обители. С. 436.
- 155.** Дива печер лаврських. С. 58.
- 156.** Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 315; Ефрем. Житие и терпение преподобного отца нашего Авраамия, просветившегося в терпении мнозе, новаго чудотворца во святых града Смоленска // ПЛДР. XIII век. М., 1981, с. 73.
- 157.** Макарий (Булгаков), митрополит. Указ. соч., кн. 2, с. 311-312.
- 158.** Ричка В.М. Повсякденне життя монастирів Київської Русі // Український історичний журнал. 1995, № 5, с. 52.
- 159.** Карамзин Н.М. История государства Российского. С.-Пб., 1829, т. 5, прим. 254; Петрова Т. Пещерные монастыри. С. 93-95; Православные русские обители. С. 203, 272, 274, 373, 375, 436, 500; Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. С.-Пб., 1890-1897, т. 3; Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону / Сост. А.А.Павловский. Нижний Новгород, 1907, с. 329, 549, 671; Плужников В.И. Пещерные монастыри на Дону и Осколе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. М., 1985, с. 94-95; Успенский Дивногорский монастырь, находящийся в Воронежской губернии / Сост. свящ. А.Кременецкий. М., 1999, с. 4, 5, 25.
- 160.** Святогорская Успенская общежительная пустынь. Одесса, 1902.
- 161.** Псково-Печерский Успенский монастырь. М., 1988, с. 5-6; Ириной (Клементьевский), архимандрит. Повесть о начале и основании псковского Печерского первоклассного монастыря, взятая из древних летописцев... М., 1807; 2-е изд.: Псков, 1841.
- 162.** Православные русские обители. С. 644-645.
- 163.** Хведченя С. Киево-Печерская лавра: пещеры, легенды, клады. С. 42; Хведченя С.Б. Старовинні карти розкривають таємниці лаврських печер. К., 1991, с. 4.
- 164.** Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 3, с. 122-123; Федоров Анания. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале: О построении, и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о прочем к тому потребном, ради любопытных собранное из различных показаний вкратце / Подг. к печ. Я.А.Соловьев // Временник ОИДР. М., 1855, кн. 2, отд. 2, с. 1-212; Муравьев А.Н. Жития святых Российской Церкви, также иверских и славянских. С.-Пб., 1855-1858, т. 7, с. 248-257; Православные русские обители. С. 360; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. С.-Пб., 1862, с. 225-226; Монастыри: Энциклопедический справочник. М.: Изд. Московской патриархии. 2000, с. 179-180.
- 165.** Православные русские обители. С. 419.
- 166.** Поселянин Е. Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ея земной жизни и посвященных Ея имени чудотворных икон. С.-Пб., изд. П.Сойкина, с. 552-553. Е.Поселянин описывает исцеление в 1869 паломницы из Тульской губ. от чудотворной Гефсиманско-Черниговской иконы скита, находившейся в пещерном храме, во время которого страждущая ощутила себя, «будто она находится в Киеве» (Там же. С. 552).
- 167.** Сказание о лавре Почаевской // Патерик Волыно-Почаевский. С. 240.
- 168.** История Свято-Успенской Почаевской лавры. Почаев, 1995, с. 4; Почаївська лавра — твердиня Православ'я на заході України // Православний вісник. 1969, № 3; Свята Цельбоносная Стопа Божией Матери в Почаевской лавре. Почаев, 1880.

Глава VII

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» ЛАВРЫ

Священнописаньми образ
украшенную зряще паки честную
Церковь, со благоговением
вси притецем и Богу возопим:
Тебе величаем, Трисвятый.

(Стіх 9-й песни канона
Недели Торжества
Православия).

мывшись в 988 году в водах Днепра святым крещением, Киевская Русь с этого момента была вчленена Духом Святым в благодатную полноту Церкви Христовой», — пишет Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир в труде «Экклезиология в отечественном богословии»¹. Раскрывая суть древнерусского экклезиологического сознания, митрополит Владимир констатирует, что зримым выражением догмата о Церкви служили для народа в первую очередь эстетические параметры Христианства. В красоте богослужебного чина и клиросного пения, храмовой архитектуры и иконографии, церковных облачений, изделий утвари, мелодике колокольного звона русичи видели отображение горней красоты Церкви Небесной.

Объектом для экклезиологического любопытства наших предков являлся храм, как зримое воплощение Царства Божия, «как образ, икона Церкви — мистического тела Христова»². Храм и Церковь в славянском языке, да и во многих других языках мира — синонимы. «Церковью изначала освящались все сферы бытия человека. Все было направлено к тому, чтобы верующий осознал свою жизнь частичей общей жизни Христовой, все располагало его мысль к рассуждению о Церкви», — говорит митрополит Владимир, подчеркивая, что русичи «не остались глухи к голосу Священного Писания, храмовой архитектуры и богослужения. Они его услышали, восприняли и отозвались на него». Развивая свою мысль о первенстве эстетического начала в поступи древнерусского церковного сознания к высотам богословия, Его Блаженство пишет: «У нас не было научного богословия, философии о Церкви, но наши предки говорили о ней на другом языке, не менее глубоком и веском, чем словесное богословие — на языке икон и храмов»³.

Киевская митрополия получила от Константинопольской Матери-Церкви неисчерпаемый клад ее духовных сокровищ. Русь стала преемницей богатейшего наследия Византии.

«От греков Русь приняла всю полноту средств Божественной икономии: Священное Писание и Предание, догматику, канонику, богословие святых отцов, историю, богослужение, храмовую архитектуру, иконографию... Все это стало областью не только религиозных переживаний, но и изучения для нахождения ответов на стремительно возраставший поток религиозных вопрошаний»⁴.

Семена византийского богомыслия дали на плодородной почве Руси обильные и благодатные всходы, ибо нива восточнославянского региона была подготовлена к благовестию еще задолго до официального крещения. «Огромное значение для становления и развития русской богословской мысли имел перевод Священного Писания с греческого на славянский, осуществленный святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием и их учениками (IX — X вв.). С развитием грамотности и распространением переводной святоотеческой литературы бого-

словские понятия, в том числе догматические определения, стали входить в речевой обиход народа. Уже в X в. на Руси был в употреблении перевод богословского труда Иоанна Дамаскина, известный под названием «Небеса»⁵.

В Святославовом Изборнике XI в. встречаются «Богословские вопросы и ответы» Антиохийского патриарха Анастасия Синаита. Широкое распространение на Руси получили «Точное изложение Православной веры» Иоанна Дамаскина, творения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Афанасия Великого, Кирилла Иерусалимского и других отцов Церкви⁶.

Через Византию проходил основной путь приобщения Руси не только к богословию, но и к общемировым культурным ценностям.

По мысли Б.А.Рыбакова, славяне и до 988 года неоднократно прикасались к очагам мировой культуры, как это было, например, в VI в. во время набегов их диких племен на империю, когда славяне увидели новый для них мир несравненно более высокой культуры. Как вспаханная и удобренная нива становится залогом хорошего урожая, так и Киевская Русь, по мнению ученого, «была уже в известной мере подготовлена не только к созерцанию, но и к восприятию культуры передовых стран мира»⁷.

Действительно, Византия, переплавившая и обогатившая новым содержанием в горниле Православия культурные традиции древнего мира — Эллады, Рима, Ближнего Востока, северной Африки, — стала сокровищницей общемировых культурных ценностей и учительницей для зарождающихся культур Западной и Восточной Европы. Приобщение к общеевропейской христианской семье позволило молодому Киевскому государству получить доступ к лучшим достижениям европейско-средиземноморской культуры, ядром и средоточием которой уже много столетий выступала блистательная империя Константина Великого. Вслед за Арменией и Грузией, Месопотамией и Персией, Сирией и Египтом, Ливией и Карфагеном, Фракией и Македонией, Сербией и Болгарией Киевская Русь вошла в чертог восточного Христианства, вошла, как робкая ученица, чтобы затем, приобщившись к высотам премудрости, превзойти всех своих учителей.

В период породнения Киева с Царьградом богословие, философия, наука и культура Византии достигли своего расцвета. Именно эстетические импульсы выступили в тот момент предтечами высоких богословских истин для русских неопитов.

В «Повести временных лет» преподобный Нестор указывает на решающее значение в выборе князем Владимиром вероисповеданий художественно-эстетического фактора: «Созва Володимерь боляры своя и старцы градские и рече имъ: «Се приходиша ко мне Болгаре*, рекуще: приими законъ нашъ; посемъ же приходиша Немци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послеже придоша Греци...». И реша бояре и старыци: «Аще хошеши испытати гораздо, то имаши у себе мужы: пославъ

* Волжские болгары.

испытай кождо ихъ службу, и како служить Богу». И бысть любя речь князю и всемъ людем. Избраша мужы добры и смыслены, числом десять и реша имъ: «Идите первое въ Болгары, и испытайте первое веру ихъ». Они же идоша и пришедше видеша скверная дела... И рече имъ Володимерь: «Идите паки въ Немьци, соглядайте тако же и отгуду идите въ Греки». Они же придоша въ Немьци, и соглядаше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду... Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику сотвори имъ. Наутрѣ посла къ патриарху, глаголя: «Придоша Русь, пытающе веры нашея: да отверзи церковь, и самъ причинися въ святительския ризы, да видят славу Бога нашего». Си слышавъ патриархъ, повеле созвати крилось; по обычаю сотвориша праздник, и кадила возжоша, пенья и лики составиша. И иде съ ними въ церковь, и поставиша ихъ на пространне месте, показующе красоту церковную, пенья и службы архіерейскы, предстоянне дяковъ, сказующе имъ служенье Бога своего. Они же во изумени бывше, удивившеся... придоша въ Землю свою...

Рече Володимерь: «Се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее». Они же реша: «Яко ходихомъ въ Болгары, смотряхомъ, како ся поклонять въ храме... и несть веселья въ нихъ, но печаль и смрадь великъ; несть добръ законъ ихъ. И придохомъ въ Немьци, и видехомъ въ храме многы службы творяще, а красоты не видехомъ никоюже. И придохомъ же въ Греки, и ведоша нас, идеже служить Богу своему, и не знаемъ, на небе ли были или на земли: несть бо на земли такого вида или красоты такой... Не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человекъ аще вкуситъ сладка, потомъ горести не пріимаетъ, тако и мы... Онъде Богъ съ человеки пребываетъ»⁸, — заключаютъ послы, сподобившиися прикоснуться черезъ таинство богослужения в Константинопольскомъ соборе Софии Премудрости Божией къ таинству Божественной благодати.

Красота храмового богослужения стала для русичей главной проповедью о Боге. Символично, что познание Бога снизошло на нихъ в храме Софии, ибо «храм, какъ центр приведения к Богу и служения Ему всей искупленной во Христе природы, ее религиозного действия, получаетъ космическое и вместе с темъ апокалиптическое звучание, становясь явлением Царства Божия на Земле, откровением Софии, Премудрости Божией, предустановленного отъ века замысла о человеке и мире. Вотъ почему главные храмы обеихъ столицъ древней Руси — Киева и Новгорода — названы в честь Софии, Премудрости Божией. И надпись надъ конхой центральной апсиды собора Софии Киевской подтверждаетъ это сопряжение горнего и дольнего. Эти слова: «Богъ посреде его, и не подвижится» (Пс. 45, 6), — имеютъ в виду и Богоматерь, поскольку Она есть образъ человеческой общности, воплощающей мировой смысл; и церковную общину, поскольку она устремлена къ сопряжению небесного и земного; и храмовое зданіе, поскольку оно является «иконой» космического Дома Премудрости»⁹.

Красота для русичей приобрела сакральное значение, ибо Самъ Богъ в христианскомъ миропонимании — абсолют-

ная Красота. Византийская патристика уделяла основополагающее внимание красоте во всехъ ее проявленияхъ, какъ объекту любви, ведущему в конечномъ счете къ Абсолюту. Особый интересъ у отцовъ византийской Церкви вызывала нравственная и духовная красота, приобретающая отчетливое этическое звучание.

Патристическое направление — «основное теоретическое направление византийской эстетики. Оно начало складываться на основе ближневосточной и греко-римской эстетикъ еще в предвизантийский период, у первыхъ представителей патристики II-III вв., и в основныхъ чертахъ сформировалось в IV-VI вв. Большой вкладъ в его развитие внесли Афанасій Александрийскій, Григорій Нисскій, Василий Великій, Иоаннъ Златоуст, Псевдо-Дионисій Ареопагит и другіе отцы Церкви. Сочинения многихъ изъ нихъ были в Киевской Руси переведены на славянский языкъ и оказали влияние на становление собственно русской богословской литературы»¹⁰.

Стимуломъ къ всплеску византийской богословско-эстетической мысли сталъ периодъ иконоборчества, когда по имперіи прошелъ шквалъ уничтожения икон, фресок, мозаик, мошей и другихъ святынь, грозившій низвержениемъ всего зданія христианской культуры.

Жестокимъ гонителемъ иконопочитания былъ византийскій императоръ Левъ III Исавръ (717-741). В 726 г. онъ началъ преследовать последователей истинной веры, применяя для этого даже армию. С невиданной жестокостью обрушился на борцовъ с ересью его сынъ Константинъ V Копронимъ (741-775 гг.). Используя все меры репрессій, онъ, для того, чтобы придать имъ вид законности, велелъ созвать лже-соборъ в 754 г., на которомъ были приняты суровые постановленія противъ почитателей икон. В одномъ изъ документовъ собора говорилось: «...Мы объявляемъ, что в христианскихъ храмахъ все иконы должны быть уничтожены какъ ненужные и вредные, что теперъ никто да не смеетъ изголавливать икон, ибо это поступокъ негодный и негативный. Все те, кто в будущемъ осмелятся такое делать и вешать образы в храмахъ, либо даже прятать ихъ дома, будутъ низвержены, если это епископы или священники, или отлучены, если это миряне и монахи. Все они будутъ считаться врагами и предателями, согласно императорскому закону». Иконописание объявлялось «деломъ бесполезнымъ, богопротивнымъ и даже дьявольскимъ».

Власть имущіе творили терроръ с невиданнымъ размахомъ. Иконопочитателямъ, среди которыхъ было почти все византийское монашество, отрезали носы, языки, уши, раскаленнымъ железомъ выжигали на лицахъ надписи, зашивали в мешки и бросали в море, многимъ выщипывали бороды или поджигали ихъ. Надъ иноками и инокинями издевались особенно изощренно, заставляя под угрозой пытокъ и смерти вступать в бракъ. Недалеко отъ Эфеса тридцать восемь монаховъ закопали живьемъ.

Иконоборчество почти до основания потрясло византийскіе устои. Оно продолжалось более ста летъ, охвативъ правление одиннадцати императоровъ и императрицъ.

Лучшие умы того времени были вовлечены в полемику вокруг проблем церковного искусства, его места в культуре, его функций в системе православного мировосприятия. В эпоху иконоборчества сформировалась глубокая, всеобъемлющая теория образа, изображения, иконы, которая, будучи важнейшим звеном в византийской богословско-философской системе, явилась прочным теоретическим фундаментом не только византийского, но и старославянского, древнегрузинского, а отчасти даже и западноевропейского средневекового искусства¹¹.

Защитниками иконопочитания — Иоанном Дамаскином, Феодором Студитом, патриархами Никифором и Германом, отцами VII Вселенского собора, состоявшегося в Никее в 787 г. и анафематствовавшего иконоборчество, был затронут целый ряд не только важнейших богословских проблем, но и проблем эстетики, таких как соотношение образа и архетипа, «отношение изображения», значение символических и миметических (подражательных) изображений и т. п.¹².

В истории Христианства столь глубокая, всеобъемлющая, многоаспектная разработка эстетических истин — явление беспрецедентное и уникальное. С XI в. теория образа вошла в самую суть православного богословия. Под ее влиянием сформировались каноны всех видов искусства стран восточнохристианской ойкумены, включая богослужебный канон, основывавшийся на тенденциях синтеза многих граней искусства — архитектуры, живописи, духовной поэзии, декламации, пения, художественного шитья, ювелирного и декоративно-прикладного видов, организации световой среды.

Духовное ядро этого синтеза составляет таинство Евхаристии, совершающееся во время Божественной литургии. Проблема литургического образа заняла основное место в православной богословско-эстетической мысли. Литургический образ стал семантическим ключом к осмыслению внутренней таинственной сущности богослужебного действия. Византийские отцы Церкви разработали стройную систему символического восприятия литургии и всех ее элементов, подчинив мощное эстетическое воздействие храмового синтеза искусства раскрытию величайшей тайны Домостроительства Божия.

Неоценимый вклад в создание теории образа внес преподобный Феодор Студит. Он развил богословские идеи Иоанна Дамаскина и отцов VII Вселенского собора. Его боговдохновенные апологетические труды разили иконоборцев, развенчивали их суетность. В доводах Феодора Студита был зафиксирован эстетический аспект христологического догмата, узаконивалось место изобразительного искусства, облеченного в ранг служения Богу, не только в системе храмового синтеза, но и — самое главное — в системе православной догматики. Догмат об иконопочитании занял одно из важнейших мест среди догматов Церкви, о чем говорит установление особого праздника Торжества Православия на первой Неделе Великого поста.

Феодор Студит внес в теорию изображения идею «внутреннего эйдоса». Он считал, что икона — это отпечаток, но не сиюминутного внешнего вида оригинала, а его идеального, «видимого образа», в котором он был замыслен Творцом, изображение его онтологического облика. В направлении создания именно таких образов развивалось зрелое византийское искусство, а вслед за ним и древнерусская живопись. Своей теорией Феодор Студит фактически обосновал принцип иконографической каноничности искусства.

Ибо «православная икона — это особый вид самовыражения и самораскрытия Церкви, духовное поле в физическом пространстве, где сходятся радиусы догматики, мистики, сотериологии* и эстетики (имеется в виду красота как аспект Божества)... Икона — это особый вид искусства, его неповторимая идиома, которая создавалась на основе молитвенно-мистического опыта всей Православной Церкви. Онтологический план иконы — духовная сущность, выраженная в образе. Сотериологический план — благодать, проходящая через икону, как свет через окно. Символический план — икона как символ, взаимодействующий с символизируемым и выявляющий его. Нравственный план — победа духа над грехом и грубой материальностью. Анагогический (возвышающий) план: икона — это живая книга, написанная не буквами, а красками. Психологический план — чувство близости и включенности через сходство и ассоциативные переживания. Литургический план — икона как свидетельство о присутствии Небесной Церкви в сакральном пространстве храма»¹³.

Богословие преподобного Феодора было выстрадано и утверждено его исповедническим подвигом. Студит и его ученики многократно подвергались истязаниям, пыткам, тюремным узам, ссылке. Святому Феодору принадлежат многочисленные духовные творения не только в догматической, но и вероучительной, агиографической и гимнографической сферах. Он написал «Догматическую книгу об иконах против иконоборцев», Большой и Малый Катехизисы, Похвальные слова на Господские и Богородичные праздники, крестителю Господню Иоанну и святым апостолам; каноны и трипеснцы со стихирами, включенные в состав Триоди Постной; Умилительный канон Господу Иисусу Христу и другие творения, за которые блаженный Феостиркт назвал преподобного Феодора пламенным учителем Церкви.

В творениях Феодора Студита звучит мысль, что мастер — лишь инструмент в руках Божиих. Он не просто

* Сотериология — учение о спасении.

творит, но исполняет волю настоящего автора — Бога-Творца. Отсюда исходит абсолютная анонимность византийских икон, запрет изографам признавать свое авторство и подписывать иконы. В согласии с византийским антиномичным мышлением, личность иконописца оценивалась очень высоко, как и чрезвычайно высоки были предъявляемые ему моральные требования, хотя одновременно мастер являлся слугой, рабом, но не своей — Божественной воли. Ему не принадлежал собственный талант. Так, он не имел права использовать свой дар для суетной славы, улучшения положения в обществе, других земных благ. Преподобный Феодор Студит также обосновал применение в создании икон иконописных подлинников, строго регламентировавших священные изображения во имя соблюдения канонов.

Одной из особенностей патристики указанного периода является сложившаяся в среде отцов монашества эстетика аскетизма, теснейшим образом связанная с этикомистическим фундаментом Православия. Среди апологетов этого направления — святые Макарий Египетский, Нил Анкирский, Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, Григорий Палама. Ими была разработана нравственно-психологическая система преодоления греховности «ветхого человека» и теория «умного делания» — самоочищения (катарсиса) и самосовершенствования личности во имя уподобления Христу и озарения светом Божественной благодати.

Одной из граней этого направления была эстетика света, зарождавшаяся еще автором «Ареопагитик».

Значительный вклад в разработку теории «нетварного» — трансцендентного света внес аскет и подвижник X — XI вв. преподобный Симеон Новый Богослов. Кроме материальной природы света, он, вслед за Дионисием Ареопагитом, различал «свет умный», исходящий «от Отца светов»* — Бога. Как солнце является источником света для материального мира, так источником «умного света» является Солнце правды** — Христос, «подающий свет умным очам душевным, чтобы они мысленно видели мысленное и невидимое»¹⁴. Дабы сподобиться приобщения к свету благодати, необходимо «исправить стопы к деланию заповедей», душу сотворить Храмом Духа Святого, как говорится в молитве 1-го Часа:

**Христе, Свете истинный,
Просвещай и освящай всякого человека,
грядущаго в миръ,
Да знаменается на насъ светъ лица Твоего,
Да въ немъ узримъ светъ непреступный,
И исправи стопы наша
къ деланію заповедій Твоихъ
Молитвами Пречистыя Твоея Матере
и всехъ Твоихъ святыхъ.
Аминь.**

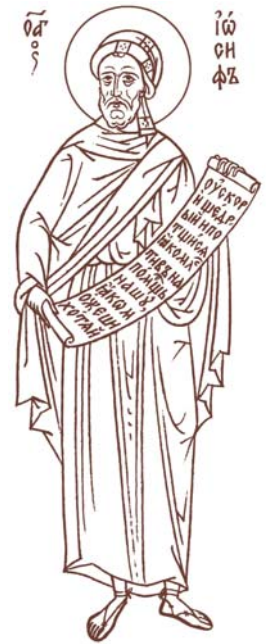
Симеон Новый Богослов подвижнической жизнью, духовно-аскетическими упражнениями, среди которых главенствовали покаянный плач и молитва, стяжал чистоту

души и удостоился озарения Божественным светом. Он стал наставником умного делания для всех последующих поколений подвижников. Симеон на собственном опыте ощутил, что, «воссияв в человеке, свет этот изгоняет все помыслы и страсти душевные, исцеляет телесные немощи; душа видит в нем, как в зеркале, все свои прегрешения, приходит в полное смирение и одновременно наполняется радостью... Человек весь изменяется и познает абсолютную истину»¹⁵.

Влияние световой эстетики Симеона Нового Богослова присутствует в трактатах афонских и славяно-русских отцов, в явлениях византийской и славянской художественной культуры. В XIV в. довершил богословское учение о нетварном свете святой Григорий Палама. Световой гармонией горящих лампад, паникадил и свечей, блеском золотой смальты мозаик, сиянием нимбов на иконах и фресках, сверканием золотой утвари и отблеском парчовых облачений, системой пробелов на иконописных ликах и лучей золотого ассиста в складках одеяний храмовой синтез искусств возводил душу молящегося к вечному Свету — Богу.

Раскрывая процесс познания новокрещенной Русью истин богословия, Его Блаженство митрополит Владимир пишет, что Киевская Церковь «была не только прилежной ученицей, в безмолвии и сосредоточенности самой жизнью постигавшей истину Церкви, питавшейся ею. Она стала и выразительницей своего богословского опыта, который приобрела, затворившись в клеть своего сердца (Мф. 6, 6)»¹⁶. Недаром одним из самых важных подвигов для русского монашества стало затворничество, более того — пещерничество как высшее его проявление. Впервые затворничество начал практиковать в своей монашеской жизни Иларион, предстоятель Киевской митрополии.

Берестовский отшельник был знаком с учением исихастов, многие из творений которых были тогда уже переведены на славянский язык. Эту мысль подтверждает использование им основных аскетических упражнений «умного делания» — безмолвия, поста, плача, молитвы, коленопреклонений,

* Из заамвонной молитвы на литургии Иоанна Златоуста.

** Из тропаря Рождества Христова.

чтения святоотеческих книг. Именно Иларион, соединивший в себе нравственную высоту аскета и широкую просвещенность ученого мужа, стал первым «тайнником» и «самовидцем» неизреченных богословских глубин.

О митрополите Иларионе, как боговдохновенном богослове, с восхищением говорят ученые. «Богословская образованность Илариона была настолько велика и настолько православна, что считалась безупречной даже для... Православия XIX века», — пишет один из современных исследователей наследия митрополита¹⁷. «Человеком глубокой богословской проницательности» называет святителя Илариона профессор Московской духовной академии М.С.Иванов¹⁸. О «точности догматического изложения» в Иларионовом «Исповедании веры» писал академик Н.К.Никольский. О «зрелости ума, глубине чувства, обилии богословских сведений» мыслителя говорил выдающийся церковный историк митрополит Макарий (Булгаков)¹⁹. Об «исключительном значении» гениального творения Илариона «Слово о Законе и Благодати», о «совершенстве формы» этого богословского трактата пишет академик Д.С.Лихачев²⁰. Древнерусский митрополит, отмечает академик, посвятил «Слово» будущему Руси, предвосхитил это будущее, исторически и богословски обосновав понятие «Святая Русь».

Антиномизм его мышления, выраженный как в «Слове», где противопоставляются ветхозаветный Закон Моисея и новозаветное Евангелие Иисуса Христа, так и в «Исповедании веры», где утверждается тринитарный догмат, глубоко логичен и уходит корнями в догматическое любомудрие византийских отцов. Иларион, кроме этого, строго историчен, развивая «свою теорию всемирной истории как постепенного и равного приобщения всех народов к культуре Христианства... История Руси и ее крещение изображены Иларионом как логическое следствие развития мировых событий»²¹.

Богословствуя о Пресвятой Троице, Иларион воспевает Ее единосущие в трех лицах, которые «свокоупляются несмесно и разделяются неразделне». «Верую во Единого Бога, — восклицает святитель, — и не съливаю разделения, ни съединения разделяю»²². Его осмысление христологического догмата становится боговдохновенным гимном двуединой природе Богочеловека Христа. Сын Божий, благоволив сойти на землю, «небес и Отца не отлучился», «прежде веков от Отца рожден, един сопрестольный и единосущный Отцу, как солнца свет сошел на землю». На земле Иисус Христос явил и Божество, и человечество. Как Бог, Он «звездой волхвы вождаше», а как человек, «повився в пелень» при рождении. Как человек, пришел креститься от Иоанна, «и яко Бога утравився Иордан». Как человек, «иде на брак» в Кану, и как Бог — «воду в вино преложил». «Яко человек распят бысть, и яко Бог Своею властью распятого с Ним впусти в рай»²³.

О вовлеченности предстоятеля Киевской Церкви в новейшие богословские искания Византии свидетельствует его частое обращение к теории Божественного света. Он многократно употребляет метафоры, связанные с солнцем, светом, говоря о Христианстве как «истинном свете» Богопознания, «свете разума»²⁴. Сама Благодать противопоставляется им Закону, как свет — «сени»^{**}, в унисон со словами светильна^{***} на Рождество Христово: «Просветил ны есть свыше Спас наш, Восток востоком^{****}, и сущия во тьме и сени обретохом истину».

У митрополита Илариона евангельские события, связанные с земной жизнью и учением Господа Иисуса Христа, тесно переплетаются с канвой исторического пути человеческой цивилизации, направленного к восхождению по ступеням совершенствования и познания истины к вечной Истине — Богу. У него «христологическая антиномия складывается из антистетического ряда, в который он выстроил основные события земной жизни Христа, изложенные в Евангелии и послужившие основой христианских праздников и церковного богослужения, христианской гимнографии и иконографии... Новозаветные события, выстроенные в антиномический ряд ясно читаемых пластических формул, служат ему бесспорным доказательством и выражением истинности догмата, который, что хорошо ощущал Иларион, был доступен сознанию древних русичей более в художественно-эстетической форме, чем в чисто богословской. Зрительные (иконографические) аналогии... верующие могли видеть на стенах храма, в котором они слушали эту проповедь... Поэтические (гимнографические) вставки наполняют слова, поучения и трактаты древнерусских мыслителей, что свидетельствует о характерной особенности древнерусского общественного сознания — философствовать и богословствовать в образной, художественной или полухудожественной форме, обращаться прежде всего... к чувству, к сердцу слушателей и читателей»²⁵.

Исследователи видят в посвященной Христу части «Слова» «точное воспроизведение росписей Софии Киевской, храма, в котором и звучала проповедь. И трудно сомневаться в этом, настолько картинно, сказали бы мы, живописует проповедник»²⁶.

Вспомним, что проповедь эта была произнесена на Пасху. В.А.Никитин пишет, что в произведениях Илариона «запечатлено верное и глубокое понимание христианских догматов, воспринятых Киевской Русью, в частности Пасхального догмата. Говоря о наступлении эпохи Благодати для просвещенного крещением Отечества, митрополит Иларион с воодушевлением повторяет слова пасхального тропаря, умело использует светлые пасхальные образы и мотивы»²⁷. Святителя Илариона отличает глубокое знание Священного Писания. В его произведениях присутствует множество цитат и ссылок из Евангелий от Матфея, Мар-

* Из службы святым апостолам.

** Тени.

*** Светилен — один из заключительных циклов богослужения вечерни.

**** Здесь и как Восток востоков, и как Восход восходов.

ка, Луки, Иоанна, посланий: Иакова, Павла к Римлянам, первого к Коринфянам, Галатам, Ефесянам, второго к Тимофею и Титу; а также из ветхозаветных книг: Бытия, Судей, Псалмов, Исаии, Иеремии, Даниила, Осии, Малахии, Иисуса, сына Сирахова, и т. д.

«Драгоценностью», «перлом всей нашей духовной литературы» домонгольского периода называет «Слово о Законе и Благодати» митрополит Макарий (Булгаков). Яркий литературный талант автора особо раскрывается во второй части произведения, оформленной в песнопевческой структуре «Похвалы» святому равноапостольному князю Владимиру. Иларион предстает перед нами как вдохновенный гимнограф, церковный поэт, творец молитвословий.

«Песнотворчество церковных авторов... тесно связано с развитием всей древнерусской литературы в целом и в то же время имеет свои особые, строго очерченные задачи. Несомненно, что язык митрополита Илариона... был более свободен в изложении избранного предмета»²⁸, — пишет авторитетный исследователь византийской и отечественной гимнографии монахиня Игнатия (Петровская). Свобода эта заключалась в особой богословско-литургической векторности творчества святителя. Действительно, «литургические формы есть одежда Церкви Христовой. Церковность жизни, полнота литургического общения Церкви небесной и земной, соборность молитвы — лучшие пути богословия»²⁹. Монахиня Игнатия пишет: «Богословская мысль достигает особой высоты, предельной точности и ясности в литургических произведениях блаженного Илариона». Так, она убеждена, вслед за митрополитом Макарием, что «Иларион мог составить службу святой равноапостольной княгине Ольге»³⁰.

Поэтический дар Илариона блестящ и оригинален. Его проповеди предназначались для публичного произнесения за церковным богослужением, что предполагало особую напевность и метrorитмическую организацию их структурного построения, ибо в «православном богослужении с пением церковных гимнов органически сочетались молитвы, чтение... Евангелия, проложные сказания, проповеди. Все тексты, ритмически организованные, произносились нараспев... Основной ритмический рисунок текста отражен в расстановке знаков препинания в наиболее авторитетном списке сочинений Илариона, хранящемся в Государственном Историческом музее... Местами идеальный ритм налицо... «Глагольность» произведений Илариона поразительна. Но проповедь таила в себе еще одно удивительное свойство — почти вся она разделилась по смыслу и ритмическому рисунку на части (строфы), в каждой из которых оказалось по 60 строк»³¹. Недаром митрополит очень часто употребляет цитаты из поэтического свода Псалмопевца Давида — древней Псалтири. В мелодике строф Илариона прослеживается родство с этим величайшим шедевром сакральной поэзии. Вместе с тем святителю присущи не только литературная изысканность, но и подлинная народность, безбрежность поэтического дыхания, эпичность мышления, что «создавало идеальный «вре-

Псалмопевец Давид.
Из лаврской Толковой Псалтири 1697 г.

менной остров» русских былин, «былинное время»... В «Слове» Илариона — истоки легенды о Владимире, развернутой и утвердившейся в русском героическом эпосе — былинах Киевского цикла»³².

Берестовский книжник достигает необыкновенных поэтических высот даже в таком, казалось бы, официально-догматическом сочинении, как «Исповедание веры». Его Катехизис — подлинно литургическое произведение и одновременно замечательный образец древнерусской речи, достигшей в устах подвижника своей предельной глубины, выразительности и силы. Монахиня Игнатия по праву называет наследие святителя «драгоценным перлом богословия, долженствующим стать всемирно известным!»³³.

Особую дань благоговейного почитания Иларион воздавал князю Владимиру. Возвещая миру о святости создателя нового христианского государства, митрополит взывает к благоверному князю:

**Въстани, о честная главо, отъ гроба твоего!
Въстани, отътряси сонъ, неси во ѹмерль,
Неси во ти лепо ѹмрети веровавшу въ Христа,
Живота всему миру!
Отътряси сонъ, возведи очи!
Да видиши, коея ты чести Господь тамо сподобавъ,
И на земли не беспамятна оставил сыномъ твоимъ.**

«Похвала» Илариона стала первым на Руси агиографическим трудом. Н.М.Карамзин называл ее Житием святого Владимира. Для доказательства величия и исторической значимости деятельности князя Владимира митрополит привлек обильный богословский и церковно-исторический материал. Цикл произведений книжника был создан на основе всех достижений теологии, культуры, искусства того времени. В нем автор достиг небывалых творческих высот — и как агиограф, и как гимнограф, и как художник, и как богослов, ибо богословский дар неотделим от писательского дара, что видно из наследия Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, блаженного Августина, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита и других отцов Церкви. Митрополит Иларион явился учителем для всех последующих древнерусских книжников, в первую очередь — печерских.

Вместе с осмыслением Крещения на Руси начинается интенсивное осмысление всемирно-исторического процесса. Зарождается богословие истории. Историко-бого-

словское мышление присутствует у авторов различных видов отечественной церковной литературы: житий святых, патериков, проповедей и летописей. Последние, при всей их мозаичности, отличаются строгой продуманностью композиции, последовательностью повествования, единством и грандиозностью идеи. Летописи, по замечанию Д.С.Лихачева, это не только своды предшествующих произведений, но и «свод идей». «С точки зрения летописца, как и любого другого древнерусского автора, в мире существует вечная соотнесенность двух миров — Божественного и земного. Земной, временный мир имеет вневременный, надмирный характер. Вот почему летописцы так пристально наблюдают за Божественным воздействием на мир, а их летописи дают прекрасный материал для разработки богословского учения о Промысле Божиим»³⁴.

Историчность древнерусских книжников неотделима от этичности. Русь безоговорочно приняла свод этических норм, созданный христианской цивилизацией. Главенство в нем принадлежало евангельской заповеди «возлюби ближнего своего, как самого себя». Печерские книжники — Иаков мних в «Памяти и похвале» князю Владимиру, Никон Великий и игумен Иоанн в летописном Изводе, преподобный Феодосий в посланиях, Нестор Летописец в агиографических и исторических творениях, создатели Патерика и другие авторы воспели идеал «нового» человека, «который обновляется в познании по образу Создавшего его», облечись в «милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение» и «более же всего в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Кол. 3, 10-14), о чем писал святой Павел — один из самых глубоких мыслителей в области этики, «апостол новой морали». Печерские книжники взирали на образы русских святых, самой жизнью доказавших верность Христовой заповеди о любви, — княгини Ольги, равноапостольного Владимира, страстотерпцев Бориса и Глеба, — и подвиги их избирали мериллом собственного спасения и спасения пасомых. Воплощением человека новой христианской генерации стал для печерских писателей облик святого равноапостольного князя Владимира, воспетый митрополитом Иларионом в чутком созвучии с моральным кодексом апостола Павла (Еф. 6, 10-17):

**Радуйся, учителю нашъ и наставниче благоверню!
Ты правдою бе облеченъ, крепостию препоясанъ,
Истиною обутъ, смыслом венчанъ,
И милостынею, яко гривною
и ѹтварью златою красуяся,
Ты бе, о честная главо, нагимъ одеяние.
Ты бе алчнымъ кормитель.
Ты бе жаждущимъ ѹтробе ѹхлаждение.
Ты бе вдовицамъ помощникъ.
Ты бе страннымъ покровце.
Ты бе бескровнымъ покровъ.
Ты бе овидимымъ заступникъ,
ѹбогимъ обогащение**³⁵.

В эпоху становления отечественной богословской науки печерские мыслители оказали решающее влияние на развитие нравственного богословия, преломляя через

призму христианской морали все историко-политические и культурно-философские процессы, происходившие не только на Руси, но и в мире.

«Полнее всего этот мудрый урок морали, заповеданный нам гениальными предками, воплощен в образе святости, отображавшем в культуре Киевской Руси представление о самом совершенном, самом добродетельном, о той высоте, к которой должен стремиться человек... Раскрыть смысл этого идеала важно не только для раскрытия адекватного образа нашей древности. Он, этот идеал, не утратил своей ценности и поныне, ибо процесс морального возрастания невозможен без чувства высокого исторического долга, ответственности за собственные поступки не только перед детьми и внуками, но и перед дедами и прадедами»³⁶.

Во главу угла печерянами ставился принцип добродетели как главного подвига веры, во утверждение слов апостола Иакова: «Вера без дел мертва есть» (Иак. 2, 20). Иаков мних писал о князе Владимире: «Не дивимся, возлюбленеи, аще чудесь не творить по смерти; мнози бо святеи праведнеи не створиша чудесь, но святеи суть. Рече бо негде о томъ святыи Иванъ Златоустый: «От чего познаемъ и разумеемъ свята человека, от чудесь ли, или от дела?» И рече: «От дель познати, а не отъ чудесь»³⁷. В произведениях Иакова воспет подвиг первых русских святых: князя Владимира, княгини Ольги, страстотерпцев Бориса и Глеба. При описании их добродетелей Иаков подчеркивал вселенский и вневременный характер феномена святости, общность нравственного идеала Христианства: «Возревновал же князь Владимир делам святых мужей и жизни их, и возлюбил Авраамово житие, и подражать стал его страннолюбью, истине Иаковлевоу, кротости Моисеевоу, беззлобию Давидову, правоверию Константина...»³⁸.

Мощным набатом звучал призыв к нравственному самосовершенствованию в творениях преподобного Нестора Летописца. «История человеческого рода, с точки зрения Нестора, есть история борьбы добра и зла»³⁹. В его творчестве дана одна из первых в нашей литературе трактовок этой извечной моральной темы. Лишь любовь, считает Нестор, может преобразить мир. Нарушение этой заповеди Святополком Окаянным, убившим невинных братьев, распри и свары князей заставили Нестора акцентировать всю силу своего таланта на богословском раскрытии основ христианской этики. Подобно апостолу любви Иоанну Богослову, Нестор провозглашает: «Аще кто речеть: люблю Бога, а брата своего ненавижу, ложь есть... Любяи Бога, любить брата своего. Въ любви бо все свершается. Любве ради и грехы расыпаются. Любве бо ради сниде Господь на землю и распяты за ны грешныя, вземь грехы наша, пригвозди на кресте... Любве ради мученици прольяха крови своя»⁴⁰.

Мир с его культом насилия противопоставляется Нестором духовному царству света, где живет непротивление злу. Еще в первом своем произведении, посвященном

святым Борису и Глебу, он прославляет незлобие братьев-мучеников, отказавшихся от общепринятых норм поведения, чтобы стать «сынами света» (Лк. 16, 8). Парадоксальность их поведения перед лицом гибели становится нормой «иной», подлинно христианской конституции бытия, которая чужда миру.

В образе святости богословы выделяют момент апофатический, негативный — чуждость миру греха. Святой, по выражению священника Павла Флоренского, пребывает «в мире, но не от мира. Святой — это в первую очередь «нет». Но, отрекаясь от мрака суеты и греха, подвижник стремится к свету, и здесь момент катафатический, позитивный — через отрицание мира он несет в себе позитивное начало, утверждая реальность «мира иного» (Ин. 14, 27). Образ святости служит утверждению «мировой реальности через освящение последней»⁴¹.

Христианские формулы основных этических норм находили идеальную среду в первую очередь в местах «иного мироощущения» — иноческих обителях. Преподобный Нестор, рассказывая об истории создания любимой обители и «чего ради прозвася Печерский монастырь», подчеркивает, что первоначальником пещерного бытия в ней был святой Иларион, «мужь благъ, и книжень, и постникъ», ископавший малую и тесную пещеру «и ту молитву творяше... отъпеваше часы» — церковную службу — «и моляшеся ту Богу в тайне». Несмотря на краткость рассказа, посвященного Илариону, Нестор в простых и скупых выражениях рисует перед нами классический образ православного подвижника-исихаста. Недаром Нестор Летописец, а вслед за ним и Симон, святитель Владимирский, подчеркивали особую духовную связь и родство аскезы святителя Илариона с аскезой пришельца из Афона преподобного Антония Печерского.

В богословском творчестве мыслителей-печерян мир еклесиоцентричен. Церкви Торжествующая и Воинствующая составляют в нем единый организм во главе с подвигоположником Иисусом Христом. Вся Русь становится у них домом Божиим, уделом Пресвятой Богородицы. Недаром Нестор Летописец, «хорошо и во многих тонкостях знавший христианскую догматику и этику»⁴², начинает отсчет новой эры Святой Руси от пребывания послов князя Владимира в храме Софии, Премудрости Божией.

«Храм являет образ единства Церкви Христовой при множестве входящих в нее членов. Как здание храма слагается из многих камней, каждый из которых имеет свое назначение в общей гармонии целого, так и члены Церкви — каждый выполняет свою функцию. «Вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1 Кор. 12, 27-28). Но Церковь, в отличие от мирских построек, есть строение живое, расширяющееся, растущее в город, в небесный Иерусалим. Каждый камень мистического здания Церкви, преобразаясь в жилище Бо-

жие Духом (Еф. 2, 22), становится новым живым храмом Божества (1 Петр. 2, 4-5), будучи утвержден «на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе (Еф. 2, 20-21)», — пишет Блаженнейший митрополит Владимир⁴³.

Слова Его Блаженства раскрывают таинство создания из малой Иларионовой пещеры, освященной молитвой святителя, величественного Храма духовности Киево-Печерской лавры.

На Руси учение отцов исихазма об «умном делании» нашло благодатную почву. Вся история Киево-Печерской лавры говорит о том, что ее иноки практиковали «умное делание» в своем подвижничестве. И святитель Иларион, и воспитанник столицы исихазма — Афона — преподобный Антоний, и весь сонм его учеников во главе с преподобным Феодосием строили науку спасения на основе святоотеческого исихастского наследия. Воплощением этого пути стало житие преподобного Иоанна Многострадального, прошедшего горнило тяжких искушений и победившего их, как подчеркивается в Патерике, не телесными подвигами, которые, несмотря на сверхчеловеческую тяжесть, лишь усугубили его положение, а именно «умным деланием», наукой преодоления врага в «невидимой брани». Наградой за мученический подвиг в этой борьбе стал для него «светъ неизреченень», зримо почивший на месте его суровых подвигов — в пещере, которая с тех пор всегда была озарена неземным сиянием Божественных лучей благодати, освещающая ее и днем, и ночью, так что все «достойнии» могли «зреть яве такового утешения», как пишет Печерский Патерик.

Основой подвига спасения для печерских подвижников стало стяжание Духа Святого, возжение в душе Фаворского света благодати. Богословская теория «нетварного» света нашла на Руси самый горячий отклик. Печерское любомудрие внесло свой весомый вклад в ее разработку. Нестор Летописец в описании детских лет Феодосия отмечает, что «благодать Божіа бе на нем» (Лк. 2, 40). Он сравнивает боголюбивую душу аввы с утренней звездой: «Воссия нам денница пресветлая», к которой другие христианские души стекаются с тем, чтобы, «видевши светение ея, света насытитися». По мысли святителя Илариона, благодать и истина «сияют» верным, вера христианская — «истинный свет». О княгине Ольге летописец пишет, что ее святость сияла во мгле язычества «аки денница предъ солнцемъ и аки зоря предъ светомъ. Се бо сияше аки луна в нощи». О Борисе и Глебе Нестор говорит, что своими добродетелями они сияли «аки две звезде светле», а после убийства их души вознеслись «во свете неизреченнемъ». В молитве князьям-мученикам он восклицает: «Радуйтесь, Божиими светлостями облистаеми»⁴⁴.

Свет от иконы Пресвятой Богородицы, чудесным образом появившейся на алтарной стене, настолько поразил увидевшего его Алипия, что побудил юношу вступить в монастырское братство. Храмом Божественного света была,

по Нестору, душа преподобного Феодосия. Молясь, святой источал «свет пречюден». Огненный свет исходил, по свидетельству многих очевидцев, от «манастыря Феодосиева». Огненный столп видел над Печерским монастырем князь Изяслав в момент кончины блаженного Феодосия. Летописец повествует о явлении в 1110 г. огненного столпа от земли до неба над местом погребения преподобного.

Обратимся к поучениям аввы Феодосия: «Мудрые девство свое соблюли и светильники свои украсили милостынями и верою, и вошли в чертог радостный, и никто не воспрепятствовал им. Другие же хоть и сохранили девственную печать ненарушенной, и в пощении, и бдении, и молитвах истощали плоть свою, но елєя милостыни не принесли в светильниках своих душ, и поэтому изгнаны были из чертога»⁴⁵.

Глубоко осмыслив и применив на практике учение об «умном делании» и стяжании света благодати, печерские подвижники сделали его доступным и актуальным для всего отечественного монашества. Главная заслуга лавры в том, что она создала на Руси «училище благочестия», школу святости, глубоко обоснованную систему нравственно-психологического воспитания. Если говорить языком метафор, в лавре создалась отечественная наука строительства нерукотворенных Храмов, что невозможно переоценить в эсхатологическом контексте бытия Святой Руси.

Печерский игумен Феодосий не только вывел лавру из пещер на поверхность и начал строить ее в пределах всей Руси, но и писательским трудом стремился «науку спасения» сделать общедоступной и близкой сердцам людей. Вершиной его концепции была, конечно же, любовь — альфа и омега, смысл и основа Христианства. «Всякого помилуй и отъ беды избави, и мзды отъ Бога не лишень будещи», — призывает он.

«Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 16), — говорит Евангелие. Светом своих благих дел печерский игумен прославил Бога на всех просторах Отечества. И Господь также прославил угодника Своего. «Радуйся, просвещение Руския земли, ибо яко денница... всю Рускую землю просвети! — взывает с молитвенным восторгом Нестор. — Радуйся, прописателю и образе пути истиннаго, вождю и правителю и наставниче мнишескому житію! Радуйся, начальниче и поборниче, поспешителю и пособниче хотящим спастися! Радуйся, умноживый стадо словесных овец в дому Божіа Матере, радуйся, насадителю винограда Христова! Радуйся, дому Пречистыа Матере Божіа строителю, егоже созда и величеством украси и в даръ Богородици принесе!»⁴⁶.

В «Похвале» преподобному Феодосию открывается еще одна грань таланта Нестора Летописца, который предстает перед нами не только как историк, писатель, философ, но и как песнопевец Церкви, обладающий ярким и вдохновенным поэтическим даром.

Вслед за ним Феодосия Печерского воспел в службе,

созданной по случаю канонизации блаженного, инок Григорий — творец канонов, живший и творивший в лавре. «Эта служба — произведение высокоодаренного человека, который знает различие отдельных церковных песен и умеет придать наиболее ответственным из них высокое торжество и победное звучание, и напротив, там, где следует дать умеренный пафос повествования, проникновенно изложен дух Христовой Церкви... Стихиры на великой вечерне проникнуты высоким духом исповедания христианских догматов и имеют соответствующий творческий стиль. Высокое богословие сохраняет песнотворец и в литийных стихирах, ублажая преподобного Феодосия, как того, кто «Тройческую благодать прием» и «Господа самолично виде». Здесь же говорится о преподобном авве как «строителе верном обители Божия Матере». ...Каноны преподобному Феодосию построены различно. Если первому присуща торжественность и употребление сопоставительных подобий, во втором — более мягкое и ровное повествование. Оба канона начинаются обращением за помощью к святому. Уже в первой песни... даются сравнения преподобного Феодосия с апостолом Павлом и пророком Иеремией, а далее — в песни 4-й — с житницей святого Иосифа. Составителю канона очень дорог образ преподобного Феодосия, как иерея Божия, приносящего бескровную жертву... Вместе с тем преподобный Григорий, как инок Печерской лавры, не может умолчать о подвигах аввы и в песни 6-й первого канона с любовью исчисляет труды отца. «Подобяся ноги умывшему Своим учеником, богомудре, — восклицает он, — воду черпати и на раменах* носити изволил еси, и древа своими руками принося и сеча, начальника трудов себе монахам показал еси». И наряду с этим беззаветная любовь исторгает у автора признание его святости. Но творец канона нигде не забывает сказать и о высоких Таинствах христианских и свидетельствует, что святому авве Феодосию «сшествоваше... всех Творца благодать Духа»... В заключительной песни первого канона преподобный Григорий восклицает: «Радуйся, земле Роская, приемши сокровище некрадомо от Господа, помощника велика богоблаженного и заступника тепла Феодосиа».

Во втором каноне Григорий фиксирует внимание на создании преподобным церкви Божией Матери. Это событие, таким образом, является одним из ведущих, живым, насущным в жизни созданного братства... В заключение краткого анализа службы необходимо отметить, что в Богородичных преподобный излагает исповедание догмата вочеловечения Христова. Иногда, как подлинный служитель Слова, как выразитель тех высот, которых в Киевский период достигло слово духовной литературы, он пишет: «Воплщя от пречистых Твоих ложесн, Дево Пресвятая, Божие Слово, всем просвети богоразумия любовь...» Аналогичны и другие Богородичны канонов, в которых наряду с точностью выражения догмата воплощения всегда имеется особо найденная глубина слова»⁴⁷.

* Плечах.

Преподобный Григорий является составителем службы равноапостольному князю Владимиру. Как видим, облик крестителя Руси побуждал к богословствованию многих печерских книжников. И снова здесь присутствует тема Нетварного света. «Не яко во мраце, но ясно в Дусе Сына со Отцем видя... славима... в Троице познал еси Бога, блаженне Василие...» — пишет гимнограф, для глубины восприятия употребляя христианское имя князя⁴⁸. Характерно, что в службе святому Владимиру, как и в каноне преподобному Феодосию, автор являет горячий патриотизм и прославляет престольный град Киев.

А.Доброклонский пишет, что служба святителю Николаю в честь перенесения его мощей составлена отечественным песнотворцем⁴⁹. «Имеются указания историков... что иноку Григорию могут принадлежать службы на перенесение мощей святителя Николая Мирликийского и на освящение церкви в честь великомученика Георгия»⁵⁰. Стиль инок Григория несет на себе печать яркой индивидуальности. «Прежде всего должен быть отмечен поэтический дар песнописца, его незабываемые образцы церковнославянского, древнерусского слова, его возвышенный дух творчества, его догматическая зрелость, овеянная духом живого исповедания, и... высокое сознание государственности», — пишет монахиня Игнатия.

Чем же была достигнута «догматическая зрелость» преподобного Григория? Несомненно, личным аскетическим подвигом, направленным на стяжание Духа Святого, без которого, по мысли отцов Церкви, никто не может прославить Господа. Из Патерика видно, что преподобный Григорий обладал даром чудотворения. Вместе с великими подвижниками монастыря он участвовал в исцелении Никиты Затворника — изгнании из него беса. «Сей же род, — пишет Евангелие, — изгоняется только молитвой и постом». Молитвенник, постник, аскет, Григорий песнотворец был истинным учеником святых основателей обители — Антония и Феодосия Печерских.

Обобщая вышесказанное о богословском достоянии гимнографов-печерян Илариона, Феодосия, Нестора, Григория, «необходимо еще раз подчеркнуть его высокие поэтические достоинства, указать, что богословие отдельных положений Православной веры дано на большой духовной высоте, соответствующей пафосу всей эпохи Киевской Руси»⁵¹.

В то время «глубокие космологические богословские идеи рождались и находили свое отражение в... литературе всех жанров, в литургической письменности, иконе, церковной архитектуре... Человеку той эпохи оказывается по плечу глобальная богословская проблема соотносительности мира, Церкви и человека. Такие идеи, как: Церковь — микромир и вместе с тем — макрочеловек; Церковь — небо на земле, природа — храм, где размещается воля ее Создателя... для древнерусского человека были близки и понятны. Такая близость позволяла читать книгу природы как второе Откровение, второе Писание. Язык этой книги — язык символов, и то, что он был доступен не только

писателям, но и иконописцам, зодчим, церковным песнотворцам, говорит о том, что в Древней Руси интенсивное развитие получило и символическое богословие»⁵². Академик Лихачев отмечает: «Знаменательно, что вся культура... все стороны культурной деятельности... XI века проходят под знаком тесного взаимопроникновения архитектуры, живописи, политики, книжности в недрах единого монументального стиля»⁵³.

При изучении путей древнерусского богословия этот фактор всегда учитывается. «В противном случае та или иная богословская мысль, тот или иной памятник... могут оказаться кирпичом, вынутым из здания великого архитектора... Иллюстрацией такого сближения и взаимопроникновения может служить «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона и росписи Киевского собора Святой Софии, в котором... «Слово» было произнесено. Тема библейского богословия — соотносительность Ветхого и Нового Заветов, рассмотренная митрополитом Иларионом в «Слове», — нашла свое отражение в росписях Софийского собора. Следовательно, произнося свою проповедь, Иларион непосредственно исходил из темы окружающих его изображений. Фрески и мозаики Киевской Софии могли наглядно иллюстрировать проповедь Илариона... Именно здесь были те сцены... персонажи которых подавали наибольший повод для размышлений Илариону... «Богословие в красках» и «богословие в архитектуре»... далеко не исчерпывалось указанной темой»⁵⁴.

Сама София Киевская строилась в столице Руси в ознаменование особого о ней Промысла Божия. «Приняв веру Христову от православной Византии, Русь тут же постаралась устроить свою столицу Киев во образ столицы Византии — Константинополя. Уже в X в. постройкой и ос-

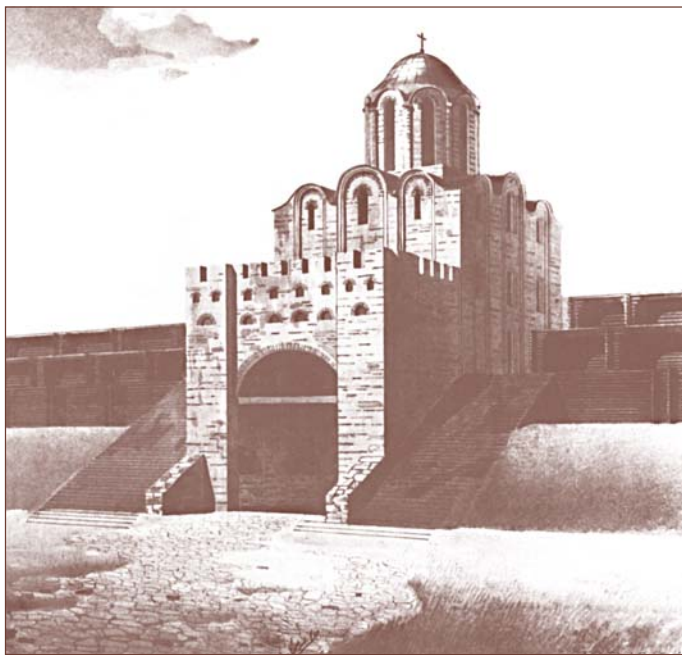

Остатки Золотых ворот. XIX ст.

вящением знаменитой Десятинной церкви Пресвятой Богородицы Киев, подобно Константинополю, посвящал себя Царице Небесной, ибо 11 мая 330 г. равноапостольный Константин посвятил свою новую столицу Богоматери, что было отмечено в греческом месяцеслове как праздник Царьграда. На этот же день, 11 мая, равноапостольный князь Владимир назначил освящение Десятинной церкви, повелев внести это событие как праздник в месяцеслов. В XI в. Ярослав Мудрый строит в Киеве Софийский собор во образ Софии Константинопольской и сооружает новую крепостную стену города, где главные и парадные ворота получают название Золотых, как в Константинополе... Там они были созданы во образ Золотых ворот Иерусалима... В константинопольских градостроительных и храмостроительных ансамблях это была не единственная деталь, сознательно сближавшая столицу с Иерусалимом. В «Слове о Законе и Благодати» Константин-град прямо и без всяких оговорок назван Новым Иерусалимом... Золотые ворота в Киеве имели своим прототипом не только Константинополь, но и Иерусалим»⁵⁵.

«Перед нами синергическое действие Промысла Божия и воли православных людей. Исторические, топографические случайности оказываются не случайными, а осознанными. Понятия о Новом Иерусалиме, как Царстве Небесном, и о Церкви Христовой, олицетворением и Матерью которой является Дева Мария, ибо от Нее восприял Свое тело Христос, а Церковь — тело Христово по апостолу, — становятся тождественны. Отсюда в православном сознании Пресвятая Богородица является одновременно и знаменем Церкви, и знаменем Иерусалима Нового. Такая тождественность нашла отражение и в русской храмовой архитектуре»⁵⁶.

Если икона есть богословие в красках, то церковная архитектура — богословие в камне. Храм на Руси, особенно соборный, был не просто культовым сооружением. Он

Золотые ворота Киева. Реконструкция Ю.Асеева.

становился центром того удела, на котором был построен. «Около него сосредоточивалась вся городская жизнь, жили владыка и князь, собиралось по звону колокола вече. Сам город считался как бы принадлежностью собора. Новгород был городом Святой Софии, Псков — Святой Троицы, Владимир — Пресвятой Богородицы и т. д. Все волости и пригороды тоже были волостями и пригородами Софии, Спаса, Богородицы. Имена этих святых служили военными кликами в удельных битвах. Все удельное благосостояние находилось под покровительством местной святыни»⁵⁷.

Но были святыни и общенациональные, почитание которых распространялось на все княжества. Уделом их считалась вся великая земля наша. Такой святыней, по мысли книжников-печерян, была «Небеси подобная» Свято-Успенская церковь Киево-Печерской лавры, «наместничество» Божией Матери на Руси.

Вся история сооружения храма, начиная от явления в Царьграде греческим зодчим Царицы во Влахерне, показавшей им прообраз Своей церкви и вручившей «наместную» икону Успения, а также мощи святых мучеников в церковное основание, и заканчивая многочисленными знаменами над местом ее строительства и чудесами при закладке фундамента, свидетельствует, что «ея же зиждитель, и хитрецъ, и художникъ, и творецъ — Богъ: Отець свыше благословил росую и столпом огненнымъ и облакомъ светлымъ; Сынъ меру дароваль Своего поаса; Святый же Духъ огнемъ невещественнымъ яму ископа, и на семь камени согради Господь церковь сию, и врата адова не одолеют ей. И Богородица злата даст мастерамъ и Своего пречестнаго образа икону даровавши и ту наместницу постави»⁵⁸.

Символизм архитектурно-ландшафтного ансамбля Киево-Печерской лавры возводит сознание к ее архетипу — «Граду Небесному», «Горнему Сиону» (Откр. 11, 19; 15, 5-8). Холмы ее, высящиеся над Днепром, воспринимаются как возвышенности «седмихолмного» Константинополя, воздвигнутого близ синих вод моря. Крепостные стены и башни символизируют образ Божественной силы, ограждающей верных от нашествия врагов. Святые врата, имеющие изображения угодников Божиих, свидетельствуют о надежде на крепость Божию и молитвы святых, невидимо охраняющих обитель. «Это ведь тоже не просто основной, главный вход в обитель, это именно вход святой, Божий, символизирующий собою духовно-таинственный вход... в град монашеский»⁵⁹.

Вратами небесными Церковь всегда называла Пресвятую Богородицу. Знаменательно, что Царица, призвавшая во Влахерну зодчих, сказала им при вручении святынь для Успенской церкви: «В ней хошу жити». Этим предвозвещалось, что Печерская обитель станет царскими палатами, Домом Пречистой.

Ближние и Дальние пещеры символизировали братские усыпальницы — «костницы» — афонских и палестинских лавр и монастырей. Пещеры в христианской символике имеют особое таинственно-сакральное значение. «О сим-

волической сущности первой из этих пещер — Вифлеемской — ярче всего свидетельствует православная церковная гимнография. В богослужении Рождества Христова прекрасно выражен сокровенный смысл христианского символа пещеры. «Ясли же и вертеп — Твоего смирения образы», — говорится о том предельном добровольном кеносисе-самоумалении, что пережил Творец и Создатель мира, не пришедший к нам в славе и силе, но родившийся в вертепе, пещере. Несмотря на предельное уничтожение и мрак, «яко красная палата, вертеп Царице покажется» — пещера видится Богоматери прекрасным царским дворцом. Свет благодати начинает сиять в нашем греховном мире именно в Вифлеемской пещере, преображая ее в прекрасное жилище Христа... Христианский символ пещеры отразился не только в церковном богослужении или в писаниях Святых отцов, но и в православной иконе. Именно пещеру — как знак той тьмы, что, по слову Евангелия, была просвещена «светом великим», — мы видим на каждой иконе Рождества»⁶⁰.

Корни символизма пещер уходят в Иерусалим и Палестину. Игумен Даниил, в котором некоторые историки видят пещерского постриженника, в начале XII столетия посетил пещеру на берегу Иордана, где подвизался Иоанн Креститель, пещеры пророка Илии и Сорокадневного поста Спасителя, пещеру на склоне Елеона, где Господь научил апостолов молитве «Отче наш», пещеру Сионской горы, где Петр оплакивал свое отречение, пещеру темницы, где томился под стражей Христос, пещеру Гроба Господня⁶¹. Скалы Заиорданской пустыни были испещрены пещерами-келиями. Афон славился своими пустынноческими пещерами.

Василий Великий пишет: «Вертепы твердого камене... суть многие обители... А расселины камней — страдания Христова тела, где желают найти прибежище спасаемые, чтобы укрыться под покровом Христовым»⁶².

В святоотеческих творениях, посвященных толкованию символа пещеры, ей уподобляется алтарь — Святая Святых христианского храма. По рассуждению богословов, священник в алтаре таинственно пребывает в Евангельских пещерах Рождества и Воскресения. Святитель Герман Константинопольский пишет: «Апсида соответствует Вифлеемской пещере, где родился Христос, и пещере, где Он был погребен»⁶³.

Святитель Иларион, а вслед за ним преподобный Антоний и другие пещерские подвижники промыслительно «ископаша пещеры» близ Днепра, который стал купелью крещения Руси, святым Иорданом, где, по слову Илариона, «вся земля наша восславил Христа со Отцем и со Святым Духом», где над Русью воссияло Богоявление.

Летопись говорит, что, поселившись на Берестовой горе, отшельник Антоний и его ученики сразу же «ископаша» подземную церковь. Она была освящена в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Здесь нельзя не видеть влияния святителя Илариона, весьма чтившего этот праздник, «первый из Господних», как он сам его называет в

Пещера Рождества Христова.

«Слове о Законе и Благодати». По его благословию Ярослав Мудрый строит Благовещенский храм на Золотых воротах Киева, посвящает Благовещению главную предалтарную мозаику в Софийском соборе. Создание подземной Благовещенской церкви в Печерском монастыре также произошло наверняка по благословию митрополита Илариона. Ориентиром для отшельников была пещера Благовещения в Назарете, о которой Даниил Корсунский пишет: «Ту был дом Иосифов, иде же святая пещера, і ту есть церковь над пещерою Благовещения Пресвятой Богородицы»⁶⁴. О символизме лаврских пещер свидетельствует освящение второго подземного храма во имя Рождества Христова. Историк лавры А.В.Реутов пишет: «Когда в 1057 г. преподобный Феодосий пришел в пещеру, подземный монастырь еще не существовал. Уже после его создания преподобный начал делать ответвление, которое вело к церкви Рождества Христова, и слева от этого входа сделал себе келию, которая была открыта при раскопках 1988 г. Первое упоминание об этой келии относится к тому времени, когда преподобный Феодосий был игуменом, а братия проживала наверху: «По вся же лета въ дни святыхъ мясопуць отецъ нашъ Феодосіе отхожаше в пещеру, иде же честное его тело положено бысть, ту же затворяше единь до Вербныхъ Недели». Возникновение церкви Рождества Христова и окружающих ее пещерных ходов связано с быстрым увеличением братии между 1058 и 1062 годами, что привело, в конечном итоге, к переселению наверх. После этого более глубокая часть пещер с церковью Благовещения была определена под кладбище, а в храме Рождества, который был ближе к входу, совершалась служба для братии»⁶⁵.

Деревянный храм, построенный игуменом Варлаамом над пещерами в 1061-1062 гг., преподобный Антоний благословил освятить в честь Успения Пресвятой Богородицы. Эта маленькая, срубленная руками братии церковка стала «зерном горюшным», которое возросло в большое дерево «и птицы небесные укрывались в ветвях его»

Лавра и ее окрестности в X-XIII вв.

1. Свято-Успенский собор лавры.	5. Ближние пещеры.	8. Монастырь Спаса на Берестове.
2. Свято-Троицкая надвратная церковь лавры.	6. Дальние пещеры.	9. Кловский монастырь.
3. Трапезная церковь лавры.	7. Свято-Феодосиевская церковь.	10. Выдубицкий монастырь.
4. Свято-Никольская больничная церковь лавры.		11. Княжеский двор на Выдубичах.

(Лк. 13, 19). Корнями сие древо уходит в «добрую землю» (Мф. 13, 8) Афона и Царьграда, ибо именно оттуда через избранничество аввы Антония пришла на Русь судьбоносная традиция возведения Свято-Успенских храмов.

Согласно разработанной святыми отцами «теории образа», в создание которой так много сил вложил Феодор Студит — духовный учитель лавры, образ восходит к архетипу — первообразу. Ансамбль Киево-Печерской лавры стал преломлением, отражением Царства Божия на земле, его «образом», «иконой». А чести быть уделом Пресвятой Богородицы, ее прекрасной «лаврой» удостоилась вся Святая Русь. Исходя из этой символической константы, логичным становится восприятие пещерной обители как алтаря, «святая святых» храма Духовности Руси!

Монастыри изначально олицетворяли архетип горнего Сиона, Града Небесного. Евангелист Иоанн Богослов говорит в Откровении: «И пришел ко мне один из семи Ангелов... И вознес меня в духе на великую и высокую гору и показал мне великий город, святыи Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию, светило его подобно драгоценнейшему камню... Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его... Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото... И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него

славу и честь свою. Ворота его не будут запираются в нем, а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов; и не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21, 9-27).

Киево-Печерская лавра первой на Руси стала прообразом Града Небесного. Отметим несколько параллелей. На «краегранесиях»* стен града были начертаны имена апостолов (Откр. 21, 14) — влахернская Царица вручила зодчим мощи святых мучеников, сказав: «Ся положите въ основании». Стены горнего града были укреплены вратами (Откр. 21, 12) — лавру духовно укрепляли врата с храмом в честь Пресвятой Троицы. Ангел из Откровения имел золотую трость для измерения града — Царица повелела измерить «небеси подобную» печерскую церковь золотым поясом: «Меру убо послахъ поясъ Сына Моего, по повелению Того». Град небесный возвещал спасение вписанным в книгу жизни — лавра в своих синодиках хранила имена сподобившихся спасения праведников. Слава Божия освещала Божий град, не имевший светил за ненадобностью — в пещерах обители по молитвам «земных ангелов и небесных человек»** изобильно сиял свет Фаворской благодати.

С высоты птичьего полета обитель действительно воспринимается как город, с многочисленными храмами, башнями, жилыми постройками, крепостными стенами. В древности ее архитектурный облик был иным, чем сейчас, но не менее величественным.

* «Краегранесия» (слав.) — основания, краеугольные камни.

** Из службы преподобным.

Новгородский Софийский собор. Реконструкция Г.Штендера.

Десятинная церковь. Реконструкция Н.Логвин.

Доминантой Верхней лавры, хорошо обозреваемой отовсюду, была большая площадь со Свято-Успенским собором в центре. Надвратный храм, трапезная церковь, Стефанов двор, стены крепостного вала как бы оттеняли его, почтительно окружив со всех сторон.

Лаврский собор занимал особое место не только в богословии, но и в архитектуре, художественной культуре, всей системе ценностей славянского мира.

Как известно, толчком к началу каменного строительства в нашей стране явилось ее крещение в 988 г. В первое столетие христианской эры на Руси было построено несколько больших храмов. Так, князь Владимир «поставил» Десятинную церковь (996 г.), на сооружение которой пошли средства из великокняжеской казны в размере десятины от доходов государства. Князь Мстислав Владимирович соорудил церковь Пресвятой Богородицы в Тмутаракани (1022 г.) и Спасский собор в Чернигове (1036 г.). Ярослав Мудрый, по благословению святителя Илариона, «заложил» в столице митрополичий собор Святой Софии, церковь Благовещения на Золотых вратах, храмы святых Георгия и Ирины (1037 г.). В Новгороде Ярослав начал строить собор Святой Софии (1045 г.). В далеком Полоцке также был возведен Софийский собор (1050-1060 гг.).

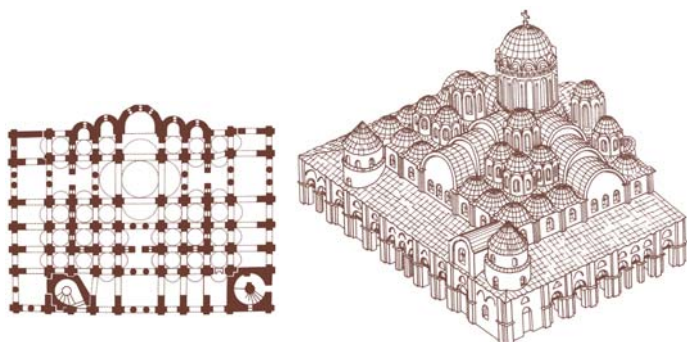
«Новая страница древнерусской архитектуры открывается возведением Успенского собора Печерского монастыря»⁶⁶. Княжеская инициатива уступила место традиции монастырского храмоздательства. Церковный историк Е.Голубинский пишет: «Успенская церковь монастыря богатством и великолепием... нисколько не уступала и самим Владимировой Десятинной и Ярославовой Софийской, а может даже и превосходила их, ибо она была строением не одних только князей, а... всей земли Русской»⁶⁷. Из прерогативы власти, подкреплявшей свои права на ктиторство государственной казной, «сребром и золотом», хра-

моительство стало прерогативой народа, монастырской и приходской общин, ибо в монастырях дорогостоящие каменные сооружения возводились гораздо дольше — десятилетиями, но зато «слезами и пощением» братьев и на лепту монастырских прихожан, т. е. всенародно.

Новизна т. наз. «монастырской» традиции подтверждается и архитектурным решением. «Художественный образ собора отличается от сооружений времен Ярослава Мудрого. Композиция его более статична, по типу это классический крестовокупольный храм, распространенный в византийской архитектуре. Заказчиком сооружения был не князь, а монастырь: князь Святослав лишь пожертвовал на его возведение определенную сумму денег. В соборе отсутствуют некоторые черты княжеской архитектуры XI столетия — многовершие, башни...»⁶⁸.

Свято-Успенский собор Киево-Печерской лавры стал воплощением монументально-эпического стиля, господствовавшего в XI — XIII вв.

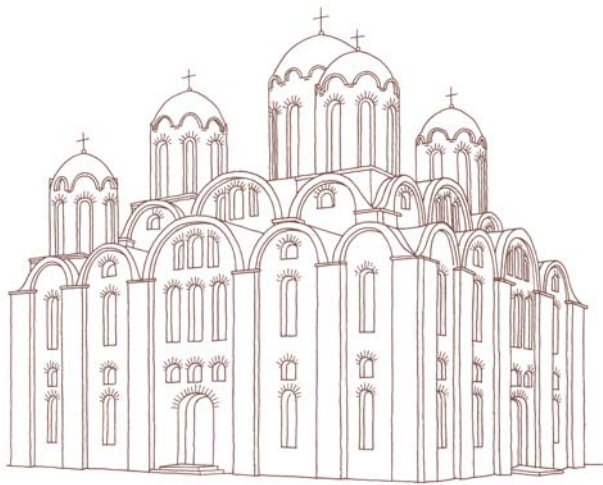
К сожалению, собор не сохранился. Он был взорван во время оккупации Киева в Великую Отечественную войну. Исследователи собора — И.Моргилевский, В.Богусевич, Н.Холостенко, В.Харламов смогли восстановить его облик. «Собор дошел до нас в застройке с трех сторон приделами XVII — XVIII вв., и лишь восточная его первичная стена была незастроена... Кроме этой стены, на северном фасаде выходила совне стена Иоанно-Предтеченской церкви... Центр взрыва, разрушившего памятник, был в районе Иоанно-Предтеченской церкви и в северной части нартекса, поэтому наиболее повреждена северо-западная часть соборного комплекса, а юго-западная и часть апсид сохранились лучше. Проведенные исследования дали возможность собрать большой материал по строительной технике XI — XIII вв., открыть часть и много фрагментов первичного соборного комплекса, его отделку и

Киево-Софийский собор. Реконструкция Н.Логвин.

Черниговский Спасо-Преображенский собор. Реконструкция Н.Холостенко.

Киевская Свято-Ирининская церковь. Середина XI в.
Реконструкция Ю.Асеева.

оформление. Собранные материалы дали возможность также по-новому понять сведения о строительстве собора, записанные в летописях и Печерском Патерике»⁶⁹.

Исследования помогли восстановить подлинный облик древней лаврской святыни. Он существенно отличался от памятников «княжеского» стиля. «С четким силуэтом развитого по вертикали параллелепипеда Успенский собор поражал суровостью. Видоизменилась также композиция интерьера. Утратили прежнее значение хоры, как, например, в Софийском соборе, предназначенные для высшей светской знати. В Успенском соборе они были не столь велики, и к ним вела не парадная, а скромная деревянная лестница, установленная со стороны сооружения, рядом с которой стоял маленький храм (крестильня) Иоанна Предтечи. Отсутствие широких хоров благоприятствовало равномерному распределению освещения, более четкому очерчению интерьера, проявлению основных его плоскостей»⁷⁰.

Новые функции «монастырской» традиции обусловили появление новых стилистических особенностей. Аскетичные монастырские сооружения резко отличались от помпезных княжеских храмов, многоглавых, пятиглавых, с широкими «полатыми», башнями и галереями. Суровые статичные формы собора с узкими окнами и плоскими, сильно выступающими вперед лопатками завершались полуциркульными закомарами, над которыми возвышался мощный цилиндр барабана, увенчанный полусферическим куполом.

Исследователь древнерусской архитектуры Ю.Асеев пишет: «Наибольшее распространение приобретает тип шестистолпного храма, разработанный строителями Успенского собора Печерского монастыря и ставший на многие годы образцом для строительства древнерусских церковных зданий. Печерский монастырь был единственным в Киеве, основанный и сооруженный не князем, а монастырской общиной. При монастыре создается местная архитектурно-строительная школа, оказавшая большое влияние на весь дальнейший ход развития древнерусского монументального зодчества. Подобно тому, как Со-

фийский собор был программной постройкой предыдущего этапа, для архитектуры второй половины XI — начала XII в. таким сооружением стал Успенский собор Печерского монастыря. Это подтверждается не только анализом архитектурных памятников того времени, но и данными литературных источников. Так, в рассказе епископа Симона, помещенном в Киево-Печерском Патерике, сообщается о том, что строителями собора были зодчие, приехавшие из Константинополя, которым... Сама Богородица дала «божественную меру» для строительства Печерского собора... У исследователей древнерусской архитектуры не возникало сомнений в том, что собор строили и расписывали византийские мастера»⁷¹.

Д.В.Айналов писал о том, что «они принесли на Русь вместе с новым типом храма также новое византийское художественное направление, новый стиль: так возникла новая Киевская школа»⁷². Однако специалисты отмечают, что прямых «аналогий Успенскому собору, как и перед этим Софийскому, в византийской архитектуре... нет — вся византийская архитектура того времени существенно отличается от древнерусского зодчества второй половины XI — начала XII в.»⁷³.

Собор, как пишет Нестор Летописец в «Повести временных лет», был заложен преподобными Антонием и Феодосием в 1073 г., а в 1075 г. игумен Стефан начал основные строительные работы: «Почата бысть церкви Печерская над основаньем Стефаном игуменомъ; из основанья бо Феодосий почал, а на основаньи Стефан почал и кончала бысть на третее лето...». В разбивке плана и закладке фундамента вместе с преподобными основателями непосредственное участие принимали византийские зодчие. Их было четверо, как пишет Патерик, и денег у них, полученных от Царицы на строительство, было «на три лета». Мерой для архитектурных разметок служил золотой пояс Шимона, «имевший длину 4 римских фута, т. е. 118 см. Этот размер был переведен на мерную линейку — «жезл китавраса»... олицетворявшего «премудрость» архитектора. Исходной мерой для дальнейшей разбивки здания служил размер подкупольного квадрата — 8,64 м. Ширина собора составляла 21,62 м, т. е. равнялась 20 поясам Шимона, а длина — 32,97 м, т. е. 30 поясам Шимона»⁷⁴.

Но не только средства византийских мастеров были подспорьем для бедной и нуждавшейся в помощи обители. Стоимость каменного строительства в те времена была

Строительство Успенского собора Печерского монастыря.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

очень велика. Например, на возведение Иоанновского придела игумен Иоанн потратил две тысячи гривен серебра и двести гривен золота — деньги, пожертвованные боярином Иоанном и сыном его Захарией. Сумма же годового налога со Смоленской земли составляла в XII в. три тысячи гривен. Вот почему жертва на храм от князя Святослава была отнюдь не лишней. Как известно, часть монастырских построек была возведена на княжеской земле. Летописное повествование о начале Печерского монастыря рассказывает под 6559 г. о строительстве, по благословению аввы Антония, наземного монастыря и закладке соборной церкви на горе, пожертвованной, по просьбе старца, князем Изяславом: «...Изяслав же... вда им гору ту. Игумен же и братья заложиша церковь велику, и манастырь огородиша столпьем, келье поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттоле почаща Печерскый манастырь, им же беша жили черньци преже в печере...»

В Житии преподобного Феодосия картина несколько иная. Нестор, повествуя «о поставленіи великыя церкви Печерскыя», говорит: «В начаток же такового дела сбрася множество людий». Представим себе большое плато в бескрайнем море леса, толпы народа в праздничных одеждах, неизбежную суету мирского вече. «И месту на възграждение овам ова кажущим, инем же ино, и всех не бе подобно место...» Народ волнуется, шумит, дружно обсуждая, где выбрать место для закладки храма. Толпа разделилась на группы — кто-то указывает на одну часть поля, кто-то на другую, отовсюду слышны темпераментные споры. Лишь скромный монах-средовек с чуть рыжеватой, еще не тронутой сединой густой бородой стоит, опершись на клюку, и задумчиво смотрит вдаль, глубоко погружившись в молитву. Это святой Феодосий. Суета не в силах повлиять на статичность фигуры черноризца, который один из собравшихся на праздничное мероприятие знает, что не человеческой волей, а Божиим промыслом предстоит восстать монастырской святыне.

«И се, по строению Божию, бе благоверный князь Святослав туда минуя, и видев мног народ, и выпроси, что творят ту, и яко же уведев, соврати коня и приеха к ним и, яко от Бога подвижен, показа тем место на своем поли и повеле ту възградити... церковь». Земля князя, расположенная рядом на возвышенности, близ развилки широкой конной дороги, была намного предпочтительней. Всем стало понятно, что именно по Божию устройению князь, нечасто посещавший берестовскую резиденцию, в нужное время оказался в нужном месте. Народ радостными криками приветствовал доброхотство христолюбивого Святослава. Преподобный Феодосий осенил князя, смиренно подъехавшего к нему и сошедшего с коня, иерейским благословением, а затем повелел стоявшим неподалеку инокам служить молебн. В окружении плотного кольца притихших прихожан началось чинопоследование закладки храма. Негромко, но стройно пел братский хор. Сизою струйкой восстал к небу кадильный дым. Игумен сам читал молитвы

Образцы знаков-букв кириллического алфавита на плинфах Свято-Успенского собора лавры.

из толстой кожаной книги. Люди склонили головы, с благоговением внимая гласу своего пастыря.

«И сътворше молитву... Се же яко по молитве самому благоверному князю начаток положити копанію. Бяше же и сам блаженный Феодосіе... подвизаяся и труждався о възгражденіи такового... дому». Мерой закладки служил пояс, массивный, чистого золота, извлеченный настоятелем из котомки. Вместе с князем и зодчими-греками Феодосий по-хозяйски, не спеша, разграничил фундамент, после чего князь испросил, как великой для себя чести, благословения на начало работ. Летопись гласит: «Своима рукама нача рвы копати, вда же 100 гривен злата в помощь блаженному и меру положыше златым поясом...»⁷⁵. Князь, скорее всего, помог и строительным материалом. Как показали анализы плинф, для их изготовления использовались глины каолинового типа, залежи которых в Киеве не найдены. Самые близкие залежи подобных глин размещались в районе княжеских загородных уделов — городов Белгорода и Василева.

В строительстве принимали участие местные работники и сама монастырская братия. В исключительно интересном письме «некоего старца» к печерскому игумену Василию, строившему в конце XII в. каменные стены вокруг Печерского монастыря, рассказывается о том, что для строительства сначала собирали средства, потом заготавливали дрова для обжига кирпича и извести, формировали и обжигали кирпич и нанимали мастеров. Интересны «автографы», оставленные мастерами в виде знаков на кирпичах и надписей на стенах. Так, на плинфах собора обнаружены не только отдельные буквы кириллицы, но и целые слова и фразы. «На отделочном растворе стен сохранились изображения крестов, надписи и рисунки, сделанные... мастерами-строителями по сырому раствору. Фрагмент такого отделочного раствора с изображением креста с греческой надписью на центральной апсиде... был известен и раньше... В северной части на поверхности отделочного раствора есть изображение крестов с расширенными концами. Интересный рисунок найден на том самом растворе на боковой нише... в южной части нартекса. Тут изображено некое фантастическое существо, что-то похожее на

ИВАНЪЛО

Граффити на северной стене Свято-Успенского собора.

«гепарда». Выше него — рисунки крестов, птицы и надпись «Иваньло». Эти надписи могут характеризовать мастеров-строителей, работавших на возведении памятника»⁷⁶.

О том, что монастырь при строительстве собора претерпевал трудности, свидетельствует ухудшение качества компонентов кладки по сравнению с княжескими храмами. «Замес глины менее тщателен, обжиг несколько ухудшен. Набор лекальной керамики становится более разнообразным. Любопытны, в частности, кирпичи, имеющие форму замочной скважины.

Они употреблялись для тонких полуколонок. Такие кирпичи встречаются лишь в Успенском соборе. Для облегчения сводов и закладки пазух широко употреблялись в кладке амфоры и голосники. Камень, применявшийся для кладки стен, — в основном валуны местного происхождения. Раствор — известковый с примесью толченой керамики-цемянки. Фундаменты собора заложены на глубину 183 см и сложены бутовой кладкой на цемяночном растворе... Как и в других древнерусских постройках, в стенах собора везде прослеживается система связей из дубовых бревен, а также выкладка карнизов в местах, где сосредоточивались усилия от пят сводов. Деревянные связи, как обычно, соединяли гвоздями, а шиферные плиты — при помощи металлических анкеров с последующей заливкой отверстий свинцом»⁷⁷.

В 1963 г. состоялись раскопки престола. Были найдены остатки горшка с фрагментами ткани, в которую были завернуты несколько человеческих костей. Рядом находились плитки и кусочки смальты XI века. Это все, что осталось от престола времен первой постройки собора, ибо престол неоднократно реконструировался — в 1729, 1755, 1893 годах. «Очевидно, при перестройке древнего престола взяли заложённый в землю при сооружении собора сосуд с мощами вместе с землей и, как реликвию, поклали в специально сделанную для этого лунку в новом престоле... Разобрав кирпичные кладки основы престола 1729 г., нашли замурованный в них шиферный столп, закопанный в землю. Наверное, это остаток «краеугольного камня», поставленного при обряде закладки собора, сделанный в виде упрощенного типа креста. Раскопки возле основания этого камня показали, что он был вкопан в грунт XI ст. на растворе с щебнем, с установлением вокруг него небольшой отмостки из плинфы»⁷⁸. Были также найдены остатки жертвенника, «близкого по конструкции... описанному в Печерском Патерике»⁷⁹.

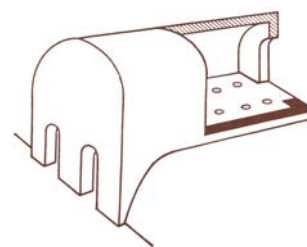
Исследователями обнаружено большое количество фрагментов первоначального пола из шиферных плит, ин-

крустированных треугольными и четырехугольными кусочками смальты желтого, зеленого и вишневого цвета. Инкрустированными мозаичными плитами выкладывали полы в центральной части храма, в других местах клали плоские шиферные плиты. «В нартексе во время раскопок обнаружен участок древнего пола. Он сохранился перед открытой кладкой XI ст. с фрагментом аркосолия — места для раки Феодосия»⁸⁰.

Путешественник XVII в. Павел Алеппский описал мраморные колонны древнего иконостаса собора, связанные вверху мраморным архитравом. «По общей композиции это описание отвечает древним темплогам византийских, болгарских, грузинских и других соборов IX-XII ст. По преданию, от древнего иконостаса сохранились фрагменты, которые использовались в церквях Ближних пещер. Так, две колонны были размещены как подпорки церкви Антония, а две колонны от беломраморного кивория, также описанного Алеппским, — в церкви Введенской. В церкви Антония действительно находятся два столба колонн, которые поставлены как подпорки (верхом вниз). На столбах обнаружены гнезда со следами чеканки от металлических частей на трех уровнях. Очевидно, это места крепления икон, которые стояли между колоннами, и барьера парапета. В церкви Варлаама найдено два фрагмента... В Введенской церкви размещены также две колонны, поставленные как подпорки в правильном положении... Капители Софийского собора... по диаметру тождественны либо близки верхнему диаметру колонн из церкви Антония. Весь мрамор Софии и Успенского собора имеет общее происхождение из мраморных карьеров острова Проконеса, который дает характерный мрамор, белый, сероватый, с голубыми прожилками»⁸¹.

В нескольких местах собора исследователи обнаружили смальту в россыпи. Эта смальта имеет такие же характеристики, как и смальта из мастерской, обнаруженной на территории лавры в бывшем митрополичьем саду. Долгое время в научных кругах бытовало мнение, что производства стеклянных изделий в Киевской Руси не было, и все стекло привозилось из Византии. Однако В.А.Богусевич на основе изучения материалов археологических исследований доказал, что стеклянные изделия изготавливались в Киеве, Рязани, Галиче, Костроме и в других древнерусских городах. Этот вывод подтвердило и открытие мастерской по производству стекла в саду Киево-Печерской лавры во время археологических раскопок 1951 г. Здесь были найдены два больших горна

(периода до XIII в.) для плавки стекла при температуре 1200°C, остатки свинца, употреблявшегося для изготовления смальты, куски темной стеклянной массы, битая посуда, различные пластинки из стекла и т. д. В обоих горнах были обнаружены большие

Древнерусская печь для обжига плинфы. Реконструкция В.Харламова.

*Чудо над греческими изографами.
Из Патерика 1702 г.*

куски смальты и уже изготовленные из нее небольшие кубики. Цвета лаврской смальты были такие же, как и в Софийском соборе: белый, черный, желтый, голубой, синий, красно-коричневый и зеленый. В лавре изготавливалась также смальта золотого цвета⁸².

Исследование технологических характеристик образцов смальт лаврской мастерской, проведенное В.П.Левицкой, показало их идентичность со смальтой мозаик Михайловского Златоверхого собора⁸³. Исторический и искусствоведческий анализ михайловских мозаик, проведенный В.Н.Лазаревым, дал ему основания утверждать, что в работе над ними принимал участие греческий, вероятнее всего, константинопольский мастер, которому, по мнению ученого, принадлежит и авторство лаврских мозаик. Это позволяет с доверием отнести к рассказу Патерика «О пришествии писцев церковных».

Чрезвычайно интересна деталь из Патерика о том, что между игуменом и мозаичистами возник спор об оплате. Мастера потребовали встречи со своими нанимателями, чтобы возратить деньги, ибо объем работ оказался им не под силу: «Показаша церковь малу... сия же церковь велика велми». На вопрос игумена, кто без его ведома нанимал мастеров, «писци реша подобие и образъ, имена Антоніа и Феодосіа. И рече имъ игумень: «О чада, намъ не мощно вамъ явити тех, прежде бо 10 лет отъидоша света сего, и суть непрестанно молящесе за ны, и неотступно хранять сію церковь, и съблюдаютъ свой монастырь, и промышляютъ о живущих в нем». И сіе слышавше Греци, и ужасни быша об ответе».

Знаменательно, что свидетелями чуда явления мастерам, в качестве нанимателей, преподобных Антония и Феодосия были греческие и грузинские купцы, привезшие в Киев смальту на продажу. Увидев изображение преподобных, показанное им игуменом Никоном, купцы узнали их: «Тогда игумень изнесе пред всеми иконе ею. Видевши же Греци и Обези* образа ею, и поклонишася, глаголюще, яко сіи еста воистинну... Выдавше же и мусію, иже беша принесли на проданіе, ею же святый олтарь устроиша», — т. е. пожертвовали монастырю привезенную для продажи смальту, которая была употреблена на украшение алтаря. Это говорит о том, что в соборе мозаичисты работали и с греческой, и с изготовленной в монастыре смальтой. Вероятно, среди мозаичистов были специалисты по ее изго-

товлению, которые для удешевления работ устроили мастерскую для ее обжига прямо во дворе обители.

Патерик пишет, что прибывшие «от... Богохранимаго Константина града къ игумену Никону писци иконнии» хотели отправиться назад, но были чудесным образом остановлены: «Въ ту же ночь бысть буря велика... и лодія сама идяше горе», — ладья шла против течения. Явление мастерам «чюдной наместной иконы» довершило дело их обращения и духовного прозрения: «Тогда купно вси черноризци и Греки, мастера же и писци прославиша великаго Бога и того Пречистую Матерь, чюдную икону и святаа отца Антоніа и Феодосіа».

Великая благодать Печерской обители настолько поразила греков, что они остались в ней: «И тако живот свой скончаша въ Печерскомъ монастыри, мастера же и писци, въ мнишескомъ житіи, и суть положени въ своемъ притворе, суть же и ныне свиты ихъ на полатах и книги ихъ греческыя блюдомъ»⁸⁴. Эти свитки могли быть иконописными подлинниками, а в книгах, вероятно, имелись сведения о строительно-отделочных и изографических технологиях того времени.

Греческие мастера — архитекторы, мозаичисты, иконописцы — явились основателями, по благословиению игуменов Стефана и Никона, монастырской строительной артели и иконописной мастерской, которым принадлежит заслуга создания не только Успенского Печерского собора, но и Михайловского Златоверхого монастыря, Кловской Влахернской обители преподобного Стефана, других храмов и монастырей Руси. Лаврская традиция храмоздательства шагнула далеко за пределы Киева. «Въ своемъ княженіи христоробець Владимиръ, възметь меру божественыа тоя церкви Печерскыа, всем подобіемъ създа церковь въ граде Ростове, въ высоту и въ широту и въ долготу... Сынъ же того Георгій князь, слышавъ от отца Владимира еже о теи церкви сътворися, и въ своемъ княженіи създа церковь в граде Суждали въ ту же меру», — пишет Патерик.

О всецерковном значении Успенского собора говорит необыкновенная торжественность его освящения, на которое прибыл целый сонм архипастырей. Сам митрополит возглавил чин освящения. Ему сослужили епископы Антоний Юрьевский, Иоанн Черниговский, Исаия Ростовский, Лука Белгородский — печерские постриженники. Печеряне были и среди прибывших на праздник игуменов. Уже тогда обитель Антония и Феодосия являлась общерусской лаврой и заняла в Киевской митрополии первенствующее значение. Поэтому ее храм освящали столь торжественно — не как простую монастырскую церковь, а как митрополичий собор, как в свое время Софию. Великие чудеса, сопровождавшие освящение, еще более уверили всех в сугубой благодати обители и в особом над ней промысле Божиим.

Так, митрополит Иоанн, узнав, что в соборе поставлен не каменный, а деревянный престол, благословил соорудить «каменную трапезу», ибо «не восхоте древянеи трапе-

* Обези — абхазцы. Так в Киевской Руси называли грузин.

зе быти въ такоу велицей церкви». Но не нашлось мастера, который смог бы выполнить эту сложную работу, и «сего ради игумень въ велицей печали бысть». И вновь Пресвятая Богородица, Экономисса возлюбленной Своей обители, явила чудо — накануне праздника Успения «въ 13-й день августа внидоша иноци въ церковь по обычаю пети вечерню, и видеша у олтарные ограды доску камену положену и столпци на устроение трапезе». Патерик зрит в этом авторство Самого Бога: «Хитрецъ и промысленик Бог, сотворивый ту*, делавъ и положивъ и утвердивъ рукама святительскыма на предложение Своему пречистому Телу и святей Крови, изволивъ на тои святей трапезе, юже Сам дарова, за весь миръ по вся дни заклатися».

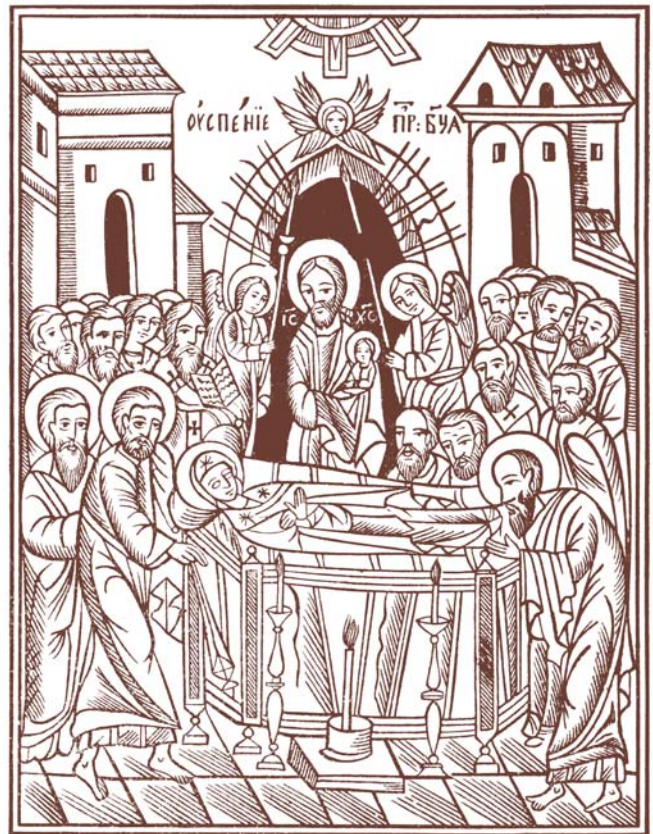
Происходит удивительное преобразование реальности! Человеческая воля отступает на второй план, и Само небо воршит Свою волю.

Утром в канун праздника Успения прибыли из разных земель Руси святители, «никим же звани бывше» — без приглашения митрополита, который намеревался сам освятить собор. «И выпроси тех блаженный митрополить: что ради приидосте, не звани бывше? И отвещаша епископи: «От тебе, владыко, присланыи пришедше глаголаше намъ, яко освящается церкви Печерскаа, готови вси будете со мною въ время литургиа. Мы же не смевше преслушати твоего словеси, и се есмь». Этот таинственный призыв сопровождался чудесами исцеления: «И отвеща Антоний, епископ Юрьевский: азъ бех боля**, сея же ноши вниде чернецъ ко мне и глагола ми: заутра освящается церкви Печерскаа, да будеши тамо... Якоже точию слышахъ — и тако здравъ бых, и се есмь по повелению вашему». Когда изумленный митрополит «хоте изыскати таковых человекъ, кто суть звавшие», он услышал небесный глас: «Исчезоша испытующие испытания» (Пс. 23, 7). Уразумев вразумление Божие, первосвятитель «простеръ руце на небо и рече: Пресвятая Богородице! Якоже въ Свое преставление апостолы от конецъ вселенныа собра въ честь Своему погребению, тако и ныне въ освящение Своея церкви собра техъ наместники»⁸⁵.

Одним из основных молитвословий праздника Успения Пресвятой Богородицы, выражающих главную мысль события, является светилен:

**Апостоли, от конецъ совокупльшесе зде
В Гефсиманийстей веси погребите тело Мое,
И Ты, Сыне и Боже Мой,
Прими дух Мой.**

Пресвятая Богородица просит Своего Сына и Бога принять Ее душу, а апостолов, прибывших из разных концов мира — «от конецъ земли» и собравшихся в Гефсимании у Ее смертного одра, — положить тело в Гефсиманском селении — «веси». Богослужение в лавре в канун праздника Успения было действительно необыкновенным. Печерская обитель сама стала в тот момент Гефсиманией. Сюда, как и в Гефсиманское селение, прибыли «на облацех» — чудесным образом — из разных концов Руси наместники апос-

*Успение Пресвятой Богородицы.
Из лаврского «Анфологиона» 1619 г.*

толов — архипастыри. Совершая богослужение в честь праздника, они, как апостолы в далекие времена земной жизни Пресвятой Богородицы, воздавали Ей честь и поклонение. Праздник Успения предварялся освящением «небеси подобной, боголепной церкви Печерской, архимандритии всей Русской земли, еже есть лавра», как пишет святитель Симон. В этот чудный, торжественный момент происходило Таинство вхождения Царицы в построенный Ею Самой здесь Дом, наречение Ею этой «веси» Своим уделом.

Участниками в нем стали и земные, и небесные силы. Когда священнослужители начали обход собора с пением псалма «Возмите врата князи ваши» (Пс. 63, 7), из закрытого храма, в котором не было ни одного человека, вдруг «бысть глас изъвнуръ яко ангельскъ: «Кто есть Сей Царь Славы». Ангельский хор запел псалом чинопоследования, составив с хором святителей, иереев, диаконов, черноризцев, прихожан единое целое.

«Двуприродность Церкви, — пишет Блаженнейший митрополит Владимир, — где Божественный и человеческий элементы соединены неслитно и нераздельно, есть свидетельство ее реальности и жизненной силы. Как человек состоит из души и тела, так и Церковь соотносительна как с Иисусом Христом, через Которого она сродна Божеству, так и с людьми, в нее входящими, посредством которых она роднится с миром. Церковь есть подлинное и всеединое богочеловечество»⁸⁶.

Святитель Симон, заканчивая рассказ об освящении Свято-Успенского собора, с благоговением восклицает:

* Таковую (трапезу).

** Болен.

«О глубина богатства и силы и разума! Кто изследить умь Господень или кто советникъ бысть Ему! (Рим. 11, 33-34)». Повествование святителя Симона завершается молитвой и архиерейским благословением: «Господь да сохранит вас и соблюдет во все дни жизни вашей молитвами Пречистой Богородицы и преподобных и блаженных отец наших Печерских Антония и Феодосия и святых подвижников монастыря сего. С ними да и мы получим милость в сей век и будущий о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Сооружение и освящение Свято-Успенской Печерской церкви приобрело вселенский, космический характер. Это был первый храм на Руси, возведенный в честь Успения⁸⁷. Он был построен во образ Успенских храмов Константинополя, Афона и других центров Православия⁸⁸. Из лавры традиция сооружения храмов Успения полноводной рекой залила всю Русь. Они появились в различных княжествах как наместничества Пресвятой Богородицы: в Новгороде, Пскове, Чернигове, Владимире-Волынском, Ростове, Ярославле, Владимире-на-Клязьме, Смоленске, Великом Устюге, Рязани, Галиче, Львове, Архангельске, Москве и пр.; влились в струю всеправославной традиции — вспомним Свято-Успенские храмы в Студиево-Алексиевом монастыре Константинополя, монастыре Ксилургу на Афоне, в Дафни (Греция), Вардзии (Грузия), Любостынье (Сербия), Мораче (Черногория), Никее (Малая Азия) и т. д. Архитектурный стиль Печерского собора стал эталоном для построения храмов не только в честь Успения Божией Матери, но и Пресвятой Троицы, Спаса, Архангела Михаила, святых. Свято-Троицкая надвратная церковь лавры, Михайловский Златоверхий собор, киевская Кирилловская церковь, храм Кловского Влахернского монастыря, суздальский храм святого Димитрия и другие церковные сооружения испытали на себе очень сильное влияние новой архитектурной школы. Что касается процесса создания общерусского стиля, то Киевская школа играла в нем главенствующую роль. «Архитектурное развитие на Руси XII-XIII вв. шло не только по пути формирования местных школ, но также по пути сложения единого стилевого направления. К архитектуре Южной Руси тянулась архитектура Смоленска, Волыни, Рязани, ряда других земель.

Преподобный Матфей видит осла на игуменском месте. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Творческий опыт старых центров впитывала также архитектура Владимиро-Суздальской Руси. Несмотря на экономическую и политическую раздробленность и рост региональных различий... в XII — XIII вв. росла самобытная основа культуры. Различия были преимущественно поверхностны, а единство опиралось на глубокие основы творчества⁸⁹. Д.С.Лихачев отмечает, что образование национальных культур братских славянских народов — русского, украинского и белорусского — «в гораздо большей степени обязано процессам объединительным, чем разъединительным, и эти объединительные процессы захватили собой уже XII и XIII века»⁹⁰.

Благодаря соборному храму Киево-Печерского монастыря сформировались устойчивая Мариологическая семантика, аскетико-эстетический модуль отечественного архитектурного направления XI-XIII вв. Апотропеичная* роль успенской топонимики, воспринявшей миссию Богоматернего наместничества, легко сделала юрисдикцией нового стиля всю Русь, сцементировав ее духовность, эстетику, культуру в единый сакральный импульс, алгоритмом которого стало богословие всеединства мира, «богословие образа», призывавшее в «делании» восходить к «первообразу» — горнему Храму. «Дошедшие до нас памятники древнерусской церковной архитектуры и иконографии свидетельствуют о глубоком религиозном опыте их создателей, о подлинно духовном видении и восприятии Церкви, о силе и глубине экклезиологической мысли Киевской Руси, — пишет митрополит Владимир. — Идея Церкви как мистического Тела Христова, в котором осуществляется тайноводческая жизнь, процесс освящения и преображения земной жизни по образу небесной, нашла конкретное воплощение в русском церковном зодчестве. Первое, что особенно ярко бросается в глаза при знакомстве с древнерусской архитектурой, это форма храмов, напоминающая евхаристического Агнца. Классически ясная и предельно целая в своей завершенности кубическая форма храма ассоциируется также с образом небесного Иерусалима»⁹¹.

Истины о Домостроительстве Божиим закладывались в глобальных храмостроительных и градостроительных композициях. Анализ храмовых композиций в различных городах Руси, их привязанность к ландшафту, их геометрическое расположение и другие факторы говорят о прямом влиянии «богословия образа» на макроархитектурные градостроительные концепции. В частности, оси расположения храмов образовывали форму круга — символа вечности, форму креста или квадрата — символа небесного Иерусалима, «длина и широта и высота» которого равны (Откр. 21, 16) и в котором Иоанн Богослов не видел храма, «ибо Господь Бог Вседержитель — храм его» (Откр. 21, 22). Большое значение имели храмы, расположенные на реке, что символизировало Иордан. Один из монастырей Киева так и назывался Иорданским. В ряду случаев храмы, расположенные по сторонам от центрального собора, стремились освящать так, чтобы прежде всего образовался Де-

* Защитная.

исис (Деисус), т. е. своеобразный иконостас с храмами Пресвятой Троицы, Спасителя, Богоматери, святых. «Если отдельному православному храму воздавалось благоговейное поклонение, то и древнерусский город с его многими храмами и монастырями должен был восприниматься как святыня, как место особого, таинственного присутствия и пребывания небесного Царя Славы — Господа Иисуса Христа, Его Пречистой Матери, ангельских воинств и Торжествующей Церкви святых, иными словами, как образ Града Небесного. Но в таком случае и пространства Русской земли между ее городами и селами с храмами в них не могли остаться в стороне от стремления придать им сакральный, священный характер. И действительно, в древней топонимике сплошь и рядом, подчас в самых неожиданных местах, встречаются Иорданы, Фаворы, Сионы, Гефсимании, Вифании, Иерусалимские долины... Итак, оказывается, что с древнейших времен, с принятия крещения, Русская земля сознательно устроилась во образ исторической Святой Земли и во образ Обетованной Земли грядущего Небесного Царства»⁹².

О том, что именно богословские архетипы являлись стимулами древнерусского церковного зодчества, свидетельствует Патерик: «Егда же Стефанъ игумень, демественикъ... видевь преславная чудеса, како мастери приидоша, икону носяще, и Царицино видение еже Влахерне поведаша, и сего ради самъ Влахерньскую церковь на Клове създа. Благоверный же князь Владимиръ Всеволодовичъ Манамахъ, юнь сый, и самовидецъ бывъ тому дивному чудеси, егда же огонь с небесе спаде и выгоре яма, идеже основание церковное положиша поасом. И се слышаша по всей земли Руской. Сего же ради Всеволодъ съ сыномъ своимъ Владимиромъ ис Переяславля приеха видети тако- го чудеси»⁹³. Вся тогдашняя Русь приобщила к этому промыслительному событию. Переяславль, Суздаль, Ростов, Новгород, Чернигов, другие земли с благоговением внимали сему знамению особого покрова и милости Богоматери. Успенские церкви, вскоре устроенные «по образу и подобию» Печерской в разных концах державы, стали живым иконостасом Святой Руси, реально воплотили ее извечное трансцендентное предназначение — быть уделом Пресвятой Богородицы.

На минуту представим себя паломниками XI века и мысленно шагнем из святых врат древней обители на парадную монастырскую площадь. Она венчает собой огромную покатую гору днепровской гряды, подножием купающуюся в пронзительно голубых, поблескивающих на солнце волнах величавого Днепра. Курчавые, густо заросшие вековыми деревьями склоны ее подобны на свежем речном ветру бушующему зеленому разливу. В их безбрежье спорадически выплывают островки небольших монастырских построек. Окруженная берестовым бором площадь с высоты птичьего полета кажется поляной, на которой, словно кряжистый неохватный дуб, высится собор. Рядом, буд-

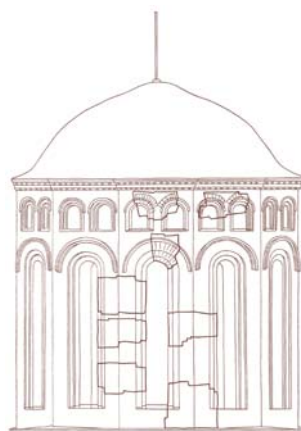
то молодое, прижавшееся к мощному стволу деревце, при- тулилась Иоанно-Предтеченская церковка, повторяющая в миниатюре формы собора. Сооружение действительно выглядит громадой по сравнению с небольшими монастырскими зданиями, смиренно окружившими храм на почтительном от него расстоянии.

Формы собора имеют четко выраженный пространственный крест, который образуют подкупольные своды. Они покрыты свинцовой кровлей, дающей на солнце голубоватый отблеск⁹⁴. Богатырским шлемом высится над ними высокий барабан, увенчанный полусферическим куполом. Сверху свинцовое покрытие купола и сводов кажется голубыми каплями озер среди зеленого моря леса. Декоративные «кокошники», опоясывающие перевернутую чашу купола, слегка оживляют суровость двенадцатигранного барабана. Узкие прорези окон барабана придают ему неожиданную стройность, а ажурный меандровый* фриз над окнами облагораживает его суровую простоту. Подойдя к собору и запрокинув голову, паломник видит четвероконечный византийский крест, венчающий купол. Взгляд скользит вниз, теряясь в массивных формах сооружения. Статичной композиции некоторую динамику придают довольно интенсивно выступающие вперед пилястры, членившие плоскости фасадов. Окна и двери с полуциркульными завершениями обрамлены двухступенчатыми перспективными порталами — новая для древнерусской архитектуры черта. Второй ярус окон подпоясывает широкий меандровый фриз, несколько приземляющий зрительную вертикаль.

Внизу, на уровне входа, собор имел плоские ниши с такими же, как на окнах, порталами. Восточная, алтарная часть членилась тремя гранеными апсидами, центральная из них слегка выступала вперед и была намного шире. По граням шли тонкие полуколонки. Апсиды завершались меандровым фризом и пояском орнамента из треугольных зубчатых кронштейнов. Такой орнамент также являлся

новшеством в архитектуре XI в. Снаружи храм был частично украшен художественной росписью⁹⁵.

Охристая, теплого оттенка, штукатурка фасада легко заиграла от солнца, поблескивая кварцевыми вкраплениями. Тем чернее были на ее ярком фоне причудливые тени каменной орнаментальной симфонии. Желтогорячий цвет стен контрастировал с холодным цветом кровли, приобретающей в солнечных лучах благородный блеск серебра.

Реконструкция барабана центрального купола Свято-Успенского собора. XII-XIII ст. (по Н.Холостенко).

* Меандр — тип геометрического орнамента в виде ломаной непрерывной линии с завитками. От древнего названия реки Меандр в Малой Азии.

Схема Свято-Успенского собора лавры по иконографическим материалам.

Мысленно шагнем с залитой слепящим солнцем площади под своды собора. Толща стен хранит живительную прохладу. Несмотря на свою внушительность, собор тих, лишь в высоко вознесенном подкупольном пространстве эхом звенит гул осторожных шагов. Он был бы еще громче, если бы его не гасила шероховатая поверхность пола, выложенного из резных плит пиррофиллитового сланца, или розового шифера, добываемого в карьерах Овруча.

Полумрак в притворе не сразу позволяет разглядеть интерьер. Лишь привыкнув к темноте, можно в боковых его частях, в толще стен увидеть погребальные ниши — аркосолии, в одной из которых «на десной стране» — в правой стороне — хранится драгоценное сокровище — погребальная рака с мощами преподобного Феодосия. Летопись рассказывает об обретении и перенесении мощей святого аввы: «...Собращая епископи, Ефремъ Переяславський, Стефанъ Володимирський, Иоанъ Черниговський, игумени отъ всехъ манастыревъ с черноризци, придоша и людье благовернии, и взяша моще Феодосьевы, с фемьяномъ и свещами, и принесше, положиша въ церкви своей ему, в притворе на десней стране, месяца Августа в 14 день»⁹⁶. Склонившись к раке, можно увидеть, что она вся окована серебропозлащенными листами высокохудожественной работы. Трепетное пламя горящих свечей сверкает на ее поверхности спалахами золотых бликов.

О внешнем виде раки преподобного Феодосия можно судить из описания в древнерусской литературе гробниц святых Бориса и Глеба. Они были окованы серебропозлащенными листами с изображениями страстотерпцев. «Сказание о чудесах Романа и Давида» пишет, что Владимир Мономах «такo украси добре, яко не мощно съказати оного ухыщрения по достоянию доволне». Все видевшие их, даже греки, отмечали, что «нигде же сицея красоты несть»⁹⁷.

Рака преподобного Феодосия была не менее прекрасной. Об уровне ее исполнения можно судить по ее стоимости. Обители она обошлась в 500 гривен серебра и 150 гривен золота. Их пожертвовал благоговейный почитатель преподобного — наместник князя Юрия Долгорукого, тысяцкий Георгий Симонович, сын варяга Шимона. Он при-

надлежал к кругу приближенных Владимира Мономаха и, безусловно, стремился украсить свою раку не менее богато. О том, что «окование» раки преподобного Феодосия стало значимым событием на Руси, говорит факт вписания его под 1130 г. в государственную летопись: «В лето 6638 Георгий Шимонович, ростовский тысяцкий, оковал раку Феодосия, игумена Печерского, при игумене Тимофее»⁹⁸. Владимир Мономах изготовил гробницу святых Бориса и Глеба за 15 лет до этого, в 1115 г. Вполне вероятно, что обе раки были сделаны в одной мастерской.

Любовь тысяцкого Георгия к обители была безграничной. С детства он был благоговейным свидетелем чудес, совершавшихся по молитве преподобных Антония и Феодосия. Здесь, в Успенском соборе, по благословению святых сподобился погребения его отец, варяг Шимон.

Благочестивое пожертвование Георгия Симоновича также сопровождалось чудесами. Деньги — 500 гривен серебра и 50 гривен золота — он поручил привезти в Киев своему боярину Василию, который оказался недостойным этой высокой миссии, ропща, «проклинаа... и глаголя въ уме: что се смыслиль князь толико богатство погубити... мертвого гробъ оковати». Святой Феодосий в сонном видении обличил грешника и призвал к покаянию, но Василий не внял гласу преподобного, «не престаше ропща». Проклятия несчастного пали на его голову — его обоз потерпел большой урон от падежа коней и набега «татий». Тогда неверный слуга похитил 100 гривен серебра и 10 гривен золота, ибо «не разуме Божия гнева хулы его ради. Бывше же ему в Чернигове, спаде с коня и разбися». Ночью к страждущему Василию наяву пришел преподобный Феодосий и, укорив за нечестие, повелел явиться в Печерский монастырь. По Днепру болящего привезли к обители и с трудом подняли по крутым склонам в церковь. «И положиша его на раце святого, и тако въста цель и здравъ». С раскаянием боярин отдал игумену деньги, пообещав возвратить растраченное, но когда распечатали сосуд, «обретоша все полно: 500 гривень сребра, а 50 злата, и вси прославиша Бога и святого Феодосіа»⁹⁹. Георгий, узнав о чуде, в благоговейном порыве снял с шеи золотую гривну весом в 100 гривен золота и отдал на украшение раки.

В обители долгое время хранилась «епистолия» — грамота Георгия Симоновича, врученная игумену вместе с пожертвованием, в которой он писал: «Азь Георгій, сынъ Симоновъ, рабъ Пресвятыя Владычица Богородица и святого Феодосіа, благословень бывъ святою его рукою, некогда болех 3 лета очима и не видех ни луча солнечнаго. Словом же его исцелех, слышах бо от усть его «прозри», и прозрех...» Упоминание в лаврской летописи об этом интересном документе является для нас свидетельством добросовестного подхода печерских бытописателей к истории родной обители. В монастырской канцелярии хранились, вероятно, не только эта, но и другие грамоты, договоры, расписки, письма и т. д., в которых, как и в сей «епистолии», содержались ценные сведения о преподобном Феодосии, не вошедшие в его Житие.

В грамоте князь обращается с увещанием ко всему своему роду, «да никто же отлучень буди дому Пресвятыя Владычица Богородица и преподобных Антоніа и Феодосіа», призывая своих наследников быть постоянными ктиторами и жертвователями обители, даже если «кто и въ последнее убожество приидеть, не могый что дати». Князь выражает надежду, что Печерская обитель станет фамильной усыпальницей Шимоновичей, и они всегда смогут найти погребение здесь — если не в стенах храма и монастыря, то хотя бы в скитах и подворьях — «селах»: «Да поне* в селех церкви тоя положен будет, везде бо молитва Антоніева и Феодосіева заступае». Князь сам убедился в том, что благодать монастыря присуща и его «села», ибо был свидетелем чуда возле одного из монастырских подворий, когда половцы, шедшие с дружиной Юрия Долгорукого на киевского князя Изяслава Мстиславича — а это было во время междоусобной войны Долгорукого и Изяслава за киевский престол, — окружили подворье, намереваясь войти в него и разграбить. Георгий участвовал в этом походе в отряде суздальцев, союзников Долгорукого. В грамоте он рассказывает, что когда алчные половцы бросились на приступ, то небольшое село, по смотрению Божию, показалось им неприступным, хорошо укрепленным городом: «Видехом град высок... Половци же бишася у него, и многи язвени быша, и бежахом от града того. Последи же уведахом, яко село есть святыа Богородица обители Печерьскыа, града же николи ту несть бывало».

В Патерике, в Несторовом Житии, содержится еще одно свидетельство о покровительстве преподобного Феодосия над «селами» монастыря. Так, при поимке разбойников, промышлявших грабительством, в то время, когда их везли «в град к судіи... по изволенію Божию случися имь миновати мимо единое село манастирьское, и един от злодей тех связанных, покивав главою на село то, глаголаше, яко некогда в едину ночь приидохомь к селу тому, разбой хотяще творити». Однако случилось чудо, подобное происшествию с половцами: «...и видехом град высокь зело, яко не мощи намь приблизитися к нему. Се бо Благый Богъ оградилъ невидимо молитвами праведнаго и преподобнаго сего мужа»¹⁰⁰.

Поход Ростово-Суздальского князя Юрия Долгорукого на Киев состоялся в 1149 г.¹⁰¹. Рассказ Патерика «О покованіи раце преподобнаго отца нашего Феодосіа» заканчивается так: «...Сего ради правнучи его (Георгия. — Авт.) любовь имеютъ къ святому Дмитрею, ту бо имеютъ место свое в нем»¹⁰². Монастырь святого Димитрия, построенный в Суздале святителем Ефремом, постриженником печерским, был подворьем лавры. Шимоновичи избрали его своей усыпальницей, твердо веря, что благодать Пресвятой Богородицы простирается как над лаврой, так и над ее «селениями».

Но вернемся под своды Свято-Успенского собора.

В аркосолии, расположенном на той же стене, «в

головах святого Феодосіа», находилась широкая двухместная гробница-саркофаг, в которой были погребены супруги — Минско-Полоцкий князь Глеб Всеславич и княгиня Анастасия Ярополковна, «вдавшие все добро свое» на обитель и сподобившиеся в ней погребения. Их саркофаг был сделан из розового шифера и покрыт искусной резьбой — так традиционно в домонгольской Руси выглядели гробницы князей.

На противоположной боковой стене притвора, «противу гробу Феодосіеву, на шуеи** стране», стоял не менее богатый саркофаг киевского воеводы Яня Вышатича. Авва Феодосій часто посещал вельможу и его супругу Марию, ибо «оба благочестива суща, въ целомудріи живуща, бракъ честень храняще. Сего ради любяше их блаженный». Во время одной из духовных бесед Мария обратилась к нему с просьбой: «Отче честный Феодосіе, кто вестъ, где тело мое положено будет? Богодухновенный же Феодосіе, пророчьскаго дара исполненъ сый, рече ей: поистине глаголю ти, идеже тело мое положено будет, тамо и ты почиши». Пророчество святого сбылось через 18 лет. Это произошло в тот год, когда были обретены честные мощи Феодосия. Мария почилa 16 августа — сразу после праздника Успения и перенесения мощей аввы в Свято-Успенский собор. «И пришедше черноризци, положиша ю*** в церкви святыа Богородица Печерьскыа противу гробу Феодосіеву, на шуеи стране»¹⁰³.

Шагнув из полутемного притвора в храм, паломник оказывался во власти неяркого, но ровно и мягко льющегося из деревянных с небольшими круглыми стеклами окон света. «Внутри храма, при ограниченности объема, впечатление живого, растущего, всеобъемлющего строения достигалось особым умением распределить свет, создать им ощущение легкости, воздушности и надмирности»¹⁰⁴, — отмечает Блаженнейший митрополит Владимир.

Блик солнца, заглянувшего в одно из окон, пустил косые полосы по притихшему храму, причудливо высвечивая фрагменты фресковой росписи. Лучи сквозь блюдца стекол просверливают полумрак, рисуют на стенах контрастные узоры, создавая впечатление световой скани. Стихия неброского таинственного света заполняет все пространство — он струится из узких длинных прорезей барабана, стеклянной вязи окон, из пробелов на ликах святых, из их устремленных вдаль взглядов, оживающих под мерцающим огнем лампад, из полыхающей феерии горящих подсвечников, отблеска золотой утвари, из холодных колонн беломраморного иконостаса. Игра световых оттенков — ярких и приглушенных, теплых и холодных, пронзительно бликующих и благородно поблескивающих, подвижных и статичных — создает неповторимое ощущение праздника, охватывает душу тихим восторгом.

Незримая пульсация света делает все вокруг живым и волнующим. Фигуры святых, высоко вознесенные над землей, вдруг приобретают движение, взгляды становятся

* Хотя бы.

** Левою.

*** Ее.

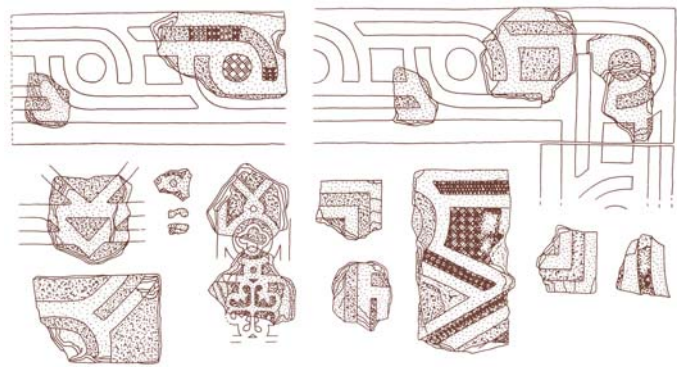
пристальной, стремительные складки одежд готовы распрямиться. Таинственное пространство фресковых росписей вступает в контакт с пространством храма, пронизывая все ощущением сопричастности. Сердцем чувствуется духовное взаимообщение, общая молитва, незримое богослужение, оглашающее молчаливые своды собора.

Его Блаженство митрополит Владимир пишет: «Общее впечатление человека, вошедшего в храм, украшенный иконами, такое, будто он попал в рай сладости Божией. Кругом красота неземная, радость несказанная. Всюду торжество и ликование красок, везде разлито золотое солнце. Богомолец ощущает икону, храм как частицу неба, как откровение в предначатии Царства Божия. И невольно хочется ему воскликнуть: «О Пасха велия и священнейшая, Христе! О Мудросте и Слове Божий, и Сило! Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего»*. Отображение красоты мира невидимого, горнего, являемое в архитектуре древних храмов, в характере древней иконы, в ее символике, цветовых и линейных ритмах, есть свидетельство глубокого религиозного опыта, подлинно духовного видения и восприятия мира, силы и глубины богословской мысли тех, кого мы считаем создателями монументальных памятников церковной старины. Нет, не стояла на месте богословская мысль древней Руси. Она, подобно русским рекам, то ровно и неспешно лилась, то на перекатах истории бурно неслась и пенилась в горячей полемике, то, чуть слышно журча на поверхности, уходила внутрь души, достигая глубин апостольского, святоотеческого познания»¹⁰⁵.

В благоговейной робости паломник ступает из нартекса** под высокие своды центрального нефа. Хочется умерить шаги, сделать их совсем неслышными. Но это не удастся, ибо шероховатые, еще плохо отполированные ногами плиты притвора, гасящие звук, вдруг сменяются роскошным, инкрустированным многоцветной смальтой мозаичным ковром. Квадраты плит, четко обозреваемые по краям помещения, ближе к центру теряют геометрические очертания из-за прихотливых разводов, создаваемых рельефной резьбой и мозаичным орнаментом, сливающихся в подкупольном пространстве в общий узор, рисунок которого удивительно гармоничен. Богатая отделка пола придает храму парадную торжественность¹⁰⁶.

Подойдя к иконостасу, паломник благоговейно творит крестное знамение. Строгая колоннада двухъярусного иконостаса из беловато-серого мрамора, лишенного резьбы и украшений, своими аскетичными формами подчеркивает эпичность художественного замысла.

В домонгольское время еще не существовало высоких иконостасов, которые появились не ранее XV века. Их заменяли мраморные либо деревянные преграды, состоявшие из колонок-столбиков с находившимися между ними

Фрагменты плит пола Свято-Успенского собора лавры.

низкими парапетами и покоившегося на колонках архитрава***. Если основываться на византийских параллелях, то иконы в это время еще не размещались между колоннами на парапетах¹⁰⁷. В центре помещались царские ворота. Иконы, водруженные на архитраве, составляли второй ярус и формировали деисусный чин****.

Опись имущества афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря, проведенная в 1142 г.¹⁰⁸, может быть для нас источником сведений о древних иконостасах. Так, в ней упоминаются деисус, двенадцать «праздников» и «святцы». О «праздниках» прямо говорится, как о связанных с темплом (алтарной преградой). О царских воротах того времени нам могут рассказать ворота XIII в. из Третьяковской галереи — самые ранние из сохранившихся на Руси. На них от первоначальной живописи сохранились фрагменты икон Благовещения и святого Василия Великого в рост. Обычно ворота украшали изображениями Благовещения и апостолов либо отцов Церкви.

Несмотря на скупость оформления, иконостас Успенского собора поража своей художественной цельностью. Все в нем дышало соразмерностью и гармоничностью. Золотофонные иконы концентрировали световую энергию. Одна из них, находившаяся в центре над алтарными столпами, поддерживавшими фриз с карнизом и выполнявшими функцию царских ворот, изображала Успение Пресвятой Богородицы¹⁰⁹. Это она была принесена из Царьграда греческими зодчими по повелению Царицы Небесной, сказавшей о ней: «Ся наместная да будет». Великие чудеса, происходившие от этой «чюдной иконы», уверили всех в непреложности обетования о ней Пресвятой Богородицы. Когда греческие изографы, проявившие маловерие, повернули свою «лодию» вспять, ночью они увидели «чюдную икону наместную, глаголющу: человеци, что всю мятетеся, не покоряющеся воли Сына Моего и Моеи. Аще Мене преслушаете и бежати восхощете, вся вы возьмете с ладиею поставлю в церкви Моеи. И... в монастыри Моем остригшися животь свой скончаете, и Азь вам дам милость в будущем веке строителей сих ради Антонія и Феодосія». Наместная икона стала как бы Игуменьей,

* Тропарь 9 песни пасхального канона.

** Притвора.

*** Архитрав — мраморная балка, перекрывающая прогон между колоннами, нижняя часть антаблемента. Антаблемент — балка перекрытия пролета либо его завершение, опирающееся на колонны.

**** Иконописная композиция из нескольких икон со Спасителем в центре и Пресвятой Богородицей, Иоанном Предтечей, архангелами, апостолами и другими святыми по сторонам.

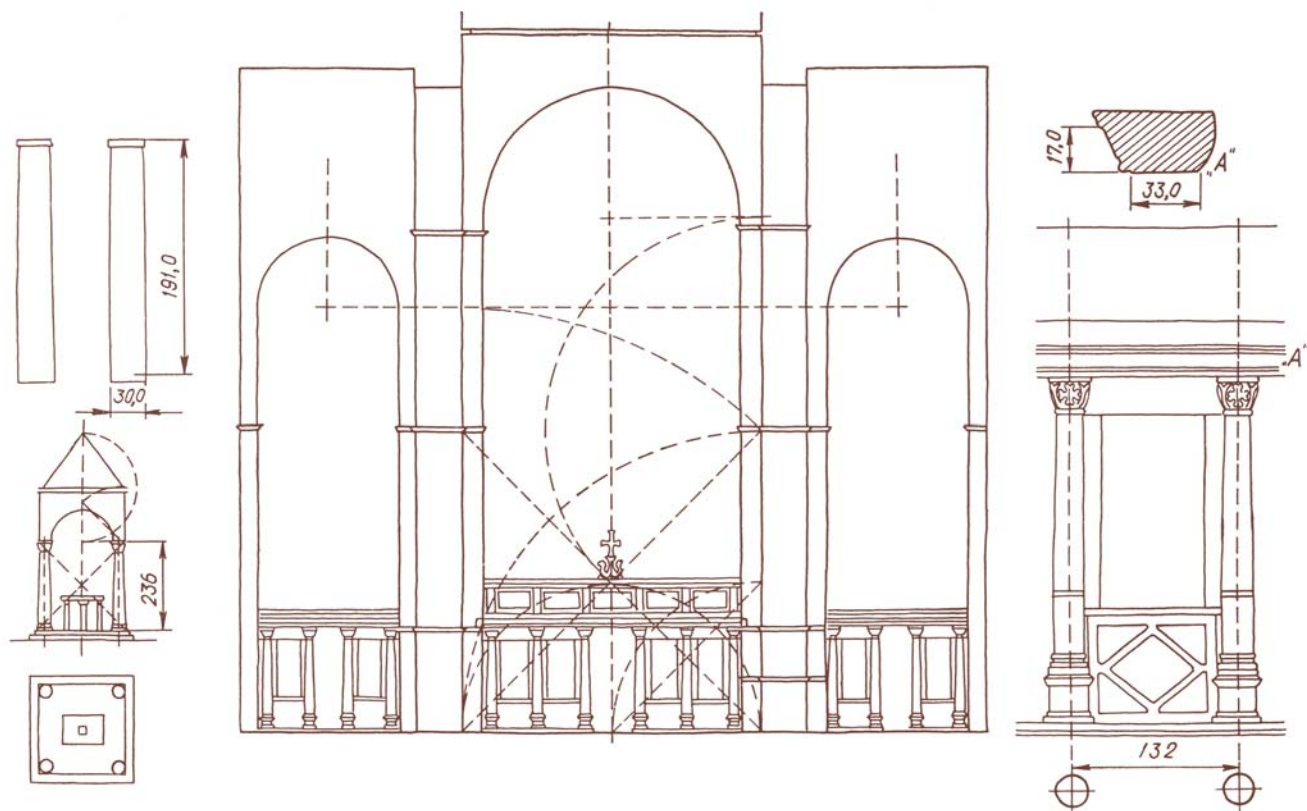

Схема реконструкции темплона и кивория Свято-Успенского собора лавры (по Н.Холостенко).

Настоятельница обители, что явствует из повеления мастерам принять постриг в Печерском монашеском братстве: «Тогда купно вси черноризци и Греки, мастери же и писци, прославиша великаго Бога и Того Пречистую Матерь, чюдную икону и святаа отца Антоніа и Феодосіа. И тако обои живот свой скончаша... въ мнишескомъ житіи»¹¹⁰.

По промыслу Божию даже такая деталь, как монашеский постриг изографов, имела глубоко символический смысл. Преподобный Иосиф Волоцкий в «Послании к иконописцу» преподаёт наставление об особом приготовлении к этому послушанию очищением и врачеванием души. Смысл подвига иконописца у Иосифа Волоцкого выражен в притче об иноке, пришедшем к «некоему велику духовну врачу» с просьбой дать ему «быліе» — лекарство из целебной травы, «иже можетъ грехы исцелити». Врач повелел иноку: «Взыди в пустыню, возьми корень духовный, еже есть Христа ради нищета и смирение, и собери листвие, еже есть алчба* и жажда, и прими миро, еже есть страх Божий, целомудрие и чистота, и теплыя молитвы. И истолки все сие в ступе послушания, подсей ситом благо жития, и вложи в сосуд — в себя, влеи в него воду духовной любви и вжигай Божественный пламень под горном сердца твоего»¹¹¹. В притче преподобный Иосиф Волоцкий выражает мысль, что иконописание, как один из духовных подвигов, есть прерогатива иноков, всецело посвятивших себя Богу в ангельском монашеском чине.

Царица Небесная восхотела, чтобы Ее храм расписывали не просто ремесленники, зарабатывающие себе талантом иконного письма на жизнь, но подвижники духа, очищенные через пострижение от недугов мира и озарен-

ные через принятие иноческих обетов особой благодатью. Сама наместная икона стала для них образцом художественного решения, отправной точкой всего замысла внутрихрамовой композиции.

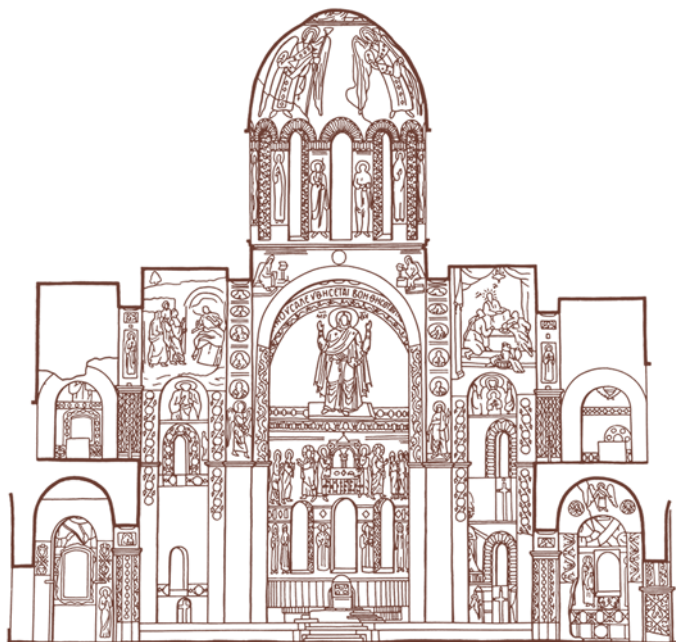
Как и в Софийском соборе, в храме Печерского монастыря мозаичными изображениями были украшены лишь восточная, алтарная часть центрального пространства и купол, а остальные стены и своды были расписаны фресками. «Из живописного убранства храма в расчистках и указанных выше раскопках, — пишет Н.В.Холостенко, — найдены многочисленные, но небольшие фрагменты фресок. Из них несколько — с остатками надписей, сделанных буквами кириллического алфавита, с характерной манерой письма ставить сначала абрисы каждого элемента буквы. Фрагмент росписи на стене найден один. Фрагмент представляет часть росписи в виде орнамента типа плетенки, исполненной в зелено-бордовых тонах»¹¹². По свидетельству Патерика, на стенах храма были изображения святых мучеников Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора: «Мощи святых мученикъ подо всеми стенами положены быша, идеже и сами написаны суть над мощми по стенамъ»¹¹³. Очевидно, мощи святых мучеников были покладены не только под престолом, но и вмурованы в фундаменты стен, придавая сооружению духовную крепость. Программа росписей Успенской церкви, повторенная позже в храме Михайловского Златоверхого монастыря, продолжала традиции Софийского собора и Десятинной церкви, хотя, безусловно, отличие монастырской идеологии от княжеской наложило на нее свой отпечаток. «Соединение мозаик и фресок, не свойственное для Византии и впервые употребленное, вероятно, в

* Здесь: пост. Ср.: «Блаженны алчущие и жаждущие правды» (Мф. 5, 6).

Десятиной церкви, станет потом характерным признаком многих храмов Древнего Киева»¹¹⁴. По хорошо сохранившемуся интерьеру Софии Киевской можно воссоздать интерьер Успенского собора.

Архитектура Софийского собора «выступает в неразрывном единстве, в синтезе с другими видами монументального и декоративного искусства... Стиль архитектуры, мозаик и фресок — величавый и монументальный. Многочисленные фигуры имеют лаконичные и выразительные очертания силуэтов, красивые пропорции, ясный и четкий рисунок драпировки одежд. Слитности живописи с архитектурой помогает и то, что все фигуры мозаик изображены на абстрактном золотом фоне, а фресок — на голубом, в арках — на красном и зеленом. Размещение регистров мозаик и фресок в вертикальном направлении следует за членением архитектурных масс карнизами так точно, как и в горизонтальном направлении, за повторением скрещиваний плоскостей столпов, стен и арок. В подчеркивании архитектурных элементов большую роль играют не только сюжетные фрески, но и орнаменты. Встречаются орнаменты геометрической формы, т. наз. «гофрированные», но больше комбинированных из геометрических элементов, которые создают круглые или квадратные плоскости с растительным орнаментом трилистников, пальм, элементов бегунка и т. д. В скупых изображены погрудные святые, а в парусах — серафимы. На подпорных арках... в виде розеток — восьмиконечные кресты, по бокам от которых — погрудные святые. Под шиферным карнизом, фиксирующим подножие арок, изображены во весь рост фигуры святых...

Палитра фресок, как и мозаик, построена на сопоставлении основных цветов — синего, красного и охристо-желтого. Белое облачение на фигурах имеет богатую градацию тональных оттенков. Преобладают, главным образом, розовые и серо-голубые. Значительную часть фресок характеризует непринужденная искренность, хотя отдель-

Киево-Софийский собор. Схема росписей.

ные сюжеты трактуются величественно и монументально. ...Композиция многих сюжетов сдержанна и очень уравновешенна... Симметричность подчеркивают также и массы архитектуры, а удлиненные фигуры, в свою очередь, усиливают ее вертикальные линии»¹¹⁵.

В центральной части лаврского собора, как пишет Патерик, было мозаичное изображение Пресвятой Богородицы с архангелами по бокам, ниже — Евхаристия, в куполе Господь Вседержитель — Пантократор.

Вот каким увидел мозаичное убранство алтаря путешественник XVII в. архидиакон Павел Алеппский: «Святой алтарь очень высок и возносится в пространство. От верха полукруглой его арки до половины ее изображены: Владычица, стоя благословляющая, с платом у пояса, а ниже Ее Господь, окруженный архиереями — мозаикой с золотом, как в Святой Софии и в церкви Вифлеема. По окружности алтаря идет кафедра (горнее место) с тремя ступенями; над нею, на высоту роста, также мозаика из превосходного мрамора. Пол сделан из чудесной мелкой мозаики»¹¹⁶.

Наличие надписей кириллического алфавита на сохранившихся фрагментах росписи лаврского собора свидетельствует об участии в его украшении местных мастеров. Еще больше в пользу этого говорит факт самостоятельного изготовления в монастырской мастерской смальты. К сожалению, при раскопках не найдено ни одного фрагмента стеновых мозаик, и потому об их стиле нет никаких более или менее правдивых данных.

Лишь Патерик приоткрывает завесу неведомого. В житии преподобного Алипия помещен рассказ о чуде при выполнении изографами мозаичных работ в центральной апсиде алтаря. «Мастером бо олтарь мусиею кладущимъ, и образ Пречистей Владычицы нашей Богородицы и Приснодеви Маріи сам вообразися. Всем же сим внутрь сущим олтаря, покладываху мусією, Алимпій же бе помагаа и учася, и видевшє вси дивное и страшное чюдο: зрящимъ имъ на образъ, и се внезапно просветися образъ Владычицы нашей Богородицы и Приснодеви Маріа паче солнца».

Мастера пали ниц в ужасе: «И не могуще зрети, падоша ниць ужасни». Когда же они, еще не оправившись от боязни, чуть восклонились, чтобы лучше видеть происшедшее, произошло еще одно чудо: «И се изъ усть Пречистыа Богоматере излете голубъ белъ и летяше горе к образу Спасову и тамо скрыйся». Не успев опомниться и осмыслить происходившее, изографы увидели, что «паки голубъ излете изъ усть Спасовыхъ и летяше по всеи церкви». Белая птица стремительным лучиком мелькала в подкупольном пространстве, садясь на стены, исписанные фресками, к «коемуждо святому прилетаа, овому на руце седаа, иному же на главе». После этого, слетев вниз, к иконостасу, голубь исчез за иконой Успения Божией Матери: «Слетев же долу, седе за иконою чюдною богородичною наместною». Вся артель мастеров пришла в движение, ища скрывшуюся птицу.

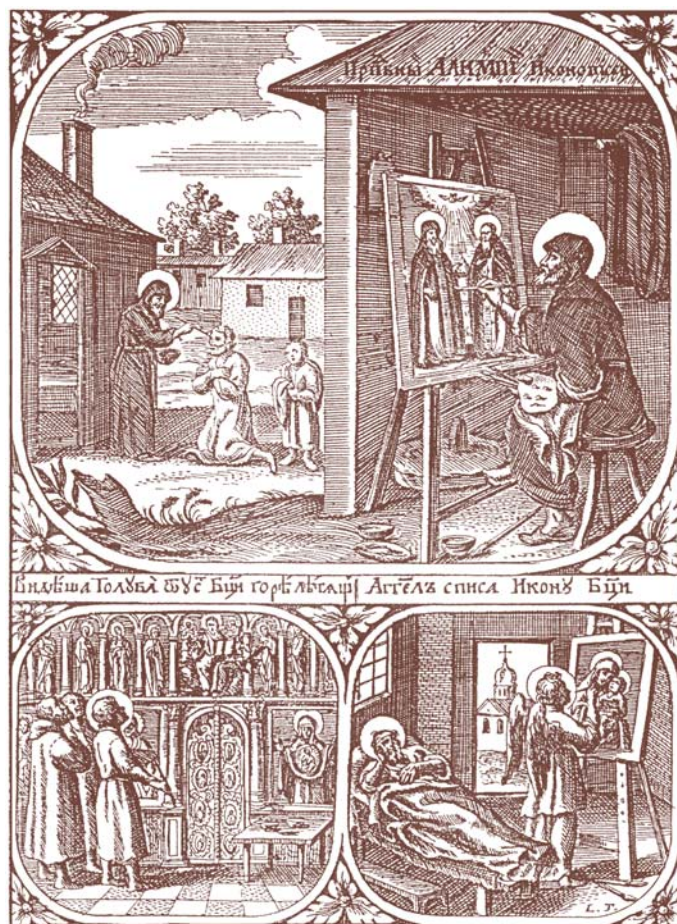
Сверху, под куполом, с мозаичистами работал юноша, приведенный в обитель родителями «на учение иконнаго писанія... въ дњи благовернаго князя Всеволода Ярославича

при преподобнемъ игумене Никоне». Ему было хорошо видно все происходящее в храме. Бросив работу вместе с другими товарищами, ученик с затаенным дыханием смотрел вниз. Он видел, как «долу стоящи хотеша яти* голубя и приставиша лествицу, и се не обретеса за иконою, ни за завесою». Птицу искали везде и не нашли: «Смотривыше же всюду, не ведяху, где съкрыся». Взоры всех были невольно устремлены на наместную икону, за которой она исчезла, «и стояху вси зряще къ иконе, и се паки пред ними излете голубь из усть Богородичинь». Алипий — это был он — замер от неожиданности, ибо белый лучик устремился вверх, прямо на него, под купол: «Идяше на высоту къ образу Спасову». Снизу начали кричать: ловите! Стоящие на лесах засуетились, пытаясь схватить голубя: «И возопиша горе** стоим: имете! Они же простроша руки, хотяху яти его». Но птица упорхнула и на глазах изумленных изографов скрылась в иконе Пантократора: «Голубь же паки влете въ уста Спасова».

Вдруг снова ослепительный, нестерпимый для человеческого зрения свет вспыхнул в храме: «И се паки светъ паче солнца осія тех, изымаа зраки*** человеческыя. Сіи же падше ниць и поклонишася Господеви. С ними же бе и сій блаженный Алипие, видевь благодать Святаго Духа, пребывающу в тои святеи и честней церкви Печерской»¹¹⁷.

Рассказ Патерика настолько жив и подробен, что возникает эффект присутствия, чувство сопричастности событию. Вероятно, сам Алипий, в юную душу которого навсегда запало это чудо, описал его. Он мог сделать это в «хартии», написанной совместно с Владимиром Мономахом для строящейся в Ростове церкви. В ней излагался иконописный канон, воплощенный в росписи Успенского собора: «Владимерь, взем меру божественна тоя церкви Печерскыя, всем подобіемъ създа церковь въ граде Ростове, въ высоту и въ широту и въ долготу, но и писма на хартіи написавъ, идеже кыждо праздникъ в коемъ месте написанъ есть... въ чин и подобіе... по образу великыя тоа церкви богознаменанна»¹¹⁸. Кто, как не Алипий, собственноручно писавший сюжеты праздников по стенам, мог составить это подробное профессиональное описание? К тому времени он уже был маститым мужем, признанным мастером иконописи, которому не было равных на Руси¹¹⁹. Именно его авторитет как непревзойденного изографа, специализировавшегося в технике мозаики, фресковой росписи и реставрации икон, подвигнул Мономаха на привлечение Алипия к составлению «хартии» для княжеской Ростовской церкви.

Талант Алипия имел яркие черты богодарованности. Его художественный гений был следствием Божия благословения и избранничества. Чудо в алтаре, когда икона Богородицы сама отобразилась на стене, заставило юного мастера задуматься над смыслом подвига иконописания, сопряженного с таинством сотворчества, уподобления Творцу. По окончании росписи юноша с радостью прини-

АЛИПИЙ ПИСЬ ВЪ ПИСЬМЪ ЗРАКЪ СВѢТІХЪ, ЖИЗНЬ ДѢЛА: ОБРАЗЪ НИЩЕПИСАННЫЙ ЗРѢТЬ БЖІА СІЛА.

Преподобный Алипий. Из Патерика 1702 г.

мает монашеский постриг, чтобы всецело посвятить себя Богу. Он продолжает участвовать в украшении храма, реставрируя древние образа: «Многажды же моляше... да въ церкви где видевшя обетьшавша иконы, и тыа к нему принесутъ, и сіа обновивъ, поставляше на своихъ местехъ». Беря взаимы золото и серебро, «еже иконамъ на потребу», преподобный отдавал долг своими работами, а «злато и серебро» употреблял на украшение храмовых икон. Никогда не бывая праздным, ночью святой творил молитву, а днем неустанно трудился, «на три части разделяше рукоделіе свое: едину часть на святыа иконы, а вторую часть въ милостиню нищим, а третюю часть на потребу телу своему». За добродетельную жизнь он был удостоен священнического сана. Дар чудотворения, который ниспослал ему Бог, он соединил с даром пастырского духовного врачевания и спасения пасомых. Некого знатного киевлянина, страдавшего неисцельным недугом — проказой, Алипий исцелил и душевно, и телесно. Больной уже ранее обращался за помощью к братии и был по повелению игумена омыт водой из колодца преподобного Феодосия, но пришел в еще худшее состояние из-за болезни неверия, гнездившейся в его душе: «...игумен же повеле напоити его... от кладезя святаго Феодосія... и абіе въскыше весь гноемъ за неверствіе его, яко бегати его всемъ смрада ради».

* Поймать.

** Наверху.

*** Зрение.

Лишь чистосердечная исповедь перед иереем Божиим Алипием, отпустившим и простившим ему по благодати священства грехи, облегчила греховную тяжесть души несчастного: «И бе по вся дньи ожидаа смерти. И позде... помысли своа сьгрешенїа, прииде кь преподобному Алимьпію и покася...» Преподав ему отеческое наставление, Алипий взял «вапницю* и... вапы, ими же иконы писаше... лице его украси и струпы гнойныа замазавь, и сего в первое подобіе претвори». Стремясь не только к телесному, но и к духовному врачеванию кающагося грешника, преподобный отвел его затем в Успенскую церковь и причастил Святых Таин. Уподобляясь Христу, исцелившему десять прокаженных и повелевшему им «показатися священником и принести дар за очишеніе» (Мр. 1, 40-45), иерей Божий повелел ему смыть с лица краску водой, «ею же священници умываются, и ту абіе спадоша ему струпіе и исцеле». Все присутствующие в храме были несказанно поражены этим чудом.

Пастырь Божий обратился к ним проповедью: «Братия! Внемлите словам Господа! Не может слуга служить двум господам (Мф. 6, 24), как этот, прежде служивший греху. Тяжкая болезнь — проказа — настигла его, ибо он омрачил себя неверием в собственное спасение.

Но потом, покаявшись, он обратился к Богу и получил прощение, ибо сказал Господь: просите, и не просто просите, а с верой просите, и дано будет вам (Мф. 7, 7-8). Когда же он принес покаяние, которое я принял у него, Господь, скорый на милость, даровал ему Свои щедроты»¹²⁰.

Эта небольшая лаконичная проповедь, насыщенная евангельскими поучениями, характеризует преподобного Алипия как мудрого и доброго пастыря, владевшего даром слова так же уверенно, как и даром иконописания. Тот факт, что текст проповеди Алипия сохранился и был занесен в житие спустя более ста лет после ее произнесения, говорит о добросовестной изыскательской работе авторов Патерика, их скрупулезном труде над первоисточниками — в данном случае над неизвестным нам списком дидактического или агиографического сборника, хранившимся, видимо, в суздальском подворье либо в ростовской «Мономаховой» церкви. Впрочем, протограф мог восходить к «Летописцу старому Ростовскому» — источнику как Симона, так и Поликарпа. Специфика агиографического жанра означала для них не что иное, как полную достоверность.

Преподобный Алипий писал иконы и для других храмов. Богатый киевский сановник обратился к инокам Печерского монастыря с просьбой передать заказ Алипию на написание «великих иконъ: 5 Деисуса и 2 наместней» — Спасителя и Божией Матери, которыми он хотел украсить иконостас построенной им на Подоле церкви. Два «мниха», взявшие «сребро» у заказчика, были работниками монастырской иконописной мастерской. Они завидовали дару Алипия и решили скомпрометировать блаженного. Трижды они вымогали деньги у заказчика и тратили их на

свои прихоти, а преподобный так и не узнал о заказе. Когда же нечестивцы в очередной раз от имени ничего не подозревавшего Алипия потребовали деньги, «христолюбец... рече: аще и до десятижды вопрошитъ, то дам, токмо благословенїа его хошу и молитвы, и дела руку его». Эти слова христолюбивого киевлянина, готового за «дела руку его» отдать любые деньги, еще больше омрачили завистью души ненавистников. Поэтому, когда пришло время отдавать заказ, они оклеветали Алипия, сказав, что он «поймавъ злато и сребро с лихвою**», и не хошет писати икон...» Разгневанный сановник пришел в монастырь «съ многою дружиною» — отрядом челяди, чтобы обвинить перед игуменом Алипия. «Игумень же призвавъ его и рече ему: брате, что се неправда сіа бысть от тебе...?» В гневе он укорил блаженного за настырность в вымогании денег: «Три цены взяль еси», — выразив, однако же, удивление по этому поводу, ибо знал, что Алипий многие иконы писал «туне***». Блаженный кротко отвечал: «Отче честный, вестъ твоа святыня, яко никогда же имех лености в деле сем; ныне же не свем****, о чем глаголеши». Тогда игумен повелел принести доски для икон и призвал мастеров, взявших деньги, чтобы обличить Алипия. Но Сам Бог оправдал угодника Своего. На иконных досках оказались изображения «Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыа Его Матере и святых Его», «зело хытры», так что «вси удившася и ужасни бывше, съ трепетом ниц на земли падоша и поклоншася нерукотворенному образу». Клеветники же, «крадшаа монастырь, обличена бывша... и изгнана от монастыря». Слава об этом чуде «промьчеса въ всем граде Киеве». Когда церковь на Подоле, для иконостаса которой были сделаны эти иконы, сгорела во время грандиозного пожара, уничтожившего полгорода, то от убранства ее осталось лишь семь икон деисусного чина¹²¹. Владимир Мономах, благоговей перед чудом, послал уцелевшую икону Пресвятой Богородицы из этого чина в Ростов, в церковь, построенную им «по подобію» Успенского собора¹²², где росписи были выполнены по эскизам Алипия, что еще раз подтверждает тесное сотрудничество иконописца и князя в обустройстве Ростовского храма. В Ростове от иконы преподобного Алипия также совершалось много чудес: она оставалась невредимой и при разрушениях, и при опустошительных пожарах.

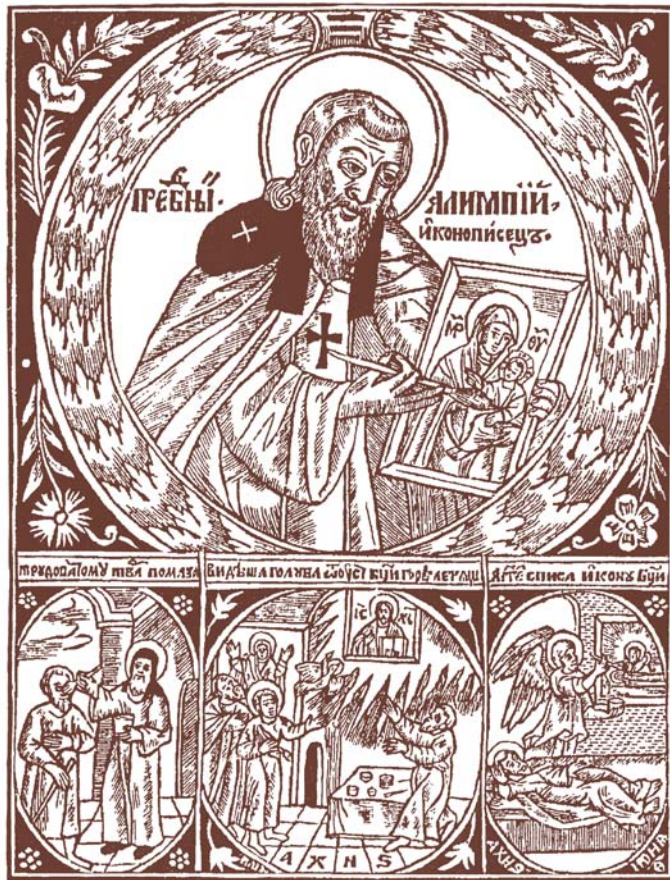
Самое великое чудо, совершенное преподобным Алипием, — написание по его молитвам наместного образа Успения Божией Матери. Это было во время его предсмертной болезни, перед отходом в вечность. «Инь некто христолюбецъ дасть сему блаженному икону наместную писати. По малех же дньех разболеся блаженный Алимьпіе». Тяжкий недуг сковал его силы, подорванные суровым подвижничеством и неустанными трудами. Заказчик, хотевший преподнести икону монастырю в престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы, торопил пре-

* Палитру. От слова «вапа» — краска.

** Лихоимством.

*** Даром, бесплатно.

**** Не знаю.

Преподобный Алипий. Из Патерики 1661 г.

подобного, на что он отвечал: «Чадо, не принуждай меня, лучше возложи на Господа печаль твою и Он сотворит по Своей воле, дабы икона на праздник была уже в церкви». Когда же наступил канун праздника, «прииде паки боголюбець... и виде икону не написану, блаженнаго же Алимпія вельми больна, и досажаше ему». Лежавший на одре немощный иконописец смиренно укорил его: «О чадо, егда леностію се сотворих? Или невозможно Богу икону Своея Матере словом написати? Аз бо отхожу света сего, яко же яви мне Господь...» Муж же той отыде от него печалуа в домъ свой».

Скорбная тишина наступила в келье умирающего. Вдруг послышались звуки легких шагов. Вошел незнакомый юноша, которого раньше преподобный никогда не видел: «Вниде некто уноша светель, и вземь вапницу, нача писати икону». Блаженный подумал, что заказчик, спешивший к празднику получить образ, прислал другого мастера: «Алимпій же мневъ, яко разгневался... господинь... и писца инога прислал, понеже исперва аки человек бяше». Но светоносность таинственного иконописца, а также необыкновенная скорость его письма подсказали чуткому сердцу преподобного, что это был не человек, а бесплотный ангел: «Скорость дела сего бесплотна показа. Овогда убо златом покладываше икону, овогда же на камени вапы тряше, и... писаше, и въ 3 часы икону написа».

* Здесь — придя в себя.

** Здесь — устремившись.

Окончив работу, юноша спросил Алипия: «О черноризче, нет ли в моей работе недостатков, или что-то не так сделано?» Преподобный ответил: «Хорошо сделано. Бог да поможет тебе! Ибо Сам Он чрез тебя сотворил сие».

Дивная картина! Небесный ангел смиренно спрашивает преподобного, правильно ли написан образ, и преподобный, похвалив его работу, именем Бога благословляет его! Поистине трансцендентное слилось с обыденным, Небо с землей, человеческий мир с ангельским. Алипий, «земной ангел и небесный человек», общается с посланником Неба не просто как равный, но как учитель с учеником, как больший с меньшим, ибо поистине «меньший в Царствии Небесном» (Лк. 7, 28) больше того, кто благим духовным устроением удостоился звания «друга Божия» (Ин. 15, 15).

«Господин же иконы без сна пребысть всю ночь от печали, понеже не бысть иконы на праздник, недостойна себе и грешна нарицаа такового благодати. И вставъ убо, иде въ церковь, да тамо плачется своего согрешенія». Войдя в собор, он был несказанно поражен, видя икону сияющую на месте своем, и паде от страха, мнев, яко привидение некое явися ему. И возбнувъ* же мало от страха, разумевъ, яко икона есть, въ трепете и ужаси мнозе бывъ, помянувъ глаголы преподобнаго, и тек**, возбуди домашня своа. Они же с радостію текоша въ церковь съ свечами и с кандилы, и видеша икону, сіающую паче солнца, и падше ниц на земли, поклонишася иконе и лобызаша съ веселіем».

Весть о чуде в тот же миг разлетелась по всему монастырю. «И вси вкупе идоша къ преподобному Алимпію, и видеша его уже отходяща света сего». В келье блаженного еще стоял запах свежей краски, все хранило в ней следы недавно выполненной работы, которую не в силах был сделать старец, много дней не встававший с одра болезни. «И вопроси игумен: «Отче, како и кимъ написана бысть икона? Он же поведа им все, еже виде, яко ангел есть, рече, написавый ю, и се предстоит, взяти мя хотя». Душевым взором преподобный Алипий уже зрел Небо, и благодный посланник, выполнивший иконописное послушание, «паки» прибыл к нему по другому послушанию — взять душу праведника в райские селения. «И сіа рекъ, предаст духъ». Благоговение охватило всех, столпившихся в его небольшой келье и сподобившихся быть свидетелями кончины праведника. «И сего опрятавше, несоша въ церковь, пеніе над нимъ сотворше»¹²³. Служба праздника Успения перемежалась в храме с заукойным пением над преподобным Алипием. «Успение» святого дивным образом совпало с Успением Пречистой Богоматери, Которой он с юных лет всем сердцем служил даром иконописания и от Которой получил столько знаменій Ее милости!

Одр с телом блаженного предстоял в храме пред чудотворной иконой Божией Матери, написанной посланным Ею ангелом. Монастырские священники, совершая в алтаре на престоле евхаристическое возношение, осознали,

что их собрат священнодействует уже перед другим — горним престолом, совершая небесную литургию с бесплотными силами и всеми святыми.

Как жизнь преподобного, так и его кончина были подчинены высокому послушанию служения — служения Богу, народу, святой Матери-Церкви. Цель пути каждого угодника Божия — это всегда Бого-служение. Определение жизни как Бого-служения особенно относится к иконописцам. В свете данной константы священнический сан Алипия приобретает вдвойне значимый смысл. Иконы он писал, священнодействуя. Иконопись невозможно рассматривать вне ее связи с богослужением. Только в контексте «храмового синтеза» при соотнесенности иконных образов с богослужебным чинопоследованием, словами Священного Писания, песнопениями, канонами, литургическим действием раскрывается во всей полноте их духовный и богословско-символический смысл. Каждое из произведений древнерусского сакрального искусства наделяется определенным литургическим содержанием и соответствует одному из моментов православного богослужения. Особое место в системе храмового богослужения принадлежит Богоматери, Которую Церковь называет Скинией — Храмом, престолом и вместилищем Бога Слова. Литургическая в алтаре собора и взирающая на образ Пресвятой Богородицы, чудесно изобразившийся на горнем месте, преподобный Алипий вспоминал озарение своей души неземным светом от этого образа, и его молитва к Пресвятой Богородице становилась сильнее и дерзновенней. Многие предметы священной утвари, имеющие, как правило, Мариологическую символику, и сам престол, за которым он литургисал, раскрывали перед ним таинство воплощения Бога Слова от Пречистой Девы Марии. Вот почему творчество печерского иконописца проникнуто Мариологическим содержанием, содержит в себе глубины богословия о Пресвятой Деве Богородице.

Нет сомнения, что он был знаком с византийской «теорией образа» — через писания Феодора Студита и отцов седьмого Вселенского собора, сотрудничество с выдающимися византийскими мастерами. Творчество Алипия и других лаврских иконописцев, не имевших систематического богословского образования, «теория образа» одухотворяла как бы изнутри. С XI века она глубоко вошла в суть православного миропонимания. Под ее влиянием сформировались каноны всех видов церковного искусства. Сами создатели шедевров древнерусского искусства жили в особой духовной атмосфере, насыщенной идеями «теории образа», и либо сознательно, либо внесознательно руководствовались ими в своем творчестве.

Как священник и подвижник-аскет, Алипий через опыт самоочищения, молитвенного единения с Богом и святости сподобился неизреченных высот богопознания, что дало его творчеству силу богословского озарения, богословской мощи и богословской безупречности. Он сам создал канон, преобразив византийские эстетические формулы в соответствии с реалиями автохтонного искусства

и обогатив их лучшими чертами древнерусской духовности. Эстетико-богословские традиции Алипия и его последователей, творческое наследие Киевской школы, основателем и идеологом которой он являлся, непреходящи и по сей день являются актуальными в современной иконописи.

Зарождение древнерусской иконографии происходило под влиянием теории Феодора Студита об этической направленности эстетических феноменов. В первую очередь это относилось к категории прекрасного. Григорий Нисский, Иоанн Дамаскин, Никифор Константинопольский, Феодор Студит и другие отцы Церкви учили о первичности духовного начала в бытии прекрасного. Монастырская эстетика аскетизма, получившая мощное развитие в эпоху Феодора Студита, обусловила отход от реализма и усиление символизма в искусстве. Византийская патристическая эстетика по сути перенесла эстетический объект из материального, чувственно воспринимаемого мира в сферу духовной жизни. Уникальность творчества преподобного Алипия в том, что он гуманизировал идеи эстетики аскетизма, сделал их идеями общенародными, примирив на славяно-русской почве реализм и символизм в соподчинении первого второму, внеся народность в труднодоступное сознанию простого человека сакральное искусство, избавив его от «элитарности» и приблизив сердцу русичей. Теплота, светозарность, мягкость линий, чистота цветовых созвучий и в то же время эпичность и монументализм, присущие Киевской школе иконописи, тому подтверждение. Но, формируя новые задачи иконописного искусства на Руси, осмысливая его функции, школа преподобного Алипия в первую очередь опиралась на фундамент каноничности.

Анализ богословско-философского наследия печерских мыслителей позволяет вычленивать из него те идеологемы,

Из лаврской Толковой Псалтири 1697 г.

Гравюра из лаврской Триоди 1631 г.

которые стали решающими в формировании национальной религиозной эстетики. Прежде всего это обязательный принцип отвержения самости, греховного «я» и подчинения всех задач искусства Божественному началу. Смирение — вот главный подвиг всех творцов на Руси. Преподобный Антоний не сам выбирает место монастырской церкви, а трепетно преклоняется перед Божественным выбором, столь чудесно явленным именно через его смиренную молитву. Преподобный Феодосий прячет высоту своей мысли в простые и лишённые витийства слова пастырских поучений, хотя при внимательном изучении изумляешься их богословской глубине. Нестор, гениальный мастер слова, постоянно говорит о своих недостатках и неразумии: «Выше моя силы... не бех достоин», «грубь сый и неразумичьнь... не бех учень некоеждо хытрости», «скверна уста имея и нечист язык...», «худый и недостойный азь рабъ Нестор». Смирняя свою гордыню, борясь с искусительным спутником таланта — тщеславием, древнерусский творец стремился к незамутненной грехом чистоте замысла, проекции на него Божественной энергии. Это в полной мере относится и к Алипию. Отсюда идет категорический отказ в древнерусской иконописи от надписания авторами икон¹²⁴. Отсюда же и отношение к творческому дару как дару Божию, ниспосланному в «сосуд скупельничий»* по неизреченной милости Небесного Творца.

Главная задача древнерусского мастера — прославление Бога, раскрытие предвечного замысла Его Домостроительства, восхождение души через созерцание образа к Первообразу.

Святитель Иларион в «Исповедании веры» возглашает: «Святую и Преславную Деву Марию именуую Богородицею, чту Ее и с верою поклоняюся Ей. И на святой иконе Ея зрю Господа... и веселюсь. Взираю на воскресшего и на неба са восходящего — и воздеваю руки и поклоняюсь Ему. Также и взирая на святых Его угодников, славлю спасшего их. Мощи их с любовью и верою лобызаю... К Соборной и Апостольской Церкви притекаю; с верою в нее вхожу, с верою молюся, с верою исхожу. Так верую и не постыжуся, исповедаю пред народами и за исповедание готов положить душу мою»¹²⁵. В этом «Исповедании» боговдохновенно провозглашен догмат об иконопочитании в полном соответствии со святоотеческой «теорией образа». Внутрен-

ним взором митрополит Иларион зрел Божии тайны и ощущал светлую радость от духовного контакта с Первообразами. Анализ «Слова», содержащего в себе много важных богословско-эстетических умозаключений, позволил исследователям предположить, что Иларион был сам причастен к иконописанию, настолько профессионально — и с теологической, и с эстетической точек зрения — он откликнулся на проблему «богословия образа». Именно идеологическую базу «Слова» и «Исповедания веры» можно назвать духовным фундаментом отечественного искусства.

Большой вклад в древнерусское «богословие образа» внесли и другие книжники-печеряне. Нестор писал о создании первых икон Божией Матери святым апостолом и евангелистом Лукой. Патерик провозглашал о передаче Царицей Небесной Своей «наместной» иконы Печерскому монастырю. Житие Алипия свидетельствовало о помощи высших сил в труде иконописца. Иконописное послушание в глазах автора Жития столь велико и ответственно, что даже бесплотный посланник обращается к Алипию за проверкой и оценкой своего труда. Знаменательно, что преподобный иконописец не удивляется помощи высших сил, не воспринимает ее как нечто необычное. Патерик тем самым подчеркивает, что высоким искусством икона обязана Богу.

Резюмируя, необходимо однозначно констатировать, что Киевская школа иконописи, а за ней и Новгородская, Псковская, Ярославская, Волынская и другие возникли на духовном фундаменте, построенном мыслителями-печерянами. Инициатором создания отечественного сакрального искусства явился митрополит Иларион, занимавшийся вопросами храмоздательства, иконописания, литературы, гимнографии, пения и т. д., основавший при соборе Святой Софии центр просвещения и культуры. «Иконное рисование сосредоточилось при соборе Святой Софии и в Печерском монастыре, при поддержке Илариона»¹²⁶. Преподобные Антоний и Феодосий соприсутствовали Царице Небесной во время передачи Ею Своей чудотворной иконы, ставшей мерилем духовного и эстетического совершенства для всей Руси. Игумены Стефан, Никон Великий, Иоанн и другие всячески поддерживали церковное искусство в обители. На этой богатой духовной ниве и возрос могучий талант святого Алипия.

Иконы преподобного Алипия поражали зримым присутствием Божественной энергии, изливавшейся в его творениях потоками Фаворского света. Духовный восторг, потрясение, умиление наполняли сердце каждого, кто взирал на эти гениальные творения мастера.

Особо значимой в творчестве преподобного Алипия, можно сказать, «программной» является икона Богоматери — Великой Панагии**. Она во многом похожа на мозаичный алтарный образ Богоматери Оранты — Нерушимой Стены из киевской Софии, Успенского собора лавры и Михайловского Златоверхого монастыря.

* Глиняный. «Сокровище это мы носим в глиняных сосудах, чтобы избыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (Апостол Павел. Второе послание к Коринфянам, гл. 4).

** Панагия — Всесвятая (греч.).

Строгая фронтальность выпрямленной во весь рост фигуры Пресвятой Девы, воздетые к небу руки свидетельствуют о Ее молитвенном предстоянии за весь мир, за страждущий род человеческий. Но если мозаичный образ Оранты вызывал трепет и благоговейный страх своей трансцендентной мощью, то икона Алипия согревала душу молящегося теплом исходившей от нее материнской любви. Особенностью иконы Алипия является то, что на груди Пресвятой Богородицы сияет лик Предвечного Богомладенца. Дитя, исполненное ласковой кротости, протягивает руки навстречу миру. Благословляющие персты говорят о благодати Господа и Его благословении, предпосылаемом каждой христианской душе. Печальный и задумчивый лик Девы Марии, отрешенная сосредоточенность взгляда приближают Ее облик к тому, кто ищет в нем отраду и утешение. В верхних углах иконы изображены архангелы Михаил и Гавриил, держащие в руках зеркала с изображением креста. Ангельский мир вторит молитве Богородицы, что подчеркивается ритмом воздетых горе* в унисон с Богородицею рук святых архангелов, вознесенностью их взглядов.

Специалисты по иконографии констатируют, что тип иконы Пресвятой Богородицы Великой Панагии наиболее полно раскрывает смысл догмата Боговоплощения. Он восходит к древнему прославленному образу Богородицы Влахернитиссы из Влахернского храма в Константинополе¹²⁷.

В Византии изображение Богородицы Оранты с медальоном Спаса Эммануила на груди было реликвией знаменитого Влахернского храма, почиталось «защитой стен Константинополя, палладиумом императорского дома»¹²⁸. Напомним, что после перенесения императорской резиденции во Влахернский район Константинополя храм Богородицы здесь стал придворным и почти заменил Святую Софию. «Однако точно неизвестно, какое изображение Богородицы почиталось под названием Влахернитиссы и какую именно икону привезли из Влахерны греческие иконописцы в Печерский монастырь. Богородица Великая Панагия считалась палладиумом великокняжеского дома и защитницей Киева, его нерушимой стеной. И другие княжества, подражая стольному Киеву, для престижа стремились иметь этот священный образ как знак своей независимости и силы»¹²⁹.

На Руси иконографический тип Влахернитиссы-Оранты нашел распространение на юге и севере страны, она была известна не только в Киеве, но и на Смоленщине — в рельефах собора Юрьева-Польского. Тип изображения Оранты, как в полный рост, так и поясной, присутствовал в настенной росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде. Преобразовавшись с XIII в. в форму «Знамение», этот тип получил чрезвычайно широкое распространение, чему способствовал резонанс от чуда новгородской иконы «Знамение», спасшей осажденный город от расправы. Он появился на панагиях, фелонях, печатях, митрополичьих и епископских документах. Интересна связь Великой Панагии с изображением Богородицы на артосной панагии

XIII в. в афонском монастыре Ксиропотам. На ней по сторонам Богородицы с Богомладенцем, в медальоне, изображены два архангела с кадилами и надпись по-гречески: «Великая Панагия»¹³⁰.

«Ярославская Оранта» — Великая Панагия преподобного Алипия остается неповторимой и непревзойденной по исполнению. Именно в ней намечен подход к формированию национального иконописного стиля. В ее «духовной наполненности, эпичной широте духовного чувства, величавом покое и неповторимой поэтической проникновенности чувствуется дыхание столичного града Киева»¹³¹.

Вместе с тем этот образ аккумулирует всеправославные эстетико-духовные достижения эпохи, является их зрелым и прекрасным плодом.

В появлении иконописного типа Великой Панагии в Ярославской Руси, Новгороде, Смоленске и других княжествах нельзя не видеть мощного влияния на древнерусское искусство лаврской эстетики. Так, знаменитый новгородский храм Спаса на Нередице, построенный в 1199 г. с использованием архитектурных форм Свято-Успенской Печерской церкви, воспроизвел на апсиде алтаря изображение Богородицы — Великой Панагии.

Редкой иконографической особенностью образа преподобного Алипия является жест Христа Эммануила, благословляющего не одной, а обеими руками. О символической связи иконы Богородицы Влахернитиссы-Знамения с таинством евхаристии говорит тот факт, что ее изобра-

Богородица Оранта. Церковь Спаса на Нередице близ Новгорода. Фреска в конхе центральной апсиды.

* Горё (слав.) — кверху, к небесам.

Михайловский Златоверхий собор.
Реконструкция Ю.Асеева.

жения часто встречаются в главной апсиде алтаря, в конхе жертвенника, на створках артосных панагий, на предметах литургической утвари — дискосах, потирах, тарелли, лжице, покровцах, воздухе, кадилах.

По версиям некоторых исследователей, икона Богоматери Великой Панагии была специально написана как запрестольный образ. В пользу этого, в частности, говорят ее размеры. Икона явно должна была заменить традиционное мозаичное изображение Оранты¹³². Однако она могла быть и наместной, хотя столь большие иконы не употреблялись в иконостасах. К счастью, Патерик снимает это сомнение. Он фиксирует размеры заказанных преподобному Алипию икон, говоря о них как о «великих», т. е. весьма больших. Висеть такие «наместные» иконы могли на предалтарных столбах.

«Великая Панагия» была найдена в 1919 г. в Спасском монастыре в Ярославле экспедицией Русского музея. И.Э.Грабарь опубликовал икону под названием «Оранта», датировав ее началом XII в.¹³³ Д.В.Айналов, а вслед за ним В.И.Антонова, Г.Н.Логвин и В.Г.Брюсова относили икону к произведениям киевского искусства XII в. и связывали с ней предание о ростовской «Великой иконе Богоматери», написанной преподобным Алипием¹³⁴. И хотя ряд ученых не разделяет эту точку зрения, причисляя икону к кругу ярославских или владими́ро-суздальских памятников¹³⁵, тем не менее многие «из исследователей датируют ее более ранним временем и относят к произведениям, близким Киевской печерской художественной школе. И действительно, в монументальном образе «Оранты», энергичной манере выполнения драпировок с освещением золотыми ассистами есть что-то общее с мозаиками Михайловского Златоверхого собора. Тут чувствуются черты другой Киевской художественной школы, как назвал... Д.Айналов школу, которая во второй половине XI столетия сложилась в Печерском монастыре»¹³⁶.

На заре становления отечественной иконописи часто бывало, что одни и те же мастера работали и над иконами, и над настенными изображениями. Преподобный Алипий был прекрасным мозаичистом. В.Брюсова одним из главных доказательств атрибуции ярославской Оранты считает использование автором эффектов, присущих мозаичной живописи. «Создавая икону на дереве, художник еще мыслит категориями монументальной живописи», — писала исследовательница¹³⁷. Впервые обратила внимание

на стилистическую схожесть иконы Великой Панагии с мозаиками Михайловского Златоверхого монастыря В.Антонова. Г.Логвин развил эту идею. Он доказал, что два мозаичных изображения — Дмитрия Солунского и архидиакона Стефана — выполнены тем же человеком, который создал и «Великую Панагию»¹³⁸.

Собор Архангела Михаила являлся последним киевским храмом, в котором была использована мозаика. С середины второго десятилетия XII в. храмы украшались только фресковой живописью¹³⁹. Михайловские мозаики существенно отличаются от мозаик Софии Киевской. Их характеристики приводят к выводу, что интерьер Михайловского собора украшали киевские мастера. Собор был заложен в 1108-1109 годах. Расписывали его приблизительно через три года. Князь Святополк II к этому времени не только примирился с Печерским монастырем, который первоначально притеснял, но и стал горячим его почитателем. Победив половцев по молитве преподобных отцов, князь начал во всем ориентироваться на Печерскую обитель.

«Не удивительно, что строительство Михайловской церкви Святополк поручил печерским мастерам. Принадлежность Печерского и Михайловского Златоверхого соборов к одной и той же школе строителей несомненна — об этом говорят и тип, и конструкции, и формы обеих построек. Известный исследователь древнерусского искусства Д.В.Айналов, изучая михайловские мозаики, выдвинул гипотезу о возможном участии в их выполнении... Алипия»¹⁴⁰.

Михайловский Златоверхий собор был построен в северной части Свято-Димитриева монастыря и занимал доминирующее место в монастырском ансамбле. Строительство собора шло быстро. В 1113 г. в нем хоронят Святополка Изяславича, и речь о соборе идет уже как о законченной постройке. Это был шестистолпный крестовокупольный храм с четко выраженным нартексом, свободно стоящими четырьмя столбами, тремя апсидами и одной главой. Как и в лаврском соборе, к нартексу снаружи примыкала крещальня, но не с северной, а с южной стороны. Крещальня в виде небольшого четырехстолпного храма строилась, как можно предположить, одновременно с со-

Свято-Михайловский Златоверхий собор.
Реконструкция Ю.Асеева.

бором; при этом был учтен опыт строительства Иоанно-Предтеченской церкви в Печерском монастыре. Михайловская крещальня примыкала непосредственно к южной стене (как в Спасском соборе в Чернигове), а винтовая лестница была устроена в крайнем северном членении нартекса.

По размерам Михайловский собор напоминал уменьшенную копию Печерского. Отличительной особенностью композиции Михайловского собора было то, что центры фасадных закомар находились на одном уровне (в Печерском соборе ветви архитектурного креста значительно повышены над боковыми частями). Эта черта затем стала характерной для всей древнерусской архитектуры XII в. В остальном — и в строительной технике, и в формах — Михайловский собор еще полностью относится к архитектурному течению второй половины XI в.

«Разбивка плана Михайловского собора осуществлялась по тому же методу, что и Печерского... Фасады здания ритмично членились плоскими лопатками, значительно меньше (по сравнению с Печерским собором) выступавшими из фасадных плоскостей. Это придавало фасадам здания более замкнутый характер и определенную графичность в трактовке форм, что становится характерным для построек XII в. Внутренние столбы имели значительную крестчатость. В закомарах, как и в Успенском соборе Печерского монастыря, было по три двухступенчатых ниши... Барабан купола так же, как и в Печерском соборе, завершался поясом небольших ниш. Интерьер Михайловского собора мало чем отличался от Печерского прототипа. Знаменитые Михайловские мозаики и фрески дают немало данных для того, чтобы судить о школе их мастеров. По сравнению с мозаиками Софийского собора, михайловские явно относятся к новому стилистическому этапу: в трактовке фигур больше графичности, колорит мозаик более яркий, в движениях больше экспрессии. Как отмечал В.Н.Лазарев, в облике апостолов намечается тенденция к ослаблению византийской суровости, черты лица утратили резкость, все линии стали более округлыми, а общее выражение приобрело несвойственную чисто византийским образам мягкость. Русские надписи и колористические особенности мозаик свидетельствуют об участии в их исполнении русских мастеров»¹⁴¹.

Иконостас в Михайловском соборе представлял собой, как и в Успенской лаврской церкви, мраморную алтарную перегородку из колонн, резных парапетов и архитрава. Пол также был выложен розовыми шиферными плитами, инкрустированными мозаикой. Для росписи своего вотчинного монастыря Святополк пригласил не дорогостоящих греческих мастеров, привозивших, как правило, смальту из далекой Византии, а лаврскую артель, единственную владевшую тогда секретом изготовления отечественной смальты¹⁴². Его можно было понять — казна опустела от изнурительной войны с половцами. Но не только соображения экономии средств заставили князя пригласить лаврских мастеров. Оба монастыря были духовно

«Двенадцать печерских «каменноздателей», почивающих в пещере»
Работы А.Вестерфельда. 1651 г.

Двенадцать печерских «каменноздателей», почивающих в пещере.
Рисунок А.Вестерфельда. 1651 г.

очень близки. И когда в Димитриевской обители начал строиться Михайловский собор, то вполне естественно, что печеряне пришли на помощь. Алипий тогда еще был жив, его талант находился в самом расцвете. Он мог возглавить работы по росписи собора.

Архидиакон Павел Алеппский так описал Михайловский собор: «Большой алтарь подобен алтарю... монастыря Печерского, с тремя большими окнами. На переднем плане находится изображение Владычицы, Которая стоит, подняв Свои руки с открытыми ладонями, в позолоченной мозаике; также изображение Господа, раздающего Своим ученикам Божественные хлеб и кровь. Под ними кругом изображения архиереев — все из мозаики»¹⁴³.

Михайловский собор строился «по подобию» Свято-Успенского лаврского собора. Вполне вероятно, что строительные работы при его основании частично либо целиком производились лаврской строительной бригадой. С княжеской архитектурой его роднила только позолота купола, за что он и получил название Златоверхого. К сожалению, Михайловский собор постигла трагическая участь каменного собрата. Он был уничтожен в 1936 г. по приказу первого секретаря КПУ Постышева.

В начале XII в. в лавре осуществлялось активное каменное строительство. «Работу вели мастера Печерской школы. Были построены каменные ворота с Троицкой надвратной церковью, в 1108 г. закончено строительство каменной трапезной палаты, в 1109 г. вблизи Успенского собора строятся «божонка» (каплица) княгини Евпраксии и крытая паперть»¹⁴⁴. О профессионализме печерской бригады говорит тот факт, что ей под силу было построить такое фундаментальное строение, как надвратная Свято-Троицкая церковь. Этот храм — единственный в лавре, не только дошедший до наших дней, но и прекрасно сохранивший под позднейшими наслоениями свои первоначальные формы. В них, а также в технике строительства видна, несомненно, рука мастеров печерской школы, угадывается почерк византийско-киевской артели, в которой долгое время работали, по преданию, двенадцать братьев —

«каменноздателей» из Константинополя, постригшихся в монастыре.

Если Софийский собор в Киеве общей своей композицией напоминал о связи с константинопольским искусством, когда Византия была еще довольно крепким централизованным государством, то архитектура Успенского собора и Троицкой церкви Печерского монастыря, а также Михайловского Златоверхого собора больше отвечала времени усиления в Византии периферийных школ с характерными для них крестовокупольными трехапсидными храмами, с шестью, а чаще четырьмя столпами.

«...Троицкая надвратная церковь, как и Успенский собор, напоминала параллелепипедное, вытянутое вверх сооружение с высокими узкими окнами и барабаном, перекрытым полусферическим куполом. Высотный характер врат с церковью подчеркивался вертикальными линиями лопаток, тянувшихся вдоль фасадов и объединявших два этажа сооружения в единое целое. Четко очерченные пилястры, узкие окна между ними и три ряда плоскостных ниш усиливали прямолинейный ритм... Строго рациональному характеру композиции отвечало почти полное отсутствие орнаментально-декоративных украшений. Формы Троицкой надвратной церкви свидетельствуют, что во время ее сооружения влияние аскетических тенденций было еще достаточно сильным. К такой же мысли склоняет и вся структура Михайловской Златоверхой церкви Димитриевского монастыря, сооруженной, как доказывает Ю.С.Асеев, опираясь на летописные известия, одновременно с Троицкой церковью»¹⁴⁵.

В конструктивном отношении Троицкая надвратная церковь интересна еще и тем, что тип четырехстолпного крестовокупольного храма достигает в нем наибольшего совершенства. Если столпы соединить осевыми линиями, то выйдет фигура в виде греческого креста, вписанного в квадрат.

Что касается изобразительного убранства храма, то, хотя история и не сохранила данных о нем, тем не менее, исследования говорят, что фресковая роспись встречалась тогда во многих, даже малых храмах. Фрески были и в Благовещенской церкви над Золотыми воротами в Киеве, на которую, в сущности, был ориентирован лаврский надвратный комплекс. По данным раскопок, фрески были в церкви-усыпальнице «окольного града» в Переяславле, в «божнице» Юрия Долгорукого в Старогородке. Скорее всего, надвратный храм расписал преподобный Алипий с уч-

Свято-Троицкая надвратная церковь Киево-Печерской лавры. Южный фасад.

никами. История сохранила имя лишь одного ученика Алипия — преподобного Григория.

«Григорий Печерский, преподобный, иконописец, спостник преподобного Алипия. Преставился в XII в., — так скупко характеризует его Свод описаний святых древней Руси¹⁴⁶. Мощи его пребывают в Ближних пещерах. Там же, в Антониевых пещерах, неподалеку почивают и мощи его блаженного учителя — преподобного Алипия. Память святого Григория, иконописца Печерского, празднуется Церковью 8 августа по старому стилю, а также вместе с памятью преподобного Алипия — 28 сентября, в день Собора преподобных отцов, в Ближних пещерах почивающих. В этот же день память «двенадцати мастеров зодчих (XI в.)»¹⁴⁷, лежащих там же, в Антониевых пещерах. Как при жизни они трудились дружной творческой семьей, так и по преставлении своем пребывают вместе — и в пещерах лавры, и в райских обителях на небесах.

Иконописный свод из Строгановского собрания так описывает облик Григория иконописца: «Рус, брада Златоуста (т. е. небольшая и острая. — Авт.), на главе клубок черн, риза преподобническая, правой рукой персты вверх»¹⁴⁸. Очевидно, он был моложе Алипия, но ненамного. По некоторым данным, он преставился раньше своего учителя¹⁴⁹.

Что касается внешности самого преподобного Алипия, то, по иконописному своду, он «сед, брада Сергиева (средняя, не очень широкая, как у Сергия Радонежского. — Авт.), схима, в правой руке держит образ Богородицы, ризы преподобнические»¹⁵⁰. Но если при игумене Никоне Алипий был еще юношей, то его возраст к вокняжению Мономаха был средним — около 45 лет. Церковное предание относит его кончину к 1114 г.¹⁵¹ — значит, он преставился «средовеком», человеком средних лет. И более поздний иконописный подлинник пишет: «Мало сед... в руках держит образ Пречистыя Богородицы с Предвечным младенцем Иисусом Христом». Здесь же указано о местном почитании в Южной Руси преподобного Алипия с домонгольских времен, что чрезвычайно важно для нас, пытающихся взглянуть в глубь веков, чтобы увидеть его облик.

Большой интерес для нас представляют надписи на свитке, который держит в руках преподобный Алипий. На одном из древних иконописных подлинников надпись гласит: «Се удалихся бегая и водворихся в пустыню. Господи, утверди мя на месте сем, да будет на нем благословение Святыя горы и моего игумена, иже мя постриг во иноческий чин». Здесь в руках святого находится начертание духовной программы аввы Антония, которая подчеркивает наследственность и преемство в жизни Алипия не только подвига первооснователя лавры, но и Святой Афонской горы. На другом иконописном подлиннике текст в руках Алипия уже иной: «Любяй Бога ангельское житие поживет бдя, постясь, поя и моляся присно, по всяком человеце добрая помышляя». В надписи, как видим, сконцентрирована сущность исихии. Рассмотрим еще один подлинник. Здесь в начертании помещена молитва о Печерской обители: «Владыко Господи Боже, Вседержителю твари, видимым и

невидимым, все Своим смотрением возлюби место сие и освяти е Своею благодатию». Текст этого свитка схож с содержанием свитка преподобного Феодосия из Печерско-Свенской иконы. По этим начертаниям мы можем видеть, что иконописная традиция концентрировала в духовном облике печерского изографа черты подвига обоих святых — высоту самоуглубленного богосозерцания и самоотречения аввы Антония и молитвенное горение, созидательный потенциал, широту души игумена Феодосия.

Недаром подлинники изображают Алипия в схеме. Это говорит о признании его жизненного и творческого пути как высшей степени служения Богу¹⁵².

Знаменательно, что Алипий держит в руках икону Божией Матери с Предвечным Богомладенцем. Это не просто иконописный стандарт, предписывающий по правилам иконографического канона изображать подобным образом изографов. Это символ особого сыновнего служения Богоматери, на которое Царица Небесная призвала его еще юношей, явив его чистой душе свет Своей неизреченной славы и сподобив великого дара иконописания.

Антропометрические исследования мощей преподобного Алипия позволили выявить в их тканях «чрезвычайно высокое содержание цинка, рубидия, железа, меди, свинца, ртути, брома и марганца»¹⁵³. Это связано с профессиональной деятельностью инока, его постоянным контактом с красителями, минералами, химическими компонентами смальты, стекла и т. д. Рост у Алипия был средний — 168 см, возраст на время смерти — 40-45 лет. Столь ранняя кончина говорит об очень напряженном ритме его трудовой жизни, о самоотверженном изнурительном подвижничестве.

Преподобный Алипий преставился приблизительно тогда, когда была окончена Свято-Михайловская церковь Димитриевского монастыря. Возможно, он подорвал свое здоровье на работах по росписи собора. Большие мозаичные полотна, огромные пространства фресок заставили мастера напрячь все силы — и душевные, и интеллектуальные, и физические. Шедевры собора говорят о самой высокой пробе таланта их создателя.

Из михайловских мозаик сохранились: «Евхаристия», «Апостол Фаддей», «Архидиакон Стефан», «Димитрий Солунский».

«Михайловские мозаики поражают возвышенностью, интенсивностью и глубиной звучания хроматических цветов. Основной контраст золоту создают зеленые цвета разных оттенков и широкой градации розовые. Они составляют цветовую гамму одежд апостолов. Контраст светлых и темных фигур создает углубленную динамику движения к центру, наполняя ее драматичным сопереживанием. Традиционный ход апостолов, так четко ритмизованный в софийской «Евхаристии», в михайловской приобрел контрастно-противоречивые позиции, отвечающие взволнованному состоянию фигур. Напряжение, концентрированно выраженное по краям, постепенно ослабляется к центру, где в торжественных фигурах ангелов завершается ве-

лично-просветленным покоем. Апостолы поворотами тела и голов как будто общаются между собой. Каждый из апостолов переживает таинство евхаристии как переход к другой ипостаси, в которой все они составляют единое по духу и плоти братство. Потому так глубоко в лицах впечатаны раздумья, неуловимые вспышки тревог, а еще сильнее — чувства веры, готовности, возрождения. Их объединяет высокий духовный порыв, ярко выраженный в удлинённых, гибких фигурах, в извивистых линиях складок драпировки и исключительном богатстве модуляций цветовых тонов. Головы апостолов узнаваемы, они «портретны», с внимательным соблюдением характерных примет каждого из них, что исключительно их индивидуализирует. У них даже движения рук индивидуализированы, однако движение исполнено духовного устремления и тесно связано с душевным состоянием, возрастом, темпераментом. Такая острота наблюдательности отсутствует у мастеров софийских мозаик.

...Индивидуализация михайловских апостолов со сложной психологической подосновой имела огромное значение для станковой иконы. Евхаристический чин Михайловского собора не только воспроизводит атмосферу Киева начала XII ст., но и глубоко раскрывает всю сложность духовного состояния человека в тогдашних нелегких исторических ситуациях. В нем отобразились присущие русской литературе монументальный историзм и эпичность с ее широким восприятием мира и христианским идеалом братолюбия. Однако программа чина обращена к современникам... В нем переданы высокие постулаты времени: духовная красота и моральное совершенство.

...Итак, можно утверждать, что мозаика... не была инертным искусством, ибо, развиваясь в контексте всего культурного процесса, подвергалась художественным изменениям и поискам новых пластических форм. Принципиальная новизна стиля михайловской мозаики в сравнении с мозаикой Софии Киевской является подтверждением этому. Безусловно, мозаики обоих памятников имели огромное влияние на ход культурного развития в Киевской Руси домонгольского периода»¹⁵⁴.

Уникальность мозаичной «Евхаристии» углубляется тем, что среди всех памятников православного культурного мира сохранилось лишь два мозаичных изображения с подобным иконографическим сюжетом — в Софии Киевской и в Михайловском Златоверхом соборе. Как известно, мозаичное изображение Евхаристии существовало уже в VI в. в константинопольской церкви святых Апостолов. До второй мировой войны сохранялся третий такой памятник — в митрополичьей церкви в македонском городе Серры конца XI — нач. XII в., т. е. созданный в одно время с михайловской «Евхаристией». Увы, война не пощадила его. В Фессалоникском музее находится фрагмент фигуры одного из апостолов — все, что уцелело.

Фигуры михайловских апостолов заметно удлинены. Мастера учли эффект зрительного сокращения, ибо «Евхаристия» в Златоверхой церкви расположена значитель-

но выше софийской, на высоте 5,65 м. Художник не обозначил позем под ногами апостолов, а складки одеяний изобразил так, что они выглядят бестелесными, невещественными. В этом выражен не только индивидуальный подход изографа, чуждый подражательству, но и его удивительное мастерство.

Впервые на Руси в практике храмового синтеза искусств весь комплекс работ — и архитектурно-строительных, и изографических, и резных, и декоративно-оформительских — был выполнен отечественными мастерами, на базе того удивительного сплава, который был идеологически и художественно сформирован в Киево-Печерской обители. Впервые артели зодчих, каменщиков, мозаичистов, иконописцев, ювелиров были не пришлыми, не приглашенными из-за рубежа, а своими, обученными уже здесь, на Руси. И этот дебют показал, что мастерство их было не меньшим, чем мастерство создателей киевской Софии, а в чем-то даже более художественно значимым, ибо опиралось на богословскую концепцию мессианства Святой Руси, принятия ею во всей полноте харизмы Иерусалима, Афона и Константинополя.

Создатели мозаик Златоверхого Михайловского собора стремились в первую очередь отобразить христианский идеал святости.

Во всем величии и красоте этот идеал был воплощен в образе Димитрия, воеводы Солунского, одного из самых почитаемых на Руси святых. Святой великомученик Димитрий пострадал за Христа в 306 г. Мощи его через сто лет были обретыены нетленными и источали целебное миро. Память великомученика Церковь празднует 26 октября. Димитрий Солунский сочетал в себе достоинства государственного мужа и сына Церкви, воина и мученика, радателя за подданных и исповедника Христова. Многие владетели Руси были крещены в честь этого святого, как, например, великие киевские князья Изяслав Ярославич, основавший монастырь в честь Димитрия Солунского, Владимир Мстиславич, Владимир Рюрикович, Владимиро-Суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, Углицкий князь Владимир Константинович, Переяславский князь Владимир Всеволодович, князь Василько Мстиславич и мн. др. Автор мозаики «Димитрий Солунский» из Михайловского собора отобразил, по сути, облик идеального русича. Из всех полотен собора это — самое значительное.

«Димитрий Солунский... отличается глубоким раскрытием образного строя и уникальностью колористического решения. ...Воин легко и крепко стоит на широко расставленных ногах, но наиболее мастерски выполнено округленное лицо, с раздвоенным подбородком, тонкими устами и еле заметными усами. Динамично поднятые брови под задумчивым взглядом, прическа, прикрывающая лоб, — все указывает на живой прототип портретного изображения... Без сомнения, образ святого Димитрия создал выдающийся художник-мозаичист. Его колористическое решение отличается исключительным совершенством»¹⁵⁵.

К сожалению, фрески и иконы из Михайловского собора не сохранились. Это значительно затрудняет исследование наследия печерской иконописной школы.

Опустошительный пожар татаро-монгольского нашествия был настолько велик, что в его огне пропали почти все раритеты домонгольского искусства. Особенно пострадали иконы. Все, что осталось от богатейшего наследия Киевской Руси, — это около трех десятков икон, атрибутируемых XI-XIII вв.¹⁵⁶ Среди них несколько византийских во главе с Владимирской иконой Пресвятой Богородицы. Византийским был Печерский чудотворный образ Успения. «Икона Божией Матери Киево-Печерская, принесенная из Царьграда... для Великой Печерской церкви, в этой церкви донныне сохраняется в подлинном виде», — писал в XIX в. митрополит Макарий (Булгаков). Историк Киева И.Фундуклей также не сомневался в ее подлинности. Свидетельствовал об этом и митрополит Евгений (Болховитинов)¹⁵⁷.

Многие печеряне неоднократно посещали Константинополь и подолгу жили в нем, как преподобные Ефрем и Варлаам. В Царьграде даже существовал густозаселенный русский квартал¹⁵⁸. Русские иноки жили в монастырях, разбросанных по европейским и азиатским просторам империи. На Афоне существовали русские обители. Печерский архимандрит Досифей посещал Афон специально для ознакомления с его жизнью. Преподобный Варлаам ездил для приобретения икон и утвари в Палестину и Грецию: «Отъиде въ святыи град Иерусалим и тамо похोидивъ святаа места... паки, по времени некоем, иде в Костянтинъ град, и ту похоидивъ вся монастыря, и покупивъ еже на потребу монастырю своему, и тако поиде въ свою страну». Заболев по дороге, преподобный Варлаам «вся сушаа, яже бе купиль... иконы и ино еже на потребу, повеле сѧ вдати блаженому» Феодосию. Таким образом драгоценная утварь и иконы, купленные на княжескую казну для храма святого Димитрия, попали в Печерскую обитель.

«Целиком возможно, что появление на Руси великих иконописных византийских шедевров обязано печерским монахам»¹⁵⁹.

Вместе с тем лавра стояла у истоков создания отечественной иконописной школы. Написанные в ее стенах иконы получали признание и чтились как чудотворные во всех княжествах Руси. Патерик оставил нам множество свидетельств благоговейного отношения к иконе в обители.

Преподобный Эразм, «имеа богатство... все на церковную потребу истроши, и иконы многы окова, иже и донныне суть над олтарем», — пишет святитель Симон. Вероятно, он оковал некоторые из икон, привезенные игуменом Варлаамом и водруженные «над олтарем» — в иконостасе Успенского собора. Но вполне возможно, что Эразм оковал серебром с позолотой и образа преподобного Алипия, также украшавшие иконостас. Среди них мог быть наместный образ Богородицы, написанный ангелом. Подвиг преподобного Эразма, «иже истроши имене свое къ святым иконамъ и тех ради спасение обрете», Патерик отмечает

как особенно угодный Богу. И хотя затем Эразм из-за крайней нищеты дошел до греха роптания и уныния, он был прощен за свои заслуги. Сама Пресвятая Богородица явилась ему, сказав: «Еразме! Понеже ты украси церковь Мою и иконами возвеличи, и Азь тя прославлю въ царствіи Сына Моего».

Святитель Симон в завершение его жития присовокупляет поучение Поликарпу: «Чай* от Бога милости труда ради своего. Двои двери доспелъ еси тои святеи велицеи церкви Святыа Богородица Печерская, и Та отверзеть ти двери милости Своея». Две парадные двери, сделанные на средства Поликарпа, могли быть боковыми — для южного и северного входов в храм.

Святитель напоминает Поликарпу о постоянной молитве в Успенской церкви о всех жертвователях и благодетелях: «Ибо иереи вопіють о таковых всегда в тои церкви: «Господи, освяти любяща благолепіе дому Твоего и тыя прослави Божественною силою Твоею»¹⁶⁰. Из Патерика мы узнаем, что Поликарп пожертвовал на обитель все свое имущество. Не только он — многие печеряне жертвовали свои средства на монастырь.

Знатные киевские бояре Иоанн и Сергей были прихожанами Печерской обители. Молясь однажды в храме, они увидели «свет паче солнца на иконе чуднеи Богородичинеи» — икона Пресвятой Богородицы в иконостасе вдруг вспыхнула небесным светом, ослепив пораженных друзей. Это чудо так подействовало на них, что они побратались: «Въ духовное братство пріидоста»¹⁶¹. Через много лет Иоанн, тяжело захворав и почувствовав приближение смерти, «призва игумена Никона и раздаа имение свое нищим». У него был пятилетний сын Захария, и умирающий отец часть наследства — тысячу гривен серебра и сто гривен золота — оставил ему, вручив деньги на сохранение другу и побратиму Сергию. «Предаст же и сына своего Захария, юна суша, на соблюдение другу своему, яко брату верну». Когда Захария возмужал, пришло время возвращения денег, но уязвленный дьявольским искушением Сергей отказался отдать долг. Более того, он кощунственно оскорбил память покойного друга, сказав юноше: «Отец твой все имение Богови издалъ — у Того проси злата и серебра... Се ти сотвори отець твой своим безуміемъ, раздаавъ все свое въ милостыню, тебе же нища и убога оставиль». В отчаянии Захария молил сребролюбца отдать ему хотя бы половину, но получил отказ. Даже третью и десятую часть по просьбе юноши Сергей возвратит наотрез отказался. Но Бог поругаем не бывает. Захария, «видев себе лишена всего, глаголет Сергію: пріиди и клени ми ся въ церкви Печерской пред чудною иконою Богородичиною, идеже и братство взялъ съ отцемъ моимъ. Сей же иде въ церковь и ста пред иконою Богородичиною, кленийся, яко не взяхъ 1000 гривень серебра, ни 100 гривень злата, и хоте целовати икону, и не возможе приблизитися къ иконе. И исходящу ему из дверей, нача вопити: О святаа Антоніе и

«О Иоанне и Сергіи чудо изрядно...». Из Патерика 1702 г.

Феодосіе, не велита мене погубити ангелу сему немилостивому... да отженеть отъ мене многыа бесы, им же есмь предан». Несчастливого постигла Божия кара — он начал бесноваться прямо у дверей храма. Поневоле Сергей вынужден был признаться, что деньги он спрятал в своей «клеті». Но когда распечатали сосуд с деньгами, то «обретоша в немъ 2000 гривень серебра и 200 гривень злата: тако убо усугуби Господь».

Захария тут же все деньги отдал игумену Иоанну, «да растрошит** якоже хошет. Сам же постригся, сконча животь свой ту. Им же златом и серебром поставлена бысть церковь святого Иоанна Предтечи, удуж на полата восходят***» — та самая маленькая церковка-крещальня, которая с северо-западной стороны примыкала к Успенскому собору рядом с лестницей, ведущей на полаты собора.

Интересно отметить, что подобного типа крещальня — баптистерий — была также построена при Михайловском Златоверхом соборе. Крещальня Иоанна Предтечи представляла собой миниатюрную — 6 х 6 м — четырехстолпную церковь с тремя апсидами, расчлененными тоненькими полуколоннами. Фасады членились плоскими пилястрами и завершались тремя закомарами на западном фасаде и одной (по предположению Н.В.Холостенко) — на северном. Вытянутые пропорции здания объясняются стремлением зодчих органически связать его объем с объемом Успенского собора — пять закомар крещальни находи-

* Ожидай.

** Растратит, истратит.

*** Откуда поднимаются на полаты — хоры.

*Чудотворная икона Успения Божией Матери (Печерская).
Поздний список.*

лись на уровне пят крайних закомар собора. Церковь венчал купол на восьмигранном барабане с полуколонками по углам, украшенный декоративными плоскими нишами подобно куполу Успенского собора. Поставлена крещальня была в 1088-1103 гг. при игумене Иоанне¹⁶². Согласно исследованиям Н.В.Холостенко, в древнерусское время крещальня была расписана фресками и мозаиками. Весьма вероятно, что расписывали ее преподобные Алипий и Григорий с работниками своей мастерской. Судя по огромной сумме затраченных на нее средств — 2000 гривен серебра и 200 гривен золота при весе киевской гривны в 160 г, интерьер ее был богат и высокохудожествен.

Патерик сохранил свидетельство еще об одном чуде от наместной иконы. Когда к преподобному Лаврентию привели бесноватого, затворник приказал вести его в Печерский монастырь. «И прежде вшествіа в монастырь исцеле». Его спросили: «Кто есть исцеливый тя? Сій же, взирая на икону Богородичину чудотворную, глаголаше, яко съ сею усретоша насъ святіи отцы 30 числом, и тако исцелех». Явление вместе с чудотворной иконой тридцати отцов печерских еще более удостоверяет в том, что Сама Пресвятая Богородица благоволила быть Игуменией братства святых подвижников.

Чудотворная наместная икона Успения Пресвятой Богородицы была прославлена во всей Руси. Об этом свидетельствует огромное количество ее позднейших списков, особенно распространенных в Украине, где такие иконы были чуть ли не в каждом уезде.

Лавра была богата и другими чудотворными иконами. Запрестольный мозаичный образ Богоматери Оранты — Нерушимой Стены — «сам вообразися» на горнем месте. Удивительно, что за полвека до этого подобное чудо произошло и в соборе Святой Софии. В нем тоже «чудесно устроилось мозаичное изображение Пресвятой Богородицы Нерушимая Стена»¹⁶³.

Каждый, кто перешагивал порог монастырского храма, сразу встречался взглядом с грандиозным, четко очер-

ченным на золотом фоне образом Оранты, возвышавшимся на стене центральной апсиды. Он ослеплял своей красотой и мощью. Потоки Божественной Фаворской энергии, исходившие от него, заставляли душу трепетать и радоваться. Золото играло в нем особую роль — оно фокусировало свет, делало его живым и дышащим, ярко-горячим. Давайте еще раз вспомним строки из жития преподобного Алипия, повествующие о явлении этой иконы. «Внезапу просветися образъ Владычица наша Богородица и Приснодевы Маріа паче солнца». Из уст мозаичного образа Оранты «излете голубь белъ и летяше горе къ образу Спасову». Затем птица начала порхать по всей церкви, садясь на стены, покрытые фресками: «Коемуждо святому прилетаа, овому на руке седаа, иному же на главе...»

Беспрецедентный случай чудотворения всех икон в храме — и мозаичных, и фресковых, и находившихся в иконостасе — говорит о преизобильной благодати «Святаго Духа, пребывающу в тои святеи и честнеи церкви Печерської». Фигуры святых на стенах словно ожили, когда белый лучик благодати мелькал среди фрескового пространства, ожили их простертые в молитвенном предстоянии руки, на которые садилась светоносная птица. Ослепительный, неземной свет, озаривший души Алипия и мастеров, заставил их воскликнуть:

**Видехомъ светъ истинный,
Пріяхомъ Духа Невеснаго,
Овретохомъ веру истинную.
Нераздельней Тронце поклоняемся:
Та бо насъ спасла естъ*.**

О чуде, происшедшем еще от одной иконы из Печерской обители, повествует житие преподобного Феодосия. Вельможа князя Изяслава Ярославича, боярин Климент, отправляясь на «брань» с неприятелем, дал обет в случае благополучного возвращения пожертвовать монастырю две гривны золота и сделать венец на икону Божией Матери. Несмотря на то, что брань была весьма кровопролитной, Клименту посчастливилось живым и невредимым вернуться домой. Но он «забы, еже обещася святеи Богородици». Однажды во время полуденного сна «прииде ему глас страшень, именем того зовуща: Клименте! Он же воспряну и сяде на ложи, и се виде икону святыа Богородица, иже бе въ монастыре... пред одромъ его стоящу, и глас от нея исхожаше». Божия Матерь вразумила и укорила нерадивого боярина. «Сіа же рекши**», икона невидима бысть». Климент в ужасе поспешил исполнить свой обет: «Възъмь иже бе обещаляся, несе въ монастырь, блаженному Феодосію въдаст, такожде и венець на икону окова святыа Богородица»¹⁶⁴.

Великими чудотворениями славились иконы преподобного Алипия. Сама красота их, изумлявшая всех, кто лицезрел эти иконы, говорила об их благодатности, ибо создать образ, отображающий красоту горнего мира, невозможно без содействия благодати Святого Духа. «Особенно замечательны были семь великих икон, которые написал Алипий

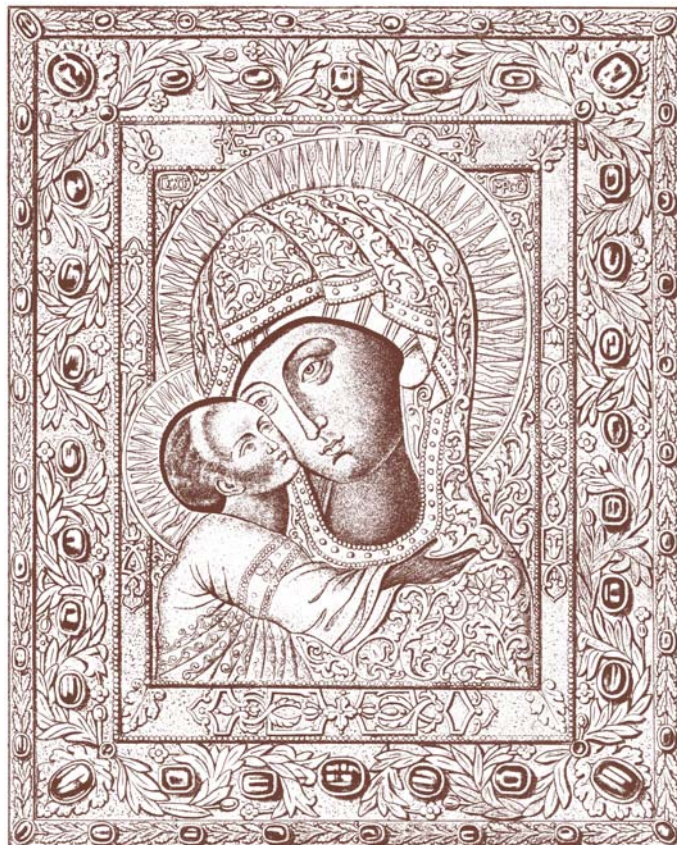
* Стихира на «Господи воззвах» великой вечерни праздника Святой Пятидесятницы — Сошествия Святого Духа на апостолов (Пресвятой Троицы).

** Сказав.

по заказу благочестивого киевлянина для устроенной им на Подоле деревянной церкви: замечательны как потому, что они написаны были весьма искусно («зело хитро»), так и потому, что во время случившегося пожара церкви сохранились невредимыми, к изумлению очевидцев. Великий князь Владимир Мономах, пораженный чудом, отослал одну из этих икон, именно Пресвятой Богородицы, в ростовскую каменную церковь, им сооруженную, и там, по свидетельству очевидца — черноризца Поликарпа — икона осталась невредимою, когда церковь обвалилась, и потом, по перенесении в деревянную церковь, совершенно уцелела, когда церковь сгорела»¹⁶⁵. Примечательно, что сама церковь в Ростове была построена Мономахом в память о чудесном исцелении, происшедшем с ним во время закладки Печерского Свято-Успенского собора. Недаром он назвал ее, как и лаврский собор, Свято-Успенской.

«Некоторые из тогдашних икон, особенно явленные и чудотворные, сохранились до настоящего времени, — пишет митрополит Макарий. — Таковы: икона Божией Матери Елецкая, явившаяся в 1060 г. близ Чернигова, икона Божией Матери Смоленская, известная под именем Одигитрии, икона Божией Матери Владимирская, писанная, по преданию, святым евангелистом Лукой... Икона Божией Матери, достопамятная тем, что пред нею молился пред своею мученическою кончиною (1146) святой князь Игорь Ольгович в киевском Феодоровском монастыре, ныне находится в Киево-Печерской лавре в приделе святого Стефана в алтаре над жертвенником»¹⁶⁶. Напомним, что некоторые из них имели отношение к лавре, как Игореvская икона, образ Елецкой Божией Матери, явленный преподобному Антонию в Чернигове, и другие.

Митрополит Макарий атрибутирует, вслед за М. Толстым и И. Снегиревым, несколько уцелевших икон лаврской школы. Это, по мнению митрополита, «икона Божией Матери, писанная в XI в. преподобным Алипием, ныне местная в Ростовском Успенском соборе, та самая, которая была прислана в Ростов Владимиром Мономахом»; а также «икона, известная под названием «Предста Царица», писанная, как уверяет предание, Алипием, в московском Успенском соборе»¹⁶⁷. В Корсунском Гуляницком монастыре Ка-

*Игореvская икона Божией Матери.
Киев, поздний список.*

невского уезда Киевской губернии главной святыней соборного храма был древний образ Спасителя, также относимый местным преданием к кисти преподобного Алипия¹⁶⁸. Таким образом, известны четыре иконы, включая Ярославскую Оранту, которым усвоается авторство преподобного Алипия. Стихия революции уничтожила многие святыни, и то, что не смогло погубить монголо-татарское нашествие, погубил большевистский пожар. При митрополите Макарии многие домонгольские иконы, безусловно, были еще целы. Увы, они не дошли до наших дней.

Имя преподобного Алипия стало поистине легендарным. Как в древней Византии многим чудотворным иконам приписывалось авторство апостола Луки, «самовидца» Божией Матери, так и на Руси наиболее чтимые иконы предание относило к творчеству Алипия. Его имя явилось эталоном высочайшего мастерства. «С уважением и восторгом к его иконам приравнивались, по воспоминаниям летописей, лишь великие византийские шедевры, иконы Богоматери Пирогощи, Владимирской»¹⁶⁹.

Повторим, что изучение древнего наследия позволило обнаружить около тридцати икон, сохранившихся с домонгольских времен. Это ничтожно мало, если вспомнить, что на Руси до нашествия Батюга существовало более десяти тысяч храмов и двух сотен монастырей¹⁷⁰, в каждом из которых находились десятки иконописных образов! Однако и то, что сохранилось, поражает удивительной благодатностью, совершенством композиции, цветовой гаммы, форм, линий. Ведь сохранились, к счастью, именно лучшие образы, самые выдающиеся и почитаемые, которые,

*Чудотворный образ Владимирской Богоматери.
Миниатюра Радзивиловской летописи.*

имея чудотворную силу, и в огне не горели, и от обрушения храмов не страдали, и стрелы, в них посылаемые, назад направляли, как было с новгородской иконой Знамения. Наши предки при бедах и нападениях врагов эти величайшие святыни спасали в первую очередь, порой ценою собственной жизни.

Иконы Киевской школы XI-XIII вв. отличаются эпичностью и монументальностью стиля, профессионализмом исполнения, яркой и чистой цветовой трактовкой, глубокой сосредоточенностью, солнечной наполненностью света.

Они внешне статичны, лишены экспрессии. На них мы не увидим интенсивного движения, беспокойных ракурсов фигур, развевающихся складок облачений. Насыщенность внутреннего содержания, скрытый огонь благодати, незримо пульсирующий в духовном поле этих икон, вносит в них драматическое напряжение, которое, однако, ничего общего не имеет с эмоциональностью. Их отличает мягкая сосредоточенность, смиренномудренная высота, могучесть замысла.

«Иконографический канон, — говорит Его Блаженство митрополит Киевский и всея Украины Владимир, — благодаря которому образ становится явлением мира Божественного, включает в себя и вневременность, и отказ от передачи пространства в перспективе (замыкание трехмерного пространства в трансцендентную плоскость), и обратную перспективу, и смысловое единство, и центричность композиции, и особый ритм и четкость линий, и определенную гамму красок (отсутствие теней и, наоборот, присутствие инородного материала — золота), и обращенность ликом к молящемуся, и отсутствие всего лишнего, несущественного, строгость, ясность, точность и завершенность во всем. С помощью минимальных изобразительных средств, языком условным икона выражает невыразимое, дает возможность причаститься к неисчерпаемому богатству Божественной жизни»¹⁷¹.

Киевская икона везде почиталась как образец, наиболее близкий к византийским каноническим прототипам. «Система подобий в иконописных подлинниках... являлась составной частью общего для всего древнерусского искусства принципа обязательного следования архетипу во имя соблюдения канона произведения»¹⁷². А.П.Голубцов пишет, что «подобия образовались по аналогии с древнегреческими иконописными типами»¹⁷³. Митрополит Макарий указывает на Киево-Печерскую лавру как хранилище греческих подлинников «для руководства иконописцам, т. е. подлинников, которые в Церкви Восточной тогда уже существовали и употреблялись»¹⁷⁴. Это те самые «свиты» и «книги», которые столь бережно хранились в лаврской библиотеке на «полатех» вплоть до татаро-монгольского нашествия. Митрополит Макарий также однозначно указывает на создание в Печерской обители высокопрофессиональной иконописной мастерской. Скажем прямо, исторические источники домонгольского периода не упоминают о других иконописных центрах, где происходило бы обучение изографическому мастерству. «Главным постав-

Образ Никитской Богоматери с предстоящим Никитой Новгородским. Фрагмент прориси с иконы XVI в.

щиком кадров художников для всей восточнославянской державы был Киев»¹⁷⁵. Тот факт, что Владимир Мономах составлял с помощью преподобного Алипия иконописные подлинники для своих храмов, говорит о государственной политике в области распространения иконописания, где ориентиром являлись стольный Киев и Печерская лавра. «Мстислав также здесь заказывал иконы для Новгорода, а еще больше их вывозили во время смуты»¹⁷⁶.

Древнерусская иконопись не только поднялась на один уровень с византийской, но и во многом превзошла ее. «Действительно, киевская икона, как и киевские мозаики, таит в себе мир, не известный утомленной Византии... Такая икона была близкой тогдашнему человеку обращением к эмоциональному миру, к душе, и тем самым глубоко впечатывалась в сознание. Возносясь до духовных высот и ощущая единство с Богом, человек переживал волнующий катарсис. Образы в иконах были близкими ему... Поэтому неотделимы мозаичный Димитрий Солунский, Богоматерь «Великая Панагия» или «Димитрий на троне» от «Поучений Владимира Мономаха» или от поэтического мира образов «Слова о полку Игореве». Они составляют феномен своей эпохи, с уходом которой ни одна икона потом не повторит ту величавую эпичность, силу мужественного терпения и исключительной цельности характеров. В идеальных образах Киевская Русь отобразила свой зримый духовный портрет с такой полнотой, как это не могла отобразить Византия ни Комнинов, ни Палеологов. В киевской иконе переданы свежесть чувств и красота пробужденного творения... Это явления одного гения, одного феноменального культурного шара»¹⁷⁷.

Так как наиболее полно черты киевского стиля воплотила икона Богоматери Великой Панагии, то вновь вернемся к ее анализу. По замыслу иконописца, Пресвятая Богородица предстала перед молящимся в образе Градодержидицы и Премудрости, ограждала «непреоборимым щитом» — изображением Спаса Эммануила, воздевшего благословляющие руки, — Свой удел — Святую Русь.

Композиция иконы необыкновенно торжественна. Богоматерь представлена в виде Оранты, стоящей на овальном красном ковче, затканном богатым травным узором. На груди Девы Марии — золотой диск славы, в котором изображен отрок Христос, благословляющий молящихся.

«Торжественный строй композиции прекрасно подчеркивается великолепием красок. В колорите иконы преобладают символические цвета золота, белого, пурпурного, зеленого, красного. Цвет золота главенствует в иконе. Фигура Богоматери четко вырисовывается на глади золотого фона, Ее одежды — темный красно-коричневый мафорий и темно-зеленая туника — разрисованы широкими золотыми полосами пробелов, которыми подчеркиваются линии складок. Золотыми складками-пробелами обильно расписаны одежды Христа и архангелов. Мафорий украшен золотой каймой и золотыми фибулами — запонами на плечах и челе, золотые поручи на рукавах Ее туники, золотое оплечье — на хитоне младенца Христа.

Вторым по значению художник сделал белый цвет. Цвет белил стал в иконе по своей материалности равным драгоценному сиянию золота, с его помощью акцентируется внимание зрителя на всех ликах. Белыми большими нимбами окружены головы архангелов, Младенца, Марии. Широкими белыми полосами обведены края медальонов. Первоначально широкая белая полоса отделяла средник иконы от полей. На фоне золота белый цвет кажется особенно нарядным, и мастер использует его не только для выделения лиц. В руках архангелов — белые зеркала, их одежды перепоясаны белыми лорами. Белые точки, имитирующие шитье жемчугом, образуют красивые узоры на золотых поручах туники Марии и Ее золотых туфлях. Белыми жемчужинами отделаны края фибул на челе и плечах Марии, белым цветом оживлен рисунок орнамента на золотом оплечье Христа.

С большим мастерством исполнил художник лики. Необыкновенный по красоте лик Девы Марии и не по-детски величавый и строгий лик Эммануила он написал в мягкой, «сплавленной» манере, накладывая краски в несколько слоев мелкими плотными мазками, идущими по форме. Благодаря такому способу нанесения красок мастеру удалось достичь особой, подобной драгоценной эмали, сплавленности различных оттенков цвета»¹⁷⁸.

Трактовка ликов у преподобного Алипия сложна и богословски выверена. «Образы Богородицы и Эммануила отличаются друг от друга: идеальный овал с прекрасными чертами Матери и круглый массив головы с динамичными чертами Сына прорисованы красным цветом, как в мозаиках киевских святых. Фактически образ Эммануила не

имеет аналогий и является иконографическим образцом для аутентичных изображений домонгольского периода... Действительно, создание этого шедевра за пределами Киева нереально, и если его приписывают кисти Алипия, то, очевидно, на основании высокого уважения к иконописцу современников и признания неповторимой уникальности произведения. Создание иконы «Богоматерь Великая Панагия» справедливо отнести ко второй половине XI — началу XII ст. ...По ряду признаков «Богоматерь Великая Панагия» относится к древнейшим иконам, созданным в стиле фресок Десятинной церкви в Киеве. Нельзя не отдать должного наблюдательности А.Салтыкова, который отмечает соответствие образа, в первую очередь в особенностях структуры глаз, фрагменту лика... из раскопок Десятинной церкви. И другая подмеченная деталь — тонкая белая рамка вдоль лузги в этой иконе, которой отделяется золотой фон ковчега от полей, присутствующих в иконах «Богоматерь Великая Панагия» и «Димитрий Солунский». ...Цветовая общность, пластично-линейное решение образов и ряд технических принципов роднят эту икону с иконами «Георгий-воин» и «Димитрий Солунский». Они близки по времени»¹⁷⁹.

Замечательной иконе «Георгий-воина» — великомученика Георгия из Успенского собора Московского кремля — посвятили публикации исследователи Н.В.Гордеев, В.Н.Лазарев, Н.А.Демина, Н.В.Перцев. В результате изучения иконы Н.В.Перцев пришел к выводу, что манера исполнения лика на иконе Успенского собора идентична манере исполнения лика Богоматери Великой Панагии¹⁸⁰.

Подобно лику Богоматери, лик Георгия написан «одинаково активными световыми и теневыми красками, мелкими плотными мазками, положенными по форме, а черты обрисованы каллиграфически четкими линиями. Сравнивая лики Георгия и Богоматери, нетрудно заметить, что приемы их исполнения по существу одни и те же, что в них не только много общего, но даже очевидны признаки, свидетельствующие о характерной привычке вести линию, подчеркивающую форму, наносить мазки высветлений на выпуклые части лица, оттенять объем зеленовато-оливковым цветом и киноварной румянкой. Теневые стороны носа и век обрисованы твердыми киноварными линиями.

Фрагмент росписи Десятинной церкви. Конец X в. Не сохранился.

Пророк Михей. Около 1167 г. Фреска в куполе. Деталь. Свято-Георгиевский храм в Старой Ладозе.

Значительностью образ Георгия не уступает образу Богоматери Великой Панагии. ...Узорочьем наряда Георгий на иконе подобен князю. Его плечи покрывает затканый мелким золотым узором киноварный плащ, пластины панциря расшиты золотом, мягкий рукав темно-синей рубахи расшит золотым сетчатым орнаментом и оторочен широким твердым поручем, украшенным жемчугом и рубином в золотой оправе. Характерны цвета, избранные иконописцем для одежд Георгия: киноварь, темно-синий, охра и золото. Эти же цвета составляют основу колорита великолепной иконы «Великая Панагия»...

Лики Великой Панагии и Георгия выполнены в индивидуальной и необычной для иконописи XII — XIII вв. манере. Много общего наблюдается в строении их черт, а моделировка так характерна, что можно с уверенностью говорить о том, что иконы «Великая Панагия» и «Георгий» написаны одним мастером»¹⁸¹.

Н.Демина датирует икону Георгия-воина XI — началом XII в. и относит ее к «киевскому кругу мастеров, близких Владимиру Мономаху»¹⁸². В.Овсийчук считает, что она была написана для киевского Георгиевского собора как храмовая святыня. Действительно, значительные размеры иконы свидетельствуют в пользу этого. Из образов домонгольского периода разве лишь Великая Панагия больше ее. Учтем, что преподобный Алипий тяготел именно к таким масштабам, близким к мозаичным. Георгиевский собор, построенный Ярославом Мудрым, в крещении — Георгием, был освящен в Киеве митрополитом Иларионом в 1051 г. В Софии Киевской существовал Георгиевский придел. Икону великомученика в память знаменитого деда

мог заказать Алипию сам Владимир Мономах. Свое вокняжение Мономах воспринимал как миссию продолжения славных дел Ярослава Мудрого. Вспомним, как он писал о себе: «Я, ничтожный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, названный в крещении Василием...» Василий по-гречески — царственный. С особой гордостью Мономах подчеркивает, что это имя ему дал в 1053 г. перед своей смертью великий самодержец Руси Ярослав-Георгий. Дед был для него образцом христианского правителя, совмещавшего в себе качества государя и победоносного защитника Отечества, что и воплотилось в иконе Георгия Победоносца, изображенного красивым, царственным, мудрым, возвышенным, смелым князем-воином.

Георгиевский собор существовал и в Новгороде — он был заложен в 1119 г. князем Всеволодом. Однако в иконе отображена поэтическая образность Киева XI ст., его эмоциональный мир и присущий времени просветленный величаво-мужественный характер искусства.

В иконе Георгия Победоносца отображены «высокие идеи, присущие тогдашним духовным процессам: мудрости и духовного совершенства, милосердия и воинской доблести, софийного начала бытия и воплощение грядущего идеала справедливости. Духовная глубина двух памятников содержит в себе патриотические идеи Илариона, которые стали выражением общего народно-патриотического подъема»¹⁸³.

Владимир Мономах — как идейный наследник Ярослава-Георгия — обратился к богословско-философскому обоснованию феномена Святой Руси, чтобы «собрать заблудших чад воедино» и дать уставшему от смуты государству новый стимул к расцвету. При этом он опирался на идеологию митрополита Илариона и других печерян — преподобного Феодосия, Нестора Летописца, Иакова мниха. Выразителем этих идей в иконописи мог быть только свой, русский иконописец. Им и стал преподобный Алипий, создавший творения, конгениальные замыслу своих духовных наставников и отцов.

Русь для Мономаха была тем же, чем и для Владимира Великого, Ярослава Мудрого, святителя Илариона, преподобных Антония и Феодосия — святой богоизбранной землей «от края до края» с центром в Киеве — уделе Пресвятой Богородицы. Это потом ее начнут кроить по лоскутам, разжигая богоненавистническую смуту. Заслуга Мономаха в том, что он сознательно и активно распространял эту идеологию во все пределы государства, и особенно в регионы, где его влияние было очень сильным, — в Северо-Восточную Русь, Ростов, Владимир, Ярославль. Столь же целеустремленно Владимир Мономах распространял иконописные традиции и более того — посылал иконописные подлинники в эти княжества. Что касается иконы Георгия Победоносца, то она, по мысли Н.Деминой, также была перенесена во Владимир, но уже Юрием (Георгием) Долгоруким, а оттуда в Москву, в связи с построением Успенского собора, митрополитом Петром как родовая икона Мономаховичей¹⁸⁴.

«До середины XIII ст. живопись в городах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси была как бы ветвями единого дерева, выросшего на почве Киева. Поэтому древнейшие русские иконы, рукописи и фрески плохо поддаются классификации...»¹⁸⁵. Большинство памятников этого времени происходят из Новгорода, Владимира, Ярославля. Среди них есть много таких, которые, без сомнения, несут на себе черты киевского искусства. «Некоторые, вероятно, являются копиями киевских образцов, а некоторые, возможно, принадлежат кисти киевских мастеров. Благодаря последним достижениям ученых все больше расширяется круг памятников, близких к киевской школе, и постепенно вырисовываются ее черты. К традициям киевской иконописи относится... икона первой половины XII ст. «Устюжское Благовещение». Икона была вывезена из Новгорода, а находилась она, по преданию, в Устюге. В фигурах архангела, торжественно вещающего «благую весть», и Марии, внимающей ему, много от композиции сцен «Благовещения» в Киевских соборах»¹⁸⁶.

В иконе «Устюжское Благовещение» все проникнуто глубокой одухотворенностью. Она словно иллюстрирует проповедь митрополита Илариона в его «Слове», где он говорит об особой символической миссии церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Золотых вратах Киева, построенной как знамение благой вести для Руси¹⁸⁷.

В XII ст. появляются региональные художественные центры во Владимиро-Суздальской, Полоцкой, Смоленской, Новгородской и Псковской землях, где киевское наследие активно, творчески перерабатывается. Однако влияние традиций столичной иконописной школы еще долгое время будет на Руси достаточно ощутимым.

Из икон Владимиро-Суздальской Руси наиболее близок к киевским традициям образ святого Димитрия Солунского из города Дмитрова (конец XII ст.). Димитрий Солунский изображен на троне. Икону отличает сдержанная цветовая гамма, серебристый фон. Интересным образцом владими́ро-суздальской живописи является икона «Деисус» с изображением Спаса, Богородицы и Иоанна Предтечи (конец XII — нач. XIII в.). Характерным для нее является золотисто-сепийная гамма цветов и живописное моделирование форм.

В Русском музее в Санкт-Петербурге хранится икона архангела Гавриила «Ангел Златые власы» XII столетия. «Достаточно первого взгляда на этот очень лиричный и проникновенный образ, чтобы сразу же вспомнить головы ангелов из композиции «Евхаристия» Михайловского Златоверхого собора в Киеве»¹⁸⁸. Высокую оценку иконе дает В.Н.Лазарев, говоря, что тяжело найти во всем древнерусском искусстве более одухотворенный образ, в котором бы так органично объединялись неземное очарование и глубокая печаль¹⁸⁹. Юноша на иконе светел и прекрасен. Свет пронизывает все существо ангела. Золотой фон, тонкие золотые нити, переплетающиеся волнистые пряди кудрей, золотой ассист на одежде не затмевают главного — лика, светящегося любовью, мудростью, кроткой печалью.

Нежная светотень легко подчеркивает пластику лица. Свет заливает прекрасный лик, светом пронизан душевный мир юного небесного посланника. Такого торжества света не знало даже византийское искусство! Не этот ли «уноша светель» явился преподобному Алипию в его иконописной мастерской, одухотворяя его творчество? Сравнивая икону «Ангел Златые власы» с иконой «Спас Златые власы», В.Антонова отмечает, что стиль иконы ангела «объединяет живые жизненные наблюдения с высоким, верным свежей религиозной идее обобщением... Этот стиль роднит завораживающее очарование Гавриила с царственным ликом златоглавого Спаса — Царя Славы, Который сурово осматривает долину покорной Ему вселенной»¹⁹⁰.

Позднейшие повреждения ослабили красоту иконы «Спас Златые власы». Золотое сияние главы Спаса усилено блеском драгоценных украшений Его облачения. При рисовании волос употреблен другой технический способ, чем в иконе ангела: поверх сплошного ассистного золота нанесены темной охрой тонкие линии, которые на расстоянии поглощаются общим золотым сиянием. Световой поток победно льется от иконы, вырываясь из узких берегов обрамления, где фрагментарно сохранилась надпись «ити во тьме». Здесь был евангельский текст: «Аз есмь светъ миру. Ходяй по Мне не имать ходити во тьме» (Ин. 8, 12). Академик Б.А.Рыбаков датирует надпись XII ст. Хитон Спаса красно-розовый, гиматий синий, фон сине-зеленый. Но главным в произведении выступает единственный по чрезвычайной глубине трактовки, исполненный величавой царственности и всемогущества образ Спасителя. По своей эпичной всеохватности и трансцендентной силе он не имеет аналогов в иконографии киевской эпохи. Православные эксперты ставят икону «Спас Златые власы» в один ряд с Владимирской иконой Пресвятой Богородицы, называя их великими шедеврами иконописи, не имеющими себе равных в мировом искусстве.

«Образ Спаса мог быть созданным в интеллектуальной атмосфере Киева во время появления великих духовных откровений, начиная от проповедей печерского игумена Феодосия... когда еще значимыми были высокие традиции монументального искусства, с золотофонной мозаикой, как высшим воплощением идеи света Божества»¹⁹¹. В.Н.Лазарев сближает икону «Спас Златые власы» с Великой Панагией¹⁹². «Замечание в отношении сближения с «Панагией» довольно справедливо... С традициями живописи XI ст. «Спаса» роднит свободная, широкая манера исполнения, конкретность цвета, его большие массы и общая празднично-величавая декоративность»¹⁹³.

Иконы «Спас Златые власы» и «Богородица Великая Панагия» отмечены, по мысли В.Овсийчука, величавым трагизмом. В выражении их глаз «будто сосредоточена скорбная доля Руси, неумолимо приближавшаяся. Икона «Спас Златые власы» необыкновенна именно символическим усложнением цветового решения. В ней, без сомнения, откликается древняя космогоническая система — золотой Спас — центр Вселенной, дающий дыхание всему живо-

му. Отсюда — кружочки светил: солнца и звезд, рассыпанных на раменах Христа, как в Христе из мозаичной «Евхаристии» Михайловского собора... Если «Ангел Златые власы» является одним из лучших образов душевной теплоты и духовной утонченности в древней русской живописи, то «Спас Златые власы» — самый величавый образ в иконописном искусстве всего славянского мира. По глубине вложенного содержания, по масштабности интеллектуального богатства он является равным либо даже превышает своеобразный мозаичный образ Христа из деисусной композиции южной галереи собора Святой Софии в Константинополе. Не был он превзойден последующим многовековым иконографическим наследием ни в Украине, ни в Московском государстве.

По глубине содержания близкой к «Спасу Златые власы» является чудотворная икона святителя Николая. Здесь также главное внимание сосредоточено на лице, и это обстоятельство понуждает сделать вывод о неуклонном эволюционном развитии киевской иконописи, которое происходило удивительно природно и логично: от монументальных, тесно связанных с высоким расцветом храмового мозаико-фрескового искусства XI ст., до укрупненно-головых, будто портретных, изображений начала XII в., с настоятельным стремлением к глубокому раскрытию внутреннего смысла. Без преувеличения, определяющую роль тут играла агиографическая и житийная литература, активизировавшаяся в последней четверти XI-XII ст. На трактовке образа отобразилось также возрастание авторитета Киево-Печерского монастыря, в частности его игумена, самого выдающегося церковного идеолога Киевской Руси Феодосия»¹⁹⁴.

Аскетическую направленность образа святителя Николая подчеркивает Г.Н.Логвин¹⁹⁵. По его мысли, икона являет целую программу аскетизма, раскрывая характер духовного подвижничества, как он был преподан в творениях преподобного Феодосия. Икона отображает высокую сущность аскезы: самоуглубление, нравственную силу, совершенство духа.

Образ исполнен мужества и суровой красоты. В нем ощущаются психологические черты живого прототипа. Вполне возможно, что прототипом послужил один из святителей того времени и, конечно же, святитель-подвижник, такой, например, как Новгородский архиепископ Нифонт, твердый защитник святых канонов, обличитель неправды, пламенный светильник Православия. «Монументальность, фресковая благородная сдержанность, динамичная линейная подчеркнутость и живописная широта роднят эту икону с временем расцвета киевского монументального искусства, и лишь экспрессивность, психологическая обостренность образа уточняют время сближения с полихромией Михайловского Златоверхого собора. Фактически из всех древних икон Николая Чудотворца эта наименее колористична, однако самая утонченная по колористическому строю. Она является свидетельством интеллектуального характера поисков и новизны изображе-

ния, отличного от византийского и глубоко свойственно киевскому... Подтверждением этому есть еще одна киевская икона — Богородица Печерская (Свенская) с преподобными Антонием и Феодосием Печерскими»¹⁹⁶.

Пресвятая Богородица изображена на этой иконе сидящей на высоком троне. Христос Эммануил простирает благословляющие руки, осеняя Своим Божественным благословением как молящихся, так и предстоящих трону основателей Печерской обители — преподобных Антония и Феодосия. Преподобные держат развернутые свитки с текстами аскетических поучений. На свитке Феодосия строчная надпись мелким уставом сохранилась очень плохо. Видны лишь слова: ВЪ[...] УЮ ВЪ ВЪКЪ ПОМИЛУ[...]. Под этой надписью видны следы более древней уставной надписи. На свитке Антония более крупным уставом написано:

МОЛЮ ВЫ ОУ БОГА ДЕРЖИМЪСЯ [...]
ВЪЗДЕРЖАНЬЕ И НЕ ЛЕНМЪСЯ И[...] А
БО О СЕМЬ [...] Д ПОМОЩЬНИКА.

Восстановить надпись мы можем по иконописным подлинникам этой иконы. Надпись у преподобного Антония, согласно им, гласит: «Молю убо вы, чада, держимся воздержания и не ленимся. Имамы в сем Господа помощника». Надпись преподобного Феодосия содержит молитву: «Владыко Господи Боже Вседержителю, Творче всея твари видимых и невидимых, Своим смотрением возгради дом Пречистыя Своея Матери, его же утверди недвижимо до дня суда Твоего страшнаго на хвалу и славословие Тебе»¹⁹⁷.

Скупая, но гармонично построенная палитра иконы является могучей в своем аскетизме. Золотой фон, густые глубокие цвета, грубо стертые, крупнозернистые пигменты, заставляющие мерцать поверхность иконы, делают жи-

вопись живой и драгоценной. Среди икон того времени подобный характер наложения красок более не встречается. У Феодосия и Антония темные красно-коричневые монашеские мантии, глухого синего и зеленоватого цветов рясы с узкими золотыми зарукавьями, черные схимнические аналавы. На голове у Антония черный островерхий схимнический куколь с крестами. Нимбы большие, золотые. Свенская икона является самым древним уцелевшим иконописным памятником с изображением преподобных Антония и Феодосия¹⁹⁸.

Из Киево-Печерского Патерика известно, что уже при игумене Никоне Великом в обители хранились «образа ею»*. Когда греческие иконописцы рассказали Никону о пришествии к ним Антония и Феодосия, «тогда игумень изнесе пред всеми иконе ею. Видевше же Греци... образа ею, и поклонишася, глаголюще, яко сии воистину». Иконописцы узнали преподобных — значит, изображения были портретно достоверными и были созданы, очевидно, еще при жизни святых. Написать их могли придворные изографы князя Святослава, весьма чтившего блаженных основателей Печерской обители.

Преподобный Алипий, безусловно, видел эти иконы. И хотя они не являлись объектом поклонения, ибо Антоний и Феодосий еще не были прославлены, тем не менее память об угодниках Божиих была священна не только для иноков обители, но и для всей паствы. Работая в тесном содружестве с греческими иконописцами, Алипий во всех подробностях слышал от них рассказ о чудесном явлении преподобных. Хорошо знал он и о чуде во Влахерне, когда зодчие, вызванные во дворец к Царице, увидели предстоящих ее трону блаженных Антония и Феодосия.

Современные исследователи считают, что изображение преподобных по сторонам трона Богородицы ассоциируется именно с событием во Влахернском дворце¹⁹⁹. Инок Алипий написал эту икону в благоговейном стремлении

запечатлеть знаменательное Влахернское чудо. С тех пор иконографический тип Богородицы на троне с предстоящими Антонием и Феодосием называется Печерским.

Иконография Богородицы на престоле восходит к VI в. Так, известна икона Божией Матери VI в. с предстоящими Феодором и Георгием из Синайского монастыря святой Екатерины, фреска монастыря в Бауите (Египет) VI-VII вв., фреска VII в. из катакомб Коммодиллы в Риме и др. Торжественный образ Царицы мира, Владычицы вселенной получил широкое распространение в византийских храмовых росписях, где он часто использовался в декоре центральных

* Их.

Икона Божией Матери «Экономиссы».

апсид, ибо богословски наиболее полно выражал идею Богородицы как Храма и Престола — места обитания воплощенного Божества. «В Византии этот тип называли Панахранта, уподобляя его одному из эпитетов Пресвятой Девы — Пренепорочная»²⁰⁰.

Одним из наиболее чтимых образов Панахранты была Богородица Кипрская. На Афоне с XI в. большим почитанием пользовалась ктиторская икона Великой лавры преподобного Афанасия, на которой пред восседающей на троне Богородице с Богомладенцем стоят в полупоклоне основатели лавры — преподобный Михаил Малейн и его ученик преподобный Афанасий, держащий в руках изображение храма. Икона эта называется Экономиссой — Настоятельницей лавры²⁰¹. На Руси тип Богородицы на троне стал называться Печерским. Позднее его интерпретация претерпела изменения. Так, ближайший по времени к Свенской иконе памятник данной иконографии — новгородская икона XIII в., находящаяся в Государственном Русском музее, подтверждает это. О его интерпретации в росписи Успенской церкви на Волотовом поле близ Новгорода 1363 г. писал Г.И.Вздорнов²⁰². В Вологодском музее хранится икона Богородицы на престоле с предстоящими Николой и Климентом конца XIII-XIV вв. Древняя композиционная схема Панахранты использовалась в отечественной иконографии и при создании многих других Богородичных икон, таких, напр., как «О тебе радуется» (XV в.), «Похвала Богородице» (XVI в.), «Собор Богородицы» (XVII в.). Изображение Богородицы на престоле с XVI в. получает широкое распространение в качестве центрального образа пророческого чина иконостаса. В коллекции Государ-

Из лаврского Акафиста
1625 г.

ственного Русского музея имеются несколько великолепных икон этого типа — образ первой половины XVI в. московской школы, наместная икона Богородицы Одигитрии на престоле 1687 г. в 40 клеймах из церкви Николая Мокрого в Ярославле и другие.

О наместной иконе из Ярославской церкви Николая Мокрого стоит сказать особо. Она несет в себе богословское обоснование идеи покровительства Пресвятой Богородицы над Русью — той идеи, которая сформировалась в Киево-Печерской обители еще от времен Ярослава Мудрого. «Царские атрибуты Богородицы и Младенца, арка над престолом, издревле считающаяся символом рая, свидетельствуют о стремлении художника представить Марию в образе Царицы Небесной, во всем величии Ее неземной славы. Икона занимала очень важное место в иконостасе храма и, соответственно, играла значительную роль в богослужении. Видимо, поэтому сюжеты цикла клейм сгруппированы в соответствии с литургическими эпитетами Девы, отражающими основные догматы учения Церкви о Богородице. Сцены верхнего регистра клейм передают идеи Богоматеринства и Приснодевства. Клейма нижнего ряда свидетельствуют, что Богородица — превыше святых и всех сил небесных. Особое внимание изограф уделит сюжетам о покровительстве Богородицы роду человеческому. Ряд особенностей этого цикла позволяет понять, что художник стремился отразить важнейшие современные события, свидетельствующие о благоволении Пречистой Девы к Руси. Эпизоды из истории Киева XI в., вопреки хронологической последовательности, перемещены в центр и предшествуют чудесам VI-VII вв. Выделенные местоположением сцены повествуют об устройстве Киево-Печерского монастыря и принесении в обитель иконы Успения как залога покровительства и защиты Богородицею Киева и всей Руси»²⁰³. Отметим, что наместный образ из ярославского храма Николая Мокрого написан в конце XVII в.!

Икона Богородицы на престоле была палладиумом не только киевских, но и московских митрополитов. Н.П.Кон-

Брянский Свято-Успенский
Свенский монастырь.

даков пишет: «...Почитание Печерской иконы связано было с Влахернским храмом, ибо, например, в Москве церковь Положения ризы Божией Матери во Влахерне или «Печерской Божией Матери» была домовою церковью московских митрополитов, и на печатях их изображалась Печерская икона»²⁰⁴. Влахернское чудо стало знаменем избранничества Руси, приобрело космическое значение. В памятнике конца XIII или начала XIV в. «Беседа о святых Царьграда» подчеркивается духовная связь между Киевом и Царьградом. В «Беседе», в описании святынь Софийского константинопольского собора, читаем: «...есть теремец чудно устроень, въ немъ икона Пречистая Царица Богородица; та икона посылала мастера на Киевъ ставить церковь въ Печере ко святому Антонию и Феодосию; тая же икона многи целить больных»²⁰⁵.

Свенский монастырь, в котором находилась Печерская икона — один из самых древних на Руси. «Расположен он при р. Десне, напротив р. Свены, в 4 верстах от Брянска. Об основании сего древнейшего монастыря летопись передает следующее. В 1288 г. великий князь Черниговский Роман Михайлович ослеп во время своего пребывания в Брянске. Услышав о чудесных исцелениях, совершающихся от Печерской иконы Божией Матери в Киеве и от мощей святых Антония и Феодосия, он послал гонца в Печерский монастырь с просьбой привезти к нему этот чудотворный образ для исцеления. Печерский архимандрит, посоветовавшись с братией, отпустил сей образ в Брянск на ладьях по реке Десне. Плывя по реке, сопровождающие икону остановились на ночлег. Когда на следующий день они вошли в лодку, оказалось, что иконы там нет. Они отправились искать ее и нашли на большом дубе, против реки Свены. Об этом они уведомили князя Романа. Князь со всем собором священников отправился пешком на то место, где стояла икона. Когда пред нею совершили молебен, то великий князь прозрел. В скором времени тут был построен храм в честь Успения»²⁰⁶.

«Главную святыню монастыря, — пишет дореволюционный путеводитель по монастырям Российской империи, — составляет Свенская икона Богородицы, украшенная богатой золотой ризой. По преданию, она написана знаменитым иконописцем Алипием. Икона сия прославилась многими чудотворениями и посему постоянно привлекает в монастырь богомольцев»²⁰⁷.

Впрочем, нельзя не сказать, что относительно этой иконы велась и идет до сих пор дискуссия в светских научных кругах. «В научной литературе уже не одно десятилетие ведутся споры относительно иконографического типа этой иконы... Дело в том, что вопрос про иконографический тип Печерской наместной иконы находится в тесной связи с вопросом о происхождении т. наз. Печерской Богородицы... Появление этого иконографического типа связывается с творчеством преподобного Алипия иконописца, хотя это... неверно. Стереотипное почитание преподобных Антония и Феодосия, как равноправных основателей лавры, появилось не ранее XIII ст. Вместо того все

письменные памятники княжеской эпохи называют Печерский монастырь просто «Феодосиевым». Поэтому, собственно, иконографический тип Печерской Богородицы мог сложиться не ранее того же XIII ст. и к преподобному Алипию отношения не имеет. Вместе с тем из XI ст. могут происходить сами портретные изображения святых, написанные еще до преподобного Алипия и упомянутые в тексте Патерика. Однако, вопреки этому упоминанию, наиболее вероятно, что к тому времени относится иконописный лик преподобного Феодосия, поскольку его изображение на Свенской иконе является характерным и имеет определенную схожесть. Вместо того изображение преподобного Антония на иконе схематично и довольно стереотипно»²⁰⁸.

Позволим себе категорически не согласиться с этим мнением. Название «Феодосиев монастырь» имеет отношение только к топографии монастыря — к верхней обители, построенной преподобным Феодосием, в отличие от нижней отшельнической обители преподобного Антония, — а не ко всей лавре. Утверждение о неравноправном почитании преподобных основателей не учитывает аскетических особенностей подвига аввы Антония, сознательно стремившегося к созерцательному отшельничеству, безвестности, полному отказу от контактов с миром. У аввы Феодосия было другое послушание — служение людям, что обусловило его широкое общение с обществом. В итоге святые выполняли одну предначертанную им Церковью миссию во имя спасения Руси. Церковное предание и письменные памятники подтверждают, что никогда подвиг одного не противопоставлялся и не ставился выше подвига другого.

Блаженнейший митрополит Владимир пишет: «...неразлучная дружба и тесная любовь двоицы-единицы через самоумаление каждого, через несение креста друга своего одинаково обогащает каждую личность всеми богатствами личности другого, делает их полнотой. Такое взаимное проникновение личностей, такое целокупное житие, когда все, до мелочей, — вместе, не есть изначальная данность дружбы, а составляет задачу и непокоренную вершину собственно человеческой стихии церковности»²⁰⁹. В предыдущих главах уже аргументировалось, что двоица святых основателей лавры духовно неразлучна. Кошунственны сами попытки разделить их по признаку «равноправия». Церковь уже сказала свое веское слово в этой полемике.

Священной бинарности соподчинены все грани лаврской духовности, что имеет локализацию в хронологическом, топографическом, идейном, культурологическом и других аспектах, широко отражено в гимнографии, агиологии, иконографии, богословии. Церковь воспевает святым: «От Христа Бога посылахуся на проповедь два (Мк. 6, 7), аможе Сам идти хотяше: Пречистая же Дева Богородица, хотящи Сама новопросвещенные люди роския посетити и сотворити Себе посреде их селение, посла в Русь, аки апостольскую двоицу, сия два избранные рабы Своя Антония и Феодосия» (4-й тропарь 7-й песни 2-го ка-

Юноша Алипий с иконой преподобных Антония и Феодосия. Из Патерика 1702 г.

нона на утрени). В этом тропаре боговдохновенно выражена нераздельная двоичность миссии «новых апостолов» Руси, общность их послушания Богоматери. Печерская икона прекрасно воплощает эту богословскую идею.

Рассмотрим мотивацию создания образа. Никон Великий был первым учеником аввы Антония, создателем его Жития. В то же время он был учителем и духовным наставником юного Алипия. Здесь прослеживается прямая преемственность аскезы. Образы святых были для благоговейного изографа сильнейшим стимулом к собственной иконописной интерпретации их подвига, духовно-нравственного облика, интерпретации Влахернского чуда, о котором он многократно слышал от его непосредственных свидетелей и очевидцев — греческих изографов. Так родилась идея Печерской иконы Богоматери с предстоящими святыми Антонием и Феодосием, которых Алипий писал непосредственно из прижизненного изображения. Утверждение о схематичности лика Антония на Свенской иконе выглядит субъективным и неубедительным. Стоит внимательно всмотреться в четкие возрастные и психологические различия между предстоящими, в гениально переданную градацию духовных импульсов каждого из них — мягкую самоуглубленность преподобного Феодосия и огненное молитвенное горение, выраженное в устремленном кверху взоре, крепко сомкнутых устах, напряженности мускулов лица, выпрямленности фигуры преподобного Антония. Рыжеватый, без седины, цвет волос преподобного Феодосия, показы-

Из лаврской Толковой Псалтири 1697 г.

Свенско-Печерская икона. Фрагменты.

вающий его «средовеком», мягкая округлость линий лица, бороды, плеч, складок одеяния подчеркивают некую соподчиненность печерского игумена и контрастируют с волевым ликом старца Антония, пепельной сединой его волос, морщинами на челе и щеках, твердой линией носа, чернотой впалых глаз, темным цветом одеяния, испещренного киноварными схимническими крестами. Даже такая деталь, как острый, резко уходящий в сторону клин бороды схимника, говорит о глубокой индивидуализации обликов изображенных, их живой портретности, помогающей передать психологическую глубину образов, разгадать сущность каждого из них.

Впадает в глаза худоба Антония, изможденность его лица. Создается впечатление реального лицезрения преподобных, их зримого присутствия — настолько живы эти лики!

И.Э.Грабарь считал Свенскую икону близкой к мозаикам XI ст., а по характеру живописи относил ее к эпохе Алипия. Он отмечал, что образы трактованы в широкой живописной манере, не имевшей аналогий ни в Новгороде, ни в Суздале, ни среди древних памятников московского Успенского собора²¹⁰. С ним согласен А.Н.Овчин-

ников: «Так называемая «грубость» и свобода письма только подчеркивают глубину и трепетность чувства, выдают ту поспешность, с которой создаются настоящие откровения, не требующие технической обработки... В этой свободной живописи нет ни одного затвердевшего иконописного штампа, что и заставляет исследователей считать ее несколько примитивной. Однако такая свобода исполнения к XIII ст. исчезает окончательно...»²¹¹.

Противоположного мнения держится В.Н.Лазарев: «Написанная в достаточно широкой и смелой манере, икона несет на себе отпечаток ускоренного исполнения. Вероятно, братья Печерского монастыря, не желая, естественно, разлучаться со своим прославленным образом, послала князю Роману Михайловичу поспешно выполненную копию»²¹². С этим трудно не согласиться, однако анализ иконы снова и снова подталкивает нас к мысли об авторстве именно Алипия. В монастыре, действительно, имелись копии Печерской иконы, но — копии авторские, в чем мы не перестаем удостоверяться, «сопоставляя Ее лик с ликом Богоматери Великой Панагии, в которых действительно много общего, и который не менее образно и духовно

объединен с ликами Феодосия и Антония. Печерские преподобные настолько индивидуализированы, что их изображения закономерно удостоверяют в портретности, передавая не только внешневозрастные признаки, но и внутреннее состояние»²¹³.

О почитании Печерско-Свенской иконы Богоматери свидетельствуют ее многочисленные позднейшие списки. Была ли икона в Свенском монастыре подлинной или братия передала князю список с нее — не столь важно. Главное, что икона эта стала драгоценным ковчегом благодати Пресвятой Девы и прославилась великими чудотворениями. Существует описание чудес, происшедших от иконы, — они поражают силой Богоматерней милости и любви. В Свято-Успенском храме Свенского монастыря эта икона была наместной: «В соборной монастырской Успенской церкви чудотворная икона Богоматери занимает первое место в иконостасе по правую сторону царских врат. С чудотворной иконы Богоматери в Свенском монастыре есть список, очень древний. Эта святая икона украшена золотой ризой, той, которая прежде была на чудотворной иконе и устроена при игумене этой обители Никодиме, весом двух фунтов. При этой же ризе находятся жемчужные украшения, приложенные к чудотворной иконе царем и великим князем Иоанном Васильевичем»²¹⁴.

Еще один список Печерской иконы Божией Матери, также чудотворный, находился в Печерском Вознесенском монастыре близ Нижнего Новгорода, основателем которого являлся инок Киево-Печерской лавры святой Дионисий — впоследствии архиепископ Суздальский и затем митрополит всея Руси. Основание относится к началу XIV в. Монастырь получил наименование Печерского в честь Печерской иконы Божией Матери, которая была принесена Дионисием из Киева. Соборный храм также носил название Свято-Успенского. Печерская икона Божией Матери, представлявшая собой копию иконы, находившейся в Киево-Печерской лавре, была главной святыней обители.

Известный список с Печерской иконы находился во Влахернском Ризоположенском храме Московского кремля, который, по преданию, был домовым образом киевских митрополитов. Если на Свенской иконе преподобные Антоний и Феодосий изображены предстоящими Богоматери, то на Нижегородской и Влахернской иконах онипадают к Ее стопам.

Каждая из этих икон была украшена многоценной ризой — благоговейным даром именитых почитателей. На окладе Свенской иконы было много золота, серебра и драгоценных камней. Обычай украшать иконы окладами, а также использовать ювелирное искусство в украшении храмов утварью имел на Руси весьма широкое хождение²¹⁵. Внешняя красота в понимании древнерусских богословов находила себе оправдание лишь тогда, когда выступала выражением, символом красоты духовной. Отсюда особое внимание мыслителей той эпохи к красоте культового искусства, имевшего прямое отношение к созиданию красоты всего храмового синтеза.

Еще в дохристианские времена русичи, посещавшие Византию, поражались красоте интерьеров и утвари православных храмов. Организация внутреннего пространства храма в чутком взаимодействии с различными видами искусств, среди которых видное место занимало декоративно-прикладное искусство, было важной задачей Церкви. «Богослужбная символика во всем ее разнообразии и цельности в ходе своего конкретно-исторического возникновения и развития устроялась по внушению Духа Святого, живущего в Церкви, в соответствии с духовно-таинственными законами нового, духовного бытия, во образ богослужения, совершаемого в храме Небесном»²¹⁶.

Раскрывая в образах церковного прикладного искусства присутствие подобия Небесным Первообразам, мы не можем отнести к нему как к явлению пусть прекрасно, но временному и земному, которое бесследно исчезает, исполнив свою роль на пути спасения человека. И не случайно, что именно в церковном обиходе сосредоточены самые прекрасные образцы искусства. «Мир спасет красота» — эта мысль Ф.М.Достоевского, пожалуй, есть самая краткая и точная формула таинственного единства с Небом, спасительного внутреннего обновления творения и его зримого образного совершенства. В предметах церковного богослужения должно быть, прежде всего, созерцаемо искусство воплощения в совершенных формах, символах, орнаментах и красках образов, несущих благодатное присутствие Небесных Первообразов. Эти образы, созданные по откровению Божию, промыслительно служат духовной миссии спасения человека.

Это хорошо понимали русичи. Ярослав, как пишет митрополит Иларион, «всякою красотою украси» собор Святой Софии — «златом и серебром, и каменемь драгимь, и сосуды честными». Облачение церковного клира выступает у Илариона украшением церкви: «И весь клирость украсиша и въ лепоту одеша». Великокняжеский град у летописцев сияет своим «величествомь», красуется храмами, иконами, церковными песнопениями. У преподобного Феодосия звук била — образ гласа свыше, призывающего в храм на молитву, а «кадило образ Святаго Духа есть». Нестор пишет о Софии Киевской: «Украси ю златом и серебром и сосуды церковными». Святитель Ефрем Переяславский построил в своей митрополии церковь святого Михаила, «украсив ю всякою красотою, церковными сосуды». Андрей Боголюбский уподобился Соломону, поставив церковь Рождества Богородицы «и удиви ю паче всех церквей, ...украси ю иконами многоценными, златомь и каменемь драгимь, и жемчюгомь великимь безценнымь, и устрои ю различными плитами, аспидными цатами украси и всякими узорочьи, удиви ю светлостью же, не како зрети, зане вся церковь бяше золота. И украсивь ю и удививь ю сосуды златыми и многоценными, тако яко и всимь приходящимь дивитися, и вси бо видивше ю не могут сказати изрядные красоты ея». Церковная символика неизменно привлекала внимание древнерусских мыслителей. Горную красоту они усматривали не только в архитектуре,

но и в богослужебном действе, в изделиях декоративно-прикладного искусства. Сияние лампад и подсвечников, великолепие сребропозлащенных окладов, мерцающих россыпью драгоценных камней, богатство инкрустации крестов, тяжелый блеск парчи — все это способствовало высокой цели передать в храмовом действе красоту небесного Царства.

Красота выступала настолько важной модификацией храмового синтеза, что поневоле несла функцию одного из главных миссионерских факторов. Именно красота православного богослужения и храмового убранства открыла послам князя Владимира подлинный смысл восточного Христианства. Древнерусский книжник писал, что, видя красоту церковную, «крестятся и болгаре, и жидове, и вся погань^{*}, видевше славу Божию и украшение церковное»²¹⁷.

Предметы прикладного искусства являются неотъемлемой вещественной и одновременно символической частью богослужения. Различные металлы, поделочные камни — полудрагоценные и драгоценные, множество пород дерева, жемчуг, янтарь, кораллы, эмали и т. д. — все многоцветье земли, облеченное в формы предметов утвари, создаваемой трудом ювелиров, резчиков и других мастеров, оказывается вовлеченным, по мысли священника Павла Флоренского, «в круговорот культуры, или, точнее, круговорот духа»²¹⁸. Это евхаристические принадлежности, облачение престола, оклады икон, лампы, паникадила, кандила, подсвечники, кресты, оклады Евангелий и других богослужебных книг, подвесные цаты к иконам, панагии, иконная мелкая пластика, облачения священнослужителей и мн. др. В соборных храмах красоте утвари уделялось очень большое значение. Епископы и князья, как правило, не жалели средств на ее приобретение.

Что касается монастырей, то сам уклад иноческой жизни требует простоты и убогости. Однако сила благодати и высота духа Печерской обители были столь велики, что привлекали к ней людей самых разных, в том числе и знатных, сословий. Сюда часто обращались за помощью первые лица государства и общества. В благодарность за чудесное вспоможение или исцеление именитые прихожане стремились пожертвовать в обитель предметы утвари и церковного обихода. По красоте и искусству их исполнения можно было судить не столько о богатстве дарителя, сколько о глубине его веры и усердия к святыне.

Традиция эта берет начало от варяга Симона, принесшего в дар монастырю венец и пояс от распятия Спасителя. Прочтем еще раз внимательно рассказ святителя

Скандинавская фибула.

Симона из Патерика об этом событии. «Бысть въ земли варяжской князь Африканъ, брат Якуна Слепаго... И сему Африкану бѣше два сына: Фриандъ и Шимонъ. По смерти же отца ею изгна Якунь обою брату от области ею». О том, что произошло с Шимоном в это время, он сам позднее поведал преподобному Антонию: «Отець мой Африканъ сдеда крестъ и на немъ изобрази подобіе Христова написаниемъ вапнымъ, якоже Латына чтуть, велик... яко 10 лакот^{**}, и сему честь творя, отець мой возложи поясъ о чреслехъ его, имуще веса 50 гривен злата, и венець златъ на главу его. Егда же изгна мя Якунь... от области моеа, аз же взяхъ поясъ съ Исуса и венець съ главы Его». Снимая драгоценности с Распятия, Шимон не осознавал греховности своего поступка — в дальнейшем странствование он брал не святыню, а золото, намереваясь употребить его на собственные нужды.

Вдруг Господь обернулся к Шимону «и рече: никакоже сего (венца. — Авт.) возложи, человеце, на главу свою, неси же на уготованное место, идеже зиждеться церковь Матере Моеа от преподобнаго Феодосіа, и тому в руце вдаждь, да обесится^{***} над жертвенником Моимъ». Ужас обуял Симона: «Аз же от страха падохся и оцепеневъ лежахъ акы мертвъ»²¹⁹. Затем, плывя на корабле и погибая от бури, Шимон увидел вверху церковь и услышал голос, повелевающий отдать золотой пояс преподобному Антонию для строительства храма во имя Божией Матери. Таинственный голос назвал меру храма, который предстояло измерить поясом. Тут же Шимон услышал обетование, что он сам сподобится погребения в этой церкви.

Исповедь у старца Антония принесла Шимону великую духовную радость. Преподобный привлек варяга в лоно Православия и нарек ему имя Симон. Затем, призвав преподобного Феодосія, авва Антоний отдал ему дары Симона, который «оттоле велику любовь имеяше ко святому Феодосію, подавая ему именіа многа на вознаграждение манастирю». Передав драгоценности авве Феодосію, Симон не смутился их лишением, ибо принял взамен гораздо больше. Он обрел, отрекшись от латинства, истинную веру, стал духовным сыном великих старцев, получил обетование быть погребенным в церкви Божией Матери. Преисполненный благодарности, он понимал, что их молитве обязан самой своей жизнью. Апостол Павел пишет: «Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?» (1 Кор. 9, 11).

Но, видя, что его дар имеет особое символическое значение для обители, Симон преисполнился дерзновения и начал просить у преподобного Феодосія того, что превышает человеческие силы. «Некогда же сему Симонови пришедши к блаженному и... рече къ святому: отче, прошу у тебе дара единого. Феодосій же рече к нему: о чадо, что просить твое величество от нашего смиренія? Симон же рече: велика паче моеа силы требую азъ от тебе дара. Фео-

* Язычники.

** Локтей.

*** Да будет повешен.

досій же рече: веси*, чадо, убожество наше, иже иногда многожды и хлеба не обрестися в дневную пищу...» Поистине удивителен и поучителен этот диалог! Симон, «первый в боярех» воевода князя Всеволода, мирской человек, только что пришедший к Православию, добывший свое состояние небезгрешной ратной службой, просит, как нищий милостыни, особых даров от убогого монаха, который иногда не имеет хлеба для дневного пропитания! На ум приходят мудрые строки из Евангелия: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16, 9). «Богатство Господь называет неправедным не потому, что оно приобретено неправедными путями, а потому, что оно суетно, обманчиво, скоропреходяще... Когда обнищаете — здесь: когда богатство перестанет иметь какое-либо значение»²²⁰.

Роковой момент, когда все земное теряет для человека значение, наступает для каждого. Это переход в вечность — время ответа за содеянное в земной жизни. И Симон, видя свое духовное убожество, умоляет авву: «...се убо прошу у тебе, да ми даси слово, яко да благословит мя душа твоя якоже въ животе, тако и по смерти твоеи и моеи». Он просит у преподобного предстательства, поручительства за себя, даже если авва отойдет в вечность раньше него.

В житии преподобного Василия Нового описывается загробная участь блаженной Феодоры, его духовной дочери. После смерти душа Феодоры при восхождении на Небо встретила много препятствий — мытарств, на каждом из которых полки нечистых духов истязали ее, представляя все грехи, содеянные за прожитую жизнь. Это были мытарства празднословия, лжи, осуждения, объедения и пьянства, лености, воровства, сребролюбия и скупости, лихоимства, неправды, тщеславия, зависти, гордости, гнева, злопамятства, разбойничества, чародеяния, блуда, прелюбодеяния, содомского греха, ересей и идолослужения, немилосердия и жестокосердия. Когда, казалось, трепещущей душе уже не было спасения и «злые духи скрежетали зубами, стремясь похитить ее и ввергнуть в бездну, в это время внезапно явился святой Василий»²²¹. Он дал ангелам, сопровождавшим усопшую и защищавшим ее от «духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12), ковчежец, символизовавший его молитвы. Вынимая содержимое ковчежца, как золото, ангелы смогли беспрепятственно провести душу Феодоры через мытарства, искупая предстательством преподобного Василия ее грехи.

На Ближних пещерах Киево-Печерской лавры вся стена галереи, ведущей к пещерному входу, расписана сюжетами из этого сказания. Изумительная по глубине и духовной силе, хотя внешне и невзыскательная, роспись эта выполнена художниками лаврской иконописной мастерской. Прихожане, идущие поклониться мощам и святыням Ближних пещер, имеют возможность осмыслить свое предназначение в суетном и многогрешном мире и подумать о загробной участи. Проходя лабиринтами пещер, освещен-

Варяг Симон снимает венец и пояс с Распятия.
Гравюра 1702 г.

ных теплым светом лампад, паломники с сугубым молитвенным горением прикладываются к святым мощам угодников Божиих, все житие проживших в преподобии и правде и имеющих дерзновение предстательствовать за тех, кто с верой обращается к ним и просит помощи.

Варяг Симон, истративший «именіа многа» на помощь убогой обители, знал, что его доброхотное даяние не пройдет даром, поможет обрести милость у Господа. Воевода настаивал: «Молю ти ся, якоже о своих черноризцехъ, тако и о мне грешнемъ помолися и о сыне моемъ Георгии, и до последних рода моего». Он просил за весь свой род, понимая, что молитва угодников Божиих есть лучшая защита и благословенное предстательство его потомкам. Ибо самое страшное наказание для человека — Божий гнев, постигающий его род. О грешнике Господь говорит: «Я обращаю лице Мое на человека того и на род его и истреблю его» (Лев. 20, 5). О праведниках же сказано: «Род правых благословится» (Пс. 111, 2).

Феодосій со смирением ответил просящему: «О Симоне, выше силы прошение...» Но, уступив его упорным мольбам, «святой... обещаея и рече: не о сих единех молю, но и о любящих место сіе святое». Вот почему с тех пор многие прихожане лавры, любившие эту святыню и благотворившие ей, стремились найти здесь вечное упокоение, ибо верили в силу молитв преподобных отцов печерских, верили обетованию блаженного аввы.

* Знаешь.

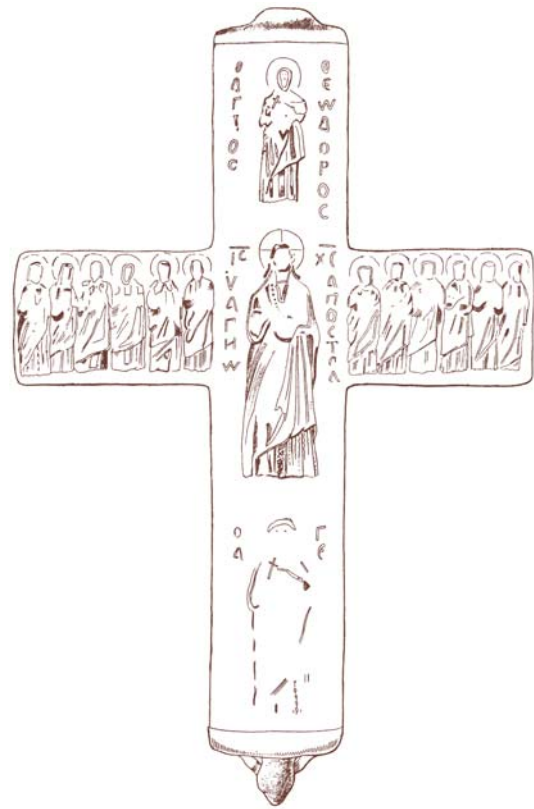
«Тогда Симон поклонился до земли и рече: не изыду отче, от тебе, аще написаніемъ не известиши ми». О диво! Симон просит у игумена не просто благословения, но и особой молитвы за себя и свой род. Не слишком ли он дерзок в своих требованиях, не надеясь на слова аввы и требуя собственноручного «написанія»? Однако здесь все глубоко промыслительно. «Написанію» печерского игумена суждено было стать непреложным свидетельством предстательства угодников святой обители за ее духовных чад, «ковчежем», хранившим вместо злата благодатные молитвы печерских праведников. Преподобный «пишет же сіе: Помяни мя, Господи, егда приидеши въ царствіи Твоем, воздати хотя комуждо* по деламъ его. Тогда убо, Владыко, и раба Своего Симона и Георгіа сподоби одесную Тебе стати въ славе Твоей и слышати благий Твой глас: приидите, благословеніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царство». Таким образом Симон, отдавший обители часть своего имени, получил взамен неизмеримо больше. «Симон же пріимъ молитву и благословеніе от святого, яко некій бисеръ многоценный и даръ»²²².

Святитель Симон резюмирует, что с тех пор утвердился обычай вкладывать эту молитву в гроб усопшему, чего прежде не было на Руси. Этот обычай существует и донныне²²³.

Павел Алеппский при посещении лавры в 1654 г. видел в алтаре Успенского собора крест, на котором было опоясание «из кованого чистого золота»²²⁴. Кто знает, может, это был тот самый пояс Симона, который послужил мерой устройства собора? Вспомним, что Симон пожертвовал обители также золотой венец от Распятия, который находился в алтаре над жертвенником.

Паломник, войдя в алтарь древней Печерской церкви, мог увидеть в нем, кроме даров благочестивого варяга, много других приношений прихожан. Мы уже упоминали о щедрых пожертвованиях в храм воевод, бояр и прочих представителей знати. Но много даяний было и от самих иноков монастыря — Варлаама, Алипия, Поликарпа, Святоши, Исаакія, Эразма, Захарии... Можно предположить, что набор евхаристических принадлежностей, да и почти всей богослужбной утвари в соборе, был из той партии, которую купил в Царьграде преподобный Варлаам и завещал своей обители. Исаакий, в прошлом купец, все состояние отдал монастырю. То же касается Поликарпа, Эразма, Захарии. Алипий собственноручно реставрировал иконы, украшая их «златом и серебром». В храме и алтаре было много прекрасных образов как его письма, так и тех, которые он покупал за средства, вырученные от иконописания.

Украшением алтаря Свято-Успенской церкви был беломраморный киворий — напестольная сень, возвышавшаяся на четырех столбах. Верх кивория был окован чистым золотом. Столь богатое пожертвование сделал собору правнук того самого киевлянина, который болел проказой и был исцелен преподобным Алипием: «Того же ис-

Крест преподобного Марка.

целеннаго правнукъ окова кивоть златом над святою трапезою** за очищеніе того».

Много предметов утвари в храме так или иначе было связано с именем преподобного Феодосія. Боярин Климент, сделавший венец на икону Пресвятой Богородицы, «не по мнозех днех умысли дати Евангеліе въ монастырь блаженому. И яко прииде къ великому Феодосію в монастырь, имый под пазухою сокровенно святое Евангеліе, и по молитве хотящимъ им сести, оному же еще не явившу святого Евангеліа. И глагола тому блаженный: «Первее, брате Клименте, изнеси святое Евангеліе, еже имаши въ пазухе своей, еже обещал еси дати святей Богородицы, и тогда сядем». Сіа слышав онъ, и ужасеса о провиденіи преподобнаго... И оттоле велику любовь имяше къ блаженому Феодосію, и часто приходаше к нему и велику пользу приимаше от него»²²⁵. Это Евангелие, скорее всего, было богослужбным, в дорогом окладе, и преподобный благословил поставить его на престоле.

Но не всегда алтарные принадлежности были дорогостоящими. Богатством отличались только те из них, которые жертвовала в обитель знать. Монастырская же утварь, изготовленная братией, была самой простой. Некоторые богослужбные предметы, например, были сделаны из обыкновенного железа, но иноки выковали их из тяжелых цепей преподобного Никона Сухого, который от половецкого плена «въ церковь Печерскую Пресвятыя Богородицы принесень бысть невидимо... Видевше же на нем железа тяжка и раны неисцелны, и все тело съгнившесе ранами, и самага сущаго въ юзах, и еще крови каплющи... снемше с

* Каждому.

** Престолом.

него и сковаша еже на потребу олтареви». Паломники Киево-Печерской лавры до сих пор прикладываются к медному кресту преподобного Марка Гробокопателя. В XIX в. был найден железный «Крест Николы Святоши». В Спасо-Мирожском Псковском монастыре много столетий как святыня хранилась простая деревянная чаша — потир, принадлежавший святителю Нифонту. Возможно, владыка сберегал ее у себя как реликвию из дорогой для него лавры. Владевший колоссальными церковными богатствами, святитель-печерянин хранил в обиходе монашеское нестяжание и смиренную убогость.

О том, что среди братии были искусные мастера по изготовлению утвари, говорит тот факт, что в Ближних пещерах долгое время пребывали мощи преподобного Евстафия Златаря. «Он злотником был в миру», — пишет источник 1638 г. К сожалению, о нем известно очень мало. Евстафий Златарь был, «наверное, лаврским золотых дел мастером, ювелиром, резчиком. В святцы он не записан, но в общей «Службе преподобным отцам Ближних пещер» (составленной в конце XVII в., впервые напечатанной в 1763 г.) его имя встречается даже в поздних изданиях XIX — начала XX в., когда мощи считались утраченными»²²⁶.

Монастырь во многом обеспечивал себя сам. Насельники освоили даже сложное дело изготовления смальты. Не исключено, что в обители была и мастерская по изготовлению утвари. Хотя, конечно, сложные и дорогостоящие вещи производились у профессиональных ювелиров и златарей — их заказывали за большую плату благодетели монастыря в прославленных киевских мастерских. Поликарп, который «оковал» церковные входные двери, сделал эту работу, конечно, не сам — он оплатил их изготовление у искусного мастера. Но многое братия делала своими руками.

Например, при преподобном Феодосии в обители был брат, который «бе ризамъ делатель»²²⁷. О блаженных Феодоре и Василии Патерик пишет, что они были хорошими строителями. Келию для себя они поставили собственноручно, по всем правилам тогдашней строительной технологии²²⁸. Феодор к тому же молот для братии пшеницу на жерновах, и делал это с такой отдачей, что экононом не успевал подвозить зерно. Активно трудился на строительных работах игумен Феодосий, «самъ работаа съ братією, градя дворъ манастырскый». Почти у каждого брата имелся топор — «сечиво», и все деревянные постройки иноки возводили сами. В монастыре функционировали мастерские по переписке и переплету книг. Игумены Феодосий и Никон прекрасно владели этим искусством.

Очевидно, здесь же изготавливали и оклады на богослужебные книги. Многие из них могли принадлежать работе преподобного Евстафия Златаря. Искусный мастер-ювелир изготавливал утварь, украшал ризами иконы. Может быть, при нем трудились молодые златари, осваивая сложности ювелирного дела.

Труд лаврских мастеров освящался непрестанной внутренней молитвой. Главным для себя они считали украше-

ние души «златоподобными добродетелями». Пример и духовного, и телесного доброделания подавал черноризцам сам игумен Феодосий. Судя по Патерику, он был неутомим в работе — рубил дрова, строил келии, молот зерно, носил в поварню воду, правил лошадьми, копал рвы для фундамента собора и т. д. К тяжелому труду он приучил себя с детства, участвуя, несмотря на запреты матери, в полевых работах, выпекая просфоры, прислуживая в храме. Это воспитало в нем выносливость, силу, хозяйственную сметку. Очевидно, Феодосий был физически сильным человеком, хорошо владевшим всеми современными ему технологиями хозяйствования. В его руках спорилась любая работа. Параллельно с внешним «деланием» в душе подвижника ни на минуту не угасало внутреннее, духовное трудолюбие, ибо труд и молитва — два крыла, на которых можно легко вознестись к Богу, как учат отцы Церкви.

Как «золото, огнем очищенное» (Откр. 3, 18), печерские подвижники очищали свою душу от греха, делая труд одним из орудий добродетели. О всех тружениках лавры — иконописцах, «каменноздателях», златарях, мозаичистах, переплетчиках и переписчиках книг — всех, кто творил красоту и служил Красоте, можно сказать словами тропаля святому Евстафию:

Злато чисто и сребро седмерицею дарований искушенное, Евстафие Праведне, праведно делатель был еси, и отсюду в делание добродетелей умных прешел еси. Или же душу твою украсив, представил еси чисту, аки злато, и поеси: благословен Бог отец наших²²⁹.

Апостол Павел писал своим ученикам: «Уподобляйтесь мне, как я Христу» (1 Кор. 11, 1). По мысли святых отцов, одним из главных аспектов Богоуподобления является способность творить, подобно тому, как Бог — Творец. Творчество, созидание — а в славянском языке они обозначаются звучным словом «делание» — являются именно Божественными качествами, в противовес разрушению и уничтожению. Сам Господь Иисус Христос призывает нас стремиться к Богоуподоблению. «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5, 17); «жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою» (Мф. 9, 37-38); «все делайте во славу Божию» (1 Кор. 10, 31) — заповедью о делании проникнут весь Новый Завет.

В слово «делание» отцы вкладывали глубокий смысл. Это, в первую очередь, те заветы исихазма, которые в монашеской среде называются добротолубием, умным деланием, созерцанием. Они являются фундаментом православного монашества, на котором «все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм о Господе» (Еф. 2, 21). Как ни важно подчас материальное начало, но оно должно быть всецело подчинено духовному — единому, «еже есть на потребу» (Лк. 10, 42). Вот почему лаврское искусство во всех его проявлениях поражает нас одухотворенностью и боговдохновенной красотой. Оно возникло в сотворчестве с волей Всевышнего Творца, было производным от главной действующей силы — созидательной силы Бога, в изобилии

ниспосылаемой «делателям неукоризненным» (Тим. 2, 15). Это хорошо видно на примере преподобного Алипия, соединившего в себе дар священства с даром иконописания и в священнодействии у престола почерпавшего вдохновение для священнодействия над святыми образами. Оттого-то все, создаваемое им, получало дар чудотворения — даже краски, которыми он писал.

Таким образом, мы можем говорить не просто о мастерстве творцов-печерян, но и о конгениальности создаваемых ими творений, органичной вовлеченности их в круг вечности. Лаврское искусство невозможно рассматривать только как эстетический феномен. В первую очередь оно является выразителем богословских истин.

Стержень существования каждого монастыря — богослужение. Им пронизана вся жизнь инока. Прежде всего она подчинена ритму церковного богослужения, диктующего весь строй повседневного уклада, соподчиняющего его себе. Внутренним, сокровенным богослужением можно назвать Иисусову молитву, которая непрерывной рекой льется в уме монаха. Богослужением становится и келейное правило, совершаемое истово и благоговейно. Служением Богу является и неустанный труд во благо Церкви, благотворительная и просветительская деятельность, благоговейное исполнение монашеских обетов. Богослужение, как Бого- послушание, освящает и пронизывает благодатью Духа Святого все грани православного монашеского уклада, превращая жизнь иноков в непрерывное славословие Всевышнего Творца. Неизменно актуально звучит в этом контексте наставление апостола Павла: «Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью. Научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнопениями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу. И все, что вы делаете словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря чрез Него Бога и Отца» (Кол. 3, 16-17).

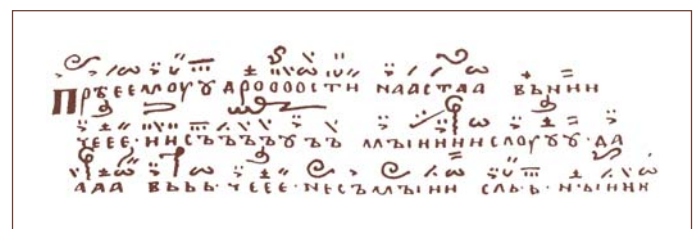
Одним из примеров целожизненного служения Богу является земной путь аввы Феодосия. Родители младенца Феодосия в восьмой день по рождении принесли его в храм к иерею, «якоже есть обычай христианом, да имя дитищу нарекут». На сороковой день его окрестили: «Крещением того освятиша». Когда отрок Феодосий жил в Курске, то «хожаше въ церковь по вся дни», слушая с усердием «Божественных писаний» и «просфоры творяше» для литургии.

После своего пострижения и рукоположения «на пресвитерство» преподобный «по вся дни Божественную службу сътворяя, съ всяким смиреніем». Это говорит о том, что в Печерской обители с самых первых дней совершалось ежедневное уставное богослужение. Сначала его вел, очевидно, пресвитер Никон, а затем и Феодосий. Когда же после изнурительного ночного чтения монашеского правила — «Псалтыри» (а это мог быть чин «дванадесяти» псалмов) «бываше утреніи, то Феодосий прежде всех обретаешя въ церкви, неподвижим сый пребываше, ни метыйся умом, Божественное славословіе совершающе, и «въ чину святяга литургіа предстоя».

О чине пения «дванадесяти» псалмов стоит сказать особо. Он, скорее всего, был принесен на Русь из Афона, где входил в молитвенное правило святогорцев, еще преподобным Антонием. Житие преподобного Феодосия говорит: «Таче шедь блаженный, иде въ келію свою петь по обычаю обанадесяте псалма». Святитель Симон учит черноризца Поликарпа молитве, обращаясь к нему: «Аше Псалтырь чтеша или обанадесять псалма поеша...»²³⁰. В начале XIII в. лаврский архимандрит Досифей совершил паломничество на Афон и записал «Чинь, како подобаетъ пети дванадесять псалмовъ особъ, ихже пояху преподобніи отцы пустыницы во дни и въ нощи: о них же воспоминается въ книгахъ отеческих и въ житіяхъ и мученіяхъ святыхъ многихъ. Сей же чинь принесе от Святяя Горы преподобный Досифей, архимандритъ печерскій»²³¹. «Досифей принес с Афона чин пения 12 псалмов либо потому, что у нас был до него другой чин, либо, что вероятнее и на что он намекает в своем послании, в его время у нас вышло у монахов из обычая петь 12 псалмов», — пишет Е.Голубинский²³². Послание, о котором упоминает ученый, заключало в себе рассказ о жизни афонских подвижников и раскрывало характер «делания» и «внимания умнаго». Архимандрит Досифей пытался вернуть духовному пути лавры афонский, исихастский характер, заповеданный ей при самом начале ее бытия преподобным Антонием.

О церковной молитве, совершавшейся в Печерской обители, можно судить по свидетельствам летописца. Он рассказывает, что подвижники неустанно трудились, зарабатывая пропитание тяжелой изнурительной работой, а ночью мололи зерно: «Каждо в нощи свою часть измилаше на устроение хлеба. Таже потом начаток пению утренему сотворяаху», — служили сразу утреню. «Дондеже час бываше утренему славословию, и тако вси, въкупе сошедшеся въ церковь, пения часам творяаху, святую литургию совершааху, и тако вкусивше мало хлеба, и пакы дело свое каждо имаше. И тако по вся дни трудяшяся, пребываху въ любви Божіей».

Обратим внимание на слова «вси въкупе». Они очень многозначительны и говорят о том, что вся братия неопустительно посещала богослужение. О начале церковной молитвы возвещал звук деревянного била, или клепала. Гулкий и настойчивый, он раздавался приблизительно около полуночи. Об этом мы знаем из рассказа преподобного Нестора об обретении мощей преподобного Феодосия. Приступив к раскопкам поздно вечером, Нестор с помощниками трудились до полуночи, пока не поняли, что копать

Крюковые ноты знаменного напева из кондакаря XII ст.

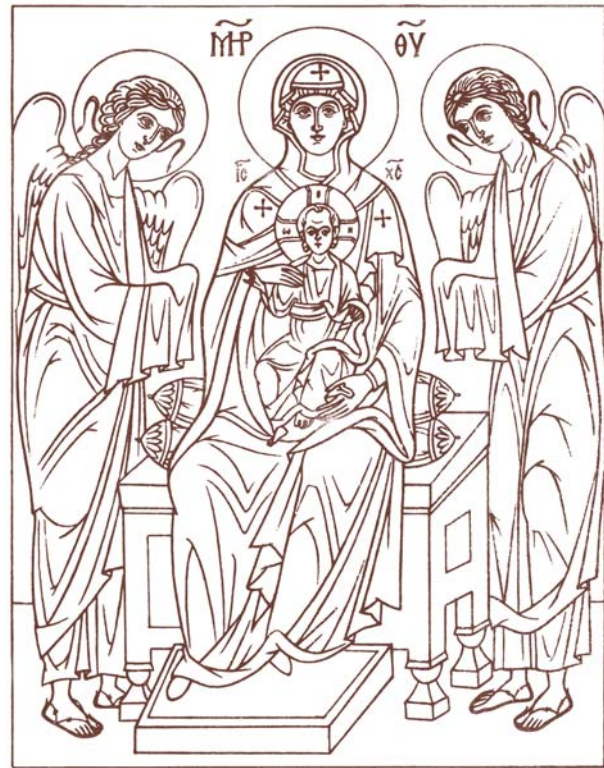
нужно в другом месте. Начав работу, они вдруг «услыша било церковное заутрені». Ночное богослужение завершалось утром литургией. Позднее, при настоятельстве преподобного Стефана, в «Ветхом монастыре» начала ежедневно совершаться еще одна литургия «за умрѣшую братію».

Став игуменом, преподобный Феодосий ввел в обители Студийский устав: «И устави въ монастыри своем, како пети пенія монастырская и поклоны како держати, и чтенія почитати, и стояніе въ церкви, и все уряждение церковное... предасть монастыру своему».

Одной из особенностей Студийского устава было обязательное чтение за богослужением поучений для братии. «Надлежит знать, — говорится в нем, — что на павечерницах... бывает оглашение братиям или от настоятеля или от старейших и искуснейших в слове». Сам игумен Феодосий часто читал святоотеческие наставления за службой, присовокупляя и свои слова. Некоторые из поучений аввы были записаны его учениками. Иногда он благословлял читать проповеди Никону или доместику Стефану.

Доместик, или демественник, — новая для Киевской Церкви должность. Первые доместики появились на Руси сразу после ее крещения и были «от славян болгарских». В 1053 г. при митрополите Иларионе прибыли в Киев из Царьграда «трѣ певцы гречестіи съ роды своими». Митрополит Иларион, заботясь о «богогласном» пении на Руси, распорядился содержать доместиков за счет митрополии и устроить для них и их семейств двор прямо близ стен Святой Софии, который с тех пор так и назывался Доместиковым: «Двор деместников за святою Богородицею над горою»²³³. Намерения митрополита Илариона были стратегическими. Он стремился дать начало профессиональному обучению церковнослужителей певческим основам, «богогласнымъ пеніемъ хотя украсити церковное исполненіе». Доместиков двор, без сомнения, выполнял не только бытовые, но и училищные функции, и к знаменитому Ярославову центру «книжного» обучения прибавилась еще и школа певческого мастерства. Царьградским доместикам, вероятно, поручено было и сформировать митрополичий хор для Софийского собора. «Отъ нихъ же начать быти въ Русей земли ангелоподобное пеніе изрядное осмогласіе, наипаче же и трисоставное сладкогласование и самое красное демественное пеніе, въ похвалу и славу Богу и пречистей Его Матери и всемъ святымъ, въ церковное сладкодушевное утешеніе и украшеніе, на пользу слышащимъ во умиленіе душевное и во умягченіе сердечное къ Богу»²³⁴.

Решение святителя Илариона о систематизации певческого процесса на Руси и привлечении для этого специалистов из Константинополя стало действительно судьбоносным. Царьград с его боголепными традициями патриаршего богослужения был центром певческой культуры Православия. Святые отцы незабвенного «золотого века» византийского богословия были одновременно и гимнографами, и песнотворцами. Святитель Кирилл, архиепископ Александрийский, написавший, как предполагают,

«Единородный Сыне», «Достойно есть», «Богородице Дево»; святитель Анатолий, патриарх Константинопольский, воскресные стихиры которого помещены в Октоихе; святитель Григорий Двоеслов Римский; святитель Софроний, патриарх Иерусалимский, автор многих тропарей и осмогласных стихир, а также стихиры Богоявления «Глас Господень на водах» и др.; святитель Андрей Критский, творец великого канона святой Четырдесятницы; преподобный Косма Маюмский, составитель рождественского и других канонов; преподобный Иоанн Дамаскин, создатель Октоиха, — сам перечень этих имен говорит о неизмеримой богословской высоте песнотворческого наследия Византии.

Основоположники «богословия образа» являлись одновременно и гениальными церковными гимнографами. Это преподобный Феодор Студит, написавший множество стихир и канонов, святой Иосиф Фессалоникийский, брат Феодора Студита; преподобномученики и исповедники Феодор и Феофан Начертанные, пострадавшие от иконоборцев; преподобный Иосиф Песнописец, творец около 300 канонов Троицы и Миней, и многие другие.

Что касается собственно певческого искусства, то оно в Византии также достигло больших высот. Его эталоном служили певческие традиции собора Святой Софии Константинопольской, в котором совершались особо торжественные, пышные богослужения в присутствии блестящего императорского двора. Именно отсюда пошло «демественное пение». Старинный «Церковный словарь» так раскрывает этот термин: «Демественное пеніе, распев старинный, бывый в употребленіи въ церкви въ нарочитые праздники. Происходит сіе слово отъ греч. деместикъ, каковыхъ два считалось въ Царьградской Великой церкви, одинъ стояль на правомъ, другой на левомъ клиросе съ певчими, начиная пеніе, прочіе последую, как у насъ головщики. Между двумя доместиками бывал еще великий деместикъ, по наше-

му уставщик, от котораго зависел порядокъ въ пении и въ певцахъ. А какъ в доместики избиралися самые искусные певцы, то и пение ихъ было лучшее»²³⁵.

Самые знаменитые певцы Византии — Роман Сладкопевец, Иоанн Кукузель, Григорий Доместик и другие — канонизованы Церковью. Житие преподобного Романа Сладкопевца повествует, что он получил свой дар от Самой Пресвятой Богородицы. «Святой Роман не знал грамоты, но был благоискусен в добрых делах. За добродетельную жизнь его полюбил патриарх Евфимий. Клирики же роптали на патриарха. Они невзлюбили Романа. Однажды в навечерие праздника Рождества Христова, когда в церковь пришел царь, Роман же зажигал светильники, клирики, схватив его, потащили на амвон, говоря: «Ты получаешь равную с нами часть — пой же, как и мы, на амвоне хвалебную песнь Богу». Так поступили они по зависти, желая посрамить его, ибо знали, что он не понимает Писания и не может сего исполнить. Претерпев такое унижение при царе и всем народе, Роман почувствовал стыд. По окончании службы он пал ниц перед иконой Пресвятой Богородицы, горько плача и молясь.

И вот во сне явилась ему Пресвятая Владычица наша Богородица, утешение всех скорбящих, держа в руке небольшой книжный свиток, и сказала Роману тихим голосом: «Открой уста!» Когда Роман открыл уста, Владычица вложила в них свиток и повелела съесть его. Роман проглотил хартию и тотчас проснулся. Сердце его исполнилось неизреченной сладости и радости духовной. В уме своем он вдруг ощутил разумение книжное, ибо Дева Богородица, как некогда Сын Ее Своим апостолам, отверзла ему ум к разумению Писаний. Он исполнился великой премудрости и стал со слезами благодарить Наставницу свою за то, что Она в одно мгновение даровала ему такие познания, каких он не мог бы достигнуть в течение многих лет.

Наступило время всеобщего бдения. Когда нужно было воспеть песнопение в честь праздника, святой Роман взошел на амвон и воспел сладким гласом кондак, который сложил он в уме своем: «Дева днесь пресущественнаго рождает...» Когда же он окончил, патриарх спросил, откуда у него такая премудрость. Роман не скрыл чуда Богородицы, но исповедал Ее благодать и прославил вразумившую его Небесную Наставницу. Патриарх тотчас поставил святого Романа диаконом, и из уст его премудрость потекла как река. Он составил множество кондаков на праздники Господские и Богородичные и на память многих святых, так что его кондаков насчитывалось более тысячи»²³⁶.

Иоанн Кукузель, родом болгарин, учился пению в придворной константинопольской школе во времена Комнинов. «По чрезвычайно красивому голосу и отличным дарованиям он обратил на себя внимание императора, так что сделался единственным придворным певцом», — пишет его житие. Движимый стремлением посвятить себя Богу, Иоанн тайно оставил царский дворец и ушел на Афон, в лавру святого Афанасия. Император велел искать беглеца, но безуспешно.

Икона Божией Матери «Кукузелиссы».

Иоанну в лавре было дано послушание пасти овец. «Однажды, в глубоком раздумье, сидел он при своем мирно пасшемся стаде. Сердце его трепетало чувством признательности к Богу и всепетой Его Матери за Их промысел о нем. Думая, что в пустыне никого нет и его никто не слышит, Иоанн начал петь, как бывало, божественные свои гимны, и ангельский голос его далеким эхом переливался и замирал в пустынных горах Афона. Долго пел умилившийся Иоанн, не видя и не зная, что один пустынный, таившийся близ него в дикой трещине скалы, слушал его. Звуки пения пастуха потрясли сердце строгого пустытника, растрогали до слез. Изумление пустытника достигло высшей степени, когда он заметил, что даже животные, затаив дыхание и окружив своего пастуха, неподвижно стояли перед ним и не сводили с него глаз, как будто умиленные ангельским его голосом». Игумену, таким образом, открылось, кто был этот безвестный послушник. Он вынужден был поехать в столицу и, дабы избежать гнева императора, рассказать ему об Иоанне. Предстательством Игумении Афона Пречистой Девы Богородицы Иоанн остался на святой Горе, вымоленный у императора настоятелем лавры, и с тех пор его послушанием стало пение в большом лаврском соборе.

«Однажды, пропевши в субботу Акафист, он сел в форму — так называются братские седалища — напротив иконы Богородицы, и тонкий сон успокоил утомившиеся его чувства. «Радуйся, Иоанн! — вдруг произнес кроткий голос. В сиянии небесного света стояла перед ним Богоматерь. — Пой и не переставай петь. Я за это не оставляю

тебя». При этих словах Богоматерь положила в руку Иоанна червонец и стала невидима. Потрясенный чувством невыразимой радости, Иоанн проснулся и увидел в руке червонец. Он заплакал и возблагодарил Царицу Небесную за Ее неизреченную милость. Червонец был привешен к Богоматерней иконе, перед которой пел Иоанн, и с тех пор поразительные чудеса совершались от иконы и от самой златницы»²³⁷.

В лавре святого Афанасия просиял также своим подвижничеством певец и domestik Григорий. В то время в Греческой Церкви велись литургические споры. Иерархи не могли определиться, что петь на задостойник во время литургии Василия Великого — «О Тебе радуется» или «Достойно есть». Накануне праздника Богоявления инок пропел, по благословию патриарха Григория Александрийского, песнь «О Тебе радуется, благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род».

«После бдения, совершаемого в сей великий праздник, легкий сон на некоторое время смежил очи утомившегося певца Григория, и — о чудо! — он видит перед собой Владычицу мира, Которая говорит ему: «Прими воздаяние за твою песнь, domestik!» Сказав это, Она дала ему златницу, которая тогда же была повешена на святой иконе Богородицы в сей лавре. С этого времени Церковь определила на литургии Василия Великого петь «О Тебе радуется»²³⁸. Память преподобного Григория Доместика совершается 1 октября, в один день с памятью святых Романа Сладкопевца и Иоанна Кукузеля.

Знаменательно, что в житийных сказаниях о доместиках Сама Пресвятая Богородица благословляет их песнопевческий дар. Ее святые иконы, перед которыми воспевали за богослужением молитвы благоговейные певцы, оживали, становились средством общения с Первообразом. Как глубоко иконография связана с пением!

Часто Мариологические гимны воплощались в иконографический канон. Существует много гимнографических образов Богоматери, первичной идеей которых явились богослужебные тексты святых Романа Сладкопевца, Иоанна Дамаскина, Косьмы Маюмского, Феодана Начертанного, Иосифа Песнописца. Это иконы «О Тебе радуется», «Достойно есть», «Не рыдай Мене, Мати», Акафистная и многие другие. Исследователи приписывают одну из таких икон — «Предста Царица» — преподобному Алипию²³⁹. До революции она хранилась в московском Свято-Успенском соборе.

В древней Руси чин доместиков также прославился рядом известных имен. Это — Стефан киево-печерский, первый domestik из русичей; диакон Кирик, упоминаемый под 1134 г., domestik Новгородских Юрьева, а затем Антониева монастырей, церковный писатель, ученый муж, первый математик на Руси, автор канонических трудов; Лука «демествяникъ» из Свято-Успенского собора г. Вла-

димира-на-Клязьме, упоминаемый Ипатьевской летописью под 1175 г. в связи с отпеванием князя Андрея Боголюбского, — он был создателем местной школы пения, получившей название «Луцина чадь»^{*}; «гораздые» певцы Мануил, Феодор и Игнатий, вызванные в 1130 г. из Греции великим князем Мстиславом; «словутный» певец Митуса из Перемышля, обладавший таким феноменальным голосом, что между перемышльским епископом и князем Даниилом Галицким из-за обладания им возникла распря, закончившаяся тем, что певец, «аки связанный», был насильственно пленен князем²⁴⁰.

Создатель школы пения во Владимире Лука-демественник был, вероятно, киевлянином, а может быть, и печерянином, ибо до вокняжения Андрея Боголюбского Владимир ничего собой в культурном плане не представлял. Стремясь возвысить свой удел, сделать Владимирскую епархию отдельной митрополией, князь вывозил из Киева самые известные святыни, лучших мастеров, не жалея для этого ни сил, ни средств.

Близкими к традициям лаврской духовности были доместики Мануил грек и Кирик, друзья и единомышленники святителя Нифонта. Кирик, выдающийся ученый своего времени, руководствовался не только архипастырскими наставлениями глубоко чтимого им владыки, но и его каноническими, богословско-философскими, психологическими, этическими концепциями. Нифонт стоял у истоков не только культурологических, но и научных достижений Новгородской Руси. О важности на Руси должности доместика говорит тот факт, что многие из мастеров пения, отличавшихся, как правило, ученостью и высокими моральными качествами, становились впоследствии епископами. Это Стефан киево-печерский, Мануил грек, настояванный на Смоленскую кафедру, самоотверженно защищавший вместе со святителем Нифонтом чистоту канонов Церкви; его собратья «гораздые» певцы Феодор и Игнатий, один из которых был поставлен епископом в г. Владимир-Волынский, а другой в Туров, и т. д.²⁴¹.

Должности доместиков имелись, как правило, только в соборных храмах и монастырях. «Типикон, сиречь Устав», равно как и устав Феодора Студита, предусматривал для монастырских храмов несколько церковных должностей. «Экклесиарх»^{**} был главным блюстителем церкви и всех ее принадлежностей, главным распорядителем в ней в отношении ко всему убранству и главным распорядителем по отношению к богослужению. Доместики^{***} были головщики и регенты клиросов певчих. Канонарх^{****} — начальник канонов, предначитель их пения и распорядитель относительно их чтения был, во-первых, канонарх в теперешнем смысле, затем уставщик относительно чтения и, наконец, имел в своей обязанности бить в било к службам. При них находились: сосудохранители, парамонари (поддерживавшие чистоту в церкви), кандилоджигатели и прочие»²⁴².

* Здесь — собрание учеников, детей, «чад».

** С греч. — начальник церкви.

*** С лат. domestikus — домовый, дворовый.

**** С греч. канонархус — начальник канонов.

Преподобный Стефан соединял, скорее всего, послушания и доместика, и еkkлeсиарха. Так как он еще отроком поступил в духовное руководство к игумену Феодосию, то, возможно, сам авва научил его всем премудростям этого дела. Блаженный Феодосий, с детских лет участвовавший в богослужении и прислуживавший иерею, хорошо знавший богослужебные книги и имевший опыт ведения устава, очень ревностно относился ко всему, что касалось храма и монастырских церковных служб. Именно от святого Феодосия пошла в обители традиция четко организованного, благоговейно-строгoго, истового богослужения. Стремясь к его благолепию, преподобный игумен большое внимание уделял красоте утвари и облачений. Интересно, что Феодор Студит, требовавший нарочитой простоты и даже убогости в монашеском одеянии, делал исключение для церковных облачений: «Да не приобретешь себе одеяния изысканного и многоценного, кроме одежд богослужебных»²⁴³. Из этого можно видеть, что облачения в Печерской обители, ориентировавшейся на студийскую традицию, были «изысканными и многоценными», причем изготавливались «делателями риз» из числа братства.

«Из священных одежд того времени чудесно уцелело полное облачение святого Никиты, епископа Новгородского, которое 450 лет находилось на теле погребенного в земле святителя, а по открытии мощей его (в 1558 г.) уже около 300 лет соблюдается в ризнице новгородского Софийского собора, — пишет митрополит Макарий. — Это облачение состоит из фелони, епитрахили, поручей и палицы, из пояса гарусного тканого, белого омофора и синей шапочки, опушенной горностаем. Там же хранится и посох святителя Никиты, сделанный из трех тонких жимолостных тросточек, связанных тремя костяными яблоками и костяной рукоятью»²⁴⁴. Вот живой пример — посох подчеркнуто прост, а облачение сделано из хорошей и, видно, дорогой прочной ткани.

О прилежании святого Феодосия к церковной службе свидетельствует Киево-Печерский Патерик. «Блаженный, — пишет Нестор Летописец, — вся ночи без сна пребываше, моля Бога со слезами и часто къ земли колена преклоняя, якоже многажды слышаше церковни строители*». Они приходили в храм задолго до начала заутрени, чтобы приготовить все необходимое для богослужения. Однажды, когда подошло время «утренему пеню и онем хотящим благословение взяти от него», один из пономарей стал очевидцем тщательно скрываемого молитвенного подвига аввы: «Единъ от них, тихо шед и ставъ, послушаше

Колокол, найденный при раскопках Десятинной церкви в 1824 г.

и слыша его молящася и вельми плачущася и главою о землю часто бьюща». Преподобный, услышав шум шагов приближающихся пономарей, сразу лег и на их стук открыл дверь только после третьего раза, показывая себя заспанным. А в храм благоговейный игумен приходил раньше всех: «Прежде всехъ въ церкви обретаешся».

Несмотря на скудость и бедность монастырского храма, в котором подчас был даже недостаток вина для совершения литургии, преподобный имел крепкую веру в помощь Божию. Когда к нему пришел «презвитеръ от града, прося вина на службу святыя литургия... абие блаженный призвавъ строителя церковнаго и повеле наляти вина». Но пономарь, видя, что вина в монастыре осталось лишь на несколько дней, отлил просящему очень мало. Узнав об этом, игумен приказал отдать все вино: «Не имать Богъ оставити церкви сея безъ службы, но се ныне днесь подасть намъ вина до избытка». Действительно, в тот же день в обитель прибыло три воза с вином.

Не хватало в храме и масла для лампад. Братия сама приготавливала его из «земныхъ семян». Даже в день престольного праздника Успения Пресвятой Богородицы «маслу не сущу на вливание кандил». Пономарь хотел без благословения аввы «избити масла и от того наляти кандила и въжещи», но за свое неверие и ослушание был наказан — в сосуде с изготовленным им елеем оказалась мышь, и содержимое пришлось вылить. По молитве преподобного Феодосия прямо к вечерне «некто от богатыхъ принесе корчагу велику, полную масла деревяного... и тако сотвориша праздникъ светель святыя Богородица».

Благодатность монастырской службы была ознаменована необыкновенным чудом, случившимся над разбойниками, дерзнувшими ограбить и погубить обитель. «И се въ едину ночь, тьме сущей велицей, приидоша разбойници». Кромешная тьма должна была стать лихой пособницей преступникам. Как говорит евангелист Иоанн Богослов, «люди более возлюбилы тьму, нежели свет, потому что дела их... злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы» (Ин. 3, 19-20). Грабители думали, что на «полатах церковныхъ тамо есть имение сокровенно», и поэтому не стали зариться на келии, а сразу устремились к церкви. Вдруг из храма послышалось пение. Разбойники, думая, что это братия поет вечерние молитвы, спрятались в зарослях окружающего леса, чтобы переждать. Приблизившись к храму во второй раз, они «слышаша тойже гласъ и видеша светъ пречюдень въ церкви, и благоухание исхождаше от церкви, аггели бо беша поюще в ней. Им же мнящим, яко брати полунощное пение совершающим, и тако отыдоша, чающе, дондеже скончаютъ сии пение». И это продолжалось несколько раз. Вдруг послышался гулкий звук била, всполошивший ночное пространство. «И се час бе утренему пеню, и пономареви по обычаю возгласившу «благослови, отче», испроси благословение, начат клепати** ут-

* Здесь — пономари.

** Бить в било.

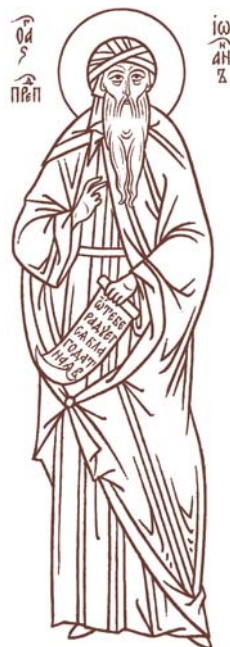
ренюю». Растерявшиеся грабители «отшедше в лес и седше глаголаху: «Что сотворим? Се бо мнится нам привидению быти в церкви, но егда соберутся вси в церковь, тогда шедше и от дверей заступивше, вся погубим и тако имене их возмем».

Однако сатана, «мнящий» через разбойников погубить «святое стадо» — а это было не первое нападение на монастырь, — «сам от них побежден бысть, Богу помогающу молитвами преподобнаго отца нашего Феодосіа. Тогда убо зліи тии человеци, мало помедливше и преподобному тому стаду собравшуся в церковь съ блаженнымъ наставником и пастырем своим Феодосіем, и поющим утреня псалмы, устремшася на них акы зверіе дивіи». Безоружные иноки не смогли бы оказать сопротивления грабителям. Сколько невинной крови бы пролилось!..

Но оружием подвижников была молитва. «Много может молитва праведного», — говорит апостол Иаков (Иак. 5, 16). Молитвой и верою угодники Божии «угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись в немощи... прогоняли полки чужих» (Евр. 11, 34). Так были прогнаны от обители и эти злодеи. «И приидоша, и се внезапно бысть чудо страшно: от земли взятыя церковь съ сущими в ней и възде на воздух, яко не мощи им дострелити ея». Чудо устрашило нападавших. «Они же, видевше чудо, и убояшася, и трепетни бывше, возвратишася в дом свой. И оттоле умилишася никому же зла сотворити».

Братия, совершавшая богослужение, «ни слышаша ничто же». О случившемся преподобный Феодосий узнал от самих разбойников: «Старейшине их съ инеми трети пришедше къ блаженному отцу нашему Феодосію покаатися того, и исповедаша ему бывшее. Блаженный же, то слышавъ, прослави Бога, спасшаго их от такового смерти, таже поучивъ их о спасеніи души, отпусти их, славящих Бога и благодарящих»²⁴⁵ за свое вразумление.

Вместе с черноризцами в церкви молились ангелы. Их пение оглашало храм и было даже доступно слуху закоренелых злодеев. О гармоничном слиянии в богослужении двух миров — Небесного и земного — говорит много свидетельств из церковной истории, очевидцами которых становились чистые сердцем и душой подвижники, достойные лицезреть тайны Божии. Один из старцев Святой Горы Матфей сподобился видеть явление Пресвятой Богородицы во время совершения утрени в соборе лавры преподобного Афанасия Афонского. «Открылись очи его, и он видит, что в церковь вошла некая Жена, облеченная небесною славою и честью, с двумя юношами в белых, как свет, одеждах, из которых один держал горящую свечу и освещал Ей путь, а другой следовал за Нею, и оба относились к Ней с великим благоговением. Чудная Жена эта стала наделять всю братию дарами — тем, которые были на клиросах, Она давала каждому по золотой монете, стоящим внутри храма — по двенадцати серебряных монет, а находившимся в притворе — по шести серебрянников. Некоторым же из братии Она дала даже до шести золотых монет. Сам же благоговейный Матфей получил лишь

шесть серебряных монет, ибо и он стоял в притворе. Лишь только кончилось видение, он тотчас пошел на клирос, возвестил о том отцу своему преподобному Афанасию и просил у него позволения встать в лике поющих»²⁴⁶.

Славословие Бога в пении наиболее тесно сближает человеческое естество с ангельским. «Слава в вышних Богу» — воспел ангельский лик в ночь Рождества Господа нашего Иисуса Христа. При распространении Христианства о традиции прославления Бога в «псалмах и славословиях и песнопениях духовных» (Еф. 5, 19) заботился апостол Павел. В период

признания равноапостольным царем Константином Христовой веры эта традиция из катакомб выходит на просторы Римско-Византийской империи.

Василий Великий распространяет ее в Малой Азии, Иоанн Златоуст — в Константинопольской Церкви, Ефрем Сирийский — в Сирии Палестинской, Афанасий Великий — в Александрийской Церкви, Амвросий Медиоланский — в Западной империи.

В основу мелодики новых христианских песнопений легли музыкальные достижения Древней Греции и Древней Иудеи. Вершина поэтического слова человечества — Псалтирь создавалась именно для пения в Иерусалимском храме Соломона, о чем свидетельствуют многочисленные надписания псалмов — «начальнику хора», «песнь при обновлении», «псалом Асафа», «на струнных орудиях», «песнь» и др.

Систематизировал и завершил теорию и практику церковного пения, приобретшего форму восьмигласия на основе древнегреческих ладовых распева, преподобный Иоанн Дамаскин. Он «своим октоихом положил преграду неустройству церковного пения, сообщил ему и правильное однообразие и чувства, достойные христианского служения. Когда пение ограничено осмью гласами, молящийся не развлекается множеством и разнообразием мелодий. Определенное число напевов утверждает в общем внимании дух и содержание воспеваемых молитв. Определенность напевов положила также конец произвольным вымыслам изысканного, рассеянного, неблагоговейного искусства»²⁴⁷.

Здесь вновь мы возвращаемся к теории образа. «Из рассмотрения иерархической системы становится ясным значение церковных песнопений, являющихся отражением Божественных песнопений Небесной иерархии. Они приводят душу к гармонии, а сердца — в согласование с Богом»²⁴⁸. По мысли Дионисия Ареопагита, певец является инструментом Божественной благодати, а мелодии песнопений — эхом небесных гимнов, через которые молящийся приближается к архетипу. «Древнейшие устойчивые архе-

типы, как иконописные образы, так и модели песнопений — мелодические формулы, составляли основу музыкального канона... На них должны были опираться художники, подчиняя им свою творческую волю. Создавая произведения, иконописцы и гимнографы использовали уже готовые модели, архетипы. К такого рода музыкальным архетипам может быть отнесена система подобнов, система осмогласия с ее устойчивыми моделями... Подобны служили образцом, моделью для большого числа церковных песнопений», — пишет известный музыковед-медиевист Т.Ф.Владышевская²⁴⁹.

Восприняв богословскую теорию образа, Русь приняла от Византии и музыкальный канон церковного пения. Творчество древнерусских распевщиков было близко к иконописи. Не случайно творение распевщика называлось переводом, отклонение от известной редакции называлось ин (иной) перевод, а если был известен автор, то указывалось: «Ин перевод крестьянинов» или кого-либо другого. «Подобия» в иконографии и «подобны» в мелодике песнопений являлись универсальными приемами древнерусского сакрального творчества.

Митрополит Иларион, пригласив певцов из Византии, стремился к тому, чтобы достижения восточно-греческого церковного пения — «изрядное осмогласие», или октоих; «трисоставное сладкогласование» — пение на три голоса с прибавлением к основной мелодии нижних и верхних тонов; «красное демественное пение», составленное царскими и патриаршими доместиками Царьграда, стали основой древнерусской церковно-певческой практики. Но немалое влияние на ее становление оказали и соседние славянские государства. Послушаем А.Кастальского (1911 г.):

**Бобегалнся речки песенны,
Речки песенны, что из дальних стран:
Одна реченька — Цареградская,
Друга реченька — то славянская:
Старосервская да болгарская.
Бошлись реченьки, сплелись песенны
В стольном Киеве, на Руси Святой.
И запел-завел старый Киев-град
Песнь церковную, старокиевскую.
Уж из той реки большой знаменной
Растеклись ручьи во все стороны
По лицу земли Святорусския.
Вся запела Русь песни Божии,
По восьми гласам службы правила,
По крюкам-знаменам Бога славила.
По обителям, по скитам пошло
Пенье красное, благозвучное,
Где уж братией поустроены
Клиры чинные и степенные.**

С тех пор на Руси бытовали греческий, болгарский, киевский и другие распевы, сохранившиеся до наших дней. Величайшей драгоценностью является древний лаврский распев, дошедший до нас в певческом наследии Киево-Печерской обители. Он отличается подлинной церковностью, глубокой молитвенностью, благозвучной красотой мелодико-гармонического убранства, богатством метрического построения. Сдержанная византийская стро-

гость в нем соседствует с оптимистичностью и широтой славянского религиозного мировосприятия, монашеское молитвенное самоуглубление — с царственной эпичностью и величием, распевность и мелодичность — с четкой организацией ритма.

Распев этот сформировался наряду со старокиевским, беря начало от Иларионовых времен. Летопись говорит, что, затворяясь в пещере берестовского леса, Иларион «отпеваше часы и моляшеся ту Богу». Он был столь щедро одаренным от Бога человеком, что все грани его личности имели божественную печать таланта. Весьма талантлив и чуток он был и в области эстетики, прекрасно разбираясь в архитектурном, изографическом, музыкальном искусствах, имея передовые для своего времени эстетические взгляды, что позволяло ему оказывать решающее влияние на формирование их в нашем отечестве.

Но Иларион являлся и первым идеологом исихазма на Руси. Сокровенная молитвенная сосредоточенность, преданность суровым аскетическим идеалам в этой удивительной душе не только не противоречили его любви к прекрасному, но и взаимодополняли друг друга, пребывая в полной гармонии. Этот синтез аскетического подвижничества и широкой просвещенности в области культуры являлся органичным для славянской ментальности, не знавшей коллизий противоречия между светским и духовным. Народная жизнь на Руси была так тесно связана с церковной жизнью и так глубоко пропитана религиозным чувством, что церковное искусство, получившее при Иларионе мощный толчок, являлось и народным искусством. Митрополит Иларион, создавший со своим духовным сыном князем Ярославом то идеологическое поле, на котором выросли побеги самобытной национальной культуры, благословил ее зарождение во всех эстетических формах — поэзии, живописи, архитектуре, музыкальной культуре. Во всех его деяниях звучала нота высокого профессионализма. Боговдохновенный богослов, он, хоть и опосредованно, стал родоначальником отечественного «богословия образа», породившего неповторимо прекрасный феномен древней культуры Руси.

То же можно сказать и о пении. Создавая при соборе Святой Софии певческое училище, Иларион формирует цех русских доместиков. Так появилась Киевская школа церковного пения, донныне изумляющего нас своей сдержанной величавой простотой, народностью, широким славянским мелодизмом в соединении с благородностью классических византийских интонаций.

Лаврский распев является производным от киевского распева. Возник он в самые первые времена существования обители. Отсчет его идет от тех безмолвных, напоенных шумом березового леса ночей, когда «презвутерь» Иларион в своей пещере «отпевал» часы, принося Богу умносердечную молитву. В пещерном храме, устроенном преподобным Антонием, также пелись часы и совершалось богослужение. Его участниками поначалу были всего несколько подвижников — иерей Никон, литургисавший при

свете огарка, старец Антоний с юным Феодосием и другие. Пламя свечи слабо колыхалось в такт с тихими головами, подпевавшими иерею. Пещерное пространство оглашалось умирительным созвучием глуховатого, надтреснутого баса аввы и чистого уверенного тенора юного послушника.

При увеличении братии до полутора десятка человек расширилась и подземная церковь, появился небольшой хор. Головщиком в братском хоре был, вероятно, опытный Феодосий, с детства прислуживавший в храме и прекрасно знавший службу. Пение было самым простым, унисонным, с присущей афонским традициям протяжностью и неспешностью. Афонский распев ввел в Печерской обители преподобный Антоний. Святая гора имела собственный певческий обиход, тесно связанный с цареградским, но обладавший многими особенностями. Это и протяженность мелодических фраз, и особая распевность слога, и нарочитая неспешность в исполнении. В то же время афонское пение нельзя назвать безыскусным и монотонным. В нем присутствует разнообразие попевок, четкая ритмичность. Все это обусловило своеобразную красоту строгого афонского стиля. Печерский обиход очень многое почерпнул от него.

Затем преподобный Варлаам «постави над печерою малу церквицю во имя святыя Богородица, да ту братія събираются на божественное славословіе». В ней иноки «начатокъ пенію утренему», «пеніа часовом творяху» и «святую литургію совершааху». При игуменстве преподобного Феодосия число братии резко возросло. Появилась нужда в увеличении хора, в упорядочении церковного обихода. Игумен, послав в Византию гонца за списком Студийского устава, одновременно обратился с прошением в митрополию к первосвятителю Георгию, «и обретесе тогда честный инок Михаилъ, монастыря Студийскаго... и нача его вопрошати о уставе отецъ Студийских, и обрете у него, исписа. И устави въ монастыри своем, како пети пеніа монастырская...».

Связь с митрополией здесь прослеживается недаром. В Софийском дворе сложилась своя монашеская община из иноков, состоявших в свите киевских первосвященителей. Некоторые из них были студитами, выходцами из других прославленных византийских монастырей. Устава своих обителей они придерживались и в новой для них стране, что видно из случая с «честным» иноком Михаилом. Преподобный Феодосий пристально следил за их жизнью, стараясь почерпнуть некоторые полезные особенности. Вполне возможно, что инок Михаил, практиковавший студийский обиход, помог игумену Феодосию перевести положения устава из теоретической области в практическую. Общение преподобного Феодосия с митрополией могло простирается и на Доместиков двор, где печерский настоятель мог изучать основы византийского богослужебного пения.

Факт воспитания игуменом Феодосием с «младых» лет доместика Стефана весьма значителен. Он еще раз под-

тверждает, что Феодосий был опытным уставщиком, головщиком и, что само собой напрашивается, певцом. Именно ему, после «мниха» Илариона и аввы Антония, принадлежит заслуга создания обиходного распева Киево-Печерской обители, «якоже и донныне есть ученикомъ его сице совершающимъ»²⁵⁰. Крайне бережное, трепетное отношение к духовному наследию преподобного Феодосия в лавре позволяет не усомниться в последнем.

Студийский монастырь, из которого Печерская обитель заимствовала устав, был признанным центром византийской гимнографии. Быстрое и успешное распространение Студийского устава в Киевской митрополии, осуществленное благодаря авторитету Печерского монастыря, а может быть, и сотрудничеству в этом деле преподобного Феодосия с митрополитом Георгием при помощи Михаила Студита, способствовало и распространению его певческих традиций. Так, в Студийском монастыре практиковалось антифонное пение, пение на праздники двух — правого и левого — «ликов», т. е. хоров; чтение канона и стихир с помощью канонархов, чин о Панагии²⁵¹. Эти традиции по сей день живут в наших монастырях. Интересен студийский чин поминовения усопшей братии в канун Пятидесятницы: «Должно знать, что в субботу Пятидесятницы на эксапостилярии поем «память скончавшихся, Господи» и с пением сего идем на гробы братии и там стоя поем стихиры дня, и конец утрени. Это же творим и в субботу заговенья»²⁵². Преподобный Стефан, введший в бытность своего игуменства заупокойное богослужение в «Ветхом» монастыре «над гробами братии», явно ориентировался на студийские традиции.

В праздники богослужебный обиход в византийских и афонских монастырях усложнялся — удваивался хор, служба пелась антифонно. Большую торжественность ей придавало участие в богослужении солистов-канонархов. Иоанн Кукузель на праздники приходил в соборный храм лавры святого Афанасия и канонаршил на правом клиросе, украшая своим ангельским голосом службу.

В больших монастырях нельзя не заметить особой красоты праздничных богослужений, расцвеченных благозвучностью голосов священнослужителей, певчих, канонархов и чтецов. Возгласы в алтаре, запевы стихир на клиросах, слаженное пение обоих хоров создают атмосферу сугубого торжества, благолепия, духовной радости. Состояние молящихся при этом можно выразить словами стихир: «В храме стояще славы Твоя на Небеси стояти мним». Так было и в соборном храме Киево-Печерской лавры. Когда после освящения в нем начали совершаться службы, это сразу изменило клиросные порядки в сторону усложнения, повлекло за собой увеличение числа поющих и привело к профессионализации певческого процесса.

Подобно пению юного Кукузеля, лаврское богослужение несказанно украшали детски чистые, ангельские голоса отроков Леонтия и Геронтия, печерских канонархов. Сведений об их жизни почти нет. Краткое житие их уместилось в одном предложении. Оно гласит:

«Преподобные Леонтий и Геронтий были канонархами в Великой церкви Печерской, и еще в отрочестве постриглись в иноческий образ, благоугождали Господу всегдашними молитвами и воздержанием, уподобляясь совершенным святым отцам в подвигах молитвы и послушания. Память их 28 августа, а местно на Дальних пещерах — 18 июня и 1 апреля»²⁵³.

Современные исследования показали, что оба канонарха были отроками 11-12 лет, роста около 1,27 м²⁵⁴. Жили они в XIII веке. Надписание в пещере называет их «святыми отроками». Павел Алеппский пишет о них: «Тут есть тела двух отроков, которые чудесно сохранились, их головы... до сих пор источают миро»²⁵⁵.

Нам остается только благоговейно преклониться перед их подвигом, благодаря которому они достигли духовного совершенства наравне с взрослыми собратьями. Церковь, невзирая на юность святых канонархов, светло чтит их память и воспевает: «Величаем вас, преподобные и богоносные отцы наши Леонтие и Геронтие Печерские, и чтим святую память вашу, наставники монахов и собеседники ангелов».

Особой торжественностью отличались лаврские службы в дни великих праздников и престольных дней, особенно в праздник Успения Пресвятой Богородицы. На Успение литургия совершалась настоятелем лавры с собором старших братьев. Чудотворная икона Успения спускалась для поклонения к Богомольцам. Вокруг собора совершался крестный ход.

«По окончании литургии и молебна Пресвятой Богородице на лаврском дворе по древнему обычаю, ведущему свое начало от преподобных Антония и Феодосия, предлагается для Богомольцев, в великом множестве собирающихся к этому дню в лавру, трапеза, которую благословляет и отведывает священноархимандрит», — пишет историк дореволюционной лавры протоиерей профессор Ф.Титов. «С незапамятных же времен, — продолжает он, — в лавре установлен обычай, по которому в праздники употребляются священнослужительские облачения определенного цвета: в Господские праздники — парчовые золотые, в Богородичные и ангельские дни — парчовые белые, в апостольские дни — желтые, в святительские — голубые, в мученические — красные и в дни памяти преподобных — зеленые». Исходя из этого предания, мы можем заключить, что в древние времена в обители также была богатая ризница и что красота облачений составляла особую заботу настоятеля. О пении протоиерей Ф.Титов пишет: «В Киево-Печерской лавре употребляется особенный церковный напев, отличающийся необыкновенною красотой, редким сочетанием переходов... Лаврский напев производит чрезвычайно сильное и глубокое впечатление на Богомольцев, которые, благодаря ему, не чувствуют усталости во время молитвы, при весьма продолжительных богослужениях, совершающихся в лавре»²⁵⁶.

О традициях лаврского пения мы можем судить и по записям Павла Алеппского. Они хоть и сделаны гораздо позже домонгольских времен, но все же могут дать нам представление о тех певческих порядках, которые были заложены еще преподобным Феодосием. Архидиакон описывает богослужение патриарха Антиохийского Макария в лаврской церкви апостолов Петра и Павла на всенощном бдении по случаю престольного праздника. «Зажгли паникадила и свечи, поставили красивый аналой, и канонарх начал читать, а певчие пели псалом вечерни стихами попеременно на обоих клиросах, нараспев. Его пели весьма приятным напевом, пока не кончил канонарх. Пели также «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» до конца. Затем вышел диакон и возгласил великую эктению. Потом пели Подобны, затем «Слава Отцу», причем монахи вышли из своих форм* и встали в центре кругом, по их всегдашнему обычаю при каждой «Славе» и при каждом «Достойно есть». Потом выходили на малый вход и пели «Свете тихий»... Диакон сказал эктению и прочел «Сподоби»; потом он произнес: «Исполним вечернюю молитву». После этого вышли на великий вход во внешний нартекс шесть пар священников — каждая пара в одинаковых фелонях — и два диакона с кадилницами. Наш владыка — патриарх, сойдя, стал на своем месте близ больших, главных дверей, а священники стали кругом него. После того как оба диакона окадили образа и патриарха в первый и во второй раз, потом предстоящих, один из них начал прошение литийное: «Спаси Боже, люди Твоя»...

«Господи помилуй» пели сладостным и протяжным напевом. Наш владыка патриарх прочел положенную молитву. Мы продвинулись вперед, и наш владыка патриарх кадил вокруг пяти хлебов, расположив их крестообразно по обыкновению. Окончили молитву и начали утреню... Прочли псалмы, диакон кадил при полиелее, священник прочел Евангелие утрени. Затем последовал по обычаю канон. По седьмой песне и синаксаре первенствующий священник прочел поучение Афанасия, патриарха Иерусалимского. Потом пропели на обоих клиросах «Слава в вышних Богу», приятным напевом, все вместе с певчими... с маленькими мальчиками, голосом, хватающим за душу...»²⁵⁷.

В древней Печерской обители обыденное унисонное пение сменялось при праздничном богослужении демеством. Предположительно, оно имело интонационное родство с «красным» демеством патриаршего пения Византии. «К этому времени уже появились первые чинопоследования в честь новопрославленных наших святых: князей Бориса и Глеба, преподобного Феодосия и других. Необходимо было создавать песнопения своим святым, и для этого использовались греческие мелодии как образцы»²⁵⁸. Музыковед монахиня Ольга (Володина) подтверждает это: «Зависимость древнерусского осмогласия от византийского можно показать и на основе конкретного анализа рукописей. Так, в стихирах наиболее торжественных византий-

* Деревянных сидений с высокими спинками.

ских праздников (Архангела Михаила, великомученика Георгия, Димитрия Солунского, пророка Илии) и в подражании им — в стихирах, посвященных некоторым русским святым (Борису и Глебу, Феодосию Печерскому), нередко встречается чередование нескольких гласов»²⁵⁹.

В Московском Государственном историческом музее хранятся нотные кондакари и стихирари* XII в. Во многих из них содержатся стихиры преподобному Феодосию Печерскому. В Российской Национальной библиотеке находится нотный кондакарь нач. XII в., принадлежавший Нижегородскому Благовещенскому монастырю. В нем помещены кондаки святым Борису и Глебу и преподобному Феодосию. Там же хранится нотный стихирарь Новгородской Софийской библиотеки, написанный при Новгородском епископе Аркадии (1156-1163), духовном ученике святителя Нифонта, в котором есть стихиры преподобному Феодосию и святым Борису и Глебу. В Минее XII в. из ГИМа под 3 мая помещена служба «во день оуспенье святаго Феодосиа, игумена печерьскаго».

Вышесказанное дает нам основание констатировать, что сразу после канонизации основателя Печерской обители его почитание приобрело общецерковный характер. В Минеиный круг его служба, составленная преподобным Григорием Печерским, вошла наряду со службой страстотерпцам Борису и Глебу задолго до внесения туда служб равноапостольным князю Владимиру и княгине Ольге. Она включала четыре стихиры на «Господи воззвах» и канон²⁶⁰. В ней преподобный Феодосий сравнивается с Иоанном Лествичником, апостолом Павлом и пророком Иеремией. Служба, как показывает ее анализ, составлена на основе Несторова Жития. В ней особо подчеркивается наставничество преподобного Антония, от которого, как от «животочного источника», напоющего душу Феодосия, «клась** Божественный взрасте» и сотвори его душу «неистошаему воистину Иосифову житницу».

Последователи преподобного Григория — создатели возникших позднее молитвословий в честь основателей лавры — взяли за основу тезис песнопевца о неразрывности духовного подвига святых Антония и Феодосия. В службе, созданной несколько столетий спустя, используются как подобны гимнографические формулы Григория. Печерские угодники называются в ней «апостольской двоицей», «двоицей преблаженных отец». В седальне по 3-й песни канона подчеркивается общность их избранничества: «...оба бысте чудотворцы, оба теплии к Богу молебники, оба величьи... угодники». К ним применяется двойственное число***. «Услышавше равноангельное двою тою отцу в пещерах пребывание, мнози стекошася к нима подражати постнических подвигов», — поется в тропаре 4-й песни 2-го канона утрени. «Сиа еста преудобренная отца, аки Херувимы осеняющие дом Богоматери...» — гласит тропарь 6-й песни 1-го канона утрени. Великий гимнограф XVII в. святитель Димитрий Ростовский воспекает в иконе сен-

тябрьской минеи: «Кое похваление принесем двоице великих угодников Божиих: Антонию, обретшему благодать перед Господом, Феодосию, сподобльшемуся благодати от Господа, оба же послужившими Богоблагодатней Пречистой Деве».

Современный богослов архимандрит Макарий пишет: «Истоки двоичного почитания святых могут быть различные: духовная близость подвижников и их совместный подвиг, то есть спостничество еще при земной жизни, которое затем переходит в их неразрывное почитание. В таком случае духовное единение святых угодников, начавшееся на земле, продолжается и в Церкви Торжествующей. Двоичность — начало соборности и единения со Христом: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20). Данное явление несет элементы агапичности и филичности»²⁶¹.

Вернемся к службе преподобному Феодосию, созданной Григорием. Стихи 9-й песни канона передают живую атмосферу монастырского празднования памяти аввы:

«Память твоя днесь намъ яко солнце возсія, преподобне. Целующе раку твою яко божественный кивотъ, окрест стояще и верно воспевающе с вышними силами твое усьпение, Феодосье.»

«Обрася торжество ныне в память твою, воспети Бога, тебе подавшего добрая труды, яже ты претерпел. Тем и молися Ему избавитися стаду твоему от соблазн вражних, его же ты стяжал, мудре, молитвами твоими.»

Мы словно воочию видим изнесенную на средину храма раку преподобного, стоящих окрест священнослужителей, кланяющихся святым мощам преподобного и прикладывающихся к ним, слышим пение хора, воспевающего вместе с вышними силами честное преставление угодника Божия.

Стих 9-й песни говорит о всеобъемлющем характере празднования:

«Радуйся, граде рускын, примъ сокровище некрадомо от Бога. Помощника велика во блаженнаго и заступника теплаго, божественнаго Феодосья восприятъ, иже с лики мнишьскими ныне веселится.»

Из его содержания можно заключить, что весь Киев стекался в лавру в день памяти преподобного, и особенно иноки окрестных обителей. «С лики мнишьскими» — значит с хорами иноков из других монастырей, составлявших один общий грандиозный лик, прославлявший Бога и Его угодника блаженного Феодосия.

Богородичная стихира на «Господи воззвах» удостоверяет нас в том, что автором ее был благоговеинный печерянин. В ней Успение Пресвятой Девы упоминается наряду с построением Свято-Успенского храма, в котором совершается память успения преподобного Феодосия:

«Радуйся, Дево Всепетая, иже столпомъ огненным пажитъ показавши, идеже паствитися** божественное стадо хотяще. Церковь бо тв авне воздвиге Феодосий, преукрашену и всечюдну. В нейже вси празднуем Усьпение Твое вернии, окрестъ стояще раки Твоего угодника.»**

* Сборники кондаков и стихир.

** Колос.

*** Кроме ныне существующих, в славянском языке было и двойственное число, утраченное последующей языковой практикой.

**** Пастись.

Ритмика стихир, их поэтичность, благозвучие и напевность фраз позволяют видеть в авторе музыкально одаренного человека, тонко чувствующего специфику песнопевческого творчества, опытного клирошанина, из собственной практики хорошо знающего роль и место каждой стихир в богослужении. Так, судя по содержанию 9-й песни канона, иноки в это время выходили из своих форм на средина храма, чинными рядами становились окрест раки преподобного Феодосия и воспевали «единым сердцем и едиными усты» с ликами монашествующих из других монастырей песнь своему доброму пастырю, собравшему на пажити Пресвятой Богородицы — во всечестном храме Успения — словесное стадо.

В день самого праздника совершались литургия и освящение воды. Уже тогда в лавре славился чудотворениями источник преподобного Феодосия, находившийся у подножия «Нового» Феодосьева монастыря. Молва о его целебной воде получила сугубое распространение после чуда над прокаженным, о котором рассказывает житие преподобного Алипия. Киевляне, а также паломники из других «градов и весей» стекались в лавру огромными толпами, стремясь приобщиться к неиссякаемым струям Божественной благодати.

Придите, стецѣмся вси къ божественей памяти отца нашего Феодосыа, — восклицает преподобный Григорий. — **Се бо от юности званье свыше приятъ, и от нерѣя благодатный нам даръ. Тем вывъ христолюбивым княземъ учитель правыя веры, вельможам твердое защищенье, сирым яко отецъ милосерд, вдовицам же яко теплое заступленье, скорбящим утешенье, нищим сокровище. Мнишескому же лику лествица, возводящи на высоту небесную. Всем же к нему притекающим яко источник приснотекущая воды, еяже и нас сподоби вкусити, Христе Боже, по велицей Твоей милости.**

Вспомним описание Феодосьева дня в лавре, принадлежащее Нестору Летописцу: «Игумени вси от всех монастырей съ множеством черноризецъ придоша, и людие благовернии... съ множеством свещ и фимьяном... изыдоша же от града народи въ сретение святому, свещи въ руках держаше. И бе видети въ церкви покрываему дневному свету свещным светом. Прикасающеса святителіе, обლობыающе мощи святого; припадающе іереи, любезне целующе, иноки же с народом прикасающеса одежди святого; песни духовныа Богу возсылающе, благодарственаа хваления святому приносяще... И тако праздноваша светло той день».

В описаниях празднования у Григория и Нестора много общего. Тем ярче вырисовывается атмосфера духовного торжества, которое озаряло лавру в день памяти великого аввы.

Вопрос о том, кому принадлежит певческая запись стихир и кондака преподобному Феодосию в списках XII в., не решен. В Нижегородском кондакаре она имеет сходство с записями греческих книг X-XII вв. Греческий кондакарный распев в нем соединен с греко-славянским знамен-

ным распевом²⁶². Певческие книги этого времени содержат знаки кондакарной и знаменной нотации византийского происхождения. В рукописях нередко встречаются остатки греческих слов, записанных славянскими буквами, а также употребляются византийские певческие термины, обозначающие определенные мелодические фигуры. Очевидно, русские певцы использовали византийский певческий канон, мелодии византийских стихир, схемы греческих музыкальных композиций, приспособлявая их к славянскому тексту.

В 1130 г. великий князь Мстислав, сын Мономаха, вызвал из Греции трех «гораздых» певцов — Мануила, Феодора и Игнатия. Следует заметить, что некоторые фрагменты богослужения на Руси исполнялись тогда по-гречески. Народ, собиравшийся в 1072 и 1115 гг. в Вышгороде на перенесение мощей князей Бориса и Глеба, пел «Кирие элейсон». Звенигородцы, освободившиеся в 1146 г. от врагов, в радости взывали «Кирие элейсон». Даже ратные люди употребляли эту краткую молитву. Когда воины великого князя Изяслава II нашли его после кровопролитного сражения в 1151 г. живым, то начали петь «Кирие элейсон»²⁶³.

В 1136 г. греческий певец Мануил был поставлен епископом в Смоленск. Когда в 1147 г. разразился раскол из-за поставления на митрополию Клима Смолятича, епископ Мануил и святитель Нифонт Новгородский на долгие годы стали единомышленниками и соратниками в борьбе за каноническую чистоту Церкви. Интересна такая деталь: печать епископа Мануила имеет изображение Оранты — Знамени. Наверное, не будет слишком смелым предположить, что автором стихир преподобному Феодосию из кондакаря новгородской Софийской библиотеки мог быть епископ Мануил, «гораздый» мастер певческого искусства²⁶⁴.

Святитель Нифонт вполне мог быть инициатором этого благого начинания. Он являлся признанным авторитетом в области канонического права и богослужения, состоял в переписке с domestikом Кириком, «калугером»* новгородских Юрьева и Антониева монастырей. Из этой переписки ясно, что Нифонт с любовью относился к греческим обычаям. Предполагается, что он бывал в Греции и Константинополе. В переписке Нифонт и Кирик касались и наследия преподобного Феодосия Печерского²⁶⁵.

Знаток пения мог быть и Григорий Печерский, творец канонов. Его стихирь очень распевны, хорошо ложатся на голос. Составляя службу преподобному Феодосию, он, вероятно, уже подбирал подобны либо ориентировался на те подобны, которыми располагал распев Киево-Печерской обители. Если так, то именно отсюда, из

лавры, стихирь и кондак попали в певческие сборники и получили распространение по всей стране.

Митрополит Макарий относит к авторству преподобного Григория каноны на пе-

Печать епископа Смоленского Мануила.

* Монахом.

ренесение мощей святых Бориса и Глеба (празднование — 2 мая, рядом с праздником преставления преподобного Феодосия Печерского), на перенесение мощей преподобного Феодосия (это уже вторая служба авве. Знаменательно, что она совершалась накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы), службу святому равноапостольному князю Владимиру.

С кончиной преподобного Григория, последовавшей, по предположению, в 1120 г.²⁶⁶, отечественная гимнография не угасла. В 1164 г. в Ростове, во время копания рвов для фундамента нового собора вместо прежнего, сгоревшего, обнаружили мощи святителей-печерян Леонтия и Исаии. Тогда же было установлено празднование в честь святителей²⁶⁷. Епископ Ростовский Иоанн составил службу святому Леонтию. В ней имеются стихиры малой вечерни и 8 стихир на «Господи воззвах» великой вечерни. Утренняя содержит седальны и канон, надписанный «творение Иоанна епископа». Выразителен тропарь, в котором подвиг священномученика Христова назван апостольским. В службе святому Исаии, написанной, по мысли архиепископа Филарета Гумилевского, вместе со службой святому Леонтию, говорится: «Преславный и чудный Леонтий яко благоцветущ сад насади Ростовския люди... Ты же, блаженне, до конца сих напоил еси твоим учением и ко Христу зрелый плод принесл еси»²⁶⁸.

Обретение мощей святителя Леонтия Ростовского. Из Строгановского лицевого подлинника.

мр. ѿ. Свѣи Леонтиѣ. ст. игнаѣи. ст. исаиѣ. свѣи. то до.

Богоматерь с ростовскими чудотворцами Леонтием, Игнатием и Исаией. Прорись с древней иконы.

Службы святителям Ростовским во многом подражают стилю преподобного Григория. «В них нет стремления дать и раскрыть великие богословские истины»²⁶⁹. И хотя они подкупают простотой, смирением, искренностью, но всецело находятся под мощным воздействием таланта печерского гимнографа.

Подводя итог, мы приходим к констатации, что почти все службы канонизированным в домонгольский период русским святым писали печерские авторы: митрополит Иларион — святой княгине Ольге, преподобный Григорий — святым князю Владимиру, страстотерпцам Борису и Глебу на перенесение мощей, преподобному Феодосию Печерскому. Под влиянием их таланта создавался канон святителям Леонтию и Исаии. Кроме этих угодников, на Руси тогда больше не было общечтимых святых, а преподобные Антоний, Алипий и другие чудотворцы Печерские, страстотерпец князь Игорь Черниговский, святитель Новгородский Никита, князь Всеволод-Гавриил Псковский, преподобный Авраамий Смоленский, преподобная Евфросиния Полоцкая чтились пока еще местно, без официального церковного признания²⁷⁰.

Как монастырь Феодора Студита, стяжавший славу византийского центра гимнографии, обогатил сокровищницу вселенского Православия великими творениями во славу Господа, Пречистой Богородицы и святых угодников Божиих, так и Киево-Печерская лавра украсила нашу Церковь величественными песнопениями, причем в честь не только русских, но и вселенских святых — святителя Николая Мирликийского, великомученика Георгия Победоносца, заслужив славу «цвеницы* духовной» и боговдохновенного «органа Духа»²⁷¹.

* Струны.

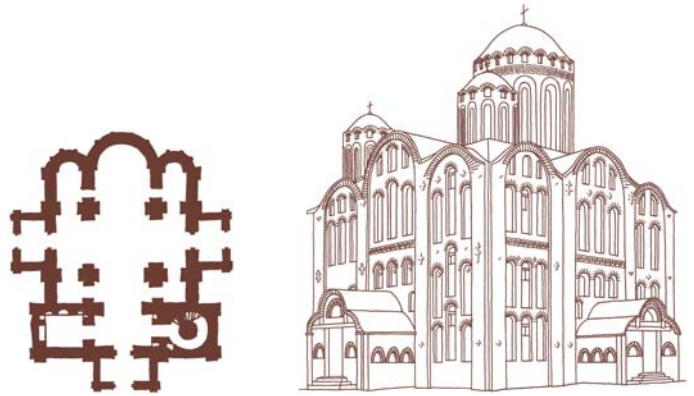
Церковно-богослужебный и обиходный уставы Киево-Печерского монастыря быстро распространились по храмам и обителям всей Руси. Этому способствовал как огромный авторитет лавры, так и доминирующее участие печерян в духовной, культурной и идеологической сферах жизни страны. Но процесс распространения влияния лавры не ограничился только принятием в Киевской митрополии ее устава. Мы можем авторитетно говорить о принятии всей полнотой Руси ее канона богослужебного синтеза искусств, канона ее культуры.

Лавра начала свою деятельность в эпоху Ярослава Мудрого, культурный взлет которой был обусловлен, как мы уже доказали, могучей харизмой митрополита Илариона. Блистательный период Ярославова княжения, давший Киеву Софийский собор и Золотые ворота, «Русскую правду» и «Слово о Законе и Благодати», первую библиотеку и первые училища, способствовал всеобщему признанию культуры Руси и ее достойному вхождению в общемировое культурное пространство, когда Русь была «ведома и слышима всеми четырьмя концами земли».

К сожалению, преемники Ярослава не смогли, да и не были способны развить его достижений. Яркая вспышка культурного расцвета была, увы, недолгой. Вместо созидания князь сосредоточился на междоусобных сварах. Культурная жизнь страны мельчает, теряя мощную государственную поддержку. «Время крупных градостроительных мероприятий и сооружения величественных многоглавых соборов прошло»²⁷².

Наступила пора перманентной политической смуты, во время которой происходило не столько созидание, сколько разрушение святынь. Вспомним, что при Изяславе Печерская обитель дважды подвергалась угрозе разорения. За время его княжения Киев несколько раз находился на грани гражданской войны. Из храмов же при нем был заложен только Свято-Димитриевский собор, да и тот остался недостроенным. И хотя великие князья Святослав, Всеволод, Владимир Мономах и другие были просвещенными и любящими искусство людьми, им не дано было подняться до уровня строителя Софии Киевской.

С тех пор княжеское храмостроительство стало подражательским, ориентирующимся либо на достижения Ярославова стиля, либо на архитектурный канон другой древнерусской святыни, равновеликой Софии, — Свято-Успен-

*Церковь Спаса на Берестове.
Реконструкция Ю.Асеева и В.Харламова.*

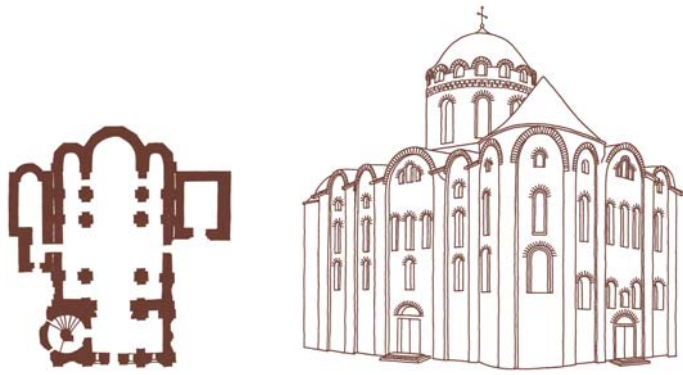
ского собора Киево-Печерского монастыря. О заметном упадке искусства в описываемый период говорит то обстоятельство, что многие церкви, построенные тогда, имели конструктивные изъяны, приведшие к их разрушению. Это киевский Свято-Андреевский храм князя Всеволода, рухнувший в 1105 г.; вышгородский Борисоглебский собор того же князя; переяславский Михайловский собор митрополита Ефрема, обвалившийся в 1123 г.; ростовская церковь Пресвятой Богородицы Андрея Боголюбского, обрушившаяся в 1204 г.; собор святого Георгия в Юрьеве Польском князя Юрия Долгорукого; суздальская Богородичная церковь Долгорукого, рухнувшая в начале XIII в. Исчезло искусство мозаичного украшения храмов. После Софии оно нашло продолжение только в Печерской обители.

В период заката Ярославовой эпохи, когда великокняжеская культурная традиция пребывала в стагнации, Господь воздвиг новую святыню, которой суждено было стать немеркнущим маяком для церковной культуры Отечества, — Свято-Успенский собор Киево-Печерской лавры. Повторим, что лаврский собор был первым храмом на Руси, освященным в честь Успения. Его духовными прототипами послужили Успенские храмы русского монастыря Ксилургу на Афоне и константинопольского Алексиево-Студийского монастыря. С тех пор он получил силу архитектурного канона, стал, говоря языком иконографии, «подобием» и «подлинником» для всего последующего храмостроительства страны.

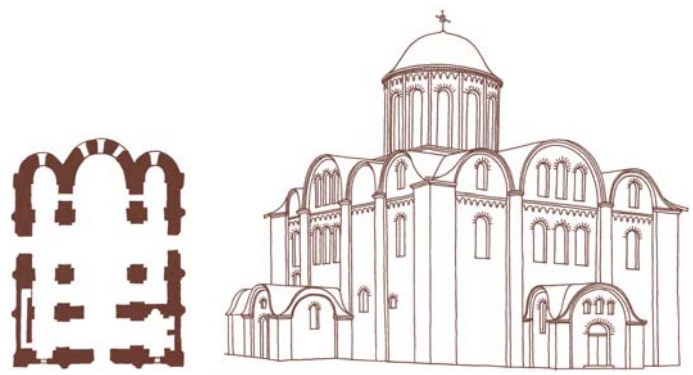
В первую очередь влияние этого канона сказалось на церковной архитектуре Киева. Преподобный Стефан «возгради» в Кловском монастыре большой трехнефный восьмистолпный собор Влахернской Богоматери в честь Ризоположения, который был, несмотря на ряд отличий, реминисценцией данного жанра. «Стефанъ, Богу помогающе, молитвами преподобнаго наставника ему отца Феодосіа съставе собе монастырь на Клове и церковь възгради въ имя Святыя Богородица и нарекъ имя ей по образу сущаго въ Костянтине граде, иже Влахерне». В 1108 г. храм был окончательно завершён: «В се же лето кончаша верхъ святыя Богородица Влахерны на Клове, заложен Стефаномъ епископомъ, бывшу ему преже игуменом Печерскаго монастыря»²⁷³.

*Собор Кловского Ризоположенского монастыря.
Реконструкция Ю.Асеева и В.Харламова.*

*Свято-Михайловский собор Выдубицкого монастыря.
Реконструкция Ю.Асеева.*

*Киево-Кирилловская церковь.
Реконструкция Ю.Асеева.*

Техника возведения стен постройки «близка технике кладки Успенского собора Печерского монастыря. Химический анализ строительных растворов и плинф из раскопок Кловского монастыря показал, что по своему составу и характеру заполнения они аналогичны растворам и плинфам Успенского собора. Не исключена возможность, что основная масса мастеров и помощников перешла на это новое строительство, когда главные работы по сооружению Успенского храма были закончены... В разных частях храма найдена штукатурка с росписью, что может свидетельствовать о том, что храм был расписан фресками»²⁷⁴. Роспись Ризоположенской церкви, вероятно, также была произведена артелью изографов Печерского монастыря. В 1108 г., когда Кловский храм был завершен, состоялась закладка Михайловского Златоверхого собора. Печерские мастера, как можно предполагать, приступили к росписи Стефановой обители в 1108 или 1109 г. (пока на ней не было верха, они не могли ее расписывать), а по окончании работ перешли в Михайловский собор. До 1114 г. — даты освящения Златоверхого собора — у них было достаточно времени для его росписи. Если эта версия верна, то возникают новые обстоятельства ранней смерти преподобного Алипия. Он мог участвовать в росписи обоих храмов, и чрезвычайно интенсивный график работ мог стать причиной резкого ухудшения его здоровья.

Что касается певческого искусства, то Клов, по благословию преподобного Стефана, явно культивировал лаврский распев.

При великом княжении Владимира Мономаха (1113–1125) рядом с Киево-Печерской лаврой была поставлена церковь Спаса на Берестове. Здесь с 1072 г. находился «Германеч» Спасский монастырь, основанный иноком Германом — возможно, печерянином. Интересно, что «близкими по технике строительства церкви Спаса на Берестове являются остатки фундамента собора в Суздале, сооруженного Владимиром Мономахом и епископом Ефремом, который был известен своей строительной деятельностью в Переяславле в начале XII сто-

летия»²⁷⁵. Церковь Спаса была большим шестистолпным крестовокупольным храмом, близким «по пропорциям форм граненых снаружи апсид и крестчатых столбов к Успенскому собору Печерского монастыря»²⁷⁶. В 1970 г. в храме на западной стене были обнаружены остатки росписи XII в.²⁷⁷. Трудно себе представить, что расписывать соседнюю с лаврой церковь Спаса могла приглашенная со стороны бригада — скорее всего, ее также украшали лаврские изографы. Вспомним, что в ставропигиальной грамоте князя Андрея Боголюбского этот монастырь упоминается как одно целое с лаврой.

В 1088 г. состоялось освящение Свято-Михайловской церкви Выдубицкого монастыря. Это был одноглавый шестистолпный трехнефный храм с нартексом и башней. На северной стороне сохранилась штукатурка с фреской XI ст.²⁷⁸. Пол был инкрустирован мозаикой. Строил храм великий князь Всеволод Ярославич, отец Мономаха, весьма почитавший Печерскую обитель и специально приезжавший с юным княжичем на закладку Успенского собора в Печерский монастырь. И хотя первоначально Михайловская церковь задумывалась в стиле древнего Спасского собора в Чернигове — закладка ее состоялась за три года до закладки Успенского собора, — но «факты свидетельствуют, что, очевидно, первоначальная идея строительства Михайловского собора... изменилась уже после того, как было начато строительство»²⁷⁹. Знаменателен факт освящения церкви епископами-печерянами Лукой Белгородским и Исаией Ростовским. В следующем, 1089 г. они участвовали в освящении Свято-Успенского собора Печерского монастыря. Не удивительно, что оба храма объединяла стилистическая общность. Игуменом в Выдубичах тогда был Лазарь, и если выстроить логическую цепочку

*Борисоглебский собор в Вышгороде.
План (по М.Каргеру).*

*Пирогоща.
План.*

*Церковь Гнилецкого монастыря.
План.*

столь замечательных совпадений до конца, то естественным будет в нем также видеть печерянина. На стенах Свято-Михайловского собора исследователями обнаружена надпись — граффити преподобного Стефана, духовного наставника игумена Лазаря.

Янчин Свято-Андреевский женский монастырь, построенный Всеволодом Ярославичем, был заложен в 1086 г. В нем подвизалась дочь Всеволода — преподобная Евпраксия, погребенная Мономахом в Печерской обители близ Успенской церкви. Наверняка Андреевский храм являлся одной из многочисленных тогда в Киеве реплик Успенской Печерской церкви.

Ю.С.Асеев пишет о существовании на северной окраине Киева Иорданского монастыря, раскопки которого вел в 1832 г. К.А.Лохвицкий. «По кирпичам и описаниям кладки это здание также можно отнести к концу XI — началу XII в.»²⁸⁰.

В 70-х гг. XI в. князь Святослав строит в «Копыревом конце» Киева Симеонов монастырь, который стал вотчиной его наследников, черниговских князей Ольговичей. М.К.Каргер в 1947 г. исследовал его фундаменты. Древняя постройка оказалась шестистолпным крестовокупольным храмом, пропорции которого, по сравнению с Печерским собором, были несколько вытянутыми. Кладка стен смешанная, очень близкая по характеру к кладке Печерского собора. Эту близость подтверждают также остатки меандрового пояса, украшавшего стены здания.

В 1129 г. сын Мономаха, великий князь Мстислав Владимирович, заложил в Киеве церковь святого Феодора Тирона. Она не сохранилась. На двух рисунках путешественника А.Вестерфельда, посетившего Киев в 1651 г., сделаны эскизы руин большого трехнефного храма. Исследователи Киева Я.И.Смирнов и Н.И.Петров считали, что Вестерфельдом изображен Свято-Феодоровский монастырь Мстислава. Ю.С.Асеев относит его к печерской архитектурной школе²⁸¹. Мстислав в 1132 г. совершил закладку Свято-Успенской церкви Пресвятой Богородицы Пирогощи²⁸², которая строилась 4 года. Этот сравнитель-

Крепостная стена Белгорода.

но небольшой трехапсидный шестистолпный одноглавый крестовокупольный храм был, в отличие от предыдущих, приходским. Его также можно считать репликой рассматриваемого жанра.

Близок к архитектурному стилю лавры храм Кирилловского монастыря в Киеве. Его в 1146 г. закладывает Всеволод Ольгович. Двумя годами ранее, в 1144 г., Всеволод Ольгович строит почти такой же — шестистолпный, одноглавый — храм в Каневе для учрежденной здесь кафедры Юрьевского епископа.

В 1194 г. в Кирилловской церкви был похоронен его сын, герой «Слова о полку Игореве» киевский князь Святослав, принявший перед смертью иноческий постриг. Святослав Всеволодович был ктитором еще одной церкви Киева — Свято-Васильевской, позднее Трехсвятительской. В 1185 г. «освящена была церковь святого Василия Великого, что стоит в Киеве на великом дворе, большим освящением месяца января в первый день. Сделали это священный митрополит Никифор, и блаженный Никифор, епископ Юрьевский, и архимандрит печерский, игумен Василий»²⁸³. Ее стройные очертания и изящные формы украшали силуэт нагорного Киева. Участие архимандрита Василия в ее освящении наталкивает на мысль о материальной или технической помощи лавры при ее возведении.

Архимандрит Василий был активным строителем. При нем лавра была ограждена высокими каменными стенами. Крепостные стены вокруг больших архитектурных ансамблей существовали тогда не везде. Они были во Владимире и Переяславле, вокруг Софийского митрополичьего двора, в других крупных княжеских или епископских центрах. Вот почему труды Василия получили высокую оценку современников. В письме некоего «старца» к печерскому архимандриту говорится: «Ты создал вокруг Печерского монастыря высокие и прекрасные стены на твердом основании. Для сего, во-первых, заготовил ты денежные средства, потом при помощи огня приготовил глину и, наконец, совершил дело при помощи воды и извести»²⁸⁴. Предание об этом строительстве дошло до XVII века. Иннокентий Гизель писал в Синописе: «Самый монастырь окрест каменными стенами отведен бысть на два стрельбища: в толстоту же или в ширину каменная стена баше на сажень, и врата каменные же, идеже церковь Троицы»²⁸⁵. В 1951 г. в саду Печерского заповедника были обнаружены остатки этой стены. Исследовали ее Ю.С.Асеев, В.А.Богусевич и позднее С.К.Килессо. Выдвинутые перед воротами участки стен играли роль бастионов, защищавших вход в монастырь. Толщина стены была 205 см, высота достигала 5-6 м. Завершалась она боевой площадкой с зубцами.

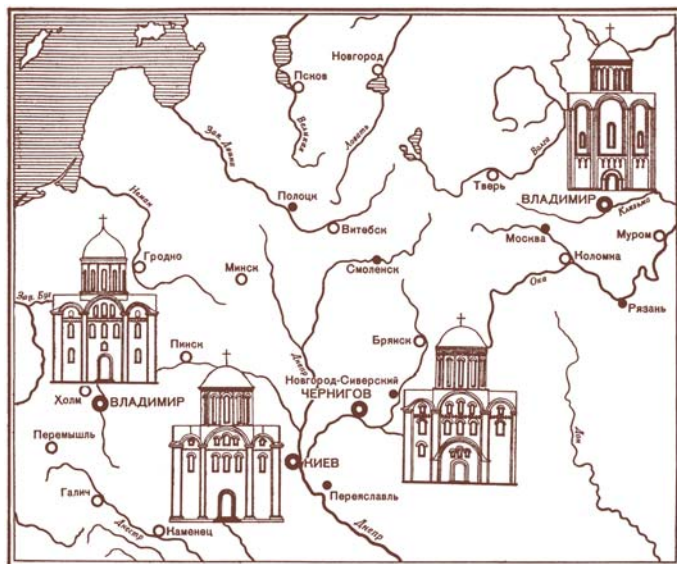

Собор Апостолов в Белгороде. Западный фасад. Реконструкция Ю.Асеева.

Значительное каменное строительство велось в обители после «труса» в 1230 г., когда «в монастыри Печерском церкви святых Богородица каменная на 4 части расступися». Тогда были полностью переложены южная стена собора, своды и барабан с куполом.

«Очень интересным памятником печерской архитектурной школы является раскопанный В.А.Харламовым в 1980 г. храм бывшего Гнилецкого монастыря. Монастырь, расположенный в живописном урочище Церковщина в 15 км к югу от Киева, был в древности скитом Печерского монастыря. Его основателем считали печерского игумена Феодосия. Скит, очевидно, играл и определенную хозяйственную роль, находясь в центре земель, принадлежавших Печерскому монастырю. В XI в. постройки монастыря были деревянными, позже там была сооружена каменная церковь Богородицы. В 30-х годах XIX ст. остатки хорошо сохранившихся нижних частей здания были раскопаны монахами. Еще раз фундаменты были вскрыты в 1900 г. при строительстве новой каменной церкви. Это был небольшой четырехстолпный трехапсидный храм. Внутренние столбы были квадратной формы, угловые лопатки — плоскими, а две центральные имели трехступенчатые профили... характерные для смоленских зданий и ранее еще не встречающиеся в киевских. Ленточные фундаменты отсутствовали: под столбы были выкопаны отдельные котлованы, что также характерно для техники конца XII — начала XIII ст. Кирпич — маломерная плинфа, часто с рифлениями, как в Белгородском соборе... Особенно любопытны оказались фрагменты фресковой росписи, сохранившиеся в нижних частях западного угла здания. Яркие цвета орнамента, выполненного на светлом фоне, напоминают живопись собора Апостолов в Белгороде»²⁸⁶.

Древний Белгород — нынешний поселок Белгородка под Киевом. В жизни столицы Белгород играл большую роль. Сюда сходились транспортные пути на Волынь и Галич — «в Ляхы и Угры». Через Белгород шел торговый путь «в Немьци» — в Регенсбург и оттуда в Европу. Белгородская крепость, построенная в 991 г. Владимиром Святославичем, была ключевым оборонительным форпостом столицы. Здесь же находилась резиденция Белгородских епископов. Некоторые из владык Белгорода были печерянами. В 1197 г. состоялось освящение каменного собора в честь святых Апостолов, на котором присутствовал печерский архимандрит Василий: «В се же лето, месяца декабря в шестой день, благоверный князь Рюрик завершил церковь каменную святых Апостолов в Белгороде. Когда он приехал из Киева, то освятил церковь каменную святых Апостолов, епископию Белгородскую, великим освящением... Тогда же князь... созвал духовный пир: Адриана, Юрьевского епископа, и архимандрита Василия, печерского игумена, и Моисея, игумена монастыря святого Михаила Выдубицкого»²⁸⁷. Это был большой шестистолпный трехапсидный храм. Чрезвычайный интерес в нем представляли золотофонные фрески, имитировавшие, очевидно, золотые фоны мозаик. Золотофонные

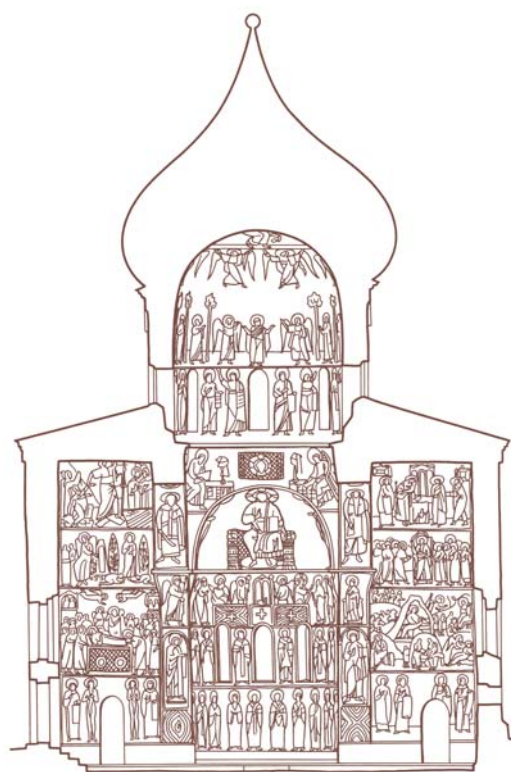
Стилевое единство церковной архитектуры Древней Руси. Кирилловская церковь в Киеве, Успенские храмы во Владимире-Волынском, Чернигове, Владимире-на-Клязьме.

фрески украшали и овручский храм святого Василия, построенный в 1190 г.

Общие черты с лаврским собором имел каменный храм святых Бориса и Глеба в Вышгороде. Показательно, что инициатором его сооружения выступил в 1073 г. князь Святослав Ярославич, покровительствовавший постройке Великой Успенской церкви Печерского монастыря. Освящение храма состоялось при Владимире Мономахе.

Около 1147 г. под Киевом был построен Зарубский монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы. В нем обнаружены древние пещеры²⁸⁸.

Лавра вплоть до татаро-монгольского нашествия оставалась ведущим архитектурно-строительным центром

Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Схема росписей.

страны и продолжала оказывать большое влияние на развитие всей древнерусской архитектуры. Ей обязаны своим стилистическим направлением школы Киевской, Переяславской, Волынской, Черниговской, Рязанской, Смоленской и других земель. «Каждая из них имела некоторые особенности: употребление в декоре резных каменных деталей в Чернигове и Рязани, блестящее мастерство в выделке керамических деталей черниговских мастеров, разнообразие типологических черт в зодчестве Смоленска, некоторая традиционность в зодчестве Киева и Переяслава. Еще больше местных отличий наблюдается в архитектуре областей, значительно отдаленных от Приднпровья, — белокаменном зодчестве Владимиро-Суздальской Руси, своеобразной художественной пластике архитектуры Новгорода и Пскова, близкой к романскому зодчеству каменной архитектуре Галича... Все названные школы были тесно связаны между собою едиными общими стилистическими чертами»²⁸⁹.

«Тип Успенского собора Печерского монастыря надолго стал эталоном для древнерусских церквей... Типу Печерского собора следовали зодчие, строившие соборы в Ростове, Суздале и Смоленске. Хотя и по-своему переработанный, но тот же тип шестистолпного крестовокупольного храма был принят для Благовещенской церкви, соборов Николо-Дворищенского, Юрьева и Антониевого монастырей в Новгороде... Образец Печерского собора оказался настолько популярным, что в последующий период вместе с новыми стилистическими чертами получил распространение в Переяславле»²⁹⁰. Я.Н.Шапов пишет: «Кафедральные церкви епископий, учреждавшихся в XI — начале XIII в., были посвящены, как правило, одному и тому же празднику, Успению Богоматери (Владимир-Суздальский и Владимир-Волынский, Ростов, Смоленск, Галич, Рязань, Холм). Успенскими были и многие городские церкви, не являвшиеся первоначально кафедральными (Ярославль, Старая Ладога, Дорогобуж-Волынский). Архитектурным образцом для строительства части этих храмов была Печерская церковь»²⁹¹.

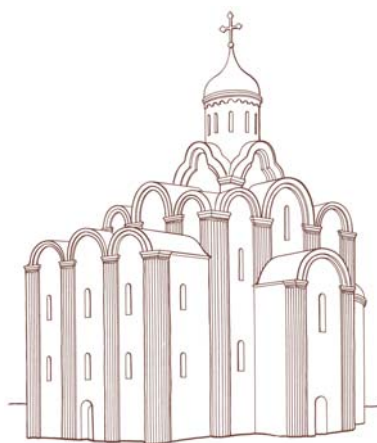
Ближайшим к Киеву было Черниговское княжество. Черниговский Борисоглебский собор (1120-1123 гг.) —

трехнефный, с нартексом, при одной внушительной главе; Успенский собор Елецкого монастыря (1112-1120 гг.), ктитором которого являлся епископ Феокист, бывший печерский архимандрит; изящная церковь Параскевы Пятницы (конец XII — нач. XIII в.), Благовещенская церковь на новом князем дворе (1186) и другие черниговские храмы были, как доказано исследователями, реминисценциями соборного монастырского жанра²⁹².

Господин Великий Новгород, при всей своей гордой своеобразности, также был связан с лаврой крепкими узами духовной и культурной общности. Его самые знаменитые архиереи были печерянами. «Иждивением» святых епископов Никиты и Нифонта был расписан Новгородский Софийский собор со всеми притворами. Святитель Нифонт «поби Святую Софию свинцем» — сделал новую кровлю. Энергичный храмостроитель, он основал на Новгородщине и Псковщине очень много храмов и монастырей, среди которых программным можно назвать возведенный в 1135 г. собор на центральном Торговище в честь Успения²⁹³.

В 1113 г., после значительного перерыва, в городе разворачивается интенсивное каменное строительство. Его выполняли киевские мастера, присланные Мономахом в помощь своему сыну Мстиславу. В 1113 г. Мстислав закладывает собор святого Николы на Дворище. Исследователи отмечают особенную близость форм Никольского храма на князем дворе архитектуре киевской Михайловской Златоверхой церкви²⁹⁴. В 1117 г. основан собор Антониева, а в 1119 — Юрьева монастырей. Среди ученых распространено мнение, что Никольский и Юрьевский соборы возводил один зодчий, имя которого сохранили Новгородские летописи — мастер Петр²⁹⁵. «Можно предположить, что ранее мастер Петр брал участие в возведении Михайловской Златоверхой церкви, а возможно, и печерских строений»²⁹⁶. Заметим, что после новгородских Благовещенской и Свято-Никольской церквей князь Мстислав Владимирович строит в Киеве храмы святого Феодора Тирона и Пресвятой Богородицы Пирогощи.

При святителе Нифонте окончательно складывается оригинальный стиль новгородской иконописи, которая ос-

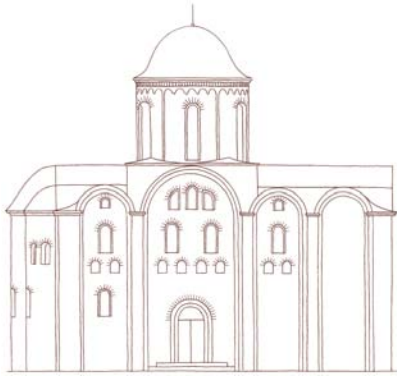
Псковский Свято-Троицкий собор.
Схема реконструкции
Н.Воронина.

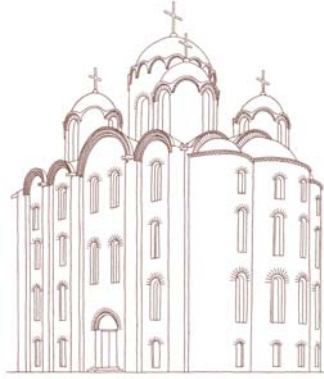
Овручская
Свято-Васильевская церковь.
Реконструкция П.Раппопорта.

Новгородская Параскево-Пятницкая
церковь на Торгу.
Реконструкция Г.Штендера.

*Каневская (Юрьевская)
Свято-Успенская церковь.
Реконструкция Ю.Асеева, П.Юрченко.*

*Новгородский Николо-
Дворищенский собор.
Реконструкция Г.Штендера.*

*Черниговский
Успенско-Елецкий собор.
Реконструкция Н.Холостенко.*

вобождается от византийского влияния и приобретает собственные черты. Ее своеобразная красота — в строгой аскетичности ликов, экспрессивной насыщенности цвета, глубокой психологичности образов. В 1153 г. в трех верстах от Новгорода игумен Аркадий, ученик Нифонта, строит Успенский монастырь. В 1198 г. в окрестностях Новгорода основывается Спасский Нередицкий монастырь, знаменитый своей росписью, имеющей много общего с росписью Успенского лаврского собора.

В 1195 г. новгородский епископ Мартирий возвел Ризоположенский храм на городских воротах, явно ориентируясь на идею Небесного града, прототипом которого служил на Руси второй Константинополь — Киев с его Успенским собором, имевшим тайнодейственную связь с Ризоположенским Влахернским храмом Царьграда.

С Новгородом соперничала и в политическом, и в культурном планах Ростово-Суздальская Русь. Ее восхождение началось с княжения Владимира Мономаха. Около 1078 г. Мономах строит в Ростове церковь Пресвятой Богородицы, «совершенно подобную по высоте, долготе и широте Великой Киево-Печерской церкви, в память чудесного исцеления своего при заложении сей последней»²⁹⁷. Знаменательно, что княжеский город на соседних высотах получил название «Печерского»²⁹⁸.

Этимология местных географических названий свидетельствует о стремлении князя создать здесь «новый» Киев. «Отсюда и наименование здешних природных речек с киевскими названиями: Лыбедь, Ирпень, Почайна»²⁹⁹. Расписывали собор по иконописным подлинникам лаврской Успенской церкви, присланным из Печерской обители и составленным предположительно преподобным Алипием. Здесь же, в местном ряду иконостаса, стояла его чудотворная икона Пресвятой Богородицы. В соборе с 1164 г. почили святыи мощи Ростовских епископов-печерян Леонтия и Исаии.

В Суздале Мономах в 1096 г. возводит по благословению Переяславского митрополита Ефрема монументальный собор, с нартексом, одноглавый, без галерей и притворов (раскопки О.Д.Варганова). Его сын Юрий Долгорукий, в бытность удельным князем в Суздале, в 1113 г. строит храм Пресвятой Богородицы «в меру» Великой Пе-

черской церкви, о котором в Киево-Печерском Патерике читаем: «Сын же того Георгий князь... и той в своем княжении созда церковь в граде Суздале в ту же меру»³⁰⁰. Знаменательно, что освятил ее в 1148 г. по просьбе Долгорукого Новгородский владыка Нифонт, который приходил в Суздаль во главе посольства новгородцев для переговоров о мире³⁰¹.

Удачливый в военных походах, князь Юрий был, однако, плохим строителем. Созданный им храм начал рушиться, и в 1222 г. святитель Ростово-Суздальский Симон (создатель Патерика) начал строить новую соборную церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Она была закончена им в 1225 г. и освящена 8 сентября, в престольный праздник храма.

Суздаль можно назвать вотчиной Киево-Печерской лавры. Здесь поселился боярский род Шимоновичей во главе с Георгием, тысяцким князя Юрия Долгорукого. В Суздале находился Свято-Димитриев монастырь «с сель», который был подворьем Киево-Печерского монастыря. О духовной породненности Суздаля и Киево-Печерской лавры говорит то обстоятельство, что в северном городе появился Ризоположенский монастырь. «Монастырь Ризоположенский Суздальский с церковью Положения Честной Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне основан неизвестно кем в 1207 г. Некоторые сведения о нем сохранились в житии преподобной Евфросинии Суздальской. Она была дочерью черниговского князя Михаила, впоследствии пострадавшего в Орде. Испрошенная молитвами своих родителей, с детства воспитанная в строгом благочестии, обученная грамоте и книжной мудрости высокообразованным боярином Феодором, который впоследствии пострадал вместе с Михаилом, Феодулия с юных лет чувствовала влечение к иноческим подвигам. И потому, когда слава о разуме и красоте ее привлекла к ней многих женихов и когда родители положили выдать ее за суздальского князя Мину Ивановича, потомка знаменитого князя варяжского Шимона, Феодулия хоть и не противилась воле родителей, но пламенно молила Бога сохранить ее в девстве. Молитва чистой души была услышана. В то время как черниговская княжна была уже на пути в Суздаль, жених ее скончался, и она решила вступить в иноческую Ризо-

положенскую обитель. Это случилось в 1227 г. При пострижении Феодулия была названа Евфросиниею и с величайшей ревностью предалась иноческим обетам. Пищу принимала раз в день, иногда через день, а иногда и раз в неделю. С совершенною покорностию исполняла волю старших и несла разные послушания. Ночи нередко проводила без сна в чтении слова Божия и молитвах. Неопустительно ходила в церковь, где пела и читала так, что привлекала в обитель многих богомольцев из города. Испытанная мудрость Евфросинии была причиною того, что игуменья иногда повелевала ей произносить в церкви наставления сестрам. Эти наставления и особенно высокая святость преподобной Евфросинии производили необыкновенное действие: многие вдовы и девицы поступали в монастырь, чтобы учиться у нее благочестию, а обительницы монастыря смотрели на нее как на образец для себя во всех отношениях. Вообще, замечает жизнеописатель преподобной, Ризоположенский монастырь находился тогда в самом цветущем состоянии: во всей Руси не было такого монастыря по устройению благочиния и нигде нельзя было найти таких строгих богобоязненных черноризиц, какие подвизались здесь и между которыми Евфросиния сияла, как денница посреди звезд. Монастырь разделялся стеною на две половины: на одной жили вдовы, на другой — девицы. Но для молитвы те и другие собирались сначала вместе в один храм, а потом для жен построена была отдельная церковь во имя Пресвятой Троицы.

По пришествии татар в 1238 г., когда Батый взял Суздаль и разорил в нем храмы и монастыри, обитель Ризоположенская была сохранена от врагов молитвами преподобной Евфросинии, которая уже тогда славилась даром чудотворений. Долго еще подвизалась преподобная в своей обители, имела скорбь и вместе радость слышать о мученической кончине в Орде своего отца, князя Михаила, и своего наставника боярина Феодора (1246), и около 1250 г. предала дух свой Богу, причтенная впоследствии Церковию к лику святых³⁰². Как видно из иноческого устройства Ризоположенской Влахернской обители г. Суздаля, она во всем руководствовалась уставными порядками Киево-Печерского монастыря. Это значит, что не только мужские, но и женские обители Руси в своем духовном Храмотворении базировались на традициях лавры. Лучшим подтверждением этому служит факт благоговейного почитания в Евфросиниевой Ризоположенской обители печерских угодников. Наряду с Ризоположенским собором здесь действует Сретенская церковь с приделом во имя преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских³⁰³.

Еще более явственно идеологическая подоплека прослеживается в сооружении князем Андреем Боголюбским церкви Положения Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне на Золотых воротах Владимира — стольного города нового «великого княжества». Освящена она была в 1164 г. Ранее, в 1158-1161 гг., он строит в своей столице собор-

ный храм в честь Успения Пресвятой Богородицы «по примеру древлепрестольного Киева»³⁰⁴.

Заметим, что если во времена Ярослава Мудрого претендующие на первенствующую роль удельные княжеские города — Киев, Новгород, Полоцк — стремились обзавестись соборами в честь Святой Софии, явно ориентируясь на Константинополь, то в последующую эпоху их полностью вытеснили Успенские соборы. И это глубоко символично. Константинополь тогда уже утратил свое былое величие. Он находился в состоянии перманентной борьбы за выживание. «Седмихолмный» угасал, и значение всемирного центра Православия закономерно воспринял Киев. Успенский собор Киево-Печерской лавры, избранный Пресвятой Богородицей Своим наместничеством, стал для Руси тем, чем для Византии была Цареградская София. Энергичный и храбрый Андрей Боголюбский, стремясь получить для своего княжества первенствующее значение, прибегнул к сакральной силе идеи наместничества Богоматери. Для этого он в 1155 г. вывез из киевского пригорода, Вышгорода, в свой удел чудотворную икону Пресвятой Богородицы, написанную, по преданию, святым евангелистом Лукой. Эта великая святыня была привезена в Киев из Константинополя около 1131 г. и находилась в Вышгородской женской обители — родовом, или «отнем», монастыре Долгоруковичей. Во Владимире князь Андрей строит для этой иконы великолепный собор в честь Успения.

Чудотворный образ Владимирской Богоматери стал в нем запрестольным. Лаврентьевская и Троицкая летописи сообщают под 6663 (1155) г.: «Того же лета иде Андрей от отца своего Суждалю, и принесе икону Святую Богородицю, юже принесоша в едином корабли с Пирогошею из Цареграда, и вкова в ню боле тридесят гривен золота, кроме серебра и камня драгого и жемчуга, и украсив постави в церкви своей Володимери»³⁰⁵.

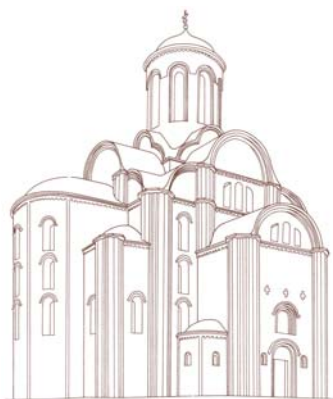
Строительство во Владимире Золотых ворот с Ризоположенской церковью и Успенского собора говорит об ориентации князя Андрея на идею Руси как новой Земли Обетованной. Недаром современный ему книжник в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» сравнивает его с царем Соломоном, вменяя ему в заслугу то, что он соорудил соборную церковь «и удиви ю* паче всихъ церквий; ...и украси ю иконами многоценьными, златом и камнем драгымъ, и жемчюгомъ великымъ безценьнымъ, и... украси всякими узорочьи, удиви ю светлостью же, не како зрети, зане** вся церкви бяше золота. И украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоценьными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могутъ сказати красоти ея». В подражание великому киевскому князю Святополку-Михаилу, Андрей Боголюбский позолотил ее купола, за что она, как и Михайловский собор в Киеве, получила название Златоверхой. Владимиро-Суздальские князья ежегодно давали десятину на содержание собора, в чем «сказывалось желание повторить сделанное Влади-

* Украсил ее.

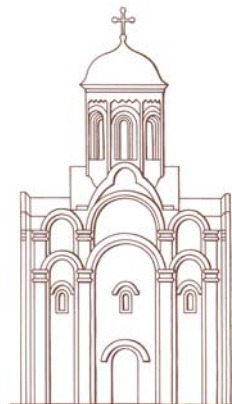
** Ибо.

Смоленский собор Свято-Троицкого монастыря на Кловке (1188-1209 гг.). Реконструкция П. Раппопорта.

Смоленская Архангело-Михайловская церковь (1180-1198 гг.). Реконструкция С. Подъяпольского.

Полоцкий Преображенский собор Спасо-Евфросиниевского монастыря. Реконструкция Н. Воронина.

миром святым в отношении первого храма на Руси — Десятинной Церкви»³⁰⁶.

Почти одновременно — в 1161-1162 гг. Андрей Боголюбский приступил к возведению Успенского собора в Ростове вместо сгоревшего Мономахового. Это был трехнефный одноглавый храм с традиционным нартексом. Весьма большие размеры здания, почти равные Печерскому собору, наталкивают на мысль о прямой параллели. Действительно, Ростовская соборная церковь Андрея Боголюбского считается одним из ближайших подражаний Великой Успенской церкви Киево-Печерской лавры³⁰⁷. Однако Успенский собор Владимира, хоть и был меньшим по размеру, гораздо превосходил ростовскую церковь по внутреннему убранству. В нем был погребен святитель Ростово-Суздальский Симон, составитель Печерского Патерики. С 1206 г. он игуменствовал в Рождество-Богородичном монастыре г. Владимира, а с 1214 г. исполнял архипастырское служение на Владимирской земле. Именно об этом соборе пишет он в послании к Поликарпу, утверждая, что всю его славу предпочел бы родной Печерской обители.

Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы был основан во Владимире князем Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо в 1192 г. Его супруга Мария основала женский Свято-Успенский монастырь, в котором в 1206 г. приняла монашеское пострижение. Возможно, постригал княгиню, свою духовную «дщерь», игумен мужской Рождество-Богородичной обители Симон, который и благословил ей «наречи»* женский монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы. Всеволод известен тем, что возобновил Успенский собор во Владимире после пожара 1185 г. Его сын Константин в 1213 г. возродил Ростовский Успенский собор после обрушения. Ростовский святитель-печерянин Кирилл II в 1231 г. украсил этот собор многоценной утварью, устроил в нем два богатых кивота, пожертвовал драгоценное облачение на престол, сосуды, рипиды и множество других богослужебных предметов, сделал прекрасные церковные двери с южной стороны, которые назывались Золотыми (вспомним двери преподобного Поликарпа, пожертвованные им в Успенский собор Киево-Печер-

ской лавры), подарил великие святыни — кресты и мощи святых в драгоценных гробницах. Жители окрестных мест нарочито стекались в Ростов, чтобы лицезреть эту чудную церковь, так что после возобновления она стала еще краше и великолепней³⁰⁸.

Князь Константин в 1215 г. заложил и Успенский собор в Ярославле, на княжьем дворе. Амбиции его были не меньшими, чем у Андрея Боголюбского. За свою любовь к просвещению он получил от современников название Мудрого. Лаврентьевская летопись называет его вторым Соломоном. Освятил Ярославский собор в 1219 г. епископ Кирилл I. Новый придворный собор не уступал кафедральным храмам Ростова, Владимира, Суздаля, соединенный с ними стилевой общностью. Возводили его из кирпича, но в убранстве фасадов использовали резьбу по белому камню. Пол был устлан разноцветными майоликовыми плитками, двери сияли золоченой медью. Многие искусствоведы склонны считать икону преподобного Алипия «Великая Панагия» принадлежностью именно этого храма³⁰⁹.

Переяславские храмы, построенные святителем Ефремом, также близки описываемому жанру. Митрополит Ефрем возвел монументальный Михайловский собор (около 1089 г.), церковь святого апостола Андрея Первозванного, другие храмы, украсив их «всякою красотою, церковными сосуды». В Суздале он создал Дмитриевский монастырь — подворье Печерской лавры. Знаменательно, что он поставил «церковь святого мученика Феодора на городских вратах, подобно тому, как и на киевских Золотых воротах была церковь святого Благовещения»³¹⁰.

В 1151 г. строится Успенский собор в Рязани. Архитектура его была традиционной — трехнефный одноглавый храм с нартексом. К сожалению, он был полностью уничтожен монголо-татарами. Рязань тогда входила в Черниговскую епархию.

Рязанский Борисоглебский собор, построенный князем Глебом, явно имеет черниговские архитектурные черты. Он представляет собой «почти копию Успенской церкви Елецкого монастыря... Его большие размеры ставят памятник рядом не только с Елецким, но и с Выдубицким и Ми-

* Наречь, назвать.

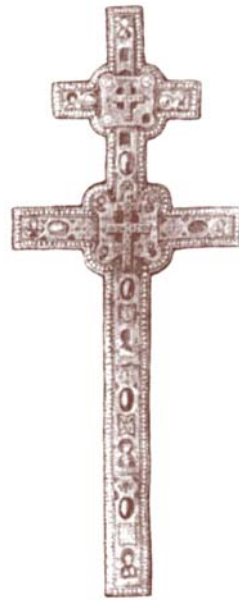
хайловским... Большой собор с притворами мог претендовать на сравнение с Успенским собором Андрея Боголюбского. Строительство князя Глеба падает на 1160-е годы, когда собор во Владимире был уже построен»³¹¹.

«С вокняжением в 1139 г. в Киеве Всеволода Ольговича совершается перелом в отношении к Киево-Печерскому монастырю и его русской линии. Всеволоду удается вывести монастырь из орбиты влияния митрополита... Монастырь... выходит на передний план, снова его постриженники посылаются на епископальные кафедры. Союз Всеволода Ольговича с Андреем Переяславским (будущим Боголюбским), а также замирение с Мстиславом Изяславичем Владимирским (на Волыни), т. е. примирение не на провизантийской, а на явно прорусской почве, приводит к расширению земельной архитектурной традиции на запад и северо-восток Руси. Князь Мстислав Изяславич сооружает в 1156-1160 гг. громадный Успенский собор во Владимире-Волынском, а на северо-востоке — не менее величественный, и тоже Успенский, собор строит в Ростове Андрей Боголюбский (1161-1162). То, что при Всеволоде Ольговиче делало еще первые шаги, теперь вылилось во вполне обдуманную программу и дало блестящие результаты»³¹².

Связь Киево-Печерской обители с Волынской землей имеет давние корни. В Святогорской обители преставился преподобный Варлаам. В ней, по преданию, игуменствовал святой Нифонт. Сюда был направлен епископом преподобный Стефан. В 1112 г. во Влахернском Кловском монастыре г. Киева был погребен Волынский князь Давид Игоревич. П.П.Толочко не исключает возможности, что Кловская обитель была резиденцией Волынских князей в Киеве, как Выдубицкий монастырь — Переяславских, а Кирилловский — Черниговских³¹³. Владимиро-Волынский одноглавый Успенский храм по своей строгой красоте не уступал Ризоположенскому на Клове, Михайловскому Златоверхому и прочим столичным соборам.

Другой западный рубеж Руси — Смоленск — также был втянут в орбиту Печерской архитектурной традиции. Преподобный Авраамий Смоленский, духовный последователь святого Феодосия Печерского, строит в начале XIII в. монастырь в честь Положения Ризы Пресвятой Богородицы. Владимир Мономах в 1111 г. возводит в центре города соборную Успенскую церковь Пресвятой Богородицы. Важнейшим шагом князя было перенесение сюда из Чернигова чудотворного образа Божией Матери «Одигитрии», написанного, по преданию, святым апостолом Лукой. Этим символическим деянием Мономах вручил попечение о Смоленской земле Пречистой Деве Марии. Смоленский чудотворный образ Пресвятой Богородицы, как и чудоточная икона Владимирской Божией Матери, стали вместе с образом Успения из Киево-Печерской лавры «наместными» на Руси³¹⁴.

Интересно, что в этом же стиле, хоть и с западными архитектурными особенностями, создана Благовещенская церковь в Витебске. Она представляла собой трехнефный одноглавый храм, сильно вытянутый по продольной оси и с одной полуциркулярной апсидой. Вместо боковых ап-

Крест преподобной Евфросинии Полоцкой. Киев. 1161 год.

сид у Благовещенской церкви апсидные ниши находились в толще алтарной стены.

«Обиходной» реминисценцией соборно-монастырского жанра являлся четырехстолпный храм в Минске, датируемый двумя первыми десятилетиями XII в. Его строитель — князь Глеб Всеславич, сын Всеслава Полоцкого, усерднейший почитатель Киево-Печерской обители, погребенный в Свято-Успенском лаврском соборе, пожертвовавший лавре почти все свое состояние.

В Полоцке Спасский собор монастыря преподобной Евфросинии Полоцкой, построенный в середине XII в., и Большой соборный храм Бельчицкого мона-

стыря, имевший много точек соприкосновения с церковью Спаса на Берестове, при своеобразии строительного решения также были сформированы в поле господствующей архитектурной традиции³¹⁵.

Преподобная Евфросиния Полоцкая была внучкой Полоцкого князя Всеслава Брючиславича — того самого, за которого заступился преподобный Антоний Печерский во время смуты 1068-1069 гг. «Отец ее, Святослав-Георгий, был младшим из семи сыновей князя Всеслава. Родители воспитывали Предиславу в страхе Божиим. Она оказывала такую любовь к книжному учению, что изумляла родителей. Красота ее стала привлекать князей, но сердце чистой девы было занято любовью к Небесному Жениху, и она тайно удалилась в девичий монастырь, в котором игуменствовала тетка ее, вдова князя Романа Всеславича, где пострижена была под именем Евфросинии. Впоследствии она испросила себе позволение жить в пристроенной к Софийскому собору келии. Здесь она пребывала в молитве, занималась переписыванием книг и плату за это раздавала нищим. Потом она основала свой монастырь на загородном месте, отданном ей местным епископом с ветхой Спаскою церковью.

К благочестивой Евфросинии скоро собрались сестры. В числе их была младшая сестра ее Градислава, нареченная в иночестве Евдокией. Двоюродная сестра ее Звенислава принесла к преподобной свое приданое и отреклась от мира с именем Евпраксии. Ревнуя о благолепии дома Божия, блаженная Евфросиния вместо ветхого деревянно-

го храма построила (около 1160 г.) каменный храм Спасителя в своем монастыре и приготовила для нового храма драгоценный напрестольный крест. Горя любовью к Спасите-

Печать преподобной Евфросинии Полоцкой.

лю и Богородице, она воспользовалась родственной связью с домом императоров Комнинов, чтобы испросить одну из трех икон, писанных, по преданию, евангелистом Лукой, которая тогда находилась в Эфесе. По усердной ее просьбе император Мануил и патриарх Лука Хрисоверг прислали ей Эфесскую икону, и Евфросиния, украсив ее драгоценной ризой, поставила в своей Спасской церкви.

Уже в преклонных годах преподобная Евфросиния исполнила давнее свое желание посетить святые места Палестины. Вверив обитель сестре своей Градиславе-Евдокии, она отправилась на восток в сопровождении брата, князя Давида, и Звениславы-Евпраксии. На пути она встретила с императором Мануилом, шедшим в поход против венгров. В Константинополе ее тепло принял патриарх Лука. Она посетила цареградскую Софию, поклонилась святыням в других местах столицы Византии и продолжила путь в Иерусалим. Здесь, остановившись в русском монастыре Пресвятой Богородицы, блаженная княжна несколько раз ходила на поклонение живоносному Гробу Господню и поставила над ним золотую лампаду. Обойдя места, ознаменованные земной жизнью Спасителя, преподобная Евфросиния занемогла. После краткой болезни она предала дух свой Господу 23 мая 1173 г. Тело преподобной было погребено в окрестностях Иерусалима, в общежительном Феодосиевом монастыре, на паперти храма, где покоились мощи преподобного Саввы Освященного и преподобного Феодосия. Впоследствии святые мощи ее были перенесены в киевские пещеры³¹⁶. Память преподобной Евфросинии совершается Церковью 23 мая.

Долгое время Киево-Печерская лавра хранила в Дальних пещерах святые мощи великой угодницы Божией, в то время как в Спасо-Евфросиниевой обители возлежали мощи печерского угодника святителя Мины Полоцкого.

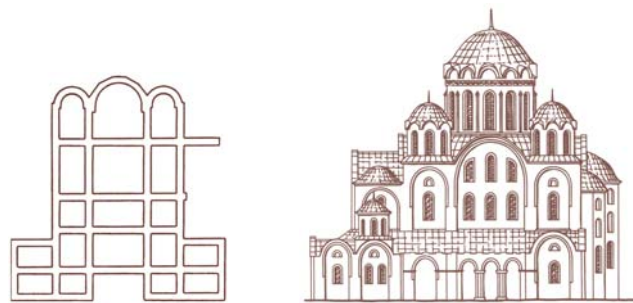
Апостол Павел пишет: «Все вы... во Христа облечлись. Нет уже... мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28). Знамением этой соборности явилось приобщение к лаврской аскетической традиции многих женских монастырей: киевских Свято-Николаевского, в котором постриглась мать преподобного Феодосия, а может быть, постригались и другие родственницы печерян; Янчиного Свято-Андреевского, где пребывала, хоть и короткое время, инокиня Евпраксия, сестра Владимира Мономаха, погребенная близ лаврского собора; суздальского Ризоположенского с преподобной Евфросинией во главе; полоцкого Спасо-Евфросиниевского и др.

В Галиче князь Ярослав Осмомысл избрал киевскую архитектуру эталоном застройки своей столицы. Возле Золотого Тока возник пышно украшенный фресками и мозаиками каменный дворец с домовою церковью. Неподалеку вырос огромный Успенский собор. Его появление ученые связывают с учреждением епископской кафедры в Галицко-Перемышльском крае³¹⁷. В 1157 г. собор был освящен как кафедральный. Многие технические параметры сближают его с церковью Спаса на Берестове в Киеве, Успенским собором во Владимире, Спасо-Преоб-

раженским храмом в Переяславле-Залесском. «Главную часть собора составляли три нефа с тремя апсидами и четырьмя или шестью столпами внутри. Они держали на себе центральную купольную часть храма»³¹⁸. После сооружения собора в Галиче «подобные храмы строят в 1186 г. в Чернигове князь Святослав Всеволодович, а во Владимире в 1160 г. — князь Всеволод»³¹⁹. С лаврским собором галицкий кафедральный собор роднят величественная строгость и скупость архитектурных украшений, не говоря уже о структурной и конструктивной близости. Успенский собор Галича послужил образцом для церковных сооружений Буковины и Среднего Надднестровья; Галицкого, Тереховского, Холмского княжеств, городов Львова и Перемышля. Архитектура Борисоглебского, Никольского, Кирилло-Мефодиевского, Васильевского, Иоаннозлатоустовского, Пантелеимоновского храмов, церкви Спаса и других святынь Западной Руси ориентировалась на кафедральный Успенский собор Галича. В Холме в 1260 г. строится «превелика» церковь «во имя Пресвятыя Приснодевы Мария, величеством, красотою не мене сущих древних»³²⁰. Собор Успения Пресвятой Богородицы возникает во Львове.

Мариологическая символика объединила самые крупные города и княжеские столицы Руси: «...большинство епархиальных архиерейских храмов второй половины XI — начала XIII в. (6 из 10) и множество городских кафедральных соборов (более 20) было посвящено именно Успению»³²¹. Если учесть, что более пятидесяти архиереев Киевской митрополии являлись постриженниками Печерской обители и что каждый из них в своей епархии построил по несколько храмов с их росписями, утварью, другими предметами церковного искусства, то можно понять, насколько масштабным был процесс распространения традиций лавры на культуру древнерусского государства. Д.С.Лихачев пишет, что в создании Свято-Успенского собора Киево-Печерского монастыря главной движущей силой была идея покровительства Пресвятой Богородицы. «Эта идея стала определяющей для всей церковной культуры домонгольского периода»³²², — подчеркивает академик.

Подведем итог. «В древнерусскую эпоху доминирующее значение принадлежало успенской традиции, которая и питала градозащитные мотивы посвящения городских кафедральных и архиерейских соборов... С самого начала своего появления на Руси Успенская Печерская символи-

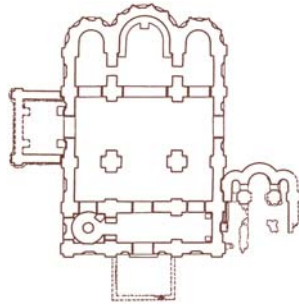

Киевский Свято-Димитриевский собор.
Реконструкция Н.Логвина.

ка воплощала следующие молитвы: а) патронимичные, воспринимаемые как всеобъемлющее унаследование традиций Святой Горы, заимствование ее... опыта и главное — принятие ее невидимого благочестивого благословения... б) inferнальные, или хтоничные, делавшие наглядными полное отречение от мирской жизни и посвящение себя трансцендентному миру — основным принципам иноческого призвания; в) охранные, или защитные, связанные с почитанием посмертных богородичных реликвий, которые позднее трансформировались в устоявшийся градозащитный и державоохранительный культ. Последнему значению успенской символики, благодаря необозримому духовному авторитету Печерского монастыря... и его исключительному влиянию на разнообразные сферы общественной жизни Древней Руси, достаточно скоро было суждено перерасти свой первичный... контекст и преобразоваться в универсальную идею общегосударственного масштаба. Идею, которая базировалась на уверенности в богоизбранности и непобедимости своего народа, быстротечности внешней опасности и внутренней «крамолы», столь пафосно прозвучавшую в дни самых тяжких лихолетий половецкого поругания со страниц Начальной летописи 1095 г.: «Да никтоже дерзнет решти, яко ненавидимы Богом есмы. Да не будет! Кого бо тако Бог любит, якоже ны возлюбил есть? Кого тако почел есть, якоже ны прославил есть и вознесл? Никого же!» Эта вера в Божественное заступничество, рожденная и расцветшая в Печерском монастыре, на протяжении всего средневековья давала свои обильные победы в виде общерусского культа Успения, который пережил века и оставил свои последние следы аж в XVII в., когда уступил Покровской обрядовости»³²³.

К сожалению, из культурного наследия Киево-Печерской лавры XI — XIII вв. мало что сохранилось. Гораздо лучше сберег домонгольские черты Михайловский Златоверхий монастырь, что позволяет при его исследовании полнее осмыслить лаврский культурный процесс данного периода. О бесценных михайловских фресках мы уже говорили. Стоит подробнее остановиться на архитектуре Златоверхой обители.

В середине XIX в. были найдены фундаменты Свято-Димитриевского собора, заложенного при преподобном Варлааме. Сразу бросается в глаза «подобие» этого собора Печерскому. «Оба памятника имели небольшую толщину стен относительно габаритов внутреннего пространства. По размерам собор лишь немного уступал Печерскому. Его головная баня опиралась на четыре крестчатых столпа, алтарная часть завершалась тремя апсидами, из которых средняя была совне граненной. Внутри церковь была

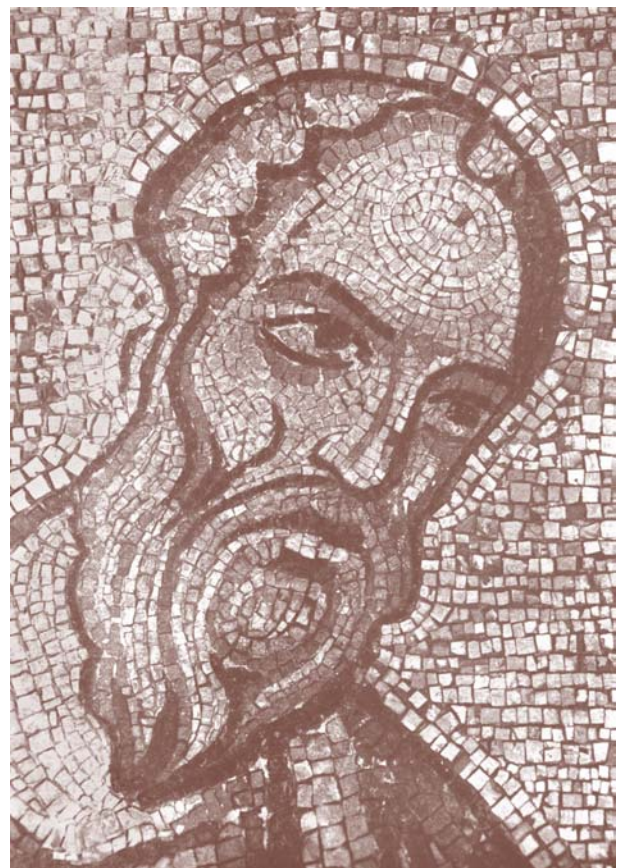

План Свято-Михайловского Златоверхого собора по раскопкам 1994-1996 гг.

отделана фресками. Мозаик не было»³²⁴. Храм имел следы влияния афонской архитектурной традиции³²⁵. В строительстве «ощущается рука печерских мастеров... Среди других находок, связанных с Дмитриевским храмом, вспоминаются крест из коринфской меди... несколько кирпичей и кусков штукатурки с фрагментами фресковых изображений. В 1824 г. неподалеку от остатков храма был найден клад церковных предметов в амфоре»³²⁶. В древности, вероятно, под нартексом находилась подземная пещера, выполнявшая роль братской костницы. Н.Закревский пишет, что «все погребы этой церкви наполнены гробами и костями неизвестных усопших»³²⁷.

Что касается Михайловского Златоверхого собора, то исследователи называют его «немного уменьшенной копией» Свято-Успенского Печерского храма. Отмечено, что при разбивке плана Михайловской церкви были сохранены те же пропорциональные соотношения, что и в Успенской. Но за основу был взят не римский (29,5 см), а греческий (30,8 см) фут. Структура интерьера также в целом подобна Печерскому.

«1108 год, в который была заложена Златоверхая церковь, можно считать этапным в древнекиевском зодчестве. В этом году было окончено строительство собора Кловского Стефанеча монастыря, каменной трапезной, а также, вероятно, Троицкой надвратной церкви в Печерском монастыре. По велению основателя Златоверхой церкви в том же 1108 г. митрополит Никифор вынужден был вписать в синодик преподобного Феодосия Печерского. Не исключено, что эту услугу князь оказал Печерской оби-

Иоанн Богослов. Фрагмент «Евхаристии» из Михайловского Златоверхого собора.

тели в ответ на то, что печеряне предоставили в его распоряжение своих строителей»,³²⁸.

Что касается мозаик, то михайловские — последние на Руси. Интересно, что мозаичное украшение храмов было присуще только эпохе митрополита Илариона (Софийский собор, монастыри святого Георгия, святой Ирины) и Печерской школе (Успенский лаврский собор, «Ефремов» собор Архистратига Михаила на митрополичьем дворе в Переяславле, Михайловский Златоверхий собор в Киеве). Эпизодические находки смальт в других храмах, например в церкви Благовещения на Золотых воротах в Киеве, не убеждают исследователей в наличии мозаик в этих памятниках. Мозаичную роспись имела еще киевская Десятинная церковь князя Владимира. С преставлением преподобного Алипия Печерского мозаичное искусство на Руси прекратило свое существование.

О количестве утраченных мозаичных изображений в соборе Михайловского монастыря говорит то обстоятельство, что в XIX в. в соборной ризнице сохранялось около 20 пудов старинной смальты.

Одной из главных святынь собора были мощи святой великомученицы Варвары. Юная дева Варвара жила в языческой семье знатного патриция Диоскора из города Илиополя в Финикии. Выступив против веры ослепленного лжемудрием отца, Варвара исповедала себя христианкой и провозгласила: «Чту Святую Троицу». Она претерпела ужасные, превосходящие человеческие силы мучения, но благодать Небесного Жениха Христа укрепляла юную исповедницу. Разъяренный Диоскор собственноручно обезглавил свою дочь. Это происходило в 306 г. Святая Церковь прославила деву Варвару в лике великомучениц. В VI в. ее мощи были перенесены в Царьград, откуда княгиней Варварой, супругой строителя собора князя Святополка-Михаила, дочерью императора Алексея I Комнина, перевезены в Киев. При разорении Киева Батыем мощи были спрятаны под ступенями храмовой башни, а потом вновь обретены³²⁹. Память великомученицы 4 (17) декабря. По предположению В.Н.Лазарева, сценами из жития святой Варвары в соборе была расписана стена близ жертвенника.

Другой великой святыней собора была часть мощей святого первомученика архидиакона Стефана. О перенесении на Русь его мощей византийской царевной Варварой — будущей великой княгиней — пишет хроника Ортлиба. В кресте-мощевике преподобной Евфросинии Полоцкой было углубление для мощей святого архидиакона Стефана. Она могла их получить из Михайловского монастыря.

Почитали в обители также святых великомучеников Георгия Победоносца и Димитрия Солунского. В 1888 г., после большого ремонта, в южную стену собора были вмонтированы две шиферные плиты с резными изображениями этих святых. Они были найдены в разное время — одна в конце XVIII в., другая в 1887 г. — при раскопках храма. Их размер 2,16 x 1,11 и 2,26 x 1,18 м. Как и софийские резные шиферные плиты, они служили парапетной оградой хоров. Исследователи считают, что на них изображены святой Георгий Победоносец с князем Ярославом Мудрым и святой Димитрий Солунский с князем Изяславом Ярославичем. Декоративно-плоскостное изображение, ассоциирующееся с резьбой по дереву, трактует князей и их небесных покровителей как конных воинов в византийских доспехах. Смелое моделирование фигур и высокие художественные характеристики ставят эти плиты на порядок выше т. наз. «печерских» резных шиферных плит с изображениями Геракла и Кибелы.

Плиты с античными сюжетами, найденные в Печерском монастыре, вряд ли имели какое-либо отношение к его искусству. «Существует мысль, что рельефы были выполнены для княжеского дворца в Берестове. На это указывает светский характер сюжетов, связанных с античностью»³³⁰.

Коснемся еще одной группы древнерусских памятников, которые созданы в культурном поле Киево-Печерской лавры. Это три выдающихся образца древнерусского книжного искусства — Остромирово Евангелие 1056-1057 гг., Изборник 1073 г. и Трирская Псалтирь. Все три книги украшены высокохудожественными миниатюрами.

Остромирово Евангелие было переписано диаконом Григорием для новгородского посадника Иосифа-Остромира, который приходился родственником великому киевскому князю Изяславу. В конце книги Григорий сделал такую приписку: «Написал же Евангелие сие рабу Божию, нареченному в крещении Иосиф, а по-мирски Остромир, «близоку»* Изяслава князя. Изяслав же князь тогда предержал две власти: и отца своего Ярослава, и брата своего Владимира. Сам же Изяслав князь правил стол отца своего Ярослава в Киеве, а брата своего стол поручил править «близоку» своему Остромиру в Новгороде»³³¹. Остромирово Евангелие украшено тремя большими, в лист, миниатюрами с изображениями евангелистов Иоанна, Марка и Луки.

Изборник 1073 г. — это своеобразная научная энциклопедия того времени. Переписан он с болгарского оригинала. Эту книгу заказал для себя князь Изяслав, но не дождался ее исполнения: в том же 1073 г. братья изгнали его из Киева. Святослав, севший на великокняжеский престол, забрал книгу и приказал поместить в ней свой портрет вместе с семьей. Этот кодекс украшен четырьмя миниатюрами, изображающими отцов Церкви, отрывки из произведений которых составляют содержание книги.

Трирская Псалтирь принадлежала Гертруде-Олисане (Елизавете), жене Изяслава. По заказу княгини в книгу

* Ближнему человеку, родственнику.

было добавлено несколько миниатюр, среди которых — «Богоматерь Печерская».

По наблюдениям О.И.Подобедовой, в миниатюрах всех трех книг налицо общие признаки, характерные только для них. На этом основании исследовательница сделала вывод, что в окружении Изяслава были книги высокого уровня. С.А.Высоцкий выразил мысль, что для Изяслава работали книжники Софийского митрополичьего скриптория. «Но, учитывая сложные отношения Изяслава с митрополичьей кафедрой, можно выразить и другое предположение: книгописная мастерская Изяслава находилась в его собственном Димитриевском монастыре. Этим обстоятельством можно объяснить и влияние книжной миниатюры на стиль мозаик и фресок Михайловской церкви Димитриевского монастыря»³³².

Остромирово Евангелие — самый древний из дошедших до наших дней памятник письменности и искусства книги домонгольской Руси. «Мы по праву можем сказать, что Остромирово Евангелие — памятник не только общеславянского, не только общеправославного, но и всемирно-исторического значения»³³³. Высочайший уровень мастерства, редкое искусство художественного оформления, основательность богословского подхода делают Остромирово Евангелие шедевром славянской церковной культуры. Самая ранняя из сохранившихся датированных древнерусских книг была, безусловно, не первой в Киевской Руси. Она — результат развития искусства книги, основанного святым равноапостольным князем Владимиром. При Ярославе Мудром и митрополите Иларионе оно достигло расцвета. Именно XI век стал пиком искусства книги в домонгольской Руси. «Изяславовы» книги — его вершина³³⁴.

Евангелие содержит не только византийские, но и романские мотивы, что связано, очевидно, с влиянием супруги Изяслава, княгини Гертруды — правнучки германского императора Оттона II и византийской царевны Теофании. Встреча с Европой, «освоение ее культурного и идеологического опыта были для Руси X — XI веков столь же... естественны, как и встреча с Византией, став необходимым этапом в ее духовном созревании, в становлении русской государственности и культуры. Продуктом этой встречи, программой и символом широкого русско-византийско-европейского синтеза являются в литературе — Остромирово Евангелие, в храмостроительстве — Великая Успенская церковь Киево-Печерского монастыря...»³³⁵.

Труд над Евангелием, как пишет диакон Григорий, был начат в день памяти преподобного Илариона Великого: «Почахъ же писати месяца октября 21 на память Илариона» (л. 294 об.). Тот факт, что память Илариона ассоциировалась современниками с памятью Илариона Великого, подтверждается не только данными Остромирова Евангелия, но и статьей «Повести временных лет». Нестор Летописец, говоря о связи Илариона с возникновением Печерского монастыря, использует литературные формулы, перекликающиеся с образами из службы преподобному Илариону.

Сравним:

«Повесть временных лет» под 1051 г.

**...Иларион, муж благ, книжен и постник,
хожаше с Берестового на Днепр, на холм,
где ныне Ветхий монастырь Печерский,
тѹ молитву творяше, ве бо тѹ лес велик.
Ископа печерку малу, двусажену,
и приходя с Берестового, отпеваше часы
и моляшеся тѹ Богу втайне.**

Минея, 1096 г.

**Дом и палату (оставив),
в пустынное бесхрамие вселився,
о холмах и о дєвєрєх радѹ ся любєзно
в вертепєх и в пещєрєх весєло пребывашє
и в непроходимых прохожашє неповєдим.**

В глаза современнику должно было броситься и совпадение сочетаний имени — Иларион и Антоний — в обоих контекстах. В службе Иларион ублажается как ученик Антония Великого: «Антония божественного духовне добродетельному житию поревновав, на ramo* взял еси Крест Господа своего». В «Повести временных лет», напротив, Антоний, прийдя в Киев, «стал ходить по дєбрям и горам, ища места, которые бы ему указал Бог. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и возлюбил место то, и стал молиться Богу со слезами», т. е. здесь Антоний — преемник Илариона. К Илариону, как предначинателю печерского монашества, можно было бы отнести слова тропаля службы 21 октября: «Слез твоих источники пустыня бесплодное възделал еси. Из глубины въздыхания въ сѹто труды расплодил еси...» Митрополит Иларион... направлял, очевидно, всю деятельность богословской школы и киевского скриптория, к которым, по нашему мнению, принадлежал и диакон Григорий и к которым, видимо, с интересом и сочувствием относился Изяслав Ярославич. Не будет преувеличением предположить, что и работа над русским православным Месяцесловом и русским Прологом... была благословлена митрополитом Иларионом.

Многое связывалось в древнерусском религиозно-философском и историческом мышлении с 12 мая — датой завершения работы над Остромировым Евангелием. ... В 988 г. было совершено крещение киевлян в освященных водах Почайны, а уже весной следующего года Владимир «помысли создати церковь Пресвятая Богородица и, послав, приведе мастеров от грек». В воскресенье, 12 мая 989 г., было положено основание храму, а ровно 6 лет спустя, 12 мая 995 г., также в воскресный день, церковь освящена... Есть основания предполагать, что 12 мая 1045 г. был освящен построенный Ярославом Мудрым киевский Софийский собор (по В.Н.Лазареву — 11 мая 1046 г.). Если, говоря об истоках традиции, попытаться понять, каким образцам следовали святой Владимир и Ярослав в выборе дня освящения храма, нельзя пройти мимо указания Псковского Апостола 1307 г.: 11 мая 6460 (952) г. при княгине Ольге произошло освящение Софийского собора в Киеве (имеется в виду первый деревянный, сгоревший в 1017 г.

* На плечи.

храм). Ольга, в свою очередь, также следовала вполне определенной традиции. Речь идет о посвящении императором Константином... столицы империи — Константинополя — Божией Матери, торжественно праздновавшемся 11 мая 330 г. ...Освящая главные киевские храмы 11 (12) мая, князья-основатели как бы вручали по примеру византийских императоров Киев и всю новопросвещенную Русскую Землю Небесной Заступнице.

Вспомним еще один литургический факт, важный для истории славянских Православных Церквей: к 11 мая приурочено совместное празднование равноапостольным Кириллу и Мефодию (древнейшее свидетельство о майском приурочении праздника — «Слово похвальное» в Успенском сборнике XII-XIII вв.)... Знаменательное указание видел в своих строках и диакон Григорий с его ученой дружиной, начавший работу в понедельник 21 октября 1056 г. и тем самым как бы посвятивший свой труд памяти своего владыки и, может быть, наставника Илариона и закончивший ее в понедельник 12 мая 1057 г. Л.П.Жуковская с исчерпывающей полнотой проанализировала лингвистические и палеографические доводы в пользу киевского или новгородского происхождения рукописи. Ни один из выдвинутых на сегодняшний день аргументов — ни за Новгород, ни против — не является критериальным. Что касается совокупности экстралингвистических данных, они, как кажется, вводят ряд новых соображений в пользу мнения Н.В.Волкова и Н.М.Каринского о киевском происхождении диакона Григория и его рукописи... В этом случае Остромирово Евангелие 1056-1057 годов, как и связываемый рядом историков с именем Изяслава Изборник 1073 г., может свидетельствовать о том, что и в годы правления Изяслава отнюдь не прекратил свою работу, но продолжал действовать организованный еще Ярославом и Иларионом киевский скрипторий — со своей художественной и литературной традицией, со своей богословской школой.³³⁶

К лаврской культурной традиции нам позволяет отнести этот памятник и то обстоятельство, что род посадника Остромира очень тесно связан с Печерским монастырем. Сын Остромира воевода Вышата был хорошо знаком с преподобным Никоном. Одним из поводов для их знакомства мог стать приезд Изяслава в самом начале княжения к пещернику Антонию за благословением «съ дружиною своею». Отношения Ярославова воеводы и нового князя были тогда ничем не омрачены, и во главе приехавшей к старцу Антонию дружины находился, видимо, этот храбрый и закаленный в боях военачальник. Никон, сподвижник аввы, к тому времени пресвитерствовал в лесной обители. Человек высоких культурных дарований, Никон мог получить образование в одном из Ярославовых, а значит Иларионовых, училищ. Там же он мог научиться переписке и переплету книг, чем искусно владел, являясь профессионалом в этой сфере, а значит, коллегой диакона Григория. Переписчики наверняка знали друг друга — не так уж много было в Киеве мастеров подобного класса. Впоследствии Остромировичи еще теснее вошли в историю

Печерской обители — сын Вышаты Янь сподобился погребения в ней, «в головах» преподобного Феодосия, а юный отпрыск Яня Варлаам постригся у преподобного Никона по благословию аввы Антония.

По подсчетам Б.В.Сапунова, в период с X до середины XIII в. количество рукописных книг на Руси достигало 130-140 тыс. томов. Из них сохранилось 22 рукописи XI в. и 12 рукописей, датируемых XI-XII вв.³³⁷ К счастью, до нас дошли книги, имеющие отношение к лаврской школе книжного искусства, по которым можно воссоздать традиции этой школы. Это Остромирово Евангелие и Изборник Святослава.

«Изборник Святослава 1073 г. восходит к славянскому протографу, переведенному с греческого оригинала на славянском юге (возможно, для болгарского царя Симеона: 893-927). Сама же... рукопись была написана двумя древнерусскими писцами, вероятнее всего в Киеве. Поскольку киевским князем в 1073 г. был сначала Изяслав, а потом Святослав, то предполагают, что книга могла быть заказана для Изяслава. Думать так позволяет нарушенный слой пергамента на л. 263-264 в том месте, где ныне написано имя Святослава... Как теперь окончательно установлено, на отдельном (дополнительном) листе, впереди книги, был приплетен групповой портрет Святослава с княгиней и их сыновьями. Так Изборник оказался закрепленным за Святославом в качестве великокняжеской собственности. Изборник Святослава 1073 г. является памятником культуры трех восточнославянских народов: русского, украинского и белорусского, так как он написан на древнерусском литературном языке с некоторыми славянизмами»³³⁸.

В Изборнике помещены произведения святых Василия Великого, Иустина Философа, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Феодора Раифского, Анастасия Синаита и других византийских авторов, освещающие вопросы догматико-богословского и этико-психологического, а также эстетического содержания. В этой своеобразной древнерусской энциклопедии обстоятельно поясняются основополагающие проблемы добра и зла, правды и неправды, греха и покаяния. Глубокими философскими раздумьями насыщены трактаты святых отцов, раскрывающие такие категории, как сущность, естество, качество, количество и другие. Из эстетических сочинений здесь присутствует отрывок из произведения святого Епифания Кипрского о символике драгоценных камней. Первым на Руси пособием по астрономии и некоторым естественнонаучным знаниям стал помещенный в Изборнике отрывок из труда преподобного Иоанна Дамаскина. Чрезвычайно интересным является то, что в Изборник был включен трактат Григория Хировоска «О образех», который представляет собой сочинение по поэтике. Это первый и фактически единственный до XVII в. текст по поэтике на старославянском языке.

«Для славянских культур и эстетики этот текст важен прежде всего тем, что здесь впервые была найдена славянская терминология для обозначения 27 приемов и спосо-

бов («творьчѣстии образи») художественной организации словесного текста (тропов, риторических фигур и т. п.)... И хотя Древняя Русь практически до конца XVII в. не пыталась создавать собственных поэтов, многие «творьчѣстии образи...» нашли воплощение и развитие в произведениях древнерусских книжников всех поколений. Большой интерес представляет уже сам перевод греческих названий поэтических образов на славянский: инословие — аллегория, превод — метафора, взъврат — инверсия, съприя- тие — синекдоха, сътворение — сравнение, уподобление; округословие — перифраза, изрядие — плеоназм, лихорече- чье — гипербола, приклад — иносказание, поругание — ирония, поиграние — сарказм и т. п. ...Подобные дефиниции, несомненно, стали хорошей школой для русских книжников... хорошо ощущавших их смысл и умевших свободно использовать их в своем творчестве»³³⁹.

Нет сомнения, что высокие литературные достоинства печерского книжного наследия имеют корни в этом и других эстетико-богословских трактатах византийских отцов церкви, созданных в постиконоборческую эпоху и объединенных в грандиозную систему «богословия образа».

Что касается художественного исполнения Изборника Святослава, то книга украшена прекрасными миниатюрами, заставками, рисунками и инициалами. Миниатюры и другие украшения Изборника имеют огромную художественную и культурно-историческую ценность как древнейшие произведения древнерусского изобразительного искусства.

«...Изборник 1073 г. содержит богатую подборку основных положений христианской веры, притом христианская догматика дана не изолированно от мирских идей, а совместно с ними. В этом плане Изборник мог представлять собой очень ценное пособие в борьбе с язычеством. Христианская религия на Руси XI в. утверждалась в борьбе не только с языческой, но и с другими религиями. Литературно-публицистическим произведением, ярко отразившим эту борьбу, является «Слово о Законе и Благодати» Киевского митрополита Илариона... «Слово о Законе и Благодати», наряду с другими целями, преследовало защиту христианства... Подобная литература имела актуальный политический характер, и Изборник 1073 г. в этом плане был весьма действенным и надежным оружием. Таким образом, появление на Руси сборника, включающего сочинения раннехристианской патристики, имело глубокий смысл... Видимо, Изборник 1073 г. для князя подготовили ученые монахи Киево-Печерского монастыря, этой «духовной академии Руси»³⁴⁰.

По мысли академика Д.С.Лихачева, во второй половине XIV в. Изборник Святослава был перевезен из Киева епископом-печерянином Дионисием в Суздальско-Нижегородскую епархию³⁴¹.

Трирская Псалтирь (Кодекс Гертруды, Эгбертов кодекс) была написана по заказу трирского архиепископа

Эгберта в конце X в. и впоследствии принадлежала супруге князя Изяслава Гертруде. Сейчас она находится в археологическом музее г. Чивидале, в северной Италии. Среди латинского текста Псалтири помещены миниатюры с портретами князя Ярополка Изяславича, его матери Гертруды и жены Ирины. «Рукопись является уникальным художественным свидетельством международных связей Киевской Руси, — пишет академик Д.С.Лихачев. — Во время княжения во Владимире-Волынском князь поддерживал оживленные контакты с Германией... Тогда (между 1078 и 1087) Псалтирь была дополнена пятью миниатюрами, представляющими своеобразный сплав византийских, романских и русских черт. Миниатюра, изображающая инвеституру Ярополка, сына и наследника Изяслава, отличается каллиграфической манерой и соединением восточной и западной традиций письма»³⁴².

Большой интерес представляет для нас то, что среди миниатюр, вшитых по заказу княгини Гертруды в книгу, есть одна с изображением Богоматери Влахернитиссы (Панахранты), или, как ее называли на Руси, Печерской. «Богоматерь типа Печерской написана в широкой, энергичной манере. Не исключено, что этот образ, особо чтимый в Киеве, принадлежит русскому художнику»³⁴³.

А.Газелов, первый исследователь миниатюр Псалтири, обратил внимание на их стилевое единство с миниатюрами Остромирова Евангелия и Изборника Святослава, принадлежность памятников одной школе. Ученый считал, что они могли быть созданы в Киево-Печерском монастыре³⁴⁴. Я.Запаско пишет: «Одна из миниатюр... является, безусловно, репликой не сохранившейся до нашего времени чудотворной иконы Печерской Богоматери — киевского произведения, известного также по более поздней копии последней четверти XIII ст. — Свенской Богоматери... Автор миниатюры «Богоматерь на престоле» мог видеть аналогичную композицию и в мозаике апсиды Успенской церкви — главного храма Печерского монастыря»³⁴⁵.

Княгиня Гертруда, несмотря на латинское вероисповедание, была искренней почитательницей Киево-Печерской обители и ее подвижников. Патерик упоминает о ней в связи с пострижением княжеских сановников Варлаама и Ефрема, повлекшим за собой гнев Изяслава и гонение на пещерную братию. Ефрема княгиня знала лично, ибо он был «каженик»* и при дворе отвечал, вероятно, за женскую, княгинину половину. Вмешательство Гертруды в судьбу гонимых отшельников было эмоциональным и настойчивым, о чем с необыкновенной силой психологизма рассказывает Нестор в Киево-Печерском Патерике. «Князю же гневающею и укоряющею Никона, и се единь от отрокъ**, вшед, поведаше, яко Антоній и иже с ним от града сего отходять въ иную область». Услыхав об уходе старца Антония из Киева, княгиня тут же вмешалась: «Абіє*** же глагола ему жена его: послушай, господин, и не гневайся. Яко же бысть и в стране нашей, отбежавшим некоей вины ради чернориз-

* Евнух, скопец.

** Отрок — слуга.

*** Тотчас.

цам, и много зла сотворися в земли той. Но блюди, господин, да не тако и въ области твоей будет». Зная упорство мужа, неудержимого в гневе, княгиня с мудрой осторожностью пытается разбудить в нем если не совесть, то хотя бы страх перед народным восстанием, напоминая об аналогичной ситуации в Польше, возникшей в период княжения ее отца Болеслава I.

Кроме Жития преподобного Феодосия, Патерик упоминает о Гертруде в жизнеописании преподобного Моисея Угрина. Поликарп пишет: «Егда изгнан бысть святыи отецъ нашъ Антоній княземъ Изяславомъ ради Варлаама и Ефрема, княгыня же его, Ляховица суши, възбрани ему, глаголющи: «Ни мысли, ни сотвори сего. Сице бо некогда сотворися в земли нашей: некое ради вины изгнани быша черноризци отъ пределъ земли нашея, и велико зло содеяся в Лясахъ». Логика супруги отрезвила Изяслава: «То же слышавъ князь и убояся гнева Божія, отпусти великаго Никона...» Более того, пристыженный гонитель «с мольбой» послал за аввой Антонием и его учениками, уговаривая беглецов возвратиться. «Увещани быша» князем, черноризцы через три дня вернулись в родную обитель³⁴⁶.

Елизавета-Гертруда благоговейную любовь к Печерской обители и ее подвижникам смогла привить и своим детям — вспомним, что Ярополк Изяславич впоследствии «все добро свое» пожертвовал монастырю. Не только Ефрем Каженик, но и авва Антоний, и Никон Великий уважали добрую сердцем княгиню. Когда семья князя Изяслава оказалась на чужбине, лишь один Печерский монастырь выразил сочувствие беглецам. Более того, обитель ревностно отстаивала законные права старшего Ярослава на престол, вопреки опасности со стороны узурпаторов — младших братьев поверженного Изяслава.

Гертруда чрезвычайно чтит Печерский образ Богоматери, поместив его в фамильный манускрипт вместе с самыми дорогими для себя изображениями. Получить образ Влахернитиссы она могла от преподобных Антония и Феодосия, которым в 1073 г. принесли его из Константинополя строители Свято-Успенского собора. Образ Царицы Небесной из Влахерны стал главным ее утешением в изгнании.

Крупнейший специалист в области иконографии Н.П.Кондаков считал миниатюру с изображением восседающей на троне Пресвятой Богородицы из «Кодекса Гертруды» древнейшей копией мозаичного изображения Печерской Богоматери из алтаря Свято-Успенского собора³⁴⁷.

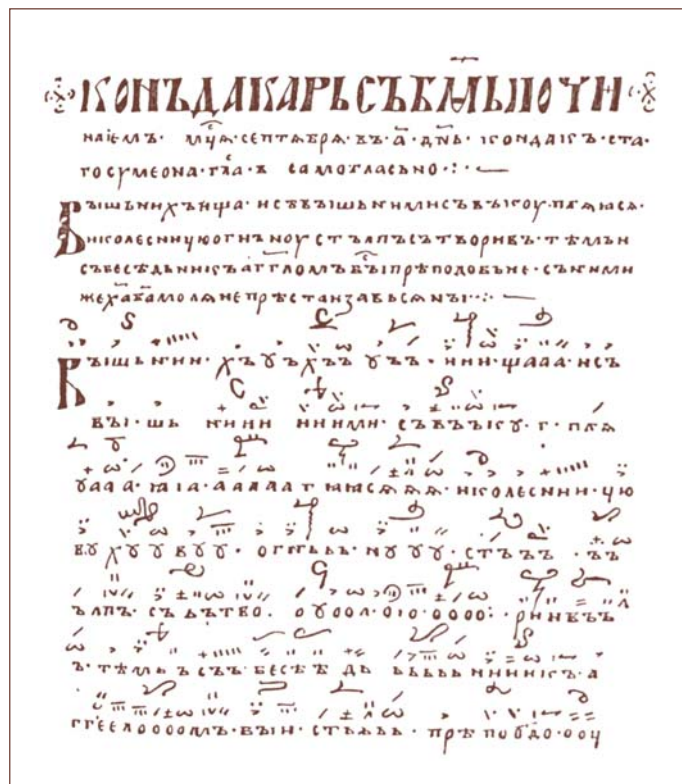
«Изяславовы» книги, открытые в XIX в., стали подлинным откровением для исследователей искусства домонгольской Руси. Русско-греко-романские мотивы свидетельствуют о взаимодействии трех великих культурных традиций в создании этих непревзойденных образцов средневекового книжного искусства — византийской, славянской и западноевропейской.

Лавра творила не в замкнутом пространстве — ей был доступен широкий спектр достижений цивилизации. Приняв от Византии, Европы, славянской ойкумены полноту

их эстетического наследия, Киево-Печерская лавра, как творческая лаборатория Руси, выработала свой неповторимый стиль, сформировавший стиль общерусской культуры и на века определивший ее основные черты. Лавра живо воспринимала как освященные седой стариной древние эстетические постулаты, так и новейшие достижения в культурном пространстве всего европейско-средиземноморского региона.

Так, митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати» использовал одну из латинских легенд о чешском князе Вячеславе. Следы Жития чешских князей Людмилы и Вячеслава исследователи усматривают у Нестора в «Чтении о Борисе и Глебе» (Вячеслава с супругой убил родной брат Болеслав) и в Житии преподобного Феодосия. По мнению Н.Н.Ильина, Житие чешских мучеников оказало влияние и на «Сказание о Борисе и Глебе» Иакова мниха. Ильин считает, что Сказание «несомненно вышло из стен Киево-Печерского монастыря, прошло через редакцию Феодосия, если только не составлялось по его указаниям»³⁴⁸. В лаврском творчестве прослеживается и сильное влияние скандинавской культуры — вспомним Распятие варяга Шимона, «золотую цепь», послужившую мериллом собора, и т. д. Кстати, интересен сакральный символизм «золотой цепи», или, в славянском звучании, «чепи», присутствующий как в церковной литературе, так и в фольклоре Древней Руси.

К кругу киевских и, возможно, лаврских рукописных памятников XI — начала XII вв. могут принадлежать еще несколько сохранившихся манускриптов, в частности Синайский Патерик, Поучение святого Кирилла Иерусалимского, Студийский Устав и Кондакарь³⁴⁹. Обратим внима-

Устав Студийский и Кондакарь.
Киев, конец XI — начало XII в.

ние, что Устав и Кондакарь, объединенные в один сборник, являются самым древним восточнославянским нотно-певческим памятником — образцом кондакарной и знаменной нотации. Музыковеды и археографы уверенно относят его к кругу южнорусских, киевских творений³⁵⁰.

На одном из рисунков, помещенных на полях сборника, изображен человек, борющийся со львом (л. 24). «Этот сюжет и даже манера исполнения могли быть подсказаны художнику некоторыми произведениями киевского искусства XI — нач. XII в. — знаменитыми бытовыми сценами на фресках лестничной башни Софии Киевской, а также рельефным изображением борьбы Геракла со львом на шиферной плите вт. половины XI в., найденной на территории Киево-Печерской лавры в 1962 г.»³⁵¹.

В XII и XIII вв. Киево-Печерская обитель не утратила ведущей роли в деле книгописания. Предмонгольский период дал лавре блестящих писателей, равновеликих некоторым из авторов плодотворного для обители XI в. — святителя Симона и черноризца Поликарпа, создавших бессмертный агиографический свод житий собратьев-печерян. Большую культурологическую деятельность осуществлял в Ростове епископ Кирилл I, который, как пишет Лаврентьевская летопись, богат «...книгами... яко ни един епископ быв в суждальстей области». С именем святителя Кирилла исследователи связывают оживленную книгописную деятельность в Ростове в начале XIII в., создание большой библиотеки и скриптория, в котором переводились и переписывались труды византийских, южнославянских и отечественных авторов. А.И.Соболевский допускал, что в ростовской библиотеке находился ряд рукописей, уцелевших до наших дней: Успенский сборник XII в. с древнейшей редакцией Несторовых агиографических творений, Троицкий кондакарь XIII в. и др.

В Кирилловой библиотеке наверняка на почетном месте был Пролог — годовой сборник житий и поучений, своеобразная православная энциклопедия. Мы можем даже предположить, что здесь как реликвия мог храниться протограф Синаксаря XII в. (РНБ. Соф. собр., № 1324, 1-я часть, кон. XII в.) — календарного агиографического свода с тропарями важнейшим святым, созданного на основе царьградско-студийской редакции Менология Василия II (ок. 985 г.). Возможно, перевод Менология был сделан печерянами — Ефремом, хорошо знавшим греческий язык и осуществлявшим по благословию аввы Антония переводы византийских книг, или др. «Во всяком случае, не вызывает сомнений тот факт, что перевод Синаксаря, даже если он был выполнен в Константинополе, предназначался для надобностей именно Русской Церкви; возможно, он был сделан для Киево-Печерского монастыря, студийский устав которого предписывал чтение Синаксаря. Вскоре после перевода в текст Синаксаря были внесены памяти русских святых: Бориса и Глеба, Феодосия Печерского»³⁵².

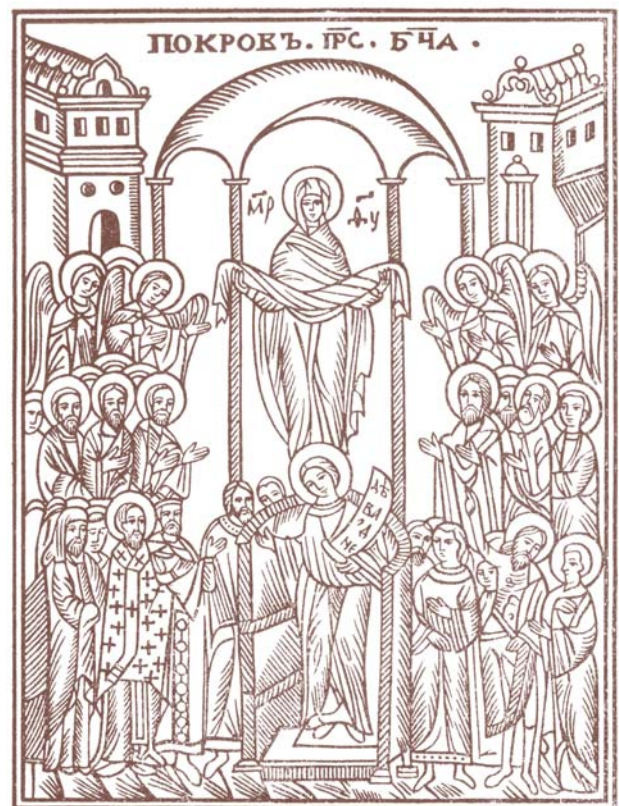
В конце XII в. была создана 2-я редакция Пролога, включавшая, кроме вышеперечисленных житий, статьи о преподобных Антонии и Исаакии Киево-Печерских, Леонтии

Ростовском и, что очень важно, Слово на Покров Пресвятой Богородицы. Е.А.Фет пишет: «Кульм Покрова по своему происхождению есть византийский культ Влахернской Божией Матери — покровительницы града (skere или episkerpsis); по всей видимости, на Руси он был первоначально принят в Киево-Печерском и соседнем с ним Влахернском монастырях»³⁵³.

Тогда же была составлена и служба празднику Покрова. Литургист А.Александров высказывает мнение, что проложное Сказание и служба на Покров первоначально создавались для праздничной литургии в Свято-Успенском соборе Киево-Печерского монастыря. Е.Голубинский предполагает, что праздник Покрова мог быть введен преподающим Стефаном в Кловской Ризоположенской обители либо печерскими черноризцами в лавре³⁵⁴. Примечательно, что первый храм, освященный в честь Покрова, появился в Новгороде при архиепископстве святителя Нифонта — в 40-е гг. XII в. (до 1148 г.) им был основан новгородский женский Зверин Покровский монастырь³⁵⁵.

Позднее праздник Покрова получит широкое распространение в нашей Церкви, но, конечно же, главенствующим богородичным праздником на Руси останется Успение, осеняя своей благодатью церковные и культурные начинания многих поколений соотечественников.

Будет справедливым рассматривать лаврское искусство именно в разрезе успенской семантики, ставшей катализатором всех его импульсов и достижений. Символизм Успения, вспыхнув на закате исчерпавшего себя в XI в. великокняжеского ренессанса, дал новое дыхание культурному процессу. Печеряне стояли у истоков национальной культуры, составляли ее элиту, влияли на формирование

Из лаврского «Анфологиона» 1619 г.

Из Тератургимы 1638 г.

ее макро- и микроструктур. Классическое совершенство заимствованных эллино-византийских архетипов они воспринимали с пиететом, но без рабского подражания, смело обогащая автохтонными ценностями и поднимаясь до высот конгениальности.

Мы, потомки славной Руси, должны низко, до земли, поклониться подвигу творцов бессмертных шедевров нашей древней культуры — скромных, часто безвестных «каменноздателей», мозаичистов, изографов, зодчих, «риз делателей», переписчиков книг, певцов, доместиков, гимнографов, писателей — тех, кому Господь дал счастье удостоиться благодати Божественного сотворчества, прикоснуться к таинству Храмотворения горней красоты.

В богословском труде «Христос Спаситель — Начальник мира» Его Блаженство Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир пишет:

«Христианство указывает нам самый надежный фундамент, на котором мы должны строить наше духовное здание, проникаясь твердою, непоколебимую уверенностью в безусловной прочности постройки»³⁵⁶. Святитель Московский Филарет в одной из своих прекрасных проповедей на Успение Божией Матери акцентирует внимание на устройении и украшении внутреннего Храма: «...желающие быть приведенными вслед Царице, представшей одесную Царя Славы, должны приготовить себя к этому благоукрашением, подобным тому, каким Она благоукрашена: Вся слава дщери Царевы внутрь, рясны златыми одеяна и преиспещрена (Пс. 44, 14)»³⁵⁷. Служа Божественной красоте, лавра создала «златой» и «преиспещренный» Храм православного искусства.

Культурозидательный потенциал Киево-Печерской обители базировался на незыблемом фундаменте «богословия образа» и наследия святых отцов Церкви, цементиру-

вался высочайшей внутренней духовностью творцов лаврского искусства, скреплялся Христоцентричностью всех эстетических устремлений. Всеобъемлющее осознание Божественной сущности прекрасного, богословско-эстетическое видение духовности как высшего проявления красоты, экклезиологичность восприятия искусства стали теми строительными компонентами, которые позволили лавре создать неповторимый по совершенству «преукрашенный Чертог» всей древнерусской культуры. Сама Пресвятая Богородица, желая соделать Русь Своим благодатным Домом, благоизволила явить цареградским мастерам «образ и подобие» этого Чертога, показав им дивную, Небеси подобную церковь во имя Своего Успения и вручив чудотворную наместную икону. Они стали «подлинниками» и «подобиями» для каждого древнерусского мастера, наполняя глубоким содержанием сакральное творчество Руси.

Весь мир изумился красоте сотворенного здания. Подчеркивая вселенский характер миссии Киево-Печерской лавры, мы еще и еще раз убеждаемся, что она с честью выполняла ее «на всех путях своих» (Иез. 28, 15), и в том числе на стезе культуры. Эту стезю можно назвать очень нелегкой, ибо она неотделима от процесса катарсиса — самоочищения. Но свет Богопознания, наполняя существо творцов-подвижников, сподобившихся очистить душу и узреть горную красоту, освещал для них эту стезю сиянием славы Божией, вел к истинной красоте, позволял в творчестве достичь глубин совершенства.

Лавра, ставя духовность во главу угла, сподобилась творить в соавторстве с Богом — Всевышним Творцом.

Пречистая Богородица, бесплотные ангельские силы, святые угодники Божии были реальными участниками в этом процессе. Культура древней лавры является всеобъемлющим богословским ответом вопрошающему человечеству о его предназначении, живым богословием в красках, гимнах, мелодиях, изделиях церковной утвари, книгах, мозаике, архитектуре — во всем том, что стало строительным материалом для возведения величественного Храма древнерусского искусства, «которого Художник и Строитель есть Бог» (Евр. 11, 10).

Ссылки и примечания к главе VII

1. Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). Собр. соч. Т. 4: Экклесиология в отечественном богословии. К., 1997, с. 68-69.
2. Успенский Л. Символика храма // ЖМП. 1958, № 1, с. 48.
3. Блаженнейший митрополит Владимир. Экклесиология в отечественном богословии. С. 72.
4. Там же. С. 69.
5. Никитин В.А. Пасхальный догмат в русском богословии // БТ. 1990, № 30, с. 285.
6. Скурат К.Е. Догматические темы в русской церковной литературе XI-XVII веков // БТ. 1989, № 29, с. 5.
7. Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984, с. 10-11.
8. Буслаев Ф. Памятники древней русской литературы и народной словесности. М., 1917, с. 34-35.
9. Блаженнейший митрополит Владимир. Экклесиология в отечественном богословии. С. 80; Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. М., 1972, с. 25-49.
10. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI — XVII веков. М., 1992, с. 37.
11. Бычков В.В. Эстетика // Культура Византии. Вторая половина VII-XII в. М., 1989, с. 401; Рудаков А.П. Очерк византийской культуры по данным греческой агиографии / Серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования». С.-Пб., 1997, с. 47-48. Об иконоборчестве см.: Theophanis Chronographia, ed. Bonn., v. 1. 1839, p. 617-618; Успенский Ф.И. Константинопольский собор 842 г. и утверждение Православия // ЖМП. 1891, январь, с. 109-131; Лебедев А.П. Вселенские соборы VI, VII и VIII вв. М., 1897; Преображенский В. Преподобный Феодор Студит и его время. М., 1896; Гроссу Н., священник. Преподобный Феодор Студит, его время, жизнь и творения. К., 1907.
12. См.: Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы. С.-Пб., 1893, с. 97-106; VII Вселенский Собор // Деяния Вселенских соборов. Т. VII. Изд. Казанской Духовной Академии. Казань, 1873, с. 535-538; Лосский В. Мистическое богословие Восточной Церкви. Гл. VI: Образ и подобие. Париж, 1944 (рус. перевод — БТ. № 8); Карташев А.В. Вселенские соборы. Париж, 1963, с. 745-746; Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989, с. 119-161; Виссарион, епископ. Богословское обоснование иконопочитания и его значение для жизни Церкви // Православный вiсник. К., 1996, № 5, с. 35-45.
13. Рафаил (Карелин), архимандрит. О языке православной иконы // Православная икона. Канон и стиль: к богословскому рассмотрению образа. М., 1998, с. 39-40; Киприан (Керн). Евхаристия. Париж, 1947; Флоренский П., священник. Собр. соч. Т. I: Статьи по искусству. Париж, 1985, с. 41-55; Бычков В.В. Из истории византийской эстетики // Византийский временник. М., 1976, т. 37, с. 180.
14. Симеон Новый Богослов. Слова. М., 1892, вып. 1, с. 223-224; Василий (Кривошеин), архиепископ. Преподобный Симеон Новый Богослов (949-1022). Париж, 1980.
15. Слова преподобного Симеона Нового Богослова / Пер. на рус. яз. епископа Феофана. М., 1890, вып. 1-2, с. 19. См.: Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. С.-Пб., 1892, ч. 3, отдел 2; Успенский Ф. Очерки византийской образцованности. С.-Пб., 1891; Алексей, епископ. Византийские церковные мистики. Казань, 1906; Василий (Кривошеин), монах. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы / Seminarium Kondacovianum, VIII. Praha, 1936, с. 113-114.
16. Блаженнейший митрополит Владимир. Экклесиология в отечественном богословии. С. 72.
17. Идеино-философское наследие Илариона Киевского / Изд. Т.А.Сумниковой. М., 1986, ч. II, с. 85.
18. Иванов М.С. К проблеме богословского наследия Древней Руси (XI — начало XIII в.) // БТ. 1989, № 29, с. 22.
19. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2, с. 69.
20. Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1975, с. 11.
21. Там же. С. 15.
22. Иларион. Исповедание веры // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. Ч. 1, с. 39-41.
23. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Издание журнала «Странник» под ред. проф. А.И.Пономарева. С.-Пб., 1894, вып. 1, с. 64-65.
24. Молдаван А.М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. К., 1984 (с указанием в скобках листа рукописи ГИМ. Син. № 591), 1816-182а.
25. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI — XVII веков. С. 97-98.
26. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Ком. В.Я.Дерягина, А.К.Светозарского. М., 1994, с. 15. Исследование академиком В.Н.Лазаревым мозаик, и особенно фресок, Софии Киевской показало не только внешнюю, но и внутреннюю связь этого памятника со «Словом». Дело не только в совпадении сюжетов, но и в том едином пафосе, который вдохновлял строителя храма и его соратника митрополита Илариона, автора «Слова». Под 1037 г. в ПВЛ говорится, что в этом году «Ярослав... заложи же и церковь святые Софья, митрополью». Строительство велось под наблюдением греческого митрополита Феопемпта, при нем выполнены и все мозаичные работы (до 1043 г.). В этом году (или ранее) дипломатические отношения с Византией прерываются вследствие начавшегося похода русских на Константинополь. Существует мнение, что митрополит покинул Киев ранее этого года. Составление программы фресковых росписей, которые выполнялись в основном в 1043-1046 гг., князь Ярослав поручил своему ближайшему советнику митрополиту Илариону. Если в мозаиках, за некоторым исключением, нет отступлений от византийской традиции, то фрески представляют совершенно иную картину. «Составители программы росписей Софии Киевской, — пишет В.Н.Лазарев, — обошлись весьма самостоятельно с

традиционным фондом евангельских сюжетов, разместив на наилучше освещенных местах те из них, которые отвечали намерению выявить три основных пункта христианского учения: догмат о Крестной Жертве, догмат о Воскресении и деятельность апостолов как насадителей Христианства». Этой программе полностью соответствует построение «Слова»: его центральная часть представляет собой толкование догмата о Воплощении Христа и доказательство равноправия «новокрещенных» народов... На боковых стенах и на западной стене центрального нефа изображен групповой портрет семейства князя, а на хорах — портрет князя Ярослава, который подносит Христу модель храма. Стиль последней части «Слова», прославляющей князя Владимира и его сына Ярослава, как нельзя более соответствует монументальности и значительности этих фресок, которые вряд ли могли быть одобрены греческим митрополитом, если бы он действительно был в эти годы в Киеве. Кроме того, надо отметить, что некоторые сюжеты... Софии Киевской навеяны апокрифами: фигура Богородицы из «Благовещения» с пурпурной шерстью в руках, нетрадиционный поясной образ Христа-иерея с короткими волосами и свитком в руке. Возможно, это также объясняется инициативой Илариона. Таким образом, активное участие митрополита Илариона в росписи собора, которое выразилось не только в составлении программы росписей, отличающихся, по словам В.Н.Лазарева, «большой зрелостью и самостоятельностью», но и в идейном руководстве соратника князя Ярослава Мудрого, возводящего храм-памятник величию и самостоятельности Руси, совпало со временем написания «Слова». Все это дает основания предположить, что именно в храме Софии Киевской, который также был отчасти творением митрополита Илариона и, безусловно, вдохновлял его «Слово», оно и было прочитано» (Мумриков А., диакон. Слово о Законе и Благодати Илариона, митрополита Киевского // БТ. 1987, № 28, с. 337-338, прим. 103; Лазарев В.Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, с. 44).

27. Никитин В.А. Пасхальный догмат в русском богословии. С. 286; Иларион, митрополит. Слово 1-е, 2-е, Исповедание веры // Творения святых отцов в русском переводе с прибавлениями духовного содержания. М., 1844, кн. 2, с. 223-293.

28. Игнатия, монахиня. Труды русских песнописцев в киевский период // БТ. 1987, № 28, с. 230.

29. Лозинский Р., протоиерей. Русская литургическая письменность. Машинопись. Кострома, 1964-1967, с. 35.

30. Игнатия (Петровская), монахиня. Опыт литургического богословия в трудах русских песнотворцев // Альфа и омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1997, № 2 (13), с. 285; Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2, с. 58.

31. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Ком. В.Я.Дерягина, А.К.Светозарского. С. 24-25.

32. Там же. С. 21, 143, прим. 11, 51, 55, 69, 74, 78, 81; Мещерский Н.А. К изучению языка «Слова о законе и благодати» // ТОДРЛ. 1976, т. 30, с. 231-237; Молдаван А.М. 1) Лингвотекстологический анализ списков «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 32-52; 2) Некоторые синтаксические данные «Слова о законе и благодати» в средневековых списках памятника // История русского языка: Памятники XI-XVIII вв. М., 1982, с. 67-73.

33. Игнатия (Петровская), монахиня. Опыт литургического богословия в трудах русских песнотворцев. С. 288.

34. Иванов М.С. К проблеме богословского наследия Древней Руси. С. 23.

35. Столь восторженное и благоговейное отношение святителя Илариона к князю Владимиру позволяет предположить, что он мог знать его еще при жизни. Скорее всего, Иларион помнил и крещение Руси — следовательно, в молодые годы он мог лицезреть легендарного князя. Мудрость и ученость духовника Ярослава Мудрого, зрелость его богословско-философских суждений дают нам возможность предполагать, что он являлся ровесником Ярослава или, по крайней мере, был ненамного моложе его. Ярослав родился в 978 г. Тогда же или чуть позже родился наш герой. Значит, Илариону к моменту поставления его на престол Киевских предстоятелей было около семидесяти лет. Анализ «Слова о Законе и Благодати», написанного к дню освящения Софийского собора, подтверждает нашу мысль. Собор освятили в 1037 г. Энергичный жизнеутверждающий пафос храмовой проповеди свидетельствует, что создал ее человек в расцвете сил, таланта и творческих возможностей — тогда Илариону было, вероятно, пятьдесят с небольшим лет. Это еще раз опровергает версию о тождестве личностей Илариона и Никона, ибо тогда выходило бы, что Никон-Иларион получил игуменство девятидесятилетним, а умер почти столетним. Между тем мы видим игумена Никона очень энергичным. Он много путешествует, возглавляет дипломатические миссии, напряженно трудится в мастерских монастыря, часто проповедует за богослужением. При нем велись интенсивные работы по завершению собора. Несомненно, два этих деятеля принадлежат к разным эпохам, разным историческим пластам.

36. Горський В.С. Святі Київської Русі. К., 1994, с. 4.

37. Зимин А.А. Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения. 1963, № 37, с. 66.

38. Златоструй. С. 133.

39. Лихачев Д.С. Великое наследие. С. 105; Очерки истории русской этической мысли. М., 1976, с. 27.

40. ПЛДР. Т. 1, с. 214-216.

41. Флоренский П., священник. Освящение реальности // БТ. 1977, № 17, с. 148-152. Православный образ святости формирует две концепции человека. В одном случае агиограф исходит из того, что мир состоит из трансцендентного и реального, которые не разделены в пространстве и во времени. Автор жития не разделяет мир видимый и невидимый, но и не противопоставляет их, как это делает современный человек. При этом показывается, что герой подвергается влиянию силовых полей обоих миров, но главное здесь — спастись. Идея спасения являет суть подвига святого, его решений и поступков. Святой получает сакральный статус после смерти, которая воспринимается как подвиг. На этой основе формируется концепция целостного человека. Наиболее четко она воплощена в житиях святых князей и мучеников.

В другом случае агиограф берет за основу связи вертикальные. Это взаимоотношения Бог — природа, которые приобретают формы антиномий духовное — материальное, вечное — преходящее, нетварное — сотворенное. Эти соотношения являются доминирующими в житиях пустынников и аскетов. В них святой, стремящийся к спасению, воспринимает как антагониста собственную плоть, что ставит его в противоречивое положение. А отсюда раздвоенность, на основании которой формируется дуалистическая концепция человека. Доминирующим в этом случае выступает мотив искушения, которое приходится преодолевать святому в течение всей жизни, что сопровождается его символическим преображением» (Александров О. Старокиївська агіографічна проза X — першої третини XIII ст. Одеса, 1999, с. 39).

42. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI — XVII веков. С. 100.
43. Блаженнейший митрополит Владимир. Экклезиология в отечественном богословии. С. 75-76.
44. Патерик. С. 141; ПЛДР. Т. 1, с. 306, 82; Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И.Абрамович. Пг. 1916, с. 5.
45. Златоструй. С. 157. «Своеобразное толкование притчи (масло как символ милостыни) Феодосий заимствовал, видимо, из приписываемого Иоанну Златоусту «Слова о десяти девах и о милостыне» (оно входит в знаменитый Успенский сборник XII-XIII вв.)» (Там же. Прим.).
46. Похвала преподобному отцу нашему Феодосию // Патерик. С. 90.
47. Игнатия, монахиня. Труды русских песнописцев. С. 236; Минея месячная. М., 1913, месяц май, служба преп. Феодосию Печерскому.
48. Минея месячная. М., 1913, месяц июль. Канон 1, песнь 9.
49. Доброклонский А. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1883, вып. 1, с. 96.
50. Игнатия, монахиня. Труды русских песнописцев. С. 236.
51. Игнатия, монахиня. Опыт литургического богословия. С. 295.
52. Иванов М.С. К проблеме богословского наследия Древней Руси. С. 25-26.
53. Лихачев Д.С. Великое наследие. С. 102.
54. Иванов М.С. К проблеме богословского наследия Древней Руси. С. 26.
55. Лебедев Л., протоиерей. Богословие русской земли как образа обетованной земли Царства Небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI-XVII веков) // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». М., 1989, с. 141-142; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII веков. М., 1982, с. 415.
56. Лебедев Л., протоиерей. Богословие русской земли... С. 148.
57. Тальберг Н. История Русской Церкви. Т. 1, с. 37-38. Новгородцы говорили: «Где Святая София, там и Новгород» (Новгородская I летопись под 1215 г.). Здесь совершались важнейшие государственные акты и торжественные церемонии — объявлялись указы, назначения на должности, проходили дипломатические приемы. В соборе хоронили епископов, князей, знаменитых посадников. В нем размещались казна, библиотека и архив Новгорода, а также метрическая палата, где хранились образцы мер и весов. Под звон колоколов Софийского собора на площади перед ним собирали народное вече, здесь проходили проводы и встречи новгородских боевых дружин. «Умрем честно за Святую Софию», — восклицали, как свидетельствует летопись, патриоты Новгорода, готовясь к ратным подвигам (Никитина Ю.И. Софийский собор в Новгороде. Л., 1982, с. 3).
58. Слово еже когда основанна бысть церкви Печерскаа // Патерик. С. 9.
59. Лебедев Л., протоиерей. Богословие русской земли... С. 143.
60. Малков П. Образ пещеры в античном и христианском символизме // Альфа и Омега. М., 1997, № 2 (13), с. 253-254.
61. Хождение игумена Даниила // ПЛДР. Т. 2, с. 24-115. О печерском происхождении Даниила см.: Словарь книжников. Вып. 1, с. 109. На древнем Востоке существовали целые пещерные комплексы. В современной Турции туристам показывают разветвленный пещерный город — Гереме, представляющий собой христианские катакомбы, в которых сохранилось более четырехсот (!) скальных храмов и большое количество подземных келий с остатками изумительной по красоте фресковой живописи. Монашеская жизнь была здесь прервана набегами турок-кочевников. Богата пещерными монастырями была северная Африка. До сих пор монашеские центры на Руси именуют по аналогии с отшельническим Египтом «Новой Фиваидой» или «Новой Нитрией».
62. Толкование на пророка Исаию // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. М., 1993, ч. 2, с. 106.
63. Святой Герман Константинопольский. Сказание о Церкви и рассмотрение таинств. М., 1995, с. 43.
64. Данило Корсунський. Перегринання, ілі путь до Іерусалима // Українська література XIV-XVI ст. Бібліотека української літератури. К., 1988.
65. Реутов А.В. Лаврські печери як архітектурна пам'ятка // Дива печер лаврських. С. 106. Самоочевидно, что символизм пещерных храмов лавры имеет истоки в святоотеческом наследии. Так зародился уникальный феномен первого на Руси пещерного монастыря, став зерном небывалой духовной жатвы. «Без преувеличения можно сказать, что все культовые подземелья на территории... России и Украины были созданы по образу и подобию пещер Киево-Печерской лавры. Все они пытались подражать этим знаменитым пещерам, но никогда не смогли достичь их славы!» (Хведченя С. Киево-Печерская лавра: пещеры, легенды, клады. К., 1999, с. 26).
66. Искусство Киевской Руси / Автор-составитель Ю.С.Асеев. К., 1989, с. 17.
67. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 107.
68. Искусство Киевской Руси / Автор-составитель Ю.С.Асеев. С. 17-18. «Сведения о земельных бенефициях в XI — XII вв. немногочисленны... Это самое древнее упоминание о монастырском землевладении в древней Руси» (Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989, с. 249).
69. Холостенко М.В. 1) Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. К., 1975, с. 110-111; 2) Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 131-165.
70. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. К., 1982, с. 77-78.

71. Там же. С. 78. Исследователь видит структурализм феномена «Великой небеси подобной Печерской церкви» в аскетико-литургической векторности ее предназначения, смоделированного именно для монашеского богослужения, которое отличается суровой простотой и глубиной содержания, содержит апофатический богословский аспект (Асеев Ю.С. До питання про стильову періодизацію архітектури Київської Русі // Старожитності Русі-України. К., 1994, с. 92).

72. Ainalov D. Geschichte der russischen Monumentalkunst der Vormoscovitischen Zeit. Berlin — Leipzig, 1932, s. 25.

73. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 79.

74. Там же. По мысли академика Б.А.Рыбакова, каждая постройка на Руси была «воплощением строгой математической системы, которая определяла формат кирпичей, толщину стен, радиусы арок и, разумеется, общие габариты здания» (Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984, с. 15). Архитектор А.А.Пилецкий, изучая математические параметры древнерусских архитектурных форм и композиций, установил, что их принципы восходят к живой природе, а закономерности оказываются сходными с закономерностями в биологии: «Симметрии древнерусской архитектуры перекликаются с биосимметриями; особенности ее пространства — с биопространствами; столь же сходны их математические и пропорциональные структуры» (Пилецкий А. Симметрии и пространства древнерусской архитектуры // Архитектура СССР. 1981, с. 12, с. 43-47).

«Весьма распространенное суждение о том, что древнерусские зодчие строили, так сказать, «на глазок», без особых математических расчетов, совершенно несостоятельно. Как показали исследования последних лет, русские зодчие превосходно знали математические пропорции («золотое сечение», числовые ряды Фибоначчи, отношения типа а:а корень квадратный из 2 и т.п.) и умело их применяли, пользовались в своих расчетах своеобразными графиками» (Никитин В.А. Слава и шит Руси // БТ. 1985, № 26, с. 270).

Символично, что мериллом для измерений храмов у русичей служили святыни — напр., пояс от Распятия варяга Шимона. В Новгороде таким эталоном служила матерчатая лента-пояс, хранившаяся в ризнице Софийского собора как мера Гроба Господня. Она была принесена в 1211 г. из Царьграда паломником Добрыней Адурковичем, новгородским боярином, впоследствии — архиепископом Новгородским Антонием (Савваитов П. Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. С.-Пб., 1872, с. 134; Штендер Г.М. Художественная культура Новгорода // Древнерусское искусство: Сб. статей. М., 1968, с. 87-88).

75. Патерик. С. 197, 69, 3. Свидетельства из летописи и Жития не противоречат друг другу. Одну часть земель под сооружение келий, деревянного храма и частокола пожертвовал Изяслав еще при руководстве обителем св. Антония, а другую, под строительство собора, подарил преп. Феодосию только что вокняженный Святослав — может быть, с целью загладить свое преступление самозахвата трона.

76. Холостенко М.В. Успенский собор Печерского монастыря. С. 113.

77. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 83-84. «Церковь Печерского монастыря, заложенная преп. Феодосием в 1073 г. и оконченная кладкою в 1075 г., была потом освящена только через 14 лет в 1089 г. Это, очевидно, должно понимать так, что у монастыря не было готовых средств... и что он должен был производить ее медленно по мере приобретения сих последних. Очень может быть, что и в 1089 г., когда церковь была освящена, ее отделка была еще не совсем окончена и доканчивалась после» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 106).

78. Холостенко М.В. Успенский собор Печерского монастыря. С. 125-126.

79. Там же. С. 129.

80. Там же. С. 131.

81. Там же. С. 135-136.

82. Богусевич В.А. До історії склоробного виробництва в Київській Русі // Нариси з історії техніки. К., 1957, вип. 4, с. 143, 139.

Детальные исследования Ю.Л.Шаповой подтвердили правоту Богусевича. Она выделила среди материалов раскопок смальту различных типов, среди которых были характерные как для лаврского производства, так и для византийского, что позволило ей говорить о длительном сотрудничестве в монастырской мастерской греческих и местных работников. «Представляется бесспорным, что в качестве главных мастеров-декораторов в Успенском соборе, так же как и в Софии, выступали греки. Они привезли с собой не только высокое мастерство, умение и готовую смальту, но и необходимые... материалы (золу, красители, главным образом окись кобальта), которые в Киеве нельзя было найти... Патерик рассказывает, что прибыли четыре мастера, а один купец привез мозаику. Возможно, что было именно так. На месте совсем вблизи Успенского собора были построены горны. Можно думать, что сначала один, а потом и второй, в то время когда работы шли полным ходом. Четыре мастера, среди которых были главный художник, мозаичист и стекловар, пригласили себе в помощь киевских стеклоделов. Первое время последние, видимо, только помогали, а потом получили самостоятельные работы... Материалы стеклоделательной мастерской в Лавре характеризует, главным образом, производство золоченой смальты. Цветная смальта (вернее, окрашенная) производилась здесь, по-видимому, в небольших количествах (отходов цветных смальт совсем мало). Потребность в этой смальте не так велика, как в золоченой, которой выложен весь фон» (Шапова Ю.Л. Новые материалы к истории мозаики Успенского собора в Киеве // Советская археология. 1975, № 4, с. 219-222).

83. Левицкая В.П. О палитре михайловских мозаик // Лазарев В.Н. Михайловские мозаики. М., 1966, с. 134-144.

84. Патерик. С. 10-11, 213, прим. 11. У Болховитинова вместо «свиты» — свитки (Евгений (Болховитинов), митрополит. Описание Киево-Печерской лавры. К., 1826, с. 108).

85. См.: Патерик. С. 11-15. Обратим внимание на иконографию Успения. «Изображение Успения Богоматери входит в цикл из двенадцати наиболее важных праздничных сцен, непосредственно связанных с чином православной службы. Они призваны не только рассказать о событиях земной жизни Христа и Богоматери, но и раскрыть их символический смысл. В литургии и гимнографии смерть Богоматери истолковывается как дивное и страшное событие — Ее уход из земного бытия и воцарение в небесном Иерусалиме, открывающие для человечества врата в царство Божие для вечной жизни. Этим толкованием объясняется и обилие в изображении Успения светлых сияющих красок, создающих состояние радости, просветления и покоя.

Литературную основу иконографии праздника в иконописи Древней Руси, подобно Византии и Балканам, составляли апокрифические сказания — «Слово Иоанна Богослова на Успение Богородицы», «Слова» Иоанна, епископа Солунского,

Андрея Критского и Германа, епископа Константинопольского, каноны Косьмы Маюмского и Иоанна Дамаскина. На основе этих сочинений было создано проложное «Сказание об Успении Богоматери», читавшееся во время службы на праздник Успения 15 августа. Иконы с изображением Успения обычно размещались в праздничных рядах иконостасов церкви» (Пречистому образу Твоему поклоняемся. Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. С.-Пб., 1995, с. 47).

86. Блаженнейший митрополит Владимир. Экклезиология в отечественном богословии. С. 78.

87. «В первую очередь необходимо отметить, что до основания Печерской обители успенская топонимика не была в обычае на Руси, хотя почитание Богоматери, без сомнения, начало распространяться в Древнерусском государстве сразу после его крещения» (Кабанец Е.П. Походження успенської топоніміки Києво-Печерського монастиря // Лаврський альманах. Вип. 1: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури. К., 1999, с. 55). Из всех храмов, построенных на Руси до 1070-х годов XI в., в честь Божией Матери были освящены Десятинная церковь в Киеве, Рождество-Богородичный храм в Суздале, церковь Пресвятой Богородицы в Тмутаракани и Благовещенский храм на Золотых воротах в Киеве (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 35-45; Федоров А. А. История Русской Церкви. С.-Пб., 1995, т. 1, с. 1-212; Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в нач. XIII в. (между 1214 и 1219 гг.) / Изд. М.Оболенский. М., 1851, с. 33; Русская летопись по Никонову списку / Имп. АН. С.-Пб., 1767-1792, ч. 1, с. 105-108; Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 1; Максютин П.С. Очерк истории зодчества в России // Русская старина в памятниках духовного и гражданского зодчества / Сост. А.Мартынова; текст И.М.Снегирева. М., 1846, вып. 1, с. IV).

Главный вопрос для нас — была ли Десятинная церковь Успенской? Дитмар, современник князя Владимира, называет ее храмом святого Климента (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1, прим. 488). «Дитмар мог назвать ее таким именем единственно потому, что в ней покоились мощи святого Климента, как один из наших проповедников XII в. в слове при возобновлении Десятинной церкви, обращаясь к священномученику, говорил: «Церковь твою обновляя...» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 431, прим. 94; Оболенский М.А. О двух древнейших святынях Киева // Киевлянин. К., 1850, кн. 2, с. 146). Историки Церкви дореволюционного периода называют ее просто церковью Пресвятой Богородицы (Макарий (Булгаков), митрополит. Там же, с. 35-36; Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 14), как она и именовалась в древнерусских хронологических памятниках. Правда, Е.Голубинский называет ее Свято-Успенской, не обосновывая при этом свое предположение. Современные богословы в сборнике Московской патриархии, посвященном 1000-летию Крещения Руси, называют ее Рождество-Богородичной (Русская Православная Церковь. 988-1988. С. 11).

В летописи под 1039 г. упоминается об освящении митрополитом Феопемптом «церкви (Успения) Святой Богородицы, которую соорудил Владимир, отец Ярослава» (Летопис руський. С. 92). «Десятинную церковь могли повторно освящать, когда ее частично перестраивали (следы таких изменений в строении, собств. в фундаменте, обнаружены, только к какому они времени относятся — неизвестно). Существует старое аргументированное утверждение, что слова о том, будто упомянутую церковь «соорудил Владимир, отец Ярослава», внесены в летопись ошибочно в более поздние времена. Тут говорится не о Десятинной и не о Софии, а об освящении третьей церкви Богородицы (Успения), построенной Ярославом, — остатки большой церкви того времени раскопаны на пересечении нынешних Владимирской и Ирининской улиц» (Там же. С. 92, прим. 1).

Под 1078 г. летопись сообщает о погребении в ней убитого на Нежатиной ниве Изяслава Ярославича: «И принесши, поклали тело его в церкви (Успения) святой Богородицы, вложили его в раку каменную и мраморную» (Там же. С. 123). «Итак, двойной саркофаг (рака) Изяслава стоял в церкви Богородицы. Но в какой? Считают, что в Десятинной, однако этого уточнения в тексте нет... Отсутствие уточнения не случайно, ибо говорится о соседней с Софией церкви Успения Богородицы, о которой говорилось под 1039 г. и где археологами найдено семь каменных (шиферных) плит гробницы» (Там же. С. 123, прим. 7). Но Софийская первая и Воскресенская летописи утверждают, что Изяслав был погребен в Софии, и в «Слове о полку Игореве» сказано, что тело князя отвезли «ко святей Софии, къ Киеву».

Так существовала ли Ярославова Успенская церковь? Летопись, говоря о городе Ярослава, в котором была якобы построена Успенская церковь, освященная в 1039 г. митр. Феопемптом, ничем не упоминает о таком большом и значительном сооружении: «В лето 6545. Заложил Ярослав град велик, у него же града суть Златые врата, заложил же церковь святыя Софья, митрополью, и по семь церковь на Золотых воротах святыя Богородица Благовещенье и святыя Ирины» (ПВЛ. С. 102). Вряд ли рядом с огромной Софией князь стал бы сооружать еще одну церковь — ту, раскопки которой проводились на углу Владимирской и Ирининской улиц. Да и не могли летописцы умолчать о таком большом храме — его обязательно назвали бы. Скорее всего, митр. Феопемпт освятил в 1039 г. именно Десятинную церковь. «Это значит, что Десятинная церковь много пострадала, вероятно, во время страшного пожара киевского в 1017 г. и потом по воле великого князя была исправлена очень значительно, так что ее надлежало вновь освятить» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 43).

Серьезного источниковедческого анализа в отношении идентификации названия Успения в применении к Десятинной церкви не существует. Симптоматично, что при возрождении Десятинного храма он был освящен в честь Рождества Пресвятой Богородицы (Троцкий П. Возобновление древних киевских храмов митрополитом Петром Могилою // Киевские Епархиальные Ведомости. К., 1864, № 9, с. 261-281; Памятники, изданные Киевской комиссиею. К., 1897, т. II, № 12, с. 432; Титов Ф., протоиерей. Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры и других святынь и достопримечательностей города Киева. К., КПЛ, 1911, с. 132).

Серьезным аргументом в пользу того, что Десятинная церковь не была Свято-Успенской, является дата ее освящения — 11 (по некоторым другим источникам — 12) мая. «В X веке постройкой и освящением знаменитой Десятинной церкви Пресвятой Богородицы Киев, подобно Константинополю, посвящал себя Царице Небесной. 11 мая 330 года равноапостольный император Константин Великий посвятил свою новую столицу Богоматери, что было отмечено в греческом месяцеслове как праздник обновления Царьграда, и на этот же день 11 мая равноапостольный князь Владимир назначил освящение Десятинной церкви, повелев внести это событие как праздник в месяцеслов русский» (Лебедев Л., протоиерей. 1) Богословие русской земли... С. 141; 2) 988-1988. Крещение Руси. Издание Московской патриархии. 1987, с. 115-116).

События тех лет показывают, что праздник Успения был широко известен и почитаем на Руси. Так, в 996 г., освятив в мае Десятинную церковь и совершив по этому случаю «праздник великий», князь Владимир в день Преображения Господня, 6 августа, дал обет построить в Василеве Спасо-Преображенский храм в знак благодарности за свое чудесное спасение от печенегского плена, «и праздновал князь тут восемь дней, и возвратился в Киев на Успение Святой Богородицы. И тут

снова он праздник светлый совершил, созывая бесчисленное множество народа... И так по вся лета он творил» (Літопис руський. С. 70). Отсюда видно, что праздник Успения князь Владимир чтит в числе других великих праздников церковных, но ничем не выделял его.

Что касается Ярослава Мудрого, то и он особо не выделял праздник Успения (тем более не строил в его честь храмов). Он избрал путеводным для себя и «своего града» событие Благовещения, соорудив на Золотых городских воротах Благовещенскую церковь. Святитель Иларион в «Слове о Законе и Благодати» говорит: «Славный град твой Киев ты величеством, как венцом, увенчал. Ты предал людей своих и град всеславной, скорой в помощи христианам Святой Богородице, Ей же и церковь на Великих воротах возвел во имя первого Господня праздника — святого Благовещения» (Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 94). Сюжет Благовещения является центральным, «программным» в росписи Софийского собора. Митрополит Иларион провозглашает: «Пусть приветствие Архангела, данное Пресвятой Деве, будет и граду сему, ибо сказано Ей: «Радуйся..!» (Там же. С. 94). Эти слова архангела Гавриила (Лк. 1, 28) были начертаны в верхней части мозаики «Благовещение» над аркой алтаря Софийского собора.

Итак, во времена князей Владимира и Ярослава праздник Успения ничем не выделялся из ряда других церковных календарных дат. Наоборот, «первыми Господними праздниками» были тогда, как видим, Благовещение и Преображение — в честь Благовещения строится надвратный храм в столице, а во имя Преображения — церкви в Чернигове, в княжеских загородных резиденциях Василеве, Берестове и Белгороде. В это время преобладают Софийские храмы как кафедральные в столицах Киевского, Новгородского и Полоцкого княжеств. Вышесказанное еще больше укрепляет нас в мысли, что Десятинная церковь не была Свято-Успенской.

Что касается сообщения некоторых поздних летописей об основании св. равноапостольным князем Владимиром Успенского храма во Владимире-на-Клязьме, то современными историками доказано, что этот город, как и храм Успения, был основан Владимиром Мономахом около 1108 г. (Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 182-183; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 401-403; Воронин Н.Н. Из ранней истории Владимира и его округа // Советская археология. 1959, № 4; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. М., 1984, с. 72; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. М., 1987, с. 20-21).

«К мифологическому наследию относится и сказание о «чюдной» дубовой церкви Успения в Ростове, которая простояла будто бы 165 лет до своего обновления в камне в 1161 г. Киево-Печерский Патерик неопровержимо доказал, что строительство деревянной предшественницы кафедрального храма состоялось к концу 1070-х гг. — времени истинного основания Ростовской епархии. Именно тогда Владимир Мономах «взьмь меру божественна тоя церкви Печерська, всем подобиемъ създа церковь въ граде Ростове...». Возможно, какая-то христианская молельня и появилась в Ростове в конце X в., но это мог быть лишь обыкновенный приходский храм с произвольным названием. Легенда о Зимненской Успенской церкви Святогорского монастыря близ Владимира-Волынского, основанной якобы Владимиром Крестителем в 1001 г., также относится к сомнительным известиям. Действительно, археологические материалы свидетельствуют о слабом торговом-ремесленном положении местной хозяйственной округи в XI в., что в свою очередь демонстрирует ее упадок и слабую населенность. Церковная провинция во Владимире сформировалась лишь в 1080-х гг., однако даже после этого в городе нет существенных признаков того, что епископ утвердился в своей волынской резиденции, а монументальный кафедральный собор из камня вообще был построен лишь в 1155-60 гг.» (Кабанец Е.П. Походження успеньської топоніміки Києво-Печерського монастиря // Лаврський альманах. Вип. 1, с. 55-56). См.: Теодорович Н.И. Город Владимир Волынской губернии. Почаев, 1893, с. 167; Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (Раннеславянский и древнерусский периоды). К., 1990, с. 119-120.

88. Праздник Успения в Царьграде пользовался особым почитанием. Лучшим свидетельством тому служит создание стихир на Успение Константинопольским патриархом Анатолием в V в. и Косьмой Святоградцем в VIII в. Еще один первоиерарх, Вселенский патриарх Алексий (1025-1043), основал близ Константинополя в 1034 г. Свято-Успенский монастырь и ввел в его обиход Студийский устав. Чтили Успение и в Иерусалиме. Великий иерусалимский подвижник преподобный Иоанн Дамаскин создал в VIII ст. богослужебные песнопения в честь праздника Успения Божией Матери.

Однако основополагающим фактором становления Мариологического успеньского символизма на Руси явился, конечно же, алгоритм духовности Святой Горы — Афона. Это подчеркивают не только церковные, но и светские исследователи (См.: Карабинов И. Наместная икона древнего Киево-Печерского монастыря // Известия Гос. Академии материальной культуры. Л., 1927, т. 5, с. 112. Здесь, правда, искусствовед ошибся, назвав пещерную церковь, основанную преп. Антонием в подземном монастыре, Успенской). Примечательно, что древнейший из афонских храмов — Протатон, выстроенный в начале X в., — посвящен Успению. В нем на горнем месте пребывает самая чтимая на Афоне, очень древняя икона «Достойно есть», установленная здесь в 982 г. Согласно преданию, молитву «Достойно есть» чудесным образом начертал на камне явившийся афонскому иноку в скиту Успения Архангел Гавриил. К 1001 г. относится первое дошедшее до нас упоминание о монастыре Есфигмен, в котором, по преданию, постригся преп. Антоний Киево-Печерский. В это же время на Святой горе появился русский монастырь Ксилургу с храмом Успения Пресвятой Богородицы. Согласно предписаниям первого афонского Типика, т. наз. Типикона Цимисхия, разработанного в 970-х гг., высшая административная власть на Афоне передавалась Протату и «Ассамблее старцев». Ежегодный собор старцев, решавший важнейшие дела монашеского государства, происходил в Карее — столице полуострова, — в праздник Успения Божией Матери. Свято-Успенский храм Кареи по сей день остается соборным храмом всей святогорской общины (Святая гора Афон. М., 1998, с. 16-19; Зайцев Б.К. Афон. Париж, 1928 (переизд. в России: М., 1992); Иннокентий (Просвирнин), архимандрит. Россикон // Памятники Отечества, 1998, № 1).

89. Толочко П.П. Древняя Русь. К., 1987, с. 189. См.: Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII — XIV веков. М., 1965, т. 1; Асеев Ю.С. Архітектура Київської Русі. К., 1969; Раппопорт П.А. О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в. // Тр. Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина. Л., 1970; Плугин В.А. Культура Владимиро-Суздальской Руси // Вопр. истории. 1973, № 4. «Сейчас известно уже более 30 Успенских церквей, которые существовали в XI — XIII вв., но все они, за исключением нескольких сооружений, упомянутых в апокрифических источниках, построены позднее Киево-Печерского собора» (Лаврський альманах. Вип. 1, с. 55).

90. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» (историко-литературный очерк) // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950, с. 235-239.

91. Владимир (Сабодан), митрополит Ростовский и Новочеркасский, Патриарший экзарх Западной Европы. Вопросы еклезиологии в русском богословии // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковная научная конференция. М., 1989, с. 64-65.

92. Лебедев Л., протоиерей. Богословие русской земли... С. 146.
93. Патерик. С. 11.
94. «Свод главного купола покрыт слоем известкового с цемянкой раствора и специальными лекальными плотно подогнанными друг к другу плинфами, поверх которых на слое раствора были уложены свинцовые листы кровли. Листы кровельного свинца размером около 45 x 70 см, толщиной 4-5 мм и весом до 16 кг неоднократно находили при раскопках древнерусских зданий. Свинец крепился к сводам гвоздями» (Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 53; Кресальний М., Асеев Ю. Нові дослідження архітектури Софійського собору // Архітектура і будівництво. К., 1955, № 1, с. 27-29).
95. Обнаружение в 1962-1963 гг. фрагмента, изображающего нижнюю часть «креста процветшего» и принадлежавшего, вероятно, к внешней росписи стен храма, подтверждает это. «Сейчас мы знаем, что росписью были украшены не только внутренние, но и, частично, внешние стены церкви» (Патерик Киево-Печерский. С. 223, прим. 5).
96. Літописне оповідання про перенесення мощей Теодосія Печерського // Патерик. С. 206.
97. Успенский сборник XII-XIII вв. / Подг. к изд. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. М., 1971, с. 69.
98. Літопис руський. С. 184. «Летопись сообщает об этом событии очень кратко... Преп. Симон в своем сказании о возведении Успенского храма посвятил окованию раки целый рассказ. Источником его был, вероятно, Летописец старый Ростовский... Кассиан отделил этот рассказ от произведения преп. Симона, поместив его на том же месте, где он стоит ныне и где его появление более логично. А в Ратерікон'е 1636 г. данный текст даже вошел в состав жития преп. Феодосия вместе с рассказом о поиске мощей» (Патерик Киево-Печерский. С. 240, прим. 1. к сл. 10).
99. О покованні раце преподобнаго отца нашего Феодосія Печерського // Патерик. С. 84-86.
100. Там же. С. 65-66. Нестор здесь явно пользовался документацией карательных органов киевского управления, зафиксировав данные из некоего своеобразного «судебного протокола».
101. Літопис руський. С. 226. О том, что Георгий Симонович участвовал в походах своего сюзерена Юрия Долгорукого, свидетельствует Тверской сборник. Под 1120 г. читаем: «В лето 6628 Юрий Долгорукий Владимирович воевал болгар, а воевода у него был боярин великий Георгий Симонович, внук Африкана, варяжского князя, брата Якуна слепого» (Тверской сборник // ПСРЛ. М., 1965, т. 15, стб. 193). Источником этой информации был, очевидно, «Летописец старый Ростовский» (Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, с. 24).
102. Патерик. С. 85-86. По мысли проф. И.Мальшевского, здесь говорится именно о церкви суздальского подворья (Мальшевский И. Варяги в начальной истории христианства в Киеве. К., 1887, с. 29, прим.).
103. Патерик. С. 83. О том, что это был именно Янь Вышатич, воевода киевский, см.: Літопис руський. С. 129.
104. Владимир (Сабодан), митрополит Ростовский и Новочеркасский, Патриарший экзарх Западной Европы. Вопросы экклезиологии в русском богословии // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковная научная конференция. С. 65. «В оконных проемах древнерусских зданий обычно ставились оконницы — деревянные щиты с прорезанными круглыми отверстиями и вставленными круглыми стеклами. В Софийском соборе обнаружена деревянная рама, в прямоугольные отверстия которой были вставлены круглые стекла» (Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 53).
105. Блаженнейший митрополит Владимир. Экклезиология в отечественном богословии. С. 90-91.
106. «В соборе пол XIX ст. заменил пол из чугунных плит, положенный после пожара 1718 г. в 1727-1729 гг. До этого времени существовал древний пол XI ст., который видели путешественники XVII ст., в частности Павел Алеппский. Еще Густинская летопись рассказывала об обновлении церкви в 1470 г. и указывала, что церковь «...мусиею сажена бысть не только по стенах, но и по земле...», т. е. что мозаика была использована и для украшения пола. Опираясь на хронику Феодосия Саковича, Иннокентий Гизель (1679 г.) писал, что «помост церковный весь только ж де от различных шаров каменными всякими узорами бысть насаженный...», т. е. пол, сложенный из каменных плит, был инкрустирован мозаикой» (Холостенко М.В. Успенський собор Печерського монастиря. С. 129-130). «Большую роль в сооружении собора играл пиррофиллитовый сланец, или, как его еще называют, розовый шифер. Этот легко раскалываемый на пласты и прекрасно поддающийся обработке резцом материал добывали под Овручем и в большом количестве привозили по рекам в приднепровские города. Под пяты сводов и арок укладывали шиферные плиты, и их выступающие края образовывали характерные для эпохи Киевской Руси карнизы; из плит делали ограды балконов, предалтарных преград, саркофаги, выстилали полы» (Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 53; Осовский Г.О. Откуда взялся красный шифер, встречаемый как в древних храмах, так и в других памятниках Киева // Труды третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. К., 1878, т. 2, с. 159-164).
107. Лазарев В.Н. Русская иконопись: От истоков до начала XVI века. М., 1994, с. 32. От убранства Успенского собора в подземных лаврских церквях сохранились мраморные фрагменты дверных косяков, предалтарной преграды (темплона) и кивория (сень над престолом). Исследовав эти фрагменты, Н.В.Холостенко убедительно воспроизвел схему реконструкции темплона в виде мраморной колоннады, завершающейся антаблементом, а в центральной части — аттиком.
108. Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. К., 1873, с. 50-67.
109. Патерик Киево-Печерский. С. 267, прим. 8.
110. Патерик. С. 11.
111. Иосиф Волоцкий. Послание иконописцу // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. / Сост. Н.К.Гаврюшин. М., 1993, с. 36.
112. Холостенко М.В. Успенський собор Печерського монастиря. С. 110-111.
113. Патерик. С. 8; Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 483, прим. 367.
114. Софія Київська. Державний архітектурно-історичний заповідник / Ред. і упорядник Г.Н.Логвин. К., 1971, с. 10.
115. Там же.

116. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1896-1900, вып. 1-5, с. 11. «В головной апсиде находилось изображение Богородицы, а ниже — Евхаристии. Обычно считается, что оно было уничтожено в 1240 г. Однако это не так — алтарная апсида храма сохранилась до 1941 г. в основном неповрежденно, пережила многочисленные татарские нашествия, как и сама мозаика (уничтоженная пожаром 1718 г.), на которой, согласно описанию Павла из Алеппо, «изображена Владычица... мозаикой с золотом, как в святой Софии (Солунской?) и в церкви Вифлеема» (Патерик Киево-Печерский. С. 222-223, прим. 5). Таким образом, согласно записям архид. Павла, Печерская Оранта была подобна Нерушимой Стене — мозаике из алтаря Софии Киевской, причем это подобие подчеркивалось такой характерной деталью, как существование при поясе Богородицы «плата» — небольшого платка. Ее изображение находим также на двух образцах древней лаврской каменной пластики — Орантах древнерусского времени и XV в. (центральная часть известного ктиторского триптиха). Несмотря на разницу во времени, обе Оранты похожи и, вероятно, являются копиями одного и того же изображения. «Лаврские каменные Оранты весьма похожи на Софийскую Нерушимую Стену, но имеют и некоторые особенности, присущие именно Печерской мозаике...» (Там же).

Исследователи обнаружили в Успенском храме три типа фресковой штукатурки, которые значительно отличаются по составу. Это, как и исследование мозаик, ведет нас к выводу о работе над росписями нескольких групп, среди которых были, скорее всего, не только греческие, но и киевские мастера (Харламов В.А., Коренюк Ю.А. Новое о технологии древних росписей Успенского собора Киево-Печерской лавры // Вопросы исследования и реставрации памятников архитектуры. К., 1992, с. 85).

117. Патерик. С. 172-173.

118. Там же. С. 12.

119. «В рукописной редакции Иосифа Тризны приведена дата пострига прп. Алимпия — 6591 (1083). Эта дата является результатом вычислений автора, в источнике которого начало росписи Великой церкви Киево-Печерской лавры отнесено к этому году. Эта дата вполне вероятна если не для пострига (который мог состояться в последующие годы), то, во всяком случае, для прихода святого в печерскую обитель» (Патерик Киево-Печерский. С. 266, прим. 7). «В львовской летописи информация о построении церкви в Ростове приводится под 1108 г.» (Там же. Прим. 12). Эти даты, как видим, разделяет четверть века. Святитель Симон, написавший об этой хартии в «Сказании» о Великой церкви Печерской, мог непосредственно видеть ее, наверняка сохранившуюся к его времени, либо мог видеть ее списки. С ней мог быть знаком и Поликарп, бывавший в ростовских краях. По крайней мере, житие Алипия написано столь подробно и хранит так много информации, что напрашивается предположение о знакомстве его автора, черноризца Поликарпа, с некоторыми первичными источниками агиографии Алипия, полученными им от святителя Симона, среди коих мог быть и ростовский иконописный канон, присланный когда-то из Киева Владимиром Мономахом.

120. Патерик. С. 175. Перевод авт. «Преп. Алипий практиковал как врач, приготавливая целебные мази из тех самых растительных и минеральных компонентов, что и собственные краски для иконописания (т. наз. «вапы»)» (Дива печер лаврских. С. 52).

121. См.: Патерик. С. 176-177. «Ипатьевская летопись под 1124 г. пишет: «Этим летом не было дождя. Тогда же сгорел Подол весь... На следующий день погорела Гора в граде...» Исследователи большей частью связывают информацию жития именно с этим пожаром. Но тогда выходит, что она попала в Поликарпово описание не из «Повести временных лет», хронологические рамки которой были более узкими. В то же время существует и еще одно... несоответствие: данное событие произошло за год до смерти Владимира Мономаха, и, таким образом, он имел уже немного времени, чтобы перенести иконы... Однако в Воскресенской летописи находим информацию еще об одном пожаре на Подоле, происшедшем в 1111 г.: «В этот же год сгорел Подол киевский, и Чернигов, и Смоленск, и Новгород». На то, что это сообщение попало в Воскресенскую летопись (а точнее, в Московский летописный свод 1479 г.) из украинской летописи, содержавшей авторскую редакцию «Повести временных лет», и что именно тут в тексте преп. Нестора содержался рассказ о чудотворных иконах преп. Алипия, указывает то, что эта же дата пожара дана и в рукописной редакции Патерика Иосифа Тризны» (Патерик Киево-Печерский. С. 267).

122. Патерик. С. 178. По версии И.Жиленко, «Владимир Мономах поместил икону в построенный не им, а еще св. Леонтием деревянный храм. В 1161 г. этот храм сгорел, и на его месте Андрей Боголюбский построил новую каменную церковь. В 1204 г., когда Поликарп, вероятно, жил в Ростове, эта церковь... упала и была обновлена с 1213 г.» (Патерик Киево-Печерский. С. 267-268, прим. 20).

123. Патерик. С. 178-179. О том, что это была именно икона Успения, говорит лаврское предание (См.: Киево-Печерский Патерик. С. 103). «Что иконы храмовые назывались у нас в период домонгольский наместными, ясно дается знать в Патерике Печерском... Идущие к данному случаю значения слова наместный, с которыми оно употреблялось в древнее время, суть, во-первых, главенствующий, первенствующий, главный; во-вторых, тугошный, в смысле местный, и в-третьих, прямо храмовой. В древнем каноне преп. Феодосию Печерскому говорится, что он создал «светло наместье Богу», т. е. светлое обителище, светлый храм Богу... Кроме иконы храмовой, называвшейся наместною, были у нас в церквах в период домонгольский еще другие наместные иконы... Что касается их места, то на основании существующих указаний должно думать, что они были вешаемы на подкупольных столбах или ставимы в киотах у этих столбов. Барский в своем путешествии к святым местам говорит, что в некоторых монастырях Афонских висят наместные иконы на подкупольных столбах» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 901-902).

124. Иконы Пресвятой Богородицы. М. 1997, с. 2. «...Икона — это не есть некое самостоятельное искусство. Иконопись есть часть жизни Церкви, одно из ее установлений. Видение Церкви тем и отличается от обычного, мирского, что в видимом всеми, но узко и однобоко, она видит невидимое; во временном потоке жизни она зрит струю вечности. И именно то, что ускользает от обычного зрения, Церковь показывает в иконописном образе... Явно, что образ не может быть написан как угодно и чем угодно. Очевидно, что здесь не может быть ничего случайного, индивидуального, произвольного, капризного. Язык иконы вырабатывался разумом Церкви, народов и истории под благодатным водительством Святого Духа» (Иулиания (Соколова), монахиня. Икона — священный предмет // Православная икона. Канон и стиль: к богословскому рассмотрению образа. С. 32-33).

125. Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. М., 1844, с. 87.

- 126.** Степовик Д. *Исторія української ікони Х-ХХ століть*. К., 1996, с. 33.
- 127.** Кондаков Н.П. *Иконография Богоматери*. С.-Пб., 1914-1915, т. 2, с. 114; Татич-Джурич М. *Икона Богородице Знаменія // Зборник за ликовне уметности*. Нови Сад, 1977, вып. 13, с. 3-26; Лазарев В.Н. *Живопись Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства в 13 т. / Под ред. И.Э.Грабаря*. М., 1953, т. 1, с. 490; Антонова В.И., Мнева Н.Е. *Государственная Третьяковская галерея: Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII века. Опыт историко-художественной классификации*. М., 1963, т. 1, № 3, с. 52.
- 128.** Масленицын С.И. *Ярославская иконопись*. М., 1973, с. 7-8.
- 129.** Овсійчук В. *Українське малярство Х — XVIII століть: проблеми кольору*. Львів, 1996, с. 54-55.
- 130.** Кондаков Н.П. *Иконография Богоматери*. С. 114.
- 131.** Овсійчук В. *Українське малярство Х — XVIII століть*. С. 55. Кондаков указывает, что древний византийский тип Богоматери с воздетыми руками и изображением Предвечного Младенца в круге на груди имеет примеры в раннехристианском искусстве VI — VII вв., а затем вновь получает распространение в X — XII вв. (монеты императоров Алексиса Комнина (1081-1118), Иоанна Комнина (1118-1143) и др.). Мраморный рельеф комниновской эпохи из церкви Санта-Мария Матер Домини в Венеции также ориентирован на мраморную икону Влахернского храма (Кондаков Н.П. *Иконография Богоматери*. С. 110-111; Бельтина Г. *Константинопольская капитель в Ленинграде. Рельефная пластика поздневизантийского периода в Кахрие Джами // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура*. Сб. статей в честь В.Н.Лазарева. М., 1973, с. 146). Стилистая близость росписи храма Спаса на Нередице росписи Успенского собора лавры позволила исследователям предположить, что Спас в лаврском куполе существенно отличался по иконографии от Спаса-Пантократора Софии Киевской и имел уже русские черты: «Вероятно, это был не Христос Пантократор, подобный Софийскому, а известный у нас с древнерусского времени «Спас» или «нерукотворенный образ Спасителя» — изображение Спасителя в золотом нимбе. Самое древнее русское иконографическое изображение этого типа относится к XII ст. К этому же времени относится и «Спас» из церкви Спаса на Нередице» (Патерик Киево-Печерский. С. 222, прим. 5). Впрочем, это не более чем предположение.
- 132.** Овсійчук В. *Українське малярство Х — XVIII століть*. С. 54-55.
- 133.** Грабарь И. Андрей Рублев. *Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918-1925 годов // Вопросы реставрации*. М., 1926, вып. 1, с. 52, 58, 62-66.
- 134.** Ainalov D. *Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentums Moskau*. Berlin; Leipzig, 1933, S. 56-61; Антонова В.И., Мнева Н.Е. *Государственная Третьяковская галерея: Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII века*. Т. 1, № 3, с. 51-54; Логвин Г.Н. *Киев: Книга-спутник*. М., 1967, с. 74-77; Брюсова В.Г. *К атрибуции произведений живописи домонгольского времени. «Ярославская Оранта» («Богоматерь Знамение») // Русское искусство XI-XIII веков: Сб. статей*. М., 1986, с. 84.
- 135.** А.И.Анисимов первый причислил икону к Ярославской школе и считал, что «она едва ли моложе конца XII века» (Анисимов А.И. *Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. Центральные государственные реставрационные мастерские*. М., 1928, вып. 2, с. 164). М.В.Алпатов назвал ярославскую Оранту одним из самых совершенных произведений владими́ро-суздальской живописи XII в. (Алпатов М.В. *Всеобщая история искусств*. М., 1955, т. 3, с. 85, 86). А.И.Некрасов писал, что «принадлежность иконы к XIII в. несомненна (Некрасов А.И. *Возникновение московского искусства*. М., 1929, с. 203). В.Н.Лазарев включил Оранту в каталог искусства Владимиро-Суздальской Руси, датируя ее 20-30-ми гг. XIII в. и считая, что она написана в Ярославле (Лазарев В.Н. *Живопись Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства: В 13 т. / Под ред. И.Э.Грабаря*. М., 1953, т. 1, с. 490-491). Он даже уточнил дату — 1224 г., — связывая написание образа с освящением собора (Лазарев В.Н. *Русская иконопись от истоков до начала XVI века*. М., 1983, № 21). А.И.Яковлева на основе анализа манеры личного письма датирует икону XIII в. (Яковлева А.И. *Приемы личного письма в русской живописи конца XII — начала XIII века // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI-XVII веков*. М., 1980, с. 37, 39, 41, 43, 44). С.И.Масленицын высказывает предположение, что икона написана ок. 1218 г. в память победы на Липице по заказу князя Константина Всеволодовича (Масленицын С.И. *Ярославская иконопись*. М., 1973, с. 5-9, табл. 1-5; Масленицын С.И. *К атрибуции изображения Георгия на двусторонней иконе из Успенского собора Московского Кремля // Средневековая Русь. Сб. статей в честь 70-летия Н.Н.Воронина*. М., 1976, с. 238-239). «Стиль иконы не противоречит этой датировке, она, вероятно, была исполнена в первой трети XIII в.» (Розанова Н.В., Бекенева Н.Г. *Иконопись XII — начала XV века // Древнерусское искусство X — начала XV века: Каталог собрания Государственной Третьяковской галереи / Под общ. ред. Я.В.Брука и А.И.Иовлевой*. ГТГ, 1995, с. 70).
- 136.** *Мистецтво Київської Русі / Автор-упорядник Ю.С.Асеев*. К., 1989, с. 44.
- 137.** Брюсова В.Г. *К атрибуции произведений живописи домонгольского времени. «Ярославская Оранта» («Богоматерь Знамение») // Русское искусство XI-XIII веков*. С. 80.
- 138.** Логвин Г.Н. *Легендарный художник // Знання та праця*. 1970, № 8, с. 17.
- 139.** Лазарев В.Н. *Михайловские мозаики*. М., 1966, с. 37.
- 140.** Асеев Ю.С. *Архитектура древнего Киева*. С. 101-102; Лазарев В.Н. *Михайловские мозаики*. С. 87.
- 141.** Асеев Ю.С. *Архитектура древнего Киева*. С. 101-102.
- 142.** Проф. Ф.Шмит замечает, что «в михайловских мозаиках уже совсем мало смальты, а все больше местного шифера» (Шмит Ф.И. *Искусство древней Руси-Украины*. Харьков, 1919, с. 82). В.Левицкая уточняет, что в михайловской «Евхаристии» меньше натуральных кубиков в сравнении с софийской палитрой, в которой основная роль принадлежала непрозрачному материалу. В софийских мозаиках фактуре цвета придавалось большее значение, чем в михайловских, где использовались преимущественно гладкие блестящие кубики (Левицкая В.И. *О палитре михайловских мозаик // Лазарев В.Н. Михайловские мозаики*. С. 121, 124).
- 143.** *Путешествие антиохийского патриарха Макария, описанное его сыном Павлом, архидиаконом Алеппским*. М., 1896, с. 73.
- 144.** Асеев Ю.С. *Архитектура древнего Киева*. С. 93.

145. Уманцев Ф. Троїцька надбрамна церква. С. 20-21; Асеев Ю.С. Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве // Советская археология, 1961, № 3, с. 291-296.
146. Маркелов Г.В. Святые древней Руси: Материалы по иконографии. Т 2: Святые древней Руси в иконописных подлинниках XVII — XIX веков: Свод описаний / Под ред. Д.М.Буланина. С.-Пб., 1998, с. 89; Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. С.-Пб., 1882, стб. 140.
147. Титов Ф., протоиерей. Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры и других святынь и достопримечательностей города Киева. К., 1911, с. 82; Дива печер лаврських. С. 54; Православный церковный календарь. Издание Московской патриархии. 1998, с. 54. «Свод описаний» древнерусских святых так пишет о них: «Ненаименованные печерские зодчие, двенадцать преподобных, муровщики, каменноздатели и первые иконописцы Великой Печерской Церкви, неизвестные по именам. † XI в.» (Маркелов Г.В. Святые древней Руси. С. 175). Иконописные подлинники пишут: «Преподобных отец дванадцать муровщиков церкви Киевопечерския. Первый сед... аки Иоанн Богослов, на плечах клобук черной, риза преподобническая, руки у сердца сложил вместо. Второй сед, брада доле Сергиевой, на главе клобук черной, риза преподобническая. Третий рус, брада Иоанна Предтечи... Четвертый надсед, брада менше Сергиевой, руки у сердца... Пятый сед, брада Сергиева, на главе клобук черной, риза преподобническая. Шестый сед, брада Сергиева, мало пошире. Седмый рус, брада Козмина... Осьмый рус, брада Сергиева, руки сложил в место сердца. Девятый надсед, брада и власы аки у апостола Петра, длани вверх. Десятый рус, аки Козма, на главе клобук черн, риза преподобническая... Первыйнадесять* рус, аки Флор... Второйнадесять млад, аки Лавр, на плечах клобук черн, риза преподобническая» (БАН. Строгановское собр. № 66, л. 313 об. — 314 об., текст помещен между описаниями печерских преподобных «правой» и «левой» сторон; Сергей (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, ч. 3, с. 70). Правда, у Спасского упомянуто только семь зодчих.
148. БАН. Строгановское собр., № 66, л. 312 об., «правая страна», 31-й.
149. «По разным данным, жил то ли в XI, то ли в XII ст. (существует мнение, что он умер в 1105 г.)» (Дива печер лаврських. С. 54).
150. ИРЛИ. Колл. Перетца, № 524, л. 205, 17 августа.
151. Маркелов Г.В. Святые древней Руси. С. 47; Дива печер лаврських. С. 50.
152. Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века / Издание общества древнерусского искусства под ред. Г.Д.Филимонова. М., 1874, с. 422, 17 августа; ИРЛИ. Колл. Перетца, № 524, л. 155 об., 6 мая; Там же. Л. 233 об.; БАН. Строгановское собр., № 66, л. 310, «правая страна», 1-й; РНБ. Собр. Погодина, № 1931, л. 151 об., 7 мая.
153. Дива печер лаврських. С. 91.
154. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 42-44; Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 50.
155. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 46; Левицкая В.И. О палитре михайловских мозаик // Лазарев В.Н. Михайловские мозаики. С. 121; Крыжановский С. Киевские мозаики // Зап. имп. Археологического общества. С.-Пб., 1856, т. 8, с. 261-270.
156. Анисимов А.И. Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. М., 1928, вып. 2.
157. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 234; Обзорение Киева в отношении к древностям, изданное по высочайшему соизволению Киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем. К., 1847, с. 66; Евгений (Болховитинов), митрополит. Описание Киево-Печерской лавры. К., 1831, с. 11, 83. Современная наука пытается внести коррективы в суждения дореволюционных историков. Ставится под сомнение сама иконография «чюдной» наместной иконы. И.А.Карабинов, рассмотрев некоторые непрямые свидетельства Печерского Патерика, где наместная икона выступает в ипостаси, предусматривающей скорее изображение «Царицы Небесной» (Панахранты), чем Успения с его многофигурной композицией, а также другие аспекты проблемы, пришел к выводу, что первичной наместной иконой Успенского храма была именно «Царица Небесная». Икона же Успения, вспоминаемая, кстати, преп. Нестором в житии преп. Феодосия еще до прихода греков-зодчих, связывается И.А.Карабиновым с более ранним периодом истории Печерского монастыря (Карабинов И. Наместная икона древнего Киево-Печерского монастыря // Изв. Гос. Академии материальной культуры. Л., 1927, т. 5). И.Жиленко пишет, что в соборе в древнерусское время находились «чудотворные образы Богородицы, из которых первый — многократно упоминаемая в источниках, принесенная греками из Константинополя икона Царицы Небесной (очевидно, стала жертвой одного из разрушений монастыря), второй — икона Успения, которая хранилась в монастыре с более раннего времени (пребывала в Великой церкви до 1941 г.), и алтарная мозаика с изображением Оранты (уничтожена пожаром 1718 г.)» (Патерик Киево-Печерський. С. 219-220, прим. 4).
- В этих замечаниях есть резон. Однако сильнее всех умозаключений — такое непреложное свидетельство, как церковное предание, исключающее профанации. Не могла величайшая святыня погибнуть во время одного из разрушений без огромного резонанса, ибо подобные случаи всегда рассматривались как национальная катастрофа, знак Божия гнева и беды.
158. Левченко М. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 433-434.
159. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 47.
160. Патерик. С. 119-120. «В известиях о Печерской церкви мы в первый раз встречаемся с указанием на то, что украшенные входные двери составляли у нас принадлежность (и считались принадлежностью) лучших церквей. Симон пишет Поликарпу: «Ты устроил двои двери...» Что тут говорится о дверях не простых (которые бы сделал монастырский плотник или столяр по приказанию эконома), а украшенных, очевидно» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 107).
161. Патерик. С. 12. Д.Абрамович пишет, что фраза «въ духовное братство приидоста» означает, что Сергей и Иоанн вступили в союз духовного братства (Патерик. С. 213, прим. 15). «В древнее время у нас был обычай так наз. побратимства... Два лица... вступали в союз духовного братства с целью и с обещанием братской любви и помощи. Союзы эти скреплялись и освящались нарочитым благословением Церкви, что на церковном языке называлось братотворением. В старых требни-

* Одиннадцатый.

ках наших находим два чина братотворения — краткий и пространный» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 461). «Братотворение пришло к нам из Греции. Канонисты греческие запрещают совершать его монахам и говорят, что законы гражданские вовсе не признают его за какой-либо акт юридический» (Там же. Прим. 2). См.: Фотинский О.А. Побратимство и чин братотворения // Волинский историко-археологический сборник. Житомир, 1900, вып. 2, с. 19-48.

162. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 90-91. См.: О Иоанне и Сергии чудо изрядно въ божественной Печерской церкви бысть пред чудною иконою Богородичною // Патерик. С. 12-13.

163. Андроник (Трубачев), игумен. Покров Пресвятой Богородицы над Россией // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 645; Поселянин Е. Богоматерь С.-Пб., с. 329-330.

164. Патерик. С. 53-54. В Патерике приводится языческое имя Климента: «Гтеувичъ Здеиславъ». В ранней редакции жития прп. Феодосия из Успенского сборника это имя отсутствует. Нет его и в Арсениевской редакции. «Тяжело сказать, откуда взялась эта информация. Может, имя взято с оклада иконы? Тогда понятно и удивительное написание имени — если посвящение было вычеканено малограмотным ремесленником. Здеислав — это, очевидно, Судислав» (Патерик Киево-Печерский. С. 234, прим. 80). Действительно, судя по деньгам, пожертвованным Климентом, он был из небогатых бояр — скорее всего, ратный человек, выбившийся в бояре. Андрей Боголюбский, например, пожертвовал на ризу чудотворной Владимирской иконы тридцать гривен золота, кроме серебра, драгоценных камней и жемчуга (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 414, прим. 1). Это позволяет предположить, что икона, окованная Климентом-Здеиславом, была не наместным Влахернским образом — на икону Успения с ее многофигурной композицией венец оковать представляется маловероятным. Да и о самой Влахернской иконе Патерик непременно пишет как о «чюдней», чего нет в случае с боярином Климентом, тем более что события, связанные с Климентом, произошли раньше, чем была явлена чудотворная икона Успения (Патерик Киево-Печерский. С. 219-220, прим. 4). Зодчие, как известно, принесли эту икону из Царьграда за два года до преставления преп. Феодосия, в княжение Святослава, а случай с Климентом имел место раньше, в княжение Изяслава — вероятно, во время «брани» с половцами в 1068 г. Впрочем, церковное предание отождествляет это чудо именно с наместной иконой Успения (см.: Благодаяния Богоматери роду христианскому чрез Ея святые иконы. М., 1891, с. 7-8).

165. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 233; Назаренко А.В. Комментарии. С. 612, ком. 113.

166. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 235; Андроник (Трубачев), игумен. Покров Богоматери над Россией // Там же. С. 645.

167. Там же. С. 234-235; Толстой М. Древние святые Ростова Великого // ЧОИДР. 1847, кн. 2, отд. 1, с. 21; Снегирев И.М. Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М., 1842-1845, кн. 2, с. 12.

168. Православные русские обители. С. 591.

169. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 48. См.: Пуцко В.Г. Киевский художник XI в. Алимпий Печерский (по сказанию Поликарпа и данным археологических исследований) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1979. Bd. 25; Салько Н.В. Живопись Древней Руси XI — нач. XIII в.: Мозаики, фрески, иконы. Л., 1982.

170. Сапунов Б.В. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI-XIII веков // ТОДРЛ. 1955, с. 323.

171. Блаженнейший митрополит Владимир. Экклезиология в отечественном богословии. С. 82-83; Флоренский П., священник. 1) Обратная перспектива // Труды по знаковым системам. Тарту, 1967, с. 385; 2) Иконостас // БТ. 1972, № 9, с. 126-129; Анатолий (Кузнецов), архимандрит. Православная икона как одно из выражений догматического учения Церкви // ЖМП. 1970, № 11, с. 73-78.

172. Маркелов Г.В. Святые древней Руси. С. 9.

173. Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургике. С.-Пб., 1995, с. 306.

174. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2, с. 481, прим. 341.

175. Логвин Г., Міляева Л., Свенціцька В. Український середньовічний живопис. К., 1976, с. 8.

176. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 48.

177. Там же. С. 53-54; Каргер М.К. Древнерусская монументальная живопись XI — XIV вв. М., Л., 1964, с. 5; Антонова В.И. Станковая живопись средневековой России // Триста веков искусства. М., 1976, с. 146-149.

178. Масленицын С.И. Ярославская иконопись. С. 8.

179. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 58-59.

180. Перцев Н.В. О некоторых приемах изображений лиц в древнерусской станковой живописи XII-XIII вв. // Сообщения ГРМ, вып. VIII. Л., 1964, с. 232, 233; Масленицын С.И. Станковая живопись Ярославля XIII-XVII вв. Канд. дисс. Л., 1973, с. 15-17.

181. Масленицын С.И. К атрибуции изображения Георгия на двусторонней иконе из Успенского собора Московского Кремля // Средневековая Русь. Сборник статей в честь 70-летия Н.Н.Воронина. М., 1976, с. 231-239; Гордеев Н. О памятнике древнерусского искусства // Искусство. 1947, январь-февраль, с. 73-75; Лазарев В.Н. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Русская средневековая живопись. М., 1970, с. 55-102; Нивицька М.О. Гаптування в Київській Русі // Археологія. К., 1965, т. XVIII, с. 24.

182. Демина Н.А. Отражение поэтической образности в древнерусской живописи (на примере иконы «Георгий-воин» XI-XII веков // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 7-24; Салтыков А., диакон. О святых иконах времени Ярослава Мудрого (В связи с некоторыми вопросами иконописания). С. 75.

183. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 61.

184. Демина Н.А. Отражение поэтической образности в древнерусской живописи. С. 24.

185. Лихачев Д.С., Вагнер Г.К., Вздорнов Г.И., Скрынников Р.Г. Великая Русь. История и художественная культура X — XVII веков. М., 1994, с. 228.
186. Асеев Ю.С. Мистецтво Київської Русі. С. 43-44.
187. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 65-66.
188. Асеев Ю.С. Мистецтво Київської Русі. С. 44.
189. Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983, с. 35.
190. Антонова В. Станковая живопись средневековой России // Триста веков искусства: Искусство европейской части СССР. М., 1976, с. 150.
191. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 70.
192. Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. С. 42.
193. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 70.
194. Там же. С. 71.
195. Логвин Г.Н. Український середньовічний живопис. С. 7. Еще один украинский исследователь Д.Степовик считает, что иконы св. Николая, св. Георгия, св. Димитрия, «Устюжское Благовещение», «Ангел Златые власы», Спас относились к Киевской школе. См.: Степовик Д. Історія української ікони X — XX століть. К., 1996, с. 11.
196. Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 72-73.
197. Благоедеяния Богоматери роду христианскому чрез Ея святые иконы. М., 1891, с. 539.
198. Овчинников А.Н. «Пантелеймон» из ГМИИ и «Богоматерь Печерская» из ГТГ в свете реставрационного исследования // Русское искусство XI — XIII веков: Сб. статей. М., 1986, с. 59; Коллектив авторов. Древнерусское искусство X — начала XV века // Государственная Третьяковская Галерея. Каталог собрания. М., 1995, т. 1, с. 70, 72.
199. Государственная Третьяковская Галерея. Каталог собрания. Т. 1, с. 72; ПЛДР. XII в., с. 419, 425; Федотов Г.П. Святые древней Руси. Нью-Йорк, 1959, с. 32.
200. «Пречистому образу Твоему поклоняемся». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. ГРМ, 1995, с. 145. Самый ранний памятник этого иконографического типа — фреска в нише алтаря капеллы монастыря в Бауте (Египет, VI-VII вв.). На египетской фреске Богоматерь держит перед собой овальный медальон с изображением восседающего на престоле и благословляющего Спаса Эммануила. «Наибольшее распространение этот особо торжественный тип получил в монументальной живописи — фреске и мозаике. Не позже VI в. этот тип обогащается изображениями предстоящих трону ктиторов храма. Такова фреска VII в. в катакомбах Коммодиллы в Риме и мозаика XI в. в алтаре капеллы св. Зенона церкви св. Пракседы в Риме, где младенец Христос обеими руками благословляет стоящих по сторонам трона мучениц. Изображение Богоматери с чтимыми местными святыми, в данном случае с Антонием и Феодосием, принадлежит к типу икон, как бы несущих на себе печать того монастыря, из которого они произошли. Таковы, например, иконы XIII в. с Богоматерью, стоящей между игуменами и монахами, местночтимыми в монастыре св. Екатерины на Синае, и «Богоматерь с пророком Моисеем и патриархом иерусалимским Евфимием». «...На Руси ближайший по времени к Свенской иконе памятник данной иконографии — новгородская икона XIII в. в ГРМ. Тип Богоматери Печерской известен на Руси и в более позднее время» (Государственная Третьяковская Галерея. Каталог собрания. С. 72; Ананьева Т.А. Икона «Богоматерь на престоле» XIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1976, с. 138-144).
- Н.П.Кондаков считал, что чтимая икона Киево-Печерского монастыря представляла собой «мозаическое изображение Богоматери в алтаре Успенского собора, прославившееся при самом появлении своем (1083-1089)». Древнейшей копией этой мозаики, по его мнению, является миниатюра т. наз. «Трирской Псалтири», или «Кодекса Гертруды» 80-х гг. XI в., хранящегося в Чивидале в Италии (Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2, с. 327, 328). Он же считает, что этот иконографический тип образовался путем выделения из композиции «Поклонения волхвов», где волхвы с двух сторон подходят с дарами к Богоматери на троне с Младенцем на руках (Кондаков Н.П. Там же. Т. 1, с. 172, 174).
201. Вышний Покров над Афоном, или сказания о святых чудотворных на Афоне прославившихся иконах. М., 1902, с. 166-167.
202. Вздорнов Г.И. Волоотово. Фрески церкви Успения на Волоотовом поле близ Новгорода. М., 1989, с. 68, 71.
203. Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. С. 107, 109.
204. Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. С. 327.
205. Материалы исследования по старой русской литературе // СОРЯС. 1890, т. 1, с. 14.
206. Православные русские обители. С. 374-375; Иерофей, архимандрит. Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. М., 1866, с. 2; Знаменский М. Свенский монастырь // Старые годы. 1915, июль-сентябрь, с. 82; Алпатов М.В. Всеобщая история искусств. М., 1955, т. 3, с. 129.
207. Православные русские обители. С. 375. Об авторстве Алипия см.: Успенские М.И. и В.И. Заметки о древнерусском иконописании. Известные иконописцы и их произведения: 1) Св. Алимпий и 2) Андрей Рублев. С.-Пб., 1901, с. 18-23, 28, 29; Петров Н.И. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии. Вып. 3: Южнорусские иконы. К., 1914, с. 15, 16.
208. Патерик Киево-Печерский. С. 219, прим. 4.
209. Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). Экклезиология в отечественном богословии. С. 292.
210. Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. М., 1966, с. 157.
211. Овчинников А.Н. «Пантелеймон» из ГМИИ и «Богоматерь Печерская» из ГТГ в свете реставрационного исследования // Русское искусство XI — XIII веков. С. 58-59. Э.С.Смирнова предлагает датировать икону около 1200 г. А.Н.Крекшин датирует икону XIII в. (Крекшин А. Свенская икона Божией Матери // ЖМП. 1988, № 5, с. 15).

- 212.** Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983, с. 45.
- 213.** Овсійчук В. Українське малярство X — XVIII століть. С. 77.
- 214.** Благоденствия Богоматери роду христианскому чрез Ея святые иконы. С. 544-545.
- 215.** «Святые иконы, наполняющие православный храм — зримый образ невидимого соединения Небесной и земной Церкви. В искусстве иконных дел мастеров — художников и ювелиров — возникли удивительные по красоте и символической точности приемы отображения в иконописи того неведимого света Божия, в котором пребывают святые. Человек, еще только вступающий в Церковь святым Крещением, уже слышит слова, как бы от его имени произносимые иереем ко Господу: «Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом яко ризою, многомилостиве Христе Боже наш», — чтобы потом каждый год своей жизни в дни Страстной седмицы взывать ко Христу: «Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный и одежды не имам, да вниду в оны. Просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя». И как укрепление нашей веры и надежды на спасение, окружают молящихся в храме образы Господа, Божией Матери и святых, одетые в ризы светлые. В иконописи эта Божественная просветленность ликов и всего «одеяния души» святых выражается системой пробелов, сверкающего золотого или серебряного ассиста на складках одежды. Одновременно с развитием русской иконописи возникает и развивается также искусство украшения святых икон окладами или «ризами». Древнейший из известных — оклад XII в. на иконе св. апостолов Петра и Павла XI в., находящийся в собрании ГТГ. Особенно развивалась традиция изготовления окладов... со вставкой из драгоценных камней для икон Пречистой Богородицы с Богомладенцем. Глубокое всенародное почитание Матери Божией как Предстательницы перед Господом и Заступницы за весь род христианский, Споручницы грешных, Взыскательницы погибших и Радости всех скорбящих стало отличительной чертой православного благочестия. Красота окладов именно Богородичных образов свидетельствует об особой любви и почитании Ее в нашем народе» (Кудрявцева Т. Русское церковное прикладное искусство // К свету. 1992, № 17, с. 159-169).
- 216.** Лебедев Л., протоиерей. Духовное преображение творения в православном богослужении // ЖМП. 1983, № 7, с. 76. «Священные сосуды и вообще церковная утварь употреблялись у нас с самого начала те же самые, какие употребляются доныне. На мозаическом изображении Тайной вечери в Киево-Софийском соборе видим в руках Спасителя потир, или чашу, из которой Он приобщает апостолов Своей Крови, и на самой трапезе в правой стороне — дискос, в левой — развернутую и стоящую звездицу и при ней копие с рукояткою, в руках ангелов — рипиды, в правых руках архиереев Стефана и Лаврентия — кадилницы и в левой у последнего — ладанницу. Не так давно найдены в Киеве серебряная чаша на подножке, серебряный дискос... Судя по тому, что и почерк, и порядок греческих букв в надписях на чаше и на дискосе сходен с тем, каким сделаны те же надписи на мозаике в Киево-Софийском соборе, эти сосуды относят к начальному времени нашей Церкви. В развалинах Ирининской церкви в Киеве найдены несколько медных обломков от паникадил и колокола, а в развалинах Десятинной — два разбитых колокола особой формы... Что касается священных облачений, то диаконы на мозаике Киево-Софийского собора изображены в стихарях с орарем через левое плечо, а святители — и на мозаике, и на фресках того же собора, и на серебряной чаше, найденной в Киеве, представлены с непокрытыми глазами в подризниках, епитрахлях, набедренниках, фелонях и омофорах поверх фелоней» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 59-60).
- 217.** ПЛДР. Т. 2, с. 334.
- 218.** Флоренский П., священник. Макрокосм — микрокосм: Предисловие // БТ. 1983, т. 24, с. 231.
- 219.** Патерик. С. 1. «У скандинавов очень тяжело прививались христианские имена, и если имя «Шимон» (библейское «Симон») еще может случайно встретиться, то имя «Африкан» в скандинавской антропонимике не встречается ни разу. Возможно, Африкан происходил от смешанного средиземноморско-скандинавского брака. Это в какой-то мере объясняет появление в их семье описанного ниже Распятая. Ведь это — первое зафиксированное появление такого изображения Спасителя в Скандинавии (по данным западных историков, монументальные Распятая появились там не ранее второй половины XI ст.» (Патерик Киево-Печерский. С. 218, прим. 4). «Как это ни удивительно, описанное в Патерике Распятая — довольно необычное, поскольку пояс изображается только на одном его виде, известном под названием «Volto Santo», оригинал которого когда-то хранился в итальянском городе Лукке (сейчас там находится копия XIII ст.). Его высота 4,34 м, а ширина 2,50 м. Изображение Спасителя в высоту 2,50 м. По легенде, его привез в 742 г. из паломничества в Иерусалим луккский епископ Гвалефред, и оно будто бы было вырезано очевидцем распятия Никодимом. Однако, по мысли историков, это изображение... воплощает видение Иоанна Богослова, записанное уже после смерти Никодима — в «Откровении»: «Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и, обратившись, увидел семь золотых светильников и посреди семи светильников подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом» (Откр. 1, 12-13). Пояса, изображенные на сохранившихся Распятых типа «Volto Santo», имеют на себе следы позолоты. Кроме того, с XI ст. в Михайловском монастыре в г. Зигбурге известна часть пояса Господня (de cinculo Domini). Все эти факторы в какой-то степени объясняют появление в Скандинавии изображения Распятая с отдельными золотыми поясом и венцом. Интересно, что, как засвидетельствовал Павел Алеппский, на вершине алтаря Великой Церкви в 1653 г. помещалось Распятая, в котором «опоясание Спасителя из чистого золота». Однако нельзя однозначно утверждать, что этот пояс — настоящая реликвия, а не ее имитация» (Там же. С. 218-219, прим. 6).
- 220.** Толковая Библия / Издание преемников А.П.Лопухина. С.-Пб., 1911-1913, кн. 3, с. 229.
- 221.** Суд за гробом или мытарства преподобной Феодоры. Издание Афонского Пантелеимоновского монастыря. М., 1907, с. 11.
- 222.** Патерик. С. 4-5. Житие преп. Василия — памятник византийской агиографии X в. «...Отражение его в Прологе и особенно в летописной статье 941 г. в Повести временных лет позволяет относить перевод ко времени не позднее XII в. Для истории Жития на русской почве особое значение имело присутствие в нем пространного рассказа о Феодоре, старице, прислуживавшей св. Василию. Ученик Василия Григорий (от имени которого и написано Житие) спрашивает его о судьбе умершей Феодоры. Святой дает возможность Григорию увидеть старицу во сне: она рассказывает ему о своей смерти, о борьбе за ее душу ангелов и демонов, о прохождении ею мытарств, об увиденном ею рае и адских муках. В другом видении Григорий видит Страшный суд. Именно эта эсхатологическая часть Жития привлекла особое внимание древнерусских книжников...» (Словарь книжников. Вып. 1, с. 142-143). См.: Вилинский С. Житие святого Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913, ч. 1: Исследование; ч. 2: Тексты. Одесса, 1911 (рец.: Истрин В.М. // ЖМНП. 1914, июнь, с. 365-369; сентябрь, с. 179-208); Сахаров В. Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, с. 166-192; Веселовский А.Н. Видения Василия Нового о походе русских на

Византию в 941 году // ЖМНП. 1889, январь, с. 80-92; Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // ТОРЛ. 1940, т. 4, с. 69-72. Печерские писатели были, судя по вышеизложенному, знакомы с этим памятником. Эсхатологические мотивы в Симоновом рассказе о разрешительной молитве св. Феодосия убеждают нас в этом.

223. Разрешительная молитва над умершим употреблялась в Церкви издревле (Дионисий Ареопагит. О церковном священноначалии / Пер. с греч. иеромонаха Моисея (Гумилевского). М., 1787, гл. 7, отд. 3, п. 4). Употреблялась она и в Византии. Со времен преподобного Феодосия разрешительная молитва после прочтения ее священником вкладывалась в руки покойному (Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2, с. 475, прим. 228). Голубинский не уверен, что разрешительная молитва преподобного Феодосия идентична той общепринятой сейчас молитве, которая содержится в нынешних требниках (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 839-840). Харлампович пишет, что в древних русских памятниках ее нет (Харлампович К.В. О молитвах преподобного Феодосия Печерского // ИОРЯС. 1812, т. 17, кн. 2, с. 165-174).

224. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Украину в середине 17 века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. К.: изд. КПЛ, 1997, с. 68.

225. Патерик. С. 54.

226. Дива печер лаврських. С. 70, 126.

227. «Ризы» по-славянски — одежда. Очевидно, он был портным. Но в Успенском сборнике он назван ткачом: «плоть-на* делаю» (См.: Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989, т. 1-3, стб. 956).

228. «Феодор же старости ради ис пещеры исходит, келію собе поставити хотя на ветхом дворе (т. е. в «ветхом» монастыре, на Дальних пещерах. — Авт.). Бе бо тогда пожжен монастырь, и плотом привезенным на брегъ на строение церкви и всем келіам, и извозником наятым возити на гору. Феодоръ же, не хотя быти инем тяжек, самъ на собе нача носити древо» (Патерик. С. 166-167).

229. Служба преподобным отцам Ближних пещер. Песнь 7. Тропарь 3. См.: Минея. Сентябрь. К.: Международный издательский центр православной литературы, 1996, кн. 1, с. 825.

230. Патерик. С. 99; Памятники российской словесности XII в. / Изд. К.Ф.Калайдович.

231. Псалтирь. КПЛ, 1902, с. 243.

232. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 838, прим. 1. Однако Г.Прохоров датирует чин XIV в. (Прохоров Г.М. Досифей // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1, с. 198).

233. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 23.

234. Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича / Сочинена трудами митр. Киприана и митр. Макария; Напечатана под смотрением Герарда Фридерика Миллера. М., 1775, ч. 1, с. 224; Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен. М., 1768, т. 1, с. 38; т. 2, с. 114; Рукавицина И.В. «Грамматика или известная правила пения мусикійскаго» М.Ділецького з бібліотеки митрополита Євгенія (Є.О.Болховітінова) // Український археографічний щорічник. Вип. 2: Український археографічний збірник. К., 1993, т. 5, с. 64-65.

235. Церковный словарь, сочиненный Петром Алексеевым. С.-Пб., 1794, ч. 1, с. 209.

236. Жития святых, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1904, кн. 2, с. 21.

237. Афонский Патерик. Ч. 2, с. 201-206.

238. Там же. С. 207.

239. Снегирев И.М. Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М., 1842-1845, кн. 2, с. 12; Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 236.

240. ПСРЛ. Т. 1, с. 80; Кирик. Вопросание // Памятники древнерусского канонического права. С.-Пб., 1908, т. 1, с. 21-62 (РНБ. Т. 6); Кирик. Сочинение о пасхалии и хронологии (Учение о числах, или «Учение имже ведати человеку числа всех лет») // Степанов Н.В. Заметка о хронологической статье Кирика (XII в.) // ИОРЯС. 1910, т. 15, кн. 3, с. 129-150; Евгений (Болховитинов), митрополит. Сведения о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту, епископу Новгородскому // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1828, ч. 4, кн. 1, с. 122-129; Літопис руський. С. 400.

241. Літопис руський. С. 189, прим. 1.

242. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 691.

243. Там же. С. 789.

244. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 249.

245. Патерик. С. 52-53, 50-51.

246. Афонский Патерик. Ч. 2, с. 28.

247. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. С.-Пб., 1902, с. 225. См.: Флоринский Н. История богослужебных песнопений. М., 1860.

248. Ольга (Володина), монахиня. Музыкальная культура Византии. М.: Сретенский монастырь, 1998, с. 14.

249. Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф. Искусство Древней Руси. М., 1993, с. 178. См.: Разумовский Д.В. О нотных безлинейных рукописях церковного знаменного пения. М., 1863; Преображенский А.В. Культурная музыка в России. Л., 1924, с. 23; Успенский Н.Д. 1) Древнерусское певческое искусство. М., 1971; 2) Образцы древнерусского певческого искусства. Л., 1971, с. 146; Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987, с. 241; Акимова Л. Заметки о

* Полотна.

певческих стилях // ЖМП. 1989, №3, с. 25-26; Болгарский Д.А. 1) О церковном пении и его особенностях // Православный вісник (УПЦ). К., 1996, №1, с. 63-68; 2) Церковное пение как язык // Православный вісник (УПЦ). К., 1997, № 4, с. 88-93; Сборник статей / Сост. О.В.Лада. М., 1997, с. 26.

250. Патерик. С. 39.

251. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 617-618, 780, 784-785.

252. Там же. С. 778.

253. Киево-Печерский Патерик. С. 196.

254. Дива печер лаврських. С. 93, 135.

255. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Украину в середине 17 века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. С. 76.

256. Титов Ф., протоиерей. Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры и других святынь и достопримечательностей города Киева. КПЛ, 1911, с. 106. О древнерусских облачениях можно судить по сохранившемуся иерейскому облачению XII в. Оно принадлежало преподобному Варлааму Хутынскому. «Фелонь преподобного Варлаама — из кофейного мухояра, оплечье у нее вишневого атласа, а на задней стороне — крестик из полосатой материи. Подризник — из материи кофейного цвета на крашенинной подкладке. Епитрахиль — кофейного мухояра, шит золотом и украшен жемчугом. Поручи шиты золотом и шелком по тафте и украшены мелким жемчугом» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 340). О богатстве ризниц соборных церквей говорит свидетельство летописи: когда в 1184 г. сгорел собор во Владимире-Залесском, то в огне погибло «узорочья... без числа, и одеяний, шитых золотом и жемчугом, которые вешали на праздник на двух веревках от Золотых ворот до церкви Богородицы, а от церкви Богородицы до владычных сеней, на двух же веревках чудовных*» (Літопис руський. С. 333).

257. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Украину... С. 80-81.

258. Влодек П., протоиерей. Церковний спів і формування духовної культури українського народу. Доповідь на III міжнародній церковно-світській конференції «Україна на порозі третього тисячоліття: духовність, наука, освіта, культура». 3-5/XI-98, Свято-Успенська Почаївська лавра. Ркп.; Ундольский В. Замечания для истории церковного пения в России // ЧОИДР. 1847, кн. 3, отд. 1, с. 46; Волкова С.С. О древнерусских церковных напевах и о значении их для будущности русского музыкального искусства. С.-Пб., 1906 (ПДПИ. Вып. 159); Металлов В.М., протоиерей. Богослужбное пение Русской Церкви в период домонгольский по историческим, археологическим и палеографическим данным: В 2-х т. М., 1908; Момина М.А. Песнопения древних славяно-русских рукописей // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 2; Успенский Н.Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1971; Федотов О.И. О ритмическом строе памятников древнерусской гимнографии Киевского периода // Литература Древней Руси. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1986.

259. Ольга (Володина), монахиня. Музыкальная культура Византии. С. 110-111.

260. Служба преподобному Феодосию Печерскому // Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 513-517; Назаренко А.В. Комментарии. С. 619, ком. 208, 212, 214; Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X — XIV вв.). Общее повременное обозрение и дополнения с палеографическими указаниями, выписками и указателями // ИОРЯС. 1861-1863, т. 10, ч. 1, с. 81-109, 161-234.

261. Макарий (Веретенников), архимандрит. Русская святость в истории, иконе и словесности: Очерки русской агиологии. М.: Изд. подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1998, с. 71-72.

262. Разумовский Д.В. О нотных безлинейных рукописях церковного знаменного пения // Чтения в Моск. Обществе любителей духовного просвещения. М., 1863, кн. 1, с. 57, 60-61.

263. Иаков мних. Сказание страстей и похвала о убьении святуго мученику Бориса и Глеба // Христианское чтение. С.-Пб., 1849, ч. 2, с. 407; Книга Степенная. Ч. 1, с. 213.

264. «Смоленская епископия была основана в 1136 г. первым самостоятельным смоленским князем Ростиславом по соглашению «со своими боярами и людьми», ее епархия была сформирована путем выделения территории Смоленского княжества из огромной Переяславской епархии. В сохранившейся учредительной грамоте подробно перечислены источники обеспечения епископа и его клира. Получив кафедру, епископ Мануил со своей стороны подтвердил княжеский акт и пожалование, одобряя запрет воссоединять епархию с Переяславлем» (Шапов Я.Н. Церковь в Древней Руси // Русское православие: веки истории. С. 20-21; Алексеев Л.В. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь. М., 1976, с. 53-59). Ростислав-Михаил Мстиславич, впоследствии вел. князь Киевский, получил от современников имя Набожный (Тальберг Н. История Русской Церкви. С. 24). Он был духовным сыном киево-печерского архимандрита Поликарпа и горячим почитателем лаврских святынь. «Великую любовь он имел к церкви Святой Богородицы и к святому Феодосию», — пишет летопись (Літопис руський. С. 289). Здесь явно прослеживается прочная духовная связь между Ростиславом, который одно время занимал и новгородский удел, Нифонтом, Поликарпом и Мануилом. Появление в Новгороде кондакаря со службой преп. Феодосию, т. обр., отнюдь не случайно.

265. Симонов Р.А. Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980, с. 20; Пиотровская Е.Н. Кирик Новгородец // Словарь книжников. Вып. 1, с. 215-217; Памятники российской словесности XII в. / Изд. К.Ф.Калайдович. М., 1821, с. 187-195.

266. Филарет, архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы. С.-Пб., 1884, с. 23.

267. Там же. С. 34. Однако Голубинский относит прославление св. Леонтия к 1194 г. (История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 839). О прославлении св. Исаии он ничего не пишет. Но Патерик ясно дает понять, что Исаия был прославлен в домонгольское время: «Съ святыми чтуть его, приать бо от Бога чудотворіа даръ» (Патерик. С. 45). Митрополит Макарий считает, что прославление св. Леонтия и Исаии произошло одновременно, и позже 1164 г. (История Русской Церкви. Кн. 2, с. 333).

* Т. е. тех, которые употреблялись при освящении новосооруженного престола. Длина их ок. 42 м. См.: Літопис руський. С. 333, прим. 4.

268. Минея. Май. Синод. тип., 1913. Канон, песнь 4, стих 3.
269. Игнатия, монахиня. Труды русских песнописцев в киевский период. С. 239.
270. Тальберг Н. История Русской Церкви. Т. 1, с. 40.
271. «Орган» — отнюдь не католическое слово. Сравн. с песнопениями святителя Кирилла Туровского: «О богоблаженіи архіереи... органи Святаго Духа, вся верныя душеполезными и спасеными наслажающе гласы». Также в Минея: «Бысть, Златоусте, богодѣхновенныи оръган». Из Новгород. летописи под 6917 г.: «Къ полунощи же случися словесному органу угаснути и затворитися гласу», — о кончине святителя Тверского Арсения, тоже, кстати, печерянина (Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 2, ч. 1, стб. 704-705).
272. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 75.
273. Патерик. С. 77; ПСРЛ. М., 1962, т. 2, стб. 273. Монастырь этот был основан ок. 1078. Закончить храм преп. Стефан не успел — летопись под 1091 г. упоминает о нем уже как о епископе, хотя, пребывая на Волынской кафедре, он не переставал благодетельствовать Клову. Преставился святитель Стефан в 1094 г. В 1096 г. монастырь на Клове подвергся разорению полчищами Боняка. В 1108 г. храм был окончен. В 1112 г. в нем был погребен Давид Игоревич, Владимиро-Волынский князь, покровитель Кловской обители. Из этого можно заключить, что «Стефанеч» монастырь выполнял функцию представительства Владимиро-Волынской епархии в столице. Из преемников преп. Стефана по игуменству в обители известны Климент, участвовавший в обретении мощей преп. Феодосия Печерского, и Петр, упомянутый в летописи под 1115 г. в связи с перенесением мощей св. Бориса и Глеба.
- В 1963 г. П.П.Толочко в районе улицы Карла Либкнехта, 25а (с/ш №77), обнаружил остатки фундаментов Влахернской церкви. «Раскопки, проведенные в 70-е гг., привели к очень интересным выводам... Кловский храм был одним из самых больших в Киеве — 33 x 34 (без апсид). Для сравнения: Десятинная церковь имеет размеры 37 x 34, Софийский собор — 38 x 54, Великая церковь Киево-Печерской лавры — 35 x 25, Богородица Пирогоща — 15 x 14. Уже это свидетельствует о том, что Стефан расценивал свой монастырь как равный наибольшим киевским обителям, в частн. Печерскому монастырю... Вероятно, св. Стефан имел желание, подобно преп. Феодосию, обратиться к лучшим греческим традициям, но адаптировать их по собственным соображениям» (Патерик Киево-Печерский. С. 238, прим. 117; Асеев Ю.С., Харламов В.О., Мовчан И.И. Дослідження архітектури Кловського собору в Києві // Археологія. 1979, вип. 30, с. 35-40; Мовчан И.И. Давньо-кіївська околиця. К., 1993, с. 80-82; Каргер М.К. Древний Киев. С. 422; Толочко П.П. Исторична топографія стародавнього Києва. К., 1972, с. 152-153).
274. Мовчан И.И., Харламов В.О. Стародавній Клов // Археологія Києва: дослідження і матеріали. К., 1979, с. 77.
275. Асеев Ю.С., Харламов В.О. Нові дослідження церкви Спаса на Берестові // Археологія Києва: дослідження і матеріали. С. 85. См.: Известия Археологической комиссии за 1909-1910 гг. С.-Пб., 1913, с. 184; Асеев Ю.С. Архитектура Київської Русі. К., 1969. «Что касается даты построения церкви, то после труда П.А.Лашкарева и исследований П.П.Покрышкина было определено, что памятник относится к временам Владимира Мономаха, хотя раньше его датировали концом XI — нач. XII в. Анализ архитектурных форм и, главное, приемов строительной техники привел современных исследователей к выводу, что церковь была возведена во время княжения Владимира Мономаха в Киеве (1113-1125 гг.)» (Асеев Ю.С., Харламов В.О. Нові дослідження церкви Спаса на Берестові // Археологія Києва: дослідження і матеріали. С. 84).
276. Асеев Ю. С. Архитектура древнего Киева. С. 110.
277. Логвин Г.Н. Возрожденные фрески XII века // Искусство. 1971, № 8.
278. Мовчан И.И. Археологічні дослідження на Видубичах // Стародавній Київ. К., 1975, с. 102.
279. Там же. С. 101; Логвин Н.Г. Михайловская церковь на Выдубичах в Киеве // Советская археология. 1986, № 4; Голубев С.Т. Киево-Выдубицкий монастырь (домонгольского времени) // ТКДА. 1913, № 12; Вагнер Г.К. Искусство Древней Руси // Великая Русь: история и художественная культура. М., 1994, с. 87.
280. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 102, 108; Каргер М.К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938-1947 гг.). К., 1950, с. 209-226.
281. Смирнов Я.И. Рисунки Киева по копиям их конца XVIII в. // Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе (1905). М., 1908, т. 2, с. 484-487; Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 112.
282. Ипатьевская летопись под 6640 (1132) г. сообщает: «В се лето заложена бысть церкви камяна святая Богородица, рекомая Пирогоща» (ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 12) и указывает на окончание ее строительства под 6694 (1136) г. (Там же. С. 14).
283. Літопис руський. С. 334.
284. Асеев Ю.С., Богусевич В.А. Военно-оборонні стіни XII в. в Києво-Печерській лаврі // Вісник АА УРСР. К., 1951, № 4, с. 40-43.
285. Киевский Синопис. К., 1823, с. 65.
286. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 146-147.
287. Літопис руський. С. 364.
288. Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Записки имп. АН. С.-Пб., 1865, т. 7, кн. 1, с. 134-194; Каргер М.К. Древний Киев. С. 418-420.
289. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 130; Толочко П.П. Древняя Русь. К., 1987, с. 189.
290. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. С. 112.
291. Щапов Я.Н. Церковь в древней Руси (До конца XIII в.) // Русское Православие: вехи истории. С. 22; Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. Л., 1988, с. 49, 51, 61, 76, 89, 105, 108.
292. Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове // Советская археология, 1974, № 2, с. 99; Асеев Ю.С., Харламов В.О., Мовчан И.И. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові // Архітектурні

пам'ятники. К., 1950, с. 71; Холостенко Н.В. Архитектурно-археологические исследования Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. М., 1961, т. 3, с. 67.

293. ПСРЛ. С.-Пб., 1841, т. 3, с. 3, 5, 9, 123, 213, 214; т. 1, с. 150; Лихачев Д.С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI — XV вв. М., 1959, с. 24; Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, т. 1-2.

294. Раппопорт П.А. Зодчество древней Руси. Л., 1986, с. 69.

295. Каргер М.К. Новгород Великий. М.; Л., 1961, с. 240-241.

296. Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 45.

297. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 229; Воронин Н.Н. 1) Зодчество Северо-Восточной Руси XII — XV веков. М., 1961, т. 1, с. 42; 2) Владимир. М., 1945, с. 5.

298. Воронин Н.Н. Социальная топография Владимира XII — XIII вв. и «чертеж» 1715 г. // Советская археология. 1946, вып. VIII, с. 168.

299. Воронин Н.Н. Владимир, Боголюбво, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1965, с. 15; Георгиевский В.Т. Город Владимир на Клязьме. Владимир, 1927, с. 9.

300. Патерик. С. 12; Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2, прим. 238; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в XI — XIV вв. М., 1984, с. 68-69. Информацию о Суздальской церкви Юрия Долгорукого святитель Симон почерпнул, очевидно, из Летописца старого Ростовского (Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, с. 28). Впрочем, Суздальская церковь отличалась от Успенского собора лавры — она была меньше по размерам. Длина ее не превышала 25 м (Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII — XV вв. М., 1961, т. 1-2, с. 30).

301. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 292.

302. Там же. С. 312-313; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. Мина, вероятно, был внуком или правнуком тысяцкого Георгия Симоновича (Шимоновича). Он, конечно, не был князем — в Суздале тогда княжил Георгий II Всеволодович (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 503, прим. 99). В Русском временнике отмечено: «Церкви и монастыри пожгоша (татары. — Авт.), точию сохрани Господь девичь монастырь Положения Ризы Богоматери, в немже иноческое борение проходила страдательно блаженная Феодулия, дщи великаго князя Михаила Черниговскаго и мученика, нареченная в иноческом чину Евфросиния» (Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 3, прим. 364, 366).

303. Евфросиниев Ризоположенский женский монастырь // Монастыри: Энциклопедический справочник. М.: Изд. Московской Патриархии. 2000, с. 89.

304. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 323; ПСРЛ. Т. 1, стб. 351.

305. ПСРЛ. Т. 1, с. 148; Ключевский В.О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери (Памятник древней письменности, XXX). С.-Пб., 1878, с. 31-37; Анисимов А.И. О древнерусском искусстве: Сб. статей // Министерство культуры СССР. Всесоюзный НИИ реставрации. М., 1983, с. 289. См.: «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» (ПЛДР. Т. 2, с. 324).

306. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-восточной Руси XII — XV вв. М., 1961, т. 1, с. 167. См.: ПСРЛ. Т. 1, с. 173; т. 2, с. 111, 112; Доброхотов В.И. Памятники древности во Владимире Кляземском: Соборы. М., 1849, с. 3-9, 140-149. Андреем была позлащена и Рождественская Богородичная церковь в Боголюбове (Доброхотов В.И. Древний Боголюбов: Город и монастырь с его окрестностями. М. 1852, с. 17-21, 71-80).

307. Вагнер Г.К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975, с. 20.

308. ПСРЛ. Т. 1, с. 165, 195; т. 2, с. 111-112.

309. Масленицын С.И. Ярославская иконопись. М., 1973, с. 7. О соборе см.: Головщиков К.Д. История города Ярославля. Ярославль, 1889, с. 49; Воронин Н.Н., Лазарев В.Н. Искусство среднерусских княжеств XIII — XIV веков // История русского искусства. М., 1955, т. 3, с. 13-14.

310. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 230.

311. Вагнер Г.К. 1) Искусство Древней Руси. С. 140; 2) Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. М., 1963, с. 22; Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По стопам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 95.

312. Вагнер Г.К. Искусство Древней Руси. С. 137.

313. ПСРЛ. М., 1962, т. 2, стб. 273; Толочко П.П. Исторична топографія стародавнього Києва. К., 1972, с. 156-157.

314. Мурзакевич Н. Достопамятности города Смоленска // ЧОИДР. М., 1846, кн. 2, отд. 4, с. 3-18; Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII — первой пол. XIII в. / Автореферат. Л., 1982, с. 109; Алексеев Л.В. Смоленская земля. М., 1980, с. 225-226.

315. Раппопорт П.А. Полоцкое зодчество XII в. // Советская археология. 1980, № 3, с. 156; Воронин Н.Н. К истории Полоцкого зодчества XII в. // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. 1962, вып. 87, с. 103-104.

316. Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 82-84. Храм, построенный преп. Евфросинией, назывался в просторечии Спас-Юрьевичи (Спас-Георгиев). На хорах его находились две крестообразные келии, в которых пребывали игумены Евфросиния и сестра ее Градислава. Дядя преподобной, Полоцко-Минский князь Глеб Всеславич, ктитор Киево-Печерского монастыря, состоял в теплых отношениях с епископом-печерянином Миной Полоцким (Патерик Киево-Печерский. С. 246), который, вероятно, был его духовником, а также духовником всей семьи Брючиславичей. В храме Всемилоствитого Спаса, переданном св. Евфросинии Полоцким епископом Илией для возведения при нем монастыря, находилась гробница святителя Мины (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 463).

Преподобная Евфросиния по одним данным — дочь витебского князя Святослава-Георгия Всеславича († 1130), по другим — его брата Ростислава-Юрия († ок. 1130). По свидетельству польского историка Игнатия Кульчинского из книги «Specimen Ecclesiae Ruthenicae» («Пример русской церкви»), изданной в Риме в 1733 г., тело ее позднее было перенесено русскими иноками в Анкону (позднее Акру — город на севере от Хайфы, напротив горы Кармил). «После того как в Иерусалиме утвердился Салладин, мощи были перевезены в Киев. Тут, в Дальних пещерах, они и упокоились «под спудом» до XVII ст., когда были чудесно обреты. В 1910 г. мощи преп. Евфросинии были возвращены в полоцкий Спасо-Преображенский монастырь. Память святой 23 мая» (Дива пещер лаврских. С. 69).

Что касается чудотворной Эфесской иконы, то «в 1239 г., когда святой великий князь Александр Невский сочетался браком в Торопце с дочерью Полоцкого князя Брючислава, эта княжна принесла с собой из Полоцка на брак Эфесскую икону Богородицы и поставила ее в Торопецком соборном храме. Здесь находится она и теперь под именем Торопецкой, или Корсунской» (Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 90, прим. 18; Евгений (Болховитинов), митрополит. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. К., 1831, ч. 4, с. 17). В соборе г. Торопца вплоть до XX в. хранился письменный акт о перенесении этой иконы из Полоцка в Торопец (Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княгини Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар полоцкой Спасской обители. С.-Пб., 1841, с. 10-12).

«В полоцком кафедральном соборе, — пишет митрополит Макарий, — находится крест, который пожертвовала своей Спасской обители преподобная Евфросиния в 1161 г. Этот крест, содержащий в себе разные святыни, есть шестиконечный, но на нем приделаны еще два небольших креста: четвероконечный посредине верхней перекладины, покрывающий собою капли бесценной Крови Христа Спасителя, и шестиконечный посредине нижней перекладины, покрывающий часть Животворящего Древа Господня. Весь крест обложен золотыми и серебряными вызолоченными листами, на которых находится несколько священных изображений, и на этих образах представлены: св. Георгий Победоносец с крестом в правой руке, св. мученица София, св. Иоанн Златоуст, св. великомученик Пантелеимон. ...В кресте преп. Евфросинии Полоцкой, кроме частиц Крови Христовой и Животворящего Древа, заключены частицы от Гроба Господня и от Гроба Пресвятой Богородицы и частицы мощей св. первоученика Стефана, св. Димитрия Солунского и св. Пантелеимона» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 331). «Из боковой надписи, начертанной вокруг креста, видно, что крест приложен в Спасскую церковь от преподобной Евфросинии в 6669 (1161) г. и стоимость креста, кроме заключенной в нем святыни, составляла 140 гривен» (Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 89-90, прим. 17). «Достоин замечания, что крест сделан... русским художником, который в надписи назвал себя Лазарем Богшею. Фамилия Богши доселе существует в Слуцком уезде Минской губернии» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 507, прим. 165; Кеппен П.И. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822, с. 41).

317. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 390; Петрушевич. Краткие исторические известия о введении Христианства в предкарпатских странах. Львов, 1882, с. 46.

318. Фіголь М. Мистецтво стародавнього Галича. К., 1997, с. 43; Вагнер Г.К. Архитектура эпохи «Слова о полку Игореве» и ее заказчики // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985, с. 289; Каргер М.К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. 1960, вып. 81, с. 61-71; Воробьева Е.В., Тиц А.А. Анализ и реставрация Успенского собора XII в. в Галиче // Сов. археология. 1983, № 1, с. 213-229.

319. Фіголь М. Мистецтво стародавнього Галича. С. 44.

320. Там же. С. 68-78; Петрушевич. Исторические известия о церкви св. Пантелеимона, близ г. Галича. Львов, 1881; Пастернак Я. Старий Галич. Краків, 1944, с. 118-119; Гончаров В. Давній Галич // Вісник АН УРСР. 1956, кн. 1; Тимошук Б.О. Давньоруська Буковина. К., 1982, с. 153-160; Січинський В. Місто Холм. Краків, 1941, с. 6; Иоаннисян О. О раннем этапе развития Галицкого зодчества // Славяно-русская археология. М., 1981, с. 40.

321. Кабанець Є.П. Походження Успенської топоніміки Києво-Печерського монастиря // Лаврський альманах. Вип. 1, с. 58.

322. Лихачев Д.С. Градозащитная символика Успенских храмов // Уникальному памятнику русской культуры, Успенскому собору Московского Кремля — 500 лет. Тезисы научной конференции. М., 1979, с. 35. Мы подчеркиваем здесь не только духовно-символический, но и культурологический аспект феномена лаврского Свято-Успенского собора, обращая внимание на то, что «в храме заключается совокупность всех искусств, т. е. искусство в его высшей, религиозной форме» (Федоров Н.В. Философия Общего Дела. Т. 1. Верный, 1906, с. 702).

Д.Лихачев отмечает значительное число Успенских храмов в древнерусском государстве, общность архитектурного воплощения, их расположение в центре оборонительных ансамблей-кремлей, монастырей, подворий, констатируя одновременное формирование на Руси градозащитного аспекта успенской семантики. Академик уверен, что традиция почитания Успения происходит из Влахернского храма Константинополя. По его мнению, архитектурная модель Успенского собора Киево-Печерской лавры являлась формообразующей и для культуры послемонгольской Руси вплоть до Успенского собора Московского кремля XV в. (Лихачев Д.С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля. М., 1985, с. 17-23). О Влахернском происхождении успенской Печерской символики пишет Д.В.Айналов (Айналов Д.В. История древнерусского искусства. К.; Пг., 1915, вып. 1, с. 246). См.: Кримський С. Культурні архетипи Києва // Київські обрії: Історико-філософські нариси. К., 1997, с. 4-13.

323. Кабанець Є.П. Походження Успенської топоніміки Києво-Печерського монастиря // Лаврський альманах. Вип. 1, с. 61.

324. Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 34-35; Асеев Ю.С. Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве // Советская археология. 1961, № 3, с. 291-296.

325. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987, с. 286.

326. Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 35.

327. Закревский Н. Описание Киева (в 2-х т.). М., 1968, т. 2, с. 507.

328. Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 45.

- 329.** Бублик В.Д. Путеводитель по Киеву и его окрестностям. К., 1894, с. 93. См.: Мучение Варвары // ВМЧ. Декабрь, дни 1-5. М., 1901, стб. 101-104.
- 330.** Скарби Киево-Печерської лаври. С. 247.
- 331.** Розов Н.Н. Остромирово Евангелие Апракос 1056-1057 годов — старейший памятник славянской письменности и искусства книги Древней Руси // Остромирово Евангелие 1056-1057 гг. Л.; М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1988, с. 7.
- 332.** Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 62; Подобедова О.И. Русские иллюстрированные рукописи начальной поры в их зарубежных связях // Славянские культуры и Балканы. София, 1978, с. 218; Высоцкий С.А. Эпиграфический корпус средневековых надписей архитектурных памятников древнего Киева (Итоги исследования) // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. К., 1985, с. 35.
- 333.** Питирим (Нечаев), митрополит, председатель издательского отдела Московского Патриархата. Особенности Остромирова Евангелия // Остромирово Евангелие 1056-1057 гг. С. 6. Изучение Остромирова Евангелия положило начало славяно-русскому разделу палеографии.
- 334.** Некоторые исследователи, однако, считают этот памятник продуктом новгородской культуры. См.: Максимович М.А. История древней русской словесности. К., 1839, с. 167; Стасов В.В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. С.-Пб., 1887, табл. 49, 50 (№ 1-16); Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. К., 1888, с. 11; Щепкин В.Н. Миниатюра в русском искусстве дотатарского периода // Slavia. Praha, 1928, г. 6; Мельников Е.И. К проблеме происхождения Остромирова Евангелия // Slavia. Praha, 1968, г. 35, с. 4, 531-547; Крымский А.Ю. Деякі непевні критерії для діалектологічної класифікації староруських рукописів // Твори: У 3 т. К., 1973, т. 3, с. 150; Пуцко В.Г. Этюды об Остромировом Евангелии (Инициалы) // Etudes Balkaniques. Sofia, 1981, № 4, s. 73.
- Однако большинство ученых относят его к рукописям, созданным в столице: Волков М.В. О не Новгородском происхождении дьякона Григория // ЖМНП. 1897, № 2, с. 443-446; Шимановский В. Очерки по истории русских наречий: Черты южнорусского наречия в XVI-XVII вв. Варшава, 1893, с. 40; Свенціцький І.С. Нариси з історії української мови. Львів, 1920, с. 22-23, 25-26; Каринский Н.М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги: 68 фототипических снимков с древнерусских памятников, преимущественно XI в., на 29 табл. Л., 1925, с. 11; Свиринов А.Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, с. 142; Лазарев В.Н. Искусство средневековой Руси и Запада (XI-XV вв.) // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 29; Бевзенко С.П. Исторична морфологія української мови: Нарис з словозміни та словотвору. Ужгород, 1960, с. 38; Марченко М.І. Історія української культури. К., 1961, с. 34; Смирнова Э. Древнейший памятник русского книжного искусства // Искусство книги за 1950-1957 гг. М., 1961, вып. 2, с. 220; Логвин Г.Н. З глибин: Давня книжкова мініатюра XI-XVIII ст. К., 1974, с. 60; Попова О.С. Русская книжная миниатюра XI-XV вв. // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983, вып. 3, с. 16; Подобедова О.И. Еще один аспект изучения миниатюр Изборника Святослава // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983, вып. 3, с. 80-81; Запаско Я.П. Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995, с. 16-17.
- 335.** Лисовой Н.Н. Остромирово Евангелие как исторический источник // Остромирово Евангелие 1056-1057. С. 13.
- 336.** Там же. С. 13-14; Ягич И.В. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь. С.-Пб., 1886, с. 147-148; Жуковская Л.П. Значение и перспективы изучения Остромирова Евангелия (в связи с 900-летием памятника) // Исслед. по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961, с. 14-44. Об Остромировом Евангелии см.: Рыбаков Б.А. Прикладное искусство Киевской Руси IX — XI вв. и южнорусских княжеств XII и XIII вв. // История русского искусства. М., 1953, т. 1, с. 252-253, 256; Запаско Я.П. Орнаментальне оформлення української рукописної книги. К., 1060; Куев К.М. Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. София, 1979. О том, что Григорий стремился уложиться в задуманный им срок, говорит палеографический анализ памятника. «...Основной текст написан тем же самым почерком, что и Послесловие, т. е. диаконом Григорием. На первых 23 листах каллиграфия более искусна, чем на последующих; возможно, Григорий, начав писать тщательно, вскоре убедился, что так он не завершит свой труд к... сроку... из той же приписки к Послесловию мы знаем, что Остромирово Евангелие было создано всего за 8 месяцев, что почти не отразилось на оформлении... общепризнанного шедевра искусства книги Древней Руси. Лишь одно из четырех изображений евангелистов осталось ненарисованным и два вшиты не на своем месте, что вероятнее всего было сделано при последующих переплетениях книги. Великолепно выполнены инициалы Остромирова Евангелия. Они отличаются чрезвычайным разнообразием: в книге большие инициалы В и Р, с которых начинается подавляющее большинство ее чтений («Во время оно» или «Рече Господь»), нарисованы первый 135 раз, второй — 88, и ни один из них не повторен. ...Гармоническое сочетание инициалов, а также написанных золотом заголовков чтений и красочных заставок исключает предположение о том, что это могло быть сделано прежде или после написания текста. Если диакон Григорий не сам создал художественное оформление Остромирова Евангелия, то сумел подобрать себе помощников — единомышленников среди мастеров искусства книги» (Розов Н.Н. Григорий // Словарь книжников. Вып. 1, с. 106-107; Свиринов А.Н. Остромирово Евангелие как памятник искусства // Тр. ГПБ. Л., 1958, т. 5 (8), с. 47-55; Каринский Н.М. Письмо Остромирова Евангелия (Палеографический очерк) // Сб. РПБ. Пг., 1920, т. 1, вып. 1, с. 168-192).
- 337.** Предварительный список славяно-русских рукописей XI — XIV вв., хранящихся в СССР (для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно) / Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 182.
- 338.** Изборник Святослава 1073 года: Научный аппарат факсимильного издания. М., 1983, с. 7; Рыбаков Б.А. «Оже ти собе не любо, то того и другу не твори» // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977, с. 219; Богусевич В.А. Книжкова мініатюра // Історія українського мистецтва: У 6 т. К., 1966, т. 1, с. 344; Логвин Г.Н. З глибин: Давня книжкова мініатюра XI-XVIII ст. К., 1974, с. 82; Подобедова О.И. Еще один аспект изучения миниатюр Изборника Святослава // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983, сб. 3, с. 78.
- 339.** Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI — XVII веков. С. 138-139; Древняя русская литература: Хрестоматия / Сост. проф. Н.И.Прокофьев. М., 1988, с. 89-91. См.: Аксентон Ю.Д. Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава 1073 г. и некоторых других памятниках // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977, с. 282; Вагнер Г.К. Статья Георгия Хировоска «О образех» в Изборнике Святослава 1073 г. и русское искусство XI в. // Там же. С. 139.

340. Левочкин И.В. Изборник Святослава 1076 года — памятник древнерусской культуры // Изборник Святослава 1073 года: Научный аппарат факсимильного издания. С. 12-13; Абрамович Д.І. Изборник 1076 р. і патерики // Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. К., 1931, т. 3, с. 11-15.

341. Лихачев Д.С. К вопросу о судьбе рукописи Изборника 1073 г. в XIV в. // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи: В 2-х т. Л., 1976, т. 1, с. 43.

342. Лихачев Д.С. Литература Руси XI — начала XIII века // Великая Русь. С. 16; Історія українського мистецтва. К., 1966, т. 1, с. 351-353; Качуровська-Крюкова Л. Ітарія: Егбертів кодекс X — XI століть та його українське оздоблення // Пам'ятники України. 1991, № 4, с. 4-13; Українська графіка XI — початку XX ст. К., 1994, с. 6.

343. Лихачев. Д.С. Литература Руси XI — начала XIII века. С. 16.

344. Sauerland H., Haseloff A. Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier — Codex Gertrudianus in Cividale mit 62 Tafeln. Trier, 1901, s. 189. Однако Н.Кондаков и Н.Сычев считают, что местом исполнения миниатюр мог быть г.Владимир-Волынский или Луцк, удельные города Ярополка, имевшие более тесные связи с Западом (Кондаков Н.П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. С.-Пб., 1906, с. 121; Сычев Н.П. Искусство средневековой Руси // История искусства всех времен и народов. Л., 1929, кн. 4, с. 205-207). В.Щепкин говорит, что миниатюры мог написать придворный художник Ярополка или Гертруды во время их изгнания (Щепкин В.Н. Миниатюра в русском искусстве дотатарского периода // Slavia. Praha, 1928, г. 6, s. 757). В. Лазарев, вслед за Н.Сычевым, считал, что миниатюры созданы в монастыре святого Иакова в Регенсбурге (Лазарев В.Н. Живопись и скульптура Киевской Руси // История русского искусства: В 13 т. М., 1953, т. 1, с. 231). Однако «стоит вернуться к мысли, высказанной А.Газеллофом, и рассматривать миниатюры Трирской Псалтири вместе с памятниками киевского круга. Ибо если они созданы не в Киеве, а во Владимире-Волынском или Луцке, то придется признать, что там, на Волыни, уже во второй половине XI в. существовал художественный центр, который был в состоянии решать сложные художественные задачи. Но такого центра, его творений мы не знаем...» (Запаско Я.П. Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. С. 22-23).

345. Запаско Я.П. Пам'ятки книжкового мистецтва. С. 23; Беляев Н.М. Древнерусская иконопись // Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей в Софии 14-21 сентября 1932 года. София, 1932, ч. 1, с. 234-235; Богусевич В.А. Книжкова мініатюра // Історія українського мистецтва: У 6 т. К., 1966, т. 1, іл. 269.

346. Патерик. С. 34, 148-149.

347. Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2, с. 327-328.

348. Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник: (Опыт анализа). М., 1957, с. 183; Словарь книжников. Вып. 1, с. 182, 396, 403; Якобсон Р.О. Русские отголоски древнечешских памятников о Людмиле // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 46-50.

349. Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка // Сб. статей, читанных в Отд. рус. яз. и словесности имп. АН. С.-Пб., 1889, т. 46, № 4, с. 26; Кримський А.Ю. Українська мова, звідкіля вона взялася і як розвивалася // А.Ю.Кримський. Твори: У 5 т. К., 1973, т. 3, с. 259; Пуцко В.Г. 1) Славянская иллюстрированная книга X-XI веков // Byzantinoslavica. 1984, т. 46, с. 151; 2) Огласительные слова Кирилла Иерусалимского (М., ГИМ, Син. 478) — памятник книжного искусства XI в. // Старобългарска литература. София, 1985, кн. 18, с. 125-138; Синайский патерик / Изд. подг. В.С.Голышенко, В.Ф.Дубровина. М., 1967, с. 21, 36.

350. Металлов В.М., протоиерей. 1) Русская симеография: Из области церковно-певческой археологии и палеографии. М., 1912, с. 11, 72-73; 2) Богослужбное пение Русской Церкви в период домонгольский по историческим, археологическим и палеографическим данным // Записки имп. Моск. археологического института. М., 1912, т. 26, с. 165-171, 178-182, 185-189.

351. Запаско Я.П. Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. С. 29; Мезенцева Г.Г. Скульптура // Історія українського мистецтва: У 6 т. К., 1966, т. 1, с. 237.

352. Фет Е.А. Пролог // Словарь книжников. Вып. 1, с. 377.

353. Там же. С. 421. См.: Сергей (Спасский), архимандрит. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2; Остроумов М.А. Праздник Покрова Пресвятыя Богородицы // Приходское чтение. 1911, № 19, с. 401-412; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 400-406; Сергей (Спасский), архиепископ. Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятыя Богородицы. С.-Пб., 1898, с. 57-84.

354. Александров А. Об установлении праздника Покрова Пресвятой Богородицы в Русской Церкви // ЖМП. 1983, № 11, с. 69-72; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 403, прим. 1; с. 404, прим. 4.

355. Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. С.-Пб., 1890-1897, 3 т.; Назаренко А.В., Самойлов А.И. Монастыри, основанные на Руси в 988-1240 гг. // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 670.

356. Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). Собр. соч. Т. 6: Христос-Спаситель — Начальник мира. К., 1998, с. 86.

357. Филарет, митрополит Московский. Слова и речи. М., 1861, ч. 3, с. 33; Скурат К.Е., доктор богословия. «Маги сущи живота» — из проповедей митрополита Московского Филарета на день Успения Божией Матери // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». М., 1989, с. 243

Глава VIII

Лавра – светоч христианской государственности

Усобица князем на поганья погыбе,
рекоста бо брат врату: «Се мое, а то мое же».
И начаша князи про малое — «се великое»
молвити, а сами на себе крамолу ковати.
А погани со всех стран прихощаху
с поведами на землю Русскую.

(Слово о полку Игореве).

О Всепетая Мати Бессмертнаго Царя
небесе и земли Христа Бога нашего,
живущая и по смерти!
Нынешняя приношения о всечестном
Твоем Успении от нас приемши,
в жизни сей и в смертном успении
нашем от всякия напасти, бед и муки
избави, и Небесного Царствия нас,
Царице, сподоби о Тебе вопиющих:
Аллилуиа.

(Кондак акафиста Успению
Божией Матери).

вухтысячелетний юбилей пришествия в мир Сына Божия — красноречивое доказательство его трансцендентального значения, — пишет Блаженнейший митрополит Владимир. — Когда пришло время, Второе лицо Святой Троицы — Сын Божий стал Сыном Человеческим. Иисус Христос пришел в мир с проповедью Своего Божественного учения. Он начал учить народ Царству Божию и путям его достижения»¹.

Христианство в корне изменило не только духовный, но и общественно-политический фундамент человечества. Принципы Евангелия оказали благое воздействие на базисные государственные институты цивилизации, породив новую формацию — христианскую ойкумену.

Миланский эдикт императора Константина Великого легитимизировал в 313 году Христианство, до этого беспощадно гонимое. Победа нового вероучения над уходящим в прошлое язычеством была неоспоримой. Казалось, евангельские заповеди станут мерилем для государственного устройства. Однако сразу же возник соблазн цезарепапизма, ибо государство, как механизм власти, всегда тяготеет к подчинению себе всех структур общества. Многие носители верховной власти, стремясь к безраздельному господству, возводили себя на пьедестал не только светских государей, но и духовных правителей. Присваивая себе право на контроль над Церковью и даже руководство ею, «князья мира сего» посягали на наследие Божие, ибо главой Церкви может быть только ее Создатель — Господь Иисус Христос.

Царство Божие «не от мира сего» (Ин. 18, 36). «Искать Царства Божия — это значит пребывать во всецелом послушании святой Церкви и в неразрывном союзе с нею. Церковь основал Сам Господь, как истинное Свое Царство на земле. В нее Он вложил все богатство благодатных даров, необходимых для нашего спасения. В ней мы рождаемся и воспитываемся для вечности — для Царства Небесного», — пишет Блаженнейший митрополит Владимир².

Вмешательство политических факторов в церковную сферу всегда приводило к серьезным религиозно-этическим деформациям. История оставила мало опытов идеального сосуществования светской и духовной ветвей власти. Желаемая модель в силу разных причин так и не была построена до конца.

Принцип взаимодействия Церкви и государства явлен в Евангелии, раскрывающем глубину миротворительного учения Господа Иисуса Христа. «Фарисеи... совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих... говоря: Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо. Итак, скажи нам: как Тебе кажется? Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» (Мф. 22, 15-16).

Иудейское государство находилось тогда под игом чужезерного Рима. «Налог, взимаемый в пользу язычников, противоречил теократической идее. В Иудее происходили

волнения... Причиной восстания был имущественный налог, который считался признаком рабства. Уплата налогов в пользу римлян началась в Иудее с 63 года до Рождества Христова. Предлагая Христу вопрос о подати кесарю, т. е. римскому императору, фарисеи... надеялись поставить Христа в безвыходное положение. Если Христос признает обязательность налога, то тем самым возбудит против Себя народ, который считал налог в пользу кесаря оскорбительным. Если же Христос отвергнет налог, то явится возмутителем против римской власти»³. Ситуация была не просто тяжелой — крайне опасной для Учителя. «Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которой платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 18-21).

К сожалению, этот идеал так и остался в области недосягаемого. Случаями его нарушения и попрания изобилует история многих христианских государств. Так, почти сразу же после признания официального статуса Христианства государи римско-византийской империи начали проявлять стремление к цезарепапизму, вмешиваясь в богословские споры, пытаясь контролировать процесс назначения епископов и даже созывая соборы, многие из которых были еретическими. Не прошло и нескольких десятков лет после провозглашения Миланского эдикта, как Церковь подверглась нашествию опаснейшей ереси Ария. Арианство поддерживали сыновья и преемники императора Константина Констанц и Констанций.

Тогда одним из апологетов истинного вероучения выступил преподобный Антоний Великий. «Когда в Александрии начались арианские смуты, Антоний возвысил свой голос против пагубной ереси. Афанасий, архиепископ Александрийский, просил отшельника выйти из пустыни и обличить лжеучение. Восемидесятилетним старцем Антоний покинул безмолвие и явился в Александрии. Появление его произвело потрясающее впечатление на всех. Его свидетельство сопровождалось чудотворениями»⁴.

Слава о великой святости преподобного Антония достигла императорского двора. Константин и его сыновья обратились с посланием к преподобному, прося старца посетить их. Пустынник, до этого несколько раз безоговорочно оставлявший отшельническое уединение ради нужд Церкви, на сей раз проявил колебание. Он смиренномудренно обратился за советом к своим ученикам. Павел Препростый отвечал ему: «Если пойдешь, будешь Антоний, а если не пойдешь, будешь авва Антоний». И старец по совету своего послушника остался в Египте.

«После этого цари стали просить его, чтобы он хотя бы в письмах преподавал им благословение и утешение. В ответ преподобный послал им письмо, в котором внушал им, чтобы не гордились властью, чтобы помнили о будущем Страшном суде, на котором должны будут дать отчет в том, как пользовались властью. Преподобный убеждал

их быть милостивыми к людям, соблюдать правосудие, быть отцами для нищих и несчастных»⁵.

Преподобному Феodosию Великому также приходилось несколько раз покидать свою пещерную обитель ради защиты Православия. «В то время царствовал Анастасий... Он сделался подобный тем пастырям, которые рассеивают и губят стадо, ибо совратился в ересь Евтихия и Севера и смущал ею Церковь Божию, отвергая IV Вселенский собор, изгоняя православных епископов и поставляя на их места еретиков, склоняя к единомыслию с собою многих православных — кого угрозами, кого почестями и дарами», — пишет Житие преподобного. Эту тактику император пытался применить и к Феodosию Великому, то посылая ему золото, то обращаясь к нему с увещаниями. Преподобный в посланиях к царю грозно обличал его нечестие и призывал к покаянию. «Однако царь смирился ненадолго и по прошествии некоторого времени снова восстал против Православия. Повсюду, даже в святом граде Иерусалиме, были возведены постановления царя, отвергающие святые соборы... Когда все молчали из страха, преподобный пришел из своей обители в Иерусалим и, встав в великой Иерусалимской церкви на возвышение, возгласил: «Кто не почитает четыре Вселенских собора, как и четыре Евангелия, да будет анафема!» Слова его, как слова ангела, настолько поразили народ, что никто из противников не осмелился ему возразить. Потом, призвав своих учеников, он обходил с ними окрестные города и селения, уничтожая зловерие и утверждая благочестие. Царь, услышав об этом, осудил его на изгнание. Преподобный был сослан в заточение»⁶. Вернуться в свою пещерную лавру он смог только после смерти императора.

Исповеднический подвиг несли многие иноческие обители, являясь несокрушимыми твердынями Православия.

Святой равноапостольный князь Владимир.

Волею Божественного провидения Киево-Печерская лавра, несмотря на отшельническую направленность, оказалась в самом русле церковных и общественных событий на Руси. В сложных отношениях Церкви и княжеской власти она всегда была неподкупным гласом совести и правды. Власть, преклоняясь перед великой духовной силой обители, тем не менее боялась этой силы и стремилась покорить, подчинить ее себе, заставить служить своим интересам. История непростых взаимоотношений между лаврой и государственной властью, исполненная как позитивных, так подчас и трагических коллизий, чрезвычайно интересна и

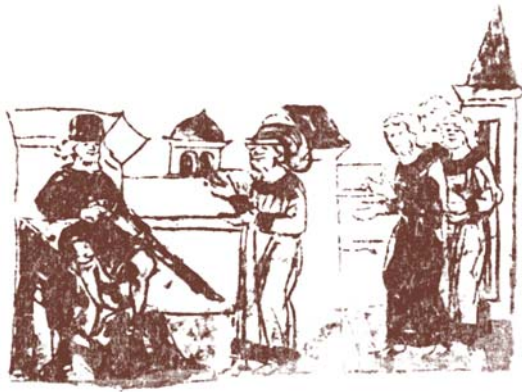
Янь Вышатич в единоборстве с волхвами. Миниатюра Радзивилловской летописи.

поучительна. В ней можно найти ответы на многие насущные вопросы современности.

Лавра и в этой сфере — государственно-политической — является мудрой учительницей жизни и наставляет нас, наследников апокалиптического века, воздавать Богу, а кесарево — кесарю.

Преподобный Антоний, придя на Русь с Афона, не смог первоначально устроить обитель из-за смуты, возникшей в результате борьбы наследников князя Владимира за престол. В новокрещенном государстве тогда впервые пролилась невинная кровь, совершился грех братоубийства. Его жертвами стали юные братья Борис и Глеб. Старец с горечью в сердце покинул отчий край. Когда же в Киеве был вокняжен благочестивый государь Ярослав Мудрый, во всем подобный своему равноапостольному отцу Владимиру, Сама Божия Мать благословила отшельнику «паки придти» на родину.

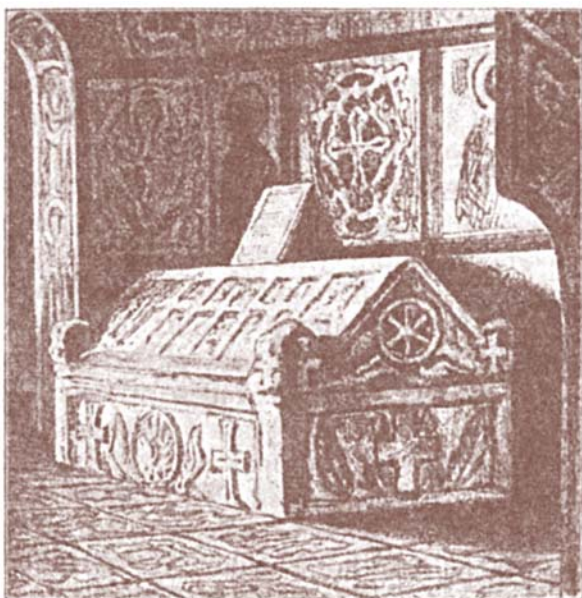
Великое благо для страны — истинно христианский правитель, мудрый, просвещенный, деятельный, украшенный евангельскими добродетелями, исповедующий себя сыном Бога и Церкви. Таких мы называем «благоверными». Таким был князь Ярослав, продолживший созидательную работу в государстве, начатую святым крестителем Руси. Своим духовником он избирает берестовского отшельника Илариона. В их общении открывается красота гармонии подлинно христианских отношений между Церковью и властью, взаимодополняющих друг друга в миссии служения Господу и народу. Идеал такой гармонии раскрыт в творениях блаженного Илариона. Мужество, духовная сила, любовь к знаниям, забота о подданных, самоотверженность, жертвенная любовь, милосердие — вот те качества, которыми, по Илариону, должен обладать представитель власти. Православие, духовность и благочестие являются, как считает древнерусский богослов, главными достоинствами богоугодного правителя. Эпитеты, употребляемые святым Иларионом в отношении к князьям Владимиру и Ярославу, раскрывают этот идеал в полной мере: «Славный, благородный, пречестный, премужественный, блаженный, острый умом, благой смыслом, милостивый, христолюбивый, благоверный; сын нетления и воскресения, учитель и наставник правой веры, совлекшийся ветхого человека (Кол. 3, 9), препоясанный правдой, облеченный истиной и крепостью, увенчанный мудростью, единоподержавный, сопряженный со властью, исполненный доб-

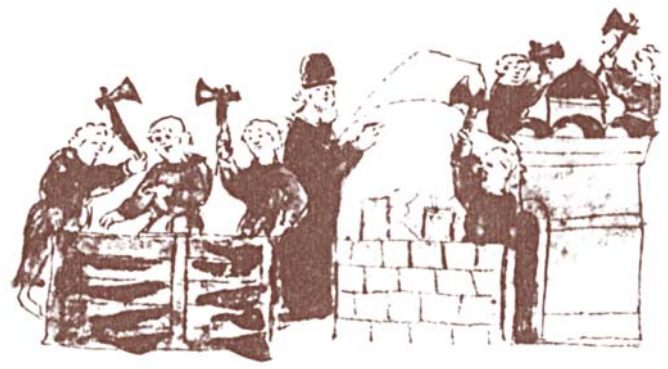
*Вокняжение Ярослава Мудрого.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

роты, благословенный, сподобившийся славы и чести на небесах» и т. д. Святитель Иларион подчеркивает, что помазанник Божий, возведенный на трон государя, должен быть «нагим — одеянием, алчущим — кормителем, жаждущим — прохладой, вдовицам — помощником, странникам — пристанищем, бездомным — кровом, обиженным — заступником, бедным — обогащением; не разрушающим уставы государственности, но утверждающим их; не умаляющим сокровищ благоверия, но умножающим; не говорящим, но делающим»⁷. За добродетельное правление благой государь получает, как возвещает богослов, воздаяние на небесах, мир и благоверие в державе, избавление от рати, пленения, голода, скорби и нужды, неповрежденность душевного устройства — все то, чем создается благополучие государства.

С благословения богомудрого духовника Ярослав строит храмы, открывает училища, основывает библиотеки, создает монастыри. В свою очередь, князь привлекает Илариона к уложению Свода законов, к решению государственных вопросов. Эта гармония увенчалась возведением на Киевский престол митрополита-русуна по желанию князя и соборному волеизъявлению архипастырей. Эпоха Ярослава-Илариона явила ориентир сосуществования двух структур, их желаемого взаимодействия на благо страны

Саркофаг Ярослава Мудрого.

*Ярослав Мудрый совершает закладку новых киевских строений.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

и нации. Она всецело подтвердила тезис о решающей роли личности в истории, ибо для того, чтобы в христианском государстве, живущем по христианским законам, торжествовали заповеди добра и процветания, нужна еще и нелицемерно-христианская личность государя, каким был Ярослав Мудрый. Отрадно, что в правление именно такого князя зародилась Печерская обитель.

На смертном одре великий князь завещал пятерым своим сыновьям слушаться старшего брата Изяслава и хранить взаимное единство. «Иначе сгинете сами и загубите землю отцов и дедов своих, которые приобрели ее трудом великим», — предостерегал умирающий князь.

К сожалению, наследники Ярослава Мудрого были далеки от его выдающихся качеств. И хотя получивший престол Изяслав сразу после вокняжения приезжал за благословением к авве Антонию, скорее всего это было данью формальности, чем искренним движением сердца. Ибо вскоре князь, потерявший сановников Ефрема и Варлаама, постриженных преподобным Антонием, начал преследовать обитель. Симптоматично, что князь считал себя вправе не только изгнать иноков, но и подвергнуть их заточению, как преступников. Увы, государство часто выполняло по отношению к Церкви репрессивные функции.

Когда троны правителей колеблются — то ли в результате несправедливой политики, то ли по случаю народного гнева, — они в экстремальной ситуации обнажают настоящую сущность своей души, сбрасывая личину благочестия. Изяслав, потерявший власть в 1068 г., смог вернуть ее только с помощью иноплеменного меча, призвав на Русь в 1069 г. польского короля Болеслава II Смелого, племянника своей жены, католички Гертруды. Возвращение Изяслава сопровождалось репрессиями и казнями. Гонение испытала и Печерская обитель.

Как здесь не вспомнить событий пятидесятилетней давности, когда убийца Бориса и Глеба — Святополк Окаянный привел в 1018 г. на Русь польское войско короля Болеслава I Храброго, приходившегося ему тестем. Изгнав Ярослава Мудрого, Святополк с наемниками вошел в Киев. Столица подверглась разграблению. Кровавые деяния захватчиков возбудили праведный гнев русичей. Против чужеземцев поднялось народное движение. Вскоре Ярослав Мудрый изгнал из Киева непрошенных гостей. Их пребы-

*Смерть Святополка Окаянного.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

вание в столице оставило глубокую рану в душе киевлян, явившись одной из причин полонофобии, укоренившейся в древнерусском обществе на многие годы ⁸.

В 1073 г. Изяслав был вновь свергнут, на этот раз родными братьями Святославом и Всеволодом. Бывший его союзник Болеслав Смелый, воевавший в то время с чехами и искавший Святославовой помощи, не только не помог родственнику, но и ограбил его, присвоив казну Изяслава. Тогда князь-изгнанник начал искать помощи у немцев. В январе 1075 г. он прибыл в Майнц для переговоров с императором Генрихом IV, обещая, если верить современному тем событиям немецкому хронисту Ламперту Ашаффенбургскому, сделать Русь данницей империи ⁹. Затем Изяслав послал в Рим к папе Григорию VII (Гильдебранду) сына Ярополка для переговоров о помощи, надеясь через папу повлиять на своего обидчика Болеслава, исповедовавшего католицизм.

Компромиссы с Западом служили соблазном для многих наших венценосцев. Еще князь Владимир подвергался интенсивной миссионерской обработке католических эмиссаров. Показателен случай с Романом Галицким (1199-1205). Близость его княжества к западным границам вызвала стремление папы Иннокентия III к приведению этого славянского края в лоно католичества. Послы папы пыта-

*Болеслав Храбрый.
Из книги А.Гваньини «Описание Европейской Сарматии». 1581 г.*

лись прельстить князя королевским титулом. Однако могучий галицкий вождь, перед которым трепетали окрестные страны, решительно отверг суетные западные титулы ¹⁰.

Запад никогда не прекращал попыток расширения своего влияния на славянский мир и особенно на Русь. Всего два десятилетия назад, в 1054 году, произошел роковой раскол между Вселенской патриархией и римским престолом. Некогда единая Церковь сохранила истинное православное вероучение лишь в одной — восточной ветви, разделившись на два разнополюсных мира. Вспомним, что это был год смерти Ярослава Мудрого и вокняжения Изяслава. Мощная православная держава на востоке, объединившая многие славянские племена от Днестра и Буга до Балтии и Ильмень-озера, не только возвысилась до уровня Византии, но и начала затмевать ее. Это не могло не пугать западно-католический мир, который сразу же после анафематствования летом 1054 г. в соборе Святой Софии папскими легатами во главе с кардиналом Гумбертом константинопольского патриарха Михаила Керулария объявил глобальную войну «схизме».

Вот почему обращение русского князя к западным деятелям заставило их предпринять самые активные усилия по оказанию ему помощи. Но — в обмен на католичество. Причем предметом торга стала не личность одного Изяслава, а вся Русь. В 1075 г. папа Григорий VII пишет послание к Болеславу, в котором требует вернуть изгнаннику похищенную казну. Император Генрих IV отправляет в Киев посольство. «В этот же год пришли послы от Немцев к Святославу», — повествует летопись. Карамзин говорит, что глава посольства Бурхард, духовный сановник из Трира, угрожал киевскому князю и хвастал, что «несмотря на отдаленность, мужественное войско немецкое смирит хищников». Однако, «обезоруженный щедростью Святослава, — пишет Н.М.Карамзин, — он утешил изгнанника одним бесполезным сожалением» ¹¹.

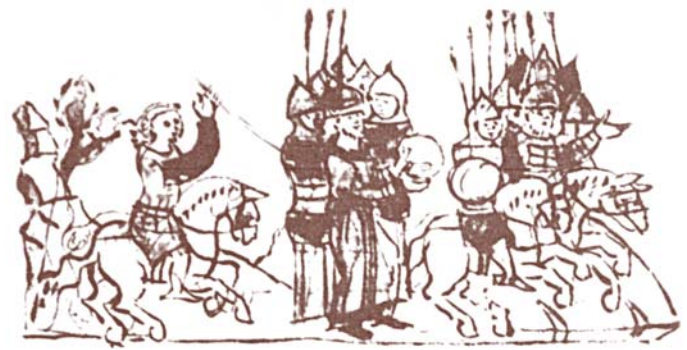
Немецкий хронист Ламперт в оскорбительном для Руси тоне выставляет дело так, что лишь немалый откуп Святослава спас Киев от «мужественного немецкого войска». Действительно, Святослав ослепил послов блеском золота. Он, «величаясь, показал им богатство свое, — рассказывает древнерусская летопись. — Они же, увидев бесчисленное множество золота и серебра, сказали: «Это ничто, потому что лежит мертвым грузом. Войско лучше, ибо мужи добудут и больше этого». Так похвалился Езекия, царь Иудейский, перед послами царя Вавилонского, и все у него было забрано в Вавилон», — с укором заключает летопись ¹². По этим скупым фразам можно видеть, что раз-

*Болеслав Смелый.
Из польского Гербовника.
1550 г.*

*Святослав Ярославич показывает немцам свое богатство.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

*Убийство Изяслава Ярославича.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

говор действительно шел и о деньгах, и о войске. Дорожа тронем, Святослав мог дать немалый откуп за свою политическую неприкосновенность. Очевидно, угроза немецкого вторжения — не выдумка тщеславных западных историков, а реальность, нависшая над Русью задолго до битвы на Чудском озере.

17 апреля 1075 г. папа адресует особое послание к «Димитрию, королю русскому», в котором прямо предлагает обратить Русь в католическую веру. Папа Григорий пишет Изяславу: «Сын ваш, посетив город апостольский (т.е. Рим. — Авт.), пришел к нам и, желая из рук наших получить королевство (Киевскую Русь. — Авт.)... выразил должную верность... блаженному Петру, князю апостолов... Мы согласились на просьбу и обещание сына вашего... как потому, что даны с вашего согласия, так и по искренности просителя»¹³. Но заступничество папы не помогло Изяславу. И лишь кончина Святослава в 1076 г. открыла ему дорогу в Киев. Через два года он погиб в междоусобной битве со Святославичами.

Переговоры в Германии, заигрывание с католичеством и тайная измена Православию ставят Изяслава в ряд негативных фигур отечественной истории. Это подтверждается и его бесславным правлением, исполненным горечи военных и политических неудач.

Однако Церковь никогда не отвергает своих заблудших чад. Ее удел — прощать «ненавидящих и обидящих», как сказано в одной из церковных молитв. После разорения в 1069 г. обители Изяславом инокам впору было отчаяться и попытаться найти пристанище в другом месте. Но авва Антоний, благодушно перенеся гонение, вернулся с братией в свою пещеру.

Скорби, посылаемые христианину для спасения, не озлобляют, а закаляют его в творении добра и правды. Сми-

ренный старец Антоний кротко примирился с князем, ибо понимал, что лишь любовь может утешать язвы его мятушейся души.

Князь и сам осознал греховность своего поступка. Именно поэтому при обращении к нему печерской братии с ходатайством о пожертвовании земли для строительства храма он поспешил исполнить их просьбу: «Антоний... посла единаго отъ братія къ князю Изяславу, рекъ тако: княже благочестивый, Богъ умножаетъ братію, и местице мало, просим у тебе, дабы еси нам дал гору ту, иже над печерою. Князь же Изяславъ, сіа слышавъ, зело радостень бысть, и посла к ним боярина своего, дасть имъ гору ту». Кроткое обращение старца, в котором он назвал князя благочестивым, как бы напоминая о его христианских обязанностях, всколыхнуло совесть Изяслава. Его сердце исполнилось радости от того, что он может загладить свой грех. Князь безоговорочно пожертвовал монастырю господствующую гору села Берестово, существенно уменьшив тем свой загородный удел. И здесь нельзя не видеть жеста покаяния.

Боярин Иоанн, участвовавший в разорении пещеры Антония, также впоследствии раскаялся в содеянном. Он стал самым горячим почитателем обители, в которой его сын вскоре нарекся игуменом. Из гонителя иноков он превратился в их благодетеля. Патерик пишет, что однажды, видя скудость братской трапезы, «Иоанн бояринъ, Богу ему възложшу на разум... три возы брашна с хлебы и сыръ и рыбу, сочиво же и пшено, еще же и мед... посла в манастырь». Думается, что тот размах, с которым игумен Варлаам в весьма короткий срок построил наземную обитель, был следствием существенной материальной поддержки богатого боярина.

При преемнике Варлаама, преподобном Феодосии, отношения Печерского монастыря с властью обрели качественно иной уровень. Обитель вышла из узких рамок самоспасения, стала служить народу, подвизаться во имя спасения всей Руси. Своей самоотверженной деятельностью во благо ближних она стяжала столь весомый авторитет, стала настолько грандиозным явлением в жизни страны, что с ней начали считаться даже «сильные мира сего». Теперь они сами искали признания у смиренных подвижников, ибо видели всенародное почитание и всенародную к ним любовь.

Печать князя Изяслава Ярославича.

Особая роль в этом принадлежала новому энергичному игумену. Преподобного Феодосия можно по праву назвать уникальной исторической личностью — из таких, которые посылаются Богом для великих дел и свершений. Он обладал силой и обширностью ума, даром просвещенного дальновидения, мудрой прозорливостью — тем, что возвело его, инока, в ранг державного мужа. К сожалению, этими редкими качествами, которые имеют свойство преобразовать историю, наделены лишь единицы. Исихасту и аскету, Феодосию было присуще государственное мышление. Это позволило его взглядам и чаяниям обрести силу нравственного императива, занять ведущее место в идеологическом пространстве Руси. Он смог сementировать общественно-политическую идею в новый канон подлинно православного религиозно-патриотического идеала, верного евангельским принципам.

Священное Писание предостерегает: «... князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20, 25-28). Служение людям, а не властвование над ними, самопожертвование для народа, а не нажива за его счет — вот путь для «власть имущих», предначертанный Богом. И преподобный Феодосий бескомпромиссно возвещал эту истину правителям Руси.

В первую очередь это видно из его отношений с Изяславом. Скромный черноризец, он общался с властителем не просто на равных, а с высоты духовного величия, которое позволяет «святым судить мир» (1 Кор. 6, 2), обличал и наставлял князя «как власть имеющий» (Мр. 1, 22). Апостол Павел заповедал своему ученику Титу: «Ты же говори то, что сообразно с здравым учением... Во всем показывай в себе образец добрых дел, в учительстве чистоту, степенность, неповрежденность, слово здоровое, неукоризненное... Сие говори, увещевай и обличай со всякой властью» (Тит. 2, 7-8, 15). Это та духовная, чуждая мирских принципов насилия и подавления власть, которой во всемогуществе облечена Церковь Христова, ибо Сам Господь сказал: «Еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесах, и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесах» (Мф. 16, 19).

Поэтому не удивительно, что князь, которому не были чужды порывы искреннего благочестия, со смирением внимал гласу совести, общаясь с аввой Феодосием: «Наипаче же зело любляше блаженаго христоролюбивый князь Изяслав... и часто призываше его к себе, множицею и сам прихожаше к нему, и тако духовных тех от него насыщаася... медоточивых словесъ, иже исхождааху от преподобного отца нашего Феодосіа, и велику пользу приимъ от него»¹⁴.

Моральной перемене князя во многом способствовало его окружение, давно признавшее авторитет Печерской обители. Знатная верхушка Киева, да и других удельных столиц, увидела в преподобном Феодосии великого светильника и духовного вождя Руси. «Первый у князя» боярин Иоанн, царедворец Ефрем, боярский сын Варлаам, Черниговский князь Святослав, дружинник Янь Вышатич, варяжский воевода Шимон, который был в старшинстве и чести у Переяславского князя Всеволода — «старей у него»¹⁵, — эти и другие первые лица в стране стали горячими почитателями преподобного, его преданными духовными чадами. Сам Бог прославил среди людей угодника Своего, вмнявшего ни во что известность и славу. Так, повсюду распространилась весть о чуде, явленном одному из знатных княжеских сановников: «Однажды один из бояр князя Изяслава ехал ночью через поле, находящееся на расстоянии пятидесяти поприщ от монастыря преподобного Феодосия. Вдруг он увидел церковь, стоящую в воздухе под облаками. В ужасе он быстро направился к ней, желая узнать, что это за церковь. Дойдя до монастыря преподобного Феодосия, он увидел, что эта церковь спустилась и стала на месте монастыря. Тогда он вошел в монастырь и рассказал обо всем преподобному. С того времени этот боярин часто приходил к преподобному для беседы и много давал от имений своих на устройство монастыря, столь явно хранимого Богом»¹⁶.

О чуде узнал, конечно же, сам Изяслав. С тех пор его отношение к обители кардинально изменилось.

Общение с мудрым и благостным аввой стало для него важной духовной потребностью. Показателен случай нравственного урока, который получил князь при знакомстве с монастырским укладом, столь резко отличающимся от мирских норм и представлений. «Преподобный Феодосий имел обычай, — пишет Патерик, — приходивших к нему после Божественной литургии и поучения угощать в трапезе от брашна* монастырских, предлагая хлеб и сочиво**. Неоднократно вкушал эту пищу и сам князь Изяслав. Однажды во время такой трапезы он сказал преподобному: «Как ты думаешь, святой отче, что это значит? Дом мой полон всяких благ мира, но никогда я не вкушал в нем пищи с такой сладостью, как здесь, и хотя слуги мои готовят различные и многоценные брашна, но все они не так вкусны, как твои». Богодухновенный Феодосий, желая привлечь князя к любви Божией, сказал: «Если хочешь знать это, владыка, послушай: у нас, когда братья хотят варить или печь хлебы, то соблюдают следующий устав: сначала приходит служащий брат к игумену, принимает от него благословение; затем, поклонившись трижды до земли пред святым алтарем, зажигает от алтаря свечу и от этого огня разводит огонь в поварне или хлебне. Когда же хотят влить в котел воду, то при этом служащий говорит старшему: благослови, отче. Он же отвечает: Бог да благословит тебя. И так все дело совершается с благословением

* Брашно — еда.

** Сочиво — блюдо из зерен.

Киевское восстание 1068 г.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

Божиим. Оттого и брашна наши бывают столь сладки. А твои рабы, когда работают, то ссорятся и ропшут, и клеветают друг на друга, или же приставники бьют их, и так все дело их совершается с грехом. Оттого и брашна твои не бывают в сладость»¹⁷.

Но не только в нравственном нечестии обличал суетное княжеское окружение преподобный Феодосий. В то время при дворе получил распространение вирус латинства, исходивший от княгининой половины.

Гертруда имела очень сильное влияние на мужа. Об этом свидетельствует случай с Изяславовым гонением на Печерский монастырь, во время которого именно ее ходатайство спасло иноков от расправы. Несчастья, обрушившиеся на ее родственника Болеслава Храброго после изгнания им иноков из своего удела, заставили Гертруду предостеречь супруга от подобной участи. «То же слышавъ князь, убоася гнева Божіа», — замечает Патерик. Это характеризует княгиню как умную и добрую женщину. Но ее окружение, состоявшее из единоплеменников, стало проводником латинских идей. В Киеве окрепла латинская колония. Изяслав, неровный в своем поведении и легко поддающийся влиянию, был лоялен к вере супруги. Индифферентный в вопросах религии, он даже позволял себе «хвалить чужую веру». Авва Феодосий писал к князю: «Кто непрестанно хвалит и свою веру, и чужую, то оказывается такой двоеверцем, и близок он к ереси»¹⁸. Правдивость этих слов показали события 1068 г., когда народное восстание в Киеве заставило Изяслава «бежать в Ляхъ». Вооруженная помощь Болеслава Смелого, позволившая беглецу вернуть трон и подавить восстание, сделала его зависимым от Запада.

Временная оккупация Киева поляками привела к усилению западной партии. Церковь не могла молчать перед лицом опасности латинизации внутренней и внешней политики страны. Митрополит всея Руси Георгий пишет полемический трактат «Стязание с латиной»¹⁹, в котором клеймит католичество за отступление от правой веры и моральное разложение. Памфлет митрополита Георгия получил широкое хождение на Руси. Его использовал почти дословно в своих сочинениях митрополит Никифор, знал печерский игумен Феодосий, на него ссылался в переписке с Кириком Новгородцем архиепископ Нифонт.

Преподобный Феодосий, с горечью встретивший отступничество Изяслава, обратился к нему с гневным и в то же время отечески взволнованным посланием. Оно известно в исторической литературе как «Слово о вере христианской и латинской». Отчетливо осознавая, что мощное давление латинства направлено на нивелирование национальных ценностей и ослабление православного благочестия, преподобный предостерегал князя «... вере же латинской не прилучатися, ни обычая их държати... и всякого ученья их не слушати, и всего их обычая... блюстися»²⁰.

Резкие и подчас категоричные слова послания не являются излишеством полемики. Фатальный разлом в 1054 году некогда единого тела Церкви русское сознание восприняло крайне болезненно, по «схеме противопоставления Ветхого и Нового Заветов, где западное Христианство символизировало первый, а «ветхий Рим» представлял в образе пагубного... заблуждения греха, тогда как восточное, особенно русское Православие, символизировало царство света и благодати»²¹.

Печерский игумен настойчиво напоминал князю о его обязанностях перед народом и государством: «Ты, чадо, непрестанно возвышай свою веру и подвизайся в ней добрыми делами. Будь милостив не только к своим христианам, но и к чужим. Если увидишь кого-либо нагим, или голодным, или подвергшимся бедствию, будет ли то еретик или латинянин — всякого помилуй и избавь от беды, как можешь, и ты не погресишь пред Богом, Который питает и православных христиан, и неправославных, и даже язычников и о всех печется». На память приходит послание преподобного Антония Великого к императору Константину и его сыновьям, в котором египетский отшельник «внушал им... чтобы помнили о будущем Страшном суде, на котором должны будут дать отчет в том, как они пользовались властью... убеждал их быть милостивыми к людям, соблюдать правосудие, быть отцами для нищих и несчастных». Как много общего между посланиями этих двух великих подвижников!

Основу этико-политической платформы Феодосия составляла идея о том, что долг высшего лица державы — твердо защищать правоверие, стоять на страже национально-религиозных интересов «по заповеди апостольской» и «святых отцов наставлению». Преподобный Феодосий возводит власть в ранг исполнительницы воли Божией и труженицы во благо православных подданных, для которой уклонение в ересь есть тяжкий грех предательства, преступление против Бога и своего народа.

Многими исследователями отмечается крайне резкий антикатолический настрой послания Феодосия, а советские историки трактуют его как «фанатичный»²². А ведь печерский игумен прозорливо предвосхитил события духовной и политической агрессии Запада, его крестового похода против Руси, тотального наступления на весь славянский православный мир, что и произошло всего несколько столетий спустя. Не отсюда ли идут ростки унии, не отсюда ли кровавая гражданская война на Украине XVI — XVII вв., трагический раздел страны по Днепру, перманентная борьба «Руси с Русью», о чем писал Мелетий Смотрицкий, сам ставший жертвой этой братоненавистнической борьбы? Рассматривая антилатинскую позицию Феодосия Печерского с высоты прошедших веков, мы, свидетели неразрешимых проблем современности, понимаем, насколько правдив был его взгляд, какой разгром национальному самосознанию и родной самобытности принесло пленение Западом — и политическое, и духовное.

Что же касается тревоги аввы за судьбу Изяслава, выраженной в послании с таким волнением, то она была не напрасной. Действительно, Киевскому князю не пристало противопоставлять себя народу и Церкви. Этим он сам поставил себя вне общества соотечественников. Пройдет всего год после преставления печерского старца, и Изяслав в переписке с императором Германии пообещает платить чужеземцам дань, а римскому папе обратит Русь в католичество. Печально сложится судьба его сына Ярополка, посредничавшего отцу в переговорах с Западом. «Находясь вместе с отцом в изгнании, Ярополк женился на дочери Отто Орламюндского, маркграфа мейсенского, по имени Кунигунда-Ирина. Во время посольства к папе римскому он принял католическое крещение, изменив полученное в православном крещении имя Гавриил на Петр. В 1087 г. он погиб близ Звенигорода от рук наемного убийцы. Тело Ярополка было привезено в Киев и... похоронено в отцовском монастыре святого Димитрия»²³. Памятник XI в. Трирская Псалтирь (Кодекс Гертруды) оставил нам свидетельство католического крещения отпрыска Изяслава. На одной из миниатюр Псалтири Ярополк изображен с матерью Гертрудой и женой Кунигундой-Ириной у ног апостола Петра.

Не менее важной для молодого Киевского государства проблемой был вопрос преемственности власти. Нарушение принципа династического княжения приводило к междоусобице и было постоянным очагом столкновений.

Князь Ярополк Изяславич и княгиня Ирина у ног апостола Петра. Фрагмент миниатюры Трирской Псалтири.

Отношение Церкви к этой проблеме лаконично выражено словами Нестора Летописца в «Повести временных лет»: «Каждо да держит отчину свою». Печерский летописец подкрепляет этот тезис апелляцией к Священному Писанию: «Сим же и Хам и Афет* разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никому же жребий братень, и живяхо каждо в своей части». Ему вторили и другие печерские книжники. Преподобный Никон пишет в статье под 1073 г.: «Как епископы не преступают предела чужого и все сыновне подчиняются своему отцу-митрополиту, так должны действовать князья в отношении друг друга и к киевскому князю»²⁴. Преподобный Феодосий Печерский в «Поучении о казнях Божиих» предупреждает, что природные или политические катаклизмы попускаются за грехи против Божией правды. Основной мыслью Начальной летописи игумена Иоанна выступает чаяние стабильности в державе, согласия и единения князей. Иаков мних в повести о святых Борисе и Глебе сурово осуждает династическую борьбу. Пафос книжников-печерян направлен против греха ненависти и разделения.

Киево-Печерская лавра, будучи авторитетным стражем христианских начал в державе, не только одобряла удельно-династический принцип престолонаследия, но и считала его богоустановленной формой правления. Да и Русь, с ее бескрайними пространствами, разделенная княжескими уделами на региональные фрагменты, не была готова

*Сыновья библейского Ноя.

Печать Гертруды-Олисавы, жены Изяслава Ярославича.

Печать князя Ярополка Изяславича.

к другому принципу организации власти. Полицентрическая структура государства требовала соответствующего идеологического обоснования. По сути, этот конгломерат разрозненных территориально-политических единиц объединяла лишь Церковь с ее четкой структурой подчинения единому духовному главе — митрополиту Киевскому и всея Руси.

Церковь была в Древней Руси важнейшим фактором мира и христианской законности. В первую очередь потому, что осеняла своей благодатью весь уклад государственной жизни. Само вступление князей на престол освящалось благословением и молитвой предстоятелей Церкви²⁵. Все княжеские грамоты начинались словами: «По благословению отца нашего митрополита» и скреплялись митрополичьей печатью. Церковь участвовала в правовом и юридическом обустройстве общества, внося в базисные государственные законы дух Божией правды²⁶. Представители духовной власти наравне с князьями участвовали в заключении внутри- и внешнеполитических договоров²⁷.

Так, в 1096 г. при нападении на Киев половцев великий князь Святополк II и Переяславский князь Владимир Мономах объединились в коалицию для отражения врага, послав к Черниговскому князю Олегу посольство со словами: «Поиди к Киеву, да поряд положим о Русьстей земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отец наших... да быхом обороним Русьскую землю от поганых».

Церковь, имеющая незыблемый авторитет, очень часто приглашалась для дипломатического посредничества в переговорах. Князья активно привлекали духовных лиц к участию в различных посольствах. Владимир Мономах пишет Олегу Черниговскому: «...мне добро сердце створиши, пославь соль* свой или епископа, и грамоту напиши съ правдою»²⁸.

«В X-XIII ст. роль народных дипломатов исполняли иноки-паломники. Преподобный Антоний принес идею подвижничества из Святого Афона на землю Киевской Руси. Дело Антония продолжили его последователи. Среди них в первую очередь необходимо назвать преподобного Варлаама, игумена печерского. Он совершает паломничество в Иерусалим, путешествует по Палестине, распространяя известия о далекой северной земле, принявшей Христово учение. Это было время, когда в христианстве произошел большой внутренний раскол, и перед многими странами встал вопрос выбора — Рим или Царьград. Киевская Русь избрала Царьград. Преподобный Варлаам был первым посланцем в подтверждении намерений Киева продолжать сотрудничество со своим соседом.

Антоний Печерский благословляет преподобного Ефрема продолжить дело, начатое им самим и преподобным Варлаамом. Получив все необходимые полномочия, инок отправляется в путь. Его в первую очередь интересуют святые места, жизнь иноков, устройство монастырей, но Ефрем не забывает и о своей государственной миссии: он — не просто чернец-паломник, а посланец Киевской Руси в далеких краях»²⁹.

Посланцем Тмутаракани был преподобный Никон Печерский, возглавивший в 1067 г., по просьбе жителей этого причерноморского княжества, посольство в Чернигов к Святославу с целью посаждения на тмутараканский престол его сына Глеба. С дипломатическими поручениями посещал князей архиепископ Владимиро-Суздальский Симон. Активным церковным дипломатом был архиепископ Новгородский Нифонт. Преподобный Никола Святоша ездил с миссией примирения к враждовавшим Давыдовичам. Печерский игумен Феодосий II был посредником на переговорах Мономаховичей с Ольговичами. Активно участвовал в общественно-политической жизни страны архимандрит Поликарп. И во внутренней, и во внешней дипломатии Церковь способствовала укреплению мира, упрочению взаимопонимания, торжеству заповедей добра, справедливости и любви Христовой.

«Князья утверждали свои обязательства по отношению один к другому посредством договорных грамот. Чтобы придать этим грамотам всю ненарушимость, договаривающиеся... целовали крест из рук митрополита или епископов, отчего и грамоты назывались крестными (крестоцеловальными). А важнейшие государственные дела были в Киеве обсуждаемы в присутствии и при участии митрополита»³⁰.

Гарантом соблюдения соглашений являлся обет крестного целования — духовной присяги, добровольно принимаемой всеми субъектами договора. Попраение ее приводило к греху клятвопреступления и навлекало на нарушителей небесную кару, ставя их в разряд тяжких церковных преступников. Принцип крестного целования стал преградой анархическому домогательству князьями чужих владений, тем самым избавив Русь от многих кровопролитных конфликтов.

Бывали случаи, когда князья считали себя обязанными поднимать оружие ради правого дела, будучи связаны крестным договором о взаимопомощи. Но если это угрожало миру и не носило принципиального характера, Церковь склоняла их к примирению. Так было, например, в 1097 г. Переяславский князь Владимир Мономах с черниговскими

*Соль — здесь: посольство.

союзниками собрал рать на великого князя Святополка II за его участие в ослеплении князя Василька. Чтобы спасти Киев от осады и избежать кровопролития, митрополит Николай вышел к наступавшим с посольством, и Мономах «не преслуша мольбы его». В 1127 г. великого князя Мстислава, связанного присягой мщения жестокому Черниговскому князю Всеволоду Ольговичу, отговорил от сечи «собор иерейский» со словами: «Легче нарушить крестное целование, нежели пролить кровь христианскую; грех твой мы примем на себя». В 1136 г. митрополит Михаил предотвратил войну великого князя Ярополка с Ольговичами черниговскими. Миссию Церкви в этот сложный период выразил митрополит Никифор II в словах, обращенных к Киевскому князю Рюрику Ростиславичу: «Княже, мы есмь приставлены въ Русской земле отъ Бога востягивати вас отъ кровопролитья», — как пишет Ипатьевская летопись под 1195 г.

В тех случаях, когда словесного убеждения было недостаточно, архиереи употребляли для пользы Отечества духовную власть. В 1135 г. митрополит Михаил по просьбе великого князя Ярополка, узнавшего о бунте новгородцев, отправил к ним послание, в котором убеждал их прекратить смятение. На зачинщиков митрополит налагал клятву. Мера эта подействовала: новгородцы прислали в Киев юрьевского игумена Исаию и других послов с целью примирения. Эта крайняя мера употреблялась и в отношении к самим князьям, в постоянной вражде то и дело престапавшим договорные обязательства. Черниговский епископ Онуфрий в 1146 г., стремясь воспрепятствовать нарушению удельными князьями присяги, данной ими великому Киевскому князю Игорю, применил архиерейскую клятву: «Если кто нарушит это крестное целование, да будет проклят»³¹.

Действуя убеждением, словом, молитвой, а то и церковным прещением, служители Божии предотвращали брани и междоусобные нестроения, помогали сплочению русских земель, способствовали консолидации их вокруг столярного града и тем самым оберегали от раздробления великое княжество Киевское — «золотой стол» святого Владимира.

Основным ферментом духовной консолидации Руси стал Киево-Печерский монастырь. Развивая в идеологическом поле концепцию старейшинства Киева как велико-

Участие священнослужителей г. Владимира-Залеского в примирении братьев Михаила и Всеволода. Миниатюра Радзивилловской летописи.

княжеской столицы и митрополичьей кафедры, освященной проповедью и благословением апостола Андрея Первозванного и ставшей купелью крещения Руси, воплотившей в своих обителях благодатный дух Афона, воспринявшей наследие Царьграда и Иерусалима, Печерская лавра создала прочное обоснование для восприятия «матери градов русских» как центра трансцендентной значимости — удела Божией Матери на земле. Великокняжеская власть рассматривалась мыслителями-печерянами как родовая структура самодержавия Владимировичей, осененная свыше честью помазания и избранничества, что делало невозможным и преступным личное посягательство на нее, ограждало ее строгими рамками Богоустановленных законов.

Вероломное убийство Владимировых наследников Бориса и Глеба родным братом показало всей Руси, к чему может привести греховная жажда власти. И почти незамеченным прошло не менее печальное событие, когда этот закон нарушили внуки Владимира — Святослав и Всеволод, что и бросило несчастного Изяслава в объятия католиков. Хронология событий такова. После смерти Ярослава Мудрого всю власть в государстве поделили три его сына: Изяслав получил Киев и Новгород, Святослав взял Чернигов с Муромом и другими городами Северо-Восточной Руси, Всеволоду достался Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье. Два других сына Ярослава — Игорь, севший во Владимире-Волынском, и Вячеслав, получивший Смоленск, вскоре умерли, и их земли разделил между собой триумвират старших братьев. Полоцкий князь Всеслав Брючиславич вышел из вассального повиновения Ярославичам и начал с ними борьбу за Псков и Новгород.

В 1067 г. в битве на реке Немызе близ Минска Ярославичи разгромили непокорного князя. Расположившись станом в окрестностях Смоленска, победители пригласили Всеслава на переговоры, целованием креста гарантировав ему неприкосновенность. Но когда Всеслав явился в стан, его вероломно схватили, отвезли в Киев и бросили в «порубь» — темницу. Узник находился в заточении до сентября 1068 г., когда восставшие киевляне освободили его из «поруби» и провозгласили Киевским князем. Весной следующего года Изяслав с польским войском вошел в Киев, отправив перед собой карательную экспедицию во главе с сыном Мстиславом. В городе начались казни: Мстислав «перебил семьдесят человек, освободивших Всеслава из поруби, других ослепил, а иных без вины погубил...»³².

Объектом гонений стал и Печерский монастырь. Летопись сообщает: «И начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава, и Святослав, прислав, ночью забрал Антония в Чернигов»³³. Что же стало причиной княжеского гнева? Летопись об этом молчит. Скорей всего, преподобный Антоний осудил нарушение крестного целования и вероломное пленение Всеслава, что, как видим, стоило ему изгнания.

Изяслав вскоре на себе почувствовал, что такое измена. В марте 1073 г. младшие братья свергли его. Нестор Летописец пишет об этом с гневным осуждением: «Поднял ди-

авол смуту среди братьев и настала вражда между ними... Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а более всего Божию. Ибо это великий грех — преступать отцовскую заповедь. Так, впервые преступили ее сыны Хамовы, захватив землю Сифову... А потом преступил заповедь Исаака, отца своего, Исав, и был убит, ибо грешно это — преступать чужой удел»³⁴.

Святослав и Всеволод с торжеством вошли в столицу. На пир по этому случаю они пригласили преподобного Феодосия, как игумена первого по важности столичного монастыря: «...посылають же по блаженнаго отца нашего Феодосіа, бдяще того пріити к ним на обед и причаститися* неправеднем том совете. Той же бе исполненъ Святого Духа... глаголет, яко не имамъ... причаститися брашна того, исполнь суща крови и убийства».

Феодосий с целью обоснования своей позиции пишет Святославу несколько посланий, а напоследок посылает «эпистолию велику зело, обличая того и глаголя: «глась крове брата твоего вопіеть къ Богу, яко Авелева на Каина», и инех многих древних гонитель и убийць и братоненавистникъ приводя». В этом большом послании печерский игумен объясняет на библейских и исторических примерах страшную пагубность братоненавистничества, навлекающую на грешника Каиново проклятие.

Не кажется ли позиция Феодосия слишком нетерпимой, ведь Изяслав принес обители достаточно много зла, а Святослав, наоборот, укрывал у себя в Чернигове иноков от преследований старшего брата? Она проясняется, если вспомнить, что всего лишь год назад братья-соправители, а также митрополит всея Руси Георгий с архипастырями и настоятелями монастырей, среди которых был и Феодосий, совершили торжественное перенесение мощей страстотерпцев Бориса и Глеба в Вышгородскую церковь, как бы совершив тем акт покаяния перед династическим преступлением. Тогда же трое Ярославичей утвердили правовой кодекс «Русской правды» — своеобразной конституции страны. Теперь беззаконие вновь повторилось — к счастью, без крови. Однако преподобный осуждает его как братоубийство! И не только потому, что для слабой души Изяслава это стало причиной духовной смерти — обращения к католицизму. Преподобный провидел, что династическая преемственность будет попираема, что это повлечет в будущем ненасытную вражду между князьями, а закон престолонаследия уступит закону силы. Угодник Божий прозревал, что тем самым поколеблется устои государства, возникнет угроза для его существования. С риском для себя он бескомпромиссно осудил нечестивое деяние Святослава.

«И яко прочте князь эпистолию ту, разгневался зело и яко левъ рыкнувъ, и удари тою о землю. И якоже оттоле промъчесья, еже на заточеніе осужденну быти блаженному». Слух о реакции князя на послание и его решении заключить Феодосия в темницу «промъчесья» по всему Киеву. Иноки

«в велицей печали быша и моляху блаженнаго... не обличати... и боляре мнози приходяще поведаху ему, се бо, рече, на заточеніе хочет тя послати». Но это не остановило исповедника Христова: «Желаше бо зело еже заточену быти ему».

История знает много примеров, когда власть имущие бросали в тюрьмы, пытали, а то и умерщвляли иноков, осмелившихся выражать несогласие с их несправедливыми действиями. Так было, например, в период иконоборчества в Византии. Особенно яростное гонение претерпели студийские монахи, известные своей твердостью и принципиальностью в вопросах догматов и канонов Церкви. Многие из них были казнены или сосланы, стали мучениками и исповедниками. Однако заточение преподобного Феодосия вызвало бы бурю народного возмущения, и князь, «аще и вельми разгневался бе на блаженнаго, но не дръзну ни единого же зла сътворити».

Феодосий, не теряя надежды на вразумление заблудшего, применил к нему церковное прещение — благословил не поминать в обители за богослужением. Так как по завещанию Ярослава Мудрого киевский престол подобало держать Изяславу, Печерский монастырь продолжал поминать старшего Ярославича. И лишь увидев, что Святослав еще более ожесточается, преподобный, дабы окончательно не потерять его душу, «оттоле не укаряше его о том, помыслив же в себе, яко лучьши есть того мльбою молити»³⁵.

Патерик так описывает действия печерского настоятеля: «Отець же нашъ Феодосіе бе по вся дньи и по вся ноци моля Бога о христолюбци князи Изяславе, и еще же и въ ектеній веля того поминати, яко стольному тому князю и старейшу всех. Сего же (т. е. Святослава. — Авт.), яко же чрезъ законъ седшу на столе том, не веляше поминати въ своем манастыри. О сем же едва умолень бывъ от братіи, повеле и того с ним поминати, обаче** же первее христолюбца». Опасность гонений была столь реальной, что часть братии на время скрылась из обители: «Великій же Никонъ, видевъ таково смятеніе въ князех сущих, отъиде съ двема черноризцема...»³⁶.

Есть еще одна причина, по которой князь не причинил печерскому игумену зла. Он все-таки был давним почитателем преподобного Антония, своего земляка. Когда старец Антоний жил в Чернигове, Святослав помог ему создать там два монастыря и всячески поддерживал его. Печерской братии от черниговского игумена Павла было известно, что Святослав «завидяше брату своему, еже таковаго светильника имать в области своеи». Слава Печерской обители не давала покоя тщеславному черниговскому владетелю. Теперь, при вокняжении в Киеве, Святославу тем более не пристало дискредитировать себя ссорой со столь влиятельным монастырем. Князь осознавал, что духовное могущество обители гораздо выше его мирского могущества и что борьба с ней обернется для него фатальным поражением.

* Приобщиться.

** Однако.

«...Разумев благоверный князь преложение блаженнаго Феодосия еже от гнева, и утешение приимь еже от обличения того, възрадовася зело, издавна бо желаше беседовати с ним и духовных словес его насладитися», — говорит Нестор Летописец, открывая перед нами удивительную картину княжеского смирения. Очевидно, дело не в благочестии князя, а в шаткости его положения, ибо не только Церковь, но и общество негативно восприняли его незаконное восхождение на престол и попрание завешания Ярослава Мудрого.

«Князь послал к преподобному, спрашивая, позволит ли он придти к нему в монастырь, — пишет Патерик. — Преподобный благословил на то князя, и он с радостью пришел в монастырь с множеством бояр. Выйдя из церкви с братией, Феодосий, по обычаю, встретил князя, поклонившись... Тот же, поцеловав преподобного, сказал ему: «Вот, отче, я не дерзнул придти к тебе, думая, что, гневаясь на меня, непустишь в свой монастырь». Преподобный же отвечал: «Что значит гнев наш против тебя, державный князь? Но нам подобает обличать и говорить во спасение души, а вам должно того слушаться». Затем они вошли в церковь и, сотворив молитвы, начали беседовать. Преподобный много поучал князя от Божественных Писаний о любви братней, хотя тот слагал всю вину на брата и не хотел с ним помириться. После долгой беседы князь возвратился домой, славя Бога за то, что Он сподобил его беседовать с таким мужем. С этого времени князь часто приходил к преподобному... Неоднократно и сам Феодосий ходил к князю Святославу, напоминая ему о страхе Божиим и любви к брату... Всякий раз, когда возвещали князю о прибытии святого, он выходил навстречу и с великой радостью вводил преподобного в дом свой. Радуюсь однажды прибытию Феодосия, князь сказал: «Отче! поистине говорю тебе, я не так бы радовался воскресению из гроба отца моего, как радуюсь ныне твоему приходу; не так бы убоялся его, как боюсь твоей преподобной души». Феодосий сказал ему на это: «Если ты боишься меня, исполни волю мою: возврати престол брату твоему, который он унаследовал от благоверного отца твоего». Князь промолчал... не зная, что отвечать»³⁷.

Так Патерик описывает примирительную встречу игумена с князем, заставляющую читателя немало удивляться и думать со скептицизмом, нет ли здесь преувеличения. Ведь «власть имеющий» в этой встрече — не правитель, а черноризец: он благословляет, он прощает и отпускает Святославу его грех, причем тот боится блаженного, просит принять в своем монастыре, приводит с собой весь боярский синклит. Преподобный с ним прям, почти резок, хоть и почтителен.

Для секулярного историка здесь — явный повод к изобличению древнерусского духовенства в поползновении на «область кесарева». Ведь именно искушение властью стало тем камнем преткновения, о который споткнулось католичество, отдав папам чуждые природе Церкви функции кесаря.

Но исторические факты свидетельствуют об обратном. Авторитетный историк Е. Голубинский пишет о произволе князей и ущемлении ими прав Церкви: «Князья... вопреки правилам каноническим присвоили себе право избрания кандидатов в епископы. Равным образом не совсем каноническим представляется их поведение и по отношению к епископам. Епископ может быть удален с кафедры только после суда церковного, но князья наши позволяли себе изгонять епископов не только без всякого суда, но даже и вопреки суду церковному... В 1156 г. Андрей Боголюбский хотел удалить с кафедры епископа Ростовского Нестора и послал его на суд к митрополиту; последним после соборного и тщательного суда епископ был оправдан. Несмотря на это, Боголюбский не захотел принять его и поставил на его место другого. Этого преемника Нестора, по имени Леона, тот же Боголюбский самовольно и без всякого суда прогонял от себя трижды... В 1168 г. черниговский князь Святослав самовольно прогнал от себя епископа Антония. Имеем мы один... случай суда над епископом, произведенного собором князей в 1229 г. ...Суд этот замечателен тем, что епископ был осужден князьями как простой мирянин, совершенно помимо и без всякого участия церковной власти»³⁸. Напомним, что жертвой княжеской расправы в 1229 г. был епископ-печерянин Кирилл.

То же касается и удельных монастырей. Часто власти обращались с их игуменами, как со своими холопами. Известны случаи тюремного заключения настоятелей монастырей. Святополк II сослал в далекий Туров и бросил там в темницу печерского игумена Иоанна, обличавшего его преступления. В 1168 г. Мстиславом Киевским, по решению церковного суда, был заточен печерский архимандрит Поликарп.

Характерно высказывание в этой связи Черниговского князя Олега, который на просьбу Владимира Мономаха присягнуть «пред епископы и пред игумены и пред мужи отец наших...» высокомерно ответил: «Не пристало судить меня епископам и игуменам и смердам»³⁹. В устах одного из высших лиц светской власти иерархи и настоятели обителей были презрительно приравнены к холопскому словию смердов!

Так что предупредительность Святослава во время встречи с преподобным Феодосием, скорее всего, объясняется его желанием заручиться поддержкой Церкви. Вместе с тем Патерик оставил свидетельства искреннего усердия Святослава к Печерской обители. Когда происходила закладка Свято-Успенского храма, князь «своими руками начал копати». Житие преподобного Антония говорит, что князь помогал ему в измерении меры храма поясом Шимона: «Христолюбивый князь Святославъ вдав же 100 гривень злата въ помощь блаженному и меру положыше златым поясом по оному гласу, еже от небесъ слышанный... Въ житии бо святого Антонія сего пространнее обрящеши»⁴⁰.

Преподобный Антоний тепло относился к Святославу. Вполне вероятно, что старец Антоний был духовником князя еще с черниговских времен, когда укрывался в его

уделе от гонений Изяслава. Может быть, именно он способствовал примирению между князем и игуменом Феодосием.

Приняв горячее участие в строительстве Великой Печерской церкви, князь сделал важный шаг в своей реабилитации и с тех пор заслужил почетное звание «ктитора святых обители сея», ее покровителя и преданного сына. Он с благоговением посещал Печерскую обитель. Преподобный Феодосий также посещал князя в его дворце, о чем пишет его житие. Очевидно, князь советовался с мудрым печерским настоятелем о государственных делах, внимал его нравственным наставлениям.

«Однажды пришел преподобный к Святославу и, войдя в палаты князя, увидел тут веселье. В присутствии князя гуслиры шумно играли, потешая гостей. Преподобный сел на почетном месте и, видя шумное веселье, поник головою. Наклонившись немного к князю, он тихо и кротко заметил: «Будет ли это в оный век грядущий?» Князь был тронут, прослезился и велел прекратить игру. С этого времени князь никогда не допускал шума и веселой гуслирной игры, когда к нему приходил преподобный Феодосий»⁴¹.

Этот случай говорит не об отвержении аввой радостей жизни, а о пробуждении им в душе князя укоров совести, покаяния, о напоминании неизбежного воздаяния на Божием суде. В Евангелии есть такие слова: «Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6, 25). Пропасть социального неравенства, позволяющая одним «пиршествовать блистательно» (Лк. 16, 20), а других обрекающая на голодную нищету и бесправие, делила людей на разные касты, нарушала единство богосозданной общности всечеловеческого братства. Печерские черноризцы относили себя, безусловно, к последним, хоть и происходили из разных сословий — княжеского, как Никола Святоша, купеческого, как Исаакий Торопчанин, чиновничьего, как сам Феодосий, и других. Каждый из них в постриге принимал обеты добровольной нищеты и нестяжания. Игумен Феодосий, например, являлся одним из самых высоких по сану и значимости лиц в тогдашнем обществе, однако он свято исполнял данный пред Богом обет Христоподрожательного смирения и нищеты. Худость его одеяния, как пишет Патерик, многих заставляла принимать его за «единого от убогих служебник манастирьских», из-за чего «многажды укоризны... тому примати». В таком малопонятном для окружающих поведении можно увидеть признаки одного из величайших христианских подвигов — юродства. Они налицо: «Мнози же того от несмысленных укаряху, тойже сїа съ радостію вся примаше. Се бо яко от ученик своих многажды... досаждєніа примати... еще же и о худости ризней* мнози от невеличєс усмехающеся тому и ругахуся, он же о томъ не поскорбе, но бе радуся о поруганіи своем и о укоризне, и вельми веселяся, Бога о том прославляше». Юродство призвано скрыть под личиной мнимого безумия высоту праведности, мудрости и Богопросвещенности подвижника, озаренного благодатной силой Духа

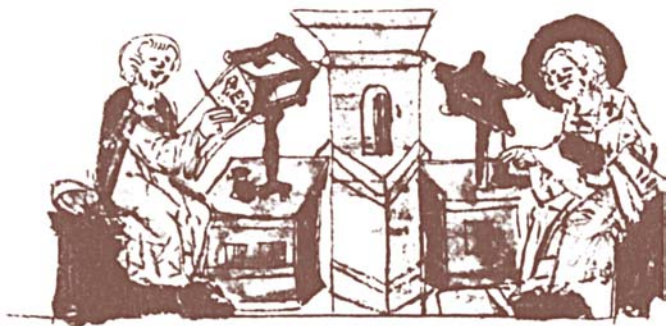
* О бедности одеяния.

Святого. Однако даже внешняя убогость не могла скрыть величия угодника Божия: «Многажды бо сего блаженнаго князи и боляре и епискупи хотєша искусити, осилиюще словєсы, но не възмогєша, яко о камень приразишєся отскакаху, огражден бо бе верою и надеждою к Господу нашему Иисусу Христу и в себе обитель Святаго Духа сътвори»⁴².

Он был не одинок в этом подвиге. Преподобный Исаакий одевался в дырявые лапти, так что его ноги примерзали к каменному полу, и носил козью свиту, изнуряя свое тело. Никола Святоша старался уподобляться нищим, «яко... рабъ». Пример в нестяжании подавал авва Антоний. Печерские черноризцы были далеки от политики, но сама их жизнь являлась ярким социальным ориентиром для общества, жестко разграниченного кастовыми перегородками. Не в этом ли выражался их своеобразный социальный протест против трагедии неравенства?

Что касается взаимоотношений Святослава и игумена Феодосия, то искренность своего сыновнего почтения и преданности князь засвидетельствовал присутствием при смертном одре преподобного. Отходя в мир иной, блаженный Феодосий вручил князю попечение о своей обители, заповедал оградить ее статусом «княжеской ставропигии», налагающим на правителя особую ответственность за благосостояние монастыря, защиту его от посягательств внешних и внутренних врагов, государственное попечение о нем. Не потому ли с тех пор великие князья, а затем гетманы, цари, императоры считали своим долгом ктиторовствовать над Киево-Печерской лаврой, охранять ее, строить, благоуукрашать, с достоинством нося звание «ктиторов святых обители сия»?

Факт великокняжеского ктиторовства подтверждается тем обстоятельством, что сама канонизация преподобного Феодосия была подготовлена не митрополичьим, а государевым двором. «В лето 6616 Феоктисть игумень нача понужати благовернаго великаго князя Святополка съ мольбою, да поминають имя святаго и преподобнаго отца нашего Феодосіа, игумена печерьскаго, в Синонике, Богу тако изволившу». Примечателен сам факт обращения настоятеля не к митрополиту, а к князю. Как известно, митрополиты-греки сдержанно относились к вопросу канонизации местночтимых на Руси святых. Например, митрополит Георгий, согласно Несторову «Чтению о Борисе и Глебе», активно сопротивлялся признанию убиенных князей святыми, хотя и участвовал в 1072 г. в перенесении их мощей. Надолго затянулся процесс канонизации равноапостольного князя Владимира. Вероятно, чтобы обезопасить дело от проволочек и заручиться поддержкой княжеской власти, игумену Феоктисту и пришлось обратиться к Святополку «съ мольбою». Однако князь тоже не сразу дал санкцию на прославление преподобного Феодосия: «Святополк же... обещался сътворити, съведѣй... житіє его». Народ давно чтит блаженного как великого угодника Божия, многие были свидетелями чудес от его мощей, слава о подвигах и чудотворениях его расходилась повсюду. Но князю

Преподобного Феодосия вписывают в синодик.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

этого было мало. Он приказал провести бюрократическую процедуру сбора сведений о житии Феодосия. Впрочем, это послужило ко благу и явилось стимулом для написания агиографического труда в его честь. И лишь после этого «митрополить повеле всемъ епископомъ вписати имя свягаго Феодосіа в синодикъ. Все же епископи съ радостію выписаша имя свягаго преподобнаго отца нашего Феодосіа, и поминають его на всехъ съборехъ и доньне»⁴³.

Личность князя Святополка сложна и противоречива. Над ним как бы довлел фатум бесталанного Изяслава, младшим сыном которого он являлся. Изяславов брат Всеволод, занявший после его смерти Киевский престол, умер в 1093 г., и княжество унаследовал Михаил — так в крещении звали Святополка. Начало его правления омрачилось неудачной битвой с половцами на р. Стугне. Не прошло и нескольких лет после его вокняжения, как всю Русь поразило неслыханное злодейство: пригласив к себе Теребовльского князя Василька, Святополк, по наущению Волынского князя Давида Игоревича, претендовавшего на владения северного соседа, приказал вероломно пленить его и ослепить. Самое печальное в том, что преступление это было совершено после Любечского съезда князей, утвердившего «вотчинный» порядок престолонаследия и ограничившего удельные притязания рамками закона, скрепленного присягой крестного целования.

Летопись пишет о Святополке, что он «был весьма сребролюбивым и скупым, так что евреям много вольностей супротив христиан дал и посему многие христиане торгова и ремесел лишились... От князей терпел презрение... и если бы Владимир (Мономах. — Авт.) его не охранял, Святополк давно изгнали бы его из Киева»⁴⁴. Известно, что Святополк разрешил еврейским купцам из Регенсбурга заниматься в Киеве ростовщичеством и сам в тяжелые времена устроил спекуляцию солью и хлебом»⁴⁵.

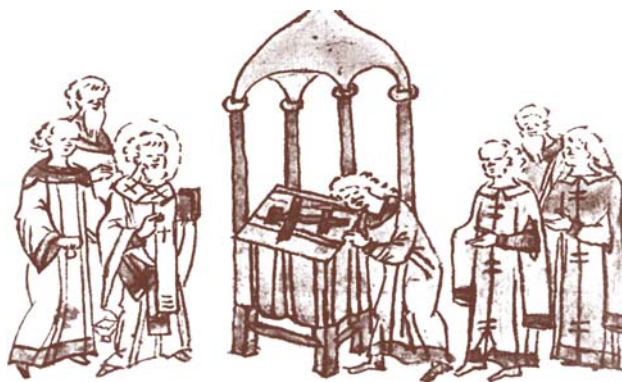
Печерский монастырь имеет к вышеперечисленным событиям прямое отношение. Патерик рассказывает: «Много насилия людемъ сътвори Святополкъ, дома бо сильных до основанія без вины искоренивъ и имениа многымъ отъем. Сего ради попусти Господь поганымъ... и быша брани многы от половецъ, к сим же и усобица бысть в та времена, глад крепокъ, и скудость веліа... Бысть же въ дни тьи прииде некий человекъ от Смоленска къ игумену Иоанну,

хотя быти мних, его же и постригъ, Прохора того именоваша». Подвижничество Прохора было столь велико, что он, как свидетельствует Патерик, добровольно взял на себя обет не вкушать обыкновенной пищи и употреблять вместо нее лебеду. Следует сказать, что в православной аскезе это не новшество. Случаи подобных подвигов описывает Иоанн Мосх и другие древние агиографы.

При Святополке половецкие орды безнаказанно грабили не только окраинные города Руси, но и саму столицу. И это несмотря на брак Святополка с половецкой княжной, дочерью хана Тугоркана. В начале лета 1096 г. тесть Святополка напал на Переяславль, но с помощью Владимира Всеволодовича Мономаха русичи отразили набег. Тугоркан был убит, «и взял его Святополк яко тестя своего и яко врага. И привез его к Киеву, и погребли его в Берестове, в могиле на перекрестье дорог, идущих на Берестово и в Печерский монастырь», — сообщает летопись.

На следующий день, 20 июня, соплеменник убитого, хан Боняк напал на Киево-Печерский монастырь и разграбил его. «И в 20 день того же месяца, в пяток*, в час 1 дня, подошел к Киеву во второй раз Боняк безбожный, шелудивый, как хищник, тайно и внезапно, и едва в сам город не ворвались половцы. И зажгли села в окрестностях города, и бросились на монастыри, и сожгли монастырь Стефанов и деревянный Германов», — пишет преподобный Нестор. Кловский и Берестовский монастыри («Стефанеч» и «Германеч») были основаны печерянами и находились почти рядом с лаврой. Но главной добычей для половцев была богатая Печерская обитель. Послушаем летописца:

«И придоша на манастырь Печерський, нам сущим по келиям почивающим по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два пред враты манастырьскими, нам же бежащим задъмь манастыря, а другимъ възбегшем на полати», — рассказывает очевидец. Стяги, водруженные «пред враты», означали воинскую победу над захваченным объектом. Иноки искали спасения на монастырских задворках, часть заперлась на церковных хорах. Среди последних, вероятно, был и Нестор, который видел, как «безбожнии сынове Измаилеви... възгоша Дом Святыя Владычице нашея Богородице, и придоша к църкви, и зажь-

Принесение крестоцеловальной клятвы.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

* В пятницу.

*Половцы везут пленных киевлян.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

гоша двери, яже к югу устроеныя, и вторыя, яже к северу, и вылезше в притвор у гроба Феодосиева, емлюще иконы, зажигаху, и укаряху... Закон наш. ...И ина словеса хульная глаголаху на святыя иконы, насмехающеся...». Крепко запертые монастырские врата не смогли сдержать натиск алчных захватчиков, которые «высекоша врата манастырю, и поидоша по келиям, высекающе двери, и изношаху, аще что обретаху в келии». Густинская летопись дополняет этот исполненный драматизма рассказ из «Повести временных лет» другими подробностями: «Убиша же тогда неколико от братий, Евстратия же блаженнаго и Никона, глаголемаго Сухаго, такожде и от работник монастырских много емше, связаша и во свою землю поведоша».

В том же трудном для обители году Олег «Гориславич», несколько раз приводивший на Русь половцев, сжег Суздаль, и лишь чудом не сгорел «двор монастырский Печерского монастыря и церковь, которая в нем, в честь святого Димитрия Солунского, которую с селами дал митрополит Киевский Ефрем монастырю»⁴⁶.

Между тем после ослепления Василька в 1097 г. наступила двухлетняя эпоха смятений и междоусобиц, охватившая почти всю Русь, особенно юго-западную ее часть. Военные действия отрезали возможность доставки соли из Галича и Перемышля. Патерик пишет: «Егда Святополкъ съ Давыдомъ рать зачастую за Василькову слепоту, еже ослепи Святополкъ... и не бысть соли въ всеи Руской земли», тогда разразилась смута — «неуправленія быша, к сему же и грабленія незаконна, якоже и пророкъ рече: снедающе люди своа въ место хлеба, Господа не призваша (Пс. 52, 5). И бе видети тогда люди в велицей печали и изнемогих от глада и от рати, не имяху бо ни пшеницы, ниже соли». Голод тогда коснулся не только киевлян, но и печерской братии. В монастыре, как пишет жизнеописатель Прохора, появились случаи кражи хлеба, что говорит о его крайней скудости и бедности.

К бедам обители прибавилось еще и заточение игумена Иоанна в темницу. Он обличал князя «несытьства ради, богатства и насилія. Его же... Святополкъ в Туровъ заточи». Столь дальняя — в Минские пределы — ссылка печерского настоятеля объясняется, вероятно, стремлением нечестивого князя избавиться от резонанса, ибо он не мог не помнить, к чему привел аналогичный случай с препо-

добным Антонием. Но история повторилась — услышав об осуждении печерского настоятеля, черниговский сосед Святополка Владимир Мономах, грозный соправитель Руси, потребовал его немедленного освобождения: «Его же убоався Святополкъ встаніа на ся, скоро възврати съ честю игумена в Печерський манастырь».

Правление Святополка было особенно несчастливym для Печерского монастыря. Его сын Мстислав, недалеко ушедший от отца своим безграничным сребролюбием, совершил набег на обитель и, схватив черноризца Феодора, пытался истязаниями добиться от него сведений о варяжском кладе, зарытом в Феодоровой пещере. Само описание этих пыток леденит кровь: «Князь приказал мучить блаженного многими ранами, так что вся власница его пропиталась кровью... повесить Феодора в дыму великом и привязать его назад, а под ногами его зажечь огонь...» Затем был схвачен преподобный Василий, которого князь приказал также «мучить без милости». Обличаемый святыми страстотерпцами, Мстислав «разъярился еще более и, будучи опьяненным от вина, схватил стрелу и уязвил ею блаженного Василия. Василий же, вынув стрелу из тела своего, бросил ее к ногам князя, говоря: «Стрелою этой в скором времени ты сам уязвлен будешь...» Князь повелел преподобных, оставшихся чуть живыми от мук лютых, заключить особо в темницу, чтобы утром мучить их снова. И в эту ночь уснули преподобные честною смертию пред Господом»⁴⁷. Великого князя в то время не было в столице: «Бяше Святополкъ в Турове». Как известно, печерский игумен Иоанн был заключен в Турове — дальнем северном родовом уделе Святополка. Убийство преподобномучеников произошло около 1097 г. — тогда, когда, предположительно, и был брошен в темницу печерский настоятель. Обитель была обезглавлена, и некому было заступиться за страждущих иноков.

Да и разве это остановило бы сановных преступников? В монастыре еще была свежа память о злодеянии родственника Святополка князя Ростислава — убийении им преподобного Григория Чудотворца, которого он приказал утопить, связав руки и ноги и повесив камень на шею. Это случилось в самом начале Святополкового правления, ставшего поистине черным периодом для обители. Бесправные черноризцы не могли даже и думать о жалобе на убийц или судебной тяжбе с ними. Стоило игумену Иоанну возвысить голос в обличение беззакония, как княжеское «правосудие» сделало его самого осужденным. Верховная власть в Древней Руси была почти неподсудной, и поэтому многие князья привыкли безнаказанно попирали закон.

Однако Сам Господь совершил праведное мщение — в битве на р.Стугне в 1093 г. Ростислав бесславно утонул при паническом бегстве войск Святополка от половецких орд. Эта военная неудача была прямым следствием тяжкого греха, совершенного правящей верхушкой. Что касается Мстислава, то Густинская летопись так рассказывает о постигшей его Божией каре: «Святополкъ же посадил во Владимире (Волынском. — Авт.) сына своего Мстислава, кото-

рый недавно замучил за клад Василия и Феодора... Давид же Игоревич обступил град и, часто идя на приступ, хотел его взять, но оборона города была очень сильной. В той же битве застрелен был Мстислав Святополкович стрелой под сердце на забралах, где тут же и умер, по пророчеству преподобномученика Василия Печерского, которого вместе с Феодором за клад убил этот Мстислав...»⁴⁸. Сама смерть Мстислава говорит о неотступности Божиего наказания — ведь он находился под надежной защитой крепостной стены. «Осажденные стояли на стенах за досками, — пишет историк Н.И.Костомаров, — таков был тогдашний способ войны. В одну из перестрелок стрела сквозь скважину доски поразила насмерть Мстислава»⁴⁹. Причем точно нашла его сердце, греховность которого сама вынесла несчастному приговор!

Во время соляной блокады над Печерской обителью вновь возникла угроза княжеской расправы, ибо преподобный Прохор в голодные дни начал безвозмездно кормить нуждающихся хлебом из лебеды и щедро раздавать соль, в которую чудесным образом превращался собранный им пепел. На торгу цены на соль резко упали. Спекулянты солью, поддерживаемые алчным Святополком, начали роптать на Печерский монастырь, ибо видели «торжище упраздняемо, манастырь же полнь приходящих на приатіе соли». Князь задумал неслыханное — облаву на обитель и конфискацию всех ее запасов. «Вась ради пограблю, — говорит он купцам. — Посылаеть же, да възмут соль всю...» Это ли не подтверждение греховности лишенной моральных устоев власти, пусть и называющей себя властью христианской?! И опять Сам Бог защитил рабов Своих, ибо князь был перед всеми посрамлен — вместо соли «обретеса пепель в устех его». Толпы бедняков, приходивших к Прохору и узнававших о «погребленіи старца... проклинающе сотворшаго сіе»⁵⁰.

События «соляного бунта» испугали и пристыдили Святополка: «Ужасеса сътворивый насиліе... и устыдесе о сотвореннем, и шедъ въ манастырь къ игумену Иоанну, покася». Угроза народного бунта заставила князя вспомнить 1068 год. Трон его зашатался. Он понял, что тактика силы и репрессий в применении к обители безнадежно ошибочна и, более того, грозит народным гневом и Божией карой. Как Святослав перед аввой Феодосием, он стал заискивать перед преемником игумена Иоанна, Феоктистом, и искать с ним примирения. С тех пор, пишет летопись, «обычай взял Святополк: собираясь на войну или в другое место, никогда не шел, не поклонившись гробу Феодосия и не испросив молитв у игумена Феоктиста». В 1107 г. русские князья объединились в коалицию и разгромили по-

ловцев на р. Суле. Это было в августе, накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы. «Святополк же пришел к Печерскому монастырю на заутреню в день Успения Святой Богородицы и братию целовал и с радостью великой говорил, что побеждены были враги по молитвам Святой Богородицы и святого отца нашего Феодосия»⁵¹.

Густинская летопись пишет, что именно преподобный Прохор своим предстательством содействовал успеху его оружия⁵². Ей вторит Патерик. Чудо, сотворенное святым Прохором, полностью переменяло отношение властителя к монастырю: «Сего ради чудеси великую любовь нача имети къ Святей Богородици и къ святым отцемъ Антонію и Феодосію, черноризца же Прохора оттоле вельми чтыше и блажаше». Здесь — явный пример воспитательного значения Церкви и ее благого влияния на души самых закоренелых грешников, ибо Святополк, как евангельский Закхей, «дасть слово Богуи ктому не сътворити насиліа никому же».

Феоктист, желая залечить раны униженной и оскорбленной обители, смог использовать покаянный порыв князя во благо. Он добился присвоения ей статуса архимандрии, став первым на Руси настоятелем в архимандрическом сане. Это имело чрезвычайно важные последствия. Статус монастыря намного упрочился. Более того, это дало ему право официально именоваться первым по диптиху в Киевской митрополии. С тех пор княжеская власть больше не смела открыто попираť его права и применять к нему репрессии. Закончилась трагическая эпоха убийств, грабежей и лихоимства со стороны власти имущих. И в этом — огромная заслуга богомудрого настоятеля!

Однако его зоркий взгляд простирался далее. Он понял, что заступничество народа, почитание им монастыря стали главной силой, заставившей князя смириться. Чувствуя за собой всенародную поддержку, Феоктист начал упорно добиваться канонизации преподобного Феодосия. В 1108 г. «вложил Бог в сердце архимандриту, игумену печерскому Феоктисту доброе намерение: стал побуждать Святополка-князя вписать Феодосия в синодик», — гласит летопись. И его усилия увенчались успехом. Святополк согласился с поминанием блаженного Феодосия не только как местночтимого, но и как общерусского святого, наряду с канонизованными к тому времени князьями-мучениками Борисом и Глебом и княгиней Ольгой. Печерская обитель, да и вся Церковь обрели «сокровище некрадомо от Господа, помощника велика Богоблаженнаго и заступника тепла», как гласит канон святому на великой вечерне⁵³.

Энергичный архимандрит развернул кипучую деятельность по обновлению и благоуукрашению монастыря. Его авторитет был столь высок, что к нему потянулись многие именитые сановники. Он сумел сплотить вокруг монастыря не только духовную, но и политическую элиту страны.

При нем пришел в обитель воевода Янь Вышатиц, девяностолетним старцем еще сражавшийся с половцами и увенчанный славой грозного и победоносного ратника. «Живя по закону Божию, он был не хуже первых правед-

Печать князя Святополка-Михаила Изяславича.

ников. От него же я, — пишет Нестор Летописец, — слышал много рассказов, которые и вписал в летопись. Ибо он был муж благой, и кроткий, и смиренный, избегавший всякого злого дела. Его же гроб есть в Печерском монастыре, в притворе, где и лежит тело его»⁵⁴.

Черниговский князь Святоша под влиянием Феоктиста отрекся от своего состояния и принял, по его благословию, иноческий постриг. На средства, пожертвованные князем, настоятель возвел надвратную церковь, обнес монастырь мощной крепостной стеной, построил больницу. Монастырские владения расширились за счет богатых угодьями сел князя Навоз и Пакуль. Повысилась земледельческая культура обители, которая за счет собственного рачительного хозяйствования содержала не только братию, но и больницу со Стефановым двором, кормила многочисленных нищих и нуждающихся, что видно из жития преподобного Прохора. Так, из своих запасов монастырь смог обеспечить пропитанием во время соляной блокады и голода всю киевскую бедноту.

Преподобный Феодор Студит писал в своем завещании: «Не собирай в обители своей золота, но весь избыток от чего бы то ни было раздавай нуждающимся, для которых двери твои должны быть отверсты, по примеру святых отцов»⁵⁵. В Печерской обители эта заповедь свято соблюдалась. Господь вознаграждал монастырь умножением урожая и «изобилием плодов земных». Патерик свидетельствует: «Умножися всех благих, и еще же в селах тех обильно бысть и в животных приплод». Историк С.В.Бахрушин считал, что многие овощи были завезены братией из Византии⁵⁶. Патерик пишет об особом штате из «тиунов, приставников и слуг», трудившихся на многочисленных монастырских подворьях, разбросанных по различным княжествам Руси. Так, князь Ярополк Изяславич, умерший в 1086 г., завещал все свое имение — «всю жизнь свою» с многими волостями и селами Печерскому монастырю, а его владения были расположены в минских, луцких и других западных пределах. Святитель Ефрем передал обители подворье в Суздале «с селье». Как известно, этот архиерей-печерянин основал в Суздальской земле несколько богоугодных заведений, существовавших, вероятно, за счет подворья. Грамота Андрея Боголюбского указывает на владение лаврой северскими и черниговскими монастырями, селами в окрестностях Киева «со всеми гражданы и их пошлинами, со всеми людьми поселными и со селами и селищами, полями и пашнями, сь пасеками, сеножатями, дубравами, борти и лесами, речками и озерами и прудами, со десятинами, со всякой пашни в годь, и... оть пчоль, говяд всякихх...»⁵⁷.

Это позволяет рассматривать Печерскую лавру не только как передовую земледельческую коммуну, но и сложный разветвленный социально-хозяйственный комплекс, ориентированный на оказание благотворительной помощи нуждающимся. А этой помощью лавра занималась исто-во и высокопрофессионально.

В 1108 г. архимандрит Феоктист построил большую трапезу. Это вроде бы обыденное обстоятельство зафик-

сировала государственная летопись, что позволяет высказать предположение не только о внутримонастырском ее назначении, но и об организации в ней питания для всего обездоленного населения. Сам характер здания подтверждает это. Оно было каменным, внушительным по архитектурному решению и размерам, ибо собственных средств монастыря на его возведение не хватило, хотя казна и не была пуста — при Феоктисте обитель достигла пика своего богатства. Пришлось привлечь к строительству преданного прихожанина монастыря, Полоцко-Минского князя Глеба Всеславича, сына Полоцкого князя Всеслава, того самого, за которого с таким риском для себя заступился преподобный Антоний Печерский во время смуты 1068 г. Глеб Всеславич пожертвовал обители шестьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота — колоссальные по тем временам деньги. После его кончины княгиня Анастасия внесла на поминание сто гривен серебра и пятьдесят гривен золота — почти все свое состояние.

Анастасия была дочерью Ярополка Изяславича. Убийство отца она восприняла как Божие наказание. Очевидно, в ней жило чувство острой вины за его измену Православной вере. Полная горьких потерь жизнь и ужасная смерть не закончили мытарств Ярополка. Его род оборвался на бездетной дочери. Церковь святого Димитрия, заложенная Изяславом и принявшая прах Ярополка, так и не была закончена. Анастасия переименовала ее в честь святого Петра, имя которого носил Ярополк, и в 1128 г. передала Печерской обители. Прилежание скорбящей вдовы к монастырю и преподобному Феодосию было безграничным.

Все состояние Изяславичей, наследницей которого она стала после кончины в 1127 г. Михаила, последнего из сыновей князя Святополка, она завещала Печерскому монастырю: «...все добро свое, Небльскую волость, и Деревскую, и Лучскую и владения возле Киева...»⁵⁸. Благодаря Анастасии обитель получила угодья далеко за пределами Центральной Руси, на окраинах государства. Сорок лет вдовства сделали из княгини отшельницу. Она всей душой отдалась аскетическим идеалам. Умерла Анастасия в 1158 г. на 84-м году жизни. За свое усердие к святым она удостоилась погребения в Свято-Успенской церкви рядом с мужем, «в головах у святого Феодосия».

Вот так история рассудила спор Изяславичей с Печерской обителью. Победил монастырь, ибо не в силе Бог, а

Убийство Ярополка Изяславича.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

Печать князя Владимира Мономаха.

в правде. Отступничество Изяслава наложило фатальный отпечаток на весь его род. И хотя один из его сыновей — Святополк все-таки получил отцовский престол, но правление его было бесславным и бесплодным.

Ни победные походы в половецкую степь, ни примирение с Печерским монастырем, ни смягчение внутренней политики не смогли реабилитировать Святополка в глазах народа. Князю так и не удалось добиться любви подданных. Смерть его 16 апреля 1113 г. вызвала стихийный бунт в Киеве. Восставшие разгромили двор княжеского любимца тысяцкого Путяты, разграбили дома ростовщиков⁵⁹. Род Святополка также пресекся. В конечном итоге великокняжеский престол достался Всеволодовичам.

Вокняжение и счастливое правление внука Ярослава Мудрого, князя Владимира Всеволодовича Мономаха вернуло государственной власти тот авторитет чести, доблести и нравственности, которым наполнили ее содержание благоверные князья Владимир Великий и Ярослав Мудрый.

Владимир Мономах мощной и властной политической волей, умноженной талантом непобедимого полководца, мудрого государственника и сурового, но справедливого правителя, смог реставрировать институт великокняжеского самодержавия на Руси, основанный Владимиром и упроченный Ярославом, объединил князей, погасил междоусобные свары, укрепил державные границы, заставил считаться с Русью все окрестные страны. Усвоение им регалий своего деда по материнской линии, греческого императора Константина IX Мономаха, возвысило политическую генеалогию Рюриковичей, придав ей черты царственного избранничества, ибо приобщение к могучему древу византийского императорского дома позволило киевским государям вести свое преемство от самого Константина Великого. Еще митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати» подчеркивал общность судеб равноапостольных императора Константина и князя Владимира Великого. Теперь духовное родство перешло в генеалогическое. Византийский орел украсился державными регалиями Руси. Но не только ратными и государственными подвигами прославился Владимир Мономах. Это был человек высокого интеллекта, унаследовавший от отца, князя Всеволода, знавшего пять иностранных языков, любовь к просвещению и культуре. Он написал «Поучение» к детям, в котором, называя себя «ничтожным» наследником «благословенного» и «славного» Ярослава Мудрого, заповедал блюсти идеалы христианского правления, строить здание власти на фундаменте Божиих заповедей и нравственного очищения, граничащего с самоотречением и самопожертвованием во имя служения народу и Господу.

«Поистине, дети мои, — взывает князь, — поймите, как человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам причинит зло, то мы поскорее хотим его проглотить и кровь его пролить. А Господь наш, владея жизнью и смертью, безмерные согрешения наши терпит в течение всей жизни нашей. Как отец, дитя свое любящий, бьет и опять привлекает его к себе, так и Господь наш показал нам, как побеждать врагов, как тремя добрыми делами избавляться от них... — покаяться, слезами и милостынею...

И Бога ради, не ленитесь, умоляю вас, не забывайте трех дел этих, ибо не трудны они: это не затворничество, не монашество, не пост, которые иные добродетельные подвижники претерпевают, но малыми делами можно получить милость Божию... Если вам Бог смягчит сердце, слезы свои пролейте о грехах своих, говоря: как блудницу и разбойника и мытаря Ты помиловал, так и нас грешных помилуй... Всего же больше убогих не забывайте, но сколько можете, по силе кормите и подавайте милостыню сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не приказывайте убить его... Не губите ни единой христианской души. Если же будете крест целовать братии, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том целуйте, а поцеловав крест, блюдите, как бы, преступив, не погубить души своей. От епископов, священников и игуменов... с любовью принимайте благословение и не сторонитесь их, и по силе любите и пекитесь о них, чтобы получить от них молитву... Более всего гордости не имейте в сердце и уме... Старого чтите, как отца, а молодых, как братьев... Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни шли походом по своим землям, не давайте слугам, ни своим, ни чужим, причинять вреда ни жилищам, ни посевам, чтобы не стали вас проклинать. Куда пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего и странника. И более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его дарами — то пищей и питьем: ибо они по пути прославят человека или добрым, или злым. Больного проведайте, покойника проводите, ибо все мы смертны. Ни единого человека не пропустите, не поприветствовав его и не одарив его добрым словом. Жен своих любите, но не давайте им над собой власти.

На заутрени воздавши Богу хвалу, потом на восходе увидев солнце, следует прославить Бога радостно, со словами: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Свой красный».

А вот вам и конец всему: страх Божий имейте превыше всего»⁶⁰.

В «Поучении» Мономах поднимается до святоотеческих высот, что делает его личность подлинно церковной и Богопросвещенной. Князь активно интересовался богословскими вопросами, переписывался с иерархами, высказываясь на глобальные теологические темы. «В ноябре 1112 г.

Огненный столп над Киево-Печерским монастырем.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

папа Пасхалий II посылает византийскому императору Алексию Комнину большое послание с призывом к единению церквей на основе признания православным Востоком примата римского престола и подчинения ему всех церквей. Вероятно, в связи с этим... киевский митрополит Никифор (1104-1121) написал «Послание к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава», излагая в 20 пунктах причину разделения Церквей»⁶¹.

Летопись отмечает беспрекословное послушание, которое оказывал Мономах священноначалию, «любовь имея к митрополитам и епископам, и особенно черноризнический сан любя». Перед военными походами он всегда оказывал благодеяние Церкви «милостынею... и пожертвованиями на монастыри»⁶². Потому Господь, как древле Давиду, царю Израильскому, оказывал ему благоволение и «сокрушал пред ним враги его» (Пс. 88, 24). Древнерусские книжники сравнивали Мономаха с библейскими персонажами, которым в брани помогали ангелы небесные. В 1110 г., пишет летописец, «было знамение в Печерском монастыре. Месяца февраля в одиннадцатый день появился столп огненный от земли до неба, а молнии осветили всю землю, и на небе прогремело в первом часу ночи — весь мир видел. Этот же столп стоял над трапезой каменной, так что не видно было креста, и постояв немного, перешел на церковь и стал над гробом Феодосиевым, а потом над верхом церкви. Это был не огонь, а образ ангельский... Умилился Бог и послал ангелов на помощь русским князьям против поганых».

Летописец относит это знамение к Владимиру Мономаху, присовокупляя: «Вложи Бог Владимиру Всеволодовичу в сердце доброе намерение... идти на поганых». Собрав князей и народное ополчение, Владимир во главе коалиционного войска двинулся в донские степи. «И оделись они в броню, и выстроили полки, и пошли... А князь Владимир, выступая впереди войска, наказал попам своим петь тропари и кондаки Креста Честного, и канон Святой Богородицы... И послал Господь Бог ангела на помощь русским князьям... и падали половцы перед войском Владимировым, невидимо поражаемые ангелом».

Заканчивая повествование о походе против половцев, летописец говорит: «Се же ангел вложи в сердце Владимиру Мономаху намерение собрать братьев своих, русских

князей, на иноплеменников. Се же, как мы говорили, все знамение видели в Печерском монастыре, что стоял столп огненный на трапезе, потом перешел он на церковь и от туда пошел на Городок, ибо тут... пребывал Владимир»⁶³. «И все восемьдесят три похода Владимира Мономаха были таким подвигом. Резная каменная плита из Киево-Печерского монастыря с изображением борьбы Геракла со львом прекрасно передает героический дух эпохи «Повести временных лет» с ее главной идеей о единстве Русской земли. В искусстве это дало стиль монументального историзма. В его формах нашли отражение новые представления о Руси как неотъемлемой части всемирной истории, что предельно четко сформулировал в своем «Слове о Законе и Благодати»... митрополит Иларион»⁶⁴.

При Владимире усилилась идеологизация государственной жизни во исполнение его религиозно-политических и социально-этических программ. Заботясь о восстановлении мира между князьями и утверждении нравственности во внутривластных отношениях, Мономах сразу же после вокняжения приступил к возведению каменного храма в Вышгороде в честь святых князей Бориса и Глеба. В 1115 г. состоялось торжество перенесения мощей страстотерпцев в новый храм, на которое собрались князья из многих земель и паломники со всей Руси. Из-за огромного множества людей нельзя было пронести раку: «Одни ломали ограждения, а другие даже покрыли городские стены и забрала, так что страшно было видеть такую силу народа. И повелел Владимир... сребреники бросать людям, которые сильно налегали, чтобы внести гробницу в церковь, — и тогда еле смогли внести ее в храм». Впереди процессии шло множество иноков со свечами, прибывших из разных монастырей во главе со своими настоятелями: «Прохором Печерским, и Сильвестром, игуменом свя-

Святые князья Борис и Глеб.
Из лаврского «Анфологиона» 1619 г.

Князь Владимир Мономах.

того Михаила Выдубицкого, и Савва был, игумен святого Спаса на Берестове, и Григорий, игумен святого Андрея Первозванного, и Петр Кловский и другие игумены». Возглавлял величественное священнодействие митрополит Никифор «со всеми епископами», среди которых были и архиереи-печеряне, как, например, Феоктист Черниговский. Это было торжество Православия, когда в едином порыве объединились Церковь земная и Церковь Небесная. По окончании шествия князь устроил для всех бедняков «угощение великое, и кормили убогих и паломников три дня». Завершая повесть о перенесении мошей святых Бориса и Глеба, ставшем общенародным актом покаяния, единения и молитвы, летописец Сильвестр Выдубицкий воздает им хвалу: «Они оба есть слава князей наших и заступники земли Русской. Они пренебрегли славой мира сего, а возлюбили Христа, изволив идти по стопам Его... И дар исцеления приняв от Спаса нашего Иисуса Христа, они щедро подают его недужным, которые с верой приходят в святой храм их — поборников Отчизны своей»⁶⁵. Как тесно переплетаются стиль и идеи этого повествования с пафосом Нестора Летописца, создателя «Чтения о Борисе и Глебе», и Иакова мниха, автора «Сказания о Борисе и Глебе», — великих писателей-печерян, призывавших к единению Отчизны, исповедовавших принцип соборности Руси!

Настоятельский синклит на этом торжестве возглавлял киево-печерский игумен Прохор. Он был наречен игуменом в 1113 г., после хиротонии на Черниговскую кафедру Феоктиста. Летопись пишет: «Собралась братия вся, и нарекли они себе игуменом Прохора, попа, и известили о нем митрополита... и был поставлен в мясопустное воскресенье, месяца февраля в девятый день. И так вошла в пост братия с игуменом»⁶⁶. До настоятельства Прохор был «попом», как называет его летописец, т. е. занимал в монастырской иерархии почетное пресвитерское место. В диптихе монастырей Печерская обитель по-прежнему остава-

лась первой. Многие историки утверждают, что при Мономахе лавру оттеснил на второй план Выдубицкий монастырь, к настоятелю которого, Сильвестру, князь весьма благоволил. В доказательство приводится тот факт, что при Мономахе дело летописания было передано из лавры в Выдубичи. Здесь располагался загородный дворец князя Всеволода, а Выдубицкий монастырь был вотчинной обителью Всеволодовичей. И хотя некоторые правители действительно предпринимали попытки унижения Печерской обители в угоду своим вотчинным монастырям — вспомним Изяслава, — но Мономах был совсем другим человеком. Он понимал значение лавры, чтит высоту ее подвига и воздавал святыне подобающую честь.

Многочисленные свидетельства о его особом прилежании к лавре находим в Киево-Печерском Патерике, который буквально пестрит упоминаниями о Мономахе. С самых юных лет Владимир был отмечен знаменем милости Божией. Так, молодой князь сподобился быть «самовидцем» тому «дивному чудеси, егда огонь с небесе спаде и выгоре яма, идеже основание церковное положися поасом» варяга Шимона при основании Великой Печерской церкви. «Сего же ради Всеволодь съ сыномъ своимъ Владимиром ис Перяславля пріеха видети такого чудеси». Святитель Симон пишет, что когда коленопреклоненный авва Антоний своей молитвой низвел огонь на отмеренное златым поясом место фундамента, то «сушии со святым от страха падоша яко мертвіи». Впечатлительную душу Владимира поразило и необыкновенное чудо, и само общение с великим старцем-подвижником. «Тогда Владимир боленъ сый». Болезнь могла приключиться от нервного потрясения, испытанного им при виде небесного огня.

Преподобные Антоний и Феодосий сотворили о нем молитву и возложили на болящего пояс Шимона: «И темь поясомъ златымъ обложень... абіе* здравъ бысть молитвами святыю отцю нашею Антоніа и Феодосіа».

Достигнув зрелости, Мономах не забыл о той благодати, которая осенила его при основании Великой богозданной Печерской церкви по молитвам угодников Божиих Антония и Феодосия. «И въ своемъ княженіи христолюбець Владимиръ, возьмь меру божественна тоя церкви Печерская, всем подобіемъ созда церковь въ граде Ростове, въ высоту и въ широту и въ долготу... по образу великыя тоа церкви богознаменанна». Любовь к Печерской обители он передал и своим детям. Так, воспитание одного из них, Георгия, он поручил сыну варяга Шимона, тоже Георгию, ставшему при нем тысяцким. «Георгій князь, слышавъ от отца Владимирера» о преславных чудесах при основании сего храма, «и той въ своемъ княженіи созда церковь в граде Сужьдали въ ту же меру»⁶⁷. В связи с попытками князя Олега Святославича овладеть Суздальщиной Владимир Мономах между 1098 и 1109 г. построил т. наз. княжеский город, который затем получил название Печерного. Окрестные реки получили наименование «Почайна», «Лыбедь», «Рпень» (Ирпень)⁶⁸.

* Тогчас.

Патерик отмечает паломничество Мономаха в лавру перед битвой с половцами на р. Стугне в 1093 г. Ему вторит Густинская летопись: «Как шли они на битву, Владимир же Мономах пошел к Печерскому монастырю за молитвой и благословением». Он взял с собой брата Ростислава: «Так же и брат его, свирепый Ростислав, поехал... и вот встретил на пути святого Григория, чудотворца Печерского, которого, поиздевавшись, повелел в Днепре утопить и вернулся, не посетив Печерского монастыря»⁶⁹. Божия кара не преминула настичь убийцу. Ипатьевская летопись пишет: «И налегоса на Володимера, и бысть брань люта, и побеже Володимеръ с Ростиславомъ и вои его. И прибегоша к реце Стугне, и въ брод Володимеръ с Ростиславомъ, и нача утопати Ростиславъ перед очима Володимеровыма; и хоте подхватити брата своего, и мало не втону самъ; и тако утопъ Ростиславъ, сынъ Всеволожъ. Володимеръ же пребреть реку с маломъ дружины, мнози же падоша отъ полка его, и бояре его туто падоша... Ростислава же искавше обретоша въ реце, и принесоша к Киеву, и плакася по немъ мати его...»

Примечательно, что перед началом битвы Владимир Всеволодович и Янь Вышатич, возглавлявший киевское ополчение, высказывались, видя превосходство противника в силе, за мирные переговоры, но Святополк и Ростислав самоуверенно рвались в бой. Престарелый Янь вспомнил, очевидно, еще одно несчастливое сражение с половцами, закончившееся полным разгромом русских войск, — бой на р. Альте в 1068 г., в котором он участвовал в качестве дружинника Черниговского князя Святослава. Член княжеской свиты и одно из доверенных лиц Святослава, Янь был, вероятно, свидетелем встречи триумвиров Ярославичей с преподобным Антонием Печерским, когда отшельник предсказал им поражение. Теперь, спустя четверть века, ситуация почти повторилась. Трое князей: Святополк, Владимир и Ростислав бросили вызов половцам, двое из них перед битвой поехали в Печерский монастырь за благословением. При этом Ростислав омрачил свою совесть убиением инок Григория, предсказавшего, как когда-то авва Антоний, поражение княжеской коалиции. Янь Вышатич, один из ктиторов Печерской обители, узнал, конечно, об этом злодеянии. Возможно, именно он перед походом посоветовал молодым Всеволодовичам (Владимиру тогда было 40 лет, а Ростиславу 23 года) совершить паломничество в монастырь. Мститый военачальник с тяжелым сердцем шел на битву. Он предвидел грозное возмездие и пытался со «смысленым»*, как пишет летопись, Владимиром Мономахом отговорить Святополка с Ростиславом от сражения.

Действительно, убеленному сединами Вышатичу боевого опыта было не занимать. Сам Мономах прислушивался к его советам. «Повесть временных лет» многократно упоминает его имя, рассказывая о нем в статьях под 1071, 1089, 1091, 1093 и 1106 гг. Янь состоял в дружбе с препо-

Печать князя Ярослава Мудрого.

добным Никоном, через посредничество которого, возможно, и попал в свиту Черниговского князя. Вспомним, что в 1064 г. «бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмутаракань, а с ним... и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского». Летопись далее сообщает, что пришлец изгнал княжившего на полуострове Глеба Святославича, сына Черниговского князя Святослава Ярославича, и занял тмутараканский престол. После смерти в 1067 г. узурпатора местные жители избрали преподобного Никона послом к князю Святославу, отправив делегацию с просьбой вернуть Глеба на княжение. Никон прибыл в Чернигов, был с честью принят Святославом и отвез в Тмутаракань законного владетеля. Вскоре после этого летописи начинают писать о Яне, сыне Вышаты, как о подданном черниговского князя.

Так, в 1071 г. он по поручению Святослава отправляется в Ростовские земли «на полюдье» — для сбора дани. Северо-восточную Русь Святослав унаследовал от своего самодержавного отца Ярослава Мудрого. Часть этих земель, согласно завещанию Ярослава, принадлежала также Всеволоду, включая Переяслав, Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье. Святослав и Всеволод отправили туда Яня в качестве особо важного чиновника — сборщика податей. На Белоозере в это время вспыхнул бунт, инициированный волхвами — языческими жрецами, которые убили сопровождавшего Яня священника-миссионера. Вот тогда-то и проявились бойцовские качества Вышатича, который смог с 12 своими отроками**, почти безоружный, разогнать толпу в 300 вооруженных топорами смердов. Один из бунтовщиков едва не рассек Яня топором, но был побежден им в рукопашной схватке.

Для нас большой интерес представляет диспут Яня с волхвами, показывающий его богословски образованным человеком. Вникнем в летописный рассказ: «И промолвил им Янь: «Воистину искусил вас диавол. Какому богу вы веруете?» Они же сказали: «Антихристу». Он тогда спросил их: «Где же он?» И они ответили: «Сидит в бездне». И молвил Янь: «Какой же это бог, если сидит он в бездне? То — бес. А Бог восседает на Небе и на престоле. Его славят ангелы, предстоя со страхом и не смея взглянуть на Него. А сей же, называемый вами антихристом, был низринут от ангелов. За гордыню он был низвержен с Неба и пребывает в бездне, — как вы и говорите, — ожидая, когда придет Бог с Неба и, связав сего антихриста путами, ввержет в огонь вечный со слугами его и с теми, кто в него верует». Здесь Янь выступает как христианский миссионер, воз-

* Мудрым.

** Слугами.

вышенно и богословски грамотно излагая перед закоренелыми язычниками истины Православия. Возможно, Янь распространял в ростовских землях Христианство наряду со святителем Леонтием, возглавлявшим в 70-е гг. Ростово-Суздальскую кафедру.

Неподалеку от Белоозера, в земле вятичей, приблизительно в это время погиб преподобный Кукша, который мог попасть сюда в составе свиты епископа Леонтия или Яня Вышатича. Как и «Яневъ попъ», убитый волхвами, святой Кукша был схвачен озверевшими язычниками и умерщвлен. Это говорит о значительных трудностях, сопровождавших христианизацию обширного полудикого края. Печерские миссионеры проникали сюда в составе экспедиций, организованных не только иерархами, но и князьями — сначала Святославом и Всеволодом, а затем Владимиром Мономахом. В «Поучении к детям» Владимир пишет: «...В Ростов и Суздальскую землю ходил я через землю вятичей, посылаемый отцом». Владимир и Янь Вышатич уже тогда знали друг друга. Их объединяла любовь к Печерской обители.

В конце 80-х гг. XI в. по протекции Всеволода Переяславскую кафедру занимает преподобный Ефрем. Святитель строит храмы, богоугодные заведения, основывает в Суздале подворье Печерского монастыря. Всеволод тогда сидел в Киеве, а Переяславским уделом фактически управлял Владимир, всемерно поддерживавший начинания энергичного митрополита.

Духовными узами связывало Владимира и Яня также знакомство с преподобными создателями лавры Антонием и Феодосием. Янь с 1073 г. находился в Киеве, переехав в столицу вместе со Святославом, при дворе которого занимал ключевые посты. Безусловно, он присутствовал при чудесном основании Великой Печерской церкви, когда Святослав «своима руками нача рвы копати... и меру положыше златымъ поасомъ». Рядом с ним в это судьбоносное время находился и Мономах. Патерик повествует: «Благоверный же князь Владимиръ Всеволодовичъ Манамахъ, юнь сый, и самовидецъ бывъ тому дивному чудеси, егда же огонь с небеса спада и выгоре яма, идеже основаніе церковное положися поасом. И се слышаша по всей земли Руской. Сего же ради Всеволодь съ сыномъ своимъ Владимиромъ ис Переяславля приеха видети такого чудеси... Владимиръ, боленъ сый и тем поясомъ златымъ обложень бысть, и ту абіе здравъ бысть молитвами святую отцю нашею Антоніа и Феодосіа». Мономаху тогда было 20 лет.

Преподобные с отеческой любовью относились к благочестивому Яню. Особенно «печашеся» о нем игумен Феодосий. Нестор Летописец рассказывает: «...Великому Феодосію, игуменьство сдръжашу... не точію* черноризци единеми, но и мирьскими печашеся, о душах их, како бы спаслися, паче же о сыновох своих духовных... Некий же благочестивый вельможа, духовный сынъ святому, именем Янь тако нарицаем. Единою** же пришедшу ему в дом къ

Янови и къ подружію его Маріи, оба благочестива суца, въ целомудріи живуща, по божественному Павлу, брак чещенъ храняще (Евр. 13, 4). Сего ради любяше их блаженный Феодосіе, понеже живяста в заповедех Господних и в любви...» В одно из посещений преподобный предсказал Яню с супругой, что не оставит их и после своего отхода в вечность. Это говорит об особом духовном родстве Яня с Феодосием.

Послушаем Нестора: «И... пришедшу ему к нима, учаше их о милостыни къ убогим и о небеснем царствіи... и ина божественаа писаніа, дондеже к нему доиде словеси, еже глаголаше има о положении тела въ гробе. Благочестиваа же жена, въспрімши речъ от преподобнаго, рече къ нему Яневаа: «Отче честный Феодосіе, кто вестъ, где мое тело положено будетъ?» Богодухновеный же Феодосіе, пророчскаго дара исполненъ сый, рече ей: «Поистине глаголю ти, идеже тело мое положено будет, тамо и ты по прешедших временах почиши». Пророчество сбылось через 18 лет после преставления святого Феодосия. Более того, оно исполнилось в дни престольного праздника Печерского монастыря, в поспразднство Успения Божией Матери. Но и это еще не все. Преподобный предвидел, что его духовная дочь будет погребена в соборе одновременно с перенесением туда его мошей. «И преподобный положень бысть въ 14 Августа, и сіа въ 16». Поистине, сподобиться таких почестей могло только подлинно благочестивое, глубоко духовное семейство.

Сблизился Янь и с игуменом Иоанном, став для него не только интересным собеседником, сообщавшим важные сведения о славных исторических деяниях Руси, в которых ему довелось участвовать, но и единомышленником. Летопись пишет о причастности Яня к судьбоносным событиям в жизни Печерского монастыря, сообщая под 1089 г.: «Освящена... церковь печерская Святой Богородицы... при Всеволоде, благоверном князе державном Русской земли, и детях его Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Янь Вышатич, а игуменство печерское держал Иоанн». Обычно в хрониках при описании столь важных событий не упоминались чиновники или вельможи. Здесь же сделано исключение. Не связано ли это с ктиторством Яня над новосооруженной церковью, значительным пожертвованием на окончание строительства? Да и сподобиться погребения рядом с великим аввой Феодосием мог только один из ктиторов.

Обратим внимание, что в летописном рассказе об освящении собора присутствует имя Владимира Мономаха. Великокняжеской семье, вместе с другими почетными гостями, среди которых видное место занимали супруги Янь и Мария, игумен Иоанн отвел почетное место на специально устроенном подиуме, украшенном коврами. Дьяконы во время чина освящения «храма сего» могучими басами провозглашали многолетие благочестивым ктиторам. И пожилая супружеская пара, и 36-летний княжич Вла-

* Не только.

** Однажды.

димир, и пышно разодетый по случаю торжества Всеволод, возвышаясь над людским морем в густом кадильном дыму, с трепетным волнением внимали чинопоследованию. Каждому в этот миг вспоминалось основание собора, на котором они присутствовали 16 лет назад. В мыслях они видели огромный, выжженный небесной молнией пустырь, двух отшельников, углубленных в молитву, суетящихся греков-зодчих, Святослава и его сановников, вооружившихся лопатами и обкапывающих обугленную яму. Вряд ли тогда кто-то мог себе представить «велелепную» красоту выросшего теперь на пустыре, словно в сказке, исполина-собора. Лишь скромные, в худом одеянии, черноризцы — один в схиме, согбенный старостью, другой в епитрахили, с игуменским посохом в руках, — зрели в то далекое время духовными очами не только земную, но и небесную славу богозданной Печерской святыни. Имел представление о ее будущем «зраке»* и суровый воин скандинавской наружности, наблюдавший в стороне за происходящим. Склоненная голова, обрамленная рыжей щетиной волос, складка на высоком челе, изрезанном шрамами то ли морщин, то ли боевых рубцов, твердо сжатая полоса губ, стальной блеск голубых глаз — вся внешность этого викинга говорила о его большой внутренней силе. Трудно было разгадать в нем трепетного сына печерских угодников, избранника, сподобившегося неоднократных откровений от Господа и Божией Матери об особой миссии «богознаменанная церкве». Это был варяжский воевода Шимон.

Четверо из участников закладки нашли впоследствии в соборе вечное упокоение. «...Симонъ первый положень бысть в тои церкви», — отмечает Патерик. Неизвестно, когда он умер, но погребение его здесь состоялось между 1089 и 1091 гг. Через два года после освящения храма в него были перенесены святые мощи преподобного Феодосия, а буквально через день после торжества сюда принесли почившую «Яневию», похоронив в аркосолии левой стены притвора, напротив аввы. Янь пережил Марию на 15 лет. В 1106 г. супруги вновь соединились в погребальном саркофаге, чтобы вместе восстать в день Страшного Суда.

Однако этим погребения в соборе не ограничились. Владимир Мономах в 1109 г. приехал в обитель из Чернигова, чтобы похоронить здесь горячо любимую сестру Евпраксию, инокиню Свято-Андреевского монастыря. Но, видя самые почетные места в храме занятыми, князь решил водрузить ее бранные останки близ южной паперти, чтобы над ними можно было поставить «божничку» — часовню. На отпевании присутствовала игуменья Андреевского монастыря Анна, сестра почившей.

Трудно сказать, почему Евпраксия, принявшая постриг в Свято-Андреевском монастыре, упокоилась не в родной обители, а в лавре. Очевидно, это произошло не только в силу прочных духовных уз, связывавших Печерский и «Янчин» монастыри, но и по особому желанию покойной.

Через 10 лет после описываемого события, в 1119 г., в соборе нашел вечное пристанище Минско-Полоцкий князь Глеб Всеславич. И хотя он тоже мог завещать похоронить себя на одной из папертей, — его семье было по средствам соорудить не менее красивую часовню, — князь предпочел возлежать рядом с преподобным Феодосием, «во главах его». Это было не очень удобно, но игумен Прохор, из уважения к ктиторству покойного, повелел прорубить в стене еще одну нишу и поставить в ней саркофаг князя. В 1158 г. углубление, по приказанию игумена Акиндина I, увеличили, чтобы похоронить княгиню Анастасию Ярополковну. По одному из преданий, в соборе первоначально был погребен преподобный Никола Святоша — из почтения к духовному подвигу, «его же ни единь князь в Руси сътвори, волею бо никто же вниде в чернечество», — как пишет составитель его жития епископ Симон. Умер князь-иннок в 1142 или 1143 г. Игуменствовавший тогда Феодос грек был его горячим почитателем и духовным чадом. Он, действительно, мог пойти на такой шаг из глубочайшего почтения к святому.

Таким образом, собор уже в домонгольское время стал пантеоном славных деятелей Руси, соперничая в этом плане с Софией Киевской — усыпальницей первых лиц государства и Церкви. Но если достоинства погребенных в Софии часто вызвали сомнения — вспомним князя-убийцу Ростислава Всеволодовича, — то добродетели погребенных в Свято-Успенском храме лавры являлись неоспоримыми, хотя среди них были не только черноризцы, но и миряне, а тем более воины, как Янь Вышатич, оставивший в истории Руси не менее яркий след, чем другие знаменитые ее деятели.

Будучи киевским воеводой, Янь пользовался уважением всех великих князей, от Изяслава до Святополка. При нем четыре раза менялась верховная власть, но полководческий талант Яня всегда был востребован в полной мере. Карьера Вышатича, в отличие от служебной тропы его отца, в системе жизненных координат выглядит как ровная восходящая линия. Основу такой стабильности составляли христианские качества старого служаки. Особенно ценил его рафинированный и тяготеющий скорее к наукам, чем к военным подвигам, Всеволод Ярославич. Янь для него был незаменим. Хорошим учителем он был и для его сына, Мономаха. При Всеволоде Янь Вышатич достигает своей служебной вершины — становится тысяцким. Он позволяет себе даже критиковать великого князя за то, что тот слишком доверяет «уным»** дружинникам, забывая заслуги тяжелых на подъем, но увенчанных былыми доблестями ветеранов. Сетования воеводы по этому поводу зафиксировал в летописи печерский книжник.

Современники наделяли Яня легендарными чертами, приписывая ему подчас сверхъестественные способности. Так, в летописной статье под 1106 г. сообщается об участии девяностолетнего воеводы в очередном походе на по-

* Зраке (слав.) — образе.

** Юным, молодым.

ловцев: «Воеваша половци около Заречьска, и посла по нихъ Святополк Яня Вышатича, и брата его Путятю, и Иванка Захарьича». Путятя при Святополке выдвинулся на первый план, став его любимцем, но Янь оставался незыблемым авторитетом в военном деле. Святополк хорошо помнил мудрые советы Яня в походе 1093 г. К сожалению, тогда уговоры Яня и примкнувшего к нему Владимира Мономаха не смогли убедить Святополка в изменении стратегии боя. В результате дружины князей потерпели сокрушительное поражение, а Мономах потерял родного брата. В 1106 г., несмотря на глубокую старость воеводы, Святополк уговорил его отправиться с киевским ополчением в поход при заботливом сопровождении младшего брата Путятю. Половцы тогда были наголову разбиты. Однако невзгоды ратного похода роковым образом сказались на здоровье ветерана. Летописец пишет: «В этом же году преставился Янь, старец добрый, прожив 90 лет, в старости маститой».

Д.С.Лихачев считает эту цифру эпическим преувеличением. Академик предполагает, что речь идет о братьях Яне и Иванке Захарьичах. Сомневается в летописной датировке и М.Д.Приселков. Мы же в ответ можем возразить словами Священного Писания: «...Ты благословляешь праведника, Господи; благоволением, как щитом, венчаешь его» (Пс. 5, 13); «Ибо Господь любит правду, и не оставляет святых Своих; век сохраняются они... Праведники наследуют землю, и будут жить на ней век» (Пс. 36, 28-29). Ведь еще в 70-х гг. XI в., при жизни преподобного Феодосия, Янь и его жена Мария говорили с ним о своей близкой смерти.

Память о смерти является одним из важнейших аскетических упражнений, во исполнение изречения святых отцов: «Помни последняя своя, и век не согрешишь». Памятование отхода в вечность за 33 года до преставления характеризует Яня как истинного праведника. И в этом нас удостоверяет преподобный Нестор, отзываясь о нем с величайшим пиететом и подчеркивая, что Янь был «муж благ и кроток и смирен», «не хужий... первых праведник»⁷⁰.

Вот какие столпы благочестия, «сыны света» (Лк. 16, 8), находили вечное упокоение в Великой церкви Печерского монастыря! Что касается митрополичьей Софии, то она выполняла формальные функции пантеона «князей века сего», в чем нас удостоверяет погребение Ростислава. «В подземелье Софийского собора, в усыпальнице киевских князей, в 1961 г. между различными останками был найден череп Ростислава; в черепе находился железный наконечник стрелы. Отсюда ясно, почему молодой и здоровый, умеющий плавать, Ростислав вдруг начал тонуть перед глазами Владимира: он был смертельно ранен»⁷¹.

Страшная смерть брата, погибшего у Владимира на глазах, заставила его еще больше задуматься о путях промысла Божия, «воздающего каждому по делам его» (Пс. 61, 13). Помня кару, постигшую Ростислава за обиду, нанесенную обители, Мономах, тогда еще Черниговский князь, решительно выступил на защиту печерского игумена Иоанна,

брошенного Святополком в туровскую темницу. Дело дошло чуть ли не до восстания Владимира против сюзерена. Угроза Мономаха возымела действие: «Его же убоався Святополк востаніа на ся, скоро возврати съ честью игумена». В мрачные времена Святополка Мономах был опорой и защитой святой обители.

Тогда же, во время княжения Владимира в Чернигове, судьба еще раз свела его с Печерским монастырем. Он тяжело заболел и был при смерти. Знаменитый армянский лекарь, обслуживавший знатных пациентов и прославившийся своим искусством, оказался бессильным. Князь «уже при конци бывъ» — умирал. Вспомня об иноке Агапите, который когда-то чудесным образом исцелил «первого в боярех» его отца Всеволода от безнадежной болезни (не Янь ли это был?), Мономах послал гонца в Печерский монастырь. Преподобный передал ему лечебное зелие своего приготовления, и князь «абіе здравъ бысть». Благодарный Мономах щедро одарил монастырь «и все имение свое издасть нишим».

Часть пожертвований исцеленного князя могла пойти на сооружение монастырской лечебницы, возведенной в комплексе с надвратной церковью игуменом Феокистом. Владимир всегда щедро благоволит храмам, богоугодным и культурным заведениям. Как и его отец, он поддерживал очаги церковного просвещения. В Андреевском монастыре, основанном отцом Мономаха Всеволодом, старшая сестра Владимира, блаженная Анна (Янка) учила девиц грамоте, рукоделию и пению. Дочь Мономаха Екатерина, в иночестве Ирина, также постриглась в Янчиной обители, где провела жизнь в богоугождении и монашеских подвигах.

Игуменья Анна (Янка Всеволодовна) относится к лику великих жен Руси, подобно равноапостольской Ольге, Анне Ярославне, Евфросинии Полоцкой, Евфросинии Суздальской и др. Она создала первое на Руси женское училище, прославившееся своими художественными мастерскими. Именно отсюда традиции вышивания распространялись по монашеским келиям и боярским светлицам во все концы страны, дав импульс развитию этого вида церковного искусства. Бесспорны заслуги игуменьи Анны в деле распространения женской грамотности. Многие сделала она и для становления национальной певческой школы. Культурологическая деятельность Анны далеко выходила за рамки общественно-социальных ограничений, сопровождавших женщину в тогдашнем обществе. Это характеризует ее как незаурядную, сильную, всесторонне талантливую личность. В то же время она была строгой подвижницей, духовной наставницей сестер. Руководствовалась игуменья в деле спасения святоотеческим наследием в его, как мы думаем, Студийско-Феодосиевском уставном воплощении. Студийские и печерские иноческие традиции были ею внедрены в жизнь Свято-Андреевского монастыря. Так, после трехлетнего пребывания в монашеском чине ее родная сестра Евпраксия, находясь у смертного порога, пожелала упокоиться не в месте своего пострижения, что было бы закономерным, а в Киево-Печерской обители.

Как и равноапостольная княгиня Ольга, Анна Всеволодовна оказывала значительное влияние на церковные дела. Летопись под 1089 г. пишет: «В сей же год пошла в Греки Янка, дочь Всеволодова...» Статья под 1090 г. дает информацию о церковно-дипломатическом характере ее поездки: «Привела Янка митрополита Иоанна, скопца...» Иоанн III скопец сменил умершего в 1089 г. Киевского митрополита Иоанна II. Великий князь, отправляя в Царьград андреевскую игумению с ответственной миссией, знал, что она с честью выполнит послушание. Связи киевского княжеского двора с византийским императорским домом были в те годы как никогда крепки — их сцементировал династический брак Всеволода с Анастасией Мономах. За несколько лет до этого сама Анна едва не стала византийской царицей. Согласно свидетельствам греческих хроник и научным исследованиям, Янка в юности была обручена с Константином, сыном византийского императора Константина X Дуки и его второй жены Евдокии Макремволитиссы. Однако брак не состоялся — жених, по политическим мотивам, был насильно пострижен в монахи. Янка тогда приняла решение обручиться Небесному Жениху — Христу, отрекшись от суетного мира. В 1086 г. Всеволод построил для дочери монастырь, и она, приняв постриг, «собрала черноризниц многих, наладив жизнь по монастырским правилам». Эта ремарка летописи ясно говорит о введении ею в обиход своей обители «правил» — устава. Может быть, она привезла Типик из Греции, но не исключено, что устав был заимствован из Киево-Печерского монастыря. Нас в этом удостоверяет не только факт погребения в лавре ее сестры Евпраксии, но и обстоятельства, связанные с приездом на Русь в 1090 г. митрополита Иоанна III.

Анна привезла с собой престарелого, удрученного болезнями грека-иерарха, «и увидев его, люди все сказали: Се мертвец пришел. И, пробыв от года до года, он умер. Был же сей муж не книжник, а простец умом и неискушен в слове». Так летописец в статье под 1090 г. отзываясь о новом предстоятеле. Недоумение при виде результата столь важной миссии рассеивается, если вникнуть в текст летописи под 1090-1091 гг. Сразу после сообщения об Иоанне греке хронист продолжает: «В сей же год освящена была церковь святого Михаила переяславская Ефремом, той церкви митрополитом, который соорудил ее... и украсил богатой утварью. Сей бо Ефрем в эти годы много возвел сооружений: закончив церковь святого Михаила, он заложил также церковь святого Феодора на городских воротах, и святого Андрея...» На Руси чтити первозванного апостола, но, думается, посвящение переяславского храма в его честь связано в первую очередь с тем, что Всево-

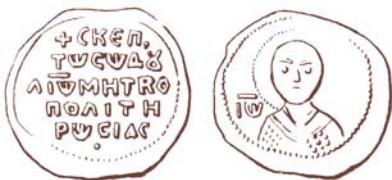
лод носил его имя в крещении. По этой же причине Янка нарекла свой монастырь Свято-Андреевским.

Возвышение Ефрема, о котором до 1090 г. летописи вообще не упоминают, как раз и связано с миссией Янки. Приведя из Царьграда дряхлого старца, который был явно не в состоянии выполнять первосвятительские функции, дочь Всеволода действовала по указанию великого князя, желавшего иметь, при номинальном возглавлении митрополии греком, своего, русского митрополита. Не обошлось здесь, очевидно, и без влияния варяга Шимона, «иже бе старей» у Всеволода. Возвышением Ефрема печерская партия при дворе значительно усилилась.

Всеволод Ярославич не мог, помня неудавшийся опыт отца, открыто поставить на предстоятельское место русина. Здесь ему не помогли бы даже кровные узы родства с императорской династией — греки после прецедента с Иларионом даже слышать не хотели о расширении прав Киевской церковной Автономии. И тогда князь предпринял мудрые действия по выдвижению на стольную кафедру собственной креатуры из представителей греческой иерархии. Дочь помогла ему в этом — она бывала в Константинополе, имела знакомства, через императорский двор, в кругах патриархии и, вероятно, хорошо знала Иоанна.

Новый митрополит почти не служил из-за многочисленных недугов. Живя затворником в софийских палатах, он медленно угасал. Церковные дела фактически вел Ефрем, титулярный митрополит великокняжеского родового удельного города, доверенное лицо Всеволода, друг его семьи и единомышленник. Можно предположить, что само возведение его на эту кафедру могло состояться по протекции Всеволода. Как известно, до хиротонии преподобный Ефрем находился в Константинополе. «Последи же изведенъ бысть въ страну сію и поставленъ бысть епископомъ въ граде Переяславли». Патерик дает знать, что не в русской земле он получил наречение, а «изведенъ бысть». Не Анной ли, потерявшей в 1086 г. надежду на брак с византийским цесаревичем и вернувшейся к отцу, «бысть изведенъ» Ефрем в удельный Всеволодов город, в котором он, судя по всему, раньше никогда не бывал? Если ею в 1090 г. «приведенъ бысть» митрополит Иоанн, то не «извела» ли она из Царьграда и Ефрема? В 1090 г. святитель Ефрем освятил новопостроенный переяславский собор. Значит, кафедру он занял не в 1090 г., а за несколько лет до этого, сразу приступив к возведению соборной церкви. На Руси обычно храмовые постройки сооружали за 3-4 года (без росписи). Из этого явствует, что хиротония состоялась как раз в 1086 или 1087 г.

Всеволод знал «каженика» Ефрема еще в бытность того сановником князя Изяслава. Хлопотал, вероятно, о выдвижении преподобного Ефрема и варяжский воевода Шимон. Вспомним эпизоды Киево-Печерского Патерика, когда в первоначальное скудное время обитель Антония и Феодосия не имела даже вина для литургии, и «привезоша три воза корчаг с вином» из «дому благовернаго князя Всеволода» — горячего почитателя монастыря и его черноризцев.

Печать митрополита Иоанна III.

Печать князя Всеволода-Гавриила Мстиславича.

О Симоне летописцы — ни Никон, ни Иоанн, ни Нестор — почти не упоминают. Единственный раз в летописи затрагивается имя варяга, как отца тысяцкого Георгия, оковавшего раку преподобного Феодосия (под 1130 г.). В историю сведения о скандинавском пришельце попали из Жития преподобного Антония, и то через интерпретацию епископа Симона, использовавшего его в «Сказании» о Великой Печерской церкви. Симон подробно излагает житие Шимона, вплоть до экскурса в генеалогию рода Африкана, описывает общение Шимона с преподобным Антонием и, что важно для нас, довольно часто упоминает рядом с варягом имя князя Всеволода, подчеркивая, что герой повествования «пріать велику власть от Всеволода», «старей у него». Если Житие написал Никон, то почему тогда он умалчивает о Шимоне в летописном своде? Ведь героическая тема была Никону явно не чужда — он, например, много пишет о воинских подвигах Вышаты и его сына Яня, других ратников. В свете этих сомнений тезис об авторстве Никона несколько теряет свою предпочтительность. И, наоборот, более утвердительно начинает выглядеть гипотеза об авторстве Ефрема, которого с одним из персонажей, варягом Шимоном, сближало не только духовное отцовство аввы Антония, но и принадлежность к Всеволодову двору. Святитель Ефрем и Всеволодов воевода часто с ностальгией вспоминали о былых годах, о драгоценных минутах общения с великим угодником Божиим Антонием.

Если Никон, в основном, почерпнул информацию для летописи от Яня Вышатича, строя на ней свои исторические концепции, то главным и едва ли не единственным информатором для Ефрема был Шимон. Вот откуда в Житии святого Антония подробные данные о событиях, свидетелем которых автор не являлся.

Святитель закончил свой труд об авве, вероятно, в 1091 г. Этот год был особо знаменательным для Печерской обители. Накануне престольного праздника, 14 августа, состоялось перенесение мощей преподобного Феодосия. Митрополит Иоанн к тому времени уже преставился. Возглавлял это всецерковное торжество святитель Ефрем, управлявший делами Киевской митрополии в качестве местоблюстителя престола. Князь Всеволод, пользуясь родственными связями с греческим царским двором, смог добиться для него этого статуса.

Варяга Шимона уже не было в живых. Митрополит Ефрем сам отпевал своего друга, похоронив его в Свято-Успенском соборе, по обетованию преподобных Антония и Феодосия.

Первосвятительство преподобного Ефрема было ознаменовано многими трудами. Всемерно заботился он о благе Киево-Печерского монастыря. Им были возведены на свещник епископства печерские подвижники Стефан и Никита. Летописи именуют его преблаженным, чудотворным, дивным, многодобродетельным и святым мужем.

Неизвестно, успел ли он возвести Свято-Феодоровскую и Свято-Андреевскую церкви в Переяславле. Хроники об этом молчат, как молчат и о дате его преставления. Свято-Андреевский храм был, вероятно, в начале 90-х гг. достроен и украшен прекрасными вышитыми работами блаженной игумении Анны и ее инокинь. Праведница преставилась в 1112 г. Погребли ее в Свято-Андреевской женской обители г. Киева. В древних рукописных святцах, найденных архиепископом Филаретом (Гумилевским), под 18 мая имеется запись: «Святая княжна Анна Всеволодовна», что свидетельствует о ее почитании в народе. Местного почитания в лике святых впоследствии удостоится и ее брат, благоверный и христоробивый князь Владимир Мономах⁷².

При великом княжении Владимира влияние традиций Киево-Печерского монастыря на духовную и культурную жизнь не ослабело, а, наоборот, усилилось. Уйдя из плоскости политической — при дворе Мономаха печеряне не занимали столь сильных позиций, как это было при его отце, — оно отозвалось в культуре, идеологии, искусстве.

Соборы «по образу и подобию» Свято-Успенского появились в различных пределах государства. Даже роспись в них производилась по образцу Великой Печерской церкви, ибо Владимир «писма на хартіи написавъ, идеже кыиждо праздник в коем месте написанъ есть, и сіа вся въ чинъ и въ подобіе сътвори по образу Великыа тоа церкви». Это говорит о его хорошем художественном чувстве, характеризует его как ценителя и знатока искусств.

Владимир был знаком с преподобным Алипием, иконописцем печерским, и преклонялся перед его гениальным даром. Когда «велика слава» о чудотворениях Алипия «промъчеса въ всем граде Кіеве», князь приехал в Печерский монастырь. Он посетил мастерскую инока, чтобы своими глазами видеть «тыя иконы написаны зело хытры» и «прослави всех Творца, содевающего преславнаа чюдеса молитвами угодникъ своих Антоніа и Феодосіа. Възем же Владимиръ едину икону свягую Богородицю, и посла въ град Ростовъ, в тамо сущую церковь, юже самъ созда». Современные исследователи видят в этой иконе знаменитую Ярославскую Оранту⁷³.

Тот факт, что Мономах послал инструкцию своим мастерам, расписывавшим построенную им церковь в Росто-

Печать князя Всеволода-Андрея Ярославича.

ве, с тщательным описанием сюжетов росписи Великой лаврской церкви «идеже кыждо праздникъ в коемъ месте написанъ есть», наталкивает на мысль, что он был знаком с Алипием еще со времен юности изографа, а также общался с украшавшими Печерский храм мозаикой и фресками греческими иконописцами. Возможно, сама эта «хартія» была написана князем вместе с Алипием, ибо являла собой не что иное, как иконографический канон, изложенный профессионально и подробно.

Некоторые секулярные историки выдвигают гипотезу об оппозиционности Мономаха к Печерскому монастырю, чуть ли не враждебности, аргументируя, вслед за М.Д.Приселковым, свои доводы тем, что при Владимире летописание было переведено из лавры в Выдубичи и отдано тамошнему игумену Сильвестру. Но, скорее всего, дело только в личности Сильвестра, талант которого позволил продолжить литературные традиции почившего Нестора.

Что касается летописания, то оно всегда передавалось по преемству. В этом важном государственном деле не могли проявляться субъективные пристрастия. Сильвестр Выдубицкий с такой почтительностью упоминает о Печерском монастыре, особенно в описании явления над ним Божественного знамения перед сражением Мономаха с половцами, что утверждение о его оппозиционности к лавре выглядит надуманным.

Скорее всего, Сильвестр являлся одним из учеников преподобного Нестора, передавшего ему из дряхлеющих рук перо хронографа и опыт историка. И в этом предположении нет ничего необычайного. Вспомним, что предшественник Сильвестра на игуменстве в Выдубичах и епископстве в Переяславле, Лазарь, был печерянином и состоял в тесном духовном общении с преподобным Стефаном киево-печерским, граффити которого недавно обнаружили исследователи на древней стене Выдубицкого Михайловского собора. Два монастыря находились в очень близком соседстве, почти рядом. Их многое роднило. Вероятно, само обустройство Выдубицкой обители происходило за счет пополнения ее печерской братией, как было и с вотчинным Свято-Димитриевым монастырем Изяслава.

Освящали ее епископы-печеряне Исаия Ростовский и Лука Белгородский, которые через год «при Всеволоде, благоверном князе державном...» освящали Великую Успен-

Освящение Выдубицкого Свято-Михайловского собора.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

скую церковь Печерского монастыря. Обычно при основании новых монашеских общин их ядро формируется из опытных, имеющих стаж монастырской жизни черноризцев из других обителей. Нетрудно представить, к какому монастырю обратился в данном случае Всеволод.

Да и анализ летописи Сильвестра, как, кстати, и творений самого Владимира Мономаха, позволяет говорить о неразрывности писательского преемства, о близости литературных стилей и даже некоем подражательстве могучему Несторову таланту⁷⁴.

Преставился Владимир Всеволодович Мономах в 1125 г. В древности его чтили как угодника Божия. Память его совершалась 19 мая. Сохранились иконописные подлинники с изображением святого «благоверного великого» князя: «Сед, брада аки Богословля, в шапке и в шубе лисьей, в правой руке крест, а в другой меч в ножнах»⁷⁵.

«Въ се же лето преставился игумень святыя Богородица Прохоръ, Печерьского монастыря, ноября, въ 15»⁷⁶. Сменил его на настоятельстве игумен Тимофей.

К сожалению, после смерти Мономаха евангельские идеалы стали для правителей лишь декларацией, призванной заретушировать их нравственную несостоятельность. Сама Церковь оказалась заложницей политических расчетов, как было, например, в 1141 г. во время борьбы великого князя Всеволода II Ольговича за Новгород. Новгородцы, изможденные великокняжеской блокадой и пришедшим за ней вслед голодом, отправили в Киев посольство во главе со святителем Нифонтом с просьбой дать им, вместо родственников Всеволода, княживших у них и прославившихся «лиходейством», другого князя. Однако Всеволод захватил дипломатов в плен: «Новгородцев же с епископом он держал у себя и зиму и лето». Этим он уподобился своему отцу, Черниговскому князю Олегу, тому самому, который приравнивал епископов к смердам. Недалеко ушел от сомнительной славы Олега и Владимирский князь Всеволод Юрьевич, продержавший два года в заложниках епископа Черниговского Порфирия и игумена Елецкого Свято-Успенского монастыря Ефрема⁷⁷. И эти случаи, увы, не одиноки. Жестокий, беспринципный, властолюбивый, князь Олег являл собой маккиавеллиевский тип политика, исповедующего принцип «цель оправдывает средства». У современников он получил прозвище «Гориславич» — за то, что в борьбе за Черниговский удел не гнушался приводить на Русь орды половцев, оставлявших после себя опустошение, трупы и пожарища. Автор «Слова о полку Игореве» пишет: «Тогда при Олезе Гориславичи сеяшесе и растяше усобица»⁷⁸. Так народная память охарактеризовала нечестивца, вошедшего в когорту других печально известных «гориславичей» — Святополка Окаянного, Изяслава, Святополка-Михаила, его сына Мстислава и других.

Черноризец Поликарп пишет: «Якоже изволися человеколюбцу Богу... ожидая нашего покаяния, наводит на нас иногда глад, иногда войны за грехи правящего нами властелина. Сим бо приводит Владыка человеческое нерадение в добродетель, на память дел неподобных, ибо делающие

злые и неподобные дела будут преданы злым и немилостивым властелинам, грех ради наших. Но и те не избежат суда: суд бо без милости не сотворшему милости (Иак. 2, 3)». Такой вердикт выносит печерский книжник тирании в патериковой статье о Прохоре Лебеднике.

Однако эти мрачные фигуры не затмили светлый образ Святой Руси, прославившейся многими праведниками из венценосной плеяды князей. О преподобном Николе Святоше современники с почтением и благоговением говорили, что он «воистину более всех князей русских». Митрополит Никифор высоко ценил христианские качества Владимира Мономаха, правление которого было отмечено подлинной симфонией Церкви и государства. Причислен к лику святых Новгородский князь Владимир Ярославич. Новгородский князь Глеб Святославич, погибший в Заволочье*, был, по словам летописи, кроток, милостив к убогим, усерден к храмам Божиим. Именно его преподобный Никон по просьбе жителей Тмутаракани привел «паки» в 1067 г. к ним на княжение. В 1071 г. Глеб, тогда уже правивший в Новгороде, умирал с Янем Вышатичем вспыхнувшее на севере Руси восстание волхвов, проявив при этом мудрость и бесстрашие. В 1074 г. Глеб Святославич присутствовал с отцом при смертном одре преподобного Феодосия Печерского, сподобившись благословения аввы. После смерти в 1076 г. Святослава для Глеба наступили трудные времена. Новгорода он лишился, ибо вернувшийся в Киев Изяслав Ярославич готовил на этот «стол» своего сына Святополка-Михаила, того самого, который впоследствии столь много зла сделал Киево-Печерскому монастырю. Глеб уехал сначала в Чернигов к дяде Всеволоду, затем бежал весной 1078 г. в Тмутаракань. В начале лета 1078 г. он был загадочным образом убит в Заволочье. Патерик пишет, что о смерти Глеба был извещен обольщенный бесом затворник Никита, который, понуждаемый нечистым духом, послал сказать к князю Изяславу: «Яко днесь убиен бысть Глеб Святославич в Заволчьи, скоро пошли сына своего Святополка на стол Новуграду». Изяслав после такого случая «прозорливости» стал относиться к обольщенному как к пророку. Никон в летописи сетует по поводу смерти невинно убиенного Глеба и отмечает его христианские добродетели⁷⁹.

Причислена к лику святых преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая. Инокнями закончили свою жизнь дочь великого князя Святослава Ярославича Преслава, сестры Мономаха Анна и Евпраксия, его дочери Екатерина, Евфимия и Мария. Сын Мономаха Мстислав «представлял собою

в те дни постоянных княжеских междоусобий образец христианского великодушия, незлобия, миролюбия. С живой верой и пламенной ревностью о славе Божией созидал он церкви и монастыри; отличался совершенной нестяжательностью, нищелюбием и другими добродетелями, так что некоторые не сомневались признавать его за святого»⁸⁰. Духовником его был святитель Никита. Мстислав Владимирович высоко чтит предстательство и «молитвы преподобного епископа»⁸¹. Более полусотни князей и княгинь канонизованы Церковью, и это говорит не только о личном подвиге их добродетели, но и о христианской харизме древнерусской державы.

Вот как, например, летопись живописует облик еще одного сына Мономаха, друга и единомышленника Новгородского архиепископа Нифонта, родственника Николы Святоши, князя Всеволода-Гавриила, святость которого была засвидетельствована нетлением его мощей: «Издетства был боголюбив, любил правду, наделял убогих, воздавал честь епископам и священникам, особенно же любил черноризцев, делая им пожертвования; воздерживался от пьянства и от похоти, за что и любил его отец более всех своих детей». Священное Писание гласит: «Род правых благословится» (Пс. 111, 2), а «путь нечестивых погибнет» (Пс. 1, 6). Сама история подтверждает это.

Вот почему после смерти Всеволода II, нелюбимого народом отпрыска Олега, киевляне подняли бунт против его брата Игоря Ольговича, претендовавшего на престол. Не только Киев, но и другие удельные столицы, объединившись, призвали на правление Изяслава II, внука Мономаха, ибо хотели восстановить Мономаховичей на престоле. К сожалению, при этом была нарушена крестная присяга, данная Игорю, но Игорь не стал домогаться власти силой. Он принял иноческий постриг и отрекся от мира, уединившись в киевском монастыре Феодора Тирона.

При Изяславе произошла вторая попытка автокефалии Церкви. В 1147 г. он созвал собор, на котором без согласования с патриархией повелел поставить митрополитом Клима Смолятича. Однако треть присутствовавших на соборе епископов во главе со святителем Нифонтом отказались признать Клима. Каждый из них представлял большие и значительные регионы страны, как епископы Новгородский Нифонт или Смоленский Мануил. Но это не остановило князя. Он жестко подавил инакомыслие. Святитель Нифонт — в который раз! — подвергся заключению. И лишь Юрий Долгорукий при овладении в 1149 г. Киевом освободил его.

*Заволочье — территория бассейна Северной Двины и правобережья Онеги, ныне — центральной части Архангельской области России.

*Изяслава Мстиславича встречают в Киеве.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

Это была первая схизма в Киевской Церкви. Она длилась почти девять лет. Раскол произошел не только в митрополии — разделилась держава. Несколько князей во главе с суздальским владетелем Юрием Долгоруким создали оппозицию Изяславу. Божие благоволение отвернулось от великого князя, ибо он, помимо раскола, совершил еще ряд тяжких преступлений — запятнал себя участием, хоть и не прямым, в убийстве политического соперника князя-инока Игоря Ольговича, нарушил обет крестного целования. Эти деяния привели к грандиозной гражданской войне, в которую были втянуты все регионы страны. Именно она явилась причиной трагического раздела государства на Киевскую и Владимиро-Суздальскую Русь, стала той трещиной, которая трансформировалась в глубокий тектонический разлом.

«Получив избрание благодаря своему сюзерену, Климент Смолятич стал верным «карманным митрополитом» Изяслава. И если в том же 1147 г. он действительно не мог остановить расправу над святым Игорем, то уже попытка митрополита скрыть чудо невинно убиенного была выразительным примером использования первосвятительских полномочий в угоду князю. Понятно, что митрополичья власть Климента держалась исключительно на власти своего сюзерена, а поэтому, когда через два года Изяслав был изгнан из Киева, он был вынужден двинуться за ним. Это еще раз доказывает: если бы тенденция, внедренная Изяславом, прижилась тогда, каждый князь въезжал бы в Киев со своим «собственным» митрополитом»⁸².

В водоворот гражданской войны были втянуты многие окрестные племена. На стороне Долгорукого воевали половцы, на стороне Изяслава торки, берендеи, черные клобуки*, а также угры — венгры. Наемные орды в кровавом противостоянии «Руси с Русью» не щадили чужой для них земли, грабя и опустошая ее.

Лавра предпринимала попытки примирить враждующих. В 1148 г. печерский игумен Феодосий II с Белгородским епископом Феодором выступили посредниками на переговорах между Изяславом и союзниками Долгорукого Ольговичами. В 1150 г. в лавре состоялись переговоры между Юрием Долгоруким и Владимиром Галицким⁸³. К сожалению, глас Церкви и на сей раз оказался гласом вопиющего в пустыне. Более того, лавра сама стала жерт-

*Битва войск Юрия Долгорукого и Изяслава II за Киев.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

вой конфликта. В 1151 г. торки и берендеи разорили окрестности Киева, «монастыри и села сожгли, и сады все порубили», как сообщает летопись. Ими был разграблен и Печерский монастырь.

Война за великокняжеский престол прекратилась лишь после смерти Изяслава II. 20 марта 1155 г. Юрий Долгорукий с пышностью въехал в столицу. Но и ему, пролившему столько крови за вожаемое обладание верховной властью, не суждено было долго княжить. Весной 1157 г. он внезапно умер, отравленный, как предполагают историки, кем-то из многочисленных врагов. Похоронили его в церкви Спаса на Берестове. «И тогда проявилась вся глубина враждебности киевлян к нему: они начали громить все дворы Юрия и его сына в городе и за городом, а бояр-суздальцев и дружину, приехавших с Юрием, беспощадно убивали»⁸⁴.

В 1159 г. на столонование на киевский престол получил Смоленский князь Ростислав. Летопись рассказывает: «Пришел Ростислав... из Смоленска в Киев на стол. И вошел он в Киев месяца апреля в двенадцатый день, в воскресенье — а тогда была Пасха святая — и встретили его все люди киевские и бесчисленное множество другого народа. Приняли его люди с достохвальной честью, и сел на столе деда своего и отца своего сей благоверный князь Ростислав, и была людям двойная радость — и Воскресение Господне, и князь восседение»⁸⁵.

Он успешно охранял пределы государства от половцев, возобновивших было свои набеги, примирял князей, за что заслужил имя миротворца. Русская земля могла, хоть на короткое время, вздохнуть спокойно.

В этом нельзя не видеть прямого влияния Печерской обители, игумен которой Поликарп был духовным отцом князя. Преподобный Поликарп получил настоятельство в 1164 г. Житие его повествует: «Приняв управление великой Печерской лаврой, Поликарп усердно старался сохранить в точности все уставы монастырские, переданные ей преподобным Феодосием. И был он искусным наставником и руководителем братии ко спасению, таким усердным и истовым, какого требовала славная лавра и коим она премного была прославлена. Повсюду заговорили о благочинии и особом порядке в лавре. Многие из благородных князей приходили к нему за советом и наставле-

* Тюркские племена, осевшие близ южных границ Руси.

ниями, и многих он побуждал и направлял к добродетельной жизни, а некоторые даже оставляли княжеские престолы и мирское житие, чтобы жить под его руководством в монастыре. Так известно, что Киевский князь Ростислав, часто слушая беседы и наставления Поликарпа, принял за обычай в Великий пост в каждую субботу и воскресенье питать у себя за обедом двенадцать печерских черноризцев и отпускал, богато их одарив. Сам же князь еженедельно приобщался святых Таин, обливая лицо свое слезами покаяния в грехах, так что видевшие его в таком молитвенном умилении не могли удержаться от слез. А когда оканчивался Великий пост, благочестивый князь созывал старцев печерских и, достойно угостив всех и одарив, отпускал с честью. Угощал он иноков и других монастырей, но с особенной любовью относился к инокам печерским. Он любил их за добродетельную, подвижническую жизнь. Особенно он чтит игумена Поликарпа, во всем подражавшего преподобным Антонию и Феодосию»⁸⁶.

При Поликарпе, как видим, обитель стала управляться не только властью игумена, но и духовным собором из двенадцати избранных старцев, стяжавших авторитет высокой подвижнической жизнью. Духовный собор является органом монастырского самоуправления и по сей день.

Церковная обстановка на Руси в то время продолжала оставаться сложной. Святой митрополит Константин I (память его 5 июня) прибыл на Русь в 1156 г. Смерть Юрия Долгорукого во многом усложнила пребывание первосвященителя в Киеве. Вошедший в город 22 декабря 1157 г. князь Мстислав Изяславич изгнал его, а на митрополичью кафедру пригласил низложенного Климата Смолятича. Началась церковная смута, продолжавшаяся долгих восемь лет. На Руси фактически было два предстоятеля. Все епархии и духовенство оказались под запрещением: митрополит-грек запретил последователей Климента, а Климент запретил всех ставленников и сторонников грека. Для прекращения соблазна князь Ростислав, возглавивший Киевское государство в 1159 г., обратился в патриархию с просьбой прислать нового первосвященителя. Но сложности на этом не окончились. Прибывший осенью 1161 г. митрополит Феодор умер весной следующего года. Андрей Боголюбский выдвинул в митрополиты своего ставленника Феодорца —

Боевая дружина во главе с князем.

церковного авантюриста, имевшего недобрую славу. И тогда Ростислав принял смелое решение реабилитировать Климата Смолятича, добиться его легитимизации. Князь начал ходатайствовать перед Константинополем о прощении Климата и поставлении его на кафедру предстоятелей Руси.

«Тот факт, что великий князь изменил свое отношение к митрополиту Клименту, проникнутому идеей автокефалии Руси, объясняется влиянием Киево-Печерского монастыря и в особенности архимандрита Поликарпа. Архимандрит Поликарп, блюститель печерских преданий, был самым близким к Ростиславу человеком. Печерские иноки, пользовавшиеся огромным духовным влиянием в древней Руси, поддерживали в князе мысль о самовозглавле-

Папа Григорий VII.

Из латинской книги XVIII ст. «Изображения святейших пап».

нии Церкви Руси. Но благочестивое желание святого Ростислава... не осуществилось. В 1165 г. в Киев прибыл новый предстоятель — грек Иоанн IV и святой Ростислав из смирения и церковного послушания принял его. Новый митрополит, подобно своему предшественнику, управлял Церковью менее года. Киевская кафедра вновь осталась вдовствующей, а великий князь был лишен отеческого совета и наставления митрополита. Единственным духовным утешением его было общение с игуменом Поликарпом и святыми старцами Киево-Печерского монастыря»⁸⁷.

Благоверный князь Ростислав, прозванный современниками Набожным, «принадлежал к числу тех редких правителей, которые в блеске верховной власти находят более тягости, нежели наслаждения. Два раза возводили его на престол великого княжения, но он не любил власти и всегда готов был отказаться от нее. Достигнув глубокой старости и уже больной, он отправился из Киева в Новгород, чтобы утвердить там сына своего... Большим возвратился он в Смоленск, где сестра и сын уговорили его остаться. «Везите меня в Киев, — отвечал он, — если умру, положите меня в отчем монастыре святого Феодора; если же Бог исцелит меня, молитвами Пречистой Своей Матери и преподобного Феодосия, постригусь в Печерском монастыре». Преставился он 14 марта 1167 г. и погребен был в

вотчинном Феодоровском монастыре г. Киева. Блаженный князь Ростислав отличался незлобием, все прощал, помнил только о своих грехах, о своих долгах пред Богом. Часто говорил он печерскому игумену: «Приготовь мне келью, боюсь смерти неожиданной...» Ему очень хотелось уклониться от суетного мира в Печерскую обитель. Не раз говорил он о том блаженному Поликарпу, но благоразумный старец останавливал его, говоря: «Бог требует от тебя других подвигов — твори правду и блюди землю Русскую»⁸⁸.

Летопись подробно описывает диалоги князя и печерского игумена. «Ростислав же ему так говорил: «Отче! Княжение и мир не могут без греха быть... Хотел бы я ревностно наследовать праведников. Ведь и все благоверные государи страдали и получили награду от Господа Бога, ведь святые мученики кровь свою проливали и увенчались венцами нетленными, ведь и святые отцы, изнулив тело свое постом и узкой стезей ходившие (Мф. 7, 14), получили Царство небесное...» И когда он так говорил с Поликарпом-игуменом, сказал ему игумен: «Если ты этого желаешь, князь, то да свершится воля Божия». Ростислав же, услышав это от игумена, сложил его слова в сердце своем». Трогательна сцена прощания князя со здешним миром перед отходом в вечность. «И глянув на икону Творца, — пишет летопись, — стал он говорить тихим голосом, слезы проливая из очей: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром». И были слезы на щеках его, как жемчужные зерна. И так, отирая слезы убрисцем, он почил месяца марта в четырнадцатый день»⁸⁹. И хотя его желанию принять постриг в Печерской обители не суждено было сбыться, но ревностное исполнение князем государственной миссии низвело на него Божию милость и привело к спасению.

После Ростислава в Киеве воссел Мстислав II. Постановление этого князя сопровождалось неблагоприятными для него обстоятельствами. Против него замыслил крамолу брат покойного Ростислава Владимир Мстиславич, мечтавший захватить престол. Князь Давид Вышгородский узнал о замыслах Владимира и предупредил о них Мстислава. Владимир вынужден был искать встречи с великим князем для оправдания. Место для переговоров предоставила Киево-Печерская обитель.

«И приехал Мстислав, — рассказывает летопись, — в Печерский монастырь, а за ним Владимир приехал. И повелел ему Мстислав сойти с коня возле экономовой келии, а сам сошел возле игуменской келии». Здесь и состоялось между ними объяснение. Мстислав для дознания велел привезти из Вышгорода свидетелей. «И снова, переждав три дня, Мстислав приехал туда же, в Печерский монастырь...

Печать князя Ростислава-Михаила Набожного.

И стали они спорить... Мстислав тогда оставил это на волю Божию и сказал Владимиру: «Брат! Ты крест целовал, и у тебя еще даже уста не обсохли! А ведь это отцов наших и дедов наших присяга, и кто ее преступит — пусть Бог ему будет Судией. А ныне, если ты на меня не замышлял и не ищешь мне зла, целуй мне крест». И Владимир сказал: «Я с радостью, брат, целую». И целовал он крест, и Мстислав отпустил его»⁹⁰.

Увы, Владимир Мстиславич не только нарушил присягу, но и начал вести тайные переговоры с берендеями о низвержении сюзерена. Однако «поганые», как пишет летопись, видя политическую несостоятельность Владимира, напали на него, перебили его слуг и самого едва не убили. Изменник спасся бегством в Суздаль к Андрею Боголюбскому. Господь наказал клятвопреступника, осмелившегося «солгать Святому Духу» (Деян. 5, 3) — нарушить крестное целование, к тому же данное в таком святом месте — Киево-Печерской лавре.

Мстислав был энергичным и волевым князем. Победный поход на половцев весной 1168 г. принес ему большую славу. Он смог объединить в этом походе почти всех окрестных князей.

Даже тяжело больной брат Мстислава Ярополк, зная, что выступление в поход может стоить ему жизни, присоединился к коалиции. «И настигла весть Мстислава за Каневом: «Брат твой очень изнемогает». И послал Мстислав гонца к игумену Поликарпу и к Даниилу, попу своему, веля им ехать к брату Ярополку и говоря им обоим так: «Если Бог возьмет брата моего, то, опрятавше тело его, отвезите...»⁹¹. Вот на такие жертвы приходилось идти, чтобы дать отпор врагу.

Однако следующий шаг князя, связанный с вмешательством в дела Церкви, вновь обострил внутривнутриполитическую ситуацию и всколыхнул уснувшую было усобицу. Находясь под сильным влиянием митрополита Константина II, князь созвал в 1168 г. собор для решения давнего и затяжного спора о посте в среду и пятницу, причем принял на соборе не сторону русских епископов, а митрополичью. Партию защитников отечественного предания возглавил киево-печерский архимандрит Поликарп.

«Поликарп разрешил в своей обители пост среды и пятка для всех праздников Господских, Богородичных и нарочитых святых и в продолжение всей Пятидесятницы, ссылаясь на устав Студийский, который был введен в обители еще преподобным Феодосием. Митрополит Киевский Константин, напротив, утверждал, что не должно разрешать поста ни для каких праздников, кроме Рождества Христова и Богоявления, и порицал Поликарпа. На собор явилось до ста пятидесяти лиц... При открытии соборных рассуждений все присутствовавшие разделились на три партии — одни держались мнения митрополита, в числе их два епископа — Антоний Черниговский и Антоний Переяславский, другие держались мнения Поликарпа и Феодора Суздальского, во главе их три епископа — Смоленский, Владимирский и Галицкий, третьи не объявили своего мнения, вы-

жидая соборного решения или предлагая отослать дело на суд патриарший», — пишет митрополит Макарий.

По сути, это был настоящий Поместный собор, собравший представителей всех епархий. На нем присутствовали и архиереи, и клирики, и миряне. Им предстояло решить действительно важную проблему, волновавшую тогда всю полноту не только отечественной, но и вселенской Церкви. «Вопрос состоял в том, должно ли соблюдать пост в среду и пяток, когда в эти дни случится какой-либо великий праздник... По древним правилам Церкви, пост в среду и пяток соблюдался в продолжение всего года и разрешался* только в течение Пятидесятницы и для праздника Рождества Христова. Позднейшие монастырские уставы святых Саввы, Евфимия, Феодора Студита, Афанасия Афонского отменяли пост не только для Рождества Христова, но и для других великих праздников Господских, Богородичных и некоторых святых... Такое разногласие уставов неизбежно должно было возбудить споры. И в XI в. споры эти действительно обнаружили в Греции и перешли в век XII: константинопольские патриархи Николай Грамматик, Лука Хрисоверг и др. были вынуждены писать послания для решения спорного вопроса. В XI в. он сделался известным и у нас, как видно из послания Феодосия Печерского к князю Изяславу. В XII в. он был повторен Кириком в его беседах с Новгородским епископом Нифонтом. Уже во 2-й половине XII в. вопрос этот возбудил сильные толки и произвел волнения в Русской Церкви. В 1157 г. ростовцы изгнали от себя епископа Нестора за то, что он не дозволял им отменять пост среды и пятка для Господских праздников»⁹².

Игумен Поликарп отстаивал на соборе старую практику, испокон времен утвердившуюся в отечественной Церкви. Большинство священнослужителей втайне поддерживало его, ибо позиция митрополита на изменение обычаев, глубоко укоренившихся на Руси, воспринималась ими очень болезненно. Собор так и не пришел к единому мнению. «И уже тогда, когда защитники Поликарпа епископы Смоленский, Владимирский и Галицкий удалились в свои епархии, митрополит с единомысленными ему двумя епископами осудил Поликарпа на заточение»⁹³. Князь одобрил осуждение Поликарпа.

Однако споры после собора не утихли, а, наоборот, разгорелись. Епископ Антоний Черниговский, осудивший Поликарпа, был враждебно встречен в своей епархии и изгнан Черниговским князем. Другие затаились, боясь гнева митрополита Константина. Авторитет Мстислава был сильно подорван некомпетентным и субъективно-пристрастным вмешательством в сугубо церковное дело, к тому же закончившееся репрессиями против любимой народом лавры. Поликарпа, поплатившегося за верность преданию заточением, воспринимали как борца за правду, защитника отеческих обычаев. «Многие и после сего не переставали сочувствовать Поликарпу и считали его невинно осужденным, так что, когда в 1169 г. Киев был взят и ра-

ПОЛУКАРПА ѿ СІМСОНА ЖИТІЙ ДОБРА СЛЫШАТЕЛ
ѿ ЛНВОТЪ ВЪЧНЫИ ДОГТОННУХЪ ПЛОДШВЪ БЫРЪ ДЪЛА

*Преподобный Поликарп, архимандрит Печерский.
Из Патерики 1702 г.*

зорен войсками Боголюбского, видели в этом наказание Божие», — резюмирует митрополит Макарий.

Действительно, для Мстислава началась эпоха заката. На северо-востоке страны возвысился его грозный соперник Андрей Боголюбский. Видя политическую слабость Киевского княжества, утратившего авторитет первенства и чести, Андрей в 1169 г. послал на юг огромную рать во главе со своим сыном. К нему присоединились другие оппозиционные вассалы: смоленские Ростиславичи, черниговские Ольговичи, Глеб переяславский — всего 11 князей с их дружинами. «Главной и постоянной целью его деятельности было унижить значение Киева, лишить древнего старейшинства»⁹⁴.

«Желая сделать свой город Владимир-на-Клязьме первопрестольным и возвысить его над всеми другими, князь Андрей хотел возвысить его и в церковном отношении, возвести на степень митрополии. С этой целью он около 1162 г. отправил посла к Константинопольскому патриарху Луке Хрисовергу, прося его отделить Владимир, учредив в нем кафедру митрополии», — пишет митрополит Макарий. Патриарх, собрав собор и рассмотрев послание Боголюбского, не благословил разделения Киевской Церкви на две Автономии, «к крайнему прискорбию князя»⁹⁵. С тех пор отношения князя и патриарха усложнились. На соборе 1168 г. «Андрей Юрьевич писал к Мстиславу, дабы митрополита ссадить и избрать епископам иног»⁹⁶.

* Здесь — отменялся.

Подойдя к Киеву, войска оппозиции осадили его. Оборона продержалась всего три дня, ибо торки и берендеи, союзники Мстислава, были склонны к измене. Город был взят 12 марта, на второй неделе Великого поста. «И грабили они два дня весь город — Подол, и Гору, и монастыри, и Софию, и Десятинную Богородицу. И не было помилования никому ниоткуда: церкви горели, христиане гибли, а многих хватали, женщин уводили в плен, насильно разлучая с мужьями, дети рыдали, глядя на матерей своих. И взяли они бесчисленное множество добычи, и храмы оголили, набрав икон, и книг, и риз, и колокола поносили... и все святыни забрали. Зажжен был даже монастырь Печерский Святой Богородицы погаными, но Бог молитвами Святой Богородицы сохранил его от такой беды. И был в Киеве среди всего народа стон, и печаль, и скорбь неутешная, и слезы беспрестанные. Все же это случилось за грехи наши», — сообщает летопись. Такого разорения столица не видела даже от половцев.

«Древний Киев потерял вековое старейшинство. Некогда богатый, заслуживавший от посещавших его название второго Константинополя, он и прежде утрачивал свой блеск от междоусобий, а теперь был ограблен, сожжен, лишен значительного числа жителей, перебитых или отведенных в неволю, поруган и посрамлен»⁹⁷.

Лаврентьевская летопись прямо обвиняет в случившемся бедствии правящую верхушку: «Се же здеся за грехы ихъ, паче же за митрополичю неправду: в то бо время запретил бе Поликарпа игумена Печерьского про Господьския празднигы... Да внимаемъ мы себе... и не противимся Божью Закону».

После уничтожения Киева рать победителей избрала жертвой Новгород. Вольному северному городу была уготована подобная же участь. Зимой 1170 г. он был осажден. Завоеватели делили по жребию новгородские улицы, горожан, их жен и детей, «подобно тому, как делали это с киевлянами», — пишет историк Н.Костомаров. Однако новгородцы дали достойный отпор захватчикам. Преодолеть несметное войско им помогло чудо. Печерский архимандрит Поликарп пишет в летописи: «В трех храмах Новгородских на трех иконах плакала Святая Богородица, ибо видела Матерь Божия пагубу, нашедшую на Новгород и на волость его. Посему и молила Она Сына Свое-

Икона Богоматери «Знамение».

го со слезами, чтобы не искоренил он их, как Содом и Гоморру, и помиловал, как ниневитян... Так и сих людей новгородских Он смирил покаранием, наведя на них рать за нарушение крестного целования... Ибо укоренилась у них пагубная неверность — Крест Честный лобызаяще, преступать клятву. Доколе Господу терпеть сие? За грехи он навел рать и покарал их заслуженно рукою благоверного князя Андрея»⁹⁸. Пресвятая Богородица, явив знак Своего заступления через чудотворную икону «Знамение» из новгородской церкви Спаса, помогла осаждаемым.

«Иконографический тип Богоматери Знамение — сокращенный вариант изображения Богоматери Великой Панагии. Изображения Знамения часто сопровождают надписи: «Влахернитисса» — по чтимой святыне Влахернского монастыря в Константинополе, «Ширшая небес»⁹⁹. Новгородский архиепископ Илия неотступно молился в алтаре Софийского собора о спасении города. Вдруг он услышал глас, повелевавший ему отнести на городскую стену икону Знамение из храма Спаса на Ильинской улице. «Со слезами радости пал он на помост и молился до самого рассвета. Потом велел благовестить в большой соборный колокол и послал в церковь Спаса протодиакона с клиром Софийского собора. Они возвратились, говоря с ужасом, что икона не двигается. Тогда Илия сам пошел в Спасскую церковь, пал на землю и сказал: «Дева, Владычица, упование и надежда, Заступница града! Ты стена, покров и прибежище всех и на Тебя грешные уповаем. Не предай нас врагам за грехи наши, но услышь сей плачь и воздыхание. Молись Сыну Твоему. Ниневия покаялась и была спасена, да явится и ныне милосердие Божие!» Начался молебен. Все со слезами смотрели на икону. Когда запели кондак по шестой песни: «Предстательство христиан непостыдное», — икона заколебалась. Все радостно воскликнули: «Господи, помилуй!» С пением понесли образ на городскую стену и поставили на внешнем укреплении города, где

Разорение Киева войсками Андрея Боголюбского. Миниатюра Радзивилловской летописи.

кипела битва. Молва о чуде от святой иконы разнеслась между защитниками, уже изнемогавшими. Тучи стрел летели на икону. Вдруг одна из стрел, пущенных суздальским воином, вонзилась в образ. Лик Пресвятой Девы обратился к городу. Архипастырь увидел, как слезы упали из очей Богоматери на его фелонь, и воскликнул: «О дивное чудо! Ты даешь нам Знамение, Царице, что сим образом молишься пред Сыном Твоим и Богом об избавлении града». В войске осаждавших началось смятение — они друг друга поражали оружием. Неприятельские войска в страхе бежали»¹⁰⁰. С тех пор чудотворный образ Божией Матери «Знамение» стал почитаться всей полнотой Церкви. Празднество в ее честь совершается 27 ноября.

В 1173 г. князь Андрей вновь повел пятидесятитысячную рать на Киев, собрав войска уже не одиннадцати, а двадцати князей. Но, несмотря на превосходство в силе, он был наголову разбит. В 1174 г. Андрей Боголюбский претерпел мученическую кончину от неверных слуг, коварно умертвивших своего государя.

Архиепископ Филарет Черниговский характеризует личность князя как противоречивую. У него было много достоинств — он любил строить храмы, с благоговением относился к святыням, ктигоровал над Киево-Печерской лаврой, утвердив своей грамотой ее права на ставропигию. «Чувствуя, как гибла Русь от раздробления власти по уделам, — пишет архиепископ Филарет, — он старался ввести единоедержавие и ошибки своей слабости заглаждал глубоким смирением перед судом Божиим, наказывавшим страсть. Последние слова его были: «Господи! В руце Твои предаю дух мой».

Личность князя Андрея вобрала в себя все противоречия и ошибки «эпохи распада», в которой ему довелось жить и которую он сам инициировал. Если княжение его великих предшественников — равноапостольного Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха — было служением единству Руси, то бурное правление этого северного князя стало служением самовластию. Вопреки логике своего отца Юрия Долгорукого, последнего самодержавного великого князя, амбиции которого неизменно простирались на Киев как единую и неделимую столицу государства, Андрей без всякого пиетета отбросил идею единоначалия «Владиминова града», некогда с таким пафо-

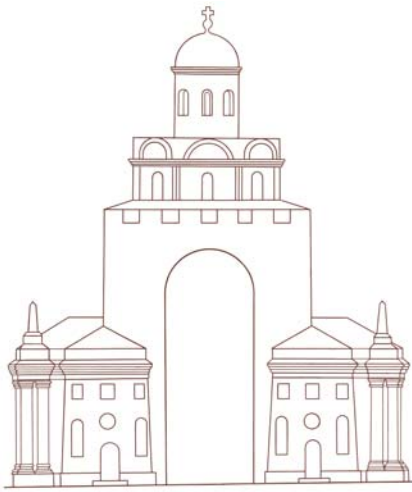
Владимирский образ Богоматери.

сом провозглашенную митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати». Трезво оценив, что южане никогда не позволят чужакам властвовать в их отчине — а это отчетливо проявилось в загадочной смерти узурпатора Долгорукого и вызванном ею стихийном восстании киевлян, — Боголюбский в корне изменил свое отношение к столице и с тех пор его планы приобрели отчетливую антикиевскую направленность. По сути, это был революционный поворот в политической идеологии. Задумав стать великим князем, Андрей упростил путь к цели, решив добиться ее без санкции «матери градов русских». Идеологическая программа нового диктатора переориентировалась на создание сакральных державных функций собственного удельного города — Владимира, для чего он вывез в 1155 г. из Киева чудотворный Вышгородский (Владимирский) образ Богоматери, написанный, по преданию, евангелистом Лукой и доставленный в 1131 г. на Русь из Константинополя.

Следуя традиции византийских императоров, стремившихся к пышному идейно-религиозному оформлению своих военных триумфов, Андрей инициировал создание программного цикла героических произведений 1164-1165 гг., воспевавших победу его оружия над волжскими булгарами, и установление церковного праздника 1 августа, по примеру византийского императорского празднования 1 августа, «якоже в Костантине граде уставиша святии отци и благоверный пантократор...»¹⁰¹. В произведениях владимирских книжников 1160-х гг. Боголюбский предстает как «царь и князь всея Руси» (ЛОИИ. Собр. Н.П.Лихачева, № 161. Торжественник 80-х гг. XV в., л. 449 об. — 450). Употребление «царских» этикетных формул, идеализация образа Андрея Юрьевича как бесстрашного «храбра» и воителя Руси были направлены на укрепление власти Владимирского князя, распространение ее на другие территориально-политические субъекты государства.

Убийство Андрея Боголюбского. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Владимир. Золотые ворота (схема).

Отчетливо осознавая, что главную трудность на его пути представляет сакральный образ столицы как «града Божия Матери», князь решил сломать господствующие религиозно-семантические тенденции и выдвинуть новую церковно-идеологическую концепцию. Для этого он устанавливает 1 августа, за две недели до Успения, празднование в честь «Всемилового Спаса и Пречистой его Матере». В историко-легендарном «Сказании о победе над волжскими болгарами 1164 г. и празднике 1 августа» 60-х гг. XII в. проводятся параллели с победами императора Мануила Комнина против сарацин, причем владимирский князь и византийский василевс показаны равными в чести и достоинстве. Явлению, напр., «божественного луча огнена» Андреевым дружинам в сцене битвы 1164 г. соответствует видение лабарума — «божественной победы» — римско-греческому императору Константину перед битвой при Сакса Рубра. Благодарственная молитва князя Андрея в чем-то копирует этикетное моление равноапостольного князя Владимира в «Повести временных лет» под 996 г.¹⁰²

Перелом в сознании князя произошел после 1162 г. Если в 1161-1162 гг. он строит ростовский Свято-Успенский собор на месте сгоревшего деревянного, сооруженного его дедом Владимиром Мономахом «в меру божественныя церкви Печерския», то в 1165 г., после установления праздника 1 августа, его программным шагом стало возведение храма Покрова на Нерли близ Боголюбово и создание при нем Покровского монастыря, причем материалом для строительства служил белый камень из болгарских каменоломен. В том же году князь ставит во Владимире Золотые ворота по аналогии с Золотыми воротами Царьграда и Киева. Покровской семантике отводилась важная роль — она должна была стать главенствующей по отношению к успенской, заменить ее.

По мнению исследователей, праздник Покрова на Руси «был первоначально принят в Киево-Печерском и соседнем с ним Влахернском монастыре»¹⁰³. В 1148 г. святитель Нифонт основывает в своей епархии Покровский Зверин монастырь. В 1160-е гг. Андрей Боголюбский учреждает малоизвестный праздник Покрова сначала в своем уделе, а

Боголюбская Рождество-Богородичная церковь (1158-1165 гг.).

затем во всей стране. В конце XII в. праздник Покрова вносится в Пролог. Ему посвящается цикл произведений: «Проложное сказание», служба и т. д. Оба праздника, судя по концепции «Сказания о победе над волжскими болгарами 1164 г. и празднике 1 августа», были санкционированы священноначалием: патриархом Лукой Хрисовергом, митрополитом Константином и Ростовским епископом Нестором.

Но так ли это? Ведь князь Андрей, как никто другой, состоял в перманентном конфликте с церковной властью. В 1157 г. епископ Нестор был изгнан Боголюбским с кафедры, по настоянию княжеского фаворита, суздальского игумена Феодора, выдававшего себя за киево-печерского монаха. Лишь в 1161 г. Нестор дождался реабилитации от новоприбывшего на Русь митрополита Феодора. Однако Андрей и не думал принимать Нестора, из-за чего последний отправился искать защиты в Царьград. Князь тем временем задумал неслыханное — учредить во Владимире автономную митрополию и отделиться от киевской первопрестольной кафедры. Отправив в Константинополь посольство, князь начал готовить для новой роли «владимирского митрополита» соперника Нестора, Феодорца, хотя Владимир тогда даже не был епархиальным городом, подчиняясь Ростову (первым самостоятельным Владимирским епископом стал в 1214 г. — почти через полвека — святитель Симон, создатель Печерского Патерика).

Патриарх Лука Хрисоверг воспринял пропозицию Боголюбского крайне негативно. Он отверг идею раздробления Киевской митрополии, предвидя ее разрушительные последствия не только для Церкви, но и русского государства. Если бы, паче чаяния, идея Боголюбского осуществилась, то привела бы к страшной и неизлечимой церковной смуте — прецедент амбициозного князя создал бы цепную реакцию создания карманных автономных церковных структур едва ли не в каждом уделе, каждой епархии. В целостный, монолитный церковный организм ворвались бы стихии политической борьбы, разорвав его на фрагменты не признающих и анафематствующих друг друга митрополий, как это было во времена Андреева отца, — вспомним митрополитов Константина I и Климента Смолятича!

Кстати, подобную ситуацию мы наблюдаем сейчас на Украине. Процесс создания различных антиканонических «автокефальных» лже-Церквей являет нам всю пагубность «церковных революций», когда политические принципы проникают в церковную среду.

Патриарх Лука не только не исполнил просьбу князя, но и укорил его за непослушание епархиальному архиерею, полностью оправдав оклеветанного Нестора. Реакция Боголюбского была очень болезненной. Крах его идей заставил князя искать другие, доступные ему пути. Вот тогда и возникает формирование идеологической программы по замене успенской символики новыми градозащитными концепциями. Причем борьба против патриарха не прекращается. На соборе 1168 г. «Андрей Юрьевич писал ко Мстиславу, дабы митрополита ссадить и избрать епископамъ инаго... что отъ власти патриарховъ въ Руси великій вредъ и напрасные убытки, о чемъ Феодорец паче всехъ прележалъ»¹⁰⁴.

Феодорец, беспринципный авантюрист, любой ценой мечтавший заполучить белый клобук, не оставил, как видим, своих планов, смущая собор антипатриаршими выступлениями. Получив на соборе единодушный отпор, он отправился в Константинополь, но, вопреки велеречивым просьбам, не смог добиться митрополичьей хиротонии. Впрочем, невероятные усилия и средства, потраченные Феодорцем на «похищение сана», все же не пропали даром. Не желая озлоблять князя Андрея, патриарх частично уступил и рукоположил Феодорца в Ростовского епископа. Окрыленный властолюбец по пути в Ростов не счел нужным заехать в Киев, чтобы взять благословение от митрополита Константина II, чем смутил даже своего патрона — Боголюбский не желал видеть себя в столь явной оппозиции к митрополиту. На просьбу Андрея Юрьевича взять благословение у предстоятеля «белоклобучник» ответил отказом. Его пренебрежение канонами заходило столь далеко, что он дерзал возлагать на себя несоответствующие сану митрополичьи регалии, за что и получил от современников прозвище «белоклобучника». Позднее, через несколько столетий, его примеру последует еще один узурпатор церковной власти — Митяй, архимандрит Коломенский.

Церковь Покрова на Нерли. Реконструкция Н.Воронина.

Сейчас, в XXI в., принципы Феодорца и Митяя воплощает в своих действиях еще один «белоклобучник» — монах Филарет (Денисенко), анафематствованный собором епископов 1992 г., но беззастенчиво рядящийся в несоответствующие своему положению простого монаха «патриаршие» облачения.

Каков же финал авантюриста? Митрополит предпринял канонические меры по ограждению паствы от лжепастыря. Он «писал к игуменам и пресвитерам епархии Ростовской, чтобы они, пока Феодор не примет благословения у святой Софии Киевской, не признавали его за епископа и не служили с ним. Послание митрополита произвело свое действие: не только духовные, но и миряне не стали брать благословение у Феодора. Это еще более раздражило непокорного, он начал запрещать священнослужение игуменам и пресвитерам и даже проклинать их, велел запереть церкви во всем Владимире, так что богослужение в городе прекратилось, ...а тех, которые осмеливались противиться ему, предавал неслыханным казням...

Напрасно Боголюбский несколько раз старался образумить своего прежнего любимца. Феодор не только не слушался, но даже укорял и порицал самого князя и... в безумном ослеплении открыто изрекал в церкви хулы на святых Божиих, на Пресвятую Богородицу и Самого Господа Бога. Наконец, слыша непрестанные жалобы и всеобщий ропот своих подданных, выведенный из терпения... князь Андрей приказал взять его и отправить на суд к митрополиту. Митрополит Константин, рассмотрев вины его, лишил его сана и послал на остров Песий для покаяния. Но Феодор не только не хотел покаяться, но... продолжал умножать свои ереси и ожесточение. Тогда митрополит приговорил его к смертной казни... Вооружив против себя духовенство и мирян своей епархии, оставленный самим князем Андреем, имея в своем главном судии — митрополите Константине — личного врага, Феодор не мог найти защиты и пощады ни от кого и погиб, как преступник...»¹⁰⁵.

Митрополит, таким образом, сумел в 1169 г. нейтрализовать двух своих оппонентов — сначала «запретить» настоятеля Киево-Печерского монастыря Поликарпа, а затем казнить Феодорца. Поликарпа Константин II также считал своим врагом из-за древнего, «Феодосиева» устава о посте. Хотя, по-видимому, заострению противоречий между ними способствовали мотивы другого порядка. Поликарп, имевший при великом Киевском князе Ростиславе Набожном большое влияние на принятие церковно-государственных решений, выступал за реабилитацию Климента Смолятича, исходя из патриотических позиций — дабы русичи добились права на возглавление национальной Церкви. Константин, зная, что Поликарп представляет партию патриотически настроенных священнослужителей, занял по отношению к нему настороженную позицию. Применяя жесткие методы руководства, митрополит повсюду внедрял «византизм», несмотря на то, что в славянской среде прочно укоренились некоторые обрядовые обычаи седой старины, бережно хранимые народом. Практика пе-

яние дальновидного игумена Поликарпа сближает его со знаменитым архимандритом Феоктисом, который также смог, милостью Божией, крайне неблагоприятную для лавры обстановку переменить ей во благо.

Последующие события подтверждают нашу версию. В 1171 г. Андрей Боголюбский, несмотря на неудачу новгородского похода, окончательно завоевывает великокняжескую власть. В Киеве он сажает своего вассала Романа Ростиславича, сына святого Ростислава Набожного. Возможно, сделал он это по протекции печерского настоятеля, близкого к семье Ростиславичей. В июле 1171 г. митрополит Михаил и городское духовенство торжественно встретили нового князя. «...Приде Романъ Киеву, и усретоша его съ кресты митрополит, и архимандритъ Печерскій игумен вси, и кїане вси...» — пишет Ипатьевская летопись¹⁰⁷. Что произошло с Константином II, история умалчивает. Наверное, нестроения 1169 г. сказались и на его судьбе. Вряд ли смута в Киевской митрополии порадовала Константинополь — скорее всего, назначение Михаила III стало ответной реакцией встревоженной не на шутку патриархии. Бросается в глаза новая титулатура Поликарпа — в 1170 г., в летописной статье о погребении берестейского князя Владимира Андреевича, он называется еще игуменом. До 1171 г. летописи величали, среди лаврских настоятелей, архимандритом только Феоктиста. Возобновление, через шесть с лишком десятков лет, архимандричьей титулатуры, провозглашение которой в хрониках совпадает с появлением на Руси нового митрополита — Михаила III, позволяет относить получение Поликарпом ставропигиальных грамот именно в данный период.

Боголюбский, добившийся наконец неограниченной власти, отрекся, вероятно, от планов церковного сепаратизма, примирился с патриархом и даже смог избавиться от неугодного митрополита Константина. Патриарх, вынужденный считаться с возросшим статусом нового великого князя, уступил. Более того, утвердил церковные инициативы Андрея Юрьевича, доселе нелегитимизированные, — установление праздников Всемиловитого Спаса 1 августа и Покрова Пресвятой Богородицы 1 октября. Боголюбский сумел также добиться от Константинополя возведения Киево-Печерского монастыря в ранг ставропигии, дарования обители официального звания лавры, а ее настоятелю — сана архимандрита. Может быть, этим Андрей Боголюбский старался искупить свою вину перед Киевом. Впрочем, искупление произошло позже, и, увы, не без крови, ибо «земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровию пролившего ее» (Чис. 35, 33).

Ставропигия была призвана, согласно стратегическим расчетам князя, нейтрализовать влияние митрополичьего двора и сделать новой церковной доминантой Киево-Печерский монастырь, как общерусскую святыню. Вместе с тем в своих далеко идущих имперских планах князь стремился обрести поддержку лавры. Ведь, хотя великокняжеский титул был им наконец завоеван, предстояло еще многое сделать для его упрочения. Но Бог судил иначе.

*Владимирский Свято-Успенский собор (1158-1160 гг.).
Реконструкция Н.Воронина.*

Киев, ослабленный и измученный горькими испытаниями, после смерти Боголюбского переходил из рук в руки. За несколько лет в нем поменялось столько князей, сколько не бывало за столетие. И лишь Церковь в бурном вихре политических страстей оставалась форпостом стабильности. Вопрос о посте, по мнению ученого М.Д.Приселкова, остался в форме старой практики, которая изменилась лишь много времени спустя¹⁰⁸.

Лavra выстояла в тяжелом испытании и вышла из него победительницей. Ей удалось не только залечить раны, нанесенные штурмом Киева, но и упрочить свои позиции, закрепив статус архимандрии. И в этом — заслуга ее мужественного настоятеля. Преподобному Поликарпу удалось также вернуть в обитель дело летописания, от которого она волею князей была отлучена на несколько десятилетий¹⁰⁹. Так что к его великим достоинствам прибавляется и талант писателя. Преставился архимандрит Поликарп в 1182 г.: «В се же лето преставился блаженный архимандритъ игумень Печерской, именовъ Поликарпъ, месяца въ 24 день, въ день святу мученику Бориса и Глеба». Это было промыслительно, ибо через подвиг крестоношения игумен, полагавший «душу свою» (Ин. 15, 13) за черноризцев и паству, удостоился увенчания от Господа не только как преподобный угодник, но и как страстотерпец. Господь прославил его нетлением мощей. Память его 24 июля и 28 сентября.

После гражданской войны, закончившейся разгромом Киева, история Руси вошла в деструктивную фазу. Свято-татство, совершенное единокровными братьями-христианами над национальными святынями, явилось симптомом неизлечимого недуга общества, потерявшего моральные устои. Разрушение «матери градов Русских» было актом политической расправы, попыткой сокрушить символ Киевской Руси, поразить ее в самое сердце. Оно переполнило чашу долготерпения Господня, стало началом конца. «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот» (Мр. 3, 24-25), — говорит Евангелие. С этой минуты приговор, который общество, называющееся христианским, но поправшее законы Христианства, вынесло само

себе, стал неотвратим. Самораспад неудержимо повлек страну в бездну.

Дуумвират князей Рюрика и Святослава III в последней четверти XII в. смог на время утихомирить страсти. Но в междуполитических отношениях прочно воцарились беззаконие и право силы. Так, академик Б.А.Рыбаков пишет, что Святослав более десяти раз менял сюзеренов, пока получил великокняжеский титул, более десяти раз преступал обет крестного целования!

Единственной опорой разваливающейся страны оставалась Церковь. Киево-Печерская лавра по-прежнему отдавала на всецерковное служение лучших своих сыновей. Хиротонии епископов из числа ее братии не прекращались.

В 1182 г. в истории обители произошло неординарное событие, подробно описанное в летописи: «По смерти Поликарпа братия никак не могла избрать себе нового настоятеля и была общая скорбь и печаль. Потому во вторник ударили в било, сошлись в церковь и начали молиться Пресвятой Богородице. В это время многие единогласно изрекли: «Пошлем к священнику Василию, что на горе Щекавице, да будет он нашим игуменом». И пришедши, поклонились Василию и сказали: «Все мы, черноризцы, кланяемся тебе и хотим иметь тебя своим отцом и игуменом». Пораженный этим, священник, также поклонившись, отвечал: «Отцы и братия! Признаюсь, что сделаться черноризцем я уже помышлял в сердце своем, но как вы вздумали предлагать мне, недостойному, игуменство?» И долго противился им и отрекался. Наконец братья привели его в обитель в пятницу, а в воскресенье прибыл туда же сам митрополит Никифор и с ним епископы Туровский Лаврентий и Полоцкий Николай и все игумены. Митрополит своею рукой постриг Василия и поставил его игуменом Феодосиева монастыря».

Впервые в истории лавры поставление настоятеля происходило с такой торжественностью. По числу архиереев, среди которых были и печеряне, оно сравнимо с епископской хиротонией. Сам митрополит возглавил постриг Василия. Это говорит не только о росте авторитета обители, но и о признании ее исключительно важной роли в жизни Церкви.

В подтверждение сему может служить следующая летописная статья: «...освящена была церковь святого Василия Великого, что стоит в Киеве на Большом дворе, великим освящением месяца января в первый день. Совершили это освящение митрополит Никифор и блаженный Никифор, епископ Юрьевский, и архимандрит печерский игумен Василий. Сооружена она была Святославом Всеволодовичем и он позвал на пир тот духовный священный митрополита Никифора и других епископов и игуменов, и все священство, и киевлян, и все веселились». Церковь Василия Великого (Трехсвятительская) была освящена в день памяти этого святого 1 января 1185 г. Летописцы обычно перечисляли присутствовавших на церковных торжествах настоятелей, как было, например, при перенесении мощей Бориса и Глеба в 1115 г. Сейчас же из настоятельского кор-

пуса был назван один лишь «архимандритъ Василий Печерский игумень», и «прочіи игумени». Здесь летопись упоминает его с архиереями, ставя с ними на одну ступень, делая лаврского архимандрита им равным.

Очевидно, скромный священник из прихода на Щекавице обладал великими добродетелями, особыми духовными качествами, если после преставления преподобного Поликарпа ему нельзя было найти адекватную замену среди братии. Ответ на этот вопрос дает послание святителя Кирилла Туровского, адресованное печерскому настоятелю. Епископ Кирилл обращается к нему: «Всечестной, богоблаженный Василий, поистине славный и великий во всем мире архимандрит, отец отцов, великий для всех путеводитель к горнему, душа, проникающая тонким умом своим в богодухновенные писания, вторый Феодосий, игумен печерский, хотя не по имени, но по делам и вере равный ему святостию... возвеличенный Христом как угодный Ему раб и Его Матери слуга»¹¹⁰.

Несмотря на катаклизмы, лавра сохранила главное «еже есть на потребу» (Лк. 10, 41) — глубину аскезы, преемственность традиций, заложенных ее преподобными основателями Антонием и Феодосием. Почти все настоятели лавры канонизованы Церковью. Они и при жизни стяжали признание как добрые пастыри Христова стада, озаренные Божественной благодатью. «Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18), — сказал Спаситель. Несмотря на то, что вокруг рушились основы государства, лавра выстояла и еще более укрепилась в крестоношении.

Яркой иллюстрацией тех времен является шедевр древнерусской народной поэзии — «Слово о полку Игореве». Героический эпос повествует о судьбах страны, о «крамолле», которую ковали нечестивые князья, о доблести ратников, оборонявших родную землю от злых половцев:

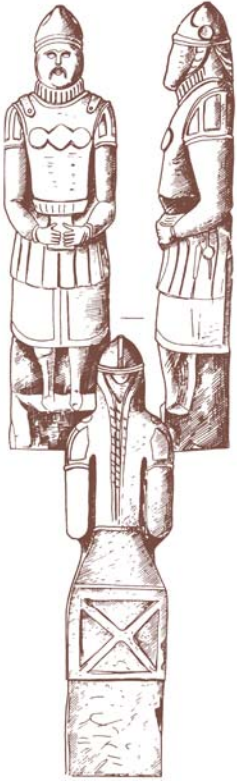
**Почнем же, братие, повесть сню
от стараго Владимира до нынешняго Игоря
иже истягнѹ ѹмъ крепостию своею
и поостри сердца своего мѹжествомъ;
напленився ратнаго дѹха,
наведе своя храбрѹя полкы
на Землю Половецкѹю
за Землю Рѹсьскѹю.**

В «Слове» описан поход Новгород-Северского князя Игоря на половцев в 1185 г. Сказитель вешает с горькой тугой:

**дсовница князем на поганѹя погыбе,
рекота во брат братѹ: «Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое — «се великое»
молвити а сами на себе крамолѹ ковати.
А погани съ всехъ странъ прихощахѹ
съ поведами на землю Рѹсьскѹю...**

«Слово» воспевает богатырскую силу и храбрость русичей, их жертвенный воинский подвиг.

Древнерусский фольклор отобразил доблесть защитников Отечества и в многочисленных былинах. Главным героем народных былин выступает Илья Муромец, крестья-

Половецкая мужская статуя.

янский сын из «славного города из Муром, из села Карачарова», который «в сиднях сидел тридцать три года»¹¹¹. Предание говорит, что болезнь его приключилась «за какой-то грех деда, впоследствии ушедшего в монастырь, в Киев»¹¹². Возможно, это был Печерский монастырь. Илья, на закате жизни упокоившийся в лавре, пошел по стопам своего деда. Былины воспевают Илью не просто как героя, но и как особого Божия избранника. Исцеление он получает от Самого Господа, пришедшего к нему в виде нищего «калика переходжего». В этом для древнерусского сознания нет ничего удивительного. Христа русичи воспринимали как Заступника, Труженика, Страдальца за народ. Вспомним Ф.Тютчева:

**Удрүченный ношей крестной
Всю твѣя, земля родная,
В равском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.**

Даже возраст, в котором Илья начинает свое служение, — тридцать три года — соответствует возрасту Иисуса Христа.

**Пришли к нему нища братия
Сам Исүс Христос, два апостола.
Ты поди, Илья, принеси испить!
— Нища братия, я — без рук, без ног!
— Ты вставай, Илья, нас не обманывай...
Он пошел, принес чашу в полтора ведра,
нищей братни стал поднашивать...**

Свою сверхъестественную силу богатырь также получил от Господа:

**Нища братия ү Ильи спрашивали:
Много ли, Илья, чүешь в себе силүшки?
— От земли столб был вы до небүшки,
ко столбү было золото кольцо,
за кольцо вы взяла, землю рускүю поворотил!..**

Господь даровал Илье неуязвимость в бою:

**Говорят калики переходже:
Бүдешь ты, Илья, великий богатырь,
и смерть тебе на бою не писана.**

Есть еще предание, по которому Илья впервые стал на ноги, когда в ночь на Светлое Воскресение возгласили в церкви «Христос воскрес»¹¹³. Былины говорят, что благословение на ратный подвиг Илья получил от чудотворцев печерских:

**Я поеду в славный стольный Киев-град
помолиться чудотворцам киевским,
заложиться за князя Владимира,
послужить ему верой-правдою,
постоять за веру хресьянскүю.**

Когда конь Ильи скакал, то «на каждом скачке от Муром до самого Киева построено было по церкви»¹¹⁴. Сам приезд Ильи в Киев, увенчанный победой над Соловьем-разбойником, в былинах подается как акт служения Богу:

**Стоял-то я заүтрено во Мүроме,
поспевал-то к оведенке в стольно-Киев-град.**

О воинских переходах и измерении их церковной службой мы можем найти упоминания и в других памятниках домонгольской литературы. Владимир Мономах в «Поучении» пишет, что совершал переходы из Чернигова в Киев длиной в 130 верст «до вечерне» — от утрени до вечерни.

Илья Муромец видит себя защитником христианской веры и Православной Церкви: «Сколько я стоял за веру христианскую, еще боле я стоял за Церковь Божию»¹¹⁵. Победы богатыря даруются ему по его молитве к Богу, как это было в битве с Бовой Королевичем и великаном Жидовином. В трудную минуту боя его спасала надежда на помощь свыше:

**Написано ү Святых Отцов,
үдүмано ү апостолов:
не бывать Илье в чистом поле үбитому.**

О кончине Ильи былины пишут, что он «живой ложится в гроб и в нем остается навеки»¹¹⁶. Народное предание здесь тоже верно истине — вечное упокоение Илья Муромец нашел в пещерах Киево-Печерской лавры, где его мощи лежат нетленными до сего дня. В некоторых былинах говорится о его прижизненном черноризническом послушании: «Прилетела невидима сила ангельска и взимала то его съ добра коня и заносила въ пещеры во Киевски, и тут старый преставился и поныне его мощи нетленныя»¹¹⁷.

Он стал насельником монастыря уже в глубокой старости, увенчанный славой героя и победителя супостатов. Сам он славы никогда и нигде не искал: ни на бранном поле, ни, тем более, в стенах монастыря. Его монашеские подвиги скрыты от нас, но, несомненно, были они велики, если мощи его через много лет обнаружились нетленными. Православная Церковь причислила его к лику святых. Любимый герой древнерусского эпоса обладал не только могучей телесной силой, но и великой силой духовной. Во всех сказаниях мы находим свидетельства о его истинно христианском смирении, кротости, величавом спокойствии и мире душевном.

К.С.Аксаков пишет: «В сонме богатырей, в подвигах их видится и выражается сам народ. Велик и разнообразен почтенный сонм витязей, собравшихся вокруг князя киевского Владимира. Все они выражают многие стороны русского духа. Но могущественнее их всех избранник народа Илья Муромец. Скопил он страшные силы, встал и понес их, но не на обиду и разорение другим, не на праздное пролитие крови, а на защиту добра и на поражение зла, на мир и тишину»¹¹⁸.

У историков не вызывает сомнений подлинность этой полулегендарной фигуры. «Древнерусская литература, — говорит Д.С.Лихачев, — не знала вымышленных героев

или сюжетов. В древних повестях всегда действовали исторические лица, описывались исторические события»¹¹⁹. Даже топонимы, связанные с именем Ильи, сохранились до сих пор, как село Карачарово под Муромом.

Знаменательно то, что Илья был простого, крестьянского происхождения, в отличие от Алеши Поповича, Чурилы Пленковича, родственника князя Владимира Добрыни Никитича и других витязей. Эпичность его фигуры от этого только возрастает, приобретая харизматические черты. Святость Ильи выражается даже в батальных перипетиях — отбив падение самоуверенного Збута-Королевича, он «не бьет палицей тяжкою, не вымает тугой лук, из колчана калену стрелу», а с миром отпускает его «к сударыне-матушке», вызвав этим поступком изумление сопровитника, который говорит кроткому богатырю: «Кабы я у тебя на груди сидел, я спорол бы тебе, старому, белую грудь»¹²⁰. Былины нигде не называют его «удалым», подчеркивая особый, подвижнический характер его служения.

В древности существовал образ преподобного Ильи Муромца, к сожалению, не сохранившийся. «1 января 1993 г. на родине Ильи в селе Карачарове торжественно установили икону преподобного Ильи Муромца со вставленным в нее ковчезцем с частицей мощей богатыря, переданным в свое время Киево-Печерской лаврой»¹²¹.

Мощи преподобного покоятся в Ближних пещерах под скромной надписью «Илья из Мурома». Память блаженного совершается Церковью 19 декабря по старому стилю, или 1 января по новому.

В «Тератургиме» Афанасия Кальнофойского среди житий угодников Печерских несколько строк посвящено преподобному Илию. Он пишет, что богатырь преставился за 450 лет до написания книги, т. е. в 1188 г. Это и были годы, гениально отображенные в «Слове о полку Игореве». Порица княжескую верхушку за крамолу, народный эпос воспевал простых ратников как славных витязей Руси:

**Иже под трѹбами повиты, под шеломами
взлелеяны, концѣм кпья вскормлены.
Лѹки у них напряжены, сабли изострены,
самн скачѹт, акн серые волцы в поле,
нищѹчи себе чести, а князю — славы.**

В годы ратного служения Ильи, которые приходились на 50-90-е годы XII столетия, в государстве царил смута. В Киеве за это время сменилось более тридцати князей, некоторые из них княжили по нескольку раз. В 1173 и 1190 гг. половцы совершили опустошительные набеги на Русь. В 1185 г. дуумвиры Святослав и Рюрик выступили против Кончака и одержали над ним победу. В том же году князь Игорь — главный герой «Слова» — пошел походом на Дон, но был разбит половцами. В 1188 г. состоялся еще один поход на половцев, на этот раз удачный. Богатырь Илья, вероятно, погиб в одном из этих походов. Проведенная в XX в. медицинская экспертиза показала, что, судя по его ранениям, он не стал легкой добычей врагов. На теле Ильи Муромца было обнаружено несколько ран: одна — на руке от копья, а другая, роковая — в области сердца.

Образцы вооружения древнерусских воинов.

Многочисленные паломники и путешественники средневековья оставили описания мощей преподобного. Не оскудевают святыне мощи преподобного Ильи Муромца чудотворениями и по нынешний день. «Это случилось 5 января прошлого года, — рассказывает проводник по пещерам Любовь Сагулина. — В моей группе была женщина из Донбасса, которая настойчиво интересовалась, где лежит Илья Муромец. Как только мы подошли к раке с его мощами, она расплакалась и стала благодарить святого. Оказалось, год назад тяжелая болезнь приковала ее к постели. И вот в новогоднюю ночь ей приснился могучего вида мужчина, который произнес: «Я — Илья Муромец. Вы — мои наследники по крови. У нас одни и те же болезни. Я исцелю вас». И стал косить траву, из которой в разные стороны расплзались змеи. На следующий день женщина почувствовала себя совершенно здоровой и поднялась с постели. Она не знала, что Илья Муромец — святой, помнила только, что это был сказочный богатырь. И вот из телевизионной передачи узнает, что его нетленные останки покоятся в пещерах Киево-Печерской лавры. После этого женщина решила поехать в Киев и поблагодарить своего заступника»¹²².

В лаврских святцах Илья-богатырь не одинок. Вспомним, что в обители упокоился знаменитый воевода Янь Вышатич. В Дальних пещерах почивают мощи преподобного Тита Воина. Эпитафия на аркосольной иконе сообщает о нем: «Преподобный Титъ Воинъ, бывши на брани пораженъ бе во главу оружіемъ, едва не смертне, и сего ради остави воінствованіе... прииде в монастырь Печерскій и

приятъ бывъ от ту живущихъ преподобныхъ отецъ, облечеся въ чинъ иноческій и доблественно подвизався постомъ и молитвами, противу невидимыхъ супостатъ вооружися, слезами же безпрестанными толику сниска благодать, яко извещенно бысть ему прежде смерти объ отпущеніи греховъ его. Посемъ переселися духомъ на Небо къ Торжествующимъ ликомъ»¹²³.

Что ж, эта эпитафия целиком относится и к преподобному Илье Муромцу, воинский подвиг которого в защиту Родины Церковь увенчала венцом святости. Уникальным является то, что преподобный Тит на иконописных подлинниках изображается в воинских латах: «Надсед, брада Сергиева, в латах, ногавицы шижгаль, сапоги киноварь»¹²⁴.

Начало XIII века было тревожным. Страна разразилась новой гражданской войной, не менее кровопролитной, чем при Долгоруком. Только теперь в противоборство с Киевской Русью вступила Галицко-Волынская Русь. Соперник великого князя Рюрика Роман Галицкий смог объединить Галицию с Волынью, создав большое и сильное княжество на западе страны. Смелый стратег и талантливый политик, Роман держал в страхе не только восточные уделы, но и Польшу с Литвой. Сам римский папа Иннокентий III искал сближения с Романом. Латинские послы пытались совратить князя в католичество, обещая сделать его «королем русским». Галицкий властитель действительно мечтал стать «однодержавцем» Руси, как пишет летопись. К чести Романа, он отверг соблазн папского коронования. Выслушав послов Иннокентия, князь вынул меч из ножен и сказал: «Пока он при мне, не нужно мне никакого королевства. Отцы и деды мои добывали себе земли и города мечом — добуду и я, а предавать свою веру ради королевской короны не стану!»¹²⁵

Киев был главным объектом притязаний честолюбивого Романа. В 1200 г. он пошел на столицу. Киевляне сами открыли ему ворота, боясь штурма и грабежа. Рюрику пришлось бежать из города, где наместником был посажен родственник Романа Ингвар, князь Луцкий.

Но как только Роман вернулся в Галич, Рюрик вместе с алчными Ольговичами и нанятой за большие деньги половецкой ордой ворвался в Киев и страшно разграбил его, отомстив горожанам за то, что они без сопротивления впустили в город галицко-волынского князя. Это случилось 2 января 1203 г. Суздальский летописец эмоционально изобразил это ужасное событие: «Занят был Киев Рюриком и Ольговичами и всей половецкой ордой, и произошло великое зло в Русской земле — не было от крещения Руси такого зла над Киевом». Захватчики «не только один Подол заняли и сожгли, но и Гору взяли, и митрополию, Святую Софию разграбили, и Десятинную Богородичную церковь ободрали, и монастыри все и иконы обчистили, а иные забрали, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и облачение блаженных первых князей...»¹²⁶.

Пострадал и Киево-Печерский монастырь. Разорение Рюриком лавры сравнимо с набегом на нее хана Боняка в 1096 г. Но если тогда ее разграбили дикие кочевники —

язычники, то теперь на святыню дерзнули посягнуть христиане, «причем одни из иноков были убиты, а другие отведены в плен к иноплеменникам»¹²⁷. Лавра увенчалась терновым венцом мученичества. По версии современного исследователя С.Хведчени, преподобный Илья Муромец пал жертвой не половецкой войны, а именно этого нападения. «К тому году богатырь, — пишет Хведченя, — на склоне лет принял монашество в Киево-Печерском монастыре... И, естественно, бывший воин не мог оставаться в стороне, защищая символ древнерусского Православия — свою обитель»¹²⁸. Исследователь считает, что тогда иноки, во главе с Ильей Муромцем, пытались дать отпор грабителям и были ими безжалостно убиты. Действительно, летопись сохранила свидетельство об убиении мародерами многих иноков лавры.

«После неслыханного злодеяния, нанесенного Киеву и киевлянам, Рюрик не осмелился занять великокняжеский престол. Вскоре он присягнул Роману и все же был вокняжен в Киеве. Но дни его были сочтены. Киевляне встретили его враждебно... Не без содействия киевских бояр летом 1204 г. Роман схватил Рюрика и силой постриг его в монахи»¹²⁹.

Священное Писание говорит о таких, как Рюрик: «От беззаконных исходит беззаконие» (1 Цар. 24,14). После смерти Романа он отрекся от иноческих обетов и снова бросился в политику. Он начал преследовать вдову и детей Романа, враждовал с соседями. Умер Рюрик в 1212 г. Этот князь из когорты «Гориславичей» оставил по себе недобрую память. Он дважды громил Киев: в 1169 г. в коалиции с войсками Боголюбского и в 1203 г. в союзе с заклетыми врагами Родины — половцами. К нему вполне относятся слова древнего поэта, автора «Слова о полку Игореве», порицающего Олега «Гориславича»:

**Той во Олегъ мечем крамолу коваше
и стрелы по землѣ сѣяше.**

Рукоять меча
древнерусского воина.

О беспредельном падении нравов в политической среде Руси говорят многочисленные факты братоубийства, вопиющей беспринципности, попрания всех норм евангельской морали. Рязанский князь Глеб и его брат Константин, с целью единовластного владения рязанским престолом, в 1217 г. вероломно заманили на пир окрестных князей и бояр, почти все из которых были их близкими родственниками, и при помощи половецких наемников умертвили. Во время этой безобразной резни погибло шесть князей и бес-

*Пострижение князя Рюрика.
Миниатюра Радзивилловской летописи.*

численное множество бояр и челяди. Годом ранее состоялась кровавая битва между Новгородским и Ростовским князьями, в которой непримиримыми врагами выступали родные братья. Описывая эти события, летописец показывает жестокость соотечественников и единоверцев друг к другу. Так, Владимиро-Суздальские князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи дают указания своим дружинникам: «Да не оставим ни единого живого. Аще кто с боя уйдет не убит и попадет в плен, тех повелеваем вешати, а инех распинати»¹³⁰.

В 1228 г. произошло событие, довольно широко характеризующее состояние политических нравов. Князь Ярослав Всеволодович всенародно — «на сонме» — осудил Ростовского епископа Кирилла и лишил его всего имущества. Суд этот был сугубо светским и поэтому незаконным — священнослужители подлежали церковному суду, а епископов имел право судить только архиерейский собор. Князь сделал это явно с меркантильными целями, ибо епископ был, как и подобает ему по значимости положения, обеспечен «кунами и селы, и... книгами. И просто рещи, так бе богат всем, яко ни един епископ быв в Суждальстей области». Святитель Кирилл не стал сопротивляться беззаконию — к тому времени он сильно занемог и удалился от дел, «хотя лечити свои немочь... бяше же ему лице изменилося... от недуга». Святитель, как свидетельствует Лаврентьевская летопись, перенес несправедливое судилище с благодарностью к Богу и удалился в Свято-Димитриевский суздальский монастырь, в котором настоятельством до архиерейской хиротонии. Приняв схиму с именем Кирика, он через год тихо угас от мучившего его недуга, оплакиваемый братией и паствою. 17 апреля 1230 г. храм обители принял его бранные останки, а душа страдальца обрела вечный покой на небесах в лике преподобных и святителей вместе со святыми Антонием и Феодосием Киево-Печерскими — почивший был печерянином.

Как видим, с Церковью в этот тяжкий период безвременья политическая верхушка совсем перестала считаться, допуская в отношении к ней вопиющие беззакония. Так, известно, что Галицко-Волынский князь Даниил Романович постоянно преследовал Перемышльского владыку Артемия. И когда при штурме Перемышля Даниилу не удалось пленить епископа, то одним из знатных трофеев победителя стал любимец Артемия, «словутный певец Миту-

са», обладавший феноменальным голосом и талантом. Взяв галицкую твердыню, захватчики полностью разграбили епископскую и церковную казну, а знаменитого певца привели к Даниилу избитого и окованного, «яко связня»¹³¹.

В 1235 г. Смоленский князь Изяслав Мстиславич и Владимирский князь Ярослав Всеволодович (княживший тогда в Новгороде) навели половцев на Киев и разграбили его. В 1238 г. Киевом завладел Даниил Галицкий. Он также приложил руку к унижению златоглавой столицы. Впервые Киев был отдан на правление не князю, а боярину, словно малозначительный вассальный удел — Даниил посадил в нем наместником своего тысяцкого Дмитрия. Строя город Холм, Даниил забрал туда из Киева иконы, утварь и даже колокола. Если раньше каждый из князей или вельмож считал святым долгом построить в Киеве церковь либо основать монастырь, снабдить их высокохудожественной утварью, обогатить их ризницы дорогими облачениями, то в период стагнации происходило обратное — завоеватели спешили наполнить свои обозы церковными сокровищами, считая чудотворные иконы, кресты, колокола, книги военной добычей. Как и люди, святые уводились в плен, становились трофеями. А увозить было что — Киев тогда насчитывал около 600 церквей!

Еще при первом разорении «матери градов русских» войсками Боголюбского в 1169 г. церковные святые и сокровища стали главными трофеями захватчиков. Однако вскоре князь Андрей, применивший эту практику в своих походах на Киев и Новгород, был жестоко отомщен. Его племянник Ярополк, изгнав в 1175 г. князя Владимира, родного дядю, из г. Владимира-Залесского, в первые же дни княжения реквизирует волости и доходы соборной Владимирской Свято-Успенской церкви, насильно взял все ее золото и серебро, хранившееся на церковных полатях и — самое чудовищное — присвоил величайшее сокровище Руси, Владимирскую икону Божией Матери, забрав ее из собора и подарив своему зятю князю Глебу Рязанскому.

Ипатьевская, Лаврентьевская и другие летописи, описывая набеги на Киев и рисуя страшные картины его разорения, неоднократно упоминают среди объектов грабежа Киево-Печерскую лавру. И хотя архимандриты Феоктист, построивший надвратный храм с центральной оградой, и Василий, обнесший обитель каменной стеной, значительно укрепили ее, превратив по сути в крепость, но лаврские скиты и подворья с их богатыми угольями оставались уязвимыми и становились объектами хищничества. Казалось бы, набеги на обитель должны были неминуемо сказаться на ее жизнедеятельности, погасить огонь в ее очаге.

К несчастьям, переживаемым страной, прибавились беды от природных катаклизмов. При всеобщем крушении основ сама природа вошла в фазу разрушения. В 1230 г. Киев подвергся сильному землетрясению. Стихия принесла много горя. Пострадал целый ряд зданий — шедевров архитектуры, в их числе Владимирская и Переяславская соборные церкви. Не обошла беда стороной и лавру. Летопись пишет, что от «труса» упали своды Печерской церкви.

Стихия сопровождалась небесными знаменами, природными аномалиями, которые «неції* видеша рано, всходящу солнцу...». Землетрясение захватило обширные регионы. «Того же лета, месяца мая въ 3 день, на память святого Феодосия игумена Печерьскаго, въ пятокъ, во время святаго литургія, чтому святому Евангелію въ церкви соборней святая Богородица, въ Володимери, потрясея земля и церкви и трапеза, и иконы подвижишася по стенамъ, и паникадило съ свечами и свѣтильна поколебашася, людіе мнози изумешася, и мняхуся тако, яко голова обшла коегождо их... Бысть же и во иныхъ городехъ, и въ Києве граде вельми больша того бысть потрясенье, в монастыри Печерскомъ церковь святые Богородица каменная на 4 части раступися. Ту сущю митрополиту Кірилу и князю Володимиру и бояром и кияномъ множеству, и людемъ шедшимъ, праздникъ бо бѣше от дне святаго отца Феодосья. Ту и трапезницу потряс каменую: снесена бывшу корму и питью, все то потре камень дробное сверху падая, і столы и скамьи. Но обаче** вся трапезница не падеся, ни верх ея...»¹³².

Рассказ летописи подробен и эмоционален. Автором этих строк был очевидец — вероятно, один из многочисленных паломников, прибывших на праздник. Скорее всего, он приехал из Суздальщины, из лаврского Димитриевского подворья. Землетрясение произошло прямо во время богослужения, когда в Печерском соборе находились митрополит, князь, священнослужители и прихожане, до отказа наполнившие храм. Могло случиться большое несчастье — если бы своды рухнули, то погребли бы под собой множество людей. Преподобный Феодосий своим предстательством спас их от увечья и смерти. Праздничное угощение, приготовленное по случаю торжества и расставленное на столах в трапезной, оказалось испорченным из-за осыпавшейся штукатурки: «...снесена бывшу корму и питью...», однако свод сооружения выдержал «потрясенье». Самое главное, что в церкви не пострадала мозаичная Оранта — чудесно изобразившийся образ Богоматери Великой Панагии.

Бедствие, постигшее обитель, было знаком для всей Руси, грозным предостережением, призывом к покаянию.

Сохранилось «Слово» блаженного Серапиона Печерского, впоследствии епископа Владимирского, по случаю постигшего страну лиха: «Слышасте, братіе, Самого Господа, глаголюща въ Евангеліи: и въ последняя лета будутъ знаменья въ солнци, и въ луне, и въ звездахъ, и труси по местамъ и глади***. Тогда реченное Господомъ ныне сбѣсться... видехомъ солнца погибша и луну померкшу и звездное премеменение; ныне же земли трясенье своимъ очима видехомъ. Земля, отъ зачала утвержена и неподвижима, ныне движеться, грехи нашими колеблеться, безаконья нашего носити не можетъ. Не послушахомъ Евангелья, не послушахомъ Апостола, не послушахомъ Пророкъ, не послуша-

хомъ святитель святыхъ. И ти учаще ны беспрестани, а мы одинако безаконья держимъ. Се уже наказает ны Богъ знаменья, земли трясеньемъ... безаконья грехи многія отъ земли отрясти хоцетъ, яко листвіе отъ древа...»

Святитель Серапион заканчивает «Слово» призывом к покаянию: «Ныне же, братіе, се ведуше, убоимся прещенья**** сего страшнаго и припадемъ, Господеву своему исповедующеся, да не внидемъ въ большій гневъ Господень»¹³³.

«Слово» святителя Серапиона перекликается с поучением преподобного Феодосия Печерского «О казняхъ Божиихъ». В этих двух памятниках звучит как набат проповедь нравственного очищения, изменения роковой греховности во имя спасения от гибели и самоуничтожения.

«Господь — твердыня моя и крепость моя» (Пс. 70, 3), — воспеваает псалмопевец Давид. Киево-Печерская лавра в суровую годину испытаний не только выстояла, но и укрепила свои позиции, явив на фоне всеобщего разрушения твердость и величие духа. Как былинная птица Феникс, обитель, сгорая в пламени невзгод, паки воскресала в «вѣщщей» славе и духовном могуществе. Что же послужило основой той силы, которая помогла монастырю выстоять? Священное Писание гласит: «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать. Дабы как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ» (Рим. 5, 20). Киево-Печерская лавра не оскудевала Божественной благодатью, храня в себе это сокровище, как в драгоценном кивоте, в преукрашенном чертоге Царя Христа. Черноризцы по-прежнему истово и благоговейно несли свой подвиг служения Богу. Продолжались назначения печерян на различные епископские кафедры. В начале XIII в. процесс выдвижения лаврских постриженников на высокие церковные должности активизировался. Так, в апреле 1231 г., в Неделю святыхъ жен-мироносиц, состоялась хиротония печерского постриженника Кирилла во епископа Ростовского, на которой присутствовал лаврский архимандрит Акиндин II. Древнерусские агиографические источники оставили о нем память как о «пречестномъ», преподобном, «державномъ» наставнике иночествующих.

Символично, что на Руси в мрачные годы ее бытия воссиял, как светоносный луч, побеждающий тьму безвременья, величественный агиографический свод — «Киево-Печерский Патерик». В Патерике раскрылся идеал святости и Божественного Богоподобия преображенной Фаворским светом христианской души. Не разрушителем, не предателем, не братоубийцей предстал в нем человек. Патерик явил для Руси, глубоко падшей, пораженной недугом греха, неизмеримую высоту человеческого достоинства. Он напомнил всем слова Спасителя: «Царство Божие внутри вас». Героическое подвижничество угодников печерских в борьбе со злом «в клети сердца своего» показало вечную

* Некоторые.

** Однако.

*** Голодоморы.

**** Здесь — наказания.

актуальность нравственных парадигм Евангелия, выраженных в Нагорной проповеди Спасителя: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и несправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5, 3-12).

Патерик создавался в разных областях Руси. Его герои — уроженцы многих местностей, представители различных социальных групп. География его охватывает всю страну, от Белоозера до Тмутаракани. Слово литургическая песнь, звучит в нем призыв к единению: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваем Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную». Именно в период всеобщей стагнации создатели Патерика, побуждаемые благословением свыше, начали кропотливый сбор сведений о светильниках Руси, подвижниках подземных пещер, наследниках Афона. Тем самым они начали процесс канонизации преподобного Антония и других чудотворцев Печерских, которым «не установлено было еще празднование, но почитались они местно уже тогда»¹³⁴.

Из канонизованных Церковью в домонгольское время святых большинство составляли печеряне. Это преподобные Антоний и Феодосий, святители Ростовские Леонтий

*Взятие крестоносцами Константинополя.
Рис. Гюстава Доре.*

и Исаия, епископ Никита, почитавшийся заступником Новгорода, святитель Стефан, местно чтимый в Киеве и на Волыни, а также многие другие подвижники Печерского монастыря, не получившие официального прославления, но с глубоким благоговением почитаемые народом Божиим.

«Примем во внимание, что на время написания этого труда припадают радикальные изменения в структуре церковно-политических отношений стран христианского мира. Продолжается война за Иерусалим, но начиная с пятого (1217-1221), состоявшегося незадолго до написания трудов Симона, крестовые походы один за другим терпят поражение и наконец прекращаются. Авторитет византийского христианства на Руси ослабился после захвата в 1204 г. Константинополя крестоносцами, основания так называемой Латинской империи (1204-1261) и оттока интеллектуальных сил из Царьграда в Никею. Не могли пройти бесследно и изменения в католической церкви, вообще в умственной жизни Западной Европы, причиненные деятельностью Франциска Ассизского (1182-1226)... Трансформируется система духовных ценностей, теряют вес старые и появляются новые авторитеты.

Такие явления придавали дополнительный импульс киевоцентристским тенденциям в восточнославянском христианстве, все возрастающим, ибо вопрос стоял об идеологическом обосновании необходимости сохранения Киевом своей первичной политической функции — быть столицей Руси, а таким образом, и необходимости консолидации русских княжеств, актуальность чего только что подтвердила битва на Калке (1223). Киев, а в нем Печерский монастырь, изображаются наследниками традиций... Византии»¹³⁵.

Идеологическими носителями этих импульсов были как высшие, иерархические круги Киевской митрополии, олицетворяемые в данном случае епископом Симоном, так и монашеские, в лице архимандрита Акиндина и черноризца Поликарпа. Их роднила любовь к Православию, к родной Руси, к прославленной Печерской обители. Просвещенные Духом Святым, авторы Патерика приблизили к простым смертным людям великие образы «сынов света» (Лк. 16, 8) — преподобных отцов Печерских. Создатели этого духовного эпоса сами стали живым воплощением того идеала святости, который они столь ярко и вдохновенно воспели. Так, преподобный Поликарп пишет архимандриту Акиндину: «Господу поспешествующу и слову утверждающу (Мр. 16, 20), къ твоему благоумію, пречестный архимандрите всея Руси, отче и господине мой Акиндине... да възглаголю дивных и блаженных мужъ житія, деанія и знаменія, бывших въ святем семь манастыри Печерском, еже слышах о них от епископа Симона Владимерскаго и Суждальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго того же Печерскаго манастыря, иже сказа мне грешному о святем и Велицем Антоніи, бывшаго начальника Рускым мнихом, и о святем Феодосіи, и иже по них святых и преподобных отецъ житія и подвигы, скончавшихся в дому пре-

Татаро-монгольский всадник.
Рисунок XVII ст.

чистыа Божіа Матере...»¹³⁶. Домом Божией Матери, Ее избранным уделом создатели Патерика мыслят всю Русь.

Благовест Патерика заполнил все уголки тогдашнего идеологического пространства, перерастая в мощный набат, будя лучшие человеческие чувства, предупреждая об опасности греховного разрыва с Всевышним Творцом, влекущей к гибели.

Но политическая верхушка снова не вняла голосу Церкви. «Ибо огрубело сердце народа сего, — взывает пророк Исаия, — и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами и не услышат ушами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их... доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет» (Ис. 6, 10). 1223 год стал для страны последним экзаменом, который она, увы, не выдержала.

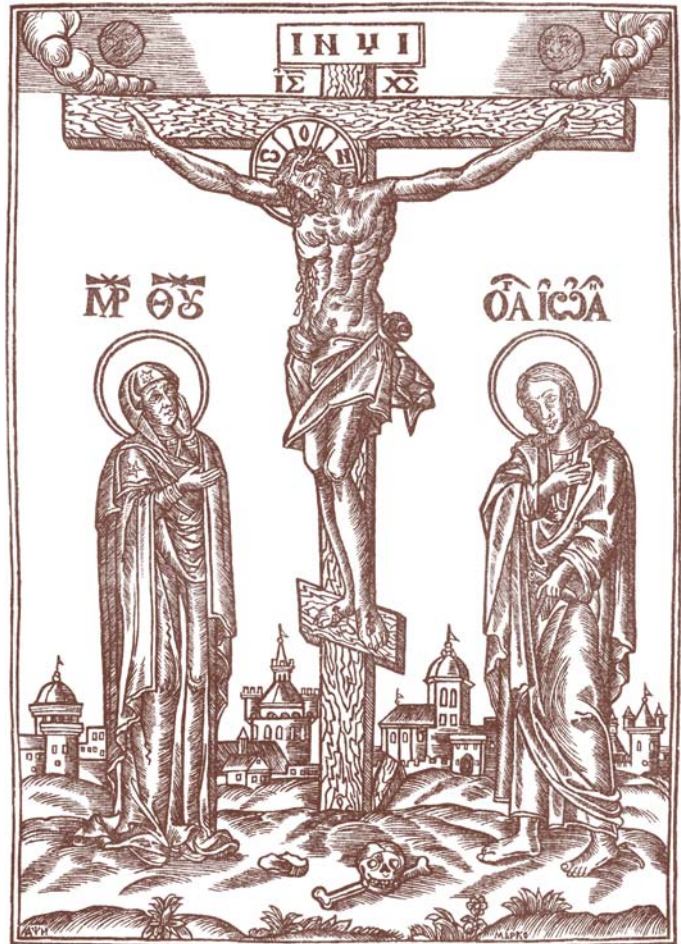
«Русская земля в 1223 г. в первый раз услышала о татарах. Казалось, сама природа предчувствовала что-то страшное. На западе появилась комета необыкновенной величины с хвостом, обращенным на юго-восток, наподобие копья. В то же лето сделалась засуха, леса и болота загорались; густые облака дыма закрывали свет солнечный; мгла тяготила воздух, и птицы, к изумлению народа, падали мертвые на землю.

Из глубины Средней Азии нахлынули полчища монголов, или татар, как называли их современники. По воле Чингис-хана, завоевателя большей части Азии, эти дикие орды начали опустошение в степях половецких. Множество половецв бежали в Киевскую область и принесли весть о новом страшном неприятеле. Мстислав Галицкий собрал южных князей на совет в Киеве. Они решили встретить неприятеля вне пределов отечества, в степях половецких. Перешедши Днепр, они достигли реки Калки и здесь увидели несметные полчища татар. Половцы обратились в бегство. Князья еще не успели изготавиться к битве, потому что князь Галицкий, желая один воспользоваться честью победы, не дал им вести о начале сражения. Этот порыв славлюбивого князя погубил войско русское. После ужасной сечи татары одолели, завладели укрепленным станом, умертвили всех пленников, задушили трех князей под досками и пировали на их трупах. Павших в битве было множество, в том числе шесть князей. Избегшие смерти и плена князья разбежались по своим уделам, а победители шли за бегущими остатками войск до самого Днепра, истребляя все, что попадалось на пути. Вся южная Русь трепетала, народ с воплями отчаяния молился в храмах. Вдруг татары обратились на восток и ушли в Бухарию.

Земля Русская, по словам летописцев, от начала своего не видала подобного бедствия. Прекрасное и многочисленное войско совершенно исчезло, народ в ужасе разбежался по лесам и болотам»¹³⁷.

Одна из народных исторических былин, посвященная нашествию монголов, поет:

**Видели надъ Кіевомъ чуднымъ — чудно,
видели надъ Кіевомъ дивнымъ — дивно.
И по той стѣнѣ городовая
и ходитъ — гуляетъ душа красная девица,
въ рукахъ держитъ Божью книгу — Евангеліе,
сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ...
— Не душа красна девица гуляла по стѣнѣ,
а ходила та Мать Пресвята Богородица,
а плакала стена — мать городовая
по той ли по верѣ христіанскія:
Будетъ надъ Кіевъ-градъ погивелье...¹³⁸**

Из лаврского Евангелия 1707 г.

Ссылки и примечания к главе VIII

1. Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). Собр. соч. Т. 3: Слова и речи (Речь, произнесенная на открытии Международной научно-практической духовно-светской конференции «Если возможно, будьте в мире со всеми...», посвященной 2000-летию Рождества Христова). К., 1997, с. 411.

2. Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). Собр. соч. Т. 2: Проповеди. К., 1997, с. 25.

3. Толковая Библия, или Комментарий на все книги св. Писания Ветхого и Нового Завета / Изд. преемников А.П.Лопухина. С.-Пб., 1911, т. 8, с. 342-343.

4. Святой Антоний Великий // Жизнь пустынных отцев. Творение пресвитера Руфина / Пер. с латинского с объяснительными примечаниями свящ. М.И.Хитрова. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1898, с. XXXI.

5. Житие преподобного Антония Великого // Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского. Январь. М., 1904, кн. 5, с. 553.

6. Житие преподобного Феодосия Великого // Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского. Январь. С. 322-323, 325-326.

7. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Сост. В.Я.Дерягина, ком. В.Я.Дерягина, А.К.Светозарского. С. 73-101. «...Несомненным благим деянием Илариона и князя Ярослава, духовником которого был Иларион, надо считать установление на Руси совершенно особого отношения светской и духовной власти: на Руси Церковь не подчинялась полностью государю, как патриархия подчинялась императору в Царьграде, и не соперничала со светской властью, как папская церковь в Западной Европе. Православная Церковь на Руси стала вассалом и духовником государства одновременно. Как был духовником и соратником Ярослава Иларион, так стал впоследствии вдохновителем победы Дмитрия Ивановича преподобный Сергей. Для великих государственных мужей Руси... наставниками и соратниками делались те лучшие представители Церкви, у которых христианское и народное не существовало отдельно, но было слито в идею, обретающую со временем свое имя — Святая Русь» (Там же. С. 9). «Произведение Илариона — церковная проповедь, но вместе с тем это не отвлеченное мудрствование далекого от жизни книжника и богослова. Это взволнованная речь высокообразованного и нравственного политика» (Там же. С. 12). См.: Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, с. 93-98; Золотухина Н.М. «Слово о Законе и Благодати» — первый русский политический трактат киевского писателя XI в. Илариона // Древняя Русь: Проблемы права и правовой идеологии. М., 1984, с. 36-50.

8. «Конфликт между русичами и поляками стал назревать еще при жизни св. Владимира и, вероятно, подогревался католической церковью (в это время официально не отделенной от православной, но целиком отделившейся как в идеологическом, так и в политическом отношении), которой, несмотря на желание Владимира иметь со странами Западной Европы добрососедские отношения, так и не удалось, однако, втянуть Киевское государство в сферу своего влияния. Такое отношение к Владимиру хорошо видно, в частности, в главном западном источнике по истории Украины этого периода — хронике Титмара, епископа Мерзебургского (25.07.975-1.12.1018), который, в общем позитивно относясь к Руси, самого Владимира описывает исключительно черными красками. Однако у польского короля Болеслава Храброго были и собственные причины иметь претензии к соседней державе. В конце X ст. обе страны боролись между собой за приграничные хорватские, дулибские и ятвяжские земли, причем победу одержал св. Владимир, присоединивший к своему государству т. наз. Червленские города. В нач. XI ст. Болеслав, имевший уже к тому времени две жены, сватался к дочери св. Владимира Предславе. Об этом сообщается в польской хронике XI ст. Галла Анонима. Однако предложение польского властителя принято не было. Вместо этого был осуществлен другой династический брак — дочь Болеслава была отдана за Святополка. Тогда Болеслав через свою дочь и ее духовника — католического епископа Рейнберна — стал настраивать старшего, но нелюбимого Владимирового сына против отца» (Патерик Киево-Печерский. С. 258).

«В 1015 г. умер, оплакиваемый народом, князь Владимир. Между его сыновьями возникла борьба за киевский «стол», которую начал Святополк. Помогая своему зятю, в борьбу с князем Новгородским Ярославом опять охотно включился польский король Болеслав Храбрый, надеясь на сей раз осуществить планы, порученные когда-то Рейнберну... Захватив Киев, Болеслав не ограничивал себя и свое войско в грабежах и насилиях. Титмар отмечает, что вдова старого князя и девять его дочерей были брошены в узилище. Но недолго терпели киевляне своеволие враждебного войска, в котором, кроме поляков, были наемные отряды немцев и венгров. Возмущенные киевляне начали... их уничтожать. Так закончилась попытка перенести на Киевскую Русь... западнолатинские начала» (Оксиюк И.Ф. Первые столетия христианства на Руси и латинский Запад // БТ. 1987. № 28, с. 202). Что касается Изяслава, то «среди причин его изгнания... немаловажными были чуждое и враждебное народу не только полонофильство Изяслава, но и его склонность к католичеству» (Там же. С. 203).

9. Карамзин Н.М. История государства Российского. С.-Пб., 1842, т. 2, с. 47, 74-75. «Ламперт рассказывает, что киевский беглец преподнес императору бесценные богатства в золотой и серебряной посуде, а также в драгоценной одежде» (Котляр М.Ф. История Украины в особах: Давньоруська держава. С. 108). См.: Шайтан М.Э. Германия и Киев в XI веке // Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 г. Вып. 1 (34). Л., 1927; Пашуто В.Т. Внешняя политика древней Руси. М., 1968.

10. Аркас М. Історія України-Русі. К., 1993, с. 74-75; Кенигсбергская летопись // Библ. Российск. истории. С.-Пб., 1767, ч. 1, с. 300.

11. Карамзин Н.М. История государства Российского. С. 385, прим. 128.

12. Літопис руський. С. 120.

13. Исторические памятники в России // Изд. А.И.Тургенев. С.-Пб., 1841, т. 1, с. 614; Рамм Б.Я. Папство и Русь в X — XV веках. М.; Л., 1959, с. 67; Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватікану та унії (X — початок XVII ст.): збірник документів і матеріалів. К., 1988, с. 12. Вспомним, что Изяслав крещен был с именем Димитрий.

14. Патерик. С. 43-44. «...Фраза преп. Нестора о набожности этого правителя является художественной метафорой, поскольку сей «христороубец» в свое время без малейших колебаний совести обещал отдать Русь под патронат папы, чтобы только утвердиться на киевском престоле. Впрочем, преп. Феодосий об этом при своем земном житии не знал. Мог не знать об этом и преп. Нестор» (Патерик Киево-Печерский. С. 235, прим. 93).

15. Патерик. С. 1, 32. Нестор в Житии преп. Феодосия не отождествляет личности «Иоанна боярина» (Там же. С. 32) и «Яня вельможи» (Там же. С. 82), называя преп. Варлаама сыном первого. Сыном Иоанна Творимирича считал Варлаама и Е.Голубинский. Против идеи о происхождении Варлаама от рода Остромировичей был Н.Карамзин (История государства Российского. Т. 2, с. 57, прим. 138). Однако предание, как мы уже отмечали, называет первого печерского игумена сыном Яня Вышатича, внука Остромира. Возможно, Янь и его супруга Мария сподобились почетного погребения «в головах» святого Феодосия именно по этой причине. Да и сам авва мог их узнать через преп. Варлаама. А.Чумаченко пишет, что породненность Яня «с Варлаамом можно считать вполне вероятной...» (Чумаченко О. Образы з минувшого. С. 17). Что касается разделения Нестором фигур «Иоанна боярина» и «Яня вельможи», то здесь нужен текстологический анализ Жития. Впрочем, вопрос о происхождении преп. Варлаама остается открытым, да и вряд ли удастся его решить.

16. Киево-Печерский Патерик. С. 36-37.

17. Там же. С. 33-34.

18. Слово святого Феодосия, игумена печерского монастыря, о вере христианской и латинской // Златоструй. С. 162; Еремин И.П. Из истории древнерусской публицистики (послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах) // ТОДРЛ. 1935, т. 2, с. 21-38.

19. «Стязание с латиной» // Древнеславянская кормчая / Перевод А.Ю.Карпова. Изд. подг. В.Н.Бенешевич. София, 1987, с. 276-280.

20. Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. 1947, т. 5, с. 170; Попов А. Исторический обзор древнерусских сочинений против Латин. М., 1872, с. 69, 79-80; Никольский Н. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930, вып. I, с. 92, прим. 2.

21. Огородник И.В., Русин М.Ю. Українська філософія в іменах. К., 1997, с. 274. См.: Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960; Горский В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси. К., 1988; Історія філософії на Україні. К., 1987. Латинянам, однако, как и последователям других религиозных взглядов, на Руси были созданы условия веротерпимости и свободы. Им «позволительно было у нас открыто исповедовать свою веру, и даже они сосязались иногда о ней с правоверными. Не одни только последователи Римской Церкви пользовались веротерпимостью в нашем отечестве, но и армяне, и даже евреи... Евреи жили в Киеве и занимали там особую улицу, и преподобный Феодосий Печерский имел обычай весьма часто ходить к ним ночью, тайно от всех... укорял и обличал их... Вообще не было притеснения никакой вере, и ко всем людям, какой бы кто веры и племени ни был, пастыри Церкви заповедовали любовь» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 283-284).

22. Замалеев А.Ф., Зоц Е.А. Мыслители Киевской Руси. К., 1981, с. 63.

23. Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 20; Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. 1963, т. 4, с. 142-164. Что касается вероотступничества Изяслава и Ярополка, то не все историки согласны с Карамзиным. «...Карамзин, не видевший всей переписки с русскими, на сей раз мог быть слишком доверчив... Много было примеров тому, что папа принимал поклон пастырю за поклон подданного царю, и в... надеждах на будущность перестраивал по-своему действительность на бумаге», — пишет архиепископ Филарет Гумилевский (История Русской Церкви. 1849, с. 88, прим. 139).

24. ПВЛ. Ч. 1, с. 170. См.: Шахматов М.В. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Прага, 1927; Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940, с. 32.

25. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 264. «Киевская Русь на протяжении своей истории так и не смогла выработать четкой системы престолонаследия, ведя активный поиск способа индивидуальной санкции каждого очередного претендента на верховную власть. Однако единовластный принцип управления... никогда не ставился под сомнение — вопреки многочисленным попыткам как-то ограничить государственные прерогативы верховного правителя... Реальная власть великого князя в тогдашних условиях была едва ли не единственным залогом политических потенций Руси; поэтому те факторы, которые активно способствовали ее укреплению и укреплению, можно рассматривать как прогрессивные, конструктивные по существу тенденции. Христианству принадлежало среди них одно из видных мест» (Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989, с. 252). «...Формирование церковной структуры на Руси в конце X-XII вв. явилось процессом внутреннего развития государственного строя. Сама митрополия в Киеве, объединявшая всю государственную территорию Древней Руси, была центром национальной церкви. В пору феодальной раздробленности и существования самостоятельных княжеств церковная система из 11-16 епископий, подчиненных... Киеву, в определенной степени компенсировала недостаток политической централизации. Сохранению политической роли Киева, за обладание которым боролись практически все княжеские линии, несомненно, способствовало... наличие в нем митрополичьей кафедры» (Щапов Я.Н. Церковь в Древней Руси // Русское православие: вехи истории. С. 23).

26. «В сферах церковного суда церковь выступает... как организация, несущая ряд общегосударственных функций, как особый орган государственной власти, ведающий определенным кругом дел на всей территории государства» (Щапов Я.Н. Церковь в Древней Руси // Русское православие: вехи истории. С. 40). «Создавая широкую церковную юрисдикцию в XI в., древнерусские юристы, и прежде всего один из авторов Устава Ярослава, митрополит Иларион, сохранили в церковном праве русскую систему наказаний — денежные компенсации в форме штрафов, так же, как в Русской Правде, в отличие от... византийского права с его членовредительскими наказаниями» (Там же. С. 36; Щапов Я.Н. О системах права в Древней Руси // История СССР. 1987, № 5, с. 175-181).

27. «Церковь в лице митрополита, епископов, священников, паломников стала влиятельным элементом и внешней политики, и самой дипломатической службы» (Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 75; Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 298-300; Соловьев С.М. История России. М., 1960, с. 62-63). «...Пастырям Церкви предоставлено было у нас значительное участие в делах гражданских. Если в какой-либо области не было

князя, и жители решались пригласить его к себе из другой области, они обыкновенно отправляли за ним послов и нередко в их числе епископа. Так, киевляне (1154) посылали Каневского епископа Дамиана звать к себе на княжение Изяслава Давидовича Черниговского; новгородцы посылали епископа своего Нифонта к Юрию Долгорукому просить к себе на княжение сына его Мстислава; те же новгородцы (1222) посылали епископа Митрофана вместе с посадником и знатнейшими людьми к Владимирскому князю Григорию просить себе на княжение сына его Всеволода. Когда новый князь приближался к городу, в который был призван, его встречали здесь митрополит или епископ и знатнейшее духовенство в церковных облачениях с крестами и иконами при бесчисленном стечении народа, потом торжественно провожали в соборную церковь и посаждали в ней со славою и честью на княжеском престоле. Так встречены были: в Киеве Роман Ростиславич (1174), а в Новгороде Мстислав Ростиславич (1178) и Константин Всеволодович (1206). Во времена общественных смут и междоусобий... князья и народ очень часто обращались к пастырям церкви как к соратникам и употребляли их в качестве послов... и доброе участие иерархов почти всегда сопровождалось успехом... Уважение и расположение народа к святителям и вообще к духовенству выражалось в разных случаях. Когда новый митрополит или епископ приходил в епархию, его встречали сами князья с своими княгинями, бояре и все жители города. При рукоположении епископов нередко присутствовали князья и потом вместе с духовенством принимали участие в светлых пиршествах, какие бывали по этому случаю. Праздники церковные князья иногда проводили вместе с епископом своим, разделяя его трапезу, или в святых обителях. А в другие дни сами приглашали к себе на трапезу пастырей Церкви и в особенности иноков. На свои семейные торжества князья также любили приглашать к себе епископов» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 402-403). «...Система общегосударственной церковной организации с центром в Киеве, рядом с великокняжеским двором, с епископами во многих столицах княжеств... объективно служила важной дублирующей политической структурой, помогавшей центростремительным силам противостоять силам центробежным и заставлявшей те или иные политические группы в центре и на местах использовать авторитет иерархов» (Шапов Я.Н. Церковь в Древней Руси. С. 68).

28. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 98.

29. Грабар С. Ченці-дипломати // Историчний календар. К., 1996, с. 326-327.

30. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 549.

31. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 112; т. 2, с. 11, 23; Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен. Кн. 2, с. 249.

32. Літопис руський. С. 106.

33. Там же. С. 118. Тогда, очевидно, и намечился непримиримый раскол между князьями Святославом и Изяславом. Черниговский князь, организовав ночной побег престарелого аввы, не смог простить Изяславу гонения на своего духовного отца. Что касается Киевского князя, то корни его злобы на преподобного Антония уходят в 1068 г., когда бескомпромиссный иннок предвозвестил триумвирам жестокое поражение от половцев. Густинская летопись пишет: «Собрались Ярославичи... и пришли в пещеру к преподобному отцу нашему Антонию за благословением идти на половцев. Преподобный же Антоний провидел гнев Божий на них и, прослезившись, прорек им: Будете побеждены, и многие из вас от острия меча погибнут, другие в воде потоплены будут, оставшиеся же в плен попадут... Князья же не послушали преподобного и гневом Божиим были поражены» (ПСРЛ. Т. 2, с. 270-271). Киевляне восприняли разгром как свидетельство греховной и бездарной политики князя. Они потребовали от Изяслава, чтобы он выдал им оружие для отпора врагу, но получили отказ. Это объясняется «тем, что Изяслав боялся, чтобы оно не было использовано против... знати и княжеской администрации. Исходя из ситуации, когда в поражении на Альте киевляне обвинили Изяслава и его воеводу Коснячка, страх великого князя был оправдан» (Толочко П.П. Древний Киев. К., 1983, с. 210). См.: Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 579, прим. 4. «...Преп. Антоний поддержал Всеслава, и у него на это были свои причины. Дело в том, что, захватив своего врага в плен, Ярославичи нарушили клятву, данную на кресте. В ныне существующем тексте «Повести временных лет» читаем: «Всеслав же сел в Киеве — а это Бог явил Крестную силу, потому что Изяслав, целовав крест, схватил его (Всеслава). И посему Бог навел поганых, а его вызволил Крест Честный, ибо в день Воздвижения Всеслав, воздохнув, сказал: «О, Кресте Честный! Поскольку я верил в тебя, освободи меня из сей ямы». И Бог показал силу Крестную на поучение земле Русской: пусть не нарушают присяги, целовав Крест Честный». Освобождение Всеслава действительно произошло 14.IX.1068 г., в день Воздвижения. Именно в смещении с престола князя-клятвопреступника преп. Антоний видел Промысел Божий и, вероятно, вступил с Всеславом в определенные отношения...» (Патерик Киево-Печерский. С. 270). О восстании см.: Брайчевський М. Повстання 1068-1069 рр. у Києві // Український історичний журнал. 1979, № 1.

34. Літопис руський. С. 112.

35. Патерик. С. 66-67. Послание преп. Феодосия к князю Святославу не сохранилось.

36. Там же. С. 69. «Уход преп. Никона необходимо, наверное, датировать... наиболее острым периодом конфликта с князем. Причиной ухода могла быть попытка Святослава давить через преп. Никона на его ученика. Поскольку рассказ об этом приводится преп. Нестором до рассказа о начале строительства Великой Церкви, то можно предположить, что это произошло до лета 1073 г. — времени закладки храма. Не описана преп. Никоном в летописи и смерть преп. Антония, что также можно связать с его отсутствием в городе» (Патерик Киево-Печерский. С. 236, прим. 105).

37. Киево-Печерский Патерик. С. 43-44. «Преп. Феодосий имел огромный авторитет в Киевской земле и за ее пределами. И любое насилие над ним неминуемо снизило бы шанс нового князя закрепиться на престоле. Понятно, что сам ореол святости вряд ли остановил бы Святослава, как не остановил он Изяслава, когда тот разгневался на преп. Антония» (Патерик Киево-Печерский. С. 236, прим. 103).

38. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (1-я пол.), с. 553-554. «Не упоминаем уже о том, что в делах... гражданских епископы зависели от князей. Так, когда в 1208 г. великий князь Всеволод Владимирский, огорченный непокорностью рязанцев, повелел их город сжечь, а самих всех отвезть в свою столицу, он пленил и епископа их Арсения, который и содержался во Владимире четыре года, пока не был отпущен со всеми рязанцами. В 1229 г. Ростовский епископ Кирилл имел с кем-то тяжбу пред князем Ярославом и вследствие княжеского суда, происходившего «на сонме», у епископа было все отнято... Кирилл, страдавший тогда тяжкою болезнью, перенес судебный приговор с благодарностию Богу и, оставив кафедру, принял схиму в Димитриевской Суздальской обители» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 400).

39. Літопис руський. С. 139; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. М., 1991, с. 24.
40. Патерик. С. 8. Здесь явно прослеживается связь с первоисточником — «Летописцем старым Ростовским».
41. Киево-Печерский Патерик. С. 43-44.
42. Патерик. С. 70.
43. Там же. С. 82.
44. Літопис руський. С. 171, прим. 3 (из «Истории российской» В.Н.Татищева).
45. Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 22-23.
46. Літопис руський. С. 145, 141-142; Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1, с. 290-292; Густинская летопись // ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2. с. 281. «У Татищева к данному году добавлены еще два фрагмента, относящиеся к Печерской лавре: о поставлении в Новгород епископом преп. Никиты и о смерти преп. Ефрема» (Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври. С. 71; Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 2, с. 151-169).
47. Киево-Печерский Патерик. С. 137.
48. ПСРЛ. Т. 2, с. 284. Рассказ Патерика о преп. Григории Чудотворце «происходит из авторской редакции «Повести временных лет». В Густинской летописи под 1093 г. помещен очень сокращенный вариант... Это свидетельство, вместе с «наукой», данной преп. Прохором Лебедником князю Святополку, — один из самых ярких рассказов преп. Нестора, который воспевал высший статус святой лавры перед мирской властью... Необходимо отметить, что такие события, как жестокое и немотивированное убийство святого инока и скорая смерть Ростислава после этого, не могли не произвести впечатления на киевлян, которые считали это Божие наказание совершенно справедливым» (Патерик Киево-Печерський. С. 257, прим. 3).
«Слово о полку Игореве» также откликнулось на гибель Ростислава. «Не тако ли... река Стugna, худу струю имея, юношу князя Ростислава затвори на дне при темнем берегу. Плачется мати Ростислава по юноше...» (Слово о полку Ігоревім / Упоряд. та приміт. О.Мишанича. К., 1989, с. 56).
49. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. С. 31. Мстислав умер от стрелы в ночь на 12 июня 1099 г.
50. Патерик. С. 153. О скрупулезности и правдивости печерских историков говорит тот факт, что они подробно пишут даже о такой детали, как цена на соль: «Прежде драго продаваху, по две головажни на куну, ныне же по 10...» (Там же. С. 152). О «соляной блокаде» см.: Исаевич Я.Д. Солеварна промисловість Підкарпаття в епоху феодалізму // Нариси з історії техніки. К., 1961, вип. 7, с. 99-101; Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М; Л., 1951, т. 1, с. 340; Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. С.-Пб., 1866, с. 71.
51. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1, с. 328-329.
52. ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 287-288.
53. Миняя. Май. Издание Московской Патриархии. 1987, с. 146.
54. Літопис руський. С. 161; Жиленко І.В. Літописні джерела... С. 37.
55. Преподобный Феодор Студит. Огласительные поучения и завешание. М., 1896, с. 339.
56. Бахрушин С.В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937, кн. 2, с. 69; Курданов А. Село Пакуль на злам століть. Чернігів, 1996, с. 10-11; Фроянов И.Я. Церковно-монастырское землевладение и хозяйство на Руси XI-XII вв. // Проблемы общественной и всеобщей истории. 1973, вып. 2.
57. Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. С. 224. «Определяя место монастырей в социальной структуре Руси XI-XIII вв., необходимо отметить, что они являлись формой социальной организации людей, которые, следуя христианским идеалам, отказывались от принятых в светском обществе норм жизни. Эти коллективы решали разные задачи: от приготовления своих членов к загробной жизни до создания образцовых хозяйств, обеспечивающих их сельскохозяйственными продуктами и изделиями ремесла. На монастырях лежала и социальная функция призрения нетрудоспособных (организация больниц, домов инвалидов и пр.). Хозяйственная деятельность становилась необходимой функцией монастыря, когда он вырастал из малой обители в крупную общину... для обеспечения общины средствами существования. Наряду с сельскохозяйственным производством монастыри, как, напр., Киево-Печерский, занимались и торговыми операциями» (Щапов Я.Н. Церкви в Древней Руси // Русское православие: веки истории. С. 46).
58. Літопис руський. С. 271. «Скорее всего... упомянутые волости Ярополк при жизни приписал к Дмитриевскому монастырю, вместе с которым они и были подарены Анастасией Печерской обители — возможно, от имени покойного отца» (Дегтярьов М.Г., Реутов А.В. Михайлівський Золотоверхий монастир. С. 26; Лебединцев П.Г. Дмитриевский монастырь, устроенный в Киеве великим князем Изяславом Ярославичем, его судьба и местность // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. К., 1879, кн. 1, с. 30).
- Глеб Всеславич после смерти в 1101 г. отца унаследовал Минск, став первым удельным князем этого города. В отличие от воинственного Всеслава, он не был удачлив в походах. Ему пришлось защищать свой удел от алчного Святополка, который в феврале 1105 г. послал своего воеводу Путятю Вышатича с дружинами князей Владимира Всеволодовича, Олега Святославича и Давида Всеславича (родного брата Глеба) на Минск с целью смирить отпрыска ненавистных ему Брючславичей. Однако тогда Минскому князю удалось отстоять город. Неприязнь между Святополком и Глебом имела своей причиной не только давнюю вражду Всеслава с Ярославичами, но и, вероятно, обиду, нанесенную Киевским князем Печерскому монастырю. Игумен Иоанн, находясь в ссылке в Турове, мог общаться с владельцем соседнего княжества, да и Глеб мог приезжать к узнику для духовных бесед. В 1116 г. Глеб, пытаясь расширить свой удел, пошел на дреговичей* и сжег г. Слуцк. Княживший тогда в Киеве Владимир Всеволодович Мономах выступил в поход против смельчака (часть земли дреговичей принадлежала киевскому «столу») и обложил Минск. «И заперся Глеб в городе, а Владимир начал сооружать лагерь свой напротив города. Когда увидел это Глеб, ужаснулся он сердцем. И стал просить пощады... Владимир тогда

*Дреговичи — восточно-славянский союз племен, обитавших между р. Припятью и р. Западной Двиной, на территории нынешней Беларуси (в центр. и зап. части).

сжалился, видя, что в святые дни Великого поста проливается кровь, и дал ему мир. Глеб же, выйдя из города с детьми и женой, поклонился Владимиру. И договорились они о мире, и Глеб дал обещание во всем слушаться Владимира» (Літопис руський. С. 176, 160). В.Татищев пишет, что Глеб не оставил намерения пополнить минский удел новыми землями и вторгся в волости Новгородщины и Смоленщины (История Российская. Т. 2, с. 222). В 1117 г. «вывел Владимир из Минска Глеба Всеславича» (Літопис руський. С. 178) в один из его удельных городов, а в 1119 г. окончательно низложил беспокойного вассала, отправив в Киев. Это, видно, так повлияло на впечатлительного и эмоционального Глеба, что он в том же году заболел и умер «месяца сентября в тринадцатый день» (Літопис... Там же), оставив трех сыновей: Ростислава, Володаря и Всеволода. Его супруга Анастасия Ярополковна провела во вдовстве почти сорок лет и скончалась в январе 1158 г. Унаследованное ею имущество Ярополка, а также других Изяславичей она пожертвовала Печерской обители, в которой нашла вечное упокоение рядом с мужем. Синописис отмечает: «Сия благочестивая княгиня со своим князем великую имела любовь к обители Пресвятой Богородицы Печерской и к преподобным отцем Печерским и много от имения своего даяше еще при животе своем, ревно наследуя благоверному князю Ярополку, отцу своему, яже вда в сию свою отчину Неблску волость и Деревенскую и Луцкую и около Киева, а по животе своем она, княгиня Анастасия, отда и села со всем имением своим и скоты в обитель Киево-Печерскую» (Киевский Синописис. К., 1823, с. 78-79). Над могилой кн. Анастасии до XVII в. стояло надгробие с надписью: «Глеба Всеславича князя Киевскаго супруга, дщерь Князя Ярополка Изяславича, после супруга своего въ четыредесять летъ скончася, и купно съ нимъ во главахъ преподобного Феодосія положенна, лета 6666 (1158) іаннуар д. 3 ноци часа 11» (Максимович М.А. О надгробиях в Печерском монастыре//Киевлянин. 1840, с. 143).

«В 1998 г., во время археологических раскопок в южной части древнерусского нартекса Успенского собора, сразу под полом XIX ст. было обнаружено пять саркофагов. Их исследования позволили установить, что устроены они были одновременно и создавали единый погребальный комплекс, сильно поврежденный взрывом 1941 г. В саркофагах находились останки 17 человек: 13 взрослых (четыре женщины и девяти мужчин), подростка и трех детей. Поскольку, по данным источников, именно в этой части храма находилась гробница Феодосия, то в найденных саркофагах, возможно, сохранились и остатки погребения Глеба Всеславича и его жены» (Чумаченко О. Образи з минулого. С. 22; Івакін Г.Ю., Балакін С.А. Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. К., 1998, с. 78, 79). Многочисленность останков позволяет сделать предположение, что в лавре нашли упокоение и другие представители рода Всеславичей, в частности родственники преподобной Евфросинии Полоцкой, приходившейся племянницей князю Глебу (См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2, т. 3, с. 65, 323; Петров П.Н. История родов русского дворянства. С.-Пб., 1886, с. 12-13).

Что касается отца Анастасии, князя Ярополка Изяславича, убиенного 22 ноября 1087 г. под Звенигородом, то он умер в покаянии и добром исповедании. Чувствуя глубокую вину за отступничество в вере, он «...молил Бога всегда, говоря: «Господи, Боже мой, Иисусе Христе! Прими молитву мою и дай мне такую смерть, какую дал Ты братьям моим Борису и Глебу — от чужих рук. Да омою я все грехи своей кровью и избавлюсь от суетного мира и сети вражией». Ярополк действительно претерпел мученическую смерть: «Пронзил его проклятый убийца Нерядец, дьяволом наущенный и злыми людьми. Князь Ярополк лежал в санях, а он с коня саблей проткнул его...» Летописец отмечает его добродетельный нрав и прилежание к Печерской обители: «Кроткий, смиренный, братолюбивый и нищелюбивый, он десятину давал ежегодно от всех доходов своих и хлебов святой Богородице Печерской» (Літопис... С. 126-127). На печати Ярополка Изяславича изображена Богоматерь Оранта — Нерушимая Стена.

59. Літопис руський. С. 171. См.: Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992, с. 84.

60. Златоструй. С. 166-168. О философском и литературном наследии Владимира Мономаха см.: Протопопов С. Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху // ЖМНП. 1874, февраль, ч. 171, с. 231-292; Данилов В.В. «Октавий» Минуция Флафия и «Поучение» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1947, т. 5, с. 97-107; Лихачев Д.С. 1) Етическа система на Владимир Мономах //Език и литература. 1966, № 4, с. 1-16; 2) «Шестодневът» на Йоан Екзарх Български и «Поучението» на Владимир Мономах // Лихачев Д.С. Големият свят на руската литература. София, 1976, с. 536-539; 3) Сочинения князя Владимира Мономаха // Лихачев Д. Великое наследие. М., 1979, с. 141-161; Сто русских философов / Сост. и ред. А.Д.Сухов. М., 1995, с. 45-50. Мать Владимира, византийская принцесса Анастасия-Мария, была дочерью Константина IX Мономаха. См.: Флоря Б.Н. К генезису легенды о «дарах Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989, с. 185-188. Перечисление в «Поучении» исихастских добродетелей («затворничество... монашество... пост» и т. д.) позволяет нам увидеть, что князь не только был подлинно воцерковленным человеком, но и сам практиковал некоторые аскетические упражнения, ведя подвижнический образ жизни.

61. Оксюк И.Ф. Первые столетия христианства на Руси и латинский Запад // БТ. 1987, № 28, с. 205.

62. Літопис руський. С. 150, 158; ПВЛ. С. 153-167.

63. Літопис руський. С. 166-167.

64. Лихачев Д.С., Вагнер Г.К., Вздорнов Г.И., Скрынников Р.Г. Великая Русь. М., 1994, с. 200.

65. Літопис руський. С. 174.

66. Там же. С. 170.

67. Патерик. С. 11-12.

68. Рапов О.М. Русская Церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988, с. 296; Воронин Н.Н. Социальная топография Владимира XII-XIII вв. и «чертеж» 1715 г. // Советская археология. 1946, вып. VIII, с. 168; Георгиевский В.Т. Город Владимир на Клязьме. Владимир, 1927, с. 9; Воронин Н.Н. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1965, с. 15.

69. Густинская летопись // ПСРЛ. Т. 2, с. 279.

70. Патерик. С. 82-83, 11, 118; Літопис руський. С. 100, 109, 127; Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 443-444, 455-457, 531; Приселков М.Д. История русского летописания XI — XV вв. Л., 1940, с. 18-20; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 102; Рыбаков Б. Первые века русской истории. М., 1964, с. 98; Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 53; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. М., 1984, с. 63-65.

71. Літопис руський. С. 134-135, прим. 10.

72. Літопис руський. С. 126-129, 170, 180; Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые. Т. 9, с. 25; Грушевський М. Історія України-Руси. Т. III, с. 380; Луговий О. Визначне жіноцтво України. Торонто, 1942, с. 36-38; Патерик. С. 58.

73. Брюсова В.Г. К атрибуции произведений живописи домонгольского времени. «Ярославская Оранта» («Богоматерь Знамение») // Русское искусство XI-XIII веков. М., 1986, с. 80; Успенские М.И. и В.И. Заметки о древнерусском иконописании. Известные иконописцы и их произведения: 1) Св. Алимпий; 2) Андрей Рублев. С.-Пб., 1901; Логвин Г.Н. Легендарный художник // Знання та праця. 1970, № 8, с. 17; Почтовый А., протоиерей. Преподобный Алипий — первый русский иконописец // ЖМП. 1989, № 8, с. 20-22.

74. По гипотезе А.А.Шахматова, Сильвестр был составителем второй редакции ПВЛ (Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916, т. 1, с. II, X — XXI, XXVI — XXVII). Это мнение разделяет большинство исследователей. Характер и объем редакторской работы Сильвестра остается неясным — предшествующая, первая редакция ПВЛ (Несторова) не сохранилась. М.Д.Приселков пишет о том, что Сильвестр переработал заключительную часть ПВЛ, от статьи 1093 г., так как она «оказалась враждебной... новому киевскому князю Мономаху, давнему политическому противнику Святополка» (Приселков М.Д. История русского летописания. С. 42). По версии М.Приселкова, Сильвестр в угоду Мономаху сократил ряд известий о взаимоотношениях Святополка с Киево-Печерским монастырем, добавил в статью 1097 г. рассказ Василия об ослеплении Святополком князя Василька Тербовльского (в этом рассказе киевский князь представлен крайне отрицательным персонажем) и т. д. Многие не согласны с Приселковым. М.Х.Алешковский считал Сильвестра простым переписчиком (Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971, с. 49-52). По мнению Л.Мюллера, Сильвестр — редактор ПВЛ, доведший ее изложение до 1115 г., а место приписки, прерывающей текст статьи 1110 г., в которой идентифицировано имя летописца, — результат дефекта списка, легшего в основу текстов второй редакции (Müller L. Die «dritte Redaktion» des sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967, s. 171-186).

А.Г.Кузьмин выдвинул гипотезу, что Сильвестр был учеником Феодосия Печерского и что приписка под 1051 г. принадлежит ему, а не Нестору («...Азь приидохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя леть ми сущю 17 от роженья моего»). Исследователь приписывает Сильвестру значительный объем редакторских добавлений и, в частности, статьи по истории Киево-Печерского монастыря, утверждая, что статьи под 1051, 1074, 1091 и некоторые другие принадлежали его авторству (Кузьмин А.Н. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 155-167).

«Из позднейших летописцев наиболее яркий по литературной манере и специфичный по мировоззрению — летописец, принадлежавший к традиции Десятинной церкви и работавший в начале XII в. «ученик Феодосия». Последнего неосновательно отождествляют с Нестором... Нестор-агиограф располагал совершенно иным запасом фактических сведений, отличался языком и мировоззрением от всех летописцев, представленных в Начальной летописи. Если он и писал летопись, то явно другую. «Учеником Феодосия» мог быть Сильвестр — сначала игумен Выдубицкого монастыря, а затем Переяславский епископ. Запись Сильвестра имеется в конце «Повести» в составе Лаврентьевской летописи, а рассказ о «знамени» над Печерским монастырем под 1110 годом мог быть записан именно в Выдубицком монастыре» (Златоструй. С. 36-37).

75. РНБ. Собр. Погодина, № 1931, л. 157, 19 мая; Маркелов Г. Святые древней Руси. С. 77.

76. Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври XI-XIII ст. С. 41.

77. Літопис руський. С. 193, 323, прим. 7.

78. Слово о полку Игоревім. С. 18.

79. Літопис руський. С. 100, 101, 111, 114, 121; Патерик. С. 45, 126.

80. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 276-277. Список князей и княгинь, принявших монашеский постриг, можно продолжать. Это князья Судислав (1063), Игорь (1146), Святослав Киевский (1194), Всеволод Мстиславич (1195), Давид Смоленский (1197), Владимир Всеволодович (1227), Давид Муромский (1228), Мстислав Мстиславич (1228) и другие. Постриглись княгиня Мария Казимировна, дочь польского короля (1179); Евфросиния, супруга Всеволода Чермного (1206); супруги: Смоленского князя Давида (1197), Киевского князя Рюрика (1206), Галицкого князя Романа (1213), Владимирского князя Константина (1218), князя Святослава Мстиславича, внука Даниила (1228) и др. (БТ. 1990, № 30, с. 254). Добродетелями прославился Галицко-Волынский князь Ярослав Осмомысл († 1188), ревновавший о благоустройстве в своем крае правой веры и заботившийся о просвещении. «Изученный многим языкам и наукам», он помогал создавать при монастырях училища. Галицко-Волынский князь Владимир «бысть книжник великий и философ, якоже не бысть по всей земли. Он со епископы и игумены встречаяся часто, со многим смирением беседоваше от книг». Он усердно приобретал богослужебные и богословские рукописи, а многие книги переписывал собственноручно: Евангелие, Апостол, Молитвослов, Служебник, Жития святых, Деяния мучеников и пр. (Ипатьевская летопись // ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 218, 219, 222, 223). См.: Служба Всем святым, в земли Российской просиявшим. М., 1946; Служба преп. Евфросинии Полоцкой // Служба преп. отцам Печерским К.: Изд. КПЛ, 1900, с. 264; Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915; Слюсарев Д. Церкви и монастыри, построенные в Киеве князьями, начиная с сыновей Ярослава, до прекращения киевского великокняжества // ТКДА. 1892, № 1.

Летопись под 1113 г. пишет о смерти настоятельницы киевского Лазарева монастыря: «В сей же год преставилась игуменья Лазарева монастыря, святая жизнью своей, месяца сентября в 14 день, прожив шестьдесят лет в монашестве, а от рождения девяносто лет и два» (Літопис... С. 172; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 4). Где располагался Лазарев монастырь, неизвестно. Топоним говорит о возможной причастности к его созданию выдубицкого игумена, а затем Переяславского епископа Лазаря. В таком случае можно предположить, что ктиторм его был все тот же Всеволод Ярославич. Располагаться он мог неподалеку от Красного двора в Выдубичах, в близком соседстве с Киево-Печерской обителью. Если от 1113 отнять 60, выйдет, что подвизаться в монашестве эта безымянная подвижница начала в 50-х гг. XI в., т. е. в то же время, когда на Русь из Афона пришел преподобный Антоний и основал свою пещерную лавру. Как и Антония, мы видим лазаревскую игуменю последовательницей исихазма, принесенного на Русь именно из Афона. Возможно, она была духовной дочерью преподобного Антония. Монашеская жизнь праведницы могла начаться в Свято-Николаевском монастыре, куда авва направлял женщин, жаждущих спасения.

81. Літопис руський. С. 146. См. статью под 1096.

82. Патерик Киево-Печерский. С. 317-318. Густинская летопись пишет: «В се лето многочисленныя войны и междоусобия постигли Изяслава Киевского, поскольку он смуту внес среди духовенства. Потому Бог и не благословил ему долго на княжении сидеть» (ПСРЛ. Т. 2, с. 299).

Прекрасный комментарий к данному историческому событию дает Ирина Жиленко. «В русской, а вслед за ней и в украинской историографии принято ставить избрание Климента в один ряд с аналогичным деянием Ярослава Мудрого в 1051 г. и видеть в этом значительную победу национальной церковной партии... Однако общая ситуация в Украинском государстве в 1051 и в 1147 гг. была совсем несхожей. Ярослав Мудрый со своими епископами действовал в интересах всей Руси. Он возвел на митрополию человека, который фактически был к тому времени руководителем церкви, имел необходимые для этого авторитет и образование. Избрание Илариона было осуществлено в согласии с каноническими правилами, изложенными в Номоканоне, и абсолютно законно.

...Совсем другие обстоятельства сопровождали избрание Климента. Изяслав использовал подъем национально-патриотических сил не в интересах Руси, а исключительно в собственных. Как можно предположить, он не дал епископам, которые съехались (кстати, далеко не в полном составе) в Киев, свободно избрать митрополита, поскольку в таком случае им стал бы если не св. Нифонт, то, по крайней мере, кто-то из епископов или влиятельных игуменов. Однако князь санкционировал избрание малоизвестного человека — схимника Климента, который был его духовником, а значит, должен был представлять в церкви интересы его рода. Понятно и то, что подтолкнуло его к этой идее, — в XII ст. право избрания епископов в Киевском государстве уже в основном находилось в руках местных феодалов... И лишь митрополия еще оставалась достаточно независимой от княжеских междоусобиц. Тут определенную позитивную роль играл именно тот момент, который во времена единой Руси был фактором негативным — избрание и поставление митрополита в Константинополе. В то время это позволяло киевскому архиерею хоть до какой-то степени занимать независимую позицию... Но в данной ситуации закономерная попытка освобождения от греческой опеки неминуемо приобретала характер политического фарса.

...Епископы согласились с требованиями князя касательно личности митрополита... Нигде в летописном тексте не видно, чтобы кто-нибудь из них (даже св. Нифонт) выступил против самого избрания или опротестовал право епископского собора избирать митрополита. Несогласие вызвал следующий шаг князя и Климента — не просить от патриарха поставления и благословения. Именно этот шаг и поставил Климента вне церковно-канонических законов православной церкви. Конечно, константинопольский патриарх вряд ли согласился бы на поставление желаемого кандидата, но, как говорилось выше относительно Илариона, он при этом сам бы допустил неканоническое деяние. В таком случае этот вопрос еще мог бы впоследствии быть решенным в пользу Руси и стать началом той практики, которая впоследствии существовала на Украине вплоть до второй половины XVII в. Однако действия Изяслава и Климента привели к тому, что получение реальной независимости нашей церкви от греков было отброшено еще на сто лет» (Патерик Киево-Печерский. С. 315-317).

Отрицательное отношение к нарушению канонов на соборе 1147 г. и принятие как канонического собора 1051 г. выразилось «в безоговорочном занесении во все восточнославянские списки митрополитов Илариона и в отсутствии в большинстве из них Климента Смолятича» (Там же. С. 183). См.: Полонська-Василенко Н. Історія України. К., 1995, т. 1, с. 153; Томашівський С. Історія Церкви на Україні // Записки ЧСВВ. Т. IV, вип. 1-2. Жовква, 1932, с. 151; Назарко І. Митрополит Клим Смолятич і його послання. Філадельфія, 1952; Полонська-Василенко Н. Клим Смолятич, митрополит Київський // Віра й культура. Вінніпег, 1953, ч. 1, 2.

83. Ипатьевская летопись пишет: «...Изяславъ же то слышавъ, посла къ Володимиру Давыдовичю и къ Святославу Олговичю, и къ Святославу Всеволодовичю, Белгородского епископа Феодора и Печерскаго игумена Феодоса...» (ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 38-39). О переговорах 1150 г. Ипатьевская летопись сообщает: «...Володимиръ... еха къ Святой Богородици Печерской манастырь... Кіане же убо явъшесе Володимера Галичскаго, уведоша князя Георгія въ Кіевъ. Георгій же седе въ Кіеве, съимася съ Володимеромъ въ Печерскомъ манастыри, и сътвориста любовь межю собою велику...» (Там же. С. 51-52). Игумен Феодос грек (1142-1156) сменил на настоятельстве Пимена Постника (1132-1141), который возглавлял обитель после смерти игумена Тимофея, преставившегося в 1132 г. (Патерик Киево-Печерский. С. 286).

84. Полонська-Василенко Н. Історія України. С. 153.

85. Літопис руський. С. 276.

86. Киево-Печерский Патерик. С. 175-176. Архимандрит Поликарп сменил на настоятельстве игумена Акиндина I (1156-1164) (Патерик Киево-Печерский. С. 286).

Преподобный Поликарп «смолоду был приближен к князю Святославу Ольговичу. Будущий игумен, тогда еще молодой «попин», он вел хозяйственные записи, принимал участие в дипломатических миссиях. Жил вместе со Святославом в Новгороде, где тот княжил. Позднее сопровождал его в разных землях. В 1146 г. он вместе с братом Святослава Игорем, будущим святым, находился в Киеве и описал все события, связанные с коротким княжением последнего. Около 1156-1163 гг. постригся в Киево-Печерском монастыре. По благословению игумена Акиндина, продолжил печерское летописание (эти летописные материалы, доведенные до начала 70-х гг. XII ст., сохранились в составе Киевского свода 1198 г.). Около 1164-1165 гг. избран игуменом. В 1168-1169 гг. возглавляет борьбу киевского духовенства против митрополита Константина II. Имя преп. Поликарпа связано с богословской дискуссией о необходимости поста в среду и пятницу, если на них приходятся большие церковные праздники. Киевский митрополит Константин наложил на него епитимию на Рождество 1168 г., которое как раз совпало со средой. Был любимым духовником великого киевского князя Ростислава Мстиславича (1159-1167 гг., с перерывом), который даже собирался постричься в его обители. Прославился как добрый пастырь, наставник и утешитель людей, поэтому в его правление Печерский монастырь постоянно становился местом княжеских крестоцеловальных присяг (как в мае 1167 г.), да и сам настоятель выезжал к своим духовным детям в разные места Русской земли. При правлении Поликарпа обитель пострадала во время нападения на Киев Андрея Боголюбского (9-12 марта 1169 г.). Вероятно, что от его времен появилась ставропигальная грамота об автономии Печерского монастыря, наделении его титулом «лавра» и статусом великокняжеской ставропигии. По официальной версии, монастырь получил титул лавры и великокняжеской ставропигии в 1159 г. при настоятеле Акиндине. Ставропигальная же грамота, которая якобы была копией дарованной когда-то этим князем и текст которой сохранился в Константинополе, является, без сомнения, грубой поздней подделкой. Однако можно допустить, что печеряне... имели у себя аутентичную информацию, которая вела их именно к Боголюбскому... Память преподобного Поликарпа 24 июля и 28 сентября» (Дива печер лаврських. С. 61-62).

«После некоторого перерыва, где-то в 50-х гг., появляется новая печерская летопись, которая охватывала 1141-1171 гг., а может быть, доходила и до 1182 г. Эта летопись была выделена в составе выдубицкого извода 1200 г., более известного как

Киевская летопись, Б.А.Рыбаковым. Впрочем, по мысли этого же исследователя, полный текст произведения находился и в руках составителей Никоновского извода. Автором летописи был архимандрит Киево-Печерский Поликарп, а инициатором возобновления летописания, возможно, его предшественник на архимандрии Акиндин I... Преп. Поликарп был весьма заметной исторической фигурой XII ст. На протяжении двух десятилетий он принимал участие во всех церковных событиях того беспокойного времени. С его именем связывают получение Киево-Печерской лаврой ставропигии» (Патерик Киево-Печерский. С. 195).

87. Житие святого благоверного великого князя Ростислава-Михаила Киевского (Память его празднуется месяца марта в 14-й день) // Русские святые воины. М., 1999, с. 33-34.

88. Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 73.

89. Літопис руський. С. 289. В «Похвале» князю Ростиславу Мстиславичу — памятнике XII в. (РНБ. Q. XVI. 15, л. 468 об. — 469) князь назван «треблаженным и святым». Имя Ростислава было включено в «Книгу о российских святых» XVII в. Однако официальной канонизации он не получил. Я.Н.Щапов относит Похвалу к смоленским памятникам. См.: Сумникова Т.А. «Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви» в кругу других смоленских источников XVII в. // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973, с. 128-146; Щапов Я.Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. 1974, т. 28, с. 47-59.

90. Літопис руський. С. 291-292.

91. Там же. С. 293. Помощь игумена Поликарпа понадобилась и князю Глебу Юрьевичу, когда через два года, в 1170 г., умер его родственник, князь Владимир Андреевич. «И послал Глеб игумена святой Богородицы Печерского монастыря Поликарпа... в Вышгород, веля отправить Владимира в Киев» (Там же. С. 297).

92. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 334-336.

93. Там же. С. 336. Митрополит «запретил бе» Поликарпа (ПСРЛ. Т. 1, стб. 354). Церковное запрещение еще не означает, что осуждение Поликарпа простиралось до тюремного заключения. Так считает А.Поппэ (Митрополиты Киевские и всея Руси (988-1305 гг.) // Щапов Я.Н. Государство и Церковь древней Руси X-XIII вв. М., 1989, с. 199, прим. 7). Впрочем, этим многолетние споры о посте в среду и пяток не закончились: «...предки наши, имея порядки отличные от порядков константинопольских, воспротивились введению у себя этих последних. Относительно мотивов сопротивления мы не имеем прямых указаний... Со всей вероятностью следует думать, что таким мотивом было не нерасположение предков наших к посту, ибо человек, подобный Поликарпу, игумену печерскому, действовал, конечно, не по сему побуждению... Из других объяснений вероятнейшим представляется нам следующее: предки наши... приняли от греков или, может быть, от болгар порядок относительно поста среды и пятка; впоследствии этот порядок оказался несогласным с порядком константинопольским; но предки наши... хотели твердо держаться порядка своего собственного, наследованного от отцов и имевшего за себя голос их отечественных авторитетов. Разумею слова преп. Феодосия Печерского в послании к великому князю Изяславу: «Егда ся приключить въ среду или въ пятокъ Господьскій праздникъ либо святей Богородици или 12 апостол, то ежь мясо» (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 470). «Но мнение митрополита... как утвержденное еще прежде вселенским патриархом Лукой Хрисовергом и принятое в Церкви греческой, мало-помалу сделалось господствующим и в русской Церкви остается донныне» (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 336).

94. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании главнейших ее деятелей. С. 47.

95. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 295.

96. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен... Кн. 3, с. 160-161. Этот прецедент был очень опасен. Если бы план Владимиро-Суздальского князя удался, то разделение Руси произошло бы задолго до татарского нашествия. К счастью, могущество Андрея Боголюбского было не настолько неоспоримым, чтобы нанести Киевской митрополии этот губительный удар. Всего через сто лет отделиться от митрополии захотят Галицко-Волынские князья «вопреки народному недовольству. Что, действительно, стремление к политической обособленности Юго-Западной Руси было одной из главнейших причин искания Галицией церковной самостоятельности, то это показывает, по словам Н.Тихомирова, и конечный результат всех попыток к церковному обособлению Галиции, кончившихся, как известно, отделением ее вместе с Киевом и Литвой... в 1458 г.» (Вертоградов В.С. Православная Церковь в Галиции // БТ. 1990, № 30, с. 273; Тихомиров Н. Галицкая митрополия. С.-Пб., 1896, с. 22).

97. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании главнейших ее деятелей. С. 50. «До этого времени было принято аналогично поступать только с чужеземными городами» (Гумилев Л.Н. От Руси к России. С. 87). О разорении Киева см.: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 100; Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку // Там же. М., 1962, т. 1, с. 354-355.

98. Літопис руський. С. 303. В этой войне опустошения, причиняемые соотечественниками друг другу, были особенно жестокими. «И как только пришли они в землю их, много зла учинили: села взяли и пожгли, и людей посекали, а женщин и детей и имущество забрали, и скот взяли, и подошли к городу. Новгородцы же заперлись в городе с князем Романом и крепко бились с городских стен... И настал мор великий среди коней и в войсках, и ничего не смогли они сделать городу. И вернулись назад, и едва до своих домов добрались пешие, а другие с голоду померли. И не было еще столь тяжкого похода людям сим, а некоторые из них даже конину ели в Великий пост» (Там же). Грандиозное поражение войск Боголюбского было явным наказанием Божиим за разорение в 1169 г. Киева, когда единокровные чада в безумии осмелились поднять руку на свою Мать — столицу Киевской Руси, купель крещения государства, город Пресвятой Богородицы.

99. Государственная Третьяковская Галерея: Каталог собрания. С. 60; Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2, с. 107-108; Смирнова Э.С. О местной традиции в новгородской живописи XV века. Иконы с избранными святыми и Богоматерью «Знамение» // Средневековое искусство: Русь. Грузия. М., 1978, с. 193-211; Татич-Джурич М. Икона Богородице Знамения // Сборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1977, вып. 13, с. 4.

100. Благоеяния Богоматери роду христианскому чрез Ея святые иконы. М., 1891, с. 548-549; Хрушов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI-XII ст. К., 1878, с. 129-130; Дмитриев Л.А. 1) Житийные повести русского Севера как памятник литературы XIII-XVII вв. Л., 1973, с. 95-148, 281-284; 2) Сказание о битве новгородцев с суздальцами // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2, с. 347-351.

101. «Слово великаго князя Андрея Боголюбскаго о милости Божией» // Забелин И.Е. Следы литературного труда Андрея Боголюбскаго // Археологические известия и заметки. М., 1895, № 2-3, с. 45-46; Воронин Н.Н. Археологические заметки // Кратк. сообщ. Ин-та ист. мат. культуры. 1956, вып. 62, с. 17-32; Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, с. 232-249; Филипповский Г.Ю. «Слово» Андрея Боголюбскаго о празднике 1 августа // Памятники истории и культуры. Ярославль, 1983, вып. 1, с. 75-84.

102. Воронин Н.Н. Сказание о победе 1164 г. над болгарам и празднике Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. статей к 70-летию акад. М.Н.Тихомирова. М., 1963, с. 88-92; Филипповский Г.Ю. Художественно-документальные жанры владимирской литературы 60-х гг. XII в. // Вест. МГУ. Филол. 1979, № 4, с. 37-44.

103. Фет Е.А. Слова на Покров // Словарь книжников. Вып. 1, с. 421; Георгиевский Г.П. Русский ли праздник Покров // ЧОЛДП. 1893, т. 11, с. 626-639; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1 (2-я пол.), с. 403, прим. 1; с. 404, прим. 4; Александров А. Об установлении праздника Покрова Пресвятой Богородицы в Русской церкви // ЖМП. 1983, № 11, с. 69-72.

104. Татищев В.Н. История Российская... Кн. 3, с. 160-161.

105. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 296-297; Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризостом: (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // Византийский временник. 1962, т. 21, с. 29-50.

106. Татищев В.Н. История Российская... Кн. 3, с. 160-161.

107. ПСРЛ. С.-Пб., 1843, т. 2, с. 107. Ипатьевская летопись ошибочно подает эту информацию под 1174 г. См.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 188-189.

108. «Любопытно, что титул архимандрита в приложении к игумену Печерской обители впервые упомянут в том же 1171 г., как и митрополит Михаил, только что прибывший из Византии. Это дает право думать, что князю Андрею удалось одновременно добиться увольнения митрополита Константина и освобождения Печерской обители от власти митрополита и клириков Софийских, а вопрос о poste в среду и пятницу оставить в форме старой практики» (Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 404). И.Жиленко пишет: «Мы, однако, не склонны так высоко оценивать роль Андрея, поскольку заслуга утверждения украинской канонической практики, как и печерской независимости, принадлежала сначала духовенству, и в первую очередь самому Печерскому монастырю — его святости и влиятельности. Однако не возникает сомнений, что в событиях конца 60-х — начала 70-х гг. XII ст. Печерский монастырь и Андрей выступали как союзники, хотя их собственные интересы были достаточно разными. А значит, Залесский князь мог иметь отношение к борьбе Печерского монастыря за ставропигию» (Патерик Киево-Печерский. С. 322-323).

Я.Н.Шапов считает, что учреждение архимандрии явилось инициативой княжеской власти (Шапов Я.Н. Государство и Церковь. С. 159-160). А.Поппэ, наоборот, видит в титуле архимандрита патриаршее пожалование, которое было даровано летом 1171 г. через новоприбывшего митр. Михаила (Поппэ А. Митрополиты Киевские и всея Руси (988-1305 гг.) // Шапов Я.Н. Государство и Церковь. С. 199-200). Т. обр., мнение большинства исследователей сводится к тому, что ставропигия была получена лаврой в 1171 г., а не в 1159 г., как утверждается в т. наз. грамотах Боголюбского, копии с которых дошли до наших дней. Что касается личности Феодорца, то упоминание о его печерском происхождении содержится в Никоновой летописи (Русская летопись по Никонову списку /Имп. АН. С.-Пб., 1767-1792, ч. 2, с. 184, 206). «Белоклобучником» его называют: Новгородские и Псковские летописи. С.-Пб., 1848, т. 4, с. 12. Летописцы трактуют низложение Феодорца как следствие воли Самой Богоматери, Которую он прогневал тяжкими грехами. В статье под 1172 г. читаем: «В сем же году чудо новое сотворил Бог и святая Богородица во Владимире, городе Суздальском: изгнал Бог и святая Богородица Владимирская злого и коварного и горделивого лжеца, окаяннаго... Феодорца из Владимира, из святой Богородичной церкви Златоверхой и всей земли Ростовской. Не захотел сатана благословения от Бога, удалился от Него (Пс. 108,17). Так и этот нечестивец не захотел оказывать послушания христоролюбивому князю Андрею Юрьевичу, велевшему идти ему на поставление к митрополиту Константину в Киев. Не захотел — и тем паче Бог не восхотел его и святая Богородица, — низринул Бог его из земли Ростовской. Ибо когда хочет Бог покарать человека, тогда отнимает от него ум. Так же и над этим учинил Бог: отнял ум у него. Ибо князь... добра ему хотел, а сей не только не взял постановления от митрополита, но и церкви все во Владимире закрыл, и ключи церковные забрал. И не было звона и пения во всем городе и в соборной церкви, где чудотворная икона Матери Божией пребывает и другие Ее святыни. К ней же, иконе сей, все христиане со страхом обращаются за помощью и утешением, имея Ее заступницей и принимая исцеления душам и телесам своим, — и эту церковь он посмел закрыть. И потому Бога прогневал и святую Богородицу — и в тот же день был изгнан, месяца мая в 8 день, в праздник святого Иоанна Богослова. Ибо много пострадало людей от него во времена его епископства — и сел лишились, и оружия, и коней. А другие подверглись заточению, и ссылке, и грабежу. Не только к простым людям, но и к монахам, игуменам и иереям немилостив был сей мучитель... А се мы написали, да не похищают некоторые святительский сан — лишь призванные Богом могут восходить на него» (Літопис руський. С. 299-300).

Феодорец, как свидетельствует летопись, возводил хулу на Господа и Пречистую Богородицу. Перед этим был замечен в еретических высказываниях его предшественник епископ Ростовский Леон. Летопись говорит: «Вста ересь леонтианская» (Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 150; Ипатьевская летопись // Там же, т. 2, с. 91). Однако, в отличие от Леона, Феодорец был более упорен и последователен, излагая свои взгляды в книгах. В.Н.Татищев свидетельствует: «...и проклинали (т. е. анафематствовали. — Авт.) его собором, а книги, написанные им, на торгу перед народом сожгли».

Если Феодорец был действительно когда-то насельником Киево-Печерского монастыря (что не так уж и маловероятно, ведь смог же он потом получить должность настоятеля суздальского Димитриева подворья), то судьба его во многом схожа с судьбой Поликарпа, автора Патерика, который в молодости страстно домогался, с помощью княжеской казны, епископского сана, «аще... и до 1000 сребра расточити». Вспомним, как обличал его епископ Симон: «Ты... не чернечьскыи живещи. Велика срамота обдержити мя тебе ради... И кто помилуеть тя, самому себе погубившу?.. Не буди лживь... собора церковнаго не отлучайся... Печерський бо манастырь море есть и не держит в себе гнилого, но измещеть вонь... Люте тебе: погубил еси душу свою!» (Патерик. С. 100-101). Лишь искреннее, полное покаяние спасло «убогого инока» (Патерик. С. 99) от душевной гибели, более того, возвело к истинному богоугождению. Феодорец же, к сожалению, — может быть, за неимением такого духовного отца, как святитель Симон, — повторил драму диакона Евагрия, во исполнение Симоновых слов, обращенных к Поликарпу: «...Не избавят тебе муки черныя ризы» (Патерик. С. 99).

109. Літопис руський. С. VII.

110. Кирилл Туровский. Послание к Василию, архимандриту печерскому, XII столетия // Творения святых отцов в русском переводе с прибавлениями духовного содержания. М., 1851, ч. 10, кн. 4, с. 341. Архимандрит Василий упоминается наравне с архиереями и под 6705 (1197) г. при описании освящения главного храма Юрьевского викариатства Киевской митрополии — церкви св. Апостолов в Белгороде, на котором присутствовали митрополит Никифор, Юрьевский епископ Адриан, архимандрит Василий «и прочии игумены и черноризьци и презвутеры и все священницкий чин» (Жиленко І.В. Літописні джерела до історії Києво-Печерської лаври. С. 51).

111. Буслаев Ф. Илья Муромец // Памятники древней русской литературы и народной словесности / Издание тринадцатое, дополненное и исправленное академиком А.И.Соболевым. М., 1917, с. 230.

112. Там же. С. 230, прим. 5.

113. Там же. С. 232, прим.

114. Там же. С. 233, прим.

115. Там же. С. 244.

116. Там же. С. 250-251.

117. Дива печер лаврських. С. 56. См.: Ильичева Н. Преподобный Илья Муромец. (К 800-летию со дня преставления) // ЖМП. 1988, № 8, с. 70).

118. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981, С. 50.

119. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести. М., 1979, с. 210.

120. Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. М., 1977, с. 190-191. Об Илье Муромце см.: В каком веке жил Илья Муромец? // Максимович М.А. Соч. в 3-х т. К., 1876, т. 1; Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. С.-Пб., 1896; Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. С.-Пб., 1882; Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М., 1956, т. 1; Илья Муромец // Серия «Литературные памятники». М.; Л., 1958, № 22.

121. Юдин Г. Тридцать лет и три года. Чудесное исцеление Ильи Муромца. М., 1998, с. 6-9. Репродукция с древнего образа Ильи в сер. XIX в. была напечатана В.В.Стасовым в Известиях Русского археологического общества, вып. 2. Средневековые иконописные подлинники изображают преподобного Илью Муромца как черноризца: «Сед, в клобуке, риза преподобническа, а почивает в пещере Киевской» (РНБ. Собр. Погодина, № 1931, л. 84, 24 декабря); «Надсед, брада Феодосиева, разохата, на плечах клобук черн» (БАН. Строгановское собр., № 66, л. 319, «левые страны», 53-й). Анатомы отметили в поясничном отделе тела Ильи искривление позвоночника вправо и явно выраженные дополнительные отростки на позвонках, затруднявшие движения богатыря в молодости вследствие ущемления нервов спинного мозга. О том же, кстати, повествуют былины, отмечая, что «тридцать лет сиднем сидел Илья и не имел в ногах хождения». Возраст быллинного богатыря специалисты определили в 40-50 лет плюс 10 лет ввиду его специфического заболевания. Рост преп. Ильи был 177 см, «а в XII ст. это был рост высокого человека. Кстати, такой рост богатыря не противоречит былинам, ведь Идолище Поганое даже насмеялось над невысоким ростом Ильи. Гребни, горбатости, шершавости и отростки на костях богатыря являются показателями сильно развитой мышечной системы... Погребение святого относится к XII ст. Ученые не исключают возможности, что Илья Муромец мог с детства перенести страшный недуг — паралич обеих рук и ног, ибо остатки мускулатуры ног богатыря были атрофированы в сравнении с мускулами торса. Об этом свидетельствуют и дополнительные наросты на позвоночнике, которые, вероятно, ущемляли нервные окончания и влияли на подвижность. Антропометрические и морфологические исследования подтвердили, что Муромец не принадлежал к монголоидному типу людей, как считалось ранее, а его выступающие скулы являлись следствием перестройки костной ткани при очень специфической болезни, которой хворал Илья — акромегалитическом синдроме, при котором у людей наблюдается значительная физическая сила» (Скарби Києво-Печерської лаври. С. 68). По методу реконструкции лица известного антрополога М.М.Герасимова ведущим специалистом в этой области, криминалистом и скульптором С.Никитиным был воссоздан скульптурный портрет Ильи Муромца. По мнению Сергея Хведчени, «портрет мастеру явно удался. В нем воплощение спокойной силы, мудрости, великодушия и умиротворения. В его глазах нет раскаяния, он бился за правое дело и недаром прожил жизнь. Сильные руки богатыря опираются не на булатный меч, а на монашеский посох, как символ последних лет его жизни, проведенных в монастыре» (Интересная газета. К., №4, 1997).

Впрочем, телосложением Илья Муромец действительно отличался от обычных людей. Он был «ладно скроен и крепко сбит» — косая сажень в плечах, как говаривали в старину. Феноменальная сила богатыря передалась по наследству и его далеким потомкам — роду карачаровских селян Гуциных, которые вполне могли, как их великий предок, в прошлом веке сдвинуть груз, который был не под силу и лошади» (Юдин Г. Тридцать лет и три года. С. 8-9).

122. Эмильдеш Н. За помощью к святым. К 2000-летию Христианства // Одесские известия. 23.06.1999 г. См.: Дива печер лаврських. С. 40-45. «Так же, как повествуется в народных рассказах, святой имел высокий рост, чрезвычайную силу (исключительное развитие мышечной системы), но смолodu страдал заболеванием позвоночника, что даже привело к некоторой функциональной перестройке организма (утолщению свода черепа, увеличению размеров кисти сравнительно с длиной плеча и предплечья). Преп. Илья Муромец имел несколько регенерированных переломов ребер и правой ключицы, а смертельным для него стало проникающее ранение грудной клетки каким-то плоским колючим предметом (копьем?). Такое же повреждение видим на внутренней стороне левой руки (сквозное ранение?)» (Там же. С. 90). Мартин Груневег, доминиканский монах, посетивший лавру в конце XVI — нач. XVII в., описал мощи святого Ильи, называя его «великаном» (Исаевич Я. Мартин Груневег та його опис Києва. Мартин Груневег. Славнозвісне місто Київ // Всесвіт. 1981, № 5, с. 211). Эрих Лясота, дипломат немецкого посольства, побывавший в Киеве приблизительно в это же время, пишет об Илье: «Есть здесь также один великан, или богатырь, который зовется Чоботком; говорят, что на него напали, когда он одевал чобот, много врагов, и поскольку он в спешке не смог схватить никакого оружия, то начал защищаться другим сапогом, которого еще не одел, и победил им всех, за что и получил свое прозвище» (Сборник для исторической топографии Киева и его окрестностей. П. К., 1874, с. 18). Московский священник Иван Лукьянов, останавливавшийся в Киеве в 1701 г., рассказывает: «Поидохом в Антониеву пещеру и ту... видехом храброго воина Илью Муромца, в нетлении под покровом златым, ростом яко нынешние крупные люди; рука у него левая пробита копьем, так что всю язву видно, а правая изображает крестное знамение» (Православная богословская энциклопедия. С.-Пб., 1904, т. 5, с. 861).

Одно из княжеских погребений в Софийском соборе Эрих Лясота ошибочно атрибутировал как могилу Ильи: «В другом приделе, с внешней стороны церкви, была гробница Ильи Муровлянина; он был знатный герой или, как говорят, богатырь. Рассказывают о нем немало побасенок. Гробница его ныне осквернена, но такая же гробница его товарища еще цела в этой же часовне» (Сборник для исторической топографии Киева и его окрестностей. С. 17).

Историк лавры Афанасий Кальнофойский, прекрасно знавший местные легенды и предания, утверждал, что преп. Илия был печерским иноком и погребен был именно в пещерах. Если бы легенда о софийском погребении имела место, он обязательно упомянул бы об этом в своей «Тератургиме» (Teraturgima. К., 1638, с. 16).

123. Дива... С. 67-68. «...Особенно разительным является впечатление от мощей Тита Воина. На своде его черепа, а именно на левой теменной кости, находится сквозное повреждение веретенообразной формы, размером 4x1,5 см. От переднего края травматического поражения отходит сросшаяся линия перелома в виде небольшой бороздки, то есть ясно, что эта рана не стала причиной немедленной гибели» (Там же. С. 88).

124. БАН. Строгановское собр., № 66, п. 316, «левые страны», 19-й.

125. Кенигсбергская летопись / Библ. Российской истории. Ч. 1. С.-Пб., 1767, с. 300. «...Смелый Роман, отвергнув предлагаемое покровительство папы, скоро показал свою независимость и перед поляками. Роман Мстиславич, как самодержец всей Руси, решил предупредить замыслы папы и поляков, воспрепятствовать проникновению на Русь католичества, изгнать поляков из русских пределов и оградить Русь от наплыва папских миссионеров. Он собрал войско со всей Руси, Литвы и Подлясья и пошел войной на поляков, угрожая не только изгнать ляхов из русских пределов, но и в самой Польше истребить имя латинян и их обряд. Он достиг бы этого, если бы не был коварно убит поляками, внезапно нападшими на него во время начатых переговоров под Завихвостом в 1205 г.

С устранением греческого патриархата в Цареграде папа Иннокентий III издал свое послание ко всему духовенству и мирянам на Руси. В 1227 г. папа Гонорий III писал ко всем русским епископам, приглашая их принять унию. С этих именно времен римские первосвященники для достижения желаемой цели стали отправлять на Русь не только своих легатов, но также большое число миссионеров из монахов доминиканского и францисканского орденов... Наконец, в 1234 г. на самых границах Руси в г. Опатове возникло католическое епископство под названием русского» (Вертоградов В.С. Православная церковь в Галиции // БТ. 1990, № 30, с. 264).

126. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годами). М., 1851, с. 106.

127. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2, с. 306.

128. Вокруг света. 1994, №1. По версии С.Хведчени, период жизни Ильи — с 1148 по 1203 гг.

129. Рюрик Ростиславич // Котляр М.Ф. История України в особах: Давньоруська держава. С. 155.

130. ПСРЛ. С.-Пб., 1846, т. 1, с. 163, 186; т. 3, с. 16; Великая Русь. С. 200.

131. Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку // ПСРЛ. М., 1962, т. 1, стб. 439, 442, 447, 452, 454; Летопись русский. С. 400; Співієць Мітуса // Котляр М.Ф. История України в особах: Давньоруська держава. С. 213-217.

132. Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку // ПСРЛ. М., 1962, т. 1, стб. 454.

133. Буслаев Ф. Слова Серапиона, епископа Владимирского // Памятники древней русской литературы и народной словесности. С. 108-109. Отметим, что бедствие 1230 г. было «самым сильным из всех, известных на сегодняшний день, землетрясением в Киеве» (Патерик Киево-Печерский. С. 222, прим. 5).

134. Тальберг Н. История Русской Церкви. С. 40. Из местнотимых подвижников того времени известны также князь-мученик Игорь Ольгович, князь Всеволод-Гавриил Псковский, преп. Авраамий Смоленский — духовный последователь заветов преп. Феодосия Печерского, преп. Евфросиния Полоцкая, св. Авраамий, мученик болгарский. Все они не имели официальной канонизации.

135. Ісієнко Ю.А. Патерик Києво-Печерський... С. 36-37. «Если взаимоотношения латинского Запада с... Русью отличались в XII в. эпизодическими стараниями отдельных представителей католичества закрепиться в некоторых городах Киевского государства, то XIII в. был временем широкого, общего наступления на Русь латинского Запада. Эта борьба происходила под внимательным руководством римской курии, где распространение католичества на просторах Руси тесно связывали с борьбой католического Запада за религиозно-политическую власть над всем православным Востоком, начиная с Византии. ...Духовенство и народ Византии не теряли надежды освободиться из-под неволи латинства и господства западных завоевателей-крестоносцев. В 1261 г. императору Михаилу VIII Палеологу удалось изгнать крестоносцев из Константинополя. С падением Латинской империи завершился период иноземного господства над Византией — один из чернейших в ее истории. В то же время, имея надежду впоследствии утвердиться на необозримых просторах Руси, латинский Запад в XIII ст. выступает вдохновителем и организатором «крестовых походов» на земли соседних народностей на северных и северо-западных рубежах Руси — зиллов, ливов, летов, куронов, эстов и др. В дополнение к местным крестоносцам — немецким рыцарям — в 1202 г. был создан новый военно-монашеский орден, которому папа Иннокентий III дал устав палестинского ордена «храмовников». Их называли «меченосцами», потому что на белых плащах у них был нашит красный крест и меч. Жестокий в своих набегах на северо-западные русские земли был тевтонский орден «братьев Святой Марии», с которым слился орден меченосцев после разгрома его 22 сентября 1236 г. в битве под Шауляй. В 1227 г. папа Григорий IX обращается «ко всем королям Руси»... Вообще, булла эта не имела на Руси никаких последствий, и наши источники о ней совсем не говорят» (Оксиюк И.Ф. Первые столетия христианства на Руси и латинский Запад // БТ. 1987, № 28, с. 206-208).

136. Патерик. С. 124.

137. Толстой М.В. История Русской Церкви. С. 98.

138. Буслаев Ф. Памятники древней русской литературы. С. 278-279.